

Серия
«РУССКИЙ ПУТЬ»

И.А. ИЛЬИН: PRO ET CONTRA

*Личность и творчество Ивана Ильина
в воспоминаниях, документах и оценках
русских мыслителей и исследователей*

Антология

Издательство
Русского Христианского гуманитарного института
Санкт-Петербург
2004

И. И. Евлампиев

**ОТ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА
К ФИЛОСОФИИ ПРАВОСЛАВИЯ:
ДОСТИЖЕНИЯ И НЕУДАЧИ ИВАНА ИЛЬИНА**

1

В жизни и творчестве Ивана Александровича Ильина (1883—1954) с удивительной наглядностью проявились некоторые характернейшие черты русской философской традиции, причем в большей степени ее глубокие противоречия и неудачи, чем достижения и успехи. Впрочем, в силу определенных причин, о которых речь пойдет ниже, точно такое же преобладание неудач над успехами и явная противоречивость философских исканий может быть обнаружена и у многих других русских мыслителей. Ильин в этом ряду отличается только тем, что благодаря присущей ему «страстности» он более наглядно и остро выразил и эту общую особенность, и некоторые другие важные общие черты русской философской традиции.

Чрезвычайно характерно уже происхождение Ильина — его отцом был присяжный поверенный, губернский секретарь Александр Иванович Ильин, а матерью — Екатерина Юльевна Ильина (урожденная Каролина Луиза Швейкерт), сочетание русских и немецких культурных корней привело к тому, что Ильин прекрасно говорил по-немецки, великолепно знал немецкую философию и все первые и самые интересные свои работы посвятил оригинальной интерпретации идей известных немецких мыслителей — Штирнера, Фихте, Шлейермахера и Гегеля. В своей личной судьбе Ильин в миниатюре воспроизвел ситуацию, характерную для русской культуры XVIII—XIX веков, восприняв все основные формы из Западной Европы (в первую очередь из Германии), она сумела наполнить их оригиналь-

ным содержанием и стала совершенно самостоятельной и достаточно влиятельной традицией в рамках общеевропейской культуры. Аналогичный культурный синтез осуществляли в своей личной судьбе многие русские философы: Франк и Шестов сочетали русскую православную традицию с традициями еврейской культуры и иудейской религиозности, Эрн — с традициями шведской, польской и немецкой культур, Степун, как и Ильин, — с традицией немецкой философии. Причем во всех этих случаях сочетание было достаточно плодотворным, существование «на стыке» культур обеспечивало необходимый динамизм, помогало быстро найти основу для движения вперед, к самобытности и оригинальности.

Однако и в этом контексте Ильин, безусловно, выделяется как особенно парадоксальная (*парадоксальная* в своей *характерности*) фигура: несмотря на свои немецкие корни и безусловную склонность к немецкому стилю философствования, он в эмиграции стал одним из самых ярких и радикальных сторонников «русской идеи», основанной на убеждении в особом историческом пути России и особом значении русского православия как единственно верного религиозного мировоззрения, призванного вывести человечество из политического, социального, культурного и духовного кризиса.

Для русских философов очень важное значение имела общественно-политическая составляющая их мировоззрения, поскольку именно ради и определенного представления о пути «усовершенствования» общества и создавались самые оригинальные концепции русской философии. И в этой составляющей Ильин дает пример радикальных колебаний и внутренних противоречий. В молодости он по некоторым свидетельствам был близок к самым крайним формам политического радикализма, в том числе, возможно, разделял большевистскую идеологию. В качестве косвенного доказательства этого факта, помимо свидетельства Е. Герцык *, можно упомянуть факт участия в большевистской организации его брата, Алексея Александровича Ильина (умершего в 1913 г. в С.-Петербурге от брюшного тифа). Согласно сохранившимся документам, Алексей Ильин вступил в РСДРП осенью 1905 г. и состоял начальником боевой железнодорожной дружины во время вооруженного восстания в Москве в 1905—1906 гг. **

* См. наст. изд., с. 67.

** См.: Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903—1938). М., 1999. С. 149—152.

Однако очень скоро — возможно, как раз в результате осмысления революции 1905 г. — Иван Александрович покидает позицию политического радикализма и превращается в яркого и достаточно известного теоретика русского либерализма. Он с энтузиазмом встречает Февральскую революцию, активно включается в политическую борьбу ради демократического завершения революции и создания в России свободной парламентской республики. После победы большевиков он становится их активным противником, сторонником белого движения, а в эмиграции завершает путь, ведущий в лагерь крайне правых, консервативных сил и оказывается главным идеологом крайних мер в борьбе с Советской Россией и коммунизмом ради восстановления монархии. На этом пути он даже пережил увлечение фашизмом, в котором увидел политическую силу, способную эффективно противостоять большевизму и коммунизму: Ильин искренне восхищался политикой Муссолини и в 1933 г. приветствовал приход к власти Гитлера в Германии.

Наконец, в своей творческой деятельности Ильин демонстрирует столь же удивительные контрасты и противоречия. Начав свою философскую работу в сугубо академическом, «немецком» стиле, он уже в 1910-е годы пришел к оригинальной системе идей, предвосхитившей представления о человеке, характерные для западного экзистенциализма. В 20-е годы он написал самую «эмоциональную» и дискуссионную книгу русской философии XX века (выдерживающую в этом контексте сравнение с первым «Философическим письмом» Чаадаева и «Вехами») — «О сопротивлении злу силою», которую можно рассматривать как наиболее яркий и содержательный пример «русского» стиля философствования. После этого Ильин почти целиком посвящает себя публицистике, разоблачению «сатанинской» природы коммунизма и пропаганде христианских ценностей, на основе которых должно произойти ниспровержение большевистского режима в России и восстановление христиански обоснованной культуры. Поздние философские труды Ильина в большей степени нацелены на теоретическое обоснование его публицистики, чем на поиски новых подходов к традиционным философским проблемам. По степени оригинальности они не выдерживают никакого сравнения с работами зрелого периода, написанными в 1910—1925 гг. Итоги ильинского творчества столь же противоречивы, как и творческий путь философа. Среди произведений Ильина есть и работы, достойные встать в один ряд с лучшими философскими трудами XX века, — это прежде всего книги «Философия Гегеля как учение о конкрет-

ности Бога и человека» и «О сопротивлении злу силою», — и многословно-утомительные построения в духе «православной философии», которые мало чем отличаются от аналогичных произведений других русских мыслителей, вряд ли имеющих сейчас большое философское значение.

Характерно, что именно Ильин в наши дни удостоился почти полного собрания сочинений (в настоящее время вышло уже более 20 томов), в котором представлен весь спектр его творений — от известнейших теоретических работ до коротких публицистических заметок. Как ни странно, публицистика Ильина, написанная «на злобу дня», сегодня оказывается столь же интересной и востребованной, как и его философские труды, написанные «в перспективе вечности». Это свидетельствует о том, что даже сегодня мы еще не можем однозначно определить место Ильина в развитии русской философской и общественно-политической мысли, в то время как это уже стало возможным по отношению к его более известным современникам — С. Франку, Н. Бердяеву, С. Булгакову и др. Нам еще долго предстоит осваивать огромное интеллектуальное наследие, оставленное Ильиным, и искать точные оценки для его идей и концепций, часто входящих в явное противоречие друг с другом.

2

У многих крупных мыслителей в начале их творческой биографии мы находим своеобразный период «бури и натиска», отмеченный особым интеллектуальным, творческим горением и часто сопряженный с социально-политической активностью*. Для русских мыслителей, никогда не признававших (за редким исключением) философию чисто академическим, «кабинетным» занятием, наличие такого периода является почти безусловным правилом. Можно вспомнить чрезвычайно выразительную и очень популярную в начале XX века статью С. Булгакова «Иван Карамазов как философский тип», где автор прямо утверждает (противопоставляя русский и западный стили философствования), что самое главное для русских философов — не строгость и последовательность в развитии исходных мета-

* В этом и в последующих разделах использованы результаты работы, проделанной в рамках программы, поддержанной Министерством образования РФ (грант по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук № Г02 1.1–220).

физических принципов, а своеобразное *настроение*, связанное с переживанием самых острых проблем и трагедий своего народа. Именно поэтому в молодые годы почти все яркие русские философы не могли удержаться в рамках строгой академической философии и причудливо сочетали ее с другими формами творческой и социально-политической деятельности. Не случайно в конце XIX и в начале XX века в России такой невероятной популярностью пользовались труды К. Маркса и Ф. Ницше. Ведь при всем несхождении этих мыслителей их объединяла одна важная черта: оба пытались доказать, что философия — это не чистая наука, а особая и, может быть, самая действенная форма преобразования общества и человека. «Философы только и делали, что объясняли мир, а дело состоит в том, чтобы преобразовать его», — заявляет Маркс. «Я динамит, который должен взорвать Европу», — вторит ему Ницше. В России эти слова были поняты буквально, и ради более быстрого движения к идеальным целям философствующие субъекты, помимо интеллектуального «динамита», пытались закладывать в несовершенное (как им казалось) общественное здание и вполне реальный динамит.

Здесь уместно обратить внимание на сохранившиеся в воспоминаниях Н. Н. Алексеева и Л. Я. Гуревич свидетельства о том, что Ильин в студенческие годы хранил у себя бомбы, предназначенные для террористических актов*. Чтобы понять, насколько эти свидетельства правдоподобны, достаточно вспомнить, с какой страстью Ильин в эмиграции призывал к борьбе с советской властью в России — вплоть до террористических актов, диверсий и вооруженного восстания. Вряд ли в молодые годы он был менее деятелен и страстен в борьбе с самодержавным строем, который ему, как и огромному множеству русских интеллигентов начала XX века, представлялся воплощением реакции и социального порабощения. Впрочем, в отличие от большинства своих современников, вступивших на путь философского познания в конце XIX — начале XX века, Ильин не стал активным сторонником марксизма. Достаточно быстро преодолев юношескую болезнь политического радикализма, он превратился в последовательного приверженца и теоретика либерально-демократической идеологии. Причины такого резкого изменения системы ценностей достаточно очевидны — это увлечение немецкой классической философией, и особенно филосо-

* См.: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1993—1999. Т. 1. С. 9.

фией Фихте, идейным центром которой был принцип абсолютности человеческой личности.

Да и вообще основной вектор интересов молодого Ильина был четко сориентирован в сторону классической западной культуры и западной философии, в то время как большинство его современников, увлекшихся марксизмом (С. Булгаков, Н. Бердяев, П. Струве, С. Франк и др.), соединяли это увлечение с идейными традициями русской культуры (славянофилы, Достоевский, Л. Толстой и т. д.). В раннем творчестве Ильина влияние последних традиций почти незаметно. О его «западничестве» свидетельствуют многочисленные фрагменты его писем, где он говорит о своих интеллектуальных занятиях. В одном из писем к В. И. Герье (27 апреля 1916 г.) Ильин пишет: «Теперь начал читать и с особым интересом прочел Шопенгауэра “Афоризмы о житейской мудрости”... Наслаждался “Золотым ослом” Апулея, и особенно Овидием. Немного скучаю над “Эмилем” Руссо, холодно удивляюсь Байрону, предвкушаю Паскаля и Шафтсбери» *. Как мы видим, в этом списке нет ни одного русского автора.

Быть может, самым важным свидетельством, дающим «внутренний» портрет Ильина в молодые годы, является его переписка с двоюродной сестрой, Любовью Яковлевной Гуревич (1866—1940), которая с 1891 г. совместно с А. Л. Волинским редактировала журнал «Северный вестник», а в начале XX века стала заведовать отделом в журнале «Русская мысль», возглавлявшемся П. Б. Струве. Письма Ильина позволяют видеть, как он постепенно преодолевает в себе настроенность на внешнюю активность, имеющую яркую социально-политическую окраску, и осознает, что главное измерение человеческой деятельности лежит в духовной сфере, во «внутреннем» жизненном опыте личности. В одном из писем он противопоставляет героический бунт, направленный «вовне», на общепринятые ценности, невидимому, но гораздо более значимому акту «внутреннего» героизма, имеющему целью раскрытие своей собственной значимости как неповторимой личности. «Есть высшее, святейшее, для миллионов недостигаемое самозаклание; — патетически взывает Ильин к своей двоюродной сестре в письме от 16 сентября 1907 г., — о нем молчат все, ибо они его не знают; они кричат, что спокойная кабинетность есть сытость, — и потому кричат они это, что спокойствие есть для них синоним физической малоподвижности, а героизм — отказ от физиче-

* См.: *Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903—1938).* М., 1999. С. 103.

ской сытости. Не понять двумерному — трехмерного, как нам не ухватить идеи четвертого измерения. Пусть их! Но не уходи от этого самозаклания! Так, как ты уходила в эти два года. И каждый раз, как мы встречались, я живо чувствовал, что тебе не до себя и уж подавно не до меня. Ибо я оторвался от служения неиндивидуальному (т. е. конечно: не индивидуальному *непосредственно*) и не мог найти тебя *в нем*; а *в тебе* — я тебя не находил. И каждое свидание давало мне большое ощущение того, что ты ушла от непосредственно-индивидуального, и наполняло меня бунтом, бунтом вообще, против принципа, против начала, ибо индивидуальное *единственно и невосстановимо* в своей прекрасности, ибо — неповторяемость конкретного всегда наполняет ужасом человека (в этом тайна “прошлого”, тайна смерти), неповторяемость же прекрасного, дорогого мне прекрасного, — наполняет меня страданием» *.

Эти слова 24-летнего Ильина чрезвычайно показательны, в них проступают черты человека, ощущающего себя своего рода пророком, учителем — если и не для «народов», то хотя бы для отдельных людей; он явно пытается наставлять свою сестру (которая была старше его на 17 лет!), доказывает ей, что она изменяет своему подлинному духовному предназначению, призывает ее к какому-то более активному внутреннему «деянию». Одновременно здесь очень ясно высказано убеждение, которое в дальнейшем станет центром философского творчества Ильина. Ставя выше всего неповторимость и бесконечную, невыразимую конкретность личной индивидуальности, Ильин подчеркивает трагизм общения даже с самым близким человеком, невозможность чаемой и необходимой реализации полноты идеала общения. В письмах к Л. Гуревич, близкому в духовном плане к Ильину человеку, постоянно встречаются рассуждения об этом идеале и о его недостижимости. Эта тема и эти рассуждения Ильина на страницах самых откровенных его писем дают ключ ко всему его раннему философскому творчеству. Все его работы 1910-х годов с внешней стороны посвящены достаточно академичным проблемам, традиционным для начинающего мыслителя, осваивающего все богатство истории философии и расставляющего свои акценты в классическом философском наследии. Однако за замысловатыми интерпретациями идей Штирнера, Шлейермахера, Фихте и, наконец, Гегеля без труда угадывается стремление решить все ту же проблему — понять, как возможно постижение другой личности во всей ее «непов-

* Наст. изд. С. 176.

торяемой бесконечности» и как можно приблизиться к идеалу общения личностей.

Чуть позже мы подробно проанализируем, каким образом Ильин решает эту проблему в своих философских трудах, а сейчас еще раз подчеркнем важнейшую особенность его философских исканий: несмотря на всю свою внешнюю тяжеловесность и академичность, они были глубоко укоренены в непосредственном жизненном опыте философа, и выводы, которые обосновывались в них, были необходимы ему для подтверждения системы ценностей, определявших весь строй жизни, каждый значимый поступок. В этом смысле *нерасторжимое единство философии и жизни* являлось самым важным принципом Ильина, позволяющим причислить его к ряду самых ярких представителей экзистенциальной философии XX века.

Значимость указанного принципа проявляется, в частности (а, может быть, и в главном), в единстве творческой и жизненной биографии Ильина. Основные положения его теоретических работ непосредственно отражались в его поступках и мыслях, высказываемых в личных письмах, а переживаемый жизненный опыт — от опыта общения с близкими людьми до исторического опыта своего народа и всего человечества — заставлял скорректировать оказавшиеся неверными или неточными теоретические положения. Это позволяет в какой-то степени понять и оправдать странные колебания политических пристрастий Ильина: от увлечения идеями революции — к классическому либерализму, а от него — к фашизму и затем к крайне правому консерватизму. Сохраняя на протяжении всей своей жизни убеждение в абсолютном значении индивидуальности и свободы отдельной личности (что в теории должно вести к принятию идеологии либерализма), Ильин на каждом этапе весьма прихотливой и трагичной истории XX века пытался найти ту форму общественного и государственного устройства, которая наиболее эффективно обеспечивала бы борьбу со злом и с носителями зла.

Здесь мы подходим к еще одному важнейшему принципу мировоззрения Ильина, который, к сожалению, обусловил некоторые отрицательные черты его характера и некоторые ошибочные положения его философской системы. Этим принципом является глубокая убежденность Ильина в наличии однозначной и четко проводимой границы между добром и злом в нашем мире, что вело к своеобразному нравственному максимализму, не признающему «полутонов» и «светотеней» в человеческих отношениях и в нравственной ориентации отдельной личности.

В наиболее явной и последовательной форме этот принцип позже был применен им в книге «О сопротивлении злу силою». Однако, получив в ней детальную теоретическую разработку и будучи совмещенным с рядом других безусловно верных принципов, он потерял значительную долю заключенного в нем ригоризма; в контексте книги он выглядит достаточно оправданным. Но вот в жизненном опыте Ильина и в его поступках он проявился во всем своем отрицательном потенциале.

Уже в упомянутом выше письме 1916 г. к Л. Гуревич чувствуется убеждение Ильина в том, что он обладает неким особым знанием, недоступным простым смертным («миллионам») и делающим его человеком особого, пророческого, предназначения, своего рода «вождем», «водителем» человечества. В более поздних письмах мы находим многочисленные примеры проявления того же самого убеждения. Вот как он описывает в письме от 19 февраля 1915 г., адресованном Л. Гуревич, свой «суд» над В. Ф. Эрном и его статьей «От Канта к Крупну»: «В середине января я обратился с вызовом к Эрну: “Кант и Крупн” должны быть публично обсуждены. Посылаю тебе его фельетон. 29 янв<аря> состоялась грандиозная дезинфекция. Эрн читал доклад о феноменализме, проблема теории познания разбиралась им так: субъект = мужчина; объект = женщина; знание есть соитие между мужчиной и женщиной; это соитие может совершаться различными способами: нормальными и извращенными; теория познания есть “половая онтология”; Кант был евнух и вел флирт с Богом *etc.* Я говорил 1 1/2 часа; я никогда еще никого так не разоблачал, я перервал ему глотку. Когда я кончил и ушел, то у некоторых было впечатление, что от Эрна остался один труп; в эту ночь в нескольких домах (из публики) совсем не ложились спать. А я вернулся домой больной телом и душой; теперь будут бояться» *. И далее в том же письме очень характерные слова, вновь произносимые с пророческой и учительской высоты (речь идет о каком-то общем знакомом Ильина и Гуревич): «Ты прислала мне хорошего, умного и чуткого мальчика. Ему нужен только сознательный *путь*: уверенность в *объективности* “внутреннего предмета” и уверенное *умение* овладевать им; меньше “думать”, больше “смотреть” и “видеть”, и нещадно дезинфицироваться. Говорю это не потому, что рассмотрел его, а потому, что это *всем* нам необходимо, без исключения» **.

* Наст. изд. С. 202.

** Там же. С. 203.

Но самый наглядный и известный (скандально известный) пример публичного проявления этой черты характера Ильина дает история с осуждением им А. Белого в особом «открытом письме», которое Ильин разослал наиболее уважаемым им людям. В 1914 г. А. Метнер опубликовал в издательстве «Мусaget» книгу «Размышления о Гете», содержащую достаточно резкую критику антропософии Р. Штейнера, восторженным поклонником которого был Белый. Эта книга привела к разрыву отношений между Метнером и Белым, однако публичный ответ Белого на высказанную критику последовал только через два с половиной года. Опубликованная им книга «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» и послужила для Ильина поводом к выступлению в защиту «чести и достоинства» Метнера, который был его близким другом*. В своих открытых письмах (первое из которых адресовано непосредственно А. Белому, второе — Е. Н. Трубецкому, попытавшемуся сгладить разгоравшийся конфликт) Ильин возводит частный факт спора Белого и Метнера к глобальной проблеме моральной ответственности и моральной чистоты творцов культуры, «духовных вождей» народа.

Публичное осуждение Белого стало для Ильина не просто поступком, направленным на защиту чести оскорбленного друга, но и актом в защиту достоинства духовной культуры вообще. Позже, уже после того, как страна оказалась в совсем другой, советской, эпохе, Ильин вновь вернулся к этой теме и придавал ей еще большую остроту. Именно в дефектах морального и правового сознания, особенно наглядно проявлявшихся в недостойных поступках «духовных вождей», он увидел главную причину той исторической катастрофы, которая постигла Россию в октябре 1917 г.** В своих поисках истоков революции он в конце концов вынес суровый приговор всей русской интеллигенции, а главным идеологом революции и, значит, одним из непосредственных виновников победы большевизма объявил Л. Н. Толстого (подробнее об этом речь пойдет ниже).

Возвращаясь к истории с осуждением Белого, нужно заметить, что побудительные мотивы этой достаточно экстравагант-

* Ильин находился в близких отношениях и с другими членами семьи Метнера, в первую очередь с Н. К. Метнером, братом Э. К. Метнера, известным композитором и пианистом, которому он посвятил свою работу «Духовный смысл войны» (1915).

** См.: *Ильин И. А.* Основные задачи правоведения в России // *Русская мысль* (Берлин), 1922. Кн. VIII—XII. С. 162—188.

ной акции Ильина можно понять, если обратить внимание на один из важнейших принципов его моральной философии. Во всех своих теоретических работах он постоянно настаивал на абсолютной ответственности каждого человека за все происходящее вокруг него, за все самые значительные и самые ничтожные события истории. Человеческое общество для Ильина — это не просто механическое соединение отдельных индивидов, а органическое целое, в котором каждый человек соединен невидимыми нитями духовного общения со всеми остальными людьми и постоянно влияет на них своими добрыми и злыми поступками. Каждое злое дело является «язвой», поражающей все общество, и, значит, бороться с ним обязан каждый, кто имеет для этого силы; точно так же и каждое доброе дело, даже невидимое для большинства, имеет далеко не частный характер, а «облагораживает» все общество — недаром сказано, что на десяти праведниках город стоит. В этом контексте становится понятной и частично оправданной как категоричность оценок, высказываемых Ильиным в открытых письмах, так и сама решительность в проведении акта осуждения А. Белого. Степень воздействия на общество и его духовную культуру одного из лидеров символизма была слишком велика; это придавало его «злому делу» особую опасность и требовало особенно решительных мер для его пресечения. Именно поэтому Ильин придает своей акции «публично-правовой» характер и, по сути, призывает к духовному остракизму Белого.

Тем не менее, несмотря на «теоретическую» оправданность этой акции, нужно признать, что и в этом, и во многих других поступках Ильина, а еще больше — в его публицистических сочинениях проступают элементы чрезмерной идейной непримиримости, переходящей в нетерпимость*, и во многих случаях это делает его позицию весьма уязвимой. Быть может, наиболее явно это проявилось в категорическом неприятии Ильиным всех новейших направлений современного ему искусства (исключение делалось им только для музыки Н. К. Метнера и повестей И. С. Шмелева). В разряд «пошлого» и «духовно растлен-

* В последнее десятилетие жизни Ильина эта черта его характера настолько усилилась, что привела к тому, что от него отступились даже самые близкие друзья; выразительным документом в этом смысле является письмо к нему Романа Гуля (см. в наст. изд.), в котором последний объявляет о прекращении всех отношений с Ильиным. По иронии судьбы, это письмо удивительно напоминает те бескомпромиссные «открытые письма», которые сам Ильин писал в годы своей молодости.

ного» попадало, в частности, творчество Р. Штрауса, Скрябина, Блока, Вяч. Иванова, Северянина, Пикассо, все «большевистское искусство, начиная с Мейерхольда и кончая Шершеневичем и Маяковским» *, и, конечно же, все сочинения А. Белого. К анализу публицистики Ильина, в 20—50-е годы почти заслонившей для него чисто философскую работу, мы еще вернемся, а сейчас обратимся к его философским трудам 1910-х годов — самым плодотворным и интересным в его творчестве.

3

Как и для многих русских философов XIX—XX веков, для Ильина философия стала не просто профессиональным занятием, но подлинным призванием, подчинившим себе все силы и устремления личности. Может быть, именно поэтому осознание этого призвания пришло не сразу, и первоначально в качестве сферы своей академической деятельности Ильин выбрал юриспруденцию, теорию права. Окончив с золотой медалью классическую гимназию, он в 1901 г. поступил на юридический факультет Московского университета, который закончил в 1906 г. Дальнейшее было традиционным для человека, выбравшего академическую карьеру: на кафедре энциклопедии права и истории философии права Ильин приступает к работе над своей магистерской диссертацией и одновременно (с 1909 г.) начинает активную преподавательскую деятельность как в своем родном университете, так и в других учебных заведениях Москвы.

Безусловно, определяющую роль в судьбе Ильина сыграло то обстоятельство, что на юридическом факультете в те годы блистали два выдающихся представителя русской философской традиции — Павел Новгородцев и князь Евгений Трубецкой, требовавшие от студентов-юристов глубокого знания истории философии и в своей собственной научной работе утверждавшие первостепенное значение философии для решения всех конкретных проблем развития культуры и общества. Ильин стал одним из самых преданных и талантливых учеников Новгородцева (в то время ведущего профессора кафедры энциклопедии права), позаимствовав и развив его главное качество — особое внимание к философским основаниям права и к выведению принципов права из самой духовной сущности человека.

* *Ильин И. А.* Кризис современного искусства // Русский колокол. 1927. № 2. С. 25.

Несомненно, именно Новгородцев привил своему ученику интерес к истории философии, и особенно к немецкой идеалистической философии XVIII—XIX веков, которой Ильин в дальнейшем посвятил свои лучшие работы.

В течение первых трех лет (1906—1909 гг.) своих занятий на кафедре энциклопедии права Ильин работает в двух основных направлениях. В чисто юридической сфере он разрабатывает проблемы государственного права и межгосударственных отношений, в области истории философии его внимание привлекают все эпохи и все системы; в числе выполненных Ильиным в этот период работ — исследования об Аристотеле, Фихте, Шеллинге, Гегеле, Руссо. В 1909 г. Ильин сдал магистерские экзамены и был утвержден приват-доцентом при юридическом факультете. После этого последовала традиционная научная командировка в Германию и во Францию. В 1910—1912 гг. Ильин побывал в университетах Гейдельберга, Фрейбурга, Берлина, Геттингена, где участвовал в семинарах таких известных философов, как Г. Риккерт, Э. Гуссерль, Г. Зиммель, влияние которых было весьма существенным для формирования его собственных философских воззрений. Именно во время этой поездки окончательно определяется тема будущей магистерской диссертации Ильина — исследование философии Гегеля. Причем постепенно от анализа отдельных аспектов гегелевской философии он перешел к разработке целостной и совершенно оригинальной интерпретации всей грандиозной системы немецкого философа.

Однако еще до выхода в свет своего главного труда Ильин публикует ряд работ, доказывающих оригинальность его правовых и философских взглядов. Уже первая крупная работа Ильина, связанная с его непосредственной научной специализацией, юриспруденцией, статья «Понятия права и силы. Опыт методологического анализа» (1910), выходит за рамки чисто юридических определений и подводит к достаточно глобальной проблеме. Право в понимании Ильина оказывается внешним выражением глубинных духовных отношений между людьми, оно есть феномен, связанный с некоей сверхэмпирической сферой, лишь опосредованно и частично проявляющейся в реальности эмпирического мира, в отношениях сосуществующих правовых субъектов. Право для Ильина выступает той сферой, где наглядно прослеживается главное противоречие человеческого существования: *противоречие между бесконечной и невыразимой индивидуальностью личности и духовной общностью людей*. Как мы помним, именно эти два полюса человеческого бытия —

личная индивидуальность и связь личностей в общении — составляют основу не только философско-теоретического, но и жизненно-практического мировоззрения Ильина.

В этом смысле показательно, что следующая его значительная теоретическая работа — «Идея личности в учении Штирнера» (1911) — оказалась посвященной философу, главной заслугой которого было провозглашение абсолютного приоритета индивидуальности. Особое значение эта статья приобретает в связи с тем, что в дальнейшем философские искания Ильина будут основываться на интерпретации гегелевской философии, против ключевых идей которой и выступал Штирнер. Прежде чем приступить к освоению системы Гегеля, Ильину нужно было найти своеобразное «противоядие» против гегелевского духовного «тоталитаризма»; против умаления значения личностного начала в человеке.

В своей статье Ильин утверждает *позитивное* значение штирнеровской концепции человека, подчеркивая новые черты в трактовке личности у Штирнера. Прежде всего это упор на практический, экзистенциальный аспект в понимании личности. Затем — утверждение равной значимости каждого человека; по убеждению Штирнера, каждый является «единственным» и должен стать бесконечно конкретным в своей индивидуальности, никакого единого «абсолютного субъекта», поглощающего отдельные индивидуальности, Штирнер не признает. Впоследствии это убеждение в невозможности свести богатство индивидуальностей к некоторому всеобщему единству будет играть большую роль в трудах Ильина: оно будет обнаружено им в философии Фихте (статья «Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего»), получит своеобразную социально-психологическую интерпретацию в статье «О любезности» и станет итогом метафизики человека в книге «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека».

Большое значение придает Ильин еще одной характерной особенности штирнеровского учения — представлению об абсолютной цельности личности. Эта цельность ведет к тому, что при познании человека необходим не путь анализа, разложения на отдельные элементы, а «путь *непосредственного синтеза*, путь целостного, неразлагающего восприятия личности во всей ее единственности и неповторяемости» *. Отметим, что именно

* Ильин И. А. Идея личности в учении Штирнера (опыт по истории индивидуализма) // Евлампиев И. И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. СПб., 1998. С. 318.

на этом пути Ильин вырабатывает основы своей версии интуитивизма. В отличие от других представителей этого течения (Н. Лосский, С. Франк и др.), очень популярного в русской философии, он приходит к идее интуитивного акта не столько через разработку абстрактных проблем гносеологии, сколько через этику, через своеобразную концепцию человека, в которой главной является проблема взаимопонимания, духовного единения личностей. В опубликованной годом позже статье «О любезности» Ильин, развивая идею «этического» интуитивизма, будет утверждать, что восприятие другого человека есть акт *«художественного перевоплощения в чужую личность»*, в высшем своем проявлении переходящий в «органическое, творческое слияние душ».

Наконец, у Штирнера Ильин обнаруживает очень важную идею о ценности *конкретного*, доходящую даже до утверждения о приоритете *эмпирически-конкретного, иррационального* над рациональным и всеобщим духовным началом. Эта тема также станет одной из ведущих в последующих трудах Ильина. Признание значимости иррационального начала мира он обнаружит в философии Гегеля, и это станет важнейшим элементом оригинальной интерпретации гегелевской системы в работе «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Позднее неустрашимая самобытность эмпирически-иррационального, злого начала будет признана причиной всех противоречий и трагедий человеческого бытия в книге «О сопротивлении злу силою».

Однако, несмотря на то что Штирнер сделал важный шаг на пути к новой концепции человека, оказался в состоянии «понять личность человека как своего рода бесконечность, коснуться бесконечного в человеке»*, он не смог дать глубокого *метафизического* обоснования своим идеям. Необходимо было найти онтологические основания и нашей неповторимости, уникальности, и нашего духовного единства, в рамках которого только и может реализоваться указанная уникальность.

Поисками таких онтологических оснований отмечены четыре работы, опубликованные в 1912 г. (в этом году Ильин вернулся из двухлетней научной командировки в Германию и Францию). Самой крупной из них является статья «Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего». В определенном смысле ее можно считать непосредственным продолжением статьи о Штирнере; в философии Фихте Ильин обнаруживает

* Там же. С. 326.

те самые метафизические основы новой концепции человека, которых так недоставало учению Штирнера. Значение Фихте в истории европейской философии, по Ильину, заключается в том, что он решительно порывает с традицией, в рамках которой человек понимался исключительно как всеобщий гносеологический субъект. Для Фихте человек — это абсолютно конкретный и не сводимый ни к какой всеобщей сущности человеческий дух. Ильин особенно подчеркивает те черты понимания личности у Фихте, которые были обнаружены им и в учении Штирнера: иррациональную, нерасчленяемую конкретность человеческого духа; приоритет практического аспекта в понимании человека; невозможность найти никакого всеобщего начала, «поглощающего» индивидуальные духовные сущности. Однако преимущество Фихте в том, что он не ограничивается описанием важнейших характеристик личности, а пытается представить человеческую сущность как метафизический Абсолют, как божественное начало бытия. В результате учение о человеке перерастает у Фихте в учение о Боге, а точнее — в учение о *Богочеловечестве*. По мнению Ильина, Фихте пересматривает традиционное для европейской философии понимание Бога. Кризис этого традиционного понимания связан с философией Канта, в которой «идея Божества была поставлена в известном отношении наравне с идеей свободы и понятием вещи в себе и должна была поэтому разделить их участь» *. Абсолютное бытие, находящееся *вне* субъекта, есть не более чем формальная абстракция, поэтому Фихте решительно отвергает такую трактовку Бога и тем самым открывает путь к совершенно новому его пониманию. Этот путь — перенесение Бога в недра человеческого духа, обнаружение его в сфере иррациональных основ человеческого бытия (воля, интуиция, совесть): *«Божество есть абсолютное начало, вмещающее свою “реальность” в пределах человеческого духа»* **. Однако, придавая человеку, конкретному человеческому духу значение Абсолюта, Фихте сталкивается с неустранимым противоречием: Бог, Абсолют предстает *количественно разделенным*, растворенным во множестве независимых и ограниченных человеческих духов.

Для того чтобы найти способ преодоления этого противоречия, Ильин в дальнейшем обратится к Гегелю, но прежде он

* Ильин И. А. Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего. Опыт систематического анализа // Евлампиев И. И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. С. 462.

** Там же. С. 463.

создаст оригинальную концепцию «духовной очевидности» («философского акта»), которая и станет центральным элементом всех его последующих философских построений.

Предварительный набросок этой концепции дан уже в небольшой работе «Шлейермахер и его “Речи о религии”», формально являющейся рецензией на русский перевод книги немецкого философа (выполненный С. Франком). Размышляя о содержании религиозной веры, Ильин определяет ее как форму непосредственного интуитивного усмотрения высшей сущности, как «чувствующее восприятие вселенной в ее целом, охватывающее в каждой конечной вещи мира присутствие единого Бесконечного, Божества» *. Но тот же самый интуитивный акт, то же самое «переживание очевидности» лежит в основе всех других форм духовной деятельности человека: научного знания, искусства, морали. «Исследуемый предмет должен быть *подлинно* представлен *в душе* исследующего, не в “сознании” только, где так часто преобладают мертвые мысленные образы и концепции, минутные гости, оторвавшиеся от породившей их души и случайно задержавшиеся в чуждой им среде» **. Противопоставление «души» и «сознания» в этом высказывании подчеркивает иррационально-интуитивный характер акта очевидности, который не сводится к акту мысли. В более поздних работах Ильина акт очевидности будет описываться в единстве его рациональных и иррациональных моментов.

В статье о Шлейермахере Ильин не упоминает философию в числе форм духовной деятельности человека, требующих выполнения акта очевидности. Однако в дальнейшем именно философия становится важнейшей из этих форм. Значение философии состоит в том, что в ней осуществляется наиболее полное и непосредственное приобщение к подлинной духовной реальности. Все остальное в жизни и духовной культуре содержит опыт приобщения к высшей реальности только в частичной, затемненной, искаженной форме и поэтому неизбежно предполагает «просветление», углубление до философского опыта. В связи с этим наряду с понятием акта очевидности Ильин будет использовать как эквивалентные ему понятия «философский акт» и «философский опыт». Только в работах последнего периода творчества они будут вытеснены понятиями «религиозный акт» и «религиозный опыт». Особенно подробно акт оче-

* Ильин И. А. Шлейермахер и его «Речи о религии» // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 103.

** Там же. С. 101.

видности, философский акт, анализируется в трех работах (представляющих собой тексты речей), сведенных Ильиным в книгу «Религиозный смысл философии», а также в двухтомном труде о Гегеле. В своих работах Ильин доказывает, что вводимое им понятие акта духовной очевидности является естественным итогом многовековой традиции европейского рационализма, однако одновременно он очень чутко относится и к новым идеям, утвердившимся в европейской философии в конце XIX века. В результате его концепция духовной очевидности оказывается оригинальным синтезом рационалистической традиции и новейших течений философской мысли, в первую очередь феноменологии и философии жизни, важнейшие принципы которых будут активно использоваться Ильиным при интерпретации гегелевской философии.

Впервые развернутое изложение структуры акта очевидности дается Ильиным в работе «Философия как духовное делание». «Философствующий человек имеет перед своим внутренним взором предмет незримый, неслышимый, нечувственный, не материальный, не существующий в пространстве и не длящийся во времени. Правда, все, что предстоит другим людям, предстоит и ему: и цветы, и реки, и горы, и звезды, и люди; и слово ему звучит, и звук поет ему; и цвета, и линии, и дали говорят его оку. Но философская мысль ищет в явлении *не* явления; она не прельщается видимостью и не успокаивается на *знаке*... В содержании всякого явления и всякого состояния философская мысль видит *духовный смысл* его, полагая в этом духовном смысле свой предмет и в его разумном, *для каждого очевидном* раскрытии — свою задачу»*. Нетрудно видеть, что описание процедуры «очищения» философского опыта точно соответствует идее феноменологической редукции Э. Гуссерля. «Очищенный» опыт, имеющий дело с чистыми смыслами, носит всецело рациональный характер, поэтому Ильин без всяких сомнений относит философию к области научного знания, т. е. подчеркивает *рационально-объективный* характер философского акта, акта очевидности.

Однако указанный рационально-объективный момент акта органично сочетается с *лично-творческим* его аспектом. Несмотря на свое сверхличное, объективное содержание, философский акт является личным по форме. Непременным условием слияния сознания со своим духовным предметом должно

* Ильин И. А. Религиозный смысл философии // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 25—26.

быть «одинокое» творческое усилие личности: «Философ должен сам, одиноким и самостоятельным напряжением воли, внимания, чувства, памяти и мысли *вызвать в себе реальное переживание того предмета*, который он хочет исследовать; он должен предоставить силы своей души для того, чтобы в них осуществилось, стало непосредственно и подлинно наличным то содержание, которое подлежит изучению, познаваемый предмет должен как бы завладеть тканью души и состояться в ней; содержание его должно выступить как бы объективным узором на ткани отдавшейся ему души» *. В данном случае мышление упоминается на последнем месте среди способностей, участвующих в осуществлении акта; личностная его форма предполагает активность тех способностей, которые относятся к иррациональной стороне нашего бытия. Органичное соединение рациональных и иррациональных сторон деятельности сознания в философском акте позволяет характеризовать его как «*интуитивное вхождение духа в исследуемое содержание*» **.

При этом происходит не только *растворение субъекта в Предмете* (этим термином Ильин очень часто обозначает подлинную духовную реальность), но одновременно и *растворение Предмета в субъекте* при сохранении личной индивидуальной самобытности человека. Это означает, что в философском акте человек открывает Бога в себе самом. Здесь Ильин еще раз обращается к философии Фихте и однозначно присоединяется к его религиозной концепции. Фихте, по мнению Ильина, восстановил истинный смысл христианства: «*Божественное раскрывается в пределах самого человека*; оно не вне субъекта, но внутри субъекта: оно есть *сверхчувственный корень человеческого духа*» ***. Не Бог открывается человеку, но сам человек открывает в себе Бога, и это открытие требует предельного напряжения всех духовных сил личности. Характеристиками личностной формы акта очевидности оказываются в человеке свобода, любовь и совесть. Особенно важное значение имеет совесть; в работах 30—50-х годов Ильин будет постоянно подчеркивать иррациональный характер совести, определяемой как «*акт иррациональной духовности, слагающейся из любви к Со-*

* Там же. С. 26.

** Там же.

*** Ильин И. А. Философия Фихте как религия совести // Евлампиев И. И. Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. С. 491.

вершенству и из воли к Совершенству» *. Именно наличие совести в нас указывает на то, что духовный Предмет, Бог, несмотря на свою всеобщность, не растворяет личность «без остатка»; личностное начало неустранимо, фундаментально и поэтому должно непосредственно в своей конечной, единичной форме войти в Божество. Совесть определяет *индивидуальное, неповторимое* отношение к высшему совершенству. Требования совести — это не формально-всеобщий долг, одинаковый для всех людей (наподобие категорического императива Канта), а индивидуализирующая способность, требующая от человека в каждой ситуации конкретного, неповторимого поступка. Поступки разных людей составляют не формальное, но органическое единство, дополняя друг друга в своей индивидуальности. В этом смысле понятие совести является ключевым для *персоналистской тенденции* в философии Ильина.

Личностно-творческий момент в понимании философского акта непосредственно связан с еще одним его аспектом, который можно обозначить как *экзистенциально-ценностный*. Соединение с духовным Предметом требует напряжения всех духовных сил личности, однако оказывается, что и само формирование личности в ее неповторимой индивидуальности возможно только в том же акте соединения с подлинной реальностью, Богом. Уже в статье «О любезности» Ильин развивает оригинальную диалектику общего и единичного, в рамках которой формирование индивидуальности понимается как неотъемлемая сторона процесса «индивидуализирующего общения», предполагает взаимное «растворение» индивидуальностей друг в друге. В более поздних работах она преобразуется в диалектику отношения личности с Богом. Оказывается, что в устремлении к подлинной духовной реальности, в слиянии с Богом, а точнее, в процессе воссоздания в себе Бога, человек только и способен обрести «центр», основу своего неповторимого личностного бытия. В единении с духовным Предметом человек «приобретает уверенное чувство своей *объективной правоты* в главном... упрощает в себе *чувство собственного духовного достоинства*... в его душе возникает *живой центр духовных содержаний*, как бы алтарь или храм личного духа, от которого и к которому движется вся его жизнь» **. Без этого контакта с духовным Предметом жизнь человека является «пошлой», распыленной на

* Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 58.

** Ильин И. А. Религиозный смысл философии. С. 74—75.

отдельные, не связанные друг с другом, поверхностные устремления; наоборот, при его наличии жизнь обретает иррациональную, невыразимую целостность и полноту в каждом своем миге. В этом аспекте концепции духовной очевидности явно проступает влияние идей философии жизни, причем Ильин последовательно развивает эти идеи в сторону своеобразной экзистенциальной онтологии. Переживание жизни не есть только «переживание»; полнота жизни, ее цельность определяют *иррациональную онтологическую основу* бытия человека, через которую он включен в божественную сущность мира.

Провозглашая свободное, личностно-творческое отношение к Богу, Ильин одновременно указывает и на опасность, которая может подстергать на этом пути. Она заключается в возможности эмоционально-психологического самообмана, когда человек принимает за божественное откровение свои эмпирически обусловленные душевные проявления. Чтобы избежать этой опасности, необходимо, несмотря на личностную, иррациональную форму акта единения с Богом, все время помнить о его *сверхличном рациональном содержании*, доступном проверке, контролю и сообщению. Именно поэтому Ильин не отождествляет философию и религию, а все время говорит о *религиозном смысле* философии, утверждая приоритет философии как главным образом рациональной сферы духа над религией как сферой целиком иррациональной, требующей рационального «просветления» (в поздних работах Ильина этот тезис будет радикально пересмотрен). Этим можно объяснить, почему наряду с утверждением «Бог есть жизнь» Ильин высказывает несколько неожиданное (совершенно в духе традиционно понимаемого гегельянства) утверждение: «*Бог есть само знание, сама знающая мысль*: ибо знание насыщено Богом, а Бог растворен в знании»*. Естественно, что в рамках такой рационалистической трактовки Бога оказывается, что Иисус Христос — это просто первый человек, осознавший свою божественную природу.

Выделяя объективно-рациональный момент философского акта в качестве определяющего, Ильин делает окончательный выбор между двумя философами, оказавшими на него наибольшее влияние, — между Фихте и Гегелем. Именно рационализм Гегеля становится основой философского мировоззрения Ильина, идеи Фихте он будет использовать только для того, чтобы «скорректировать» гегельянство, внести в него персоналистские, иррациональные моменты.

* Ильин И. А. Философия Фихте как религия совести. С. 181.

Свой главный философский труд — «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» — Ильин начинает с радикального переосмысления понятия спекулятивного мышления, которое занимает центральное место во всей гегелевской системе. По сути, он доказывает, что истинный смысл понятия спекулятивного мышления у Гегеля в точности совпадает с его собственным представлением о природе философского акта, органично сочетающего рациональные и иррациональные моменты. Рассматривая гегелевское спекулятивное мышление, он использует тот анализ сознания, который произвел Гуссерль. Согласно этому анализу, для того чтобы выделить подлинное объективное содержание сознания, необходимо отделить *смысл* от *мышления*. Смысл — это и есть совершенно объективное, логическое, абсолютно неизменное содержание сознания, в то время как мышление всегда есть *процесс* в сознании, оперирующий чистыми смыслами, но обогащенный при этом иррациональными элементами жизни. Полное очищение сознания от всех элементов субъективности привело бы к системе чистых смыслов, по отношению к которым стал бы невозможен сам вопрос о том, чье сознание мыслит эти смыслы. Согласно Ильину, хотя Гегель и настаивает на абсолютной объективности спекулятивного мышления, он не приемлет сведения его к таким чистым смыслам. Спекулятивное мышление понимается им по аналогии с обычным человеческим мышлением — во всем его иррационально-индивидуальном богатстве. «Для того чтобы понимать Гегеля, необходимо сделать в душе некоторое творческое усилие, насыщающее мысль работой воображения: надо *увидеть* воображением то, о чем мыслит душа» *. Происходящая при этом эстетизация мысли, наполнение ее иррациональным содержанием, позволяет характеризовать философствование Гегеля как «мыслящее ясновидение», «мистическое мышление», даже как «религию мысли». Вводя в качестве центрального понятия своей системы всеобщее и объективное спекулятивное мышление, Гегель, по убеждению Ильина, не только не отрицает единичную человеческую личность во всей ее иррациональной, жизненной полноте, но даже в определенном смысле абсолютизирует ее, вводя все ее иррациональные элементы в ткань самого Абсолюта: всеобщее в своей полноте включает «даже тя-

* Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб., 1994. С. 68.

готение единичности к одинокому, исключительному самоутверждению...» *.

В результате «спекулятивное Понятие» (божественная сущность мира у Гегеля) оказывается весьма далеким от традиционного формального понятия; это сверхчувственное, живое, развивающееся духовное начало, реальность которого обусловлена его абсолютной свободой. «“Быть” значит нести в себе начало *самодетельного творчества, обращенного на себя, значит творить себя из себя*» **. При таком понимании Абсолюта восхождение к нему человека становится таинственным, недоступным рациональному осмыслению процессом. С одной стороны, неустранимая конечность, ограниченность человеческого сознания приводит к тому, что сознание как бы «наталкивается» на противостоящее ему бытие (истинное, абсолютное бытие). Как пишет Ильин, бытие оказывает «упор» сознанию, сопротивляется его самостоятельности, его «испытующему акту». Однако это только предварительный этап в движении сознания к бытию. Главным оказывается невозможность сохранить свою самостоятельность перед лицом «открывшегося» бытия, сознание сливается с бытием и только в этом процессе получает свое объективное существование.

Описание Ильиным структуры акта соединения сознания с абсолютным бытием заставляет вспомнить концепцию С. Кьеркегора, у которого выявление подлинной сущности человека предстает как аналогичный противоречивый процесс, начинающийся с безнадежного противостояния конечного человека бесконечному бытию Бога (состояние «отчаяния») и завершающийся самозабвенным слиянием с ним. Однако в отличие от психологической трактовки этого процесса у Кьеркегора Ильин делает акцент на онтологическом смысле акта растворения в Абсолюте, в подлинном бытии. Фактически итогом анализа гегелевского понятия спекулятивного мышления у Ильина оказывается своеобразная онтологическая концепция, определяющая специфику человеческого бытия как одновременно и тождественного абсолютному бытию, и противостоящего ему в своей конечности; причем это противостояние выступает как необходимое *для самого абсолютного бытия*. Новизна этой онтологической концепции проявляется, в частности, в том, что Ильин отрицает принципиальное для классической европейской метафизики понимание сознания как «субъекта» и бытия

* Там же. С. 108.

** Там же. С. 78.

как «объекта». «Растворение в самобытной жизни спекулятивного смысла, — пишет он, — не просто “дает возможность душе познать” особый “вид реальности”; такая форма “общения” между душой и спекулятивным понятием воспроизводила бы обычное отношение между субъектом и объектом, при котором объект *обуславливается* субъектом и потому не может быть познан в своей *абсолютной самостоятельности*. Спекулятивное понятие именно потому открывается человеческому сознанию во всей своей необусловленной подлинности, что впитывает, вбирает, включает мыслящую душу в свой состав; здесь субъект не может обусловить объект, потому что он сам поглощен объектом (*absorbirt*); “субъект” оказывается органическим ингредиентом “предмета” и в результате их “встречи” и “общения” — предмет, понятие оказывается *единственной реальностью*» *. В сущности, здесь Ильин выдвигает идею «возвращения» к бытию, которая станет главной темой М. Хайдеггера и всех других западных и русских экзистенциалистов.

Значение указанного «возвращения» к бытию Хайдеггер видел в том, что только через него, через возврат к «непотаенности» бытия, человек способен придать подлинную ценность своим мыслям и делам. «Когда бы человек ни раскрывал свой взор и слух, свое сердце, как бы ни отдавался мысли и порыву, искусству и труду, мольбе и благодарности, он всегда с самого начала уже обнаруживает себя вошедшим в круг непотаенного, чья непотаенность уже осуществилась, коль скоро она вызвала человека на соразмерные ему способы своего раскрытия» **. Все это точно соответствует упомянутому выше убеждению Ильина, что акт духовной очевидности, акт единения с духовным Предметом является основой всего подлинного в человеческом бытии, основой личности человека. Впрочем, различие между двумя философами не является только терминологическим. Стремление Ильина сохранить систему понятий классического рационализма связано с представлением о несомненной значимости рациональных элементов в понимании человека; Хайдеггер, наоборот, создавая свой собственный язык для «говoreния» о бытии, не только сознательно порывает с рационализмом, но и провозглашает конец всей классической европейской метафизики от Декарта до Ницше.

* Ильин И. А. Философия Гегеля... С. 89.

** Хайдеггер М. Вопрос о технике // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 54.

Оригинальная интерпретация спекулятивного мышления как абсолютного бытия, во взаимодействии с которым обретает свой смысл бытие человека, явилась результатом первого этапа работы Ильина над книгой о Гегеле. Завершение этого этапа относится к началу 1914 г., о чем свидетельствуют сохранившиеся тезисы доклада «Учение Гегеля о сущности спекулятивного мышления», прочитанного Ильиным на заседании Московского психологического общества 22 февраля 1914 г. В том же 1914 г. были опубликованы в виде статьи две главы будущей книги, посвященные этой проблеме*. Только через два года Ильин публикует статью «Проблема оправдания мира в философии Гегеля», которая определяет дальнейшее направление исследования (статья включала главы X—XII будущей работы). Если на первом этапе главными для Ильина были общие онтологические проблемы, то теперь его внимание приковано к той концепции Бога и человека, которая возникает в поздних работах Гегеля и которую в дальнейшем Ильин будет использовать для построения своеобразной этической системы. По всей видимости, такое смещение акцентов не в последней степени было обусловлено изменением внешних обстоятельств — началом Первой мировой войны. Как мы уже говорили, Ильин никогда не был приверженцем «кабинетной» философии, оторванной от исторической ситуации, в которой находится философ. Для него философия была занятием, требующим предельной ответственности, «ибо жизнь есть *страдание, ведущее к мудрости*, а философия есть *мудрость, рожденная страданием*»**. Все трагические события жизни народа философ обязан рассматривать как самое важное в своей духовной работе; он должен сделать их главной темой своих размышлений, чтобы, осмыслив их, попытаться помочь своему народу преодолеть тяготы и беды, помочь взойти через страдания к новым духовным высотам; «народ сообщает своим философам самый подход к духовному опыту, а философ дает своему народу *углубление, очищение и осмысление* духовного делания»***.

Важным свидетельством появления новых тем в творчестве Ильина стали две работы, которыми он откликнулся на начало Первой мировой войны, — «Основное нравственное противоречие войны» и «Духовный смысл войны». Здесь главным для

* См.: Ильин И. А. Учение Гегеля о реальности и всеобщности мысли // Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 3 (123).

** Ильин И. А. Религиозный смысл философии. С. 58.

*** Там же.

Ильина становится осмысление противоречий между личностью и обществом, между конечностью индивида и бесконечностью истинного духовного бытия как *практически значимых*, определяющих ценность жизни. Наличие этих противоречий дает гарантию обоснованности личного бытия в рамках той исторической ситуации, в которой существует человек (в которую он «заброшен», как сказали бы западноевропейские экзистенциалисты); если бы они были разрешены, история прекратилась бы, а сам человек исчез бы как конечное, временное существо, ибо смысл бытия человека в том, чтобы быть своеобразным «перекрестком» этих противоречий, нести их в себе, не проявляя до поры до времени, с тем чтобы в критический момент, который неизбежно наступает в жизни каждого, осознать, прочувствовать их и попытаться разрешить, становясь тем самым свободным творцом истории. Именно это освобождение подлинной исторической свободы человека (носящее однозначно трагический характер) составляет, согласно Ильину, духовное значение, духовный смысл войны.

Сама свобода для Ильина вовсе не тождественна субъективному произволу и индивидуальному одиночеству (как это было у Ницше). Наоборот, в критической исторической ситуации проявляется приоритет общественных ценностей над индивидуальными устремлениями личности. Война зовет людей к общему делу, и самое главное, что это общее дело содержит требование отдать за него жизнь. Именно возникающее здесь противоречие между индивидуальным стремлением к самосохранению и готовностью к самопожертвованию проверяет обоснованность бытия человека. Индивидуальность личности становится значимой, обоснованной только перед лицом смерти: «Война учит нас всех... жить так, чтобы смерть являлась не постылым и позорным окончанием озлобленного и хищного прозябания, но естественным увенчанием жизни, последним, самым напряженным, *творческим актом ее...*» *. Эта мысль окажется настолько важной для Ильина, что он воспроизведет ее без значительных изменений во многих своих работах, а в поздней книге — «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» — посвятит ей отдельную главу. В разработке этой темы Ильин чрезвычайно близок к экзистенциализму, с его пониманием смерти как «пограничной ситуации», в которой открывается подлинная основа нашего бытия — наша абсолютная свобода. Однако нужно подчерк-

* Ильин И. А. Духовный смысл войны // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9—10. С. 15.

нуть и существенную особенность взглядов Ильина: у него готовность к смерти обосновывает бытие личности только потому, что доказывает ее «укорененность» в надчеловеческой общности; «война учит нас *жить всегда так, чтобы быть готовым встать на защиту того высшего, которое мы любим больше себя*» *.

То «высшее», которое война выявляет для каждого из нас как главную ценность, Ильин называет «объективной духовной жизнью народа», или «духовным достоянием народа». Здесь явно чувствуется влияние гегелевских идей. Для Гегеля жизнь индивида и испытываемый им страх смерти есть «ничтожное», несущественное по сравнению с обязанностью любой ценой (даже ценой своей жизни) защищать независимость и суверенитет государства. Ильин, соглашаясь с этим, тем не менее продолжает настаивать на абсолютной ценности каждой индивидуальности, ибо «нерастворимость» личности в объективном духе составляет основу «индивидуальности» (конкретности) самого объективного духа. Поэтому необходимость жертвовать собой помимо героического пафоса, который подчеркивает Гегель, содержит в себе глубоко трагическое переживание своей смертности, конечности. И оба этих момента являются в равной степени существенными.

В двух статьях, посвященных войне, только намечаются контуры исторической концепции Ильина. Во всей своей полноте эта концепция, направленная на философское осмысление истоков и значения той трагедии, начало которой положил 1914 год, изложена в завершающих главах труда о Гегеле. Для Ильина Гегель находится в центре всего многовекового развития философии, поэтому совершенно естественно, что в его системе он обнаруживает адекватное отражение трагической сущности всей мировой истории, до конца проявившейся только в истории XX века. В интерпретации Ильина философия Гегеля предстает как *философия мировой трагедии*, объясняющая трагедию исторического существования человека через фундаментальные противоречия, заложенные в основаниях бытия.

Главной темой второго этапа исследования Ильина становится «путь Бога» в мире. Сокровенным замыслом всей гегелевской системы Ильин считает философскую разработку пантеизма, доказательство божественности всего существующего в мире. Если бы этот замысел мог быть реализован с предельной полнотой и чистотой, то вся гегелевская философия ограничилась бы

* Там же. С. 19.

его Логикой. Именно в Логике описывается вневременной процесс развертывания всего богатства содержания Бога, спекулятивного Понятия, в конце которого Понятие достигает абсолютной конкретности и своим божественным составом охватывает все реальное. Признание иррациональной составляющей любви в Боге как раз и необходимо Гегелю для того, чтобы сохранить ценность индивидуальностей, которые с помощью любви сливаются в божественное единство, согласуют свою единичность с пронизывающей их божественной мощью.

Однако указанная иррациональная составляющая спекулятивного Понятия есть как бы «высшая», «божественная» форма иррациональности, присутствующей в мире. Наряду с ней, утверждает Ильин, Гегель вынужден признать существование небожественной, низменной, злой иррациональности, приводящей не к «любовному единению» индивидуальностей, а, наоборот, к их абсолютному разъединению, отпадению от божественной целокупности мира. Именно эта небожественная иррациональность проявляется в бесконечном многообразии никак не связанных между собой природных явлений, она же — источник хаоса неконтролируемых страстей, эмоций, волевых устремлений в человеческой душе, наконец, она же — причина одиночества человека, причина зла в человеческом обществе и в человеческой истории. Закрывать глаза на этот хаос, раздробленность, зло мира невозможно; Гегель, по убеждению Ильина, в конце концов признает это. Но это признание вынуждено бороться с верой в божественность и разумность мира. Согласно Ильину, в развитии своей философской системы Гегель лишь постепенно, шаг за шагом отступает от непреклонности идеала созданного его верой.

В окончательном и наиболее сложном варианте пантеизма, который Ильин находит у Гегеля, мир представляется как результат божественного воплощения, происходящего в иррациональном, противобожественном «материале». Раз невозможно отрицать эмпирическую стихию, приходится заставить самого Бога «снизойти» до этой стихии, предположить возможность добровольного соединения Бога с ней. В этом соединении Бог должен внутренней силой спекулятивного мышления преодолеть иррациональное начало, поднять мир на уровень спекулятивной (а не эмпирической) конкретности. При этом Гегель постепенно (особенно в поздних работах по философии права и философии истории) приходит к признанию *необходимости* иррациональной стихии для существования самого Бога. Замысел пантеизма приобретает героический характер, он предстает как

своеобразный *подвиг* Бога, соединяющегося с противостоящей и одновременно необходимой ему иррациональной стихией для восхождения в этой новой форме к подлинно благому состоянию. Задача эта оказывается столь трудной, что окончательная победа Бога отодвигается в бесконечную даль исторического времени; здесь выявляется центральное положение человека как «медиума», через которого осуществляется историческое деяние Бога.

Чисто феноменологически предел господства Бога в мире связан с конечностью человека, однако его значение гораздо глубже; «предел человека» есть нечто большее, чем *его* предел или его «грех», это есть *предел самого Божества*, придавшего себе человеческий образ и антропоморфный способ существования*. Здесь возникает своеобразная концепция Бога, которая и является итогом исследования Ильина. Поскольку та иррациональная стихия, с которой вынужден бороться Бог, порождена им самим, ее непокорность Богу означает определенную ущербность его сущности; «в самой *сущности Божества* скрывается нечто такое, что превращает *путь Божий* в тропу непобеждающего страдания и что налагает печать безвыходности на *человеческую жизнь и ее смысл*»**. Бог оказывается *страдающим* Богом, страдание есть его главное качество, связанное с его внутренним несовершенством. Это несовершенство, конечно, не может быть рационально осмыслено и объяснено, оно остается непостижимым источником всего богатства и сложности мира, источником хаоса, зла и страдания в нем. Хотя Ильин отказывается признать это несовершенство божественной сущности как зло, заложенное в Боге, он тем не менее утверждает, что «*потенция потенции зла* скрывается уже в самой до-мирной и чистой природе Божества... Путь Божий в мире есть путь побеждающего страдания: ибо, если и все в мире есть Бог, то *не все в мире и в Боге божественно*; отсюда страдание в мире и необходимость победы: ибо всякое страдание есть страдание самого Божества, побеждающего страданием своим. Но победа эта трагически растягивается и отходит в бесконечность»***.

Явное противоречие в выводах Ильина — в одном случае он говорит о «непобеждающем», а в другом — о «побеждающем» страдании — объясняется как раз тем, что победа божественной

* Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. 468.

** Там же. С. 469.

*** Там же. С. 498—499.

сущности в мире, если и возможна, носит чисто исторический характер и «отходит в бесконечность». Страдание является «побеждающим», поскольку только через него Бог реализует себя в мире, но оно же является «непобеждающим», так как любой итог страдания всегда относителен и ведет не к успокоению и гармонии, а к новому страданию и новой борьбе.

Здесь еще раз обнаруживается явная преемственность развиваемых Ильиным идей по отношению к тому направлению европейской философии, основателями которого считаются Кьеркегор, Ницше и Достоевский и которое в XX веке породило широкий спектр оригинальных философских школ. О внутренней связи идей Ильина с экзистенциальной философией Кьеркегора уже говорилось выше. Применяя во втором томе своего исследования для характеристики сущности человека понятия «свобода», «страдание», «смерть», «борьба», Ильин еще больше приближается к концепции человека у Кьеркегора, использовавшего для характеристики подлинной сущности человека понятия «отчаяния» и «страха», видевшего специфику существования человека в его обращенности «лицом к смерти». При этом в интерпретации Ильина Гегель оказывается большим «экзистенциалистом», чем Кьеркегор! У последнего конечность, ограниченность — удел человека, восходящего к Богу, но сам Бог понимается достаточно традиционно — как высшая целостность и высшее благо. Человек должен «отчаяться», осознать свою фундаментальную конечность, но в этом же «отчаянии» ему открывается путь к Богу; т. е. путь к снятию своей конечности, растворения в высшей сущности. В развиваемой Ильиным концепции судьба человека гораздо трагичнее, поскольку его трагедия неизбежна, не снимается через растворение в Боге; она оказывается *трагедией самого Бога*. Преодоление конечности и уход от страдания невозможны ни для человека, ни для Бога. Их судьбы навеки спаяны, более того, только от человека зависит, насколько будет реализовано в мире божественное начало.

Идея несовершенного Бога, судьба которого оказывается в руках человека, заставляет вспомнить Ницше, возвестившего миру о «смерти Бога». Очевидно, что внутренний смысл концепции Ильина, точно так же как и философии Ницше, связан с радикальной переоценкой значения человека в мире. «Смерть Бога» означает, что вся ответственность за судьбу мира возлагается на человека, которому неоткуда ждать поддержки и помощи в своем стремлении к совершенству и добру; он обязан сам задавать себе цели и сам добиваться их осуществления. Те

же самые этические выводы вытекают и из идеи «страдающего Бога» Ильина. Позже они были подробно развиты в книге «О сопротивлении злу силою».

О степени влияния Кьеркегора и Ницше на Ильина можно говорить только в гипотетическом плане, влияние же Достоевского, вне всяких сомнений, было непосредственным и очень существенным для формирования ключевых положений философии Ильина. Хотя его имя нечасто упоминается на страницах сочинений Ильина, эти упоминания не оставляют сомнения в том, насколько высоко оценивает Ильин значение Достоевского для развития русской духовной культуры. Достоевский первым в рамках русской культуры поставил под вопрос традиционное понимание Бога и отношения к нему человека, остро почувствовал и передал в своих произведениях состояние «богооставленности», ведущее к пересмотру системы традиционных ценностей, к непрерывным поискам Бога. Точно так же и дуалистическое видение человека, совмещающего в себе полярные начала, зло и добро, непрерывно борющиеся друг с другом, стало традиционным для русской философии именно после Достоевского. В одной из работ Ильина имеется поразительное по точности определение характера русской духовности, не оставляющее сомнений в том, насколько глубоко и органично им были восприняты идеи Достоевского: «...сильная русская душа всегда исходила от *самого страшного* и искала *самого высокого и последнего*, в глубокой бессознательной уверенности, что осанна не из бездны — *неокончательна, нецельна и неисцеляюща*» *.

Ильин стал первым, кто четко обозначил значение гегелевского наследия для философии XX века. В его труде можно обнаружить многие новые идеи, которые чуть позже, в 20—30-е годы, оказались в центре философских дискуссий и определили своеобразие новых философских направлений. О внутреннем параллелизме в развитии идей Ильина и Хайдеггера уже говорилось. Не менее наглядные совпадения ключевых принципов можно найти и при анализе воззрений других известных современников Ильина. Прежде всего в этом контексте необходимо упомянуть двух крупнейших немецких неогегельянцев — Р. Кронера и Г. Глокнера, главной целью которых в 20-е годы стало доказательство внутреннего иррационализма гегелевской философии. Так, Кронер, почти буквально повторяя мысль Ильина, писал, что Гегель является «величайшим иррациона-

* Ильин И. А. Музыка Метнера // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 2. С. 295.

листом», которого знает история философии. Та же тенденция господствует и в сочинениях Глокнера, который подчеркивал парадоксальный «рационально-иррационалистический» характер мышления Гегеля.

Значительно более радикальное переосмысление гегелевской системы было произведено во французском неогегельянстве, начало которому положила известная работа Ж. Валь «Несчастье сознания в философии Гегеля», впервые опубликованная в 1929 г. В своем труде Валь, помимо традиционного утверждения о внутренней иррациональности философского метода Гегеля, доказывает, что вся его философия вращается вокруг понятия «несчастливого сознания», которое описывает неразрешимую трагическую противоречивость конечного бытия человека, восходящую в конечном счете к трагической противоречивости сущности самого Бога. При этом, согласно Валью, развитие системы Гегеля протекало исключительно на основе решения религиозных проблем, а формирование гегелевской диалектики было связано с философским переосмыслением евангельских категорий любви и единения в Боге. Все это настолько явно совпадает с тем, что одиннадцатью годами раньше высказал Ильин, что заставляет предположить возможное влияние его идей на Валь (это предположение убедительно обосновал В. Н. Кузнецов в своей книге о французском неогегельянстве*). Еще более вероятно влияние идей Ильина на другого представителя той же школы — А. Кожева (Кожевникова), осуществившего в 30-е годы интерпретацию философии Гегеля в духе «атеизма» и «антропологизма»; трудно предположить, что, занимаясь Гегелем, Кожев не ознакомился с фундаментальным трудом своего бывшего соотечественника. Одна из центральных идей Кожева — о том, что в философии Гегеля производится отождествление Бога с земным, конечным существом человека (взятым во всем процессе его исторического развития), — заставляет вспомнить ключевой тезис труда Ильина: «*Бог реально действует в человеке и осуществляет себя через человека: человек есть подлинно “медиум” Бога, скрывающий в себе его могучее и творческое присутствие...*»**. Но в отличие от Ильина, у которого система Гегеля представала как последовательное воплощение единого замысла и который в своем анализе охватывал

* См.: Кузнецов В. Н. Французское неогегельянство. М., 1982. С. 35—36.

** Ильин И. А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. С. 274.

все работы Гегеля, Кожев утратил целостный подход к гегелевской философии и, акцентируя внимание на «Феноменологии духа», противопоставлял эту работу другим его сочинениям. То же самое характерно и для третьего представителя школы французского неогегельянства — Ж. Ипполита, в своей интерпретации ранних работ Гегеля (вплоть до «Феноменологии духа») сближавшего Гегеля с Кьеркегором и осуществившего вслед за Валем и Кожевом радикальную «экзистенциализацию» гегельянства.

Идеи французского неогегельянства оказали значительное влияние на формирование еще одной известной философской школы — «атеистического» экзистенциализма. Здесь также можно обнаружить поразительные аналогии с идеями, развитыми в работах Ильина. Конечно, онтология «атеистического», «богоборческого» экзистенциализма Ж.-П. Сартра и А. Камю весьма далека от тех представлений, которые составили основу концепции «духовной очевидности» Ильина и преломились в его интерпретации философии Гегеля. В данном случае речь идет об этических выводах из соответствующих онтологических систем. У Сартра и Камю исходный тезис об «абсурдности» мира ведет к убеждению в абсолютной ответственности каждого человека за себя и за других людей, ведет к требованию непрестанной борьбы с абсурдностью мира, борьбы, в которой человеку не на что и не на кого надеяться, но которая остается единственным способом привнесения смысла и порядка в мир. Те же самые выводы об абсолютной ответственности каждого за себя, за других людей, за весь мир были естественным итогом книги Ильина о Гегеле. И если в самой этой книге Ильин дает, скорее, абстрактное метафизическое обоснование своей этической концепции, то в следующем крупном философском сочинении, написанном уже в эмиграции (которая началась для Ильина, как и для многих других русских мыслителей, в 1922 г.), в книге «О сопротивлении злу силою», эти выводы были развиты с предельной откровенностью и полнотой.

5

Формальным поводом к написанию этой книги послужило желание Ильина дать решительное опровержение учению Л. Толстого о «непротивлении злу». Впервые свое отношение к толстовству Ильин сформулировал в статье «Основное нравственное противоречие войны», где утверждал, что принцип «не-

противления» «устанавливает *максимальную щедрость в отдаче* того, чем другой желает завладеть». Но, выделив в идее Толстого позитивный смысл, Ильин одновременно ограничил ее этическое значение. Щедрым можно быть только по отношению к конечным и временным благам; но есть «общечеловеческое духовное достояние», которое «не может стать предметом щедрой отдачи, потому что отдать — значит здесь предать и отречься» *.

В книге, написанной через одиннадцать лет и подводящей определенный итог «русского опыта», Ильин дает совершенно другую, резко негативную оценку толстовству. В этом учении он видит теперь квинтэссенцию идеологии революционного движения в России. Главным истоком всей концепции и основным ее пороком Ильин считает убеждение Толстого и толстовцев в том, что в мире вообще нет никакого ужасного зла. В качестве зла у Толстого признается, по сути, только страдание человека, в качестве добра — отсутствие страдания. В соответствии с этим для Толстого любовь — это «чувство *жалостливо-го сострадания*» **. Отсюда и следует тезис о «непротивлении», ибо, сопротивляясь злу силой, мы пытаемся ликвидировать страдание через принесение новых страданий, т. е. не уменьшаем их количество в мире. Этика Толстого оказывается эгоцентричной, не признающей подлинного единения людей в духовности, в Боге. В частности, он отрицает такие важнейшие формы организованной борьбы со злом, как государство и право и, по сути, встает на путь *потакания* злу.

В противовес толстовским идеям Ильин выдвигает твердое убеждение в *укорененности* зла в мире, точнее, в душе человека, и в его *существенности*. «Зло есть прежде всего *душевная склонность* человека, присущая каждому из нас: как бы некоторое живущее в нас страстное тяготение к разнузданию зверя, тяготение, всегда стремящееся к расширению своей власти и к полноте захвата» ***. Ничто в мире вне души человека не может называться добром или злом. Все внешние, телесные действия и явления, которые мы называем злом, на самом деле — только обнаружения зла. Это означает, что единственное «поле битвы» со злом — душа человека, и только сам человек спосо-

* Ильин И. А. Основное нравственное противоречие войны // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 27.

** Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 90.

*** Там же. С. 39.

бен окончательно победить в себе внутреннее зло; если же он оказывается неспособным к этому, другие не только могут, но и обязаны оказать ему помощь. Здесь решающую роль играет то противоречие между материальной изолированностью людей и их духовным единством, которое анализировалось во многих предшествующих работах Ильина. Наше духовное единство требует, чтобы мы совместными усилиями постарались «переделать» злую душу, однако материальная изолированность людей чаще всего делает непосредственное духовное воздействие на злодея неэффективным или даже невозможным. Тогда остается единственное средство — физическое воздействие на его телесную природу, имеющее целью ограничить проявления злой воли, замкнуть злую душу в себе, с тем чтобы понудить ее к самостоятельному духовному усилию, ведущему к перерождению.

Признание допустимости и даже необходимости физического воздействия на других людей, осуществляемого против их воли, ведет к существенному переосмыслению любви. Хотя в своей книге Ильин повторяет определение высшей, духовной любви (впервые данное в статье «О любезности») как приятия другого вплоть до «художественного отождествления» с ним, теперь он утверждает, что такая любовь имеет *предел*: «любовь кончается там, где начинается зло...» *. По отношению к злодею духовная любовь выражается не в потакающем сочувствии, а в решительном пресечении как единственном способе направить душу к Богу, к совершенству. Это видоизменение любви Ильин называет ее *отрицательным ликом* и считает даже более значимым, чем все другие видоизменения: «В своем духовном “нет” человек любит свой *настоящий, подлинный Предмет* несколько не менее, чем в своем *духовном “да”*, и гораздо более, чем в своем *бездуховном “да”*: мало того, любовь, способная принять духовно-отрицающий лик, является всегда более глубокой, более интенсивной, более верноподданной, чем “любовь”, малодушно отвертывающаяся от зла, чтобы его не видеть, или готовая сострадательно “принять” его» **. И при этом, поскольку ни один из нас не является ангелом, не победил в своей душе зла до конца, отрицательный лик любви должен проявляться по отношению к каждому человеку. Особенно трагический характер любовь приобретает по отношению к *абсолютному злодею*, в котором злое начало полностью победило

* Там же. С. 141.

** Там же. С. 148.

духовность; в этом случае она превращается в требование к казни злодея.

Именно в этих выводах Ильина с наибольшей полнотой отразился главный принцип его метафизической концепции человека. Являясь единственным носителем божественного начала мира (так же как и единственным носителем зла), человек приобретает высочайшую ответственность, связанную с правом распоряжаться жизнью и смертью других людей. Это право одновременно оказывается и крайним воплощением внутренней противоречивости человеческого бытия. Реализуя это право, человек сталкивается с неразрешимой нравственной коллизией: путь к совершенству лежит через деяния, обрекающие его на личную несправедливость, умаление личного нравственного совершенства. Эта нравственная коллизия особенно ясно предстает перед каждым в периоды общественных кризисов (войн, революций), однако от нее невозможно уйти и в более «спокойные» периоды человеческой истории. В сущности, она непрерывно определяет нашу жизнь, определяет все наши поступки, поскольку «в каждом зачатке ненависти, в каждом оттенке злобы, в каждом отвращении человека от человека, мало того, в каждой неполной любви — от простого безразличия до беспощадного пресечения — укрывается в начатке и оттенках *акта человекоубийства*» *. Наша жизнь есть непрерывная нравственная трагедия, в которой не может быть надежды на окончательную победу над злом, но не может быть и никаких оправданий для уклонения от борьбы, причем в этой борьбе человек может рассчитывать только на свои силы; Бог в данном случае остается только абстрактным идеалом, задающим ценностные ориентиры в нашей борьбе со злом.

Можно согласиться с многочисленными критиками книги Ильина: как он ни прикрывается евангельскими цитатами, выстраиваемая им этическая концепция имеет мало общего с традиционной христианской этикой и вообще с традиционным христианством («преодолеть» которое призывал еще Вл. Соловьев); если говорить о ее глубинной сути, то она встает в один ряд с этикой Ницше и, конечно, с этикой европейского экзистенциализма **. Именно поэтому книга «О сопротивлении злу силою» выдержала испытание временем и актуальна в нашу

* Там же. С. 182.

** Подробнее см.: *Евлампиев И. И.* Божественное и человеческое в философии Ивана Ильина. С. 197—219.

«постхристианскую» эпоху в не меньшей степени, чем в трагическую эпоху начала XX века.

6

После опубликования книги «О сопротивлении злу силою» на некоторое время философское творчество отходит для Ильина на второй план. Все свои силы в период 1926—1931 гг. он отдает активной публицистической и организаторской деятельности, в которой выступает как духовный лидер Белого движения, сторонник продолжения активной (в том числе и вооруженной) борьбы против Советской власти в России. Безусловно, в этой деятельности воплотилось желание быть практическим участником той самой борьбы с мировым злом, о которой Ильин писал в своей книге и к которой он призывал каждого духовно здорового члена общества; тем самым он наглядно доказывал, что тезис о единстве философии и жизни был важнейшим принципом не только его философии, но и его *жизни*.

Программное значение для дальнейшего творчества Ильина имела речь «Основные задачи правоправедения в России», произнесенная им весной 1922 г. на общем собрании Московского юридического общества при Московском университете и напечатанная позже (уже в эмиграции) в журнале «Русская мысль», издававшемся в Праге. Здесь Ильин характеризует все трагические события, произошедшие в России, как «Божье посещение». Образ Бога, сходящего на землю для того, чтобы поставить перед человеком задачи, требующие напряжения всей его воли, всех духовных сил его личности, предельно выразителен и очень точно отражает смысл представлений Ильина о роли человека в истории. В его философской концепции, наиболее полно изложенной в работах о Фихте и Гегеле, судьбы Бога и человека в мире неразрывно спаяны, и задание, которое Бог дает человеку при своем «посещении», есть для него и высшая честь, и высшее испытание.

Оценивая в той же речи недавнюю историю России, Ильин в качестве причины победы большевистской революции называет *«безвольную, пассивную, сентиментальную мечтательность в государственном деле, которая имеет своим естественным коррелятом ожесточившуюся и ослепшую в абстрактных дедукциях противогосударственную волю ко всеобщему ниспровержению»* *. Истоки этой воли к ниспровержению коренятся в

* Ильин И. А. Основные задачи правоправедения в России. С. 187—188.

низком уровне правосознания народа и в негативной роли «прогрессивной» интеллигенции. По мнению Ильина, бóльшая часть русской интеллигенции была заражена «противогосударственным нигилизмом», который и сыграл роковую роль. В более поздней статье он повторит этот тезис: «Большевики завладели Россией именно потому, что русская интеллигенция была сплошь заражена сентиментально-анархическим неприятием государственности» *. В изображении Ильина все революционное движение в России, начиная с Герцена и Чернышевского, приобретает зловещие черты и осмысливается только в свете его естественного (как убежден Ильин) итога — Октябрьского переворота.

Естественно, что столь неадекватное освещение очень сложной и противоречивой истории русской прогрессистской мысли вряд ли можно считать достаточно правильным. Ильин, скорее, эмоционально переживает историю в свете современной ему ситуации, чем строго и точно анализирует ее. Субъективность подхода Ильина достаточно наглядно проявляется в неуклонно нарастающей тенденции к идеализации монархической традиции русской государственности (эта тенденция еще не столь заметна в работах 20-х годов, в которых он очень критично оценивает самодержавие и возлагает на него значительную долю ответственности за революцию, но становится господствующей в последующие годы), а также в стремлении увидеть в этой традиции и в православии единственные источники русской культуры. Своеобразный черно-белый подход, характерный для многих публицистических работ Ильина, приводит к тому, что в поздних публицистических статьях он признает в истории России только два полюса: русское самодержавие как идеально-совершенное воплощение народного духа и сатанинское (без малейших исключений) движение революционеров от Герцена до Ленина.

Такой взгляд кажется странным для столь серьезного мыслителя, каким был Ильин, однако необходимо четко осознавать, насколько он был распространен в первой половине XX века. В эту «катастрофическую» эпоху, без сожалений отрекшуюся от идеалов предшествующего, умиротворенно-добропорядочного века, на историческую арену вышли новые классы и социальные группы, привнесшие в общественную жизнь новые традиции и нормы поведения. Либеральная модель социального

* *Ильин И. А. О сопротивлении злу* (Открытое письмо В. Х. Даватцу) // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 248.

устройства, казалось бы, раз и навсегда доказавшая свою абсолютную эффективность, претендующая на то, чтобы наконец привести человечество к «вечному миру», вдруг оказалась совершенно не способной противостоять деструктивным тенденциям в обществе, предстала устаревшей, не соответствующей духу новой эпохи. В течение всего нескольких десятилетий классический либерализм оказался безнадежно дискредитированным и уже не имел безусловных оснований ни в правосознании народов, ни в традициях правящих классов, ни в менталитете государственных деятелей. Человек первой половины XX века мог исповедовать идеалы демократии и свободы, быть терпимым и лояльным, но, пытаясь повлиять на общественные процессы, он был вынужден присоединяться к одному из полюсов «черно-белого» восприятия общественных явлений и использовать соответствующий полярный язык (масса—власть, бедность—богатство, «безудержная» демократия—аристократия, фашизм—коммунизм и т. п.). Здесь не место для обсуждения причин такого состояния общественного сознания, однако сам этот факт, как нам кажется, не вызывает сомнений, об этом писали многие европейские мыслители.

Генезис политических взглядов Ильина — от классического либерализма к «умеренному», «внепартийному» фашизму и затем к монархическому консерватизму — дает наглядную иллюстрацию этой характерной черты эпохи; более того, в философии Ильина она получила даже своеобразное теоретическое обоснование. Концепция «страдающего Бога», раздвоенность, противоречивость сущности которого обрекает мир и человека на вечный раздор и борьбу, оказалась удивительно точным выражением общественной ситуации начала XX века с ее неприемлемостью, ожесточением, готовностью идти до конца в защите исповедуемых идеалов (недаром оппоненты Ильина обвиняли его в «большевизме»). В этом смысле обращение к публицистике было для Ильина совершенно естественным; и столь же естественно, что важнейшее теоретическое сочинение 20-х годов оказалось очень близким к публицистическим работам этого периода — и по проблематике, и по стилю.

Особенно наглядно единство «теории» и «практики» в жизни Ильина демонстрирует его статья «Белая идея», опубликованная вслед за книгой «О сопротивлении злу силою» и раскрывающая конкретный политический смысл изложенных там идей. При знакомстве со статьей прежде всего бросается в глаза ее проповеднический, даже несколько экзальтированный стиль изложения, который в какой-то степени был свойствен и

книге «О сопротивлении злу силою», но в последней все-таки был согласован с логической последовательностью изложения. Здесь же господствует именно эмоционально-приподнятый тон, апеллирующий не к разуму, а к чувствам, интуиции, воле, требующий не знания, а веры. Это определяется центральным тезисом статьи: «По глубокому смыслу своему *белая идея*, выношенная и созревшая в духе русского православия, есть идея *религиозная*... Это есть идея борьбы за дело Божие на земле; идея борьбы с сатанинским началом в его личной и в его общественной форме... Господь не влагает нам в руки меч; мы берем его сами. Но берем мы его не ради себя и сами готовы погибнуть от взятого меча. И из глубины этой духовной трагедии мы обращаем к нему наш взор и нашу волю. И в жизни наша борьба и наша молитва являются единым делом. Девиз его: *моя молитва как меч; мой меч как молитва*» *.

Мы видим здесь поразительное сочетание религиозной фразеологии с глубоко нерелигиозным мировоззрением. Особенно характерна оговорка: «Господь не влагает нам в руки меч; мы берем его сами», которая доказывает, что Бог нужен Ильину, по сути, только как гарантия от сомнений в служении, которое человек *сам налагает на себя*. И если при теоретическом осмыслении этого служения удобно считать Бога источником ценности служения, то в практической сфере сформулированная позиция легко трансформируется в признание *самого служения* высшей ценностью, только ради оправданности которого *можно допустить* санкцию Бога. Если же вдруг окажется, что человек не в состоянии больше верить, само служение станет абсолютной ценностью *без* Бога, а иногда и *против* Бога; художественно точно эту типичную для экзистенциализма трансформацию описал Ж.-П. Сартр в известной пьесе «Дьявол и господин Бог».

Этот внутренний настрой пророческих призывов Ильина тонко уловил В. Зеньковский, писавший: «Если книга Ильина написана на тему о борьбе со злом, то, по существу, она могла бы принять примат религиозной точки зрения при *общей* постановке вопроса, но она не может одного принять — примиренчества по отношению к большевизму. Даже одна *принципиальная* допустимость этого (“любите врагов ваших...”) волнует и мучит тех, в душе кого порыв к борьбе с большевиками встает, как самое глубокое и праведное чувство, как подлинная и несравни-

* Ильин И. А. Белая идея // Белое дело (Летопись белой борьбы). Берлин, 1926. Вып. 1. С. 10.

мая святыня, — ибо в ней они поднимаются до высокой жертвенности, идут часто на мученичество» *. Замеченное им в книге перемещение ценности с «благостного» мира на мир «здешний» позволило Зеньковскому сделать вывод о том, что этика Ильина в целом не согласуется с основами христианской религии. Позже он еще раз повторил этот вывод в своей «Истории русской философии» **.

Пик «практической» активности Ильина пришелся на 1925—1930 гг., когда еще господствовало убеждение в скором падении большевиков и усилия эмиграции казались существенным фактором, способным ускорить это падение. В 1925 г. Ильин становится активным сотрудником издаваемой П. Струве газеты «Возрождение», которая выражала взгляды правого, монархического крыла русской эмиграции. В 1926 г. он выступает одним из организаторов Русского зарубежного съезда, на котором решались вопросы объединения усилий русской эмиграции в борьбе за новую Россию.

В 1927 г. Ильин начинает издавать свой собственный журнал «Русский колокол». Всего за период с 1927 по 1930 г. вышло 9 номеров журнала, который, вне всяких сомнений, может быть назван журналом одного автора: и основная идейная направленность, и спектр тем, и даже стиль большинства материалов определялись личностью и мировоззрением его издателя. Это было для Ильина решающей попыткой создания идейного центра, объединившись вокруг которого, эмиграция смогла бы скоординировать свои действия с усилиями борцов с коммунизмом в самой России и тем самым дать импульс для свержения тоталитарного режима. Здесь Ильин как бы проверял на практике самые важные тезисы своей философской концепции — о единстве философии и жизни, об ответственности человека за ход истории и о подвластности человеку хода истории, о способности через борьбу и страдания победить зло в мире. Соответственно прекращение выхода журнала в 1930 г. стало для него свидетельством краха надежд на реальное значение усилий отдельного человека в истории, а значит, и источником сомнений в самих основах своего философского мировоззрения.

Основные задачи журнала были определены в редакционном обращении, помещенном в первом номере. Как пишет Ильин,

* Зеньковский В. В. По поводу книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою» // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 441—442.

** См.: Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 2. Ч. 2. С. 132—133.

это есть «журнал национальной и патриотической волевой идеи. Его цель — служение самобытной и великой России. Его задача — глубокое и всестороннее обновление духа в русском образованном слое, укрепление русского самосознания и отбор качественных сил. Мы исповедуем родину как священное начало. Мы осуждаем революцию; мы отрицаем социализм и коммунизм; но мы не ищем восстановления дореволюционных порядков. Мы верим в величие *новой, грядущей* России; ею занята наша мысль; ей отдана наша воля» *. Сам подзаголовок: «Журнал волевой идеи» — выявляет основной импульс, который привел Ильина к решению издавать журнал, — желание участвовать в практической борьбе за свержение режима, являющегося для него воплощением мирового зла.

Все номера журнала состояли из двух частей. Первая, «теоретическая», была посвящена общим проблемам, разработке идеологии Белого движения. Вторая, «прикладная», имела целью «вооружить мысль и волю русского патриота». «На каком бы посту он ни оказался впоследствии в грядущей России, — писал Ильин, — учителя, журналиста, офицера, агронома, кооператора, чиновника — он найдет здесь необходимые для него сведения, советы и формулы» **. Во второй части помещались статистические обзоры состояния дел в России накануне революции и после нее, небольшие заметки об опасностях, которые грозят Белому движению, и о его конкретных задачах, наконец, конкретные «инструкции» для организаторов подпольной работы в России («Как хранить тайну», «О политической провокации», «Тюремное заключение», «Как распознавать людей (советы организаторам)» — автор Ильин).

Главная тема, проходящая через все номера журнала и непосредственно взаимосвязанная с убеждением Ильина в возможности отдельного человека влиять на ход истории, — это тема «рыцарства», «героического служения», «подвига», всего того, что отличает личностей, призванных к власти и к духовному руководству людьми. Эта тема непосредственно развивает идеи книги «О сопротивлении злу силою», но здесь она получает гораздо более конкретное, политическое звучание. Теперь она приводит к утверждению, что историю творят не коллективы, а личности, и превращается в проповедь идеи вождя, призванного вести народ: «В человеческих делах есть таинственная

* Русский колокол. 1927. № 1. С. 2 обложки.

** То же. № 2. С. 2 обложки.

сила — *личной веры* в вождя и *личной любви* к нему» *. Причем, если позже Ильин будет считать наиболее точной формой реализации «аристократизма» власти монархию, то здесь он говорит об этом в более общем плане, что заставляет предполагать возможность других вариантов. Достаточно откровенно эти варианты намечает Н. Цуриков, который прямо утверждает полезность для народа войны как времени «появления новых людей с новой психологией, тех, кто привык быть хозяином своей жизни и смерти...» **. Еще более выразительна точка зрения, высказанная П. Красновым, который в статье с лаконичным названием «Армия» заявляет, что новая эпоха требует от армии выполнения совершенно новых задач, главная из которых — «тяжелый и ответственный труд... *воспитания народа*» ***. «Армия есть школа для народа» ****, — с солдатской прямоотой выдвигает Краснов тезис, традиционный для всех форм диктатуры и не оставляющий сомнений в вопросе о том, что за «вождь» нужен России.

Письма Ильина показывают, кого конкретно он видел грядущим «вождем» русского народа, спасителем России от коммунистического рабства. Еще в 1923 г. Ильин вступил в переписку с генералом П. Н. Врангелем и затем именно ему и Белой армии посвятил и книгу «О сопротивлении злу силою», и статью «Белое дело», в которых дал идейное основание для борьбы с большевизмом и коммунизмом. В письмах к Врангелю Ильин дает подробную оценку ситуации в России и в эмиграции, советует о том, как лучше организовать свой «Русский колокол», планирует скорую совместную работу по сплочению «здоровых патриотических сил» под знаменами грядущей, новой Белой армии, призванной освободить Россию, даже ведет по поручения Врангеля тайные переговоры о финансовой помощи антибольшевистским силам со стороны Германии и Англии. Внезапную смерть Врангеля Ильин воспринял как крушение всех своих самых сокровенных планов и как личную трагедию. Он до такой степени был потрясен этой смертью, что отказывался верить в случившееся, продолжал надеяться на чудо, предполагал какую-то уже совершенно невероятную возможность спасения своего героя: «Ни ум, ни сердце, ни *вера в Бога* не прини-

* Ильин И. А. О герое // Русский колокол. 1928. № 5. С. 5.

** Цуриков Н. Пафос героизма и идея современности // Русский колокол. 1927. № 2. С. 57.

*** Краснов П. Армия // Русский колокол. 1928. № 3. С. 18.

**** Там же. С. 11.

мают кончины Петра Николаевича... — пишет он в письме к Н. М. Котляревскому. — Впору возроптать! Ради Бога, прежде всего, *до всего остального* удостоверьтесь, заставьте *врачей удостовериться*, что это не *летаргический сон*!! Именно летаргический сон бывает *при сердечных неврозах*. Не хороните его *до трупных пятен*, до полной, объективной несомненности, что это настоящая смерть. *Лучше* отложить похороны на день, на два. Подумайте только: в этом необычайном человеке *все* было необычно. Это *особое* строение организма, души, инстинкта» * (весь курсив в письме принадлежит Ильину). И только через два дня, когда никаких сомнений в свершившемся факте уже не осталось и никакого чуда не случилось, Ильин с нескрываемой и неизбывной горечью констатирует в письме к жене Врангеля: «Ушел мой герой, мой рыцарь, мудрый и вдохновенный. Угас Божий луч. Не в кого верить, некому помогать. Страшно смотреть в надвигающуюся темноту. Страшно за Россию. Куда ведет ее Господь? Зачем так страшно испытует?»... **

Теоретическую позицию Ильина по вопросу о «вожде» наиболее полно отражает статья «О русском фашизме», где он, в частности, дает «философское» определение понятию «белое движение». Как пишет Ильин, оно имеет место везде, «где в общественной и государственной жизни люди объединяются на началах *добровольного служения, качественного отбора, бескорыстия, чести, долга, дисциплины и верности*, и движимые патриотизмом, начинают на этих началах служить *родине*» ***. Считая наиболее удачным примером такого служения фашистский «эксперимент» Муссолини в Италии, Ильин пытается найти тонкую грань, отделяющую подлинное «служение» от произвола, порожденного амбициями партийных вождей, и высказывает сомнение в полезности фашизма для России.

Тем не менее очевидно, что провозглашенная Ильиным в журнале «Русский колокол» политическая программа, неизбежно вела его последователей, не искушенных во всех философских тонкостях соотношения «права» и «силы» и далеко не всегда обладающих необходимым уровнем правосознания, к политическому волюнтаризму фашистского толка. Тем более что в конце статьи сам Ильин заключает: «Дух русских фашистов — патриотический, волевой и активный; не для осуждения

* Наст. изд. С. 281—282.

** Наст. изд. С. 282.

*** Ильин И. А. О русском фашизме // Русский колокол. 1928. № 3. С. 56.

этого духа я взялся за перо. Но для того, чтобы сказать моим белым братьям, фашистам: *берегитесь беспочвенной, зарубежной "политики"* *. Ясно, что такая позиция могла получить сочувственный отклик лишь у незначительной части русской эмиграции, отсюда и узость круга авторов журнала. «Русский колокол» не смог ни объединить сколько-нибудь значительных сил эмиграции, ни тем более вызвать какой-либо отклик в советской России.

В целом «Русский колокол» стал выразительным символом судьбы его создателя. В нем с предельной откровенностью проявилась и последовательность Ильина, его готовность до конца двигаться по однажды избранному пути, и существенная утопичность некоторых его идей, связанная с недостаточным пониманием тех радикальных перемен, которые происходили с европейским человечеством в первой половине XX века. В сущности, Ильин просмотрел возникновение совершенно новой исторической эпохи, связанной с новым человеком и несущей новую культуру, далекую от тех идеалов, которые он продолжал защищать до конца жизни. Его политическая платформа после 1925 г. по-прежнему целиком определялась тем «черно-белым» мировоззрением, которое было одновременно и источником, и порождением трагедий европейской истории XX века и в рамках которого невозможно было найти путь к новому историческому порядку.

Для Ильина «Белое дело» оказалось тем героическим служением, в котором он увидел свой долг перед Россией и которому он отдал все свои силы. И в статье «Белая идея», и в последующих публицистических работах большевизм и его победа в России изображались Ильиным как подлинное и окончательное раскрытие злого, сатанинского начала мира, временно восторжествовавшего в человеческой истории. Поэтому борьба с большевизмом приобрела в его глазах вселенское значение, значение своеобразного Армагеддона, решающей битвы божественных сил добра и сатанинских сил зла, битвы, в которой обязан принять участие каждый, не равнодушный к судьбе России, каждый духовно зрелый человек. Не только примиренческое, но даже нейтральное отношение к большевикам, к Советской власти рассматривалось Ильиным как соглашательство, как союз с самим сатаной. Поэтому деятели эмиграции, которые склонялись к такому соглашательству, становились для него не просто оппонентами в теоретических спорах, но врагами христианства

* Там же. С. 64.

и личными недругами. Здесь коренится причина неприязненного отношения Ильина к левому крылу русской эмиграции и, в частности, к Бердяеву. Впрочем, неприязнь была взаимной, и первый импульс к ней дал Бердяев, написавший против книги «О сопротивлении злу силою» резкую статью, содержащую оскорбительные для Ильина обвинения.

Нужно отметить, что Ильин всегда стремился быть выше личных узкопартийных пристрастий (хотя удавалось ему это далеко не всегда), считая, что именно межпартийные распри мешают объединению сил в борьбе с большевизмом. Поэтому он резко отрицательно высказывался не только против крайне левых сил эмиграции, но и против крайне правых монархических кругов, не стесняясь называть их представителей «черносотенцами» *. Консерватор и монархист по своим поздним убеждениям, Ильин, однако, старался сделать свои взгляды в отношении будущего России более гибкими, в частности высказывался против прямолинейного требования немедленного восстановления монархии в России, не считающегося с особенностями той исторической эпохи, в которую произойдет освобождение страны от тоталитаризма. Эту позицию, которую разделял и П. Струве, Ильин называл «непредрешенством». Впрочем, она сочеталась с глубоким убеждением в том, что рано или поздно восстановление монархии все же произойдет, поскольку, по его убеждению, западная демократия и республиканский строй принципиально расходятся с основами русского национального характера.

Полемика по поводу идей книги «О сопротивлении злу силою» привела к окончательному размежеванию в лагере русской эмиграции; решающее значение она имела и в биографии Ильина. В конце 20-х — начале 30-х годов происходит его сближение с Русской зарубежной церковью, которая поддерживала идею активного сопротивления большевистскому режиму в России. Контакты с иерархами Православной Церкви позже приобрели постоянный характер и свидетельствовали о существенном повороте в философском творчестве Ильина. Уже в книге «О сопротивлении злу силою» чувствуется явное стремление автора придать своей философской концепции православный оттенок. В дальнейшем это стремление будет все более и более усиливаться, придавая некоторым работам Ильина почти богословский характер (хотя православным богословом в строгом смысле этого слова он никогда не был). Эта тенденция в

* См.: Наст. изд. С. 466—467.

конце концов станет определяющей и будет иметь роковое значение для его философского творчества. Несмотря на сохранение внешней последовательности и фундаментальности, в сочинениях Ильина исчезнет самое главное качество, привлекавшее в его ранних работах, — *смелость мысли и чувства*, не признающая никаких «священных» границ и запретных тем. Теперь все чаще философ будет отступать перед вопросами, право на решение которых, по его мнению, имеет только богословие.

Лишь при соприкосновении с самыми заветными для него темами Ильин будет демонстрировать былую философскую проницательность и страстность, доказывая неизменность некоторых основополагающих принципов своего мировоззрения. Среди этих тем — автономия и «одинокость» человеческой личности, духовная взаимосвязь и взаимозависимость людей, выражающаяся в феномене права, необходимость непрерывной борьбы за добро и духовное совершенство и некоторые другие. Но и в разработку этих тем Ильин уже не добавит почти ничего принципиально нового, ограничиваясь повторением старых идей, уточнением некоторых понятий, более подробным анализом отдельных деталей. Все самое главное уже было сказано им в работах 1910—1920-х годов.

7

Обращаясь к поздним работам Ильина, написанным в 30—50-е годы, необходимо подчеркнуть глубокую взаимосвязь между новыми идеями, возникающими в трудах философа, и радикальными переменами в исторической ситуации. Начало 30-х годов было отмечено окончательным крушением надежд на возможность скорой победы над мировым злом, воплотившимся в коммунизме и фашизме. Это была эпоха, поставившая под вопрос саму возможность для отдельного человека достаточно эффективно влиять на ход истории, т. е. опровергавшая центральный принцип исторической концепции Ильина. Начиная с книги «Путь духовного обновления» (1935), происходит существенное изменение его философского мировоззрения. После напряженных поисков ответов на самые трагические вопросы бытия, которыми были пронизаны работы 1910—1920-х годов, новая книга кажется умиротворенно-спокойной. Создается впечатление, что духовное напряжение предшествующих лет стало непосильным для Ильина и теперь он желает убедить себя и своих читателей в возможности «духовного обновления», в воз-

возможности благополучного разрешения главных проблем жизни. Перед нами возникает положительный идеал подлинно духовной, совершенной жизни, в достижимость которого философ верит.

Идея ответственности человека за положение дел в мире отходит на второй план, и одновременно Ильин пересматривает обосновывающий эту идею принцип метафизического тождества человека и Бога, что, в свою очередь, приводит к смещению акцентов в системе представлений, составляющих смысл концепции духовной очевидности. Пытаясь привести свои взгляды в согласие с православной догматикой, Ильин утверждает в центральной работе позднего периода своего творчества: «...ни-*какое приближение человека к Богу не может погасить и никогда не погасит нетождество его с Господом...* Поэтому в самую сущность религии входит *ограниченность того единения с Богом, которое доступно человеку*» *. Единение с Богом теперь трактуется не как «субстанциальное тождество», а всего лишь как принятие Божьей благодати, как предстояние перед всемогущим, всеблагим и недостижимым для человека Богом. Естественно, что при этом полностью отвергается идея «страдающего Бога», несущего в своей сущности «потенцию потенции зла», о чем Ильин писал в заключительной главе своей книги о Гегеле.

Место понятий философского акта и философского опыта, которые играли важнейшую роль в работах 1910—1920-х годов, в поздних сочинениях занимают понятия религиозного акта и религиозного опыта. По-прежнему речь идет о единении (но уже не о слиянии!) с божественным Предметом, и это единение рассматривается как абсолютная основа всех сфер человеческой жизни и человеческого творчества. Принципиальное для анализа философского акта различие между всеобщим предметным содержанием акта и его личностной формой теперь преобразуется в аналогичное различие между содержанием и формой религиозного акта. Именно это различие становится исходным пунктом замысла книги «Аксиомы религиозного опыта» (1953), которая стала итогом философского творчества Ильина. В отличие от того, что утверждалось им относительно философского акта, Ильин считает, что форма религиозного акта существенно независима от его содержания. В частности, эта независимость доказывается самой возможностью исследовать форму акта отдельно от его содержания, которое отдается в монопольное владение богословию. Однако такой разрыв между

* Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. С. 380.

формой и содержанием неизбежно ведет к серьезной опасности, о которой Ильин неоднократно говорил в своих ранних работах. Человек может принять субъективную форму акта за подлинное его выражение, в то время как истинное содержание в данной форме будет совершенно отсутствовать. Человек может иступленно «практиковать» свой религиозный акт, будучи при этом вне истинной религиозности, вне подлинного религиозного содержания. Понимая эту опасность, Ильин и в данной работе говорит о необходимости «предметности» религиозного акта, направленности его на верное духовное содержание, на божественный Предмет, на высшее Совершенство. Однако, если раньше божественный Предмет признавался доступным человеку и «растворение» в нем имело вполне рациональные последствия, то теперь, отвергая возможность слияния с ним, Ильин превращает предметность акта в недоступный проверке постулат. Впрочем, он все-таки вынужден касаться и содержания акта, когда пытается доказать, что это содержание может быть выражено только в строго определенной форме. В результате оказывается, что структура религиозного акта не так уж сильно отличается от структуры философского акта, занимавшего центральное место в более ранних работах Ильина.

В структуре религиозного акта Ильин выдвигает на первый план личностно-творческий аспект, и это неудивительно: о том, что религия есть предельно личное отношение к высшей сущности, он писал еще в статье о Шлейермахере. Однако теперь, в связи с тем что религиозный акт выступает главной формой духовной очевидности, его характеристики становятся определяющими для всей нашей духовной жизни. В частности, характеристики индивидуальности и неповторимости теперь преобладают над качествами единства и всеобщности; «все люди *своеобразны и единственны в своем роде и в своей субъективности...* И потому каждый из нас, несмотря на постоянное, повседневное — сознательное и бессознательное общение — совершает свою жизнь и осуществляет свой земной путь от рождения до смерти в *глубоком и неизбывном одиночестве*. Об этом одиночестве отчаянно забывать; но его необходимо помнить» *. Главным условием, обеспечивающим правильную структуру акта, Ильин полагает духовную свободу человека. Отсюда следует совершенно неортодоксальное определение религии: «Религия есть *свободное цветение личного духа*» **.

* Там же. С. 43.

** Там же. С. 90.

Все это приводит к усилению значения иррациональной составляющей нашей духовной жизни. Если раньше для описания акта очевидности Ильин использовал понятие интеллектуальной интуиции, гармонично сочетающей рациональность мышления с иррациональной силой жизни, то в поздних работах его место занимает понятие *сердечного созерцания*, в котором иррациональные компоненты любви и жизни играют главенствующую роль. «Религия человека не сводится к любви и не исчерпывается ею: она вовлекает *всего* человека — и созерцание, и волю, и мышление, и все акты духа, и все действия человека, и всю его жизнь. Но она *родится из любви*, она *решается любовью* и *без любви невозможна*» *. Еще более решительно, чем прежде, Ильин подчеркивает экзистенциально-ценностный момент акта, определяющий само существование человека как личности, как неповторимой и цельной индивидуальности перед лицом Бога. Религиозность человека, рождающаяся в глубоком религиозном акте, «*есть жизнь, сама жизнь, подлинная жизнь*; она есть *Главное* в жизни, такое Главное, которое господствует в ней и ведет ее» **. Значимость религиозности — в умении переживать подлинную ценность каждого момента жизни, в умении видеть в мельчайших событиях и явлениях глубокий духовный смысл, знак сверхъестественной тайны. Наоборот, неумение разглядеть в каждом событии явленную тайну, неумение свести все мелочи жизни к единому духовному содержанию есть *пошлость*. «Пошлый» человек воспринимает все в мире из «неглавного» содержания, распыляет свою духовность в недуховных и противодуховных содержаниях.

Как пишет Ильин, подлинная религиозность связана с открытием в душе «ока», направленного на высшие содержания, обнаруживающего эти содержания в мельчайших элементах бытия; с выявлением в душе «огней личной жизни», которые есть преломление Божьего света; с разгоранием «центральной Купины» человеческого духа. Только в этом случае личность человека обретает безусловный «центр», становится самостоятельным *бытием*. «Напротив, человек, лишенный такого центра (сознаваемого или несознаваемого им самим!), — имеет «*существование*», но не имеет «*бытия*», он не есть самобытный творческий источник жизни, истории, культуры и государства; он только «медиум» внешних влияний и внутренних страстей» ***.

* Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. С. 103.

** Там же. С. 179.

*** Там же. С. 305.

В религиозной оболочке здесь заключена та же идея, которая в работах 1910—1920-х годов непосредственно связывала Ильина с философией жизни: подлинный смысл существования имеет только в том случае, когда человек глубоко переживает свое бытие, ощущает каждое мгновение текущего времени в его неповторимой индивидуальности. Здесь можно найти также явные точки соприкосновения и с экзистенциалистской трактовкой сознания человека как чистого становления, разрушающего незыблемость и однозначность «пошлого» бытия. В изображении Ильина подлинная жизнь человека превращается в своеобразный «экстаз» в исходном значении этого слова — как выхождение за пределы самого себя в непрерывном и абсолютном свободном духовном становлении.

В целом «Аксиомы религиозного опыта», итоговая книга Ильина, показывают, что центральный элемент его философской системы — концепция духовной очевидности — почти не претерпел изменений с течением времени. Особенно это заметно в тех случаях, когда Ильин все-таки (несмотря на им же сформулированный запрет) касается содержания религиозного акта, его объективно-рационального аспекта. Подлинная религия всегда связана с осознанием *реальности* Бога; все значительные религиозные системы в истории человечества, утверждает Ильин, обладали определенной долей истины в той степени, в какой они несли в себе указанное осознание реальности Бога. Но признание относительной истинности религиозных систем прошлого и настоящего неизбежно лишает христианское Откровение абсолютного преимущества над догматами другой веры. Установить приоритет христианства (в форме православия) в этом случае оказывается возможным только через *рациональное* исследование религиозного акта христианства. В сущности, книга Ильина, посвященная указанной задаче, самим фактом своего существования в определенной мере ограничивает авторитет Священного Писания и богословской догматики, утверждая *невозможность* подлинной предметности, объективности религиозного акта *вне контроля разума*.

Однако самым важным для Ильина в его позднем творчестве было все же не уточнение отдельных элементов философской конструкции. Новые метафизические принципы были необходимы ему для того, чтобы с их помощью обосновать систему ценностных постулатов, позволяющих оправдать свое индивидуальное существование в изменившейся исторической ситуации, — в ситуации, когда прежняя система постулатов, среди которых главную роль играла идея абсолютной ответственнос-

ти за все происходящее в историческом времени, становится слишком непосильным бременем, требует от того, кто готов следовать ей, непомерных усилий.

Ильин в полной мере разделит бремя участия в трагедии, разыгравшейся в XX веке на подмостках европейской истории, и, в конце концов, не смог сохранить веру в земные силы человека, в его земное предназначение. Он нашел спасительное решение всех проблем жизни в религиозной вере; нашел разрешение всех земных трагедий в учении о посмертном существовании. Именно в этом пункте концепция человека претерпевает у Ильина наиболее радикальные изменения. Раньше он утверждал, что смерть, отчетливо обозначая все подлинное в бытии человека, придает его земной жизни абсолютное значение, возлагает на человека абсолютную ответственность; смерть выступала в качестве постоянного требования, призыва ко все новым и новым подвигам ради земного совершенства. В поздних трудах философа она превращается в последнюю надежду, в последнее прибежище, где без борьбы обретается все, что недоступно человеку в этой жизни: «...земная жизнь есть лишь подготовка к новому пути и к истинной свободе; и то, что предстоит человеку *посмертно, есть главная и существеннейшая часть его бытия*» *. И хотя Ильин продолжает повторять, что смерть является критерием подлинности всех земных жизненных содержаний, этот тезис теперь уже имеет вторичное значение, так как земное совершенство оказывается ограниченным и несущественным по сравнению с совершенством, которое дарует смерть: «...каждый человек имеет определенную степень достижимого для него совершенства. Всю жизнь свою он созревает, восходя к этой степени; всю свою жизнь он *зреет к смерти*. И земная смерть его наступает тогда, когда ему не дано подняться выше, когда ему нечего больше достигать, когда он созрел к смертному уходу» **.

Все те проблемы, которые ставит и часто столь по-разному решает Ильин на разных этапах своего творческого развития, — это «последние» проблемы человеческого бытия; и вряд ли когда-либо мы сможем решить их окончательно. Каждый должен сам выбрать свой собственный ответ, опираясь на свой собственный жизненный опыт. Но в этом нелегком выборе огромную помощь может оказать мнение тех, кто всей своей

* Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. С. 431.

** Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 346.

жизнью доказал искренность и глубину своих поисков. Именно в этом, несмотря на его определенную внутреннюю противоречивость и непоследовательность, несмотря даже на содержащиеся в нем ошибки, заключается значение философского творчества Ильина.

8

Творческая трагедия Ильина своим истоком, безусловно, имеет его *жизненную трагедию*. Испытав крушение всего устоявшегося уклада жизни, став свидетелем небывалой исторической трагедии своего народа, Ильин так и не смог смириться с *невозвратимостью* ушедшего мира. В его представлении борьба за новую Россию так и осталась борьбой за воскрешение той эпохи, которая оборвалась в 1914 г. (хотя он и подчеркивал невозможность *буквального* возвращения старых порядков). Именно этим объясняется двойственное впечатление, возникающее при знакомстве сегодня, в начале XXI века, с публицистическими работами Ильина, посвященными «русскому опыту». С одной стороны, мы находим в них поразительную глубину понимания причин возникновения и возможных итогов существования тоталитарной коммунистической системы, с другой — столь же поразительную нереалистичность многих из предлагаемых методов возрождения будущей свободной России.

Этот же внутренний настрой, эта же устремленность в *прошлое*, объясняет и резко негативное отношение Ильина в поздние годы к западной культуре, ко всей западной цивилизации. Основной ее порок он видит в уклонении от христианского мировоззрения, в секуляризации всех сфер жизни, что равносильно в его представлении опошлению жизни. Конечно, в этом убеждении Ильина есть большая доля истины; то же самое говорили о западной культуре многие другие европейские мыслители той эпохи. Однако Ильин, абсолютизируя все негативное в европейской цивилизации XX века, не заметил рождения *принципиально новой культуры*, которая, наследуя лучшие черты ушедших времен, была связана с появлением *нового человека*, которому предстояло жить (хочет он того или нет) в обновленном мире.

В то время как в своих последних философских работах Ильин пытался построить религиозно-философскую концепцию, основанную на вере в полное превосходство божественного начала, божественной субстанции в мире, в его поздней публи-

цистике продолжало господствовать мировоззрение, главным пунктом которого является резкий этический дуализм, представление о непрерывной борьбе в мире двух начал, Бога и сатаны. Для того чтобы обосновать это свое мировоззрение, Ильин постоянно возвращался к проблеме «демонизма» и «сатанизма» в современной ему культуре и пытался обрисовать своего рода «путь сатаны» в европейской истории от эпохи Возрождения до «триумфа» сатанинского начала в большевизме и русской революции. Все современные исторические события, перипетии политической борьбы, международные отношения государств, все явления культурной и общественной жизни Ильин рассматривал только под углом зрения борьбы этих двух полярных начал, что вносило апокалиптические нотки в каждую оценку и каждое суждение. В этом полумифологическом мировоззрении находятся истоки многих характерных особенностей его поздних политических воззрений: абсолютного неприятия «формальной» западной демократии; неверия в способность русского народа после долгих лет тоталитарного рабства (господства сатаны) воспринять ценности политической свободы; убеждения в необходимости для посткоммунистической России «национально-государственно-воспитывающей диктатуры», переходящей в «неформальную» демократию, способную создать правление «лучших» людей; наконец, веры в почти священный, «богоданный» характер ушедшей православной монархической государственности*.

Особенно злоеющее звучание этический и политический максимализм Ильина приобрел в заключительных статьях из серии «Наши задачи», где, разоблачая «врагов национальной России» и таинственную «мировую закулису», мечтающую о «расчленении России» и потакающую большевизму, он призывал к настоящей «охоте на ведьм», к «генеральной чистке» всех стран мира от «криптокоммунистов» (тайных коммунистов), которые, по его мнению, проникли во все сферы западного общества — от правительств, либеральных партий, редакций газет и журналов до армии, флота, «атомных заводов и воздушных опорных пунктов»**. Этот внутренний настрой поздней публицистики Ильина лучше всего демонстрирует одновременно и глубокую преемственность разных этапов развития его взглядов, и все усиливающуюся неадекватность его мировоззре-

* См.: *Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг.* // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 19—21, 155—178, 374—383 и др.

** См.: Там же. Кн. 2. С. 335—340.

ния новой эпохе, вступившей в свои права после завершения двух мировых войн.

В начале ХХI века, когда культура новой эпохи завершила свое становление, приобрела стабильность и четкие формы, критика Ильина, направленная против ее предвестников, вызывает недоумение; она свидетельствует лишь о невероятной субъективности и пристрастности ее автора. В своих поздних сочинениях Ильин объявляет «пошлыми» не только живопись Пикассо, поэзию Брюсова, Блока, Бальмонта, Ахматовой, прозу Белого, музыку Скрябина и Рихарда Штрауса, но и произведения Веронезе, Тьеполо, Рабле, Вольтера, Байрона, Золя и других признанных классиков западного искусства *. Особенно резкое его неприятие вызывает Ф. Ницше, которого он изображает чуть ли не воплощением самого сатанинского начала мира, родоначальником антихристианства в европейской культуре. В философии Ницше Ильин не видит ничего иного, кроме прямой и откровенной «проповеди зла» **. Вряд ли стоит сегодня спорить со столь неадекватным восприятием предельно сложной и глубокой концепции родоначальника философии жизни. Тем более будет наивным предполагать, что Ильин плохо знал сочинения Ницше. Выпады его против Ницше ничего общего не имеют с серьезным осмыслением взглядов последнего. Это, несомненно, эмоциональная попытка отмежеваться от определенных идей, которые сам Ильин разделял в годы своей молодости. Мы уже говорили о том, сколь многим он был обязан философии жизни и как близок был в некоторых своих работах (особенно в книге «О сопротивлении злу силою») к идеям Ницше. Можно вспомнить здесь и раннюю статью — «Идея личности в учении Штирнера», где Ильин пытался утвердить позитивный смысл нигилистического учения скандально известного последователя Гегеля, видел его заслугу в провозглашении абсолютной ценности отдельной человеческой личности.

В страстной борьбе стареющего Ильина с секуляризованной культурой Запада мы не без удивления узнаем тот же императив, который вдохновлял его «антагониста» Льва Толстого на ниспровержение «безнравственной» европейской культуры. И Ильину, и Толстому это ниспровержение было необходимо для того, чтобы любой ценой доказать (не столько другим, сколько *самим себе*) незыблемость религиозных и нравствен-

* См.: Там же. С. 320—321; Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. С. 62 и др.

** Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг. Кн. 1. С. 71.

ных принципов, принятых за основу миропонимания. При этом необходимость столь своеобразного доказательства была обусловлена тем, что указанные принципы для обоих были неочевидны, более того, расходились с убеждениями их молодости, были приняты только для обретения духовного успокоения.

Определенное совпадение жизненных судеб двух русских мыслителей носит столь принципиальный характер, что заставляет присмотреться к нему повнимательней.

С предельной ясностью смысл перелома, произошедшего во взглядах Толстого в середине его жизни, выразил Л. Шестов в книге «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше» (1900). Отречение Толстого от своего художественного творчества и связанное с этим отречением осуждение многовековой европейской культуры Шестов рассматривает как попытку уйти от самых сложных проблем жизни, пронизательное понимание которых составляет главную заслугу Толстого-художника. «Проповедь добра», звучащая у позднего Толстого, необходима *ему самому* — для того чтобы *обосновать* свое индивидуальное существование в мире, полном зла и страданий. Хотя в своих романах Толстой, как никто другой, видел и чувствовал страдания мира, это до поры до времени не способно было поколебать его позицию, основанную на утверждении абсолютной самоценности бытия человека. Но в конце концов происходит перелом (Шестов связывает его с посещением Толстым ночлежного дома, описанным в статье «Мысли, вызванные переписью в Москве»), который ведет к утрате душевного равновесия, — страдания других вопиют, требуют признания их в качестве главной характеристики мироздания, мешают целостности и самодостаточности личного бытия. Именно для того, чтобы восстановить спокойствие и цельность своего существования, Толстой «воздвигает знамя добра», пытаясь этим «знаменем» отгородиться от бесконечных страданий мира, доказать другим и себе (себе — в первую очередь!), что он помнит о них и «искупает» их. Замечательно, что Шестов противопоставляет «проповеди» Толстого позицию Ницше, который через свои личные нечеловеческие страдания сумел во всей полноте и искренности принять страдания мира и, осмыслив этот опыт, высказать самые страшные, почти лишающие надежды, истины о мире, человеке и «умершем Боге».

Здесь уместно вспомнить, как опровергает Толстого Ильин в книге «О сопротивлении злу силою»; там господствует тот же пафос предельной искренности и честности, готовность к постановке всех самых страшных вопросов жизни, чего бы это ни

стоило вопрошающему. Все упреки, которые Ильин бросает Толстому, почти совпадают с обвинениями Шестова; а смысл позиции Ницше и ее превосходства над позицией Толстого, как это понимает Шестов, точно соответствует смыслу убеждений Ильина, высказанных им в противопоставление «проповеди добра» Толстого. Все это еще раз доказывает обоснованность сближения философских взглядов Ницше и Ильина. Однако тонкий психологический анализ Шестова помогает, помимо прочего, разгадать и причины перелома, который произошел с самим Ильиным после написания «непримиримой» книги, направленной против «проповедей» Толстого. По сути, Ильин в результате этого перелома оказался не противником, а *союзником* Толстого-проповедника, Толстого последних лет жизни. Конечно, союзником не в смысле единой системы взглядов, а в стремлении любой ценой найти *окончательное, спасительное* решение трагедии нашего земного бытия, такое решение, которое дало бы наконец право отвести глаза от страданий, наполняющих мир, сделало бы их *ничтожными* перед тем высшим, что ждет человека вне этого мира, позволило бы смириться со своим *бессилием* перед ними.

Таким спасительным решением для Ильина оказался уход в церковное православие. Философ, который раньше видел в религии только «темный», непроясненный способ осознания высших ценностей бытия, никогда не стеснявший себя рамками богословских догматов, теперь становится истовым приверженцем церковной традиции, внутри которой он надеется найти чудодейственное разрешение всех мучающих его проблем. И хотя, как мы старались доказать, неискоренимая философская честность все равно заставляла его выходить за поставленные самому себе пределы, новая установка наложила неизгладимый отпечаток на все его поздние труды.

По-видимому, есть жестокая закономерность в том, что люди, особенно остро чувствующие трагедию мироздания, в конце концов не выдерживают возложенной на них судьбой ответственности. «Невозможно существовать, всегда, неизменно глядя в глаза страшным призракам» *. И Толстой, и Ницше, и Достоевский, по мнению Шестова, разделили одну и ту же участь — участь отречения от своего слишком пронизательного восприятия и понимания мира. Заслоняясь от «страшных призраков», Толстой уходит в проповедь «добра», Ницше — в про-

* Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 126.

поведь «сверхчеловека». Эта же участь была суждена и Ильину. И он оказался среди тех, кто был обречен увидеть все ужасы бытия и до конца осознать их неизбежность в жизни человека. Но и он не выдержал этого бремени и нашел утешение в проповеди — в проповеди церковного, исторического православия. В этом ограниченность и слабость его поздних творений; и мы окажем плохую услугу выдающемуся русскому философу, если примем на веру его утверждение о том, что все самое главное было сделано им в последние годы жизни, если не разглядим за внешней привлекательностью «проповеди» подлинной глубины и пронизательности понимания мира и человека, характерного для *истинно главных* работ Ильина.

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Е. К. ГЕРЦЫК

Воспоминания

<фрагмент>

О скольких не упоминаю я в моих воспоминаниях. Но одну дружбу-вражду не хочу обойти молчанием. Началась она много раньше описываемых лет: в <1>906 году наша двоюродная сестра вышла замуж за студента Ильина¹. Недавний революционер-эсдек (он был на памятном съезде в Финляндии в 1905 г.²), теперь неокантианец, но сохранивший тот же максимализм, он сразу порвал с родней жены, как раньше со своей, насквозь буржуазной, но почему-то исключением были мы с сестрой, и он потянулся к нам со всей присущей ему пылкостью. Двоюродная сестра не была нам близка, но — умная и молчаливая — она всю жизнь делила симпатии мужа, немножко ироническая к его горячности. Он же благоговел перед ее мудрым спокойствием.

Молодая чета жила на гроши, зарабатываемые переводом: ни он ни она не хотели жертвовать временем, которое целиком отдавали философии. Оковали себя железной аскезой — все было строго расчислено, вплоть до того, сколько двугривенных можно в месяц истратить на извозчика; концерты, театр под запретом, а Ильин страстно любил музыку и Художественный театр. Квартирка, две маленькие комнатки, блистала чистотой — заслуга Натальи, жены. Людей, друзей в их обиходе не было. Ильин оставлен при университете на кафедре философии права, но теперь, влекомый к чистой философии, возненавидел и право, и профессора по кафедре — Новгородцева³, и сотоварищей. Всегда вдвоем — и Кант. Позднее — Гегель, процеженный сквозь Гуссерля⁴. И так не год, не два. Винт завинчивался все туже. И вот как отдушину — влечение к сестрам, таким непохожим на них, носимым туда-сюда прихотью сменяющихся вкусов: Ницше, античность, модернизм, восточная мистика...

То, что отвращало в других, — в нас влекло. Бывают такие причуды.

Когда же наши пристрастия из книжных превратились в живых людей и Ильины стали встречать у нас Волошина, Бердяева, Вяч. Иванова⁵, стало площе: с неутомимым сыском Ильин ловил все слабости их, за всеми с торжеством вскрывал «сексуальные извращения». И между нами и Ильиными прошла трещинка, вражда, сменявшаяся опять моментами старинной дружественности. Способность ненавидеть, презирать, оскорблять идейных противников была у Ильина исключительна, и с этой, только с этой, стороны узнали его москвичи тех лет, таким отражен он в воспоминаниях Белого⁶. Ненависть, граничащая с психозом. Где, в чем источник ее? Может быть, отчасти и в жестоких лишениях его юных лет: ведь во имя построений отвлеченной мысли он запрещал себе поэзию, художественный досуг, все виды сладострастия, душевного и материального, все, до чего жадна была его душа. Знакомство с Фрейдом⁷ было для него откровением: он поехал в Вену, прошел курс лечения-бесед, и сперва казалось, что-то улегчилось, расширилось в нем. Но не отомкнуть и фрейдовскому ключу замкнутое на семь поворотов.

В годы, о которых и пишу, Ильины уже не нуждались: то ли наследство какое-то — помню его большой кабинет с рядами книг, с камином и кожаной мебелью. Как нерусским был он в своей аскетической выдержке, так нынче не по-русски откровенно наслаждался комфортом, буржуазным благополучием. По матери — немецкой крови⁸, светлоглазый, рыжеватой масти, высокий и тонкий, Иван Ильин — тип германца. И как бывает порой с русскими немцами, у него была ревнивая любовь к русской стихии — неразделенная любовь. Страстно любил Художественный театр, выискивая в игре его типично русские черты, любил Чехова, любил Римского-Корсакова так, как любят любовницу, ненавидя тех, кто тоже смеет любить; любил, не всегда различая некоторую безвкусицу, например в сусально-русских былинах Алексея Толстого⁹. Выйдет из кабинета на маленький заснеженный балкончик и влюбленно смотрит на «свою Москву», говорит подчеркнуто по-московски, упивается пейзажем Нестерова¹⁰. В послереволюционные годы он близко сошелся с самим художником, и тот написал его с книгой в руках идущим вдоль тусклого озера и скудных березок — таким светловолосым мечтателем. И вправду, за злобными выпадами копошились в нем нежнейшие ростки — *deutsches Gemut*¹¹. В 15—16-е годы уже не мы одни с сестрой объект его сентимен-

тальной дружбы — он упоен сближением с композитором Николаем Метнером¹², предан Любви Гуревич¹³, дружит с одним умным и тонким евреем, толкователем Ницше, — и везде его дружба напарывается на шипы: здесь враждебный ему Ницше, а Метнер — приятель Белого, особенно ненавистного Ильину. К нам, в Кречетниковский, они теперь заглядывают редко: трудно выкроить вечер, чтобы у нас наверняка никого не было. А придет Ильин — весь дружественно раскрытый, и не нам одним — всему, что окружает сестру: благоволит немножко свысока к ее мужу, достаивая его философской дискуссии, возится с мальчиком, бегают по комнате, дурачатся. Едко и зло пародирует молодых московских когенианцев, риккертIANцев... Сместся, хотя для нас что презируемый им Коген¹⁴, что чтимый Гуссерль — одна мура! Но вот раскрытая книга с авторской надписью на столе — толчок к язвительному наскоку на кого-нибудь из наших друзей. Мы — на дыбы. Слово за словом все резче. Расстаемся в холоде. А через день от него покаянное письмо. И опять все сызнова. Скучная канитель! Думается, что, если бы его писательский дар был ярче и ему удалось выбросить из себя злобу в желчных статьях, он в жизни был бы мягче. Но, упрямо насилуя себя, он годы и годы пишет все одну книгу о Гегеле. Мне так и не довелось прочесть ее. И не удержала в памяти его толкования Гегеля и вообще — стержня лично его, ильинских, мыслей: долгими и бесплодными были отношения — совсем незачем, так, грех попутал.

Но нынче, в час суда над прошлым, спрашиваю себя: не во мне ли отчасти вина? Будь я сама тогда свободней от чужих влияний, будь до конца собою, разве не соприкоснулась бы я с глубиной его духа — все равно, для осуждения ли или для помощи?

В двадцать втором году Ильин среди многих других был выслан за границу. Они прочно осели в Берлине и с тех пор канули для нас в неизвестность. Жив ли он? Во всяком случае, встреча с фашизмом не могла не быть ему и возмездием, и суровым испытанием.

А. БЕЛЫЙ

Между двух революций

<фрагмент>

<...> С Веняямином Михайловичем Хвостовым¹, являвшимся в философский кружок, у меня сложились вполне добродушные отношения; «гроза» для студентов, державших экзамен по римскому праву, в салоне Морозовой была скромна; и держала себя несравненно культурней, чем Л. М. Лопатин²; Хвостов читал Риккерта, Когена, Наторпа³; и никого не преследовал за изучение их; он молчал, тяжковато посапывал, и он за собою водил в кружок слушательницу своих лекций; каких философских был взглядов он, трудно мне было понять; но он верил в высокое назначение женщины; тут мы сходились; не знаю, читал ли он меня или нет; но он знал о моем отношении к женщине.

Он однажды, подсевши ко мне, завел речь о значении сонетов Петрарки и средневековой «даме» рыцаря; его глаза заблестали; и вот с косолапым доверием бухал мне в ухо такими интимными мыслями, которые не соответствовали его виду «грозы»; подоплека его была нежная.

Он был в политике трусом; источник же трусости — вовсе не мысль о карьере, а о судьбе женской гимназии его жены; гимназия была ему дорога, так как в ней он мог проводить взгляд на женщину; с университетом расстался легко он, не выдержав самоуправств министерства.

С Хвостовым дружил; наоборот: молодой, одержимый, бледный, как скелет, Иван Александрович Ильин, гегельянец, впоследствии воинственный черносотенец, — возненавидел меня с первой встречи: ни за что ни про что; бывают такие вполне инстинктивные антипатии; Ильина при виде меня передергивало; сардоническая улыбка змеилась на тонких и мертвых устах его; с нарочитою, исступленную сухостью, бегая глазками мимо

меня, он мне кланялся; наше знакомство определялось отнюдь не словами, а тем, как молчали мы, исподлбья метая взгляды друг в друга.

По-моему, он страдал затаенной душевной болезнью задолго до явных вспышек ее; он старался все выглядеть сухо и зло оттого, что, быть может, в душе его протекали какие-нибудь бредовые процессы; этот талантливый философ казался клиническим типом; в эмиграции он мог стать Горгуловым⁴; у него были острые увлечения людьми; и ничем не мотивированные антипатии; ему место было в психиатрической клинике, а вовсе не за зеленым столом. Рассказывали: в многолюдном обществе он, почувствовав ненависть к Вячеславу Иванову, стал за спину его и передразнивал его жесты, что в державшемся подтянуто гегельянце уже выглядело бредом с укусом уха Николаем Ставрогиним⁵.

Чем-то ставрогинским веяло на меня от И. А. Ильина; чем серьезней бывали его выступления, тем более меня ужасал кривой дерг его губ и вздрог высокого, тонкого, стильного стана и бледного профиля с добела белокурой бородкою Мефистофеля.

Черная кошка пробежала меж нами в те годы⁶; в 1915 г. я все порвал с Метнером, ставшим другом его; придравшись к книге, полемизировавшей с Метнером (а на самом деле схватясь за предлог проявить свою инстинктивную ненависть), И. А. Ильин разослал внезапно ряд писем (Булгакову, Гершензону⁷ и многим другим) с клеветой на меня; он и мне прислал копию; я же был в Петербурге; и не мог ознакомиться с содержанием его, потому что в мое отсутствие к матери забежал Гершензон и потребовал, чтобы я не распечатывал письма; вернувшись, я его вернул Ильину в нераспечатанном виде; текст письма был передан Трубецкому⁸, который стал между нами невольным третейским судьей; Трубецкой объяснил получателям писем, что он, ознакомившись с текстом книги моей, не нашел в ней ничего предосудительного. Мне потом объясняли: Ильин вычитал в книге моей против Метнера гадкие инсинуации, де порочившие честь его друга; вернее, не вычитал, а вчитал в нее свою гадость; мне и тогда было ясно, что передо мной душевнобольной <...>

Н. Н. АЛЕКСЕЕВ

В бурные годы

<фрагмент>

СПУТНИКИ И ДРУЗЬЯ СТУДЕНЧЕСКИХ ЛЕТ

В бурные годы, которые я описываю, закончили свое университетское образование — одни немного ранее меня, другие позднее — ряд моих сверстников и товарищей, вышедших, как и я, из кружка, группировавшегося около П. И. Новгородцева. О двух из них мне хочется сказать здесь несколько слов.

Мой друг и муж моей младшей сестры Б. П. Вышеславцев¹ учился в той самой 3-й московской гимназии, в которой учился и я и которую описал В. М. Зензинов² в своих воспоминаниях. Он окончил курс юридического факультета на несколько лет ранее меня и занялся адвокатурой. Но адвокатура его не удовлетворила и он променял ее на менее прибыльную профессию русского ученого. «Адвокатура процветает, — пишет он в своем дневнике 1902 г., — но я читаю Канта...»

«Я все более занимаюсь философией, адвокатуру совсем оставил...» Друг и университетский товарищ его, В. А. Савальский³, ученик Новгородцева и позднее профессор Варшавского университета (умер в 1916 г.), ввел Вышеславцева в кружок, группировавшийся около Новгородцева, который и оставил Бориса Петровича при университете для приготовления к профессорскому званию со скромной стипендией в 50 рублей в месяц. Вот запись Вышеславцева, характеризующая, чем жили некоторые круги русской молодежи в начале девятисотых годов нашего века: «Читаю всех старых кантианцев вплоть до Фихте и увлекаюсь истреблением “вещи в себе”... Моя работа

написана с большой страстностью, как сказал профессор Новгородцев... Я читаю работу Н. Н. Алексеева, он мою, происходят страстные дебаты и весьма враждебная полемика с ним — впоследствии моим другом в самые лучшие годы странствий».

Вышеславцев выдержал магистерские испытания годом раньше, чем я и уехал в двухгодичную командировку за границу. Я его догнал через год в Гейдельберге и Марбурге. «Пожалуй, самый блестящий момент нашей молодости, — пишет он, — свобода, надежды, возможности, все впереди...» «Берлин, Марбург, Италия, Рим, Париж, Гейдельберг — везде новые впечатления, новые встречи, новые мысли и идеи». Из университетских городов его более всего привлекал Марбург, где у подножия старого замка, на берегах тихо струящегося Лана, приютился старый университет, в котором некогда учились Джордано Бруно и наш Ломоносов. Мы посещали лекции и работали в семинарах Пауля Наторпа и Германа Когена, некогда известных всему философскому миру германских философов. В тот год, когда мы туда приехали, в Марбурге собрался ряд выдающихся молодых ученых, с которыми мы стояли в тесном общении, — Николай Гартман⁴, в будущем едва ли не самый известный немецкий философ и ректор Берлинского университета, Хаймзют, позднее профессор и ректор Кенигсбергского университета, Дельрио (или Лос-Риос, как его иначе называли), испанский профессор, лидер испанских республиканцев, позднее испанский посланник в Вашингтоне, Татаркевич⁵, позднее профессор в Кракове, В. Э. Сеземан⁶, впоследствии профессор в Ковно, Гавронский, позднее профессор в Берне. «Зима, снег, — пишет Вышеславцев, — иду к Гартману. Он живет наверху, у готической церкви, в старом германском домике, где мог бы жить молодой Вертер или Фихте в молодые годы... Комната натоплена хорошо, Гартман всегда дает крепкий кофе, который сам делает. Мы ведем философский диалог... Чудное, тихое время созерцания и мысли».

Из Марбурга вывез Вышеславцев свою диссертацию «Этика Фихте», которая имела большой успех в России и открыла перед ним широкую академическую дорогу. Ему был поручен курс истории политических учений, который до него читал Новгородцев, выбывший из числа профессоров после подписания Выборгского воззвания⁷. Семинар Вышеславцева всегда собирал большое количество слушателей, кроме того, он читал в Московском коммерческом институте и в Народном университете Шанявского, где его лекции по истории философии пользовались особым успехом и создали ему много поклонников.

В 1917 г. в январе мы оба были избраны юридическим факультетом экстраординарными профессорами нашего факультета — избрание, утверждение которого было отложено в силу последующих революционных событий до осени, так и осталось не санкционированным высшими инстанциями: после Октябрьской революции все стали называться «профессорами» без всяких высших санкций.

В эмиграцию Вышеславцев прибыл в 1922 г. вместе с группой высланных из советской России ученых. Запомнились его слова, произнесенные при первой нашей беседе: «Философия должна быть теперь не изложением малодоступных для людей теоретических проблем, но учительницей жизни». Отсюда тяга его к религиозной философии, на которой он сосредоточился в эмиграционные годы. Однако под «религиозной философией» он понимал не богословскую догматику, ему чуждую, но свободное обсуждение религиозных проблем, в котором у него всегда чувствовалось влияние древней философской традиции и классического образования.

Следуя намеченному им пути, он еще в Берлине сблизился с организацией Христианского Союза молодых людей (ИМКА)⁸ и начал посещать ее съезды и конференции, а также читать лекции в основанной в Берлине и затем переехавшей в Париж Религиозно-философской академии⁹. При переезде в 1924 г. в Париж он был приглашен на должность редактора в издательство ИМКА-Пресс. Многие русские литераторы должны быть ему благодарны за готовность всегда помочь в вопросе издания книг в названном издательстве. Он был, кроме того, профессором Православной богословской академии в Париже¹⁰. Интерес к философии у него был так глубок, что перед лицом смерти, в тяжких страданиях, он любил говорить на философские темы. «Возвращаясь к истокам бытия, — сказал он мне в один из последних дней своей жизни. — Все понял, как это просто...»

Трудно представить более противоположные натуры, чем Вышеславцев и другой, более молодой, ученик Новгородцева, И. А. Ильин. У первого преобладали эмоция, увлечение, страсть, во втором — чистый интеллект, недюжинный, но сухой, педантичный, склонный к установлению точных определений, детальных различий, прямолинейных систем и безжизненных схем. Кто хочет убедиться в этом, пускай прочтет его раннюю статью «Сила и право»¹¹, с которой он дебютировал в журнале Московского психологического общества «Вопросы философии и психологии». В ней конденсирован весь Ильин, как философ — внешне блестяще, логически очень выдержанно, но ре-

альность потоплена в искусственно придуманной и мертвой схеме. В таком духе разделал он и Гегеля в своей диссертации, превратившей великого немецкого философа в последователя посредственного и скучного представителя новейшей германской философии Гуссерля. Вышеславцев был человеком легким, веселым, приветливым, Ильин был хмур, нарочито серьезен, мрачен. К людям он относился плохо, любил их обличать. Помню — это было в Гейдельберге, когда мы были уже людьми с известным стажем, — ко мне пришел знакомый русский студент, малый восторженный и глупый. «Николай Николаевич, — говорит он мне, — я в совершенном ужасе. Я всегда почитал Московский университет, считал его первым в России. Вот встретил сегодня в купальне профессора Ильина, начали с ним разговаривать о Москве, об университете, о его профессорах, а он мне — университет Московский — да ведь это помойная яма, профессора московские — один “гнусь”, другой “мразь”, третий “гниль”, четвертый “ничтожество”... Скажите мне, неужели это правда?» Студента я постарался успокоить, а, вернувшись в Москву, встретил Ильина в университетской библиотеке. Говорю ему: «Что же это вы, Иван Александрович, поносите так наш университет и ваших ближайших коллег и сослуживцев?»... «Я вас не поносил, — говорит, — вы обладаете научной совестью»... «Да дело, — говорю, — не во мне. Дело в том, что не стоит разоблачать своих товарищей перед незнакомыми студентами и поносить их. У всех нас имеются недостатки, но из этого еще не следует, что все мы — помойная яма». Началось малоприятное объяснение, в заключение которого Ильин заявил: «Значит, вы считаете меня подлецом»... «Подлецом я вас не считаю, — ответил я, — но думаю, что вы приобретете много врагов и можете иметь большие неприятности, если эпитеты, которыми вы наделяете ваших коллег, случайно станут им известны». Мы разошлись и долго не разговаривали друг с другом. Потом помирились, но никогда теплые отношения с Ильиным у меня так и не установились. И Вышеславцев и Ильин были отличными лекторами — каждый в своем роде. Вышеславцев мог вдохновить слушателей, увлечь их, Ильин умел вдолбить в них сухие элементарные понятия общей теории права — его практические занятия по этому предмету в Коммерческом институте собирали не одну сотню студентов. Нарочитую серьезность своего устного изложения он старался смягчить остротами, которые были рассчитаны на невысокий вкус, но нравились студентам. Про него была сочинена эпиграмма: «Рассеять может всякий сплин доцент из молодых, Ильин...»

Но в чем сошлись эти две столь различные натуры — это в невероятной ненависти к «большевикам». Ненависть эта толкнула Вышеславцева на необдуманный шаг сближения с нацистским «Антикоминтерном»¹², а Ильина превратила в деятельного члена и идеолога Лиги Обера — противосоветской организации, основанной в Женеве после убийства советского дипломата Воровского¹³ бывшим русским офицером Конради и существовавшей на средства, собираемые женевским адвокатом Обером. Вступление в нее Ильина вполне соответствовало его характеру, — он с молодых лет погружен был в политику; тогда как только излишняя эмоциональность заставила Вышеславцева, которому политика была стихией совершенно чуждой, свернуть со своего жизненного пути. Я говорю это как друг, которому больно было смотреть на слепую озлобленность этого доброго человека и философа, потерявшего в данном случае дар спокойно и мудро взирать на развивающуюся перед нашими глазами мировую историческую трагедию.

Ильин в молодости своей увлекался анархизмом и был крайним революционером. В годы первой революции он написал брошюру, под псевдонимом, если не ошибаюсь, А. Иванов, «Бунт Стеньки Разина»¹⁴, где он прославлял деяния этого вождя «народной обороны» (издана была, сколько помню, у Парамонова в «Донской речи»). Помню, как однажды — это было в 1905 году — я зашел к нему по какому-то делу, жил он тогда на Молчановке, в небольшом домике, на втором этаже. Когда я подходил к его дому за мною шел человек в лохматой барашковой шапке, с поднятым по уши воротником и выглядывающей из-под воротника черной бородой, — фигура, надо сказать, очень мрачная. В руках он нес небольшую плетеную корзинку, какие в России брали с собою в дорогу пассажиры третьего класса. Когда я вошел в подъезд дома Ильина, человек поотстал. Отпер мне Ильин, ввел в маленький его кабинетик. Только что я уселся, последовал новый звонок. Дверь в прихожую была открыта, и я увидел, что следовавший за мною человек тоже шел к Ильину. Они о чем-то пошептались, человек ушел, а корзиночку Ильин внес в кабинет и осторожно поставил в комнате. Переговорив с Ильиным, я начал уходить и, двигаясь через маленькую комнату в прихожую, нечаянно задел корзиночку ногой. «Осторожно, Николай Николаевич, — воскликнул Ильин, указывая на корзинку, — в ней бомбы...»

Высланный вместе с другими русскими учеными в 1922 г. из советской России за границу, Ильин не утерял своего сочувствия террору. Он опубликовал нашумевшую в свое время кни-

гу «О сопротивлении злу силою», посвященную «белым войнам, носителям православного меча», из которой в общем следовало, с подробными богословскими доказательствами, что христианская религия террор (конечно, направленный против «левых») признает и одобряет. Книга эта создала ему большую популярность среди белого офицерства, группирующегося около «Общевойнского союза»¹⁵, и в крайне правых кругах русской эмиграции, где его до сей поры считают чуть ли не пророком.

После Октябрьской революции оба мои современника стали «религиозными философами», но, на мой взгляд, мой друг Вышеславцев до последних, тяжелых дней своей жизни был христианским эпикурейцем, а в христианстве Ильина было нечто от сурового, религиозно-жестокого и безотрадного кальвинизма¹⁶. Недаром он своей фигурой и своим лицом был похож на статуи тех кальвинистов, памятники которым стоят в Женеве в саду против университета.

Г. А. ЛЕМАН-АБРИКОСОВ

Воспоминания (1900-е — 1920-е годы)

<фрагмент>

<...> Почему на меня так стимулирующе подействовала выставка М. В. Нестерова? Несомненно, потому, что я на ней увидел несколько портретов хорошо мне знакомых людей, дорогих по той атмосфере горячей умственной жизни, которая в те давние времена так чаровала и втягивала на самые вершины духовной жизни. На выставке были портреты трех таких лиц: И. А. Ильина, о. Павла Флоренского¹, так ужасно погибшего, и на одном полотне с ним — С. Н. Булгакова. Этот двойной портрет — Флоренского и Булгакова — я где-то видел раньше. Портрет Ильина увидел здесь впервые. Когда я его увидел — передо мной воскресла вся тогдашняя Москва. Москва, когда в ней откуда-то неожиданно и внезапно появился Ильин. До этого момента никогда о нем не было слышно, он совсем не был известен в университете, в частности на нашем юридическом ф<акульте>те, на котором он именно и воссиял. Я помню, он мне говорил, что у него в Вене в сейфе лежит начало его работы о Гегеле. Из этого можно заключить, что он пробыл, и, видимо, не один год, за границей. Я не могу вспомнить, где и как мы с ним познакомились. Но как-то он явился ко мне как к издателю — впоследствии он меня называл своим «эдитером» — с просьбой издать его работу о Гегеле. В это время его работа была уже закончена и какой-то знакомый еврей дал ему деньги на ее печатание. Однако это печатание почему-то не шло на лад, и его просьба состояла в том, чтобы продолжить это неудавшееся печатание и довести его до конца. Я с полным удовольствием взялся за это дело и действительно благополучно довел его до конца. Благополучие, в частности, состояло в том, что он должен был через некоторое время защищать свою работу в каче-

стве магистерской диссертации и очень просил меня суметь ко дню защиты напечатать второй том. Это мне удалось, и на самый диспут я принес ему несколько экземпляров второго тома. Он тут же их вручил некоторым из заседавших на диспуте профессоров, и в результате ему была присуждена прямо степень доктора. Я говорю «в результате», потому что в постановлении было подчеркнуто, что это делается, в частности, «принимая во внимание появление второго тома». Его работа — труд необычайной глубины, сложности и мало кому доступен по своей отвлеченности. Но зато он сразу поставил Ильина высоко во мнении русского общества, давшего ему прозвище «гегельянец», что, впрочем, не следует понимать как сторонник учения Гегеля, а именно только как автор работы о Гегеле. Ильин сразу показал себя человеком сильного характера, резким, крайне нетерпимым, пуритански настроенным и вообще савонароловского² склада. Страстно уверенный в себе, непогрешим, как папа, он презирал и ненавидел всех инакомыслящих или тех, поведение кого с моральной точки зрения он не одобрял. Он мне сам говорил, что когда на публичных его выступлениях кто-нибудь ему возражал, оспаривал и т. п., то ему хотелось такого человека... убить! Иллюстрацией его морального ригоризма может служить его столкновение с Андреем Белым, по-нашему — Бор<исом> Ник<олаевичем> Бугаевым. Ильин дружил и очень высоко ставил композитора Метнера. Мне неизвестно, что произошло между Метнером и Андреем Белым, — то ли Белый что-либо неуважительное сказал о Метнере, а м<ожет> б<ыть>, в их личном общении у них произошло какое-нибудь столкновение — не знаю. Но Ильин не мог остаться равнодушным к этому какому-то оскорблению или обиде, будто бы нанесенным его другу, и разрешился обширным, в высшей степени резким, злобным письмом к Андрею Белому. Ильин мне это письмо прочел и явно был доволен собой, что сумел так «отделать» Белого. Нужно сказать, что это было весьма неумно и весьма наивно. <...> Наброситься на невиннейшего Андрея Б<елого> с савонароловскими проклятиями было поистине наивно и нелепо. Я помню, письмо кончалось уведомлением Белого, что при встрече Ильин не считает возможным ему поклониться и т. п. угрозами. Помнится, я от кого-то слышал такую же оценку этого поступка Ильина, какую даю здесь.

Указанные мною черты этого «страстного» Ивана Ал<сан>дровича весьма ярко проявились в его общественных выступлениях. Окт<ябрьская> рев<олюция>³ застала русское общество в сильном религ<иозном> подъеме. И первые годы революции

ознаменовались наполненными храмами, участиями в крестных ходах профессоров и академиков, докладами на религиозные темы, глубокомысленными концепциями происходящих событий в аспекте религиозном и т. п. Характерно это и для Ильина. Но следует оговориться, что он стоял в этом отношении совершенно одиноко и в том смысле, что не *примыкал ни к единому «кружку»*, течению, равно как, насколько мне известно, не принадлежал и к тем, кого можно назвать «церковниками». В полном соответствии со всем своим внутренним складом он гордо стоял как одинокая фигура, вынашивал свои личные взгляды и убежденно и страстно верил, что нашел нечто нужное если не христианству как таковому, то, во всяком случае, нашему русскому православию. То, что он нашел и к чему призывал, он твердо называл «реформацией», однако отнюдь не связывал этого с историческим лютеранством. Ильин просто полагал, что церковь как бы доживает себя, не способна удовлетворить нынешние потребности в обл<асти> религиозной и что нужно как-то обновить ее, внести какой-то новый дух в ее жизнь, сделать ее вновь жизнеспособной. Он что-то писал в этом направлении, выступал с докладами, *организовывал семинары в частных домах*: я неоднократно на них бывал. В его выступлениях слышался пафос исповедника, вождя, чуть ли не пророка. Однако то, что мы от него слышали, было очень малоубедительно. Он упорно подчеркивал, и это, по-видимому, было одним из его основных тезисов, что «моя вера — это не твоя вера, а твоя вера — это не моя вера», всячески подчеркивал этот чисто личный элемент религиозных переживаний. Особенно яркое воспоминание осталось у меня от *его выступления в большой аудитории Психологического института* во дворе так называемого нового университета. Он выступал все с тем же материалом, какой я уже слышал от него на его семинарах. Интересна была сама манера его выступлений. Она была в какой-то степени театральна, но отнюдь не в том смысле, чтобы он «рисовался». Нет, в глубочайшей искренности, даже непосредственности Ильина я твердо убежден. Но таков был самый, так сказать, стиль его личности. Высокого роста, очень худой, какой-то изможденный, похожий на блондинистого Мефистофеля, кажется, он страдал туберкулезом, он гордо и как бы свысока оглядывал аудиторию, затем вынимал из портфеля маленький, легко умещавшийся в портфеле, совсем простой работы пульт, ставил его перед собой, клал на него рукопись и начинал читать, всегда читал, а не говорил, как-то сказал мне,

что он что-нибудь пишет только, когда у него в голове все до последнего слова готово; положить на бумагу — было уже делом чисто механическим. Я, конечно, не помню содержания его выступления. Но у меня сохранились в памяти некоторые отзывы присутствующих, высказанные во время перерыва, который Ильин объявил перед второй частью своего доклада. Помню, *Н. А. Бердяев* сказал, что творчество Ильина «анэротично», что было весьма справедливо. Князь *А. Д. Оболенский* заметил, что мысль Ильина не длиннее воробьиного носа. Но совершенно замечательно сказал *Федор Степун*⁴, человек очень умный, в настоящее время проф. Мюнхенского ун<иверсите>та. Он определил выступление Ильина как «*религиозное помешательство неверующей души*». Сказать лучше было невозможно. При всей моей даже любви к Ильину, я могу сказать со спокойной совестью, что весь огромный пафос, какой он вкладывал в свою квазирелигиозную проповедь, был мыльным пузырем, из кот<оро>го ничего не могло получиться. На своем двухтысячелетнем пути Церковь пережила много изменений и так или иначе понимаемых «реформ». Но ведь все эти реформы были проводимы людьми, носившими в глубине своей души подлинное религиозное чувство. Благодаря этому все эти реформы — изменение обрядов, установление новых обрядов, создание молитв и т. п. — носили, так сказать, имманентный характер. Рожденные религиозным путем, они являлись естественным развитием внутреннего содержания христианства, православия, церковности. Люди жили в христианстве, пребывая в нем, и потому самая устремленность их, хотя бы к новому, не взрывала Церковь, а только раскрывала в ней большую глубину ее духа, все большую ее значительность. Ильин же стоял совершенно вне этого, стоял, так сказать, «вне церковной ограды» и так со стороны, извне мечтал в ней что-то изменить. Его «реформа» была попыткой вторгнуться в Ц<ерковь> именно извне и навязать ей то, что ему, ему лично, казалось разумным и нужным. Это несколько напоминало безнадежные потуги Толстого свое личное, слишком личное, объективировать в общеистинное и общеобязательное. Жизненная наивность, а с т<очки> зр<ения> христианской и гордыня лежали в конечном счете в этой необоснованной взбудораженности, которой так волновался и пытался волновать нас Ильин.

Во время рев<олюции> Ильин сразу занял видное место в московском обществе. Я не был на том совещании, кот<орое> было организовано в Большом театре при Керенском. Насколь-

ко мне известно, Ильин на этом совещании выступал и стяжал себе славу оратора Божьей милости и, конечно, стал широко известен по составу своих политических воззрений. Не могу точно вспомнить, была ли это книга или доклад, но я точно помню, что у него была *превосходная работа на тему о патриотизме*⁵, для чего я побуждал Ильина написать на эту тему книжку.

И. А. ИЛЬИН

<Дневник> 1905, осень

*Москва
6 октября*

Сегодня уехала Таля¹. Я давно готовился к этому дню, и он не поразил меня. Нити, опутывающие мое существо, вытянулись, стали длинные и натянулись, дрожа. Они постоянно содрогаются, каждая мелочь в этом оставленном пепелище тяготит душу, становится больно и хочется плакать! Хочется, чтобы чувство, создающееся от сознания взаимного одновременного содрогания этих нитей, — было всегда вполне, росло в бесконечность. Пусть так и будет. Моя душа полна нежного чувства.

11 ч. веч.

7 окт<ября>

Как будто неделя прошла с тех пор, что уехала моя Таля. Весь день я бродил сегодня по Москве — возобновил утраченные связи и в один день стал в курсе всех дел. Вечер хотел провести дома, но мама Лена² и М. А.³ ушли, и мне стало тоскливо сидеть одному дома. Ушел и я. Пошел к Ольге Поповой. Подождал ее, пришли Тупиков и Губарев, поговорили. Губарев ушел. Ваньке я рассказывал про съезд. Потом пришли Попова и Бельская (тоже курсистка, с которой они жили вместе в прошлом году). Ольга почти не изменилась — такая же восторженная, увлекающаяся, только подвинулась левее и занимается основательнее. Я видел у нее на столе толстую книгу Риккерта, литературу по рабочему вопросу; пишет реферат об экономическом материализме и не особенно старается скрыть свои симпатии к А.⁴ Мне жалко ее: она меня по-прежнему любит. Таля моя, деточка моя!..

11 окт <ября>

Как кипит жизнь, как все борется, организуется, требует, живет!.. Несмотря на то что я пока в стороне ото всего, я чувствую себя в каком-то огне и жару. Сейчас в Москве стачка железнодорожников, фармацевтов, и с минуты на минуту ждут забастовку городских рабочих; железнодорожники остановили почтамт, и на Мясницкой казаки разгоняли их в 5 часов дня нагайками.

Только что пришел из университета, где происходят митинги. Собрание брестских железнодорожных рабочих, собрание фармацевтов, собрание Инженерного союза. Все запасаются водой, ждут, что остановится водопровод. Полиции около университета нет, в Манеже казаки, на улицах сейчас спокойно. Все новые железные дороги прекращают работу, требования сплошь выставлены политические.

А я?

Я сегодня изучал теоретико-познавательную логику Шуппе⁵, психологическую теорию права Петражицкого⁶ и сейчас сажусь за Кистяковского⁷. Мучительно заниматься отвлеченной наукой, но так нужно. Разлад, разбросанность чувств, рассеянность мыслей, хаос и усталость. Партии, программы, платформы, союзы, организации, побоища, выстрелы, смерти... А я с своей теорией познания, с а.⁸ мирозерцанием, с сердцем, прикованным к Берлину, и с метафизическими запросами; но это не упрек себе — Боже упаси; хорошо все это, но недостаточно светло... Но разве не все равно, *каким* погибнуть? Нет! Нет!

Больше света, больше ясности и в жизни, и в смерти, больше сознательности!

О, моя Таля!

13 <октября>

Дни бегут. Неудержимо, полно, трепетно. Москва накануне полной, всеобщей забастовки. В университете ежедневные митинги. Логика Шуппе приходит к концу. Вчера, и сегодня, и завтра. Днем — логика, право, Каутский⁹, вечером университет — митинг. Вчера я говорил на собрании, сегодня с 8 до 12 председательствовал. Говорил так себе, председательствовал хорошо. Завтра, кажется, опять говорю. Но говорить перед простой, средней публикой не стоит. Я больше и не буду. Завтра партийный «митинька». Немного устаю, но в общем чувствую себя хорошо. Питаюсь прекрасно, а это главное. Боже мой, зачем же, зачем не со мною моя глубокоокая жена! Сейчас без

20 минут час. Ночь с 13-го на 14-е, нашего стиля. Нежно целую тебя, моя сонная детка, я всей душою с тобой!

20 <октябрь>

Семь дней я не писал. Не мог. За эти семь дней революция сделала колоссальные шаги. Я не стану описывать событий. Хорошее изложение их можно найти в «Русск<их> вед<омостях>». Я прилагаю их тебе в вырезках. Прочти внимательно, и при этом то, что ты переживешь при этом, — пережил и я, но только конкретнее, непосредственнее, а потому глубже и мучительнее; кроме того, ты, читая это, кинешь взгляд назад, а я смотрел вперед, в неизвестное будущее; а оно висело тяжелым, удручающим кошмаром впереди и мертвым холодом и ужасом веяло мне в душу ежеминутно. Вот краткий перечень моего участия в событиях. В пятницу 14-го я председательствовал на митинге у соц<иал>-демократов. Мне все равно, у кого председательствовать: они все несут и свет и тьму в головы публики и из столкновения их сверкают блески истины. Говорили рабочие — и это было лучше всего; говорили с<оциал>-д<емократы> — партийные работники, это было плоховато, общо, молодое, горячо, демагогично. Говорил поп.

Меня всегда благодарят за председательствование, ибо я веду собрание в порядке. Это такое ощущение: через час после начала от каждого слушающего и присутствующего протянута маленькая, тоненькая ниточка, ниточка нравственной привязанности — ко мне, и я — регулируя эти ниточки и их совместное дрожание, напрягая одни или все и ослабляя их, — заставляю всех присутствующих образовать некоторое стройное единство, содержание в которое вливают ораторы. Организованная коллективность чувствует, что она чем-то объединена, и не замечает как растет ее настроение; к концу заседания настроение — общее — повышено, чувствуется подъем, но подъем организованный, и когда я закрываю собрание, кажется, что разваливается что-то, мною созданное. Это — творчество, и творчество интересное. Оно утомительно, но важно для дела.

В субботу, 15-го, я не был на площади у Думы и в свалке с охотнорядцами не участвовал. От 4—5 дня и от 7—9 веч<ера> был в забаррикадированном университете, но, увидев, что самозащита стихийно переходит в попытку произвести вооруженное восстание, что масса, вооружаясь чем попало и лихорадочно организуясь, теряет под собою почву и сознание целесообразности действий, что эксцесс отчаяния заводит толпу в безрассуд-

ную трагикомическую игру в революцию и временное правительство, я ушел домой, хотя не без тяжелых душевных колебаний. Одним из главных факторов состоявшегося ухода была мысль, — что ты сказала бы мне «уйди» и была бы права. Вечер и ночь я провел в ужасном настроении. В 11 ч. я опять пошел к университету — осмотреть окрестности. Но унив<ерситет> был уже оцеплен: в него не пускали, а из него выпускали. Студенты и рабочие, забаррикадившись, ждали расстрела. Вечер мы сидели вдвоем с мамой Леной. Она, видимо, терзалась и даже похудела заметно с лица, но я чувствовал себя одиноко. Утром я был у Новгородцева (воскр<есенье> 16), он сказал мне, что они уладят этот эпизод. Вечером был у Ив. Алексеевича Петровского; отвел душу, узнав, что все обошлось мирно. Володька переслал мне из тюрьмы вопрос: получил ли я его письмо? Я отправил ему записочку, прося дать связи для литературы. Ответ, сказали, будет через неделю. Да, утром был еще в политич<еском> красном кресте. Достал № 110 «Искры». 16-го и 17-го по городу войска разгоняли рабочих, кое-где были митинги, университет 17-го был заперт. 17-го днем сидел дома, вечером был у Уманского¹⁰. На улицах по вечерам тьма. Уманский сказал, что за перевод Эльцб<ихера>¹¹ Ефимов¹² дает 30 р. с листа, книга, наверное, будет выпущена. Число букв, кажется, с оригинала. Мне передается редактирование по 7 р. с листа. 17-го же получилась весть о манифесте¹³. 18-го я был с утра у Любы¹⁴; она была на конст<итуционно>-демократич<еском> съезде. Выйдя от нее, увидел первую открытую легально-революционную демонстрацию, пошел с ней, был у Бутырской тюрьмы. В шествии участвовали — между прочим — ряд приват-доцентов, Мензбир¹⁵, артисты Худож<ественного> театра, масса рабочих. В 5 ч. вернулся домой. Вечером председательствовал в одной из аудиторий на митинге. При выстрелах не присутствовал, в свалке не участвовал. В опасности попасть в то и другое был много раз, но судьба как-то выводила. Вчера, 19-го, я видел толпы, знал, что дружины и рабочие расправляются с черной сотней, но не примыкал к уличному движению и на митинге не был. Познакомился с сестрой Станиславского¹⁶ и вчера сидел у нее весь вечер. Она рассказывала мне про свою агитацию среди крестьян; много поучительного. Это необычайно милая дама. Вчера уехала Люба. Есть опасения, что из Гуревичей кто-то пострадал в Петербурге. Вероятно, скоро придет Саппа¹⁷.

В общем, я цел и нравственно не очень разбит. Но устал нервно и умственно. Сегодня, кажется, не пойду опять на митинг.

Надо отдохнуть. Манифест никуда не годится, масса лазеек и ничего положительно не дано; слова, слова, слова...

Детка моя! И хорошо и плохо, что тебя нет. Меньше ужасов в твоём сознании стоит конкретно, но нам вдвоем было бы легче жить и терзаться.

Безумно хочу спокойно учиться!!

25 окт<ября>

Эту тетрадь я отдал 25-го М. С. Муромцевой¹⁸. После этого отправлено еще письмо.

И. А. ИЛЬИН

Встречи и беседы

(№ 1) 1927. О событиях 1916

В 1917 г. во время одной беседы с П. Б. Струве¹ наедине я спросил его: «Скажите, Петр Бернгардович, а что, следственная комиссия под председательством Н. К. Муравьева² нашла в делах царской семьи что-нибудь подозрительное или обличительное в смысле государственной измены?». Задавая этот вопрос, я уже знал по Москве от членов и сотрудников этой комиссии, что следствие опровергло все клеветы и слухи, распускавшиеся в этом направлении. П<етр> Б<ернгардович> ответил: «Нет, ничего, решительно ничего; полная реабилитация!». «На каком же основании, — спросил я, — Милюков³ произносил свою пресловутую речь в Думе 1 ноября 1916 г.: “Глупость или измена”? Ведь этой речи многие поверили в стране и подозрение в измене пало на царскую семью?» Петр Бернгардович несколько замялся: «Видите ли... У него тоже не было никаких оснований... Но в то время центральный комитет К<онституционно> д<емократической> партии считал, что в *настоящий момент* против Царской семьи *политически показывается инсинуация*». От негодования я не мог продолжать этот разговор и перешел на другие темы. Отмечу, что сам П<етр> Б<ернгардович> тогда не состоял уже ни в К<онституционно> д<емократической> партии, ни в ее центральном комитете.

(№ 2) 1917. Декабрь

В декабре 1917 г., после выборов в Учредительное собрание, но до его заседания и разгона, я как-то встретил в Москве на Воздвиженке Ф. Ф. Кокошкина⁴ и П. И. Новгородцева. Ход выборов и результаты их были уже всем известны: левые партии превратили выборы в распродажу русской государственной вла-

сти с молотка, беззастенчиво «надбавляя» программные ставки и домогаясь во что бы то ни стало «большинства». Все это вызывало отвращение. Я знал, что Кокошкин и Новгородцев избраны в члены Учредительного собрания.

«Федор Федорович! Павел Иванович! — обратился я к ним. — Вы избраны... Неужели же Вы поедете туда и будете участвовать в этом отвратительном и позорном заведении?!» Кокошкин заторопился с ответом: «Вы правы; получилось нечто отвратительное и позорное. Но мы так долго мечтали о нем, так добивались его, что мы должны непременно *поехать, участвовать и доказать его несостоятельность и позорность своими боками, а может быть, и жизнями...*» Новгородцев задумчиво молчал, явно сочувствуя словам Кокошкина. Я понял, что они морально и политически правы, и не настаивал. Через несколько недель Кокошкин, арестованный в Петербурге и помещенный в больницу, был убит (вместе с А. И. Шингаревым⁵) вломившимися к ним матросами, предводительствуемыми Басовым. Потом передавали, что Кокошкин, увидев их, успел крикнуть: «Бватцы, бватцы! Что вы делаете!?». Он произносил «в» вместо «р».

Ф. Ф. Кокошкин был честнейшим человеком и великолепным знатоком своего предмета (Государственное право). Знаменитый немецкий ученый Георг Иеллинек⁶ говаривал про него: «Das ist der begabteste Staatsrechtslehrer, den ich gesehen habe...»⁷ Но Кокошкин, как и большинство русской интеллигенции, понимал политику как *мечтатель* и *доктринер*: он смешивал программу с идеальной мечтой; считал, что идеал всюду себе равен; не считался с невозможностями национального правосознания и служил неосуществимой или губительной политической химере.

Интересно отметить, что вдова его, Мария Филипповна, была потом (1918—1922) одною из первых, проповедовавших в московских салонах сближение и сотрудничество с большевиками — «приятие революции».

(№ 3) 1930 (?)

Когда в 1930 г., в Берлине, внезапно умер, задавленный трамваем, Юлий Исаевич Айхенвальд⁸, читавший русскую литературу в «Русском научном институте», то директор Института, инженер Всеволод Иванович Ясинский⁹ принялся со свойственной ему энергией за организацию похорон. Он установил, что Айхенвальд был членом евлогийанского¹⁰ прихода на Nahod.

Str., и снесся с тамошним духовенством. Однако в дело вмешался берлинский раввин. Ясинский подробно рассказывал мне о переговорах с ним. Раввин требовал похорон по еврейскому обряду. Ясинский настаивал на том, что Айхенвальд был крещен по православному обряду и состоял членом прихода. Раввин возразил дословно: «Если бы это было так, то он не мог бы работать с нами, в нашей синагогальной организации, как он работал все последние годы».

Тогда «православное христианство» Айхенвальда было доказано документально, и раввину пришлось уступить.

(№ 7) 1917—1923

Зимой 1923 г., через несколько месяцев после моего изгнания, я встретился у моего давнишнего и любимого друга Лазаря Соломоновича Мееровича с Игорем Александровичем Кистьяковским¹¹ (прив<ат>доц<ент> Моск<овского> университета, прис<ажный> пов<еренный>, министр внутренних дел в правительстве Скоропадского¹²). Кистьяковского я знал давно, с первых лет его переезда в Москву, когда я был еще молодым студентом. Оставаясь при университете, в 1906 г. я записался к нему помощником присяжного поверенного, без намерения работать по адвокатуре, только «на случай самого большого краха», по выражению самого Кистьяковского. Я никогда не был с ним душевно близок и не считал его своим единомышленником. Но весной 1917 г. он присылал ко мне своего помощника А. К. Адамова¹³ за текстом моей большой политической речи, которым он хотел воспользоваться в своих выступлениях. С ноября 1917 г. он пригласил меня в организационную «пятерку» для борьбы с большевиками, в которой состояли — он сам, А. В. Кривошеин¹⁴, генерал А. А. Брусилов¹⁵ (заместителем его являлся ген<ерал> Андрей Медардович Зайончковский¹⁶), Ив. Ив. Оловянишников¹⁷ и я. Пятерка проработала до самого отъезда Кистьяковского на юг.

Во время берлинской беседы 1923 г. он спросил меня, как я смотрю на будущее. Я ответил ему, что надо продолжать борьбу до конца и что меня больше всего интересует не тактика и не программа, а *идея новой России*. В этой связи я формулировал вкратце мою идею о новом русском правосознании и о воспитании в русском народе на древних, здоровых, национальных основах духовного характера. Он слушал с интересом и потом сказал, скандируя речь с сильным малороссийским напевом и акцентом: «Да, я вижу, у Вас есть идея. И у меня была идея, но

теперь ее у меня нет. У меня была идея еще во время войны. Вы знаете, как я переехал в Москву ни с чем. А потом я быстро обскакал всю московскую адвокатуру, а потом и всю московскую профессию. За последние годы я купил себе имение в Смоленской губернии. И вот, я решил выставить свою кандидатуру в Пятую Думу от К<онституционно> д<емократической> партии. В Думе я решил пойти к крайним правым и сказать им: я *вот*, берите меня, я *ваш*. Потом я скоро занял бы пост министра внутренних дел и первым долгом ликвидировал бы в России революцию. Я устави́л бы виселицами всю страну от Петербурга до Севастополя и перевешал бы всю эту сволочь. Россия была бы спасена и могла бы мирно развиваться. А теперь у меня идеи нет». Это было для меня неожиданно.

(№ 8) 1923

В тот же вечер Игорь Ал<ександрович> Кистяковский рассказал мне следующее. В Киеве при Скоропадском, вскоре после принятия Кистяковским Министерства внутренних дел, ему доложили, что два чиновника подлежат увольнению: один за то, что отвергал официально признанную украинскую «мову» и даже открыто поносил ее; другой за то, что изобличен в обслуживании германской разведки. Кистяковский вызвал их по очереди и имел с ними такие беседы.

Первому он сказал: «Вы не владеете мовой?» «Нет, Ваше превосходительство». «Хорошо, но зачем же вы ее открыто поносите, если она признана официально? Вы думаете, я ею владею? Но я не буду ее открыто критиковать. Вы представлены к увольнению. Но я оставлю Вас на службе, если вы обещаете мне не критиковать ее гласно». Тот обещал и был оставлен на службе. Второму он сказал: «Вы представлены к увольнению за ваше обслуживание германской разведки. Но я оставлю вас на службе, если вы торжественно обязуетесь каждый ваш доклад германцам и каждое ваше сообщение им предварительно представлять мне в писаном виде на одобрение». Тот обещал и был оставлен на службе.

Этот второй был Николай Дмитриевич Тальберг¹⁸, впоследствии член Высшего Монархического Совета при Н. Е. Маркове¹⁹.

(№ 9) 1931

Как-то летом 1931 г. я возвращался из Жене́вы в Берлин. Я оказался в отделении III класса, в котором уже сидел почтен-

ный католический прелат. Мы разговорились, и как-то выяснилось, что он знал и мое имя, и мою антикоммунистическую работу в Германии, и мою близость к евангелическим центрам Берлина. В Базеле мы обедали в ожидании пересадки, он непременно хотел заплатить стоимость моего обеда и, обнимая меня за плечи, рычал: «Das ist mein Freund!»²⁰.

Между Базелем и Франкфуртом-на-Майне он обратился ко мне с такою речью. Я-де должен позаботиться прежде всего о «спасении моей души»; для этого следует непременно перейти в католичество. Но не надо делать это открыто. Мне надо принять католичество тайно, открыто оставаясь в православии. Тогда передо мною откроются великие возможности: я буду работать в православии и с евангелическими центрами Берлина по указаниям прелата Мишеля д'Эрбиньи²¹ в Риме, а католики обеспечат мне в Германии пожизненно академическую кафедру в одном из своих университетов.

Я едва верил своим ушам. Переспросил, уточнил и задумался над ответом. Подумав, я решил скрыть и негодование, и закипавший во мне юмор.

«Господин прелат, — сказал я ему по-немецки, — ваше предложение свидетельствует о великом вашем доверии ко мне; оно и неожиданно для меня, и затруднительно; я должен спокойно обдумать его на свободе». Тогда он полез в свой чемодан, извлек из него свою большую фотографию и преподнес ее мне со словами: «Вот вам на память. Как только вы решите вопрос положительно, позвоните мне по телефону в Кельн. Я немедленно приеду в Берлин, мы отправимся с вами к прелату Kaas, а от него — к рейхсканцлеру Брюнингу²², и ваша судьба будет устроена». От Франкфурта он поехал в Кельн, а я в Берлин. Его звали Prülait Iakov Schütz²³.

Приехав домой, я запротоколировал по свежей памяти нашу беседу на оборотной стороне фотографии. При первом же деловом свидании с Oberkonsistorialrat A. W. Schreiber (Kirchenbundesamt²⁴) и с Oberkonsistorialrat Alfred Fischer (Oberkirchenrat) я отвел душу. Я внезапно спросил их с серьезным лицом и притом дважды и торжественно: «Was gebt ihr mir, dass ich Euch nicht verrate?»²⁵. Fischer затревожился, а Schreiber, подмигнув ответил: «So siehst'te aus!!»²⁶. Тогда я рассказал им всю историю и показал портрет. Больше я Шютца никогда не видел. Но потом узнал, что именно таким способом они сделали своего агента из проф. М. А. Таубе²⁷.

(№ 10) 1912

В 1911—1912 гг., когда мы были в заграничной командировке, мы раза два встречались с Богданом Александровичем Кистяковским, человеком очень недаровитым, подозрительным, завистливым и склонным к интриге. Тогда я его еще не разглядел. Он почему-то все укорял меня за неуживчивость и уговаривал меня объединиться с Б. П. Вышеславцевым и Н. Н. Алексеевым, людьми мне решительно чуждыми и антипатичными. При этом он все ссылался на образцовую «дружную четверку» — Б. В. Яковенко, Ф. А. Степуна, С. И. Гессена и Сеземана²⁸. Я слушал и удивлялся.

Весною 1912 г., перед возвращением в Москву, я получил от него длинное письмо, в котором он опять уговаривал меня объединиться с Вышеславцевым и Алексеевым, устроить фронт против нашего учителя и «оставителя»²⁹ П. И. Новгородцева и осадить этого последнего, показать ему его невысокое место и сломить его власть. Я тотчас же ответил ему иронически-негодующим письмом, обличая его интригу и издеваясь над ней. Ответ пришел растерянный и самый жалкий: что он ищет только «справедливости», что я его «не так» понял, что ему трудно мне сейчас ответить основательно, потому что его «закачало» в поезде железной дороги etc. Переписка наша оборвалась.

Он вернулся в Москву раньше меня. Каково же было мое удивление, когда я, по возвращении в Москву, услышал из уст П. И. Новгородцева всю серию обвинений меня в неуживчивости, недружелюбном отношении к коллегам etc., которую мне преподносил Кистяковский. Разговор закончился категорическим указанием Новгородцева на то, что он никаких преподавательских занятий для меня в Москве устроить не может, и советом переехать в Петербург. Интрига Кистяковского раскрылась для меня, но мне было стыдно и противно показывать Новгородцеву письма от К<истяковского> — и я предпочел молчать.

В это время Новгородцев уже не вел университетскую кафедру философии права, находясь с 1911 г. в отставке вместе с другими радикальными профессорами. Юридическим факультетом владели реакционные «кассовцы»³⁰ во главе с П. В. Гидуляновым³¹, человеком тупым, грубым и пролазливым. Я встречал его раньше у Михаила Исакиевича Бруна (прис<яжный> пов<еренный>, потом лектор частного международного права в Моск<овском> коммерч<еском> институте).

Я стал строить свою преподавательскую деятельность и свой *existenz-minimum*³² помимо Новгородцева. Высшие женские

курсы, учр<ежденные> В. А. Полторацкой (юридич<еские> и историко-филологич<еские> факультеты), где я преподавал еще в 1909—1910 гг., сразу предложили мне 8 часов в неделю (курс и семинарий на юридич<еском> фак<ультете> и курс и семинарий на ист<орико>-фил<ологическом> факультете); в Университете я получил «рекомендованный к зачету» курс и семинарий; уроки философии в семье покойного профессора Г. Н. Габричевского³³ довели число моих недельных часов до 16 и экзистенц-минимум был дан. Мы сняли квартиру в Крестовоздвиженском переулке в доме Бутурлина (в коей и прожили до самого изгнания), я поставил телефон, начал серию докладов в Моск<овском> психологическом обществе (председательство Л. М. Лопатина) и стал работать над диссертацией о Гегеле. Любопытно, что П. И. Новгородцев еще раньше отговаривал меня от этой работы, указывая на то, что «Гегель, разложенный по полочкам тончайшего хуссерлизма — будет уже не Гегель». Новгородцева я перестал посещать и не бывал у него целый год.

В это время декан Гидулянов, встречаясь со мною в профессорской, уговаривал меня 1) *упрощать* преподавание, не осложняя его ненужной глубиной и детализацией: надо «пропускать студентов через университет, не затрудняя их»: «Вы попроще, попроще, видите в чем дело! Примите во внимание — не надо затруднять»; 2) скорее защищать диссертацию, кафедра вакантна: «припишите к Вашему этюду “Понятия права и силы” листа три и подавайте на магистерскую степень...» На первый пункт я с отвращением и презрением промолчал. На второй указал, что я готовлю большую работу о Гегеле и менять тему не буду.

С весны 1913 г. со мной начал заводить разговоры С. А. Котляревский³⁴, сыгравший во время массовой отставки 1911 г. такую некрасивую роль: сначала агитировал за отставку, потом, узнав, что Кассо³⁵ *примет* отставку целой сотни профессоров и доцентов, поехал в Петербург, переговорил с Кассо, вернулся, взял свою отставку назад, а в фонд помощи ушедшим в отставку внес 3000 рублей, которые были ему возвращены. Тем не менее он сохранил дружественные отношения с П. И. Новгородцевым, сближаясь все более и более с гидуляновцами.

Весной Котляревский зазывал меня к себе обедать (одного), провожал на улице и все заводил разговоры о том, как грустно положение тех университетских учителей, против которых встают их ученики, о том, что в науке важно преемство, что ученику подобает пиетет к учителю.

Однажды это надоело мне и я написал ему формулирующее письмо, в коем высказал, что только низкие натуры способны к неблагодарности, интригам и предательству, но что, с другой стороны, ученый-исследователь не призван к покорности людям и должен повиноваться только Богу, своей совести и голосу Предмета.

Вскоре после этого я был приглашен им на вечер с ужином. Был еще кое-кто и Лидия Антоновна Новгородцева (жена Павла Ивановича), с которой мы пробеседовали вдвоем полвечера. Она была со мною очень любезна, ласкова и светла.

Вскоре после этого я встретил где-то Павла Ивановича, который стал мне дружески пенять за то, что меня «нигде не видно», что он в заботах о моем устройении, что он предлагает в Коммерч<еском> институте просеминарий по общей теории права, вносит на Высшие женские курсы, основанные Герье³⁶, предложение поручить мне философский курс и готовит мне курс в Народном университете Шанявского. Наши отношения восстановились. Но — ни тогда, ни после в Праге в общении с Лидией Антоновной — я никогда не чувствовал желания разоблачить интригу Б. А. Кистяковского, несмотря на то что сохранил оба его письма. Сначала думалось, что он сам разоблачит себя однажды; а потом, после 1925 г. (кончина Павла Ивановича в Праге), — это дело не представлялось столь существенным. Но в воспоминаниях ему *есть* место.

Из приглашения на курсы Герье ничего не вышло: Н. Д. Виноградов, А. В. Кубицкий и Г. Г. Шпет³⁷ провалили мою кандидатуру. Преподавание в Комм<ерческом> институте состоялось. В Университете Шанявского — началось позже.

Просеминарий в Комм<ерческом> институте давал мне удовлетворение. Огромная аудитория (maximum). Большая посещаемость (1200 человек нормально, 900 к концу семестра). Высокая кафедра с винтовой лестницей. Живая свободная импровизация, доводящая сущность права и правопереживания во всех его элементах до образной ясности, до очевидности на всю жизнь.

Когда я рассказывал об этом курсе Владимиру Ивановичу Герье, у которого бывал запросто и с которым мы беседовали по душам, то он пришел в ужас и воскликнул: «Но у Вас должны после такой лекции *плечи* болеть!». На такой двухчасовой лекции был однажды и мой отец. Отклики из аудитории были живые и взволнованные.

(№ 22)

В 1914 году к весне в Москве должен был защищать диссертацию П. Б. Струве. Оппонентами были назначены Н. А. Каблуков³⁸ и доцент Митюков³⁹ (пьянствующее ничтожество). Я был совершенно чужд факультету, но стороной узнал, что они готовят Струве как либералу — скандал. Накануне диссертации я счел необходимым предупредить его об этом.

Диссертация проходила при полной богословской аудиторрии. Каблуков был вял и неинтересен. Митюков пытался изобличить Струве в плагиате у Потебни⁴⁰. После оф<ициальных> оппонентов встали сразу С. Н. Булгаков в аудитории и я на эстраде. Слово дали мне. Я был краток: «Дорогой и глубоководный Петр Бернгардович! Я взял слово не для того, чтобы утомлять Вас третьестепенными и четверостепенными возражениями. Я не экономист и не чувствую себя призванным возражать Вам. Но я внимательно продумал методологическую часть Вашей работы и признал ее философически блестящей и убедительной. И когда Ваш труд появится на иностранных языках, то мы будем им гордиться так, как гордимся им ныне в России».

Потом говорил Булгаков и еще кто-то. Остальное прошло обычно.

После этого начались глухие слухи о том, что факультет готовит мне «расправу». Это продолжалось неделями. Усиленно начал ухаживать за мною Котляревский, выражая всяческое сочувствие и уважение, а также готовность отстаивать меня. Однажды позвонил Новгородцев и сказал, что если бы на факультете причинили мне какой-либо вред и встал бы вопрос об отбывании воинской повинности, то он «устроит меня» через Коммерческий институт.

Я решил проткнуть нарыв и дать встречный бой. В приемный час я был у декана Гидулянова, который принял меня раздраженно: «Вы известны, видите, в чем дело, тем, что ходите и всех осуждаете с этичкой (sic!) точки зрения. Факультет нашел Ваше поведение недопустимым и постановил объявить Вам *строгий выговор*. Никто не просил Вас говорить о третьестепенных и четверостепенных возражениях» и т. д. Что можно было возражать этому аморальному варвару? Напрасно было говорить о свободе научных воззрений, о корректной форме моего выступления, о достоинствах классического труда П. Б. Струве. *Бой* мне не удался. Но *положение выяснилось*.

В мае мы собирались за границу. 10 мая назначен был отъезд. 8 мая я зашел в канцелярию юридич<еского> факуль-

тета и спросил у Баталина (бывший субинспектор из вульгарных) расписание на осень. Он дал мне корректуру: семинарий мой был погашен, отменен, рекомендованный курс переведен в число *необязательных*. Я спрятал корректуру в карман, несмотря на протесты Баталина, повернулся и ушел.

Придя домой, я позвонил Котляревскому и сказал ему возмущенным тоном: «Сергей Андреевич! Я звоню Вам для того, чтобы поблагодарить Вас за любезное содействие в деле предоставления мне права отбывать воинскую повинность. Мой курс дисквалифицирован. Мой семинарий отменен. Положение ясное».

Он, конечно, давно знал об этом, но умалчивал. У телефона он обнаружил полную растерянность. Умолял меня не принимать это трагически: «Мы это поправим, мы это поправим...». «Поправляйте, если хотите и можете» — и я повесил трубку. На следующий день я сказал жене: «К телефону я не подхожу. Будет звонить Котляревский, меня нет дома». Так и было. Котляревский звонил раз пять, и, к сожалению, в последний раз я ему попался. «Иван Александрович, не тревожьтесь, мы все это устроим. Поезжайте на дачу к Гидулянову и поговорите с ним. Все можно поправить!» — «Сергей Андреевич! Я у Гидулянова на даче не забыл ни зонта, ни палки, и делать мне там нечего. *Не поеду*». — «Не принимайте этого трагически!» — «Не принимаю. Вас благодарю за выдачу меня, несмотря на обещания. И ничего больше не предпринимаю». 10-го мы уехали.

Летом 1914 г. война застала нас в Вене. Позднее объявление войны между Австрией и Россией спасло нас при переезде в Швейцарию. Через Италию, Грецию, Сербию (Салоники—Ниш), Болгарию (Варна—Одесса) мы добрались в Россию в августе и решили передохнуть в Судак (Крым) у родственников жены.

Оттуда я телеграфировал в университет секретарю Совета С. И. Преображенскому: «Прошу уведомить о документе, poslanном воинскому начальнику». Пришел ответ: «Воинскому начальнику сообщено о необязательном, не подлежащем зачету курсе».

В начале сентября мы двинулись на Север. Я завез жену, Наталию Николаевну, в Лазарево (Тульской губернии, Крапивенского уезда, сельцо Выропаевка, родовое имение моей belle-mère⁴¹), а сам отправился в Москву выяснять дела.

Секретарь Совета Преображенский сказал мне: «Я три раза возвращал это удостоверение Гидулянову, указывая ему, что Ильина по такому документу заберут. Он три раза возвращал

мне его — говоря, что Ильину другого документа не будет. Это возмутительно: Вы состоите доцентом 5 лет, Вы имели зачетные курсы, а между тем, напр<имер>, Зызыкину, который еще с кафедры ни слова не сказал, дали удовлетворительный документ».

Я позвонил П. И. Новгородцеву и изложил ему дело. «Видите ли, — ответил он, — мы уже устроили по Ком<мерческому> институту Вышеславцева, и Алексеева, и еще целый ряд других лиц — и для Вас ничего не можем сделать. Поговорите с Гидуляновым и Любавским⁴²».

На меня повеяло заговором и унижением. Я решил ничего больше не делать, а ехать к воинскому начальнику. Собрал белья, умывальные принадлежности, положил в сумку и отправился по месту приписки в уездный город Бронницы (Моск<овской> губ<ернии>). На месте я был скоро принят. «Я приват-доцент Ильин, Моск<овского> университета. Только что вернулся из-за границы, узнал о неудовлетворительном документе из университета и являюсь к отбыванию воинской повинности».

Передо мною сидел интеллигентный человек в военном мундире, с бородой, умными глазами и деликатным обращением. Боуман, из англичан.

«Да, я помню Ваш документ. Он неудовлетворителен. Расскажите, пожалуйста, почему Вам выдали его?» Я рассказал обстоятельно, не скрывая ничего. Он внимательно слушал. «Видите ли, у нас есть инструкция, тайный циркуляр военного министерства, согласно которому следует освобождать от воинской повинности *всю* доцентскую молодежь, не считаясь с формулировкой удостоверений. И я своею властью, распространительным толкованием закона освободил и Вас. Поезжайте спокойно и преподавайте дальше». Я откланялся и уехал к жене в Выропаевку, где и пробыл до конца сентября.

О моей явке к воинскому начальнику я не сообщил в Москве ни слова — ни Новгородцеву, ни Котляревскому, ни Гидулянову. Я просто стал читать повсюду назначенные лекции. В университете — мой *необязательный* курс. Немалым утешением было мне то, что к концу второго (весеннего) семестра и мой курс оказался третьим по посещаемости на факультете. Первым шел курс Игоря Кистяковского по гражданскому процессу; вторым — И. Х. Озерова⁴³ по финансовому праву (оба обязательные); третьим — мой, *необязательный*.

(№ 13) 1917. 1930

В августе 1917 г. на Первом съезде Общественных деятелей, на второй день съезда, я подошел в коридоре университета, где происходил съезд, к Василию Алексеевичу Маклакову⁴⁴ и спросил его: «Василий Алексеевич! Почему молчит Маклаков? Почему не слышно его слова и суждения?». Мы до тех никогда не встречались, и он не знал меня. Но накануне, в первый день съезда, он слышал мою негодующую речь, произведшую на съезде сенсацию, и знал, с кем говорит.

Он ответил мне с большою простотою и прямою: «Видите ли, я три раза в жизни имел возможность заявить публично, что я монархист, один раз в присутствии самого Государя. При теперешнем положении дел в России мне здесь нет места и я воздерживаюсь от выступлений». Вскоре после этого он уехал во Францию послом от Временного правительства.

Тон его ответа не допускал сомнений в искренности. Впоследствии, уже за границей в эмиграции, П. Б. Струве сказал мне, что Маклаков был введен в ложу Великого Востока в Париже в 1896 г.⁴⁵ Максимом Ковалевским⁴⁶.

Бывая в Париже (1925—1930), я два раза заходил в бюро к М. Н. Гирсу⁴⁷ и В. А. Маклакову преимущественно для того, чтобы отстоять перед ними ассигновку, отпускавшуюся Советом послов на берлинскую Vertrauens-stelle⁴⁸, во главе которой стоял С. Д. Боткин⁴⁹. В 1930 г. Маклаков пригласил меня завтракать, и я провел с ним почти с глазу на глаз (присутствовала только его сестра) часа три. Он слышал уже плохо, прибежал к аппарату; и говорил все время почти один, потоком. Он доказывал мне свою невиновность в революции, как если бы я обвинял его в чем-нибудь. Но я именно его не обвинял. Я всегда ценил его деловую, предметную работу в Думе, его умные речи — всегда не только *ad rem*⁵⁰, но и *ot hominem*⁵¹. Я помнил его закрытый доклад в Москве в декабре 1916 г. о том, что в бешено несущемся над пропастью автомобиле *нельзя* менять шофера, ибо это грозит гибелью⁵². Я знал, что циан-калий для Распутина⁵³ был добыт и передан Феликсу Юсупову⁵⁴ именно им. И думал о том, что я, к сожалению, не смогу ни записать, ни запомнить его сегодняшнее самооправдание.

Его политические мемуары⁵⁵ о трех Думах имеют большую политическую ценность. Он очень умен и даровит как оратор. Он тактичен, очень терпим и очень доброжелателен и не является честолюбивым интриганом. Тактически — он «реальный политик» и последовательный эмпирик. Этому искусству мож-

но и должно учиться по его книгам. Но у него *нет* религиозной веры, нет последней, и высшей, ценности; он безнадежный релятивист и скептик. В нем живет дух Французской революции: ум Вольтера, противопоставление бунтующей и требующей «свободы и благосостояния» личности — якобы деспотическому государству; вера в то, во что веровать глупо, — в демократические формы жизни. Он масон — не только по принадлежности к ложе и по 33-й степени посвящения, но и *по естеству своему*, масон, *верующий* в вопросах политической целесообразности (что нелепо) и *не верующий* в вопросах религиозной святости. Поэтому книги его могут послужить настоящей школой масонского релятивизма и доктринерства. О том, что Маклаков — масон, мне сообщил П. Б. Струве точно: он был введен в ложу в Париже в 1896 г. Максимом Ковалевским.

А. О. Гукасов⁵⁶ говорил в 1948 г. И. С. Шмелеву, что на издание последней маклаковской книги ему перевели «из Америки» 600 долларов.

О посещении Маклаковым сов<етского> посла Богомолова⁵⁷ в Париже в 1945 г. — отдельно.

(№ 16) 1921

В 1921 г. Михаил Васильевич Нестеров, с которым мы поружились за последние годы, привел ко мне Валентина Александровича Тернавцева⁵⁸. О Тернавцеве я давно слышал от друзей как о человеке очень умном, прозорливом и религиозно значительном. Он был много лет чиновником особых поручений у К. П. Победоносцева⁵⁹ и в первых Госуд<арственных> думах сидел всегда в правительственной ложе, наблюдая за поведением священников-депутатов. Его прозвали в Думе «красивый брюнет». Это Тернавцев давно говаривал про Бердяева: «Он одержим бесом, все его гримасы от беса, и однажды все это обнаружится и подтвердится».

Тернавцев вошел молчаливо, сел, рослый и широкоплечий, на мой кожаный диван и предоставил нам с Нестеровым разговаривать. Я знал, что Тернавцев уже 30 лет пишет книгу об Апокалипсисе и считает в нем все понятным: все сказанное есть философия человеческой истории и религиозности по отдельным народам и пророчество о грядущем. Я не хотел его форсировать, а он молчал со скучающе-наблюдающим лицом. Он оживился и заговорил только тогда, когда Нестеров перевел разговор на религиозный смысл наших дней и на интеллигентскую безрелигиозность. Они хотели, чтобы я высказался. Я от-

ветил, что совершенно не считаю себя человеком «богомудрым», что с мистическим ужасом смотрю на происходящее и думаю только, что мы вступили в совсем новую, исторически-религиозную эпоху. Тернавцев очень заинтересовался и попросил уточнения. Я сослался опять на мое малое разумение и отрицание доктринерства в сих вопросах. А затем высказал, что по моему слабому видению, человечество вступает в эпоху «Духа». Прошло то время, когда народы не умели идти от Отца к Сыну и Духу: исказили облик Отца и не узнали Сына и не приняли Духа. Потом 2000 лет они имели возможность идти от Сына к Отцу и принимать от Духа. И Сына они исказили, отвергли и утратили. Ныне настал кризис: нам надо будет идти от Духа к Сыну и к Отцу; и это последний шанс человечества. Тернавцев очень взволновался, Нестеров сверкал своими пронзительными глазами. «Вот ведь, смотрите, как Господь вас умудряет...» — воскликнул Тернавцев. И наше сближение завязалось.

Я и потом не раз видался с ним в долгих беседах. Однажды я рассказал ему о слухах, по которым правые русские организации будто бы уже завладели Чекою и ведут большевиков к крушению и ликвидации. Он ответил тоном человека осведомленного: «Действительно, наши с самого начала вошли туда с этой целью. Но их заподозрили коммунисты и, чтобы проверить их, стали давать самые отвратительные поручения. Уклониться нельзя было; переварить это тоже нельзя было. Некоторые стали морфинистами. Был момент, когда обе партии, как в азартной игре, сидели за столом, ожидая момента, чтобы опрокинуть стол и начать расправу; но момент этот прошел и теперь наши бессильны». Это было в 1921—1922 гг.

После высылки я никогда ничего больше не слышал о В. А. Тернавцеве.

(№ 29) 1918

Зимой 1917—1918 гг. меня посещало множество людей, иногда незнакомых, малознакомых, неожиданных. Алексея Станиславовича *Белоруссова-Белевского*⁶⁰ я знал давно, а со времени Съездов общественных деятелей (авг<уст> и окт<ябрь> 1917) мы считали себя ближайшими единомышленниками. Бывший когда-то в молодости близким к народовольцам, он вернулся из эмиграции после октября 1905 г., был либерал-радикалом, правым, писал в «Рус<ских> ведомостях» и стал в 1917 г. прямым и мужественным корниловцем-колчаковцем. Человек с большим журнально-политическим опытом, темпераментный, мужественный и правдивый.

Между прочим, он рассказывал мне о том, как Виктор Чернов⁶¹ в русской ссылке познакомился с знаменитым уральским разбойником Лбовым, сошелся с ним, «распропагандировал» его и договорился о том, что Лбов будет известную часть своей разбойной добычи отдавать Чернову для партии социалистов-революционеров, что впоследствии и осуществлялось. Помню, какое впечатление произвел на меня этот рассказ: поиск русского революционера на русского разбойника-каторжника ведет свое начало от Бакунина⁶² и Нечаева⁶³; он нашел свое отражение в «Бесах» Достоевского; он сблизил революционеров с уголовщиной в так называемых «экспроприациях» 1905—1907 гг., от которых правые эсеры официально отреклись, но которым потихоньку сочувствовали и *post factum*⁶⁴ выпрашивали себе подачки у левых групп (напр<имер>, после большой банковской экспроприации в Москве в 1906 г.). И вот: Литвинов-Баллах⁶⁵ был замешан в производство фальшивых денег, Сталин-Коба⁶⁶ организовывал экспроприации на Кавказе (с метанием бомб) в пользу сидящего за границей Ленина, Чернов сговаривался с Лбовым, а Керенский амнистировал уголовных в марте 1917 г. (об этом см., напр<имер>, в воспоминаниях начальника Всероссийского уголовного розыска Аркадия Францевича Кошко⁶⁷).

Вот почему революционеры так сердятся, когда им об этом напоминают: они знают, что *годами работали над ассимиляцией революции и уголовщины*.

(№ 30) 1914

Весной 1914 г. (до Первой мировой войны) меня неожиданно навестили Ф. А. Степун и казанский прив<ат>-доц<ент> Васильев⁶⁸ (философия). Степуна я знал с Гейдельберга—Фрейбурга (1910), Васильева я видел в первый раз.

После первых фраз знакомства Васильев вдруг воскликнул, как выстрелил: «Ну вот, Иван Александрович, это я понимаю, у Вас настоящее лицо философа — острое, худое, даже изможденное; а не то, что у Федора Августовича...» Я не знал, как забыть этот неуместный и щекотливый разговор, а Степун ответил восклицанием, растягивая, по своему обыкновению, слова, по-актерски рисуясь и картавя звук «л» нёбным произношением: «Ну что ж вы хотите, когда у человека не лицо — а вымя?!». Я поспешил перейти к более серьезной теме, но Степун, сидя в большом кресле, несколько минут еще рисовал что-то на моем блокноте. Потом показал мне. Легкими, метки-

ми чертами была набросана голова жирной свиньи, жутко смахивавшей на самого Степуна. Под рисунком стояла размашистая подпись «Федор Степун». Рисунок долго у меня хранился и затерялся при высылке из России.

(№ 31, 32) 1915

В 1915 г. (весной или летом) меня посетил Ф. А. Степун, недавно вышедший из госпиталя после контузии на фронте. Об этой контузии по Москве рассказывали, что она была получена при следующих обстоятельствах. Шло наступление немцев на Ригу. Во время боя батарея, в которой состоял Степун («прапорщиком-артиллеристом») вместе с другими офицерами (все с немецкими фамилиями), молчала; бой был тяжелый и, кажется, для немцев успешный. После боя их потребовали в штаб к ответу. Они будто бы сели на телегу, телега потерпела крушение, и они приехали в штаб «контуженные». Верность этого рассказа мною не могла быть удостоверена.

Сидя у меня, Степун развивал военный пессимизм. Между прочим, видя, что мне его пессимизм мало нравится, он рассказывал, что кто-то из его знакомых в Москве прямо спрашивал: «Как? Вы деретесь на фронте с немцами и не отступаете и не сдаете им пушек?!». Он *не* назвал мне вопрошателя, но я сразу узнал по интонации Богдана Кистяковского, который еще в начале войны говорил мне: «Ну, слушайте, что же вы хотите? Драться с немцами — это же последнее дело...» Он же говорил и раньше: «У меня две родины — Украина и Германия! Россия никогда не была моей родиной!».

Почувяв, что передо мною сомкнутый фронт — Степуна и Б. Кистяковского, германофилов-пораженцев, — я нарочно углубил вопрос и сказал, что Россия, по-моему, непременно должна победить, чтобы окончательно оборониться от внешних врагов, утвердить свое духовное достоинство и не впасть в новое (германское) рабство.

На это Степун сказал мне, что он «с одинаковым отвращением относится как к идее победившей Германии, так и к идее победившей России».

Я ответил ему, что непобедившая Россия будет разгромленной, униженной и рабской Россией, лишенной правосознания и разнузданной.

Мы сидели за нашим чайным столом: на главном месте — жена моя, Наталия Николаевна, рядом с ней Степун, против жены я.

Вдруг он ответил мне со свойственной ему кощунственной насмешкой: «Что же вы хотите, когда русский народ *ноуменально*⁶⁹ предназначен к рабству?!».

Сдерживаясь изо всех сил, я ответил ему *приглушенным* голосом: «Извините, Федор Августович, если я вас верно понял, то вы сейчас сказали о русском народе — мерзость».

Вдруг он начал колотить кулаком по столу и визгливо-истерически, театрально кричать: «Как — вы — смеете — со — мной — так разговаривать?! Я вас научу, как со мной разговаривать!!». Затем столь же внезапно истерически захлюпал, начал мазать себя рукой по лицу и замолк.

Воцарилось удрученное — позорное для него молчание. Он не вынес его, вскочил, отвесил два поклона и ринулся в переднюю. Никто его не удерживал. В передней он, одевшись, начал вдруг меня обнимать, театрально всхлипывая и приговаривая: «Не надо сердиться!! Не надо сердиться!!». Я молчал. Он вышел.

Вернувшись в столовую, я просил у жены моей прощения за эту безобразную сцену.

Потом я его долго не видал. В его книжке «Записки прапорщика-артиллериста»⁷⁰ я потом прочел фразу о том, что люди, отстаивающие войну до победного конца, «мерзавцы».

В 1917 г., после революции, он стал правой рукой Савинкова⁷¹ в бытность сего последнего при Керенском — политическим комиссаром армий.

Передавали, что большевики выслали его за фразу на одном публичном докладе — в ответ на вопрос из публики, что он думает о большевиках? — «большевики — дьяволы». Я не был на этом докладе.

После нашей высылки (сент<ябрь>окт<ябрь> 1922 <г.>), и он оказался в Берлине высланным. Предстоял вечер «в нашу честь» — от Deutsches Rotes Kreuz⁷² и Gesellschaft zum Studium Ost-Europas⁷³. Намечались ответные ораторы. Выбрали меня — и Степуна. Спросили Степуна, что он скажет. Он ответил развязно: «Я *одинаково* люблю Россию и Германию...» — и остановился. Я кинул ему иронически через стол: «Человек, рожденный двумя матерями?». Он с пристальным, угрожающим бешенством посмотрел мне в глаза — и промолчал.

Это не помешало ему явиться ко мне в начале 1923 г. в Берлине же с предложением перевести на немецкий язык мою работу о Гегеле (два тома). Он предлагал переговорить об этом с Гуссерлем и найти издателя. Я спросил его: «Почему он так заботится об этом?». Он ответил своим обычным развязно-аффек-

тированным-издевательским тоном: «Из патриотизма». С Гуссерлем он меня связал, была переписка, но *ему* я перевода не доверил из опасения, что исказит и наплетет. За перевод взялся Артур Лютер⁷⁴, перевел введение и две главы и забастовал. Перевод Лютера был неважен. Я остался должен ему 75 марок, которые потом выплатил ему пакетами из Швейцарии (в сороковых годах). Главы, им переведенные, я в 1945 г. переработал.

<(№ 33)>

Впоследствии, в 1928 г. в Берлине, мы с женою, отыскивая себе в качестве жильцов меблированные комнаты, попали к одному берлинскому профессору, сдававшему комнаты. Мы не сняли его комнат, но разговорились с ним. Он спросил, знаем ли мы проф. Степуна? Знаем, а что? «Да вот, я недавно слышал в одном обществе его лекцию о России. Это было возмутительно! Как может русский человек говорить эдакое о своем народе?! Он утверждал, что большевизм составляет самую духовную сущность русского человека и русского народа!» и т. д.

В 1932 г. собрался весною совет берлинских организаций для устройства Дня Культуры. В качестве оратора предложили Степуна, тогда — «профессора социологии» в Дрездене. Баллотировали закрытой баллотировкой. 24 направо, 10 налево. Я попросил слова и предложил, чтобы тот, кто будет ему писать, попросил бы его от нашего лица — не говорить в речи *позорных вещей* о России. И рассказал вслух при всех мою встречу с берлинским профессором. Воцарилась длительная, удрученная пауза. И. В. Гессен⁷⁵ прервал ее наконец — предложением баллотировать Степуна еще раз. Единогласно согласились и почти единогласно забаллотировали.

В том же (?) году Степун напечатал <статью>⁷⁶ в «Современных записках» за подписью Луговой, очень резко <отзываясь> о национал-социалистах. В 1934 г. русские, приезжавшие из Дрездена, передавали, что Степун объявляет себя открыто «национал-социалистом», ибо «националистом» и «социалистом», а для России предлагает Фюрера, избираемого на пять лет. Так он продержался на своей кафедре до 1938 г., когда Гештапо предъявило ему длинное обвинение (в том числе и статью Лугового), лишило его кафедры, отобрало паспорт и запретило ему выезд. После войны передавали, что он спасается на Тегерн-Зее, а потом он вынырнул на кафедре в Мюнхене.

Летом 1939 г. он *по радио*, слышному в Цюрихе, объединял католичество с Православием, уверяя, что православным при-

емлемы все католические догматы, только нажим католиков возмущает их. Мемуары⁷⁷ его я получил от него, не благодарил его и не читал их.

(№ 34, 28) Весной 1918 г.

В Москве ко мне пришли внезапно, отнюдь не сговорившись друг с другом, но встретившись у меня в подъезде (Крестовоздвиженский пер., дом Бутурлина во дворе), П. Б. Струве, находившийся в командировке с юга на север за деньгами, и генерал для поручений при Л. Г. Корнилове — полковник Голицын. Войдя в переднюю, они оказались «в ссоре»: Голицын узнал Петра Бернгардовича, остригшего свою большую бороду, и неконспиративно назвал его по имени; Пётр Бернгардович выговаривал ему за это, а Голицын конфузился. Но это скоро закончилось: Голицын привез нам известие о смерти Л. Г. Корнилова, о которой ни Пётр Бернгардович, ни я еще не знали. Мы долго сидели вчетвером (жена моя, Наталия Николаевна) — потрясенные, подавленные, обсуждая последствия, новое командование (Деникин) и положение Белой армии.

Уходя, Голицын сказал мне: «Я приведу к Вам для связи и совещания двоих командированных с Юга. Это два полковника. Оба молодчиничи: Перхуров и Страдецкий». Через два дня они пришли ко мне все втроем. Оба полковника имели поручение работать негласно с Савинковым и поднять Север против большевиков. Оба рослые, широкоплечие; Страдецкий с рыжеватой бородкой и сверкающими глазами; Перхуров с длинным носом, умным взглядом, седеющий шатен, с бородой и усами. Предупреждая их, я рассказал им о Савинкове все, что знал, и обрисовал его как властолюбивого и аморального авантюриста-ассасина⁷⁸. Они знали это и рассказали мне о том, что после свидания на Юге Савинкова с Корниловым (ответ Корнилова: «Я-то вас прощу, но они, мои друзья и единомышленники, не простят!..») у них было контрразведочное сведение, будто Савинков готовит покушение на Корнилова; тогда группа корниловских офицеров стала ходить за Савинковым по пятам, чтобы вовремя успеть убить самого Савинкова. Но тут выяснилось, что Перхуров не будет терять Савинкова из вида... Я дал им связь с нашей московской офицерской организацией⁷⁹, и мы расстались.

Впоследствии восстание в Ярославле и было организовано Перхуровым и Савинковым. В 1930-х годах в рижской газете я читал о Перхурове, что из Ярославля он спасся к Колчаку, а

после крушения Колчака вступил под чужим именем в сибирскую Красную армию, где и готовил белые ячейки. Был узнан, арестован и передавался из тюрьмы в тюрьму. Описывал его очевидец. Это был старик с большой седой бородой, ясными могучими глазами и важными, командующими манерами. Во всех общих камерах авторитет его признавался немедленно. Он был организатором и арбитром. Его почитали и уголовные. С утра все становилось на молитву и пели хором. Порядок был образцовый. Его все слушались и любили как своего рода Святого.

Передают, что его отправили в Москву и там на Лубянке расстреляли. Достоверности нет. О Страдецком я никогда больше ничего не слышал.

(№ 35) 1921

В 1921 г., проездом из Томска через Москву за границу, меня посетил Сергей Иосифович Гессен, занимавший в Томске какую-то кафедру и отпросившийся у большевиков за границу. Как он устроил это, не знаю.

Он удобно засел передо мною в большое мягкое кресло и начал развивать свое новое мирозерцание. Он видел спасение человечества в синтетическом сращении философии Риккерта и политики Ллойда-Джорджа⁸⁰. Говорил он долго, смакуя каждую фразу и сопровождая ее улыбкой, выражавшей сразу удовольствие от испытанной очевидности и снисхождение к навивному слушателю, которому нужно это все объяснять. Я долго и терпеливо слушал этот ворох мертвых глупостей. И вдруг я потерял терпение. Выждав паузу в его разъяснениях, я вдруг спросил его: «Скажите, пожалуйста, Сергей Иосифович, *долго* это безобразие будет еще продолжаться, по-Вашему?..». Он сразу обиделся, потерял и снисхождение и очевидность и сердито спросил: «*Какое* безобразие?». «Да вот, — ответил я, — погубление России сбродом коммунистов». В его глазах засветилась прямая злоба, и он отчеканил дословно: «Революция в России будет продолжаться до тех пор, пока *все* русские евреи не будут *окончательно уверены* в том, что сам Марков-второй, став министром внутренних дел, *не* восстановит черту оседлости, и сам Пуришкевич⁸¹, став министром народного просвещения, *не* восстановит процентную норму для евреев. До тех пор революция будет продолжаться».

Он кончил. Наступила звенящая пауза. Я молчал и внутренне повторял про себя его слова. Он явно был уверен в том, что

большевистскую революцию в России делают евреи в борьбе за свое равноправие. Дальше разговор не клеился, и он вскоре ушел. С тех пор я никогда в жизни не видал его. Он устроился в Праге, но во время моих приездов в Прагу я не встречался с ним.

Впоследствии, после высылки, я находил аналогичные признания: 1) в книге у Пасманика⁸²; 2) после Второй мировой войны — в статьях руководящих евреев. Одну из них прилагаю⁸³.

Как интересно было недавно найти в статьях Зеньковского⁸⁴ и Степуна, посвященных памяти С. И. Гессена (Новый журнал. 1951. Кн. 27), восхваления тонкого, острого и глубокого ума покойного. Я и мои друзья всегда считали его отменно глупым человеком...

(№ 38)

Когда после моего пятого ареста в Москве (1920 <г.> по делу «Тактического центра»⁸⁵) я вышел на свободу, просидев на Лубянке всего две ночи и день, я зашел к Гольдовским, чтобы узнать о моем друге (сын Рашель Мироновны Гольдовской⁸⁶, по первому мужу Фельдштейн), Михаил <е> Соломонович <е> Фельдштейн <е>⁸⁷ (прив <ат>-доц <ент> по государственному праву, ученик С. А. Котляревского).

У Гольдовских мне рассказали следующее. Радек⁸⁸ был у Ленина, когда Ленину сообщили, что среди вновь арестованных значится проф. И. А. Ильин. Радек передавал, что, узнав об этом, Ленин рассердился, немедленно позвонил в Чеку и сказал Агранову⁸⁹, ведущему это дело: «Вы опять арестовали профессора Ильина? Это общественный скандал! Немедленно допросите его, освободите и оставьте его впредь совсем в покое!».

В ту же ночь я был допрошен и наутро выпущен.

Я изумился и спросил: «Что я ему? Чего это он?». Отвечали, что он читал мой труд о Гегеле и высоко ценит его. Я ответил, иронизируя: «Ну, если *он* одобряет моего Гегеля, то мне придется его целиком пересмотреть, нет ли у меня там каких-нибудь пошлостей и гнусностей!..».

Потом «ручные» коммунисты (а такие были!) говаривали мне, что у меня есть хорошая отметка: в Гепеу меня считают «гегельянцем». Я обычно отвечал, что это недоразумение: я *никогда* не был гегельянцем — и что Маркс ничего общего с Гегелем не имеет; если он «произошел» от Гегеля, то разве наподобие того, как Смердяков от Федора Карамазова. Мне отвечали: «Молчите и не возражайте! Когда мы исчезнем, тогда вы и заявите, что вы не гегельянец; а до тех <пор> — это ваша заручка».

Позднее, в эмиграции, мой друг Андрей Иванович Бунге⁹⁰ говорил мне, что в советском журнале «Огонек» он видел воспоминания о Ленине, составленные его учениками. Там рассказывалось, что Ленин говаривал своим ученикам: «Напишите о Марксе так, как Ильин написал о Гегеле! Почему вы не пишете так? А потому, что *не можете!*...».

Этих воспоминаний я никогда не видал и передаю со слов Бунге. Однако это подтвердило мне, что Радек, по-видимому, не врал.

(№ 54) 1903

Поступая в университет, я мечтал о филологическом факультете. Отец мой настаивал на поступлении в инженерное училище, к коему я питал отвращение. Под его влиянием я в 8-м классе гимназии вел даже добавочные занятия по математике, работая у Д. А. Бема⁹¹. В аттестате зрелости, ввиду моего указания на инженерное училище, пометили даже особую одаренность к математическим наукам, чего в действительности вовсе не было. Я только овладел геометрическим и алгебраическим созерцанием под влиянием талантливейшего преподавателя, Фед<ора> Сем<еновича> Коробкина⁹², и давал хорошие ответы. Летом отец, заметив мое противление и депрессивное состояние, согласился отказаться от своего требования, но с условием, чтобы я поступил студентом не на филологический факультет, а на юридический. Я пошел на это скрепя сердце, но с первого же семестра заскучал. Скучные курсы Мрочек-Дроздовского⁹³ и прив<ат>-доц<ента> Числова⁹⁴ по истории рус<ского> права; абстрактный курс политич<еской> экономики Мануйлова⁹⁵; сухое преподавание истории римск<ого> права у Хвостова...⁹⁶ Все было томительно. Заинтересоваться Самоквасовым⁹⁷ я не мог в силу моей исторической незрелости. Заинтриговывал только Новгородцев, читавший энциклопедию права как своего рода малопонятное введение в философию идеализма. На втором курсе с осени я стал ходить на дом к И. Х. Озерову, глотать дававшиеся им книги (учебники, история коопер<ативного> движения, рус<ская> фабрика) и задумывал изучать историю русской фабрики.

В декабре я заболел бронхитом, месяца на три. И уехал лечиться к родителям в деревню, взяв с собою «Историю древней философии» Виндельбанда, курс Новгородцева и Платона, подлинники в переводе Карпова. К весне Платон был мною изучен и любим.

Весной на экзамене по истории философии права я вынул у Новгородцева билет о Платоне. Помню, как он молча, не перебивая меня, прислушался к моему ответу с несколько изумленными глазами и довольным выражением лица. Отметка была 5+. Я тут же попросил у него личной беседы на дому, чтобы переговорить о моих занятиях. Он назначил свой обычный приемный час, в ближайшее воскресенье от 10—12 утра.

Меблированные комнаты Троицкой у Никитских ворот. Дом этот погиб, расстрелянный во время моск<овского> вооруженного восстания большевиков в 1917 г. осенью. Скромные, очень чистые полукомнаты, крашеные полы. Он принял меня со свойственной ему любезно-тонкой важностью.

Я повторил ему мое желание: план занятий. «Сколько времени Вы хотели бы посвящать моему предмету?» — был его вопрос. — «Всю жизнь», — отвечал я не обинуясь. — «Очень хорошо, — был его ответ, — а мы, с своей стороны, сделаем все возможное, чтобы облегчить Вам Ваши занятия и Ваше положение». Я принял это как предложение готовиться к магистерскому экзамену и унес от него задание — написать мое первое сочинение о Платоне и предложение бывать у него по воскресениям от 10—12 для бесед.

На этих воскресеньях я встречал Савальского⁹⁸, выходившего в приват-доценты, Н. Н. Алексеева, еще студента, Л. С. Меевича (пом<ощник> прис<яжного> пов<еренного>), а потом втершегося Вышеславцева, И. А. Карабегова, иногда М. Н. Нерсесова⁹⁹ (межд<ународное> право) и случайных визитеров. Пили чай, обсуждали проблемы магистерской программы и общепедагогические. Дверь в соседнюю комнату (П<авел> И<ванович> уже женился и имел комфортабельную квартиру в Малом Знаменском пер.) была открыта. Оттуда доносился шелест читаемой газеты — это безмолвно слушала нас Лидия Антоновна Новгородцева, урожденная Будилович, женщина очень умная, с самостоятельным характером, независимыми суждениями и оценками. В дальнейшем она много поработала над примирением меня с Павлом Ивановичем. В эмиграции я встречал ее не раз в Праге в двадцатых-тридцатых годах (иногда и у Крамаржей¹⁰⁰).

(№ 58) 1931

В 1931 г. мне удалось найти издателя для подготовленного нами тома «Welt vor dem Abgrund»¹⁰¹. Найти было нелегко: немецкие издатели один за другим брали рукопись и «довери-

тельно» советовались с большевизанствующими немецкими публицистами. Наконец, когда издатель — евангелическое издательство «Eckart Verlag», состоящее при Evangelischer Presse-Verband¹⁰², т. е. при высших органах Ober-Kirchenrat и Kirchen-Bundesamt, — согласилось издать книгу, оказалось, что она на год устарела и мне, как редактору, пришлось все дорабатывать и подновлять.

В 1932 г. Oberkonsistorialrat A. W. Sfschreiber, заведовавший в Kirchenbundesamt сношениями с иностранными евангелическими «церквями» и сектами — стал мне как-то говорить, явно с чужого голоса, что книга имеет существенный недостаток.

Я: «Какой же?»

Он: «Она совсем умалчивает о *положительных сторонах и заслугах* большевизма».

Я: «Помилуйте! Какие же там заслуги? У дьявола не может быть положительных сторон: они призрачны, обманчивы; успехи их инсценированы и соблазнительны. Говорить о них — значит сеять соблазн и обманывать».

«Ах, нет, — сказал он, — почему же? Дьявол есть полезное существо, и от него бывает людям и польза...»

Я смолк, мгновенно измерив разделяющую нас бездну. С этой доктриной о пользе дьявола я впоследствии встречался не раз.

(№ 65)

В 1934 г., в ноябре, возвращаясь из Белграда и Люблян после публичных лекций, мы с Н<аталией> Н<иколаевной> провели несколько дней в Праге, каждый день видаясь с Надеждой Николаевной и Карелом Петровичем Крамарж и с Ильиными (проф. Василий Сергеевич, ботаник, мой двоюродный брат, и его жена Нина Ивановна).

Между прочим, Нина Ивановна рассказывала, что она один год посещала в Праге семинарий Булгакова (проф. Сергей Николаевич) по богословию и была у него на исповеди. В семинарии своем Булгаков разбирал догматы Православия и в этой связи анализировал, комментировал и анатомически описывал *неделями* учение о зачатии и рождении Христа Богоматерью. В семинарии участвовали несколько мужчин и дам. Нина Ивановна с негодованием рассказывала о том, как прот<оиерей> Булгаков часами предавался анатомическому и физиологическому разъяснению того, как могла Дева Мария зачать без семени и родить «без истления». «Мы, женская часть семинария,

часами сидели сконфуженные, растерянные, опутив глаза и не зная, куда деваться от стыда». — На исповеди же прот<оиерей> Булгаков стал задавать ей столь нескромные вопросы о ее эротических грехах, что она, вскипев от негодования, сказала ему: «Отец Сергей! На такие вопросы я отвечать не буду!» Невольно вспоминается Федор Павлович Карамазов: «Сосцы особенно!...».

(№ 66)

В годы 1926—1938 мы с женой не раз подолгу жила в Гаутинге (Gauting bei München¹⁰³) в пансионе Софии Петровны Дурново¹⁰⁴ (урожд. светлейшая Волконская), где и подружился с нею и с жившим у нее князем Николаем Борисовичем Щербатовым. София Петровна была лет 30 фрейлиной двора и состояла при великой княгине Виктории Федоровне (супруге Кирилла Владимировича¹⁰⁵).

В числе предков Софии Петровны значилась, между прочим, и Мария Савишна Перекусихина. Она состояла долгие годы придворной дамой при императрице Екатерине II; от нее у Софии Петровны имелись драгоценные фамильные жемчуга. С<офья> П<етровна> рассказывала, что Мария Савишна, согласно прочным фамильным преданиям, несла при Екатерине обязанности «пробной дамы»: она выбирала любовников Екатерине и проверяла на себе и этих «кандидатов», и тех, на которых указывала ей Екатерина. Об успешной или неуспешной «пробе» она докладывала Екатерине, что и вело к соответствующим последствиям «допущения» или «недопущения» кандидата в альков Императрицы.

(№ 67)

В 1924 г., когда я лечился от катара верхушек и мы жили в итальянском Тироле (Siusi) в одной гостинице с С. М. Волконским¹⁰⁶, он, желая меня утешить и доказать, что в России при «советах» не так уж все плохо, сказал: «Вот, говорят, там нет ничего светлого... Это неверно! Есть очень отрадные явления. Например, мы знаем наверное, что целый ряд православных священников за обедней, при совершительных молитвах тайно от прихожан поминают Римского Папу...»

Я остолбенел: предательство своей Церкви, обман при совершении таинства, кощунственная ложь в алтаре — отрадное явление?! Тут я впервые понял, что С. М. Волконский сам состоит негласным католиком и уже впитал в себя всю порочность ка-

толической Церкви. Впрочем, здесь имел значение его гомосексуальный уклад, о котором он мне сам открыто говорил. Я невольно вспомнил психоаналитическую гипотезу Зигмунда Фрейда: «Если видишь предательство, спроси, не замешан ли гомосексуальный; если видишь гомосексуалиста-практиканта, спроси, где ждать от него предательства?».

(№ 70) 1924—1925

В конце 1923 г. я заболел гриппом. Болезнь тянулась, и к весне 1924 г. установили катар верхушек (рецидив после 1916 г.). Мы уехали на юг и провели в отъезде с мая 1924 до марта 1925 г. (Фельден и Кётчах в Австрии, Сиузи, Флоренция, Сан-Ремо, Меран, Флоренция). В Сиузи мы жили в одном отельчике (Unterwirt¹⁰⁷) с князем С. М. Волконским, вместе обедали и ужинали и много беседовали. Он дописывал свой роман, я писал с июля мою книгу «О сопротивлении злу силой», меценатски заказанную мне Борисом Густавовичем Кепшеном¹⁰⁸.

Однажды Сергей Михайлович спросил меня, не придется ли мне коснуться в книге вопроса о том, что «цель оправдывает средства». Я сказал, что, наверное, речь будет и об этом. Ни слова мне не говоря, он, будучи давно уже католическим конвертитом¹⁰⁹, написал своему брату, князю Петру Михайловичу¹¹⁰, в Париж, а тот дал знать об этом в иезуитский университет Инсбрука. Однажды С<ергей> М<ихайлович> начал меня тайнственно уговаривать съездить в Инсбрук: там-де уже предупреждены, приглашают меня и ожидают лучшие иезуитские богословы, которые и разъяснят мне «верно» иезуитское учение по сему вопросу, а то-де я могу «наделать ошибок». В Инсбрук я не поехал, а занялся иезуитской литературой в библиотеке Uffici во Флоренции и в библиотеке Сан-Ремо. После усидчивой работы я нашел все, что мне было нужно у Эскобаара-а-Мендозы¹¹¹ (см. в моей книге).

Во время второго посещения Флоренции, в феврале 1925 г., мне доложили однажды вечером в пансионе, где мы жили, что ко мне приходило католическое духовное лицо, которое посетит меня и завтра. На следующий день, рано утром, в 8 часов, я был едва одет и не пил еще кофе, докладывают «un padre»¹¹². Чувя, о чем пойдет речь, я взял с собою мои иезуитские выписки в карман и пошел в салон. Мне предстал отец Владимир Абрикосов¹¹³, высланный вместе с нами из Москвы за активную католическую пропаганду. Я знал его еще по московской Пятой гимназии. Сын московского кондитера, с бледным лицом, чрез-

мерным носом, ассирийской бородой и выделанным хладнокровием. На визитной карточке его стояло: «Padre Wladimiro Abricossosof. Procuratore generale della chiesa esarco dei emigranti russi»¹¹⁴. Произошла беседа, в которой я держался с еле скрываемой иронией. По-русски.

Он: «И<ван> А<лександрович>» я слышал, что вы пишете богословский труд».

Я: «Помилуйте, где мне братья за такие вопросы, я к богословию не способен».

Он: «Однако вы, по слухам, пишете о сопротивлении злу силою?»

Я: «Да, это верно».

Он: «Но тогда вам придется непременно коснуться вопроса об оправдании средств целью, а также учения иезуитов об этом».

Я: «Да, это, кажется, неизбежно».

Он: «Ну вот, я и пришел, чтобы вас предупредить, что у иезуитов *нет* учения об оправдании средств целью. Лучше и не ищите, не найдете!»

Я: «Ой ли?»

Он: «Да, уверяю вас. Это им зря приписывают!»

Я: «Ну, а что, если я уже нашел у них соответствующее?»

Он: «Это не может быть!»

Я: «Да вот, позвольте, я вам прочту найденное». Вынимаю из кармана тексты и читаю по латыни соотв<етствующее> место из Эскобара-а-Мендозы, который *прямо перечисляет отцов иезуитов, оправдывающих средства целию и примыкает к ним сам*.

Он (сильно побледнев и волнуясь): «Откуда это у вас? Где вы это взяли? Да стоит ли на этом издании imprimatur¹¹⁵?»

Я: «Не беспокойтесь, все в порядке. Издание такого-то года, найдено мною в библиотеке Uffici и imprimatur стоит».

Он: «В таком случае я должен сказать вам следующее. Я прислан к вам от Ватикана просить вас не касаться этого вопроса, и вот почему. В настоящее время в Риме работает особая комиссия из прелатов, которой поручено пересмотреть все учение и всю деятельность иезуитов. Учение их признается ложным, деятельность их порочной. Документы эти не публикуются для продажи, но я имею полномочие дать их вам на прочтение. Поэтому лучше будет, если вы не коснетесь иезуитов вовсе».

Я: (*про себя*: «Почему же лучше? казалось бы наоборот?») (вслух): «Отец Владимир — я буду вам очень благодарен за такое осведомление. Мы на днях уезжаем в Берлин, и вы, может быть, признаете возможным прислать мне это туда».

Он: «Да, я непременно сделаю это, дайте мне ваш адрес. А затем я хотел бы углубить нашу беседу. Скажите, И<ван> А<лександрович>, как вы относитесь к вопросу о соединении Церквей? Мы ведь видим, что ценные элементы русской эмиграции не идут к нам; идет один отброс. А между тем, подумайте, какие были бы последствия!.. В Православии есть молитвенная сила, но нет воли и дисциплины; а у нас есть воля и дисциплина, но нет молитвенной силы. Подумайте, если бы нам соединиться — у нас было бы *все* и торжество христианства было бы обеспечено в мире».

Я: «Слышали ли вы, отец Владимир, о той операции, которую недавно произвели Вильгельму Второму, экскайзеру?»

Он: «Нет, а что?»

Я: «Ему, видите ли, вставили оперативным путем обезьяньи железы. Так вот, в такое обхождение с живым организмом, да еще духовным, я не верю. Православие или извлечет из своей молитвенной силы — и волю, и дисциплину, или же угаснет в истории. Вставить ему от католицизма волю и дисциплину есть затея безнадежная. И католики должны сами у себя и в себе возродить молитвенную силу».

Мы расстались. Я написал в своей книге все, что считал нужным, а он прислал мне в Берлин одиннадцать жидких книжек антииезуитского содержания, список коих прилагаю. Это был с его стороны явный обман; эти книжки продаются и покупаются обычным порядком.

Список книг, полученных от Абрикосова ¹¹⁶.

(№ 75) 1921

В 1921 г. я возобновил знакомство с Короленкою (был на класс старше меня в 5-й гимназии). Он затевал большую нэповскую спекуляцию, водился на короткой ноге с графом Б. Шереметевым и собирал у себя к ужину голодающих приятелей. Был и я у него однажды или дважды. Как-то он передал мне приглашение проф. Ивана Христофоровича Озерова (Финансовое право) прийти вечером для беседы. Беседа состоялась у Озерова, в то время уже вернувшегося с юга, но ограбленного в отсутствие своим учеником М. Боголеповым ¹¹⁷, который «экспроприировал» в свою пользу квартиру и богатейшую библиотеку своего учителя (он ссужал нас книгами своими еще тогда, когда мы были студентами). Озеров, как всегда, нервно возбужденный и проповедующий, принял нас где-то в своей комнате. Он прочел нам свое письмо к Ленину в Кремль, негодующее и обличитель-

ное. Там стояли, между прочим, такие формулы: «Вы спирохетизировали Россию бактериями лени и жадности». К сожалению, я не знаю ни судьбы этого уже отправленного пророческого письма, ни судьбы самого Озерова.

(№ 106)

В 1922 г. летом, когда я гостил у Михаила Васильевича Нестерова, писавшего мой портрет, мы с ним посетили жившего неподалеку Владимира Федоровича Джунковского¹¹⁸ (бывш<его> моск<овского> губернатора и потом шефа жандармов и мин<истра> внутр<енних> дел). За четыре года перед тем я видел его во время моего третьего ареста в общей камере Чеки на Лубянке, где он держался с удивительным достоинством и просто-той.

Джунковский рассказал, между прочим, два анекдота, один из коих я запомнил.

Однажды Государю Александру III¹¹⁹ представлялись инвалиды Крымской войны, один дряхлее другого. Государя сопровождал генерал Драгомиров¹²⁰, известный своим пьянством. Желая ему показать, что непьющий живет дольше, Государь каждого из стариков спрашивал, сколько ему лет и пьет ли он водку.

П е р в ы й. «Сколько тебе лет?» — «74, Ваше Императорское Величество». — «Водку пьешь?» — «Никак нет, Ваше Императорское Величество».

Государь Драгомирову: «Вот, слышали?..»

В т о р о й. «Сколько тебе лет?» — «80, Ваше Императорское Величество». — «Водку пьешь?» — «Никак нет, Ваше Императорское Величество».

Государь Драгомирову: «Вот, видели?»

Т р е т ь и й. «Сколько тебе лет?» — «84, Ваше Императорское Величество». — «Водку пьешь?» — «Никак нет, Ваше Императорское Величество».

Государь Драгомирову: «Ну, конечно...»

Ч е т в е р т ы й. Дряхлый, хриплый, с задыханием. «Сколько тебе лет?» — «Э-э-э... 91, Ваша Амператорская Величество...» — «Водку пьешь?» — «Э, э, э — кажинный день, Ваша Амператорская Величества, э, э, э... куушаю».

Государь рассмеялся и прекратил допрос.

(№ 110) 1917, 1921

В 1921 г., когда проф. Александр Аполлонович Мануйлов вернулся с юга, у меня были с ним встречи. Он, между прочим,

готовясь к возможному аресту, расспрашивал меня, как бывало «тюрьмосеса», есть ли в тюрьмах крысы: их он «боялся» больше всего. Я успокоил его: «Клопов и вшей — сколько угодно, но крыс не бывает». Разговор коснулся, конечно, того, что называют «ошибками прошлого». Я спросил его об аграрной реформе Столыпина¹²¹. Он сказал мне: «Столыпин был, конечно, прав. Это-то и было нужно». Я с удивлением спросил его: «Александр Аполлонович! Зачем же Вы все время в “Русских ведомостях” и во всей либеральной прессе критиковали и отвергали его реформу!?!». Он ответил: «Это было несправедливо с нашей стороны. Но у нас тогда была кадетская директива: *критиковать и отвергать все, что идет от правительства*».

Идя от него домой, я вспоминал, как в ноябре 1917 г., тотчас же после вооруженного восстания, я передал ему в «Русские ведомости» через Кокошкина статью мою «Ушедшим победителям»¹²². Он напечатал ее тотчас же на первом месте страницы; но так как я просил не помещать моей подписи, для того чтобы мне, в предвидении конспиративной антибольшевистской работы, преждевременно не экспонироваться, то он подписал ее буквами «И. Л.». Через несколько дней после ее появления доктор Л. И. Свержевский говорил мне, что у него на приеме был Мануйлов, который упоминал об этой статье с большим сочувствием, как о статье, *выражающей мнение редакции*.

Статью эту прилагаю.

(№ 119) 1918

В 1918 г. во время моего третьего ареста (октябрь—ноябрь) я встретил в переполненном подвале Гепеу на Лубянке офицера Никольского, зятя Надежды Петровны Корелиной¹²³, воспитателя кадетского корпуса. Он был настроен фаталистически, но очень спокоен и уравновешен. Он сказал мне, что будет, *навверное*, расстрелян потому, что у него при обыске взяли т<ак> наз<ываемые> «Сионские протоколы» в издании Нилуса¹²⁴. Все, у кого находят эту книгу, обречены расстрелу. Предвидение его оправдалось: его в ближайшие дни расстреляли. Эту точку зрения или, вернее, это наблюдение я слышал не раз и впоследствии.

«Сионские протоколы» я тогда уже читал и, читая, изумлялся легковерию людей. Их текст написан невозможным, наивно-пестрым стилем самого различного характера. Есть основное ядро «плана» революции: стиль сжатый, резолютивный, лапидарный — и жутко-правдоподобный по своей точности. Затем

есть «нейтральные» болтливые интерполяции обывательского стиля. И, наконец, есть совершенно явные, грубо-тенденциозные «интерполяции-фальсификации», сделанные тем стилем, которым писалась крайне правая, «черносотенная» пресса. Филологически и стилистически невыносимая мешанина, режущая ухо и обесценивающая весь документ. Какой-то резолютивный документ революционного злоумышления, может быть, и лежит в основе всего; но чей? кем составленный? Это документ *концентрированного ума и чудовищно-злой воли*. Если и этот, основной, текст есть фальсификат, — то фальсификат *огромного ума и предвидения*. Как можно было его «исправлять» и «дополнять» — непонятно. Но явно, что он *прошел через несколько безвкусных, политически невежественных и стилистически нелепых «редакций»*. Впоследствии он был переиздан в Берлине (в двадцатых годах) кругами «Высшего Монархического Совета». Может, эти<ми> «исправляющими» редакторами были сами составители, которые фальсифицировали его нарочно, чтобы сделать нелепым и дискредитировать его в глазах научной критики? Рассказывали, будто основной текст его выдуман католиками, что мне кажется не абсолютно исключенным, но маловероятным.

(№ 121)

В сезон 1913—1914 гг. (?) Художественный театр возобновил «Бранда» Ибсена с Качаловым¹²⁵ в заглавной роли, как и прежде. В качестве представителя петербургской газеты, в редакции коей театральную критику вела моя двоюродная сестра по отцу Любовь Яковлевна Гуревич (ее мать была урожденная Ильина, Любовь Ивановна), — я присутствовал на генеральной репетиции. Как всегда, в партере в середине налево стоял режиссерский стол. В антракте я подошел к Вл<адимиру> Ив<ановичу> Немировичу-Данченко¹²⁶. «Ну что, — спросил он, — какие ваши впечатления?» Я сказал, что Качалов производит тяжелое впечатление: он вымучивает из себя героическую роль, которая ему чужда, и это выходит натянуто и аффектировано. Немирович живо отозвался: «Да, знаете, люблю я Василия Ивановича, как никого, но и побить его надо, как никого». Он, по-видимому, сам разделял мое впечатление.

Я считаю, что В. И. Качалов-Шверубович как актер имел свои, совершенно определенные, пределы. Ему удавались совсем не все роли. Его амплуа было лирически-обывательское (Тузенбах в «Трех сестрах»), на *не* интенсивных чувствах. Здесь

он мог быть превосходен. Драматические и трагические роли удавались ему только тогда, если он находил для них лицевую и звуковую «маску» — напр<имер>, Цезарь у Шекспира, Анагэма у Леонида Андреева¹²⁷; тогда он мог создавать на сцене законченные шедевры актерской техники — но *без души*. Живая человеческая душа — в драматической или трагической ситуации — не удавалась ему: он совсем не был волевым человеком, он совсем не был мыслителем — и поэтому у него ничего не выходило из Гамлета, Бранда, Ивана Карамазова и других подобных ролей. Благородные манеры, чудный, гибкий, богатый голос, сценический опыт не спасали его: остальное, душевно-духовное, скрывалось за аффектацией. Впрочем, и в лирически-обывательских ролях у него встречались провалы аффектации; так, в «Вишневом саду» Чехова, играя Петю Трофимова и умилившись на заснувшую Аню, он фальшиво выпевал каденцией вниз — «Радость моя-а-а! Весна моя-а-а-а!». Как если бы он хотел *отнять* свою радость и весну у кого-то другого...

В истории театра Качалов-актер будет, вероятно, несправедливо преувеличен. У него и в жизни не оказалось ни настоящей глубины чувства, ни духовного разума, ни воли. Поэтому-то большевики и могли его разыграть: он говорил по радио их свирепые банальности, требовал «высшей меры наказания» для невинных «врагов народа» и вращался в Кремле. Трагедия безыдейности, безволия и обывательщины настигла его — в революции.

(№ 122)

Помощник режиссера Художественного театра Вахтанг Иванович Мchedлов, милый и сердечный человек, рассказывал мне в 1915 г. о первой поездке Худож<ественного> театра за границу. Запомнилось следующее.

Артем¹²⁸ имел огромный успех. Немецкие газеты, не обинуясь, называли его «гениальным артистом». При отъезде из берлинского отеля Мchedлов сказал Артему: «А знаешь, Родионныч, что про тебя написали? — Гениальный актер!» — «Да ну? Вправду? Ну ты достань мне эту критику, я ее возьму на память». На вокзале Артем вспомнил обещание: «Ну что, достал?» А Мchedлов не успел раздобыть газету. Зная, что Артем по-немецки ничего не понимает, он сунул ему первую попавшуюся газету и ткнул пальцем: «Вот здесь!» И Артем, тронутый и благодарный, спрятал газету в карман. На другой день Мchedлов дал ему настоящую критику и просил у него прощения.

Артем был действительно гениальным актером. Лиризм его переживания; певучая мягкость и искренность его интонаций; законченная отделка его игры; художественная убедительность его внешнего и внутреннего облика побеждали и убеждали зрителя с первого момента. Он был столь же великолепен в драматической роли «дедушки Курюкова» («Царь Федор»), в лирико-драматической роли доктора Чебутыкина («Три сестры»), в архикомической бессловесной роли «Петрушки» («Горе от ума»). Зритель не помнил актера: он видел сущего Человека на сцене. Ни одной фальши; ни одного преувеличения; ни одного срыва. И дублеры его — (напр<имер>, Грибунин¹²⁹ в Чебутыкине) — всегда разочаровывали. Фирс в «Вишневом саду» был столь же закончен и трогательно убедителен, как Вафля в «Дяде Ване» Чехова. По профессии же Артем был учителем рисования и начал свою работу в Худ<ожественном> театре с сединою в бороде.

(№ 15) 1914—1916

В начале ноября 1914 г. я написал статью «Основное нравственное противоречие войны». Я прочел ее в виде доклада в Моск<овском> психологическом обществе. Прения были оживленные. Помню возражение Л. М. Лопатина, который не заметил в моей постановке вопроса начала «любви». Помню возражение М. П. Поливанова¹³⁰, указавшего на то, что такое разрешение (трагический компромисс) применимо и к другим проблемам жизни (я согласился, конечно); возражение слепого философа Щербины, который весьма категорически заявил, что в моей статье «мало философского анализа»; его я попросил указать совсем точно, «как ставятся философские проблемы, как исследуются философские предметы и что значит дать философский анализ» проблемы. «Итак — пожалуйста! Я слушаю!» Помню, как его растерянное бормотание вызвало всеобщие смешки и он беспомощно смылся.

Доклад мой был напечатан в «Вопросах философии и психологии»¹³¹; книга читалась, как говорили мне, нарасхват и к великому ужасу была арестована цензурой и препровождена к прокурору судебной палаты. Прис<яжный> пов<еренный> Н. К. Муравьев взялся за это дело. Он говорил с прокурором и привез мне на прочтение два отзыва — *духовной* цензуры и *светской* цензуры. Оба отзыва были, по существу, в изложении точны, умны и справедливы и оба предлагали вмешательство прокуратуры. Прокурор освободил книжку, и все кончилось благополучно.

Продолжение появилось весной 1916 г., когда мне позвонил и приехал ко мне знакомиться толстовец В. Г. Чертков¹³². Он просидел у меня около часа. Грузный, рослый, сытый и *удручающе глупый*. Он думал найти во мне что-то вроде толстовца и долго мямлил мне о светлых и радостных событиях на фронте: «Такие отрадные явления! Народ не хочет войны! Он не будет ее вести! Он скоро положит оружие и разойдется по домам!».

Лишь постепенно он понял, что решительно не встречается во мне никакого единомыслия. И наконец ушел. Я тогда не думал, что его предвидения сбудутся. Но впечатление *тяжелого и вредного глупца* осталось во мне навсегда.

(№ 123)

В 1914 г., в начале сентября, вернувшись из заграницы, где нас застала война, я зашел к Дмитрию Евгеньевичу Жуковскому¹³³. У него я застал С. Н. Булгакова, который темпераментно излагал свою «новую концепцию войны, монархии, России и Православия». Я долго слушал его самоупоенное пустословие. Но когда он дошел до Распутина, я не выдержал. Венцом его понимания явился тезис, что Россия теперь спасена, потому что ею руководит Помазанник, православный Государь, которым, в свою очередь, руководит «православный Старец» Распутин; оба они «великие мистики», и в этом спасение. Тут я встал и, ни слова не говоря, направился в переднюю. Жуковский бросился за мною: «Почему вы? куда? что случилось?». Я ответил ему, что не могу и не хочу слушать эти гибельные пошлости; и ушел.

В посмертном издании дневников Булгакова я нашел подтверждение этой концепции (1948)¹³⁴: это удостиоверило меня, что я тогда верно понял его «идею».

Я еще раз с негодованием вспоминал эту болтовню, когда в 1916 г. в «Вопросах философии и психологии» нашел его главы «Свет Невечерний»¹³⁵: здесь он развивал новую догматическую концепцию, согласно которой Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святый имеют в Лице Софии Премудрости что-то подобное «общей жене», в любви к которой они себя (по очереди?) истощают, и она от них зачинает и родит мир. Помню, как я целому ряду друзей читал вслух эти пошлые выдумки и все разделяли мое негодование. В позднейшем издании книги «Свет Невечерний»¹³⁶ я этого места не нашел: вероятно, кто-нибудь посоветовал автору убрать эти формулы.

Вскоре после этого я говорил на тему о Булгакове с умным и мягким человеком, профессором зоологии Алексеем Николае-

вичем Северцовым¹³⁷ (друг князя Е. Н. Трубецкого и М. В. Нестерова). Он сказал мне: «Знаете, И<ван> А<лександрович>, Булгаков — это тот *глупый* человек, о *глупости* которого *все знают*, но, принимая во внимание его доброту и честность, избегают о ней говорить».

Однако ереси его, поддерживаемые соблазнителем Бердяевым и масонской экуменой, принимаются в заграничных церковно-инославных кругах за Православие, имеют успех и даже апологетов, вроде «булгакововеда» Зандера¹³⁸.

Нельзя не упомянуть еще о его попытке оправдать Иуду-предателя¹³⁹ и объявить его «национальным святым» русского народа, который-де «тоже предал Христа» и тоже «не утратил своего апостольства».

В посмертной книге Булгакова имеются следы его суждений и об Иуде, и о Распутине.

(№ 129)

В 1914 г., в октябре, князь Евгений Николаевич Трубецкой по соглашению с Земским и Городским союзами устроил ряд публичных лекций в Москве по «идеологии войны», издававшихся потом брошюрами у Сытина¹⁴⁰.

Первую лекцию читал я о «Духовном смысле войны». Народу было сравнительно немного; успех был средний. Когда я, по окончании второго часа, вышел в лекторскую, ко мне подошел полицейский пристав, откомандированный градоначальником для контроля, и сказал мне:

«Знаете, профессор, я уже было хотел прервать и прекратить вашу лекцию там, где вы коснулись погромов, производимых мобилизованными запасными...»

«Но, — тут он взял меня за руку, приблизил свое лицо вплотную к моему и, бодая лбом мой лоб, прорычал мне в самое ухо, — но красноречие ваше меня победило...» От него пахло вином.

О «погромах» у меня было сказано вскользь, что народ должен понимать смысл и цели своей войны, иначе он может предаться дезертирству и погромам.

(№ 136) 1932

В 1932 г. в Италии, в вагоне II класса, мы познакомились и разговорились с интеллигентным и симпатичным итальянцем, который, между прочим, рассказал нам следующее. Он вез своего маленького сына — лет 10—11, — только что взятого им из

иезуитской школы, чтобы поместить его в другое, светское, училище. Мальчика укачало в дороге и он крепко спал. Отец говорил:

«Я должен был взять своего сына из иезуитской школы, после того как узнал, что они внушают детям. Мой мальчик, наивный и искренний ребенок, затруднялся их молитвенными упражнениями и спросил своего наставника-патера: «Я не знаю, что такое Бог, и не умею молиться. Я слышу слова, и не понимаю их, и не молюсь, и не знаю, что мне делать». Тот ответил: «Сын мой, тебе и не надо ничего знать и понимать. И не заботься о своей молитве. Складывай руки как надо и делай все то, что предписано и что другие делают, и тогда остальное придет само собою»». Рассказчик искренно возмущался этой системой, считая ее мертвенной и фальшивой в вопросах последней важности. — Мы расстались с ним почти друзьями.

(№ 139) Начало XX века

Покойный Альберт Альбертович Кемпе (директор Моск<овского> Трехгорного пивоваренного завода), человек умный и сердечно-благородный, друг моего отца, рассказывал как-то следующее.

Он ехал в поезде где-то в южной Германии. Против него сидел католический патер, с которым он разговорился. «Скажите, — спросил он его между прочим, — как это вы преподаете вашим духовным детям то, во что вы сами не веруете и предъявляете к ним требования на исповеди, которых вы сами не исполняете?»

Патер ответил вдумчиво и точно: «Но разве врач непременно должен сам принимать все те лекарства, которые он прописывает своим больным?».

(№ 140, <№ 97>) 1933

На публичной «елке» для детей я встретил в 1933 г. в Берлине Николая Федоровича Фабрициуса-де-Фабрис. В двадцатых годах он был за что-то выслан поляками из Варшавы и переехал в Берлин. Это человек умный, но в высшей степени себе на уме и склонный к интриге, тогда представитель великого князя Кирилла Владимировича на Германию и большой друг католиков.

Он рассказал мне, со слов дружественного ему прелата, следующее. Римский Папа того времени <¹⁴¹>, расхаживая однажды по своему кабинету и диктуя что-то своему секретарю, оста-

новился и воскликнул: «Ах, это православное духовенство! Бородатые, некультурные, невежественные, грязные! Но имеют в молитве такую силу, что, если бы *нам* ее, мы бы давно уже обратили весь мир в католичество!». В рассказе Фабрициуса не слышалось ни выдумки, ни интриги, ни желания поразить меня. Он сам находился под впечатлением этих слов.

Впоследствии его репутация была сильно замарана в Мюнхене (остатки врангелевской казны, совместные интриги с Серафимом Ладе¹⁴² и педерастия).

(№ 148)

В 1925 г. мы проводили летом часть наших каникул в Обербоцене (Sopra-Bolzano), где князь Вадим Григорьевич Волконский снял для себя и своей семьи (он был женат на дочери П. А. Столыпина, Елене Петровне, по первому мужу кн. Щербатовой) — «шалэ»¹⁴³, а для нас заказал комнату в отеле, где мы платили недорого.

К табльдоту¹⁴⁴ выходила особа с любезно-ищущим взглядом, с русско-бабьим лицом (в котором можно было заметить некоторые черты еврейства) и в подчеркнутых русско-национальных костюмах. Услыша наш русский язык — мы имели отдельный стол с супругами Поляковыми (русский атташе из Рима), — она скоро начала нам кланяться, а потом подошла и заговорила. Мы справились о ней, кто она? Оказалось — из России, жена видного русско-еврейского сиониста.

Однажды, видя, сколь авторитетно она рассуждает о политике, мы спросили ее, что, по ее сведениям, коммунисты долго еще просидят в России? Глаза ее засверкали зловеще, наигранное русское добродушие исчезло с лица, и она ответила взрывом: «Этто — навсегда! Это никогда не изменится! Это так и останется!». Мы поспешили замять разговор и расстаться с нею.

(№ 151) 1915—1916

В 1910 г. в Гейдельберге и Фрейбурге я познакомился с Федором Августовичем Степуном (через его брата, естественника Оскара) и с Борисом Валентиновичем Яковенкою. Мое выступление в семинарии Риккерта (Фрейбург) летом 1910 <г.> с докладом о «Наукоучении Фихте-Старшего 1794» было устроено Степуном. Он производил впечатление словесно и актерски очень талантливого человека, бойкого, самоуверенного, склонного к шалости и остроумию, добродушного, но предметно-пустого и безответственного. Он не вызывал никакого духовного,

нравственного или философического доверия. Интуиция его была мгновенна, но поверхностна; эмоциональная живость — велика, но неискренна. Виндельбанд¹⁴⁵, рассказывая мне о его докторской диссертации (Владимир Соловьев)¹⁴⁶, признавался, что сам не читал Соловьева и не знает его: «Da kann ich mir vorstellen, was der mir da hineingeschreiben hat...»¹⁴⁷.

Потом я на несколько лет потерял Степуна из вида. Между 1912—1914 гг. я читал в Московском психологическом обществе доклад «О категориях логического смысла». Присутствовавшие на докладе Степун и Яковенко постарались разнести тезисы моего доклада в пух. Я защищался — и, признаться, удивлялся, ибо все, что они говорили, производило впечатление непредметных, но раздраженных придираков.

Каково же было мое удивление, когда на следующий же день они явились ко мне с визитом, засыпали меня комплиментами и стали уговаривать, чтобы я дал им этот доклад для напечатания в их новом журнале «Логос...»

Я ответил им, что слышанное ими вчера есть отрывок из читаемого мною курса логики, что это, след<овательно>, неотделанный черновик и что я принципиально черновики своих не печатаю.

Последовали долгие и темпераментные уговоры, причем достоинства моего доклада все возрастали в их устах. Я упорно отнекивался и с интересом вдумывался в их образ действий. Наконец мне это надоело. Я сказал им:

«Да что же это вы пришли ко мне снижать мои критерии и развращать меня, юношу? Нет ли у тебя цикуты? — обратился я к присутствовавшей жене моей, Наталии Николаевне, — смотри, пожалуйста, они забыли, что в Греции развратителям юношества полагалась цикута! Надо их угостить этим напитком».

Они оба сконфуженно смеялись. Я перевел разговор на другое и доклада им не дал. Зато напечатал у них первые три главы из моей работы о Гегеле.

А зайдя однажды в редакцию «Вопросов философии и психологии», я услышал от Льва Михайловича Лопатина и секретаря, Надежды Петровны Корелиной, рассказ о том, как к ним явились в редакцию Степун и Яковенко и предложили — или передать редактирование журнала в их руки, или, по крайней мере, включить их в состав редакции. Особенно развязно и напористо держался Степун. Рассказывали мне об этом с самым живым негодованием. Отказ был категорический. Степуну было около 26 лет.

(№ 152)

Кафедру химии на естественном факультете Моск<овского> университета занимал профессор Иван Алексеевич Каблуков¹⁴⁸. Широкоплечий, седой, с красным лицом и несколько витаращенными глазами, он отличался своей способностью путать и выворачивать слова, затрудняться в выборе слов и строении фраз и произносить подчас невозможные вещи. Обыкновенно такое затруднение разрешалось кряхтящим покашливанием, после которого и произносилось новосозданное слово. Сколь велики его заслуги как ученого, я не знаю, но студенты и профессора рассказывали о нем множество анекдотов. Вот некоторые.

Желая назвать Менделеева, он сбивался на Меньшуткина и произносил «Мендель-гм-шуткин». На съезде химиков, в прениях, он сказал: «Я, с своей стороны, тоже хотел прибавить одно..., гм, недоразумение»; а в докладе: «Вы увидите, что вы ничего не видите, кроме, гм, одной маленькой деревянной дырочки...»

По пути в Петровско-Разумовское, где он читал лекции в Сель<ско>хоз<яйственном> институте и куда ездили на паровом трамвае, он говорил: «А опоздок-то, гм, паровичал». Сухареву Башню он называл «Бухарева Сашня». Побывав в Америке и осмотрев там химический институт имени Джона Гопкинса¹⁴⁹, он называл его в докладах «Институт, гм, Гона Джопкинса». Один из лучших анекдотов о нем таков.

Заметив, что швейцар его Химического института опять выпил, он позвал его и сказал:

«Иван! Ты опять выпил?»

«Никак нет, Иван Алексеевич! Вы, что ль, подносили?»

«Нет, ты выпил! Сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не пил! Скажи, сколько тебе лет?»

«Ну, шестьдесят...»

«Ну вот видишь, а кабы ты не пил, то тебе было бы теперь... гм... не шестьдесят, а восемьдесят...»

(№ 155)

Зимой 1918 г. мой друг Николай Вячеславович Якушкин¹⁵⁰ привел ко мне московского мирового судью Константина Ивановича Лучинского: это был человек большой привлекательности, с суровым ликом вроде рембрандтовского воина в шлеме, деликатный, малоречивый и внушавший полное нравственное доверие.

Он сказал мне, что состоял и состоит при бактериологической лаборатории, в которой работал добровольцем во время войны. Он и его друзья заявляют мне, что в их распоряжении имеются две банки с бактериями азиатской чумы, что они думали о том, не следует ли использовать эту возможность для борьбы с большевизмом, и, не решив вопроса, постановили обратиться ко мне в строго доверительном порядке и предоставить эту возможность на мое усмотрение и в мое распоряжение: как только я дам распоряжение, они, в самсоновском порядке¹⁵¹, пустят чуму в народ, чтобы погубить большевиков и погнубить самим.

Через два дня я дал ему устный ответ: «Большевизм может быть и должен быть преодолён только духовно, религиозно и государственно, но не массовым вымиранием народа от эпидемии». Ясно было, что в хаосе того времени удержать чуму было бы совершенно невозможно: она расползлась бы по *всей* России и унесла бы много миллионов жертв. Но жертв физических, бессмысленных, не очистительных: это был бы хаос гибели, но не гибели большевизма. Это губило бы этническую субстанцию России, не освободив ее духа от дьявольского наваждения. Это открыло бы доступ в Россию той державе (Германия), которая сумела бы победить эпидемию: а обезлюдение России входило в ее программу.

Я наложил на это предприятие запрет и взял с них честное слово в повиновении.

(№ 158)

В 1920—1921 гг. мне передавали в Москве из наших профессорских кругов следующий рассказ.

К Ленину пришел старый коммунист Горев (бывший прежде священником Галкиным, но потом оставивший сан) и стал жаловаться.

«Помилуйте, Владимир Ильич, я старый, заслуженный коммунист и доселе не имею кафедры. А в университете какой-то Ильин, контрреволюционер, читает студентам лекции о Боге!..»

Ленин возразил: «Да он, вероятно, читает о *философском* боге!..»

«Нет, — воскликнул Горев-Галкин, — не о философском, а о *настоящем*!..»

Комментарии излишни. Я читал действительно о *Настоящем*.

(№ 12, 159) 1943—1944

В ноябре 1943 г. на пятый год моей жизни в Цолликоне Георгий Павлович Брюшвейлер, швейцарец, родившийся и учившийся в Москве, сын московского реформированного суперинтендента¹⁵², доселе мне незнакомый, но вспоминавший меня, как московский студент московского профессора, позвонил мне по телефону из Берна, просил свидания и посетил меня несколько раз. Он жил в Германии и служил в каких-то (точно не знаю, каких) организациях национал-социалистов, бывал в оккупированной России, рыскал по всей Германии, много рассказывал конкретного и привозил фотографические снимки.

На первый раз он звал меня переехать в Германию и вступить в «Правительство» генерала А. А. Власова¹⁵³. Впечатление у меня было такое, что этот шаг был ему подсказан влиятельными германскими чиновниками из *ненационал-социалистов*.

Я выслушал его спокойно и дал категорический отказ. Я изложил мои доводы: объективные и субъективные.

Объективные. 1. Германия, как и следовало ожидать, безнадежно проиграла войну: это гиблое место, тонущий корабль; это не место для политической акции (он этого еще не понимал и был потрясен).

2. После того, что нац<ионал>-соц<иалистическая> Германия (да и вообще *вся* Германия) совершила в эту войну по отношению к России и русским, связываться с нею, доверять ей, ждать от нее чего-либо для России совершенно невозможно, наивно и нелепо: она показала себя русским «врагом № 1...»

3. Власова не знаю. Доверять ему в его отношениях к Германии, к России и к большевикам не имею никаких оснований. Если он, выручая своих солдат, лезет в петлю национального компромисса, — то это понятно. Но другим пачкаться этой петлей нелепо. Все это обреченное.

Субъективные. 1. Я не политик, и меня честолюбие не томит и не соблазняет.

2. У меня несколько начатых книг, которыми я повинен России. Я молю Бога дать мне возможность завершить их; и на другие пути не пойду.

В 1944 г. он привез мне целые картоны рукописей, написанных новыми русскими эмигрантами в Германии по поручению каких-то германских министерств: разоблачение большевистской лжи по церковному вопросу в России. Он обратился ко мне с просьбой германских (*не* нацистских) чиновников проредактировать эти рукописи по моему усмотрению, отобрать, написать предисловие и напечатать.

Я сразу решил, что этого не сделаю, но ознакомиться не отказался. Я прочел предисловие митрополита Сергия¹⁵⁴, экзарха Балтийского, в котором он простым указанием элементарных ошибок «Сергие-Патриаршей» книги разоблачает весь фальсификат (Дмитрий Донской в предисловии назван будто бы «Патриархом» — «святым», — но никогда им не был; след<о-вательно>, Сергей не писал этого предисловия; да и вся книга написана гепеуками!); я просмотрел еще одну или две статьи — и понял, что этим авторам доверять нельзя. Через неделю Георгий Павлович был опять у меня, и я категорически отказался.

— Почему?

— Эти люди мне неизвестны. Одни из них могут врать, угождая немцам. Другие — просто чтобы прокормиться. Третьи — по поручению Гепеу для дезинформации и позднейшего разоблачения большевиками. Проверить их я отсюда не могу. Исправить тоже не могу. Брать на себя ответственность за такой сборник невыносимо. Когда я редактировал сборник «Welt vor dem Abgrund», — я отобрал людей, заслуживающих доверия¹⁵⁵; я связал их автентическими источниками и ссылками. А здесь — все втемную. Однако, если бы не эти соображения, то я а priori не могу и не хочу варить дело за Россию — с немцами, так себя в войне показавшими.

Я советовал Брюшвейлеру передать картоны с рукописями в архив Ю. И. Лодыженского¹⁵⁶, что он и сделал. Лодыженский не захотел или не смог использовать их.

Однако через несколько месяцев Ю. И. Лодыженский при свидании в Цюрихе спросил меня несколько раздраженным голосом: «Скажите, пожалуйста, И<ван> А<лександрович>, почему это немцы так вас уважают и ценят?». Вопрос мне не понравился: в нем слышалось добавочное: «а меня — нет!». Я ответил очень сухо: «Меня это не интересует, как *они ко мне* относятся; для меня гораздо важнее, как я к ним отношусь, — а я им ни в чем не сотрудник и доверия к ним не питаю никакого».

Немцы вообще не уважают того, кто перед ними стелется, заискивает, ищет контакта, просит помощи или денег. Живя в Германии, я предоставлял им генерировать мой труд, если считал этот труд нравственно и патриотически приемлемым для себя; но всегда держался совершенно независимо и *никогда ни о чем* не просил. Лодыженскому же всегда была свойственна иная манера.

Один немец из России, изучив своих сородичей, сказал мне еще в Берлине: «Германец вежлив и любезен только с тем, кто

дает ему пинки ногою». Это грубо сказано. Но с унижающимся просителем германец всегда будет презрителен.

Замечательно, что эти рукописи пропали потом. Ю. И. Лодыженский взялся за них, получил гонорар 1000 франков, кому-то что-то «поручил» — и все пропало. Брюшвейлер напрасно добивался их возвращения авторам и жаловался на Лодыженского, что он, по собственному признанию, затратил 1000 франков на спасение брата. Напрасно я требовал от Лодыженского возврата этих рукописей — во имя чести и честности. Напрасно приезжали делегаты авторской группы (после войны). Лодыженский уверял, что он отдал оба картона Брюшвейлеру. Не передал ли он их своим друзьям — католикам?

(№ 160)

На пароходе «Oberburgermeister Hacken»¹⁵⁷, везшем нас, высланных большевиками, из Петербурга в Штеттин, я встретился опять с редактором «Русских ведомостей» Владимиром Александровичем Розенбергом¹⁵⁸, которого знал по редакции, но давно не встречал. Как-то, коротая время на палубе (погода была превосходная), он стал оживленно рассказывать о том, что пишет мемуары и что в этих мемуарах он намерен изобразить Павла Ивановича Новгородцева и меня как самых «храбрых» людей, которых он встречал: «Сидеть годами как ни в чем не бывало, зная свою обреченность и спокойно ожидая расстрела со дня на день» — это казалось ему пределом храбрости. Я удивлялся и думал о других, несравненно храбрейших...

Впоследствии ключ для понимания храбрости дал мне в устных беседах генерал Петр Николаевич Врангель. Он говорил: «Боятся все! Храбр тот, кто умеет побороть свой страх... Кто не способен к этому, тот станет жертвой паники...» Врангель сам был исключит<ельно> храбр.

То же самое подтверждал мне и другой, известный своею храбростию, генерал, А. П. Кутепов¹⁵⁹. Он славился еще во время большой войны тем, что во время атаки своего полка (окапывание с перебежками) никогда не ложился, но ходил по рядам атакующих солдат со стеклом в руке и спокойным тоном маневренной беседы критиковал каждому лежащему солдату его окопку.

Очень поучительны были мне и рассказы моего друга, Лазаря Соломоновича Мееровича, который в 1915 г. добровольно оставил тыловую службу, к которой был прикомандирован (заведующий полковым продовольствием), и пошел в первую линию боя. Он говорил: «Когда лежишь под ураганным огнем часами,

то главное усилие направляешь на то, чтобы *не вообразать*: страх родится от воображения — как только представишь себе, что снаряд попал в тебя, так в душе поднимается волна страха — и не знаешь, куда деваться...»

Это я проверил на себе. И может быть, я напрасно в течение пятилетней жизни под большевиками, готовясь к расстрелу, сознательно упражнялся в воображении себе своей собственной казни, чтобы довести себя до «атараксии»¹⁶⁰. Обуздание воображения есть *главное*. Людям, лишенным живого эмоционального воображения, храбрость дается легче.

Я же, зная свое воображение, всегда сомневался в своей храбрости и побеждал страх молитвою и преданием себя в руку Божию.

(№ 168)

Осенний и весенний семестры 1921—1922 <гг.> были моими последними семестрами в Московском университете. Я объявил два «семинария» в Философском институте: 1) «Философия Гегеля» и 2) «О методе философии». Семинарии были предназначены для студентов и студенток, кончающих филологический факультет по философскому отделению. Их было около 60 человек. У них были сданы всевозможные зачеты по всем философским предметам; считалось, что они «пишут свои сочинения». Это были ученики Лопатина, Челпанова¹⁶¹, Шпета, Кубицкого и других. Каждый из них считал себя зрелым мыслителем, постигшим чуть ли не Гуссерля; и на прочих многие из них смотрели решительно свысока.

Я вел эти семинарские часы (каждый по два часа в неделю) — в порядке импровизации, рассматривая основные проблемы *философского опыта и акта*: в методологическом семинарии — в общей форме, на Гегеле же — конкретно иллюстративно. Помню эти лица мужской части аудитории: самоуверенные, изумленные; иронические улыбки, насмешливое перешептывание, заносчивые взгляды свысока. Я знал, что им тут *все* будет странно, ново, опрокидывающе. Это были сплошь молодые, но уже закоренелые рассудочники-диалектики, воображавшие, что для философии достаточно кое-что прочесть и бойко о прочтенном рассуждать. Опыт духа, чувства, сердца они просмотрели. Вложение в философский опыт *всего* человека казалось им неслыханной претензией; об ответственности этого делания им, по-видимому, никто не говорил; о нравственном и религиозном смысле философствования они сначала не хотели и думать.

Постепенно, однако, атмосфера устанавливалась. Здоровая часть аудитории быстро пошла со мной. Число иронических протестантов сокращалось. На пятой лекции, отпуская аудиторию, я попросил троих задержаться на минуту, указав на них пальцем: «Вас, вас и вас...» Когда остальные ушли, я сказал этим трем: «Я прошу вас, господа, *не* посещать мои занятия. У вас имеются свои сложившиеся воззрения на философию; переубеждать вас я не берусь, а смотреть часами на ваши, не скрываемые вами, иронические улыбки мне тягостно: это мешает мне и отвлекает меня от предмета». Все трое побледнели и растерялись. Один из них был Скрябин (племянник композитора), другой еврей Дворников, третьего не помню. Первый не стал возражать и прекратил свои посещения. Двое других стали оправдываться и просили разрешения ходить. Я согласился.

Ко второму семестру атмосфера была превосходная. Аудитория загорелась, и занятия давали мне большое удовлетворение. Потом до меня дошло через знакомых стихотворение одного из слушателей Чичерина (внук Бориса Николаевича)¹⁶², начинавшаяся так:

Всегда суровый, непреклонный,
Неумолимый и прямой,
Огнем Предмета опаленный,
Вы стали нашею грозой...

Кажется, оно у меня не сохранилось.

Осенью 1922 г., когда я был приговорен по ст. 58-й к смертной казни с заменой ее пожизненной высылкой, ко мне явилась делегация от этой милой молодежи и принесла мне трогательный, благодарственный адрес, покрытый многими подписями (что было для всех них опасно). Велико было мое удивление, когда я увидел в конце подпись изгнанного мною Скрябина. «Что же это такое? — спросил я, тронутый, — это Скрябин?!» Делегаты ответили мне, что он перестал посещать занятия, но после каждой лекции подробно выспрашивал других слушателей обо всем, делился с ними своими соображениями и внутренне «перестроился». Я просил передать ему привет и благодарность.

Боюсь, что этот «адрес» не сохранился у меня. Но в 1923 г., уже в Берлине, я получил письмо от кружка моих студентов, образовавшегося после моего отъезда. Они занимались «философией религии», о коей я читал тогда лекции и на историко-филологическом факультете (под заглавием «Введение в историю религий» сем<естр> 1920—1921) и в Психологическом обществе. Письмо это прилагаю.

**«СЕМИНАРИСТЫ» МОИХ ПОСЛЕДНИХ
МОСК<ОВСКИХ> СЕМИНАРИЕВ**

Москва 23. III. 1923 г.

Дорогой, глубокоуважаемый Иван Александрович!

Мы слышали, что Вы уже знаете об организовавшейся у нас секции по философии религии, в которую вошли преимущественно участники Ваших прошлых семинариев (молчаливые и немолчаливые). Уже несколько раз во время работы, особенно когда останавливались перед затруднениями, мы обращались мысленно к Вам и наконец решились написать Вам, прося помочь нам в выборе материала и нахождении метода.

Когда мы начали работу, у нас не было ничего, кроме желания найти правильный подход к проблеме, внутренне нам всем интересной и важной. Для начала мы решили остановить ее на совместном чтении и обсуждении проповедей Мейстера Экхарта¹⁶³. В процессе этой работы у нас возникло много проблем, из которых некоторые вышли за пределы разбираемого материала. Поэтому нам показалось более правильным оставить на время М. Экхарта, с тем чтобы, выделив заинтересовавшие нас проблемы, осветить их более полно, изучая опыт разных религий.

Сейчас центральными для нас являются вопросы: 1) Как принимается мир на различных ступенях религиозного опыта; душой, имеющей опыт божественного, и душой, предстоящей Богу («У истока и в устье», по выражению М. Экхарта), 2) Как обновляется душа в результате этого опыта, в результате рождения в ней Слова; как человек, находящий мир в Боге, по-новому подходит к творчеству в науке, искусстве, философии. Сейчас мы пробуем читать с этими вопросами I Послание Иоанна.

Чем дальше мы идем в нашей работе, тем больше чувствуем, что, несмотря на несомненный результат работы, хотя и очень маленький, мы все время идем в ней почти ощупью; опыт наш очень мал, выбор материала труден, и как бы ни было сильно наше желание, мы в некоторых случаях останавливаемся перед трудностями, почти непреодолимыми.

Поэтому, как мы уже говорили вначале, нам захотелось обратиться к Вам с просьбой помочь нам в наших затруднениях. Мы надеемся, что Вы не откажете написать, посоветовать, как вести работу, что читать; что делать дальше.

Нам было бы очень ценно получить от Вас письмо, так как мы все время чувствуем, что та внутренняя связь, которая уста-

новилась у нас с Вами, в последнее время не прерывается, а, наоборот, крепнет.

Мы очень дорожим тем немногим, что нам удастся узнать о Вас. Нас очень огорчило известие о Вашей болезни, дорогой Иван Александрович, желаем Вам поскорее поправиться и надеемся на то, что болезнь не помешает Вашей работе. Ждем с нетерпением Вашего ответа.

Т. Сахарова,
А. Сербаринова, Т. Куприянова,
В. Василевская, Т. Фролова,
З. Шнеерсон, В. Чиждова,
А. Чичерин, А. Сабуров¹⁶⁴,
Р. Ольдекоп¹⁶⁵, А. Ремезова,
Воробьев (Воробьев)

(№ 175) 1921

В 1921—1922 гг. с осени преподавателей философии некоммунистов окончательно убрали с факультета «общественных наук» в так называемый «философский институт», руководство коим поручили ученику Челпанова — Густаву Густавовичу Шпету (латыш), человеку, известному своим острым умом, цинизмом, научным бесплодием и пьянством. Покойный Л. М. Лопатин называл его «луженой глоткой». Ему секундировал Александр Владиславович Кубицкий¹⁶⁶, примкнувший к большевикам из эсеров, человек, научно столь же бесплодный, как и Шпет, и, кажется, не менее его злобно-циничный (поляк).

К философскому институту были причислены, кроме них, Франк¹⁶⁷, Бердяев и целое гнездо партийных меньшевиков и большевиков (экономических материалистов). Был причислен и я. В первом же заседании разыгрался характерный эпизод. Обсуждалась под председательством Шпета программа занятий, мирно и корректно. Кому-то понадобилась редкая философская книга, unicum, имевшийся в библиотеке эмигрировавшего С. Н. Булгакова. А между тем целый ряд профессорских библиотек был захвачен большевиками и распределен среди своих членов. Так, ученик Озерова, «финансист» Боголепов (армянин) присвоил себе библиотеку своего учителя; Рязанов-Гольдендах¹⁶⁸ захватил библиотеку Булгакова, кто-то еще присвоил себе библиотеку Новгородцева и т. д.

И вот, когда упомянули об этой редкой книге, то меньшевичка, госпожа Аксельрод¹⁶⁹, заявила: «Да, эта книга имеется в библиотеке Рязанова». Тогда с нашей стороны последовала ре-

плика: «То есть — в библиотеке Булгакова». Они все сконфузились и некоторые из них густо покраснели. Шпет не сразу нашелся, как замять щекотливое дело, а мы наслаждались возникшей паузой — сидя перед пойманными с поличным революционными «приобретателями».

(№ 176)

В 1918 г., вскоре после водворения большевиков, ко мне явилась с очень верной рекомендацией группа офицерской молодежи, работавшая вместе с экспедиционным отрядом французских войск в Москве над производством отравляющих газов. Они просили меня связать их со штабом, подготовляющим восстание против большевиков, и предоставили в его распоряжение необходимое количество газовых выделителей портативного характера для выключения из «боя» всех красноармейских частей, верных большевикам. Я связал их с генералом Михеевым¹⁷⁰ и полковником Яременко, работавших в этом направлении под руководством Брусилова и Зайончковского. Впрочем, оба эти «штабиста» производили на меня впечатление вялое, безвольное, утомленное: кажется, они искали больше «жалованья» из «центра», чем дела. Когда стало опасно, — они куда-то исчезли. Михеева я встречал несколько раз в заседаниях так называемой «пятерки» И. А. Кистяковского.

(№ 176-a) 1919—1921

Когда у власти водворились большевики, то целый ряд профессоров, скрывавших дотоле свои политические симпатии, сняли маску и «самоопределились». Так было и с Робертом Юрьевичем Виппером¹⁷¹ (род. 1859, латыш). Закулисные переговоры его с большевиками мне неизвестны. Но вот он выпустил книжку о Христе, в которой изображал Иисуса как «идеолога еврейского банковского капитализма» (потому-де Он так много говорит в Евангелии о займодавцах, должниках и процентах). В 1921 г. Факультет обществ<енных> наук учредил Институт социальной психологии и выдвинул в председатели Виппера. Напрасно наша группа возражала против этой кандидатуры: человек, всю жизнь отрицавший самостоятельность психического фактора, — не может вести таких исследований. Мы выдвигали Степана Борисовича Веселовского¹⁷². Виппер был выбран, и вскоре вся университетская Москва заговорила о его «докладе», в котором он выдвинул новую гипотезу об убиении Дмитрия Царевича: его убил царь Федор Иоаннович¹⁷³. Проф.

Михаил Михайлович Богословский¹⁷⁴ дал ему настоящий бой на этом докладе; аргументация его была, конечно, уничтожающая для Виппера. Виппер стал отступать, что ведь это «только гипотеза». «Помилуйте, — восклицал Богословский, — это не гипотеза, а инсинуация против святого человека!...»

В 1921 г., во время войны с Польшей, Виппера пригласил кружок «оставленных при университете» прочесть доклад о современных событиях. На этом докладе я был. Это был ряд частнотвердительных и частнотрицательных суждений, произносившихся гипотетически-проблематическим тоном: «Может быть, Россия отчасти погибла; но, может быть, она отчасти и не погибла... Может быть, предстоит период новых войн, но, может быть, и не предстоит». И т. д., и т. д. По окончании этого любопытного по своей робкой пустоте доклада вскочил проф. Александр Николаевич Савин¹⁷⁵ и воскликнул, что он хочет непременно возражать, ибо он «решительно ни в чем не согласен с докладчиком».

Впоследствии Виппер и его сын¹⁷⁶ (специалист по истории искусства) были отпущены большевиками в Ригу к латышам, где Виппер придумывал им историю Латвии. А потом оба вернулись с почетом к большевикам в Москву.

(№ 183)

Немецкий журналист Pfeiffer-Belli, член редакционного комитета в «*Bediner-Tageblatt*»¹⁷⁷, заведовавший фельетоном и редактировавший посему (1935—1937) мои «*Essay*»¹⁷⁸ (Karl von Brebisius¹⁷⁹), — рассказывал мне в 1936 году, как ему пришлось присутствовать на днях на попойке SS¹⁸⁰- и SA¹⁸¹-партийцев в Берлине. После шестого грога они начали вслух мечтать об освобождении подлежащих завоеванию соседних стран от населения. Предлагались разные способы: одни предлагали спровоцировать в завоеванной стране восстания и усмирять их газами; другие предлагали запретить населению браки; третьи — стерилизовать под предлогом эпидемической прививки все мужское население и т. д.

До аушвицких печей не додумывались. Можно с уверенностью сказать, что эти печи были тем окончательным, «рациональнейшим» средством, которое было бы в дальнейшем (особенно в случае победы Гитлера) применено и к славянскому, и к русскому населению, подлежавшему уничтожению.

ДОКУМЕНТЫ ВЧК—ГПУ—НКВД из следственных дел, по которым проходил И. А. Ильин

ЗАКЛЮЧЕНИЕ <по следственному делу>

1918 г. апреля 30 дня (я, член коллегии обвинителей при Московском Революционном трибунале, Сергей Евсеевич Богров), рассмотрев (материалы следственного производства Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией) по делу по обвинению инженера Владимира Александровича Бари, гр. Константина Моисеевича Халафова, капитана Василия Васильевича Кривошеина¹ и приват-доцента Ивана Александровича Ильина в контрреволюционном заговоре против Советской власти, пришел к заключению:

Что свидетельскими показаниями поручика Дмитрия Громова² вполне установлено, что после Октябрьского переворота, когда государственная власть перешла к Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов, — в Москве, Тамбове и др. городах функционировала организация, деятельность которой была направлена на формирование «Добровольческой Армии», подчинявшаяся формально контрреволюционному генералу Алексею³ (лист дела 12, 70, 104). Эта «Добровольческая Армия» формировалась из офицеров и юнкеров-ударников для отправки на Дон к Каледину и Корнилову⁴ для борьбы против Российской Советской Республики. Отправляемые из Москвы, Тамбова и др. мест на Дон отряды снабжались деньгами, довольствием, обмундированием и подложными документами. Штаб-квартирой организации в Москве был дом графини Ланской (Оболенской)⁵ по Новинскому бульв., 36. Главными руководителями этой организации были инженер

Владимир Александрович Бари и Константин Моисеевич Халафов (л. д. 104). Организация имела связь с другими городами: с Тамбовом, во главе которого стоял штабс-капитан Леонов, с Новочеркасском, где находились генералы Эльснер⁶, Каледин, Корнилов, Гагарин и друг<ие> (л. д. 70). Обвиняемый Бари щедро снабжал названную организацию деньгами. Лично Бари объяснял все денежные выдачи благотворительностью, однако это показание Бари неправдоподобно. Из счета № 31 видно, что лишь одна выдача в 80 рубл<ей> значится как «помощь офицеру». Наряду с этим имеется ряд записей «на отъезд» (л. д. 25), Георгиевскому Союзу⁷, «Ив. А. И.»⁸, «и через Дьякова, через Соколова». Многие выдачи достигают нескольких тысяч рублей. Расписок в получении денег Бари не представил.

В записке № 32 имеется выдача, отмеченная: «за 20 дней суточные». Уже одна эта отметка не вяжется с объяснением Бари, будто деньги он давал взаимнообразно. Как видно из найденных на квартире у Бари документов, он принимал активное участие в политических событиях в период Октябрьского переворота. У Бари найдено было на квартире требование Военно-промышленного комитета на 100 пуд. хлеба, 200 пуд. картофеля, 40 пуд. пряников, 23 000 папирос и 3 бочки селедок. Все это, по словам Бари, предназначалось в помощь 1200 телефонисткам и монтерам, находившимся в осаде в дни переворота. Кроме того, у Бари найдено 2 плана Москвы, набросанных карандашом, с очертанием расположения двух боровшихся сторон. Наряду с обвиняемым Бари активную и руководящую роль в указанной организации играл Константин Моисеевич Халафов (л. д. 70). Халафов объяснил полученные им 2000 рублей, отмеченные в записке, как заем для ликвидации Ударнического бюро для укомплектования, ставшего ненужным после заключения перемирия, из чего следует, что до заключения перемирия Комитет по формированию «Добровольческой Армии» существовал. Из показаний Халафова видно, что Бари отдавал деньги бывшим «офицерам и юнкерам», ехавшим на Дон к Каледину и Корнилову. По слухам, говорит он, Бари принадлежал к организации Ланской (л. д. 103). Свидетель Громов в своем показании (л. д. 104) дополняет Халафова следующими словами: «Ланская, Свешникова⁹ говорили мне, что Бари и Халафов — главные руководители». Ланская по отъезде на Дон 26 декабря возложила все на Бари и Халафова.

Ближайшим помощником Бари был капитан Вас<илий> Васил<ьевич> Кривошеин, ездивший по делам организации «Добровольческой Армии» в Тамбов по поручению Бари.

К деятельности названной организации причастен приват-доц<ент> Иван Александрович Ильин, имевший связь с московскими и петроградскими деятелями ее, как видно из показаний Громова (л. д. 70). На основании вышеизложенного инж<енер> Влад<имир> Александр<ович> Бари, Конст<антин> Моисеев<ич> Халафов, кап<итан> Вас<илий> Вас<ильевич> Кривошеин и прив<ат>-доц<ент> Ив<ан> Александр<ович> Ильин являются виновными в заговоре против Российской Советской Республики и предаются суду Московского Революционного трибунала. Свидетели по настоящему вызову:

1) поручик Дмитрий Громов.

Член Коллегии обвинителей

при Московском Революционном трибунале

(подпись)

<ПИСЬМО В. И. УЛЬЯНОВУ-ЛЕНИНУ>

Копия

Москва, площадь Храма Спасителя,
д. Голофтьева, кв. 30
1918 г., 11/24 авг<уста>

Многоуважаемый Владимир Ильич!

В Московском Революционном трибунале производится в настоящее время так называемое дело Бари и К°. Одним из подсудимых по этому делу является мой товарищ, профессор по кафедре философии права Иван Александрович Ильин. Ввиду того что состояние И. А. Ильина под судом по настоящему делу является, по моему убеждению, плодом какого-то недоразумения, а между тем влечет за собою весьма значительные неприятности для него, я решаюсь обратиться к Вам с настоящим письмом и довести до Вашего сведения то, что при естественном производстве дело, вероятно, Вас минует.

Из аргументов, которые выдвинуты обвинением против Ильина, имеет некоторый вес только ссылка на найденную у Бари запись о выдаче Ильину 8000 р<ублей> 30 ноября 1917 г. По поводу этой подозрительной записи доведу до Вашего сведения то, что Ильину было не совсем удобно показывать судебному следователю: деньги эти действительно были получены им, но как *личное* одолжение со стороны Бари для напечатания Ильиным работы, которая в минувшем мае месяце и была им защи-

щена как диссертация¹⁰. Положение Ильина отягчается тем, что другие подсудимые по тому делу успели скрыться, а ему предстоит теперь некоторым образом вкусить похмелье после чужого пира.

Не могу не прибавить к этому того, что, может быть, Вам известно и без моего напоминания, что И. А. Ильин является одним из самых ценных преподавателей нашей высшей школы, что его работа о Гегеле обратила на себя всеобщее внимание и единодушная оценка факультета выразилась в том, что вместо искомой степени магистра факультет ему присудил за его многолетний и яркий труд степень доктора. И. А. Ильин — человек с очень некрепким здоровьем (в деле имеется свидетельство о том, что он страдает туберкулезным поражением верхушек обоих легких), и ночные аресты, заключение его в тюрьму, каковому он был уже подвергнут и каковое может легко повториться в связи с исчезновением его соподсудимых, — все это отражается на нем очень печально. К чему Советской власти, повторяя ошибки недоброй памяти министерства Кассо¹¹ и др. деятелей доброго старого времени, вести борьбу с безобидными деятелями высшей школы, погруженными в свой мирный труд, не имеющий ничего общего с политикой (Ильин сейчас занят печатанием новой большой работы) и вполне безвредный для какой бы то либо власти. Одно апрельское сидение в Бутырках для Ильина обошлось в три недели лежания в постели... Смею Вас заверить, что Ильин никакого отношения к политике никогда не имел, ею не занимался, не собирается заниматься и может быть без всякого риска предоставлен своей участи и вычерчиванию своих геометрических кругов на зыбучем песке умозрительной философии.

Не страшись я отнять у Вас и без того расхвачанное время, я бы очень стал просить у Вас полчаса—час, чтобы поговорить об Ильине, просить Вас прекратить его дело и заодно задать Вам несколько интересующих меня вопросов относительно развертывающейся теперь исторической драмы, в которой Вы являетесь главным действующим лицом¹².

Алексей Яковлев¹³.

с подлинным верно:

<подписью не заверено>

ПРОТОКОЛ

составлен следователем *Валескалес*, Отдела по борьбе с контрреволюцией Всесоюзной Чрезвычайной Комиссии при Совете Народных Комиссаров, 5 ноября 1918 г.

Спрошенный Иван Александрович Ильин показал следующее. Я уроженец гор. Москвы, сын присяжного поверенного. Имею тридцать пять лет от роду. Женат, детей не имею, профессор Московского университета. Кончивший Московский университет, юридический факультет.

Состою теперь под следствием Революционного трибунала как состоявший в организации «Добровольческая Армия».

Проживаю по Крестовоздвиженскому переулку № 2, кв. 36.

Арестован 3 ноября в своей квартире, после произведенного обыска. Университет закончил в 1906 г.; по окончании университета я был оставлен там же, при университете. В 1909 г. был произведен в звание приват-доцента. С 1910 по 1912 г. я был командирован за границу, был в Германии и во Франции. Кроме моей работы в этом университете я принимаю еще участие в работе в Коммерческом институте, в Народном университете по имени Шенявского и на Высших женских курсах, учрежденных Полторацкой.

В апреле месяце сего года я был арестован по ордеру Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Тогда меня обвиняли в создании организации «Добровольческая Армия», допрошен был следователем Венгеровым, дело мое было передано в Революционный трибунал, и я через 9 дней был освобожден.

По этому же делу тогда были арестованы инженер Бари, офицер Кривошеин и Халафов, которые тоже позже были освобождены Революционным трибуналом. В августе месяце я был снова арестован по ордеру Революционного трибунала, арестован я был опять по тому же делу. На этот раз я был задержан на двое суток и после моего допроса тотчас же был освобожден. С инженером Владимиром Александровичем <Бари> я <был> знаком года полтора и <ли> два тому назад. Бари посещал мои научные лекции, вообще наше знакомство состояло по научной части, притом же он обещал субсидировать издание моего научного труда. С княжной Ланской я знаком с конца августа или с сентября прошлого, 1917 г. Кто с ней меня познакомил, не помню, я жаловался на трудные обстоятельства жизни в смысле добывания продовольствия, и меня познакомили с ней и сказали, что она (Ланская) может помочь мне в этом деле, и действи-

тельно, несколько раз я от нее получал продукты. Продукты, как это было мне передано, получала она привозом с места и продавала мне по себестоимости. Продукты ей привозили казаки. Вообще, в доме княгини Ланской я бывал раза два или три. С генералом Алексеевым я лично знакомства не имею — это я категорически заявляю, знаю его как Верховного Главнокомандующего и видел его на одном съезде, на съезде общественных деятелей¹⁴. Лично с ним я не был познакомлен. Кривошеин Василий Васильевич — бывший студент Московского университета, знаю его как моего слушателя. С ним лично я познакомился во Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, будучи арестованным; до этого в университете с ним никакого знакомства и равно и сношений с ним я не имел. Халафов Константин Моисеевич мне представился, будучи арестованным в ВЧК; он сказал, что он слушал меня в Московском университете, но его лица я не помнил.

С князем Гагариным я знаком прибол<изительно> года полтора тому назад. Как я с ним познакомился, не могу сказать; мое знакомство с ним состояло в том, что он был со мною в одинаковом интересе к искусству. Если память мне не изменяет, то я с ним в это лето встретился на улице, он звал меня к себе, но я к нему не зашел. Он проживал раньше по Новинскому бульвару в своем особняке, помещавшемся во дворе Ланской. Инженера Жилинского я совершенно не знаю. Софью Евгеньевну Свешникову я знал как свою слушательницу по Коммерческому институту. Свидетель по моему делу, офицер Громов, сам указывал, что он со мною никогда не беседовал и никаких контрреволюционных сведений не получил; мой адрес, который ему, как он показал, указывала Свешникова¹⁵, был указан неверно, а именно неверен был № дома, вместо № 2 — № 1. Деньги 8000 от инженера Бари я действительно получил на издание моего большого труда «Философия Гегеля», но, после того как мне удалось в середине января 1918 г. продать мою книгу издателю Леману, обещавшему мне гонорар, я в конце января сполна вернул эти деньги инж<енеру> Бари. Об этом, что я деньги сполна вернул, может засвидетельствовать гражданин Николай Петрович Тарасов, проживающий по Спиридоновке, Ермолаевский пер., дом № 4, кв. 19; издатель Георгий Адольф<ович> Леман, проживающий по Пречистенке, Полуэктовский переулок, дом, кажется, № 6, квартиру не помню. Какое-нибудь участие в «Добровольческой Армии» я не принимал, это я категорически заявляю.

Протокол мне объявлен — записано с моих слов верно, поправки на 2 стр. вместо ареста — допроса и на 3 стр. вместо помню — помнил и вставленное слово раньше сделано при мне.

Иван Александрович Ильин.

Заключение
задержать для дальнейшего следствия.

Деж<урный> след<ователь>

<подпись>

5. XI.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
Следователя ВОЗДВИЖЕНСКОГО Отдела
по борьбе с контрреволюцией Всероссийской Комиссии
при Совете Народных Комиссаров

В конце 17-го года после Октябрьской революции возникла контрреволюционная организация, поставившая своей задачей вербовку добровольцев и отправку их на Дон, в полки Каледина и Корнилова. Также, пользуясь подложными документами, она отправляла на Дон оружие, обмундирование и проч.

Во главе этой организации стояла гр. Александра Николаевна ЛАНСКАЯ, инженер БАРИ и друг<ие>. Арестованный Дмитрий Антонович ГРОМОВ, принадлежавший к этой организации, указал, кроме других лиц, и на *ИЛЬИНА Ивана Александровича*. «В Москве у приват-доцента Московского университета ИЛЬИНА узнать и петроградские адреса» (показание Громова от 21 февраля <19>18 г.).

К ИЛЬИНУ ГРОМОВА послала ЛАНСКАЯ, сказав ему, что он, ИЛЬИН, поддерживает связь с петроградской организацией.

Но ГРОМОВ ИЛЬИНА дома не застал. У инженера БАРИ, кроме других сумм, выдаваемых им офицерам на контрреволюционные надобности, записано, что он выдал ИЛЬИНУ 30 ноября 8000 рублей.

Фамилия ИЛЬИНА стояла под инициалом. ИЛЬИН объясняет эту выдачу так, что БАРИ¹⁶ деньги ему дал на издание его научной книги. Также он утверждает, что деньги возвратил обратно БАРИ, так как нашел себе другого издателя. Но это с действительностью не согласуется, т. к. деньги получены 30 сентября <19>17 г., а договор с издателем ЛЕМАНом был заключен 28 сентября <19>18 г., когда он, ИЛЬИН, БАРИ видеть

не мог. Также очень подозрительно, что сумма 8000 руб. записана не полностью фамилией ИЛЬИНА, а инициалом. Если деньги давались БАРИИ ИЛЬИНУ на законные цели, то запись скрывать нечего и записывать в число сумм, расходуемых на контрреволюционные цели, невозможно. Кроме того, ИЛЬИН не отрицает своего знакомства с ЛАНСКОЙ и даже получал от нее продукты по дешевым ценам. Продукты эти доставлялись ЛАНСКОЙ казаками, что ИЛЬИН знал.

Ввиду всего изложенного нахожу, что ИЛЬИНА Ивана Александровича следует заключить в концентрационный лагерь.

28. XI. 18 г.

Следователь Воздвиженский

<РЕШЕНИЕ ПО ДЕЛУ>¹⁷

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ Московский Революционный трибунал в заседании своем от 28-го декабря 1918 г. по делу № 132 БАРИ, КРИВОШЕИНА, ХАЛАФОВА и ИЛЬИНА и рассмотрев обвинение граж<данина> Ивана Александровича ИЛЬИНА, ПОСТАНОВИЛ:

Признать участие граж<данина> ИЛЬИНА в контрреволюционной организации не доказанным, объяснения его в отношениях с Бари и Ланской заслуживающими доверия, а самого его для революции не опасным. Дело об Ильине в порядке постановления VI съезда Советов об амнистии прекратить *навсегда*.

Председатель Москов<ского>
Рев<олюционн>ого трибунала

(подпись)

Заседатели

<6 подписей>

ПРИГОВОР ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Московский Революционный трибунал на заседании своем от 30 декабря 1918 г., *рассмотрев заочно* дело по обвинению американ<ского> гражд<анина> Владимира Александровича Бари и бывш<их> офицеров, русс<ких> гражд<ан> Василия Васильевича Кривошеина и Константина Моисеевича Халафова в том, что

они в период времени с 29 октября 1917 г. по 26 марта 1918 г., являясь организаторами контрреволюционного о<бществ>а, именовавшегося «Добровольческой Армией», а также по обвинению всех троих в побеге, признал участие в организации контрреволюции в Сов<етской> России со стороны В. А. Бари, В. В. Кривошеина, К. М. Халафова и их последующий побег доказанным. Московский Революционный трибунал считает вполне установленным, что американский гражд<анин> В. А. Бари, пользуясь покровительством консульства Сев<еро>-Америк<анских> Соедин<енных> Штат<ов> и его содействием, принял активное участие в помощи врагам Советской Социалистической Республики в борьбе с трудовым населением Российской Республики за свою свободу и самоопределение; это участие выразилось в том, что Бари по соглашению с Халафовым и Кривошеиным и друг<ими> представителями буржуазии и б<ывшего> командного состава организовывал банды из контрреволюционно настроенных офицеров и студентов, снабжал последних большими деньгами, продовольствием, обмундированием и отправлял их на Дон к генералам Корнилову и Каледину, закл<атым> врагам Рабоче-Крестьянской власти. Виновность Бари усиливается и тем, что, пользуясь правами американ<ского> гражданина и защитой правительства Сев<еро>-Америк<анских> Соедин<енных> Штат<ов> и помогая скрытым врагам револ<юционного> пролетариата, злоупотребил именем трудящихся масс Соедин<енных> Штатов.

Ввиду вышеизложенного Московский Революционный трибунал заочно приговорил: 1) гражд<ан> В. В. Кривошеина и 2) К. М. Халафова, скрывшихся от суда и вероломно обманувших своих поручителей, — объявить врагами народа и в случае их поимки по удостоверению личности *расстрелять*. 3) Скрывшегося от суда американ<ского> гражд<анина> В. А. Бари объявить врагом всего трудящегося человечества, лишенным защиты Рабоче-Крестьянской власти, и в случае выдачи или поимки его по удостоверению личности *расстрелять*.

Расстрелять Бари должен всякий, встретивший его на земном шаре, гражданин, кому дорого освобождение человечества.

Одновременно с тем Московский Революционный трибунал, обсудив неисполнение высокоавторитетным учреждением С<еверо>-Америк<анских> Соед<иненных> Штат<ов>, его московским консульством, поручительство в том, что Бари от суда никуда не скроется, и принимая во внимание, что поручит<ельство> это было уважено только из-за доверия представи-

телю п<равительст>ва Сев<еро>-Америк<анских> Соед<иненных> Штат<ов>, ПОСТАНОВИЛ:

Московское америк<анское> консульство, представляемое Полем и Лерсом, считать укрывателем преступника, содействовавшим побегу Бари и подсудимым, обманувшим доверие Рабоче-Крестьянской власти России, привлечь которого к ответственности сможет только американский народ.

Приговор опубликовать, копию направить в Н<ародный> Комис<сариат> по иностранным делам РСФСР.

Приговор вступает в законную силу по истечению двух недель со дня его распубликования в «Известиях ЦИК», в какой период времени может быть подан отзыв на заочное решение трибунала.

Председатель Москов<ского>
Рев<олюционн>ого трибунала

(подпись)

Заседатели

(подпись)

С ПОДЛИННЫМ ВЕРНО
СЕКРЕТАРЬ

<ПРОТОКОЛ ДОПРОСА>

ОТДЕЛ СЕКРЕТНЫЙ

Гор. Москва, «4» сентября 1922 г.

ОБРАЗЕЦ

ПРОТОКОЛ № допроса, произведенного в Государственном Политическом Управлении по делу за №

Я, нижеподписав. допрошен. в качестве. показываю:

1. Фамилия: *Ильин*
2. Имя, отчество: *Иван Александрович*
3. Возраст: *39 лет*
4. Происхождение: *б<ывший> дворянин г. Москвы*
5. Местожительство: *Крестовоздвиженский пер., 2/12, кв. 36*
6. Род занятий: *профессор*
7. Семейное положение: *женат*

8. Имущественное положение: *заработком*
9. Партийность: *беспартийный*
10. Политические убеждения:
11. Образование общее: *высшее*
специальное: —
12. Чем занимался и где служил
 - а) до войны 1914 года: *профессором Московского университета, преподавателем философии права*
 - б) до Февральской революции 1917 года: *то же*
 - в) до Октябрьской революции 1917 года: *то же*
 - г) с Октябрьской революции до ареста: *то же и в других московских высших учебных заведениях*
13. Сведения о прежней судимости: *1918 г. привлекался по делу, обвинен в к. р.¹⁸, но был оправдан, 19 г. то же, 20 г. то же, за эту же к. р.*

Показания по существу дела*

Вопрос: Скажите, гр-н Ильин, ваши взгляды на структуру советской власти и на систему пролетарского государства.

Ответ: Считаю советскую власть исторически неизбежным оформлением великого общественно-духовного недуга, назревавшего в России в течение нескольких сот лет.

<Вопрос:> Ваши взгляды на задачи интеллигенции и так называемой общественности.

<Ответ:> Задача интеллигенции — воспитать в себе новое мировоззрение и правосознание и научить ему других; задача старой русской общественности — понять свою несостоятельность и начать быть по-новому.

<Вопрос:> Ваши взгляды на политические партии вообще и на РКП в частности.

<Ответ:> Политическая партия строит государство только тогда и только постольку, поскольку она искренно служит сверхклассовой солидарности; я глубоко убежден в том, что РКП, пренебрегая этим началом, вредит себе, своему делу, своей власти и России.

<Вопрос:> Скажите Ваше отношение к сменовеховцам¹⁹, савинковцам и к процессу пср²⁰.

* Показания снимаются в первом листе.

Ответ: 1. Сменовеховцев считаю беспринципными и лицемерными политическими авантюристами.

2. Что творит Савинков и его друзья — мне не известно; думаю, что роль их сыграна.

3. Процесс п. с. р. (я не следил за ним подробно), кажется мне, нанес этой партии гораздо более сильный удар, чем тот, который партии с. р. удалось нанести в самом процессе советско-коммунистической власти.

Вопрос: Ваше отношение к таким методам борьбы с соввластью, как забастовка профессуры.

<Ответ:> Считаю так называемую «забастовку профессуры» мерою борьбы, не вытекающую из начал здорового правосознания, но подсказанную и навязанную революционной тактикою рабочего класса.

<Вопрос:> Ваши взгляды на перспективы русской эмиграции за границей.

<Ответ:> Русская эмиграция в том виде, какова она сейчас, может быть и не способна к духовному возрождению; положение ее вряд ли не трагично; я мало осведомлен.

<Вопрос:> Скажите ваши взгляды на политику Советской власти в области высшей школы и отношение к реформе ее.

Ответ: Высшая школа прошла при советской власти через целый ряд реформ; боюсь, что в результате всех этих сломов от высшей школы останется одно название. На высшее учебное заведение советская власть смотрела все время не как на научную лабораторию, а как на политического врага.

Иван Александрович Ильин

Допрашивал

<подпись: Бахвалов>

4. IX-22

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу 15 778 о гражданине
Ильине Иване Александровиче

По наведенным справкам, в ЦК РО ГПУ имеются дела, Ильин привлекался за к/р деятельность в 1919—1920 гг.²¹ Арестован 14 сентября 1922 г.²² Содержится во внутренней тюрьме ГПУ.

Я, сотрудник 4-го отделения СО ГПУ Бахвалов, рассмотрел дело о Ильине Иване Александровиче, 39 лет, происходит из бывших дворян г. Москвы, нашел следующее: с момента ок-

тябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России в течение 5 лет рабочей-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в моменты внешних затруднений для РСФСР.

Все это подтверждается имеющимися материалами, а посему, на основании п. 2, лит. Е положения о ГПУ от 6/11-с/г²³ полагаю: в целях пресечения злостной антисоветской деятельности Ильина Ивана Александровича выслать из пределов РСФСР за границу, но, принимая во внимание заявление, поданное гр-ом Ильиным в Коллегию ГПУ с просьбой разрешить ему выезд за границу за свой счет, освободить его для устройства личных и служебных дел на 7 дней с обязательством по истечении указанного срока явиться в ГПУ и немедленно выехать за границу.

Пом. начальника 4-го отделения СО ГПУ

Бахвалов

СОГЛАСЕН:

Нач. отделения СО ГПУ

Зарайский

11 сентября 1922 г.

Документ из немецкого архива и «Клятвенное заявление» И. А. Ильина

СПРАВКА ОБ ИЛЬИНЕ <1936 г.>¹

Профессор Иван Алексеевич² *Ильин* (Berlin Wilmersdorf, Sodenerstr., 36. Telefon: Н. 9 5679) был прежде русским эсером³ по убеждению и одним из подстрекателей против Германии в старой России.

Согласно сообщению, полученному от Шабельского-Борка⁴, безупречным в личном плане господином *Бидо*⁵, занимавшим пост секретаря в прежнем Русском ин<ститу>те в Берлине, где числился также и Ильин, Ильин в 1919 г. был членом «Союза спасения Родины» — организации Савинкова⁶ в Сов<етской> России. Все члены этой организации были неожиданно арестованы и расстреляны — кроме Ильина!!

В ноябре 1922 г. Ильин прибыл в Германию с группой ученых, высланных Сов<етским> правительством.

Возглавляемая евреем Гессеном тогдашняя эмигрантская газета (в Берлине) «Руль», № 542 от 10 сент<ября> 1922 <г.> писала об этом так: «Инициатор высылки Зиновьев⁷ объяснял причины ее на заседании Петросовета следующим образом: надо было найти на Западе людей, которые заступятся за большую интеллигенцию. Может быть, Горький станет нас опять поучать в этом плане, *но мы знаем, что делаем*»⁸. «Мы ухватились сейчас за гуманное предприятие — высылку, но мы можем ухватиться и за менее гуманные акты и — за меч», — пояснял тот же самое Зиновьев в «Руле» (№ 561. 3 окт<ября> 1922 <г.>).

«Руль» № 603 (21.11.22) писал: «За несколько недель до высылки Зиновьев на одном из рабочих собраний, давая разъяснение по этому поводу, проболтался, что Сов<етское> правительство готово оказать даже материальную помощь изгнанникам. По этой причине удалось получить от властей средства на оплату билетов на пароход».

Среди высланных профессоров был и Осоргин⁹. Сейчас он является сотрудником «Последних новостей» у Милюкова, женат на дочери еврейского фюрера Ашер Хинцберг (Ахад Хаам).

После первых слухов о высылке ученых в ожидании изгнанников в Берлине было образовано «Философское общество»¹⁰. «Недавно в Берлине состоялось учредительное собрание в целях организации русского научно-философского общества. Задачей его ставится объединение всех русских философов для поддержания связи с живущими в России философами и оказания помощи в их работе» (Руль. № 599 от 16.11.22).

А в № 600 от 17.11.22 «Руль» писал: «Академия открывает свое публичное заседание в воскресенье 25 ноябр<я> 1922 <г.> в 7.30 вечера в Logenhaus Joachimstheilerstrasse, 13».

В № 608 «Руля» от 18 ноябр<я> 1922 <г.> красуется заметка «Открытие религиозно-философской академии»:

«В воскресенье состоялось открытие религиозно-философ<ской> академии, которое было организовано группой высланных из России ученых и литераторов при содействии ИМКА. Собрание проходило в переполненном зале...» «Собрание открыл председательствующий Н. А. Бердяев. В своем вступительном слове он говорил: “О духовном возрождении России и задачах религиозно-филос<офской> Академии”. Далее выступал С. А. Франк¹¹ по вопросу “Религия и философия”. Вместо заболевшего И. А. Ильина выступал проф. Л. П. Карсавин¹². Все доклады имели большой успех. В зале присутствовало много наблюдателей из большевиков».

18 окт<ября> <19>22 № 574 «Руль» дал такое объявление:

«Русская академическая группа в Берлине и Союз русских литераторов и журналистов Германии организуют совместное собрание-встречу приехавших в Берлин и высланных из сов<етской> России представителей русской интеллигенции. Собрание состоится во вторник, 24 октября, в 4-30 дня в Ложенхаузе (Клейстштр., 10)».

О Kleiststr., 10 говорит любая Берлинская телефонная книга под рубрикой «Ложи»: Бнай-Брит-Кляйст Str., 10, кв. 3, Ноллендорф 1367, 5068; кв. 5, Барбаросса, 8651—8652; Хаусварт — кв. 3, Ноллендорф, 350.

Некоторые из высланных, напр<имер> проф. Угримов, начали работать в качестве «специалистов» в советских учреждениях Берлина. Позже, однако, Угримов был опять уволен из сов<етского> торгпредства.

«Изгнанники» получали регулярно деньги, которые поступали от тогдашнего консула Полякова в Кенигсберге.

Отношение проф. Ильина к евреям и к национал-социалистической Германии видно из статьи рижской еврейско-русской эмигрантской газеты «Сегодня» (№ 62 от 4.03.30): «Проф. Ильин, который приезжал в Ригу читать лекции, сказал сотрудникам “Сегодня” следующее: “Обо мне смело заявляют, что моя репутация намного правее меня самого... Но разве можно ставить вопрос в такой плоскости: “Если ты политику Николая II не поносишь самыми низменными словами, значит, ты — черносотенец”. Недавно меня разыскал один почтенный меньшевик (в Берлине), чтобы убедить в том, что русские цари неверно действовали. Я его выслушал внимательно и, к его удивлению, спросил: неужели он действительно полагает, что я ему буду рассказывать о таких элементарных вещах... Оказывается, он хотел меня убедить в том, что я этого не понимаю”».

«Опять же недавно, — продолжал Ильин, — ко мне обратилась одна еврейка, общественница, благотворительница (в Берлине) с вопросом, не антисемит ли я. Что я мог ответить ей, я — для которого еврейский вопрос вообще не стоит и у которого масса друзей среди евреев. Если вы спросите о моем отношении к евреям, я отвечу вам, что отношусь к ним точно так же, как к людям любой другой национальности...»

«Естественно, смешно ожидать, что евреи, пережившие ужасы недавних погромов, с воодушевлением будут относиться к их зачинщикам», — высказался Ильин по первому пункту, добавив несколько фраз о разрушенной России.

Наряду с этим проф. Ильин, который рассчитывал на, как ему казалось в то время, прочное положение марксистского правления в Германии, при всяком удобном случае не мог, хотя бы издалека, не сделать пару реверансов в его адрес.

«Мы пришли поговорить о сегодняшнем внутреннем положении в Германии, — пишет “Сегодня”. — И в своем разговоре мы напомнили о том, что социалисты — министр внутренних дел Беверинг и представитель прусского ландтага Браун — высказывают свое решительное “нет” всем организациям националистического “толка”».

В данном случае Ильин пояснил: «Существуют разные социалисты: социал-демократы в Германии, Англии и Франции совершенно не похожи между собой. Социал-демократы в Германии могут являть собою сильную власть, что доказать они смогут только на деле».

Этот номер «Сегодня», принадлежащий когда-то Русскому научному институту, из подшивки исчез. Однако сохранился один экземпляр «Руля» (№ 3125 от 7.03.30), который под заго-

ловком «Проф. Ильин об антисемитизме» приводит только 1-ю часть интервью; абзац о внутривластном положении в России опущен.

Во всяком случае, Ильин пытался вызвать к жизни колонку младороссов и легитимистов¹³, что следует из объявления от 23 апр<еля> 1935 <г.>, помещенного в низу доклада-интервью.

Среди более ранних доносов надо привести еще один, который теперь можно рассматривать как своего рода продолжение: «Вышеупомянутый г. Бидо раздобыл и передал полковнику Бессонову ряд документов, которые свидетельствуют о том, что Ясинский, Ильин и др. изгнанники были секретными сотрудниками большевиков¹⁴. Бессонов передал эти документы, в свою очередь, “заокеанским службам” — майору Лизеру».

В заключение стоит еще упомянуть, что Ильин в настоящее время живет, вероятно, исключительно на гонорары от своих лекций и от Советского правительства не получает совсем ничего.

КЛЯТВЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ¹⁵

Я, нижеподписавшийся профессор (бывший), доктор юридических наук, Иван Ильин (1919—1922 <гг.> в Московском университете, 1923—1934 <гг.> в Русском научном институте в Берлине), русский подданный, с 1923 г. — лишенный подданства¹⁶, 3 февраля 1933 г. получил от Германской тайной полиции запрет на чтение лекций; обоснования для такого запрета мне не были даны.

Однако, принимая к сведению определенные намеки с разных сторон о причинах этого (причем эти намеки, кажется, совпадают с подозрением меня в авторстве вышедшего анонимно на русском языке пасквиля¹⁷), считаю необходимым, в силу данных обстоятельств, выступить с клятвенным заявлением.

Настоящим клятвенно заверяю:

1) никогда не был членом ни одной политической партии — ни в России, ни в Германии, ни где бы то ни было;

2) никогда не был членом ни одной масонской ложи, ни какой-либо примыкающей к масонству организации — ни до войны, ни после; ни до революции, ни после; ни в России, ни в Германии, ни где бы то ни было;

3) никогда не руководствовался в своей научной, общественной и политической деятельности чуждыми мне директивами; всегда поступал согласно собственным религиозным и философским убеждениям; в поступках своих и убеждениях я был ответ-

ствен только перед Богом, перед своею совестью, своим народом и Отечеством — более ни перед чем; так я поступаю и теперь;

4) с осуждением и проклятьем относился к сущности революции в России еще до большевистского переворота, о чем свидетельствуют печатные работы, что подтвердит немалое число очевидцев;

5) решительнейшим образом я отвергал Советское правительство в России, противопоставив себя ему до того, что был приговорен к высылке из страны;

6) в течение 5 лет (1917—1922), которые я прожил в Москве, все мои лекции и публичные доклады я читал по существу и независимо от конъюнктуры, как и подобает честному ученому, свидетельством чему являются и рукописные, и печатные материалы;

7) на протяжении всех этих лет я был Советским правительством гоним; на деле это означает:

обыск, арест, заключение в тюрьму в марте 1918 г. — первый раз;

обыск, арест, заключение в тюрьму в июле 1918 г. — второй раз;

обыск, арест, заключение в тюрьму в окт<ябре>—ноябре 1918 года — третий раз;

московский революционный трибунал:

процесс по обвинению в заговоре и подготовке вооруженного восстания — четвертый раз;

обыск, приказ об аресте, с опечатыванием квартиры и 3-месячная нелегальная жизнь в убежище; август — окт<ябрь> 1919 — пятый раз;

обыск, арест, заключение в тюрьму в феврале 1918 г. — шестой раз;

обыск, приказ об аресте с опечатыванием квартиры и 3-недельная нелегальная жизнь в убежище; август 1922 <г.> — седьмой раз;

допрос по обвинению по ст. 58 советского кодекса с заменой смертного приговора пожизненной высылкой из страны, сентябрь 1922 <г.> — восьмой раз.

Обвинение звучало так: «В течение 5 лет не только не смирился с Советским правительством, но беспрестанно прибегает к враждебной Советам пропаганде, особенно усиливая ее в годы гражданской и польской войн, что заслуживает смертного приговора»;

8) заявляю клятвенно далее, что я кроме работы в звании доцента во многих вузах Москвы, которых я постепенно ли-

шался, ни в каких коммунистических ведомствах не состоял; и никаких поручений от советских властей не получал и не выполнял, предпочитая голод и нужду бесчестью;

9) по прибытии в Германию (пароходом Петербург — Штеттин, 1 окт<ября> 1922 <г.>) я начал свою антикоммунистическую просветительскую работу и уже в августе 1923 <г.> особым декретом был по этой причине лишен русского гражданства; библиотека в Москве была конфискована, вот почему в 1924 г. я смог получить в Главном полицейском управлении Берлина зеленое Нансен-удостоверение¹⁸;

10) начиная с 1923 г. все силы души своей, все свое здоровье и жизнь положил на то, чтобы своими статьями, докладами, направленными против большевизма, разъяснить немецкому народу его суть, невзирая на угрозы и оскорбления со стороны коммунистов; доказательством этому являются рукописные и печатные материалы;

11) начиная с 1923 г. и по сегодняшний день считал и считаю абсолютно недопустимым открыто выражать свои суждения о внутренних делах германского государства, примыкать к какой бы то ни было политической партии здесь или к церковному направлению, вмешиваться в какую бы то ни было политику;

12) всегда давал исключительно точные, в научном плане обоснованные, сведения о коммунистическом положении дел в моем Отечестве (России);

13) и наконец, приводимые в газете выдержки из анонимного пасквиля о делах и речах якобы из моей жизни не соответствуют истине ни по словарному способу выражения, ни по смыслу; извращают мои собственные суждения и мнения.

Поскольку все вышеизложенное я выражаю в форме клятвенного заявления, я отстаиваю тем самым свою личную честь и достоинство, которые я, пред ликом Господним, считаю делом неприкосновенным и вынужден защищать как представитель своего народа и Отечества.

Мне известно, что клятвенные заявления такого рода предназначаются властям германского рейха.

Профессор (бывший), док<тор>
Иван Александрович Ильин¹⁹

12 мая 1938 <г.>

Берлин

И. А. ИЛЬИН

Что нам делать?

Глубокоуважаемый Николай Викторович!

Вы просили меня, чтобы я написал для Вашего журнала «о себе самом». Я понимаю это так, что мне следует формулировать для Ваших читателей мои *жизненные воззрения и убеждения*. Я делаю это с радостью. И при этом исхожу из вопроса: *что нам делать?* — нам, русским людям, верным России и ищущим путей к ее возрождению...

И вот, с самого начала нам надо признать, что кризис, приведший Россию к порабощению, унижению, мученичеству и вымиранию, был в основе своей не просто политический и не только хозяйственный, а *духовный*. Трудности хозяйственные и политические могут возникнуть и накопиться везде и могут обрушиться на каждое государство. Но каждому народу даются *духовные силы* именно для того, чтобы преодолевать эти трудности и творчески справляться с ними, не впадая в разложение и не отдавая себя на соблазн и растерзание силам зла... Но в роковые годы 1-й мировой войны (1914—1918) русские народные массы не нашли в себе этих необходимых духовных сил: эти силы нашлись только у героического меньшинства русских людей; а разложившееся большинство — ибо, за вычетом пассивно-нейтральных «хороняк», это было, по-видимому, большинство, — соблазнилось о вере, о Церкви, о родине, о верности, о чести и о совести, пошло за соблазнительями, помогло им задавить, замучить и выбросить за рубеж верных и стойких, а само было порабощено на десятки лет своими соблазнительями.

Политические и экономические *причины*, приведшие к этой катастрофе, бесспорны. Но *сущность* ее гораздо глубже политики и экономики: она *духовна*.

Это есть кризис русской религиозности. Кризис русского правосознания. Кризис русской военной верности и стойкости. Кризис русской чести и совести. Кризис русского национально-го характера. Кризис русской семьи. Великий и глубокий кризис всей русской культуры.

Я глубоко и непоколебимо верю, что русский народ справится с этим кризисом, восстановит и возродит свои духовные силы и возобновит свою славную национальную историю. Но для этого ему необходимо прежде всего *свободное дыхание* воли и разума — и честные, верные слова *диагноза, целения и прогноза*. А это дыхание отнято у него в России — уже тридцать лет. Оно имеется только у нас, за рубежом, и то далеко не у всех и не цельное. Отсюда наша величайшая ответственность перед Россией.

Мы не должны, мы не смеем упрощать и снижать проблему нашего национального возрождения. Мы должны честно, как перед лицом Божиим, исследовать наши слабости, наши раны, наши упущения; признать их и приступить к *внутреннему очищению и исцелению*. Мы не смеем предаваться церковным раздорам, партийным распрям, организационным интригам и личному честолюбию. Мы должны *строить себя заново*: внутренне, духовно; готовить те верные слова и те оздоравливающие идеи, которые мы выскажем нашим братьям в России, в глубокой уверенности, что мы и там найдем наших единомышленников, втайне все время помышлявших и радевших о России, о ее очищении и восстановлении.

После того, что произошло в России, мы, русские люди, не имеем никакого основания гордиться тем, что мы ни в чем не передумали и ничему не научились, что мы остались верны нашим доктринам и заблуждениям, прикрывавшим просто наше недомыслие и наши слабости. России не нужны партийные трафареты! Ей не нужно слепое западничество! Ее не спасет славянофильское самодовольство! России нужны *свободные умы, зоркие люди и новые, религиозно укорененные творческие идеи*. И в этом порядке нам придется пересматривать и обновлять все основы нашей культуры.

Мы должны заново спросить себя, что такое *религиозная вера*? Ибо вера *цельна*, она строит и ведет жизнь; а нашу жизнь она не строила и не вела. Мы во Христе крестились, но во Христа не облакались. Наша вера была заглушена страстями; она была разъедена и подорвана рассудком, который наша интеллигенция принимала за *Разум*. Поэтому мы должны спросить себя, что такое Разум и как добывается его *Очевидность*. Эта

очевидность разума не может быть добыта без *сердечного созерцания*. Им-то Россия и строилась больше всего: из него исходила (в отличие от католичества и протестантства) Православная вера; на нем покоилось в России верное правосознание и военная доблесть; им было проникнуто все русское искусство; им вдохновлялась ее медицина, ее благотворительность, ее чувство справедливости, ее многонародное братство.

И вот, *созерцающая любовь* должна быть вновь оправдана после эпохи ненависти и страха и вновь положена в основу обновляющейся русской культуры. Она призвана возжечь пламя русской веры и верности; возродить русскую народную школу; восстановить русский суд, скорый, правый и милостивый; и переродить русскую систему наказаний; она призвана перевоспитать в России ее администрацию и ее бюрократию; вернуть русскую армию к ее суворовским основам; обновить русскую историческую науку в традициях Забелина¹; окрылить и оплодотворить всю русскую академическую работу и очистить русское искусство от советчины и от модернизма. И главное: ВОСПИТАТЬ В НАРОДЕ НОВЫЙ РУССКИЙ ДУХОВНЫЙ ХАРАКТЕР.

Подготавливая это духовное возрождение в наших исследованиях, мы должны поставить перед собою и разрешить ряд вопросов глубокого, последнего измерения.

Почему так необходима и драгоценна человеку духовная свобода, почему так важно воспитать в человеке самостоятельную и ответственную духовную личность? В чем сущность верного характера и как возрастить его в русских людях? Что такое христианская совесть и как осуществляется совестный акт? Почему надо беречь и держать в чистоте семейную жизнь? Как найти духовные *основы* и духовные *пределы* патриотизма и национализма? Чего требует справедливость — равенства или неравенства? Каковы суть аксиомы правосознания, нарушение которых разложит всякий режим и погубит всякое государство? Каковы суть необходимые аксиомы демократии, без коих ее нелепо вводить и бессмысленно поддерживать? В чем основы монархической власти, отсутствие которых погубит всякую монархию? Каковы суть аксиомы и задачи академического преподавания? Почему оно требует свободы для профессоров и самостоятельности от студентов? В чем состоит истинная свобода художника? В чем состоит художественность искусства? Почему ни одна отрасль духовной деятельности не терпит ни продажности, ни лести, ни личной, партийной и всякой иной закулисной протекции? В чем сущность здорового хозяйственного акта? Почему он требует свободной инициативы, частной соб-

ственности и братской щедрости? В чем состоит воочию обнаружившаяся антисоциальность социализма? В чем состоит противоестественность и отвратительность всякого тоталитаризма — все равно левого или правого? В чем различие между авторитарным строем и тоталитарным? Почему Россия выросла политически и духовно в авторитарном строе и стала мировой ранною при тоталитарном порабощении?

Ясно: вся, вся духовная культура, во всех своих священных основах требует от нас исследования и новых национально-русских ответов... И нашему народу предстоит встать из своего долгого унижения; покаяться в своих соблазнах и в своем падении, неизмеримо величайшем, чем то, о котором взывал некогда Хомяков²; вновь утвердить свой национальный духовный лик и заткать новую ткань новой жизни. Это будет делом нескольких поколений; но оно будет осуществлено и достигнуто.

А теперь позвольте мне сказать два слова о себе лично.

На протяжении всей моей жизни, с тех пор как я приступил к самостоятельным научным исследованиям, я работал именно в этом направлении. Ибо я понял политические опасности России еще во время первой революции; я увидел соблазнительность новой русской поэзии и новой русской публицистики в годы, предшествовавшие Первой мировой войне; и пережил крушение России кровью сердца и пять лет изучал большевизм на месте. И в советских тюрьмах давал себе клятву идти безоглядно по пути этих исследований.

Но я не торопился писать и печатать мои книги. Так, мое исследование «О сущности правосознания», законченное в 1919 г., читанное в виде курса лекций в московских высших учебных заведениях, обсужденное не раз в заседаниях московского юридического общества и в частных собраниях московской доцентуры и профессуры, доселе еще не увидело света. Я давал моим трудам спокойно вызревать в течение десятилетий. У меня есть темы, вынашивающиеся по тридцать лет («Учение о духовном характере», «Аксиомы религиозного опыта») и по сорок лет («Учение об очевидности», «Монархия и республика»). Я возвращался к каждой теме по многу раз, через пять-шесть лет, и все время накапливал материал; потом садился писать, записывал все, что было зрело, и снова откладывал. Теперь мне 65 лет, я подвожу итоги и пишу книгу за книгой. Часть их я напечатал уже по-немецки, но с тем, чтобы претворить написанное по-русски. Ныне пишу только по-русски. Пишу и откладываю — одну книгу за другой — и даю их читать моим друзьям и единомышленникам. Эмиграция этими исканиями не интересуется, а рус-

ских издателей у меня нет. И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь убережет их от гибели; а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу *только для России*.

ПУТЬ ЖИЗНИ

Родился 28 марта 1883 г. в Москве. Среднее образование — в пятой и первой Московск<их> классических гимназиях. 1901—1906 <гг.> — юридический факультет Московского университета. 1906—1909 гг. — подготовка к магистрантскому экзамену. Декабрь 1909 г. — пробные лекции и звание приват-доцента по кафедре истории философии права. 1910 г. — чтение первого курса в Московском университете. 1910—1912 <гг.> — заграничная командировка (Германия, Франция, Италия). 1912—1922 гг. — преподавание в Московском университете и многих других высших учебных заведениях Москвы. 1918 г. — защита магистерской диссертации «Философия Гегеля»: степень доктора государственных наук. 1921 г. — избрание в преподаватели историко-филологического факультета; избрание в председатели Московского психологического общества. После процесса в революционном трибунале и нескольких арестов — в августе 1922 г. приговор по 58-й статье с заменой пожизненным изгнанием. С октября 1922 г. — жизнь в эмиграции. 1923—1934 гг. — профессура в Русском научном институте в Берлине. Публичные выступления в Германии, Франции, Швейцарии, Австрии, Чехии, Югославии, Латвии и Эстонии. В 1934 г. — лишение кафедры за отказ преподавать, следуя партийной программе национал-социалистов. 1934—1938 гг. — доносы и преследования усиливаются: конфискация печатных работ и полный запрет выступлений. Июль 1938 г. — переезд в Швейцарию. Лекции в швейцарских народных университетах и ученых обществах. Ученые и литературные работы.

ГЛАВНЫЕ ТРУДЫ:

1. Кризис идеи Субъекта в наукоучении Фихте Старшего. 1911 г.
2. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. 2 тома. 1916—1918 гг.
3. Учение о Правосознании. Доселе не напечатано. 1919 г.
4. Основные задачи правоведения в России. 1921 г.
5. Религиозный смысл философии. 1924 г.

6. О сопротивлении злу силою. 1925 г.
7. Путь духовного обновления. Вера. Любовь. Свобода. Совесть. Семья. Родина. Национализм. 1935 г. Вышла и на немецком языке. Переведена на итальянский, но еще не напечатана.
8. Основы художества. О совершенном искусстве. 1937 г.
9. Основы христианской культуры. 1937 г.
10. О тьме и просветлении. Книга литературной критики. Творчество Бунина. Творчество Ремизова. Творчество Шмелева. 1938 г. Не напечатано.
11. Огни жизни. Книга утешения. Вышла по-немецки в двух изданиях. 1938—1939 гг. Пишется по-русски.
12. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Вышла по-немецки в Швейцарии. 1943 г. По-русски не напечатана. Переведена на английский язык и не напечатана.
13. Сущность и своеобразие русской культуры. Вышла по-немецки в Швейцарии. 1942 г., 1944 г. Переведена на французский и на английский, но не напечатана.
14. О грядущей русской культуре. Книга заданий и надежд. Вышла по-немецки в Швейцарии. Пишется по-русски. 1945 г.
15. Аксиомы религиозного опыта. Заканчивается на русском языке.
16. О грядущей России. Заканчивается на русском языке.

Июнь, 1948 г.

А. фон ЛАМПЕ

Иван Александрович Ильин

<некролог>

«Русский Общевоинский Союз сообщает...» «что 21-го декабря в Швейцарии скончался *верный старый Друг Союза...* профессор Иван Александрович *Ильин...*»

Это свершилось, ушел из мира действительно старый и верный Друг не только Русского Общевоинского Союза, но непреклонный и талантливый Друг *Белого Дела...* Друг с того дня, как бывшие Верховные главнокомандующие Армиями Российскими генералы, *Алексеев* и *Корнилов*, подняли на юге России знамя сопротивления коммунистам, начали *белую борьбу...*

Оставаясь в СССР, в Москве, Иван Александрович *Ильин* тотчас же установил связь с генералом *Алексеевым*¹, а в 1922 г., когда большевики выслали его, в числе группы изгнанных из пределов Родины профессоров, немедленно по прибытии в Берлин связался с представителем *Белого Командования*, представителем генерала *Врангеля*. Эту должность тогда занимал я. Через меня профессор *Ильин* установил связь с Главнокомандующим, к которому относился с большим пиететом. Только через несколько лет в замке герцога *Г. Н. Лейхтенбергского*, Сеон, на юге Баварии, я познакомил Ивана Александровича с искренне чтимым им главнокомандующим, верным имени которого Иван Александрович остался и после кончины генерала *Врангеля* в 1928 г.

Наше знакомство с Иваном Александровичем, начавшееся в 1922 г., перешло в тесную дружбу, которой я всегда гордился и горжусь и по сей день. В тоскливые дни после его кончины, о которой так определенно и исчерпывающе говорит объявление Русского общевоинского союза (в газете «Русская мысль», Париж), я пытаюсь кратко сказать о почившем в этих строках. Я

понимаю, что яркая проповедническая деятельность покойного заслуживает серьезной исследовательской работы. Но я также знаю и то, что такая статья требует широкого научного подхода к личности ушедшего. Я не чувствую себя в силах сделать это, в особенности так скоро после понесенной всеми нами незаемимой утраты. Я хочу пока посвятить ему только эту небольшую заметку о нем лично и о созданных им, в силу его *белых* убеждений, бюллетенях «Наши задачи»², издательство которых в данное время стоит перед неразрешимой задачей, можно ли продолжать выпуск бюллетеней дальше, и *если* можно, то *как* это выполнить.

В 1945 г. я с женой принужден был покинуть мой пост в Берлине ввиду надвигавшейся на город Красной армии. Судьба занесла нас на самый юг Германии, в г. Линдау. Там по собственной инициативе разыскал меня покойный Друг и не только разыскал, но сам, зарабатывая на свое существование в Цюрихе литературной работой, всеми силами помог нам — вышедшим из Берлина только с ручными чемоданчиками.

В течение последующих лет, благодаря содействию Ю. И. Ладыженского³, тогда проживавшего в Женеве, и швейцарских друзей Ивана Александровича *Ильина* мне удалось шесть раз побывать в Швейцарии и каждый раз по несколько дней проводить в Цюрихе, непрерывно общаясь с ним; в последний раз это было ровно год тому назад, и 15-го января 1954 г. я в последний раз простился с ним, возвращаясь в Париж...

Мысль об издании «*Наших задач*», начатых 14-го марта 1948 г., принадлежала лично ему, как его перу принадлежали *все* статьи, опубликованные в 215 выпусках бюллетеней. Первые статьи были очень краткими, и среди «единомышленников», которым они рассылались, выбирались те, кто... имел пишущую машинку и мог *сам* размножать и распространять то, что писал Иван Александрович. Постепенно, в сильной степени заботой опять-таки самого Ивана Александровича, для издания бюллетеней (они всегда рассылались бесплатно) стали притекать денежные средства, что позволило увеличить объем выпусков, но никогда не дало возможности начать выпускать их, печатая в типографии.

Иван Александрович — в силу трудностей получить окончательное право жительства в Швейцарии — *не подписывал* своих статей в бюллетенях. Но, конечно, его слог, его исключительная эрудиция и его беспримерное изложение и форма давно сказали русскому читателю бюллетеней, *кто* является автором статей. В 1952 г. в Брюсселе, на собрании по случаю 80-летия

генерала *Архангельского*, — я в моей речи, упоминая о тех, кто поздравил маститого юбиляра, в первый раз открыто назвал имя И. А. Ильина как автора «Наших задач».

Статьи Ивана Александровича в подлиннике поступали ко мне в Париж, после чего, если это было необходимо, в части или в целом, обсуждались нашей перепиской, а потом в окончательном виде пересылались в Брюссель, где, в том случае, если они были одобрены начальником Русского общевойска союз, генералом *Архангельским*, печатались и рассылались...

Аудитория «единомышленников», читателей бюллетеней, непрерывно росла, а за последние годы читатели выделили ряд лиц, понявших значение этой работы Ивана Александровича *Ильина*, которые стремились создать у себя комплект с первого номера, и потому была налажена работа по переписке недостающих выпусков. Все 215 выпусков, созданных ярким умом покойного, представляют теперь собою совершенно исключительное собрание мыслей, образов, понятий и определений, которые, несомненно, не только теперь, в переживаемое нами время, но и в будущем представят собою основу для работ о России всех национально мыслящих русских людей. Вопрос издания всех выпусков типографским способом, в виде книги, составляет сейчас особую заботу издательства, которое призывает всех, кто понял и оценил наши бюллетени, — вместе с издательством изыскать возможность такого увековечения памяти почившего нашего Учителя и Друга.

Я говорил, что с самого начала *Белой Борьбы*, с того момента, когда генерал *Алексеев* на юге России «зажег светоч» борьбы, к нему, через всю Россию, примкнул профессор *Ильин*, беззаветно отдавшийся делу *Белых* (он часто этим именем подписывал свои письма и статьи). Еще в 1922 г., при первых встречах с профессором, я с удивлением слушал его мысли о той борьбе, которая велась и, увы, на полях сражений была проиграна белыми, — своей беспредельной интуицией он провидел то, что двигало *Белых* на подвиг борьбы... и, выйдя за пределы СССР, откуда так неосторожно выпустили большевики своего сильнейшего врага, Иван Александрович оформил свои мысли в виде статьи «*Белая идея*», «вместо предисловия» помещенной мною в первом томе сборника «*Белое дело*» («Летопись Белой борьбы»), изданном в конце 1926 г. в Берлине. При обсуждении вопросов, как можно еще, несмотря на незаменимую потерю, продлить бюллетени, существует предположение в нескольких выпусках «*Наших задач*» вновь опубликовать эту статью И. А. Ильина.

Моя краткая заметка растягивается. И в то же время мне так мало удалось сказать о том, *чем* был дорог не только его «единомышленникам», членам Русского общевойинского союза, но и всем русским людям безвременно покинувший нас наш «старый и верный Друг!». Для того чтобы это сказать, и сказать исчерпывающе и авторитетно, нужно другое перо и, что главное, — нужна перспектива, которая позволит оценить его яркую и сильную фигуру... нужен научный подход, нужно пережить какие-то сроки, которые дадут возможность изжить личное горе от его потери и объективно подойти к оценке личности этого исключительного русского человека, проповедника, ученого и мыслителя. Наконец, нужно объять его литературное наследство, которое видится мне исключительным по богатству, так как в те дни, когда я в последний раз имел счастье личного общения с ним, Иван Александрович писал лихорадочно быстро и неустанно, сознавая свою тяжелую болезнь, уже значительное время мешавшую ему жить и творить, — писал все время, чтобы высказать все, что накопил его острый и сильный ум...

И потому трудно писать его «некролог». Считая, что лучшей из таких работ будет сделанное им самим свое жизнеописание, где он сам кратко приводит и свой «Жизненный путь», и свои «Главные труды» — издательство «Наших задач» помещает выше его статью: «Что нам делать?»⁴.

Имя покойного профессора *Ивана Александровича ИЛЬИНА*, его мысли, изложенные всегда так исключительно ярко и внушительно, конечно, найдут свое место в будущем *Пантеоне Российском*...

Нам же, его современникам, остается только преклониться перед Высшей Силой, взявшей его от нас так рано!

Дай Бог, чтобы легка была чуждая нам земля приютившей его свободной Швейцарии, в которой суждено было найти покой исключительно русскому человеку, верному и искреннему Другу Русского *Белого Воина*, Другу Русского общевойинского союза и... моему личному незабвенному Другу!

Париж, 15 января 1955 г.

Н. РЫБИНСКИЙ

Духовный меч

(Памяти И. А. Ильина)

Последние годы он очень болел, и вот сообщение в хронике, что в Швейцарии скончался профессор Иван Александрович Ильин.

Эти несколько строк, конечно, никак не претендуют дать характеристику ушедшего как ученого и как политического деятеля — сейчас в памяти всплыли встречи с этим ярким человеком, ученая карьера которого началась не совсем обычно. Он так блестяще защищал в Московском университете магистерскую диссертацию, что факультет дал ему звание доктора.

В 1922 г. И. А. Ильин был выслан из СССР в большой группе ученых и общественных деятелей. Первые годы эмиграции он работал в Берлине, а с приходом к власти Гитлера переселился в Цюрих. Наряду с научной работой И. А. Ильин нес большую общественную нагрузку: писал много книг по общественно-социальным вопросам. В разных местах русского рассеяния читал публичные лекции, собиравшие многочисленную аудиторию.

Я познакомился и скоро подружился с И. А. Ильиным в Югославии. Это было в тот период, когда там в расцвете была так называемая «Русская акция» через учрежденный русско-сербский «Культурный отбор» (Комитет) и правительство оказывало всяческую поддержку русским литераторам и ученым. Русский научный институт в Белграде приглашал для чтения лекций виднейших русских ученых. Кроме акад<емика> П. Б. Струве, имевшего постоянную кафедру, приезжали А. А. Кизеветтер, И. И. Лапшин¹, С. Л. Франк и много др. Оплачивалась дорога и полагалось жалованье в 6000 динар, по тем временам очень приличная сумма, что являлось материальной поддержкой.

Приглашение И. А. Ильина явилось крупным событием, так как к этому времени он уже был широко известен в эмиграции, как яркий антибольшевик и идеолог русской государственности... Роясь в воспоминаниях, я умышленно нарушаю хронологический порядок и делаю прыжок к первым годам эмиграции.

Кончилась Гражданская война. Мы с остатками армии ген<е>рала П. Н. Врангеля, после лагерей в Галлиполи и на Лемносе², попали в Европу и очутились буквально среди потухших маяков. Россия была зачеркнута и переименована в СССР, во главе которого стояло какое-то неведомое образование. Гражданская война окончена, ряд видных политических деятелей звал к скорейшему «засыпанию рва», вырытого Гражданской войной. О возврате к монархии, если не считать съезда в Рейхенгале³, даже не говорилось. А когда вел<икий> князь Кирилл Владимирович объявил себя сначала местоблюстителем престола, а потом и императором, и ждал, что его поддержат кадры белых воинов, — то ген<е>рал Врангель заявил, что он скорее сожжет свои знамена, чем передаст их монархистам, хотя сам считал себя монархистом. Происходило это оттого, что непоколебима была у всех призрачная вера в «волю народа», которая может быть выявлена только через Учредительное собрание... Теперь это кажется наивным, но в то время в это свято верили.

Но жить одним ожиданием (без уверенности, что не найдется новый матрос Железняк, чтобы его разогнать⁴) нельзя было: требовалось свою идеологию противопоставить идеологии большевистской. И вот появилась целая плеяда талантливых и ярких творцов белой идеологии: П. Б. Струве, мой незабвенный друг проф. В. Х. Давац⁵ и ряд других. Самой яркой фигурой среди них был, конечно, И. А. Ильин... Его энергия была неистощима: он работал в парижском «Возрождении», редактором которого был тогда П. Б. Струве, с которым И. А. Ильин заключил соглашение о печатании своих «автономных» статей, не всегда совпадающих с мнением редактора, работал в ряде других журналов, издавал брошюры... Духовным мечом (пером и словом) И. А. Ильин не только владел в совершенстве, но, как настоящий, большой мастер своего дела, с исключительной тщательностью отделывал свои произведения.

Как оратор он всегда захватывал аудиторию, но в его лекциях никогда не было ни одного слова импровизации. Высокий, лысый, с острой бородкой, стоя за кафедрой, он окидывал взглядом аудиторию, и казалось, что не читает он, а плавно и увлекательно говорит. На самом же деле перед ним лежала ру-

копись, которую уместно назвать партитурой, — вся испещренная его пометками; жест, знак, повышения тона, понижения. Пауза. Все до последней точки продумано, прорепетировано, отшлифовано...

За время пребывания И. А. Ильина в Белграде мы встречались ежедневно. В частной жизни это был очень интересный, высококультурный человек, большой знаток музыки, связанный личной дружбой с С. В. Рахманиновым⁶, о котором он рассказывал много интересного. Владение духовным мечом связало его дружбой с архиепископом Иоанном Рижским⁷, который уговаривал И. А. Ильина принять духовный сан, чтобы с церковной кафедры бороться с охватывающим мир материализмом.

Крупный ученый, философ, И. А. Ильин был очень живой и увлекательный собеседник, темпераментный, остроумный. Он очень тяжело переживал церковную смуту в Русском зарубежье и набросал очень злую сатиру, которую подарил мне, взяв с меня слово, что она не будет опубликована в печати. Стихотворение это погибло со всем моим архивом во время бомбардировки немцами Белграда в 1941 г.

И. ГОРЯНИНОВ

В защиту памяти профессора И. А. Ильина

Не стало Ивана Александровича ИЛЬИНА... Ушел от нас мыслитель исключительной духовной величины и силы, крупнейший идеолог Российского национализма и большой бескорыстный ДРУГ Российского воинства. Белой Идее И. А. Ильин отдал все свое большое Русское сердце...

И. А. Ильин, и мертвый, живет в своих бессмертных трудах, где каждая мысль, каждое слово дышат беспредельной любовью к нашему великому прошлому, к нашему, ныне несчастному. Отечеству, и бесконечной верой в возрождение Единой Великой России.

В трудах И. А. Ильина поражает необычайная сила убеждения, которая ярче сухих математических доказательств... И. А. Ильин никому не навязывал своих убеждений. Его вера невольно передавалась другим.

И. А. Ильин был настолько цельным мыслителем, что к нему нельзя было остаться равнодушным: его или яростно отвергали (порой прикрываясь искусственным равнодушием), или восторженно принимали целиком.

В И. А. Ильине была необычайная убедительность слова и полное познание Истины. Это не могло не побеждать неверия или слабоверия духовно-немоощных людей.

Прошло много дней со дня смерти И. А. Ильина. Как же откликнулась Российская эмиграция на смерть этого замечательного Русского человека? — Почти полным заговором молчания... Очевидно, это соответствует настоящему политическому курсу Российской «прогрессивной» и «передовой» эмиграции, в руках которой почти вся пресса...

Прекрасную статью поместил в «Русской жизни» проф. Билимович¹. Небольшая теплая статья о. Сергия Щукина² была помещена в «России». Это радует...

В «Русской мысли» и в «Посеве» были помещены статьи, но, право, лучше бы их не было совсем... И это все о человеке, давшем так много России, оставившем нам, нерадивым наследникам, такое творческое богатство... С большим опозданием получил № 7 «Посева» (от 13 февраля с. г.), в котором помещена возмутительная, оскорбляющая память покойного Ивана Александровича, статья Н. Тарасовой — «Колокол зовет».

В 30-х годах проф. И. А. Ильин издавал и редактировал журнал «Русский колокол». В свое время «прогрессивная» часть Русской эмиграции обрушилась на И. А. Ильина за его смелые выступления, уличающие эту дряблую часть русской эмиграции, в свое время так потрудившуюся в деле разрушения российской государственности. Всей своей душой И. А. Ильин был чужд и враждебен народничеству и социализму, всем этим бунтарским, антинациональным и антигосударственным политическим течениям, десятки лет разрушавшим Отчий Дом — Великую Россию. И вот, после его смерти нашлась решительная солидаристическая³ журналистика, которая одним росчерком пера сопричислила И. А. Ильина к продолжателям дела Радищева, декабристов, — Герцена!!!⁴

Цитирую Н. Тарасову: «Иван Александрович Ильин, революционер, политик и мыслитель, возродил герценовский “Колокол”, подняв высоко знамя борьбы над растерявшейся эмиграцией, над скованной большевизмом Россией».

И несколько далее: «Его заветы крепко легли в основу идеологии и программы (какого периода времени? — *И. Г.*) национально-трудового союза российских солидаристов, таким образом, непредвиденным путем восстановилась прямая линия Радищева, декабристов, Герцена...»

Как все просто у Н. Тарасовой! Раз, два — и вот уже покойный И. А. Ильин сопричислен к когорте «славных» — растлителей многих поколений российской нации и погубителей России...

Какая клевета, рассчитанная на то, что И. А. Ильин не сможет уже громовым голосом, призвать их к порядку... Герцен и И. А. Ильин... Атеист и религиозный мыслитель... Разрушитель России и один из немногих, кто тушил пожар, охватывающий Россию... Что между ними общего? — Непреодолимая пропасть.

Лучше всех свою честь и доброе имя защитит сам И. А. Ильин. В подтверждение этого цитирую то место из его труда, в котором он высказывал свое отношение к Герцену и его соратникам:

«Замечательно, что именно этот сектор (левый. — И. Г.), примыкая к заклятым врагам национально-исторической России, делает все возможное, чтобы помочь им в *поношении и унижении нашей Родины*; чтобы внушить иностранцам органическое и преемственное тождество *дореволюционной России и современной Советии*. Он выкапывает из революционной литературы прошлого настоящие “перлы” поношения и продвигает их повсюду в своих газетах и журнальчиках жирным шрифтом. Особенно гнусный материал эти писатели добывают у Герцена. Вот пример:

“Мы не можем привыкнуть к этой страшной, кровавой, безобразной, наглой на язык России, к этой литературе фискалов, к этим мясникам в генеральских эполетах, к этим квартальным на университетских кафедрах. Ненависть, отвращение поселяет в себе эта Россия. От нее горишь тем разлагающим, отравляющим стыдом, который чувствует любящий сын, встречая пьяную свою мать, кутящую в публичном доме” (А. Герцен). Или еще: “Кто из нас не желал вырваться навсегда из этой тюрьмы, занимающей четвертую часть земного шара, из этой чудовищной империи, где всякий околоточный надзиратель — верховный владыка, а верховный владыка — коронованный околоточный надзиратель” (А. Герцен).

И вся эта аффектированная, фальшивая декламация относится Герценом и его идейными потомками не к тоталитарно-социалистическому строю наших дней, а к национально-исторической, императорской России Петра Великого, Ломоносова, Суворова, Сперанского, Пушкина, Достоевского, Александра-Освободителя, Милютина, к Русской армии, к Русской *национальной государственности*, к *Русской академии*. И для чего приводится эта устаревшая ложь? — Для того, чтобы установить *новую ложь*: чтобы смешать Императорскую Россию с советским псевдогосударством и залить нашу Родину публичною клеветою.

И никто из этих “писателей” и “политиков” не думает о том, что этой пропаганде место в *советской* прессе и что Герцен, если бы прочел теперь эти выдержки, сам казнил бы себя от горя и стыда намыленной веревкою».

Кстати, приведу слова И. А. Ильина о самой Н. Тарасовой:

«Нашлась же недавно в эмигрантском журнальчике “Грани” какая-то Тарасова, которая написала революционную (!) апологию (защита, прославление) безобразнейшему из хулиганов-рифмачей нашего времени, — Маяковскому⁵, которого мы все знали в России как бесстыдного орангутанга задолго до револю-

ции и гнусные строчки которого вызывали в нас стыд и отвращение. Советский “вкус” — извращенный вкус; люди этого “вкуса” и не подозревают, что кроме чекистских, революционных критериев есть в поэзии еще и иной, высший, *художественный* критерий и что этот критерий решает не потому, что кому “нравится”, а по степени *объективного совершенства*. Когда-то Блок провозгласил двенадцать пьяных и развратных матросов-грабителей — “апостолами Христа” — и пожизненно стыдился своего мерзкого кощунства⁶. Ныне Маяковский сам посмертно провозглашается “тринадцатым апостолом”. И пока русские люди не научатся стыдиться таких кощунств — великой поэзии им не видать».

Действительно, можно провести аналогию между Иудой, предавшим Христа, и Маяковским, предавшим Россию и русскую поэзию. И оба кончили одним и тем же!

Автору этих кощунственных и клеветнических статей — Н. Тарасовой — уместно привести мудрый совет Козьмы Прутова: «Рассуждай только о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют».

Нам, русским людям, пора переоценить наше прошлое... Всеми нашими помыслами, устремляясь вперед к будущему, Великому русскому будущему, черпать силы в нашем прошлом, в героях, стоятелях за Веру и Отечество, подвижниках Православия и государственности и окончательно отречься от хулителей, растлителей и губителей Великой России...

Мы — с И. А. Ильиным. Он и мертвый — живой... А те — хулители его, — они и живые — мертвы...

Труден, тернист наш путь. Освещают нам дорогу светлые образы наших Вождей, соратников и великих душою и сердцем друзей, и среди них почетное место занимает И. А. Ильин. Он зовет нас к продолжению борьбы за Россию, к духовному возрождению российской нации и будит в нас веру и бодрость. С этого нашего пути нас не собьют болотные огоньки всякой «прогрессивной» и «народнической» эмиграции, пытающиеся задержать развитие исторических событий и становление русского народа на путь к возрождению национальной государственности.

ПИСЬМА

И. А. ИЛЬИН

Письма к Л. Я. Гуревич

*Л. Я. Гуревич 1907. 16 сент<ября>
<Полянки¹>*

Дорогая Любочка!

Не писал тебе до сих пор потому, что ждал от *тебя* сначала словечка и почти был уверен, что оно прилетит. Вот оно и прилетело! Но в нем есть одна вещица, сделавшая мне больно. О ней прежде всего, ибо она до известной степени есть символ и выражение большого внутреннего стечения обстоятельств в наших отношениях с тобой. А о чем же прежде всего, как не о самом важном?..

Как могла ты подумать, что я мог подумать, что твой отъезд в Петербург не есть нечто большое и внутренне важное? Вот первый вопрос, который я себе задал по прочтении твоего письма и скоро ответил себе на него, ибо ответ жил в душе и раньше. Потому случилось это, что потерялось живое прикосновение души к душе и яркое ощущение потускнело. Таково было стечение неумолимых обстоятельств за последних два года. При известном отношении человека к человеку достаточно бывает крупниц, чтобы понять, скорее, почувствовать многое, не данное сознанию непосредственно, и яркое ощущение этого-то отношения потускнело и поблекло у тебя по отношению ко мне. Тех крупниц, которые я добыл расспросами (в пределах допустимого, конечно) о том, что совершается и с кем и немногих слов, оброненных тобою в Москве той зимой, было для меня достаточно, чтобы я мог одно почувствовать вместе с тобой, а другое понять и объяснить про себя. Если бы даже я ни о чем не имел представления, то у меня неразрывно срослось с душой представление о том, что то, что заставляет тебя глубоко чувство-

вать и переживать положительное настроение, не может быть иным, как высоким и прекрасным.

Следует выговорить это: наши отношения, моя Любочка, существовали за последние два года в кредит. При редких встречах наших я ни разу не ощутил твою индивидуальность так ярко, как того непременно хотелось, как требовало эстетическое и еще другое чувство. Нет на свете ничего прекраснее — индивидуального, тем более прекраснее — прекрасного индивидуального. О целостности я не говорю, ибо она всегда *im werden begriffen*². Но когда этому *werden*³ становится предел и предел этот исходит от того, что по существу своему не есть непосредственно создающее новую индивидуальную ценность, то совершается медленное убийство; это убийство может быть и сознательным самоубийством, что это меняет? Ужасно, трагично, бесконечно трагичнее физического самоубийства, которое может и не быть медленным и, главное, которое оставляет в душе брезжащую иллюзию освобождения. Убить прекрасное, убить Бога — хорошо во имя прекрасного, во имя Бога; но во имя нивелирования — ужасно, невыносимо! Штирнер⁴ в иллюзии, когда говорит, что бунтует против идеала вообще. Есть высшее, святейшее, для миллионов недостижимое самозаклание; о нем молчат все, ибо они его не знают; они кричат, что спокойная кабинетность есть сытость, — и потому кричат они это, что спокойствие есть для них синоним физической малоподвижности, а героизм — отказ от физической сытости. Не понять двухмерному — трехмерного, как нам не ухватить идеи четвертого измерения. Пусть их! Но не уходи от этого самозаклания! Так, как ты уходила в эти два года. И каждый раз, как мы встречались, я живо чувствовал, что тебе не до себя и, уж подавно, не до меня. Ибо я оторвался от служения неиндивидуальному (т. е., конечно: не индивидуальному *непосредственно*) и не мог найти тебя *в нем*; а *в тебе* — я тебя не находил. И каждое свидание давало мне больное ощущение того, что ты ушла от непосредственно-индивидуального, и наполняло меня бунтом, бунтом вообще против принципа, против начала, ибо индивидуальное *единственно* и *невосстановимо* в своей прекрасности, ибо неповторяемость конкретного всегда наполняет ужасом человека (в этом тайна «прошлого», тайна смерти), неповторяемость же прекрасного, дорогого мне прекрасного, наполняет меня страданием.

Таковы были эти два года. Мне верится, я почти уверен, что они кончились, что они в прошлом и, след<овательно>, неповторяемы. Но первым выражением и закреплением этой непо-

вторимости для меня должно быть восстановление непосредственного и яркого ощущения наших отношений в той модифицированной форме, которая теперь имманентно присуща моим переживаниям и отношениям. Для меня будет огромной радостью, большим и светлым совершением, когда придут в настоящее соприкосновение ты и наша душа, ты и Таля⁵ и ты и я; возможность такого настоящего соприкосновения существовала всегда, но всякая возможность имеет два лица: лицо реализуемости и лицо нереализуемости, и во мне создалось интенсивное чувство (особенно после твоего письма), что возможность эта уже повернулась к нам своим первым лицом, выражающим надежду и обещание. Твое письмо принесло мне психологическую реализуемость, его я ждал, серенький конверт принес мне масличную ветку; мое письмо несет тебе реализуемость объективную, которой, по-видимому, нет и следа в твоём. Во второй половине двадцатых чисел сентября мы переселяемся в Москву. Пусть твой отъезд из Крюковки⁶ будет около 1 октября, не раньше, но когда угодно позднее и ты уделишь нам столько дней в Москве, сколько окажется возможным. Не думай при этом ни секунды о внешнем устройении; все будет у нас и все будет для всех хорошо и удобно. Пусть мысль о каких-нибудь неудобствах ни на минутку не поселяется в тебе по отношению к Москве. Что же касается Люля⁷, то расскажи Котику⁸, как было бы хорошо, если бы ты провела у нас несколько дней, и она подарит нам их. Люль же тебя отпустит, я убежден в этом, ибо он у тебя понимает необычайно много и чутко...

Любочка моя, сделай это, сделай, выкрой эти несколько дней! Меня беспокоит только то обстоятельство, что глаза Котика требуют серьезного лечения и поездки на юг, но мне верится, что перст Разума устроит и ее здоровье, и наше свидание к лучшему.

Конец приходит моему письму. Я непременно напишу тебе, как мы читали и что думали о твоей драме. Но не в этом письме. Мы читали и твою последнюю вещь в августовской книжке «Нивы». Кое-что напишется легче, чем скажется; но многое никогда не напишется, а может только непосредственно сказаться и конкретно почувствоваться. Напиши же мне хоть маленькую писулучку с отрадным известием положительного характера. Мы тебя очень хотим в Москву, мы убеждены, что ты это устроишь! И целуем тебя крепко.

Ваня.

Талья шлет поцелуй Люлю. И я целую мою маленькую хозяйку. Передай ей это от ее «большого Игруша». А что, она передала тебе после твоего возвращения мой поцелуй? Если нет, спроси ее об этом.

Л. Я. Гуревич 1911. Февр<аля> 15/2
(Берлин⁹)

Любочка моя!

Письмо твое взволновало меня: удручило по преимуществу, но и тронуло в самую душу. Ты не писала еще мне так. Я не жалею, что написал тебе то, что написал, но браню себя за необходимость, которая есть проявление недостаточной бережливости и осторожности. Будь уверена, что и впредь, и сейчас — *все* скажу и напишу; ибо молчание есть вещь жалостливая и недостойная (хотел бы и для себя всегда того же). Но ты не восприняла бы, наверное, мою «критику» как «убийственную», если бы я написал то, что написал, обстоятельнее. Именно *убийственность* отсутствует в ней всецело; именно ее-то и нет в вынесенных мною впечатлениях. Я хотел сказать тебе: мне кажется, что в той внутренней работе над собой, которую все мы обычно производим так, что пуантируем¹⁰ более несовершенные и недоработанные места нашей души и вокруг них скопляем бессознательно совершенствующую энергию (как воины сбегаясь на крепостных стенах к бреши), — что в этой работе *критика* (род<ительный> пад<еж>) над самим собою тебе следует обратить внимание на выявление *положительных* целей и задач, скажем, современного театра; к суждению вкуса, которое у тебя обыкновенно безукоризненно, четко и тонко, хочется большей положительно-теоретической яви. Это само собой подразумевает, что я чувствую: не только тебе *не* следует (с высшей точки зрения, с точки зрения объективной ценности — от субъективного, столь мучительно-сложного для тебя, я пока отвлекаюсь), не следует *бросать* критику, но следует к этой способности, к способности эстетического суждения, добавить известную теоретическую положительность. Мое впечатление: *не* «*нехорошо* написано», а «*мало* развита эта самая сущность того, к чему нужно стремиться, куда нужно идти». Хочется, чтобы в дальнейшем пуантировалось именно это, хочется *больше* об этом, и не вообще, а *именно от тебя*, и *не* от тебя такой, какая ты предносишься себе (другая, «умная», проглотившая в сто раз больше — все мы предносимся себе в таком «желанном» виде), а от тебя, *какая ты есть* и *какая может* сделать то, чего

мне хочется. Конкретнее говоря, хочется знать, что значит углубление, оцельнение, оконкретнение театра и драмы? И в чем же, теоретически говоря, завоевания Станиславского? ¹¹ Он идет глубже, но *куда* глубже? И в чем сущность той *цельности* и того единства, которое он вносит? Не *плохо* то, что это еще не развито у тебя. А будет чудесно, если ты скажешь об этом. Скажешь — если *уже* знаешь и решила, и пуантируешь в душе, как подлежащее постепенному и для себя самой, может быть, незаметному прояснению, а затем написанию, — если *еще* не решила.

Хочется, напр<имер>, знать: что такое стилизация на сцене? в чем ее сущность? во всякой ли пьесе она допустима и поскольку? или не во всякой и почему не во всякой? касается она только линий? или линий и красок? или, кроме пространственного, еще и внутреннего, психического? и не есть ли *новая* «цельность» сценических постановок — эта самая стилизация? и как относится *цельность* всей постановки к отдельным составным моментам? К вещественному и к индивидуальности артиста? и в чем бесконечная возможность новых попыток оцельнения? И в чем сущность *пути* Станиславского (ибо *он* есть дух, движущий ныне театр)? В *переживании* и в *режиссерстве* и в *декорации*?

И если ты не скажешь этого, то кто же теперь может сказать это? А главное: я твердо убежден, что для этого нужны *не книги, а личные восприятия* человека, *любящего* Худ<ожественный> театр так, как ты его любишь, и *внутреннее размышление* над ними. Здесь работа — бесконечно соблазнительная, благодарная и *неотложная*, — ибо постановки Станиславского — до известной степени эфемериды... ¹²

Голубчик мой! Ну за что же ты будешь ненавидеть свои заметки? Они как свежий воздух, который пьешь и вздыхаешь; они *талантливы* и *ароматны*. Их нужно собирать и совершенствовать; и литературная антиномия — размер и качество мысли — не кажется мне столь безвыходной: *одна* теоретич<еская> мысль — может напитать целую заметку. А теперь о Толстом. Я *не сомневаюсь*, что то, что ты имеешь сказать о Толстом и его эстетике (я это чувствовал из разговоров с тобой в Берлине), будет еще свежее и тоньше, чем последние заметки. *Убеждаю тебя* и *всячески* уговариваю: забудь сомнения и всякую скромность, вспомни, что у тебя есть огромный источник для *верного* написания, и пиши. Этот источник — то интенсивное и интимное *ощущение его личности*, которое так цельно и эстетично, так *прекрасно* живет в тебе; мысль, *преломленная* в этом ис-

точнике, — есть «Glückskind¹³ духовного мира», и если за *нее* можно беспокоиться, то... что же тогда вообще можно говорить с уверенностью на этом свете?!...

О Рейнгарде¹⁴ не возражаю: у тебя больше материала, ты больше видела, а о декоративной стороне я, кажется, действительно недопонял. Знаю только, что душа моя полна отврата к этому театру, этим постановкам («Фауст» и «Отелло») и этой игре.

Людам, по их малодушию, свойственно откладывать под конец самое трудное и сложное. Так и я. Я нахожусь в глубочайшей удрученности по вопросу о твоих личных путях и о твоём самочувствии. В высшей степени чувствую я эту трагическую позицию между требованием интимнейшего ядра и «внешними», если можно потерпеть здесь это слово, силами. И так сильно, так настойчиво требует душа, чтобы я сказал тебе: *брось все* и пиши то, что родится в душе и требует к себе внимания. Я понимаю твоё отношение к Струве, но... Ведь слово, данное Струве, сам Струве — ведь это в конце концов и в сущности *эмпирический факт*, и можно ли, следует ли отдавать эмпирическому факту свой «голос», свой «дар» на изнасилование?.. Неужели же мораль, как ни хороша она «сама по себе», годится только на то, чтобы санкционировать *это* изнасилование и всякое другое? И, подходя к этому вопросу, я чувствую каждый раз внутреннее отупение оттого, что у меня есть только *моя воля*, которою не решишь ничего. Но если нельзя отказаться от «Р<усской> м<ысли>» вовсе — *поговори со Струве так, как ты написала мне*, или почти так. Он должен многое понять, что кроме «Русской мысли» и его, Струве, есть ещё *ты* и *что это-то и главное* в высшем смысле этого слова. Он должен понять это и отпустить тебя, если не совсем, то на «через месяц»*, и согласиться на «Речь». Тогда ты будешь писать в «Р<усскую> м<ысль>» о том, что «остается», а в «Речь» — о том, что «уходит», *не стесняя себя* и не давая себя *залопывать*. Неужели же Струве, если он правда Струве, не сумеет найти в себе другой *высшей* точки зрения, неужели он *только редактор* «Р<усской> мысли»?

* Т. е. чтобы готовить через книжку статью.

Тоньше еще и мучительнее, чувствую я, твое отношение к Ю<лии> Л<азаревне>¹⁵. Тут я не решаюсь сказать что бы то ни было. Я просто впитал в себя все, что ты пишешь, и испытал за тебя. Чувствую, однако, что я бы ей написал все как есть. Есть случаи, когда надо просто *верить в человека*, и я *верю*, что если *вера* есть, а она в этом случае должна быть, то *одна личность* ее гарантирует, что будет и в «нем» то, что нужно. Я переживаю Ю<лию> Л<азаревну> так, что лишил бы ее и удовлетворения от сознания, что ее помощь не так непосредственно действительна. И потом... если помогаешь *мне*, так помогай *мне в моем лучшем*, в том, чего я *хочу* как *своего лучшего* и что я *люблю в себе*. И, думается, чудится мне, что она должна это понять и так же пережить.

Больно слушать, когда ты говоришь о том, что ты виновата и понесешь наказание. Боже мой! Неужели *тебе* еще следует быть наказываемой, неужели не довольно с тебя? Нет: что есть во мне бодрости, я бы дал тебе, чтобы ты *твердо шла* за осуществлением того, что ты в себе растешь и любишь. Что в том, что «она» или «они» не верят или сомневаются? Хоть бы *весь мир отрицал*. То, что прет, пусть прет свободно, хотя бы ценою «свинства». Но Струве *должен понять и разрешить* тебя от необходимости понести в душе новую тяжесть, хотя бы и «полугадкого», отказа и «подвода».

Все, что напишешь, все присылай мне: я заранее люблю каждую твою вещь и протестую против твоего обещания ненавидеть ее!

Отношения твои с Люлем чувствуются очень близко и живо из твоего письма, но, видит Бог, если взять все вместе, все осложнения и затруднения твоей эмпирической и сверхэмпирической (главное) жизни — то «бедной девочки» — я не переживал в тебе ни одной минуты. У Тали есть одно свойство: она ощущает в самых сложных и трагических конфликтах, в которых стоят другие, тем менее жалости к ним и тем более «верящего» требования, чем больше и выше ценит стоящего в конфликте и антиномии. Это свойство я заимствовал у нее (конечно, в пределах даденности) и именно так ощущаю теперь тебя. Чем труднее, тем сильнее; чем сложнее, тем бодрее. И верю, верю удивительно твердо, что в пределах *физической* силы *духовно-творческая* обречена в тебе на победу. *Сила*, которая хочет творить в нас, — *не от нас*: вот одна из последних тайн, о которых трудно, и не нужно, и кощунственно говорить. Так и с тобою.

Я не пишу тебе пока больше ни о чем, мой родной, мой близкий Люб; все откладываю, а *просьбу* о студенте не забуду. Непременно пришли мне о «ритме» — интересно и ценно. Сегодня пришло письмо от мамочки. Скажи ей, что я ее нежно люблю.

Котик и ее семья, Луарсаб¹⁶ — не иначе воспринимаются мною, как угнетающе. Подсунула ли ты Луарсабу Фрейда? Не забудь!..

Крепко тебя обнимаю и очень верю в твой путь *из* антиномии и к «себе». Таля тебя и Люля целует. Я тоже.

Твой душою В<аня>.

Непременно напиши, если *что-нибудь* решишь. С Ю<лией> Л<азаревой> я буду осторожен.

Л. Я. Гуревич 1911. 27/14 мая
Гёттинген

Любочка моя!

Ты с трудом только можешь себе представить, как меня тронула та коллекция ругательств, которую я получил от тебя только что. У меня, видишь ли, *всю жизнь* было впечатление, что я на тебя «опоздал» и что разве только необычайная мягкость и любезность твоего душевного капельдинера пустит меня «постоять» на галерке твоей души. Конечно, никто не был виноват в этом, и не потому только, что «обвиноватить *никого* нельзя», а потому, что было очевидно, что *так*, а не иначе сложившаяся констелляция¹⁷ *времен* принадлежит к ряду объективного That bestand'a¹⁸, где категория «вины» *абсолютно* не гнездится. Но брань твоя — *хочет* чего-то от меня, и я на минуту серьезно почувствовал, что я тебе «сгодился»... *

Прежде всего о тебе. «Толстого» мы прочли, конечно, немедленно по получении. Твоя работа приковывает к себе с самого начала глубиной и значительностью *твоего личного* переживания. Она несколько смятенная и порывистая, но это и есть тот верный тон, в котором «прилично» (в высшем смысле этого слова) писать о Толстом. Это самое достойное и по подходу любовное и бережное из всего, что было за последний год написано о Толстом. От этого, конечно, еще больше почувствовалась та личная и мелкодонная болтовня, которой набилась печать после его смерти.

Статья твоя, страдающая и взволнованная, осветила для меня лично Толстого как теоретика красоты совсем по-новому,

* Начало вышло какое-то туповато-жалковатое, но зато проглотился давний глоток.

и если интуитивное ощущение мое верно, то *большинство* сказанного тобою о нем — верно какой-то *внутренней*, не познающей, а постигающей и чующей, волнующей верностью. Чуждость этого необычайного человека и родимость его осязались заново и изблизи; и почувствовалось, как зов и долг: оправдать его искания от того налета или той оболочки чуждающегося идиотизма, в которой душа современного обывателя, ищущая поводов для того, чтобы отмахнуться от назойливого бурава его мысли, — приучила себя воспринимать его искания.

Отличительная черта гения — трагическая борьба за *органически-единое* узрение Несказанного в элементе мысли и в элементе художественного — была свойственна Толстому в особом, своеобразном роде, и это я почувствовал с большою определенностью. Твоя работа беспокоит, и будоражит, и вызывает ощущение того художественного умонастроения, в котором ты сейчас живешь. Хочется, чтобы ты уверенно и бодро шла им в своем творчестве; ведь только «голоса, зовущие в ночи», — суть наши подлинные Вехи. Не кончу сейчас письма; спешно отрываюсь.

Я не писал тебе долго потому, что почти тотчас же по приезде в Гёттинген сделал большое внутреннее усилие и ушел в учение. Усилие было нужно тем большее, что за месяц жадного, пьющего зренья душа отвыкла от категорий рационального, и мне все казалось, что глубокое никак *не* может быть выражено *не* линией и формой, *без* них. Успокоился тогда, когда почувствовал опять, что *может*, но тяготеет и к ним¹⁹.

В настоящее время философия переживает тот момент, когда понятие прожило свое богатство, износилось и протерлось внутренне до дыры. И современные гносеологи напрасно выворачивают его, надеясь починить его как-нибудь или уповая на самочинное внутреннее зарождение в нем нового содержания. *Понятие голодает* по содержанию все сильнее и сильнее; оно вспоминает те времена, когда в нем жило бесконечное богатство, когда оно само несло в себе бездну; понятие жадно тянется к иррациональному, к неизмеримой полноте и глубине духовной жизни. Не *погибнуть* в иррациональном, а *впитать* его и расцвести в нем и с ним — вот чего оно хочет; философия должна вспыхнуть и развернуть неизмеримые недра в себе, не порывая своего родства с наукой, т. е. сохраняя в себе борьбу за доказательность и ясность. Вне этого ей остается или мучитель-

ное умирание на школьных станках, или захлебывание в набегающей пене эмпирической религиозности. Пустословие заразлившегося рационализма и пышнословие самодовольного православничания — вот полюса ее гибели. Душа моя тоскует по синтезу глубины переживания с победною кристалльностью формы и тянется к тем огромным, к тем героям, которые видели этот свет как желанный и путеводный. Есть тысячи видов и оттенков сочетания этих полюсов, но иного уже не захочет тот, кто коснулся и ожегся об этот свет.

Целые гнезда выжжены во мне тем, что я видел, главное во Флоренции. И, возвращаясь к этим гнездам, я сам невольно удерживаю дыхание и умолкаю, чтобы не коснуться недостойно этих мест. Что-то постарело за этот месяц во мне, что-то свернулось и ушло в себя. Знание не только радость и боль, знание — старость и молчание. Что-то медленно, но тяжело и бесповоротно перелаживается во мне, и говорить об этом невозможно. Какие-то углы и опоры вышли из равновесия перед тем, как уложиться окончательно и по-новому.

Завтра к нам приезжает по пути из Лондона и Парижа Юлия Лазаревна. Будет нас, наверное, сманивать в Тегернзее, но мы стремимся в августе на *океан* и хотим ее *туда* сманить. К океану меня влечет неудержимо, и если мы не умрем до тех пор, то это — реализуется. Здесь же мы устроились хорошо; много зелени и тишины, много ученья и иногда даже интересное общение с Гуссерлем и его школой. Пробудем тут, во всяком случае, до начала августа. А в сентябре — в Париж. Командировка моя кончается в декабре 1912 г.; подал прошение о продолжении ее на $\frac{1}{2}$ года; боюсь не дадут, тогда придется вернуться посреди зимы, взять лекции и провести полугодие на бивуаках, ибо квартиры не найдешь в январе. Было бы очень хорошо получить продолжение; тогда удалось бы проехать в конце апреля прямо в Выропаевку²⁰ и до осени 1912 г. сильно подвинуть диссертацию о Гегеле. Иначе, конечно, все затормозится. Возвращаться в Москву тягостно из-за университета; могут забить его сволочью; ревизия, назначенная Кассо²¹, — гнусность мелкого злобствующего хама. Хуже всего то, что за 10 лет своего московского профессорства он мог вышпионить какие-нибудь слу-

чайные упущения, — и теперь думает предать наших суду. Тягостно!..

Лекции мне обеспечены, во всяком случае, на женских юридических курсах. Постараюсь в университете не читать, но могут заставить рано или поздно. Уход всеобщий был, кажется, все-таки героической ошибкой...

Все, что ты напишешь о художниках, — ты обязана прислать мне сюда. Иначе уж я напишу тебе ругалку, но такую, что не вспомнишься!.. Боюсь очень, как бы не сняли Карамазовых со сцены к моему возвращению в Россию. Напиши о Станиславском! Ты знаешь, как я ценю его нунен²² и его феномены! Жадно хотел бы видеть Леонидова²³ в «Карамазовых»!

В последнем письмеце твоим ты ничего не писала о себе, и теперь только я узнал из ругалочки твоей, что ты уезжаешь 20-го в деревню. Страшно одобряю тебя за это; деревня — это незаменимо! Напиши, что будешь делать там, что читать? Что писать? Напиши непременно, говорила ли со Струве? И как теперь твои отношения к «Русской мысли»? Главное — очисти себе место для духа, который ищет себе выхода!

Как хорошо было бы нам: Ю<лии> Л<азаревне>, тебе и нам пожить в августе вместе на океане! Поучиться и поотдыхать и развить свою атмосферу!!

Напиши мне о Люлечке и о маме. Скажи им обоим от меня такое большое и соответственное каждой.

Таля шлет тебе привет и целует Люля и тебя. От нас обоих всем твоим привет. Но письмо это оставь про тебя (впрочем, от мамы оно не таятся).

Написал в марте новую большую вещь о Фихте²⁴, хочу отослать в «Вопросы философии». «Archiv für systematische Philosophie»²⁵ принял мою статью для напечатания по-немецки (это работа о Праве и Силе²⁶); скажи об этом Луарсабу. Котику и ему собираюсь написать.

От Струве не имею пока ничего и очень жалею; хотелось бы очень слышать его непосредственно. Не говорил ли он, когда пустит? Присылают ли они гранки? Это важно! Не послать ли в редакцию отдельно мой адрес? Крепко тебя обнимаю, моя родная и милая.

Твой Ванька.

Л. Я. Гуревич 1911. 13 Aug./31 июля
<Бретань>

Любочка моя!

Сколько ни возвращался я мысленно к тому пункту, на котором сосредоточились за последнее время твои работы, я неизменно выносил впечатление, что суть дела сводится к теоретическо-практическому вопросу о том, что такое «художественность». И вот, мне представляется, что вопрос этот принадлежит к числу так называемых мною «круглых» вопросов, т. е. таких, пограничная оболочка которых до незацепимости гладка и до возвращения к исходному пункту незацепима. Это бывает с вопросами, которые или вовсе и никогда никем не поднимались, или о которых давно не говорилось ничего истинно нового и проникающего; в последнем случае бывает обыкновенно так, что добытое кем-то и когда-то, взрытая зацепка — примаслилась опять и втерлась (от ходового злоупотребления) опять, назад, в свое старое гнездо. И шар проблемы вертится в руках без успеха и без раскрытия. Надо «надкусить» поверхность, как кожу у апельсина...

Для таких вопросов, которым несть числа в логике и вообще во всех философских областях, — за последнее время стал выработываться так называемый «феноменологический» метод, сущность которого (в корне своем он стар, как сама философия) состоит, говоря в двух словах, в следующем правиле: «анализу того или другого предмета должно предшествовать *интуитивное* погружение в *переживание* анализируемого предмета». Значит: фиксируй прежде всего то, что подлежит исследованию (в данном случае «художественность как объективное свойство словесно-изобразительных эстетических созданий»); выбери ряд более или менее ярких случаев несомненной наличности такой художественности (для контраста хороши бывают неровные или смешанные случаи и примеры) и, закрыв глаза на: 1) предрассудки, 2) всякие уже готовые на этот счет теории, 3) на свои собственные предубеждения, 4) на себя как переживающую или преломляющую среду, — уйди с головой в переживание этой художественности; при этом проделывай (противоестественное для цельного переживания) рефлектирующее обрывание его, для ради наиболее адекватной фиксации данного тебе «художественного» в его сущности. Добытое опиши так, как оно было тебе дано. Материалы таких описательных анализов дадут путь к прорыву круглого вопроса.

Этот феноменологический или дескриптивный метод, у сознательного возродителя коего (в логике) я провел теперь все

лето (Гуссерль, Husserl), дает и может дать, несомненно, массу нового и удивительно, непредставимо ценного по своему значению. Там, где виделись пустоты, оказываются заселенные места, где виделись заселенные места, — обнаруживаются мнимые проблемы. Но главное — в гуманитарных, а особенно философских, областях это есть единственный путь к тому «надкусу», о котором я только что упомянул.

Я очертил эту схему кратко и сжато. Но сущность этих операций, которую Husserl характеризует, «sich etwas zur Gegebenheit bringen»²⁷ и «schauen»²⁸, постигается лучше всего в непосредственных самостоятельных опытах. В них возможны и необходимы *повторные возвращения* к одному и тому же переживанию проверки и возобновления процесса; в них важны изолирующие тот или другой момент *эксперименты*, постепенное восхождение от элементарной по составу художественности к исследованию наиболее сложных, глубоких и спорных примеров; нужна известная энергия и настойчивость в выборе материала; страшно полезно бывает общение и взаимная проверка у сходно мыслящих. Особенно последнее может дать много: бодрость в движении, поправки, выяснения. И это возможно потому, что schauen одну и ту же сущность, данную в переживании, может каждый.

Несомненно еще, что все мы нередко фактически проделываем эти или сходные операции или пытаемся их проделать. Но важно признать сущность этих операций и стремиться к их постоянному и сознательному (если не систематическому) проделыванию. Важна, конечно, запись добытого, хотя бы не систематическая.

Пробраться сквозь чащу спекулятивных придумок и рассудочных построений, навязывающихся нашей ленивой мысли (ибо у всех нас она, матушка, склонна на готовеньком выезжать) с бойкостью сухаревских приказчиков, — вот первый, и очень трудный, этап в этой работе. Тривиальненькие ходячести умеют прижиматься в уголок и симулировать свое отсутствие. Но даже если и не вычистишь их — каждый шаг по этому живому пути, сплетающему непосредственную, умирающую в созерцании предмета, интуицию с улавливающим и прикрепляющим анализом, — каждый шаг дарит цветок настоящего познания, во всем, свойственном ему, свежем благоухании.

Было бы очень интересно произвести такой опыт: взять что-нибудь из Чехова (у меня есть с собой IV том марковского издания²⁹), не из самого лучшего, и попытаться сказать, что в нем художественно и почему. И потом написать друг другу

или, если возможно будет, свидеться и обменяться добытым. Я убежден, что ты много пыталась уже на этом пути, не называя, может быть, этого феноменологическим анализом.

Вести из России не радуют. Цинизм последних и готовящихся мероприятий Министерства народного просвещения производит впечатление какой-то жажды побить рекорд, выкинуть не виданное даже еще и в России³⁰. И я не только боюсь, но отчасти знаю как факт, что атмосфера, создаваемая этими мерами, — деморализует многих. Вспомни хотя бы «боязнь» профессоров медиц<инского> института ходатайствовать за увольняемых, дабы «не попасть в опалу, в проскрипцию»³¹ и т. д. Из Москвы долетают иногда вести еще более горькие. Внутренне с тревогой оглядываешься и ищешь, где же тот большой и сильный, который сказал бы нужное, необходимое, что обожгло бы общественную душу, потрясло бы ее и остановило бы те расплзающиеся щели и трещины, от которых шатается и осыпается все, без чего трудно дышать. Горько чувствую отсутствие С. Н. Трубецкого³²; не знаю, кого бы можно было назвать еще после него. Толстой... он далеко стоял от этих кругов.

Тягостно возвращаться в Москву. Я даже не могу представить себе, сколь далеко зашла эта противозестественная дифференциация на «ушедших» и «оставшихся»³³. Знаю только, что появились люди, ругающие ушедших за неэтическую атмосферу, созданную «ушедшими» в университете за то время, пока они были у дел. Как покажется тебе такое суждение: «Правые (т. е. ликующие свиньи) профессора Моск<овского> унив<ерситета> могут ссылаться в оправдание своего поведения на партийность и недостаточную культурность — этичность левых, в бытность их у власти»?

Суждение это выдвигается Б. Кистяковским, не могущим простить факультету, что на кафедру госуд<арственного> права провели не его, а С. А. Котляревского.

Итак: ты был подл; он стал подл; молчи на его подлость, ибо ты был сам подл. В воздухе слышится призыв к совокупной, упоенной соборной подлости...

Не знаю, как придется жить в атмосфере такого давления.

Есть недоразумения, которые не следует исправлять. В своем последнем *большом* письме ты писала по поводу моей мысли, «что я опоздал на тебя». То, что ты написала, было само по себе настолько важно, ценно и существенно, что мне не хоте-

лось разъяснять отсутствие основания для твоих возражений. Под «опозданием моим на тебя» имелось в виду не то, что «ты в прошлом» или что «я не догнал тебя», — а нечто гораздо более простое: у меня было чувство, что в твоём душевном помещении все места, отведенные (не для идей или чувств, Боже упаси!), а для людей, — не только разобраны, но задолго вперед расписаны; или иначе — что отношений к *людям* у тебя настолько много и настолько качественно разнообразных и интенсивных, что тебе самым-таки простым и естественным образом — не до меня. Это было мне больно, но поделать с этим нельзя было ничего: я «пришел» тогда, когда тебя уже «расхватали» и все, что ты могла отвести на «отношения к людям», было (по моему личному убеждению) превзойдено. Я думал и чувствовал, что нужно не о том хлопотать, как бы протереться к тебе, а о том, чтобы отшелушить от тебя побольше народу, претендующего на то, чтобы искупаться в даденной тебе обаятельной душевной благодетели.

Но повторяю: нужно радоваться, что мое мимоходное сообщение о сравнительно совершенно незначительных и отошедших в прошлое переживаньях — вызвало «по недоразумению» столь значительные и мне лично дорогие проявления с твоей стороны. Я всегда мечтал о том, чтобы быть в состоянии «дать» тебе что-либо, хотя бы немножечко...

Твое физическое самочувствие удручает меня. Тем более что эмпирические условия твоей жизни обладают особым даром вязать петли и завязывать узлы, ничему не благоприятствующие. Ощущение такое, как будто хочется заставить тебя что-то оборвать, оторвать или вырвать; но каждый раз, как подходишь конкретно, видишь, как все разбегается под руками, как все оказывается не поддающимся изменению; руки опускаются, и с грустью думаешь о «материальных» невозможностях и о мифичности американских дядей. Все эти «Русские» и иные «мысли» и «Ежегодники» хороши только при условии предустановленной гармонии между пустотой их страниц и исписанностью *моих* листков, гармонией, требующей перемещения последних на первые. Иначе же...

Я теперь ничего не пишу; в молчании есть своя прелесть, свой отдых, покойная глубина. Да, фактически говоря, было бы и некуда. В «Вопросах философии» лежит рукопись, в «Рус-

ской мысли» лежит рукопись, в Германии тоже лежит одна. А в другие места не тянет. Внутренне часто возвращаюсь к вопросу о пошлости и феноменологически стучусь в нее. Если напишу, то позднее или для «Р<усской> мысли», или для «Вопр<осов> фил<ософии>». Писать о ней надо бережно; в самой теме так много суда, обличения и боли, что опасность: больше осудить, чем познать, — очень велика. Надо еще глубже вскрыть источники ее в *самом себе*; и напрасно не понимают люди, что истинный суд включает суд над собой и истинное обличение — самообличение. *Творческое* «нет» есть непременно «нет» по отношению к элементам своего микрокосма. Ненавистность пошлости — неопишуема; у немцев захлебываешься в ней. Все живое воплощение высот — деградирующе. И самодовольство этого вседеградирующего массового хрюка — вопиет о себе не престаая.

Получила ли ты мой оттиск статьи о Штирнере²⁴ и прочла ли его? Хотелось бы слышать о нем хоть два словечка. Я послал его тебе в конце марта из Берлина.

Неопределенность моего положения в смысле командировки действительно велика и неприятна. Вплоть до последнего мига не буду знать — возвращаюсь я немедленно, с тем чтобы жить в Москве $\frac{1}{2}$ года на бивуаках и срыву возобновлять с полгода чтение лекций, — или получу возможность еще поработать спокойно и подвинуть диссертацию настолько, чтобы можно было будущим летом, проскочив в Выропаевку, *начать писать* ее уже текстурально... Угрожающие мне бесквартирные, необеспеченные, хаотически-нелепые $\frac{1}{2}$ года временами очень удручают меня. Главное, что задержатся работы по диссертации; а она у меня и без того не очень мчится. Не хочется подходить к ней как к академическому испытанию и отодвигать на второй план ее научно-творческий характер. Хочется, чтобы это была *Leistung*³⁵, а не смазанная магистерская компиляция. Мечтаю издать ее потом по-немецки; ибо знаю хорошо, что она, так же как и моя последняя работа о Фихте, — никому не будет нужна в России. А в Германии, может быть, кому-нибудь и сгодится.

Главное стремление мое — обуздать в работе формально-методологический, все разлагающий и распыляющий в анализе подход, который мне легок и свойственен, и сделать то, что труднее и важнее: дать синтетически строящее вскрытие. Знаю только, что о чужих мыслях меня больше не тянет писать: как ни старайся, хоть разорвись, — все не то, и чувствуешь себя добросовестным лгуном.

Когда побываешь в Москве и почувствуешь новые подготовки Станиславского, не забудь написать мне о том нарочито. Одна из моих давних и заветных мечт — иметь какую-нибудь связь с этим театром, — может быть, долго еще не осуществится, и я рад, что могу иметь через тебя нити и живые трепетные касания с Конст<антином> Сергеевичем. Этот человек, выдвинувший Россию в сценическом искусстве на то положение, на которое Толстой поставил ее в художественном и морально-философском отношении, имеет какую-то необычайно притягательную силу. От него прекраснее жить на свете...

Я радуюсь сильно океану. Не знаю, может быть, и правда «все — из воды»... Я увидел море впервые в Венеции, на Лидо, и после двухчасового общения с ним трудно было уходить. Тогда-то мы и решили поехать непременно на океан; он должен знать какую-то древнюю, первую мудрость, и известные сомнения должны быть стерты им. Есть пределы, на которых «нельзя» и «неизбежно» должны утрачивать свою непереносность; и другое.

Ю<лия> Л<азаревна> звала нас на Тегернзее; мы звали ее на океан. Она не переносит океана. А для нас он слишком важен. Она была у нас в Гёттингене заездом. Мы хорошо повидались с ней.

Не удивляйся моему молчанию из Италии — и не кори за него. Я убежден, что тебе лишь «потом», позднее стали стерпымы и нужны слова. Вероятно, это и со мной так будет. Но «тогда» и там их не хотелось и не нужно было. Ни самому говорить, ни слышать. Я и теперь говорю о том, что я там видел (хочется сказать: «что там было»), с трудом и иногда с болью. Если другой пережил то же, что я, или сходно, — то это радостно и тогда без слов все ясно; если же он нашел другое — нередко обратное, — то говорить абсолютно не хочется, ибо мои слова профанируют, а его грубы, как конская скребница по языку. Я уверен, что если бы мы с тобой увиделись, то ограничивались бы такими восклицаниями: «А помнишь “это”?! А знаешь “это”?! А еще “это”?!». Но ведь в письме этого не напишешь: выйдет глупо...

А с течением времени, позднее, когда захочется слов и выжженные в душе места обрастут обыкновенной кожей, — мы с тобой увидимся и наговоримся «о Флоренции».

Кончаю на этом, Любочка моя! Адрес мой на месяца два еще до парижского адреса и поселения — годится гёттингенский. Они аккуратно пересылают.

Пиши мне, невзирая на возможные паузы, каждый раз, как тебе будет хотеться; я знаю, что иногда такое молчание, которое мне свойственно, производит впечатление *отсутствия* реакции, но это совсем не то; твое письмо, полученное мною, — ни одним словом своим не пропадает втуне, да и нужно ли говорить об этом?

Передай мамочке и всем Вашим душевный привет от нас обоих. Мы крепко целуем тебя.

Жду ответных звуков и откликов *quam potest velociter*³⁶.

Твой В<аня>.

*Л. Я. Гуревич 1912. 5 дек<абря>
<Москва>*

Любочка моя!

Очень хотелось бы вестей от тебя. Напиши мне при первой возможности о себе и своих делах. Я постоянно «заталкиваю» в себе мысль о твоих материальных делах, до того она беспокоящая и укоряющая. Наконец, на днях докатилось ко мне известие о предстоящем твоём вступлении в художественный отдел «Русской мысли», и признаюсь, что одна возможность такого слуха принесла мне некоторую радость и облегчение. Хотелось бы знать, сколь это вероятно или верно. О предстоящем уходе Брюсова³⁷ слышал еще раньше. Слух сей храню пока от всякого разболта.

У Станиславского после той открытки был в студии всего один раз. Имел с ним еще беседу. В Худож<ественном> театре видел пока только «Гамлета» и «На дне» (играл К<онстантин> С<ергеевич>). «Гамлет» произвел тягостное впечатление. Духовная суть драмы недопонята и недообъяснена. За исключением Лужского³⁸, треть<е>степенных ролей (Розенкр<анца> и Гильд<естерна>, убийцы в Гонзаго) и кое-чего у Качалова³⁹, — игра артистов убога. Крэг⁴⁰ во всей постановке и в замысле явно мешал Станиславскому, и «стиль» пьесы (то, что называю

стилем) вовсе не найден. Есть грубые и элементарные художественные лапсусы.

Впечатление, в общем, такое, что если и впредь <у> Станиславского в атмосфере его исканий будет не хватать принципиализирующего осмысления его гениальных завоеваний, то многие откровения его художественного дара могут и для него самого и в истории сцены поблекнуть, отпасть и затеряться: нет сознания, что «*это завоеванное что-нибудь*» (напр<имер>: говорение зрителю через непосредственную незаметность художественного образа, а не через рефлексивно придуманный и рефлексивно воспринимаемый сценический трюк (декоративного или иного характера); или: необходимость найти единый всеосвещающий духовный стержень *драмы* и сделать его всеопределяющим и все-о-необходимливающим стержнем *постановки*) художественно *необходимо*, а не случайно удачная интуиция, и если необходимо — то почему. По-видимому, недостаточно обставлен и литературно-метафизический анализ драмы. Может быть, я напишу в об этом К<онстантину> С<ергеевичу> письмо.

Зато в личных исканиях своей студии Станиславский изумительно прогрессивен. Глубок и обаятелен. Мешает ему несколько неумение *объяснить*; он гений для *конгениально понимающего* или же для заражающейся об него ординарной души. Но когда этой ординарной душе нужно *объяснить*, то здесь он бывает бессилён: не хватает психологического знания, педагогического дара, фиксирующей предмет *мысли*.

Словом, ему очень трудно справляться с данным ему или его гению эстетическим откровением.

Вот и все пока.

Я живу тихо. Вокруг все кишит человеко-образными. Людей мало. Но зато тем дороже и чудеснее эти люди. Лекции меня утомляют все меньше и меньше. Иногда (по субботам), прочитав 5 часов лекций (от 10—1 и от 2—4), я прихожу домой и сажусь читать или заниматься. То, о *чем* я читаю (лекции), постоянно волнует меня. Слушаю, как в душе растут травы и деревья и все крепнет и сбрасывает свою субъективистичность — она Сама: Очевидность духовных обстоятельств. Пределы моих интересов за это время: Студия Станиславского и Психиатрическая клиника. Диссертация постепенно двигается. Читал в Психологич<еском> обществе доклад «о сущности смысла».

Есть поручение к тебе. Владимир Иванович и Евдокия Ивановна Герье, кои сейчас и до 20 декабря в Петербурге, очень

просят тебя, не выберутся ли у тебя свободные полчаса, чтобы познакомиться с ними и побеседовать о «Записках» Смирновой⁴¹. Евдокия Ивановна стоит сейчас в центре разбора бумаг обоих Станкевичей⁴² и очень нуждается в нескольких указаниях от тебя применительно к той эпохе. Оба они очень стары и почтенны и потому просили *тебя* позвонить к ним в Европейскую гостиницу. Если тебе почему-нибудь нельзя, то хоть напиши им. Они *очень* просили.

Хотелось бы очень повидаться с тобой. Не соберешься ли в Москву? Было бы превосходно!

Припиши мне несколько слов о Кате и Луарсабе. Мы оба крепко целуем тебя и Лелечку. И еще просьба: сообщи, пожалуйста, адрес Ю. Л. Крейцер⁴³.

Таля шлет тебе отдельно еще привет и все собирается написать тебе. Я ее дразню, что она так и прособирается.

Квартирой мы довольны. Прислужой — недовольны. Вот и все пока.

Пиши же.

Твой В<аня>.

Моментами мне кажется, что у меня вырвется скоро из-под пера нечто «о сценической стилизации». Можно ли отдать это тогда Струве? Т. е. *ты*, лично, ничего не имела бы против?

Л. Я. Гуревич 1913. 9 апр<еля>
<Москва>

Любочка моя!

Следуя твоему письму, был у К. С. Станиславского в уборной и беседовал. Беседа имела для меня некоторый результат, хотя определенно отрицательный. Так, К<онстантин> С<ергеевич> объяснил мне, что все, что он себе представляет в виде сотрудничества, — это посещение мною студии *ad libitum*⁴⁴ с возможностью, что случайно подвернутся какие-либо справки, за которыми он тут же на месте мог бы и обратиться ко мне. Что, далее, в какой-нибудь подсобности для книги он не нуждается и что, наконец, какие бы то ни было теоретические занятия с учениками студии они принципиально исключают из программы вовсе. Вообще, беседа произвела на меня впечатление, что он подозревает во мне молодого человека, нуждающегося в заработке или вообще в жизненном устройении; и еще то впечатление, что он говорил тебе о каком-то ином одиночестве, а не теоретически-творческом. Ты была бы не права, если бы подумала,

что я держал себя нескромно или навязчиво или что я теперь уязвлен в самолюбии.

Был, правда, момент, когда самолюбие могло и пострадать, но состоялось обратное, т. е. мне стало неловко и совестно за него. Именно: я выразил ему большое сожаление, что так и не видел его в «Мольере», и сказал, что я просил Сулержицкого⁴⁵ о двух марках на генеральную репетицию. Он ответил: «Ну, знаете, это было невозможно; если мы будем всем служащим давать по две контрамарки, то нам придется три генеральные репетиции устраивать...» У меня не хватило духа сказать ему, что я *не* служащий, но на торговлю марками со стороны ба-рышников я ему указал.

Ну и вот. От посещения студии не зарекаюсь, но думаю, что посещения эти — утомительные, несвоевременные и, в сущности, любопытствующе-бесплодные — сведутся к минимуму сами собой. По отношению же к теории К<онстантин> С<ергеевич> занимает позицию курьезно-обскурантскую; это было просто любопытно слушать, когда они вдвоем с Сулержицким начали в два голоса исповедовать недопустимость теоретических занятий.

В одном могу тебя уверить, что если бы К<онстантин> С<ергеевич> *теперь* меня позвал или зачем-нибудь ко мне обратился, — то я бы с радостью сделал бы то самое, что сделал бы и *до* этого разговора. Но он явно склонен культивировать неинтеллигентность в молодом актере.

Кончаю пока. Не брани меня за не те известия. Поцелуй Лелю от нас обоих.

Шлем тебе привет.

Твой В<аня>.

Л. Я. Гуревич 1914. Сент<ября> 19
<Выропаевка>⁴⁶

Любочка моя!

Слишком давно собираюсь написать тебе, и ты права, недоумевая несколько молчанию моему. Меня особенно тронула твоя вторая открытка, настигшая меня в Москве.

С тех пор как мы расстались с тобой на вокзале в Софии, с нами было следующее. На следующее утро мы двинулись из Софии, взявши двадцатиместный билет до Рущука с распределением «нехватаящих пассажиров»; багаж сдали до Бухареста. Но в дороге, обдумав все, я внезапно предложил повернуть на Варну, с тем чтобы сесть там на русский пароход. Пересадка

совершилась молниеносно и удалась прекрасно благодаря огромной любезности болгар и нашей сплоченности. Проведя ночь в клопином отеле Варны и переплатив за билеты на пароход, мы сели на следующее утро и... поплыли. Нас качало жестоко 15 часов, я заболел первый, мучился 6 раз (!), Таля не поддалась и отделалась дурнотой. В Одессе высадились слабые и разбитые и благословляли судьбу твою; избегнув моря, ты была права. День в Одессе, три дня в пути ж<елезной> д<орогой> и три недели в Судак. Оттуда я телеграфировал Стасюлевичу⁴⁷ и получил ответ, что рукопись⁴⁸, посланная из Вены, не пришла. Дубликат к ней лежит в Вене с книгами на складе. Затем телеграфировал в воинское присутствие и получил ответ, что звание магистра и «постоянное» преподавание в университете освобождают меня от призыва из запаса в армию. Звания магистра у меня нет; программного же преподавания факультет меня лишил весною; термин «постоянного» преподавания университету неизвестен. Тогда телеграфировал в университет, в канцелярию, и через восемь дней получил ответ: «Присутствию сообщено, по отзыву декана (Гидулянова⁴⁹) о практическом рекомендуемом, принимаемом зачете курсе». Это означало, что Котляревский, обозванный мною предателем по телефону, постарался восстановить мой семинарий (но не восстановил моего дополнительного курса) и что Гидулянов не желает поставить в отзыве тот термин, которого требовало воинское присутствие, 6-го мы выехали из Судака, 8-е и 9-е я провел с Талей в Выропаевке и, оставив ее там, поехал в Москву. Здесь узнал, что преподавание в Коммерческом институте тоже освобождает меня от призыва; однако переговоры с Новгородцевым выяснили, что он совершенно не желает дать мне соответственное удостоверение (месть за Котляревского). Поездка в Бронницы (где я приписан) выяснила наконец только 14 сент<ября>, что я освобожден от призыва, т<ак> к<ак> воинский начальник признал отзыв университета подходящим под закон⁵⁰. В этот же день я получил твою открытку и из нее узнал, что есть надежда на то, что рукопись моя спаслась. Немедленно написал Стасюлевичу (ответа еще нет), уехал в Выропаевку. Сегодня переезжаем совсем в Москву.

Вот все внешнее. Возможность, что придется служить войне самыми низшими и элементарными сторонами тела и души, угнетала. С 14-го чувствую себя как бы воскресшим, ибо могу отдать этому делу самое лучшее, что есть у меня, ради чего я жил и работал.

Пока кончаю. Обдумываю публичную лекцию об «истинном патриотизме», пишу вступительную лекцию: «Война как ду-

ховное делание». Чувствую острую потребность сказать тебе, что кроме литературной и общественно-организационной форм участия есть еще одна, с виду незаметная, но неисчерпаемо важная и значительная: *личное общение с ранеными*. За это можно даже отдать вторую форму; ты, как никто, создана для этого и то, что ты им дашь и сама получишь — *огромно!!*

Тяжелый удар, который судьба нанесла Висе и мамочке⁵¹, чувствую живо и остро. На днях напишу ей. Поцелуй ее от меня крепко и духовно.

Обнимаю тебя и Лелю. Напиши в Москву! Как вы все живете войной? Таля целует.

Твой И<ван> И<льин>.

< Приписка: > Куда провалилась «Русская мысль»?

Л. Я. Гуревич 1914. Сент<ября> 26
<Москва>

Любочка моя!

Вчера получил твое письмо и все ломаю голову, как бы подпереть твой бюджет. *Не есть нельзя*, это не исход, а самоликвидация. Не понимаю образа действий Струве, как это можно было согласиться в такое время, чтобы ты «пошла ему навстречу». Хорошо бы тебе устроиться на постоянные «письма из Петербурга» в моск<овские> газеты, «Русское слово», напр<имер>, загребает сейчас колоссальные барыши. В Москве издается еще при участии Д. И. Шаховского⁵² народная газета «Защита». Очень существенно было бы, напр<имер>, выяснить дух Петербурга в отличие от московского духа. Почему тебя совсем не видно в «Русских ведомостях»? Они тоже идут сейчас хорошо. Затруднены сейчас, к сожалению, авансы... Не сходить ли куда-нибудь от твоего имени? Вели.

Настроение Струве — дико. Какая-то ошалевшая мужчина! Он, по-видимому, не видит, что в России духовный подъем все нарастает и все сильнее захватывает интеллигенцию. Поднять подписку на «Русскую мысль» *ничего не стоит*. Необходим ряд статей — экономических, исторических, стратегических, политических, этических и метафизических — о *войне*. Если это будет, — то журнал будет *нарасхват*, если нет, — то Струве должен *своевременно* уступить свое место и передать журнал в более способные и бодрые руки. Я не знаю его статей в «Биржевых ведомостях» — содержание одной из них, переданное мне вчера Бердяевым, — возмутительно. Приглашение студентов в добровольные офицеры:

1) истерично, ибо подсказано шалой и растерянной эмоцией;
 2) нравственно-непозволительно, ибо такие нравственные решения нельзя провоцировать из кабинета газетными статьями; Струве не вербовщик;

3) политически — вздорно и вредно — судьба России не кончается этой войной и интеллигенция *необходима* на «после войны»; к этому она и должна готовиться;

4) стратегически — излишне, ибо новый закон о воинской повинности прямо предоставляет правительству право в случае нужды призвать под оружие студентов, коим есть 21 год и кои имеют отсрочку.

Не менее возмутительна идея Струве о том, что вся Россия должна быть превращена в тыл армии. Я всеми силами работаю и буду работать во имя обратного: *армия должна стать вещественным выражением духовно-творческого подъема в стране. Дух должен понести армию к победе, а страну к обновлению. Иначе не стоит жить!*

Я не марксист, но идеология Струве — торгово-промышленная; его пути и меры годятся только на пользу торгового договора с Германией. Пока я слышал такие воззрения только от Д. Е. Жуковского⁵³, ограниченному и бесплодному уму которого не видно ничего, кроме того, что бьет его по его круглой голове.

Не могу не восстать ввиду всего этого и против твоего ухода из «Русской мысли». «Русская мысль» есть ныне *публичная трибуна* и как таковая — *народное достояние*. Нельзя было (по моему убеждению) отходить от нее так, как деликатный мастер берет расчет у затрудненного хозяина. Частно-правовая концепция представляется мне здесь духовно неверной, и если «Р<усская> м<ысль>» кончится, то возникнет другой и третий журнал. Неврастенически затрясшиеся руки Струве будут заменены более спокойными и духовно бодрыми.

Вообще, Петроград как-то рисуется мне более растерянным и беспокойным. В Москве, наоборот, за исключением кое-каких дам, получивших прозвище «газета Дамская Паника», царит большая бодрость, творческая и организационная. Родзянко⁵⁴ на днях изумлялся тому, что здесь устроено Земским союзом⁵⁵; а он не видел еще частной инициативы. *Каждая* социальная ячейка имеет свой лазарет, где *все* бывают свободно, несут раненым что хотят, говорят с ними свободно и откуда раненые иногда даже ухитряются слетать на родину к своим повидаться. Постоянно можно видеть на улицах пары: раненый — ин-

теллигент, раненый — барышня, раненый — ребенок — гуляют. Их водят в Третьяковскую галерею, в Народный дом; лежащим поют, читают вслух, рассказывают сказки, играют на инструментах. «Мобилизованы» для этого все артисты. Высшие учебные заведения ломаются; посещаемость огромна. Напр<имер>, на первой лекции моего *необязательного* курса в университете было около 150 человек. Курсы наши набиты; да и совсем не только наши. Хотят учиться и совсем не только «слушать о войне».

Евг<ений> Трубецкой и Рачинский⁵⁶ устраивают при Земском союзе лекции *de rebus omnibus*⁵⁷ в пользу раненых; называется так: «Научно-духовно-религиозное осмысление войны». Предполагается читать в Москве, Петрограде и провинции. Пока они получили согласие от: себя, Новгородцева, Котляревского, Булгакова, Маклакова, Ледницкого⁵⁸, Бердяева, Эрн, Давыдова⁵⁹, Вяч<еслава> Иванова, историка Егорова⁶⁰ и меня. Компания — винегрет, но никто не отвечает за соседа; это, по моему, неправильно, ибо воззрения бывают разные Напр<имер>, Гершензон и Эрн прямо близятся к черносотенству. Булгаков в одной из своих первых статей уже оплевал петербургских рабочих, западничество, защитников Бейлиса⁶¹, Белинского и политических либералов, а про правительство так сообщил: «И наше правительство без всяких перемен в личном составе своем стало истинным народным правительством». Однако они клянутся, что Булгаков «больше не будет», а Эрну на «религиозно-военном митинге», предположенном в консерватории 6 октября, не позволили читать о Германии речь под заглавием: «Бронированный свищ», а заставили так озаглавить: «Кризис современной Германии»; однако, уступая Эрну, допустили подзаголовок: «От Канта к Круппу»⁶².

Я обещал им две лекции: «Что есть истинный патриотизм» и «Война как духовное делание». Вторая вчерне готова. Когда буду читать — не знаю.

Если у тебя есть еще нить в «Русскую мысль», то, пожалуйста, узнай у Струве, когда он предполагает напечатать Талю и меня. Я просил его о *корректурах*.

Еще одна просьба: если у тебя сохранилась обложка от моего оттиска (из Вены) или если таковая обложка есть у Луарсаба или Виси, — пошли *ее*, пожалуйста (т. е. обложку), по адресу: Ивану Николаевичу Литенину в типографию Стасюлевича, Вас<ильевский> остр<ов>, 5-я линия, д. 28. Получил ли Луарсаб мой оттиск? Если прочтешь присланные статьи — напиши.

Пока, в ожидании возможных поручений, крепко целую тебя и Лелю. Хочу на воскресенье проехать в Крюковку. Всем привет.

Твой Ив. Ильин.

Богдан Кистяковский так говорит: «Можно надеяться, что война будет вничью и немцев не разобьют окончательно».

*Л. Я. Гуревич 1914. 27 окт<ября>
<Москва>*

Любочка моя!

Сделаю все возможное, чтобы «Война и культура» пригласила Л.⁶³ прочесть лекцию. Не знаю, удастся ли. Ты даже ни слова не написала мне о его умонаправлении в деле войны. Я знаю, что он может быть высок и изумителен, и верю тебе на слово, что он и сейчас на высоте. Но очень возможно, что такого голословного заверения окажется мало для г. г. «Война и культура». Тем более что там нет ни одного, который «принимал» бы «меня без оговорок», а Новгородцев и Котляревский охотнее всего похерили бы меня вовсе. Напиши хоть что-нибудь.

Вчера прочел лекцию. Тезисы, которые плохо передают одну вторую часть лекции, прилагаю. Были Гриша⁶⁴ и О. В.⁶⁵

С 8 до 18 ноября предполагаю ехать в лекционное турне с Трубецким по южным городам. Подбиваю его в Варшаву и Петроград; может быть, и туда съездим. Не соединиться ли мне с Луарсабом для Кавказа? Поговори с ним об этом; скажи ему, что я просил тебя об этом справиться. Тогда можно было бы и списаться.

Сажусь за доклад в Псих<ологическое> общество: «Моральные антиномии войны». Обдумываю еще две лекции: «Что есть истинный патриотизм» и «Война и правосознание» (т. е., собственно, «право и воля к добру»). Лекцию о патриотизме я и хотел бы: 1) прочесть в Москве в пользу евреев и поляков; 2) свезти в Варшаву и на Кавказ.

«Духовный смысл войны» я не вижу никакой возможности направить в «Русскую мысль». Струве до сих пор не напечатал ни Талю, ни меня, хотя печатает всякую дрянь и *не* о войне, а о войне печатает даже неприличные пошлости Эрна и Иванова и пустословие Рачинского и Булгакова. Все эти речи я слышал, и все мы их слушали с тоской и отвращением. Пока Струве не напечатает наших весенних присылок, я не пошлю ему ничего.

Молодежь мужская забрасывает меня записками о том, что им делать в моральном конфликте «за войну и *против* убий-

ства» и какой смысл войны вообще и в частности, — и ждать, пока Струве извлечет к июлю месяцу мою статью из-под «спешного» материала — нет *объективно* никакой возможности. И дам иначе, вероятно сразу отдельно. Очень обнимаю тебя и нежно приветствую. Пиши скорее.

Ваня.

Целую Лелечку.

P. S. Саккер прислал телеграмму. Если спросит — отзовись *незнанием*.

Л. Я. Гуревич 1915. 19 февр<аля>
<Москва>

Любочка моя!

Спасибо тебе за хорошее письмо. Радуюсь, что кусочек моей второй книги, преждевременно отторгнутый мною от родимого лона, пришелся тебе по душе. Цензура хотела на него ополчиться, усматривая в нем «призывы к преждевременному окончанию войны»; вышла задержка на 5 недель, но прокуратура и окружной суд оказались на высоте и ни минуты не колебались. Это признание невинности заставляет меня подумывать о сепаратном выпуске его, так как теперь его уже нельзя преследовать. Я еще не кончил Гегеля, а вторая книга моя растет и зреет; многое уже написано начерно; но Гегеля нужно кончить раньше. Да и лекции (17 часов в неделю!) отнимают много времени. А тут еще пришлось писать «Общую теорию права» для гимназий (основную часть коллективного учебника по законоведению)⁶⁶. Впрочем, это уже идет к концу; важно и для заработка, может быть, будет давать ежегодную ренту. Огорчает меня, что все не удастся выручить рукопись Гегеля из Австрии; семь листов уже *напечатано*, на семь печатных листов в том куске, который австрийцам понадобился, листов на шесть готово уже (в столе лежит) да еще листов шесть-семь нужно дописать. Всего с добавлениями может набраться листов до 30 печатных. Больше всего меня удручает эта задержка потому, что в той духовной борьбе за настоящую философию и за свою независимость, которую я веду сразу на несколько фронтов, все акты критики и отрицания *требуют* положительных, больших работ, дабы превратить посягательство и претензии в естественное и обоснованное дело. Главное во всем этом *метод*, не в смысле абстрактных правил или пустых дистинкций, а в смысле живого, творческого распоряжения внутренними силами души, могущего превратить «просто душу» в «духовное дости-

жение объективного предмета». Философия (логика, этика, эстетика, метафизика) имеет *свой предмет*, столь же объективный, т. е. несравненно более объективный, чем камень, прошибающий голову, или половое влечение, мутящее душу. Это надо не только сказать, а *показать* так, чтобы обнаружились все вывихи и извращения мнимого философствования и псевдорелигиозного словоблудия. Надо указать и показать *ad oculos*⁶⁷, в противовес всем параноидизирующим антропофиям, истерическим православничаниям, субъективным шатаниям, игре в понятия и проблемы, что философия нуждается прежде всего в *честности* и *смирении* и еще, во что бы то ни стало, в *душе, владеющей* своими эмпирическими недугами, травмами, комплексами и неврастениями⁶⁸. Если этого нет, то — все к черту! Книги — гроб «учения» — трупы, всеобщее и явное гниение. Надо *все заново*, и к этому я прежде всего зову мою молодежь. И есть такие, которые оставляют все (буквально) и идут, куда надо. А это великая радость.

В середине января я обратился с вызовом к Эрну.

«Кант и Крупп» должны быть публично обсуждены. Посылаю тебе его фельетон. 29 янв<аря> состоялась грандиозная дезинфекция. Эрн читал доклад о феноменализме, проблема теории познания разбиралась им так: субъект = мужчина; объект = женщина; знание есть соитие между мужчиной и женщиной; это соитие может совершаться различными способами: нормальными и извращенными; теория познания есть «половая онтология»; Кант был евнух и вел флирт с Богом *etc.* Я говорил 1 ¹/₂ часа; я никогда еще никого так не разоблачал, я перервал ему глотку. Когда я кончил и ушел, то у некоторых было впечатление, что от Эрна остался один труп; в эту ночь в нескольких домах (из публики) совсем не ложились спать. А я вернулся домой больной телом и душой; теперь будут бояться. Oderint, dum Metuant!⁶⁹ Подумай! Иванов, Эрн (они живут в одной квартире), Рачинский, Булгаков и Скрябин⁷⁰ усвоили и распространяют следующее: «война» — это совсем не так плохо, это только периферия, а центр в душе гениальных художников, а кровь, которая на войне льется, — благо: ею *мы* очищаемся. Скрябин так и говорит: все, что делается на войне, — только поводы к космической радости. Все эти грязные болтуны привесили к войне свои извращенные садистические и мазохистические чувствованьица и *тлят* воздух; для них война — грациозное мултанское дело⁷¹ (ты помнишь? вспомни!). И все это идет от *Христа*! Они — христиане: ведь это Христос заповедал — очищаться чужою кровью и пить ее. Не чудовищно?! Всю эту гадь — надо

немедленно в окопы, под немецкие пулеметы. Иначе скоро нечем будет дышать!

Ты прислала мне хорошего, умного и чуткого мальчика. Ему нужен только сознательный *путь*: уверенность в *объективности* «внутреннего предмета» и уверенное *умение* овладевать им; меньше «думать», больше «смотреть» и «видеть» и нещадно дезинфицироваться. Говорю это не потому, что рассмотрел его, а потому, что это *всем* нам необходимо, без исключения.

Талину работу о Боттичелли я недавно прочел восьмой раз; вероятно, много раз еще впереди. Каждое чтение уводило меня в новую глубину, иногда неожиданно открывающуюся, иногда чаемую заранее. Мы выпустим ее отдельно, дорогим изданием, с хорошими репродукциями.

22 февр<аля>

Кончаю через три дня; оторвали дела. 20-го был концерт Николая Метнера; вот уже два дня с тех <пор> прошло, а душа все еще насыщена этими исключительными духовными достижениями так, как если бы перевернулись целые страницы жизни. Музыкальная мощь этого человека поистине потрясает и утверждает одновременно. Если приезд его (на 6-й неделе) в Петроград состоится, пойди непременно.

Беспокоит меня твоя заработочная беспочвенность: птицы небесные и то часто присаживаются на землю за пищей, а ты как-то сама все вырываешь из-под себя опорный минимум. Неужели же со Струве совершенно невозможно иметь дело? Я, конечно, понимаю, что мне этого отсюда не понять; но ведь, с другой стороны, его военное ошаление ведь могло бы пройти вместе с войною. Что же бы ты стала делать на *моем* месте в царстве лукративности⁷² и коррупции, именуемом юрид<ическим> фак<ультетом> Моск<овского> унив<ерситета>, или в царстве зложелательного либерального подхалимства, именуемого Моск<овским> комм<ерческим> институтом?! Думается мне, что окончательно со Струве порывать не следует: опомнится; да и «Русская мысль», которая, конечно, вполне не на высоте, думается, имеет еще будущее. Не брани за это особое мнение.

Крепко тебя и Лелю целую. Таля шлет привет.

Твой В<аня>.

<Приписка:> С. Гессен прислал мне зов от Петрогр<адско-го> Рел<игиозно>-фил<ософского> общества⁷³, читать о войне, что хочу. Я ответил, что имею только *напечатанное*, но что если Общество хочет обсуждать мое печатанное, то приеду. Напиши мне, хоть коротко, очень ли это стыдное Общество, *обычно и теперь, в войну?*

<Приписка:> Газетный вклад не мой; верни, прочтя!

Л. Я. Гуревич 1915. Июня 19
<Выропаевка>

Любочка моя!

Ты, наверное, хулишь меня за молчание. Не хули. А сядь и напиши мне, как мы с тобой летом увидимся. Надо обо многом поговорить. Будешь ли ты в Крюковке и когда? Все напиши подробно.

Мы в Выропаевке. Полжизни занято войной, остальное отдаю работе. Война угнетает иногда до такой степени, что начинаешь задыхаться. Беспомощно сжимаю кулаки, страдая еще больше от внутренних немцев, чем от внешних. Мечтаю, что в Москве можно будет делать снаряды, а пока довольствуюсь противогазами... Крестьяне болтают вокруг невообразимую ерунду. Все время приходится держать себя в руках, чтобы остаться на своем *главном* творческом пути до последней возможности.

Достал через Саккера декабрьскую книжку «Сев<ерных> записок» и прочел твою статью. Если бы люди, пишущие и печатающие, *так* думали и работали, как легко было бы жить в русской литературе. Какая царила бы духовная гигиена. Статья чудесна по верности и глубине чувства.

Почему ты мне ее не прислала сама? Я ведь тебе *все* посылаю!

Кончаю «Гегеля» (середина все еще в Вене!) и вынашиваю статью о сущности правосознания. Хотел писать о метафизике Моцарта и Сальери⁷⁴, но под этим заголовком появилось уже так много... пошлости, что отменил. Да и тема сама глубже, чем она взята у Пушкина.

Напиши же мне о своих намерениях! Крепко тебя обнимаю.
Твой И<ван>.

Получила ли ты книгу от Тали, оттиск «Боттичелли»?⁷⁵

Л. Я. Гуревич 1917. 5 июня
<Выропаевка>

Любочка моя!

Дорого бы я дал, чтобы с тобою теперь повидаться и вызнать все о тебе, что ты и как. Известий от тебя не имею, сама знаешь, — аридовы веки⁷⁶. И с тех пор Бог знает, что в нашей России поделалось. Тебе обо мне, наверное, что-нибудь мама сообщила. Да я, кажется, прислал тебе пару маленьких пасквилей собственного пера. Но *мне о тебе* мама не сообщила ни единого словечка.

Поэтому сядь и напиши мне. Только *не* после 1 часу ночи. Тогда лучше не пиши.

Я в Выропаевке с 20 мая (ст. Лазарево Тульской губ.). Почти три месяца работал не щадя живота, организуя и говоря публично. Теперь оторвался и уехал есть и писать. Больше не могу. Да и доктор велел.

Пишу: 1) восьмой по счету пасквиль для народа⁷⁷. 2) Кончаю книгу «О сущности правосознания» (выйдет осенью). 3) Восстанавливаю утерянные главы Гегеля. 4) Редактирую брошюры для народа.

Издательство наше называется: «Издательство преподавателей Моск<овского> университета». Деньги дает Комитет Государственной думы. Люди вошли от общества младших преподавателей, в коем я состою членом президиума. Редакторов пять: по всеобщей истории — Д. Н. Егоров. По русской истории — Ю. В. Готье⁷⁸. По полит<ической> экономии — Железнов⁷⁹ (заменяет Н. Н. Шапошникова). По праву и политике — М. М. Винавер и я. (Два были когда-то к<онституционными> демократами — прочие беспартийны.)

Поэтому очень прошу тебя, если мы тебе подходим — напиши нам, а мы напечатаем! Гонорар! Можно писать или для интеллигенции, или для народа. Можно и туда, и сюда. Гонорар: за печат<ный> лист в 36 000 букв за 25 000 экз. — 250 р.; за новые двадцатипятитысячные серии прибавка — по 175 р. Наши издания перепечатывает Земский союз в Киеве, и тоже приплачивает.

Темы: Порядок или беспорядок?

Что такое демагогия?

Что такое провокация?

Класс или государство?

Одна власть или две власти?

Что такое демократия?

Что такое подкуп на выборах?
 Равноправие женщины.

Если бы ты соблазнилась и сделала, то причинила бы мне
большую радость!

Народная брошюра, пущенная в 100 000 экз., может дать за
 лист свыше 1000 рублей! А я боюсь, что тебе они сейчас ни-
 сколько не помешают. Можно ли надеяться, что ты выедешь из
 Петрограда? Когда ты будешь у мамы, в Ревякине? Напиши!

Я был при старом режиме буржуазным радикалом и федера-
 листом-демократом (прибл<изительно>) вне партий. Я и сейчас
 вне партий (не могу отказаться от драгоценного права на глу-
 посты!). Но в остальном... Я прежде всего сейчас патриот, сто-
 ящий за настоящую аристократию духа.

И потом верую:

Что в искушеньях Божьей кары,
 Перетерпев судьбы удары,
 Окрепнет Русь. Так тяжкий млат,
 Дробя стекло, кует булат⁸⁰.

И только этой верою держусь. И потому с непрерывною бо-
 лью работаю — думая о будущих поколениях нашей чудесной,
 временно падшей, России.

Обнимаю тебя крепко. И жду слов!

Твой В<аня>.

Лелю целую.

Р. S. Неужели Аничка — большевичка?!? ⁸¹

<Приписка:> На днях напишу Луарсабу!

ИСТОРИЯ ОДНОГО СКАНДАЛА

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО И. А. ИЛЬИНА
К А. БЕЛОМУ (Б. Н. БУГАЕВУ)¹

Копия
Открытое письмо
1917. Февр<аля> 6
Москва

Милостивый государь
Борис Николаевич!

С чувством острого стыда и тяжелого отвращения прочел я книгу, выпущенную вами против Эмилия Карловича Метнера².

Я прочел ее всю и, читая, чувствовал себя так, как если бы я, уже одним чтением, становился участником низкой выходки, направленной против благороднейшего из людей. Отсюда у меня непреодолимая нравственная потребность заявить открыто, что книга ваша есть явление постыдное и что все непристойное, напечатанное в ней, возвращается на голову того, кто ее написал.

Есть злобные поступки, которые унижают не того, против кого они направлены, а того, кто их совершает; и чем дольше этот поступок созревал в душе, чем сознательнее и планомернее он подготавливался, тем более он приносит духовного позора тому, кто его обдумал, подготовил и совершил. Когда кто-нибудь поносит человека, говорящего о духовной чистоте и предметном знании, то хула его изобличает его самого и оттеняет своею низменностью высоту истинной духовной жизни. Так, духовный облик Эмилия Карловича раскрывается всем, знающим его, с особенными глубиной и чистотою, он становится для всех нас особенно близким и дорогим после вашей недо-

стойной попытки соединить с его именем целый ряд инсинуаций.

Новое произведение ваше, столь недвусмысленно освещающее вас и всю вашу литературную деятельность, — не дает и не может дать никаких оснований для того, чтобы подойти к вопросу о понимании Гете по существу. Скорбно видеть, что духовное величие не ограждено от прикосновения пошлости; но эта скорбь не может побудить к обсуждению великого предмета в связи с неприличным памфлетом.

А ваша книга есть именно памфлет, приближающийся к пасквилю.

Она имеет не объективный, а вызывающе-личный характер; она все время силится скомпрометировать противника и не останавливается даже перед грубою бранью («скотнодворное животное», стр. 71; «бык», стр. 78; «носорог», стр. 79; «фертик», стр. 79 и т. п.); она вся написана тоном вульгарной демагогии — и потому она есть памфлет.

Но когда вы осмеливаетесь утверждать, что Эмилий Карлович проявлял «неуважение к душевным святыням» и «тащил святыни в базар словесности» (стр. V и 20); когда вы пытаетесь уверить читателя, что он распространяет «прескверную сплетню» (стр. 166); когда вы приписываете ему «максимум безответственной пустоты» (стр. 140) или «спекуляцию на неведении читающей публики» (стр. 138); когда вы осмеливаетесь обвинять его в «наветах» и «изветах» (стр. 64, 65, 173), объявляете его критику — «травлей» (стр. 4, 138) и «призывом к избиению» (стр. 336); когда вы уверяете, что он «нападет на безоружных врасплох» (стр. 8), подобно «разбойнику» (стр. 17), но «целомудренно прикрываясь мотивами» (стр. 78) и т. п., — то памфлет ваш становится пасквилем, ибо распространяет в печати сведения ложные и оскорбительные.

Вам угодно было обогатить русскую литературу пасквилем — и мы примем его как зрелый итог вашей жизни. Он свидетельствует о себе как порождение личной злобы и бессильного отчаяния.

И эта личная злоба, которой хватило для того, чтобы написать отвратительный памфлет в триста сорок одну страницу, прочитав его в корректуре и сверстке и выбросить на рынок, обнаруживает с очевидностью, что это такое за «катарсис» (стр. 38) души, который осуществляется под руководством Рудольфа Штейнера³, курсов коего, по вашему признанию, «нельзя безнаказанно слушать» (стр. 39). Поистине: «По плодам их узнаете их».

Будьте уверены, что я не узнаю вас в лицо и не подам вам руки при встрече. Я не желаю знать вас до тех пор, пока не услышу от Эмилия Карловича, что вы покаянно испросили у него прощения.

*Иван Александрович Ильин,
приват-доцент Московск<ого> университета*

ПИСЬМО И. А. ИЛЬИНА К Э. К. МЕТНЕРУ⁴

1917. 10 февр<аля>

Милый друг!

Вчера, 9 февр<аля>, я отправил Борису Бугаеву, заказным, по его адресу (Арбат, Никольский пер., д. 21, кв. 5), открытое письмо, полную копию с которого при сем прилагаю.

Это письмо было мною предварительно обсуждено с адвокатом, в предвидении дальнейших правовых последствий. В наступлении их сомневаюсь: слишком велика была бы бланманже для него. От третейского же суда и суда чести я намерен открыто уклониться, ибо свой акт рассматриваю не как частно-правовой, а как публично-правовой, т. е. как акт уголовной морали.

До отправки письмо это было обсуждено в интимнейше-замкнутом кругу.

Сегодня мною разосланы первые копии с него, с полномочи-ем показывать письмо всем, кому адресаты найдут нужным. Первые копии получили: К. П. Метнер, А. М. Метнер⁵ и кн. Евгений Трубецкой. На днях будут разосланы дальнейшие.

Пасквиль Бугаева выслать Вам нельзя: объявлено о непропуске книг через границу⁶. Отвечать на него печатно — значит валяться в грязи. Вам надлежит совсем промолчать на него. Копии будут посланы мною всем, в ком я нахожу сочувствие *своей* духовной работе. И, конечно, тем из *Ваших* знакомых, которые окажутся на высоте, т. е. сумеют занять недвусмысленную позицию по отношению к бугаевскому пасквилю.

О прочих делах напишу отдельно. Письмо Ваше от 14/1 I. 1917 получил.

Ваш И. Ильин

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Е. Н. ТРУБЕЦКОГО
К И. А. ИЛЬИНУ⁷

21-го февраля 1917 г.

Открытое письмо.

Многоуважаемый Иван Александрович.

Обыкновенно так называемые «открытые письма» по поводу чьего-либо печатного произведения публикуются во всеобщее сведение путем печати. Обращаясь с открытым письмом на имя Б. Н. Бугаева по поводу его полемики с Э. К. Метнером, вы предпочли прибегнуть к иному способу — Вы отправили по почте копию с этого письма некоторым лицам, Вами избранным, и в том числе — мне.

Тем самым создалась для меня нравственная обязанность откликнуться на Ваше письмо: ибо иначе, *при данном способе оглашения*, мое молчание могло бы быть понято как знак одобрения или сочувствия.

Внимательное ознакомление как с Вашим письмом, так и с книгой Б. Н. Бугаева, приводит меня к заключению, что Вы были в данном случае глубоко не правы. Нет сомнения, что книга Б. Н. Бугаева содержит в себе много резких и даже оскорбительных выражений, в особенности недопустимых, когда речь идет о человеке столь почтенном и во всех отношениях безупречном, как Э. К. Метнер, тут мы имеем прискорбное полемическое увлечение.

Но, каковы бы ни были в данном случае ошибки Б. Н. Бугаева, они не оправдывают той оценки, которую Вы даете его книге («низкая выходка», «отвратительный памфлет» и т. п.), ни — тем более — Вашей попытки изобразить эту якобы «низкую выходку» как «зрелый итог» всей жизни и литературной деятельности Вашего противника.

Общее стремление книги Б. Н. Бугаева заключается вовсе не в том, чтобы опорочить Э. К. Метнера, которого, по его собственному признанию, он «привык уважать» (стр. 19—20), а в том, чтобы опровергнуть его неправильные, с точки зрения автора, мнения о Р. Штейнере. Те оскорбительные выражения, которые там встречаются, могли бы быть опущены безо всякого нарушения общего смысла книги и с большим для нее выигрышем. Приходится пожалеть об этих выражениях, но с не меньшим огорчением приходится отнестись к прискорбной ошибке, допущенной вами. Каковы бы ни были полемические увлечения книги Б. Н. Бугаева, его право на общее уважение остается,

как всегда, несомненным и бесспорным; судить о его духовном облике по этим увлечениям было бы, по меньшей мере, столь же несправедливым, как признавать написанное Вами открытое письмо «зрелым итогом» всей Вашей жизни.

Я понимаю, что книга Б. Н. Бугаева должна была вызвать в Вас желание заступиться за отсутствующего друга, но Вы могли бы это сделать иным, более действенным и более подобающим Вам, способом, — без тех *явных* несправедливостей, которые заставляют всякого беспристрастного человека думать не только о вине Б. Н. Бугаева, но также и о Вашей собственной вине.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности.

Кн. Е. Трубецкой

ОТВЕТ И. А. ИЛЬИНА НА ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО Е. Н. ТРУБЕЦКОГО⁸

В ответ на копию с моего «открытого письма» к Борису Бугаеву я получил 25 февраля с. г. от князя Евгения Николаевича Трубецкого «открытое письмо», копию с коего при сем Вам препровождаю.

По поводу этого письма я должен высказать нижеследующие соображения.

1. В 1914 г. в Москве Эмилий Карлович Метнер, автор книги «Модернизм и музыка» и ответственный редактор издательства «Мусaget», выпустил полемическое произведение: «Размышления о Гете». Книга I — разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма.

В этой книге он подверг суровой и беспощадной, но по форме совершенно корректной и неличной критике, во-первых, суждения Штейнера о Гете и, во-вторых, сущность выдвигаемой Штейнером «Антропософии» как учения, враждебного и настоящей философии, и подлинному искусству. В 1916 г., т. е. спустя два с половиной года, Андрей Белый (Борис Бугаев) выпустил в Москве книгу «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности», изд. «Духовное знание». Эта книга посвящена защите Штейнера и его учения. В ответ на эту книгу я отправил господину Бугаеву открытое письмо от 9-го февраля с. г., копию с которого я препроводил Вам ранее.

2. В своем письме к нему я не входил в рассмотрение предмета полемики по существу и не вижу оснований к этому и

ныне. Я считал необходимым протестовать всеми силами против тех личных, направленных по адресу Э. К. Метнера, — недостойных, оскорбительных и ложных — утверждений, которые рассыпаны по всей книге и вплетены в самую ткань ее. Князь Трубецкой характеризует их как продукт «полемиического увлечения».

Это указание дает или простую психологическую справку, или же основание для извинения поступка господина Бугаева. Между тем полемика есть предметное состязание об истине и никакое увлечение не извиняет и не оправдывает превращение <ее> в нагромождение брани и оскорблений. Книге господина Бугаева присуще именно общее стремление: опорочить Э. К. Метнера, и победу свою в споре он непрерывно ставит в теснейшую связь с компрометированием противника: на протяжении 340 страниц он не устает описывать его как бестолкового, фривольного болтуна (стр. 5, 6, 23, 53, 65, 71, 77, 78, 79, 81, 97, 108, 120, 127, 143, 147, 150, 198, 319, 326, 328, 329, 336), непорядочного (стр. 5, 8, 17, 336), развязного (15, 94, 96, 114, 139, 169) и недобросовестного (стр. 10, 12, 15, 16, 72, 108, 137, 138, 270, 271, 288), как злобное животное (стр. 4, 60, 70, 71, 78, 80, 81, 127, 138, 147, 198, 312, 316), как сплетника (стр. 79, 166), лицемера (стр. 78), лжеца (стр. 78, 271, 312, 315) и клеветника (стр. 64, 65, 173). Прямое опорочение или намеков на него дается почти при каждом упоминании его имени, и самый эпитет «уважаемый» получает значение явного издевательства. Таким образом, «полемическое увлечение», разрастающееся в течение двух с половиной лет довело господина Бугаева до прямых инсинуаций и сделало его книгу именно отвратительным памфлетом, приближающимся к пасквилю.

3. Составляя мое письмо, я отправлялся от глубокого убеждения в том, что появление такой книги имеет совсем не только личное, но и большое общественное значение. Появление печатного произведения само по себе и опорочение в печати благородного человека, кто бы он ни был, являются всегда делом публичным, а потому имеющим общественное значение. Но появление такого произведения, как книга господина Бугаева, заслуживает особого общественного внимания. Эта книга свидетельствует о глубоком вырождении литературных нравов в России, которое подготовлялось медленно и долго и ныне стало приносить зрелые плоды; она свидетельствует о том, что это разложение начало захватывать лица, о которых принято думать, что они посвящают свою жизнь искусству, философии и

религии, лица, которые претендуют на звание духовных вождей и учителей; она заставляет с тревогою и болью думать о том, что русское интеллигентное общество, по крайней мере в известных кругах, повергает философию, религию и искусство в состояние глубокого кризиса: ибо занятие ими уже не является источником хотя бы элементарной духовной чистоты. Книга господина Бугаева есть такое явление русской духовной жизни, о котором нельзя молчать и о котором не должно быть двоящихся голосов или колеблющихся мнений.

4. Мое открытое письмо к господину Бугаеву я решил распространить не в печати, а в рукописи потому, что обращаться к нему с печатным словом, духовное достоинство которого он не умеет уважать, было бы совершенно несоответственно. Обращение в печати всегда есть приглашение к печатной полемике, а приглашать к ней господина Бугаева, только что показавшего, что он способен придать тиснению, — было невозможно: это значило бы поощрять его к продолжению тех неприличных выходов и инсинуаций, которыми наполнен его памфлет. Этот путь явно послужил бы только размножению кривды.

5. Ныне князь Евгений Николаевич Трубецкой указывает мне на «глубокую неправоту» и «прискорбную ошибочность» моего шага и на «явную несправедливость» моего письма. Однако я не вижу никаких оснований к тому, чтобы согласиться с его указанием.

Все мое письмо сводится к утверждению, что тот, кто пытается незаслуженно оскорбить, унижить и опорочить безупречного человека, — оскорбляет, унижает и опорочивает сам себя и компрометирует свое доброе имя, если оно у него до тех пор имелось. Это самоопорочение, выполненное самим господином Бугаевым на 340 страницах его книги; и оно сохранило бы все свое, компрометирующее его, значение, если бы я об этом не писал письма и не назвал бы его поступка надлежащим именем. Мое письмо пытается только ввести в его сознание смысл его поступка и обратить внимание всех на самый корень зла, дабы мы все могли найти его совместными усилиями и вырвать его из нашей жизни. Господин Бугаев оскорбил и опорочил себя самого, а я только указал на это. То, что совершилось, — есть дело его собственных рук.

Но, так как человек присутствует всегда целиком в каждом своем деянии, — так, что одни стороны его личности осуществляют сам поступок, другие содействуют, попускают, удовлетворяются им или, по слабости своей, безмолвствуют; и, так как

каждый поступок каждого из людей есть сосредоточенное скрепление всех нитей его жизни, т. е. созревший итог всего его прошлого, — то злосчастное деяние господина Бугаева, подготовлявшееся им два с половиною года и прошедшее его через все условия печатного осуществления, есть поистине итог всей его прошлой жизни. Несогласие князя Е. Н. Трубецкого, к сожалению, ничего не может изменить в этом объективном обстоянии.

Вот почему я, со своей стороны, имею право на то, чтобы каждый усмотрел в моем письме к господину Бугаеву зрелый итог всей моей жизни, хотя я обдумывал мое письмо всего три месяца.

Чувство собственного достоинства побуждает каждого из нас брать на себя всю ответственность за каждый свой поступок, не укрываясь малодушно за ссылку на «увлечение» или иную слабость, понижающую вменяемость личной души. Человеку достойно нести духовную ответственность за свои дела; и нравственное вменение поступка свидетельствует только о признании человеческого достоинства у того, кто совершил этот поступок и кому он ныне вменяется.

6. Я не могу согласиться с князем Е. Н. Трубецким и в том, что он считает справедливым ставить на один уровень и рассматривать как одинаково прискорбное явление и злобный памфлет, оскорбляющий почтенного и во всех отношениях безупречного человека, и негодующий протест против попытки нанести такое оскорбление. Совершающий злое дело и открыто называющий злое дело по имени — творят, в его глазах, поступки как бы однородные и заставляют его одинаково скорбеть.

Духовная неверность такого отношения говорит сама за себя.

7. Я не знаю, наконец, какие основания имеет князь Е. Н. Трубецкой говорить о несомненном и бесспорном праве господина Бугаева на всеобщее уважение. Каждый из людей имеет право самостоятельно решать, кто заслуживает его уважения и кто — нет. И если кого-нибудь обоснованно лишают уважения, то именно того, кто способен сознательно и намеренно, с явным самоудовлетворением совершать злое дело.

Пусть же каждый, желающий предметно и обоснованно решить этот вопрос применительно к господину Бугаеву, рассмотрит самостоятельно наличность и характер злого деяния.

ПИСЬМО ЭЛЛИСА (Л. Л. КОБЫЛИНСКОГО)
К И. А. ИЛЬИНУ⁹

17 апр<еля> 1917

Базель

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Не имея чести знать Вас лично, однако считаю долгом обратиться к Вам со след<ующими> словами! Получив копию с вашего письма к г. Бугаеву, имеющего общее, принципиальное, идейное значение, весьма «недвусмысленный» характер и касающееся в качестве «лиц, знакомых» с Э. К. Метнером, меня лично и всех с ним вместе работающих (т. е. всех сотрудников «Мусажета»), я счел нужным не только присоединиться к Вашему протесту всеми силами моей души, но и предложить присоединиться к нему также и всем другим сотрудникам «Мусажета». Исключительная этическая ценность Э. Метнера известна *всем* (молчаливо и самому г. Бугаеву и Штейнеру и К°, что лишь усиливает вину клеветничества), двух мнений здесь ни у одного лица вменяемого быть не может, как не может быть двух мнений и о том, почему, *из какого подполья*, с какой целью и каким путем использована <нрзбр.> дряблая личность г. Бугаева в деле составления грязного и лживого пасквиля. Факт становится *идеей*, пасквиль г. Бугаева — ядовитым газом, направленным в лице Метнера против всех нас, против всех работников в сфере христианской религии и европейской культуры.

Уничтожающее, дружное противодействие нас всех системе Штейнера, <которая> через насилие над душами своих адептов чинит насилие над добрым именем и честью всех мыслящих свободно, есть наш общий безусловный долг и акт самосохранения.

Мое письмо к сотрудникам «Мусажета» распространите немедленно всюду, где сочтете нужным, письмо мое к В. В. Пашуканису, секретарю «Мусажета», не должно распространять.

Ваш протест есть единственный путь спасения (если не поздно) и для г. Бугаева — чем сильнее противодействие, тем скорее он ужаснется и одумается!

Начав дело протеста, Вы приветственно обязаны его продолжить до конца, т. е. до организованного дружного противодействия не только против данного факта (пасквиля г. Бугаева против Э. Метнера), но против лжеидейного клеветничества, т. е. против *организованного* антикультурного штейнерианства, ибо

иначе последуют без числа и меры новые факты попирания личностей и идей.

*Искренне уважающий Вас
Эллис*

ПИСЬМО К А. БЕЛОМУ (Б. Н. БУГАЕВУ)¹⁰

Дорогой Борис Николаевич.

Мы уже имели возможность познакомиться с письмом Ильина, Вам недавно посланным, и заранее волновались за то впечатление, которое оно на Вас произведет, не столько ради существа дела, сколько ради Вашего темперамента. Мы настоятельно просим Вас не реагировать на это письмо сгоряча, не повидавшись и не обсудив с друзьями¹¹.

*Григорий Рачинский
С. Булгаков
М. Гершензон
Л. Шестов¹²*

И. А. ИЛЬИН

Письма к П. Б. Струве

П. Б. Струве Берлин. 1922.XI.3

Дорогой Петр Бернгардович!

Две недели по приезде сюда я радовался мысли, что мы скоро увидимся с Вами и поговорим *de rebus omnibus*¹. И вот, две недели я огорчаюсь при мысли, что мы, может быть, не увидимся долго... Вчера я получил Ваше второе письмо; однако и оно не изменило ничего в этом моем настроении.

*Curriculum vitae*² и прошение я прилагаю, но ехать в Прагу и получать «иждивение» от чехословацкого правительства — *rebus sic stantibus*³ не хочу. Посему в прошении я прошу не посадить меня на иждивение, а *только зачислить меня кандидатом на иждивение, rebus aliter stantibus*⁴. И если Вы хотите действительно оказать мне услугу, — то посодействуйте именно этому *кандидатированию, rebus aliter stantibus*.

Я полагаю, что мне и нам (Франку, Бердяеву, Кизеветтеру) вернее, правильнее осесть в Берлине, где русского духовно-культурного очага еще нет, где его *надо* создать, где для этого *уже* открыты и разработаны *все* пути и возможности и где *мы уже* *каптивированы* целым рядом переговоров и соглашений. Здесь уже открывается нами *Философско-религиозная академия*⁵ на средства Американско-христианского союза⁶ и *Русский институт*⁷ на средства Голландско-христианского союза⁸; последний институт *научный и популяризаторский*. При таком положении вещей набиваться всем в Прагу, где дело уже поставлено⁹, было бы просто духовно ошибочным шагом, не вызываемым никакими объективно верными мотивами. Конечно — твердая валюта приятнее; конечно — легче там, где все уже налажено; конечно — студенческий материал в Праге лучше; конечно — профессура в Праге квалифицированнее, деньги

обеспеченнее... Все это — не говоря о сердечном влечении к друзьям. Но — это все не главные весомые в вопросах духовного строительства.

Но если — что не исключено и чего нельзя предвидеть, — здесь все разлезется (ну хотя бы *eventuell*¹⁰ от *Kommunisten-Putsch'a*¹¹) и мы освободимся от принятых на себя обязательств, то мы, кораблекрушенные, постучимся, быть может, в Прагу, и роль наших пражских друзей будет выручающая. Вот что мы трое (Бердяев, Франк и я) считаем правильным и о чем каждый из нас напишет Вам особо. Я изложил это по-своему; *faciant aliter volentes*¹².

Мы выехали из России столь же бодрые и духовно напряженные, сколь сидели там. Эти пять лет я считаю для себя не меньшею милостью Божиею, чем завершительное «изведение» из темницы. Я жил там, на родине, совсем не потому, что «нельзя было выехать», а потому, что Наталия Николаевна и я считали это единственно верным, духовно необходимым, хотя и *очень* опасным для жизни. Мы бы *сами и теперь* не уехали бы, ибо Россия в своем основном массиве — *там; там* она болеет, *там же* находит и найдет пути к исцелению. От постели больной матери, лежащей в беспамятстве и судорогах, — *sua sponte*¹³ *не* уезжают; разве только — оторванные и выброшенные.

Если Вы думаете, что там у нас был духовный застой, — то Вы глубоко ошибаетесь. Нет, там была огромная адская кузница духа; молот сатаны отбирал драгоценные камни от шлака и уцелевшие под его ударами получали новый луч — *черный*, в своем первоначальном, белом сверкании. Без этого *черного луча* — все души бессильны бороться с сатаной.

Я каждый день благодарю Бога за то, что он приобщил меня этому трагическому процессу, этой сатанинской плавильне, исполненной мистериозно-космического значения. Это духовный опыт *ohne seines gleichen*¹⁴. И по приезде сюда мы чувствуем себя не заморенными обывателями, потерявшими пять лет жизни, а (страшно сказать) миссионерами, прошедшими через чистилище и обремененными великою и, может быть, непосильною ответственностью. Может быть — мы малы, слабы, не справимся, но *данное* нам, *взятое* нами и *заданное* нам — исключительно по своей значительности. И с болью смотрели мы оттуда, недоумевая, — почему так идейно пустынна и бесплодна русская эмиграция...

Будущее покажет, чем кто из нас бременеет; но «порожним» выехал только тот, кто при всяких условиях был бы не способен к духовному зачатию.

А пока немцы всемерно идут нам навстречу, поставили нас, изгнанных, в особливые условия (паспортные, налоговые, жилищные, академические), и уже заводятся переговоры об экстраоплачиваемых эпизодических курсах по-немецки в разных немецких университетах. Такими условиями было бы непозволительно пренебречь; здесь веет совсем не личным, а национальным русским делом; и оставлять Русский научный институт Берлина в руках Прокоповичей и Мякотиных¹⁵, предоставляя им демагогировать и облыжно дурачить русскую двухтысячную студенческую массу, было бы столько же предосудительно, сколько превращать Прокоповича в научного порт-пароля¹⁶ русской науки и русской экономики в общении со здоровой Германией.

Учтите же все это, дорогой друг, и согласитесь, что пражский научный бутерброд обойдется пока без нашего немецко-советского идейного маргарина. Nicht?..¹⁷

Как только получу мои рукописи — так обращусь с несколькими Antrag'ами¹⁸ к редактору «Русской мысли»¹⁹.

Крепко жму Вашу руку и горячо Вас обнимаю. Нат<алия> Ник<олаевна> шлет Вам привет.

Ваш И. А. Ильин.

P. S. На какой-нибудь эпизодический курс лекций 4—6 двухчасовых (если это может окупиться — проезд, проживание) — я бы приехал в Прагу с удовольствием. Напр<имер>: «Основные проблемы правосознания»,

или «Основные проблемы фил<ософии> религий»,

или «Миросозерцание и характер»...

Если мое заявление в таком виде покажется Вам *нелепым* (чего мне отсюда не видно, но что, объективно говоря, не исключено), — то бросьте его в корзину.

Одновременно пишу П. И. Новгородцеву, памятуя, что он — мой «оставитель»²⁰ и что я связан с ним, помимо этого, долгими годами академических и сердечных отношений.

Адрес мой: Berlin W. Bayrenther str., 12 Pension Holz. Dr. Ivan Iljin.

П. Б. Струве <1>922.XII.6

Дорогой Петр Бернгардович!

Когда же Вы в Берлин? Дайте знать заранее, чтобы мы могли сообразоваться и координировать наши планы. Мы с Нат<алией> Ник<олаевной> только что выдержали по бурному грип-

пу, и доктор советует хоть на неделю съездить в декабре в Тюрингию или в Харц (выветрить остатки). Вообще, пять лет московского «стояния на посту», да еще с моими легкими²¹, тюрмами etc., надо будет как-нибудь летом покрепче заштопать.

Наш «изгнаннический» Берлин варит разные планы и затеи в 25 котлах. Все хотим «фигурировать»; не вышло бы, что всего-навсего «рируем фигу»... Впрочем — я никуда не тороплюсь и больше всего хочу найти спокойные две-три комнаты и уйти в качественное созерцание и прилежное проращивание глубинных злаков. У меня имеется к напечатанию около 80 печатных листов; но ведь они не уйдут... *Kommt Zeit, kommt Rath, kommt Gurken-Salat*²².

Во всяком случае:

а) Рел<игиозно>-фил<ософская> академия основана и открыта.

б) Лекции при ней начались.

с) Фил<ософское> общество при ней вот-вот начнется.

д) Рел<игиозно>-фил<ософский> журнал основан.

е) Русский научный институт открывается в январе и, кажется, еще что-то.

С. Н. Булгаков изгнан²³; он в Константинополе, получает назначение в Вену, настоятелем Православной церкви.

Здесь Лосский²⁴, Карсавин und mehrere noch²⁵.

Здесь кн. Г. Н. Трубецкой²⁶, который уезжает к себе в Вену 13-го, а с осени думает переселиться в Берлин.

Кто-то зовет нас в Париж на эпизодические курсы за валюту. Русский институт собирается хорошо платить.

Фу! Устал даже от богатства изложенных идей...

Да, еще! Приезжает в Берлин *сам* Б. В. Яковенко. Он будет издавать философический журнал²⁷ на следующих основах:

а) «вдохновляет» журнал он сам!

в) вариться будет новая идеология!

с) идеология называется «идеализм и антиматериализм», или «философия истинного большевизма» (sic! sic!);

д) «*Я решительный сторонник революции; не октябрьской, а всей в ее целом*» (это из его последнего письма ко мне).

После этого ему, наверное, обеспечено сотрудничество Сережи Гессена и дело в шляпе.

Мы оба шлем Нине Александровне²⁸ и Вам наш самый сердечный привет.

Очень Ваш
И. А. Ильин.

Воспитание Ваше на меня подействовало — прошу оценить: какого-то одного запретного слова в письме нет, «каково»?

П. Б. Струве 1923.IV.4/III.22 Берлин

Дорогой Петр Бернгардович!

С. С. Ольденбург²⁹ передавал мне о Ваших соображениях по поводу затеваемой ими газеты. Всемерно разделяю эти опасения Ваши. Я был на редакционном предварительном совещании и вынес ряд тяжелых впечатлений, о которых, переварив их, высказал Сергею Сергеевичу.

Марков — человек умный, волевой и патриотичный. Но необразованный, прямолинейный и *очень* властный. Ни у него, ни у Тальберга (член редакционного центра) нет ни духовной широты, ни *научно* воспитанной совести, ни чуткости, ни такта духовного. Помимо этого — Марков *одержим* (искренно, страстно, «тенеброзно»³⁰) манией антисемитизма: в основе это у него мания *преследования*, с которой он не справляется или справляется редко и с трудом. Его *политика* есть осмысление и «оволение» этой антисемитической мании: всепобедный жидо-масонский кагал гонит Россию в бездну... Таков же и Тальберг. При этом большая властность на их стороне и отсутствие властности у оппозиции редакции (Ольденбург, Чебышев³¹, фон Кеппен).

Все это побуждает меня отойти. Ваши опасения суть верные диагнозы; единства редакционного у них нет, опасность обскурантизма есть опасность реальная*.

Всюду теперь, за каждым углом — двое, трое русских переговариваются о национально-патриотической газете; ищут деньги, строят комбинации; собираются грюндерствовать³² и мало думают о том, что конкуренция здесь вредна и что затонувшая баржа портит фарватер.

Между прочим, к одному из друзей моих обращался русский-американец, некий Ламарк, известный нам еще по московским большевистским тюрьмам и не внушавший там дове-

* Имею данные утверждать, что, помимо этого, у Маркова—Тальберга отношение к нашей Белой армии и ее вождям — двуснастное и *тактически* чревато имеющим однажды вдруг обнаружиться неподдержанием.

рия (особая примета — имеется: нос с заметным ущербом); говорит: под национально-патриотическую газету со Струве и Шульгиным³³ добуду хорошие деньги... Может быть, обратится к Вам лично, несолиден, неубедителен...

Научный институт работает. Атмосфера прояснилась и окрепла; твердый и волевой элемент провел грани, и ничего нежелательного нет даже и на горизонте. Очень хотелось бы, чтобы Ваши лекции состоялись. Савицкий³⁴ расскажет Вам об аудиторрии; много серьезных экономистов. С Балкан началось прибытие отбираемого студенчества. С Главным Командованием солидарная работа рука об руку. Финансов хватит пока до сентября. Совет послов³⁵ сначала опасался от нас немецкой ориентации, но потом, получив доказательства, что у нас одна ориентация — русско-патриотическая и что мы ни копейки у немцев не брали, не просили и не собираемся брать, — прислал нам сочувствия и обещал немножко средств.

На днях вышлю Вам мою речь на открытии Института; она вышла отдельной брошюрой³⁶. Отдельный экземпляр передам в редакцию «Русской мысли». За эту речь меня пакостно излагали Керенский³⁷ и Милюков.

Чек на уан паунд³⁸ получил. К сожалению, его здесь очень трудно и убыточно реализовать. Надо ждать okazji в Лондон.

Если какой гонорар наскребется мне за вторую статью (памяти Трубецкого), то я очень прошу Вас — распорядитесь, чтобы его передали в *кронах* П. И. Новгородцеву (я должен ему 55 крон; остаток он пришлет мне с оказией в Берлин).

Посылать ли вам еще что-нибудь для «Русской мысли»? Если да, то укажите размер — не больше чего?

Если у Вас будет материал для биографических отзывов — недалеко от меня, — пришлите через Глеба Петровича.

Шлю Вам мой самый искренний духовный привет.

Ваш И. Ильин.

П. Б. Струве 1925.VIII.13

Дорогой Петр Бернгардович!

Вы прекрасно сделали, что заявили о непродолжении «этой полемики» на страницах «Возрождения»³⁹. От их статей, которые я только что прочел, просто воняет глупостью и пошлостью; и нет возможности подбирать всю эту ерунду. Да я не для того годами носил в себе проблему «Сопротивления», аскетически, осторожно, ответственно ища верного видения этой основной трагедии человеческого бытия, — чтобы превратить мою работу в уличную тумбу, на которую мочились бы мимохожие левые болтуны... Всю эту тему надо вырвать из их рук. Для этого, кажется мне, надо газетно (увы, журналов нет!! это многое продешевляет...) обратиться к моей книге и ее постановкам и тезисам. Ведь у них в каждой строчке три недоразумения, две вульгарности и две передержки; и ни один из них в книгу не заглядывал... Вся долгая, трудная и минюциозная⁴⁰ работа валится под стол, и вульгарная развязность уже захватала протертую мною лупу...

Во всем этом я различаю две стороны вопроса: *философическую* и *религиозно-православную*. Вторую тоже надо передать в авторитетные руки. Перед отъездом из Берлина я говорил нашему еп. Тихону⁴¹ о том, что богословско-церковная сторона этой борьбы должна вовлечь его и митр. Антония⁴². И он соглашался. Есть вопрос о *православности* такого-то тезиса, и высказаться должны *они*. Сан дает учительное право и авторитет. Помимо того, в Писании есть места, которые должны толковаться именно пастырски во избежание соблазнов. Именно поэтому я их обошел молчанием, а Тихон с кафедры толкует их определительно в *нашу* пользу. Посмотрите, напр<имер>, Луки 22: 35—38. Деяния 5: 1—11. — Ввиду всего этого я сегодня пишу Антонию и посылаю ему статьи Демидова, Вакара, Добронравова⁴³. Книга моя у него есть. Еще очень прошу Вас послать ему из редакции № 15 и № 57 «Возрождения», мои статьи — о Корнилове и «Отрицателям меча». Он, наверное, напишет в «Новое время». Если Вам покажется неудобным посылать ему эти два номера, то пошлите их *мне*, а я пошлю от себя.

Философическая сторона вопроса в *Ваших* руках. Я не вижу, кто мог бы заменить Вас... Существенно было бы, если бы высказался печатно А. В. Карташев⁴⁴; но где? Шульгин написал бы дилетантскую импрессию... Спекторский?⁴⁵ но где? Я отправляюсь от того, что «Возрождение» должно говорить *Вашим* пером о книге.

Но все это Вам виднее...

Отвратительное впечатление производит на меня парижская русская печать. Газета Алексинского⁴⁶ — это сплошная *гнида*! Что за сволочная, подпольно-завистливая «сказка» о Петре и Павле? Что за заметки об интервенции, о союзе с поляками?! А «Последние новости»! Это «благородный» вид ежеминутно передергивающего карты шулера... Эти наставления сверху, эта бесчестность лганья... (П. Г. Виноградов⁴⁷ иначе не говорит о Милюкове, как с презрением.) А там еще эта парочка Филиппова⁴⁸ гвоздает.

Вот уж поистине «некий сосуд» с «пресмыкающимися»; и потом «встань, Петр, заколи и ешь...»⁴⁹

Я все беспокоюсь, как бы они какую-нибудь пакость не сделали. И ведь это все не от «патриотизма»; какое там... Все это трясется: 1) как бы не высекли за блуды, 2) как бы изловчиться и «поспеть», «сесть», «попасть»...

Послал Вам три статьи. Зайцев⁵⁰ пишет мне, что надо держаться «идеала» в 150 строк. Но ведь это же почти афористические броски будут... Подумайте: ведь *журналов*-то нету!! Нельзя же все свести к короткомыслию!

Обнимаю Вас. Не забудьте мою денежную просьбу! И два № — № 15 и 57.

Ваш И<льин>

П. Б. Струве <1925>.X.12. Флоренция

Дорогой Петр Бернгардович!

Получил оба Ваши письма. Второе (с «черносотенством»)⁵¹ — подали только что.

Удар направо считаю абсолютно необходимым, и мне очень жаль, что Вы его не приняли. Я внимательно вчитался в Ваше письмо и, по совести, не знаю, не понимаю, что следует изменить и исправить. Видел и отметки на полях.

Что же, неужели неясно, что я выдифференцировал черносотенство в образ (действительно густопсово-черносотенного) *ки-*

риллизма? ⁵² Но я не убежден в том, что это слово следует произнести. Сказать: «это кириллисты...»

Да, они поносят свой флаг: разве Вы не видели книгу Снесарева? ⁵³ поэму кириллиста Мятлева ⁵⁴ «Клубника Виктория»? В беседах личных они предают свой флаг на каждом шагу...

Да, к ним тянут *католики*. В феврале свящ<енник> Абрикосов, присланный ко мне от д'Эрбиньи ⁵⁵ с секретным поручением, — поносил нашего Вождя ⁵⁶ за масонство и воспевал Кирилловцев и Кирилла как средоточие мудрости.

Договариваться с ними нельзя. Я, по крайней мере, не буду ни при каких условиях. А разве Вы не знаете, что множество слабых и хитрых людей берут у них письменные заручки («признал К<ирилла> государем еще в эмиграции»), — не примыкая открыто? И носят заручки при себе...

Что же я могу со всем этим сделать?

Самый термин «черносотенство» много раз был мною обсужден с Марковым и Тальбергом, относимый туда же и, шире, к неопределенной возможности классово-мстительной правизны. Они соглашались.

Но отказаться от самого *термина* нельзя. Необходимо жгучее и жгущее слово, ляписом прижигающее известные уклоны. «Дурная правизна» — неопределенно. Кроме того, я считаю, что реставрацией этого термина мы:

а) отрезаем благодушное, симпатичное злоупотребление им (я, мол, черносотенец);

б) вырываем зуб с ядом у левых — чтобы они не смели нас отодвигать к черносотенцам...

Удар направо должен быть жестким. Но я, когда еще писал статью, не был уверен, что она Вам подойдет, ибо, месяцами стоя на отлете, нельзя издали учесть всего; и тенденции происходящей в Париже организационной работы ⁵⁷ мне не видны. Я не представляю себе возможности сближения наших групп с кириллистами, хотя Шебеко ⁵⁸ об этом давно старается (вот она, заручка!). Боюсь, что статью мою следует считать безвозвратно возвращенной.

По крайней мере, я *совершенно не знаю*, что мне с ней делать. *Термина* другого *нет*; неужели невозможно упоминать о «Снесареве, Мятлеве, Абрикосове»? Или умолчать об этом гное даже в форме намека? Но это значит обеззубить всю статью.

Недоуменно листаю в статье и *без конкретных указаний* не знаю, что начать. А между тем — ей не место в «Новом времени». Да и без удара направо — мне больше нельзя бить и налево.

Посылаю Вам статью нефельетонного образца.

Ваш <росчерк>.

Чтобы упростить дело, прилагаю «анкетный лист», который Вы проставьте и пришлите⁵⁹.

<Приписка:> Только что получил отписку Керенского в «Днях». Любопытные утверждения насчет сибирского золота...⁶⁰

П. Б. Струве 1925.X.21

Дорогой Петр Бернгардович!

Простите мне карандаш и разрешите ответить по пунктам.

1) К 5 ноября я буду в Берлине и с радостью буду ждать свидания с Вами. Влад<имир> Фед<орович>⁶¹ будет знать мой адрес.

2) На днях вышлю Вам три статьи:

а) фельетон очередной — «Зачем нам идеология».

в) Фельетон «О реставраторстве» — в литературной форме: «отрывок из частного письма». Не боевой, а доказательно уговаривающий.

с) Фельетон «Предел правизны» (вместо «Черносотенство») — переделанный несколько из той статьи.

Тема в) и тема с) — совершенно различные. Тема в) конкретная, историко-политико-тактическая. Тема с) — идеологическая, с организационными выводами; остро ударная, а не мягко расчищающая. *Переделать* статью было невозможно.

3) Всеми силами уговариваю и упрощаю Вас не называть новую организацию⁶² Русской *Партией*. В этом большая опасность: **Вы**, потому что Вы — **Вы**, не имеете права санкционировать *itio in partes*⁶³, т. е. узаконить дробление *до* объединения. Это должен быть *Союз*, а *не* партия; уже по тому одному, что в *союз может войти и партия*, а в партию — ни другая партия, ни другой союз не войдет.

С момента «партии» Вы стали *частью*. Вы *конкурируете*, Вы в состязательном состоянии. Вы не Totalität⁶⁴. А я твердо убежден в том, что надо **Вам** стать *тотальностью*.

4) Я не знаю, что стоит за статьей Крупенского⁶⁵, оставшись невысказанным. Но то, что он высказал, на меня *не* произвело впечатления неприемлемого. Еще яснее сказано у Пильца. Вознаграждение за утерянную землю — я считаю и принципиально, и строительно, и право-сознательно приемлемым и необходимым. Я знаю, что *мужики сами* считают это главною формою

окончательного закрепления земли за ними. В течение пяти лет, что я там был, мужики то и дело приходили к своим помещикам делегатами тайком, нередко отыскивая их в городах, и привозя съестные дары, — и спрашивая о согласии *продать* отобранную и захваченную ими землю, и *мечтая* о купчей. Знатоки крестьянства много раз подтверждали это наше общее наблюдение. В 1922 г., когда пошли весной слухи об интервенции, подмосковные мужики спрашивали нас: 1) правда ли, что нас всех перевешают? 2) а если (sic!) не перевешают, то дадут ли снять озимое? 3) а что землю отберут, так ведь она и впрямь не наша; вот купить бы ее по сходной цене...

Я только думаю, что всем Крупенским следовало бы объяснить, что тактичнее этот выкупной вопрос не слишком муссировать публично.

Ради Бога, не спешите с *партией*!! Жажду увидиться с Вами. Если составите воззвание о *союзе*, то пришлите мне его экспрессом, я телеграфну ответ.

Ваш И<льин>.

<Приписка:> Выезжаю из Флоренции 31 окт<ября>. 1, 2, 3 и 4 ноября проведу в Цюрихе: адрес — Zürich. Schmelzbergstr<asse>, 28. Herr Dr. Hans Trilb⁶⁶, для меня.

Будут *еще* письма отсюда (корресп<онденция>), но, вероятно, я пошлю их уже с севера.

П. Б. Струве 1925.X.28

Дорогой Петр Бернгардович!

Вот Вам статья об аграрном реставраторстве. К ней комментарии.

а) Полемику, направленную на правизну *попутчиков*, я считаю необходимым вести в убеждающем, а не бьющем тоне. Так как в то же время *тезисы* реставраторства мне печатно *не* даны, то надо было фингировать⁶⁷ их. Отсюда литературная форма «отрывок из частного письма» и фигура моего адресата: превосходный человек, имеет верные и вовсе не отвратные предпосылки, но предлагает (по глупости?) аграрную реставрацию.

в) Подписать статью своею фамилиею *я не могу* — все это сплетут с белой идеологией и пойдут мазать и пачкать (не меня — а белую идеологию). Но так как я рожден и вырос в помещичьей родовой дворянской семье, и «оженился» в такую же семью, и полжизни участвовал во всякой аграрности

etc., и знаю мужика, и люблю все это, — то считаю возможным ставить вопрос от лица разгромленного (кто и есть на самом деле) помещика и подписаться «помещик». Это придает всей статье особый колорит, который я фактически в моей жизни имел и имею.

с) Все приводимые мною данные, и постановки вопроса, и указания я имел возможность недавно крепко проверить и приблизить к внутренней современности. Об этом при свидании. За все ручаюсь.

д) Статью эту я не написал бы сам по себе. Сделал это в порядке дисциплины, подчиняясь Вашему запросу. Это было мне трудно, но я учинил «самопонуждение к самопонуждению».

е) Статья вышла несколько длинна. Но уж тут, как хотите: закажите гроб по покойнику. О, статья моя! Sit tibi terra levis...⁶⁸

П. Б. Струве 1925.XII.26

Дорогой Петр Бернгардович!

Вы задали мне очень трудную задачу, и я очень прошу Вас не велеть меня казнить, а велеть мне слово вымолвить,

Ваше доверие и приглашение к подписи этого документа⁶⁹ мне и приятно, и дорого. Вы знаете, каким доверием и отношением с моей стороны Вы давно уже располагаете.

Далее, я должен сказать, что программно разделяю все содержание обращения, и в целом, и в деталях; и с этой стороны для меня нет никаких затруднений к подписи.

Но тут начинаются некоторые затруднения, для устранения которых нам необходимо увидеться и подробно все оговорить. И потому я решаюсь самым убедительным образом просить Вас: отложите опубликование этого документа еще на немного, заезжайте к нам сюда на обратном пути и обсудим все сообща и все-сторонне! Ваш заезд сюда необходим для всех дел. И председатель здешнего Организ<ационного> комитета говорит, что он не может вести дело вслепую и на ощупь, при наличии неясностей и враждебного настроения справа (Кир<илл>) и слева...

Теперь по существу дела.

1. Мне неясна необходимость и целесообразность такого союза в большом всеэмигрантском масштабе. Я не представляю себе многого: отношения союза к другим партийным и непартийным организациям; отношение его к армии и армии к нему; отношение его к Гл<авному> Ком<андовани>ю и обратно и т. д.

2. Далее, я совсем не верю в корпоративное строительство его снизу (особенно пожив в Италии). Также не верю и в олигархическое ведение его наверху. Здесь необходима *одна*, единая, персональная воля, *единая* волевая фигура, которая посвятила бы себя этому всецело, стала бы *пленником* этого дела, ведая *только* его, но его-то уж всюю.

Приняв во внимание Вашу занятость, я должен сознаться, что штатских фигур подходящих я *не* вижу. С нештатскими начнется ряд особых затруднений, которые пугают меня и внушают тревогу.

3. С беспокойством озираюсь я на трения, происходившие за последние годы между В<ысшим> М<онархическим> С<оветом> и Гл<авно>к<омандующим>⁷⁰ по поводу политики и армии.

4. Совсем неясно мне, возможна ли работа *senza argento*⁷¹. Но если невозможна, то не рискует ли дело малокровием; и не повредит ли малокровие этого начинания Делу в общем?

5. Я боюсь, как бы эта организация не стала бы «одною из многих», вместо того чтобы сделаться *κατ' ἐξοχήν*...⁷²

6. Мне неясна *точка* для приложения силы в том случае, если будет *сила* для приложения к точке. Организационный неактивизм кажется мне нежелательным.

7. Я понимаю мотивы, по которым Вы считаете это начинание желательным и даже локально необходимым. Но тревожит меня вопрос о нецелесообразности вызывать лейкоцитоз⁷³ надежд...

Конечно, на все это и на все другое Вы, может быть, скажете мне такое, что я сразу успокоюсь и подпишу. Но войдите же на миг в мою душу: там, где я могу примкнуть с радостью, в качестве «неответственного ведомого», там я затрудняюсь стать «ответственным ведущим», хотя бы и подголоском. Чтобы повести такое дело или хотя бы крепко подпереть его — необходим уверенный пафос все взвесившего и учетшего человека. Подпись — моральный вексель; как дам я его, если мне самому здесь очень многое неясно и тревожно? Как буду я *отстаивать* эту идею, если я с нею еще не справился внутренне?

С тех пор как Вы мне написали об этом впервые — я много и всесторонне думал над нею. И что меня часто больше всего затрудняло, это вопрос — не вызовет ли новая интеграция новых, непредвидимых, но крайне нежелательных дифференцирующих трещин? Мне многое *не видно* — в орлином объеме, в объеме нашего рассеяния; и решать, не увидав, — прямо скажу, *страшно*.

Вот почему я считал бы необычайно важным предварительную подготовку такого начинания *на местах*. Некий объезд архиереем епархии; некую систему закрытых поместных концилей⁷⁴; некие *личные* свидания между архиереями⁷⁵. Ибо если это вызовет разнбой, то дело погибнет в зерне и создаст лишь новое *itio in partes*⁷⁶, — окажется не вселенским, а приходским.

Вы, конечно, может быть, снимете эти мои неопределенности и сомнения. Но мне морально важно, чтобы Вы почувствовали естественность их в моей душе и, может быть, *правильность* этих осторожных рефлексий... Мне было бы существенно, чтобы Вы внутренне сказали *мне*: «Да — все это необходимо взвесить и учесть...»

И в этой-то связи я и решаюсь еще раз всячески просить и уговаривать Вас: приезжайте к нам, примерим все это еще семь раз, прежде чем резать, с В<ладимиром> Ф<едоровичем>⁷⁷ — *Tres faciunt collegium!*⁷⁸

Мне протiwоестественно *не* идти с *Вами* в этих вопросах и делах. И я пойду, наверное, даже не подписавши; но пойду — ведомый и опекаемый; даже в том случае, если не буду верить в дело; в порядке личного доверия к лидеру. Но *позванный*, а не *зовущий*.

Свиду всего этого я очень прошу Вас не считать меня *ни* подписавшим, *ни не* подписавшим; а просящим отсрочки, свидания и введения в лабораторию. Я глубоко убежден в том, что подготовка и обсуждение не могут повредить.

Обнимаю Вас и жду индyльгирующего и обещающего ответа.

П. Б. Струве 1925. XII.27

Дорогой Петр Бернгардович!

На днях я писал Вам в открытке, что, не помещая моих статей, «Возрождение» кастрирует мое вдохновение.

Теперь я написал Зайцеву и Ольденбургу, прося их выслать мне обратно (за мой счет!) мои статьи «Новые люди» и «Революционеры ли мы»; мне думается, что они достаточно уже полежали в портфеле редакции и могут спокойно выйти в другой газете⁷⁹.

Вот Вам пример кастрации. Вы знаете, что я проделал целую работу по вопросу о фашизме: я овладел итальянским языком, я завел знакомства, я был допущен к библиотекам фашистов, я многое выписал, прочел и *художественно выносил*. Все это я лояльно и вернопреданно предоставил «Возрождению». И пря-

мо скажу, что я знаю о фашизме то, что немногим известно. О корреспондентиях моих знают в Италии; о них говорят здесь все читатели «Возрождения».

В последней корреспонденции я обещал биографию Муссолини — «осветить весь его жизненный путь». Редакция поторопилась сделать эту работу ненужной.

Сегодня в номере «Возрождения» нахожу заметку г. Нордова: развязные и приблизительные трактования о биографии и характере Муссолини на основании газетной сплетни, передающей случайный эпизод. И, как обычно, при писании издали, ворох ошибок: биографий Муссолини не множество, а всего одна, и та стала библиографической редкостью и т. п.

Прочтя эту заметку, я откладываю перо и *прекращаю* мои корреспонденции о Муссолини и фашизме⁸⁰. Ибо — у меня *нет* уверенности, что написанное пойдет. А писать для корзины я *не могу* и не буду. Мне необходима *гарантия*.

Такая же гарантия мне необходима и для моих идеологических статей. В начале «Возрождения» Вы писали мне: «пишите, что хотите и о чем хотите». И я понял, что Вы полагаетесь на мой такт и хотите, чтобы мои идейные подвалы, запертые много лет, и мое политическое видение — творчески отперлись для «Возрождения»... Если теперь что-нибудь изменилось в этом, то я усердно прошу Вас — скажите мне об этом *прямо*.

Мне абсолютно необходимо, чтобы редакция «Возрождения» чувствовала, что я *не могу* писать для корзины. Я *творчески мучаюсь* пиша, я *горю* и *трепещу*; и мне необходимы *гарантии*. Иначе я замкнусь, и никакая сила, даже сила *голода*, не заставит меня писать.

Если я не подходящ с моей идеологией для «Возрождения», как мне намекал в августе Зайцев, то это надо сказать мне. Нельзя мою *музу*, да, именно *музу*, дразнить и бросать в корзину. Когда я пишу, то у меня вся душа гудит колоколом, мое перо горит, воля напрягается, как струна, тысяча цензур контролируют вспыхивающие слова и холод сбегает от затылка.

Если «Возрождению» не нужно то, что из этого выходит, — то скажите, скажите прямо! Если редакция решила остановиться на фельетонах (Ябл^{оновский}⁸¹, Тэффи⁸², Ренн^{иков}⁸³ etc.), — то *не заставляйте меня рожать*! Я или смолкну совсем в газетном смысле, или найду себе менее видную дверь.

Остановимся пока на этом.

В октябре Вы заказали мне статью о реставраторстве. Я поработал *четыре дня* с утра до вечера. Статья пошла в корзину. Статья «направо» есть продукт *недельного* труда. Писать кое-

как я не могу. Вы знаете, конечно, что материальный эквивалент абсолютно не компенсирует такой работы. Так писать можно только от *любви* и *огня*. Но клянусь Вам, что моей любви и моему огню предначертаны лучшие судьбы, чем зайцевская корзина!

Верьте мне, что я не напишу ни о чем, ни строки, — пока Вы не успокоите меня!..

Горячо Вас обнимаю и подаю в отставку.

Ваш И. Ильин.

П. Б. Струве 1926.I.4

Дорогой Петр Бернгардович!

Моя «отставка» была, конечно, не «тактической мерою», а психологическим эксцессом. Прошел классический *l'espace d'une nuit*⁸⁴, и я говорю о том же спокойно.

И вот что я говорю.

Всем моим естеством прошу Вас: не повергайте меня в состояние творческой «*frustrane Erregung*»⁸⁵. Это состояние нестерпимое. Оно совсем не проистекает из самолюбия и совсем не равносильно обиде. Оно подобно «петражицковской» «эмоции дразнения»⁸⁶, но направлено не на периферию души и нервов, а на творческие котлы духа. Я не умею писать, не приведя их в состояние известного кипения при *открытой* крышке. Затыжка в печатании (а «Новые люди» лежали 17 дней) вызывает эффект *захлопнувшейся* крышки при воде, *раскипевшейся* в открытую. Я молчу газетно с 1918 г. («Утро России»). И мог бы еще долго молчать. Но вы сняли печать с запечатанной кастрюли, и она поверила Вам. Я *не всегда* волен написать «заказанное». Обрывать же на 200-й и 300-й строке мне *всегда* трудно: телеграфный столб только разгудится — и ток больше не нужен. А если у меня появляется сомнение в том, что я, может быть, «кипел» и «обрывал» зря — и что «оборванные» «нити» должны засохнуть (или «пары» обречены на то, чтобы охладиться или куда-то уйти внутрь), — тогда я начинаю *задыхаться*, мне легче совсем замолчать — моя личность начинает давать трещину, и в трещину течет «лава» «протеста» и «отставки»...

Вот почему я трясу цепями от времени до времени. Чтобы откачать внутренний напор, мне бы нужно было писать «фельетон» каждые три дня.

Вся эта «термодинамика» и «вулканистика» мною переживается остро и тягостно. Здесь нет ни «капризов», ни «дурного характера» или «неуживчивости».

К этому, однако, добавлю: я *мнителен* — не верю людям, жду от них обычно неискренности и враждебности. И это (не смотря на то что это я за собой знаю и этим в общем владею) — есть уже нечто от *mauvais caractere*⁸⁷.

Я несколько раз говорил себе, что духовно гигиеничнее не писать для газет *совсем*, а писать «дневник» «для потомства». Так бы это и было, если бы не Ваше (треклятое) Возрождение и непотребность в активизме. То и другое вызывает необходимость паро-отвода...

Ущербные эмоции.

На основании сих наших объяснений, и паки и паки прося Вас дружески учитывать эти мои особенности, беру свою эксцессную отставку обратно.

Теперь по другому делу.

1923 г. 8 сент<ября> за № 82 был издан приказ по армии, подписанный в Карловцах, категорически воспреещающий всем зарегистрированным чинам участие в каких бы то ни было политических организациях. В<ысший> М<онархический> С<овет> дико ругал и поносил Гл<авнокомандующего> за это, но сделать ничего не мог, и все военные, не вышедшие из политических союзов и организаций, были сняты с учета и считаются порвавшими с Командованием и вышедшими из повиновения. Таких было *крайне мало*.

Для меня это главный камень преткновения. К этому могу только добавить, что П<етр> Н<иколаевич>⁸⁸ в скором времени собирается на север, к своим⁸⁹.

Ждем Вас с нетерпением сюда. Предупредите В<ладимира> Ф<едоровича> о приезде дня за два. Это ему очень важно по своим домашним соображениям. Еще было бы лучше, если бы он знал о Вашем прибытии за неделю.

Ваш И<льин>.

I.5

Что касается моей статьи о «Возвращении земель», то я писал ее без материалов, из памяти, и строго взыскивал с себя, сомневаясь. С тех пор я успел ее прочесть компетентному экономисту*, приезжавшему оттуда, спокойно обдумать ее и, перечи-

* Слушатель мой, много знающий и видевший, ее вполне одобрил. Надо ли говорить, что решающим моментом для меня является Ваше одобрение?

тав, не вижу препятствий к тому, чтобы подписать ее полной фамилией моей; что Вас и прошу сделать при наборе⁹⁰.

<19>26.I.6

Еще раз вскрываю письмо, чтобы сделать две приписки.

1) У В<ладимира> Ф<едоровича> все устроилось, и он ждет Вас в любой момент.

2) Орг<анизационный> ком<итет> ждет с нетерпением Вашего приезда. Они просят меня убедительно просить Вас о выступлении в случае приезда на предмет выяснения Зарубеж<ного> Съезда.

Они мечтают о *публичном* выступлении Вашем, для ради *лейкоцитоза* съездного. Я сомневаюсь в целесообразности *публичного* выступления, но выступление в Орг<анизационном> комитете считал бы *чрезвычайно* важным. А также свидание с «приятелями».

П. Б. Струве 1926.I.9

Дорогой Петр Бернгардович!

Я не могу подписать воззвание⁹¹ при таких условиях. Вот мои мотивы.

1) Необходимость такого объединения видится мною *смутно* и *неуверенно*, сквозь чрезвычайные и *несмутно* видимые опасности осложнений.

2) Вопрос о приказе 82⁹² я изучил внимательно. Гл<авное> К<омандование> *не может* взять его назад без *особых* и *чрезвычайных* условий (вроде *сверхприказа Верховного* Гл<авно>ком<андующего>⁹³). При таких условиях союз или объединит *одних штатских*, или *раздерет* воинское правосознание военно-зарегистрированных. Конечно, черные поднимут вопль, двинут провокационные требования, чтобы Гл<авное> Ком<андование> *запретило* Ваш союз; и Гл<авному> Ком<андовани>ю придется *или* скомпрометировать свою прежнюю и, по существу, *правильную* позицию (Даватц⁹⁴ выпускает на *этих* днях *апологию* этой позиции, и П<етр> Н<иколаевич> пишет мне, что он текст книги⁹⁵ *читал* и одобрил!!) — *или* запретить военным участие в Вашем союзе. Ведь создастся только *смута*!

Неподготовленность такого начинания я считаю *новым бедствием* (Зарубежный Съезд мы переживаем здесь как *первое* бедствие); начнется разнбой на радость врагам и на наше всеобщее смущение.

Я, по совести говоря, *не вижу*, почему это начинание до такой степени *неотложимо*?! Вопрос одного *месяца*, и за этот месяц все могло бы быть улажено и подготовлено. Неужели же *предметные* основания, доведенные до очевидности, не могут побудить *молодежь* остановить *опубликование* этого дела?! На что же тогда самообладание? Какие стихии прорвались — я абсолютно не разумею!!

Но с такими сомнениями и предвидениями брать на себя *ответственность активного призыва* — я не могу; *морально и общественно* это было бы с моей стороны *малодушие*!

Меня до *последней степени* огорчает, почему *Вы считаете правильным мучить меня втемную*?! Почему Вы сговариваетесь *лично и основательно* в Париже и в Праге — и заглазно ставите меня (и нас здесь!) перед *fait accompli*?⁹⁶

Я говорю «мучить» потому, что Ваши последние, почти катастрофически стукающие меня и, по существу, «ультимативные» письма вызывают во мне самые тягостные колебания и тревоги! Мне *очень* тяжело *не поддерживать* Вас. Но никакое единомыслие и доверие не могут заставить меня *звать и вести* гетерономно и вслепую.

Реально мой отказ для Берлина мало что составит: здесь *пусто*, все наперечет, люди никуда не эволюционируют и всегда, по существу, будут содействовать при единомыслии, что есть силы (и не принадлежа пока к союзу).

Теперь браните меня, как хотите; *rebus sic stantibus*⁹⁷ я не могу дать другого ответа. Но я убежден в том, что *на моем месте* Вы дали бы *такой же* ответ...

Надо ли говорить, что *во всем* остальном *без исключения* все наше единомыслие пребывает и актуализируется?

Обнимаю Вас.

Ваш в огорчении И<льин>.

П. Б. Струве 1926.III.7

Дорогой Петр Бернгардович!

Не могу не поделиться с Вами тем, что меня удручает. Меня тревожит съезд. Сколько ни отводи «кириллистическую» провокацию, нас ждет *марковская* провокация. Позвольте осветить Вам кое-что данными, поступившими ко мне.

1. Маркову *нечем жить*. Богатый и благородный человек⁹⁸, которого Марков захватил несколько лет тому назад, навязав ему свою очень ловкую и жадную любовницу, выдыхается: и

порастряс деньги, и раскусил эту махинацию, и тяготится грубою грязью, расплываемою Марковым вокруг себя, а м<ожет> б<ыть>, и любовница надоела.

У самого же Маркова две семьи.

2. Один из моих приятелей вскрыл мне только что многое из его прошлого. Еще когда М<арков> служил на жел<езной> дороге инженером, *всегда* крал. Это достоверно. Только что русский Берлин был взволнован некою темною историей с векселем, вследствие которой один наш с Вами общий знакомый, доверившийся Маркову, потерял свое последнее состояние.

3. На съезде Марков пойдет ва-банк. Ему терять мало что есть. Приобрести же он хочет многое. У меня есть данные предполагать, что он обрабатывает нужное ему Лицо⁹⁹ через задние двери и через супругу. План же его: *форсировать* дело *восторженной урю*, поставить перед *fait accompli*, СОЗНАТЕЛЬНО и НАРОЧНО вызвать ОТХОД всего более левого, более умеренного, более честного, более умного, менее грубого — захватить руль в свои руки и гнать корабль на *diable mêm — (sic!) porte*¹⁰⁰. И главное, прокормиться. В его планы входит — принудительное (!?!!) финансовое обложение эмиграции.

Я за последнее время к нему особенно присмотрелся: он *совершенно бесчестен, очень груб, крайне необразован* — и пойдет ва-банк.

Уверенно предвижу, что тогда лейкоцитоз вокруг вождя сместится бледною немочью. Положение станет не лучшим, не более умным, чем в Кобурге. *Все станет смешным* и жалким — безвольной, бессильной, безвластной эмиграционной керенщиной — и пойдет прахом.

М<арков> ссылается на бесконечно большую правизну национально мыслящей *внутренней* России. Это *все ложь*. Кроме пары оголтелых черносотников, у него *никого* в России нет: ни организации, ни сношений. Все — его обычная демагогия с «многомиллионными союзами русского народа».

Все круги здешние, немарковского толка, с Марковым и за Марковым НЕ пойдут. *Ни-при-каких-условиях*. Берущий на корабль мерзавца, теряет честных людей.

Насколько я вижу, необходимы такие меры.

1. В самом начале съезда необходимо *всех связать* публично данным честным словом *не оглашать* в печати ничего, кроме допущенного президиумом.

2. Провести *полное отсутствие* на съезде публики и печати.

3. Провести постановление о том, что для известных важнейших вопросов необходимо *единогласие* или квалиф<ициро-

ванное> большинство в $\frac{3}{4}$, а не большинство голосов. Я берусь голосовать один, хотя бы против всех; мне все трын-трава.

4. Добиться *прямого запрета* известных эксцессов со стороны вождя.

О сем не могу не довести до сведения Вашего. Мы только что вдвоем с В. Федоровым¹⁰¹ *мечтали* о том, чтобы *французы запретили* весь съезд. Настолько считаем все это опасным.

Прилагаю:

а) первый этюд о свободе,

б) восьмого Ивера¹⁰².

Обнимаю Вас и постоянно о Вас думаю.

Ваш Семен Петров Чижииков¹⁰³.

P. S. Вы все-таки прикажите мне гонорар за «Письмо в Редакцию»¹⁰⁴ выписать! Это ведь разновидность полемики, а я — при всем моем «бла-ародстве» — беден. Четыре марки и то хлеб!

П. Б. Струве <16.III.1926>

Дорогой Петр Бернгардович!

К Вам поступит «протест» «Русского Общественного Собрания в Берлине» против включения всего состава Вашего главного Организационного Комитета без выборов в состав Зар<убежного> Съезда.

К сему необходимый комментарий.

«Русское Общ<ественное> Собрание в Берлине» есть позиция, искони захваченная марковцами. Оно есть общественный *труп*, долгие месяцы бездействующий и гальванизируемый по партийным интересам в нужные критические минуты. Об этой организации все в Берлине иначе и не говорят, за иное ее не почитают. Просматривая ее список в Орг<анизационном> комитете, я прямо ее и назвал вслух «трупом». Ни веса, ни жизни, ни авторитета она не имеет. Посещаемость ее минимальна, если не фиктивна.

Марковцы хотели провести такой протест через самый Орг<анизационный> комитет, но, встретив мой твердый отпор, смолкли. Я спросил тогда Маркова в Комитете: «Почему вы, Н<иколай> Е<вгеньевич>, всю жизнь относясь презрительно к

выборному началу и только что заявив об этом вслух, вдруг начинаете столь пламенно отстаивать его в этом случае?» Он ответил:

«Конечно, здесь дело не в выборности, а в том, что командную высоту захватили люди, которых я не признаю вождями. Какие они вожди?».

Я ответил: «Значит, ваш протест не принципиальный и не формальный, а персональный. Тогда нам придется разбирать весь состав Орг<анизационного> комитета по личностям, а это дело неверное и партийное. Орг<анизационный> ком<итет> Берлина за это взяться не может».

Вопрос пал. И потом потихоньку от меня был проташен в Обществ<енном> Собрании.

Вторичные выборы произойдут у нас, *вероятно, не ранее 23—24 марта*. Марковцы нажимают, они организованнее, активнее и, вероятно, будут иметь большинство. Какое — не знаю. М<ожет> б<ыть>, и небольшое.

У НАС имеются деньги на проезд: для —

Ильина, Тиволовича, Тубенталя, Соколова-Кречетова; устроим еще Н. С. Арсеньева из Кенигсберга; вероятно, наскребутся деньги на Шлиппе и Давидова; устроим еще присутствие на съезде делегатом Н. И. Глобачеда (генерал, инвалидный деятель). «Экономист» не может ехать, к сожалению¹⁰⁵. Каждая лишняя тысяча франков была бы драгоценна.

Если марковцы выйдут из лояльности и задавят нас голосами, я *немедленно* телеграфирую Вам о *кооптации*. И список фамилий повторю.

Было бы очень важно заявить о визах немедленно, но можно ли это сделать *до* выборов? Прилагаю *наш* список.

Монархисты, несмотря на мои настойчивые торопления, фамилий не дают. Я *предупредил* их, что посылаю предварительный список.

Наш сеньорен конвент убедительно просит Вас напечатать в «Возрождении» мелким шрифтом прилагаемую информацию¹⁰⁶. Это нам совершенно необходимо для борьбы со здешними левыми! У них *есть* пресса («Руль»¹⁰⁷), а у нас нет. И нельзя им позволить фальсифицировать обществ<енное> мнение.

Обнимаю Вас.

Ваш И. Ильин.

1926.Ш.16

П. Б. Струве 1926. VIII.29

Дорогой Петр Бернгардович!

Сегодня получил от Нины Александровны номер «Дней» (15 августа), где некий «Церковник»¹⁰⁸ с упоением излагает статью Бердяева¹⁰⁹ против моего «Сопротивления злу силою». Я еще не знаю, буду ли я отвечать ему *по существу*, но считаю, что тут *совершенно необходимо*, чтобы кто-нибудь *авторитетный, со стороны* (т. е. третий, не Бердяев и не я), отвел бы *решительно* цепно-собачий, грязно-марающий тон бердяевской статьи и констатировал бы объективно, что сказанное мною извращено и не сказанное мною мне приписано. И, главное, что *так нельзя!* Превращение меня в *реакционного чекиста* — и неверно, и неприлично, и просто *подло*. Подумайте: *пять лет* революции в Москве Бердяев преследовал меня своими возражениями на ту тему, что *свобода и личность не нужны государству*, что государство (даже большевистское) держится «*священным гипнозом*» (sic! сказано 100 раз публично). А я защищал *свободу и личность* в строении религии и государства. И ныне, когда к *известному* ему моему тезису я провел *грань* воспитывающей государственности, — он превращает меня в чекиста от реакции...

Статья его злобная и личная. Я *всю жизнь* считал его писания поверхностными, безответственными и вредными; он *догадывался* об этом, знал по сплетням — и *злился*. И наконец лопнул.

Еще одно: мне кажется, что тут должно быть наложено некое veto со стороны *редакции «Возрождения»* и *Вашей* лично. Ибо Вы не можете и не должны допускать «реакционного чекиста» соблазнительно пакостить на страницах «Возрождения». Или он *врет*; тогда надо ему сказать; или он прав; тогда закройте для меня страницы «Возрождения»!!

За этой статьей стоит, конечно, натравливание Гиппиусихи и католической жены¹¹⁰; последняя только не рассчитала — и «досталось» мимоходом инквизиции. Крепко Вас обнимаю и прошу заступы.

Ваш И. И<льин>.

Из очень компетентного источника мне пишут: «К сожалению, попытки втянуть Армию в политику, при попустительстве свыше, не ослабевают».

П. Б. Струве <Без даты; осень 1926 г.>

Дорогой Петр Бернгардович!

Спасибо Вам за сочувственные и ободряющие строки в «Возрождении»¹¹¹. Я умею ценить их. Но нужен еще некоторый отпор Бердяеву лично! До меня доходили только цитаты из «Дней» и из «Нового времени». Что с ним сделалось? Вzbесился он, что ли? Ведь это называется «разводить опиум чернил слюною бешеной собаки»... Он всегда был и самодовольным, и бестактным, и претенциозным. Но ведь это все одна сплошная «личность» и одна сплошная ложь о книге!

Я на днях пришлю Вам копии с нескольких писем архиепископа Анастасия Иерусалимского¹¹² ко мне (он просил их не печатать за его подписью) — и Вы увидите, как обстоит вопрос о «православности» моей книги. Нам надо еще иметь в виду, что здесь вообще организованный поход: они решили — убить книгу, скомпрометировав автора. Напр<имер>, Франк писал даже Анастасию, понося книгу, но тот дал ему отповедь. А Айхенвальд напачкал в «Сегодня» — подвывает Бердяеву¹¹³. Я непременно отвечу и сам¹¹⁴. Ваш И<льин>.

Ум и душа не хотят верить в возможность катастрофы с «Возрождением»>!!¹¹⁵

П. Б. Струве 1926.X.22. Флоренция

Дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам:

1) Копии с четырех писем, полученных мною за этот год от Архиепископа Анастасия Иерусалимского. Они не подлежат печатному опубликованию; он сам этого не хочет. Но среди наших друзей и единомышленников они не могут составлять «секрет». Мне бы лично хотелось, чтобы эти письма были прочтены Вами, Кириллом Иосифовичем, А. В. Карташевым и Вашим сыном Котей¹¹⁶. Скажите ему, что это по моему желанию; год тому назад я получил от него хорошее и тонкое письмо, на которое не ответил (ответить хотелось устно).

2) Еще посылаю статью по поводу выступления Бердяева. Его статью я прочел только на этих днях (доселе знал только по перепечатке «Дней»). Я думаю, что мое опровержение исчерпывает вопрос о том, что именно он сам думает по этому вопросу. И тут, я думаю, авторитетнее всего был бы Ваш личный голос. Он все время делает вид, будто «признает» государственность и

сопротивление силою — и тут же проговаривается: то «душа человеческая стоит больше, чем все царства мира» (стр. 108); то «отрицание свободы зла делает добро принудительным» (110) и «Бог допустил свободу зла» (110) и т. д. Арх<иепископ> Анастасий совершенно прав в своем четвертом письме, говоря о «кумирах» интеллигенции и о ее «фанатизме»; и ранее — говоря о ее малодушии и недобросовестности.

Рад был нашему единомыслию о Столыпине¹¹⁷. Главное, что он — целое течение в русской государственности, *методе* правления и действия.

К концу октября буду в Берлине. Адрес пока на Гефдинга.

Обнимаю Вас.
Ваш И. И<льин>.

Критиковать воззрения Бердяева по существу — я в «Возрождении» не буду. Если что-нибудь родится, то отошлю в «Новое время». Вообще, полемика «лично озаглавленная» мне претит. Хочется иметь дело с *идеями* (хотя бы и ложной), а не с личной психикой ложномыслящего... Если почему-нибудь вопрос «бердяевский» настолько загружен у Вас материалами, что моя статья¹¹⁸ затруднит редакцию, то, пожалуйста, отошлите мне ее поскорее. Но я думаю, что *этой* моей статье место именно в «Возрождении», а не индо!..¹¹⁹

P.S. Ополчился еще Зеньковский¹²⁰; надо ждать Франка и еще кого-нибудь. Горе мне, грешному! Ферфаллен ди ганце пиштройка! Гевалт!¹²¹

PP.S. Книжку Новикова¹²² получил. Напишу.

П. Б. Струве 1927.III.18

Дорогой Петр Бернгардович!

Прилагаемую вещь посылаю Вам для «Возрождения»¹²³. Она значительно меньше моих обычных фельетонов.

Нина Александровна писала мне о болезни Коти. Мы все очень сочувствуем; в Меране ему действительно было бы хорошо.

Что слышно о «Русской мысли»? Идет ли? Есть ли перспектива для дальнейших выпусков?

Недавно прочитал пятый том Деникина¹²⁴. Злоба его, чисто личная, по отношению к Врангелю — привела его к написанию завистливо-нечестного, клеветнического и объективно-зловредного пасквиля. В оценке этой Leistung я совершенно схожусь с

П<етром> Н<ико-лаевичем>. Виноваты, конечно, *мы*: до тех пор замалчивали бездарности, грехи и вины Деникина, пока он не сочинил сам себе апологию, а Врангеля пасквиль. От крепкого выступления против этого дивизионного интеллигента меня удерживает только одно: нежелание самого П<етра> Н<иколаевича>. Ведь достаточно отметить, что он совсем не воспроизвел писем П<етра> Н<иколаевича>, знаменитых писем, которые мы соборне читали в Москве, восхищаясь их волевым, мужественным и честным духом. Достаточно оценить грязные намеки на «известных» якобы ему (Деникину) убийц Романовского¹²⁵. Признаюсь, что для меня (и не только для меня) стоит вопрос, надлежит ли еще подавать руку этому пережившему себя бывшему человеку. Один почтенный генерал рассказывал мне, как М. В. Алексеев характеризовал Деникина: «У него душа штабного писаря». И после этого примите во внимание, что воспоминания Врангеля о возвращении в Крым (Белое дело, том I) набирались и печатались *после* того, как автор этих воспоминаний прочел «пятый том»... И в связи с этим Вы поймете, почему парижские выдвигания и чествования Деникина многими воспринимаются как дело *личное и фальшивое*.

Не менее тягостное впечатление у нас произвело исчезновение господина М<онкевица>¹²⁶. Никто не верит в его мнимое «самоубийство»; есть сведения совершенно иные. И если принять во внимание, что у г. К<утепова> это уже *третий* случай исчезновения конфиденциального сотрудника в бездну, то станет естественным, что *всю* эту «работу» никто уже не желает принимать всерьез, ни помогать, ни «жертвовать», ни даже разговаривать о чем-то¹²⁷. Гиблая затея, безнадежная неспособность, фатальная фигура. Аккумуляция вокруг *пустого и вредного* места.

Третий букет был для нас Неандер¹²⁸. Доколе же, доколе мы будем молчать о «черной сотне»? Я, конечно, понимаю, что Неандер (искони производивший на меня впечатление скользкого и фальшивого человека) провел не только *их* (черных); но вспомните, как они в прошлом году чествовали этого забеглого-перебеглого прохвоста, как они выпустили его в конце съезда с протестом «детей» против «отцов». Это «недовольство молодежи», поддержанное и раздутое черною сволочью, — было чисто большевистскою затеею; скажем себе прямо: *это было делом Г. П. У. и Маркова*. Не потому, что Марков «служит» в Г. П. У., а потому, что их *дух* един по существу, хотя и двоичен в лицах...

Был у меня М. М. Федоров¹²⁹. Мы с ним поучительно и дружелюбно проговорили два часа. Он требовал, чтобы я так же от-

крыто и прямо межевался *направо*, как я это делаю *налево*. Я ответил: *только этого и жажду*; но где? Он сказал мне, что он уже говорил с Вами по этому вопросу; но что Вы не считаете это правильным. Я не углублял с ним этого вопроса. Но Вам скажу, как на духу, что мы *оберегаем черных от света и кислорода* и этим *усиливаем их и развращаем*.

Не подумайте, что я *подталкиваю*; мне слишком присуще *чувство ответственности*. Но созревание процессов *идет неумолимо*, и когда до нас доходят слухи, будто «Возрождение» может перейти к Алексинскому—Маркову¹³⁰, то я *начинаю ЗАДЫХАТЬСЯ ОТ ЯРОСТИ!!!!*

Обнимаю Вас.

Ваш Коля Чижиков.

П. Б. Струве <23. VI. 1927>

Милый и дорогой Петр Бернгардович!

Посылаю Вам два совершенно доверительных редакционных досье¹³¹. Очень прошу Вас, прочтите их и скажите мне Ваше мнение. Что можно — письменно, что нельзя — устно, по моем приезде¹³². Я все сумею взвесить, учесть и оценить.

Не удивляйтесь размеру большого досье. Оно писалось в преддверии дальнейших, больших, перспектив — и лучших времен (*rebus aliter stantibus*¹³³). Конечно, обо всем не напишешь в небольшом журнале; но мне хотелось показать со всех сторон мой замысел — нашей единомышленной эзотерии, чтобы русло это — русло белого единомыслия — виделось не как тропинка, а как столбовой большак.

Деньги поступили; источник их — русский, идейный. Журнал задуман ежемесячный, чисто идеологический; без беллетристики; волевой. Предполагается название «Русский колокол»; подзаголовок: «Журнал волевой идеи». Для распространения обдумываются и принимаются особые меры.

Сотрудники предполагаются немногочисленные, но крепко единомышленные. Состав их я надеюсь еще обсудить с Вами в Париже (конечно, И<ван> Д<авидович>, Н<иколай> А<лександрович>, В<ладимир> Ф<едорович>!¹³⁴).

При всем том я очень прошу вас замариновать все эти сведения, укрыв их под маскою загадочного неведения, не берущего на себя ответственности за новые, хотя и «близкососедские» затеи. Это мне важно и потому, что я связан моральным обязательством интенционально-делового отбора сотрудников, и вся

деликатность, трудность и ответственность этого задания мне слишком ясна! Думается мне еще, что было бы целесообразно, чтобы эта наша новая и крепкая рука жила и действовала, не связывая каждым своим поступком Вас, при большом внутреннем единомыслии и согласии.

На этом пока кончаю. Душевно Вас обнимаю и жду отзвук.

Ваш И<льин>.

1927.VI.23

П. Б. Струве 1927.VII.25

Адр<ес>: Haute Savoie.
Grand Boman.
Hôtel Milhomme.

Дорогой Петр Бернгардович!

Осев на месте, сосредоточившись и пересмотрев мой редакционный портфель, я увидел себя вынужденным обратиться к Вам со следующей большою и настойчивою просьбою.

В конце января я прислал Вам для «Возрождения» две статьи: одну (не помню заглавия) — о необходимости воспитывать в России новое правосознание; другую — о Власти и Смерти. Вы предложили мне тогда отдать их в «Русскую мысль», указывая на то, что они имеют шансы появиться там раньше, чем в «Возрождении». Я писал все мои статьи по известному, внутренне-органическому плану и не раз уже горевал о том, что *эти* статьи не появились своевременно. Но теперь, распределяя материал для «Рус<ского> колокола», я вижу, что они обе совершенно необходимы мне: я не могу промолчать на эти темы и не могу написать то же самое другими словами. А у меня даже нет копии с них.

Поэтому я прошу Вас: будьте так милы, найдите их и перешлите их ко мне, чтобы я мог использовать их в новой органической связи. Если же «Русская мысль» начнет выходить¹³⁵, то я, если Вы захотите, пришлю Вам для нее что-нибудь другое, что меня больше устраивало бы при наличности «Колокола».

С сокрушением думаю о том, что «Возр<ождение>» растрчивает Ваши силы, явно уходя из рук и превращаясь на ходу во что-то иное, на чем Вашему имени вряд ли есть место.

Ваш И. И<льин>.

П. Б. Струве <23.X.1927>

Дорогой Петр Бернгардович!

На днях получил письмо от И. Д. Гримма, «обличающее» меня и мой журнальный замысел во всех смертных грехах. Между прочим, в том, что я втайне намереваюсь работать «наперекор» Вам и «России», нарушить единство белого фронта, «совершить исторический подлог», выдав «мою фил<ософскую> систему» за белую идею и т. п.

На всю эту резкую и злобную, «сердцеведческую» инсинуацию отвечаю не ему, а Вам.

Все, что он пишет о моих «намерениях» и «замыслах», — *злой вздор*, все это *ничему не соответствует*; все это та инсинуация, о которой у Лермонтова сказано: «или друзей клевета ядовитая»¹³⁶. Опровергать все это ниже моего достоинства — нет ни охоты, ни сил, ни времени.

Это не первая попытка так называемых «единомышленников» ударить в стык между Вами и мною. Но для того, чтобы эти попытки не удавались, необходима не только идейность и предметность моей линии, но еще *непоколебимое* доверие Ваше ко мне. Мало моего «неподвижного стояния» — необходима еще недоступность Вашего слуха для шептунов всех рангов и калибров.

Вы как-то сказали публично о той соли, которую мы с Вами съели вместе за ряд лет. И вот, на основании этой соли, я имею моральное право на уверенность, что Вы пошлете и всегда будете посылать всех шептунов — на легком катере!

Я — есмь я. Единожды и навсегда. Мы можем различно оценивать с Вами различные тактические целесообразности; и подобное «расхождение» я всегда первый открыто Вам выговорю. И считаю себя вправе — ждать того же и от Вас.

И точка.

Обнимаю Вас. К 27 буду проездом через Париж на неделю и надеюсь видеться с Вами.

Ваш, как всегда,
И. А. Ильин.

1927.X.23.

Целую ручку Нине Александровне.

П. Б. Струве <29.XI.1927>

Дорогой Петр Бернгардович!

Вчера вышла вторая книжка «Русского колокола». Сегодня она рассылается. Через пару дней будет у Вас. Объявление о

России помещено в том виде, как нам его составил А. И. Бунге. Очень прошу Вас о дружественной обменной рекламе. Текст прилагаю.

По-прежнему Русский Колокол звонит у Ваших дверей («однозвучно звенит колокольчик») и просит Вашу статью о социализме. Выходим мы аккуратно раз в два месяца (чтобы не затоваривать книжный рынок). Тираж наш для начала очень удовлетворителен.

На днях со мною случилось следующее. Ко мне обратился Верховный Круг Братства Русской Правды¹³⁷ (по крайней мере, 30 % его Вы знаете лично и *уважаете*) с просьбой взять на себя единоличный арбитраж, констатирующий их морально серьезный уровень и патриотическое благородство их намерений и усилий. Для дальнейшего опубликования отзыва во всех газетах. Предлагают все портфели и данные. Я не дал им еще окончательного ответа и решил предварительно снестись с Вами. Коллегиальный арбитраж они отводят по условиям Дела и работы. Опорочением же своим крайне тяготятся, считая это вопросом чести, в *данном* случае не поддающимся *дуэльному* разрешению в силу *условий дела* и в интересах единства фронта.

Повторяю, ответа я им не дал и имею целый ряд оснований для отказа. Не потому, чтобы я считал их дело дурным или темным; и не потому, что они дурные люди. Совсем нет. Но потому, что это может оказаться несовместимым с другими, лежащими на мне делами и обязательствами. И тем не менее я очень прошу Вас сообщить мне *Ваше отношение* к этому делу, причем *о нем* я предварительно не сообщу никому.

Душевно Вас обнимаю.

Ваш Петя Синичкин

1927.XI.29.

П. Б. Струве 1927.XII.22

Дорогой Петр Бернгардович

Недавно я получил письмо от Н. Н. Львова¹³⁸, который, уведомляя меня о том, что вступил сотрудником в «Возрождение» (под редакцией Семенова), и раскрывая мне чисто идейные мотивы своего решения, звал меня (по уполномочию) вернуться в «Возрождение» для ревиндикации¹³⁹ газеты белому делу.

Я считал и считаю правильным подходить к этому вопросу *sine ira et studio*¹⁴⁰. Ибо иметь эту газету в белых руках чрезвычайно важно, если не просто необходимо. А рыцарственная

кристалличность нашего Н<иколая> Н<иколаевича> внушала и внушает мне всегда безусловное доверие.

Однако я не считал возможным ответить ему непосредственным согласием. С одной стороны, я полагаю, что необходимы редакционные гарантии — и вообще, и для меня лично в частности. Слухи, доходившие до нас, сообщали другое: а именно будто Н<иколай> Н<иколаевич> вступает редактором или хотя бы ответственным за политическое направление председателем редакционного комитета. С другой стороны, я просил Н<иколая> Н<иколаевича> известить меня, как вскрылся и обговорился вопрос о его вступлении в «Возр<ождение>» между ним и Вами.

Я глубоко убежден, что весь этот вопрос мы все — и Вы, и он, и я, и все наши друзья — обязаны ставить исключительно с точки зрения *русского национального интереса*, отодвигая им все личное, вплоть до полной жертвенности включительно. И я никогда не забуду того момента, когда Вы, будучи редактором «Возрождения», соглашались отойти в почетные сотрудники при *идейно-белом и авторитетном* редакторе. Такую позицию я считаю единственно верной — и национально, и лично.

Но именно с точки зрения целесообразности в национальной борьбе мне *неясно* — следует или не следует Николай Николаевичу начинать борьбу за ревиндикацию «Возрождения» со вступления в него *сотрудником*. Быть может, это — первая ступень к редакторству; тогда его поступок не только жертвенен, но и победоносен. А может быть, и нет? Тогда его поступок будет жертвенен, но может оказаться напрасен. Учесть всю эту сторону возможной целесообразности я издала не могу и считаю здесь правильным аскез силы суждения.

Другое дело, что касается *меня*. Я подробно описал Николаю Николаевичу, до какой степени мне, *заглавному* сотруднику, необходимо *доверие* к редактору; и еще, до какой степени это необходимо *мне* при *моем способе жить и писать*. Я написал ему, что считаю *свое* вступление в «Возр<ождение>» — без *его редакторства* — совершенно *бесцельным*; вступить, чтобы не писать; вступить, чтобы расплеваться; вступить, чтобы с треском уйти?!.. Семенов, осложненный Гефесихой?! При чем тут я?! В порядке *крайнего, жертвенного* нажима на себя — я бы мог временно потерпеть, что в *авгиевой конюшне из-под Львова* рядом с *Гефесихой* и ее упражнениями было напечатано несколько моих статей... Но без *его* гарантии — я там не нужен и вступление мое было бы просто вредно.

Вчера В<ладимир> Ф<едорович> прочел мне Ваше письмо к Н. Н. Львову и письмо «божественного быка» (собств<енно>, «овцебыка») к Вам. Первое мне понравилось и меня порадовало. Гарантия «долгосрочного контракта» — не берусь судить о его безусловной необходимости — была бы превосходна; но, может быть, в порядке жертвенности Н<иколая> Н<иколаевича> мог бы и без нее обойтись; однако гарантия его *редакторства* кажется мне просто насущной. Письмо премудрого «овцебыка» меня позабавило своею пророчесственной глупостью; *удивило* меня не оно, а то, что *Вы его тогда* звали... С него взятки гладки: «потерявши вещи эти, надобно терпети...»

Я, к сожалению, не дождался Вашего письма ко мне и решил вопрос о Бр<атстве> Р<усской> П<равды> до него. Они торопили. Я отказал по соображениям, изложенным в № 1 «Р<усского> кол<окола>» (как хранить тайну)¹⁴¹.

Передайте, пожалуйста, Нине Александровне, что Леве обе книжки посланы.

Душевно Ваш И<льин>.

С наступающими праздниками!

Из переписки И. А. Ильина с П. Н. Врангелем

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину
2 марта 1923 г.*

№ к/1312 Сремски Карловцы,
2 марта 1923 г.

Милостивый государь Иван Александрович.

А. И. Гучков сообщил мне¹ о той сердечной отзывчивости, с которой Вы отнеслись к мысли моей об устройстве некоторого числа молодых людей, оканчивающих кадетские корпуса и военные училища, в высшие учебные заведения в Берлине.

Горячо благодарю Вас за проявленное участие и готовность помочь этому начинанию.

Открываемый в Берлине при Вашем участии Русский научный институт, конечно, явится лучшим прибежищем для нашей учащейся молодежи, стремящейся здесь, на чужбине, завершить свое образование.

Поэтому Вам должно быть понятно то чувство сердечной радости и удовлетворения, которое я испытал, осведомившись, что судьбы наиболее близкой мне части русского юношества, последовавшего за Армией в чужие края, могут быть переданы в столь верные и благожелательные руки.

Одновременно с этим я обратился к В. И. Ясинскому как предполагаемому ректору Института и в его лице ко всей коллегии профессоров с горячей просьбой принять в Институт примерно 300 человек, оканчивающих средние военно-учебные заведения, и не отказать им в своем сердечном попечении и заботах.

Я не сомневаюсь, что авторитетный голос профессорской коллегии Института мог бы привлечь к себе внимание русской и иностранной благотворительности и помочь преодолеть за-

труднения, связанные с устройством слушателей Института в Берлине.

Зная Ваше исключительно отзывчивое отношение к русской учащейся молодежи и Вашу энергию, отданную делу воспитания юношества, я позволю себе горячо просить Вас содействовать осуществлению этого благого дела, отвечающего нашему нравственному обязательству

спасти триста молодых, ценных для России, жизней и подготовить в их лице кадры будущих работников по восстановлению нашего Отечества.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении.

П. Врангель

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
5 апреля 1923 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Любовью, волею, словом и делом я связан с Добровольческой армией с ноября 1917 г.² Так будет и впредь. Я всегда сделаю для нее все, что в моих силах; ее враги будут моими врагами и ее друзья будут моими друзьями. Всякая общественная комбинация, двоящаяся в отношении к ней, внушает мне подозрение и заставляет меня отстраниться.

В армии, руководимой Вами, мне всего дороже ее живое вдохновение, уже превратившееся в волевой характер. Это вдохновение в корне своем *религиозно*; этот характер в строении своем *рыцарственен*. История человечества обогатилась новым *орденом*; Россия рухнула потому, что такого ордена у нее не было; без такого ордена Россия не возродится; падение большевиков и конец революции должны быть не концом его, но укреплением. Идея этого ордена должна быть осознана, выговорена, раскрыта во всей ее государственно-патриотической силе. В разложении мировой политики, культуры и религиозности — это гнездо духовного здоровья. Драгоценнее всего — блюсти его внутренний, вполне не насилуемый и вполне необходимый рост. Я сам — глубоко убежденный монархист; я считаю подлинную монархию одним из самых чудесных достижений духовной жизни. И в то же время я считаю глубоко правильной позицию Главного Командования в этом вопросе: бутон не расковыривают, он расцветает сам; и когда расцветет — явит красоту. В течение ближайших месяцев я буду печатать мои книги, написанные и выношенные в сатанинской плавильне, — о сущности правосла-

знания и о монархии³. Я ни словом не упомяну в них о нашей Армии, ее делах и вождях. Но я взрастил их в том духовно жгучем опыте любви и ненависти, скорби и смерти, в котором я побратался с самого начала с моими братьями на юге. И я не сомневаюсь, что их сердца узнают мою мысль.

Я хотел бы тогда, чтобы в этом обращении моем к Вам, глубокоуважаемый Петр Николаевич, Вы восприняли голос всех моих друзей-единомышленников, которых я оставил в далекой чудесной, но униженной Москве и живым органом которых я себя здесь, в изгнании, чувствую.

Посылаю Вам первое, что напечатал после пятилетнего молчания⁴.

Искренно и глубоко преданный Вам

И. Ильин.

1923 IV.5/III.23

Berlin — Grunwald Jagow Str., 10—11.

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину
27 апреля 1923 г.*

№ к/2053 Сремски Карловцы,
27 апреля 1923 г.

Милостивый Государь Иван Александрович,

Письмо Ваше от 5-го сего апреля глубоко меня тронуло — тронуло сердечностью, проникновенною любовью к Армии, чутким пониманием ее значения и оценкой занятой ею политической позиции.

Дружеский голос особенно дорог в настоящие тяжкие дни.

Особенно дорог мне Ваш именно голос — голос человека, только что вернувшегося из советского плена и имевшего возможность среди скорби и смерти, среди тягостных душевных и физических переживаний оценить красоту подвига тех, которые в 1917 г. подняли русское национальное знамя, втоптанное в грязь большевиками, и начали неравную борьбу с нынешними поработителями России, за которыми шло все то мутное, что всплыло на поверхность в дни русской смуты.

Сознание, что тяжкие испытания последних пяти лет заставили опаматовать русский народ, что Ваши единомышленники, о которых Вы пишете, думают и чувствуют в России так же, как и мы на чужбине, — бесконечно дорого.

Незримые нити, связывающие их, как и Вас, с Армией, ежедневно крепнут и разрастаются, и недалек тот радостный час,

когда ныне находящаяся на чужбине Русская армия вернется на Родину и будет принята Россией как духовно близкое и бесконечно родное.

Рад был бы с Вами познакомиться, рад был бы установлению личного Вашего общения с моими соратниками.

Благодарю Вас сердечно за присланную брошюру.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Врангель

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину
30 октября 1923 г.*

№ к/2622 Сремски Карловцы,
30 октября 1923 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович.

Посылаю Вам на память альбом⁵ со снимками Русской армии, рассредоточенной на Балканах. При самых невероятных условиях Армию удалось сохранить. Я знаю, что Вы — друг Армии, а потому думаю, что для Вас будет представлять известный интерес прилагаемый альбом. Армия укрылась в труде, о ней теперь никто ничего не слышит. Никто ее не видит. Но она есть. Снимки альбома вовсе не «потемкинские деревни». Несмотря на трудовые условия жизни в гражданском быту на чужбине, части сохранили в неприкосновенности воинский дух и жертвенность. Налицо спайка между собой и неразрывная связь с командованием, основанные на чисто нравственных началах добровольного подчинения.

Я не делаю себе никаких иллюзий насчет будущего. Вечно такое состояние продолжаться, конечно, не может, но и в этом отношении будет сделано все, чтобы создать обстановку для возможно длительного сбережения кадров Армии и впредь, при неизбежных переменах в условиях ее существования в будущем.

С горечью должен сознаться, что помощи со стороны было мало. И слева, и справа Армия и я лично в течение скольких лет подвергались систематической травле. Полезному же при всяком положении в России делу противопоставлялся все тот же никчемный беженский разговор на политические темы, выдававшийся за организованность и работу.

Примите уверение в моем искреннем уважении и совершенной преданности.

П. Врангель.

И. А. ИЛЬИН
ЗАПИСКА О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ

Октябрь 1923 г.⁶

1. Нет сомнения, что ключ к России — в Москве. Централизация современного государства вообще и большевистского в частности такова, что владеющий нервно-императивным центром — владеет всем организмом. Это верно и для других стран, с большей самодеятельностью населения; это верно, особенно, для России с ее пассивным, разбросанным населением. Поэтому периферическая позиция будет всегда или рваться к центру, или распадаться. Посему точка для приложения силы в Москве (отчасти лишь в Петербурге).

2. Всякая революция есть попытка больной массы прорваться к своекорыстно-захватывающей самодеятельности. Поэтому революция кончается тогда, когда масса находится в *безвольной прострации*: тогда она поняла свою неспособность к государственному изволению; тогда она *не может* больше хотеть и (что еще важнее) *не хочет* больше хотеть. Отсюда жажда успокоиться в чужой воле, испытывая ее как *свою собственную мудрость* и свое спасение. Революция кончена тогда, когда масса сумрачно молчит и покаянно ждет. Тогда начинается выдифференциация инстинкта национального самосохранения и глухое, смутные поиски персональной воли спасителя.

3. Чем больше эта спасающая воля говорит на богопротивном языке революции (хотя бы делая в действительности обратное); чем меньше она *пугает* отплясавшую стихию; чем больше она *кажется* сама скомпрометированною в общем и совместном революционном блюде — тем *легче* ей и тем *раньше* может она стянуть к себе *силы* революционной болезни и незаметно ввалить их в процесс оздоровления. Такая фигура может попытаться *вынырнуть* из революции, поставив ее силу к *своим* услугам и не напрягая ее против себя.

На этом покоятся, конечно, расчеты Брусилова, Зайончковского, Слащева, может быть, Троцкого (вряд ли полк<овника> Каменева и Буден<н>ого)⁷.

Брусилова и Зайончковского я знаю; оба старчески хитры и трусливо-расчетливы. Поэтому ничего *сами* не сделают, если *их* не сделают события. Слащева — не знаю. Тухачевский⁸ — очень честолюбив, фаталистичен, молчалив; кажется, не умен; может стать центром заговора; вряд ли справится. Полк<овник> Каменев просто штабной спец из радикалов. Буден<н>ый будет еще служить Царю. Троцкий — умен, выдержан, пре-

красный актер, глубоко беспринципен, тактически большой ловкач; думаю, что он давнишний сотрудник немцев.

4. Если в Москве точка для приложения силы, — то там же и сила для приложения точки. Центром контрреволюции должна быть Москва. Кто действительно хочет работать — тот должен работать *там*. И притом в *Красной Армии*, и особенно в войсках особого назначения (25 000—30 000). Это очень трудно и очень опасно, но *единственно реально*. Для этого необходимы кадры выдержанных и опытных *конспираторов*; иначе все будет вырезаться по мере сосредоточения. Правила конспирации существуют. Они не столько внешни, сколько *внутренни* (психологическое самообладание). Всякое дилетантство здесь пагубно. Из поколения старых революционеров этими навыками лучше всего владеют **Бурцев**⁹ и Савинков; можно было бы осторожно добыть от них эти правила.

5. Заговор должен *непрерывно* обладать **крупными денежными средствами** — ибо **повальная продажность** есть один из **итогов революционного разложения и нищенства**. Конспиративная организация *лучших* элементов не будет иметь успеха без подкупа *худших*. Все может зависеть от подкупа телеграфиста или часового. Достаточно вспомнить, как Наполеон купил Талейрана и Барраса¹⁰.

6. Современная революция есть не только продукт интеллигентской беспочвенности и не только коллективное преступление революционных партий.

Она имеет свои исторические, органические корни в жизни масс; без этих корней — партии были бы бессильны; большевики укрепились на года только потому, что присосались к этим корням. Ликвидация революции должна идти к этим корням и от этих корней.

Подобно Смуте, Разиновщине и Пугачевщине, это есть бунт крестьянской массы против государственного и хозяйственного тягла; иными словами, это есть движение против крепостного уклада, *формально* отмененного Александром II, но пережившего свою отмену в *атмосфере* крестьянского *неравноправия* и *неравноземлевладения*. Крестьянство и теперь хотело *земли* и *равноправия*, причем ни формулировать этого, ни организовать этого — само *не могло, не может и не сможет*.

Прочно ликвидировать революцию можно, только дав крестьянам в каких-то *осязательных* формах «землю» и «гражданское равноправие».

7. Ликвидация революции требует овладения *психикой* *масс*. Для этого необходимо:

1) Окончательное провозглашение гражданского равенства (ликвидация *атмосферы* крепостного права).

2) Аграрная консолидация, не возвращающая механически дореволюционного распределения земли и, клеймя захват, предоставляющая крестьянству использовать известные «козыри» захватчика (ликвидация *атмосферы* крепостного хозяйства).

3) Искусное сочетание широкой амнистии с сосредоточенным и неуклонным искоренением (ликвидация атмосферы революционной *вины* и революционного *страха*).

4) Наличие импонирующей персональной воли с явно и бесспорно сверхклассовыми решениями (ликвидация атмосферы революционного многовластия, произвола и междуклассовой войны).

8. Одним из главных препятствий к перевороту является, конечно, осведомительная и ликвидационная деятельность Г. П. У.

Г. П. У. есть учреждение сложное. Помимо действительных коммунистов, там, по всем видимостям, работают и крайние правые (не только из охранного отделения) и, наверное, и агенты германцев. Генерал Комиссаров¹¹ работал у большевиков еще в Смольном монастыре. Очень опытные и осведомленные люди не раз указывали на то, что еще при Керенском, выходя в отставку, Комиссаров получил повышенную пенсию голосами советских большевиков; что Басов¹², убивший Кокошкина и Шингарева, и Железняков, разогнавший Учредительное собрание, — были *его* агентами. Деятельность его в Болгарии против Армии мотивировалась и с крайнего лева и с крайнего права. Я думаю, что он <со>стоит в связи с Людендорфом¹³, и не исключено, что Троцкий и Уншлихт¹⁴ (заместитель Дзержинского) знают об этом. В течение всех этих лет можно было наблюдать, как заведомые члены Союза русского народа¹⁵ вызывающе действовали среди коммунистов, нередко демагогируя их налево. По документам охранных отделений, целый ряд большевиков состоял до революции их агентами; такой документ о Луначарском¹⁶, например, был оглашен эсерами на процессе¹⁷; коммунисты постановили: **признать, что он это делал по поручению партии.**

Не продажными среди большевиков можно было бы считать только Бухарина, Покровского¹⁸ и, в известном смысле, Ленина. Все циничны. Некоторые притом добродушны.

Все коммунисты спаяны друг с другом не столько жадностью и властолюбием (тут они конкуренты), сколько пролитой кровью, страхом расплаты и чувством обреченности. Многие из

них дорого бы дали, чтобы унести ноги на собственную виллу «в Бразилию». Некоторые за одно прощение пойдут по стопам Фуше¹⁹ (от революционного террора к полицейской службе у Наполеона и Людовика XVIII²⁰).

Заместитель Ленина Каменев (не военный) очень «правый» коммунист, лавирует, мечтает усидеть при «демократическом» режиме и вывести революцию на «средний исторический путь» (его собственные слова); он был бы способен на блок с Милюковым и промышленными республиканцами²¹.

Очень трудно делать переворот *против* всех коммунистов; опаснее делать его с одной частью их (это искусные провокаторы). Сейчас у них раскол: правые (Троцкий, Каменев) хотят отступать и уступками добиться признания Европы; левые (Богданов²², Бухарин) хотят катастрофического взрывания Германии. В ближайшем будущем Европа собирается делать ставку на первых, застрачивая и покупая их, может быть, слегка кредитуя.

9. Нельзя сомневаться в их связи с германцами. Дело не только в начальном «золоте». Достаточно сказать, что передатчик этого «золота» Ганецкий-Фюрстенберг²³ все время замещает Чичерина²⁴ (товарищ министра иностранных дел). Один немецкий дипломат в России открыто говорил правым, что большевики «продажны». Из секретной переписки известно, что *немцы* настояли в Москве на отказе англичанину Уркварду в концессии на Урале. Бывший немецкий канцлер Вирт²⁵ в июне этого года получил от Советской власти огромную лесную концессию на *ближнем* севере Европейской России (в полосе, *не* подлежащей концессированию; благодарность за договор в Рапалло?). В Берлине Министерство иностранных дел имеет любопытное влияние на советскую миссию. Душой всего является барон Мальцан²⁶, очень видная фигура в Мин<истерстве> иност<ранных> дел; при всех социалистических министерствах он сохранял свой пост и все повышался; он очень правый, от него следует искать путей к Людендорфу. Людендорф, подготавливая из Баварии почти открыто переворот в Германии, получает деньги из Америки (много давал Форд²⁷).

Политику Германии, по-видимому, следует понимать так: Россия есть их предусмотренная добыча, из которой будет покрыта вся война и вся контрибуция; большевики будут сидеть, медленно рассасываясь под их, германцев, руководством. Всякому перевороту, не постановленному в Германии, немцы изо всех сил будут мешать; у них в Москве хорошая агентура и большая осведомленность во всех кругах.

10. По-видимому, во Франции постепенно начинают понимать, что кроме «Рурского фронта» есть еще и «Московский». В связи с этим стоит то, что в масонских организациях, и особенно во французских, вот уже год, как обнаруживается тяга к *консолидации русской революции*; по-видимому, там нашли, что «довольно», что пора кончать. Тому имеются доказательств.

Они понимают, что есть два пути: *убить* и *купить*. По-видимому, интервенции в Европе опасаются слишком многие: утомлены, разорены, всякому только до себя дело, мелкие государства боятся, что выход из европейского равновесия будет им опасен; крупные — не заинтересованы в восстановлении России, многие прямо заинтересованы в ее прострации, и все опасаются, что восстановленная Россия будет не их ориентации.

Вероятно, поэтому, что предпочтут *купить*: или открыто — ценою признания, или скрыто — *инсценировкой* внутреннего переворота. Хуже всего была бы *частная* покупка вроде той, о которой, по-видимому, думает французский миллиардер (из нуворишей) Швос. Возможно, что попытаются открытый способ сочетать со скрытым.

Во всяком случае, следует ожидать, что с окончанием Рурского сопротивления в течение ближайшего года борьба Франции и Германии поведется и на новом, «Московском», фронте. Невероятно, чтобы Германия легко уступила на этом фронте.

В этой связи вряд ли вероятно, что силы Русской армии будут вовлечены в какой бы то ни было форме в интервенцию.

11. Тем более, что в Америке царит большой упадок интереса к России. «Ара»²⁸, кормившая голодающих в России и ликвидировавшаяся этой весной, — была *экономической разведкой* Гувера²⁹. Они всюду ездили, все исчисляли, все записывали и заносили на карту и, уехав, собираются спокойно выжидать подходящего момента для верного помещения денег. Активная воля, и притом резко тяготеющая направо, по-видимому, есть только у Форда. Передают, между прочим, будто на него потрясающее впечатление произвели так называемые «Протоколы сионских мудрецов»³⁰. Есть сведения, что Форд усиленно готовится к президентским выборам 1924 г. В швейцарских газетах открыто писали, что в связи с этим сократилась его субсидия Людендорфу.

12. Кажется несомненным, что в национальных интересах России — не иностранный переворот, а собственный, русский. Ему мешает главным образом страх перед расстрелом слева, *чувство вины, страх перед расправой справа, страх перед бе-*

лыми; и, конечно, переутомление воли, выпущенность паров, развратная атмосфера послереволюционной жизни, развинченая психика у всех, переживших революцию на месте. Из всех факторов бороться можно только со *страхом перед белыми*; это тем легче, что побороть этот страх надо сначала не в массе, а в ядре, совершающем переворот, которое не может и не должно быть очень многочисленным и которое мечтает о перестраховке.

13. Невозможно надеяться на то, что какие-нибудь штатские эмигрантские организации сделают эту подготовку.

Эмиграция производит в общем тягостное впечатление. Здесь не изжиты все недуги старой общественности: это беспочвенное и безыдейное важничание, это осторожное, нерискующее честолюбие, это сочетание выжидающей пассивности с максимальными претензиями, политиканствующая ложь, интрига, клевета; без Бога, без вдохновения и без хребта — эта толпа *боится* того, кто ее не боится, и ненавидит его, с тем чтобы ему покориться и чтобы после изъявления покорности — интриговать против него. После революции, погубившей русский национальный центр (престол), все это — от бывшего министра до бывшего студента — болеет худшим видом бонапартизма: бессознательным честолюбием *непризванных* политиканов — хочет фигурировать, председательствовать, говорить «от лица», принимать «резолуции», играть роль, ловя пылинки власти и создавая в этой ловле суетливую толчею на месте. Эта болезнь была отчасти задавлена и отчасти субординирована большевиками в России, вследствие отсутствия свобод; она до сих пор неизбежна в эмиграции. **От нее свободен только дух Белой армии.**

Правые круги эмиграции могут исцелиться от этой болезни скорей, если воля диктатора или Государя будет достаточно сильна для того, чтобы поглотить их жаждущую субординации волю и в то же время отсесть их интриганство. Левые круги эмиграции (начиная от промышленника-республиканца и кончая матерыми эсерами) не имеют шансов исцелиться от нее. Чем более он скомпрометирован в революции, тем невозможнее ему успокоиться в любви к родине и Царю; *ему* есть только пути *налево*, и поэтому он будет всю жизнь доказывать, что для родины спасительны только левые пути.

14. К активной деятельности в России левые способны более правых: у них есть конспиративные навыки, связи, вкус к подполью. Однако и они не идут дальше отдельных выходов (вроде посылки Керенским своего представителя в восставший Крон-

штадт) или интриг и авантюр (вроде деятельности в Болгарии). Левые (подобно чехословацкому или польскому правительству), в сущности, *боятся* переворота и резкого кризиса, мечтают о постепенности лизиса³¹. Они *единокровны* с большевиками, но коммунисты честно и грубо сделали все те гадости, о которых другие левые только мечтали и болтали, не смея. Именно поэтому они переворота не готовят и не сделают, как не посмеют убить никого из советских главарей. От Милюкова и Гессена — это соучастники единого дела; и когда Милюков говорит, что «будущее в России принадлежит только тем, кто скомпрометировал себя в революции», то он открыто выговаривает свое соучастничество.

К активной деятельности в России правые способны еще менее. Связи у них с Россией крайне слабы и случайны. Людей с крепкой и бесстрашной волею среди монархистов очень мало; людей с конспиративным умением нет вовсе, хотя «отчаянные головы» среди молодежи имеются. Монархисты марковского толка готовятся грубо и демагогично возглавить в России назревающую стихию отчаяния, злобы и антисемитизма. Планомерно работать не умеют и не собираются, денег не имеют. К риску способна только группа «Белого Креста»³², стоящая правее Высшего Монархического Совета и имеющая в лице «молодого» Павлова (бывший моряк, даровит, но неумен, легкомыслен, очень самоуверен и развинчен) влияние на Маркова, потягивающее его вправо.

Атмосфера Высшего Монархического Совета есть атмосфера Маркова. Он силен волею и темпераментом, грубо умен и грубо хитер, интрига его топорна; очень властолюбив и малообразован; одержим антисемитизмом и масонобоязнью; в экономике не понимает ничего и творческих идей не имеет; духовная культура за пределами православия для него почти не существует; это не вождь и не строитель, а трибун и демагог с черным блеском в зрачке. Если возникнет русский фашизм, то не от него³³. Его правая рука — Тальберг — такой же во всем, но только в полроста, правее и более энергичен искусною интригою.

15. Из опасных и вредных единичных властолюбцев заслуживают внимания только Милюков, Савинков и Красин³⁴.

Милюков — не герой, а человек толпы. Его воля — упрямство, его ум — хитрящая середина, его идея — расчет, его принцип — компромисс. Он глубоко безрелигиозен и безыдеен; идею он всегда презирал. Его политика всегда состояла в том, чтобы сложить параллелограмм сил в направлении к *своей лич-*

ной власти и оказаться во главе равнодействующей этого «блока». Он не ненавидит Россию, но за ним стоит более умный и ненавидящий Россию крепко — М. М. Винавер³⁵. Милюков тянет к республике с ним самим во главе; пойдет во *всякую* республиканскую комбинацию, быстро согласится работать вместе с победившим диктатором и немедленно поведет против него тайную интригу. Оба, наверное, масоны.

Савинков — авантюрист по крови, конспиратор по призванию, властолюбец по страсти, ассасин³⁶ по специальности. Он храбр, аморален и садистичен. Договаривающийся с ним должен искать убийц за *своей* спиной и готовить убийц для него. По-видимому, переворота не готовит, выжидая выгодной конъюнктуры, но свою организацию кое-как поддерживает.

Красин, о диктатуре которого охотно мечтают сменовеховцы и запачкавшиеся в большевизме, сам характеризует себя как авантюрист<а>. Старый большевик еще с 1903 г., он *очень* расчетлив и вполне беспринципен. Во время войны, состоя одним из директоров у Сименса³⁷, отстаивал в России интересы немцев; к большевикам примкнул не сразу; очень разбогател; наверное, связан с масонскими организациями левого толка, но имеет нити и в правые ложи. Вряд ли способен сам произвести переворот, но в масонские комбинации и в промышленную интервенцию войдет наверное.

16. Полезны перевороту могли бы быть евреи, если б сумели обеспечить себе гарантию от предстоящей расправы. Нащупывая почву для этого, они выдвинули прошлой зимой «покаянную группу патриотов» (Пасманик, Бикерман, Ландау, Мандель³⁸), ловко провоцировавшую правых на публичные выступления; эта группа, «защищающая» Белую армию, пользуется известным, хотя совершенно необоснованным доверием у некоторых почтенных общественных деятелей (например, у П. Б. Струве) и в лице Бикермана вела даже переговоры с Высшим Монархическим Советом (для контрразведки)³⁹.

Пока этой гарантии нет, евреи будут всемерно враждебны перевороту и денег не дадут. Их кошельки и сейчас немедленно закрываются, как только среди нуждающихся нет достаточного процента евреев. В России антисемитизм разлит действительно в воздухе, и возможно, что советская власть вынуждена будет с этим считаться.

17. Особое место занимают сейчас русские масонские ложи. Сложившись заново после революции и получив признание заграничного масонства, русские ложи работают *против большевиков и против династии*.

Основная задача: ликвидировать революцию и посадить диктатуру, создав для нее свой, масонский, антураж. Они пойдут и на монархию, особенно если монарх будет окружен ими или сам станет членом их организации. Переворота изнутри сами не готовят, но могут быть полезны и вредны. Они по-прежнему говорят об «идеях» и по-прежнему их главная задача — конспиративная организация своей элиты, своего тайно главенствующего масонского «дворянства», которое *не* связано ни с религией, ни с политической догмой, ни <с> политической формой правления («все хорошо, если руководится нашей элитой»).

18. Таким образом, активного центра, организующего переворот в России, за границей, по-видимому, нет. Возникновение его среди русских маловероятно. Он может возникнуть или в Германии, если к власти **пройдет Людендорф**, или во Франции, **если в министерстве Пуанкаре**⁴⁰ **возобладают люди, понимающие опасность германо-московского фронта.** Такая ситуация может сложиться, по-видимому, еще в течение этой зимы.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
29 ноября 1923 г.

№ к/2697 Сремски Карловцы,
29 ноября 1923 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович.

Прочитал присланную мне через А. А. Лампе записку с большим интересом. Это глубокий и блестящий анализ современного положения. Большинство высказанных Вами мыслей я вполне разделяю. С особым интересом остановился на Ваших оценках отдельных деятелей, особенно советских. Я был бы вообще очень благодарен если бы Вы со мной и впредь делились Вашим осведомлением и взглядами. Это принесло бы пользу для дела. Мне очень дорого то, что Вы, пробыв столько времени в советской России отрезанным от нашего движения, сохранили крепкую с ним духовную связь и понимание его значения. Вы, впрочем, всегда значились в числе верных друзей Армии.

Мне было радостно узнать из газет о Вашей речи на собрании, устроенном в годовщину Армии, смысл которой Вы так хорошо очертили в докладе⁴¹. Многозначительность сказанного Вами выступает даже в газетном отчете.

Отвечаю я так поздно не по своей вине: Вашу записку я получил только на днях.

Примите сердечную признательность и дружеские приветствия искренно уважающего Вас и преданного.

П. Врангель

*И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
<ноябрь—декабрь 1923 г.>*

Глубокоуважаемый Петр Николаевич! Я получил Галлиполийскую книгу⁴² и благодарю Вас за надпись на ней. Галлиполийцы и их Вожди будут мне всегда дороги как живой символ моей чудесной родины, символ, в котором правда и честь стали мечом и силою...

Да хранит Вас Господь!

И. Ильин.

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину
24 июля 1924 г.*

№ к/3325 Сремски Карловцы,
24 июля 1924 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Год тому назад я послал Вам книгу «Русские в Галлиполи», теперь прошу принять ее дополнение: новый труд — «Казачи на Чаталдже и на Лемносе», книгу, изданную Донской исторической комиссией совместно со штабом Донского корпуса.

Вам как другу и спутнику Армии, оказавшему ей на чужбине ценную нравственную поддержку, я посылаю этот труд.

В нем найдете бесхитростный правдивый рассказ о всем пережитом и пережитом нашими доблестными защитниками родины на чужой земле, одинокими, оставленными многими недавними друзьями, гонимыми недругами.

Примите эту книгу как искреннюю благодарность мою и моих соратников за ваше сочувствие и помощь нам в нашем правом деле.

Прошу принять уверение в глубоком уважении и искренней преданности.

П. Врангель

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
4 октября 1924 г.

Сан-Ремо. 1924.Х.4

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Спасибо Вам на добром слове. Моя духовная связь с белой Армией есть связь давняя, изначальная. Еще в апреле 1917 г. я высказывал убеждение, что спасти Россию может только наступление, военное патриотическое наступление на революцию, и с тех пор я ношу этот белый меч в сердце, в слове и в деянии.

В настоящее время я заканчиваю новую, сравнительно небольшую работу (листов 8 печатных) «О сопротивлении злу». Она посвящена искоренению всякого «непротивленчества» и обоснованию праведного меча, подъемлемого на злодея. Это не политический памфлет, а философический трактат, написанный в предуказанном мною самим духе («на этих решениях и подвигах мы построим новую русскую этику»); но по замыслу и выполнению он будет доступен всем. Я думаю, что мне удастся выпустить ее еще в течение ближайших месяцев. Хотел бы выпустить ее с посвящением: «Русской белой Армии и ее вождям». Считаю правильным испросить предварительно Ваше *согласие* на это.

Еще кое-что о последних событиях, волнующих нашу эмиграцию. Появившийся манифест Вел<икого> Кн<язя> Кирилла не был для меня полной неожиданностью⁴³. Еще в мае я узнал, что группа лиц французско-швейцарского масонства, установив, что за Вел<иким> Кн<язем> Кириллом числится большая лесная латифундия в Польше, еще не конфискованная поляками, но подлежащая в сентябре 1924 г. конфискации, работает очень энергично и спешно над приобретением ее у Вел<икого> Кн<язя> (он и не знал о ней!), причем приобретающий концерн рассчитывает, что Вел<иконому> Кн<язю> должно очиститься от этой продажи около 150 мил<лионов> франков золотом. Сведение было абсолютно точное; реализация была очень вероятна. В связи с этим можно было ожидать большей активности. Расчеты у масонов могут быть двоякие: или повредить русскому монархизму верным провалом нового начинания, или повредить русскому монархизму возведением на престол слабого, неумного и, главное, каптивированного масонами и окруженного ими лица. Должен сказать от себя, что менее популярного в России претендента на престол нельзя было бы и выдумать и что внутренние шансы Вел<икого> Кн<язя> мне представля-

ются крайне малыми. Не говоря уже о больной России, которая республиканствует по трем основаниям: 1) из вкуса к самоуправству, 2) из желания укрепить награбленное, 3) из чувства вины и страха; но и монархическая Россия на местах не знает Вел<икого> Кн<язя>, не тянется к нему и, главное, *совсем и не думает о нем*. Принципы строгого легитимизма (если допустить, что они *в пользу* Вел<икого> Кн<язя>) имеют природу юридическую, а не психологическую; они решают вопрос формального права, а не вопрос любви, силы, победы и прочности. К сожалению, вокруг Вел<икого> Кн<язя> стоят люди или находящиеся под фактическим влиянием масонства (мне известны подробности от недостаточно конспиративных масонов), или же рассуждающих так: «Вопрос трона есть вопрос денег и хлеба» (эту фразу я лично слышал). Может быть, Наполеон был более прав, когда говорил: «L'opinion publique est une puissance invisible, mystérieuse, a laquelle rien ne resiste; rien n'est plus mobile, plus vague et plus fort; et toute capricieuse qu'elle est, elle est cependant vraie, raisonnable, juste, beaucoup plus souvent qu'on ne pense»⁴⁴. И добавлял пояснение: «C'était ains qu'a la restauration, en s'y prenant mal, on était venu a bout de rendre les regicides populaires, eux que la masse de la nation proscrivait un instant auparavant»⁴⁵. Существенно, как отзовется на этот манифест Совет династии.

Другой вопрос — Савинков. Еще этой зимою я отговаривал добрых знакомых, чтобы не вязались с ним. Корнилов был предан не токмо дураком и полуподлецом Керенским, а и не дураком и совершенным подлецом Савинковым⁴⁶. И должен признаться, что я с самого начала несколько не верил в противобольшевистскую активность этого большевистского кузена. После известий о его новом шаге я запросил о нем его доброго знакомого Федора Августовича Степуна. Степун — обрусевший немец; а потом и поднемеченный русак; большую войну был на фронте, слегка эсерствовал и пораженчествовал; в 1917 г. был помощником Савинкова по политическому комиссарству при армии; в 1922 г. выслан большевиками из России за то, что публично на театральном диспуте заявил, что они «дьяволы». Он публицист, полуфилософ, работает и сейчас с эсерами. Вот что он мне ответил: «...в конце концов Савинкова от большевиков, за исключением его физиологического антисемитизма, ничего не отделяет. Демократом он никогда не был и с демократами психологически никогда ничего общего не имел. Демагог, поклонник диктатуры и человек, всю жизнь веривший только

в маску и силу, он, в конце концов перейдя на сторону большевиков, остался верен только самому себе. Меня без конца возмущает почти все, что сейчас пишут о нем демократические и социалистические газеты. Все хором утверждают, что он стал предателем и оказался подлецом; все, тайно или явно, дают понять, что он, в сущности, *всегда* был тем, чем оказался, и никто не ставит себе вопроса, кем же были те, кто им всегда пользовался, и что скверного в том, что им в конце концов воспользовались и большевики. Конечно, он до некоторой степени авантюрист, но главное все же не в этом; главное в том, что он, по крайней мере, на четыреста лет запоздал рождением и что он психологически и стилистически ни в какой мере и степени не русский человек. Он итальянец эпохи Возрождения: человек в плаще, с кинжалом за спиной и с латинской цитатой на устах. Он никогда не интересовался политикой, никогда ничего не понимал в структуре современной жизни и всегда очень слабо разбирался в людях, чему доказательство — комиссарверх Филоненко⁴⁷. Накануне большевистского переворота он упорно утверждал, и я ничего не мог с ним сделать, что слева ничего нет, кроме галлюцинаций Керенского, что вся опасность — справа (это несмотря на фантастически быстрый провал Корниловского движения). А почему? Только потому, что он не мог себе представить, что в мире может быть нечто, чего нет в его душе, чего он не любит, чего ему не хочется уничтожить, убить (любить и уничтожить было в его душе всегда одним и тем же чувством, мы с ним об этом как-то очень подробно говорили). Может быть, из всей его борьбы против большевиков (имею здесь в виду борьбу террористическую) ничего не вышло потому, что они не были для него соблазнительны и пленительны, как жертвы. Я глубоко уверен, что к своим жертвам эпохи царского режима он относился положительно-таки со страстью, с любовным пристрастием. Что он будет сейчас делать у большевиков, я не вижу. Его речь, конечно, сплошная ложь. Крестьянами и рабочими он никогда не интересовался. Если бы он даже искренно думал, что весь простой русский народ действительно признает большевиков, это ни на секунду не могло бы быть для него причиной признания советской власти. Я провел с ним в ежедневном общении первые шесть-семь месяцев революции — и абсолютно убежден, что простой русский народ был для него, как участник революции, так же противен и неприемлем, как дворник в нарядной спальне его любовницы. Если он пошел к большевикам не только от тоски своей бесславной заброшеннос-

ти и не только ради новых переживаний укротителя, входящего в клетку со львами (что большевики его помиловали — ничего не значит; они могут его завтра же расстрелять, и напрасно эмигрантские психологи представляют себе его жизнь в России очень уютной), а с некоторой определенной мыслью, то, конечно, с расчетом на роль Наполеона, которому должна достаться победа во внутрипартийной большевистской борьбе. Что из этого ничего не выйдет, я абсолютно убежден. Мне кажется, что я хорошо знаю и верно чувствую Савинкова. Он — человек большой, но насмерть раненный беспредметной фантастикой и стилистической пошлинкой. Любит черный фрак и гайдуков перед дверью своего таинственного кабинета. Я сейчас очень занят выяснением себе дела Корнилова. Я боюсь, что Савинков сыграл в нем роковую роль...» etc.

Из этого письма видится и Савинков, и Степун. Комментарии излишни. Философов⁴⁸, друживший с Савинковым, всегда был человеком неумным, сентиментальным, но честным. Он Савинкова искренно идеализировал. Ему, да и *всем*, о ком Савинков что-либо знал, необходимо *погасить все* дела, известные Савинкову, и начать *все* сначала: *предаст*; и если не сразу, то по мере собственной надобности, доказывая свою лояльность большевикам. Для этого он, конечно, выдал не все зараз. — Письмо Степуна сообщаю конфиденциально.

На этом кончаю. Желаю Вам здоровья и верю, что Господь Вас хранит.

Нездоровье помешало мне в июне быть у Вас в Карловцах лично. Я страдаю катаром легкого, от времени до времени обостряющимся и делающим меня полуинвалидом. Я очень жалел об этом по многим основаниям. Многого же и не напишешь.

Искренно преданный И. Ильин.

Адрес: Italia. Liguria. San Remo. Villa Zirio.

Савинков понимает в конспирации и сыске. Он *наверное* будет там работать по *политическому сыску*, с тем чтобы губить противобольшевистские и в то же время *ему лично* неудобные, непокорные организации и начинания. Он знает технику дореволюционной охраны и провокации. Бороться с ним будет *крайне* трудно. Доверяться ему *крайне* неразумно. Если бы его настигла там кара французской контрразведки, которая перед ним в долгу, то это было бы лучшим исходом.

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину
12 октября 1924 г.*

№ к/3428 Сремски Карловцы,
12 октября 1924 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Я получил Ваше письмо от 4 октября и спешу Вас уведомить, что не вижу препятствий, а, напротив, буду рад, если Вы Вашу новую работу выпустите с предложенным посвящением. Все, что Вы сообщаете, чрезвычайно интересно, и я очень жалею, что так редко имею от Вас непосредственные сведения. Время не упрощает, а все усложняет положение Армии. Всякое событие, всякий чужой опрометчивый шаг, в пределах ли международной политики, в балканских ли недоразумениях или в наших русских делах, обращаются роковым образом в угрозу для целостности нашей организации. Только заложенные в нее начала жизни, необходимые России, дают ей возможность оберегать себя от развала и без особых тревог ожидать дальнейших затруднений, которые нам готовит неизменно будущее.

С большим интересом прочел Ваше письмо. Приведенная в нем характеристика Савинкова очень тонкая. Может быть, в ней ключ к разгадке поступков этого человека. В последние годы лица, подчиненные командованию, насколько известно, мало-мальски серьезных деловых отношений к нему не имели, а раньше в редких случаях соприкосновения с ним проявляли осторожность. В кругах Армии он вообще не пользовался доверием. Он, вероятно, это чувствовал.

Крепко жму Вашу руку и от души желаю набраться сил и здоровья.

П. Врангель

*И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
31 декабря 1924 г.*

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Только теперь дошло до меня Ваше письмо от 24 июля сего года, сопровождавшее книгу «Казачи на Чаталдже и на Лемносе», а самая книга и доселе еще лежит в Берлине, и я еще не видел ее. Но в данный момент для меня дело не в сроке, а в потребности выразить Вам мою горячую благодарность за память и за присылку мне этой новой героической и мученической

страницы русской национальной истории. Я живу на свете с религиозным убеждением, что настоящая правда, не кривая полуправда, победит. А сроки Господь всегда утаивает...

Грустно мне было, что Ваш приезд в Берлин⁴⁹ совпал с моим вынужденным отсутствием! Уж эти мне расстояния... Надеюсь кое-что высказать письменно в непродолжительном времени. Я часто думал о Вас, когда писал мою статью для Галлиполийского сборника⁵⁰.

С Новым Годом! О, если бы это был последний на чужбине!

Искренно преданный Вам И. Ильин.

1924. XII. 31. Меран.

В адресе, который прислан мне Николаем Михайловичем⁵¹, не обозначен *город*. Это затрудняет. Может быть, он пришлет мне название города в дополнение.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
8 января 1925 года

№ к/3597 Сремски Карловцы,
8 января 1925 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Получил Ваше письмо от 31 декабря. Сердечно благодарю за поздравление, память и внимание. Со своей стороны, поздравляю Вас с праздником Рождества и наступающим Новым Годом и шлю Вам свои наилучшие пожелания. Дай Бог, чтобы этот год был бы действительно последней каплей в переполненной чаше страданий русских людей.

Очень сожалею, что нам не удалось повидаться в Берлине. Посещение Берлина и общение с тамошними общественно-политическими кругами дали мне большое нравственное удовлетворение.

Крепко жму Вашу руку.

П. Врангель

И. А. ИЛЬИН

СВОДКА «О ПОЛОЖЕНИИ» (май 1925 г.)

1. Положение национальной и честной эмиграции в Германии и, в частности, в Берлине представляется в настоящее время весьма трудным в политическом отношении. Эта трудность обуславливается, с одной стороны, ее политически-беспочвен-

ным и международно-щекотливым положением; с другой стороны, острым сознанием того, насколько важно овладение местным политическим плацдармом, энергично оспариваемым со стороны беспринципных кругов Кобургского претендента⁵².

2. Руководящие круги национальной эмиграции в Германии отнюдь не причисляют себя к так называемой «германской ориентации». Они вполне свободны от всяких идиллических и сентиментальных подходов к делу, не считают, что «все спасение в Германии», и хорошо понимают и оценивают все национально-эгоистическое поведение Германии. И тем не менее они отдают себе отчет в том наличном параллелизме и даже значительном совпадении государственных интересов национальной России и национальной Германии, — совпадении, которое заставляет их предусматривать и готовить другие возможности.

3. В отличие от своих нечестных конкурентов, национальные честные круги ведут беседу с германскими кругами в тоне независимом, патриотически-достойном и выдержанном. Ни о каких «обещаниях» или «обязательствах» нет и речи. Обсуждается возможный и наличный состав державных интересов и вытекающие из этого перспективы. Это имеет свои преимущества (большая серьезность, большее уважение), но и свои слабые стороны (большая отвлеченность, теоретичность, академичность).

4. Политическая беспочвенность национальных кругов состоит в их государственной неуполномоченности и отсутствии единой, сплоченной организации.

Все беседы остаются беседами частных лиц. Если это дипломатия, — то дипломатия дилетантская, ведомая неумело и кустарно. Если это политика, — то политика любительская, не защищающаяся никаким волеизъявлением. Второстепенные лица беседуют со второстепенными лицами, причем обычно обе стороны сами являются и сознают себя как людей будущего.

5. Обстоятельство, что во всех этих беседах не участвует никто из лиц, имеющих сколько-нибудь закрепленное полномочие говорить от лица В<еликого> К<нязя>⁵³ (если таковые лица вообще существуют), придает этим разговорам вполне частный характер. Понятно, что приватный характер бесед не содействует их продуктивности.

6. Международно-щекотливое положение русской национальной эмиграции в этих беседах определяется целым рядом факторов и соображений:

а) необходимостью учитывать *абсолютную* противоположность интересов России и III Интернационала и *относитель-*

ную совместимость III Интернационала и западноевропейских держав;

б) крайней обостренностью отношений и взаимной подозрительностью, царящей между центральными державами и державами согласия⁵⁴;

в) болезненным и беспочвенным разбродом, господствующим в русской политически невоспитанной эмиграции.

7. В частности, по пункту «а».

Доселе имеются в Германии круги, пытающиеся торговать или концессинировать в советской России; они уверяют (Шлезингер⁵⁵), что эволюция большевиков в ходу, что заводы восстанавливаются, что вывоз и ввоз возможны и что в международной революции большевики неповинны (взрыв в Болгарии; ставка на Троцкого). Доселе имеются в Германии круги, готовые показывать советскую Россию Польше и Франции в виде устрашающего китайского дракона, посылать III Интернационалу военных и морских инструкторов и симулировать культурное сближение (чествование Каменева в Osteuropa⁵⁶).

8. По пункту «б».

История обыска и клеветнических фельетонов в газетах достаточно показывает, какая подозрительность царит в отношении ко всему и ко всем в Германии (напр<имер>, о «жалованье, идущем из Франции»)⁵⁷. К этому необходимо добавить необычайную неудобоподвижность, тяжеловесность, инертность немецкой психологии, в общем после войны стихийно тянущейся к сближению с Россией, но все еще плохо разбирающейся в возможных и желательных формах этого сближения: ни с кем сближаться в России, ни *для чего*, ни *как* — они себе не представляют. Иногда говорят о колонизации, иногда — о массовом вливании немецкой интеллигенции, иногда — о вывозе сырья и ввозе фабрикатов, изредка — о возможном совместном реванше.

Это «дружелюбие» к неизвестной и неопределенной России вполне совмещается и уживается с подозрительностью к русским эмигрантам; а эта подозрительность уживается и совмещается с беспомощно-подслеповатым желанием беседовать с эмигрантами о будущем.

9. По пункту «в».

Разброд и разложение среди русской эмиграции и ее политическая невоспитанность особенно вредны в этом деле. Политическая страстность ее довершает собою всю картину; можно подумать, что люди боятся куда-то не попасть, что-то упустить, остаться за флагом; появляются люди, которые хотят иметь заручку везде и всему потакают, и другие, которые во что бы то

ни стало хотят фигурировать, вести, учить, первенствовать, председательствовать.

К политической работе, к осторожности, к конспирации, дипломатии почти все совершенно неспособны. Все друг через друга связаны и все болтают: все про других, а многие — и все про самих себя (вплоть для уголовных деяний и замыслов).

Группы: кирил<л>истов, В<ысшего> м<онархического> с<овета>, еврейская и масонская ведут непрерывную интриганскую работу; первые не чуждаются криминалов и подделок, вторые — ложных напештов и разжигания страстей инсинуациями, третьи — действуют захватом организаций и печати, четвертые, наиболее слабые, — преуспевают только в неискренности говоримого.

Зловредным является прежнее военное деление на международные ориентации: глупые и карьеристически настроенные люди доселе пылают «франкофильством» и «германофильством», взаимно считая себя врагами, шепчась друг про друга между собою и с туземными друзьями и донося друг на друга из города в город.

К этому присоединяется наличность порочных организаций окончательно павших людей, где кириллисты, большевики, туземная разведка и полная продажность образуют отвратительную амальгаму, чреватую всевозможными непредвидимыми преступлениями.

10. Особого внимания заслуживает деятельность кириллистов.

Эти люди состоят из трех категорий.

I. Восторженные юноши и женщины, страдающие недержанием монархического чувства и политическим слабоумием.

II. Честные, но тупые люди, рабы прямолинейности и формального аргумента, политически близорукие служаки.

III. Порочные, хитрые интриганы, делающие на сем карьере и не останавливающиеся ни перед какими средствами.

Первые две группы являются «стадом», третья группа состоит из «пастырей».

Эти «пастыри» суть люди, бывшие беспринципными реакционерами еще до революции; это люди — классового интереса, крайней озлобленности и мнимого, черносотенно-крикливого патриотизма. Они предают в сплетнях и брошюрах (Снесарев) своего претендента, поносят русский народ, жаждут кому-то отомстить и все «вернуть». Их лозунги: идти хоть с чертом и не останавливаться ни перед какими средствами. Дух революции окончательно разложил их слабое правосознание: чувство чести

и порядочности им совсем несвойственно, криминал их не оставливает, бесстыдная ложь и клевета — их обычное оружие. Они враждебны *всем* русским, кто не с ними и не берет у них заручки; они разговаривают с немцами, как их лакеи, рабы или шпионы. Их план для России: договориться с Г. П. У., проинформировать из него переворот, амнистировать коммунистов, переокрасить их в опричников и вырезать всех несогласных.

11. При таком положении дел работа в Германии для национальных кругов является весьма затруднительной: с одной стороны, — массовое глухое недоверие к В<еликому> К<нязю>, заставляющее дружелюбно относящихся германцев «не советовать» открыто упоминать и подчеркивать его имя (и обратно: доверие к Кобургской ветви). С другой стороны — местопребывание В<еликого> К<нязя>, из которого для здешнего ума следуют совершенно «непререкаемые выводы». С третьей стороны, — неопределенное и загадочное молчание В<еликого> К<нязя>, которое было бы *силой* при отсутствии Кобургской партии и которое при ее наличности учитывается отрицательно.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
8 августа 1925 г.

№ к/1318 Сремски Карловцы,
8 августа 1925 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович.

Глубоко благодарю Вас за присланную Вашу книгу «О сопротивлении злу силой».

Книга эта произвела на меня сильное впечатление не только теми мыслями, которые Вы выразили в ней и которые нам, участникам борьбы с величайшим в мире злом, так близки и понятны, но и своей исключительной своевременностью.

Многие, духовно утомленные тяжкими годами изгнания, теряют веру в нравственную необходимость борьбы и соблазняются мыслью о греховности «насилия», которое они начинают усматривать в активном противодействии злу.

Ваша книга откроет им глаза.

Нам же, взявшим на себя всю тяжесть ответственности за поднятый меч во имя высшей Правды, книга Ваша даст новые силы для тяжелого подвига.

Шлю Вам сердечный привет и крепко жму руку.

П. Врангель

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
15 октября 1925 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич! Вероятно, Вам попала в «Возрождении» моя статья «Нечестные споры»⁵⁸, направленная против лживой и клеветнической полемики левой печати. Среди откликов на эту статью, появившихся там и сям, я не мог не обратить внимание на передовицу «Дней», которую при сем прилагаю⁵⁹. Вероятно, ее писал сам Керенский.

Здесь, насколько я знаю, он впервые дает утверждение о русской государственной казне, о том, что он ее не крал и что чехословацкие legionеры тоже ее не раскрадывали. Правду он говорит или нет, мне неизвестно. И для меня акцент лежит на другом. Здесь он ссылается на протокол № 8 Совета объединенных офицерских обществ в С. Х. С.⁶⁰ и приводит из него выдержку, в коей его, Керенского, обвиняют в похищении русских государственных денег. Об этой выдержке мне хотелось бы сказать два слова.

Если эта выдержка верна и приведена неискаженно (я склонен считаться и с обратной возможностью!) и в действительности такой документ был передан правительству С. Х. С., то я опасаясь, что у авторов этого документа не было доказательств в пользу высказываемого обвинения. Одних подозрений и слухов тут недостаточно. Я не хочу сказать, что считаю Керенского рыцарем честности; но думаю, что нельзя рассуждать так: «Кто мог бросить армию, будучи в звании Главноверха, тот мог и украсть, а если *мог* украсть, так, значит, и украл...».

Если же у авторов этого документа действительно *нет* данных для обвинения Керенского в воровстве, то я считаю, что им не следовало выдвигать его. Ведь это действительно может оказаться *исторической неправдой*, и никакое духовно-моральное *правдоподобие* (презренность Керенского) не изменит тогда в этом ничего.

Если с нашей стороны будут выдвигаться такие недоказательные и (пока) недоказуемые обвинения, то мы будем давать этим повод для неприятных контрударов («сами клеветеете», «сами имеете казенные деньги» etc.).

И ведь в самом деле — как обвинить без данных? И как требовать честности в спорах, если сами зарываемся? Я считаю Павла Милюкова типичным политическим прохвостом; но денег... казенных... он, может быть, и не крал!..

Все эти соображения мне хотелось бы изложить Вам в виде материала для каких-нибудь возможных директив «вполголо-

са». Поднимать же брошенную Керенским перчатку не буду. Я считаю правильным писать *мимо* людишек даже тогда, когда приходится этих людишек сечь. Ибо нужны *поступки* и *слова*, *равносильные поступкам*, а не перебранкам. И не раскапывание мелочей, и не шипение о личностях. Да и много чести им было бы — упоминать всерьез их фамилии перед большими вопросами; я и так восемь лет морщусь оттого, что русская история так неудачно и безвкусно уснастилась именами этих, истинно ничтожных пакостников.

Не посетуйте на меня за доuku, но мне казалось правильным изложить Вам все это.

Постоянно скорблю о невозможности увидеться с Вами лично и договориться обо многом.

Особенно существенным представляется мне в настоящее время вопрос об «ордене»⁶¹, поднятый в печати В. Х. Даватцем; я доселе избегаю говорить о нем публично потому, что не знаю Вашего личного взгляда на него и считаю, что неосторожное появление какого бы то ни было разнобоя здесь было бы вредным и нежелательным. Очень прошу Вас, напишите мне о сем, хотя бы совсем кратко; двигать этот вопрос или загасить, и если двигать, в каких пределах и условиях.

Искренно преданный И. Ильин.

Адрес (до ноября):

Italia. Firenze. Via del Presto St. Martino, 7. Pensione Fiorenza. С ноября — в Берлине на А. А. фон Лампе.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
23 октября 1925 г.

№ 1984/с Сремски Карловцы,
23 октября 1925 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Сердечное Вам спасибо за доброе письмо Ваше от 15 октября. Я лишь из него узнал о документе, упоминаемом в газете «Дни», вырезка которой приложена к Вашему письму. «Советы офицерских обществ» в тех странах, где рассредоточены части Армии, носят характер учреждений местных; их постановления и протоколы доходят до меня лишь *post factum*. По существу же вопроса совершенно согласен с Вами. Я о Керенском невысокого мнения, однако не располагаю данными считать его вором, а пользоваться в споре и борьбе «недоказательными и недоказуе-

мыми» обвинениями считаю нецелесообразным и обнаружением слабости обвинителя.

Что касается «ордена», о котором Вы пишете, то профессор Даватц, образно выражаясь, ломится в открытые двери. Рыцарский орден — это та самая Армия, к которой он принадлежит сам, те десятки тысяч русских офицеров и солдат, которые, копая шахты и дробя камень на мостовых, продолжают на чужбине творить то же дело, которое творили в дни борьбы на Родной земле, — отстаивать честь Родины, предпочитая унижение, невзгоды и нужду — позору склонить голову перед красным интернационалом. Я это неизменно твержу моим соратникам, и сознание, что их беспросветное существование не напрасно, что в самих их лишениях таится высокая цель, дает им силы продолжать борьбу.

Вот почему так дорого им всякое теплое слово участия, признание подвигов этих страдальцев долга. Среди тех, чье теплое слово особенно ценится, Вы один из первых, за что от имени моих соратников низкий Вам поклон.

Пока кончаю. Крепко жму Вашу руку.

П. Врангель

*И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
14 декабря 1925 г.*

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Николаевич!

Пишу Вам под живым впечатлением прилагаемой вырезки из «Возрождения»⁶².

То, что мы понимали и чувствовали тогда, сидя в Москве, — ныне открыто выболтали коммунисты. Я переносюсь невольно к событиям 1920 г. и вижу, что с тех пор на всех европейских событиях лежат отсветы Крымской борьбы и что могучая фигура русского Главнокомандующего незримо и благотельно присутствует у того стола, за которым решаются судьбы европейских государств. Я знаю, с каким прогнозом уезжали Вы из Константинополя в Крым и какое почти трагическое бремя Вы поднимали. Знаю также, что только меньшинство людей умеет ценить незримый героизм внутренних решений и утешается тем, что среди ученых-историков всегда находились люди из состава этого меньшинства. И только иногда, в минуту малодушия, скорблю о том, что Россия слишком часто и самоотверженно спасала западноевропейских Терситов⁶³.

Но все это, повторяю, мы понимали именно так уже пять лет назад. Храни же Вас, Господь!

Теперь деловое. Мне кажется, что было бы очень существенно, если бы к периоду Заруб<ежного> съезда⁶⁴ в Париже могли бы оказаться В. Х. <Даватц>, Н. Н. <Чебышев>, Н. Н. <Шебеко>, В. В. <Шульгин> и отсюда А. А. <фон Лампе> и я. П. Б. <Струве> будет там, и, может быть, *наши* совещания могли бы оказаться более действенными, чем «зарубежные пленумы». Вероятно, я буду выб<ран> от здешней колонии, и, вероятно, средства на поездку будут даны. Я пишу о том же и В. Х. <Даватцу>; А. А. <фон Лампе> разделяет мое мнение. Неужели же денежные обстоятельства могли бы помешать этому *давно* уже *необходимому* конвенту белых? Нам надо было бы обсудить все и еще многое. Совсем реальное.

В декабрьскую книжку «Гал<липолийского> вестн<ика>» послал статью⁶⁵. Надеюсь, она попадетс^я Вам на глаза.

Ваш, искренно Вам преданный

И. И<льин>.

Какая законченность, верность, политическая безошибочность и чистота стиля имеется в этом многолетнем, выдержанном сремском отшельничестве и молчании!

И как хотелось бы мне побывать у Вас!

Адрес мой имеется у В. Х. <Даватца>.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
21 декабря 1925 г.

№ 2015/с Сремски Карловцы,

21 декабря 1925 г.

Его Прев<осходитель>ству

И. А. Ильину

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Глубоко растроган Вашим письмом. На душе сейчас особенно тяжело, кругом безволие, соглашательство, личные дразги, словоблудие. Ваши проникновенные, полные веры в святость нашего дела слова особенно дороги. Армия сейчас стала на ноги. Она приняла иные формы бытия применительно к новым условиям жизни, она собственным трудом обеспечивает свое существование. С совершенным убеждением я могу сказать, что полностью выполнил данное моим соратникам, при оставлении родной земли, обещание «не оставлять их, пока все они не станут на ноги». Но если я имею нравственное право с удовлетво-

рением смотреть на прошлое и быть спокойным за настоящее, то будущее не может не вызывать тревоги. Сохранится ли в повседневной будничной серой жизни беженства тот священный огонь, который зажегся на полях Кубани, горел в Крыму и не потух еще в изгнании?..

Вот почему я горячо приветствую Вашу мысль сплотить друзей Армии, тех, кто учитывает ее значение и понимает ее нравственную силу, на съезде, который должен явиться выразителем мысли и чаяний национально мыслящих русских зарубежных кругов. Хочу верить, что тот священный огонь, который сохранила Армия, передастся другим, пробудит действительность, зажжет веру.

В. Х. Даватц занят сейчас новым трудом, который выйдет под названием «Годы», он явится как бы продолжением «Русской армии на чужбине»⁶⁶. Даватц просил разрешения пользоваться моими архивами. Большая осведомленность автора и близость его к самой жизни Армии должны сделать труд весьма интересным; он читал мне некоторые главы, они мне понравились.

Не теряю надежды в ближайшем будущем при поездке моей на Запад повидаться с Вами.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш П. Врангель.

Р. С. Что касается Алексея Александровича, то он, как один из начальников отделов Русского общевойскового союза, участвовать на съезде не может⁶⁷.

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
<Октябрь 1927 г. >

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Николаевич!

Благодарю Вас за письмо; я получил его здесь, в Ницце. Первая книжка «Русского колокола» вышла 22 сент<ября>, и я очень надеюсь, что она до Вас дошла. Очень дорожил бы Вашим, хотя бы кратким, отзывом, когда у Вас выберется минута времени. В книжке выстрадано, взвешено, отполировано каждое слово. За каждое напечатанное слово отвечаю я. И один Господь знает (да еще Наталия Николаевна), сколько в это вложено напряженного и ответственного труда. Я надеюсь, что Вы внутренне подкрепите и мою передовую о «Колоколе», и «Нашу госуд<арственную> задачу», и статью «Старого Политика»⁶⁸,

перо которого Вы, может быть, не сразу узнаете по (нарочно) несколько урезанным когтям.

Я веду *трудную* и *одинокую* борьбу за «Колокол». Магазины не хотят торговать им, требуя с нас ростовщических процентов (60 % скидки); мы не можем их дать, потому что мы должны были бы тогда *крепко поднять* цену и обременить этим налогом нашего белого читателя. Поэтому весь наш расчет на создание нашего белого аппарата. Пав<ел> Николаевич Шатилов⁶⁹ уже дал нам связь в 14 местах Франции. Но четыре начальника групп совсем не ответили. Надо растить дело дальше. По-видимому, большую помощь мне хочет оказать С. Н. Палеолог⁷⁰. Но если было <бы> возможно, что РОВС и Галл<иполийский> Союз нас и впредь поддержали бы, — то двинулось бы крепко. За *всякую* помощь я буду Вам бесконечно признателен.

В «России» Струве поместил формальную отписку в виде «Дневника политика»; Вам, может быть, попало это мертвое писание. Он даже не отметил «Правил конспирации», помещенных под заглавием «Как хранить тайну».

Что сделает «Возрождение» — это будет зависеть от настойчивости Чебышева, которому я одновременно пишу. «Рус<ский> кол<окол>» держит линию чисто белую и чисто деловую; он презирает все склоки и будет о них молчать. У нас есть стоящая Россия, дьявольский врач и огромная ответственность за будущее. Но именно потому возможно, что печать будет нас замалчивать. Я думаю, что Чеб<ышев> учел бы Ваше суждение.

С грустью слежу за ложью «Возр<ождения>» по вопросам «новых судебных процессов» в России. С грустью отмечаю двушастную и малодушную позицию «России» по этому вопросу. И, кажется, правда окажется сказанной только у Милюкова. Сердце рвется, когда думаешь обо всем этом. Мир гибнет не только от злодеев, но еще от кривизны, от непредметности личных людей⁷¹.

Вчера я пережил бурный и тяжелый день. У Наталии Николаевны был неожиданный, острый сердечный припадок. Еле добыли врача, который вспырынул ей камфору и велел продолжать вспырыскиваться. Теперь ей несколько лучше. Но белым сердцам теперь все труднее жить на свете.

Храни Вас Господь и помощи он Вам на всех путях!

Ваш душевно, как всегда, — Белый⁷².

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
13 октября 1927 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович,

Письмо Ваше получил и задержался с ответом, т^{<ак>}к^{<ак>} все эти дни невероятно завален работой. Н. М. Котляревский по семейным своим делам должен был срочно выехать в Брюссель, и я всю обширную переписку веду один.

«Русский Колокол» прочел «от доски до доски». По выражению покойного А. В. Кривошеина⁷³ «мысли накручены» — в немногих словах сказано исключительно много. Мозг охвачен потоком ярких, огненных слов, слух потрясен набатом Вашего «Колокола». Боюсь только, что рядовой читатель не все осилит. Это единственное сомнение. В остальном прекрасно, как все, что выходит из-под Вашего пера. Когда рассчитываете быть здесь? Ваше присутствие в Париже сейчас было бы весьма полезно. Как здоровье Нат^{<алии>} Ник^{<олаевны>}? Шлю Вам обоим мой душевный привет.

Ваш П. Врангель.

И. А. Ильин — П. И. Врангелю
4 марта 1928 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Позвольте мне обратиться к Вам с нижеследующей просьбой. Люди безыдейные и жадные сбили моего деньгодателя, положившего основание «Русскому колоколу»; и его рука иссыкает. Надо кое-что добыть на следующие три книжки. Для этого мне было бы драгоценно иметь от Вас отзыв: «Р^{<усскому>} к^{<олоколу>}» строк в десять-пятнадцать, о его задаче, о значении и нужности его дальнейшего существования. Этот отзыв я отнюдь не напечатаю, но покажу доверительно тем немногим людям, на поддержку которых можно было бы рассчитывать.

Мы энергично работаем над распространением. Тираж третьей книжки стоит около 900 экземпляров. Дойдя до тиража в 1500 экз^{<емпляров>}, мы вступим в состояние самоокупаемости. Дело дошло уже до Парагвая. Хуже всего покупают в Париже: очень уж много вечеров и вечеринок...

А. А. <фон Лампе> рассказывал мне кое-что из своих впечатлений. Надо это культивировать. Но улита едет медленно; люди думают так, как если бы они булыжники перетирали;

и кожа у носорога всегда отличалась значительной толщиной⁷⁴.

Душевно Ваш Б<елый>.
1928. III. 4.

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину
6 марта 1928 г.*

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович.

На днях прочел третий номер «Русского колокола». Вы делаете большое и полезное дело. Изгнанническое, серое существование, забота о хлебе насущном, повседневные мелочи жизни принижают дух. Наиболее слабые постепенно засасываются жизнью. Гаснет порыв. Набат Вашего «Колокола» неустанно напоминает, что борьба не кончена, будит усталые души. Гибельному непротивленчеству он противопоставляет действенную, непримиримую борьбу со злом. Усталости и слабости — как законность стремления, неугасимую волю. Обывательской приспособленности и мелкодушию — порыв к жертвенному подвигу.

Да не умолкнет звон Вашего «Колокола» и да ширится и крепнет начатое Вами святое русское дело!

Ваш П. Врангель.

*П. Н. Врангель — И. А. Ильину
7 марта 1928 г.*

Брюссель, 7 марта 1928 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович,

С особым удовольствием исполняю Ваше пожелание. Письмо прилагаю.

Алексей Александрович <фон Лампе>, конечно, подробно ознакомил Вас с теми переговорами, которые мы здесь вели. Как я и предвидел, ничего реального, по крайней мере в ближайшее время, переговоры эти не дали. Цель их была лишь, по-видимому, выяснить возможность совместной работы на случай, ежели бы открылись для этой работы возможности. Вместе с тем я вынес очень хорошее впечатление от моего собеседника. По-видимому, и он остался беседой удовлетворен. Имевшие место переговоры могут иметь значение как закреп-

ление некоторой связи, могущей оказаться полезной в будущем⁷⁵.

Передал для «Белого Дела» записки о борьбе на юге России⁷⁶. Я думаю, что опубликование их будет своевременным и полезно. Крым является совершенно обособленным этапом белой борьбы. Он ярко отличается от всего периода борьбы на юге России. Между тем одни сознательно, другие бессознательно этот период затушевывают. А все, что появлялось до настоящего времени о Крыме, кроме книги генерала Дрейера⁷⁷, весьма поверхностной, исходило из стана враждебного, освещало Крымский период заведомо предвзято: книги генерала Деникина, «Конец белых» Раковского⁷⁸, «Крымская эпопея» Валентинова⁷⁹, «В Крыму при Врангеле» князя В. А. Оболенского⁸⁰ и пр. Нет ни одного просто беспристрастного труда по этому периоду белой борьбы. Мои записки, не претендующие на полноту исторического исследования, но излагающие всю фактическую сторону Крымской борьбы, основанные на неоспоримых документах, дадут возможность беспристрастному читателю разобраться, впервые знакомят широкие круги с тем, что было сделано. Выпуская эти записки не самостоятельным изданием, а в журнале, посвященном собиранию документов о белой борьбе, подчеркивая в предисловии, что мои записки не притязают на значение исторического исследования, а являются лишь записью участника и свидетеля, я, мне кажется, в значительной мере отвожу могущие быть предъявленными к этим запискам обвинения в отношении содержания и изложения. В предисловии к моим запискам я подчеркиваю, что они являются описанием периода белой борьбы, борьбы, которая с отходом Армии на чужбину в иных формах продолжается и впредь. Я даю моему труду название *записки*, а не *воспоминания*, каковое наименование подразумевает что-то закончившееся.

Шлю Наталии Николаевне и Вам мой сердечный привет и крепко жму Вашу руку.

П. Врангель

И. А. Ильин — Н. М. Котляревскому⁸¹
25 апреля 1928 г.

Дорогой Николай Михайлович!

Мне только что сообщили о Вашей телеграмме. Ни ум, ни сердце, ни *вера в Бога* не принимают кончины Петра Николаевича... Впору возроптать!

Ради Бога, прежде всего, *до всего остального* удостоверьтесь, заставьте *врачей* удостовериться, что это не летаргический сон!!

Именно летаргический сон бывает *при сердечных неврозах*. Не хороните его *до трупных пятен*, до полной объективной несомненности, что это настоящая смерть. *Лучше* отложить похороны на день, на два.

Подумайте только: в этом необычайном человеке *все* было необычайно. Это *особое* строение организма, души, инстинкта. В смертной тоске обнимаю Вас братски.

1928.IV.25.

Ваш И. Ильин.

И. А. Ильин — О. М. Врангель
<1>928.IV.27⁸²

Глубокоуважаемая и дорогая Ольга Михайловна!

У меня нет слов, чтобы выразить то горе, то отчаяние, которым охвачена душа. Мы с Наталией Николаевной трепетно ждали известий каждый день и непоколебимо верили в выздоровление; мы и сейчас не можем поверить, что *его нет*. Это мысль просто невыносима для души. Что будет делать Россия без своего единственного, призванного вождя?! Смотрю на людей, стекающихся на панихиды⁸³ — ходят⁸⁴ призраки и даже не понимают, что без *него* они исторический прах и политический мусор.

Ушел мой герой, мой рыцарь, мудрый и вдохновенный. Угас Божий луч. Не в кого верить, некому помогать. Страшно смотреть в надвигающуюся темноту. Страшно за Россию. Куда ведет ее Господь? Зачем так страшно⁸⁵ испытует?

Ольга Михайловна! Его память будет всегда священна для меня. Ваше горе — мое горе. Всегда уверенно зовите меня, как только я Вам понадоблюсь.

Помоги Вам Господь!⁸⁶

Душою и сердцем Ваш

И. А. Ильин.

Из переписки И. А. Ильина и И. С. Шмелева

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<18.III.1927>

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Давно уже собираюсь написать Вам, да задержала ангина, которая тянулась две недели и меня душевно утомила и измочалила.

Я не могу писать Вам о «Солнце мертвых»¹. Потому что у меня нет такого чувства, чтобы это было «произведение», или «произведение искусства», или Ваше «сочинение». А есть чувство, что это *оно само*, сама бездна первозданная, сама *беда Божия!* Ибо все это так *есть*, так *было*; и если хотя бы только один раз *было*, — то уже *есть навсегда*. И как бы ни было это *человечно* — человеческих рук и человеческих слабостей дело — — — все-таки самое *ужасное* здесь не то, что «мертвых», а то, что «солнце»!! Я думаю, что никто еще и не знает, что Вы создали — потому что, выйдя и отойдя, все-таки же понимаешь и соображаешь, что это *Вы — создали...*

Я читал «Солнце мертвых» — долго; растягивал — откладывал; не то боялся, что кончится; не то боялся дальше читать; не то боялся, что я упущу что-то мимо своего духовного черпала. Это один из самых *страшных* документов человеческих. Мне: то казалось, что человеку от стыда нельзя больше жить на свете; то казалось, что *Бог ужасается, что создал человека*. Солнцу нельзя быть солнцем — мертвых! Что книга Иова? — рефлектирующее благочестие обедневшего и захворавшего жида!.. Что книга ходульных аллегорий и сонных страхов — Апокалипсис!?.. Первое — эпизод; второе — сон. А это — *система бытия*. В средние века верили, что есть такие в небесах сконцентрированные квинтэссенции бытия — *sphaecula mundi*² — образы

мира, сгустки прототипические. Вот — «солнце мертвых». Богу — меморандум; людям — обвинительный акт. И этот пророческий, гениальный бред доктора!.. А возвращение Иваном Карамазовым «входного билета» — кажется после этого пустой, аффектированной фразой...³

Я знаю, что *Вы не* возвращаете этого билета. И Вы еще покажете — *почему* не возвращаете. Жду этого. А пока — верьте, «не притомлюсь в борьбе со злом»; хотя и один Господь знает, как я *бездонно устал*. Но опять позовет духовная труба — и весь я как камень, как меч, а зубы зажимает рыдание. Но об этом никто не знает — и пусть не знает.

В пасхальный номер «Перезвонов» послал статью маленькую «О путях России»⁴; написал под заголовком «Ивану Сергеевичу Шмелеву». Идея: нет народа с таким тяжким историческим бременем и с такою мощью духовною, как наш; не смеет никто судить временно павшего под крестом мученика; за то мы выстрадали себе дар — незримо возрождаться в зримом умирании — да славится в нас Воскресение Христово!

Не браните за то, что без разрешения.

Мне доставили номер рижского «Сегодня» с Вашим суждением⁵. Аттестат Ваш сохраню на память; если кто будет пить — предъявлю.

Спасибо Вам за чудесное письмо. Я его много раз перечитывал. И конечно, тоже сохраню. И во всем согласен.

Буду ждать еще книг Ваших. Как хорошо бы нам лично повидаться! А то у меня даже возникла потребность и настоятельная — портретами поменяться... Как Вы думаете?

Плохо и мало меня печатают в «Возрождении». Чувствую себя, как лошадь стреноженная. Если увидите Петра Бернг<ардовича> — спросите его мимоходом и *от себя* — почему-де мало «Ильина»?

Наталия Николаевна шлет Вам привет. Мы с ней постоянно говорим о «Солнце мертвых»; и восприняли его однородно.

Горячо Вас обнимаю и братски люблю.

Ваш И. Ильин.

1927.III.18.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<14.VI.1927>

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

Наконец я могу позволить себе сообщить Вам основную сущность того «дела», на которое я Вам намекал и о котором нам следует поговорить лично.

Некоторое время тому назад один знакомый привел ко мне русского, национально мыслящего человека, недавно приехавшего *оттуда* и имеющего очень солидное прошлое и очень солидные связи. Туда он больше не собирается, а желает работать здесь. После всесторонних и длительных обсуждений выяснилось, что мы с ним в большом и полном единомыслии и единоволе; что он имеет деньги на издание идеологического журнала и желает эти деньги предоставить в мое полное распоряжение *à fond perdu*⁶; и что мы друг другу вполне доверяем.

Ныне программа журнала мною выработана, деньги уже внесены, переговоры с типографиями уже налажены; и вот что решено⁷.

1. Я есмь редактор-издатель. 2. Журнал будет выходить в Берлине, с 1 сентября, ежемесячно (?) размером в 5 листов, ценою в 1¹/₂ марки, 9 франц<узских> франков. 3. Он будет состояться на основе единой идеи и единомыслия, без разнобоя, полемики etc. 4. Это должен быть журнал *волевой* идеи, такой, чтобы ее хватило в России и на 50, и на 100 лет. 5. Каждая строка будет оплачиваться и *прилично* оплачиваться <—> 16 долларов за лист в 35 000 букв; деньги выложены на стол прямо на несколько номеров вперед. 6. Предполагается настойчивый, волевой аппарат распространения, повсеместный; и далее — отправка на *внутренний* рынок.

Я не могу скрыть от Вас, что от одной идеи о Вашем участии в этом журнале у меня делается радостно на душе. Одно только — по уставу мы не будем печатать художественную прозу, или «беллетристику»: не хватит места. Но мои надежды на Шмелева-публициста, пророка и сатирика (сказки!). Ему будет одно из самых первых мест, и притом самое почетное место в журнале.

Я не мыслю журнала без Вас. Откликнитесь! Загоритесь! Дайте *мне* Ваше вещее, глубинное, огненное слово! Хотите призыв к русскому народу — давайте призыв (как Вы мне писали в одном из писем...)! Хотите «горькую сказку» — давайте сказку! Хотите обличение наподобие «доктора» из «Солнца мертвых» — давайте, давайте! Все будет приниматься с радостью и помещаться с гордостью...

Мы не будем забирать слишком направо; мы будем свободны от левизны. Я не наглашу туда ни колеблющихся, ни усталых, ни исписавшихся. Я буду искать «сенек» по «шапке». Я мечтаю о густом, почвенном, свежем, дерзающем и трезвенном, ответственном слове. На днях вышлю Вам два общих «досье» — о задаче журнала и об общем направлении. Пробежите их, но *не стесняйтесь себя ими*: пишите так и о том, как и о чем позовут Вас написать голоса, мудрые голоса в ночи!

Для первого номера (я не мыслю *ни одного* номера без Вас!) надо было бы иметь к 1 августа, — но я мечтаю до тех пор увидеться с Вами лично. В начале июля буду в Париже, а потом проеду на юг Франции.

Итак: зову и мечтаю!

Ваш И. Ильин.

Все сие пока *строжайше* между нами! Не хочу без нужды обижать людей...

Пишите сюда!

Спасибо Вам за «Человека» и за «Сказки»⁸. То и другое мы прочли с Нат<алией> Ник<олаевной> вслух. И глубоко оценили. Но какой же Вы *разный*! Полное перевоплощение... Такие ведь те Предметы, которые созданы Творцом. И из каждого Вы говорите на «евоном» языке.

1927.VI.14.

< Приписка: > Где Вы? С какого времени? Как Ваш точный адрес, если он новый?!

И. С. Шмелев — И. А. Ильину
<24.IX.1927>

24 сент<ября> 1927 г.
Capbreton (Landes)

Дорогой Иван Александрович.

Прочитал сейчас Ваше «Общее направл<ение> ж<урна>ла» — голова кружится! Это — **исторический** документ. Это

«пантеон» **русского** ума, русской души и сердца. Это — энциклопедия русск<ого> возрождения! Да, голова кружится — от величия и **правды** будущих напряжений. Это же такое **поле** — куда, к черту, анемичные (и — сколь политые кровью!) программы усохших и прокуренных (часто — злющих) душонок всей жадной «стервы», подлой стервы, сожравшей столько чудесного в русском народе, всегда жаждавшем **подвига**! Сколько сгорело на злом огне! И — какие возможности открываете, разворачиваете Вы **теперь** — для уцелевшей и будущей **русской** интеллигенции! Чудесная, захватывающая *система*! Да, это и не на 50 лет: это на сотню, больше. Это — впрок! Это такой **засол**, что нужны бондари искуснейшие, и — клёпка д<олжна> б<ыть> из чистого, не сучкастого матерьяла! Дай, Господи! Да **этим**, если приступить складно, можно зажечь молодые (да и старые) души. Верю: будущие студенты наши, будущие студентки — подлесок рус<ской> буд<ущей> интел<лигенц>ии — элиты — на 99 % — верный засол! Голова кружится. Страстотерпцы будут! Столпники — и даже блаженные! Верю (и всегда верил), что Россия *полна такого засола*. Я, представьте, даже в похабников-комсом<ольцев> верю! Этих даже двинуть можно — и загорятся. Правда, они многое «в оборот возьмут», на расчистку ринутся, — «головы кинут прочь». По России надо будет идти — пророкам и глашатаям. Пылкая, горячая... — и надо в русло вводить...

Вижу, чувствую, — чудесное дело **начинаете**. И охватыв<ает> меня тревога — до чего ж я слаб, не готов! Ну, буду и я подпевать. Ищите же, ищите помощников! Надо создавать **Орден**, **Союз русских строителей**! Да, *русских каменщиков* (не масонов, черт возьми, а ревнителй!). Именно — Святой Союз нужен! Вы должны это делать, сделать! И *надо это* — Вам, не страшась. Будут тогда и средства. Считайтесь с *человеч<еской>* природой. Да, «детское» это, но оно нужно. И я хотел бы говорить об этом. Нужно «*Общедействие*», в тайне, в **грезе** — пусть, но **нужно**. Надо учиться у врагов. Надо **подбирать**, с велич<айшей> остор<ожностью> и тактом, с клятвами, с Крестом и мечом, с *Евангелием России*. Да, надо быть «святыми революционерами». Надо раздувать пламя, **пафос** национального!

Подумайте о сем! Вы для сего и живете, я чувствую. И это не фашизм будет, а русская духовная дружина. Цель — беспредельна и высока — до Бога! Во имя — Ее, России. Это не романтизм, а наше право, наше *добытое*, — не от эстетизма духа, а от ограбленности нашей: это завет — могил, миллионов могил безвестных!

Я хотел бы встретиться с Вами и говорить. Попаду я в Sevres к 1 ноября, думаю.

Теперь о журнале. Надо, чтобы его легко находили. Где же у Вас отдел<ение> в Париже? Ведь выписывать из Германии — уже подвиг. Надо **совать** в нос! Под рукой чтобы было. Иначе — засорите дело. **Знаю**. Где у Вас склад для Фр<анции> — ведь здесь ядро. Где склад для Чехии и Балкан? Читаю сегодня в «Возр<ождении>» объявление — не вижу. Ради Бога, скорей налаживайте! Ведь начнут Вас «драть» — *рвать* «Рус<ский> кол<окол>» «собаки» («Собаки лают — значит, едем!»), публика насторожится, а книжки нет под рукой. Скорей давайте в Париж. И — ядро надо, святое ядро, к которому прильнут. Да, Св<ятая> Святых — у Вас, но прихожан надо **взять**. Не бойтесь «ордена». Он — **хлеб** момента. **Надо**. С велич<айшей> осторожностью, понятно. **Тайна** — у немногих, но эманация от нее — д<олжна> захватывать. Вы — Строитель. Нужны — работающие! Россия — Господь — благословит. Это же, что Вы дали в досье — религия России, — проповедуйте! Заклинаю Вас — не ждите, чтобы сами слепились. Будемте лепить. И — в тайне. Русскую чудную **женщину**, женщину-мать, женщину — будущую мать! **Она** — всесила! Вы даете чудный, освещающий и манящий **огонь**! Его давно ждут. И будет у многих — чудеснейшая **цель** — жить и ждать, но ждать, делая. Это — *хлеб живой*, это — вода живая! Это — выход к Идеалу.

Что делать с присл<анным> Вами «докладом»? Я его взял в душу! Вернуть? У меня голова кружится. К 3-й кн<иге>, не знаю что, — но попробую дать. Я почти здоров. Но *ущу* себя. Обнимаю Вас, дорогой Учитель! Низкий поклон Вам и Нат<а-лии> Ник<олаевне>.

Будьте здоровы, крепки! Ваш душевнейше Ив. Шмелев.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<конец декабря 1928>

Дорогой Иван Сергеевич!

Только что прочел Вашу статью об Айхенвальде в «Возрождении»⁹. Считаю себя повинным дать Вам к ней следующие комментарии.

1. Айхенвальд был убежден, что *Россия погибла*, что ее *больше нет* и что все предсказания и предчувствия о ней были фантазиями. Это он не раз высказывал устно.

2. Со свойственной ему ядовитой иронией он высказывал это и *письменно* — в статьях своих и газете «Сегодня». Еще полтора года тому назад редакция «Слова» прислала мне одну такую статью с издевкою над «пророчествами» Достоевского, прося меня отделать его до свежих веников. Статью эту и я и Наталия Николаевна признали *гнуною*. Отделать его я, к сожалению, не мог, заваленный колокольною работою. Эти антинациональные статьи его появлялись в «Сегодня» систематически.

3. К этому же времени относится его статья в «Сегодня», в коей он, примыкая к Бердяеву и его низкой статье в журнале «Путь» (против моей книги «О сопр<отивлении> злу силой») ¹⁰, горячо поддерживая выходки Бердяева против меня, добавлял к ним ряд собственных злобных и пакостных инсинуаций.

Так как он был достаточно умен и достаточно знал меня, чтобы знать, что лжет, — то после этой статьи я в течение года *не подавал ему руки*.

4. Год тому назад он принял деятельное и злобное участие в травле только что появившегося «Русского колокола». Жена моего деньгодателя, прочтя его злую и ироническую рецензию в «Руле», горько плакала о том, что «есть же предел человеческой несправедливости и злобе».

5. *Кого он «вел»?* — У него был здесь в Берлине кружок из пятнадцати антинационально настроенных еврейчиков. Их он «вел» к импрессионистическому смакованию *бывшей* литературы *бывшей* России. Помню, как в прошлом году я по ошибке вошел в *его* аудиторию и хотел начать свою лекцию; в ужасе я увидел перед собою — изумленно вытаращившуюся на меня толпу евреев, человек в 20, которые и объяснили мне мою ошибку.

6. Этим летом он прислал мне статью в сборник о Толстом (выйдет на нем<еком> языке, труды Научного института ¹¹, сборник я редактирую). В статье этой было место (я оставил его) с возмутительной выходкой о христианстве. Но христианство было *не* названо; я не мог придрататься и запротестовать; удрученный и отвращенный, я *оставил* это место.

7. *Куда он «вел»?* — К *непротивленчеству*; к ликвидации русской национальной государственности и к *безверию в Россию*, к импрессионистическому *слащавому* смакованию того, что ему *субъективно* нравилось в литературе; а потому — к критике *бездоказательной*, то *беспочвенно* сентиментальной, то *беспочвенно* злобной.

Прохвост Ходасевич ¹² был прав, написав еще в 1912 г. критику на айхенвальдовского «Пушкина» ¹³ — «Сахарный Пушкин».

С 1923 г. я болею душой оттого, что немцы в Берлине получают русскую литературу от этого антинационально настроенного, чуждого русскости, «псевдорусского» иудея.

8. Поучительно было, что, когда он умер, здешние «русские» синагогальные евреи (гессенцы и милюковцы) заявили, что он по вероисповеданию *иудей* и что они будут хоронить его по-своему. Им возразили, что он был прихожанином «евлогийанского» прихода. Они ответили: «Если бы он был христианином, он не мог бы работать с нами *так, как он работал*, с нами и в наших организациях». Тогда было документально установлено, что он — член прихода и — его похоронили, увы, на православном кладбище в Тегеле.

Это был человек достаточно сентиментальный, чтобы казаться добрым, будучи злым; и достаточно литературно одаренный, чтобы выдать свое импрессионистическое безмыслие за эстетическую критику.

Ныне у нас эпоха *ответственная*. Мы должны говорить о мертвых *правду*. Смерть Айхенвальда не национальная утрата, а *форточка для свежего воздуха*. Лучше ничего, чем антинациональная лживость, прикрытая «л-ю-б-о-в-ь-ю» к России и русскому. Это была фигура *фальшивая и вредная*. И недаром еще полгода тому назад мне пришлось в его присутствии поднять вопрос о *моральной извращенности*, которою дышат все его постановки вопросов.

Он *не был русским*. Это главное. И дух его *предал* Россию. Это тоже главное.

И Вы можете себе представить, с каким тягостным чувством мы, Наталия Николаевна и я, читали написанный Вами канонизирующий его апофеоз...

Когда боль и огорчение от этого пройдет, я напишу Вам о делах и о себе.

Ваш И. Ильин.

1928.XII.25.

Berlin W.62.

Wormser Str., 4, III

Нет, нет! Слава Тебе Господи, с Айхенвальдом еще не «конец». И Россия *есть*, и ее литература *есть*, и «на ветер» она «не пошла» от смерти одного антинационального иудея. Избави нас Бог от таких «верных хранителей»!!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<23.IX.1931>¹⁴

1931, септембруария, 23.

Дорогой Иван Сергеевич!

ГРрррррррромы небесные да ПОРррррррразят Вас! Посылая Вам «стансы» — я заклинал Вас не читать их профессссссссиональным поэээтам! Как то — Бальмонту¹⁵; и другим. А Вы что сделали??! Какой же Вы мне кум, ежели Вы так меня кум-протетируете? Ведь Бальмонт подумает, что строчки вроде

«И наслаждались они
Явлениями природы»

или

«Являло им молчанье гор
Образчик совершенства», —

что эти строчки я *НЕ-ЧА-ЯН-НО* написал, что я их *всурьез* выдаю. А-а-а-а! Мое доброе имя! Бедное мое имя! Мое поэтическое вымя! Бедное мое вымя! Мое литературное знамя! Мое художественное пламя! О, грядущее племя! Какое ты воспримешь семя!?

Нет, нет, нет! Мы с Вами, явно *начинающие* поээээ-ты — мы должны беречь свою и взаимную репутацию, чтобы она не превратилась в перепута-цию, рас-пута-цию и ам-пута-цию!

Коварный друг! Жестокий друг! Я требую уд-влетворения: Вы обязуетесь *взять назад* * (перед Бальмонтом и другими профессорами-поэтами) мои стансы. Stans'ы. Да разве мы с Вами *такое* напишем, если у нас сделается поэтический *STANS!* Рррррррр!! Мы создадим *академию*, новую! Не какодемию (от *κακὸν τό δῆμος*¹⁶), а настоящую!

Но об этом до следующего письма.

Обнимаю Вас, жестоковыйный!

Ваш отец Катавасий Синедрионов.

Абдрист: Schweiz Рига (Tessin) bei Trüb.

* Примечание: На чей зад? неизвестно!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<27.VIII.1932>

27 августа 1932 г.

Адрес: Schweiz.

Berner Oberland.

Grindelwald. Hotel Central-Wolter.

Дорогой Иван Сергеевич!

Случилось то, чего я опасался — Равка с радости ошалел, напился и написал Вам моветонное письмо. Что же делать — такая натура! И мне тоже накатал послание. Посылаю Вам его (с позволения сказать) эксцесс, ничего не исправляя и не меняя. В исполнение его неотвязчивой просьбы посылаю Вам одно его «морсо», которое он особенно любит и целыми днями распевает на мотив «Круговой поруки» («С ружьем в руке охотничек по полю проходил»). И при этом всегда фальшивит.

Мы сейчас в Гриндельвальде, в Бернских Альпах. Высота 1030 метров. Сегодня ходили к леднику — страшный! голубой! грязный! висит и непрерывно под себя пускает! Хорошо, что Равки не было — уже он бы сочинил какое-нибудь морсо.

Душевно Вас обнимаю. Со стихами равкиными поосторожнее. Там не все прилично.

Ваш И.

СОН

*Посвящается
русским народникам*

Объевшись раз за ужином,
Я видел странный сон —
Народники по дюжинам
Всходили на балкон.

Речами несуразными
Мутили всякий сброд
И бородами грязными
Трясли на весь народ.

Кричали, что «инструкция
Нужна для разных дел»,
«Аграрная продукция»
И «черный передел»...

Кричали, что их партия
За власть возьмется, козь —
Народу выйдет хартия,
Земля, и хлеб, и соль.

Пройдет Руси бессилие,
Дадут деревья фрукт,
Начнется изобилие,
Размножится продукт...

И только что «размножили» —
Слышна вдали гроза:
Дороги словно ожили,
Идут, скрипят воза...

Чтоб угостить народников
Продуктами земли,
Двенадцать тыщ охотников
По бочке привезли...

И сами — все на корточках...
Ах, нет на вас пути!! *
Пришлось открыть все форточки,
А самому уйти...

И что же в назидание
Осталось от всего?
Страдало обоняние!
А больше — ничего...

< Письмо Питирима Равки: >
Достоименнейший и всеобщезвестный
Иван Сергеевич!

Утешили! Прямо скажу: утешили и обрадовали! Наконец-то наш професор разрешился от бремени и написал Вам о моем *каноне*! Все откладывал, откладывал, 2 года уже. И чего откладывал? Трусил за меня, что ли? Ведь изобретение-то *мое*, а не евоное! Ну, не понравилось бы, и беды ему нет.

Но теперь нас уже ТРОЕ АКАДЕМИКОВ! Мы совокупимся усилиями — и все попрем! Мы распустим такие Буні, мы наде-

* Это для детей и дам. Для взрослых иная редакция: «Ах, м... вашу...!»

лаем таких Мережков, подпустим таких Алданчиков, что всех об Ремизим! Каноны мои, каноны! Выражайтесь! И заражайте!

Смачно — сочно —
Хоть двустрочно —
Толстым квачем —
Набулгачим —
Вдохновимся и взыграем —
Нагло набелибердаем —
Всех поэтов мы обставим —
Удивляться мир заставим —
Эй, поэтицы — каракатицы,
Литературные пустосвятицы!
Худо-севичи пусто-певичи
Фрррррр — щелк! На обей ЛАПАТКИ!

Нобелять-то нам же всем-то уж вряд ли придется, но накобелять-то мы сумеем!

Гип, Гип, Гип — — иус! — ура!

Присылайте скорее Ваши академические материалы, а я буду присылать свои. Я же ж давно говорил — Гению Пути не заказаны. А профессор-то наш все не верил. На радостях пишу и ему, чтоб он Вам послал из нашей с ним коллекции;

Ах же какие у нас скопляются морсы!

Тезоименитейший, молю! Рожайте необузданно!

Поймите — все же дозволено!

Даровитейший! Жду от Вас эксцессов академических!

До свиданья-с!

Ваш Вдохновенный

Пети-Пити-Пяти-без пути мы не его Рим Равка

Рим

(от радости усидел красного — 3 бут<ылки>.

пива — 4 бут<ылки>.

грогу — 3 стак<ана>) Итого — 10 штук.

Пишите мне на профессора! Ура!

И. С. Шмелев — И. А. Ильину
<2.VIII.1933>

2.VIII.33.

Капбретон.

Дорогой, чудесный Иван Александрович, — уж так Вы меня — нас обоих с О<льгой> А<лександровной>!¹⁷ — обласкали, **нашли** в нашем одиночестве больном, что слова мои бессильны

высказать. В тяжелые минуты, **нехотя**, — перемогая себя и страшась новых пакостей газетного листа, развернул я в субботу «Возр<ождение>», увидел Вашу статью-поэму¹⁸ — и не мог читать, так разволновался. Пошел бродить по городу, боясь читать. Так я отвык читать о себе, что начертание имени чужим показалось мне. Это какой-то другой Ш<мелев> — так мне и показалось. Читали мы вместе, а потом я еще, с перерывами, три раза прочитал... Ну что же мне говорить — не скажешь. Это все-таки, должно быть, не я, хоть многое мне знакомо. Мне навязчиво думается, что я должен буду все это — заслужить еще и что у меня уже нет сил — заслужить. Вы мне, страстным талантом Вашим, в долг много отпустили, щедрый! Я читал Вас, как слушает похвалу учителя ученик, рассчитывающий проехаться хоть на троечке, а получивший неожиданно пятерку с плюсом. Но вот что... — чем больше вчитывался я, тем больше видел — и поражался! — как насыщена Ваша речь, сколько надо духовных сил, чтобы вобрать в ум и душу этот «пир слова», слова-мысли! И чувствовал, что о каждой блеснувшей мысли — а они неустанно бегут и нагружают! — Вы можете властно говорить-учить, доказывать, обосновывать сказанное вскользь, — ибо Вы строгий и властный хозяин сказанного. Я удостоен Вами высокой чести, вряд ли и вполовину заслуженной. Вас удостоиться, Вашего разбора, — это для меня честь и счастье, — это и честь, и счастье — для всей литературы нашей, ибо Вы первый судья, бесспорно, имеющий власть и право судить и взвешивать искусство наше. Вы, при всех Ваших знаниях, многосторонних и многомерных, наделены от Бога даром художника-мастера, острым духовным глазом, горячим сердцем, пламенным словом, богатствами русской речи, потрясающими меня, в изумление и восторг приводящими. Откуда это?! Я в пуще народной вырос, а Вы-то... откуда у Вас такое постижение **слова**, такая к нему чуткость, такое знание?! Не по трудам Вашим сужу только, — а, вообще, по речи Вашей, и устной, и эпистолярной. Вы сколько десятилетий отдали на кабинетную работу... — где же Вы так наслышались **живого**, играющего слова?! Нет, не наслышались Вы, а **от недр** оно в Вас, неведомо для меня. Оно в крови у Вас, в Вашем существе неповторимом, в помазании Святым Духом. Вы — да что, у меня и слов нет. Да еще скажете — эх его, как рассыпается, подбрасывает-стелет коврики! Нет, не подбрасываю. А радуюсь, как же блестит талант русский! Что Ключевский¹⁹ в истории, — по слову! — то Вы — в словесности. Вы же — иной Потебня, не косноязычный и полновесный, переобремененный глубинами мысли, а удивив-

тельно ярко-ясный, легко захватывающий и уводящий в неведомые царства Слова, показывающий сокровища — жизнь и движения, и **соки** Слова — Живого слова. Вам ведомы его скрытые законы, его тайная жизнь и его потрясающая **живая** и творящая власть. И представляется мне, что Вы носите в себе неиссякаемый источник тайн слова, — какие-то еще никем не написанные книги о слове творческом, о законах его жизни... Вы можете — да, можете! — как-то совсем по-новому дать нам — и как же это нужно теперь особенно! — и Пушкина, и Крылова, и Гоголя, и Лескова, и Достоевского, и Толстого... — весь наш Олимп, русский святой Олимп, — Афон!²⁰ И мы раскроем бесценные новые сокровища в россыпях, будто бы отработанных. Вы меня называете поэтом... Пусть, кум grano салис...²¹ но Вы-то воистину Поэт-Мыслитель, главой уходящий в облака, а ногами ступающий по вселенной, не только по родной земле: у Вас не отвлеченность — игра мыслей самодовлеющая, а **все** — накрепко связанное с **живым** в человечестве, с самым важным для мира-жизни и — для **родной** земли! Гимн Вам пою? Да, пою, ибо — сердце мое смотрите! — гимнов Вы достойны не моих, одиночных, а — народных. Как бы могли Вы говорить народу! как бы могли вести! И дай Господи — дожить Вам до этого дня — счастья! Ибо у Вас сложное — силою слова — преображает по воле Вашей — в простейшее — и важнейшее — доступное народу. Какие бы неведомые тайны радости и духовного богатства открыли бы Вы ему! Как бы могли ощутимо показывать и смысл жизни его, и пути его! Ибо — универсальны Вы, мыслитель, учитель, оратор, волшебник, взрыватель душ — и увлекатель острым словом, невыдуманным, а естественно и мгновенно рождающимся, от избытка чувства, от игры мысли со словом.

Вот Вам мое признание в любви, бессвязный выжим из накопившихся во мне богатств о Вас — и Ваших. Вы столько повсюду разбросали мыслей-образов... — если бы Вы их объединили в книги — части какой-то Энциклопедии — о Жизни, о Народе, о Боге, об Искусстве, о Молитве, о — проявлениях Божества — во всем, человеку видимом, человеком творимом... о божественном естестве в человеке... С Вашей страстностью, с Вашими устремлениями — Вы могли бы быть творцом новой религии, нового толкования Мира и его смысла — новой и более близкой человеку, более **человечной** философии, системы философской — русской религиозной философии. Тут бы Вы излились, вычерпали бы все скрывающиеся в Вас, не отозвавшиеся еще возможности-богатства. Жизнь настолько запуталась — всяче-

ски и повсюду! — что начинает чуяться, что нужен какой-то новый путь, **нового** христианства... какого-то уяснения всем по-новому — может быть, даже и со строгостями! — жизни, ее смысла, обязанностей... Человечество явно **ищет**, чтобы им управляли, вели иными путями... — в тупик и в провал вошли, — **нового** слова ищет. Наш век отменяет и отменит с яростным смехом многое «священное», казавшееся таким. Или же — забытого старого жаждет? Но — обновленного, но — по-новому уясненного. Сейчас только первые корчи и судороги, а «припадок» будет, взрыв будет... — в народах, в человечестве, — и или Пришествие будет, или — новые пути откроются, когда человечество сумеет найти равновесие между новым ритмом жизни, — разумею изменение, всяческое, материальной структуры, — и основами духа, тысячелетними. Открывается что-то... — не доживем, не узрим, а — грядет! И если это **новое** откроется в России, тогда искупятся вся кровь и все мучения. Новая мелодия «Слава в вышних Богу»²² — должна бы начинаться в России, в **Новой**. Христианство, родившееся в простой жизни, двадцать веков тому, **не** привилось к человечеству... а в такой стоэтажной жизни, с такими скоростями во всем... — не привьется никак, ибо Христианство — страшно внутренне, духовно насыщено и требует тишины и простоты. Или же необходимо всем этим скоростям взорваться, провалиться к черту в дыру, необходимо **забыть** человечеству **все**, и обогащенному опытом страданий и безвыходности, властно и всеобще начать новое христианство, спаливши все старое. Но к этому приведет сама запутавшаяся жизнь, и спрашивать согласия не будет. Как легко разрушать старое — мы знаем — по нашему делу, русскому... знаем и по германскому. Сейчас куется разрушение — в Америке. Слепо, а куется. Докуют до чего-то. Так вот, куда я «довертел», говоря о Вас. Чудится мне, что Вы о многом продумали, многое знаете, о чем еще не говорили или только касались.

Ну, простите за многословие. Благодарю Вас за «Вальфарнах Брот»²³, за Ваше содействие, за заботы, за Ваше слово обо мне — опять! — в «Эккарте». Удивило меня «циркул<ярное> п<ись>мо» 120 Дихт унд Шрифтшт²⁴. Зачем это?! Ну, это, м<ожет> б<ыть>, нужно издат<ельст>ву. О<льга> А<лександровна> все еще больна, хотя удушья реже, доктор Серов написал из Парижа совет. Это — от воспаления гланд. Я то болею, то скриплю. **Ничего** не могу писать, пустой. Да и стимула нет, негде печататься. Живем скудно, но... — это все переносимо. Порой что-то проходит в душе, но не принимает очертаний, — так,

вихрится. И кажется все — ни к чему. Понимаю я Ваши переживания, милый И<ван> Александрович>. Когда невесело, нет свободного воздуха дышать, душа — именно — не цветет. А как бы хотелось мне услышать — в письме бы хоть! — Ваш веселый, играющий смешок внутренний! Если бы Вы могли сюда приехать! Дешево бы устроились, вздохнули... — в соснах. Не смею верить. Целую Вас с Наталией Николаевной, будьте здоровы, дай Вам Бог нечаянной радости!

Ваш, благодарящий Ив. Шмелев.

<Приписка:> За 3 мес. я не написал ни строчки! Правда, проработал и раздвинул «Богомолье». Получаю приветы за «Лето Госп<одне>»²⁵. Одна дама даже стихи прислала! для книги.

<Приписка:> Вряд ли что получу от Экк<арта>: ведь — мораторий? А Candr<eia> — ничем еще не порадовала. Экк<арт> будет для нее допингом, надеюсь.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<7.VIII.1934>

Милый и дорогой друг!

Я получил от Вас много, а не писал Вам ничего. Я получил письмо от 2 июля, открытку от 7 июля, открытку от 15 и открытку от 27 июля. Каждая была мне *радостью* — и больше всего то, что Вы уехали, видите Божию красоту, отдыхаете, — что зашевелились и зашептали в Вас струи, что Вы меня помните. Помогите Вам Господь! *Обрадуй* Вас Господь! Все, что Вас касается, я впитываю в себя — как свое, родное, драгоценное; каждый день о Вас думаю в разных лучах. Не писал же Вам, чтобы не огорчать, — врать не мог, а *мне очень тяжело*.

В начале июля я был уволен вместе со всеми другими соотечественниками с того места, которое занимал 12 лет, — уволен за русскость. Это большой удар во всех отношениях, и я его весьма ответственно, тягостно и с волевыми выводами переживаю. Материально я еще прокормлюсь, вероятно, несколько месяцев, но духовно и патриотически — это целое событие — целый крах. Мне бесконечно грустно, что не могу Вам раскрыть всего; все это событие довожу до Вашего сведения крепко-доверительно, не сообщайте об этом другим, это могло бы многому хорошему повредить, но поймите, что в душе я перетираю пудовые камни. Я нисколько не Сальери, — но невольно вспоминаю — «в награду любви горящей, самоотверженья, трудов,

усердия, молений...»²⁶ Чувствую себя так: снова лег мне на голову перст ангела, ведающего все и ведущего, — и снова трепеща — спрашиваю: «Куда ведешь и ведешь ли? не оставил ли меня? и если оставил, то за что? и *стоит ли жить дальше?*» — И еще: страшное сознание своего одиночества, своей *ненужности*, своей черной *ненужности* для чудесной нашей родины — легло на меня камнем. Конечно — *честь и верность* моя со мною и я знаю, хорошо знаю те часы, в которые я их предпочел всяческому личному устройению. Но, Господи Боже мой! Что за страшное время выпало нам на долю, что негодьям, законченным лжецам и бесстыдникам пути открыты, — а нам — поток унижений! Ах, не выскажешь в письме ничего! Но, Вы, чудесный художник, поймете все и так!²⁷

Сию на месте. Отдых необходим, а путей к нему пока не видно. Обертываюсь назад — и содрогаюсь, видя, *сколько раз* и из *каких ям* и петель вынимал меня Перст. И только в минуты малодушия — унываю и отчаиваюсь.

Вот, дорогой, почему не писал Вам. Не браните. Но и не спрашивайте о деталях. Верьте, что я все время и до конца — совсем предметно и совсем нелично служил делу, — и именно поэтому отнадобился. Quos vult perdere dementat²⁸, а моя личная судьба в Руце — в Руце! И еще верьте — что бы со мною в дальнейшем ни случилось, какие бы пути ни открылись — на этих путях я всегда буду искать и найду возможности быть Вам полезным.

Кто читал начало «Няни», все восхищаются. Дошел ли до Вас мой фельетон «Борьба за художественность»? — будет еще окончание. Хотел прямо сказать, что школа экономии, насыщенности и лаконизма, в том числе и в больших романах — Шмелев, см. «Няню», — где видимый «водолей» весь насквозь лаконичен и необходим, — но потом решил — не тыкать, называть рядом условно Бунина (у которого водолей часто не более чем водолей), — а о «Няне» написать потом отдельно.

Очень хорош был очерк о встрече с Чеховым²⁹. Превосходно! И как хорошо, что Вы вернулись в газету!!

Попытаюсь послать Вам Мер<ежковского>, а м<ожет> б<ыть>, и Ремиз<ова>³⁰.

До свиданья, мой дорогой! Жена шлет Вам обоим ласковый привет. Бог даст, Ольга Александровна вздохнет и отдохнет в горах. Обнимаю Вас обоих.

Ваш Иоанн Рыдалец.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<2.X.1934>

2.X.1934

Дорогой друг Иван Сергеевич!

Не писал Вам давно потому, что очень тяжело было на душе. Об этом отдельно. В конце августа мне удалось получить «аванс» за давно уже сданную книгу, а тут звали в Белград лекции читать в начале октября — дорогу туда-назад оплачивают. Мы и снялись на отдых. С заездами ехали. 3 сент<ября> уехали из Берлина, 11-го приехали в Рагузу, где и пробыли. 1 окт<ября> рано утром выехали через Сараево в Белград. Море дивное. Какие закаты! Какая бухта с черными горами в Катарро! Какие стены в Рагузе (т. е. Дубровнике)! — Но я ходил все время печальный, угнетенный и очень беспокойный, мало ел и плохо спал. Загорел, но исхудал. Часто с любовью думал о Вас, а жаловаться не хотел. И вот, все-таки жалуясь.

Туземцы той страны, где я постоянно живу, поступили так со мною.

За то, что я

а) нисколько не сочувствую ни разговорам, ни планам об от-
делении Украины³¹;

б) категорически отказался насаждать антисемитизм в рус-
ской эмиграции³²;

с) абсолютно никакого сочувствия не обнаружил и не обна-
ружу к насаждению их партии среди русских эмигрантов;
они

а) лишили меня права на работу и заработок в их стране;

б) уволили меня из Рус<ского> научного института (нами
созданного) с лишением жалованья;

с) запретили мне политическую деятельность в их стране
под угрозой концлагеря;

д) распустили обо мне систему слухов, политически у них
порочащих (масон, франкофил, жидолоб, поработен жидами
и т. д.);

е) выпустили по-русски клеветническую брошюру³³, ко-
торая рассылается и по другим странам, где, между прочим,
утверждается,

что я «не выслан, а прислан большевиками»,

что я грибоедовский «Удушьев, Ипполит Маркелыч»,

что я объявил себя до них — юдофилом, а при них — стал
антисемитствовать и читать лекции об арийском начале,

что я, след<овательно>, переметная сума, карьерист и масон. И все одна ложь!

Это за все, что я сделал у них и для них по борьбе с коммунизмом! Подумайте, ведь задохнешься от человеческой подлости! Но не это еще главное. А вот главное: надо *повернуться и уехать*. А *уехать* — *не-ку-да*! То, что я себе готовил с июня в другой стране — повисло на волоске именно вследствие их гнусной клеветнической кампании: одни там поверили, что я подделываясь к антисемитам и стал антисемитствовать, другие решили, что если меня травят эти люди, то, значит, принятие меня будет им не угодно и вызовет дипломатические (!) осложнения.

Вот когда задохнешься! Я никогда не стану масоном. Но и к дикому антисемитизму ихнего лагеря совершенно не способен. Этот антисемитизм *вреден России*, опасен для нашей эмиграции и совершенно не нужен внутри страны, где антисемитизм давно уже разросся до химеры. Не говоря уже о его элемент<арной> несправедливости.

Еще одно. Я *никогда* не хотел и не хочу делать политическую карьеру. И всякую реальную политическую комбинацию *непреремненно* и *неизбежно* передал бы русским патриотам-непредрешенцам. Я ни о чем теперь так не мечтаю, как *уйти совсем* от политики и дописывать начатые мною *семь книг*. Я *совсем не болею честолюбием*; или точнее — мое честолюбие в том, чтобы мои книги *после моей смерти еще долго строили Россию*. В стране, где я жил, я всегда помнил, с кем имею дело; никогда не связывал себя *никакими* обязательствами, не страдал никаким «фильством», не торговал русским достоянием и *свято блюл русское достоинство*. Мои книги знают по *всей* стране; в газетах и рецензиях много раз писали обо мне самые высокие, конфузящие слова. Но я *не* ихний Я русский. И ныне *мне там совершенно не место*. Я сделал *все*, чтобы не упустить для России ни одной возможности; но теперь мне там делать нечего. Русская нац<иональная> карта там бита; из эмигрантов преуспевают — политически — одни прохвосты. И если мне будет некуда уехать, то передо мною нищета, что при моем здоровье означает медленное умирание.

Поймите, мой дорогой! Мне надеяться *решительно не на кого, кроме Бога*. Я стыжусь моего малодушия и моих жалоб. Ибо в *таком* положении — непартийного созерцателя, который вследствие своей непартийной предметности и непоклонности зажат *на смерть* между двумя партиями, — я *не в первый раз в жизни*. Так было, когда кассовцы завладели Московским уни-

верситетом и за мое выступление на диспуте Струве лишили меня курса и пытались сдать в солдаты³⁴, а кадеты (впоследствии устыдившиеся) воображали, что я против них «интригу». Кончилось это тем, что кассовцы и кадеты (профессора) вместе *единогласно* дали мне степень доктора за магистерскую диссертацию³⁵. Так было при большевиках, когда я пять лет ежедневно ждал ареста и расстрела; и это кончилось (после 6 ордеров на арест и процесса в трибунале) — изгнанием. И так обстоит ныне: я не могу быть ни масоном, ни антисемитом. Для меня один закон: честь, совесть, патриотизм. Для меня одно мерило — русский национальный интерес. Но это неубедительно никому. И вот, я снова перед провалом — и на этот раз. Впервые не просто зову *Его* на помощь, но, увы, — зову *с ропотом*.

Всею жизнью моею свидетельствую: до конца честно и совестно борющийся — не бывает *Им* покинут. А я вот — валюсь в яму и не вижу исхода. Ибо всякий «исход», убивающий мое духовное творчество, есть не исход, а *яма* и *умирание*. А я, клянусь вам, имею еще кое-что сказать и России, и о России.

Какой же вывод из всего? Помолитесь за меня хорошенько Господу, поручите меня Ему и пойдите возьмите на *свое* имя *для меня* одну десятую билета в нац<иональную> лотерею, тираж которой 9 октября. Не говорите об этом *никому*. И в письме ко мне не называйте этого билета «моим»; в нашей стране запрещено брать чужестранные билеты. Пусть он называется *Аллемонским* билетом.

И еще. Я пришлю Вам в машинописи письмо с изложением всей этой истории. Оно будет иметь форму *личного* письма к Вам. Будет *без* подписи. Кончатся словами «вот и все». Сохраните его. Не давайте его *никому* переписывать или уносить; а когда я Вам пришлю список имен, то *этим* людям, и *только* им, под *чрезвычайной доверительностью*, прочтите вслух. Всякая неосторожность может стоить слишком многого; в той стране не церемонятся; там *настоящий террор*. И это надо будет сказать в предисловии *каждому*.

Из двух возможностей, что куда-нибудь пригласят преподавать на жалованье и что найдется меценат, который будет давать мне триста марок в месяц, чтобы я мог спокойно проработать несколько лет, *уехав из той страны*, я положительно верю больше во *вторую* возможность, как *это ни глупо*. Ибо все академические лодки полны уцепившимися за края — и люди не постесняются новому цепляющемуся ударить ножом по пальцам...

Довольно об этом.

Дорогой мой! Напишите мне о себе! Что вышло в Ницце? Как Вы вернулись в Париж? Как Ваше самочувствие? Пишете ли Вы что-нибудь? И что? С радостью читали мы Ваши воспоминания о Чехове. Свадьба — это целый показ, целый комментарий к творчеству Чехова? Как Вы повидались с Буниным?

Я много думал о Вашем переживании в горах. Решил про себя, что это был взрыв художественного отождествления — ушедшего в материю: позвало до отождествления пространство, потянула прорва, художник рванулся к единобытию с зияющим и всасывающимся миром воздуха. Я чуял это не раз в горах, но никогда в такой остроте... Спас ангел.

Простите мне это письмо. Но кому же мне высказаться, как не Вам? Кто поймет? Кто отзовется? «Что ж, — скажут в эмиграции, — пусть сядет в автомобиль! Не он первый, не он последний. От суммы не отрещивайся». Тогда, может быть, лучше уж в «человеки из ресторана»?!³⁶ Эдак хоть никого не задавишь!

Душевно Вас обнимаю. Оба шлем самый чистый, братский привет Вам обоим.

Адрес: Белград. Poste restante.

В Белграде мы пробудем недельки две. Туда можно писать. Но письмо, имеющее прийти в мою постоянную страну, должно быть очень осторожным! Помните: *террор, перлюстрация, доносы*, — а я под ударом.

Впрочем, Вы всегда мудры и осторожны.

Несколько месяцев — два, три — до января — я вероятно протяну еще кое-как... Но дальше?!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<10.X.1938>

Дорогой Иван Сергеевич!

Лежу в постели, больной (t°, грипп). Пишу с трудом. Только что получил Ваше письмо от 8 окт<ября>. Спешу отозваться несколькими словами.

Худ<ожественный> предмет приходит к писателю в тех формах, в каких ему надо, а не писателю. К Вам он пришел в акте «опустошения, отчаяния и безверия»³⁷. Это не Вы опустошены и отчаялись! Это *акт* предметовзятия. Не огорчайтесь и не противьтесь. Этого «Безбожника» Вам необходимо принять, объективировать, выпустить его из себя. Это необходимо не

только Вам, а всем. А потому — *радуйтесь!* Идет через Вас новый мировой образ, ныне одержавший мир своими гибельно-спрутьими лапами соблазна. А если Вам кажется, что это *Вы сами*, то при силе и пластичности Вашего худ<ожественного> акта — это иначе не может быть. Вы и Няней были; и всеми Вашими героями. Примите и *этот* образ и начинайте его скорей объективировать.

Верьте — Господь не химера. Он реальнее всех нас. И мы есьмы только через *Него*. Это надо видеть. Но видеть это нам не всегда по силам. Увидеть пустоту и отчаяние богоотрицающего акта и показать его другим — есть акт *Бого-исповеднический!* Ибо Бог видится не только своим *присутствием* в душе святого и героя, но Он показывает себя и в *отсутствии* своем, через это самое отсутствие.

Сообщаю Вам *доверительно*: я покинул страну моего прежнего пребывания *совсем*, с вещами, с книгами, с мебелью. Больше не вернусь. Там такой нажим на русских честных патриотов! Там терпят только *предателей* и *своих агентов*. Ни к тому, ни к другому я не способен. Что со мною дальше *будет*, неизвестно. Я наг и сир — и в Руке Божией. Пока Она вывела меня с крайней милостью — дала наступить на аспида и василиска³⁸. Но куда ведет — не знаю, не вижу. Как будто ангелы-хранители вывели нас из рва львиного или из Петровой темницы³⁹. Да, мы Его осязаем ежевзглядно, всяким вздохом. — А Ольга Александровна все время с Вами, и Вы ее не огорчайте ропотом. *Оставьте другие худ<ожественные> замыслы — делайте одержавшее Вас.* Моя книга о писателях выйдет, вероятно, к Рождеству. Одновременно будут приняты все меры к тому, чтобы Климов уплатил Вам долг. В результате политич<еских> преследований последнего года я болею 4-й месяц нервными мигренями — ежедневно. Напишите мне поскорее — *что* Вам нервно помогало? Калефлюид? Или Спермин Пэля?

Обнимаю Вас.

Ваш И. И.

Locarno-Monti Villa Montanina Suisse.

<Приписка:> Посылаю свой новый опус.

<Приписка:> Пожалуйста, узнайте мне и пришлите поскорее адрес Лоллия Львова⁴⁰. Очень нужно!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<13.X.1938>

Милый, друг, Иван Сергеевич!

Бесконечно тронут Вашим участием. И желанием помочь. Помните: Господь «и намерения лобзает» (Иоанн Златоуст⁴¹).

Гонение⁴² на меня в Германии началось еще в 1933 г. за то, что я дерзал быть русским патриотом с собственным суждением. Вот список.

1933. Апрель—июль. Первые посещения моего жилища политической полицией. Попытки разоблачить меня как «франкофила» или же использовать меня против остальной эмиграции. Мой отказ.

1933. Август. Обыск у меня. Арест (так и везли под стражей через весь город на полиц<ейской> открытой колымаше). Запрещение «заниматься политической деятельностью» под угрозой концлагеря.

1934. Апрель. Предложение мне как профессору Русского научного института заняться пропагандой антисемитизма во всем эмиграционном рассеянии. Мой категорический отказ.

1934. Июнь. Мне отказано в праве на работу.

1934. Июль. Я уволен в два счета из Русского института.

1935—1937. Я работаю в частном порядке с Еванг<елической> Церковью.

1937. Август. Вызов в политическую полицию, где за четыре года скопились доносы на меня из среды «русского нац<ионал>социалистич<еского> движения». Доносы эти были читаны моими друзьями. Были доносы в 22 пункта.

1937. Октябрь. Два допроса в Гештапо.

Не служил ли я в Москве большевикам? Отв<ет>: нет.

Почему меня не расстреляли сразу, а выслали только через пять лет? Отв<ет>: Бог не допустил.

Не масон ли я? Отв<ет>: нет.

1938. Февраль. Вызов в Гештапо. Запрет *всяких выступлений* — *по-русски, по-немецки*. Прекращен мой открытый философский семинарий.

Никакие протесты не помогают.

Узнаю стороной о новом накоплении доносов.

1938. Апрель. Приглашение к заместителю Розенберга⁴³. В беседе категорически заявляю, что Украина не в моей власти, но что на оккупацию ее и отчленение никогда не соглашусь.

1938. Май. Я готовлю мой окончательный отъезд из Германии.

1938. Июнь. Я получаю в *частном* порядке три уведомления.

1) Поход на меня будет продолжаться.

2) Пропагандное министерство объявило меня «разоблаченным масоном», а мои публичные выступления недопустимыми — за отсутствие в них антисемитизма,
— за проводящуюся в них христианскую точку зрения.

3) Будет сделана попытка использовать мои силы в подготовке похода на Россию.

1938. Июнь. Я беру визу на Карловацкий Собор⁴⁴ и получаю ее с правом возврата в Германию.

Я передаю свою квартиру.

Вещи и книги на склад.

Один из друзей получает от меня генеральные полномочия на все мое имущество и на ведение моих дел.

1938. Начало июля — я покидаю Германию совсем. Уезжаю в Швейцарию.

На Карловацкий Собор я не поехал по болезни. Все эти гонения причинили мне многомесячную ежедневную мигрень (с конца мая до сегодняшнего дня). Состав Собора был такой, что если бы я на него поехал, то я задохнулся бы от отвращения к мобилизованному там черносотенству, с привлечением целого ряда заведомых агентов Германии, руководивших травлей против меня.

В июле и в августе мне удалось вывезти *все мои* чемоданы с *рукописями*.

1 августа я подал прошение о праве жительства в Швейцарии. Ответа оф<фициального> *еще нет*, но решение будет положительное. Вмешался целый ряд влиятельнейших лиц, первый — Рахманинов⁴⁵. И это наладится.

1938. 17 сентября приехали все мои вещи: мебель, библиотека и прочее. И приняты *беспошлинно*.

Около 20 сентября — Гештапо накладывает арест на мою брошюру «Der Angriff auf die Ostkirche»⁴⁶. Она очень корректная. Всецело против большевиков. Это речь, которую я за эти годы произнес 25—30 раз на собраниях и съездах евангелических пасторов (от 20 до 400 человек). Она была напечатана еще в декабре 1937 г. и продана в количестве 20 000 экз<емпляров>. Остальные 15 000 арестованы.

В начале октября узнаю, что Гештапо повсюду разыскивает мое германское пребывание и добивается моего адреса⁴⁷.

Вот, дорогой мой, картина...

Меня вынесло из Германии, как на крыльях ангелов: нигде ни зацепки. Все спасено: до писем Врангеля, Шмелева, до записей и альбомов *включительно*.

Здесь я прожил уже июль—сентябрь, и хватит еще прожить без заработка месяца четыре. Потом? За это время надо вылечиться, восстановить свою работоспособность и найти заработок. Возможно ли? — Невозможное от человека — возможно есть от Бога. Если начну погибать, то *подниму вопль на всю эмиграцию. Вопль о помощи*. И Вы узнаете, будьте уверены. Милый и дорогой! Спасибо!!

Почему⁴⁸ в Германии вдруг конфисковали мою брошюру? Потому, что там начинается «трехлетка противохристианства». План: через 3 года ни в одном храме не должно быть больше христианского богослужения. Какое же? Сами выдумают.

Да — это Вам не масонское «отделение Церкви от государства». Это называется иначе. И в *этом* их существо. Антихристианский шовинизм, которому все дозволено <...>

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<10.I.1939>

1939.I.10

Милый и дорогой друг Иван Сергеевич!

Не браните, вот уже пишу. И за Ваше письмо Вам спасибо! *Радостью* оно мне было. И рассказ Ваш в «Возр<ождении>» был прелестный, спасибо⁴⁹. И еще спасибо за посещение всех *трех* господ, и Ант<она> Ив<ановича>⁵⁰ в том числе. Лекция его была хороша и верна, очень значительна и очень полезна.

А про нас вот что.

9 июля выехали. 1 авг<уста> подали прошение. 16 сент<ября> Рахманинов обеспечил необходимую кауцию⁵¹ в 4000 франков. 31 окт<ября> переехали в Цолликон под Цюрихом. 4 ноября прошение начало рассматриваться. 23 ноября Цолликонский совет дал право пребывания на год. 28 ноября из кантональной полиции последовал грубый отказ с предложением добыть *обратную* визу в прежнюю страну или убираться куда угодно. 29 ноября я был сам у кантонального директора, представил свои объяснения и *категорически* отказался от позора «просить обратную визу». Он понял. На 1 дек<абря> я получил приглашение в высшую инстанцию, в Берне. Часовая беседа — и все

разрешено. 7-го снят запрет с мебели и книг. 8 дек<абря> вещи и книги перевезены в заранее снятую квартирку. С 10 дек<абря> мы у себя. 19-го приглашение в Берн в не правительственное заведение. Полное единомыслие. Возможность литературной работы; обещание выхлопотать право на труд.

После этого — глубокая реакция и протрация: с июня нервы были на диком взводе — провалился на дно самочувствия, теперь начинаю вылезать. Господь помог: «воду прошел яко сушу...»⁵²

Все с нами здесь — от мраморного обломка храма Дмитрия Солунского⁵³ (от IX века с Афона), все иконы, русские картины (Нестеров, Бакшеев, Антонов, Климов⁵⁴), до последнего листочка моих рукописей.

Со дня на день в Риге должно начаться печатание двух книг:

1) О тьме и скорби. Книга худ<ожественной> критики. Бунин—Ремизов—Шмелев. 14 листов.

2) Кризис безбожия. 2 листа.

К марту обещают выпустить первую; к февралю вторую.

Здоровье; последний диагноз — ревматизм (люмбаго в плечах, локоть, кисть, и ревм<атизм> головы). Откуда?! Простуды не было. Аутоинтоксикация из гланд. Лечение? Потееющие паровые ванны с массажем и сложная гомеопатия («Веледа» — швейцарская новость). Лучше ли? Нервы успокоились. Гланды будет лечить специалист. Питание стало удовлетворительным. Началось улучшение.

Ваш Bromogenol — выписал. Средство хорошее. Спасибо!!

Но — вкус?! — выпьешь, и как будто станционный сортир во рту ночевал («Станция Бахмут, начальник станции без м... Остановка пять минут»). Мерещатся во рту какие-то писсуары, мецуары, для мужчин — для женщин — словом, «астанавливацца строга васприщцаецца» и — называется потому «Пеппин». (пиппин?)

Но средство хорошее. Как Вы его глотаете? Задом, что ли, извините пожалуйста?! Или с запивкой — заедкой? Но действует и успокаивает.

А вот Вам еще другое спасибо.

Недавно пишет мне мой друг Ник<олай> Карл<ович> Метнер: «Сейчас читаю “Няню из Москвы” Шмелева и наслаждаюсь несказанно. До чего она нам близка, эта няня... Какая изумительная речь!» —

То-то я, Ильин, радовался и торжествовал. Ходил по квартире и порывивал про себя: «ага, то-то, ага!»... Но в суждении Метнера я никогда, впрочем, и не сомневался.

Дорогой! Что Вы, как Вы? Не замерзли ли Вы в своей студии? Просыпается утром — и видит — что сам стал студень и вокруг студень! Ведь этот Париж насчет замерзания — сущий замерзавец! Les boulets!⁵⁵ Брppp!

А кормит Вас кто и поит? Как это было трогательно, когда Вы мне да еще монет предложили! Без слез об этом подумать не могу... нет, мне тут не дадут погибнуть — разве только Господь отзовет...

Я недавно за всенощной рождественской молился о моей малой головно-ревматической работоспособности: «Господи, устне мои отверзеши, и уста мои возвестят хвалу Твою...»⁵⁶ Но — Его воля!

Вчера мерили мне давление крови: 155 при 55 годах нормально. Завтра натошак будут отстой крови делать — тогда напишу о результате. Надо установить, что гланды не создали нигде скрытого гнойника.

Храни Вас Господь! Пишите!

Обнимаю и крещу Вас заочно.

1939.I.10.

Ваш Иоанн.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<9.IX.1945>

9.IX.1945. Воскр<есение>

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Только что проглотили мы три первые части Вашего созерцания «Почему так случилось» и ждем четвертую*. Спасибо за память, за привет ко дню Ангела моего ангела-хранителя и за немалый труд переписания. Надо бы это все *наружу*, печатать да издавать. Это скорбное горение мысли не должно оставаться под спудом: оно *русское* и *нужно русским*. В переведенном виде ни одна европейская «мозга» ничего не поймет...

Однако вижу в этом созерцании суд и бич на нашу интеллигенцию. Ваше письмо о «Книге Судеб» переросло и этот суд, и эту казнь. В нем неуместно было бы слово «случилось». Кажется мне, что ничего за эти годы не «случилось». Помню, Петр Бернгардович вопил в 1922 г., что все «случилось» только оттого, что Врангель не успел создать белую кавалерию, а осталь-

* Все дошло без малейшей цензуры!

ные-де объяснения «удачи» большевиков вздорны. Мне и тогда уже казалось, что не «случилось», а «совершилось»; но *почему и зачем* — доселе о сем бунтующе вопрошаю к небу. Зачем надо было «пропать» именно *Россию* и притом на десятилетия? И сейчас думаю, что «совершилось» и «совершается» — и притом во *всемирном* масштабе. Может быть, мы и «высоких зрелищ зрители»⁵⁷, но я чувствую себя *бестолковым* зрителем, решительно «недопущенным в совет»⁵⁸. О новом «откровении» чающе вопию с 1919 г. Думаю, что настала новая эра, когда надо идти от *Духа* — к Сыну и Отцу, ибо Отца утратили, несмотря на пришествие Сына, а Сына утратили потому, что Духа отвергли. Думаю, что выхлебываем малою ложкою великий котел безбожия; и, как пели красноармейцы в 1920 г. — «весь котел сожрем» мы сею ложкой. Думаю еще то, чему посвящены мои последние книги — «Заглохшее сердце» и «Созерцание далей»⁵⁹: что для обновления жизни надо обновить культурно-творящий акт, перестроив его на основе *созерцающего сердца*, — всю науку, всю религию, все искусство, все право, всю политику и все хозяйство надо растить и строить созерцающим сердцем, — т. е. видеть сущее и творимое лучом любви, совсем свободно и совсем искренно. С ужасом созерцаю умное и порочное, властолюбивое и изощренное бессердечие католицизма, и полное разложение православной церковности. С отвращением вижу масонство сочувствующим дьяволу принципиально и советскому в особенности. Вижу смуту и беспочвенность везде, и антибольшевистские силы мира вижу не в Духе, а в каком-то пустотрупии. Чувствую себя (за пределами своей духовной ячейки) — крепко одиноким, но утешаю себя тем, что это одиночество не было бы столь кругло-сиротским, если бы общение письменное и печатное было налажено.

Только что читал «Вестник Академии наук СССР», № 11—12 от 1944 г. Страшно! Горько! Больно до смерти. 80 % открытого, обязательного подхалимства, льстиво-ласкательства, тиранообожания и 20 % жалкого банального лепета о Крылове, о Брюсове и о Вольтере (часть исследовательская). Бесконечные награждения орденами *химиков* (атомо-логия!) и всего два-три знакомых имени — Тарле, Волгин⁶⁰ и перебежавший из Латвии Виппер.

Только что читал письма с ближнего востока. «Патриарх» Алексей⁶¹ объезжал православные приходы и «вселенские церкви». На всех приемах присутствовали два НКВДиста, записывавшие *каждое* слово, сказанное *им* и *ему*. Он знал, что «на

него» провокационно удят, и говорил благочестивости и советские лояльности.

Только что читал подробные свидетельские показания из Германии, что советские делают с русскими военнопленными и остовцами. Перевозят в свою зону, немедленно за проволоку, по спискам отбирают на ликвидацию, остальным (мужчинам и женщинам) бреют головы, разъединяют семьи и дают каждому заполнить анкету в 152 вопроса; потом каждый должен «защитить» свою «диссертацию»; в Россию их *не* возвращают совсем — ставят на *военные* работы в пределах оккупационной зоны. Десятки тысяч убегают, бегут на Запад, прибегают и хоронятся по лесам и оврагам: *все* лучше, чем «эдакое» опять...

Вопию — слезно, горько, всем сердцем: «за что, о Господи?! и доколе же, Господи!?» А в эмиграции то и дело слышишь: «Оправдались! изменились! стали патриотами! пора признавать!». Но никто не «едет», а «страхуются» на местах.

И вся эта масса русских в Германии непоколебимо убеждена, что Советы готовят «третью, мировую», доканывать покачнувшийся «капитализм». — Добавлю к этому от себя — «en connaissance des causes»⁶², если готовят, то нарвутся и сорвутся. Страх перед советским «всеси́лием» *тает* во всем мире, тает на глазах. Как только «народ» «ушел» и осталась одна сов<етская> оболочка, так пошли бестактности, саморазоблачения, заносчивая глупость. Россию спас *народ*: он использовал трупную форму советчины как *орудие* для разгрома своего вековечного наружного врага; он разыграл роль внутреннего врага против внешнего. Победил и домучивается теперь от внутреннего. Все, что советы «добудут» в итоге этой победы, все *именно поэтому* потеряет национальная Россия, ибо мир доселе не отличает «советское» от Русского, «коммунистическое» от национального.

Дорогой мой! Пожалуйста, не говорите о *долге*, или *возврате*, или *займе*. Россия давно присудила бы Вас к «пожизненному питанию в Пританее»⁶³. Но ее нет сейчас. И слабые, кустарные попытки сделать кое-что вместо России — совсем не заем, а полубессильная штопка национальной дыры.

Обнимаю Вас. Жена шлет сердечный привет и благодарность.

Ваш Всетотже.

Если Вы видаетесь с двумя Антонами⁶⁴, то прочтите каждому в отдельности для дискретного сведения выдержки из этого письма по Ваш<ему> усмотрению.

И. С. Шмелев — И. А. Ильину
<4.1X.1946>

4.9.46.

Милый друг, дорогой Иван Александрович!

От души отлегло, — слава Богу, Наталия Николаевна выправляется. Мне написала Шарлотта Максимилиановна⁶⁵, что заболевание — нервного порядка — итог тяжелых переживаний за годы от всех зол в мире и, особенно, от тяжкого бремени, выпавшего России; душе глубоко чуткой и все хранящей в своей глубине такие перенаполнения, конечно, дают в конце концов **заряжение**, — болезненное, явно выражаемое то в полном упадке нервных сил, то в их бурном проявлении. Важно, что Наталия Николаевна органически здорова. Значит, необходимо медленное, ритмическое «разряжение» и отвлечение в отдохновении, приятной и неусттомительной деятельности... — для меня в так<их> случ<аях> бывало полезно решение тригоном<етрических> задачек (Цезарь — «De bellu gallico»⁶⁶), пасьянс, механич<еский> счет... — что чутье подсказывало. А лучше всего — газет не читать и ничего не слышать о современном. Я вот 5-й мес<яц> не читаю газет. Потери не вижу.

Получил Вашу книгу-машинопись — «О тьме и просветлении»⁶⁷. Прочел, и буду еще читать. Труд Ваш поистине огромный и плодоносный. **Так** еще не давали, насколько знаю, «анатомии» и «психологии творчества». Эта книга вытекает из Вашей теории эстетики, выраженной так блестяще в труде «Основы художеств<енного> творч<ест>ва» — «о совершенном в искусстве». Теория Ваша, по-моему, уже **не** теория, **не** «гипотеза», а — **закон**. Как бы увенчание всех теорий. И как же Вы ее художественно-четко применили! И свет, и блеск. **Так** глубоко, и так осязательно еще не разбиралось творчество данного художника. И теперь видно — *так*, только **так** и можно постичь его. Вы дали не наброски, не силуэты, не портреты: Вы дали — **лики**, живые. Дали — **сущности**. Вы вскрыли то, что и носители этих сущностей не сознавали вполне, — в чем эти «сущности». И дали художественно-предельно. Акт «родового инстинкта» в иск<усст>ве Бунина...⁶⁸ — это Вы, единственный, поставили такой точный, тонко-художественный диагноз! Вот уж, именно иск<усст>во Б<уни>на — все в «комплексах», вытекает из темных недр очень властного полового инстинкта, как бы оно ни было закрываемо **цветами** бытия, вплоть до... «космических». Ныне сказалось **это** обнаженно: вся послед<няя> его ра-

бота — серия этюдигов последнего росчерка его старческого пера, — растеряв **цветы** прикровенности, от ослабления творческого «дежурного аппарата», от бессилия и от... «несдержки», — крики-вопли гаснущего импотента во всех смыслах, попытки приглушить ужас-крёхот **конца**. Художник внешнего опыта, Б<унин> ярей действует ныне — внешними средствами, но впустую: он даст еще более обнаженные образцы, может в всевластную паскудографию впасть... — да и впадает! — и кончит слюноистечением. Таков **мой** вывод из Вашего неумолимого диагноза. Душа не стареется — она богатеет и **молодеет** с годами, и ее внутренний опыт с годами насыщается тончайше. Из тлена рождшееся, чувственно жившее, — сникает вместе с распадом тленного.

Отлично дали и акт Ремизова, его «запуганность», его страхи жизни, **Жизни**, представляющейся ему — Неумолимой и как бы тупоглазой. Он знает это, но хочет **дышать**... — и при своем богатстве матерьяло-слова находит выдыханья, пусть кривясь и юродствуя, чтобы забить, доколотить в себе этот **страх**. И людей жалеет — **от себя, через себя**, всех, когда может протащить через себя, — наделяет тем же корче-страхом, до заклинаний, до... чудачеств. У него тоже «комплекс» — есть и от «пола»! — куда сложнее инстинкто-поло-комплекса... с большой примесью... «богобоязни». Чистого Бога я не найду у него, ему бого-чудачки ближе... — отсюда и многие кривизны его Миколы. Отсюда и переслойка «времен» — как бы сны в снах... Но сны эти или больные, или на-виденные... — он, за нехваткой снов **Жизни**, творит их сам... — надо же как-то **жить**, свично душе — **образами**. Я чувствую, что Ремизов вызвал в Вас большое напряжение и утомленье духа. Искусство его — нелегкое, не-чистое. Оно страшно изувечено, в надломах и неудачных сращениях этих надломов, и потому — стоит нередко у входа в патологический отдел клиники. Он старается уйти от него, укрыться в **ребячье**, заиграть себя игрушками, но не в силах заиграться. «Лунатик» в искусстве. Не всегда забывающий, что он **не** лунатик. По «карнизам» ходит, а голова кружится. Кажется порой, что это игра в «лунатизм». И все же он очень непосредствен, «юрод», с глазком-прищуром. Мешает ему **отдаться** — ярая любовь к слову. И, как обиженный ребенок, не может обойтись, чтобы не ударить по причинившей боль «бяке». Для меня он, вообще, **темный** в смысле, напр<имер> — «темная вода». Скорбь и боль очень ему чувствительны, до подкожной боли-горенья... и выход у него... лишь в воздыханьи-вскрике. Путь не видит, их нет. Вы его дали осязательно-

верно, при всей его «неосязаемости». Он болеет страданиями других через свой... **страх всего**.

О себе не смею говорить: земно кланяюсь. Поражен, потрясем, озираюсь до непостижимости, как можно так **видеть!** Для сего надо **чудо** или **два чуда**: 1 — гениальное мастерство проникновенности, 2 — чудеснейше-точный инструмент-лот глубин человеческой души, и — творящей души! И еще: надо большое **сердце**. Без такого Сердца, хоть и при всех других высоких качествах, познание и раскрытие Искусства — глубинное! — недостижимы <...>.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<29.1.1947>

29 января 1947 года

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Вы не первый трясете меня за шиворот по вопросу об «обращении» «рационалиста», а я не впервой дивуюсь на Вас; *чего* Вы ищете? *чего Вам* не хватает?! Сегодня понял: Вы философствуете *не тем актом*, которым *художествуете*; и отпустили свой этот *другой* акт в Виктора Алексеевича⁶⁹, в коем сей акт, воплотившись, окостенел и «тупикствует» (от слова «тупик»). Проблема Виктора Алексеевича *не* есть, однако, проблема для Ивана Сергеевича. Ибо Иван Сергеевич сию проблему *художествуя разрешил*. И странно мне чувствовать и видеть, как Иван Сергеевич *опять* заползает в Виктора Алексеевича и вместе с ним «тупикует», а крыльями хлопает не за Виктора, а за *себя самого*. Разрешите формулировать философски, но без помощи глупых рисунков (на семинарских занятиях я всегда еще рисую. Вам Вигеша расскажет).

Пока акт умственного понимания, основанный на чувственном наблюдении, и отрешенный от сердца и воли, от сердечного созерцания и волевого (совестного) созерцания — считается *единственным допустимым* или хотя бы *главным*, человек Бога не увидит, веры не найдет, религиозным не сделается. И притом потому, что он *не той «рукой» к Предмету тянется*. Сонату не увидишь. Портрет не услышишь. Права «эмоцией» не постигнешь (ошибка Петражицкого!). Геометрическую задачу отвлеченною мыслью не решишь. Родину себе не выдумаешь. Республиканец никогда не поймет, что значит *иметь Царя*. Математик, имеющий только один математический акт, никогда не поймет, зачем нужна икона. Эмпирический историк

наговорит о Христе только глупости (Ренан⁷⁰). Толстой из своего умственного тупика только и мог написать о причащении: «он съел своего бога» и т. д., и т. д. — Это все: *не тот акт. Это главное.* В этом источник бесчисленных ошибок, бесплодных блужданий, кризисов и т. д. *Надо переменить акт.* Не можешь? Или не хочешь? Тогда *не говори* вовсе о Предмете, *для коего у тебя нет акта.* Ибо не той рукой не туда тянешься; не то берешь; *того, что нужно,* не берешь, не видишь; а говорить о нем — хочешь. И вот клубятся недоразумения, глупости и пошлости (и у Толстого!).

Представьте себе огромный *орган* со множеством «дудок». Каждая душевная-духовная компонента (а их *множество* разных, исследованы они доселе плохо, полноты перечисления — никакой!) изображается одною «дудкой». *Аккорд религиозный* требует не того же сочетания дудок, как *аккорд эмпирико-научный*, иной *аккорд геометрический*, иной *балетный*, иной *портретный*, иной *монархический*, иной *беллетристический* (и опять: иной у Диккенса, иной у Бунина, иной у Лермонтова, иной у Шмелева), иной *музыкально-композиторский* (и опять иной у Римского, иной у Вагнера, иной у Мусоргского, иной у Бизе).

Вот придет глупец — выберет не те дудки — скажем, республиканские — и начнет монархистов лаять и вешать. Придет интеллектуалист — выберет не тот аккорд — и начнет верующих мучить и распинать.

Какие «дудки» у души? Отвечаю (напр<имер>): 1) чувственное наблюдение; 2) чувственное воображение; 3) отвлеченное несозерцающее мышление; 4) *нечувств<енное>* воображение; 5) созерцающее мышление; 6) инстинктивное побуждение; 7) инстинктивная воля; 8) фантазирующая воля; 9) совестная воля; 10) воображение эротическое; 11) воображение геометрическое; 12) воображение политическое; 13) любовь эротическая (по милу хорош); 14) любовь духовная (по хорошу мил); 15) любовь созерцающая; 16) любовь совестная; 17) активная эмоция; 18) пассивный аффект — и мн<огое> др.

Чем живет Виктор Алексеевич? Компонентами 1, 2, 3, 11, 13, может быть, *дозревая* до 14-й.

Что нужно для религиозного преодоления интеллектуализма? Аккорд из компонент 15, 16, 9, 4 и потом 14, 5. Во всяком случае, при всяком другом аккорде необходимо органическое преобладание 4 над 1, 5 над 3, 9 над 7, 14, 15, 16 над 13.

Так рассказанное — все это кажется *механической схемой*. Но вот Вы видели мой опыт в книге о Бунине, Ремизове и Шме-

леве (терпеть не могу этого сочетания имен, какая-то поколенчески-эпохальная селекция). Это не механика, а органика; не схема, а подслушанная тайна.

Кто ищет Бога, тот должен *влюбленно хотеть совершенства, созерцать из горящего сердца, жить совестью и подчинить* всему этому свое нечувственное воображение. Человек, тупикующий в конструктивном понимании, Бога не найдет. Бог не выдумывается, не выкомбинировывается, не гипотезируется в «бесконечности», не исчисляется — а *любится, любовью видится, совестью любовью осуществляется*. Все.

Милый друг! О другом пока не пишу. Затеваю сальто витале⁷¹. Сажусь за *третью* главу «Философии религии». Приветствую Ваше творческое мужество и преклоняюсь перед авторскою строгостью. Молюсь об исцелении онго автора.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет привет! Я обнимаю. Когда прочтете это письмо, дайте какому-нибудь *верному* человеку переписать его на машинке (не говоря, кто писал) и пришлите мне копию (мне она понадобится в *материалы для «Введения в философию»*). За переписку *плачу* я.

В подкрепление этих мыслей посылаю Вам № 1 «Рус<ского> кол<окола>». — 20 лет тому назад — статью «О священном».

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<11.II.1947>

11 февр<аля>

Дорогой Иван Сергеевич!

Вчера вечером пришло Ваше письмо от 8 февр<аля>, трепетное, насыщенное, меня взволновавшее и сконфузившее. Спасибо. Эти слова из моего первого письма к Вам вошли потом в мою речь о Рус<ской> Культ<уре> («Перезвоны», № 22) и воспроизведены в «Трех речах о России» (отд<ельная> брошюра). Есть ли она у Вас? Могу прислать. Письмо помню не все. Но что цитируете — подтверждаю целиком (о Вас). Помню — не знал Вашего имени-отчества — начал так (после колебаний) «Дорогой!»⁷². И правда была — ибо Вы *сразу* стали мне близки и дороги.

Но теперь о делах.

«Говенье», конечно, пришло, и на днях уедет в С<ан>-Франциско. Прелестная глава!.. Перл. — Радуюсь выходу предстоящему Ваших книг. Дай Бог, дай Бог! — Имею для Вас еще 7х50. Тот же источник (не Ш<арлотта> М<аксимилиановна>).

Дано на мое усмотрение; я и усматриваю. Безотчетно распоряжаюсь. Жертв с моей стороны никаких. Одна забота — нельзя переправить. Что ж — подам прошение Преподобному. *Salto vitale*. — Пишу «Философию религии» — в третьей главе. С 1919 г. начал ее писать. В Москве — зима лютая — дров нет — голодно, уж три раза увозили в чеку — и в трибунале судили «за подготовку вооруженного восстания». Вот и говорю Наталии Николаевне: «Дров на один день! перспектив никаких! оденусь, пойду на улицу — может, поймаю несколько полен...» «Нет, — говорит, — не ходи, куда ты пойдешь? На сегодня хватит. Ты хотел “Философию религии” начать — садись и пиши!» Я немного ошалел от такого спокойствия евангельского. Сел. Бумагу нарезал (в валенках, в драповом пальто и в шапке). «Философия религии», «Глава I»: «О субъективности религиозного опыта». И полилось — углубился — вдохновение пришло. Прошел час. Жили на 6 этаже. Лифт стоял. Водопровод замерз. Вдруг стук в дверь? Повелительно, окриком «кто там?!». Глухой голос: «Барин! примите дрова, ради Бога, замерз, отделаться бы!» — «Откуда?». Заиндевевший мужичонка в тулупе, с кнутом. Усы сосульками. «Да из коператопя!» (*вчера* меня там *обезнадежили*). Если бы я ушел — принять было бы некому — свалил бы на двор — в $\frac{1}{4}$ часа все растаскали бы — «Птичка Божия не знает...»⁷³

С 1919 г. ношу в себе эту книгу. В 1920 г. читал как курс на истор<ико> филол<огическом> факультете («Введение в историю религии»). С тех пор вел неск<олько> закрытых семинаров. Теперь окончательно пишу...

Получил покупкой «Темные аллеи»⁷⁴. Читаю вслух. Первый вечер рассказик «В Париже» — сошло. На второй «Барышня Клара» — конфуз. Не поворачивается язык эку мерзость вслух выговаривать. А мы *совсем не «prudes»*⁷⁵, видали виды! Тошнит об их. Грубо, детально, грязно, отвратно — без смысла; и с *огромными, чисто художественными* ошибками! Теперь вперед просматриваю; потом только начинаю вслух. В сущности, он всю жизнь писал (покончив с «антоновскими яблоками» и «пахнувшими мелкопоместными помещиками») о *преступлениях и прелюбодеяниях*, — сочетая часто то и другое. Теперь ему о преступлениях *рискованно* писать (советские на себя примут!⁷⁶); осталось второе. Лесков⁷⁷ где-то различает «блюд» и «приблюдияние». *Этому* хорошо и то и другое. Но вижу, что я в анализе его акта *не ошибся!* Таков и есть.

Нет, сардинки на этот раз *не* от меня! А Ш<арлотта> М<аксимилиановна> только что послала Вам детский пакет (не бла-

годарите, это ее стесняет и она послала от моего имени). Письмо Ваше переведу ей.

Доделывайте, дорогой, «Куликово поле». А как только захочется моих цветочков, потребуйте. Если требований не будет, буду гнать полсотни гвоздик на каждое первое число.

Четвертый день фё-ё-ён! Сердце ослабевает — спазма в голове *му-чи-тель-ная*! Совсем как Ваша зона!⁷⁸ Слабость — идиоту-есть весь день! И только за книгой — полет.

Не постигаю Вашего интереса к Булгакову. Не дай Бог никому так «уверовать», как он. Был резонер-выдумщик с Федоре-Карамаз<овским> уклоном, *таким и остался*. О Св. Троице печатал в «Вопр<осах> фил<осо-фии> и псих<ологии>», 1916, такое, что я еще в Москве на полях писал: «непристойные экзерсисы». *Стыдно* было читать! На исповеди женщин расспрашивал в Праге о таком, что моя родственница⁷⁹ ему ответила в негодовании; «Отец Сергей, я на *такие* вопросы отвечать не буду!». В Париже в 30-х годах написал *гнусную* книгу в защиту Иуды Предателя⁸⁰ (sic! sic! sic!). От отвращения я ее не дочитал. Все это волна *безответственной выдумки от неверия и религ<иозной> слепоты* — Розанов⁸¹ — Мережковский — В. Иванов (выкрест) — Булгаков — Бердяев. Все это — «рыба завоняла с головы», «большевизм» до большевизма, — Белый, Блок и Ремизов где-то у них в ногах шныряли. «Булгаковед» — «Бердяеволог» — «Ивановогност» — «Мережковскофилолог» — «Розановомикроскопист» — «Блокогистолог...» *Бедная, бедная моя Россия!*

И что Вам — это даст? Вы *уже давно вошли* туда, где из этих словоблудов никто и не бывал! Э-эх!

Ради Господа, *не* присылайте мне портрет — Флоренского — Булгакова кисти Нестерова. Видел я его у самого Михаила Васильевича и, стоя перед портретом, говорил ему о том *духовном гное*, который он ясновидчески увидел и передал. А у него (у Нестерова) — все лицо трепетало от *радостного ликования* — ибо я говорил *верно*. Потом он мне рассказал: «Был у меня на днях отец Флоренский. Долго смотрел портрет. Когда он уходил, я ему говорю: “Эх, отец Павел, я бы Вас еще нарисовал бы в духе Розанова паном с дудочкой”. “Нет, — ответил тот *мрачно*, — довольно уж!”» —

Все эти люди — не умеющие отличить *духа* от *пола*, *молитвы* от *оргазма*, *вдохновения* от *соблазна*, *созерцания* от *выдумки*, *ответственности* от *коккетства*. По-ме-лом их! Брандспойтом! Дезинфекция, дезинсекция, дератизация!

Что — они — Вам?! «Э, дяденька», сказал мне один опытный грибоискатель, «что же Вы поганок-то набрали?» — Обнимаю!

11 февр<ая> 1947 <г.>

Ваш И. А. Ильин.

И. С. Шмелев — И. А. Ильину
<30.III.1947>

30.3.47 8-30 в<е>ч.

Только вернулся с чтения — через 5 мин. — Зеелер⁸²,

Срочно! С масл<яничной> веткой!
Своб<одное> Слово!
«Слава Тебе, показавшему нам Свет!»⁸³

Дорогой Иван Александрович.

«Русская мысль»! — первая свободная русская газета — в Париже! № 1-й, Пасхальный, поступит в продажу в Св. Заутреню. 1-й тираж — 7 т<ысяч>! Деньги — *русские*! Редактор — русский — В<ладимир> Феофилов<ич> Зеелер. Даю для 1 № — «Поднятие икон» — из ром<ана> (м<ожет> б<ыть>, пойдет фельет<она>ми *весь* роман (II ч.)). Сотрудники — писатели — орг<анизаторы>, Зайцев...⁸⁴ — молю: И. А. Ильин. Карташев, Зеньковский, Нольде⁸⁵, Маклаков — (нужно!) — по нын<ешней> ориентации — *вне сомнений*, верьте. Ориент<ация> церковная — Православная, непримиримая. Поддержите! Про-шу! Дайте — о Воскрес<ении> России — ну, что хотите, размер — газетный, стр<ок> 200—250. Или — хоть 100. Вы — *сила*, сталь, свет. Вы *знаете*, как алчут и жаждут и *чего*! Ведь мы все эти годы были без Слова. Сов<етчики>-подвывалы окармливали, лгали и лгут. Поддержите! Дайте un soup d'eraule⁸⁶.

Ответьте, можно ли послать Вашу книжечку в 10 абонементов для подписки. Пороху мож<ет> хватить пока на 3—4 мес<яца>. Размер в 8 страничек. Ваше *Имя* важно! О гонорарах пока нет речи. Они — бу-дут. Сейчас надо ударить! И — ударим. Стекаются «объявления», что оч<ень> важно. *Важны* — подписчики. Есть же в Шв<ей>ц<а>р<ии> русск<ие> люди?!

Дорогой, я горю... Сейчас только привезен с чтения в Asnières. Прошло — захватно. Полон зал. Церковь собрала св<ыше> 2 милл<ионов> фр<анков>! Русские люди — творят! и чудеса. Но — все — Господь!

Молю: пришлите к 1-му № — срочно. Надо — *не* позднее полудня-вечера четверга (3.4) (сего) (6 дн<ей> для типографии, с запасцем). Не удастся для 1-го (не успеете выслать) — пойдет во 2-м, но лучше в 1-м. Надо *ударить*. Надо раздавить *сводень*! Помогите. Бог осияет Вас. Дайте хоть... 30 стр<о>к! Но дайте!.. Вы знаете — *что*. Газета не будет «боевой»... — *нападающей*... — она будет созидающей, ранящей. Ее основа: Вера, Россия, ее дух<овная> мощь, ее *дух*. Поверьте. Спешу опустить, бегу на почту. Свет уже в *заре*!..

Родной, отзовитесь! Чудесный!..

Ваш — обрадованный, во имя Господа —

Ив. Шмелев.

<Приписка:> Гады — воображаю! — шипятствуя-ат! Ох, подрежем лапы! С нами Бог.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<до 6.IV.1947>

Дорогой Иван Сергеевич!

Письмо Ваше прочел. Спасибо! Все взвесил. И отвечаю *категорическим отказом* в сотрудничестве.

Русское дело — *русское и православное* — нуждается в *чистых* именах — Карташев, Шмелев, Трубецкой, Сикорский⁸⁷, — но не в *темных* именах Маклакова, Нольде, Зайцева и т. д. То, что эти последние наделали за последние два года *против России и Церкви* и на всю эмиграцию — было *так выгодно дьяволу и так вредно России*, что попытка их *перебежать назад из перебежчиков* есть попытка *размазать их политический блуд* по нашим лицам!

Больно думать, что Шмелев подставляет им для этого и свой лик!! Увидев это, во всей *честной* эмиграции *все* подумают, что Шмелев и другие *поколебались и полуприняли советчину*. Как это ужасно! Какое *распространение смуты*! Да еще «Русская мысль» — какие преемники Петра Струве, подумаешь!

О, эмоциональный вулкан! Не верь эмоциям, пред тобою симулируемым! Не зажигай свою свечу и лампаду о чертову спичку! Не давай свой лик на поругание!

Итак: *нет*. Но в порядке *информации* препровождаю Вам подписку на *1 месяц*, но на столько экземпляров, сколько выйдет из оной суммы, — *все по моему личному адресу*. Распрост-

ранять же подписку на маклаковскую газету — помилуйте, это совершенно невозможно!!

Да и что за метод привлечения «моей особы»?

В 1898 г. (мне было 15 лет) одна гимназисточка-хохлушка в Москве писала моему брату (хохлацкий распев!). «Саша! Вечеринька будет 3 февраля. Пожалуйста же, приходите пораньше и приводите же ваших товарищей. Танцы начнутся в восемь часов».

Я Шмелю — друг. А не просто «товарищ». Но серьезная и зрелая редакция не дает таких поручений. Времени было *достаточно*, чтобы списаться. Однако — *прячутся за Шмелева*. И если бы я и вправду — втемную, вслепую, без редакционных программ, приглашений и обязательств — послал бы что... Ведь сам же себя потом засмею. Я не маленький.

Был гимназист Бем, весом 6 пуд<ов>. Ходил в большую перемену и, *съев свое*, приставал: «Маклаков! Угости-и-и! Зеелер! Угости-и-и!» — и все слопаёт.

Так нет. Помолчу!

А то у Леонида Андреева один сзади бежал и кричал:

«И я, братцы, и я, и я!» Боялся опоздать...

Так нет. Опоздаю *охотно*.

И Вам советую, дорогой Вулкан Сергеевич: умерьте Вашу эрупцию!⁸⁸ Эмоции застят взор. И портят очевидность. Пришел к Вам новый Виген сумбурпашайничать — не верьте словам! Главного Вам не договаривают!

Ради Бога, будьте осторожны! С блохами встанете! Мы по нынешнему времени *не имеем права политически наивничать!* Нас немного! За нами начинается серая масса обывателя и сов<етской> полуинтеллигенции.

Макл<аков> «нужен»... Кому!! Зачем!!

Ни России, ни Церкви он не нужен. Вижу всю игру насквозь: *выправляют крен по Америке*... Садятся в новое седло. Да я им не стремянной. И Вы им не конюх и не доезжачий!

Вспомните Ваш анекдот: «Мамашенька! Вздуй огня!»... Не вздувайте! «Они рожу заговня...». Пусть и отмывают ее честно, всенародным покаянием, а не размывая ею по нашим *идеям*.

Слышите: *идеям!!*

Я *моих* им не дам. Они у меня не торопятся, долгого дыхания!

А подписочку на 1 месяц — пришлю. Обнимаю и молю о сокращении эмоций! <Приписка 2 раза на первой и последней странице:> очень жду о Карташеве.

И. С. Шмелев — И. А. Ильину
<6.IV.1947>

6.4.<19>47. 7 в<е>ч., в постели.

Письмо Ваше, дорогой Иван Александрович, очень огорчило меня, — отказ-то Ваш. Да и поспешность моя тут повинна: очень обрадовался и был «в нервах», после публич<ного> чтения. Все случилось *вдруг*. (Вот и заболел.) Много тормозов было... — и потому, *загодя*, не списывались с Вами, — было все в неустойчивости. Узнав от Зеелера, экстр<енно> приехавшего ко мне, я, я... — предложил оповестить Вас и *просить* В<аше-го> содействия. Я думал о моем посредничестве, что оно, во всяк<ом> случае, не может Вас обидеть: я *не случайный, со стороны*, человек... — и я, с чистой душой, обратился к вам, *спешно*, хотелось мне, чтобы 1-й № был веский. Это обращение, *через меня*, — *ввиду экстренности!* (Зеел<ер> плакал у меня, от радости и взволнованности) — одна из причин В<аше-го> отказа. Другая: подозрительность, что газета буд<ет> «загрязнена»... *Моя* обмолвка о Макл<акове> — тут причиной. Ошибочная обмолвка... (к<а>к она проскочила?!) Макл<аков>, конечно, не буд<ет> сотрудничать. Я *не* дописал Вам: говорилось об его «интервью», только. О (да М<аклаков> и хитер, «выжидатель», да и «положительный» Нольдэ) — о его недоброкачеств<енности>. Я не знаю, вспомнилось, что Зеел<ер> говорил о нем как о знающем иностр<анные> дела. Зайцев Борис — *ничем и никак себя не замарал*. Почему Вы о нем — так? Если он меня *приглашал читать о Москве* от им<ени> О<бщест>ва (какого-то), где предс<едатель> Мак<овс>кий С<ергей>⁸⁹, — это я объясняю просьбой к нему М<аковско>го... — они еще с Москвы знакомы. З<айце>в — соверш<енно> *ясен* и недвусмысл<ен> в отнош<ении> к б<ольшевиз>му. Уж он-то в В<ашем> отказе совс<ем> ни при чем.

Повторю: виноват я, через мою спешку. Не успел *всего* толком написать. Простите. Живи Вы здесь — Вы острее бы чувствовали, что такое — *своя* газета! *Как* ждут ее!!! Вы хоть америк<анско>-русские получаете, а здесь — разве единицы — дорого! (В «советских» — паника! Некто — «рвет и мечет». Видите?)

А главного *не* написал — *не знаю*. Газету «подпирает» (этим, и только этим, м<ожно> объяснить, что *дали* разрешение — *единой* из б<олее> 200 добивавшихся (фр<анцузских> и разноплеменных!)) «La Confederation Francaise des travailleurs cretiens» (СЖТХ)⁹⁰ — антикомм<унистическая> *сильная организация*. Генер<альный> секр<етарь> которой (adjoint⁹¹) Jean

Brodier — явл^яется» «ответств^{енным»} редактором «Русской мысли». Оч^{ень} сочувств^{енно} относ^{ятся} и католики правосл^{авного} обряда. Надо знать воздух соврем^{енной} Фр^{анции} — здесь оч^{ень} напряж^{енное} положение. Т^{ак} ч^{то} «Р^{усская} м^{ысль}» выходит к^{ак} б^{удто} под титулом этой Рабоче-христ^{ианской} организации.

Вышутили Вы и мою горячку, и мою радость, и мою опрометчивость... — Ваша воля, конечно. Но «чертовой спички» я не вижу. Впрочем — «по плодам их узнаете их». Никто за меня не «прятался». Вам было бы в свое время написано от редакции, а тут — спешно, материал д^{олжен} б^{ыть} в типографии за неделю до выпуска газеты. К^{ак} раз разрешили 29-го, в субботу! И Зеелер приехал ко мне (он — фактич^{еский} редактор) поделиться радостью и просить содействия. Я сам сказал: «Буду просить И. А. Ил^{ьи}на!» И — просил. И — получил по шапке.

И... мне — больно. Я — чист. И *все* тут — **чисто**. Оплешность, спешку свою — признал.

Я болен, не выхожу, тяжк^{ий} бронхит. *Лежу один...* Написал Карт^{ашеву} — ответа нет. Слышал, он (был?) болен. Будь я здоров — поехал бы сам. Как получу от него ответ — напишу. Вашего п^{исьма} не посылал... Возможно, что и пропадают.

Будьте здоровы. «Avion» получ^{ил}. Благодарю.

Ваш Ив. Шмелев.

«Кул^{иково} поле» (оно взяло посл^{едние} силы!) завершил окончат^{ельно} (5-й список!). Тяжко болеть, — **один!** — И не поговею... на груди — кирпичи, душит!... И так все горько!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<2.VIII.1947>

2 августа 1947 г.

Дорогой друг!

Простите мне спешность и краткость ответа. Я *очень* замучен срочной напряженной работой, 34—38° в тени и фёном.

Спасибо за рукописи. Все 3 получил. О Вашем вопросе.

Мировая мерзость качественно нестерпима. Острое осязание этого мучительно, но его *нельзя истолковывать* в смысле *близких сроков* «лопнутия» нарыва. В Советии голод, неуправка по всем линиям, и транспорт, и нефть, и все небоеспособно. *Русская* армия могла бы сделать небольшие диверсии (персидскую, австрийскую, греческую); но советы *знают*, что это развязало

бы третью мировую, что USA располагает *страшным* атомным оружием; а сибирская *интернациональная* армия (вышколенный немцами комсброд отовсюду) далеко не готова; не готова и военная промышленность, не готовы и подземные города (Кузнецкого бассейна). *Нервная война* будет продолжаться и обостряться; мировая *не* назрела. Пятилетка готовности намечена на 1950 <г.>, и они с ней *не* справляются. Поэтому — не поддавайтесь тревожным слухам. И *не* связывайте свой эв<ристический> переезд в USA с ними. Переезд да будет не бегством, но спокойной мерой.

Теперь: *кто* звал Вас? Вы мне этого *не* сообщили. Это важно. Я бы на Вашем месте *принял* бы зов на след<ующих> условиях.

1. Affidavit⁹² и деньги на переезд (лучше по *воздуху* — это 315 долларов Париж—Нью-Йорк) добывают *приглашатели*.

2. Поселение поблизости от монастыря.

3. Жизнь на *гонорары* и *меценции*; и на сотрудничество в наш<еском> журнале.

4. От меценций *не* отказываться, при условии, что жить *не* у мецената и что меценские деньги будут вноситься *Виталию*⁹³.

5. Приглашатели должны быть серьезные: Епископ Серафим⁹⁴ (быв<ший> прикарпатский архимандрит), арх. Виталий. Если пишет Никон (Рклицкий), то относиться с *крайней* осторожностью!

6. Париж слишком много отглаживает у Вас на *нервы*, *квартиру*, *продовольствие*, *валюту* etc.

7. Ольга Александровна (истинная, единая) *последует за Вами*.

8. Там *не* селиться в городе, но поблизости пригородного монастыря.

9. Почитатели и друзья будут у Вас и там.

10. А нас с Вами Атлант<ический> океан *не* разлучит.

Простите краткость. Еле сижу, еле пишу. Обнимаю; и шлю Вам пуд спокойствия и пуд дружбы.

Ваш И. А. И.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<23.IX.1947>

23 IX 1947

Дорогой Иван Сергеевич!

Или сам «спермин-пёл», или же его *химически адекватный* заместитель *вылетают* сегодня из Цюриха *авионом* по Вашему

адресу. Мы не дома, мы на каникулах, но Ш<арлотта> М<аксимилиановна> все необходимое немедленно сделала.

Все еще не могу написать Вам как следует. В канун августа я заболел от чрезмерной и спешной двухмесячной работы и с тех пор еще не оправился. Работоспособность малая, душевная угнетенность, всевозможные нервные боли.

Очень пожалел о Вашем некрологе Деникину⁹⁵. Храбрый и честный патриот, он

1) решительно несостоятелен был как правитель;

2) был чрезвычайно личным и лично мстительным человеком, не останавливавшимся перед наветом и даже клеветой (его четвертый том⁹⁶ возмутителен по отн<ошению> к Краснову, его пятый том безобразен в отн<ошении> к Врангелю; я тогда же просил у Врангеля разрешения ответить Деникину вместо него, как человек сторонний и ответственный, тем более, что Деникин в I томе называет меня в числе пионеров белого движения; Врангель не позволил: «Мы, белые, не смеем бороться друг с другом; судить меня с Деникиным будет Господь и будет история»; с тех пор Деникин постоянно клеветал на врангелевцев и еще недавно по прибытии в USA возмутил всех нареканиями на ген. А. А. фон Лампе, будто тот работал с Хитлером, — такая же клевета, какую возводили в Париже на Вас!!);

3) Деникин фактически бросил в 1919 свою разлагающуюся армию и спасся один на англ<ийском> судне.

Никаких оснований возводить его в святые — безгрешные — Александры Невские нет. И Ваш восторг поверг меня в глубокое удручение, о чем не смею Вам не сказать.

Как только почувствую себя сколько-ниб<удь> лучше, буду Вам писать.

А пока дружески обнимаю и желаю и надеюсь помощи Вам от лекарства.

Ваш И.

Спасибо за гречку! Дошла! Но она Вам, дорогой мой, нужнее.

И. С. Шмелев — И. А. Ильину
<25.IX.1947>

25.9.47

Дорогой Иван Александрович, — слава Богу! Вчера послал В<ам> п<исьмо> — тревогу, предельную!!! — а сейчас, 10 ут<ра> — от Вас, хоть и мало О Вас. К главному из п<и>

сь>ма... «Дэ мортиус аут бене, аут нигил...»⁹⁷ — Я соблюл первое; было «бенэ»... и для сего я должен был считаться с повелительным требованием во мне: перед врагами и клеветниками — а их тьма темь! — не мог и намекать на «пятна», которые *есть*... Я исходил из того доброго, что было и есть в русском солдате... и закрыл глаза на большие недостатки. Не мог иначе, а неправды, поверьте, сознательной и приукрашающей, не *слышу* в «памятке». **Надо** было крепить **наш** дух. Я пробовал уклоняться, и не дал — «да» просившим у меня — «сказать о...» — от Бел<ой> арм<ии>, — но опять-таки совесть стала меня томить — ты **должен!** — и я заставил себя... Вы, уверен, имеете основания думать так о Д<еникине>, как пишете, и о Вр<ангеле> тоже. Я преклоняюсь перед чистотой и доблестью Врангеля! В наше жестокое и грязное время — а когда, вообще, «время» бывало **не жестоким и не грязным?! — но ныне** все предельно или — **без предельно!** — надо быть очень осторожным в «споре славян»... — это дело будущего, — а в **ныне** — сомкнись! — это повелевает. Грех Д<еникина> в отн<ошении> Вр<ангеля> — на его душе. «Личное» — всегда и во всем, у всех... и часто является мотором важным, часто и вредит — в русском деле оно и навредило! — но я исходил из **лучшего** возможного, и оно было. «Победителей не судят»..., — и войди Д<еникин> в Москву... — **все** было бы похерено в громе и пламени **славы**. Не было суждено... А я чуял, что мои слова могут как-то поранить Вас. Да, да... но и это меня не остановило. Я знаю: эта «памятка» будила доброе во многих душах... и — видит Бог! — я не корю себя...

А за «царапинки», кот<орые> могла оставить статья, — великодушно и благостно простите раба Ивана... Не толконите, если в ст<атье>⁹⁸ — 1147—1947 — усмотрите недостатки, они есть и вызваны грудой матерьяла... я отмахивался от этой статьи... но **нечто** повелевающее разрешило мои колебания. Опять «сгущено», б<ыть> м<ожет>, но так важно **отметить**.

А **все** уклонились под разными оправданиями... Я не смел уклониться. И не смел не привести вдохновенные строки Ваши... — простите за дерзание... но если Вам покажется, что я не смел привести из сокровищницы Вашего духа... — уведомьте... и я, с **болью** — опушу... С болью: так эти слова связаны с духом статьи!

Лечусь... Не могу **здесь** закончить «Путь», надо покоя... надо безоглядности... здесь их для меня нет. Надо отдалиться, надо уйти под церковные стены, к Обители. Дальнейшее — в романе — **все** (содержанье-то!) под колоколами... нужен **воздух**... и

вот, на краю стоя (сидя на санях), пускаться в плавание!.. Молю Господа — укрепить... а пока все еще не решил... Чувствую мне, что... **близится**... Что?! М<ожет> б<ыть>, все спасение — м<ожет> б<ыть>, и полное крушение... — ?! Страшусь... немею... **жду**... Соизволит Бог — не отмахнусь... и жду, чтобы **само** как-то опредметилось. А пока вбираю — и к<а>к медленно! — «права»-бумажки... Ведь в **пустоту** рвусь, м<ожет> б<ыть>, где никаких родных пока не вижу... Но обрету...? Много там у меня читателей... поддержат...? Каждый день убеждает: **всюду люди**... И — м<ожет> б<ыть>... — все Мож<ет> Быть!!? — найду заводь для тихой и последней моей работы. Дай, Господи!..

Раньше весны вряд ли двинусь... если буду здоров.

Напишите со всей откровенностью Ваше слово о газете: *какие недостатки*? укажите, **что** и как надо. Есть недостатки... но есть много и укрепляющего. Обилие писем в Ред<акцию> — поддерживает. И видим, как нужна даже такая куцая, такая «любительская» газета. Самое показательное: тираж «Р<усских> нов<остей>» катастро<фически> упал. За летн<ие> месяцы «тишины», когда наш тираж упал на 100 экз. — «Русские — ?! — нов<ости>» потеряли свыше 800!!! Одобряют, что в «Р<усской> м<ысли>» нет «крика», плевков и проч. Так пишут почти **все**... Газета влачится, но, начав — к<а>к теперь выяснилось, *без гроша*, — !!! — вышла в 23 №№ — затратив свыше миллиона!.. Читатель дал. А к<а>к расплачивается — судите сами: за эти почти полгода за 12—15 статей я получил... 4 тыс. фр<анков>!

За лекарство о-чень благодарю Вас, передайте Ш<арлотте> М<аксимилиановне> — оч<ень> тронут ее всегдашней готовностью помочь!

Ваш труд — и ка-кой! — «О тьме и просветлении» — великий свет. Не снилось русской критике такое глубокое и такое **художественное** творческое исследование! Это же для многих-многих — откровение. Неужели будет под спудом?!.. неужели не найдется «меценатика»?.. Стыдно держать такое в укрытии. И<ван> А<лександрович>! — да **надо** же выпустить!.. что стоит хотя бы «Кул<аевскому> фонду»!.. Ну, барыша не возьмет... да ведь ско-лько вложит!.. — в душу-то! ведь это же — **свет**!.. Вот, видит Бог, говорю не потому, что Ш<мелев> **дан** так отмеченно... поверьте!

Гречки еще пришло — хва-тит!

Присоветуйте, **чему** бы посвятить особый № «Р<усской> м<ысли>». Надо воспитывать молодежь. Ознакомьтесь с «мос-

ковским» № — и скажите. Надо, чтобы газета оправдывала свое именование — «Р<усская> м<ысль>»! Я сознательно не впустил в свою статью никаких «крючков», «зацепок»... — дабы был вес. А сколько поводов и сколько матерьяла!.. насилу выбрался из-под груди. О сем надо б<удет> исследование писать... И еще о смешивании России — «Москвы» с «правителями»! Весь мир сознательно мешает все в одну свалку, и когда читаешь — «Москва» то-то и то-то... — по сердцу режет. Далась им Москва! И это исстари: московитяне и московиты... Захвата «Москва»...

Отыскал гениальную... карикатуристку... мою чит<ательни>цу... в Холливуде. Если бы взялась она иллюстрировать «Конька-горбунка»!.. — загремела бы. Будь я Ч. Диккенсом, поручил бы ей своего «Пикквика»!.. Какое обилие дарований в русских людях!.. Я Вам пришлю ее ранние работы, из харб<инских> журналов, — посудите сами! — потешитесь, уверен. Только верните мне. А Ваш глазок не упустит ни-чего! какие там зверушки!.. какая сила движений! — все живет. Какая рисовальщица!.. не знаю, какова она в акварелях. Мечтаю издать «Мэри» или «Марса» — с ее илл<юстрациями>. Если бы она дала «Кон<ька>-гор<бунка>» — даже без текста... — вот и деньги, и слава. Америка любит юмор, и я дивлюсь, как до с<их> п<ор> ее не пустили в работу... хотя не раз обкрадывали — не амер<икан>цы, а — свои. Все ее «картинки» на русской выстав<ке> были проданы, а деньги украли. И еще один еврей мексик<анский> заказал две картинки, а расплатился чеком, кот<орый> нигде не принимают!...

Сейчас ей заказана картинка — м<ожет> б<ыть>, и плакат рекламный — и заплатят 150 д<ол>ларов. Работает, как рисо<валыци>ца в одной из студий. Страшно талантлива, и — прелестна. Беглянка из Харб<ина>, перелетела с семьей редактора «Рубежа»⁹⁹, харб<инского> журнала, в Калиф<орнию> перед войной, в 41 г., поработала и на фаб<рике>, и в семье миллионеров америк<анских>... — подружилась с Мэри Пикфорд¹⁰⁰, но... как русская, никак не использовала... но, главное, оч<ень> умна! сама мне написала... это — карикатуристката! — «с трепетом», давно хотела и, вот, «расхрабрилась»: «Лето Госп<одне>» и «Богомолье» — т<а>к и пишет — «мои настольные кн<иги>» — «каждый день читаю две-три главки»! Прислала мне свэттер и — кой-чего, от своих, конечно, грошей. Ах, милый, каждый день открывает мне новых друзей-читателей — и в Ам<ерике>! — повсюду.

В Ам<ерике> я хотел бы прочесть — своим и чужим... — обучился бы англ<ийскому> произношению, а по-франц<узски> смогу легко. Перевели бы мне, и я — поставил бы над «i» много точек! В Аляску смотался бы... повидал бы национ<альный> парк «Юсимити»¹⁰¹, — ну и «сэквайи» там, автомоб<или> проезжают сквозь дупло! медведи косолапят на воле... зайцы куролесят на лужках, птицы по головам скачут... какие водопады!.. эх, поглядел бы...!

Смерти и смерти... — все подбираются... а там¹⁰² и смерть забастовала. Не берет главных! В заговоре? устрошена и смерть?.. Во-как.

Напишите о себе, о планах... о работах. Писали о «движении воды»... затребовали рукописи... Скажите прямо, что... улучшились ли «Пути» в нов<ой> редакции? Знаю: много недостатков... и не удастся мне «опыт духовного романа»... хоть чуть коснуться... и надо как-то завершать... Идет коррект<ура> «Лета Г<осподня>». Выйдет книга в ноябре... 3 части: I — Праздники. II — Праздники — Радости. III — Дни скорби, — посл<едние> 9 глав. Так что Ваше замечание принято к исполнению, — отделил все же.

Еп. Серафим нашел уже нечто для меня; двое твердо (!?) обещали: один — 200 д<о>л<ла>р<ов> — 100 д<о>л<ларов> — «на перелет». Обещают как-то устроить. Нне знаю... на неопределенное не поеду. Обещ<ают> даже купить готов<ый> домик в 2 комн<аты> — «кабинку» со вс<ем> комф<ортом>, — «поставите, где хотите, и живите себе бл<из> обители!» У них ферма, до 70 к<о>ров. Даю в «Пр<а>в<ославную> Русь», — конечно, gratis¹⁰³. Журн<ал> растет!!! Он дает-таки порой оч<ень> интер<есно>! Обнимаю обоих. Привет Mrs. Ch. Bar<eiss>.

Ваш Уповающий Жан.

<Приписка:> Напишите, к<а>к работа над «Фил<ософией> рел<игии>». И есть ли возм<ожность> нов<ых> изданий? Выгребаясь из подавленности, но — пока почес продолж<ается>, м<ожет> б<ыть>, и уймется... 18-й месяц!

<Приписка:> Вы писали, что В<аши> голов<ные> боли кончились... теперь пишете — нерв<ные> боли! — в чем же дело? К<а>к надоело лечиться! Не ем ни мяса, ни яичка... — это плевать. Лишь бы — писалось!

Узнал о нов<ом> замеч<ательном> средстве от «язвы»... боли! — придется пробовать. Нем<ецкое> открытие!...

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<30.X.1947>

30 октября 1947 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Письма Ваши дошли, спасибо! Не сразу послал Вам рукописи: пережидая возможную забастовку в Вашей стране. «Рождество» пошло 20 окт<ября>, «Пути» II том — 25 окт<ября>. Заказными. Очень надеюсь, что теперь все дошло...

Пишу мало потому, что работаю много. А на то и на другое — не хватает. Я еще не оправился совсем от двух крахов — переутомления (конец августа) и гриппа (конец сентября — ...и поныне). Очень большая утомляемость + фённые *мигрени* (это высшая степень скудоглавия, психически депримирующая...¹⁰⁴). А между тем — продолжаю писать — презирая все — в несколько струй...

О «*Путьях*» в *переработке* — не сужу. Чужая художественная лаборатория неворжима. *Ваша* — в особенности. Вижу, что Вы со своим детищем делаете, *чего* Вы от себя требуете, — и жду окончательного. Скажу только одно: чем больше героиня *показывается* в своих чувствах, словах и делах и чем меньше она *восхваляется*, чем меньше она *восторгает окружающих*, — тем она убедительнее. Ибо *восторг* ее зрителей, рассказанный в романе, *освобождает читателя от восторга, антиципирует*¹⁰⁵ его оценку и испытывается им как навязываемое автором преклонение. Минеи Четы¹⁰⁶ — пантеон праведности — но не художественный, а педагогический пантеон — в этом их слабая сторона.

О рисовальщице. У нее есть некое чувство комического и некая даровитость в беспомощном (с точки зрения рисовательской) рисунке. Но *темы*, беспокоящие ее рисовательскую потребность, до такой степени *постылы, пошлы* и *художественно беспредметны*, что рисунки ее вызывают в душе что-то вроде духовной оскотины. Не скрою: смотрел их с чувством протеста и даже отвращения. А между тем — художник начинается не в линиях и красках, а в *теме*: скажи, какой предмет зовет тебя — а я скажу тебе, что из тебя *может* выйти. Помните в «Возрождении» стихи Горянского?¹⁰⁷ Вот был бич Божий — почитаешь — и разлюбляешь поэзию... А стихотворный дар — был. Стихотворный — да не поэтический и не духовный; а потому и не художественный. Он стихами чесался; а этим *не* чешутся!

Завидую Вам: Вы видите и презираете многое за этим хаосом смятенных народов, ожесточенных душ и злодейских затей. А я захлебываюсь — от отвращения, от чувства собственного бессилия, от отчаяния.

Газета («Р<усская> м<ысль>»). Чего им не хватает? *Все-го!!* Идеи, национальных и религиозных корней, чисто газетного замысла, чувства вкуса, чувства ранга, гражданского мужества, субстанциальной *русскости*. Словом — всего! Какая-то «паштильная паштиня», в которой шевелятся несколько «паштильных ведмедёв». *Бездарны. Тайные католики.* Между прочим, им потому и Шмелев приемлем лишь в малых дозах — а то опекающий их редакцию иезуит будет недоволен. Им масонский душок приятнее русско-православного. Фальшивая компания. Люди *без окончательного Да и Нет*. И большевиков-то как-то больше из-за угла за пятку покусывают. Куснет — и спрячется; и опять выглядывает.

Вообще эпоха такая — после 1945. *Писатель* молчит, а читатель пишет. Но читатель «своих» не имеет; он вечный «столовщик» в чужих кухмистерских. Писатель есть *мыслитель*; а читатель — «критик» чужого, без своего. И вдруг читатель вылез и начал...

Вы видите писания «нац-мальчиков»? Журналы «*Посев*»¹⁰⁸, «*Слушай*»¹⁰⁹? Вы читали *Доктора Левицкого*¹¹⁰ о «солидаризме»? Знаете — бывает: тошнит — а желудок пуст. И выходит человек (pardon!) — в *пустоблюю*.

Страшно сочувствую Вашему *полету* в страну Виталиаду¹¹¹. И если домик строят — *берите!*

Но во что *не верю* — это в водворение хаоса в Вашей теперешней стране.

На том многоточие. И точка.

По-советски: «ну — всего! и пока!»

Обнимаю. Мучаюсь и работаю.

Ваш И.

А. В. Карташева «Ветхозаветная библи<ейская> критика» — читал и *очень оценил*. В «разнос» этой книги не верю. В компетентности «разносящих» сомневаюсь. Но сие не для письма, а для *долгой и научно обставленной беседы*.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<29.I.1948>

29.I.1948

Дорогой мой!

Только что получил Ваше письмо. *Все*му поверил и возгордился-возмордился, стал горд, как сто морд и одна рожа (на кого похожа, *туда же, тожа!?*)¹¹².

Посылаю нимало не медля «Соц<иалистический> в<естник>» за сент<ябрь>, окт<ябрь>, ноябрь, дек<абрь>. Не читайте *всего*, не стоит, но подчеркнутое красным — *очень* стоит. Еще посылаю «Патриаршее» послание (поучительно и паучительно, от паука). Чем скорее вернете (два дня?!), тем лучше. С часу на час жду из Парижа — другой журнал. Тогда вышлю.

«Русская мысль», конечно, малосильна... Но совсем не в этом дело. Я не верю редакторам, не верю в подлинную русскость, не верю в их духовный хребет, в их импондера-бильно¹¹³, но метафизически сущую честь, совесть, благородство; не верю и в их конспиративную корректность. Петр Берн<гардович> был скалою личной корректности. Он меня ценил (ораторски-политически, не философски, этого он не видел и не понимал), и хотя он меня никогда не любил, но вызывал во мне редакторски-политически-нравственное доверие. А эта рухлядь... чем еще кончит? где сидит? и какой им (кроме католического!) еще суппозиторий¹¹⁴ снизу поставлен?! А где я не верю — там и яиц не кладу... Вот где гвоздь, вот где закавыка...

Обнимаю.

Ваш некто лежащий, именуемый Иоанн.

P.S. Решил проверить Вашу, столь для меня драгоценную, любознательность: как возникают такие «индиввдуи».

Нам рассказывала кормилица младшего брата (прошу не шокироваться, это эпическая простота!):

«Жили-были дед да баба, а детёв у них не было. Думали, думали, как быть? Вот она и придумала. Взяла котелок кухонный — то ён туды поссыть, то яна туды поссыть, то ён, то яна, ну накрыли сковородкой, на загнетку и поставили. Утричком просыпаются, а там чегой-то постукивать. Сняли сковородку — ан сидит в котелке мальчик-с-пальчик, сам с собой разговаривает и ручонками разводит». Вот и все.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<5.II.1948>

Дорогой друг, Иван Сергеевич!

Получил письмо от гулливого Шмея. Не понимаю я его!.. Он все вываливается из Богу-внемлющего акта. Каждый данный миг в руке Его: из Вавилона увел, в тихую пристань ввел,

укрепляться велит. Да разве Вы после таких лет и с таким истощением за море доехали бы?!¹¹⁵ Перст!! Вы не имеете никаких оснований ропотливо гудеть и не доверять. *Милость* над Вами! Притулил Вас Ангел Хранитель — и *слушайте тишину*, в ней мудрость несказанная... А почему другие мучаются? *Так Бога не допрашивают!* «Покажи мне Свою пятидесятилетку-столетку, я желаю ее подвергнуть само-критике?» *Иначе* должен звучать наш вопрос. Исходный пункт у *Гоголя* высказан: «Поверьте, что Бог не даром повелел каждому быть на том месте, на котором он теперь стоит»¹¹⁶. С этого всегда начинаю. Знаю; *недаром*, помощи, Господи! А если трудно, не управляюсь, — *еще* помощи!

Русский народ учится *самостоянию*. И научится! Мукою. Да. И *я* с ним 30 лет в муке. А почему *не* в *физической*? Потому что — в *духовной*! Эту духовную надо превратить в *его науку*. Ибо я есмь *орган* русского народа, его *пульс*, его *слово*, его *вопл*, его *драка*, раздаватель от его лица «русс-лановых» пощечин. Но главное: *его* национальный философ

Настанет час силы и славы,
И Господь изречет приговор,
И лишится власти лукавой
Безбожник, предатель и вор.
А это рыхлое племя,
Изведав позор и печаль,
Закалится на вечное время
И станет как крепкая сталь.

Меня *одно* тревожит: *уроки* Божии столь глубоки и грандиозны; задыхаюсь, не выскажу никак всего; вижу сто, успеваю сказать двадцать семь. А помощников и сотрудников *нету*. Вот, № 2 *давно* надо на *все* языки и *вверх*. Но люди малы, мелкие, не видят, ленятся, завистничают, а *меня на все не хватает!* *Слег* — так и на завалившегося еще наваливают, кто что может... А помощи *нет*. Как справлюсь? Не выгребу!!

Гудливость Шмеля — еще и еще отношу к *голодным нервам*; отсюда и желудок, и зуд. Надо Вам «*Протовит*» — *все* витамины. Надо совет *умного* врача. И не думать ни о визе, ни о Париже, ни о *монетах*. Все, что нужно, пододвинется!

Неужели Вы не чувствуете своей Бого-хранимости?!? Неужели Вы только «куируетесь» (от Coué¹¹⁷) на веру в Бога? Неужели «Виктор Алексеевич»¹¹⁸ не преодолел?!

Слушайте *тишину*! На *то* Вам дан Monsieur Rich... Она Вас *приготавливает* к дальнейшему. *Благодарите!* Аминь.

У Лафатера¹¹⁹: «Внемли тихому гласу говорящего в тебе Господа!». Аминь.

Обнимаю и благословляю —

Ваш Со-Иоанн.

5.11.1948

Журналишки пришлите! Нужны!

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<10.III.1948>

Дорогой Иван Сергеевич!

Представьте себе — у меня *совсем иные настроения*¹²⁰. Да, мы предвидели многие опасности; да, нас не слушали; да, опасность сгущается.

Что же из этого вытекает?

У меня такое чувство, что мы присутствуем на *великом суде Божием*. И посему нам естественно: *благоговейно и в тишине* ждать *Его* решения. Мы в *Его* руке; но разве это необыкновенно, непривычно для нас? Отзовет — уйдем; оставит — будем *творить* дальше. Не жаловаться, не впадать в трепет — и не пытаться «провидеть», ибо *Его пути от нас сокрыты*. Я всю жизнь провисел на волоске, с 1914 г. волосок много раз и *надолго* становился волосочком. Не было надежды и вероятности удержаться на нем; но милостию Его — держался и удержался. Еще в подвале чеки (март 1918) я молился: «Я *все свое* сделал; *моим* возможностям конец. Да будет Воля Твоя: отзовешь — я отоюду к Тебе; оставишь — *буду бороться дальше до конца*. Ибо я слуга и воин Твой». Так и теперь. Мне необходимо не предвидение мраков, которым, *может быть, и не суждено наступить*, а *бесстрашие и спокойствие*, и зоркое глядение в события. Трепеща с утра до вечера от собственного мраковидения, — я *не напишу больше ни строчки: а в этом мое служение*.

Мою книгу о Сущности Правосознания я заканчивал в ожидании ареста: моя квартира была запечатана, в Москве расстреливали, Деникин был у Орла, я укрывался на даче. Сидел перед окном и писал предпоследнюю главу «Правосознание и религиозность». Посмотришь в окно: если поедут, то *вон оттуда* — это минут десять — я *увиджу*. Итак: есть *еще* 10 минут — пишу.

Воображая свой расстрел (а я, готовясь к нему, психически *упражнялся* в этом ежедневно по несколько раз — года *три*), я не мог творить. Надо было *обрывать* эти упражнения, отодвигать, вновь *успокаиваться* — и тогда писать. Тогда-то я начал и

ту книгу, которую завершаю теперь. «Аксиомы религиозного опыта».

Я и сейчас солдат, Его солдат. Мне и сейчас необходимы спокойствие и бесстрашие, чтобы творить. А великие храбрецы русской армии говорили мне: «Бояться все, без исключения; но храбрый умеет обуздывать свое воображение и повелевать ему; только упусти его из-под спуда — и ты никуда не годишься». И были правы.

Вот мое настроение. Остальное добывается, умиряется и совершается молитвой.

С часу на час отправляю Вам Ваши документы.

К<онрад> зовется просто: Негг Konrad Bareiss¹²¹, и никаких титулов и никаких имен.

Обнимаю Вас.

Ваш И.

10.III.1948.

P.S. Невольно оглядываешься и спрашиваешь себя: откуда эта волна паники в Европе? Ведь Чехия оккупирована и подмята уже *два* года, если не три! То, что коммунисты сейчас сделали там — есть *ошибка* и *глупость*: они *напугали* *всесветное масонство*. 3 года подлый и глупый Бенеш¹²² разыгрывал à la Керенский «заложника демократии» в *левых* руках; и, позируя, успокаивал масонов, а масоны ему верили. И вдруг сорвалось... Готвальд¹²³ поторопился, вопреки сталинскому распоряжению, ибо *боялся* выборов (о коих ему доносили, что ком<мунисты> получают не 39 % голосов, а только 28 % ...). Стратегически это *огромная* ошибка, масонство стало решительно и окончательно готовить войну, оно испугалось, проснулось и *варит*. А вломиться из Чехии в Германию и Австрию было *без* переворота *гораздо* легче: *внезапно*, и *врасплох*, и все удобства. А что Чехия гарантий от USA не имела, это *все* знали.

Вопрос с Италией гораздо серьезнее: там переворот создаст casus belli¹²⁴.

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<4.VII.1948>

И. С. Шмелеву в Женеву

Дорогой Иван Сергеевич!

Спасибо Вам за дружеское письмо с хорошими, радостными вестями о Вашем печатании... Наконец-то плотина рухнула!

Слава Богу! Теперь звоните во всю Ивановскую!! — Очень рад, что мог послужить Вам здесь, и счастлив, что все сошло удачно!

Но свиданием нашим я совсем не удовлетворен. Ведь общение наше, в сущности, не состоялось. О Главном совсем не говорили — ни о Боге, ни о вере, ни о Вашем творчестве, ни о моем — и даже не посоветовались, что же делать, если начнется оккупация Европы большевиками... Как будто прошли друг мимо друга. Если бы я так побеседовал с Субботинскими, или с Лоллием¹²⁵, или с Мельгуновым¹²⁶, то было бы понятно и естественно; но, напр<имер>, с А. В. Карташевым, или с В. П. Рябушинским, — это была бы прямая неудача... А ведь это было — с ВАМИ!! Недаром я просил Вас записать важные темы, с которых надо было бы начать. Я имел сказать Вам существенное о «Путях небесных», о строении духовного акта у Дарьи Ивановны и у Виктора Алексеевича, о Чехове, о русской поэзии и еще о многом... Да и сам я начинаюсь там, где моя лаборатория и где в ней мой «алтарь», коему я трепетно предстою. Прочее же во мне есть лишь моя более или менее неудачная «оболочка», и притом всегда страдающая, которая за последние годы слишком много страдает и требует поэтому некоторого снисхождения...

Кстати о моей «капризности»...

В 1921—1922 гг., убранный в Москве большевиками с юридического факультета, я вел в Философском институте два курса: «О философском методе» и о «Гегеле» — для кончающих студентов филологов-философов. Их было человек 65. Аудитория была (ради тепла) небольшая, и люди сидели друг на друге. Я вел оба курса *без записок — вдохновенным созерцанием*. Обычным актом: цельным, с участием сердца, воли, видения и мысли. И вот, студенты мои никак не могли понять, что *моего стула нельзя задевать* — что я испытываю каждый толчок или прикосновение, как электрический разряд в нервной системе, как резкий толчок *по духу* или как посторонний вскрик во время исполняемого ноктюрна. Я реагировал на это болезненно, а они, вероятно, думали, что это — раздражительность голодного профессора или же просто «каприз». Наконец я разъяснил им, что при этом происходит, что это — процесс большой и интенсивной концентрации, не терпящей прерывающих толчков и разрядов.

Покойный П. Н. Врангель говаривал мне: «Порыв не терпит перерыва!», и был совершенно прав. А вдохновение есть именно длящийся, и притом духовно, утонченный порыв.

И вот — виню самого себя. Ибо много раз запрещал себе неуместное вдохновение во время бесед: люди не видят его, не замечают и относят мою острую реакцию на «перерыв в порыве» к моей невоспитанности, к самомнению, к претенциозности или, как Вы деликатно выразились, — к моей «капризности». А я все опять забываю свой самозапрет. Забываю, что снисхождение к этой моей особенности имеют, кроме Наталии Николаевны, только друзья, *хорошо* меня знающие. А ведь с Вами мы виделись всего третий раз в жизни; и лекционные мои переживания, меня самого нередко потрясающие гораздо больше, чем публику, тоже не могут Вам дать осязание моей несчастной личности, ибо Вы никогда не слышали меня, публично говорящего. А потому рассчитывать на Ваше снисхождение я не имел никакого права и основания...

Может быть, потому и лучше, что мы не углублялись с Вами в священные Предметы, а то Вы восприняли бы меня как «совершенно невыносимого капризника»... —

Очень тревожит меня Ваше безвизное состояние! Думаю, что надо молиться молитвою Сократа: «Пошли мне то, что для меня благо, если бы я и не просил об этом! и не посылай мне того, что для меня дурно, хотя бы я и просил о том». Или по-нашему: «Да будет воля Твоя!».

Обнимаю Вас душевно и очень жду «Записок неписателя»!
Ваш «антрепренер» и ценитель

И. А. Ильин.

Цолликон, 4 июля 1948

<Приписка, сделанная И. А. Ильиным по возвращении его писем (после смерти И. С. Шмелева):>

(После бесплодного, с его стороны неудержимо разговорчивого свидания в Цюрихе, когда он два часа пел дифирамбы святости впервые увиденной им Дины Михайловны Рустергольд и прерывал меня на каждом третьем слове, чем и вызвал мое «капризное» умолкание...)

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<31.VII.1948>

Дорогой Иван Сергеевич!

Все тревожимся о Вашей визе...

На всякий случай, чтобы не вышло недоразумения: если бы Вам пришла в голову мысль пригласить в (неосуществляющий-

ся) Пушкинский сборник Вышеславцева, то я немедленно *отступлю*; — «скверный характер» или «каприз», как прикажете...

Я и то каюсь, что в Анастасиевский юбилейный сборник послал статью... Не надо было. Боюсь: по выходе сборника станет неуютно. Бывало, как сядешь в Москве в Чеку, привезут в подвал — наблюдать *очень* интересно, а *общность* клопов и вшей с этими людьми *огорчает*. С тех пор мой характер не улучшился. *Издали* согласен сочувствовать всем «мытарям», «магдалинам», «эфпальтам»¹²⁷ и т. д. А водиться с ними — душа не радуется... Грешен: 1) «гордость» 2) «самоумнение» 3) «чистюльство» 4) «моральное доктринерство» 5) «капризность» 6) «сплендид»¹²⁸ изолешен'ство» 7) «трепетно-лань'ство» etc, etc, etc. Все, что кому угодно.

Но — всю жизнь прожил иначе и уж на старости поздно мяться.

Ну — «всего! и — пока!».

31.VII.1948

Ваш «Свое-клоп-ник».

И. А. Ильин — И. С. Шмелеву
<4.VIII.1949>

4 авг<уста> 1949

Дорогой Иван Сергеевич!

Немедленно после Вашего письма я запросил Мельгунова о «Богомолье» и получил его согласие. Так что надеюсь до 15 августа отправить — в *первый* номер¹²⁹. Думаю написать кратко, но выразительно.

Последнее время пересматривал Куприна¹³⁰ по изданиям «Нивы» и Моск<овского> книгоиздательства. Прямо — заболел! В русской литературе XX века писатели состояли нередко прямыми «сыщиками зла», но сыщиками (простите, Бога для!) — смакователями, аки «псы, возвращающиеся на блевотины своя». Не Пушкин, не С. Т. Аксаков¹³¹, не Толстой, не Лесков. Но Гоголь сам *изнемог* от этого, даже до смерти. Достоевский *мечтал* прекратить это. Тургенев, скудный в духовном видении, старался не впадать в это. Но Салтыков!¹³² Но любезные народники! И особенно народники «последнего призыва» — Бунин, Горький¹³³, Куприн. Начитаешься — и *свет не мил*, на людей не глядел бы, России стыдился бы...

Как по-Вашему — Куприн пил и *потому так* видел или *так* видел и *потому* пил?

Вышла в прошлом году по-немецки книга Александра Шельтинга¹³⁴ «Россия и Европа». Пишу на эту подлость *три* рецензии. Давно ли Вы читали Чаадаева? Перечитайте, пожалуйста, этого декадента, сноба и кощунника!

Окончил «Аксиомы рел<игиозного> опыта», 26 глав, около 700 печ<атных> стр<аниц>. Рвусь дальше.

Ваш И.

И. А. ИЛЬИН

Письма к различным лицам

*Л. И. Гуревич¹ 24 дек<абря> 1921 г.
<Москва>*

Дорогая тетя Люба!

Завтра день Вашего рожденья. Душевно Вас поздравляю, крепко обнимаю Вас и люблю всегда по-прежнему. Я давно уже хотел Вам написать, но все душа для этого не отстаивалась. Однако, может быть, она при нынешних условиях и не может отстояться как следует.

Папа² ушел с большою простотою и духовной красотой. Я застал его уже без сознания, и даже руку мою он уже не пожал. Он лежал потом спокойный, величавый, сочетая тихую, ясную доброту верхней половины лица с чрезвычайно долевою силою и победительностью в нижней половине. Когда мы уже прощались с ним — ни тени тления. А еще за три дня он на очереди подметал парадную лестницу своего дома и шутил со всеми соседями... Я не могу не выразить Вам этого: я гордился им последние годы и любовался. Я с тихою нежностью преклонился перед ним в его смерти. Какая простота, какое достоинство, какое почти не сознающее себя величие — в терпении, в отречении и в *прощении*. Мы положили его, как мне хотелось, в его старом дворянском мундире, только с черным воротником и с черными пуговицами. Мамино горе было бесконечно нежное и такое тихое, достойное и религиозно-попослушное. Тут все — в этом событии — проникнуто благородной красотой...

Я ощутил в его уходе — не смерть, а «ныне отпускаеши» — молитву, которую я тихо читал над ним во время его последних, глубоких и беспомощных, вздохов. Это была не смерть, это было освобождение созревшего духа — «безболезненное, не-

постыдное, мирное»; духа — переболевшего и победившего всю свою сильную и непокорную земную страстность. Было поистине что-то больше чем человеческое в тех простых и сдержанных слезах, с которыми он говорил последние годы о полянских крестьянах. У меня есть старый вопрос: не умирает ли человек вообще тем безболезненнее, чем более дух его при жизни очистился и созрел для мудрого, божественного бесстрастия?

Вечером, поздно, в день его кончины я лег спать и долго, тоскуя, ворочался; потом зажег лампу и стал читать. Меня посетила минута малодушия; я думал с завистью о нем, ушедшем; жизнь стала так бесконечно страшнее и противоестественнее смерти, что смерть иногда кажется освобождающим покоем. Я *никогда* не думаю о самоубийстве и считаю его постыдным бегством; но в минуту малодушия душа иногда просит: «Отзови! Освободи!».

И вот мне попало стихотворение Хомякова «Труженик», которое я прочел впервые и которое потрясло меня ответом. Оно несовершенно частями, но могуче идеею и превосходно в начале и в конце. Выписываю его целиком:

По жестким глыбам сорной нивы,
С утра до истощенья сил,
Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.
Довольно, дикою враждою
И злым безумьем окружен,
Боролся крепкой я борьбою —
Я утомлен, я утомлен.
Пора на отдых. О, дубравы,
О, тишина полей и вод,
И над оврагами кудрявый
Ветвей сплетающихся свод!
Хоть раз один в тени отрадной,
Склонившись к звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю!
Стереть бы пот дневного зноя
Стряхнуть бы груз дневных забот!..
«Безумец! Нет тебе покоя,
Нет отдыха — вперед, вперед!
Взгляни на ниву, пашни много,
А дня немного впереди,
Вставай же, раб ленивый Бога,
Господь велит: иди, иди!
Ты куплен дорогой ценою,
Крестом и кровью куплен ты:

Сгибайся ж, пахарь, над браздою!
Борись, борец, до поздней тьмы!
Пред словом грозного призванья
Склоняюсь трепетным челом,
А Ты — безумного роптанья
Не помяни в суде Твоем!
Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный Тобой,
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.
Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева Твоего.

О, да! Если бы не любовь к родине, не чувство призвания и не жена моя, — я бы давно разорвался от горя и отвращения...

В сороковой день, вечером, я читал доклад в Психологическом обществе: «Религиозный смысл искренности». Это — третья глава из книги — «Философия религии»³. Мама была. Вечер был очень хороший: напряженное, сосредоточенное настроение большой аудитории, на три четверти из молодежи, истовые, вдумчивые прения, почти ни одной фальшивой ноты. Зачем Вы не в Москве, я бы положил Вам эту рукопись на колени...

Кризис наш — не только наш; это *мировой* кризис религиозности. Живое, жизнестроительное отношение к божественному заглохло, замерло в народах. Это кризис христианства (не учения Христа, а того, что из него сделали два тысячелетия). Я пытаюсь восстановить глубокую, цельную, *кристаллическую* и в то же время *страстную* природу религии; показываю, что религия — не обряд, не догма, не конфессия, а цельноискренняя и духовно-страстная преданность (любовь насмерть) тем божественным лучам, которыми пронизан мир и пребывание в которых только и может открыть человеку подлинное бытие Божие. Это не реформа «понятия» религии; а первый камень новой религиозной реформации; не той реформации, которая позволяет самим «читать Библию», но той, которая зовет к держащему и радостному новому Бого-увидению. Наши дни ставят человека на распутии: или в бесстыдную пошлую жадность — через ложь и насилие; или к новому Бого-узрению — через очищение, тоску по божественному и любовь. Период лицемерного христианства, гуманных слов и жадных дел, приличной лжи и нецельной религиозности — идет к концу. Я вижу на небе далекую зарю религиозного обновления, мечтаю о нем и всеми силами пытаюсь начать навстречу ей «взрез Его нивы».

Пусть Люба напишет Вам о своих впечатлениях.

Кончаю, мой милый и духовно-чтимый друг. Храни Вас Господь и пошли он мне еще свидеться с Вами.

Таля Вас целует и обнимает.

Ваш В<аня>.

Ю. В. Готье⁴ 1922. III. 27

Дорогой Юрий Владимирович!

Высиживаю дома легкий грипп и потому обращаюсь к Вам письменно.

В том заседании Юридического общества, в котором я говорил речь от Совета, между Н. Н. Полянским⁵ и мною произошел некий разговор, повлекший за собою целое множество других разговоров и организационных последствий и ныне имеющий разрешиться через посредство третейского суда чести. В сознании моей правоты, выдержанности и обдуманности в поступках я прошу Вас не отказаться принять на себя звание третейского судьи с моей стороны. Полянский пригласил М. Н. Гернета⁶. Для того чтобы Вы могли взвесить весь эпизод и представить себе положение дел, я могу указать Вам на Михаила Соломоновича Фельдштейна, подробно и беспристрастно осведомленного во всем. Его телефон 2-70-22; между 11 и 12 утра он обыкновенно консумирует свой первый фриштык⁷.

В суперарбитрах я бы очень хотел видеть А. А. Грушку⁸, который, при предварительном разговоре, отозвался более чем простою готовностью. Пока он хворает, а я — по его стопам, — суд затягивается; а вместе с ним и выборы председателя Юрид<ического> общества.

Если бы Вам для полноты картины было угодно прочесть мою речь, то она всегда к Вашим услугам в крупной, четкой карандашной рукописи (*liber lectu plane incundus et elegans*⁹).

Если бы Вам оказалось удобным, после осведомления со стороны М. С. Фельдштейна, сообщить мне Ваш ответ изустно, то я буду счастлив видеть Вас у моего очага ежедневно от 12—2 или от 5—11 вечера (Знаменка, Крестовоздвиженский пер., дом 2 во дворе, кв. 36, этаж шестой, телефон в бездействии).

Нарочно ничего не излагаю Вам от своего «заинтересованного» лица; хотел бы только довести сие до конца «честно и грозно».

Ваш якобы θεοεὶδής¹⁰ И. А. Ильин.

Б. В. Яковенко 1923.V.8

Berlin. Grünewald
Jagow Str., 10^{III}

Многоуважаемый Борис Валентинович!

Лучше поздно, чем никогда. И потому отвечаю Вам на Ваш Sturm-und-Drang-und-Schimpf-Brief¹¹.

Я совсем не «иду в философии рука об руку с Бердяевым». Считаю, что он часто силен в «нет» и очень часто слаб в «да». По-прежнему, как и раньше, не признаю философским достижением его смешение религиозного подъема с психосексуальным «прозрением»; по-прежнему не считаю его ученым; по-прежнему вижу его манеру переоценивать свои субъективные Einfälle¹² и раздувать их (с беспомощным насильничанием над материалом) в мировоззрительные концепции. Он просто не знает, что такое лаборатория философского опыта, и потому всегда волнуется и сердится, когда я говорю об этой лаборатории и о необходимости систематически работать в ней.

Но... нет оснований, чтобы не печататься в его журнале или не прочесть в его кружке свой доклад. Пока там есть духовный Existenz-minimum¹³, это приемлемо.

Духовный же экзистенц-минимум определяется термином: *искреннее отвержение сатаны*. В этом главное.

Сейчас сатана принял образ социально-политический по преимуществу; и потому ему название дается — «политически-ориентационное». Однако он этим далеко не исчерпывается. Ему есть и церковно-конфессиональное имя: «живая церковь»¹⁴. Ему есть и метафизическое имя: «материализм». И трансцендентально-ценностное: «нигилизм» и т. д.

Могу ли я литературно сосуществовать (отнюдь не лабораторно со-быть) с человеком, отвергающим сатану героически, но лишенным духовной лаборатории? Могу.

Могу ли я литературно сосуществовать с человеком приемлющим (хотя бы по неосведомленности) сатану в одном из его зраков? Нет, не могу.

Например. Могу ли я писать в журнале, поддерживающем «живую церковь»? Нет, ибо это значило бы для меня *заживо умереть*. Я представляю себе, что я могу наложить на себя руки, — но только физически, а не духовно. Как приобщиться к сорока шести «епископам»¹⁵, извергающим и казнящим Святейшего Патриарха?..¹⁶

Или: могу ли я писать в журнале, поддерживающем «материализм и нигилизм», но отвергающем «живую церковь» и «большевиков»? Нет. Лучше буду сам жечь свои писания.

Или: могу ли я писать в журнале, поддерживающем в искусстве Шершеневича¹⁷ и Маяковского, в правописании — перверзную¹⁸ безграмотность, в конфессии — «живую церковь», но отвергающем «материализм и коммунизм»?

Нет. Лучше буду подражать по мере сил св. Петру Молчальнику¹⁹.

Это не «один уголок Сущаго» «заедает в нас все Сущее». Нет; но Бытие ищет Бытия и не объединяется с небытием, как бы это небытие ни утверждало себя само в качестве лика Бытия. Политика сейчас не уголок, а оселок, лакмусова бумага, пробирная палатка — измеряющая духовное здоровье человека. Конечно — это «благоразумно» — отойти от зла. Но христианин призван к иному своим Учителем: подойти ко злу, принять его в себя на пути художественного отождествления с ним и, приняв его, — *не стать им*; познать его в опыте — *не заражаться им*; изведать его природу — чтобы зорко и верно и неодолимо противостоять ему и в себе, и в других.

Только Степуну да Шелеру²⁰, да Карсавину простительно — по их конструктивному легкомыслию — играть словом «не-навижу» и «от-вращаюсь», чтобы компрометировать чужое отвержение революции как «проявление слепоты». Не мы слепы, отвергающие сатану во всех его видоизменениях и ликах; а *они гнилы* в своей духовной утробе, приемля смрад и уверяя, что то не смрад. И гниль их однажды еще поразит общее обоняние.

А Вы? Вы подошли к революции и большевизму как дурной схоластик, конструирующий неданное в опыте так, как если бы великолепный Бэкон²¹ никогда не грозил на всех априорных конструкторов перстом индукции!..

Говорить о неданном как о данном; о неиспытанном как испытанном; о воображенном как о познанном — сие есть *наивность*. Пожалуйте в кузницу — wo es hämmert und giftet und mit Blut speit²². Вас давно ждет улыбка Фафнера²³, бесстыдный жест обезьяны, кощунственная хула одержимых сифилитиков. Поезжайте, посмотрите, предметно войдите в эти смрадные воды — и тогда еще раз «примите революцию» и пригласите меня в журнал «философии большевизма». Да — не выйдет. Если поедете и увидите, — то или отвергнете их, или — это будете уже не Вы, а нечто новое, что ко мне и не обратится.

И все это — утверждаю как для меня окончательное, ибо уже совсем не «для меня» подлинное.

И позицию эту — необходимую и единственную — утверждаю как «правомерную», «достойную», «осмысленную» и «спасительную».

Gott helfe mir! Amen²⁴.

И<льин>.

Н. А. Бердяеву 1924.III.25

Берлин

Дорогой Николай Александрович!

Я получил только что Ваше письмо и спешу Вам ответить. — Вопрос о дефиците я давно и всесторонне обдумал, и мое принципиальное убеждение сводится к тому, что самим профессорам ездить по богатым людям Берлина, выпрашивая денег на Научный институт, не следует. Деньги должен собирать в случае дефицита не академический состав высшего учебного заведения, а особое, общественно-организованное на сей предмет, учреждение — финансовый комитет внепартийного и (в известном объеме) всепартийного состава (§ 25—27 нашего Устава).

Во-первых — просящий профессор в просьбе своей не отделяет и не может отделить личной нужды профессорского состава от академической, т. е. в конечном счете национально-государственной потребности. Призыв жертвовать на дело получает вследствие этого оттенок персональной благотворительности, а со стороны хлопочущего — оттенок «выпрашивания на бедность». Авторитетный общественный деятель, напротив, просящий *не для себя*, — не является просителем; вследствие этого соблюдается достоинство и Академии, и академиков, и того, кто ведет переговоры.

Во-вторых — просящий профессор, прося, *вынужден* прибегать к научно-общественной аттестации и, следовательно, неизбежно — коллективной *само*-аттестации в этих переговорах. Следует ли и стоит ли жертвовать известному учреждению — об этом должны судить, говорить и решать люди общественно-авторитетные и в то же время *не* связанные личным заработком с данным учреждением. Иначе будет страдать и достоинство Академии²⁵, и достоинство академиков.

В-третьих — персональный состав *просимых* должен быть непременно предварительно *обсужден* в финансовом комитете, причем общественные деятели, прежде чем начинать переговоры, должны получить на это согласие профессорской корпорации (в лице правления), ибо не от всякого приемлем взнос. Так,

принципиально *неприемлем* взнос от лиц *крайнего* направления, ибо они, вследствие своей крайности, не умеют и не хотят блюсти этико-культурный уровень в делах. Кто у кого берет *лично* — это личное дело каждого. Академия же не может быть безразлична к источнику средств, если она желает блюсти свое достоинство.

В-четвертых — только сотрудничество общественно авторитетного коллектива может дать гарантию жертвователю, что финансовое хозяйство нуждающейся Академии стоит на высоте в смысле прихода, расхода и контроля. Это есть блюдение гласности, общественности и отчетности, которое не может быть заменено ничьею *персональною* частностью и энергиею.

Все эти основания заставляют относиться принципиально отрицательно к личным и непосредственным переговорам профессоров с богатыми людьми. Каждый отказ будет унижительным; каждое пожертвование будет тягостным. Это путь общественно, организационно и академически ошибочный, и на нем будут неприятности и унижения.

С декабря я уговаривал Всеволода Ивановича²⁶ обновить состав финансового комитета, освежить его состав и дать ему определенное задание. Сначала он говорил, что «правый» состав комитета — Шлиппе и Хрипунов — не захотят этого обновления и будут возражать против введения в комитет некоторых уважаемых евреев (в силу одного того, что они «евреи»). Когда же я, переговорив с Шлиппе и Хрипуновым, получил от них полное согласие, тогда фин<ансовый> комитет все-таки не созывался; дело откладывалось, все свелось к личным переговорам В. И. Ясинского с разными лицами, и в настоящее время дело сведено к личным поездкам профессоров к богатым людям. Ссылки В<севолода> И<вановича> на «трудность создать фин<ансовый> комитет» — мне представляются неубедительными.

Думаю, что единственный исход — вернуться к прежнему способу разрешения финансового вопроса. Общественное дело не может и не должно строиться на противообщественных путях.

О сем пишу и В. И. Ясинскому лично.

Надеюсь, что, поправившись, я смогу повидаться с Вами и восполнить мои пропущенные лекции в Академии. Институтские лекции мои немногочисленны, и я читаю их на дому.

Мы оба шлем привет Вам, Лидии Юдифовне и Евгении Юдифовне²⁷.

Ваш И. Ильин.

Н. А. Бердяеву <1924.IV.29>

Христос Воскресе!

Дорогой Николай Александрович!

Очень прошу Вас помочь мне. Доктора нашли у меня катар левой легочной верхушки. Шлют на юг. Надо наскрести денег. Я говорил с С. Л. Франком, прося его протолкнуть какую-нибудь мою вещь в YMCA-Press. Он обещал переговорить с Вами. Кульману²⁸ говорил кое-что Ф. Т. Пьянов²⁹.

Обдумав все, я хотел бы предложить следующее: небольшую книжку, листов в пять, составленную из четырех речей, под заглавием:

«Религиозный смысл философии»³⁰.

а) Философия как духовное делание.

в) Философия Фихте как религия совести³¹.

с) Философия и жизнь.

д) Возрождение филос<офского> опыта.

Я бы редакционно причесал их, кое-что упростил бы. Это дало бы четыре главы, освещающие разные стороны единой постановки единой проблемы. Последняя речь была написана в прошлом году для Академии³². Что это «речи» — можно было бы совсем в печати не указывать. Я думаю, что это вышло бы цельно. Вы все эти вещи знаете.

Если можете и хотите, то помогите! С. Л. Франк был так добр, что хотел переговорить с Вышеславцевым.

Только ради Бога — по *старой* орфографии!

Сегодня получил письмо от Кульмана с приглашением к Мотту. Не могу ехать...

Очень хотел бы прочитать в мае еще несколько лекций в Академии по моему курсу...

Много и долго лежу и думаю. И какую бездонную скорбью щемит иногда душа — о нашей России!..

Крепко жму Вашу руку. Всех Ваших сердечно поздравляю с праздником.

Ваш И. Ильин.

1924.IV.29.

Раньше июня выехать никак не удастся.

Рукопись я мог бы представить через неделю, куда Вы указываете.

*Кадетам в Сербию*³³ <1928.VI.18>

«Русский колокол»

Журнал волевой идеи

Берлин «18» июня 1928.

Berlin, W 50, Augsburger Strasse, 56, IV.

Милые друзья!

России нужны рыцари. В этом все. Вас вывез из Крыма русский рыцарь³⁴; Вас воспитывали в духе рыцарственности. Будьте же сами русскими рыцарями, — а остальное во власти Божией.

Знайте, что жить на свете стоит только тем, за что стоит бороться и умереть. Знайте, что человек без характера и воли есть величина мнимая и что ответственность и вина лежат всегда на мужчине, а не на женщине.

Больше всего берегите в себе чувство священного; без него жизнь превращается в болото пошлости и низости.

Всегда помните, что торгующих из храма изгнала та самая Рука, которая не устала исцелять больных.

Непоколебимо верьте в величие России, в ее священное призвание, в ее прекрасное и светлое будущее. Верьте еще, что иметь Царя не унижительно, а возвышающе и царственно. И раз и навсегда до конца продумайте, что собственность необходима хозяйствующему на земле человеку и что опасные стороны ее преодолеваются не социализмом, а творческим трудом и щедростью.

Благодарю Вас за то, что обратились ко мне. Пришлите мне все Ваши имена, отчества и фамилии³⁵. И если когда-нибудь кому-нибудь из Вас понадобится мое суждение, или совет, или участие, то пусть он только напишет мне письмо за полной подписью и приведет тринадцатое и четырнадцатое слова этого письма, считая от начала.

Помоги Вам Господь! Он силен и всегда близок.

С. Д. Боткину <1928.X.23>

Дорогой Сергей Дмитриевич! Вот данные, необходимые для моего документа:

Мать моя — урожденная Carolina Schweikert von Stadion³⁶. Отец ее — мой дед Iulius Schweikert von Stadion, preussischer Staatsangehöriger³⁷, родился в самом начале XIX века в Виттенберге на Эльбе (Preussen, Provinz Sachsen)³⁸, окончил уни-

верситет в Германии и получил доктора медицины. В середине XIX века он переселился в Россию врачом, где и умер в 1876 г.³⁹ Таким образом, я являюсь *mutterlicherseits* «*Deutschstammiger Ausländer*»⁴⁰.

О том, что я являюсь Weiser Schein⁴¹, думается, лучше не упоминать, но подчеркнутые слова лучше вставить, кажется мне.

Сведения достоверны: они целиком помещены на памятнике моему деду в Москве на Введенском кладбище (иноверческом). Он был Лютеровой ереси.

Очень надеюсь на днях побеседовать с Вами как следует.

Прилагаю пригласительную Ehren⁴² карту.

Ваш И. И<льин>.

1928.X.23

Н. Н. Крамарж⁴³ <1928.IV.22>

Христос Воскресе!

Глубокоуважаемая Надежда Николаевна!

Если не к Вам, то к кому же? Я помню мое прошлогоднее пребывание в Праге и Ваше письмо... Нет, конечно, прежде всего — к Вам.

Вы знаете «Русский колокол». Мне надо рассказать Вам о нем подробнее.

В прошлом году, в мае, один добрый знакомый привел ко мне человека, только что (несколько месяцев перед тем) приехавшего из России. Он пробыл там с самого начала революции около девяти лет. Из московского купечества, не именитый, но известный⁴⁴. Он рассказал мне многое о внутренней России; нашлись общие друзья. За последние два года он был спецем; объехал всю Россию — от Архангельска и Петербурга до Кавказа и Владивостока; всюду видел людей, отыскивал старые связи; беседовал доверительно. Сам — крепкого национального настроения. Уже здесь, в эмиграции, он перечитал много нашей литературы. Читал и мои вещи. Обнаружилось большое единомыслие, и он предложил мне создать журнал в качестве полновластного издателя и редактора. Он тут же обеспечил журнал на несколько книжек и на мое замечание, что «начать и бросить — значит повредить идее и делу», он ответил, что «переговорил с друзьями и что они обещали ему поддержать дело и дальше». Его же состояние уцелело за границей; и он согла-

шался с самого начала считать выданные деньги — данными а *fond perdu*⁴⁵.

С мая началось мое горение и кипение. Я поставил перед собою задачу — служить России, и *только* России. Не лицам, не кружкам и не партиям. Печатать о том, что всего нужнее России — и сейчас, сию минуту (для боевой борьбы), и на сто лет вперед (обновленный лик России). В одиноком и сосредоточенном углублении вырабатывал я программу журнала, тон его, необходимые темы и списывался с сотрудниками. Это было как раз летом, когда я писал Вам о необходимости мне одиноко посидеть в колодце: надо было сверить замысел, силы, расчистить горизонты и отстояться.

Я предупреждал моего деньгодателя, что за создание журнала я берусь, но за торговлю *не* берусь — и по неопытности, и потому, что силы не хватит. Он считал это правильным и поручил это дело своему приятелю. Приятель его оказался бездельником и болтуном, и все дело распространения почти сразу легло на меня. Я не считал возможным уклониться. Но так как я видел пассивную инертность книжных складов и магазинов, то я выработал план создания особой организации идейных распространителей, над которой мы все время и работаем.

Ныне мой деньгодатель отходит: он разочаровался в эмиграции и прекращает субсидию. Но для меня журнал уже получил значение чего-то вроде судьбы, и притом именно потому, что он *фактически встретил отклик* и пошел.

Что же нами достигнуто?

1) С издательской точки зрения. Мы имеем свыше *ста* распространителей во всех странах света. Число их непрерывно растет, потому что мы находим людей по принципу снежного кома — и списываемся, и рассылаем журнал. Неаккуратность представителей, в смысле возврата денег, — составляет ничтожный процент. Без рекомендации мы никого не приглашаем. Кроме книжных магазинов и складов — почти никто не берет положенного процента комиссионного; все продают со скидкой и распространяют идейно и бескорыстно.

Наш твердый тираж подходит к тысяче экземпляров. Этим мы *далеко превысили* тираж самых старых и распространенных эмигрантских *журналов*. Тираж я считаю — не по рассылке книжек, а по возврату денег за них.

Мы все время работаем над тем, чтобы держать на возможно низком уровне расходы и траты. Так, напр<имер>, редакционное помещение стоит нам 20 марок в месяц; склад — бесплатный; рассылка — даровая; типографские условия доведены до

возможного снижения. Все гонорары держатся на уровне далеко ниже прожиточного минимума, лишь настолько, чтобы человек мог затратить необходимое время на необходимый труд.

2) Наше утешение — это отклики читателей. Не газет, ибо газеты часто *ревнуют*, партийно и лично завидуют и охотно замалчивают. Кое-что мы объединили из газетных отзывов на прилагаемом листке.

Но вот посылаю Вам *письменные* отзывы и отклики. Я посылаю их Вам доверительно. Там немало бодрящего и сильного.

3) Мы проникаем постепенно повсюду. На Дальний Восток, в лимитрофы⁴⁶, в Грецию, в Южную Америку. У нас есть подписчики в Африке, в Палестине; распространители — до Парагвая, Тегерана и Тянь-Цзина включительно. Целый ряд открытых и конспиративных организаций помогают нам и в распространении и в доставке «туда». 25 экземпляров каждой книжки покупает советская власть для своих библиотек. Даже еврейские книжные склады («Слово», «Москва» и др.) стали покупать на наличные.

Что же нам нужно?

Для того чтобы продолжать работу, нам нужно 3000 (три тысячи марок) *в полугодие*, считая, что мы по-прежнему будем выпускать *одну* книжку в *два* месяца. После всестороннего размышления я решил разделить эту сумму на шесть паев (по 500 марок, по 125 долларов) и искать шестерых друзей, которые могли бы обеспечить эти взносы на полугодия. Тот из друзей, кто мог бы и захотел бы — имел бы возможность внести и два, и три пая в состав необходимой суммы. Но каждый пай был бы занесен в общий фонд для распределения впоследствии сумм от продажи журнала в России. Я с самого начала обдумывал книжки так, чтобы они *не* старели с течением времени; именно поэтому я отрываю их ото всего эмигрантски-злободневного, местного, не имеющего общего значения. «Русский колокол» войдет благодаря этому в ту волну зарубежной печати, которая будет утолять *первый* голод *внутренней* России *после* *падения большевиков*; опытные еврей-типографщики не раз говорили мне об этом. Поэтому мы бережем наш склад и считаем его обеспечением вложенных денег — если не на 90 %, то, во всяком случае, на 75 %. По реализации склада выручка будет распределена между всеми деньгодателями по количеству паев. *Моих* паев в этом деле нет совсем; я только юридический владелец; морально же *все* принадлежит моим деньгодателям. Я же имею в своем формальном праве — только обеспечение *духовной свободы* (авторской и редакторской).

Ну вот, я Вам все рассказал. Мы обеспечены сейчас до *первого* июня, т<о> е<сть> на пять книжек (четвертая уже вышла). С первого июня, к шестой книжке, начинаются затруднение и безденежье.

Но у меня есть какая-то внутренняя, глубокая уверенность, я сказал бы — почти *религиозная* уверенность, что «Колокол» делает *главное дело*, и *верное дело*, и что он не может погибнуть. Один из друзей, с которым я давно не виделся, спросил меня недавно: «Как можете Вы работать без запасного капитала?». Я ответил: «Наш запасной капитал — *вера и воля...*» Я не искал денег и ничего не выдумывал искусственно. Все пришло само. Мог ли я, *смел* ли я не взяться? Взявшись же, я не щадил ни сил, ни себя самого.

Посудите еще — в этой борьбе начатое мною (не по произволу, а по призванию) идейное и ответственное дело, — мог ли я не подумать о Вас и не постучаться у Вашей двери?

Не браните же меня за доuku. Я знаю, что у Вас и без меня много забот и просьб. Я знаю это; и все-таки стучу.

Передайте Карелу Петровичу мое глубокое уважение и душевный привет. Целую Ваши ручки. Душевно Ваш

И. Ильин.

1928.IV.22.

Адрес: Berlin — Grünewald.

Wangenheim Str., 45 bei Voigt.

С. В. Рахманинову <1928.XII.2>⁴⁷

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич! Вы не можете себе представить, как мне грустно, что я не слышал Вас в этот Ваш приезд в Германию... Тем более что Наталия Николаевна слушала Вас в Берлине все три раза и писала мне в Гамбург о своих впечатлениях. Это было подлинное торжество музыкальной России! А мне не удалось пережить его вместе с другими... Не удалось потому, что на меня свалилась целая волна немецких выступлений, лекций на немецком языке, необходимых для России; и назначать сроки для них мне пришлось тогда, когда я никакими усилиями не мог установить дни Ваших концертов. Моя последняя надежда была попасть на Ваш концерт в Дрездене, но и тут дни разошлись, и 24 ноября я должен был говорить в Силезии.

Ныне решаюсь обратиться к Вам по следующему делу. Года полтора тому назад один знакомый привел ко мне русского про-

мышленника, москвича, прожившего 9 лет под большевиками и объездившего, в связи со своею службою у них, всю Россию. Он пришел ко мне эмигрантом и сказал мне, что он считает направление моих книг, брошюр и статей соответствующим настроениям национальных кругов в России; эти люди таятся, томятся и арестовываются там, но думают в том же направлении — без партий, о русском деле, о возрождении, национально и патриотично. В связи с этим он предложил мне денег на создание соответствующего журнала, с моею инициативою и ответственностью. Я согласился и создал за год журнал «Русский колокол», книжки которого я посылал Вам (как, впрочем, и все, печатавшееся мною за границей). Для этого журнала мне удалось создать и целый торговый аппарат. Сначала было чудно и страшновато — я никогда не торговал; потом пошло. У нас около 120 распространителей, работающих идейно и безвозмездно (от Харбина и Явы до Сан-Франциско, от Калькутты и Тегерана до Афин и Парижа). Наш тираж держится на уровне около 1000 экземпляров и давно превзошел все тиражи *всех* журналов в эмиграции. Редактор (я) и все сотрудники работают безвозмездно; весь аппарат наш в центре состоит из одного энергичного и идейного русского штабного генерала, который ведет переписку, распространение, секретарство и печатание. Только он один и получает небольшое жалованье.

И тем не менее мы не справляемся материально и вот почему. Эмиграция бедна. Она покупает недостаточно и, главное, *задерживает платежи*. Деньги переводятся с честностью идейных людей; но выплаты затягиваются. Поэтому работать дальше мы могли бы только — или при наличности оборотных денег (о чем мечтать не приходится), или же при наличности небольшой денежной субсидии. А между тем мой первоначальный деньгодатель увлекся в эмигрантские распри и начал отдавать свои средства на поддержку враждующих групп. Я все время работаю над сокращением расходов и довел дело в этом отношении до суровости и сущей беспощадности. И тем не менее для продолжения журнала мне не хватает в месяц 75 долларов. Если бы я мог получать эту сумму в месяц, «Русский колокол» мог бы звонить дальше. Ныне же, благодаря задержкам в поступлении денег, начал накапливаться долг в типографии, который достиг 350 долларов. Напрасно я, скрепя сердце, обращался к богатым русским эмигрантам в Европе; рассказывал, доказывал и просил. Просил иногда у совсем незнакомых; посылал копии с тех многочисленных, поистине трогательных писем, которые редакция получала и получает донныне отовсюду.

ду. Я прилагаю их к этому письму; просмотрите их. Отовсюду, куда я обращался, — шел отказ. И только сознание того, что я прошу *не* для себя, что я служу *делу* — давало мне силы, получая отказы, просить, скрепя сердце, еще и еще раз. Горько и грустно мне бывает думать, что радикально-республиканская газета «Борьба за Россию»⁴⁸ (Париж), субсидируемая нефтяником Детердингом и преследующая антибольшевистские цели (только гнущая налево), расходует 40 000 долларов в год, проповедуя вредное; а наш «Р<усский> к<олокол>» останавливается из-за 75 долларов в месяц.

Я знаю, как часто люди просят у Вас; и именно поэтому я откладывал мое письмо к Вам до последней возможности. И в душе моей живет чувство, что если бы я *не* сказал Вам о том, что «Р<усский> к<олокол>» накануне гибели, то я потом всю жизнь втайне корил бы сам себя. Потому что, по совести, считаю «Русский колокол» делом, необходимым для России, — всюду смута, шатание и соблазн, а России нужна интеллигенция верующая, твердая, государственно мыслящая и волевая. Если Вы просматривали книжки «Русского колокола» (на всякий случай посылаю Вам еще раз две последние — пятую и шестую) — то Вы заметили, наверное, что над всем царит непартийное и непристрастное Русское Дело. Я стараюсь выделять *священное* в русской истории и то, что должно *объединить* наши лучшие силы. А дальше надо углублять и расширять задачи: надо повести борьбу за настоящее русское искусство, надо повести суровую борьбу с социализмом, надо отстаивать начала здоровой семьи; надо углубить и очистить вопрос о монархии.

Но, может быть, не стоит говорить об этом подробно: у меня в душе всегда живет чувство, бессознательная уверенность, что Вы знаете и мой образ мыслей, и мои настроения. А словами и в письме — разве выговоришь нужное?

Не браните меня за эту просьбу о помощи. Повторяю — я прошу для Дела, и это дает мне энергию обратиться к Вам⁴⁹.

Искренне Вам преданный И. Ильин.

Адрес: Berlin W. Wormser Str. 4^{III}

1928.XII.2.

С. В. Рахманинову <1929.1.14>

Дорогой Сергей Васильевич!

Я получил и письмо Ваше и вслед за тем чек на восемьсот марок. Это достаточно для того, чтобы вывести дело «Русского

колокола» из состояния медленного умирания и возродить его работу. Мы приступаем на днях к набору седьмой книжки и принимаем все меры к тому, чтобы добиться самокупаемости, не урезывая ни количества, ни качества даваемого литературного материала, выгадывая все возможное и невозможное на шрифте, бумаге, тираже и т. д. Я никогда в жизни не издательствовал и не «торговал», а теперь учусь на ходу, вытаскиваю технику дела, исправляю ошибки. И надеюсь, что теперь нам удастся стать на ноги...

Всей душой благодарю Вас за помощь! Мне дороги Ваше сочувствие и ободрение, мне отрадно получить помощь именно от Вас... И в то же время мне легко и радостно принять ее в силу моего давнишнего личного отношения к Вам.

Я бы очень хотел рассказать Вам однажды все замыслы и надежды, связанные у меня с журналом, в смысле постепенного оздоровления и обновления духа русской интеллигенции — во всем: и в религии, и в искусстве, и в государственности. Но встретимся ли мы, и когда, и где? Я очень прошу Вас — сделайте мне одолжение и прикажите Вашей концертной дирекции выслать мне расписание Вашего концертного турне по Европе на будущий год, как только расписание это выяснится. Я просто соблюду все дни Вашего выступления и не отдам их на расхищение, чтобы не повторилась история этого года.

Работа моя здесь, о которой Вам вероятно рассказывал Владимир Александрович⁵⁰, продолжается; поступают все новые приглашения; январь, февраль и март заполнены до отказа. Это утомительно; это политическая проза; но у меня есть чувство необходимости и живого служения.

У меня только что был здесь И. И. Сикорский, человек сильный и верный; мы думали и говорили — о Вас.

Наталия Николаевна шлет Вам привет. А я целую ручки Наталии Александровне⁵¹.

Душевно Ваш И. Ильин.

1929.01.14

С. В. Рахманинову <1929, осень >

Дорогой Сергей Васильевич!

Радостно приветствую Ваше прибытие в Берлин! Двенадцать лет я не слышал Вас, и только дома, через ноты и клавираусцуги⁵², привезенные еще из России, я мог прикасаться к Вашей

музыке... И сколько раз я утешал и укрощал ею бунтующего и томящегося во мне Саула!..⁵³

Мы с Наталией Николаевной будем сегодня, 15-го, на репетиции и 16-го в концерте. Буду счастлив слышать Вас.

Нат<алия> Ник<олаевна> шлет привет Наталье Ал<ександровне> и Вам. Я целую ручки Н<аталье> А<лександровне>.

Душевно Вам преданный.

С. В. Рахманинову <1929.XII.6>

Дорогой Сергей Васильевич!

Я вернулся вчера домой потрясенный до глубины души. Хотел написать Вам сейчас же; но где же было взять слова?

Какие звуки! Какая власть! Какие линии! Это звуки — поистине серафической нежности и чистоты; эта власть — микеланджеловской мощи; и эта солнечная прозрачность голосов; и это дыхание!.. И все это идет в «преисподние земли», «разрешая подлежащие связанные»...

Это музыка поистине — сверхчеловеческая. Минутами делалось даже страшно, как в очень высоких снежных горах. Хотелось спросить — да неужели это возможно?

Неужели мне когда-нибудь удастся найти слова, чтобы написать о Вашей музыке?..

Мне однажды в России сказала одна старушка, в виде благодарности: «Обрадуй тебя Господи!» Да обрадует же Вас Господь!

Ваш И. Ильин.

<19>29.XII.6. Берлин

Н. Н. Крамарж <1931.V.10>

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна! Спасибо Вам за Ваше милое, ласковое письмо! Каждую строчку его я передумал и перечувствовал вместе с Вами. Как страшна жизнь, работа и болезнь без Бога, и какой покой дает живое осознание Его, чувство — что я в *Его* руке и в *Его* воле. Не постигаю, как живут люди без этого... Без Бога — мир есть вихрь; несущийся из темноты в темноту, из пропасти в яму. Я бы не вынес этого и один месяц. Бремя борьбы совсем не снимается этим с нас, но результаты и последствия наших напряжений остаются в Его охране, а сами мы в Его любви и силе. Я не-

сколько раз молился за Вас во время Вашей болезни: «помоги, не отнимай».

В первой половине марта я читал четыре лекции в Риге и два закрытых доклада. Атмосфера создалась очень горячая; там русские люди чувствуют себя на своей исконной земле, не эмигрантами, а оседлыми. В Париже я имел в конце апреля три публичных выступления и одно закрытое; русские люди в Париже серые, резиновые, не интересующиеся, со скептической усмешечкой, не загораются или только с большим трудом. Атмосфера разогрелась только к третьей лекции. А меня ничто так не утомляет, как холодный, резиновый упор безразличной аудиторией. Эти мертвые токи чувствуешь уже через 10—15 минут — бессилие своего огня, бесплодность своего порыва... Чувствуешь себя не факелом, а головешкой, чадающей в болоте и в мокрых водорослях. Это трудно, больно и потом — тревожно.

В Париже меня одолели посетители — иногда начиналось до 9 утра, время расклевали по часам, ни поесть как следует, ни отдохнуть; еле успел взять обратную визу и билеты. И главное: большинство обращалось ни с чем — так, впечатления, придет и сидит, пересиживая других. И все-таки времени не хватило и остались обиженные. Зато видел друзей — Метнера⁵⁴, Рахманинова, Шмелева, Ремизова.

После долгих и трудных разговоров договорился с Гукасовым: я буду писать в «Возрождении», а он обязался печатать все, что пришлю, без изменений и оттяжек. Гонорар нарочно выговорил себе небольшой, чтобы быть морально более независимым. Я предупредил его, что если редакция или зложелательные сотрудники вроде Маковского начнут что-нибудь черкать, то я немедленно прекращу сотрудничество. Мои друзья давно уже настаивали на таком соглашении, но я откладывал — чтобы позатынулся болезненный конфликт между Струве и Гукасовым, да и времени надо было дать созреть в самой редакции. Посмотрим, что из этого выйдет.

Лето у нас еще под вопросом по многим причинам. Очень надеюсь к осени подготовить два номера «Колокола». Спасибо Вам тысячу раз за поддержку и одобрение.

Наталия Николаевна шлет Вам привет. А я целую Ваши ручки и всегда помню Вас. Передайте мой привет Карелу Петровичу.

Душевно Ваш И. Ильин.

1931.V.10

Иоанну Поммеру <1934.VII.12>

Берлин, 12 июля 1934 г.
архиепископу Иоанну⁵⁵ всея Латвии
отправлено

Ваше Высокопреосвященство
Глубокочтимый и дорогой Владыко!

Как Вам наверное уже известно, в ответ на мою последнюю лекцию, прочитанную 24 мая с. г. в г. Риге («Основы духовного характера. Творческая идея нашего будущего»), в одной латышской газете, названия которой мне, к сожалению, не удалось установить, была печатана несколько раздраженная статья, озаглавленная «Непрошенный восстановитель Матушки». В ней автор ссылается на то, что я ни слова не сказал об отношении предносящейся мне будущей России к Латвии, Эстонии и другим прибалтийским государствам, и делает из этого умолчания тот необоснованный вывод, будто я и мои друзья помышляем об обратном присоединении этих государств к России силой оружия.

Я не считаю правильным и уместным отвечать на эту статью в печати; не следует, думается мне, плодить вредный шум по поводу явного недоразумения. Но я прошу Вашего, Высокопреосвященный Владыко, разрешения изложить мой ответ Вам лично, с тем, чтобы Вы могли по Вашему мудрому благоусмотрению воспользоваться этим письмом, как Вам будет угодно.

Упомянутую мною газетную заметку я воспринял как несправедливую и мною не заслуженную.

1. Я принадлежал к тем группам, которые с первых же дней и донныне думали и говорили о нашей братской, духовно-культурной близости с прибалтийскими народами и о невозможности для нас взаимно поднять когда-либо друг на друга оружие.

2. Насколько мне известно, вопрос о каком-либо насильственном присоединении отделившихся государств и территорий не поднимается в кругах русских культурных политиков ни гласно, ни негласно, и не поднимается потому, что все считают это нежелательным, вредным для России и потому исключенным.

3. Лекция моя целиком была посвящена не вопросу о *политическом восстановлении Русской империи*, а вопросу о *духовном возрождении русского народа*, томящегося под игом советской власти. Я доказывал, что русский народ должен воспитать в себе духовный характер, и задачу эту ставил на *десятилетия и на века*. Поэтому мне и в голову не могло прийти касаться

вопроса о политическом и территориальном отношении России к Латвии. Поднимать этот вопрос публично — значило бы считать, что кто-нибудь допускает иное его решение, чем мною указанное.

4. С тех пор как моя нога впервые коснулась латвийской территории три года тому назад, я научился жизненно ценить и уважать латвийский народ и его государственность. Личное знакомство с Вами, Высокопреосвященнейший Владыко, с Вашей духовной силой и государственной мудростью, довершило мое отношение к латвийскому характеру и народу, а события, пережитые Латвией в мае этого года, вызвали во мне глубочайшее сочувствие и уважение к их властным инициаторам и совершителям.

5. Вот почему при всех личных беседах моих из Латвии я не устаю подчеркивать, что мы, русские, должны быть связаны с латышами дружбою, братством и всесторонней лояльностью. Я сам стал бы так же относиться к Латвии и латышам, если бы судьба дала мне когда-нибудь убежище в этой стране.

При таком положении дел Вы уже изволите видеть, Высокопреосвященнейший Владыко, как незаслуженно было брошено кем-то подозрение. Да и помимо этого всего, до какой политической бестактности должен был я дойти, чтобы приехать в Латвию, воспользовавшись ее гостеприимством, и начать проповедовать такие идеи?! Поистине статья эта написана человеком, не имеющим ни малейшего представления ни о моих политических воззрениях по существу, ни о моей политической лояльности и корректности.

Простите мне, Высокопреосвященнейший Владыко, что беспокою Вас этим изъяснением, и разрешите мне отдать его всецело на Ваше благоусмотрение.

Испрашивая Ваших молитв и Вашего благословения, остаюсь глубоко Вам преданный почитатель Ваш

(проф. И. А. Ильин).

1934. 12 июля.

Берлин

*Р. М. Зиле*⁵⁶ <черновик>
<1934, осень>

Дорогой Роман Мартынович!

Вы спрашиваете меня, видел ли я клеветническую брошюру «Лжеучители»⁵⁷, выпущенную в августе сего года и рассылае-

мую повсюду ее составителями. Я только что прочел ее. И могу высказать о ней следующее в том, что касается меня.

1. Говорить о том, что я был не выслан, а «прислан» советской властью, просто неумно. В течение 5 лет моего пребывания под большевиками я имел 6 ордеров на арест и процесс в революционном трибунале; я два раза укрывался на нелегальном положении, а преподавательская деятельность моя все суживалась и постоянно сводилась на нет. С тех пор все то, что я печатал за границей о советской власти и коммунистическом строе — по-русски, по-немецки и на других языках, а также все мои публичные выступления против коммунизма и коммунистов говорили и говорят сами за себя. Достаточно указать на том «Welt vor dem Abrung»⁵⁸, на брошюры «Wider die Gottlosigkeit»⁵⁹ и «Gift»⁶⁰ и на многое другое. Подобная клевета может быть рассчитана только на совсем неосведомленных людей.

2. Все сообщения об условиях высылки профессоров в 1922 <г.>, приводимые в брошюре, представляют из себя *чистую ложь*: за проезд на пароходе платили мы сами, распродав наше имущество; *все*, кто хотел, уезжал с семьями и т. д.

3. Что касается моего воззрения на еврейский вопрос, то оно никаким эволюциям за эти годы не подвергалось, и, в частности, никаких лекций об «арийском начале» я не читал и нигде никаких отрывков не помещал; вообще, самой категорией «арийство» я не пользуюсь ввиду ее полной научной неясности, и особенно ввиду постоянного злоупотребления ею.

Интервью в газете «Сегодня», помещенное в 1931 г. 4 марта⁶¹, довольно сбивчиво излагает мои взгляды и неаутентично. Однако зерно моего основного воззрения можно в нем найти: еврей, любящий Россию и борющийся с коммунистами — мой единомышленник, а по России — мой согражданин, в котором мы все видим друга и соотечественника. Иначе ставить вопрос мы не можем нравственно и не должны политически. Напротив, евреи, поддерживающие в России коммунизм и коммунистов, — губят Россию, суть враги ее; а следовательно, и наши враги. Антисемитизм, пытающийся стереть эту грань и свалить все зло на евреев — есть «учение», которого я не разделял и не разделяю. Еще на протяжении последних месяцев мне пришлось категорически отказаться от участия в антисемитической агитации и принять на себя все последствия этого шага⁶².

Хара<ктерно>, что клеветники, составившие эту постыдную брошюру, устно на месте уверяют всех, что я настолько будто бы «порабощен масонами», что не смею сказать против евреев ни одного слова.

Что же касается моей прошлогодней статьи⁶³, помещенной в мае в «Возрождении», то в ней я действительно отмежевался от немецкого еврейства, из года в год содействовавшего большевикам и коммунизму в России и клеветавшего на нас, русских патриотов-изгнанников.

Вот и все. Малограмотный стиль этой брошюры и вся тенденция ее наводят на предположения, что мнимый «сборянин»⁶⁴ писал ее по поручению советской агентуры.

С искренним уважением

(Подпись).

Н. Н. Крамарж <1935.IV.23>

Христос Воскресе,

Глубокоуважаемая и дорогая Надежда Николаевна! Мы оба шлем Вам и К<арелу> П<етровичу> наше поздравление к светлому празднику и желаем Вам здоровья и исполнения всех Ваших желаний. Да поможет нам всем Господь!

Пасху мы встретили грустно. В духоту и толкотню и сквозняки нашей нецерковной залы я не решился взять Наталию Николаевну, а идти без нее не захотел. Остались без заутрени; и радио у нас тоже нет. Вообще, здоровье Нат<алии> Ник<олаевны> меня тревожит; у нее длительная хрипота, которую доктора объяснить не умеют; температура нормальная, вес хороший, анализ крови удовлетворительный. Один доктор пугает крепкими страхами, от которых у меня сердце останавливается. Другой успокаивает — что в основе нервная перенапряженность и утомление. Нервы действительно подвергаются испытанию с 1917 г.; а ныне особенно — ввиду той операции, которую надо мной проделывают: оклеветание, лишение права на труд и выживание. И это все было бы не так тягостно, но «выжить» «просто» нельзя, надо куда-нибудь «вжиться». Уйти же из жизни совсем по доброй воле нетрудно при нынешнем состоянии химии и техники; но мы оба настолько сильно и ясно видим в делах нашей жизни Перст Божий, что об этом и не думаем. Однако я постоянно вижу себя вынужденным вспоминать судьбу Иова. Только *моя* жена никогда не скажет мне «похули Бога и умри»⁶⁵, как сказала жена Иова.

Вспоминаю еще один миг моей жизни. Летом 1918 г. жили мы под Москвою у друзей в имении⁶⁶. Меня только что арестовывали второй раз и выпустили через 3 дня. Вдруг покушение на Ленина, и я получаю условную телеграмму, что надо тотчас

же скрыться. Решили обождать до ночи. Ночью в три часа на полустанке подали поезд дальнего следования, весь состоящий из теплушек, т. е. попросту товарных вагонов, до отказа набитых мешочниками и простонародьем. Мрак, — остановка 1 минута, — я бегаю от вагона к вагону, умоляя дать мне хоть *как-нибудь* втиснуться. В каждом вагоне стена людей — глухая, мрачная, злобная, — или не отвечают, или отругиваются. Оставаться тоже нельзя. Поезд трогается. Я вскакиваю на подножку, хватаюсь за поручни и повисаю на руках. В таком положении Нат<алия> Ник<олаевна> видела меня в последнюю секунду. Ветер раздувал пальто, поезд прибавлял ходу, а я, стиснув зубы, про себя молился: чтобы не стало мне дурно и чтобы не сшиб меня придорожный столб. Через 10 минут — большая станция, — кондуктор смилостивился и пустил меня за 20 рублей в служебное отделение...

Вот этот миг моей жизни я часто вспоминаю за последние месяцы: «вагоны» переполнены — и люди *никуда не пускают и не хотят пустить*. Напротив. Есть в разных местах организации, которые еще несколько лет тому назад выспрашивали у меня, как надо лучше повести борьбу с коммунистами и коммунизмом, давая понять, что непременно привлекут меня; а теперь — пытаются осуществить это *сами*, без меня, и я только стороной узнаю об этом, потому что они сами, т<о> е<сть> их руководители скрывают это от меня.

Я не думаю, я не смею думать, что Господь меня забыл и предоставит мне умереть здесь где-нибудь под забором, в клевете и унижениях. Слишком уж ясно было мне в жизни не раз, что он меня к чему-то иному готовил и, как это ни нескромно звучит, для чего-то иного не отдавал меня людям на растерзание. Невольно вспоминаешь А. К. Толстого:

Господь, меня готовя к бою,
Любовь и гнев вложил мне в грудь,
И мне десницею святою
Он указал правдивый путь,
Одушевил могучим словом,
Вдохнул мне в сердце много сил...⁶⁷

И ведь только я один и Наталия Николаевна — мы знаем одни, что я, в сущности говоря, *еще не начинался*. Все *главное*, что я *должен и призван* выговорить, еще не видало света; все только еще в черновых рукописях или отрывках и конспектах... Не кинет Он меня такого на бессильное умирание. Но Вы поймете, что бывают часы, когда эта надежда колеблется или исчезает, и тогда уныние владеет мною всецело.

Простите мне грустное письмо, но дружба в жизни существует не для скрывания и не для притворства.

Наталия Николаевна шлет Вам душевный привет, а я почтительнейше целую Ваши ручки.

Ваш И<льин>.

1935.IV.23.

Друзьям <1936, июнь>

Письмо к друзьям

Вы просили меня высказать Вам письменно, как я воспринимаю и оцениваю статью игумна Иоанна⁶⁸ «Пути Богочеловеческие» в № 20 бюллетеня «За Церковь». Исполняя Ваше желание, отвечаю.

1. Поскольку статья эта направлена против моих суждений, высказанных (в «Возрождении»)⁶⁹ о доктрине митрополита Елевферия⁷⁰, — постольку она основана на коренном недоразумении и содержит ряд существенных несправедливостей.

Мои статьи «О богоустановленности советской власти» имели очень ограниченную и определенную задачу: доказать, что советская власть в России не может считаться назначенной или установленной Богом и что М<итр.> Елевферий христиански и православно *не прав*, выдвигая это учение⁷¹. Оба эти тезиса суть *отрицательные* (частно-отрицательные суждения) и по движению доказательства — *полемические*. Памятуя элементарное философское и богословское правило — «полемика мешает исследованию существа, а исследование существа страдает от полемики», — я сознательно и намеренно ограничился полемически-отрицательной задачей, разрешение коей потребовало трех больших статей. Раскрывать православное учение о Божественном Провидении в его существе надо было бы отдельно, вне полемики, в предметном созерцании и совсем не по поводу чужих, дурных и соблазнительных учений. Это — во-первых.

Помимо такой неуместности, я не хотел взять на себя эту задачу и в силу простой скромности. В отличие от многих наших современников — и светских, и духовных, — считающих себя авторитетными учителями в Православии, я всегда считал себя *учеником* в Православии, о чем не раз говорил и писал почитаемым мною православным иерархам. Посему, во-вторых, я ограничил себя скромной, отрицательной, задачей, мысленно призывая кого-либо из действительно авторитетных иерархов высказаться положительно и по существу учения.

2. При этом само собой разумеется, что верное православное учение — о Боге Вседержителе, о попущении Божиим, о свободе, соблазне, грехе и спасении — мне было известно и предполагалось всеми моими статьями как несомнительная и не нуждающаяся в доказательствах предпосылка их.

Всем, кто действительно читал мои статьи против митр. Елевферия, а не только бегло просматривал их, это уяснилось сразу и до конца.

Вот что я пишу в них о полновластном вседержительстве Божиим.

Под полновластием Христа «разумеется облеченность Христа, Сына Божия, в победную силу по отношению ко греху, к закону природы, к смерти, к ветхозаветной букве, к диаволу и адским “преисподним силам”».

Вот — о свободе и соблазне:

«Все сие — не проявление Христовой воли, но проявление человеческого произволения, во зло употребленной свободы, греха и страстей».

Вот о спасении:

«Здесь пришел час звать из глубины крушения и страданий наших, звать к Богу любви, чтобы умилился над нами и помог нам освободиться из цепкой сатанинской руки».

Здесь все выговорено недвусмысленно: вседержительный Промысел Божий и полновластие Христа; человеческая свобода и греховная страстность; и сатанинский соблазн.

Только в порядке домысла и вымысла можно было приписать мне какое-нибудь еретическое учение по сему вопросу.

Самое же слово «Попущение» мною не выговорено сознательно именно потому, что оно не выговорено у митр. Елевферия; а у него оно не выговорено потому, что от идеи Божьего Попущения (будь то — для воспитания нашего, для укрепления веры, для наказания, для очищения) рухнуло бы все его построение.

3. Итак, игумен Иоанн не имел никакого основания и никакого права приписывать мне те воззрения, которые он мне приписал:

будто я «совершенно не учел в своей, статье абсолютного Вседержительства Божия во вселенной»;

будто я признаю дьявола «полным хозяином на земле, могущим одной своей волей установить какую-либо власть в мире»;

будто я «предаюсь безнадежному и совершенно нехристианскому пессимизму»; и т. п.

Все это является его самостоятельным домыслом и вымыслом. Он не понял ни моего задания, ни пределов моего исследования. Он совершенно напрасно уверяет себя и своих читателей, будто я «построю» какую-то «другую, диаметрально противоположную точку зрения»; будто он знает «мою философию», о коей он на самом деле не имеет ни малейшего представления. И совершенно напрасно торопится провозгласить, что неосновательно приписанные им мне еретические воззрения свидетельствуют о том, что я «недостаточно оторвался от земли», что на моей философии нет «печати всецелого отображения Христовых истин в мире», что в качестве «душевного человека» я не могу «принять того, что от Духа Божия».

Здесь дело совсем не в оценке *меня, моей философии и моей доктрины*; но в той страстной поспешности, с которой игумен Иоанн приписывает мне чуждые мне воззрения, для того чтобы тут же обличить их и меня самого в ереси, в «соблазнительности» в «земных» и недуховных подходах к Христианству и т. д.

В этом я не вижу с его стороны — ни монашеского бесстрастия, ни пастырской объективности, ни христианской справедливости; не говоря уже о духовной прозорливости или о философском понимании.

4. Такая попытка игумна Иоанна обличить меня в ереси особенно неосновательна потому, что самая ересь, приписываемая им мне, очень элементарна и предполагает во мне высокую степень философской и богословской необразованности.

Идею Божьего Провидения и Попущения наше поколение продумывало еще до поступления в гимназию, проходя впервые историю многострадального Иова; мы изучали восемь лет Закон Божий и один год — Богословие в университете. История нравственных учений относится к моей ученой специальности. Если бы я не усвоил эту идею от Апостолов Павла, Петра и Иакова, то я должен был бы продумать ее, изучая Иоанна Златоуста, Блаженного Августина, Климента Александрийского, Сальвиана, Фому Аквинского, Ансельма Кентерберийского, Абеяра, Боссюэта, Цвингли⁷², Лейбница, Руссо, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Мне достаточно указать на Климента Александрийского, настаивавшего на том, что отвергающий Божие Провидение отвергает все христианское вероучение и что это есть, в сущности, отрицание бытия Божия, требующее не опровержения, а церковного наказания.

Выступая против меня, игумен Иоанн должен был учитывать, что есть степень неведения, от которой я давно уже освободился и которую предполагать во мне невозможно.

5. Мало того, он *не мог не знать*, что я разделяю учение Православной Церкви о вседержительстве, провидении и попушении, ибо —

I. Я не раз высказывал это учение в печати как разделяемое мною, напр<имер>, в статье «Пути Православия»⁷³, которую игумен Иоанн читал, ибо даже выступал в печати по поводу нее и ответа на нее покойного князя А. М. Волконского⁷⁴.

II. Я постоянно развиваю эту систему идей в моих выступлениях на немецком языке; эти речи мои, произносимые по приглашению Russische Bruderhilfe⁷⁵, игумен Иоанн слышал уже не один раз.

Следовательно, у игумна Иоанна не могло быть *ни малейшего сомнения* в том, что я стою на точке зрения, прямо противоположной тому, что он мне приписал.

6. Наконец, если бы у него все же закралось сомнение в верности моего воззрения, то он в качестве приходского пастыря мог побеседовать со мною лично до написания и напечатания обличительной статьи и приступить к печатному обличению лишь после устного подтверждения мною моих еретических воззрений. Эта беседа конечно устранила бы всякое недоразумение.

К сожалению, игумен Иоанн не счел нужным сделать это.

7. Должен еще отметить, что статья игумна Иоанна производит особенно тягостное впечатление благодаря тем недобрым, но очень прозрачным личным намекам и дисквалификациям, которые он допустил в ней. Напр<имер> о чьем-то «желании польстить слуху всех земных борцов против (советской) власти и стяжать себе слишком удобную — и легкую — в зарубежье славу»; о том, что «многие из “эмигрантов-борцов”, в условиях жизни там, проявили бы гораздо меньшую активность борьбы, чем здесь; что здесь легко, то там трудно»; или о том, что *«и друзья Слова Божьего могут иногда быть более опасны для Его истины, чем Его враги»*...

Такая полемика не служит Делу Божьему; и я не считаю возможным отвечать игумну Иоанну в таком тоне.

8. В своих возражениях мне игумен Иоанн прав только в одном пункте: в том, что касается приведенной мною цитаты Мтф. 10: 28⁷⁶. Эта цитата случайно приведена мною неточно. Я говорю «случайно», потому что имею обыкновение, цитируя Новый Завет, точно сверяться с греческим подлинником. Допущение мною такой неточности в данном случае мне очень прискорбно.

Смысл этого неясного в Евангелии места я действительно склонен понимать иначе, чем это принято у большинства толкующих богословов, но в согласии с меньшинством. Неясность этого места признает и игумен Иоанн. Это понимание мое решительно ни в какой связи с приписываемой мне ересью не стоит и ее отнюдь не подтверждает. Большинство богословов видит в этом месте Евангелия указание на *всемогущество* Божие, а меньшинство усматривает здесь указание на *всеблагодать* Божию, отнюдь и никак не оспаривая вообще Божественного всемогущества.

Всякое использование этого разума моего для обличения меня в нецерковности, в праздном умствовании или в «злом дерзании» — я решительно отвожу как недопустимое ни в пределах благого пастырства, ни в пределах философской корректности.

9. Что касается самого положительного содержания статьи игумена Иоанна, то могу сказать следующее.

I. По признанию самого автора, он пытается «разобраться несложно» в сложнейшем и утонченно-глубоком богословском вопросе. Первичной ошибкой его является попытка разъяснить церковную истину в порядке несправедливой и лично окрашенной полемики. Читатель выносит впечатление, что богословская проблема могла бы быть освещена гораздо глубже и тоньше, если бы автор в самом деле оторвался от земной полемики и действительно сосредоточился на всецелом отображении Христовой истины. В том виде, как статья появилась, она послужит гораздо больше новому разделению умов и душ в Церкви, чем задаче подлинно миссионерской и церковной.

II. Автор несколько раз подчеркивает ту мысль, что митрополит Елевферий «глубоко поставил» основную проблему, что он в чем-то «частично прав» и т. п.; но в чем именно «глубина» и «правота» его учения — не указывает. Это производит впечатление некоторой недоговоренности, тревожащей совесть и дух читателя, особенно если принять во внимание, что он называет именно советопослушных иерархов — «мучениками и исповедниками». От этого в разрешении основного вопроса все начинает двоиться и колебаться, и читатель до конца недоумевает, что же, собственно, из учения митрополита Елевферия надлежит принять как входящее в «полноту» церковной истины, в «синтез вывода», предлагаемый игуменом Иоанном как «осоленный печатью Духа».

III. Иные утверждения игумена Иоанна кажутся мне церковно сомнительными и даже соблазнительными в смысле Христо-

ва духа. Так, напр<имер>, когда он пишет: «Все пути благословенны в борьбе за правду Божию, если руки человека чисты от всякого своекорыстия и душа свободна от демонической злобы к человеку, хотя бы и великому грешнику».

Читая это, я хорошо знаю, какие теории иезуитов можно было бы привести в подтверждение этого воззрения, но совершенно не вижу, чтобы Христос мог признать такое учение идущим от Его Духа. На этом пути надо было бы признать «благословенною» всю кровавую практику католической инквизиции, поскольку инквизиторы действовали без своекорыстия и без злобы *ad maiorem Dei gloriam*⁷⁷. Нетрудно было бы привести и более разительные примеры.

Не могу не высказать в заключение того впечатления, которое я вынес от статьи игумна Иоанна в целом: полемическая часть ее уже принесла немало ущерба делу церковного единения; искупится ли этот ущерб духовною назидательностью ее положительной части — я не знаю.

И. А. Ильин.

1936, июнь

Берлин

С. А. Рахманинову <1938.VIII.14>

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич!

Я глубоко тронут Вашим откликом. Вы протягиваете мне руку в одну из самых трудных минут моей жизни. Я никогда этого не забуду.

Спасибо. Вот в чем мои затруднения.

С августа 1937 г. германская политическая полиция (Ge-stapo) начала меня преследовать. В основе лежали доносы их агентов (увы, русских по происхождению людей), будто я «тайный масон», действую по указке большевиков и т. п. Все это неправда и клевета. Мне даже опровергать это тягостно и противно. В действительности же я работал последние годы в Германии на положении приватного ученого, выступая много с церковной кафедры в евангелических храмах и соборах, и особенно на съездах евангелического духовенства, повествуя о мученичестве Православной Церкви и вскрывая корни современного религиозного кризиса. Кончилось это тем, что в феврале этого года мне запретили всякие выступления — и по-русски, и по-немецки под угрозой концентрационного лагеря. Я потерял последнее «пропитание».

К сожалению, я узнал стороною, но из достоверного источника, что все это преследование имеет цель — заставить меня принять точку зрения германского «расизма» и использовать мое имя и мои силы в надвигающемся «завоевании Украины». Это я сообщаю Вам строго доверительно (!).

Мне осталось только покинуть страну и искать себе другое поле для работы.

Друзья звали меня в Швейцарию: друзья русские и швейцарские.

Мне надо было принять решение. В начале июля я ликвидировал квартиру в Берлине, сдал вещи и книги на склад, получил от германских властей Ruckreisesichtvermerk⁷⁸ до 1 декабря, швейцарскую въездную визу (без всяких затруднений) до 1 октября — и выехал благополучно.

Со мною несколько чемоданов вещей, все ученые рукописи и некоторая материальная перспектива. А именно: мне удалось объединить все мои литературные гонорары так, что они, идя из разных стран, будут передаваться на Konto «Akademisch-Philosophischer Verlag»⁷⁹ при Schweizerische Bankgesellschaft in Zürich⁸⁰. Суммы эти будут поступать постепенно, а мне будет высылаться в письме указание, сколько я могу получить. Живя крайне ограниченно, я смогу так продержаться от 9—10 месяцев. Больше средств у меня нет никаких. Так я заявил все во Fremdenpolizei⁸¹.

На паспорте у меня стоит отметка, что зарабатывать в Швейцарии мне *запрещено*. Поэтому я не решаюсь говорить в заявлениях о том, что есть друзья, которые хлопочут о моем устройении в Цюрихе: писание в газетах и журналах, чтение докладов, частное чтение лекций, а немного погода, может быть, и гораздо большее.

2 августа я подал в Züricher Kantonalpolizei⁸² — Gesuch⁸³ об Aufenthaltsqenehmigung⁸⁴ на 1 год. Обоснование: я желаю изучить, как ученый, швейцарское искусство. Рассматривается мое прошение в Fremdenpolizei Stadt Zürich⁸⁵. Порядок такой: если кантон разрешит, то и Берн разрешит; но если кантон откажет, то Берн тоже откажет.

Из Цюриха я получил только что первый *формальный* отклик от маленького чиновника. Решать будут *большие*, он только «докладчик».

Ответ выдвигает два затруднения (я подчеркнул их красным карандашом).

1. Продлить визу, данную извне, в Швейцарии *нельзя*. Это значит: уезжай 1 октября назад в Германию, просись оттуда

еще раз, тогда посмотрим. Это был сущий кошмар. Я благодарю Господа за то, что он вывел меня *один раз* из этого ада доносов, клеветы и угроз. Я вывез оттуда *ежедневную мигрень* — мигрень отворачивания и протеста; и возвращаться туда — об этом я думаю с ужасом.

Значит, надо просить об *исключении*. Это у них предвидено: для людей, которые признаны «in ihrem Fach unersetzlich»⁸⁶. Но как же я *сам* могу себя признать таковым?! Сейчас друзья мои в Цюрихе посылают соотв<етствующие> заявления обо мне. Но увы, у них *нет решающего влияния в Fremdenpolizei*. И все висит на волоске...

2. Разрешение будет дано, если будет внесен залог (Kaution) в 4000 шв<ейцарских> фр<анков>.

К моему великому горю — у меня их нет, и друзья мои, швейцарцы, потеряли все состояние за последние годы. Мне негде взять эти деньги. Если полиция упрется в этом пункте, то дело погубило.

Я уже послал им в Fremdenpolizei Zürich (одновременно с этим письмом) подробный и мотивированный ответ на все вопросы. И прошу их принять во внимание положение честного, но бедного ученого, который *не в состоянии уплатить это обеспечение*. Я знаю, что эти деньги не отдаются, а только депонируются, но мне и депонировать нечего. Я прошу удовлетвориться тем, что друзья мои возьмут меня «на поруки», *ручаясь за всяческую мою лояльность и верность*. Но, увы, у меня нет связей с главными двигателями кантональной Fremdenpolizei. И все висит на волоске, тревожа меня до крайности и вызывая новые, повторные, изнурительные мигрени.

Вот, дорогой Сергей Васильевич, как обстоит дело.

Следуя Вашему указанию, я прилагаю лист с перечнем моих «путей» и работ, вкратце. Если Вы можете мне помочь, то помогите, Бога ради! Это так бесконечно тягостно и унижительно — искать пристанища; ради Дела, ради России, ради христианства ищу я его, но вот формальные условия строги и непреклонны. И что я могу сделать?

Но ведь есть же еще справедливость и человечность, которые выше формы. Я буду Вам бесконечно признателен, если Вы сможете мне найти их.

Но я уже всем сердцем благодарю Вас и за Ваш отклик.

Целую ручки Наталии Александровне и передаю ей и Вам сердечный привет Наталии Николаевны.

Искренно, душевно Вас чтущий И. А. Ильин.

Locarno-Monti. Villa Montanina.

Tel. Locarno. 196

1938. 14 августа.

Если что-нибудь нужно будет еще дополнительно, то я все пришлю.

Если возникнет вопрос о том, *кто* меня поддерживает в Цюрихе из швейцарцев, то разрешите назвать двух:

1. *Dr. Hans Trüb*. Schmelzbergstrasse. 28.

Он только что послал свою рекомендацию с указанием на мою «незаменимость»,

2. *Direktor der Anstalt für Epileptische Pfarrer Grob*⁸⁷, который специально просил сослаться на него во *Fremdenpolizei*.

С. В. Рахманинову <1938.VIII.30>

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич!

Спасибо Вам за все Ваше доброе отношение, за помощь и за вчерашний звонок! Разрешите мне высказать, как я понимаю ответ господина Б<юлера>⁸⁸.

Порядок дела, объясняли мне, такой: сначала должен решить кантон, — *да* или *нет*; потом только — центр. Центр может отказать, несмотря на согласие кантона, но центр *не* может согласиться, если кантон отказывает. Центр имеет только запретительное право, но не повелительное. И бывает так, говорили мне, что если центр начинает приказывать, то кантон сердится и упрямится. «*Peu favorable*»⁸⁹, по-видимому, есть учет кантональных вероятий. И в этой оценке г. Б<юлер> совершенно прав; это я знаю: ибо просить прямо — разрешения на год, без кауции⁹⁰ — etc. — это действительно при современном положении вещей (Вы совершенно правы в учете их!) — *c'est un peu trop!*⁹¹

Но именно поэтому, думается мне, отдав свое распоряжение и изъявляя готовность обсудить дело с Вами и у Вас, г. Б<юлер> сделал максимум того, что он *в этой стадии* мог сделать. И это означает, что на Ваше письмо он отозвался *в полной мере*. Слава Богу! Значит: если кантон скажет *да*, то и центр скажет *да*.

Весь вопрос в кантоне. Я никак не могу скрыть от Вас, что я *здесь* тревожусь и неуверен: я не знаю, что за люди там сидят и каковы их настроения! *Direktor Rudolph Grob*⁹², который вел со мною переговоры о моем выезде в Швейцарию и о моей работе в Швейцарии — еще в феврале—марте, потом в мае, потом со мною лично (ибо первые переговоры велись через мое доверенное лицо, ездившее туда и назад до *трех* раз!) — лично в июле и

опять с моим доверенным в августе, прислал мне 22 августа письмо с прямым укором, зачем я зря тревожу себя беспокойствами. Но у него, как мне известно, есть ходы в кантон, которыми он пользуется ради моего дела, и совсем наверх, к господину М.⁹³

Таким образом, слабым и тревожным местом оставался именно тот путь, который оказался в *Вашем* распоряжении. Завоевав его, Вы помогли мне Вашим словом и обращением — *чрезвычайно*.

Само собою разумеется, что я вздохну свободно только тогда, когда придет окончательный ответ. Если бы только рассказать, сколько раз люди обманывали и предавали меня, то это целое мученичество. Ибо — скажу Вам совершенно откровенно и доверительно — моя душа совсем не создана для политики, для всех этих цепких интриг, жестоковейностей и проталкиваний вперед. Я не тромбон, и не барабан, и даже не корнет-а-пистон. Моя душа, скорее, как скрипка, и Господь один знает, как мучительно мне жить в наше жестоковейное и каторжное время... Вот почему я говорю о «мученичестве».

Grob производит очень серьезное впечатление. Он реформированный пастор и директор самой большой лечебницы для эпилептиков в Цюрихе. Мое доверенное лицо (русский, мой «ученик», человек верный и осторожный⁹⁴) пишет мне от 10 августа про него: «Он был светел, ясен, бодр, уверен в успешности хлопот». «Он обещал употребить все силы для получения влиятельной рекомендации» etc. И если принять во внимание, что намерение Гроба перетащить меня в Швейцарию сложилось уже год тому назад, то я не думаю, чтобы следовало не доверять ему.

Я знаю одно, что «назад» мне возвращаться *нельзя* и что «кауцию» внести я не в состоянии. Об этом я писал ему очень отчетливо.

Он ответил, что он предложил ка<н>тональной полиции дать мне как «ученому с международным именем» и «незаменимому специалисту», «присутствие коего в стране во всех отношениях желательно», — разрешение на несколько месяцев, в течение коих будут представлены документы, достаточные для окончательного поселения. Он пишет мне: «Мать Швейцария не выбрасывает даже нелегальных евреев; как же она сможет обойтись с Вами нелюбезно» и т. д.

Но все это — кантон. Меня тревожил и пугал центр. Ваше сообщение вчера вечером показалось мне — «центрально-успокоительным».

Я не могу Вам рассказать, как мне *лично и духовно* дорого Ваше вмешательство в дело моего спасения... Сколько раз я с горечью думал, «что я иностранцам — полезное орудие для *их* дел?! а русские не умеют помогать друг другу!»... И вот — от Вас идет лекарство против этой горечи. Как будто ступил ногою на твердый национальный и духовный материк...

Мои ежедневные мигрени заставили меня вызвать врача: мой друг, полурусский швейцарец, ведет здесь большой госпиталь. Он сказал: от склероза нет и следа, давление крови нормальное, сердце работает превосходно, легкие в порядке. Но есть сильное нервное переутомление и нужен еще отдых и покой. Переутомление мое сложилось за последний год — год преследований. Это была не жизнь, а сущая отрава злобой, доносами и слежкой. Я глушил эти настроения усиленной работой. Помимо выступлений в церквях «за христианство, против большевизма», я много писал. И в результате к июню — когда ясно было решено у нас с Наталией Николаевной, что надо жизнь ломать и уезжать, — я надломился. И как медленно, о, как медленно происходит восстановление...

Кончаю на этом. Всего не рассказать.

Мы оба шлем наш самый сердечный привет Наталии Александровне и Вам. Крепко, крепко жму Вашу руку.

Ваш И. А. И.

1938.VIII.30.

Я думаю, что Вы правы и что в беседе с Б<юлером> лучше не указывать на эту нить от Grob к М<отту>! Так: один из друзей проф. И<льяна> уже осведомил господина М<отта>...

С. В. Рахманинову <1938.XI.18>

Zürich-Zollikon,
Zumiker Str., 24

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич!

Хочу сказать Вам еще раз наше великое, сердечное спасибо за помощь. Я держался до последнего, настаивая на принятии нас без залога. Но когда кантон заявил и община заявила, что залог есть главное условие и что без него дело не решится, я написал Ридвегу и получил от него быстрый и точный ответ. Он снесся с кантоном, записал формулу, которую они указали, и сообщил банку о том, чтобы эта формула была послана канто-ну. Я думаю, что теперь дело уже совершилось.

Город Цюрих тянул дело без конца. Там много красных. Кантон же быстро согласился. Нужно было еще согласие общины, и наше прошение перенесли в предместье Цюриха Zollikon, где сейчас дело и находится. В ближайшую среду оно должно быть решено в Gemeinderat⁹⁵.

Как только дело решится, мы постараемся подыскать себе небольшую квартирку и примемся за трудное разрешение вопроса о зароботке, на который мы официально не имеем права. Тут уже придумывается разное в этом направлении.

Да сохранит Вас Господь и да пошлет Он Вам радости.

Сердечно Ваш

И. А. Ильин.

1938.XI.18.

Мы оба шлем душевный привет Вам и Наталии Александровне.

С. В. Рахманинову <1938.XII.28>

Дорогой, искренно чтимый Сергей Васильевич!

Еще и еще раз спасибо Вам за спасительную помощь! Ридвег послал Вам письмо, не сказав мне ни слова о наступившем осложнении. Я узнал эту сторону дела лишь в день прибытия Вашей телеграммы. Последние дни ноября были для нас *очень* тягостными. Запрос из кантона попал в Берн не в «те» руки и оттуда был дан ответ *чистого отказа* — грубый, сварливый и, по существу, для меня неприемлемый. Они требовали, чтобы я шел к представителям покинутого мною государства и просил возвратную визу. Я отказался наотрез, ибо это было бы впоследствии истолковано в том смысле, что я «передумал» и «предлагал свои услуги» для расчленения родины. Я пошел к здешнему директору кантональной полиции, Бринеру: человек умный, благородный и чуткий. Он все понял и снесся с Б<юлером> в Берн по телефону. Б<юлер> пригласил меня приехать в Берн. Я был у него 1 декабря. Я говорил все напрямки, не умалчивая моих *формально* слабых позиций. Я встретил быстрое и полное понимание. Во всем. Когда после получасовой беседы я хотел удалиться, он попросил меня остаться и вторые полчаса мы проговорили на иные темы. Он питает к Вам самый искренний пиетет. Он, собственно говоря, сделал больше, чем обещал тогда. Но чиновник в Ц.⁹⁶, пользующийся его доверием и получивший от него соответственное поручение, внезапно умер в сентябре; и тогда дело пошло в затяжку.

В настоящее время мое положение настолько окрепло, что в первой половине января будет обсуждаться вопрос о выдаче мне права на труд и заработок.

Низко Вам кланяюсь и сердечно благодарю Вас. Без Вашей помощи ничего не вышло бы...

Наталия Николаевна шлет привет Наталии Александровне <и> Вам. Я целую ручки Наталии Александровны.

Душевно Вас любящий

И. А. Ильин.

1938.XII.28.

Поздравляем Вас с наступающим праздником Рождества Христова и Новым годом.

Адрес: Zürich-Zollikon. Alte Land Strasse, 12
(это уже *своя* квартирка.)

С. В. Рахманинову <1939.III.27>

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Васильевич!

Разрешите мне, пожалуйста, вновь потревожить Вас моею судьбою и просьбою. Хотя Вы, уезжая, и дали мне указание обращаться за содействием к Dr. Riedweg, но это было давно, и я не хотел бы делать это вновь, не имея на это Вашего нового разрешения. А между тем помощь его мне очень нужна.

Дело в том, что я, к немалому моему изумлению и тревоге, узнал, что разрешение на пребывание с 1 декабря доселе не оформлено, паспорта лежат в Берне, в сущности ничего не сделано. А между тем 17 апреля истекает срок наших паспортов, выданных в Берлине, и я уже с месяц тому назад поднял вопрос о выдаче нам новых, здешних наansenовских паспортов. И опять здесь мне предложили хлопотать о сем в германском консульстве, и снова я от этого наотрез отказался...

Простите мне, что затрудняю Вас этими деталями, могущими получить для нас трагическое значение. Если я получу Ваше разрешение обратиться непосредственно к Р<идвегу>, то я ему изложу все письменно в подробности. А он сносится с Б<юлером> непосредственно по телефону, а у Б<юлера> Ваше имя имеет совершенно исключительный вес (это я знаю из личной беседы с ним). При обращении к Р<идвегу> — могу ли я сообщить ему доверительно и такие данные, которые не подлежат оглашению?

Зима прошла у меня под знаком ежедневных головных болей. Врачи решили, что это от гланд, и 8 марта меня опериро-

вали. Десять дней были мучительны; теперь стало легче, но кончится ли этим мой недуг, еще не видно.

Величайшим утешением была нам за это время Ваша музыка. Нам дали «в гости» граммофон, а мы добывали себе Ваши пластинки. Там *все* изумительно; за все низкий поклон Вам и благодарность!

Целую ручки Наталии Александровны и Татьяны Сергеевны⁹⁷. Наталия Николаевна шлет приветы.

Душевно Ваш, как всегда,

И. А. Ильин.

1939.III.27

Sweiz Zollikon Alte Landstrasse, 12.

Tel. 4-86-13

P. S. Перевожу изданную Вами книгу Н. К. Метнера «Муза и Мода»⁹⁸ — на немецкий язык. Перевод нелегко дается, но я надеюсь все же справиться с ним.

Друзьям в Париж <весна 1947>

Весна 1947 г.

Послано друзьям в Париж.

Мною получено известие, что в Париже со следующей недели будет выходить новая «национальная и православная» газета «Русская мысль» — под редакцией Зеелера при участии Маклакова, Нольде, Зайцева и, может быть, Шмелева. Последний настойчиво просит меня немедленно дать в нее статью. Я категорически отказал. По следующим основаниям.

1. Русский Гранд Ориа⁹⁹, повинуясь указаниям французского, поторопился в лице Маклакова, Бердяева, Рощина¹⁰⁰, Бунина и других признать советчину и сдать ей Православную Церковь во Франции. Последовал провал. Он выразился не только в стойкой реакции честных и храбрых деятелей, и не только в численных итогах паспортного характера; это не смутило бы перебежчиков из лож. Серьезнее для них оказался новый и притом окончательный поворот дел в Соединенных Штатах. Остаться «добровольным перебежчиком» при обострении дел в мировом масштабе было бы и невозможно глупо, и в личном отношении прямо опасно... Решили «выпрямлять крен» и поручили дело Зеелеру. Более упрямый Бердяев еще не сдается, он всегда был «парадоксалистом-экспигбиционистом». Более умный и гибкий Маклаков ищет путей обратно.

2. Однако после той смуты, которую посеяли Маклаков и компания и которая была так выгодна дьяволу и так вредна России, имя его стало нарицательным для обозначения *советофилства, смуты и предательства*. И вот новая газета собирается размазывать эту смуту и это предательство в нашу сторону. Есть шаги, которые непоправимы. Есть имена, которые теряют краску чести и не вызывают более никакого доверия. Нельзя слышать имена Алексея Толстого-Советского¹⁰¹, Скоблина¹⁰², Рощина, Неандера, Бердяева, Маклакова, Ступницкого¹⁰³ и других. Это политические трупы. Кто с ними идет, тот приобретает *их* окраску. И новая газета есть попытка передать эту окраску на наши флаги.

3. Мне пишут неопределенно: «Маклаков — нужен...» По моему — это неточно: надо сказать «газета Маклакову нужна». Но русскому Делу она *не нужна*: она будет говорить полуправду, урезывать правду и злоупотреблять священными идеями и категориями для того, чтобы смазать все грани между советчиной и Россией. Если бы эти господа начали с открытого и честного покаяния — «согрешили, своровали, смалодушествовали, каемся и вновь клянемся честью в верности и непримиримости», — тогда было бы другое дело; но и тогда я не пошел бы писать у них: конь леченый, вор прощенный, Маклаков крещеный... Жди рецидива!

4. Много говорит и название: «Русская мысль». Хотят прикрыться добрым именем и направлением Петра Бернгардовича¹⁰⁴ и посмертно вовлечь и его в смуту. Стирают грани между честью и бесчестьем, между Россией и советчиной, между «белым» и «красным». И потому не ведут открытых переговоров с сотрудниками, а подсылают зазывать по знакомству и по дружбе. А программу будет, нащупывая настроение в ложах, стряпать старый и опытный, но совершенно беспринципный политический «кок» Маклаков. Довольно кривды и смуты! Долой полуправду!..

Лучше помолчим еще.

<Приписка:> Не все подтвердилось: газета «Русская мысль» оказалась *католически* инспирированной, протезируемой и несколько финансируемой — но с компромиссами во все стороны.

Весна 1948.

К. Е. Климову <30.IV.1948>

Дорогой друг, Константин Евгеньевич!

Сердечно благодарим Вас и Ксению Георгиевну за память и за дары. Яйцо прелестно, салфеточка тоже и цветы! Обнимаем Вас обоих и христосуемся. Отдельно благодарим еще за родное письмо.

Если бы я знал, что для Вас о<ксфордская> проблема¹⁰⁵ остро-практическая, я бы давно ответил бы Вам на вопрос основательнее. Но мне казалось, что Вы сами быстро увидите, что это за «зуппе»¹⁰⁶. Есть система: каптировать людей, не давая им преждевременно знать, кто именно надевает им наручники: очнется, когда все будет сделано. Для этого существует целый ряд привлекательнейших, и невиннейших, и полезнейших организаций. Скауты¹⁰⁷. Сокола¹⁰⁸. Янкмены¹⁰⁹. Армия Спасения¹¹⁰. Ротари-клуб¹¹¹. Оксфорды¹¹². Экуменисты¹¹³. Списочек вряд ли полный. Все руководители их посвящены и знают, что делают; множество же видит только близкое. Это — очень умно. Атмосфера в них однородна: минимум христианства непротивленческого, сентиментального, протестантского толка; интернационализм; проповедь толерантности; воспитание против антисемитизма; тихий увод от православия; медленная, тихая подмена религиозного интереса — моральным; приучение к несущественности религиозного начала в жизни человека («просвещение»); подкожное прививание сочувствия к б<ольшевизму>. «Умнейшие» и «достойнейшие» — вводятся, благоприятствуются во всех делах, даже прославляются (берд<яевы>). У введенных все сие углубляется, но не сразу: чистилище продолжается; селекция — тоже. Это очень умно. Цареубийство и д<ьяволо>поклонство — это потом. Полумистическое бонанфанство¹¹⁴ и замкнутая взаимопомощь преобладают долго. Можно ли этому не сочувствовать? В этом «победа над дезорганизованностью современного общества», — разве не так? Во всяком случае, люди с сентиментально-наивным сердцем; люди, не страдающие слишком сильным патриотизмом; люди, решительно освободившиеся из-под «гнета конфессионализма»; люди, нетерпеливые в вопросах своего жизненного успеха и жаждущие парить наподобие орла в международных пространствах, — вливаются.

У «нас»¹¹⁵ о<ксфордское движение> царило в 30-х годах. Зала. 2000 людей. Президиум. Подготовленные и неподготовленные «покаянцы»... Встают один за другим и повествуют: Этот рассказывает, как он 15<-ти> лет украл у матери полфун-

та колбасы и до сих пор не находит себе покоя, но теперь начнет новую жизнь... Эта, рыдая, повествует, как она была своего мужа и детей, но теперь мир снизошел на нее. Этот мучил собаку. Тот старался проехать даром на трамвае. Все обновляются от умиления, многие плачут, читаются молитвы ад хок¹¹⁶. Потом — начинается прежняя черство-жадно-пошлая жизнь, но с уверенностью: 1) что они накануне праведности; 2) что, если они ежедневно помолчат каждый про себя минут пять, то то, что им первое придет в голову после молчанки, — идет прямо от Бога. Через несколько месяцев эти коллективно организованные сентиментальные полуистерики надоели и прекратились. А здешний глава всего этого, профессор романских литератур, только что выпустил труд о Данте, доказывающий, что в «Божественной комедии» уже применен критерий антикапитализма, классового интереса и пролетарского социализма...

Хватит? Будя? Все, что неясно, дойдет до полной ясности при свидании.

Очень ждем встречи с Вами здесь.

Ш<арлотта>¹¹⁷ в восторге от Вашей игры. Когда же мы ее услышим?

Досвиданьичка!!

<Приписка карандашом:> В Равенсбург.

Н. В. Борзову¹¹⁸ <весна 1948>

Христос Воскресе!

Дорогой Николай Викторович!

Сердечно поздравляю Вас со светлым праздником, христосуясь с Вами и желаю Вам духовного света и радости!

Мои друзья и «посылочные кандидаты» получили устроенные Вами для них посылки, все были тронуты, обрадованы и, получив облегчение в жизни, благодарят Вас за заочную доброту трогательно!

Теперь к нашим делам.

1. Вот что мне удалось наладить Вам для 16<-го> Сборника.

Самого близкого из друзей моих, который, к сожалению, еще не может дать свою полную подпись, но за высокую честность, правдивость и компетентность я отвечаю головой, дал статью памяти Архиепископа Рижского Иоанна Поммера, замученного большевиками в 1934 г. на своей даче под Ригию. Я лично знал его и пользовался его полным доверием, настоль-

ко, что он уговаривал меня принять священство и занять должность соборного протоиерея в Риге. Я, с своей стороны, чтил его исключительно. Он всегда поражал меня своим глубоким и быстрым умом и своей прозорливостью. Сила его характера была совершенно замечательна. Россию он любил, как самый пламенный патриот. По целому ряду данных я не сомневался в том, что он организует в Москве противобольшевистский заговор и освобождение России. Когда я узнал, как он мученически скончал свои светлые дни, я ни минуты не сомневался в том, *за что* его убили палачи. Но диктатор Латвии, Карл Ульманис¹¹⁹, «страха ради большевицка», замял это дело, запретил говорить о нем во всеуслышание и спустил все в темноту.

Ныне мы имеем возможность пролить некоторый свет на это дело. Источник наших сведений — чистый, честный, вполне компетентный: человек, имевший возможность изучить весь материал *предварительного* следствия. — И тем не менее статья, которую я Вам пришлю на днях, составлена *с чрезвычайной осторожностью и тактом*: ничего лишнего, ничего торопливого, безответственного. Особенно еще и потому, что одновременно с Владыкой Иоанном, в ту же ночь, в Риге погиб от нераскрытой причины наш славный русский тенор Л. В. Собинов¹²⁰: он был с Иоанном на «ты», принимал участие в заговоре и привел к нему на его лесную дачу тех людей, которым Собинов доверял и которые оказались ГПУ-палачами...

Я приложу к статье и *портрет* Владыки Иоанна, этого русского героя и священномученика, о коем доселе молчали, а ныне надо сказать.

2. Мы условливались с Вами еще о моем «идеологическом жизнеисповедании»¹²¹, помните? Надо ли мне это делать, или Сборник 16 и без того, может быть, полон? Душевно приветствую Вас и обнимаю.

Н. В. Борзову <апрель 1949>

Дорогой друг, Николай Викторович!

Только что получил Ваше письмо от 29 марта и спешу отозваться на него. Прежде всего приношу Вам и Правлению Фонда имени Ивана Васильевича Кулаева¹²² мою искреннейшую благодарность за доверие и поддержку! Как я рад был бы прийти в заседание Правления и лично изложить членам его, какую работу они этим поддерживают! Но Правление доверяет Вам, а Вам я надеюсь дать существенные доказательства того, что уже

сделано и продолжает делаться. Для этого я приму нужные меры.

Теперь разрешите по пунктам.

1. Не беспокойте себя вопросом об отложении моей сказки о «Праведном народе»¹²³. Я посылаю Вам *для журнала*, а интересы журнала Вам виднее. Я не имею ни малейших возражений или огорчений по этому поводу.

2. Что касается статьи об убиении Владыки Иоанна, то это вопрос более серьезный. Статья написана постоянным жителем Риги, лично знавшим Владыку и горячо его любившим. Он с самого начала в частном порядке следил за следственными данными, а в конце концов имел возможность получить *точную информацию от юриста, изучившего все тайное досье по этому делу*. Это человек сущего благородства и с большим чувством ответственности. Он мой давнишний друг. Я же сам состоял глубоким почитателем Владыки; по-видимому, и он мне доверял, ибо за несколько месяцев до смерти Владыка настойчиво уговаривал меня принять Священство и сан Протоиерея рижского Собора. Из этого Вы увидите, что ни с моей стороны, ни со стороны автора статьи не могло быть никакого легкомыслия и легковерия. Неосведомленность или, вернее, обывательская осведомленность лежит скорее на стороне Бачманова и других.

Однако я предлагаю следующий исход. Отложите статью до следующего номера журнала. А я немедленно запрошу моего друга, который ныне переехал в Канаду: *не разрешит ли он мне снять его псевдоним, хотя бы только для Вас лично*. Если он на это согласится, то я попрошу его, чтобы он сам написал Вам — *строго доверительно*, с тем чтобы Вы его другим не называли. Он укажет Вам свой источник. Латышам же, конечно, более подходит обывательская версия, по которой гениальный латышский Архиепископ был выдан и умучен «русскими». Относительно раны, нанесенной Собинову самим Владыкой, *сведения подтверждают*, но это нисколько не доказывает предательства Собиновым: ибо надо знать всю правду и точно видеть всю сцену. Итак — отложим статью!

3. Чтобы быть представителем на Германию, надо *непрерывно жить там*, знать лагерную жизнь непосредственно, иметь связи с Дипями¹²⁴, разбираться в тамошних людях: Дипи отличаются своей неправдолюбивостью, они привыкли «там» врать и приспособляться и говорят в эмиграции каждому то, что, по их расчету, им выгоднее. Я имел с ними дело немного, но эта черта их бросается с первого мига в глаза.

Поэтому я рекомендую Вам в качестве Вашего представителя по порядку следующих лиц, там живущих и в Дипях разбирающихся. За честность каждого из них ручаюсь.

1. Николай Александрович Цуриков¹²⁵. Адрес.

2. Николай Захарович Рыбинский. Адрес.

3. Георгий Георгиевич Габричевский¹²⁶. Адрес.

Очень жду нового «Ребенка». Спасибо за добавочные экземпляры. Что очень важно, это *чтобы авторы получили по экземпляру*, те, кого я Вам «достал», — все время спрашивают, вышла ли книга, да когда выйдет, да печатается ли их статья, да получают ли они книжку. И это понятно и справедливо...

Пожалуйста, напишите: добывать ли Вам материал для 17<-й> книги и в каком роде? Это надо всегда заранее созерцать, комбинировать и изобретать.

Еще раз сердечно Вас благодарю за доверие и помощь.

Обнимаю Вас. Да хранит Вас Господь.

Ваш Идем Ибидем.

Г. В. Офросимову¹²⁷ <8.IX.1949>

Дорогой Георгий Викторович!

Бывает так, что почта приносит гадкие письма, полные злобы, клеветы и дерзкой личной пачкотни. Такое письмо¹²⁸ почта принесла мне сегодня. В нем *за всю мою жизнь*, начиная с Москвы, собраны сплетни и инсинуации, способные повредить моему имени; упоминается о вырезанных и сбереженных статьях; приводятся никогда не сказанные мною слова. *Тон* письма — ненавистно-обличительный и злобно-грозный. Главные тезисы:

1) Я всю жизнь был сменовеховцем.

2) Я был про-гитлеровцем.

3) Я являюсь антисемитом.

Правда искажается, перемешивается с вопиющей ложью и фантазией. Автор просит «не отвечать» и «прекращает знакомство».

Такие письма я получал в Берлине от Меллер-Закомельского¹²⁹, от Левашова, от различных черносотенных антисемитов. И тоже с угрозами.

Письмо это сдано в особый пакет: «Документы клеветы, провокации и угрозы».

Получил от Вас четыре «Русских мысли». Я теперь надеюсь подписаться на эту газету, и потому не затрудняйте себя присылкою ее.

Мы оба шлем Вам и Дорис Генриховне¹³⁰ душевный привет.
Ваш Idem Ibidem.
8.IX.1949.

<Приписка:> После таких писем мне всегда становится
жутко жить на свете!

Г. В. Офросимову <сентябрь 1949>

Дорогой Георгий Викторович!

Огорчен и удручен. Тем более что ума не приложу, чем и как помочь... Только молитвою.

Смердяков¹³¹ начинает письмо с «Глубокоуважаемого», кончает «Ваш имярек фамилиерек». А в середине в тексте громоздит фантазии, «обличения», характеристики. Старается пообиднее уязвить мою *жену*. Добирается и до моей *матери*, которую он никогда и никак не знал... Словом — «злоухает». По Достоевскому («Бобок»), «обнажается и заголяется»¹³².

Г. В. Офросимову <без даты>

Посылаю с приветом.

Я запросил справки о нем¹³³. Мне прислали подробности. Клянусь Вам, если бы я все это знал ранее, я бы *на порог* к себе не пустил бы его. А уж тем более не снабдил бы его «Н<аши-ми> з<адачами>». — Но ошибка уже сделана. Думаю, что правда однажды разоблачится.

Наш адрес: Lugano-Ferrovia. Fermo in posta.

Обнимаю Вас и целую ручки Дорис Генриховны.

P. S. Не огорчайтесь загогулинами гультепы!¹³⁴ Не стоит. Надо только оторвать его от себя. Нельзя с ним водиться. С собаками ляжешь — с блохами встанешь. А за жучком пойдешь — до навоза дойдешь...

<Приписка:> Сердечно благодарю Вас за сентябрьское «прилагательное»!

Г. В. Офросимову <осень 1949>

Дорогой Георгий Викторович!

Что-то Вы «просыпали» лишнее «брату Роману¹³⁵»!.. Что — не знаю. Боюсь, что-нибудь из читанных Вами моих и Сергеевых¹³⁶ писем. Роман нарешетил Сергею, Сергей пишет мне ругалку, которую я Вас ныне и угощаю!

Я написал Сергею, что «нисколько и ни о чем не благовестил, а проверял себя и свою линию у его здешнего сотрудника и моего приятеля, ему рекомендованного и им признанного, каковая проверка всегда бывает полезна, а иногда и прямо необходима, особенно при одинокой жизни».

Что же Вы ему такое написали?!

Ты волна моя, волна!

Ты Гуль-лива и вольна...

Вот я теперь и расхлебывай...

Вы, вероятно, оказались в письме больше знающим, чем это могут перенести Сергее-Романские отношения...

Где-то у Беранже поется:

Осторожность, осторожность, осторожность, господа!

P. S. Суждение Наталии Николаевны: «Гуль — вообще нервный человек!»...

Г. В. Офросимову <конец 1949 — начало 1950>

Дорогой Георгий Викторович!

(Шановний Пан, Юрко Офросименко!)

Получив Ваше последнее письмо с изложением Вашего обращения к «брату Роману» — наш партер разразился рукоплесканиями; мужская половина топала даже ногами. Предметная правда есть мерило дружбы, а не наоборот: *amicus Plato etc.*¹³⁷ Левизна не есть критерий добра; правизна не есть критерий зла. Так было в России до революции, но так не должно быть впредь. Бенито¹³⁸ был прав, говоря: «*La massoneria, questa lue morale*»¹³⁹.

Я только что получил по почте прилагаемые листки, к сожалению, в единственном экземпляре. Сообщаю Вам их *доверительно* и прошу вернуть по прочтении. Кажется, что это РОВС нашел какого-то честного недурака. Надо бы *печатать* такое, а то больше печатается всякая правая шановность и левая сукин-шыновность... Ну, и времечко!

Узнал: сменовеховцы Ключников и Устрялов¹⁴⁰ расстреляны у большевиков.

Да, Федотовщина¹⁴¹ вреднее — ибо за ней *ложи*, демагогирующие Запад в вопросе о том, что Россия слишком велика и опасна и что поэтому ее надо расчлениить.

Насчет «штанов» от Николаевского — верно.

Берегитесь после гриппа! Я еще не справился с ним — тлеет, как *lue di naso*...¹⁴²

Господь с Вами обоими!

<Приписка> Какие Ваши дальнейшие планы?

<Приписка:> Моя барыня антиресуется, какая у Вас погода?

Г. В. Офросимову <5.II.1950>

Дорогой Георгий Викторович!

Благодарю Вас за присланный опус. Возвращаю его со смелым чувством стыда, грусти и скандального любопытства.

Когда-то давно нашу квартиру в Москве обокрали. Я встретился с моим вором в камере у мирового судьи. «Вы что же, — спросил я моего посетителя, — один меня навещали?». — «Никак нет, барин»; так что нас было двое». — «А где же другой?». — «Да он, барин, благополучно *завязался*». — «Гм! Что это значит “завязался”?» — «Хе, хе... Так что, значит, замешался в толпу и кричал “держи его, ловишии”! Ну и ушел».

Любопытно это, как И. А. Бунин «завязывается»... Стыдно, но поучительно.

Сердечные приветы.

Ваш И. А. И<льин>.

5.11.1950.

Один маленький мальчик, избличаемый в шалости или каверзе, говаривал — «шовишно!»

Е. Е. Климову <весна 1950>

Дорогой Евгений Евгениевич!

Спасибо Вам за дерево-резную открыточку! *Теплом* от нее веет! Спасибо и за *Ex Libris*. Дайте подумать. Все, что приходит в голову, — нескромно. Вот, напр<имер>. Всего-навсего — главный купол *большого Кремл<евского> дворца*. Почему?

1) Строил его мой *дед по отцу*, инженер-полковник Ив<ан> Ив<анович> Ильин¹⁴³, после этого он был комендантом дворца со званием «Майор от Ворот Большого Кремл<евского> Дворца» — *до самой смерти*; там и жила вся семья деда, там родился и отец мой (крестник Ал<ександра> П).

2) Детство мое — квартира в Шереметевском пер., IV этаж — лицом на Кремль с дворцом и на дворовую церковь Шереметевых («Нарышкинское барокко»). Шесть лет патриотич<еских> чувств и любования.

3) Профессорские года — квартира в Крестовоздвиж<енском> переулке, VI этаж — балкон — пол-Москвы — и вид на

этот купол. 10 лет зрелой жизни 1912—1922 (до изгнания). Здесь я задумал мою книгу о Монархии.

4) *Символ* — Кремль Моск<овский> — Дворец — Купол венчающий — *превосходное* по стилю и вкусу сооружение — мирозерцание. А потом подумаешь — покажется «нескромно». Ну, да не ёлочки же делать?

Сколько вокруг этого Дворца гулялось, Александр<овский> Сад — кремл<евские> стены — детство — все ворота — купол этот!.. И мимо него же меня увозили в тюрьму на Лубянку... потом...

А мечтаем мы — нашу библиотеку — есть хорошее!! — завещать Московскому университету.

Ну, не знаю. Не решу.

Жду от Вас «зубного» ответа.

Всем Вам серд<ечные> приветы.

Е. Е. Климову , <без даты>

Дорогой Евгений Евгеньевич!

Январь был очень труден для меня — фёны, астма, паршивые бесконечные корректуры и в довершение деловая переписка о книге с Парижем и с парижанками. Запросит — получит ответ и исчезнет. Или обещает, еще запросит — и надует... Надо было постоянно писать этим чужим, и у меня осталась надежда, что свои поймут и простят...

Как мне грустно и больно, что я не увижу Ваших новых вещей, бывших на выставке, особенно же облачного моря, которое Вы писали в большом формате. Но я, вообще, считаю себя конченным человеком. Подумайте, я с 12 августа дома и вот до 7 февраля я ни разу не был «внизу», «на земле». Доктора, по моему ощущению, чего-то основного у меня не понимают и лечат «к своему удовольствию». Астма вызывает депрессию душевную, черные мысли, а иногда портит и сон. Поэтому я не имею никаких надежд — куда-то поехать, что-то предпринять. Что-то увидеть. Но не стоит говорить об этом. Лучше о деле:

В качестве «идейного члена редакции журнала Русского Ребенка» прошу Вас: напишите для XXI книги онтого журнала ответственную статью. На такую тему — «В чем своеобразие русской живописи». Меня часто ранит болтовня дилетантов о том, что Левитан под влиянием Сезанна, Поленов под влиянием Моне¹⁴⁴ — и тому подобная чепуха.

Я считаю русскую живопись — и пейзажную и портретную (от самого Боровиковского¹⁴⁵) — самостоятельным явлением.

Она творилась *особым художественным актом*, не присущим и, м<ожет> б<ыть>, даже совсем не доступным западным живописцам. Вообще, русское искусство — даже тогда, когда оно берет западные темы (Дон Жуан), — говорит *свое, по-своему, по-новому, по-русскому*. И даже Коровин¹⁴⁶ — с виду... поехавший по рельсам франц<узского> импрессионизма — говорил *свое и по-своему*. Вот это мне бы страшно хотелось увидеть крепко, уверенно, вызывающе формулированным. Для этого нужно, чтобы *Ваша любовь к России рассердилась* и отчитала глупость, показуя ее, глупость, тем, кто еще не совсем глуп... — Если бы Вам оказалось приятнее и удобнее утвердить это по поводу одного избранного Вами русского художника и от него по поводу его поднятия к общему, то не стесняйтесь. Но иное созерцание, иное чувствование, иное понимание искусства и художественности — надо выделить.

У нас есть книга Дурылина¹⁴⁷ «Нестеров портретист» с репродукциями. Конечно, все эмпирическое исключено. Но как Нестеров каменел, сох, застывал, хочется сказать — *убивал* своих портретируемых — больно видеть. Какие-то окаменевшие мощи, жесткие линии — восковые куклы, полупокойники...

До свидания, дорогой. Жду Вашего ответа и шлю Вам и Вашей семье сердечный привет от нас обоих.

Обнимаю Вас.

Ваш И. А. И<льин>.

Как трогательно девочка сказала — «Боженька за облаками...»

А ведь оно у Вас так и есть!

Н. В. Борзову <14.VII.1950>

Милый и дорогой друг, Николай Викторович! Прежде всего — сердечно благодарю Вас за вторую ассигновку... Это внимание глубоко трогает меня, и я напишу отдельную благодарность Фонду, как только получу самый перевод; пока о нем еще ничего не слышно.

Иван Сергеевич скончался 30 июня¹⁴⁸. За последнее время у него нашли туберкулезный процесс в одном из легких и грудную жабу, от припадков которой он и скончался тихо. В этот день его перевезли в автомобиле в женскую обитель¹⁴⁹ на отдых за 180 км от Парижа. Он был слаб, но радовался и наслаждался

всем, как святой ребенок. После ужина у себя в комнате упал на коврик, жалуясь на стеснение в груди; два впрыска камфоры не помогли, и он тихо отошел.

Предположенного нового завещания он не подписал — кто знает, не решился или не успел... Карташев пишет мне: «Не имел воли ускорить юридическое закрепление своей решимости передать авторские и издательские права Кулаевскому Фонду». Словом — 4 июля было вскрыто единственное завещание его в присутствии Кутыриной¹⁵⁰, Зеелера, Карташева, Волошиной¹⁵¹, д-ра Серова¹⁵² и Меркулова. Копия завещания мне прислана. Впечатление у меня такое же, как у Карташева: *удручающее...*

Издательские и авторские права переданы двум женщинам: француженке Кутыриной и голландке Бредиус¹⁵³, все остальное имущество и часть доходов — сыну Кутыриной Иву Жантильому, тоже французу. Но что всего хуже, это то, что *все они большевизанствуют*, кто церковно, а кто и симпатиями... Кутырина замужем за сумасшедшим хулиганом Новгород-Северским¹⁵⁴. Бредиус, урожденная Субботина — истеричная и больная (операции!) приверженница патриаршей Церкви, так же как и ее мать и брат... Еще Карташев пишет мне: «600 долларов Фонда покрыли все последние траты и погребение...» Вам надо знать, что все последние месяцы Шмелеву пересылала здешняя русско-швейцарская дама Е. С. Фишер¹⁵⁵ по 300 шв<ейцарских> франков в месяц — с февраля до июня. Как это все сложилось в реальной жизни — мне неизвестно и разбираться в этом я не хочу...

Думаю, что, отзывая его, Господь избавил его от лишних мук, а может быть, и унижений...

Написать о нем я не берусь. Я вообще могу писать, только о том, о чем поет сердце. Всякая попытка нарушить этот закон — приводит меня только к мучениям и отвержению. А сейчас я испытываю в связи с таким его уходом (духовно!) — тягостное удручение и никакого умиления...

Карташев восклицает: «Все ушло в *приватное* русло, во французское русло и, увы, в большевистское русло!!»... Я давно этого боялся. Вся эта родственная возня с темными родственниками и с советскими церковниками — давно удручала меня; а покойный никак не мог и не хотел понять, что *не все равно, с кем дружишь, где изливаешь душу и где печатаешься...*

Иван Сергеевич имел два в корне различных «акта»: один вдохновенно-творческий, а другой — жизненно-бытовой-политический. И этим вторым актом своим он был мне *глубоко*

чужд. Мы не раз «ссорились» с ним из-за этого. И, зная, что он продолжает разводить обывательские сантименты с людьми более чем подозрительными, рассказывая им все «нужное» и «ненужное», — я все более и более сокращал свою откровенность с ним и писал ему мало и скупое...

Вот и поймите, дорогой друг, что я сейчас *не могу писать о нем*: сердце скорбит и молчит и несколько не поет...¹⁵⁶

Душевно обнимаю Вас и храню мою дружбу с Вами в сердце. Обнимаю Вас.

Ваш И. А. И<льин>.

14 июля 1950.

*Епископу Леонтию Барташевичу
<27.X.1950>*

Ваше Преосвященство Высокочтимый
и дорогой Владыко!

Знаю я, что мирянину не подобает подавать Епископу непрошенные советы... Но я должен иметь спокойную совесть, чтобы не укорять себя пожизненно за то, будто я скрыл зримую мною правду от моего духовного отца и тем предал его врагам. Посему разрешите мне предложить Вам несколько мыслей на Ваше благоусмотрение.

Мы живем в особое время, исторически небывалое, когда дьявол выступил в виде одержимого им человеческого коллектива, а этот коллектив отточил свой сатанинский способ организации. И вот, к этому способу принадлежит такой, всегда применяемый прием: того, кто раз поддался, подчинился и прислужился, более не выпускают из когтей. Его *ущемляют пожизненно* угрозой разгласить его услуги или же его тайные дела и позорные поступки. Хочет он или не хочет, он *вынужден* служить им дальше: *для него нет ни отступления, ни исправления*... Единственный исход для него — наложить на себя руки, что недавно и сделал в Мюнхене один русский врач из «дипи», захлебнувшийся в собственном позоре. Если же такой ущемленный начинает изменять сатане, выдавать его секреты или прямо агентурить в пользу другой стороны, — тогда его или по-разбойничьи убивают, или же «отзывают» (завлекают, похищают) и по доставлении в гнездо подвергают долгим пыткам и казням.

Итак, ущемленный бывает вынужден к дальнейшей службе. Одним из видов ее является *возврат в покинутый стан* с при-

нятием любых унижений, с принесением всевозможных мнимых покаяний и фальшивых клятв. В преждепокинутом же стане мнимопокаявшийся остается их агентом для осведомления и провокаций.

К сожалению, все это не «роман», не выдумка, не гипотеза, а многожды (с ужасом!) наблюденный факт...

Сколько раз благосердечные люди говорили мне: «Надо по-христиански прощать врагам!». Я отвечал тогда: простить *личному врагу* — есть дело христианское; но простить коварному губителю — Св. Евангелие никогда и нигде не советовало. Овое дело прощение искренно и глубоко покаявшегося на исповеди; свое же дело — реабилитирующее злодея или злотворного человека, включение в организм государственной или церковной жизни. Пастырски усостыжить вора или убийцу, внести деньги за растратчика — есть дело христианское; но посадить вора у кассы, соблазнителя устроить воспитателем, обеспечить шпиону сатаны возможность творить свое окаянное дело, — есть дело гибельное и Св. Евангелием не завещанное...

О пределах христианского *права на прощение* и *евангельской обязанности* прощать — я мыслил и исследовал долго и в 1925 г. написал целую книгу, за которую «левые» травили меня несколько лет, донимая всяческой инсинуацией и клеветой, но которая получила высокое одобрение от владыки Антония (Храповицкого), от владыки Анастасия и от архиепископа Тихона.

Все сие излагаю Вам, высокочтимый Владыко, на Ваше благоусмотрение и прошу Вас милостиво принять это мое исповедание в предотвращение близящейся беды. О таковой же надвигавшейся беде я предупреждал некогда другое высокое духовное лицо. К моему горю, мое сообщение было оставлено без последствий, беда совершилась и длилась вплоть до самой смерти (м<ожет> б<ыть>, естественной, а м<ожет> б<ыть>, и тайно причиненной...) одного бедоносного старика, в злокачественности которого убедились слишком поздно...

Прошу Вас простить мне мое дерзновение. Но когда мой большой жизненный опыт заставляет меня предвидеть неминуемое зло, то я чувствую, что молчать было бы равносильно тихому предательству...

С теплым и радостным чувством вспоминаю я Ваше последнее посещение, и в особенности Ваши глубоко прочувствованные и канонически неоспоримые слова о том, что за недостойного, развратного или кощунствующего иерея, как совершителя неплэротических¹⁵⁷ и даже в своем совершении сомнительных та-

инств — ответ несет его Епископ. Эти Ваши слова да пребудут повсюду и всегда правилом церковной жизни!

Испрашивая Ваших святых молитв и паки прощения, пребываю Вашим, Владыко, о духе сыном.

И. А. Ильин.

27 октября 1950 г.

<Приписка:> Это о Владимире, в Цюрихе, по сану священнику, по морали развратнику, политически — агенте коммунистов>.

Вел. кн. Владимиру Кирилловичу
<6.XI.1950>

Ваше Императорское Высочество!

Ваше письмо от 10 августа сего года заставило меня сильно и долго призадуматься. Я все искал способа подойти к разрешению вопроса о создании «в зарубежье Свободной Российской Академии наук и искусств» и пришел к нижеизлагаемым выводам. Моя длительная и мучительная болезнь, и ныне с трудом преодолеваемая, помешала мне доложить Вам эти выводы раньше.

Идея эта сама по себе превосходная: органически верная и импонирующая. Осуществление же ее представляет такие затруднения.

Всякая Академия есть совокупность людей, живущих в одном городе или, по крайней мере, в одной стране и регулярно общающихся друг с другом. Именно в этом общении (заседания, доклады, обсуждения, полемика, взаимная квалификация...), а также в совместном делании (издание трудов и журнала, премирование достойнейших, самопополнение выборами...) вырабатывается тот единый общий уровень, та «атмосфера» умственного и художественного порядка, которая «излучает» в народ чувство умственной и художественной ответственности и «держит» творческий уровень в стране. В эмиграции это невозможно вследствие рассеяния людей по непреодолимым пространствам: даже съезды русских ученых, происходившие два раза за эти долгие годы, были возможны только потому, что расходы брало на себя одно из славянских государств и что большинство ценных ученых проживало в Европе...

Ныне, увы, все это обстоит иначе. Люди рассеяны на гораздо большем удалении (Северная и Южная Америка, Австралия, Африка), и устраиваться на местах жительства им стало гораз-

до труднее. Эту трудность устройства надо принять во внимание как величайшую помеху нашему делу. Люди находятся *в зависимости* от той страны, которая дает им работу и которая их *политически контролирует*. И в прежние годы бывали уже случаи, что профессора воздерживались от приезда на съезд ввиду того, что страна, дающая им жизнь и работу, «посмотрела бы косо» или уже смотрит неодобрительно на их поездку; иногда прямо не давали визу, как было с генералом Н. Н. Головиным¹⁵⁸, работавшим во Франции. Ныне же все это чрезвычайно обострилось. Ученый, въехавший, напр<имер>, в Соединенные Штаты, как бы «отдался в плен» и рад, если он может там хоть как-нибудь прокормиться, преподавая где-нибудь русский язык или, как профессор Е. В. Спекторский¹⁵⁹ (прекрасный ученый и отнюдь не «левый»), — читая лекции трем студентам украинцам на курсах епископа Иоанна Бруклинского, нисколько не соответствующего по своему образу мыслей воззрениям Спекторского.

В общем, надо признать, что ученые естествоведы и техники (как Тимошенко¹⁶⁰) устроены хорошо: они осели прочно, отошли от политики и обыкновенно связаны контролем антимонархической «Закулисы». Ученые же гуманитарной специальности (историки, юристы, филологи, философы, экономисты) или совсем не устроены, или кормятся кое-каким трудом (уроками русского языка, переводами, поддержкой собственных детей или меценатов), — *опасаясь всего*.

Должен высказать Вашему Императорскому Высочеству некую грустную истину: в политических делах ученые и художники суть люди вообще *не волевые*... И не потому, чтобы их Бог обидел волею, а потому, что они затрачивают и растрачивают *всю* свою волю на внутреннюю работу (организацию своей души и своего опыта и оформления своего материала)... Рассеянность ученого или художника происходит от его внутренней сосредоточенности. Внешнее «безволие» его — от постоянного внутреннего напряжения. Жизненная беспомощность, которую у них нередко замечают, — от пребывания вниманием в самом себе... Есть немало честолюбивых ученых, но способных к *власти* — очень мало. Салазар¹⁶¹ — великое и драгоценное исключение.

Вот откуда у этих людей некоторая жизненная робость. Вот почему за последние годы русские ученые стремились в Америку (где им казалось «не так опасно»); вот почему Бунин и Ремизов качнулись в 1945 г. к «советам»; вот почему музыканты без всякого основания возвеличивали Кусевицкого¹⁶², ища у него «заручки»...

Поэтому я предвижу, что как только кому-нибудь из них будет предложено открыто признать себя монархистом и принять «монархически-академическое звание», так почти все испугаются и начнут сначала искать предлога для отказа, а потом оглашать свой отказ в виде «страхования» перед «всемогущей Закулисой»... Им от этого будет унижение, а монархическому делу — вред. Отзовутся люди без авторитета и имени; а их участие в Академии — не украсит ее.

Обеспечить приглашаемых твердым содержанием — облегчило бы дело; но мне кажется это пока неосуществимым: средства понадобятся на гораздо важнейшее. Пригласить их съехаться в одну страну — тоже неосуществимо: съезд был бы безлюдным и по качественному уровню не импонирующим, что дало бы только повод к новым раздорам и нареканиям; а враги стали бы говорить о «провале монархического начинания».

Ввиду всего этого я бы высказался, Ваше Императорское Высочество, за то, чтобы, не отвергая эту идею, намечать и «накапливать» соответственных ученых и художников *исподволь*, всегда возвращаясь к вопросу о том, кто может иметься в виду (проблема кадра), и не форсируя этого дела в качестве «несрочного». Ибо, с одной стороны, импонирует *качество* людей; и всякая академия сильна именно своим качеством. С другой стороны, очень важно, чтобы начинаемое монархическое центрирование эмиграции началось с удач, а не с неудачных попыток.

Но об этом я писал Вашему Императорскому Высочеству в другой связи.

Свидетельствуя Вашему Императорскому Высочеству и Великой Княгине мои верноподанные династич<еские> чувства, остаюсь Ваш покорный слуга

И. А. Ильин.

6 ноября 1950

Архимандриту Константину
<28.VI.1951>

Дорогой Отец Игумен!

Получил Ваш авион. Благодарю за письмо и за журнал. Разрешите *in medias res* ¹⁶³.

Бердяева я знал еще в Москве, с 1908 г. Всегда тяготился его безответственными выдумками и его аутистической ¹⁶⁴ «религиозностью»; всегда *ужасался* от его публично производимых бесстыдных телодвижений — языком, ртом и руками. Мой друг, человек глубокой церковности, Валентин Александрович Тер-

навцев, говаривал: «В Бердяеве сидит бес, это однажды обнаружится...» Прозвище Бердяева в Москве было — «белибердяев»; но к белиберде дело не сводится.

Заграничный Бердяев есть *создание масонских лож*. Он вступил в ложу, покидая Берлин и договариваясь с ИМКою. Менеджером его был Г. Г. Кульман¹⁶⁵ (ныне один из возглавителей ИРО). Все остальное *дело ложи*. Последние годы я не следил за его книгами — и с чрезв^ычайным интересом читал выдержки в Вашей статье. До 1938 г. я жил в Берлине и знаю, *кто* его выдвигал среди *протестантских пасторов*. Это были те круги, которые в доверительных беседах высказывались всегда *в защиту сатаны*. Это говорилось мне на мое замечание о дьявольстве большевизма: «Aber der Satan ist eine sehr nützliche Kraft...»¹⁶⁶ Meister vom Stuhe¹⁶⁷ русской масонской ложи в Берлине, Алексей Августович Давидов¹⁶⁸, три года уговаривавший меня вступить в ложу, дал мне однажды мас^{онский} журнал «Le Symbolisme»¹⁶⁹, в коем я нашел статью редактора «Parlons du Diable»¹⁷⁰; постараюсь прислать Вам ее в фотоконпии. В другом мас^{онском} журнале «L'Acacia»¹⁷¹ я нашел статью «Plaidoyer pour le Satan»¹⁷². В здешней прессе профессор Köhler, цюрихский теолог, при каждом случае пишет за сатану; напр^{имер}, Мефистофель — имя «искаженное» — на самом деле надо Мегисто-фелес, т. е. *наиполезнейший* и т. д. — Со всем этим связаны Экумена¹⁷³ и ИМКа. В Экумене Бердяев в последние годы своей жизни выступал как тайный советник, эксперт по России, Православию и большевизму.

Отсюда вся история Бердяевщины; но и *Булгаковщины*. Ибо книга Булгакова в защиту Иуды Предателя¹⁷⁴, с попыткой провозгласить Иуду национальным покровителем русского народа (ибо «*мы тоже* предали Христа»), — принадлежит сюда же.

В Германии профессора теологи-экуменисты то и дело дают студентам Бердяева как тему для диссертаций.

Что же делать нам, зажатым между католиками, масонами и большевиками?

Отвечаю: *стоять*, держась *левой* рукой (от сердца идущей) за Господа Христа, за Его неделимый хитон, а правой рукой бороться до конца за Православие и Россию православную. И прежде всего *зорко* видеть те круги, которые «варят антихриста». Все сие — хотя бы грозило полное с виду бессилие и полное одиночество. Этому я и посвящаю остатки моей жизни.

При таком воззрении Вы поймете, *какой внутренней борьбы* мне стоило — отправить рукопись моей только что законченной книги «Аксиомы религиозного опыта» (33 года вынашивал,

4 года вырабатывал окончательный текст) — на имя Дональда Лаури¹⁷⁵ в Париж. Этот путь мне рекомендовал 2 года тому назад, после личной беседы с Лаури, *Владыка Митрополит Анастасий*. Отдельные главы этой книги я читал Анастасию в присутствии еп. Леонтия Женевского¹⁷⁶; Леонтию самому; и всю книгу мне переписывал отец Давид Чубов (цюрихский). Книга посвящена исследованию строения подлинного религиозного акта (от Конфуция¹⁷⁷ до Киркегарда и Ясперса¹⁷⁸) и доказательству того, что настоящий религиозный акт имеется именно в Православии (от Кирилла Иерусалимского до Феофана Затворника¹⁷⁹). Никаких ересей, новоучений, «конструкций» в ней нет. И, в частности, с Чубовым мы имели множество бесед о самых глубоких темах и проблемах. Имена Бердяева, Булгакова, Франка, Лосского я совсем даже и не упоминаю в обширных Литературных Добавлениях. Ибо странно цитировать этих соблазнительей наряду с Василием Великим и Григорием Богословом...¹⁸⁰ Разве только в 13<-й> главе — «Религиозный смысл пошлости», — где подобран целый букет религиозной *патологии и тератологии*¹⁸¹.

Если ИМКа возьмет книгу, то я буду скорбно подавлен этим обстоятельством. Если она потребует изменений в тексте, то я порву с нею переговоры. Если она откажет, то я положу ее наряду с целым рядом моих книг, готовых к печати, в архив — для грядущей России. Сколько раз я говорил из сердечной плеромы: «Если Господу угодны мои писания, то Он соблюдет их; а если они Ему не угодны и им суждено погибнуть, то да будет Его воля».

Возвращаясь к Бердяеву — в ожидании того, что встанет православный богослов, который напишет о нем *исчерпывающе*, а это потребует *большого* труда, ибо творчество его — это целая авгиева конюшня, — думается мне, надо было сделать именно то, что Вы сделали в Вашей статье. Я только «барина» никогда не воспринимал в нем. *Сноб* — да, *аутист* — да, *нестыдящийся* — да. Но наряду, напр<имер>, с Е. Н. Трубецким, С. А. Аскольдовым¹⁸², Л. М. Лопатиным — Бердяев *удручал* своим *самолубующимся* *моветоном*. В гримасах — это был дьяволоодержимый; в возражениях и полемике — часто *хам*. Но не барин.

Кончаю на этом.

Испрашивая Ваших святых молитв, остаюсь о духе

Ваш И. А. Ильин.

<На первой странице вдоль письма приписка:> NV. Иоанна Шаховского¹⁸³ знаю лично. И в Берлине, и в USA за ним всегда стояли *мас<онские>* круги.

Архимандриту Константину
<1951>

Дорогой Отец Игумен!

Только что получил Ваше авионное письмо от 5 июля и сердечно благодарю Вас за него. Вам надо знать предшествующую историю сего дела.

Годы идут, а я заканчиваю книгу за книгой и складываю их у ног Господа моего: угодны они Ему, то Он сохранит их, как милостиво хранил доселе... Неудобны — то и я в них не заинтересован... Все они об одном: как восстановить нам, русским, а за нами и другим, *верный духовный акт*. Акт веры, акт правосознания, акт художества, акт совести, акт очевидности, акт характера. Давно уговаривал меня И. С. Шмелев дать хоть что-нибудь «имкиным детям», а за ним уговаривали и другие. Я отказывал, ибо чуял запах одного места. — Приблизительно в декабре 1949 г. я писал Владыке Анастасию в Мюнхен о том, что заканчиваю мою новую книгу по философии религии и, вопреки уговорам друзей, продолжаю питать глубокое отвращение к масонам и янкменам. В своем письме от 19 января 1950 г. Владыка писал мне между прочим:

«Я не знаю, о каких янкменах говорите Вы? Когда здесь был Лаури (заведующий издательством в ИМКА), я заговорил с ним о Ваших трудах, ожидающих издания на русском языке. Он выразил удивление, почему Вы не хотите обратиться к ним, давая мне понять, что они с полной готовностью пошли бы Вам навстречу. Приемлемо ли это для Вас?»

Вслед за тем в марте Владыка Митрополит лично писал Лаури о сем деле и, получив от ИМКИ ответ, переслал его мне. Там стояло:

«Ваше Высокопреосвященство, Ваше письмо от 20 марта относительно издания трудов профессора И. А. Ильина получено в отсутствие Д. И. Лаури, находящегося в настоящее время в Америке. Спешу сообщить Вам, что издательство ИМКА-Пресс будет очень радо принять на рассмотрение рукописи профессора Ильина, поэтому если профессор Ильин пришлет их в ИМКА-Пресс, они будут представлены на просмотр редакционной комиссии, заключение которой будет затем сообщено авто-

ру. Не имея рукописей здесь, ИМКА-Пресс никакого решения принять не может. По возвращении д<окто>ра Лаури в Париж (в конце апреля) Ваше письмо будет немедленно ему передано. Испрашивая Ваших архипастырских молитв, остаюсь с глубоким уважением

К. Перешнева, секр<етарь> Д. И. Лаури».

Таким образом, это дело *переросло мой личный масштаб*: вопрос встал об отношении Имкиных детей к Соборной Церкви... И тем не менее мне стоило больших усилий воли послать им мою рукопись... Две трети ее переписывал мне Отец Давид Чубов, настоятель здешнего Цюрихского соборного прихода. Мы долго с ним советовались, и я, как на духу, излагал ему всю силу моего *внутреннего противления*. Наконец я решил: испытать этот путь, сохраняя полную и ежеминутную готовность погасить все это дело, как только их условия мне не подойдут, иными словами — никаких сокращений, никаких текстуальных и идейных уступок, старая орфография и т. д.

Испытание ныне давно уже закончилось. Я отослал рукопись 29 мая; почта долго требовала с них какую-то пошлину; 16 июня рукопись наконец была выдана им. А 29 июня их делопроизводитель Крутиков уже писал мне отказ. Вот его текст.

«Многоуважаемый Иван Александрович. Мы получили вашу рукопись “Аксиомы религиозного опыта”. К сожалению мы не видим возможности издать ее, ввиду того что программа изданий уже установлена нами на год вперед. Не откажите в любезности сообщить нам, по какому адресу нам вернуть Вам эту рукопись. С совершенным уважением Б. Крутиков».

А. В. Карташев был поражен моим извещением. Он пишет: «Крутиков, конечно, тут ни при чем. Это только писарь...» Это приказ ихнего «Олимпа». Лаури — «хранитель заветов Бердяева...» «Очевидно, Вы гонимы там за номен ипсум¹⁸⁴. Илииниана сунт, нон легунтур...»¹⁸⁵ и т. д.

Мое первое внутреннее движение — была скорбь о том, что эмигрантская пресса *монополизирована врагами России*. И тотчас же я почувствовал величайшее облегчение от этой «имкиной выставки» и возблагодарил Ангела Хранителя за то, что отвел от меня эту кампанию и атмосферу. Рукописи они, конечно, и не читали: в ней одного веса — пять с половиною кило. Я дал полномочие Крутикову выслать рукопись заказным В. П. Рябушинскому¹⁸⁶ (председателю общества Икона), адрес под Парижем. И несколько не ропщу, а жду дальнейших указаний Свыше.

Иметь их отказ — это *определенно и показательно*. Это межевание. Это вроде аттестата за хорошее поведение. Приемлю и ничто же вопреки глаголю. А в беседе с Владыкою Анастасием Лаури сразу — каптировал его беневоленцию¹⁸⁷ и провоцировал меня. Имкины дети обнаружались; это вовсе не плохо. Из этого надлежит делать выводы...

Еще раз благодарю Вас за прямое и совестное письмо. Если бы я Вас совсем не знал, то я полюбил бы Вас за одно это письмо.

Я в жизни видел столько незаслуженной милости Божией; столько раз рука Хранителя отводила занесенную надо мною злую руку, что и в этом происшествии вижу ту же самую милость. И уповаю.

В главе 10 моей книги «О чудесном и таинственном» я высказываюсь за то, чтобы люди не искали в жизни нарочитых чудес и не искушали Господа такими «вызовами». Но всякая исполненная молитва есть уже живое и религиозное событие. Тут скажу больше: *неисполненная молитва столь же чудесна и благостна*. А в моей жизни есть молитвы, исполненные потрясающе и «указующе».

Что я буду делать? Как только позволят болезнь и суровое переутомление, буду завершать следующие книги, имеющие столь же мало шансов быть напечатанными.

Благодарю Вас за указания, дававшиеся Вам Игумну Иову. С ним нелегко: в нем самовластие фельдмаршала и советов он не любит...

Испрашивая Ваших святых молитв, остаюсь Ваш о духе

И. А. И<льин>.

Архимандриту Константину <10.X.1951>

10.X.1951.

Доверительно

Высокочтимый и дорогой Отец Игумен.

Пишу лежа, в клинике, где нахожусь с 3<-го> августа. Если не хватит сил дописать самому, то додиктую до конца Наталии Николаевне. Вы познакомились с нею у нас в Берлине (Sodener Str., 36), когда навестили нас в Ваш последний приезд; она Вас и чаем угощала. На днях, уже в клинике, мы справляли с нею 45-летний свадебный юбилей.

Ваше последнее письмо я получил уже здесь, в клинике, и ответил на него многое множество раз, но не по земной почте, а по *иной*. Земною я долго не владел, а Ваше письмо было братски теплое и пастырски верное. Я (без преувеличения) готовился к смерти *всю* жизнь, но не готов к ней и сейчас. Так иногда и уповаю: выздоровлю, потому что не готов, — надо довершить начатое, нельзя уйти без того, Господь знает и смиляется...

Ваше тогдашнее письмо, полное созерцания и заботы, меня глубоко тронуло. А я отвечал на него *бессильным, полусонным шепотом*. Доктора нашли у меня *инфаркт сердца*, т. е. пролом одной его части и только теперь рентг<еновским> снимком как будто выяснили, что это все локализуется. Поэтому они 1 ¹/₂ месяца старались усыпить во мне сомнаниями и транквилинтами *всякую* умственную, волевою и эмоциональную жизнь, чтобы сердце не обременялось творческою (духовною) работою, а сосредоточилось на своем *телесном* восстановлении (застройка пролома). Я переносил это очень тяжело, хотя *никаких «видений» и никакого бесовства не видел*. Но эта пустота полуспящего весь день полусознания, эта проносящаяся в нем весь день сущая *грунда бессвязная*, эта невозможность сосредоточиться *вообще*, а тем более на Главном, изводили меня непрерывно. Я им говорил: «Вы погасили меня, Вы развязали во мне ребяческую фантазию и усыпили мой дух», а они отвечали: «Мы этого-то и хотели, но это *временно* необходимо, чтобы сердце не обременялось перенапряженным горением духа и занялось бы своим “телесным самостроением”; мы надели на Вас временную “Zwangsjacke”¹⁸⁸ — потом все вернется, мы из Вас уберем все эти излишние медикаменты и все восстановится». Я мог только молиться; это, конечно, главное, — но молитва не была плэротична, ибо душа или спала, или полуспала. Поэтому я издали утешался молитвами друзей.

Кажется теперь, на третий месяц, когда урезали все атропины и убрали все лишнее, я начинаю оживать. Но инфаркт еще *не зарос и не открыт*. Дух ожил; но душа еще полуспит, а тело слабо еще *до уныния*.

А Ваше первое письмо остается для меня незабвенным.

Теперь разрешено от этого больничного «бессилия» — к делу.

12.XI. Мне было бы радостно выпустить мою книгу в слагающемся у Вас издательстве. Вы знаете, как тягостно мне было обращаться к Имкиным детям. Но я считал бы правильным договориться с Вами с самого начала о некоторых опасениях и пожеланиях.

1) *Опыт* этой книги я носил в себе всю жизнь, от первой детской исповеди.

Замысел книги был концепирован в 1920 г., когда я впервые по поручению Историко-философского факультета Моск<овского> унив<ерситета> читал курс «Введение в историю религий». Затем из этого курса было прочтено несколько докладов в публ<ичных> Заседаниях Моск<овского> псих<ологического> общества. С тех пор я не расставался лабораторно с этой книгой. Одну главу Вы слышали в Праге. В Риге их удостаивал своим ободрением Владыка Иоанн Поммер (священномученик). Текст, постановка вопросов, разрешение их все уточнялись и углублялись из десятилетия в десятилетие. В 1946 г. я сел за окончательный текст и завершил его в два неотрывных года. Еще два года ушло на мобилизацию накопленного богатства литературы (Св. Отцы! Оригиналы азиатских религий. Средние века. Новейшее). Я закончил все в апреле 1951 <г.>, причем все было *два и три раза отредактировано*. Я писал книгу с какою-то глухо-слепой мыслью, что она меня «надорвет» и *уведет*.

Все это пишу не для хвастовства, а для того, чтобы сказать, что книги, *так* вынашиваемые и вырабатываемые, *следует печатать в том виде, как они закреплены автором*, не меняя и не «исправляя», а *если необходимо, то полемизируя с ними впоследствии*. Так я немедленно отозвал бы книгу из Имки, если бы они потребовали изменений. Менять мне нечего: ó үѣүрафа — үѣүрафа¹⁸⁹.

2) Я и не предвижу de facto серьезных разногласий с Вами, несмотря на мою для большинства *непривычную* постановку задачи.

Я не пишу о *Догматах*, ибо они приняты мною в Никео-Царегр<адском> составе¹⁹⁰; а «неодогматику» г.г. Б<улгакова>, Б<ердяева> и других я искони относил к их сомнению и глупости.

Я пишу об *Акте*: как *должен* сложиться акт веры в душе соврем<енного> человека, все растратившего и оскудевшего. Ибо если он *так* сложится в любой душе, уже конфессиональной или неверующей, то акт этот *приведет его к священному естеству Православия*.

Единственно, что я не приемлю, это что земной человек может *сам стать «богом»* (категория языческая) или тем более «Богом» (в смысле православном). Этому посвящены 23 и 24 главы. Я отнюдь не отрицаю «обожения», но разумею его как проникновение Благодатию, а *отнюдь не как богостанов-*

ление (ипостась в ипостась, как выражается Макарий Египетский¹⁹¹).

13.Х. Но я опасаясь, что при многоголосном составе редакц<ионного> комитета и некоторой для православного богословия непривычной постановке вопроса мною, — одному «не понравится» одно, другому — другое, третьему — третье. Возникнет несогласие между редакторами и между ними и автором, и дело на этом провалится. *Ересей* нет, можете быть уверены; и даже покушений на них нет, ибо я не выдумывал, а исследовал; я искал приближения к древне-исконному, а не новых выдумок. И тем не менее на предварит<ельном> чтении текста *многими* все может развалиться.

Я думаю, что о книге надо судить так: надо, чтобы один уполномоченный и не узкомыслящий человек получил поручение — решить: *c'est a prendre ou a laisser*¹⁹².

3) Объем. В книге 27 глав, каждая в среднем по 1 печ<атно>му> листу ($27 \times 16 = 432$); сюда надо добавить Литературные Добавления, к каждой главе «подглавка» (*зато в тексте примечаний почти нет*). Думаю, что при наборе *петитом* это составит еще страниц 200. Здесь собрано целое множество — и благоуханных цитат из Св. Отцов, и анализ данных исторических фактов, показывающих пути и соблазны иноведомых ересей и т. д. Это — арсенал для православного проповедника; это подтверждение того, что иные народы имели свое предварительное — частичное «откровение»; это обнаружение того, что Христос таинственно «пас» и нехристиан. Защита Иконы. Вскрытие проблем имяславия, реформатства, инквизиции...

14.Х. Больше половины книги переписывал мне отец Давид Чубов (Цюрихский), и я его с пристрастием допрашивал об уклонениях от церковности. Он отрицал таковые. Главу о Чуде владыка Леонтий признал настояще-православною. Словом, я *не* предвижу расхождений по существу. Постановка же вопроса напоминает Феофана Затворника, но он — православный учитель, а я — исследователь истории религий с прикровенным или явным ведением к православию. Особенно в главе «Дары Церкви» (17).

Теперь прошу Вас, дорогой Отец Игумен, поступать в дальнейшем, как Вам подскажет Ваша православная совесть. М<о>жет> б<ыть>, следовало бы показать это письмо (доверительно) Владыке Анастасию? Но как только Вы, взвесив все, напишете мне «высылайте текст», так я его и выпшлю.

Помолитесь за меня. Обнимаю Вас. Ваш И. А. И<льин>.

Архимандриту Константину <без даты>¹⁹³

Высокочтимый и дорогой Отец Игумен!

Благодарю Вас за Ваше ласковое письмо о «несообщении» про выход моей книги. Какая там «вина»... Христос среди нас, и есть, и будет! Но вот — *деловая* сторона.

Мои сведения о цензуре в USA гораздо серьезнее, чем это могло казаться. Мой старый друг по Моск<овскому> унив<ерситету>, Григорий Александрович Алексеев, «книжник» (но нисколько не «фарисей»), соборянин и благороднейший человек, сообщал мне, что книги на имя его склада в Нью-Йорке задерживались этой цензурой на срок до *полугода*. Запросить мне всех подписчиков в USA о получении книг — невозможно; а отсутствие оных могло толковаться так, что они «еще не вышли». Вот пришел первый запрос из Midland — от Вали Толкмит (старшая дочь Сергея Горного¹⁹⁴) — *не получила*. А мы посылали *все* заокеанские книги заказными пакетами, и рассылка была закончена к 18 июня. А большинство подписчиков *не* подтверждает получения.

Теперь о другом. Я только что впервые прочел В. В. Розанова, «Апокалипсис нашего времени», с *отречением* от Христа и христианства, с *издевательством* над Евангелием. Всего 150 страничек, но мерзостей он наворотил за всю жизнь. Вот «мистагог»¹⁹⁵ всех Бердяевых, Мережковских, Булгаковых, Вяч. Ивановых с *tutti quanti*¹⁹⁶. Два дня я бурлил, как «ушедший» самовар; ночью имел прямые припадки дурноты и тошноты. Вот «жидовствующий» наподобие или в прообразе Ваших USA апокалиптиков¹⁹⁷. А о *России* там наговорено!!... Питаю отвращение к чистке авгиевых конюшен; да и не по состоянию моего сердца сейчас это дело. Но кажется — не умолчу.

Теперь два слова о моих «Аксиомах». Одна из главных забот моих была — не родить «ересь». Думаю, что их у меня и нет. Надо знать мое долголетнее отвращение к мережковщине-бердяевщине-розановщине, аскез моей силы суждения и острое чувство ответственности, ведущее меня через жизнь. Доходя до «своего осомнения», проверял его десятилетиями и спокойно произносил его только тогда, когда находил таковое у кого-либо из моих любимых Отцов Церкви: Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Палама, Дамаскин¹⁹⁸.

Верьте, что *смуты* нет у меня. Но это не *богословие*, а исследование по истории религий.

Испрашивая Ваших святых молитв, пребываю Ваш о духе.

И. А. И<льин>.

*Verte!*¹⁹⁹

Доктора мною очень довольны; а я постоянно мучаюсь и за муку славлю Господа.

*Вел. кн. Владимиру Кирилловичу
<2.I.1953>*

Ваше Императорское Высочество!

Разрешите мне принести Великой Княгине и Вам мои поздравления к празднику Рождества Христова и пожелать Вам в новом году здоровья и всяческого преуспевания...

Пишу книгу о Монархии и часто содрогаюсь от ужаса, горя и стыда... Как люди умели из тысячелетия в тысячелетие отравлять жизнь своему Государю, — лестью, интригой, клеветой, угрозой, покушениями и убиением!.. И из-за чего?! Из зависти, честолюбия и властолюбия. И не понимали, что монарх есть *мученик своего служения*, которое король Альфонс XIII²⁰⁰ однажды после неудавшегося покушения назвал «*notre métier*»²⁰¹. Если только вспомнить, что из 59 римских императоров 41 погибли насильственной смертью... Если вспомнить Византию с ее чернью, умевшую ненавидеть лучшего из неугодных ей монархов и надругиваться над свергнутым царем... Если вспомнить восклицание благосерднейшего Государя Императора Александра II²⁰² после неудавшегося покушения на него на Николаевском вокзале, восклицание, произнесенное со слезами на глазах: «За что они меня так ненавидят?!»... — Ах, иногда лучше не вспоминать и не быть историком!.. — Видят пошлые люди от всего монарха одну внешнюю помпу и не видят пленника и жертву трона...

Но простите! Это не праздничные мысли и несвоевременные размышления...

Я все еще борюсь с моей астмой, упорно и терпеливо, и не выхожу из дома: вниз с третьего этажа я могу сойти, а вверх без лифта — трудно. Зато много работаю.

Вашего Императорского Высочества покорный слуга.

2.I.1953.

Р. ГУЛЬ

Письмо к И. А. Ильину

**НАРОДНАЯ ПРАВДА
LA VERITÉ DU PEUPLE**

253, me Lecourbe, Paris-XV-e

Проф. И. А. Ильину.

Цюрих-Цолликон. Целикерштрассе, 33

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Когда перед моим отъездом из Швейцарии Вы звонили по телефону и просили меня Вам «обязательно позвонить», я этого не сделал не по недостатку времени. Я НЕ ХОТЕЛ Вам звонить, ибо мое посещение Вас оставило у меня крайне неприятный душевный осадок. И вот почему. Вы, напр<имер>, сочли уместным говорить о моем сменовеховстве в тоне не особенно тактичном. Я вам ответил, что своего сменовеховства я из своей жизни не вычеркиваю, его не стесняюсь и уж, конечно, ни перед кем не извиняюсь. Мое сменовеховство было для меня большим внутренним переходом от одной общественной группы (если угодно, «класса») к другой. От Белой армии и всего с ней связанного — к массам трудящихся, к народу, к тем, что зовутся униженными и оскорбленными. В своей антибольшевистской борьбе я остаюсь на этих же позициях. Поэтому мне близки как раз те общественно-политические группы (социалистические и радикальные), кот<орые> у Вас как у идеолога РОВСа и автора «Наших задач» вызывают только раздражение и доктринерскую нетерпимость. Но я считал и считаю духовной ограниченностью невозможность для человека общаться с людьми иных антибольшевистских общественно-политических взглядов. Поэтому я и общался охотно с Вами, приезжая в Швейцарию в 1947—<19>48 гг. Вы меня приглашали, я приезжал. Я Вас це-

нил и любил как ученого, учась у Вас в Моск<овском> унив<ерс-
сите>те. Я полагал, что при политических расхождениих у нас
есть и всегда будет общая тема и общий язык — тема России,
судьбы нашего народа. И наконец — просто обычные человече-
ские отношения. Так все это и было в 1947—<19>48 гг. Но вот
я стал выпускать «Нар<одную> прав<ду>» и стал членом нена-
вистной Вам Лиги, и Вы, пригласив меня, заговорили иначе.
Не мне Вас учить. Но зачем же Вы меня тогда приглашали?
Для того, чтоб говорить мне, что Вы получили из Аргентины (от
Солоневича? ¹⁾) предупреждение против редактора «Нар<од-
ной> прав<ды>». Для того, чтоб Ваша супруга меня за чайным
столом спрашивала: «А кто у вас в группе советский агент?» Je
ne discute pas avec les femmes ². Но все же, согласитесь, что это
не столь уж замечательный вопрос. Но вернемся к вопросу о
«смене вех». Только теперь уж не к моей, а к Вашей. В 1914—
<19>16 гг. я Вас знал (как тогда выражались) «передовым»,
будуирующим против существующего строя, радикальным при-
ват-доцентом, другом (политическим) Е. Д. Кусковой ³. В эмиг-
рацию Вы приехали уже совсем иным, «сменившим вехи» (и
весьма глубоко!), — «православным националистом». Когда-то
в Палате Общин на нападки оппозиции что «он часто меняет
политические убеждения», Черчилль ⁴ отвечал: «Я не так глуп,
чтобы прожить всю жизнь с одними убеждениями». Думаю, что
Черчилль прав, хотя Мельгунов этого никогда не поймет. Пере-
мены Вашего духовного лица я старался понять. Но вот к вла-
сти пришел Гитлер, и Вы стали прогитлеровцем. У меня до сих
пор среди вырезок статей имеются Ваши прогитлеровские (из
«Возрождения» и др.) статьи, где Вы рекомендуете русским не
смотреть на гитлеризм «глазами евреев» ⁵ и поете сему движе-
нию хвалу! признаюсь, ЭТОГО изменения Вашего духовного
лица я НИКАК НЕ ПОНИМАЛ И НЕ ПОНИМАЮ. Как Вы мог-
ли, русский человек, пойти к Гитлеру? Заметим в скобках, что
категорически оказались правы те русские, кот<орые> смотре-
ли на Гитлера «глазами евреев». Но, не понимая В<ашей> бы-
лой прогитлеровской позиции, я все же не пытался и не пыта-
юсь бросать в Вас какими-то подозрениями, а я ведь тоже со
стороны многих моих друзей получал предупреждения против
редактора «Наших задач». Я приходил к Вам не как к бывшему
русскому прогитлеровцу, а как к Ильину. К к<акому>-н<и-
будь> иному русскому прогитлеровцу я просто бы никогда не
вошел в дом. Кстати, когда Вы, говоря о сменовеховцах, упомя-
нули имя ген<ерала> Скоблина, то Вы были не правы. Ген<е-
рал> Скоблин никогда не был сменовеховцем.

Он был ЦЕЛИКОМ ВАШ, рыцарь белой идеи. И не он один — Слащев, Монкевиц, Махров, Говоров, имена их ты, Господи, веши! Вы идеолог РОВСа, а Скоблин был без пяти минут председатель РОВСа и был главным его воротилой. Конечно, среди сменовеховцев, кот<орых> я уважал и уважаю и которые заплатили за свое сменовеховство жизнью, были, вероятно, тоже проходимцы, предатели и подлецы. Но кто и где от этого застрахован? Вот Вы, напр<имер>, сотрудничали в «Возрождении» среди невероятных мерзавцев и агентов большевиков. Вы сотрудничали одновременно с Ник. Рощиным, Львом Любимовым, М. Артемьевым (Броншtedтом), ген. Скоблиным и его другом «Али-Баба». И наконец, в Вашем собственном журнале «Русский колокол» Вы сотрудничали с ген. П. Красновым⁶, кот<орый> был просто-напросто изменником своему народу. Я знаю, что с этой оценкой Краснова Вы теперь согласны. Я, конечно, далек от мысли упрекать Вас в том, что Вы пачкались, сотрудничая со всеми этими господами. Но почему же Вы хотите, чтоб я был ответственен за каких-то господ из «Накануне».

Но в конце концов вопрос о Вашей и моей смене вех не так уж важен. Гораздо хуже иное. Во время нашего разговора Вы говорили вещи, кот<орые> вызывают во мне непреодолимое духовное отвращение. Так, напр<имер>, Кравченко⁷ для Вас оказался «чекист и жид». А когда я Вам сказал, что Кравченко и не чекист, и не еврей, то Вы категорически это «опровергли» тем, что Вы видели его фотографию и для Вас этого вполне достаточно. — «Я не был при зачатии его его матерью и потому для меня фотографии достаточно!», — сказали Вы. Итак, сего числа Кравченко произведен проф. Ильиным в евреи. Это не новость. Вся правая эмиграция заговорила так, когда оказалось, что Кравченко не правый, а левый. Конечно, Ваше утверждение отдает антисемитизмом самого дурного вкуса. И я, простите, теряю разницу между проф. И. А. Ильиным, прогитлеровцем 1933—<19>34 гг., и И. А. Ильиным 1949 г.? Но еще хуже то, что Вы говорили об еп<ископе> Иоанне Шаховском. Сославшись на авторитет какого-то В<ашего> друга, православного иерарха, Вы называли его «жиденком», потому что у него мать еврейского происхождения. Мне это глубоко отвратительно. Я уверен, что если б этот Ваш иерарх увидел бы даже живого Христа, то не нашел бы для него иного названия. Как Вы не отстраняетесь от Маркова II (а это, кажется, единственный из всей черной сотни от кого Вы хотите отстраняться), но в Вашем «жиденке» звучат те же мотивы. И когда В<аша> супруга при этом начинает развивать «известнейшую теорию» об ответ-

ственности евреев за русскую революцию, а Вы сию теорию поддерживаете, то, право же, это и Марков, и Гитлер. Но займемся логикой. Для Вас, как Вы сказали, «раса, кровь, наследственность» незыблемы. И посему еп. Иоанн Шаховской «жиденок». Но ведь по этому самому и Вы, Иван Александрович, окажетесь не очень-то русским! Ваш старый друг, москвич, хорошо знающий всю историю Вашей семьи (и Вас, и Вашего брата) говорил мне, что Ваша матушка была немецкого происхождения. Я это слыхивал еще студентом в Москве. И вот получается, что в идеологе русского национализма и православном философе чисто русской крови не очень уж много? М<ожет> б<ыть>, Ваш подчеркнутый русизм имеет под собой именно эту «ущемленность»? Такой «рефлекс» вполне возможен. Недаром, у нас в России существовали ведь даже «истинно русские немцы».

Но закончу. Так как мне после моего последнего посещения Вас было бы неприятно с Вами встречаться, то я хочу считать наше знакомство законченным. Так будет разумнее. Оказалось, что не всегда и не все могут перепрыгнуть через заборы «общественно-политических разногласий». Прошу Вас не отвечать мне на это письмо, тем более что Вы все равно ведь боитесь подписывать Ваши письма, пиша их даже Вашим старым московским друзьям? (Вы боитесь подписывать свои письма и Ваши «Наши задачи», а Кравченко не побоялся поставить на карту свою голову, затеяв открытый процесс против большевиков в Париже! Оцените хоть это! Смелость в борьбе — немалая ценность в наши трусливые дни!)

Желаю В<ам> и В<ашей> супруге всего лучшего в В<ашем> бытии.

Ваш: Роман Гуль⁸.

**О ВРЕМЕНИ
И О СЕБЕ**

И. А. ИЛЬИН

Партийная программа и максимализм

1. Ныне происходящее революционное движение должно использовать политический опыт 1905 г. Если оно повторит его ошибки, то ему обеспечена тяжелая неудача: разложение России в гражданской войне, восстановление старого порядка и подчинение немцам.

2. Движение 1905 г. творило две основные ошибки:

а) описание далекого идеального строя («программа-максимум») превращалось в список очередных требований (в «программу-минимум») и определяло линию поведения (тактику) борющихся народных групп;

б) революционные партии недостаточно считались с тем, что плодотворная борьба за программу-минимум возможна только при наличии действительной организованности народа, так что между требованиями дня и наличной организованностью должно быть всегда необходимое соответствие.

Эти ошибки обозначаются яснее всего двумя событиями:

начало декабря 1905 г. — вооруженное восстание в Москве при отсутствии надлежащей подготовки и с явным тяготением к максимализму;

начало июля 1906 г. — безмолвие народа в ответ на роспуск первой Государственной думы и на Выборгское воззвание¹.

3. Каждый социалист имеет *две* программы: максимальную и минимальную, и от этого не становится, да и сам себя не считает, изменником делу, родине или классу.

Программа-максимум содержит описание «самого лучшего», идеального и потому желанного строя; она обозначает *далекую цель*, которая *теперь не может* осуществиться. Это список тех мер и реформ, которые *будет начат* требовать и осуществлять только тогда, когда будет целиком осуществлена программа-минимум.

Поэтому все пункты программы-максимум *не суть* «требования»; они указывают только *будущие* требования, которые будут предъявлены и из-за которых начнется борьба только тогда, когда осуществится *программа-минимум* и указанный в ней политический строй и когда при этом новом строе сложатся классы и партии, которые начнут ее «требовать».

4. Итак, никакая мера не может стать «требованием», не может войти в «программу дня», пока не возникли, не сорганизовались и не сговорились те общественные классы, которые за нее стоят и борются.

В общественном и политическом развитии есть своя необходимая *последовательность*, которую нельзя пренебрегать безнаказанно. Если политическая борьба начинает пренебрегать ею, то она вступает на путь злосчастных нелепостей и губит все дело.

Так, нелепо «требовать»: чтобы печаталась ненаписанная книга; чтобы пекся незаквашенный хлеб; чтобы делалась крыша на непостроенном доме; чтобы 10—12 миллионов русских пролетариев вводили пролетарский строй для остального 160-миллионного русского народа.

5. Программа-минимум социалистических партий требует установления *последовательного демократического порядка*, при действии которого пролетариат получит возможность свободно организоваться и готовиться к социалистическому строю; это значит, что сами социалисты не считают переход к социализму очередным «требованием дня»: сначала необходимо осуществить правовое государство *демократического, но буржуазного* характера.

Поддерживая такое разделение программы, социалистические партии совершенно правы. Социализм есть особая *разновидность* государственного *самоуправления*: народ должен сначала приучиться к *буржуазному самоуправлению*, прежде чем переходить к *самоуправлению социалистическому*. Введение социализма действительно предполагает:

- а) что большая часть народа станет пролетариатом;
- б) что большая часть народа выносит в душе глубокую и зрелую способность к *личному, общинному и государственному* самоуправлению и, следовательно, будет иметь здоровое, зрелое и могучее *правосознание*.

6. Итак, программа-максимум есть *далекая цель, теперь, при настоящем положении вещей*, неосуществимая и невозможная.

Поэтому включать максимальные пункты в программу дня — значит давать заведомо *неисполнимые обещания* и призывать к заведомо *безнадежной борьбе*; это значит — разжигать страсти посредством обмана или, в лучшем случае, становиться жертвою самообмана.

7. Максимализация программы дня побуждает «требовать» того, чего не только никто не может «дать», но чего и *сам требующий* не мог бы *ни взять, ни сделать, ни осуществить* — если бы все согласились ему не мешать.

8. Максимализация программы дня побуждает *верить в возможность* того, что на самом деле *невозможно*. Этим она будит в душах неутолимые притязания и готовит поверившим тяжелое разочарование; разочарование наступает *неизбежно* и сопровождается кровавыми жертвами, утомлением, упадком духа и разложением политической борьбы.

9. Объективная невозможность начинает изображаться как неосуществимость по *чьей-то вине*. Возникает судорожное, озлобленное искание виновника или многих виновников. Это искание направляется в сторону других общественных классов, и особенно в сторону промышленной буржуазии. Слагается тяготение к разрушительным порывам (погромы «на экономической» почве), от которых страдает общенародное богатство, и к убийству, в виде мести, отдельных лиц (экономический личный террор и «пропаганда фактом» у анархистов): начинается гражданская война.

10. Тот, кто максимализирует программу дня, начинает неизбежно, иногда сам того не замечая, —

с одной стороны, умалять, искажать и извращать далекую *идеальную цель*, изображая ее как что-то близкое, простое, легкодоступное;

с другой стороны, искажать и извращать *окружающую действительность*, то умалчивая о неблагоприятных явлениях, то выдумывая несуществующее, — преувеличивая одно и преуменьшая другое, — и прежде всего преувеличивая на словах наличную организованность своей общественной группы.

Он вступает на путь бессознательной, а иногда и сознательной политической лжи.

Этим он:

1) уничтожает и обессиливает идеальный порыв, необходимый для того, чтобы политическая борьба велась со всей энергией и оставалась на настоящей высоте, не вырождаясь в гражданскую войну;

2) нарушает необходимое доверие людей друг к другу:

и партии — к вождям, и партии — к другим партиям, и, главное, — неорганизованной массы народа к партиям и ко всей политике вообще.

11. Двигаясь по этому пути, руководители политических партий впадают сами в своеобразную болезнь перспективы — *дурную дальноркость*:

они видят далекое как близкое,

а близкого — не видят вовсе.

Суждение их о событиях, о мерах борьбы, о цели и о средствах получает характер постоянного уклонения от истины и от целесообразности.

Они всегда имеют дело с *воображаемою* действительностью и ведут партию согласно предвзятым, отвлеченным теориям. Максималисты суть слепые вожди слепых.

12. Они не умеют сберечь и использовать как следует *запас революционной воли*, скопившейся в народных массах и в общест-
стве.

Применяя эту волю к неосуществимым целям и растрачивая ее в тщетной борьбе с непреодолимыми препятствиями, они быстро истощают ее запас и губят движение в общем упадке духа: падает вера в борьбу, исчезает желание бороться; гнет оправившейся реакции довершает дело, и самый драгоценный результат движения — *организация народа* — распыляется без следа.

Борьба за «максимум» губит борьбу за «минимум», и завоевания внезапно сводятся почти к нулю.

13. Таким образом, этот путь воспитывает партию и народ к слепоте и беспомощной ненависти. Страстная и слепо-героическая борьба за неосуществимую цель заставляет судорожно хвататься за *все средства* и не останавливаться ни перед какими мерами. Так возникли в 1906 и 1907 гг. революционные «экспроприации» частных капиталов, быстро выродившиеся в заурядные уголовные грабежи.

Трагедия этого метания от одного средства к другому состоит в том, что *все* они — бессильны.

14. Обращаясь ко *всем* и ко *всяким* средствам, борьба теряет и организованную форму, и политический характер. Тактика вырождается в судорожные и пагубные эксцессы, с которыми реакция справляется легко и быстро.

Политическая борьба движется нормально не на пути уголовных правонарушений (краж, вооруженных нападений граждан друг на друга, поджогов, погромов, избиений, взаимных убийств), но на пути *публично-правовом*, т. е. через планомер-

ную организацию народа — к *полномочию властвовать от лица государства*.

Тактика максимализма, напротив, прилепившись к программе-максимум, отворачивается от публично-правового пути, ибо он *не сулит и не может сулить* осуществления максимальным требованиям.

Истинная революционная борьба ищет *права и публичного полномочия*, она стремится к тому, чтобы государственная власть *по праву* перешла в руки народа и чтобы народ через это мог сам устраивать свою жизнь.

Максималисты, напротив, ищут в своей работе *не права и не публичного полномочия*; они ищут фактического обладания и обращаются к нарушению частного права — *захватом*. Вследствие этого политическое движение превращается в состязание сильных и ловких правонарушителей друг с другом, в своего рода торжество «кулачного права», или — в *гражданскую войну*.

15. Гражданская война есть начало *гибели* народа и государства, потому что она убивает в народе *сознание его единства и волю к политическому единению*, без этого сознания и без этой воли — от государства остается одно название.

Политическая борьба, даже при резких партийных расхождении, *соединяет всех* живым образом вокруг *единого для всех*, полномерно властвующего центра — *государственной власти*; этим она заставляет всех реально почувствовать, что *мы — одно*, именно потому, что у нас *у всех* один, для *всех* *общий, источник права — наша государственная власть*, переходящая в руки самого народа.

Поэтому политическая борьба, пока она ведется, — зиждет единства народа и государства и охраняет их от гражданской войны. Вот почему успешная революция, создавая возможность *свободной и сознательной политической борьбы*, ведет народ к *единению* и спасает государство от разложения.

16. Революция, не удавшаяся в 1905 г., стала ныне возможна благодаря всенародному *единению*.

Это единение вызвано войною, которая принесла с собою великую всенародную опасность; угроза и опасность пробудили в душах *древнее чувство родины* и ввели в сознание государственно-народное единство. Воля гражданина перестала сосредоточиваться на особенных, частных интересах отдельного *класса* и опустилась в государственно-народную глубину *общеполитического единства*.

Русский народ нашел свою *единую волю: спасти родину от нашествия и осуществить свободное народовластие*.

Эта воля возникла и осуществилась не в результате сознательных организующих усилий, но под давлением внешней опасности. Ныне эту волю необходимо организовать и направить в русло *политического единения*.

17. Итак, революция выросла на единении, и дальнейшая судьба ее связана с единением народа. Разбрестись ныне на максимальные классовые программы — значит погубить единение и с ним вместе все дело революции. Это значит — создать условия для возвращения старого порядка, всегда старавшегося поддержать свою власть посредством *разделения* своих врагов, по правилу: «раздели их и тогда господствуй над ними».

Понятно, что реакция судорожно заинтересована в том, чтобы разжечь в партиях настроение максимализма, и будет энергично работать над этим на путях провокации. Все русские граждане должны помнить это и не отзываться на посулы и призывы, ведущие к гибели. Победное окончание войны и Учредительное собрание скуют политическое единство русского народа и откроют путь для организованной политической борьбы классов и партий.

И. А. ИЛЬИН

Куда идет революционная демократия?

Словно бесом, злобным и жадным, слепым и глухим, одержима наша Россия, и пути, по которым бредут народные массы, поощряемые демагогами, суть пути насилия и позора. Месяц за месяцем прививала государственная власть широким слоям населения ту идею, что «народу все дозволено» и что «народ не наказуем»; месяц за месяцем обеспечивала она свободу действия мнимореволюционным агитаторам; и месяц за месяцем русский народ, спаиваемый дурманом ложно понятой «свободы», *пьянел* от обещаний и призывов, от собственной жадности и провокаторского попустительства. Революция медленно, но неуклонно вырождалась в гражданскую войну; напряжение борьбы переносилось с фронта внутрь страны, и народные массы все более утрачивали *вменяемость*. Ныне необходимо признать, что «левые» партии «победили»; им удалось терроризовать и обессилить представителей государственной власти и превратить народ в распыленные, деморализованные толпы погромщиков. Они «углубили» революцию: «фактический захват» торжествует по всей линии, патриотизм смолк, государственность поругана, идея правовой организации народоправства не имеет будущего. Народ не «ждет» Учредительного собрания и не верит в него. И в этом разложении права и государства «революционная демократия» найдет ту судьбу, которую она сама себе приготовила.

С самого начала революции искание *права и справедливости* вылилось в идею о правильно созванном Учредительном собрании. Эта правильность созыва требовала и требует прежде всего известного *душевного равновесия* в широких слоях народа. Ожесточение, доведенное до гражданской войны; утомление и

страх смерти, излившиеся в общую деморализацию; расшатание всех зачатков правосознания, превратившее гражданина в хищника, — все это делает народ *органически неспособным* к учредительному законодательству. Способен ли народ учредить новый государственный строй, если он не верит в необходимость всенародного *единения*, если он не чувствует общего, всенародного *интереса*, если он не верит в *правовые пути*? Старый строй подорвал в народе доверие не столько к «царю», сколько к «закону»; а новый строй, «углубляя» революцию, приложил все усилия к тому, чтобы поддержать и разжечь это недоверие к праву. Так называемая «революционная демократия», воспитанная в подполье, вышла на свет Божий с изуверченным правосознанием; она сама не верит в право и не умеет творить его; она сама верит только в лозунг экспроприатора: «что взято, то свято». И потому она сделала *все* для того, чтобы фактически разочаровать народные массы в государственной учредительной работе. Она сделала все, чтобы превратить народ в невменяемую толпу, одержимую бесом погромной жадности и не подготовленную к учредительным выборам.

И вот, сложилось положение вещей, при котором страна должна «выбирать», а к выборам не готова и не способна. Кого же пошлет погромщик, если не того, кто звал к погрому и потакал ему? Но что же будут делать с Россией в Учредительном собрании эти пособники и укрыватели громил? К какому законодательству способны они? Что они могут «учредить», кого организовать, какую власть создать? Мало того, кому они могут импонировать? В чьих глазах они будут иметь авторитет?

Выброшенные бунтующей толпой и став у власти, они не сумеют ни «учредить», ни властвовать. Им останется только два исхода: или по-прежнему идти в хвосте у погромщиков, или же найти себе нового «хозяина», который купит их со всем их душевным скарбом. Мнимый революционер, пробившийся к власти демагогическою «взяткою», извлечет новую выгоду из своей продажности, и революционная «гора» превратится в монархическое «болото». Этого ли позора ждать нам в России? Это был бы поистине скорбный и быстротечный путь от самодержавия, покоившегося на силе, через «бессмертную» революцию к самодержавию подкупа.

Еще весною мы, государственно мыслящие люди, видя, как под охраною словоохотливого вождя¹ крепнет партия развала, указывали на то, что нелепо и безумно было бы созывать Учредительное собрание до окончания войны и вне сознательной и

спокойной предвыборной работы. Была вера в то, что воля народа, проявленная *сознательно* и *свободно*, не может захотеть ничего иного, кроме государственного блага и справедливости для всех. Не страх перед радикальными реформами и не лицемерный расчет двигал душами, когда раздавались призывы: «*ждать* Учредительного собрания» и «*отложить* его до конца войны»; не страх, но твердое знание, что на слепой и разнужданной страсти нельзя построить государства и что только честное, свободное и сосредоточенное искание может найти путь к настоящему обновлению русской жизни.

Скажем открыто и прямо: эта вера, что «народ *хочет* правды» и *может* найти ее в спокойных и сознательных выборах, жива в нас и доселе. Но *камни вопиют* о том, что такие выборы *ныне невозможны*. То, что может произойти в ноябре под видом выборов, будет бессмысленной и угарной толчеей вокруг избирательных урн; народ все еще будет верить демагогическим посулам «немедленного мира» и «бесплатной земли» и отдавать свои голоса политическим авантюристам; еще сильнее, чем в сентябре, будет абсентеизм² в спокойных и уважающих себя кругах населения; честные и патриотические голоса будут еле слышны. Ноябрьские выборы в Учредительное собрание будут проходить всюду под знаком *подкупа*: демагогия будет подкупать обещаниями темного избирателя, а крайние правые элементы — продажного депутата. Необходимо осознать это всенародно; в ноябре организуется невиданное, всенародное надругательство над идеею Учредительного собрания.

Зачем же назначаются эти выборы? Почему власть не отложит их?

Отложить выборы нельзя по двум основаниям: во-первых, «не позволяют» советы, а власть *не смеет* их послушаться; во-вторых, сама власть ищет *хоть какого-нибудь* выхода из того полного распада, в котором она пребывает. Власть терроризирована советами: самый механизм властвования выпал из ее рук; ее *решения* остаются *ее* словами; она не смеет начать действовать и лишь запуганно косится на гнездо жалящих словами трутней революции. Россия гибнет от двоевластия, и обе власти ее тонут в словах. Одна обессиливает другую, но не силой своею, а мертвым грузом своего бессилия. И обе ищут «исхода», инсценируя «всемирные» выборы под рев урагана. Напрасно думают обе «власти», что им удастся окрепнуть в результате этих выборов; результат ясен заранее: создается третья, тоже бесси́льная и потому мнимая, власть, создается и повиснет на обе-

их — новым мертвым грузом. Ибо таков закон политической жизни: властвовать способен только тот, кто имеет в душе своей *гражданское мужество и государственное «правосознание»*. В политике «слово» не есть еще «дело», и способность к *государственному акту* не может прийти ниоткуда извне.

История покажет, как Учредительное собрание ноябрьского срока завершит судьбу русской революционной демократии».

И. А. ИЛЬИН

Отказ г. Керенского

Г<-н> Керенский снова отказался, и притом «совершенно решительно и категорически». Но не от власти, а от *пользования* ею для водворения дисциплины в армии и порядка в стране. В этом отношении речь его, произнесенная на открытии «предпарламента», имеет недвусмысленное значение и окончательно выясняет ближайшие политические перспективы: власть будет «тревожно» взирать на всероссийское погромное движение и призывать страну к единению. А погромы будут идти своим чередом. Г-н Керенский «заверил» окончательно «всю страну», что бегущие с фронта, буйствующие, громящие, спекулирующие и болтающие в «комитетах» солдаты «стремятся к торжеству права и справедливости» и что «воля их никогда не будет сломлена насилием»: правительство «служит идеям свободы, равенства и братства» и поэтому «не будет прибегать к мерам», «оскорбляющим эти идеи»...

Неужели не все еще понятно? Неужели еще есть слепцы? Неужели еще не ясна судьба, которую готовят России и революции?

Для того чтобы объяснить образ действий г. Керенского, есть, по-видимому, только два предположения: или он *вообще не понимает, в чем состоит сущность государственной власти*; или же он *совсем не осведомлен о том, что происходит в стране*.

В чем же состоит сущность государственной власти? Она состоит в том, что власть имеет *и право, и обязанность* действовать *принудительно* всюду, где граждане открыто не подчиняются законам и не хотят их соблюдать. В этой *обязанности* принуждать и *заставлять*, в этой *обязанности* поддерживать правопорядок силою состоит и всегда состояла основная природа *всякой* государственной власти. Тот, кто берет на себя полно-

мочие править, — берет на себя тем самым *обязанность* действовать *всюду*, где *необходимо*, *оружием*, *насилием* для поддержания гражданского мира и порядка. В этом состоит великое *бремя* власти — *бремя ответственности* перед всей страной, перед историей, и прежде всего перед своею *честью* и *совестью*.

Поэтому тот, кто *берет* власть, обязан понимать и помнить, что берет *власть*, что полномочие его *обусловлено* обязанностью принуждать буйствующего; что нельзя оставить за собою пост и звание, а обязанность «не принять» или «не пользоваться» ею. Нельзя быть органом *государства*, а действовать так, как если бы наступил *анархический строй*. И тот, кто так поступает, обнаруживает, что у него нет представления о своих обязанностях, что у него *нет правосознания*. Нести власть — не значит изливаться потоком слов, фигурировать, наслаждаться «восторженным приемом» и — бездействовать в деле охраны порядка; от этой обязанности не могут освободить никакие сентиментальные ссылки на свои «мечты и цветы», никакое демагогическое преклонение перед волей громающей толпы.

Но было бы несправедливо сказать о г. Керенском, что он «не понимает» *принудительной* природы государства, что он совсем «не умеет» прибегать к силе, когда ему это кажется необходимым. За все время его властвования он *дважды* признал эту необходимость и дважды, не обинуясь, обращался к силе оружия. Один раз — в самом начале июля, когда он понял, что большевики обратили свое оружие *на него* и хотят его свергнуть¹; другой раз — в самом конце августа, когда он объявил «всем, всем, всем», что генерал Корнилов — «мятежник и изменник»², и поспешил «объединить» всю власть в своих руках. Оба раза колебалась власть Временного правительства, и опасения г. Керенского были велики и серьезны; необходимость защищаться силою оружия была налицо, и принудительные меры были пущены в ход. Нельзя же было сдаваться большевикам; но нельзя было и уступить первенство великому патриоту, т. е. «мятежнику и изменнику» Корнилову.

Эти два случая неопровержимо доказывают, что г. Керенский вполне понимает свое *право* действовать силою и умеет пользоваться им, когда ему это кажется необходимым. Но понимает ли он, что это право есть *обязанность*?!

Однако, может быть, следует предположить, что он *совсем не осведомлен* о том, что происходит в стране? Может быть, ему неизвестно, что в России царит «безбрежная анархия, которая захватывает все новые и новые части нашей территории»; что «каждый день Временное правительство и министр внутренних

дел получают телеграммы, которым трудно поверить» и что «эти телеграммы сообщают о фактах, которые воскрешают самые темные и самые мрачные времена безудержного и наглого самовластия клевретов старого режима»; что в России совершенно исчез «элементарный правопорядок», что ни «жилище», ни «жизнь» граждан не ограждены от «беззаконных вторжений»? Трудно предположить, что ему все это неизвестно: ведь все эти слова были произнесены им самим в парламенте.

Но, может быть, ему неизвестно, что вот уже месяц по всей России толпы крестьян *убивают* помещиков, что это называется «устроить буржуям рябинку»? Может быть, ему неизвестно, что члены *его партии* разносят по всей России весть о том, что «Корнилов — контрреволюционер», которого «*помещики выпустили на революцию*»? Может быть, ему неизвестно, откуда пошло это известие, что «Корнилов — контрреволюционер»? Может быть, ему неизвестно, что в августовских и сентябрьских растерзаниях офицеров повинен тот, кто первый пустил это известие в оборот?

Долг гражданина требует, чтобы все это было объявлено во всеуслышание и дошло до сведения г. Керенского. В России идет не гражданская война, но *избиение культурного меньшинства темною толпою*: темные, слепые люди, которым еще с весны предоставили *взять все и пользоваться всем*, ныне избивают и громят, следуя лозунгам той партии, в рядах которой *состоит министр-премьер*.

Было бы несправедливо сказать, что войска *совсем не посылаются* в места погромов. Но почему-то обыкновенно бывает так, что разгром все-таки успел состояться, что толпа успела убить, кого ей хочется, сжечь, разграбить и разбежаться для отыскания новых жертв. Прибытие войск даже не локализует беспорядков, а «уговоры» и «увещания» открыто истолковываются толпою как *отсутствие запрета*. Бездна наказанности в десяти случаях вызывает к жизни новые сто вспышек, а сверху, из Петрограда, идут «решительные заверения», что меры правительственного принуждения «недопустимы». Толпы громил объявляются «народом»; хищничество и кровожадность отождествляются с «волею» народа; власть склоняется перед буйством и, избегая применения правовой силы, предоставляет торжествовать бесправию и насилию.

Призраки прошлого встают перед глазами. Мы не забыли еще той роли, которую правительственные войска играли в еврейских погромах старого режима: отряд шел по пятам за погромщиками и убеждался, что «все действительно разгромле-

но» и что все неугодные убиты; а потом... все кончалось, потому что хищничество насыщалось и кровожадность бывала удовлетворена. И население тщетно пыталось организовать самооборону.

Простой гражданин, который видит насилие и убийство и не спешит на помощь, становится соучастником насилия и убийства. Что же думать о попускающей власти?

Можно ли молчать об этом? И неужели есть еще слепцы?

И. А. ИЛЬИН

Чего ждать?

По-видимому, в ноябре и декабре русскому народу предстоит *дожить* до Учредительного собрания и *разочароваться* в нем. Такова его политическая судьба в ближайшие сроки.

Нелегкая и нерадостная перспектива. Она складывается в результате того, что Учредительное собрание *может слишком много* и в то же время *почти ничего не может*. И все это при *неистовом, своекорыстном и противогосударственном напоре снизу*.

Учредительное собрание может слишком много потому, что в его руках соединяются *все верховные полномочия* государства. С юридической точки зрения оно будет обладать всею полнотою власти: властью монарха, и властью министров, и властью Государственной думы. Никто не имеет права ограничить его полномочия, поставить срок его деятельности, призвать его к ответственности. *Все* будет подчинено ему: вся деятельность государства и все должностные лица. У него будет право заключить какой угодно мир — хотя бы позорный и гибельный для России; в его руках будет разрешение всех вопросов, начиная от жизни граждан и кончая роспуском армии или продажей с молотка русских народных богатств — лесов и подземных сокровищ и железных дорог.

Народное собрание с такими полномочиями окажется *всецело предоставленным самому себе*. Нелепое, вредное, пагубное решение его не будет подлежать пересмотру или неутверждению. Оно будет иметь во всем *последнее и высшее* слово.

Весь политический опыт истории как бы смолкает перед таким учреждением. Все, что выстрадано государствами в прошлом, говорит о том, что опасно и пагубно сосредоточивать на-

долго *все полномочия* в руках одного, единого органа; что такой орган должен обладать совершенно сверхчеловеческими свойствами — непогрешимым пониманием, безошибочною волею, совершенным правосознанием; что государственная власть должна действовать в виде *целой системы* взаимно проверяющих и уравнивающих друг друга органов, что, наконец, большие размеры государства и внутренняя неустроенность его требуют особенно тщательного *разделения властей*. Политический опыт, выношенный человечеством, показывает, что только *маленькое* государство, и притом только в *обычное*, мирное и спокойное, время, может управляться из единого, безгранично полновластного центра, и то только при наличии *большой политической зрелости* в народе.

Вера в работоспособность русского «революционного» Учредительного собрания, созываемого в ноябре, может жить только в совершенно *наивной душе*. Политическая мысль, сколько-нибудь искушенная и вдумчивая, видит отчетливо всю трудность положения и не имеет оснований ждать спасения отсюда.

С самого начала революции стала слагаться эта нерадостная перспектива. Отпадение старой власти создало в революционных кругах уверенность, что властвовать от лица государства уполномочен всякий, кто захочет. Полномочие править и повелевать стало рассматриваться как бесхозяйная вещь, которая может принадлежать всем и каждому, первому, кто ее подберет и захватит. В воздухе носился разрешающий и успокаивающий возглас: «Все всем можно»; и правопорядок держался только *инерцией и старым запасом напуганности*. В противовес этому тяготению к самоуправству и к немедленной гражданской войне всех со всеми политическая мудрость неустанно взывала к тому, что только всенародное Учредительное собрание *уполномочено* создать новый строй и провести справедливые реформы. Только оно *имеет право* решать по закону все основные вопросы; *к нему* надо готовиться, *его* надо ждать, *через него* творить новый порядок.

Один за другим вставали вопросы народной жизни: национальный, финансовый, земельный, промышленный, рабочий, вопрос о войне. И каждый раз спрашивалось: «Кто уполномочен решать его?» И следовал ответ: «Только всенародное Учредительное собрание». Постепенно на нем сосредоточивались все надежды; к нему направлялись все требования; до него откладывались все основные конфликты. Оно *перегружалось ожиданиями*: оно *переобременялось* в народном сознании *полномочиями*, на него возлагались совершенно *невероятные обязанности*

и неразрешимые задачи. Глубокие, органические реформы, требующие многих лет напряженного всенародного труда, как, например, земельный вопрос или рабочий вопрос, стали представляться делом одного, «простого» и «ясного» законодательного акта: «Учредительное собрание издает закон о земле, по которому вся земля...» Не правда ли, как «просто» и «ясно»? Ждали и еще ждут какого-то мага и волшебника, имеющего восстать из недр самого народа: прозорливый, всезнающий, абсолютно справедливый и всемогущий, — он «придет» и «скажет», и сразу удовлетворит все «справедливые», т. е. своекорыстные, требования всех классовых программ.

По сравнению со старым режимом изменилось немного: прежде верили в чудо, именуемое *царем*, потом стали верить в чудо, именуемое *Учредительным собранием*. Но притом и прежде, и теперь пребывали в полной пассивности, сами не делали ничего для того, чтобы «чудо» стало действительностью. Да и что же еще самим делать? Ведь на то оно и «чудо».

К Учредительному собранию не готовился никто: ни власть, терроризованная советами и партиями и все время оправлявшаяся от какого-нибудь нового «страха»; ни революционные партии, которые были с самого начала свободны от веры в Учредительное собрание, и притом от всякой веры — и наивной, и тем более мудрой; и народ, который сначала верил, а потом под влиянием «революционной демократии», собственной корысти и ничтожного правосознания — усвоил захватную линию поведения. И ныне к созыву и выборам не готов никто. Власть, угрождавшая «народу», но не воспитывавшая его, утратила всякий авторитет и не способна оградить свободу выборов; революционные партии приготовили Учредительному собранию только длинный список фактически захваченного, да еще собственное внутреннее разложение на под-секты и под-фракции; народ идет к урнам без правосознания, без собственных вождей, без государственного понимания и подъема, но зато с ворохами награбленного добра, с тем чтобы Учредительное собрание одобрило и утвердило этот грабеж...

Учредительному собранию предстоит работать именно под неистовым, своекорыстным и противогосударственным напором снизу. Будут предъявляться требования, независимо от их государственной приемлемости; требования будут поддерживаться массовым террором и фактическим захватом, явным неповиновением и буйством. Власть, передаваемая Временным правительством, окажется *растраченною в уговорах и бессильною*.

Революционные партии обнаружат с полной очевидностью свою великую способность к ненависти, критике и угрозам и обратят всю силу свою на себя до полного самораспыления.

И в этом хаосе Учредительное собрание явит миру невиданное зрелище: *всемогущей уполномоченности и крайнего политического расслабления*. Оно не сможет заключить сепаратного мира, потому что этого не позволит *международное соотношение сил*, но не сможет и поставить на высоту армию, ибо для этого ныне потребна власть *государственно мыслящего диктатора*, а не безвластие классово чувствующих болтунов. Оно не может «отдать» всю землю крестьянам, ибо встретит на этом пути опасность земледельческого упадка, пассивного баланса, обнищания страны и голода; но не посмеет и оградить помещика от разгрома и разорения. Оно не сумеет добыть денег, ибо денег не дают без доверия, а доверять можно только могучей и государственно мыслящей власти; собирать же налоги нельзя без твердого правопорядка.

Трагическое зрелище *всемогущего бессилия* будет особенно оттеняться обилием «лозунгов» и пустых словесных жестов; оно будет углубляться отсутствием связи между распыленным народом и «избранником»; и усугубляться недостаточною моральною устойчивостью некультурного депутата.

И вот, они соберутся и, несмотря на все деловые усилия государственно мыслящих партий и групп, будут «говорить». А война и анархия будут идти своим чередом.

И если будет так, то долго ли согласится их «слушать» народная совесть? Или, может быть, проснется? И что же тогда?

И. А. ИЛЬИН

Кошмар

Восемь месяцев тому назад наш ветхий, прогнивший и заселенный *предательскими* крысами корабль не выдержал напора бури и рассыпался на бревна и доски. Дружными, напряженными усилиями собрали мы кое-какие бревна, связали их остатками веревок, поставили *серо-седой* парус и стали править по нестихшим волнам к твердой земле, где можно было бы *учредить* новый корабль. Но земля была далека, а буря не стихала; и никто не знал, куда править; и все говорили. Спорили и ярились; хулили друг друга и пустословили. И, ожесточившись, не гребли и не правили, а тягались из-за мест и из-за первенства и в дикой драке делили скудные остатки пищи. И больше всех пустословил кормчий, рисовался в упоении и ярился в словах.

А за нами на плот взобрались и *крысы* и спокойно продолжали свое дело. Мы видели их и не гнали их; а кормчий говорил: «Нельзя же сбросить в море живое существо!». И сам не мешал им, и другим не позволял, во имя... свободы и республики. И *крысы сделали* свое дело.

Четыре месяца тому назад наш плот рассыпался, и волны стали швырять нас и засасывать. Кто-то воззвал к дружным усилиям и спасению, но храбрый кормчий покончил с ним ударом ножа и нарек гибельный хаос... республикой. Волны захлестнули нас, и мы шли ко дну, зажмурив глаза, беспомощно размахивая руками, но твердо веря, что это мы учреждаем новый корабль.

И вдруг последний взрыв урагана покончил со всеми иллюзиями. Мы ощутили под ногами твердую землю *дна*, не берега, где строят новые корабли, а *дна*, где гибнут; и мы поняли, что *крысы победили*.

Но ведь это сон, кошмарный сон! Ведь на дне не живут. На нем разлагаются трупы; а над трупами плавают акулы.

В чем же спасение? Где выход?

Спасение в том, чтобы *все очнулись*. Совсем очнулись; окончательно пришли в себя. Чтобы все поняли: *кошмарное плавание было только кошмаром*; дурной сон кончился. Мы не погибли еще; мы на земле, и под ногами у нас твердая почва. *Мы еще живы*, мы имеем *волю*, у нас есть еще *силы* и *любовь к родине*.

Выход в том, чтобы *создать единение* во имя родины и свободы, создать *патриотическое единовластие* и *полновластие*. И для этого прежде всего *всех разбудить*, всех, кто еще бормочет и вскрикивает в кошмаре. Всем показать *правду*, всех убедить в неумолимой и трезвой *действительности* и в ее роковых *невозможностях*.

И если мы не сумеем сделать этого словом, то вина будет на нас, а голод и холод исправят наше упущение.

А если не исправят? Если не очнутся люди?

Тем, кто не сможет или не захочет очнуться, кто будет и впредь кричать, зажмуря глаза, и длить кошмар, — тем предстоит отрезвиться на *дне* под властью *морского царя*.

И. А. ИЛЬИН

Кто они?

Свершилось.

Темнота народа, попустительство власти и происки германцев свергли русскую революцию в последнюю низину: к власти пробрались темные проходимцы, вожди соблазненной черни. Восемь месяцев вели они отвратительную толкотню и давку вокруг русской государственной власти и ныне вскарабкались сами.

Кто же они, эти темные люди?

Растерянно присматривается к их поведению русский обыватель и ждет всяких ужасов от *крайней левой*. Ведь «большевики» — социал-демократы; это крайнее течение русской «революционной демократии», руководимое «Лениным» и «Троцким»; они хотят немедленно ввести «социализм» или «полусоциализм»; они *уже издали* множество неслыханно радикальных «декретов»: сословия «отменены»; суды «упразднены»; земля «передана народу»; офицерство «распускается»; банковские суммы «конфискуются»; мир «заклучается». Революция углубляется до самого дна; «равенство» вытесняет «свободу». Буржуазия трепещет и чуть ли не ждет конца. Ведь это — всем видно.

Но неужели больше *ничего* не видно?

Необходимо, чтобы дремлющие открыли глаза; чтобы близорукие надели очки. Необходимо, чтобы слепые прозрели.

Россия несется на всех парах под сень самодержавия, и «направляет» ее «партия» большевиков.

Дело совсем не сводится к тому, что «эксцесс крайне левой неминуемо приведет за собою реакцию»; или к тому, что «уставшие и обманутые массы потребуют порядка во что бы то ни стало и уверуют вновь в самодержавную власть царя». Все это вероятно и правдоподобно; но не в этом только дело.

Дело в том, что единой «партии большевиков» *не существует*; что «большевики», как и всякий темный сброд, имеют *разнородный состав* и что из этого состава наиболее умный, энергичный и организованный элемент составляют *не крайние левые, а крайние правые*.

В настоящее время только совсем наивные политики могут «не подозревать», что агенты старого режима копошатся и колдуют в крайнем левом лагере. Вдумчивые наблюдатели еще весною задавались вопросом: куда же скрылись все сторонники и все наемные агенты самодержавия? Что же, убежденные черносотенцы поколебались в своих убеждениях под влиянием революционной вспышки? Или их корыстные виды в чем-нибудь изменились? Или наемные агенты «охранки» и «сверхохранки» могли надеяться на амнистию и реабилитацию со стороны «внепартийного» суда «революционной демократии»?

Крутой поворот режима поставил и здесь все вверх дном; царившие скрылись в подполье, а сидевшие в подполье — воцарились. В одни щели ушли черносотенцы, а из других щелей хлынула «революционная демократия». И только наивные и сентиментальные люди могли думать, что скрывшиеся черносотенцы приняли директиву: молчать и бездействовать. Они остались среди нас, но перешли на «нелегальное» положение и... конечно, продолжали свою работу — под маскою и в темноте. Им поставили задачу: скомпрометировать революцию и политическую свободу; провалить страну в состояние общей анархии и общего террора; если нужно — то проиграть и войну, идя навстречу сепаратному миру; словом, создать бездну нелепости, страха, отчаяния и тем вызвать *мечту* о старой власти, жажду порядка, мольбу о деспотизме и — реставрацию.

Удалось ли им сделать свое дело?

Народная темнота и демагогическое, двоедушное подведение «революционной демократии» все время облегчали им работу, и недалек тот день, когда они пожнут плоды своей энергичной подпольной работы.

Теперь все видят и все понимают, что *революция скомпрометирована*, и только не все способны в этом признаться. Создала ли она хоть намек на политическую свободу и правопорядок? Создала ли она хоть видимость государственной власти и единения? Поддержала ли она оборону страны? Накормила ли хоть армию? Что породила она, кроме общего пустословия и борьбы за власть? Что пробудила она в душах, кроме «классового» и личного интереса, кроме нежелания защищать родину, кроме погромной жажды? Чем завершилась она, как не восстанием

черни и деморализованных солдат? С чем связала себя революция в народном сознании, как не с развалом России и отвержением родины? Революция превратилась в буйство, буйство развернулось в общий погром и развал.

Что же это за «партия», увенчавшая этот развал своим восстанием?

Она прорвалась к власти силою штыка и пушки. Не в этом ли ее «свободолюбие»? Она разослала по всем городам России карательные отряды с матросскими Минами и Риманами¹ во главе. Не в этом ли ее «революционность»? Она показала славный пример тому, как надо «разгонять» представительные органы, избранные всеобщим и равным голосованием. Не в этом ли ее «демократизм»? Ее агенты ограбили под видом обысков сотни квартир в Москве. И мы поняли, в чем ее «социализм».

Эта «партия» делает все, чтобы до смерти напугать всех «социализмом»: и буржуазию (конфискациями), и интеллигенцию (погромами, арестами и обысками), и рабочих (углублением промышленного кризиса). Она делает все, чтобы надолго скомпрометировать революцию. И мы понимаем, что она делает; но ее вожди не понимают? Что же, разве ее вожди поголовные идиоты? Не естественнее ли предположить, что среди них есть умные люди?

Кто из нас не помнит, как Распутин грозил заключить сепаратный мир в три месяца? Распутин болтал, но не дерзал: боялись народного гнева. Ныне военная программа старого режима идет к осуществлению. «Крайняя левая» покорно творит волю крайней правой. И это случайность?

Но если это случайность, то почему же «крайние левые» выпускают из тюрем на волю крайних правых? Что это за новый режим, при котором жандармские офицеры, доктор Дубровин, Климович² освобождаются, а либеральные и радикальные деятели сидят в Петропавловской крепости? Почему томится в тюрьме Бурцев? Разве его разоблачающие удары не падали всегда на *крайних правых*? Почему же *крайние левые* так опасаются этого смелого человека и мстят за своих врагов?

Что же следует думать, когда красногвардейцы рассуждают на улице о том, что «Александра Федоровна³ скоро даст нам сепаратный мир»? Или когда «большевики» рассказывают на перекрестках, что Николай II заявил: «Не положу оружия, пока не отдам крестьянам всю землю»?

Кто знает тех людей, которыми «большевики» заполняют свои кандидатские списки в Учредительное собрание? Что это

за имена? Какие это репутации? Откуда всплыли эти люди? Из каких охранных подполий?

Наивному обывателю предстоит в скором времени созерцать великое превращение. Из-за густого тумана «крайней левой» начнут вырисовываться очертания прямо противоположных фигур и программ: «большевик» растает и останется черносотенец. И когда темные массы, испуганные голодом, холодом и общим разложением, рванутся направо, агенты старого режима довершат свое великолепное дело: революцию будут проклинать, а страх породит реставрацию.

Кого же обвинит беспристрастная история?

Сомнений нет: прежде всего тех, кто так долго подготовлял «большевикам» их торжество и предавал революцию в руки темных агентов. Тех, кто демагогией, партийными распрями и политическим двоедушием разложил в России государственную власть и армию.

Кто же это?

Вы, господа меньшевики-полуленинцы, и вы, господа социалисты-революционеры.

И. А. ИЛЬИН

Молитва перед решением

Из записок убитого друга

Ибо мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными.

Рим. 8: 26

8 ноября 1917 года

Эту ночь перед решением я не забуду никогда. Мне ясно было, что Россия стоит перед пропастью, что народ не умеет ни разобраться, ни противостоять соблазну, что нас, трезвых и верных, немного и что мы обязаны бороться до конца. Надо было решаться. И трагедия жизни впервые развернулась передо мною.

Трагедию я видел и вижу в том, что в жизни нет исхода, успокаивающего совесть; и она же сама, жизнь, требует решений и поступков. И чем драгоценнее и священнее то, за что ты борешься, чем меньше видно впереди, чем непоправимее последствия своих решений и поступков — тем труднее.

В России поднялись злодеи, люди не виданного еще на земле душевного склада, одержимые, свирепые, бесстыдные. А народ наш доверчив, как малое дитя, и страстен, как невоспитанный взрослый. Вижу соблазны, вижу надвигающийся позор, вижу неминуемое крушение — и сердце рвется от любви и скорби. Но не могу не видеть, что борьба будет беспощадная и кровавая, что в борьбе понадобятся коварство и жестокость, — и сердце содрогается от ужаса и отвращения.

И как легко сказать: «Господи, освободи меня от решения!..»

И невозможно. Ведь это значило бы сказать: «Возьми от меня силу моего духа, который есть живое подобие Духа Твое-

го! Погаси мою свободу, которая сокрыта в этой силе! Сними с меня и служение, и ответственность, и бремя жизни, и бремя мира Твоего!..» Это была бы молитва слабости, робости и бегства. Это была бы молитва об угашении человеческого достоинства, о лишении богоподобия: «Возьми от меня Твой благодатный огонь духовности, ибо я не могу и не хочу носить его!»...

И я начинал мысленно искать помощи у других людей: советовать, просить указания, мечтать о слепом подчинении приказу... Я был один, мне не с кем было перемолвиться; но казалось счастьем — сложить с себя необходимость решения и пойти за кем-то сильным, благим и грозным...

И я понял, что и это невозможно. Что же я буду прятаться за другого — от Бога и от себя самого? Того, кому я стал бы отныне подчиняться, я должен был бы выбрать сам. И мое решение «подчиняться» — тоже было бы моим собственным решением. И в чем бы я ни подчинялся, я каждый раз подчинялся бы сам, добровольно; и свободно осуществлял бы предписанное. И если бы потом оказалось, что случилась беда, или вина, или грех, или стыд, — то я с ужасом увидел бы, что беду я сделал сам, что вина — моя, что стыд и грех — мои: ибо ни сила, ни свобода, ни ответственность моего духа не покидали меня!

И тогда я понял, что человеку на земле не дано спрятаться за другого от решения и ответственности.

Надо встать, самому взять «одр» своего расслабления и идти...

«...Научи меня служить делу Твоему! Помоги мне найти пути Твои! Укажи мне волю Твою!..»

Но ведь есть заповеди, в которых выражена Его Воля. И, поступая по этим заповедям, разве я не исполню волю Его? И разве тогда не снимается с меня ответственность? Вот — заповедь, данная Тобою, и я исполнил ее посильно... Надо только найти точное выражение этой заповеди — и не думать о последствиях... Высшая заповедь есть заповедь любви... Но какой любви? Деятельной или устраняющей? Грозной или умирительной? Жертвенной или предающей? Как же это сказано в Законе буквально?!

И вдруг я понял, что я не смею укрываться за буквою закона, с тем чтобы возложить ответственность на Творца. Ибо заповеди даны не рабам, трепещущим перед буквою, а свободным, разумеющим дух и смысл. Свободные же призваны видеть события, самостоятельно распознавать добро и зло, выбирать, решать и брать на себя ответственность. Да, любовь есть высшая из заповедей. Но возможно ли от любви к злодею предать

ему слабого на растерзание? От любви к соблазнителю предать ему малых сих на соблазн? От любви к кощунствующему безбожнику предать ему святыни на поругание? А я незаметно вложу в заповедь любви этот порочный смысл и скажу: «Не Ты ли велел?!», пытаюсь снять с себя ответственность и возложить ее на Давшего закон...

От слабости — лицемерие. Из лицемерия — ложь. И все для того, чтобы отречься от духовной свободы...

«...Научи меня духовной свободе! Вынь из груди моей мало-душие и трепетное сердце! Помогни мне свободно найти пути мои — мои пути, но не уводящие от Лица Твоего! Пошли мне полноту любви, не ожесточающуюся и в гневе на врагов Твоих! Дай мне ту силу любви, которая способна все отдать и будет исповедовать Тебя и в смертный час! И растопи во мне огнем Твоей любви человеческую ненависть! Не дай моему сердцу перегореть в ней! И не дай мне умереть в ожесточении гнева и кары!..»

Душу ли только отдам? Нет, но и душу души моей — нежность сердца, прямоу нелукавой воли, детскую чистоту безгневности... Восстановлю ли их? И как возвращу их себе?..

«Пошли мне силу безмолвной, но непрестанной молитвы! Пошли мне неизреченных воздыханий Духа Твоего! Пошли мне дар слезного очищения!...»

— Решение созрело. Я готов.

И. А. ИЛЬИН

Ушедшим победителям

Вы победили, друзья и братья. И завещали нам довести вашу победу до конца. Верьте нам: мы исполним завещанное.

Победил не тот, кто временно осилил в борьбе, ибо грубая сила, одолевая, творит сама свое поражение, и рок увлечет ее в пропасть. Победил тот, кто своим деянием явил *силу духа и воли*, кто показал, что умеет *любить* нечто *больше жизни* и *больше себя*; кто показал, что *страх* не влечет его к *покорности*, кто своим *деянием* проявил и пробудил в душах *непоколебимую волю к грядущей полной победе*.

Иго старой власти воспитало в русской душе бессильного и запуганного *раба*, молча приемлющего свое иго; раба, презирающего власть за насилие, а себя — за покорность; раздавленного, скрежещущего и безвольного. Иго старой власти приучило русского человека *жить чужою волею* и, задыхаясь от ненависти к ней, — *покоряться*. Оно научило нас *терпеть все* и предпочитать позорную жизнь доблестной смерти.

Ныне вы победили этого раба тем, что свободно, доброю и чистою волею поднялись против *нового ига*, ига темной массы и ее продажных совратителей. Не из классовой или личной корысти; не судорожным, темным мятежом, пробужденным силою голода, страха или жадности; не велением честолобца встали вы. Без уговоров и заговоров, с малым оружием, слабые числом и лишённые вождя, вы встали потому, что *вы — не рабы*; вы встали для того, чтобы *искоренить раба в русской душе*. Вы не признали темных похитителей власти, которых нельзя признать, не став *рабом добровольно*. Вы предпочли смерть новому игу; вы предпочли не жить, чем жить, покоряясь коварным вождям темной толпы. Самая борьба ваша *была уже победою*, самое деяние ваше есть *уже достижение*.

Россия должна быть свободна от ига и *будет* свободна от него; от *всякого* ига; ибо русские предатели не лучше иноземцев и толпа не лучше тирана. Вы поняли это, и вы были правы. Вы, не колеблясь, поставили чувство собственного достоинства выше жизни; родину — выше класса; право — выше силы; свободу — выше смерти. Вы сумели узнать врага народа, укрывшегося за личиною демократа, и врага России, принявшего облик революционера. Вами двигало чувство национальной чести и верное государственное понимание. Вас вдохновляла любовь к родине. Знайте же: вы были глашатаями *нового русского правосознания* и Россия *пойдет за вашим зовом*.

В вашем лице русский народ воистину сложил с себя рабское звание и утвердил свою гражданскую свободу. На этих основах, и только на них, возродится истинная мощь нашей чудесной и несчастной родины, создастся ее духовный расцвет. Пусть народные массы еще не понимают вас; они не понимали и декабристов. Пусть широкие слои революционной интеллигенции бредут в темноте, торгуясь со своим больным правосознанием и предавая Россию. Ваш подвиг — не дело единого дня; ваша победа непреходяща; ваша смерть дала вам бессмертие. Пока Россия будет жить, вас будут помнить и вами будут гордиться. Мы скажем о вас нашим детям и внукам; и они услышат ваш голос и поймут ваше деяние. Они поймут, что вы жили любовью к тому, что воистину *стоит любить*; они поймут, что вы умерли за то, за что воистину *стоило умереть*. И они будут учиться у вас этой любви и этой смерти.

Вы победили, друзья и братья. И на вашей победе мы возродим Россию.

И. А. ИЛЬИН

Корень зла

Трагическая судьба увлекает Россию. Свершается исторический рок, подводятся итоги наследственным грехам и вековым недугам, Великий и даровитый народ впервые раскрывает пред всеми и пред собою свое застарелое духовное увечие и пытается изжить его, предаваясь ему со всею беспомощностью ребенка. Никто не может помочь ему извне или со стороны; только *он сам*. Он выстрадает свое разложение и свое падение, опомнится, взалкает и возродится. В том порукою его немнимое величие и его подлинная даровитость.

Напрасно было бы сводить переживаемое ныне разложение России к ошибкам и провалам последних месяцев; коренные причины лежат гораздо глубже — в исторических путях и в строе духовной жизни. Самые ошибки порождены этими глубокими причинами; самые провалы явили только силу этих наследственных недугов.

Процесс, переживаемый ныне Россией, должен быть осмыслен как *органическое крушение самодержавия* и как *разложение созданного им уклада духовной жизни*. Этот строй и этот уклад породили *изувеченное и немощное русское правосознание*, которое не могло и не умело справиться с историческими и политическими испытаниями. Оно поколебалось в самых основах своих, изнемогло и разложилось; и в падении своем разложило всю политическую и общественную организацию страны.

Напрасно думать, что «все дело в войне» или «в революции». Война есть великое и грозное испытание; но это испытание оказалось все же по силам для многих других народов. Война есть напряженная борьба за *государственную независимость*, и эту борьбу народ может вести только тогда, если он сознает свое государственное единство, дорожит им и умеет подчинять ему всякий частный и классовый интерес. Народ, лишенный *государственного правосознания*, может создавать только *види-*

мость государства, и политическое единение его призрачно и эфемерно. Не война разложила Россию, а немощее и изувеченное правосознание народа.

Революция, стрясшаяся восемь месяцев тому назад, была совсем не «победою восставшего народа», а началом великого крушения — политического и духовного. Крушение началось сверху; рухнула крыша, венчавшая здание старого строя. Моральное вырождение властвующих верхов ускорило разложение их правосознания: воля верховной власти перестала быть орудием народного и государственного самосохранения; ее постиг паралич, и она исчезла в стремительном падении династии.

Но выковать новую верховную власть, создать «правительство государственного самосохранения», правительство народной самостоятельности — не смог, не сумел и народ. То, что было не по плечу старой власти, оказалось не по плечу и ему. Самодержавие оставило ему в наследство *изувеченное и немощее правосознание*, а с этим наследием нельзя ни учредить, ни оборонить, ни строить государство. Восемь месяцев толпился народ вокруг опустевшего трона царей, не зная, кому можно верить и кому повиноваться, расхищая по частям верховную власть и размножая узурпаторов и самозванцев. Взволнованная ненасытная толпа не внимала политическому разуму и государственной мысли; она искала не общего, а частного, не власти, а своеволия, не спасения родины, а корыстного прибытка; она тяготела к распылению, к фактическому захвату, к мести и слепой расправе.

И навстречу этому гибельному тяготению все время шли слои так называемой «революционной демократии» — полуинтеллигентные ненавистники старого гнета, доведенные им до утраты истинного патриотизма, но не выработавшие в себе даже начатков государственного правосознания. С их горестной помощью народ утрачивал постепенно всякую способность и всякую волю к правовой организации и превращался в *чернь*. Партийная агитация левых не могла дать народу того, чего не имели и сами партии: государственного смысла и любви к родине; а проповедь ненависти и «классового интереса» делала свое разрушительное дело.

Революционные демагоги — эти слепые вожди слепых — были не выше толпы и не понимали, что, превращая народ в *чернь*, они служат лишь *черной сотне*. Они превратили политическую борьбу в позорный аукцион, все надбавляя обещания, и русская государственная власть пошла с молотка. Трудно ли было предсказать, что последняя ставка останется за германофильской реставрацией?

То, что переживает ныне Россия, есть обнаружение воочию всенародного духовного недуга — недуга государственного правосознания. Этот недуг есть порождение и наследие самодержавного строя, и развитие его может роковым образом восстановить тот строй, от которого недуг ведет свое начало.

Сущность самодержавного строя сводится к *систематическому отлучению «подданного» от власти и от государственного дела*. И это отлучение подрывает в корне самую сущность *государства и правосознания*.

Отлучение «подданного» от государственной власти душит, уродует политическую жизнь народа. Ибо политическая жизнь не только не исчерпывается пассивным подчинением чужой воле, но прямо *исключает* такое подчинение. Сущность ее состоит в *самоуправлении*, при котором каждый осязает в законе присутствие своей воли и своего разума. Отлучение народа от власти ставит его во внеполитическое состояние: жизнь государства совершается где-то *над* ним, *вне* его, *помимо* его, и он узнает о ней только в порядке вынуждаемого повиновения. Государство возносится над народом и давит его как постороннее, чужеродное тело. Оно является не корпорацией, а *учреждением*, наподобие больницы или богадельни, но такой богадельни, которая заставляет призреваемых работать на себя. Народ воспитывается в *слепоте*: он или *слепо благоговеет* перед властью, или, озлобившись, *слепо ненавидит* ее. Он не понимает, что такое государственная власть, какова ее природа и в чем ее задача. Он видит во власти не ответственное бремя, а выгодное преимущество и, в сущности, не умеет *ни доверять* ей, *ни уважать* ее, *ни поддерживать* ее. Народ вырастает в *политической пассивности и государственном безразличии*. И в минуту испытания он оказывается поистине политически *недееспособным*.

Это отлучение от государственного дела убивает в народе всякий политический *смысл и разумение*. Народ не чувствует того общего *интереса*, который сковывает его в единство; и, не зная этого *общего* дела, он не творит и политического единения. Все, что ему доступно от государства, есть приказывающая и понуждающая *власть*, «начальство», возглавленное персоною монарха. Развенчание *этой* власти он испытывает как отмену *всякой* власти, как падение законных запретов и предписаний, как разнуздание частного своеволия. Идея самообязывания и личного самообуздания не живет в его сознании, и воля его не умеет породить к жизни новый *автономный порядок*. Правосознание его немошно и бессильно, и правовое самоопределение ему недоступно.

Сама любовь к родине живет у такого народа лишь в виде смутного и непросветленного инстинкта национального самосохранения, и явная — личная или классовая — корысть без труда подавляет и на время даже заглушает этот верный инстинкт. Слово «родина» не связывается ни с каким определенным духовным и политическим содержанием, а идея национальной независимости мало говорит душе полураба. Власть иноземцев страшит его не более, чем власть старого режима; а демагогическую подачку можно принять и из германских рук. Старый строй сделал все, чтобы заморить любовь к родине в душе своего подданного, сосредоточивая его внимание на монархе; мудрено ли, что охлаждение к монарху вызывает в народе падение патриотизма? Самодержавие умело связать собою идеи государства, власти, порядка и родины; и крушение его увлекает с собой на время все основы правосознания.

Россия разлагается потому, что самодержавный строй оставил народу в наследство изувеченную и немощную политическую волю. Он приучил нас всех повиноваться с проклятием на устах; но он не приучил нас участвовать в государственном деле, творить право, любить родину, уважать свою государственную власть и сливать свою судьбу с судьбою своего государства. Он положил начало той дезорганизации, которая губит оборону России; он подготовил ту политическую деморализацию, которая губит ныне русскую свободу. Трагическое разложение и распыление России есть *его* дело; тупое безразличие масс к судьбе родины есть *его* порождение; торжество корыстных и погромных лозунгов есть *его* наследие; растление русского правосознания есть *его* вековое злодейство.

Ныне этот строй мечтает о возрождении под прикрытием крайней демагогии. Он отыскивает свои корни в том больном укладе духовной жизни, который был *им самим* изувечен. Он пытается спастись слепотою тех, кого он сам ослепил. Спасаться — и погубить Россию.

Душа изнемогает от скорби и стыда при виде нашего великого крушения. Но из-за стыда и из-за скорби не угасает вера в наше грядущее возрождение. Русский народ выстрадает свое разложение и свое падение, опомнится, взалкает и возродится. В том порукою его немнимое величие и его подлинная духовная одаренность.

И. А. ИЛЬИН

<Рец. на кн.:> *Карсавин Л. Диалоги*

«Обелиск». Берлин, 1923. 112 с.

В назидание потомству книжка увековечивает два диалога. Первый озаглавлен: «Об основных свойствах русского народа и царственном единстве добродетелей» и помечен «Петербург, 1920 г.». Второй озаглавлен: «О прогрессе и социализме» и помечен «1922. XII. 12».

Из самого текста первого диалога видно, что главному участнику его присуща манера говорить о Боге, о добре и зле, о таинстве и молитве с какой-то «постоянной полуулыбочкой» (с. 8), «поселяющей в читателе подозрение, что автор издевается над самой темой» (с. 8), и притом именно «над нею самою, а не только над формою ее выражения» (с. 11). Оказывается, что эта отвратительная и неприличная манера присуща не только герою диалога, но и всему русскому народу и что проистекает она из присущей ему «стыдливости, или стыдливой сдержанности», которая порождает «неумение наше спокойно и серьезно говорить о возвышенном» (с. 10). Русскому человеку, поясняет герой диалога, свойственно ощущать неполноту своего религиозного познания, растеривать от этого свой пафос, негодовать на свое бессилие, а иногда и без негодования восстанавливать «гармонию душевного бытия» улыбкой (с. 17). Эту «стыдливость» можно преодолеть только религиозным «исступлением», которое всегда превозмогает стыд (с. 19). Но к исступлению способен не всякий; тогда к «стыдливости» примешивается «лень» (лѣнь), улыбочка начинает относиться к самому Богу и становится «окончательным актом мысли и жизни» (с. 17—27). Отсюда возникает и «Богоборчество» (с. 18), и дикий безумный смех (с. 23), и боевое бесстыдство (с. 27). Герой диалога ссылается на «камаринского мужика, подергивающего штанишечки», называет и Федора Карамазова (с. 22); но всячески отстаивает

вает свой тезис, что «наша» (! — Рец.) «усмешечка и ужимка» есть «особый вид Богопочитания» (с. 10). Вслед за тем начинаются длинные, отвлеченно-конструктивные рассуждения этико-теософского характера, с цитатами из Франциска Ассизского и блаженной Анджелы¹; эти рассуждения героя сами собеседники его характеризуют как «чревоущание» (с. 21, 23). Но герой чувствует себя «мистагогом» (с. 24). Резвясь и хихикая, он договаривается до «злого блага» и «злого смирения» (с. 39); он стремится показать, что «большевизм» как национальное явление порожден «нужною стыдливостью» и «постоянством Богообщения», от соединения которых жизнь «обесценилась и обесплодилась» (с. 30) (! — Рец.); он пытается даже дать «дедукцию Троичности», утверждая, что «Отец избирает Сына», «избирает и Духа» (с. 51) (! — Рец.). Диалог пересыпается остротами вроде: «от Куликова поля очень недалеко до Царствия Небесного» (с. 10), и анекдотами вроде: «Людовик XV² не стыдился “ventre pellerer ventos”³», опираясь на руку дамы. Попробуйте последовать его примеру, гуляя под руку с мужчиной. В нынешнее время при растительном питании все следуют примеру короля-солнца» (Людовик XIV?⁴ — Рец.)...

Второй диалог изумляет своею пустотою и бесплодием. В рохе гипотетически сформулированных, частноутвердительных суждений (может быть, прогресс отчасти есть, а может быть, его отчасти нет; может быть, будет период международных войн etc.) выделяется одна серьезная мысль: «есть своя правда и в фарисействе» (с. 87); и одна, с позволения сказать, «шутка» (с. 79): «мартышки неизменно предаются мастурбации» (с. 78).

Прочтя эту книжку по суровой обязанности рецензента, выносишь впечатление тяжелого сна. Что это такое? Издевательство? Над кем? Над собою? Над читателем? Над издателем? Нет, прежде всего — над *Предметом*. Эти «диалоги» кощунственны не только потому, что они пытаются затушевать бездну между кощунством и некощунством; но и потому, *как* они пытаются сделать это, — превращая самую затею в новое кощунство. Или, может быть, все это сугубое кощунство есть тоже порождение «истинной и нужной стыдливости»? Но тогда критик *обязан* указать автору диалогов на то, что его «улыбочка» уже перенесена «с определения на определяемое» (с. 17); что *каждое* литературное деяние есть акт *духовной* культуры и что *каждый* акт *духовной* культуры есть в высшем смысле *окончательный* акт мысли и жизни.

В известном отношении автор «Диалогов», однако, прав: *есть* в русском духовном творчестве такой уклон и такой угол,

мимо которого проходишь с отвращением и исследовать который призван психоаналитический метод Фрейда. В этом углу, отнюдь не характеризующем *ни* высоту, *ни* середину, а только *низину*, только лепрозорий русской духовной культуры, все понятия перевернуты и все подходы извращены: здесь стыд бесстыдно подмигивает, а бесстыдство притворяется стыдом; здесь кощунствуют о целомудренном, а нецеломудренное смакуют и «размазывают» (ср. у Достоевского), здесь разврат принимают за религиозное достижение, а религию низводят до разврата. Этот уклон действительно подготавливал все извращения русской революции или, вернее, зловеще предвываял ее надвигающиеся мерзости. Придет день, и зоркий критик обнаружит эти залежи революции, скопившиеся до революции. Но вычистить эту духовную проказу можно только великим всенародным религиозно-очистительным делом, огненным и длительным...

Трагедия России была в том, что этот больной уклон духа нашел себе осуществителей, сторонников и апологетов в составе русской интеллигенции; и то, что Достоевский вскрыл как недуг и язву, было подхвачено и насаждено в качестве духовного достижения.

В. Розанов был прав не тогда, когда предавался этому уклону, а когда, обернувшись на свое прошлое, содрогнулся и признал, что его «темы» требуют прежде всего духовной *чистоты ока* и что он сам только напортил, касаясь их. А между тем за ним брели и доселе бредут еще некоторые круги русской интеллигенции, впервые, однако, устами автора «Диалогов» открыто признавшие сродство *этого* бесстыдства с бесстыдством революции.

Да, большевистская революция, как Федька Каторжный, «поснимала зеньчуг»⁵ с Божиих икон на Руси. Но «мышь пустил» за стекло иконы именно Петр Степанович Верховенский...⁶

Как хорошо, что эта книжка напечатана по «новой» орфографии...

И. А. ИЛЬИН

Родина и мы

1

Как тяжело утратить родину... И как невыносима мысль о том, что эта утрата, может быть, состоялась навсегда... *Для меня* навсегда, ибо я, может быть, умру в изгнании...

От этой мысли все становится беспросветным: как если бы навсегда зашло солнце, навсегда угас дневной свет, навсегда исчезли краски дня... и никогда больше не увижу я цветов и голубого неба... Как если бы я ослеп или — некий голос грозно сказал бы мне: «Больше не будет радостей в твоей жизни; в томлении увянешь ты, всем чужой и никому не нужный...»

Кто из нас, изгнанников, не осязал в себе этой мысли, не слышал этого голоса? Кто не содрогался от них?

Но не бойтесь этого голоса и этого страха! Дайте им состояться, откройте им душу. Не страшитесь той пустоты и темноты, которые прозянут в вашей душе. Смело и спокойно смотрите в эту темноту и пустоту. И скоро в них забрезжит *новый свет*, свет новой, *подлинной любви к родине, к той родине, которую никто и никогда не сможет у вас отнять*. И тогда вы впервые многое поймете и многое вам откроется. И ваше изгнанничество перестанет быть пассивным состоянием; оно станет *действием и подвигом*: и свет не погаснет уже никогда.

Я помню, как осенью 1922 г. в Москве, когда «вечное изгнание под страхом расстрела» было уже объявлено мне и оставались одни формальности, ко мне пришел проститься один из приятелей и произнес мне надгробное слово: «Вы, — говорил он, — конченный человек; вы неизбежно оторветесь от России и погибнете... Что вы без родины? Что вы можете без нее сказать или сделать? Уже через несколько месяцев вы не будете понимать того, что здесь совершается, а через год вы будете совсем

чужды России и не нужны ей... Иссеянут ваши духовные родники... И вы станете несчастным, бесплодным, изверженным эмигрантом!..»

Я слушал и не возражал ему: он не видел дальше «пустоты и темноты»; он думал, что родина исчерпывается *местопребыванием и совместным бытом*, его патриотизм питался повседневностью; его любовь нуждалась в ежедневном подогревании; «русскость» его души была не изначальной, а привитой; он видел Россию не из ее священных корней и судил обо мне по себе. И, зная это, я не надеялся поколебать его в прощальной беседе...

Мы, русские, мы, белые, все мы, вынужденно оторвавшиеся от нашей родной земли, мы *не* оторвались от нашей *родины* и, слава Богу, никогда не сможем оторваться от нее. Всмотритесь и вслушайтесь в «пустоту» нашей тоски и в «темноту» нашей скорби: ведь мы сами — *живые куски* нашей России; ведь это *ее* кровь тоскует в нас и скорбит; ведь это *ее* дух молится в нас, и поет, и думает, и мечтает о возрождении, и ненавидит ее врагов. Почувствуйте это: *она в нас*, она всегда *с нами*, мы слеплены из ее телесного и духовного материала; и она *не может* оторваться от нас так же, как мы *не можем* оторваться от нее. И куда бы ни забросила нас судьба, в нашем лице дышит, и молится, и поет, и пляшет, и любит стихия нашей родины. И, когда мы говорим, просто *говорим*, произносим русские слова, разве это не *ее* дивный язык (о, какой несравненный!) благовестит о ней и нам, и другим народам?..

Какие человеческие законы, какие бытовые уклады могут оторвать меня от моей родины, когда я, может быть, самый последний из ее сынов, *соткан из нее* и изменить это мог бы только тот, кто переплавил бы всего меня заново? «Эмиграция», «изгнание» меняют наше местопребывание и, может быть, наш быт; но они бессильны изменить *состав, и строение, и ритм* моего тела и моего духа. Посмотрите, как мы, русские, узнаем друг друга по походке, выражению лица, по произношению, по улыбке, по манере одеваться, — всюду: и в горах Тироля, и в Нью-Йорке, и на аванпостах африканской армии. Все чувства наши обострились в изгнании для всего, что *наше*. Ширью, легкостью, простотою, искренностью, добротою, глубиною чувства, мечтательностью, даровитостью, темпераментом наделила нас Россия, — и все это слагает особый аромат бытия и быта... И нам, слава Богу, никогда не утратить этого!

За «пустотою» и «темнотою», там, глубже, в каждом из нас скрыто некое сокровище, светящийся клад русского национально-духовного опыта — религиозного, и нравственного, и

художественного, и государственного. Убедитесь в этом, воззовите туда голосом скорби и внимайте ответу. Подумайте про себя из глубины, сосредоточенно, молча: «светлая заутреня»; «всенощная»; «панихида»; «Сергий»; «Гермоген»; «Кремль»; «Куликово поле»; «Пожарский»; «Киев»; «Москва»; «Петр»; «Пушкин»; «Гоголь»; «Достоевский»; «наша песня»; «наша армия»; «наши монастыри»; «Оптина Пустынь»; «коронование» — — —¹ и никогда после этого не говорите и не воображайте, что вы «оторвались» от родины...

От родины оторваться нельзя! Можно жить на свете, не найдя своей родины: мало ли их, безродных, теперь; всюду они мутят, желая привить другим свое убожество. Но кто раз имел ее, тот никогда ее не потеряет, разве только сам предаст ее и не посмеет покаянно вернуться к ней... А нам всем родина дала уже, дала раз навсегда не умирающее и не истощающееся богатство, в нас самих укрытое, всюду нас сопровождающее, дар навеки...

Конечно, это верно: что я без моей родины, которая *это* создала и *это* дала мне навеки? Да, но разве какое бы то ни было изгнание может отнять это у меня? Разве эти алтари не живут во мне самом и я не могу в любой момент обратиться к ним мою любовь, и мою гордость, и мою благодарность, и мою молитву? И какая «денационализация» страшна мне и моим детям, если я постоянно — трепетом моего сердца и огнем моей воли — молюсь у этих алтарей и учу тому же моих детей?

Но тогда где же «пустота» и «темнота»? Да, я оторван от родной земли; но не от духа, и не от жизни, и не от святынь моей родины, и ничто и никогда не оторвет меня от них!..

И вот, смотрите: «состояние» изгнанничества становится *заданием, действием и подвигом*. Мы должны найти в себе, углубить и укрепить свою русскую природу, свою «русскость» так, чтобы через «пустоту» и «темноту» видимого и мнимого «отрыва» от России засиял свет *подлинного единения и глубинного единства с нею*. Мы оторваны от родной земли именно для того, чтобы найти в себе самих родной дух, тот дух, который строил Россию от Феодосия Печерского и Владимира Мономаха до Оптиной Пустыни² и Белой армии. И родная земля вернется нам только тогда, когда огонь этого духа загорится и в нас, и в оставшихся там братьях наших; загорится — и вернет нам нашу землю, и наш быт, и нашу государственность...

Где-то в мудром решении Божиим установлено так, что человек *находит* через *утрату*, прозревает в разлуке, крепнет в лишениях, закаляется в страдании...

Кара ли это? Возмездие ли?
Не милость ли? Не помощь ли?

Когда же, когда возрастал и окрылялся человек в легких, дешевых, слишком человеческих утехах?

И разве не на сильного и не на любимого возлагается более тяжкий крест?

Нам задано обрести родину через утрату ее; увидеть ее подлинный, прекрасный лик в разлуке; окрепнуть и закалиться в изгнании; и подготовить свою волю и свое разумение к новому строительству нашей России.

Верьте: кому дано *призвание*, тому дан и *обет*.

Окиньте же умственным взором пути нашей общей белой борьбы и каждый — свою личную судьбу; и постигнете — и наше призвание, и тот обет, который таинственно скрыт за призывом... Обет возврата и возрождения.

2

Мы, белые изгнанники, — не беглецы и не укрывающиеся обыватели. Мы не уклонились от борьбы за Россию, но приняли ее и повели ее всею силою, и любовью, и волею.

И ныне заявляем — пусть слышат и друзья, и враги: *борьба не кончилась, она продолжается.*

Она окончится только с освобождением и восстановлением России. И тогда от этой борьбы останется драгоценное наследие: выделившийся и сплотившийся кадр белых патриотов, белая традиция, белая идея. Белая армия станет творческой основой, ферментом, цементом русской национальной армии — и в недрах ее она сделается *орденом чести, служения и верности*. И этот орден возродит не только русскую армию, но и русскую *гражданственность* — на основах *верности, служения и чести*.

Но для этого мы, белые, должны прежде всего соблюсти *свой дух и самих себя*.

Я не говорю: «себя» и «свой дух»; а в обратном порядке: *дух и себя*. Потому что дух важнее соблюсти, чем личную жизнь...

Тот, кто сберег свою жизнь, но не соблюл духа, тот не борец и не строитель родины. Что ему русская армия? Что он России? С чем вступит он в грядущий орден? Какую понесет и передаст традицию?

Нет, наша задача *не* в том, чтобы пережить этот трудный период *во что бы то ни стало*, это значило бы все продеше-

вить, растерять и погубить. Но в том, чтобы пережить этот период, *оставшись белыми*, сохранив белый дух, дух чести, служения и верности.

Мы должны соблюсти, во-первых, *дух чести*, ибо *Россия погибла от бесчестия* и возродится только через честь.

Я разумею прежде всего общечеловеческую честь — *живое чувство собственного достоинства*, уважение к себе и к своим алтарям; отвращение ко всяческой кривизне; прямоту характера, слова и поступка; имущественную честность. Я разумею, далее, *воинскую честь* — достоинство солдата; уважение к воинскому званию и призванию; живое осязание той благой цели, для которой воину дан меч; культ воинской доблести и славы. Я разумею, наконец, государственную честь — достоинство русского гражданина, неотделимое от достоинства России; уважение к исторической государственности, строившей нашу чудесную родину; живое осязание самого себя в единстве со своей родиной; памятование о том, что мы — ее аванпост и что по нас судят о ней.

Мы должны соблюсти в себе, во-вторых, *дух служения*, ибо *Россия погибла от безразличия и своекорыстия* и возродится только через служение.

Я разумею тот дух патриотической преданности, который подчиняет все личные и классовые цели — благу родины; я разумею *рыцарственный дух* бескорыстия, свободной жертвенности, добровольного подчинения, дисциплины и бесстрашия; я разумею то состояние души, когда любовь рождает сильную и неподкупную волю, воля ведет к поступку, а поступок строит родину; когда чувство долга становится второй природой, а вера в свое призвание ведет к подвигу.

Мы должны соблюсти в себе, в-третьих, *дух верности*, ибо *Россия погибла от душевной смуты, двоедушия и предательства* и возродится только через верность.

Верным может быть только тот, кто чему-нибудь *религиозно предан*, кто в чем-нибудь безусловно и окончательно *убежден*, кто испытывал нечто с полной очевидностью, так, что душа его становится *одержима* тем, что ему очевидно. У человека безыдейного и безверного нет и верности; в нем все неясно, сбивчиво, смутно — в нем смута и шатание, и поступки его всегда накануне предательства.

Бесчестие, своекорыстие и смута — безрелигиозность и бесхарактерность — погубили Россию; и возродится она *честью, служением и верностью*. Эти три великие основы русского православного правосознания с самого начала создали, спаяли и

укрепили Белую армию; ими она жила, за них боролась, ими побеждала. Благодаря им и через них она непобедима, ибо они слагают вместе тот дух, тот воздух, которым будет дышать и жить возрождающаяся и возрожденная Россия. Это есть как бы та «живая вода», которою должно быть вспырынуто «мертвое тело» нашей родины...

И какой бы «строй» ни установился в России после перелома, какие бы люди ни оказались «во главе», какие бы «программы» ни восторжествовали, Россия будет существовать, расти и цвести только тогда, если в ней воцарится дух чести, служения и верности; ибо дух бесчестия, жадности и предательства поведет ее опять по путям революции, распада, «переделов», «социализма» и «интернационализма» — по путям позора и бессилия. Мудрые понимали это и раньше; ныне разумеют это все, в ком живо непристрастное разумение. Для нас же, белых, это *аксиома*.

И еще в одном мы можем быть уверены: если в России возобладает дух *чести, служения и верности*, то она станет *монархией*. Ибо этот дух — дух единения, достоинства, дисциплины, порядка, честности и верности — породит *сильную, законную, несменяемую, сверхклассовую национальную власть, свободно и доверчиво любимую народом и воспитывающую его через честь к свободе и через собственность к труду*.

* * *

Соблюсти этот дух — значит для нас соблюсти верность тем знаменам, которые мы развернули восемь лет тому назад, — одни на юге, другие в Сибири и на севере, третьи в Москве, — и которые мы привезли с собой на чужбину; это значит соблюсти дух Белой армии — одно из лучших достояний и наследий русской духовной культуры.

Именно об *этом* говорю я: *это* важнее соблюсти, чем личную жизнь; ибо тот, кто умер белым, продолжает служить России и в смерти, самой смертью своею; а тот, кто отрекся от этого духа и этого дела, тот будет доживать свою жизнь или служителем бесчестия и предательства, или потатчиком жадности и разложения.

Наша задача в том, чтобы, несмотря ни на что, остаться у белого знамени; чтобы остаться белыми, не становясь ни черными, ни желтыми, ни красными.

Ни *черными*: теми, кто тянет направо во имя личных, групповых или классовых интересов; кто хотел бы принести русско-

му простому народу — месть, темноту и покорность; кто думает строить государство на мертвой букве и пустой форме; кто мечтает о политической и социально-имущественной реставрации и готов идти «хоть с чертом» (т. е. в соглашении с большевиками, если бы они того захотели) против революции.

Однако нам нельзя забывать и о грани между нами и *желтыми*: теми, кто долго подготовлял революционное крушение России и, в 1917 г. став у власти, обеспечил победу коммунистам; кто предал на растерзание русское офицерство; кто на юге «подготовлял террористические акты против вождей белого движения» *; кто преследовал наше Галлиполи³ голодом, пропагандой, инсинуацией и клеветой; кто ничего не понял и ничему не научился и ныне желал бы заразить нас своим непротивленчеством, соглашательством и всяческим полубесечеством.

И в то же время нам надо всегда помнить, что главная беда в *красных*: в тех, для кого покоренная Россия не отечество, а лишь плацдарм мировой революции; в тех, кто разжег и *возглавил собою* дух бесчестия, предательства и жадности, кто поработил нашу родину, разорил ее богатства, перебил и замучил ее образованные кадры и доныне развращает и губит наш по-детски доверчивый и неуравновешенный простой народ. Надо постоянно помнить о том, что такое сознательно обдуманное, организованное и нестыдящееся выступление зла *мир видит впервые* и что силою исторических судеб Белая армия стала основоположником и пионером борьбы с этим невиданным злом.

Пять лет прожил я в Москве при большевиках: я видел их работу, я изучил их приемы и систему, я участвовал в борьбе с ними и многое испытал на себе. Свидетельствую: это растлители души и духа, безбожные, бесстыдные, жадные, лживые и жестокие властолюбцы. Колеблющийся и двоящийся в отношении к ним — сам заражен *их* болезнью; договаривающийся с ними — договаривается с дьяволом: он будет предан, оболган и погублен. Да избавит Господь от них нашу родину! Да оградит Он от этого позора и от этой муки остальное человечество!..

Белая армия была *права*, подняв на них свой меч и двинув против них свое знамя — права пред лицом Божиим. И эта работа, как всякая истинная правота, измеряется мерилom *жизни и смерти*: лучше умереть и мне, и моим детям, чем принять красный флаг за свое знамя и предаться красному соблазну как якобы «благому делу». Лучше не жить, чем стать красным.

* Ген. А. И. Деникин. Очерки русской смуты. Т. IV. С. 207.

Лучше медленно умирать в болезнях и голоде, чем принять это зло за добро и отдать свои силы этому злу. И если бы дело обстояло так, что мы были бы вынуждены выбирать между большевизмом и смертью, то естественно было бы предпочесть смерть; но не смерть самоубийцы, а смерть борца, с самого начала открыто предпочтенную белыми.

Нам всем надлежит измерять *верность* нашей жизни и силу нашей *преданности* перспективою близкой смерти борца. Стоит ли жить тем, чем я живу? — стоит, если за это стоит умереть... Предан ли я тому, чему я служу? — предан, если я способен и готов умереть за это дело. А если мне будет «грозить» не смерть героя в бою, а медленное, незаметное умирание от лишений, голода и болезней, — пойду ли я на бесчестие, унижение и предательство? — не пойду, если родина во мне и со мною; а если пойду, то это значит, что я заблудился в «пустоте» и «темноте» и не нашел в себе алтаря моей родины.

Не правы те из нас, кто не проверяет себя такими вопросами, кто уклоняется от такого смотра и ревизии; ибо он рискует медленно и незаметно опуститься ниже уровня нашей борьбы, он рискует потерять необходимую для нее спартанскую выдержку и закаленность.

Не от нашего выбора зависело стать современниками великого крушения России и великой мировой борьбы; не мы повинны в том, что злодейство создало это крушение и распаляет эту борьбу; не мы — насильники, и не мы ищем гибели и крови. Историческая сила вещей вложила нам в руку меч, и мы взяли его, следуя зову чести, служения и верности. История обернулась к нам своим *трагическим* ликом; она поставила нас свидетелями не идиллии и не эпоса, а *трагедии*, и нам оставалось только выйти из состояния зрителей и стать участниками этой трагедии. Могли ли мы, должны ли мы были уклониться от этого? *Смели* ли мы отвернуться от этой трагедии и не принять этого меча? Спросим об этом в сотый, в тысячный раз нашу любовь к России, *нашу русскую честь и русскую верность*. И в сотый, и в тысячный раз насладимся тем благодатным успокоением и равновесием, которые даются *чувством духовной правоты*.

Нам надо понять и помнить, что неисповедимые пути Божии поставили нас участниками небывалой по остроте и по размаху мировой борьбы. Нам надо исторически расширить и углубить наш горизонт, чтобы увидеть правоту и ответственность нашей позиции — нашего поста; и чтобы, усвоив его почетность и его трудность, держать на надлежащей высоте *чистоту наших решений и силу нашего характера*. Нам надо всегда помнить, что

мы — независимо от того, понимают это другие или не понимают, — что мы волею судеб оказались *авангардом мировой борьбы* и что каждый из нас должен быть на высоте этой борьбы и ее целей.

Да, нужно время и нужны испытания для того, чтобы другие народы постигли то, что нам ясно уже восемь лет, — постигли и ужаснулись; чтобы они сделали те усилия и приняли те решения, которые созрели и состоялись в наших душах восемь лет тому назад. Но смотрите: время уже идет, и испытания уже приходят и научают; предчувствия уже превращаются в тревогу, тревога уже пробуждает разумение и вызывает волевые решения. Смотрите, как сложились патриотические силы в Венгрии, Италии, Испании и Болгарии, как движение, подобное нашему, назревает и организуется в Англии, во Франции и в Германии⁴. Это не значит, что все и всюду на высоте, что спасение найдено, что нет ошибок, что не будет потрясений и крови; но это значит, что дело, начатое нами в 1917 г., и путь, избранный тогда нашими вождями, есть дело *общечеловеческое* и путь *классический* в своей необходимости и правоте. Народы или пойдут этим путем, или погибнут.

Мы не знаем сроков и не можем предвидеть события. Но близится час, когда народы поймут, что в избавлении и возрождении России они все заинтересованы до конца; что в этом они все заинтересованы *порознь и сообща*, что они в этом *солидарны*; что здоровая и самобытная национальная Россия *необходима миру*... И тогда придет час обнаружения нашей правоты, час увенчания нашего дела. Тогда многое поймется, многое будет духовно признано, многое утвердится государственно и совершится исторически.

К этому часу мы должны быть духовно готовы и сильны. Соблюсти себя к этому часу есть наше основное *патриотическое задание*; и тот, кто ныне работает в этом направлении, делает свое *главное жизненное дело*.

Скитаясь здесь, за границей; работая то в конторе, то в шахте, то на заводе, то на туземной службе, еле прокармливаясь, недоедая и болея, но *соблюдая белый дух*, мы этим, *одним этим*, уже блюдем и строим нашу Россию. Бедствующий изгнанник, живой духом, — одним тем, что он жив духом, уже служит России драгоценную незаменимую службу. Ибо он сам — живой кусок России, ее хранилище, ее драгоценный орган. Или иначе: он как бы ее оружие, временно сложенное ею в арсенал. Роптать ли нам на нашу родину за то, что она, погибая, не нашла для нас лучшего арсенала, чем изгнание? Блюдайте же в

себе, в своем лице это оружие, чтобы оно не заржавело; ибо заржавевшее оружие никому не нужно. Не нужно и России.

Берегите свои *силы*, не тратьте их зря. Если *есть* выбор, то выбирайте труд, хотя бы и скучный, но не грозящий жизни. Помните, что жизнь *каждого* белого драгоценна для родины; что *каждый* из вас *незаменим* для нее; что смерть и без того уносит нас и что не следует торопиться ей навстречу. Берегите друг друга; помогайте друг другу перейти на неизнуряющий труд; крепко держите белую спайку.

Берегите свою *бодрость и веру*. Не верьте злым и лукавым разговорам о том, что Белая армия «потерпела неудачу», что дело ее «кончено» или «обличено и приговорено», не верьте им, откуда бы они ни раздавались, справа или слева, от явных или прикровенных соглашателей. Наша победа в том, что после всего вынесенного и выстраданного мы *сохранили любовь, веру и волю*; а способность нашей любви, веры и воли изливаться в дела и достижения — уже не требует доказательств.

Берегите нашу *идею* и верьте нашим *вождям*. И тогда терпение и выдержка довершат остальное.

3

Теперь уже нетрудно ответить на вопрос о том, что же нам делать и на кого нам надеяться? Ответ складывается сам собою, и я уверен, что по-прежнему среди нас не будет разноречий и споров.

1. Прежде всего: во что бы то ни стало стать на свои ноги в смысле трудового заработка, и притом так, чтобы на время изгнания войти полезной и ценной трудовой силой в туземный строй и оборот. Если надо, то экономически и культурно приспособиться к заграничному спросу и предложению; если необходимо, то переехать в другую страну; если неизбежно, то уехать за море.

Нам нельзя надеяться на «авось» или на «теперь уже скоро»; нельзя оставаться безработными; нам не следует становиться в положение «призреваемых». Надо, чтобы нас уважали там, где мы живем, и чтобы нас ценили там, где мы работаем. Белый изгнанник должен соблюсти свою трудовую и бытовую *независимость* как внешний оплот своего *достоинства*, он не может ставить себя в положение растерянности и беспомощности перед лицом тех, которые захотят купить его «партийность», или

его «вероисповедание», или его «подданство». Мы должны иметь возможность *независимо и достойно выждать совершения сроков*, а для этого не следует ни пессимистически унывать, ни оптимистически фантазировать. Надо найти свое место в реальной жизни и постоянно помогать в этом *другим*.

2. Мы не должны надеяться ни на кого, кроме *Бога*, наших *вождей и себя*.

Не потому должны мы надеяться на себя, что мы самомнительны и заносчивы, а потому, что мы люди *воли*, и служим делу *правому*, и всегда зовем на помощь Того, в Чьей руке всякое правое дело. Дело освобождения и возрождения России есть *наше* дело, и оно будет выполнено *нашими* силами и *нашими* руками.

Нам надо всегда помнить, что на чужие силы надеется лишь *безвольный* человек, а безвольный человек *не победит никогда*. Победа вообще возможна только как деяние самого побеждающего, а не чужой силы; побеждает *его* воля, *его* сила, *его* усилие, *его* акт, а не «стечение обстоятельств». Победа безвольного есть пустая видимость; для безвольного самая победа есть разновидность поражения, которая вот-вот обнаружит всю его немощь... Если он случайно «победит», то не сумеет *взять* свою победу, если он случайно «возьмет» ее, то *не удержит*...

Нам надо всегда помнить, что затруднение и неудача ослабляют силу безвольного человека и *укрепляют силу волевого*. Чего можно ждать от существа, которое «заранее предвидит», что «затруднения будут непреодолимы»? Такие люди просто *мечтают* о непреодолимых затруднениях, для того чтобы тотчас провозгласить их непреодолимость и успокоиться! Обратно этому живет и чувствует волевая натура: «не удалось — значит, мало сил собрал, значит, соберу их вдвое»... «непреодолимо — значит, не так взялся, момент не выбрал, значит, найду верный способ и выберу верный момент»... Затруднение заставляет волевого человека извлечь из самого себя еще большие силы, чем он извлекал доселе, — и только.

Волевому человеку надо иметь только *Бога в сердце, царя в голове и вождя впереди*. И тогда он борется не «постольку, поскольку», а без оговорок; не по принуждению, а добровольно; не по должности, а всей душой; не напоказ, а честно и грозно. Он отдает все, чтобы взять все, т. е. осуществить всю свою цель и удержать ее.

Нам надо всегда помнить, что в деле избавления и возрождения России будет сделано не то, что «люди» сделают, а то, что *сделаем мы сами*.

3. Мы должны укреплять и закалять свои душевные силы, приобретая умение *молиться, не бояться, молчать*, вести *конспиративную работу, хладнокровно готовить и наносить удары в борьбе*.

Кто хочет быть *сильным* в борьбе со злом, тот должен молиться, ибо молитва есть живое *единение* с абсолютным *Благом* и абсолютной *Силою*. Всякий из нас может впасть в заблуждение: молитва очищает душу, отверзает ее духовные очи и возвращает ее на верный путь. Всякий из нас может устать, изнемочь и впасть в уныние: молитва дает силу, бодрость и мужество.

Силен тот, кто не боится одиночества; но одиночество по силам лишь тому, кто может молиться. Молитва дает власть над самим собою, а в этом первая основа настоящего характера.

Время изгнания дано нам для укрепления в себе *духовного характера*, силы воли, несломимой в преданности Божьему делу.

Эта сила нужна нам для борьбы с врагом. Наш враг лукав, бесстыден, изощрен и многообразен. Это нам надо всегда помнить и потому всегда *владеть своими словами и внешними проявлениями*. Нельзя выдавать врагам ни себя, ни друзей, ни дела; надо приучить себя к осторожному и выдержанному самообладанию во всем, что касается нашей борьбы.

Хотим мы того или не хотим — мы, белые, уже состоим в сговоре и заговоре (конспирации) против врага нашей родины. Это необходимо продумать, усвоить и принять. Знайте: девяносто процентов заговоров против большевиков провалилось в России *вследствие неумения молчать* и работать *незаметно*: это неумение свело в могилу десятки тысяч благородных, но неискусных людей; и нам пора сделать из этого теоретические и практические выводы, ибо не умеющий молчать и незаметно работать не может стать участником будущего ордена.

Конспирация имеет свои правила; из них первое: говорить о деле не там, где «хочется» или «можно», а только там, где это необходимо, где без этого пострадает дело.

Правила конспирации необходимо добыть, продумать и практически усвоить: никто не знает, через какие стадии борьбы нам еще предстоит пройти в будущем.

4. Мы должны всегда и во всем искать людей, которым можно *безусловно доверять* и с ними устанавливать *связь безусловного доверия*.

Безусловного доверия заслуживает человек *белого образа мыслей*, если он *искренен и силен*. Знаю, что «чужая душа потемки» и что люди легко обманывают и обманываются; знаю,

что черные, желтые и красные ищут нашего сочувствия и доверия и что многие из них уже начинают «хвалить» Белую армию для того, чтобы спровоцировать наше доверие и сочувствие... Но есть испытанные друзья, есть зоркие вожди, есть чуткие души. Необходимо проверять друг друга и помнить правило: при сомнении воздержись.

Люди *по-своему* добрые, *по-своему* благонамеренные, *по-своему* привлекательные могут найтись всюду, во всех течениях и группах; но для них достаточно *условного доверия*. Для безусловного доверия необходимы все три условия: верность белому делу, неспособность к двоедушию и сила воли. Четвертое условие — конспиративный навык приобретется сообща.

5. Мы не должны поддаваться *никогда и никому*, кто пытается *ослабить* в нас *стойкость белого сердца* или *скомпрометировать белую идею*.

Что бы они нам ни говорили, чем бы нас ни смущали, какие бы «открытия» или «откровения» нам ни преподносили.

Основным вопросом пути будет всегда: признают ли они *безусловно* правоту Белой армии, белого дела, белой идеи? И если ныне признают, то признавали ли *с самого начала*? И чем реально проявили это в годы борьбы? Эти вопросы сразу осветят собеседника: того, кто умалчивает, недоговаривает, двоится, лукавит или лжет; кто идет к нам в качестве лстивого демагога или хитрого провокатора.

В основном, родовом, лоне белой идеи есть место и свобода для *различных* настроений, симпатий и воззрений; но нет в ней ни места, ни свободы для построений, отрицающих и подрывающих самую белую борьбу и белую идею. В белом сердце есть *неоспоримые аксиомы*; не признающий их пусть выговаривает свое отрицание открыто; умалчивающий и двусмысленный пусть будет разоблачен.

Все эти «приходящие» и «манящие» в большинстве случаев ищут для себя покорную аудиторию, партийных последователей, подвластный кадр; и поэтому их основная задача — незаметно исказить белую идею так, чтобы увести пропагандируемого от *наших* вождей и *нашего* дела: «это хорошо, что вы до сих *<пор>* делали, но *теперь* это устарело и вы должны найти себе лучших вождей! Вот, например, мы»... мы, «легитимисты», или «демократы», или «республиканцы», или «социалисты» и т. п.

Мы всегда узнаем их по этому зазыванию, по предлаганию новых вождей, новой ориентации, новых партийных или чисто политических подчинений. Знайте, что им нужно не дело России, а *партийные штыки*...

Ответ им всем один: «белая идея, белое дело, белые вожжи»!

6. Каждый из нас про себя должен умерить или побороть в себе самом *жажду чести и власти*, памятуя, что к власти истинно призван не тот, кто проталкивается и интригует, а тот, кто умеет за совесть работать в подчинении, тот, к кому власть приходит сама.

Белому борцу подобает молиться так: «...не надо мне ни заслуг, ни власти, ни чести, но только помощи нам, Господи, спаси нашу Россию!..»

7. Всюду и всегда, про себя и в общении, с друзьями и публично, нам надо вынашивать, углублять и разворачивать нашу *белую идею*.

Эта идея дана нам; она живет в каждом из нас. Она добыта нами в борьбе, в усилиях и страданиях перед лицом смерти; она живет в глубине нашего чувства и воли; но живет как бы в нераскрытом, нераспустившемся виде. В противоположность то разнузданным, то рыхлым и беспринципным натурам, творившим революцию и смуту, белый воин имеет в себе освященный и неразрушимый *духовный Кремль*. Не бойтесь признать это и выговорить; не стыдитесь этого преимущества и этой силы; спокойно утверждайте ее в себе и не презирайте тех, кто ее лишен. Но не давайте этой энергии и этой силе растратиться на борьбу с повседневностью; не позволяйте быту одолевать бытие; не допускайте того, чтобы время, страсти, изгнание и болтовня врагов омрачили белую купину вашего сердца.

Для этого надо чаще и увереннее возвращаться к этому огню; пытаться уловить, выговорить и формулировать ту *идею-силу*, которая вела нас, ведет ныне и будет вести и впредь.

Родина? Что есть истинная родина? И разве патриотизм не имеет своих извращений?..

Россия? Чем велика, самобытна и священна наша Россия? Что есть в ней такого, что делает ее великою для *всех* других народов?..

Государственность? В чем состоит настоящая здоровая государственность по содержанию и по форме?..

Честь и достоинство? А почему же говорят иногда, что смирение и покорность выше достоинства и чести?..

Право и свобода? Но разве всякое право священно? И разве государство не урезывает свободу человека?..

Меч против злодея? А почему же многие доселе вопиют о «греховности» меча и, ссылаясь на Евангелие, рекомендуют «кроткую уступчивость»?..⁵

Собственность и семья? Но разве «братская общность имуществ» не есть «высшее» слово человеческого «развития»?..

Православие? Но разве у протестантов не больше «свободы»? А у католиков — не больше «воли» и «организованности»? В чем же духовные преимущества Православия?..

...Не потому ставлю я эти вопросы, что сомневаюсь в их верном разрешении; а потому, что ответы на них должны быть у белого готовы, и не только в сердце, но и в сознании и на языке.

Не бойтесь этих вопросов. Ваше сердце *уже* ответило на них. Но эти ответы нужны в зрелом виде; и для вас самих, и для ваших братьев по изгнанию, и для ваших братьев, томящихся там, в большевистской смуте.

Время есть еще: испытайте, думайте, читайте, обсуждайте, учитесь неопровержимо спорить с хитрыми и изворотливыми врагами. Организуйте кружки и общества, ищите докладчиков, вооружайтесь мыслью и словом. Впереди духовно больная, духовно голодная и беспомощная Россия.

8. Всюду и всегда, про себя и в общении, с друзьями и публично, нам надо углублять и утончать наше разумение *революции*, ее природы вообще и ее *разрушительного действия в России* в особенности.

Мы должны верно и точно знать, с *чем* мы боролись и боремся. Белые никогда не были и не будут классовой или сословной организацией; они никогда не отстаивали чьего-нибудь сословного или классового интереса. Они боролись не «с Россией», а *за Россию*. Они боролись не с «народом» и не с «простонародьем», а за единое, сверхклассовое, всенародное, *национальное* русское дело; они боролись с людьми, которые, *не* будучи русскими, превращали русское простонародье в *чернь*, а русский народ в *рабов*. Белая идея есть не идея *мести*, а идея *воссоединения и примирения*, она содержит не *реставрацию* (восстановление бывшего), а *возрождение*, не порабощение, а *освобождение*.

И тем не менее белая идея не революционна, а *противореволюционна*. Ибо революция есть духовная, а может быть, и прямо душевная болезнь. Революция есть развязание безбожных, противоестественных, разрушительных и низких страстей; она рождается из ошибок правящей власти и из честолюбия и зависти подданных; она начинается с правонарушения и кончается деморализацией и гибелью.

Вот почему белые боролись с революцией и революционерами, но не с теми патриотами, кто искал права, справедливости, хозяйственного и духовного развития масс. Мы не партия и ни-

какой партийной программой не связаны. Мало того, в белом движении заложена *надпартийная и противопартийная* тенденция. И тем не менее мы категорически отрицаем право на существование за партиями, явно или тайно отрицающими родину: это не русские партии, а враги России.

Чем была наша родина? И чем стала она после возвышения этих партий? Что мы имели и что мы потеряли? Что принесли нам социалисты, коммунисты, интернационалисты? Что сделали они с нашей Церковью, с нашим правопорядком, с нашей наукой, с нашим искусством, с нашим хозяйством, с нашими молодыми поколениями?

Мы должны изучать это, чтобы знать верно и точно, чтобы понять основные *причины* стряпшейся беды и чтобы верно установить *цели* дальнейшей борьбы.

Удержите ваше негодование, ваше отвращение, горечь и ненависть. Изучайте события, прежде чем судить людей. Добивайтесь истины, не преувеличивая и не преуменьшая: истина окажется *страшной преувеличений* — но именно ей вы должны научиться спокойно смотреть в глаза.

9. И вот, всему, что мы уже испытали и еще испытаем, что постигнем в нашей *идее* и в *революционной трагедии*, мы должны неустанно учить наше молодое поколение за рубежом, готовя его нам на смену.

Не знаем сроков. Впереди огромное, ответственное, священное дело. А там, в России, молодежь развращается или гибнет.

Национальное дело строится поколениями; традицией; духовным углублением и очищением, передаваемым от отца к сыну.

Начало положим мы; а наши дети и внуки пусть завершат начатое...

10. Еще одно: не думайте, что «спасение» и «мудрость» требуют от нас возможно *скорейшего возвращения* на русскую территорию, под власть советов. Час нашего возвращения еще не настал, но придет он для *всех нас одновременно*.

Коммунисты не меняются и не «эволюционируют»; они останутся теми же до конца. Они по-прежнему ищут мировой власти через мировую революцию; по-прежнему безбожны их цели и отвратительны их средства; по-прежнему попирают они все законы человеческого духа и пользуются Россией как плацдармом для подготовки разрушения и ограбления остального человечества. Правда, поведение их извилисто и лживо; они приспособляются в борьбе и симулируют «цивилизованность». И их «хозяйственное строительство» в России, поскольку оно

не обман и не реклама, объясняется лишь тем, что революция в других странах запаздывает и что они предчувствуют возможность похода против них. Но кого же все это может обмануть?

Качество большевизма не меняется и измениться не может. Об этом они сами заботились с самого начала: для этого им нужен был террор, для этого им нужна была кровь Царя и его семьи. Эта кровь *объединила их в злодействе и спаяла их страхом*, она углубила вражду к ним до бездны и *отрезала им пути отступления*. Их корабли сожжены; они обречены на то, чтобы до конца идти на рожон. А тот, кто примет их, тот должен принять все их бесчестие и всю их кровь; тот станет их сообщником; тот им не страшен и для них безвреден.

Что же означает «возвращение» белого изгнанника к большевикам?

Они не признали родину. Что же, он признал интернационал? Они остались бандитами. Что же, он уверовал в бандитизм? Они остались безбожниками и разрушителями. Что же, его потянуло на разрушение и безбожие? Ибо, возвращаясь, он может быть уверен, что его или *заставят* делать гнусности и погубят духовно, или ему не дадут делать *ничего* и уморят его голодом. По-прежнему коммунисты знают только два способа обходиться с инакомыслящими: или *порабощение*, или *истребление*.

И вот, добровольно возвращающийся эмигрант должен от-дать себе отчет в том, что он делает и на что он идет.

Своим возвращением он, во-первых, выдает большевикам публичный аттестат на доброкачественность: «они *исправились*» настолько, что «к ним идут» их принципиальнейшие враги. Этим он помогает им, но обманывает всех остальных и самого себя; и потому совершает акт в корне фальшивый и вредный.

Своим возвращением он, во-вторых, предает себя, бывшего борца, в руки злодеям. Он оказывается человеком, добровольно подавшим донос на самого себя и явившимся к отбыванию «вышей меры наказания». Если большевики убьют его, то поступок его получит значение малодушного, сентиментального и (по отношению к России) предательского *непротивленчества*. Если же они позволят ему дышать, то надзор их все равно поставит его в невозможность работать, бороться и служить России. Поэтому возвращающийся выходит из ряда борцов; он сдает позицию без боя и совершает акт политического мазохизма.

Наше «расхождение» с большевиками совсем не «тактическое» только, как у социалистов; и не «программное» только, как у левых партий. Для нас эта борьба не сводится к «политике» и не исчерпывается «экономикой». Для нас это прежде всего вопрос *религии, духа и патриотизма*; а все остальное есть лишь необходимое последствие и проявление главного. Поэтому и вопрос о «моем переезде с одного места на другое» не имеет ни для кого из нас центрального значения. О, мы умеем любить родную землю и родной быт не меньше, чем другие! Но примирение принять «землю» без родины или «быть» без духа, *согласиться* на поругание, унижение и искоренение России, и все только ради того, чтобы подышать родным воздухом, взглянуть на родные храмы и леса и поговорить с измученными братьями (которых мы вот только что глупо предали своим возвращением)... — для этого у нас не хватает ни сентиментальности, ни подлости, ни глупости! Не хватает теперь; и не хватит до конца...

И пусть не говорят нам, что мы «боимся» вернуться. Нет, мы не боимся и не прячемся; мы только *продолжаем борьбу*. Нас не страшила смерть ни в кубанских степях, ни в одиночках «особого отдела»; не устрасит и впредь. И именно поэтому мы будем хладнокровно выжидать благоприятного момента для... нашего возвращения!

Те, кто уговаривает нас «возвращаться», *морально обязаны ехать первыми и ехать немедленно*; право уговаривать они получают только *там*, и пусть они говорят *оттуда*. Но они *сами не едут* и предпочитают уговаривать *отсюда*. Им естественно ехать туда, ибо, как они ныне сами уже признают, между ними и большевиками различие не *качественное*, а только в *степени* и в *оттенках*. Но они *не едут*, а зовут только нас.

Знают ли они, что предстоит *возвращающемуся белому*, если он не унижится до сыска и доносов? *Не могут не знать...*

Значит, сознательно зовут нас на расстрелы? Не потому ли, что боятся нас и нашего «фашизма» и *желают нам гибели?* И нашими телами рассчитывают завалить «ров гражданской войны»?

И если мы услышим еще этот лепет о том, что «*сатана эволюционировал*» и что «теперь можно уже ехать работать с ним, помогать ему, договориться с ним, служить ему... вот только бы он сам захотел пустить нас к себе» — будем спокойно слушать и молча делать выводы: ибо говорящий это сам выдает себя с головой...

Такова должна быть наша позиция и наша белая работа за рубежом...

И делая ее, мы будем уже не только верными сынами России, но и строителями ее.

И если от этого строительства Господь отзовет кого-нибудь из нас до возвращения, то последний вздох его будет принадлежать ей, нашей не утраченной родине.

И вздох этот будет послан ей не из «пустоты» и не из «темноты». Да живет же наша чудесная Россия!

И. А. ИЛЬИН

Черносотенство

I

Для того чтобы одолеть революцию и возродить Россию, необходимо очистить души — во-первых, *от революционности*, а во-вторых, *от черносотенства*.

От черносотенства?.. Но разве за этим словом скрывается какая-нибудь реальность? Разве теперь, после революции, после массового отрезвления и поправления, можно говорить о «черносотенстве»? Разве не оказалось (спросит иной, ожесточенно и безмерно правящий обыватель), что «правые» *во всем* были *правы*?

Нет, этого совсем не оказалось. Справа допускались великие упущения и поддерживались совершенно больные уклоны, на радость и на укрепление революционной левизны. И слово «черносотенство» не только не обесмыслено, но обозначает по-прежнему одну из *причин революции* в прошлом и одну из величайших *опасностей* в будущем. И это необходимо понять и продумать до конца.

Черносотенство есть *противогосударственная, корыстная правизна в политике*.

Это совсем не означает, что *всякая* правизна есть черносотенство; только пристрастная, инсинуирующая полемика левой печати может изображать дело так, что все правые суть люди своекорыстные, холопы и жадники. Можно не ценить демократию и отрицать парламентаризм — совсем не из классовой, или групповой, или личной корысти, а из любви к родине, именно ради всенародного, общеклассового, национального интереса; и вся благородная правая публицистика в России именно так всегда и ставила этот вопрос. Дело обстоит совсем не так, что всякий «недемократ» есть тем самым «черносотенец», но так, что

всякий, *предпочитающий* свою *корысть* *благу* государства и *родины* и проводящий ее на политически-*правых* путях, есть черносотенец именно постольку, поскольку он это делает. Вопрос решается совсем не политической правизной, а ее программным наполнением; не тем государственным *строем*, который человек считает необходимым или лучшим, а тем *интересом*, ради которого он его отстаивает и одобряет. Словом, это вопрос *цели*, а не средства, вопрос политического *содержания*, а не политической формы.

Правая политика может быть черносотенной, но *может и не быть черносотенной*; и при этом она *не должна* быть и *не смеет* быть черносотенной.

Государство и государственная власть суть учреждения не классовые, а всенародные; их задача в созидании *общего* блага, а не личного, не частного и не классового. Люди могут расходиться в *понимании* общего блага, но не смеют ставить чью бы то ни было частную корысть выше интереса родины. И если они это делают, то они разрушают государство и родину, безразлично — делают это правые или левые.

Если корыстная политика справа есть *черносотенство*, то корыстная политика слева есть *большевизм*; это явления политически однородные, ядовитые и разрушительные; и притом обе эти склонности могут укрываться и в оттенках.

Если черносотенец служит личному интересу, то он *карьерист*, но черносотенному карьеризму соответствует слева — революционный и большевистский карьеризм. Если черносотенцы служат групповому интересу, то они создают власть правой *клики*, понятно, что правлению черносотенной клики соответствует слева — правление революционной и большевистской клики. И точно так же *классовой диктатуре* справа соответствует классовая диктатура слева. И в этом смысле можно было бы сказать, что большевики суть «черносотенцы слева», а черносотенцы суть «большевики справа».

II

Легкомысленно и поверхностно было бы сводить весь вопрос о черносотенстве к *диктаториальному* правлению или к правлению *меньшинства*: и диктатор, и «меньшинство» могут править государственно, служить общенародному интересу, мудро и целесообразно строить жизнь народа. История знает тому множество примеров, и не нашему веку, видевшему, напр<и-

мер>, реформы Александра Второго, возвышение Японии при Мутсу-Хито¹, политику Бисмарка² и Столыпина, — было бы позволительно забывать это. Черносотенец и большевик изменяют делу своего народа и государства во имя частной (личной или классовой) корысти — или явно, как это делают большевики, открыто выговаривающие свой образ действий, или тайно, как это обычно делают черносотенцы, то скрывающие свою корыстность, то изображающие свой частный прибыток, как дело общенародной пользы. Все это есть *извращение* государственного дела, *политическая кривда*, которую вместе с нашей допетровскою Русью можно назвать «воровским обычаем»...

И вот приписывать этот «воровской обычай» *каждому* диктатору или «меньшинству» можно только или от исторической наивности, или ради политической лжи.

Эта кривда, этот обычай — губительны и слева, и справа. Но в истории бывает нередко так, что черносотенство является подготовительной стадией, за которою следует стадия революции. И тогда черносотенство уходит в подполье и в эмиграцию, выжидая, чтобы революционные злоупотребления, выросшие из *безоглядной левизны*, вызвали в виде реакции слепую тягу к *безоглядной правизне*. И к этому моменту черносотенство готовится, иногда даже пытаясь вступать в соглашения с вождями революции...

Русские черносотенцы не перевелись и поныне. Но их немного; и в зарубежной России они, слава Богу, выделились в отдельную клику и завели даже свой особый «флаг» и свою «словесность».

Они изображают себя особливými приверженцами «закона» и «законности» и уверяют всех, что Россию надо спасти возвращением к букве предреволюционных законов. На основе этого они уже пользуются определенным именем, за которым и укрывают свою «политическую» стряпню.

Политически для них характерна прежде всего проповедь *нерассуждающей покорности*. Они сами изображают эту покорность как «преданность», доведенную до «обожания»; они требуют покорности и от других и подкрепляют свое требование грубою бранью и угрозой «перевешать» непокорных. Но сами они совсем не верят ни в свой флаг, ни в выдвигаемое имя и охотно поносят и чернят свое собственное знамя — то в глумящейся «поэме», то в отвратительном памфлете (напр<имер>, Снесарев³), то в личных беседах...

Проповедуемая покорность прилепляется у них к «форме» и к «букве». Они рассуждают, как старые подьячие, как крюч-

котворцы и буквоеды. И в каждом слове их звучит полное неверие в отстаиваемое дело. Чтобы идти за ними, надо быть или слепым, или таким же, как они сами. И за всей этой «проповедью» скрывается полное отрицание живого духа, живого правосознания, человеческой личности, ее самостоятельности и свободы; той живой личности, которая может *повиноваться* по убеждению и из любви, но не умеет *покоряться* сослепу и трепетать перед мертвою буквою.

III

Русский черносотенец, как и прежде, — обскурант, и именно эта обскурантская стихия удерживала и удержала русское простонародье в состоянии, благоприятствующем расцвету большевизма. Именно эта стихия, неспособная к воспитанию своего народа, создавала ту атмосферу культурного притеснения, от которой страдали малые национальности великой России.

Русский черносотенец не понимает и не приемлет общенародного интереса. Ему нужен «царь» для того, чтобы «царь» закрепил и обеспечил, во-первых, — его личную карьеру, во-вторых, — интерес его клики, в-третьих, — интерес его класса. И так как все эти интересы суть частные, а не всенародные, — то черносотенец враждебен всем другим классам и всегда злится и ругается, говоря о простом народе. И если он обращается к простому народу, то обращается как *демагог*, и эта демагогия его всегда проникнута плохо скрываемым презрением. Он мыслит «направо» потому, что ему нужна классовая диктатура, беззастенчивая и безжалостная...

Естественно, что все это связано у них с политической неразборчивостью в средствах. Ныне, после революции, они мечтают о формальной и существенной реставрации; и не все ли равно, *какими* натяжками, уловками, посулами, сговорами и деяниями провести ее в жизнь? Лишь бы победить: а там — «победителя не судят»... И потому они готовы идти «хоть с чертом» против революции. И трудно даже вообразить, какая личная и классовая злоба, мстительность и жадность сидит за этою готовностью...

Таков облик русского черносотенства. Низок его политический уровень: это уровень *черни*. Пагубны его политические намерения: во имя личных интересов держать народ в состоянии *черни*. *Образованная чернь хочет диктаторiallyно править*

необразованною чернью, и притом мимо родины, во имя свое. И ради этого предается дело сверхклассовой государственности, дело родины и общего спасения...

И, как понятно, что люди такого уклада и образа мыслей с самого начала революции договаривались с большевиками и шли к ним на службу: напр<имер>, тот жандармский генерал, который из начальников охранного отделения поступил к большевикам в Смольный⁴; или тот офицер лейб-гвардии, который был в Москве членом главной коллегии чека... И разве не сродни им те эмигранты, которые бормочут и шепчут «по секрету» о том, что у них уже подготовлен переворот «из ГПУ», что все коммунисты «перекрасятся» в черносотенцев и что потому каждый должен скорее взять у шептунов «письменную» заручку, удостоверение о том, что он еще в эмиграции кого-то «признал» и куда-то «приписался»?

Русские правые круги должны понять, что после большевиков самый опасный враг России — это черносотенцы. Это искажители национальных заветов; отравители духовных колодцев; обезьяны русского государственно-патриотического обличия. Не надо договариваться с ними; не следует искать у них заручек; надо крепко и твердо отмежеваться от них, предоставляя их собственной судьбе. Не ими строилась Россия; но именно ими она увечилась и подготавливалась к гибели. И не черносотенцы поведут ее к возрождению. А если они поведут ее, то не к возрождению, а к горшей гибели. У них не мудрость, а узость; не патриотизм, а жадность, не возрождение, а реставрация!

И благо, что они поспешили обособиться...

И. А. ИЛЬИН

Самобытность или оригинальничание?

В сердце русского зарубежного патриота живет глубокое и верное чувство, что *за Россию надо бороться*, что ее надо как-то *спасать и творить*. Редко кто, мало кто может сказать, что именно надо делать, *как бороться, как спасать, как творить*. Здесь часто больше мечты, чем воли, больше тоски, чем ведения и разумения; больше тревоги, чем дела. Заряд чувства налицо, но опыта, умения, уверенности, волевого разряда не хватает. Отсюда некоторый бесплодный застой, обилие «настроения» и, как всегда в таких случаях, симптомы *брожения и разложения*.

Многие чувствуют, что необходимо бороться, спасать и творить — и *внешними* поступками (политическая и военная активность), и еще каким-то *внутренним деланием*. Но каким? В чем оно состоит? Надо как будто что-то «доказывать», куда-то «тянуть», чему-то «предаваться», что-то внутри себя «культивировать», что-то «восхвалять» и что-то «осуждать»... Но что? Но куда? Но к чему? Проснувшийся *патриотический инстинкт*, оглушенный и подавленный великим крушением, очнувшийся в условиях зарубежного труда и зарубежной оторванности, — беспомощно силится найти духовно-верный исход и, не находя, мятется и болеет. Это естественно: не так легко вообще дается инстинкту *духовная культура*, т. е. духовное *прозрение*, духовное *умение*, духовное *делание*. И, в частности, русская публицистика последних пятидесяти лет, а особенно последних двадцати пяти лет (за немногими столпообразными исключениями), вела русскую интеллигенцию в сущее болото — в царство мниморелигиозного выверта и противогосударственной химеры... И потому современная беспомощность, смятение и боление — более чем естественны: неизбежны...

И, как всегда, в такие периоды всплывают на поверхность прежде всего и легче всего — публицистические *знахари*, они же *демагоги*; всплывают для того, чтобы подсказать прозревающему, но еще не прозревшему инстинкту самую *легкую*, самую *дешевую*, самую *плоскую* формулу; чтобы толкнуть его по линии наименьшего сопротивления; чтобы указать ему такой исход, который тешил бы его самодовольство, закрывал бы от него наличные язвы и предстоящие трудности и опасности, разжигал бы в нем слепую страсть и нелепые пристрастия и проваливал бы все дело его прозрения и воспитания в новую яму, в новое, нередко обратное заблуждение и блуждание...

В наши дни именно таково дело «евразийских»¹ знахарей и демагогов.

Спасение от этой опасности в том, чтобы воззвать к таинственному и сокровенному *уму* здорового инстинкта, воззвать к нему, чтобы он блюл свое зрение, чтобы он трезвением охранял свои пороги, чтобы он не позволял оглуплять и продешевлять себя, чтобы он от малодушия не торопился вступать на путь наименьшего сопротивления...

Всякая великая национальная культура — *самобытна*. Но тайна самобытности такова, что кто начнет ее нарочно искать, выдумывать, высиживать, расколупывать, сочинять для нее рецепты и стряпать ее по этим рецептам, — тот неизбежно впадет в самое жалкое *оригинальничание*. Безразлично, каков будет этот рецепт — протяженно-сложенный или коротенький, витиевато-интеллигентский или обскурантски-упрощенный; отвлеченно-туманный или обидно-ясный; бойкое, ходячее словечко или жест кулака. Все равно. Ибо на этих путях духовная самобытность *не* создается, а утрачивается. Такому «искателю» — если искателем можно называть того, кто с радостью хватается за первый попавшийся вздор, — самобытность не даётся как клад, который от каждой новой неумелой попытки только уходит все глубже в землю...

Духовная самобытность есть *живая тайна*: она впервые обнаруживается в непосредственном цветении простонародного духа; она явлена и оформлена у национального гения. Но расудочные приват-доцентские выдумки чужды ей и мертвы перед ее лицом, и чем они притязательнее — тем они курьезнее и поучительнее в своей немощи. Конечно, застоявшееся «настроение» может ухватиться и за такую выдумку, принять ее всерьез

и даже «уверовать» в новое «откровение». Но кроме путаницы и соблазна, а главное, безнадежного продешевления из этого ничего не получится...

Да и на сей раз *уже* не получилось.

Какая глубокомысленная, какая прозорливая «теория»!.. За последние двести лет Россия якобы утратила свою самобытную культуру потому, что она подражала Западу и заимствовала у него; чтобы восстановить свою самобытность, она должна порвать с германо-романским Западом, повернуться на Восток и уверовать, что настоящими создателями ее были Чингисхан и татары...

Рецепт дан. И все те, кто достаточно легковверен и простодушен, а главное, кто *достаточно плохо знает историю России*, — могут с успокоенной душою принять этот рецепт и «новую» кличку и «уверовать» в «новый путь»...

Подумайте, в самом деле, как все убедительно и ясно. Весь вопрос о самобытной духовной культуре сводится к тому, *куда именно надо всем шарахнуть*, вот двести лет (якобы) шарахались на Запад, ясно, что вышел провал, значит — надо шарахнуть на Восток. Ведь это по компасу — и то уже видно. А ведь в человеческой жизни так обстоит *всегда и во всем*, спасение всегда состоит в том, чтобы удариться в другую противоположность. Переголодал — значит, теперь объедайся; кутался — значит, теперь ходи голым, страдал манией преследования — спеши развить в себе манию грандиозу; фальшивил на полтона вверх — спокойно фальшивь теперь на полтона вниз. Так и тут. обезьянничал у Запада — ясно, начинай немедленно обезьянничать у Востока. Разве не так? Ведь вопрос духовной самобытности есть вопрос *географического и этнографического припадания*.

Но почему же нельзя без припадания? Разве самобытность не в том, чтобы *быть перед Лицом Божиим — самим собою*, а не чужим отображением и искажением? Ни восток, ни запад, ни север, ни юг... *Вглубь* надо; *в себя* надо; *к Богу* надо!.. Почему же именно в Азию, почему на Восток?..

Странные вопросы... Нас погубил Запад, нас погубила Европа. Так? Ну так значит — надо на Восток.

Но откуда же известно, что нас погубил Запад, а не наше собственное, неумное подражание? Из чего же видно, что наша самобытность за двести лет *погибла*?

Странные, придирчивые вопросы... Ну, а в чем же выразилась наша самобытная культура за двести лет? Ни в чем! Ничего русского! Ничего самостоятельного! Ничего первоначального, почвенного! Сплошное подражание гнилой германо-романине: вся государственность от Петра I до Столыпина, вся поэзия от Державина до Пушкина и Достоевского, вся музыка от Глинки до Рахманинова, вся живопись от Кипренского² до Сомова, вся наука от Ломоносова до Менделеева и Павлова...³ Где во всем этом здоровая и самобытная *стихия Чингисхана*? Где здесь национальное самосознание *татарского улуса*? Где здесь слышен визг татар, запах конского пота и кизняка?!

Каждый раз, как я вижу эту «теорию» и захожу в ее атмосферу, я невольно вспоминаю некоторые жуткие моменты пребывания в советской Москве. Бывало так, что из-за грубых, невежественных и глупых распоряжений и рассуждений советской власти вдруг на момент выглядывало недвусмысленное и неприкрытое *издевательство* над нами, над обывателями, слушателями и читателями: вдруг становилось *совершенно ясно*, что все это, сумасшедшее и глупое, говорится и делается *нарочно*, с полным сознанием безумия и глупости; что говорящий *сам* знает, что все это вздор и погибель, знает не хуже нас и даже не скрывает свое знание; и потешается; и хихикает; и все-таки говорит; и все-таки доведет все до конца...

Мы, пока еще, слава Богу, не подчинены «евразийцам»; комсомол еще не весь «уверовал» в чингисханство, не передал еще власть над русским улусом⁴ изобретательным приват-доцентам и не развернул еще своего грядущего урало-алтайского чингис—х-а-м-с-т-в-а... Но, разбираясь в «евразийских» построениях, я обычно испытываю чувство, подобное московскому: эти вызывающие парадоксы, это щеголяние заведомыми историческими искажениями и умственными трюками, эта манера рисоваться своими вывертами, этот грубый схематизм, эта подчеркиваемая «бесстрашная» прямолинейность, этот географический материализм, все снижающий и упрощающий; и иногда — особенно у одного из этих мудрецов, — явное подсмеивание над слушателем, над самим собою (говорящим) и над всею «доктриною» в целом...

Но только от этого подсмеивания — делается не жутко, а наоборот: наступает некоторое успокоение — «это нарочно, это на смех, на это нельзя сердиться, ни ополчаться; сам себе лукаво

подмигивает и всех дразнит»... Это просто большевистская манера думать и писать, школа и стиль Ленина.

И если бы все «евразийские» речи и писания были таковы, и если бы все слушатели это заметили и поняли, — тогда мимо этих «спасительных рецептов» можно было бы проходить молча... Ведь нельзя же помешать людям хворать по-своему.

Но, к сожалению, это не так.

Кто-нибудь из зарубежных русских историков выберет однажды минуту досуга и покажет всю непростительность той исторической неправды, которою играют «евразийцы» в вопросе о значении татарского ига на Руси.

Нам же достаточно указать на *духовную* несостоятельность их практического рецепта.

Русскому человеку можно и должно быть русским. Но невозможно и нелепо натаскивать себя на «русскость». Или он по бытию своему *уже* русский; тогда ему *нечего* натаскивать себя на это. Или же он по бытию своему *уже не* русский; и тогда ему не стоит трудиться с этим натаскиванием. А русский человек — и в своих гениях, и в своей массе, — конечно, оставался русским на протяжении последних двухсот лет. И если бы сущность его души могла действительно измениться и стать «романо-германскою», то обратная русификация ее была бы делом безнадежным.

Натаскивать себя можно только на *чужое*, на то, чего ты сам из себя *не* представляешь. Например: на татарское. И умный рецепт «евразийцев» состоит именно в том, чтобы *русский человек, желая вернуть себе свою утраченную русскость, начал натаскивать себя на татарщину*. И безнадежно, и фальшиво, и смешно.

Этот рецепт совсем не противопоставляет русскую самобытность — заимствованию; нет, он противопоставляет одно заимствование и подражание, *неодобряемое*, — другому заимствованию и подражанию, *похвальному*: долой пресмыкание перед Западом! да здравствует пресмыкание (кизяк!) перед Востоком! Перестанем быть полунемцами, полуфранцузами! Станем *истинно русскими татарами!*

Для чего это? Не бред ли это?

Ведь если бы эта вздорная затея удалась, Россия поистине утратила бы себя целиком и до конца. И дух, и характер, и быт заменились бы какими-то полутатарскими вывертами; русское

творчество заменилось бы татарообразным штампом; вместо русской формы и русского стиля — воцарилась бы мнимотатарская схема и манера. И кому, и зачем нужен был бы этот денационализированный остаток бывшей России? И для того ли мы 350 лет одолевали татарщину и ее нашествия (последнее нашествие на Москву Казы-Гирея имело место в 1591 г.), чтобы искать спасения в ее одоленной и отмершей стихии? Поистине среди реакционных и противоестественных идей, приходящих в голову досужим людям, нетрудно найти идею более умную и патриотичную.

Нет, русскую самобытность нельзя создать на путях *татаризации* русского духа. Самая мысль эта есть больной и оригинальничающий выверт; и то, что она предлагает, повело бы самое большее к таким же болезненным, оригинальничающим вывертам в среде совращенной в «евразийство» рабфаковской молодежи. Ибо надо признать, что для увлечения «евразийством» нужны два условия: склонность к умственным вывертам и крайне незначительный уровень образованности, уровень рабфака и комсомола.

Нам, русским зарубежным изгнанникам, надо понимать и помнить, что духовная самобытность нарочито не выдумывается и не вымучивается. Она осуществляется сама собою, нечаянно и непроизвольно. Она нисходит как дар и осознается не *до* своего обнаружения, а *после* него.

Чтобы жить и творить самобытно, надо быть тем, что тебе *уже дано*, но быть страстно, цельно и интенсивно. И в этой страстной цельности *искать Божественного*, о Нем помышлять, Ему служить. Его создавать. И тогда окажется — непроизвольно и незаметно, — что *в тебе жил и тобою творил* национально-самобытный дух твоего народа.

Только не ищи своего *личного, особенного*; не ищи нарочно ни своей личной, ни национальной самобытности; и главное: отложи тщеславие и не оригинальничай.

А ищи Предмета. И питай свою душу созданиями русского всенародного и личного гения: молитвою, песней, стихом, сказкой, историей, подвигом, зодчеством, пляской.

И тогда национальная духовная самобытность расцветет сама в твоём видении и в твоём делании.

И. А. ИЛЬИН

Национал-социализм

1. НОВЫЙ ДУХ

Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится. И от страха не понимает еще больше. И чем больше не понимает, тем больше верит всем отрицательным слухам, всем рассказам «очевидцев», всем пугающим предсказателям. Леворадикальные публицисты чуть ли не всех европейских наций пугают друг друга из-за угла национал-социализмом и создают настоящую переключку ненависти и злобы. К сожалению, и русская зарубежная печать начинает постепенно втягиваться в эту переключку; европейские страсти начинают передаваться эмиграции и мутить ее взор. Нам, находящимся в самом котле событий, видящим все своими глазами, подверженным всем новым распоряжениям и законам, но сохраняющим *духовное трезвение*, становится нравственно невозможным молчать. Надо говорить; и говорить *правду*.

Но к этой правде надо еще расчистить путь... Прежде всего я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев, урезанных в их публичной правоспособности, в связи с этим пострадавших материально или даже покинувших страну. Я понимаю их душевное состояние; но не могу превратить его в *критерий добра и зла*, особенно при оценке и изучении таких явлений мирового значения, как германский национал-социализм. Да и странно было бы, если бы немецкие евреи ждали от нас этого. Ведь коммунисты лишили нас не некоторых, *а всех и всяческих прав* в России, страна была завоевана, порабощена и разграблена; полтора миллиона коренного русского населения вынуждено было эмигрировать; а сколько миллионов русских было расстреляно, заточено, уморено голодом... И за 15 лет это-

го ада не было в Германии более пробольшевистских газет, как газеты немецких евреев — «Берлине? Тагеблатт», «Фоссише Цейтунг» и «Франкфуртер Цейтунг». Газеты других течений находили иногда слово правды о большевиках. Эти газеты — никогда. Зачем они это делали? Мы не спрашиваем. Это их дело. Редакторы этих газет не могли не отдавать себе отчета в том, какое значение имеет их образ действия и какие последствия он влечет за собою и для национальной России, и для национальной Германии... Но наша русская трагедия была им чужда; случившаяся же с ними драматическая неприятность не потрясает нас и не ослепляет. Германский национал-социализм решительно не исчерпывается ограничением немецких евреев в правах. И мы будем обсуждать это движение по существу — и с русской национальной, и с общечеловеческой (и духовной, и политической) точки зрения.

Во-вторых, я совершенно не считаю возможным расценивать новейшие события в Германии с той обывательско-ребячьей или, как показывают обстоятельства, улично-провокационной точки зрения, — «когда» именно и «куда» именно русские и германские враги коммунизма «начнут совместно маршировать». Не стоит обсуждать этот вздор. Пусть об этом болтают скороспелые политические младенцы; пусть за этими фразами укрываются люди темного назначения. Помешать им трудно; рекомендуется просто не слушать их соблазнительную болтовню. Их точка зрения — не может служить для нас мерилom.

Наконец, третье, и последнее. Я отказываюсь судить о движении германского национал-социализма по тем эксцессам борьбы, отдельным столкновениям или временным преувеличениям, которые выдвигаются и подчеркиваются его врагами. То, что происходит в Германии, есть огромный политический и социальный переворот; сами вожди его характеризуют постоянно словом «революция». Это есть движение *национальной страсти и политического кипения*, сосредоточившееся в течение 12 лет, и годами, да, годами лившее кровь своих приверженцев в схватках с коммунистами. Это есть реакция на годы послевоенного упадка и уныния, реакция скорби и гнева. Когда и где такая борьба обходилась без эксцессов? Но на нас, видевших русскую советскую революцию, самые эти эксцессы производят впечатление лишь гневных жестов или отдельных случайных некорректностей. Мы советуем не верить пропаганде, трубящей о здешних «зверствах», или, как ее называют, «зверской пропаганде». Есть такой закон человеческой природы: испугавшийся беглец всегда верит химерам своего воображения и не может не

рассказывать о чуть-чуть не настигших его «ужасных ужасах». Посмотрите, не живет ли Зеверинг¹, идейный и честный социал-демократический вождь, на свободе в своем Билефельде? Тронули ли национал-социалисты хоть одного видного русского еврея-эмигранта?

Итак, будем в суждениях своих — *справедливы*.

Те, кто жил вне Германии или наезжал сюда для обывательских дел и бесед, не понимают, из каких побуждений возникло национал-социалистическое движение. Весь мир не видел и не знал, сколь неуклонно и глубоко проникала в Германию большевистская отравка. Не видела и сама немецкая масса. Видели и знали это только три группы; Коминтерн, организовывавший все это заражение; мы, русские зарубежники, осевшие в Германии; и вожди германского национал-социализма. Страна, зажатая между Версальским договором², мировым хозяйственным кризисом и перенаселением, рационализировавшая свою промышленность и добывающаяся сбыта, пухла от безработицы и медленно сползала в большевизм. Массовый процесс шел сам по себе; интеллигенция большевизировалась сама по себе. Коминтерн на каждой конференции предписывал удвоить работу и торжественно подводил итоги*. Ни одна немецкая партия не находила в себе мужества повести борьбу с этим процессом; и когда летом 1932 г. обновившееся правительство заявило, что оно «берет борьбу с коммунизмом в свои руки», и никакой борьбы не повело и заявлением своим только ослабило или прямо убило частную противокommunistическую инициативу, — то процесс расползания страны пошел прямо ускоренным путем.

Реакция на большевизм должна была прийти. И она пришла. Если бы она не пришла и Германия соскользнула бы в обрыв, то *процесс общеевропейской большевизации пошел бы полным ходом*. Одна гражданская война в Германии (а без упорной, жестокой, бесконечно кровавой борьбы немцы не сдались бы коммунистам!) нашла бы себе немедленный отклик в Чехии, Австрии, Румынии, Испании и Франции. А если бы вся организаторская способность германца, вся его дисциплинированность, выносливость, преданность долгу и способность жертвовать собою оказались в руках у коммунистов, — что тогда?

* Те, которые интересуются этим процессом, найдут богатый и достаточно объективно освещенный материал по этому вопросу в книге Эрта и Швейкепта: *Dr. Erth und Schweikert. Entfesselung der Unterwelt. Querschnitt durch die Bolschewisierung Deutschland*. 2 Aufl. Berlin: Eckart-Verlag, 1933.

Я знаю, что иные враги немцев с невероятным легкомыслием говаривали даже: «Что же, тем лучше...» Как во время чумы: соседний дом заражен и вымирает; ну что же из этого? Нам-то что? Слепота и безумие доселе царят в Европе. Думают о сегодняшнем дне, ждут новостей, интригуют, развлекаются; от всего урагана видят только пыль и бездну принимают за простую яму.

Что сделал Гитлер? Он *остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе*. Этот процесс в Европе далеко еще не кончился; червь будет и впредь глотать Европу изнутри. Но не по-прежнему. Не только потому, что многие притоны коммунизма в Германии разрушены; не только потому, что волна детонации уже идет по Европе; но главным образом потому, что сброшен либерально-демократический гипноз непротивленчества. Пока Муссолини ведет Италию, а Гитлер ведет Германию — европейской культуре дается отсрочка. Поняла ли это Европа? Кажется мне, что нет... Поймет ли это она в самом скором времени? Боюсь, что не поймет...

Гитлер взял эту отсрочку прежде всего для Германии. Он и его друзья сделают все, чтобы использовать ее для национально-духовного и социального обновления страны. Но взяв эту отсрочку, он дал ее и Европе. И европейские народы должны понять, что большевизм есть реальная и лютая опасность; что демократия есть творческий тупик; что марксистский социализм есть обреченная химера; что новая война Европе не по силам — ни духовно, ни материально — и что спасти дело в каждой стране может только национальный подъем, который *диктаториально и творчески возьмется за «социальное» решение социального вопроса*.

До сих пор европейское общественное мнение все только твердит о том, что в Германии пришли к власти крайние расисты, антисемиты, что они не уважают права, что они не признают свободы, что они хотят вводить какой-то новый социализм, что все это «опасно» и что, как выразился недавно Георг Бернгард (бывший редактор «Фоссише Цейтунг»), эта глава в истории Германии, «надо надеяться, будет короткой»... Вряд ли нам удастся объяснить европейскому общественному мнению, что все эти суждения или поверхностны, или близоруки и пристрастны. Но постараемся же хоть сами понять правду.

Итак, в Германии произошел *законный переворот*³. Германцам удалось выйти из демократического тупика, не нарушая конституции. Это было (как уже указывалось в «Возрождении») *легальное самоупрезрение демократически-парламент-*

ского строя. И в то же время это было прекращением гражданской войны, из года в год кипевшей на всех перекрестках. Демократы не смеют называть Гитлера «узурпатором»; это будет явная ложь. Сторонники правопорядка должны прежде всего отметить стремительное падение кривой политических убийств во всей стране. Сторонники буржуазно-хозяйственной прочности должны вдуматься в твердые курсы и оживленные сделки на бирже.

И при всем этом то, что происходит в Германии, есть землетрясение, или социальный переворот. Но это переворот не распада, а концентрации, не разрушения, а переустройства, не буйно-расхлестанный, а властно-дисциплинированный и организованный, не безмерный, а дозированный. И что более всего замечательно, — вызывающий во всех слоях народа лояльное повиновение. «Революционность» состоит здесь не только в ломающей новизне, но и в том, что новые порядки нередко спешно применяются в виде административных распоряжений и усмотрений, до издания соответствующего закона, отсюда эта характерная для всякой революции тревога и неуверенность людей не в пределах их правового «статуса» вообще, не даже просто в сегодняшнем дне. Однако эти административные распоряжения быстро покрываются законами, которые обычно дают менее суровые, более жизненные и более справедливые формулы. Это во-первых. Во-вторых, эти новые распоряжения и законы, изливающиеся потоком на страну, касаются только публичных прав, а не частных или имущественных. В них нет никакой экспроприирующей тенденции, если не считать опорожнения прав, приобретенных спекулянтами во время инфляции и возможного выкупа земель, принадлежащих иностранным подданным. О социализме же в обычном смысле этого слова — нет и речи.

То, что совершается, есть великое социальное переслоение, но не имущественное, а государственно-политическое и культурно-водительское (и лишь в эту меру — служебно заработанное). Ведущий слой обновляется последовательно и радикально. Отнюдь не весь целиком, однако в широких размерах. По признаку нового умонастроения; и в результате этого — нередко в сторону омоложения личного состава. Удаляется все, причастное к марксизму, социал-демократии и коммунизму, удаляются все интернационалисты и большевизаны; удаляется множество евреев, иногда (как, например, в профессуре) подавляющее большинство их, но отнюдь не все. Удаляются те, кому явно не приемлем «новый дух».

Этот «новый дух» имеет и отрицательные определения, и положительные. Он *непримирим* по отношению к марксизму, интернационализму и пораженческому бесчестию, классовой травле и реакционной классовой привилегированности, к публичной продажности, взяточничеству и растратам. По отношению к еврейству этой непримиримости нет не только потому, что частное предпринимательство и торговля остаются для евреев открытыми, но и потому, что лица еврейской крови (принимают во внимание два деда и две бабки, из коих ни один не должен быть евреем), правомерно находившиеся на публичной службе 1 августа 1914 г., или участвовавшие с тех пор в военных операциях, потерявшие отца или сына в бою или вследствие ранения, или находящиеся на службе у религиозно-церковных организаций — не подлежат ограничению в правах публичной службы (указ от 8 мая с. г.). Психологически понятно, что такие ограниченные ограничения воспринимаются евреями очень болезненно: их оскорбляет самое введение презумпции не в их пользу — «ты неприемлем, пока не показал обратного»; и еще «важна не вера твоя, а кровь». Однако одна наличность этой презумпции заставляет признать, что немецкий *еврей, доказавший на деле свою лояльность и преданность германской родине*, — правовым ограничениям (ни в образовании, ни по службе) не подвергается*.

«Новый дух» национал-социализма имеет, конечно, и положительные определения: *патриотизм*, вера в самобытность германского народа и силу германского гения, чувство *чести*, готовность к *жертвенному служению* (фашистское «sacrificiо»), дисциплина, социальная справедливость и *внеклассовое, братски-всенародное единение*. Этот дух составляет как бы субстанцию всего движения; у всякого искреннего национал-социалиста он горит в сердце, напрягает его мускулы, звучит в его словах и сверкает в глазах. Достаточно видеть эти *верующие*, именно верующие, лица; достаточно увидеть эту дисциплину, чтобы понять значение происходящего и спросить себя: «Да

* В прусской адвокатуре, напр<имер>, это удаление получило такие размеры. К февралю 1933 г. имелось всего 11 814 адвокатов, из них 8299 «арийцев» и 3515 евреев. Из адвокатов-евреев 735 участвовали активно в войне, 1383 оказались адвокатами довоенного стажа. Все они сохранили свои права. Подверглись запрещению 923 еврея и 118 коммунистов и большевизанов (данные от 12 мая с. г.). Общее число всех евреев в Германии составляет 1 % ко всему населению.

есть ли на свете народ, который не захотел бы создать *у себя* движение такого подъема и такого духа?...»

Словом — этот дух, роднящий немецкий национал-социализм с итальянским фашизмом. Однако не только с ним, а еще и с духом русского белого движения.

Каждое из этих трех движений имеет, несомненно, свои особые черты, черты отличия. Они объясняются и предшествующей историей каждой из трех стран, и характером народов, и размерами наличного большевистского разложения (1917 г. в России, 1922 г. в Италии, 1933 г. в Германии), и расово-национальным составом этих трех стран. Достаточно вспомнить, что белое движение возникло прямо из неудачной войны и коммунистического переворота, в величайшей разрухе и смуте, на гигантской территории, в порядке героической импровизации. Тогда как фашизм и национал-социализм имели 5 и 15 лет собирания сил и выработки программы; они имели возможность подготовиться и предупредить коммунистический переворот, они имели пред собою опыт борьбы с коммунизмом в других странах; их страны имеют и несравненно меньший размер и гораздо более ассимилировавшийся состав населения. А еврейский вопрос стоял и ставился в каждой стране по-своему.

Однако основное и существенное единит все три движения; общий и единый враг, патриотизм, чувство чести, добровольно-жертвенное служение, тяга к диктаториальной дисциплине, к духовному обновлению и возрождению своей страны, искание новой социальной справедливости и непредрешенчество в вопросе о политической форме. Что вызывает в душе священный гнев? чему предано сердце? к чему стремится воля? чего и как люди добиваются? — вот что существенно. Конечно, германец, итальянец и русский болеют каждый о *своей стране*, и каждый *по-своему*; но дух *одинаков* и в исторической перспективе *един*.

Возможно, что национал-социалисты, подобно фашистам, не разглядят этого духовного сродства и не придадут ему никакого значения, им может помешать в этом *многое*, и им будут мешать в этом *многие*. Но дело прежде всего в том, чтобы мы сами верно поняли, продумали и прочувствовали дух национал-социалистического движения. Несправедливое очернение и оклеветание его мешает верному пониманию, грешит против истины и вредит всему человечеству. Травля против него естественна, когда она идет от Коминтерна; и противоестественна, когда она идет из небольшевистских стран. Дух национал-социализма не сводится к «расизму». Он не сводится и к отрицанию. Он вы-

двигает положительные и творческие задачи. И эти творческие задачи стоят *перед всеми народами*.

Искать пути к разрешению этих задач обязательно для всех нас. Заранее освистывать чужие попытки и злорадствовать от их предчувствуемой неудачи — неумно и неблагородно.

И разве не клеветали на белое движение? Разве не обвиняли его в «погромах». Разве не клеветали на Муссолини? И что же, разве Врангель и Муссолини стали от этого меньше?

Или, быть может, европейское общественное мнение чувствует себя призванным мешать всякой реальной борьбе с коммунизмом — и очистительной, и творческой — и ищет для этого только удобного предлога? Но тогда нам надо иметь это в виду...

И. А. ИЛЬИН

Искусство (1930—1933)

<фрагменты>

Все, предающиеся современным негритянским танцам под звуки джаз-банда и под вой саксофонов, делятся: 1) на таких, которые *выплясывают из себя*, из своей души овладевший ею негритянский миф и негритянскую сладострастную судорогу, и 2) на таких, которые себе этот миф и эту судорогу *наплясывают в душу*. Через эти танцы негр, бывший «раб от природы» и доселе — урод и пария, которого американцы и посейчас держат «в черном теле», объект линчевания и пренебрежения, — через эти танцы негр отравляет колодцы бело-расовой души своим мифом, своими снами, своим ритмом. А ритм есть власть.

Подобно Гете, негр может сказать:

Der dumme Bursche blaht sich,
Das steife Mädchen dreht sich
Nach memer Melodic...¹ —

только вместо «dumm» и «steif» — он поставит «weiss»². Белая интеллигенция всех стран и народов танцует под негритянскую дудку. Но танец совсем не пустяшное занятие; это не есть духовно безразличный моцион, чисто телесное движение и упражнение. Понимает человек или не понимает — безразлично: танец танцуется *и* душою (всеми музыкальными и чувствительными центрами человека), и в этом душевном процессе неизбежно участвует и дух человека. Танец имеет изначально природу *магическую*: он есть способ приводить *каменеющий аффект* в состояние *эмоциональной текучести* при помощи повторного ритма, властно разряжающего бессознательные заряды (узлы) человеческой души. Танец есть *зарядка* и *разрядка* бессознательного; так хлысты добиваются в своих танцах

именно разряда душевного. Танец есть отдача себя во власть известному разуму и спрятанной в нем мечте: «мечтаю быть таким-то!»; каким? — танец показывает, каким: грациозным, почтительным, элегантным, скромным — отсюда гротеск, экосез; или — лихим, храбрым, решительным, мужественным — мазурка. Немецкий шуплатлер³ танцует все драматическое движение человеческого эроса — первая часть разъединения и уединения, вторая часть взаимного нахождения и любви (есть еще третья фигурная часть — влюбленности и четвертая — неудачно импровизирующая часть труда). Русский танец — пляшет *всю жизнь*, все чувства человека в их здоровом и беззаветном цветении.

Мечтою о чем же является современный негритянский танец? На *что* нацеливает он людей? — На развинченную оргию, на сладострастное обезьянство, в лучшем случае на элементарное распутство. «Мечтаю быть беззастенчиво распутным», или еще: «хочу походя наслаждаться, недоделывая». Самый элементарный фокстрот есть уже своего рода распутство: эти чрезмерно выразительные, любострастные объятия (кавалер *слишком* захватывает даму, дама *слишком* подталкивает к себе кавалера; кавалер *слишком* наступает на даму, дама *слишком* выгибается телом вперед; ноги сплетаются до несомнительности выразительно)... И потом это верчение; вечно недоделываемые повороты, вечно прерываемое наступление и отступление, *слишком* большая предприимчивость при безволии, наглая чувственность, желающая начать и недоделать, развязность и нерешительность. Танцуется не любовь, а порочный флирт; это своего рода — *coitus interruptus, ejaculatio praecox*⁴, неомальтузианство⁵ в виде танца.

Гораздо хуже чисто негритянские пляски, в которых танцуется оргия, безудерж, вседозволенность, — естественно и неизбежно теряющая всякое подобие формы и нередко напоминающая пляску св. Витта. Люди стараются выплясать сладострастие — алчное, ненасытное, многообразное, извращенное; чем бесстыднее выходит, чем выразительнее и заразительнее, — тем лучше. Кошачьи, собачьи, обезьяньи ухватки считаются особым шиком. Хор беззастенчиво-сладострастных зверюг с претензией на человеческую утонченность и человеческое «искусство». И негры, ведущие джаз-банд, то приплясывающие, то первопляшущие, хохочущие и кривляющиеся, — отлично знают, что они делают. Веселят публику? Как бы не так: мстят белой расе, завоеывая ее с тыла, покоряя и разлагая *бессознательное ее верхнего, ведущего социального слоя*!..

Так современные танцы ускоряют разложение бессознательного и готовят провал в мировой большевизм. Люди пляшут тот хаос, который политически (и социально, и духовно) называется *мировой революцией*.

Интересно, что в России большевики запретили эти танцы. И совсем не для вида и не на показ. Они запретили их именно потому, почему они предписали бы их (если бы могли) всему остальному человечеству. То, что соответствует этому танцу в политике и духовно-общественной жизни, они *уже сделали* в России и продолжают делать всерьез. Поэтому обезьянья энергия им нужна для реальной жизни — и «неделовую» растрату ее в танцах они запрещают. *Это* надо делать в семейной, партийной, литературно-газетной и противорелигиозной жизни; и потому нечего зря баловаться. Запретить.

Большевизм и негритянское движение делают где-то единое дело.

1920. Москва

1922—1928. Берлин

1930. Argento (Como)

Поэзия Александра Блока — лирика разложившейся перед революцией интеллигентской души, да еще к тому же лирика поэта *неумного и неммыслителя*. Поэтический акт Блока таков: отсутствие воли; отсутствие мысли; темперамент неодоухотворенный, негорящий, — ни «сухости», ни «блеска» (Гераклит! αὐτὴ ξηρό⁶; темперамент мокрый, чувственный, влачащийся; жизнь чувства (преимущественно пассивно томящийся аффект, редко эмоциональная вспышка) — связан с земными, чувственными страстями, вожделениями, похождениями и образами; главная сила поэтического акта — это воображение, не скованное подземною мыслью и не вызревшее в ней, — воображение, не способное к драматической ковке образа, не волевое, — воображение, почти всегда *усталое*, вялое, смутно качающееся в неопределенных, туманных, расплывчатых полубообразах.

Ритмы Блока (см. мои разметки в книгах) безвольно качающиеся, монотонно ноющие, анимально стонущие. Иногда это просто переход к прозе, как и у Ахматовой. Поэзия требует *мелодии*, а не монотонного стога; для нее необходим певучий Предмет, поющий образ; тогда только получится лирическая материя слов. Ритмы у Блока вялые, падающие, безвольно предающиеся утомлению, которое *не* сменяется отдыхом; эта по-

эзия валяется на диване после кутежа и вяло пытается выговорить бледные остатки *иначе* изжитых фантазий. Читая Блока помногу, невольно вспоминаешь Галена⁷: «Triste est omne animal post coitum...»⁸ Здесь «поэзия» как бы подметает бледные остатки вчерашних походов. Воображение вяло пытается опохмелиться, вернуться в кабаки или в публичный дом и в подворотню. Подъема нет, огня нет; а поэтический талант (поистине небольшой талант!) — пытается выдавить что-то из духовной пустоты и душевной растраченности. Блоку мало есть что сказать. Его поэтический опыт скуден и бледен. И главное — однообразно низмен и пошл. Попытки сказать о большом родят чудовищное: Бог и кабак, Мадонна и проститутка, разнузданная чернь и Христос. От божественного остается одно имя, наполнение и истолкование его чаще всего соблазнительно, нередко кощунственно и отвратительно. «Двенадцать» отнюдь не случайны: они заложены во всей предшествующей «ресторанной» лирике. Блок не «ошибся» «в оценке большевизма и революции», а просто повторил свою обычную схему: «узнать» божественное в уличных подонках; преклониться перед грязью как чистотой; принять пошлость как откровение. Это один из «ликов» предреволюционного хлыстовства, разлитого тогда на русских литературных, философских и политических верхушках.

Поэзия Блока — напоминает портрет М. А. Кузмина⁹, сделанный Сомовым¹⁰; этот портрет — символ эпохи: разложение духа в тлении и растлении, томная утомленность после безвольного наслаждения. И этот красненький галстучек! И гниение духа заживо в голуноватом лице!

Блок — упадочник. Никакая выдумка, никакая холодная рефлексия рассудка не спасает его. Никакие выверты «Балаганчиков» etc. Нельзя выскоблить религиозный смысл из бессмыслицы публичного дома. На всем Блоке лежит покрывало пошлости, потуги его на большее — аллегоричны, туманны, вымучены, художественно неубедительны.

У Блока — особое смешение «божественного» и «полового». У Розанова религия извлекается из полового *наслаждения*, которое само по себе есть для Розанова истинная религия. У Блока религия извлекается из полового *утомления*, с которого весь Блок и начинается.

Блок не поэт, а поэтическая возможность. Все, что до нас дошло из его «личного» — статьи, впечатления, замыслы, письма, — все без стержня, неинтересно, импрессионистично, не зорко, не предметно, просто неумно или даже бездонно пошло (напр<имер>, замысел пьесы из жизни Христа). Блок не

только не был гениален, он, по-видимому, не был даже личностью; он был *медиум* — своих страстей, чужих идей и массовых флюидов. Именно потому его лучшие стихи — медиумичны.

Большую же часть из написанного им не следовало никому показывать, тем более не следовало печатать. Надо было рвать и жечь. Может быть, позднее мне удастся обосновать это анализом его материала.

Москва. 1916
Берлин. 1924—1931
Velden. 1932

Игорь Стравинский. Chant du Rossignol. Poeme sinfonique pour Orchestre¹¹. Дирижировал Бруно Вальтер¹². 1929. 16 дек<абря>, Берл<инский> филармонический оркестр.

Непосредственно, во время слушания, карандашом на клочках я записал следующие характеристики и описания звуковых восприятий: ворох музыкальных неприятностей; культ звуковой нечистоты и нечистоплотности; автор наслаждается надтреснутыми звуками; в нем живет неутолимая потребность хриплого дребезга; козлогласие стало для него достижением; музыка есть для автора прежде всего чувственное ощущение; самодовлеющее слуховое сладострастие; это какая-то звук<о-в>ая неврастения; зудливое, назойливое раздражение души; что-то вроде музыкальной зубной боли; впечатление такое, как если бы автор умышленно и вызывающе вел созвучающие голоса одновременно в разных тональностях; получается не оркестр, а какие-то семейные дразги, вынесенные на публику (полная, вопиющая, скандальная неуживчивость инструментов и голосов; все со всеми перессорились). Звуковые сочетания Стравинского вызывают отвратительные слуховые и зрительные образы: сто тридцать три разбившиеся тарелки; раздавленные лягушки, улитки и ящерицы; крики кошек на крыше; перепряное вино; рахат-лукум с чрезмерным количеством перца и гвоздики и т. д. И наряду с этим безвкусная тяга к самому элементарному реалистическому звукоподражанию, от которого когда-то столь решительно и мудро предупреждал Бетховен (рождай музыкальный звук из *душевного переживания* природного звука, но никогда не передавай естественный звук через подражание). Заметно влияние Римского-Корсакова в оркестровке; несомненно влияние Скрябина в звуковой назойливости, в импрессионистической навязчивости.

Эта музыка уже не музыка. Она уже и не искусство. Душа реагирует на нее то смехом, то возмущением. Это звуковое озорство, поправшее все законы меры и вкуса и не имеющее ничего ни явить, ни сообщить — оно довлеет себе. Ссылка на нежную и задумчивую сказку Андерсена¹³ — чистое недоразумение.

Самодовлеющая эстетическая материя, мучительно воспринимаемая вследствие своей безвкусыности и все время хвастливо и ухарски вскрикивающая от самодовольства.

Иногда в душе слагается уверенность, что *такая* «музыка» не может пройти безнаказанно.

Берлин. 1929
Velden. 1932

К ЭСТЕТИКЕ ОБРАЗНОГО ПЛАНА В ИСКУССТВЕ

Образный состав в искусстве (я имею в виду и чувственные — видимые, слышимые образы, и нечувственные — *душевную* ткань героев) — имеет свои особые законы, которые, наверное, известны большим художникам, но о которых в литературе нелегко что-нибудь найти. Эти законы надо вскрывать не дедуктивно, не исходя из какого-либо единого принципа, а индуктивно, как бы подсматривая или подслушивая в единичных случаях их нарушения. Вот кое-что из этого подсмотренного мною.

Когда Худ<ожественный> театр стал погружать зрительный зал в полный мрак, запретил вход зрителей во время действия и отменил выходы на поклоны, — то это было правильно и художественно мудро. *Художественная реальность сценического образа* (во всей его совокупности) всемерно отделялась от внешнего, повседневного существования. Зрителю облегчалось отрешение, сосредоточение, погружение, самозабвение; артисту предоставлялась сразу готовая, мраком и тишиной замороженная душа, гипнотически погруженная в художественную полудремоту (*Dämmerzustand*), почти мистически настроенную (самое слово «мистерия» первоначально происходит от глагола, обозначающего «жмуриться», «не видеть», «слепнуть»); драматургу предоставлялся доступ прямо в дремотную сокровенность зрительской души. Вульгарное и пошлое, антихудожественное смешение художественного образа с эмпирическим существованием устранялось; старая традиция кокетничающей со зрите-

лем театральщины (все эти куплеты к зрителю, актерские а *parte*¹⁴ для зрителя) — смешения двух планов etc. порывалась. Художественная реальность должна приниматься всерьез, совсем всерьез; забудь о прочем, и дыши только ею... Напротив, Шаляпин¹⁵ никогда не мог понять, как постылая пошлость заключена в этом Иоанне Грозном или Борисе Годунове, стоящем перед занавесом, умильно улыбающемся и театрально раскланивающимся; словно сам собственному своему творческому величию язык публично показывает... Не понял всего этого и сам Худож<ественный> театр. Это обнаружилось в том, что он ввел этого отвратительного «чтеца» в постановку «Братьев Карамазовых». Зритель должен жить самым художественным образом, *в нем*; а не слушать *о нем*. Чтец вырывал зрителя из художественной установки целостного созерцания, замершей в восприятии души и заставлял его слушать от грубогласного сюртучника на кафедре какие-то сообщения *о героях*. Получалась кинематографическая прослойка — впился, вырван, впился, вырван и т. д. Это установка не художественного восприятия, а любопытствующего подглядывания; от души и от художеств<енной> реальности летят клочки. Вот почему художественно обречены все попытки смешать сцену со зрительным залом: эта игра со зрителем хороша только в варьете.

Это не художественно — *лечь видения* и от времени до времени выскакивать из-за них для того, чтобы пошутить со слушателем-зрителем, похохотав с ним, пощекотав его — и опять прятаться. Как бы легко, грациозно, остроумно или даже глубокомысленно все это ни было проделано, — от худ<ожественного> акта у поэта и у зрителя, от худ<ожественного> образа и худ<ожественного> предмета летят клочки... Пушкин сам это чуял:

С изменой юности моей
Пора пришла мне стать *умней*,
В делах и *в слове поправляться*,
И эту пятую тетрадь
От отступлений очищать...

(Онегин, гл. 5, строфа XL)

У Гете такие прорывы возникали не от чрезмерной резвости, шампанскости поэтического нрава (брызжет из бокала, но и в брызгах великолепно!), а от нечуткого безвкусия и тяжелочувствия. Вот пример — знаменитая его «Meeres Stille»¹⁶.

Tiefe Stille herrscht im Wasser
Ohne Regung ruht das Meer,

Und bekummert sieht der Schiffer
 Glatte Fläche nngs umher
 Keme Zuft von keiner Seite!
 Todesst!Ue filrchterlich'
 In der ungeheuren Weite
 Reget keine Welle sich¹⁷.

Оставим в стороне беспомощность и поверхностность внешнего описания; оставим в стороне это наивно устрашающее «fürchterlich»¹⁸ — ибо, в самом деле, если видишь страшное, то опиши его страшно, но не выговаривай вслух, что оно-де «ох как страшно». Не в этом дело. А в установке акта — в первых двух и во вторых двух строках. Первые две строки — великолепны: объективны, онтологичны, созерцательны, самозабвенно-рисующи и элементарно-стихийны. Вторых две строки грубо нарушают эту установку, вырывают душу читателя-созерцателя из нее и вдвигают-засовывают ее в утилитарно-озабоченную душу корабельщика. Онтологизм сорван, космическое утилитарно опошлено; из Божьего измерения (стихии, закономерной стихии, живой, судьбоносной, непостижимой бездны) — Гете вывалил читателя в слишком человеческое; и уже никакие «fürchterlich» не помогут, хоть три восклицательных знака поставь. Последние две строки дела тоже не поправляют; они почти излишни.

Вот два закона художественности, тесно связанные друг с другом:

- 1) целостная завершенность образной ткани;
- 2) целостная непрерывность воспринимающего акта, оберегаемая и художником, (и артистом!), и созерцателем.

Москва. 1909—1922
 Берлин. 1933. Окт<ябрь>

И. А. ИЛЬИН

«Подвиг лжи» г. Бердяева

Бердяев родился в 1874 г. Ему сейчас 73 года. Он не получил почти никакого образования, не кончил гимназию и не работал в университете. Он самоучка — дилетант, всю жизнь предававшийся своим выдумкам и относившийся к ним с страстным увлечением. Это увлечение не мешало ему, однако, выдвинуть каждые три-четыре года какую-нибудь новую выдумку и отстаивать ее с пеной у рта. Он начал, как и многие тогда, с марксизма, и, по-видимому, влечение к этой погибельной утопии возрождается в нем в его преклонном возрасте: «возвращается ветер на крути своя».

Все свои «эволюции» он проделывал, однако, не как скромный исследователь или искатель, а с помпой и треском тщеславного публициста. И куда бы он ни примыкал — к «идеалистам», к «мистикам» или к православным богословам, — он всегда занимал крайнюю, крикливую, парадоксальную позицию. Он был всегда в высшей степени безответственным писателем. Считая себя пророчески одаренным «интуитивистом», он на самом деле оставался умственным авантюристом, что-то почитает, что-то вычитает, подхватит, раздует, преувеличит, по-своему переиначит, исказит и разразится пучком безответственных и часто соблазнительных парадоксов. Таким он всегда был, таким остался и теперь.

В дореволюционной России его принимали всерьез только совсем наивные люди. Все знали, что Бердяев возьмется доказывать, то он непременно исказит, скомпрометирует и погубит. Известно, что проф. Новгородцев отказался допустить его к магистрантскому экзамену. Один ученый сказал про него: «Когда Бердяев пишет о том, что я изучал и знаю, то я всегда слышу неосновательный вздор; я думаю, что он несет такой же вздор и

в тех вопросах, которые я не изучал». А в Москве ему давно уже дали приятельское прозвище «Белибердяева».

Все видящие его впервые бывают потрясены тем страшным нервным тиком, которым он страдает: этим чудовищным раскрытием рта с многократным вываливанием большого белого языка и с судорожным подергиванием шеей и руками. Всякий на его месте мучительно стеснялся бы этого несчастного тика... Но Бердяев наоборот — всегда садится в общественных собраниях на самое видное место, лицом к публике, как если бы он нарочно хотел ошеломить и потрясти людей своей особой. Замечательно, что эта жажда импонировать читателю своими вывертами и вызывающе шокировать общее чувство общественного приличия — характерна и для всех его писаний и выступлений. Рассказывают, в виде остроумного анекдота, что когда-то давно в Петербурге одна гадалка с завязанными глазами, не зная, кто перед ней стоит, прорекла Бердяеву: «Обнаружитесь — и ахнут...» Однако известно как факт, много обсуждавшийся, что один православный глубокомысленный богослов говорил о нем: «В Бердяеве сидит бес, однажды все убедятся в этом и придут в ужас...»

Один русский ученый пишет мне из Рима: «Чего же Вы ждали от него? В 1909 г. он проповедовал в своей книге бездетный брак как высшее достижение человека. Легко себе представить, какими остротами это было встречено в академической среде.

Так он нес всю жизнь безответственный вздор. Почему же ему теперь не “открыть” и не печатать того вздора, который он теперь печатает на задворках парижской советской прессы?»

Здесь, в Париже, мне рассказывали еще из очень хорошего и чистого источника, что покойный П. Б. Струве порвал с Бердяевым еще в тридцатых годах, когда тот только еще начинал заигрывать с Советами. Струве прямо объявил Бердяеву, что с его соблазнительными идеями он будет бороться всеми силами до самого конца жизни. А мудрый и спокойный князь Григорий Трубецкой, пользовавшийся исключительным доверием вел<и-кого> князя Николая Николаевича, говаривал про Бердяева с своей тонкой усмешкой дипломата: «Бердяев как стрелочник, который каждый день пускает несколько поездов как раз в обратном направлении, чем это нужно...» Однако такого стрелочника давно уже уволили бы и отдали бы под суд, а печатное слово свободно может сеять соблазн...

За последние 15 лет книги Бердяева много переводились на иностранные языки, что создало ему за границей репутацию выдающегося русского философа. Какое жалкое недоразуме-

ние! Это есть дело особой международной «кулисы», к которой Бердяев примкнул во второй половине двадцатых годов и которая сделала все, чтобы выдвинуть его на первое место. Характерно, что ныне (а может быть, и тогда уже?) эта кулиса заняла определенно-просоветскую позицию: она поддерживает во всем мире всякую хвалебную неправду о Советах и подавляет всякую критическую правду. Именно в этой связи повернули к Советам и такие деятели, как Маклаков, Кривошеин (сын)¹, Рощин, Ступницкий, Бердяев, Бунин, Тэффи (Лохвицкая).

Эта идеализация Советов и их политики совсем не случайна и не бессмысленна. Она преследует совершенно определенную, хотя до нелепости безнадежную цель — влиять на советскую политику посредством сближения большевиков с Европой и ликвидация противосоветской эмиграции; внушать большевикам идейную программу и гуманные замыслы; изображать их везде в самом приемлемом виде, скрывать правду о деятельности и о планах Советов и склонять большевиков к «эволюции». Мы, дескать, будем вас реабилитировать, а вы будете выслушивать наши советы, пускать «наших» внутрь страны...

Дело в том, что на свете есть много людей, которые до смерти боятся крушения большевиков и тех эксцессов, к которым это может повести внутри России. Они хотят во что бы то ни стало добиться их эволюции: медленно и безнаказанно вытаскивать большевиков и их сотрудников из революционной бездны...

К этим кругам принадлежит и Бердяев. Их поручения он и исполняет; через них он и получает «социальные задания» большевиков. От их-то лица он лжет, выдумывает и запутывается во всяческой неправде и полуправде. Прекрасно отметила у него А. В. Тыркова («Свободная мысль», № 6) — «Отсутствие интеллектуального стыда» и «равнодушие к добру и злу», а Тыркова знает Бердяева давным-давно, еще с петербургских времен, лет сорок. Превосходно отделал Бердяева в том же номере «Свободного слова» и прибывший недавно оттуда «Советский Интеллигент», с подлинным знанием дела, с настоящим патристическим негодованием и полемической неопровержимостью. Он с истинным подъемом вскрывает у Бердяева «абсолютную ложь» и называет его писания «издевательством над горем и мучениями русского народа».

Бердяев, конечно, знает, что он лжет: он лжет обдуманно и сознательно. За последний год из его кругов была выдвинута даже особая теория о «подвиге лжи»: они-де взяли на себя подвиг лжи во имя высшей цели — спасти большевиков и их рев-

ностных сотрудников от кровавой всенародной расправы... Какая гуманная забота о палачах родного народа. Не о подавленном и вымариваемом русском народе, не о гибнущих поколениях русской молодежи, а о том, как бы не пострадали сами мучители. Какое предательство русского народа в руки этих самых палачей. Ну помучают еще лет 15—20, зато не будет никакой расправы...

«Подвиг лжи» означает не только, что «цель оправдывает средства», но еще, что ложь делает лгущего «героем». А за этим начальным «геройством» — какая предстоит ее фаланга «подвигов»? «Подвиг клеветы» — чем он хуже подвига лжи? А ложью уже осуществлен и «подвиг предательства». А как же можно будет избежать «подвига доноса»? А за этими пойдут новые неисчислимые позорные «подвиги». И вот перед нами разворачивается весь этот фронт разложения и соблазна. И вспоминаются Евангельские слова о соблазнах и соблазнительях...

Но Бердяев является, конечно, только орудием, только передатчиком соблазна. Знающие его утверждают, что он исполняет «социальные задания» не из корысти, сослепу, в неистовстве очередного парадокса; что он с тою же «храбростью» высовывает ныне язык исторической правде и русскому народу, с какою он когда-то высовывал его на допросе Дзержинскому и Менжинскому². Тем ужаснее, тем показательнее это отвратительное явление. Тем глубже озаряется перед нами всероссийская и всемирная смута...

И. А. ИЛЬИН

Наши задачи

<фрагменты>

8. <ЧТО МОЖЕТ ДЕЛАТЬ ЭМИГРАЦИЯ>

Трагедия русской честной эмиграции с самого начала состояла в том, что в своем желании непосредственно бороться с советской властью она была *силою пространства* лишена точки для приложения своей силы.

Пробираться внутрь страны могли только единичные герои, отнюдь не находившие там, как прежние революционеры, «под каждым кустом — и стол и дом»: они делали короткие вылазки и погибали или возвращались, совершив отдельный подвиг и привозя сведения. Но и только.

Все попытки действовать конспиративно через агентов ГПУ—НКВД кончались неизменно трагической неудачей: доверчивые эмигранты доверялись профессиональным предателям, профессиональные предатели «услаивались», «обещали» и затем обманывали и предавали доверчивых эмигрантов, которых личная доблесть не спасала, а вела к жертвенной, но бесплодной гибели.

Глубокая разведка храбрецов, пробиравшихся во время войны в занятые немцами русские области, дала немало ценных сведений и некоторые ограниченные пропагандные возможности. Но и только.

Выстрелы Конради и Коверды¹ имели для всего мира значение русского национального протеста и предупреждения. Главное — центральной борьбы из всего этого не выходило. Героические *э к с ц е с с ы* вливались в *общую тактику п р о п а г а н д ы*, которая и оставалась главным делом эмиграции.

«Старая» эмиграция давно это поняла и поставила себе задачу: *действовать доказательным провозглашением правды о советском коммунизме* и в этом заслуги ее огромны и неоспоримы.

Ныне эта правда о большевизме и коммунизме стала достоянием всех правительств *западных и восточных держав*. Однако мнение самих народов очень далеко еще от верного понимания правды. Доказательством тому служат выборы в Италии (до 8 мил<лионов> голосов за комблок) и во Франции, бурление в Латинской Америке, брожение в Индии и гражданская война в Китае. Мировая пресса далеко не на высоте в своих суждениях о советских делах: она то и дело обнаруживает недостаточность своих знаний о РОССИИ, своего понимания русской революции, недостаток зоркости, независимости и просто честности. Здесь для русской эмиграции — великое поле действия. Но надо помнить, что успех дается не только сенсации (Кравченко), а главным образом, доказательности и качеству, что необходим большой политический такт, и что без упорных организационных усилий не достигнешь ничего.

Вторая задача эмиграции, без разрешения которой неразрешима и первая, это внимательное изучение процессов, происходящих внутри РОССИИ. Наше знание и понимание мы должны проверить живым и недавним опытом новой эмиграции. Мы должны доказательно вскрывать перед мировым общественным мнением происходящее в Советии: антинациональную, губительную для РОССИИ политику коммунистов, нерусскость советского империализма, духовную нелепость и разрушительность партийной тирании, сущность и цели советского тоталитаризма, мнимость и лживость советской «демократии», нравственные последствия террора, судьбу русской интеллигенции, искоренение независимых (лучших) характеров в народе, соблазн советско-церковного компромисса, экономическую безнадежность централизованного хозяйства, крушение социализма, борьбу крестьянства с коммунизмом, общий уровень жизни, положение рабочего класса, положение одураченных и униженных национальных меньшинств, состояние промышленности и вооружений, реорганизацию армии и настроение в ней, создание новой привилегированной касты в стране и отношение народа к ней.

Издание соответствующих книг, брошюр и сборников статей на иностранных языках довершит это дело.

Этим задачи национальной русской эмиграции не исчерпываются, но с этого они *начинаются*.

11. <ПРЕДСТОЯЩИЙ В РОССИИ ХАОС>

Русские зарубежные левые газеты все чаще и определеннее начинают формулировать свои предположения и требования в ожидании крушения советского строя: немедленный созыв Учредительного собрания по четырехчленной формуле, немедленное провозглашение всех свобод, скорейшее введение федеративной республики, по возможности спасение всяческого социализма и т. д. Трудно разочаровывать мечтающих: занятие непопулярное и безуспешное. Но политика строится не фантазией и не доктриной. Необходим трезвый учет действительности. Мы должны предвидеть неизбежное и невозможное.

За тридцать лет коммунистического правления в с я Р о с с и я потеряла свое имущество, свою оседлость и свою городскую — уездную — губернскую принадлежность. Вечные выселения из жилищ, ссылки, переброски, командировки — сдвинули всех с мест и сделали нищими, но не погасили память о дорогих могилах, о законных правах и о своей пашне. Как только отпадет советский террор, *вся Россия сдвинется* с места в стремлении к освобождению, к возврату на насиженные родные места, к восстановлению своих прав на недвижимость, к разысканию членов своей семьи, к отмщению или просто к уходу из северного климата. Двинутся — крестьяне, рабочие, интеллигенция, миллионные концлагеря, беспризорные, уголовные, солдатня; — спасающиеся от узнания коммунисты, возвращающиеся невозвращенцы и эмигранты. Этот текущий хаос будет продолжаться н е с к о л ь к о л е т, загромождая дороги живыми и мертвыми и перегружая все средства сообщения. В течение этих лет нечего будет думать о составлении, проверке, обжаловании и исправлении избирательных списков, тем более о производстве выборов. Кто попытается это сделать, тот будет заведомо «фальсифицировать демократию». Но правительство в России будет в это время необходимо больше, чем когда-либо. И оно будет существовать, представлять Россию и стремиться к порядку. Следовательно, оно будет не *демократическим* по своему строению, а *диктаториальным*.

В лучшем случае этот хаос кое-как уляжется через три-четыре года. В худшем же случае начнутся гражданские войны: с не сдавшимися коммунистами; между конкурирующими претендентами на диктатуру, среди которых будет немало деморализованных авантюристов; или между центральной властью и сепаратистами; между диктатурой и бандами... Не исключено, что найдутся иностранные державы, которым будем выгодно

поддерживать эти междоусобия (вспомним Китай, Смуту) и которые будут снабжать поэтому то того, то другого из авантюрных генералов или сепаратистских полководцев деньгами, инструкторами и оружием. При таких условиях национальная диктатура станет прямым спасением, а выборы будут или совсем неосуществимы, или окажутся мнимыми, фикцией, лишённой правообразующего авторитета.

Наконец самое возникновение небольшевистской или антибольшевистской власти трудно себе представить в том порядке, что Россия будет отвоевана у коммунистов эмигрантскими демократическими партиями, или что эти партии будут нарочито проведены к власти победоносными американо-англо-немецкими штыками. На самом деле *диктатура встанет изнутри* и вряд ли позовет на совет или к участию г. Николаевского² или г-жу Кускову. Если это будет диктатура «полукоммунистическая», то она вступит в непрерывный кризис, эволюционируя направо; если же это будет диктатура антикоммунистическая, то она, может быть, и будет обещать созыв Учредительного собрания (или «парламента»), но будет откладывать его в силу вышедших государственных невозможностей и необходимостей.

Под этой исторически неизбежной диктатурой русский народ будет отыскивать свои «насиженные места» и «права» х а о т и ч е с к и м с а м о т е к о м, и когда через годы, может быть, и соберется первое возможное в послереволюционной России представительное собрание, то оно встанет перед совершившимся фактом: *расправа над ненавистными народу элементами будет закончена, а имущественные права «восстановлены» в захватном порядке.*

Мы отнюдь не считаем этого наилучшим исходом и отнюдь не призываем к этому. Но надо быть совсем наивным в политике, чтобы не считаться с этим процессом как с наиболее вероятным.

<16 июня 1948 г.>

30. ПРОТИВ РОССИИ

Где бы мы, русские национальные эмигранты, ни находились в нашем рассеянии, мы должны помнить, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению. Только одна маленькая Сербия инстинктивно сочувствовала

России, однако без знания и понимания ее; и только одни Соединенные Штаты инстинктивно склонны предпочесть единую национальную Россию как неопасного им антипода и крупного, лояльного и платежеспособного покупателя.

В остальных странах и среди остальных народов — мы *одиноким, непонятным и «непопулярным»*. Это не новое явление. Оно имеет свою историю. М. В. Ломоносов и А. С. Пушкин первыми поняли своеобразие России, ее особенность от Европы, ее «неевропейскость». Ф. М. Достоевский и Н. Я. Данилевский³ первыми поняли, что Европа нас не знает, не понимает и не любит. С тех пор прошли долгие годы, и мы должны были испытать на себе и подтвердить, что все эти великие русские люди были *прозорливы и правы*.

Западная Европа нас не знает, во-первых, потому, что *ей чужд русский язык*. В девятом веке славяне жили в самом центре Европы: от Киля до Магдебурга и Галле, за Эльбой, в «Богемском лесу», в Каринтии, Хорватии и на Балканах. Германцы систематически завоевывали их, вырезали их верхние сословия и, «обезглавив» их таким образом, подвергали их денационализации. Европа сама вытеснила славянство на восток и на юг. А на юге их покорило, но *не* денационализировало турецкое иго. Вот как случилось, что русский язык стал чужд и «труден» западным европейцам. А без языка народ народу нем («немец»).

Западная Европа не знает нас, во-вторых, потому, что *ей чужда русская (православная) религиозность*. Европой искони владел Рим, — сначала языческий, потом католический, воспринявший основные традиции первого. Но в русской истории была воспринята не римская, а греческая традиция. «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (Пушкин⁴). Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. А греческое вероисповедание мы, *не искажая*, восприняли *настолько своеобразно*, что о его «греческости» можно говорить лишь в условном, историческом, смысле.

Европа не знает нас, в-третьих, потому, что *ей чуждо славяно-русское созерцание мира, природы и человека*. Западноевропейское человечество движется *волею и рассудком*. Русский человек живет прежде всего *сердцем и воображением* и лишь потом — волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести

и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнилительно; русское — бесформенно, добродушно и справедливо. Европейец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; за то требует внутри государства формальной «свободы» и формальной «демократии». Русский человек всегда наслаждается естественною свободою своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и нестесненностью своей внутренней индивидуализации; он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил *свободу духа* выше формальной *правовой свободы*, — и если бы другие народы и народцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними.

Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточно-русской культурой. У нас *вся культура — иная, своя*; и притом потому, что у нас *иной, особый духовный уклад*. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом *наша душа открыта* для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем, и если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар *вчувствования и перевоплощения*.

У европейцев *этого дара нет*. Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокояно, чуждо, странно, непривлекательно. Их мертвое сердце — мертво и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим загадочным «недоразумением»...

И за тридцать лет революции в этом ничего не изменилось. Так, в середине августа 1948 г. происходил съезд так называемого «церковно-экуменического» движения в Швейцарии, в котором были выбраны 12 виднейших швейцарских богословов и пасторов (реформатской церкви) на такой же «всемирный» съезд в Амстердаме. И что же? На съезде господствовали «братское» сочувствие к марксизму, к советской церкви и советчине и мертвое, холодно-пренебрежительное отношение к национальной России, к ее церкви и культуре. Вопрос о русской культуре, о ее духовности и религиозной самобытности совсем

и не ставился: она приравнивалась к нулю. Марксизм есть для них «свое», европейское, приемлемое; и советский коммунист для них ближе и понятнее, чем Серафим Саровский⁵, Суворов, Петр Великий, Пушкин, Чайковский и Менделеев.

То же самое происходило потом и на «всемирном» съезде в Амстердаме, где подготовлялось чудовищное месиво из христианства и коммунизма.

Итак, Западная Европа не знает России. Но *неизвестное* всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по своим естественным богатствам огромна. *Огромное неизвестное* переживается всегда как сущная опасность. Особенно после того, как Россия в XVIII и XIX веках показала Европе доблесть своего солдата и гениальность своих исторических полководцев. С Петра Великого Европа *опасалась* России; с Салтыкова⁶ (Кунерсдорф), Суворова и Александра Первого⁷ — Европа *боится* России. «Что, если этот нависающий с востока массив двинется на запад?» Две последние мировые войны закрепили этот страх. Мировая политика коммунистической революции превратила его в *неутихающую тревогу*.

Но страх унижает человека; поэтому он прикрывает его презрением и ненавистью. Незнание, пропитанное страхом, презрением и ненавистью, фантазирует, злопыхательствует и выдумывает. Правда, мы видели пленных немцев и австрийцев, вернувшихся в Европу из русских лагерей и *мечтавших о России и русском народе*. Но европейское большинство и, особенно, его демократические министры — кормятся незнанием, боятся России и постоянно *мечтают о ее ослаблении*.

Вот уже полтора столетия Западная Европа боится России. Никакое служение России общеевропейскому делу (Семилетняя война⁸, борьба с Наполеоном, спасение Пруссии в 1805—1815 годах, спасение Австрии в 1849 г.⁹, спасение Франции в 1875 г.¹⁰, миролюбие Александра III¹¹, Гаагские конференции¹², жертвенная борьба с Германией 1914—1917 гг.) — *не весит перед лицом этого страха*; никакое благородство и бескорыстие русских государей не рассеивало этого европейского злопыхательства. И когда Европа увидела, что Россия стала жертвою большевистской революции, то она решила, что это *есть торжество европейской цивилизации*, что новая «демократия» расчленил и ослабит Россию, что можно перестать бояться ее и что советский коммунизм означает «прогресс» и «успокоение» для Европы. Какая слепота! Какое заблуждение!

Вот откуда это основное отношение Европы к России: Россия — это загадочная, полуварварская «пустота»; ее надо «еван-

гелизировать» или обратить в католичество, «колонизировать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западноевропейских целей и интриг; а впрочем — ее необходимо *всячески ослаблять*. Как?

Вовлечением ее в невыгодный момент в разорительные для нее войны; недопущением ее к свободным морям; если возможно — то расчленением ее на мелкие государства; если возможно — то сокращением ее народонаселения (напр<имер>, через поддержание большевизма с его террором — политика германцев 1917—1939 гг.); если возможно — то насаждением в ней революций и гражданских войн (по образцу Китая); а затем — внедрением в Россию международной «закулисы», упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западноевропейских форм республики, демократии и федерализма, политической и дипломатической изоляцией ее, неустанным обличением ее мнимого «империализма», ее мнимой «реакционности», ее «некультурности» и «агрессивности».

Все это мы должны понять, удостовериться в этом и никогда не забывать этого. Не для того, чтобы отвечать на вражду — ненавистью, но для того, чтобы верно *предвидеть события и не поддаваться столь свойственным русской душе сентиментальным иллюзиям*.

Нам нужны *трезвость и зоркость*.

В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди — враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России. Подобно тому, как есть «англофобы», «германофобы», «японофобы», — так мир изобилует «русофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления *всяческий успех*. Это надо продумать и прочувствовать до конца.

Поэтому, с кем бы мы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его *мерилом его симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России* и не ждать от завоевателя — спасения, от расчленителя — помощи, от религиозного совратителя — сочувствия и понимания, от погубителя — благожелательства и от клеветника — правды.

Политика есть искусство *узнавать и обезвреживать врага*. К этому она, конечно, не сводится. Но кто к этому неспособен, тот сделает лучше, если не будет вмешиваться в политику.

<28 сентября 1948 г.>

37. О ФАШИЗМЕ

Фашизм есть явление сложное, многостороннее и, исторически говоря, далеко еще не изжитое. В нем есть здоровое и больное, старое и новое, государственно-охранительное и разрушительное. Поэтому в оценке его нужны спокойствие и справедливость. Но опасности его необходимо продумать до конца.

Фашизм возник как реакция на большевизм, как *концентрация государственно-охранительных сил направо*. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма — это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет осуществляться и впредь, даже в самых демократических государствах: в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в Древнем Риме, так было и в новой Европе, так будет и впредь.

Выступая против левого тоталитаризма, фашизм был, далее, прав, поскольку искал *справедливых социально-политических реформ*. Эти поиски могли быть *удачны и неудачны*: разрешать такие проблемы трудно, и первые попытки могли и не иметь успеха. Но встретить волну социалистического психоза — *социальными* и, следовательно, *противо-социалистическими* мерами — было необходимо. Эти меры назревали давно, и ждать больше не следовало.

Наконец, фашизм был прав, поскольку исходил из *здорового национально-патриотического чувства*, без которого ни один народ не может ни утвердить своего существования, ни создать свою культуру.

Однако наряду с этим фашизм совершил целый ряд *глубоких и серьезных ошибок*, которые определили его политическую и историческую физиономию и придали самому названию его ту *одиозную окраску*, которую не устают подчеркивать его враги. Поэтому для будущих социальных и политических движений подобного рода надо избирать другое наименование. А если кто-нибудь назовет свое движение прежним именем («фашизм» или «национал-социализм»), то это будет истолковано как намерение возродить все пробелы и фатальные ошибки прошлого.

Эти пробелы и ошибки состояли в следующем.

1. Безрелигиозность. Враждебное отношение к христианству, к религиям, исповеданиям и церквям вообще.

2. Создание *правого тоталитаризма* как постоянного и якобы «идеального» строя.

3. Установление *партийной монополии* и вырастающей из нее *коррупции* и *деморализации*.

4. Уход в крайности *национализма* и *воинственного шовинизма* (национальная «мания грандиоза»¹³).

5. Смещение *социальных реформ с социализмом* и соскальзывание через тоталитаризм в огосударствление хозяйства.

6. Впадение в *идолопоклоннический цезаризм с его демагогией, раболепством и деспотией*.

Эти ошибки скомпрометировали фашизм, восстановили против него целые исповедания, партии, народы и государства, привели его к непосильной войне и погубили его. Его культурно-политическая миссия не удалась, и левая стихия разлилась с еще большей силой.

1. Фашизм не должен был занимать позицию, враждебную христианству и всякой религиозности вообще. Политический режим, нападающий на Церковь и религию, вносит раскол в души своих граждан, подрывает в них самые глубокие корни правосознания и начинает сам претендовать на религиозное значение, что безумно. Муссолини скоро понял, что в католической стране государственная власть нуждается в честном конкордате с католической Церковью. Гитлер, с его вульгарным безбожием, за которым скрывалось столь же вульгарное самозобожествление, так и не понял до конца, что он идет по путям антихриста, предвывая большевиков.

2. Фашизм мог и не создавать тоталитарного строя: он мог удовлетвориться авторитарной диктатурой, достаточно крепкой для того, чтобы: а) искоренить большевизм и коммунизм и б) предоставить религии, печати, науке, искусству, хозяйству и некоммунистическим партиям свободу суждения и творчества в меру их политической лояльности.

3. Установление *партийной монополии* никогда и нигде не приведет к добру: лучшие люди отойдут в сторону, худшие повалят в партию валом; ибо лучшие мыслят самостоятельно и свободно, а худшие готовы приспособиться ко всему, чтобы только сделать карьеру. Поэтому монопольная партия живет самообманом: начиная «качественный отбор», она требует «партийного единомыслия»; делая его условием для политической правоспособности и дееспособности, она зовет людей к *бессмыслию и лицемерию*; тем самым она открывает настежь двери всевозможным болванам, лицемерам, проходимцам и карьеристам; качественный уровень партии срывается и к власти проходят симулянты, взяточники, хищники, спекулянты, террористы, льстецы и предатели. Вследствие этого все недостатки и ошиб-

ки политической партийности достигают в фашизме своего высшего выражения; партийная *монополия* хуже партийной *конкуренции* (закон, известный нам в торговле, в промышленности и во всем культурном строительстве).

Русские «фашисты» этого не поняли. Если им удастся водвориться в России (чего не дай Бог), то они скомпрометируют все государственные и здоровые идеи и провалятся с позором.

4. Фашизм совсем не должен был впадать в политическую «манию грандиозу», презирать другие расы и национальности, приступать к их завоеванию и искоренению. Чувство собственного достоинства совсем не есть высокомерная гордыня; патриотизм совсем не зовет к завоеванию вселенной; освободить свой народ совсем не значит покорить или искоренить всех соседей. Поднять всех против своего народа — значит погубить его.

5. Грань между *социализмом* и *социальными реформами* имеет глубокое, принципиальное значение. Перешагнуть эту грань — значит погубить социальную реформу. Ибо надо всегда помнить, что *социализм антисоциален, а социальная справедливость и социальное освобождение не терпят ни социализма, ни коммунизма*.

6. Величайшей ошибкой фашизма было возрождение *идолопоклоннического цезаризма*. «Цезаризм» есть прямая противоположность монархизма. Цезаризм безбожен, безответствен, деспотичен; он презирает свободу, право, законность, правосудие и личные права людей; он демагогичен, террористичен, горделив; он жаждет лести, «славы» и поклонения; он видит в народе чернь и разжигает ее страсти; он аморален, воинствен и жесток. Он компрометирует начало авторитарности и единовластия, ибо правление его преследует цели не государственные и не национальные, а *личные*.

Франко¹⁴ и Салазар поняли это и стараются избежать указанных ошибок. Они не называют своего режима «фашистским». Будем надеяться, что и русские патриоты продумают ошибки фашизма и национал-социализма до конца и не повторят их.

<6 декабря 1948 г.>

48. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА КАТАСТРОФЕЙ

После всего, что произошло в России за последние 32 года (1917—1949), нужно быть совсем слепым или неправдивым, чтобы отрицать *катастрофический характер* происходящего.

Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет.

Смута была брожением; народ перебродил и опомнился. Революция использовала новую смуту и брожение и не пала народу ни опомниться, ни восстановить свое органическое развитие.

Смута была хаотическим бунтом и дезорганизованным разбоем. Революция оседлала бунт и государственно организовала всеобщее ограбление.

Смуту никто не замышлял: она была эксцессом отчаяния, всенародным грехопадением и социальным распадом. Революция готовилась планомерно, в течение десятилетий; в известных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение; с 1917 г. она стала систематически проводиться по заветам Шигалева¹⁵ и чудовищным образом закрепляться: она ломала русскому человеку и народу его нравственный и государственный «костяк» и нарочно неверно и уродливо сращивала переломы.

Смута длилась 9 лет (1604 — появление самозванца, 1613 — избрание на царство Михаила Федоровича). Революция тянется уже 32 года, и конца ей не видно. Подрастают новые поколения, живущие в России, но не знающие ни ее истории, ни ее священных традиций, ни ее международного положения.

Смута разразилась в сравнительно первобытной России, распатанной и оскудевшей от террора Иоанна Грозного. Революция была подготовлена и произведена в России, которая культурно цвела, хозяйственно богатела и прогрессивно реформировалась. Россия начала XX века имела две опасности: войну и революцию. Войну ей сознательно навязала Германия, чтобы остановить ее рост; революцию в ней сознательно раздули революционные партии, чтобы захватить в ней власть.

После Смуты Россия была разорена (засевалась всего одна двадцать третья часть прежней площади); но она сохранила свой национальный лик. Революция разоряет и вымаривает ее систематически и симулирует ее мнимое «богатение»; она искажала ее национальный лик, отменила даже ее имя и превратила ее в *мировую язву*, грозящую всем народам.

Поэтому русская революция есть величайшая катастрофа — не только в истории России, но и в *истории всего человечества*, которое теперь слишком поздно начинает понимать, что советский коммунизм имеет *европейское происхождение* и что он теперь ломится назад — на свою «родину». Ибо он готовился в Европе сто лет в качестве социальной реакции на мировой ка-

питализм; он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализировавших государственное правление. В мире встал аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения, — жестокий и безбожный, *величайший лжец и пошляк, мировой истории*, научившийся у европейцев клясться именем «пролетариата» и оправдывать своими целями самые гнусные средства.

Итак, русская революция готовилась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) — людьми сильной воли, но скудного политического разума и доктринерской близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, *ничего не понимали в России*, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, «идеями» которой они, как голодные дети, объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен главного поносителя России — католика Чаадаева...

Русские революционеры не понимали *величайших государственных трудностей*, создаваемых русским *пространством*, русским *климатом* и ничтожной *плотностью* русского населения. Они совершенно не разумели того, что русский народ является носителем порядка, христианства, культуры и государственности среди своих многонациональных и многоязычных сограждан. Они не желали считаться с суровостью русского *исторического бремени* (на три года жизни — два года оборонительной войны!) и хотели только использовать для своих целей накопившиеся в народе утомление, горечь и протест. Они не понимали того, что государственность строится и держится живым народным *правосознанием* и что русское национальное правосознание держится на двух основах — *на Православии и на вере в Царя*. Как «просвещенные» неверы, они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского Православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры. Они не видели тех опасностей, которые заложены для России — в неуравновешенности русского темперамента, в незрелости русского добродушного, по-детски увлекающегося и шаткого характера и в его многосотлетней непривычке активно и ответственно строить свое государство. Они не понимали, что западные демократии держатся на многочисленном и организованном «среднем сословии» и на собственническом крестьянстве и что в России нет еще ни того ни другого.

Они видели только *сравнительную бедность и нравственную удобособлазнимость* русского народа, — и десятилетиями демагогировали его. И никому из них и в голову не приходило, что народ, не привыкший к политической свободе, не поймет ее и не оценит; что он *злоупотребит* ею для дезертирства, грабежа и резни, а потом *продаст ее тиранам за личный и классовый прибыток*... Подпиливали столбы и воображали себя титанами, «Атлантами», способными принять государственное здание на свои плечи. Закладывали динамит и воображали, что удастся снести одну крышу, которая немедленно сама вырастет вновь из «нерухнувшего» здания. Сеяли ветер на все четыре стороны и, пожиная бурю, удивлялись, что их парусную лодочку опрокинуло волною...

На этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности — была построена вся программа и тактика русских революционных партий. Они наивно и глупо верили в политический произвол и не видели *иррациональной органичности русской истории и жизни*. И слишком поздно поняли свои ошибки. Благороднейшие из них признали свои недоразумения и промахи уже в эмиграции (Плеханов, Церетелли, Фондаминский¹⁶), тогда как другие и доселе восхищаются своим «февральским» безумием...

<26 марта 1949 г.>

49. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫЛА БЕЗУМИЕМ

Она была безумием, и притом *разрушительным безумием*. Достаточно установить, что она сделала с русской религиозностью всех исповеданий, в особенности с православной Церковью; что она учинила с русским образованием, в особенности с высшим и средним образованием, с русским искусством, с русским правом и правосознанием, с русской семьей, с чувством чести и собственного достоинства, с русской добротой и с патриотизмом...

Она была безумием со стороны самих *умеренно-революционных и полуреволюционных партий*, кои вскоре были уничтожены со всеми их планами, программами, кадрами, газетами и традициями.

Но она же обнаружила и безумную беспечность и близорукость *правых — охранительных партий*, которые не имели ни творческих идей, ни социальных программ, ни верных кадров в

стране. Их хватило только на то, чтобы затруднить великую реформу Столыпина... А «крайне правые» только и умели обманно уверять Государя в «многомиллионности» своего «союза» и в его «верноподданничестве», с тем чтобы в грозный час опасности предать Царя и его семью на арест, увоз и убийство...

Революция была безумием и для *русского крестьянства*. Русское крестьянство стояло перед исполнением всех своих желаний; оно нуждалось только в лояльности и терпении. Равноправие и полноправие давалось ему от Государственной думы (законопроект, выработанный В. А. Маклаковым). Земля переходила в его руки столь стремительно, что, по подсчету экономистов, к 1932 г. в России не осталось бы ни одного помещика: все было бы продано и куплено *по закону* и нотариально закреплено. Земля отдавалась ему в частную собственность (реформа П. А. Столыпина, 1906). К началу этой реформы Россия насчитывала 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона дворов уже владели землею на праве частной собственности; а 8 миллионов числились в общинном владении. За 10 лет (1906—1916) на выдел из общины записались 6 миллионов дворов из восьми. Реформа шла полным ходом в связи с прекрасно организованным переселением; она была бы закончена к 1924 г. Но революционные партии позвали к «черному переделу», осуществление которого было сущим безумием: ибо только «тело земли» переходило к захватчикам, а «право на землю» становилось спорным, шатким, непрочным и прекарным (т. е. срочным до востребования); оно обеспечивалось лишь обманно — будущими экспроприаторами, коммунистами. Итак, историческая *эволюция* давала крестьянам землю, право на нее, мирный порядок, культуру хозяйства и духа, свободу и богатство; *революция* лишила их всего. Подготовительный нажим большевиков начался немедленно вслед за «черным переделом» и длился 12 лет. Вслед за тем (1929—1935) коммунисты приступили к коллективизации и, погубив казнями и ссылками не менее 600 000 дворов и семей, ограбили и пролетаризировали крестьян и ввели государственное крепостное право.

Революция была безумием и для *русского промышленного пролетариата*. Война 1914—1917 гг. поставила его непосредственно перед легализацией свободных рабочих союзов. Революция дала ему — гибель его лучших технических обученных кадров; долгие годы безработицы, голода и холода; порабощение в тоталитарных тред-юнионах; снижение уровня жизни на целые поколения; падение реальной зарплаты; государствен-

ную «потогонную систему» (стахановщина); систему взаимного политического сыска, доноительства и концлагеря.

Революция была проявлением безумия и со стороны русского *промышленно-торгового класса*, который в лице Саввы Морозова¹⁷, Ивана Сытина и других финансировал революционеров до тех пор, пока не был истреблен ими. А когда гибель стояла уже у порога, этот же самый класс не захотел или не сумел своевременно изыскать средства для борьбы с большевиками. Во время гражданской войны на юге, когда города переходили из рук в руки, — промышленники по уходе белых считали свои «убытки» и «протори» и роптали, а по уходе красных — подсчитывали свои «остатки» и благодарили судьбу за спасение.

Но наибольшим безумием революции была для русской *интеллигенции*, уверовавшей в пригодность и даже спасительность западноевропейских государственных форм для России и не сумевшей выдвинуть и провести необходимую *новую русскую форму участия народа в осуществлении государственной власти*. Русские интеллигенты мыслили «отвлеченно», формально, уравнительно; идеализировали чужое, не понимая его; «мечтали» вместо того, чтобы изучать жизнь и характер своего народа, наблюдать трезво и держаться за реальное; предавались политическому и хозяйственному «максимализму», требуя во всем *немедленно наилучшего и наибольшего*; и все хотели политически сравняться с Европой или прямо превзойти ее.

И теперь еще люди этого сентиментально-мечтательного поколения покидают земную жизнь, не передумав и вменяя себе это самодовольное упрямство в заслугу «стойкости» и «верности»... Они так и не поймут, что глупо глотать все лекарства, полезные другим; что пальмы и баобабы не всюду растут на воле; что страусы не могут жить в тундре; что *республика и федерация требуют особого правосознания*, которого многие народы не имеют и *коего нет и в России*. Не поймут, что народы, веками проходившие через культуру римского права, средневекового города, цеха и через школу римско-католического террора (инвизияция! религиозные войны! крестовые походы против еретиков! грозная исповедальня!) — нам не указ и не образец... Ибо мы, волею судьбы, проходили совсем другую школу — сурового климата, татарского ига, вечных оборонительных войн и сословно-крепостного строя. Что «немцу здорово», то русского может погубить...

Так безумие русской революции возникло не просто из военных неудач и брожения, но из отсутствия политического опы-

та, чувства реальности, чувства меры, патриотизма и чувства чести у народных масс и у революционеров. Люди утратили органическую национальную традицию и социально-политическое трезвение. В труднейший час исторической войны, когда монарх и указанный им наследник двукратным отречением погасили в народе присягу на верность, — все это вызвало развал правосознания, безумную толкотню и давку из-за эфемерного полно-равно-правия и столь же мнимого обогащения захватом. Все это брожение возникло отнюдь не из «нищеты», «гнета» или «разрухи». Брожение шло от нежелания отстаивать Россию и держать фронт и от жажды революционного грабежа. По прозорливому слову Достоевского, русский простой народ понял революционные призывы (Приказ № 1)¹⁸ и освобождение от присяги — как данное ему «право на бесчестие», и поспешил бесчестно развалить фронт, удовлетвориться «похабным миром» и приступить к бесчестному имущественному переделу. Это бесчестие выдвинуло наверх демагогов-интернационалистов.

Русские летописи пишут о Смуте, что она была послана нам за грехи, — «безумного молчания нашего ради», т. е. за отсутствие гражданского мужества, за малодушное «хоронячество» и непротивление злодеям. Несомненно, что эти слабости и недостатки сыграли свою роль и в нынешней революции. Но были и иные грехи, важнейшие: утрата русских органических и священных традиций, шаткость нравственного характера, безмерное политическое дерзание и отсутствие творческих идей.

<4 апреля 1949 г.>

141—143. КАКИЕ ЖЕ ВЫБОРЫ НУЖНЫ РОССИИ?

I

Как бы ни сложился дальнейший ход событий в России, никакие общегосударственные выборы не будут возможны в первые годы после падения большевиков: в хаосе не выбирают; в состоянии общего брожения, возвращения, переселения, без оседлости и приписки — выборы *неосуществимы*. Всякая попытка произвести выборы и провозгласить «учредительное собрание» — будет заведомой фальсификацией, партийной подтасовкой, *политическим мошенничеством*. Заранее ясно, что такая «демократия», начинающая с обмана и фальши, — будет обречена.

Пока национальный диктатор не подберет себе честный и идейный правительственный аппарат, способный честно составить законные избирательные списки, до тех пор говорить о выборах невозможно. Представлять же себе дело так, что какое-то, кое-как сбитое, из закулисных щелей понасаженное «полусобрание» провозгласит себя «учредилкой» и объявит в виде избирательного закона «всеобщее, равное и прямое» голосование, значит, прямо предвидеть фальсификацию выборов как неизбежную или даже готовить ее как «желательную». Вряд ли кто-нибудь дерзнет на такое историческое позорище...

До всякого составления избирательных списков должен быть проведен генеральный, *всенародный перебор граждан*. Должен быть прежде всего издан закон, в силу которого право голоса не может принадлежать — помимо несовершеннолетних (мужчин до 25 лет, женщин до 30 лет), слабоумных, сумасшедших, глухонемых, заведомых пьяниц и кокаинистов — еще следующим категориям лиц: интернационалистам — навсегда; рядовым коммунистам — на 20 лет; членам Совнаркома, Политбюро, Чеки, ГПУ, НКВД, МВД — навсегда; палачам и полномочным начальникам концлагерей — навсегда; изобличенным политическим доносчикам — на 20 лет; уркам — на 10 лет; всем служившим в иностранной разведке — на 20 лет; лицам порочных профессий (кои будут перечислены в законе) — на все время их промысла и еще на 30 лет по прекращении такового (к таким профессиям принадлежат: разбойники, дважды присужденные воры, скупщики и укрыватели краденого, конокрады, контрабандисты, содержатели и содержательницы публичных домов, сводни и сводницы, члены террористических партий и организаций, шулера, чернорыночные спекулянты, незаконные ростовщики и т. п.). Этот закон должен быть предан самой широкой гласности, по крайней мере, за год до составления списков.

В предлагаемом *всенародном переборе граждан* участвует, во-первых, весь народ на местах — по селам, поселкам, заводам, фабрикам и городским участкам; во-вторых — представители центральной власти.

За год до составления списков глава государства собирает на особые съезды *губернских* начальников и *городских* начальников, чтобы разъяснить им основную задачу нового *перебора и отбора*. Здесь вырабатывается единая, общая инструкция, которая передается на места и публикуется во всеобщее сведение. Губернские и городские начальники разъясняют ее своим *подчиненным* (уездным, участковым и заводским представителям власти), а те разъясняют ее сельским и участковым *собраниям*.

Внимая этой инструкции, народ должен убедиться и поверить, что *коммунистическая революция кончена*, что *партийный кошмар изжит*, что начинается *новое, разумное, строительство, основанное на любви к России, на добросовестности, чести и честности*, на частной инициативе, на верности лояльному правительству и *на отборе лучших людей*. Народ должен понять, что от него ждут не партийного притворства, не лжи, не доносов, не взаимного предательства и угодничества перед властью, а составления избирательных списков с *устранением всех утративших право на голос*.

Это устранение происходит *закрытым голосованием*, на основании *общего*, еще не избирательного списка жителей, составленного участковым начальником. Голосованию подлежит *всякий*, против которого подано *пять* отводящих записок, *без подписи*, но с указанием *законного* основания для отвода. Например: Семен Семенович Гайдук отводится как доносчик; или как палач; или как скупщик краденого; или как интернационалист. Записки прочитываются вслух, обсуждению не подлежат, протоколируются и тотчас же уничтожаются; отведенный имеет право возразить публично; возражение его *не обсуждается*; вопрос решается простым большинством при закрытом голосовании.

Во всех случаях, где участковый начальник видит, что негодные элементы не отведены, а ценные элементы отведены, он обязан обжаловать производство перед губернским и городским начальником и добиться повторения процедуры. Там, где будет обнаружено сплоченное коммунистическое большинство и его успешные интриги, участок может быть оставлен совсем без избирательного списка.

Такова первая стадия: *всенародный перебор*. После него составляются избирательные списки в обычном порядке и со всеми гарантиями законности, справедливости и беспартийности. Эти списки определяют состав политически-дееспособных граждан на 10 лет. Именно таковые, и только они, являются активными гражданами. По миновании сроков и утверждения списков самые выборы производятся в следующем порядке.

Выборы не должны быть «тоталитарными». Всякий, занесенный в списки, имеет право воспользоваться своим правом голоса и не воспользоваться им. Но выборы и не должны быть партийными: никаких партийных программ, плакатов; никакой агитации быть не должно. Выделение лучших — должно быть произведено *самим народом, совершенно свободно* и без всяких партийных «обещаний», нажимов, подсказываний и

иных фокусов. России необходимы не партийные заговорщики, не партийные шукари и перевертни, а люди *реальной жизни и чести*. Свобода голосования должна быть гарантирована его тайною.

Выборы должны происходить не на основании партийных предложений и рекомендаций, а по принципу *личной известности и уважаемости*. Для этого необходимо избирание по участкам или малым округам. При таком порядке будет избрано минимум столько лиц, сколько будет всего избирательных участков (по одному на участок), или же вдвое, втрое и вчетверо больше. Это означает, что в первой стадии будут избираться не члены Государственной думы, а *выборщики*, и притом *выборщики* *выборщиков*.

Это означает, что желательны отнюдь не прямые выборы, а *многостепенные*, где на каждой «ступени» возможен *спокойный, трезвый, деловой* отбор людей со все более серьезным и глубоким осознанием цели и смысла избирания и где партии все более и более утрачивают свое вредное влияние. Примерно говоря: села выбирают волостных выборщиков, волостные выбирают уездных, уездные — губернских, губернские — членов Государственной думы; в городах — малые избирательные участки посылают своих выборщиков в городской округ, окружные — в главное городское собрание, которое и выбирает членов Государственной думы. Народ должен воспринять «задание на лучших» и, почувствовав себя *свободным*, должен действительно *вложиться* в это дело и *объединиться* на нем.

Это были бы выборы *общие* (с повышенным качественным и возрастным уровнем), *равные* (ибо никто не имел бы более одного голоса), *тайные* (по способу голосования) и *многостепенные*.

II

Итак, я считаю совершенно необходимым осуществление *всенародного перебора*, *повышение возрастного* уровня и *строгий, но справедливый и всенародный отвод порочных элементов*. Далее, я считаю столь же необходимым освобождение народа от *тоталитарного нажима* сверху и от *партийной агитации снизу*: цель и задача выборов — *отбор лучших* — должна быть властно подсказана народу национальной диктатурой, но в осуществлении этой цели народ *должен сохранить свою свободу*. Диктатура должна не навязывать, а лишь предлагать народу своих кандидатов. И тем не менее я не считаю ни целесообразным, ни зиждительным предоставление выборного про-

изводства на волю случая, пустого количества и закулисной интриги.

Потрясение, пережитое русским народом, было слишком глубоко и длительно. Большевики недаром хвалились своей «твердокаменностью», «рукастостью» и «костоломностью». За все время своего господства они стремились произвести свою костоломную операцию над *каждым* русским человеком: поставить его культурно, хозяйственно и морально *на колени и сломать ему духовный хребет*. Пусть он попробует после этого самостоятельно встать на ноги... В результате революция нанесла правосознанию русского народа такие язвы, с которыми он, предоставленный самому себе, *не скоро справится*. Но именно поэтому освобождение от ярма не должно повести его к соблазну, идущему от политических партий. Верная задача выборов — *отбор лучших* — должна быть не просто указана из национального центра (провозглашена); но самое разрешение ее должно встретить помощь и содействие. После тридцати- или сорокалетнего политического разврата и террора русский народ, свободно выделяя *своих лучших граждан кверху*, будет нуждаться в помощи и контроле государственно мыслящего центра. Но эта помощь и этот контроль получают особую силу и значение именно тогда, *если такая же помощь и такой же контроль будет оказан диктатуре со стороны самого народа*. Вкладываясь в этот отбор, народ должен иметь возможность исправлять на ходу возможные ошибки помогающей ему власти. Помощь и контроль должны быть *одновременными и взаимными*; а отбор должен быть *совместным и общим*.

Чтобы это осуществилось, надо отказаться *от слепой веры в количество собранных голосов* и в его политическое значение. Надо искать *качества* и требовать его от избираемых. Ибо, в самом деле, от роста числа голосов заблуждение не превращается в истину, авантюрист не становится государственно-мудрым человеком, предатель вроде Лаваля¹⁹ не заслуживает доверия. И если бы *все*, буквально *все*, потребовали бы в ослеплении политически губительных мер, то эти меры не стали бы от этого политически спасительными.

Далее, для этого надо отказаться *от веры в партийную рекомендацию* и искать достоверного и непосредственного знания рекомендуемого кандидата. На самом деле партия выдвигает совсем не *лучших* людей, а *согласных* с нею и *послушных* ей. Европейский политический опыт изобилует примерами, где *лучшие* люди совсем не выдвигались потому, что они не мыслили партийно, а имели свои личные воззрения; мало того, изве-

стна тенденция в европейских демократиях *не* выдвигать лучших *именно потому, что они лучшие*, выдающиеся, сильные, энергичные, независимые и потому для демократии якобы «опасные» люди. Достаточно вспомнить политическую карьеру Черчилля, которого долгое время «задвигали» (т. е. не давали ему ходу) за его явное превосходство. Партии не только не непогрешимы, но обычно тенденциозны, односторонни и думают не о государстве в целом, а о себе.

Далее, надо отказаться от *механического и арифметического понимания политики, от заглазных и отвлеченных кандидатур*, никому не известных, кроме партийного центра; надо вернуться к естественному, органическому общению в политике, при котором *личное знание, личное уважение и личное доверие* имеют решающее значение. Выборы должны быть не подсовыванием партийных карьеристов партийными карьеристами, а действительным отбором действительно лучших людей. Глупо искать всенародного спасения в безличном механизме, в партийном интриганстве, в нравственно- и религиозно-безразличном совании записок в урны и подсчете голосов.

Надо отказаться, далее, *от больших избирательных округов* с партийными списками и от так называемых «*прямых*» (в сущности, «кривых» и мертвых) *выборов* и обратиться к малым округам, где все друг друга хорошо знают, где почти невозможно протереться вперед случайному авантюристу или профессиональному политическому «ныряле». Надо обратиться к выборам *вдумчивым, проверяющим и перепроверяющим*, к выборам многостепенным, *творящим осторожный отбор* и дающим *ответственное предпочтение*.

И в довершение всего надо искать на выборах государственного *единения*, а не *бесконечного дробления* в направлении честолюбия и властолюбия. Казалось бы, что могло бы быть справедливее пропорциональной системы? «Сколько голосов собрано, столько и депутатов...» Сама арифметическая «справедливость»! На самом же деле пропорциональная система прямо вызывает к жизни беспочвенный партийный авантюризм. Надо только «приобрести» голоса, захватить в свои ловко расставленные сети побольше наивных и доверчивых глупцов, и «ему», придумавшему соблазнительную программу, место в парламенте будет обеспечено. Само собою разумеется, что возникают не партии, а обрывки, осколки, ошметки партий: ни одна из них не способна взять власть, повести государство и оградить страну. Но разве это важно мелким честолюбцам и карьеристам? Им важно «выйти в люди», «фигурировать», словчиться на министерский или полуминистерский пост; а для этого существу-

ют «компромиссы» с другими полупартиями и подфракциями. И вот, государственное дело превращается в *мелкий базар политических спекулянтов*, в неустойчивое равновесие множества групп и группочек, в компромисс политических «нырял» и «протирал». Скажем прямо: *в политический разврат*.

А между тем на самом деле люди, творящие политику, призваны искать *единства*, государственного спасения, некой единой программы, которая *необходима государству*: они призваны искать *общего, единого*, того, что у всех сразу или будет, или не будет — *права, порядка, сильной армии, неподкупного суда, честной администрации, воспитывающей школы, прочных финансов, хозяйственного и культурного расцвета народа*. Политика, по самому существу своему, означает *единение*, а не *разброд, общее*, а не *частное* (будь то личное или классовое), силу народа, а не изнеможение.

Это единение есть *основа государства*: *единение граждан между собою и единение граждан с властью*.

Именно поэтому не правы все те теории и доктрины, которые пытаются уверить нас, будто в основе политики лежит вечная и неизбывная борьба граждан с государственной властью: ибо де власть означает «нажим» и «гнет», а гражданство означает «свободу» и «независимость». Все эти теории *революционного происхождения* и анархической природы. Напротив: государство зиждется и держится *добровольным* признанием власти со стороны граждан, с одной стороны, и *уважением и доверием* государственной власти к гражданам, с другой стороны. На вражде государства не построить. Из вечной и ненавистной оппозиции граждан может вырасти только революция, разложение и гибель народа.

Вот почему грядущая Россия нуждается в такой избирательной системе, которая покоится на *взаимном сотрудничестве народа и власти*, на их сознательном объединении вокруг единой государственной цели.

III

Предлагаемая мною здесь избирательная система покоится на ясно сформулированной предпосылке, согласно которой государство есть не *корпорация* («все снизу») и не *учреждение* («все сверху»), но *сочетание того и другого*. Государство есть *учреждение*, которое ищет в *корпоративном* духе и в корпоративной форме — народного доверия и прочности и потому чтит свободу своих граждан и добивается их сочувствия и содействия; и в то же время государство есть *корпорация*, которая ищет в *учреж-*

дении силы и прочности и потому чтит авторитет своей власти и не посягает на ее свержение и поругание.

Это органически-духовное единение правительства с народом и народа с правительством должно проникать всю избирательную систему с самого низа и создавать следующий порядок.

Выборы должны быть разделены на *небольшие участки*, где все друг друга знают и где социально-негодные элементы столь же хорошо известны всем, сколь и социально-ценные и почтенные люди. Далее, выборы должны быть построены на форме постепенно восходящей «лестницы» (трех- и четырехстепенные выборы). Принципиально в отборе лучших должны участвовать *две стороны* — народ и правительство. Обе участвующие стороны имеют право *предлагать своих кандидатов и одобрять* (или *не одобрять*) чужих кандидатов, конкурируя друг с другом в обретении лучших и проверяя друг друга в выделении *подлинно достойных людей*.

Поясним это на примере. В каждом селе избираются волостные избиратели, которые потом соберутся в волости. Допустим, что в данном селе надо выбрать *четыре*х избирателей. И вот, сельский сход избирает от себя тайным голосованием *четыре*х, а начальник уезда назначает от себя тоже *четыре*х. Это первая стадия отбора. В тот же день, непосредственно после первой стадии, начальнику уезда представляется список *четыре*х *избранных* кандидатов, из коих он уполномочен и обязан *двои*х утвердить, а *двои*х отвести; а сельскому сходу представляется список *четыре*х *назначенных кандидатов*, из коих сход тайной баллотировкой *подтверждает* большинством голосов *двои*х. Если обе стороны сколько-нибудь верны своей задаче, то есть ищут не льстецов, не проныр, не партийных демагогов и не «фашистов», а подлинно лучших людей, то двойная проверка даст необходимые результаты: четверо лучших будут «утверждены» и «подтверждены».

Волостные выборы, проведенные по той же системе, дадут такие же результаты для уезда. Это вторая ступень отбора. Уездные выборы (третья ступень) дадут губернских выборщиков. Наконец в губернии соберутся люди многожды и всесторонне отобранные и отсеянные в смысле морального и политического качества, и они произведут уже в обыкновенном порядке, без вмешательства администрации, свободно и тайно, выборы положенного числа членов «Государственной думы».

Подобная же процедура выделения лучших будет проведена и в *городах*, но не в четыре ступени, а в три: выборы по *участкам*, выборы по городским *округам* и выборы *общегородские*.

Такая система выборов вводит в правосознание участников некий новый внутренний мотив: мотив *соперничества из-за качества*. Каждая сторона получает поощрение выдвинуть *бесспорного* кандидата; такого, которого нельзя отвести, не оскандалившись; такого, качества которого говорят сами за себя; и притом выдвинуть его надо из *данной* среды, не «орателя», забравшего со стороны, не неведомого политического пролазу, а местного, оседлого, известного, заявившего о себе в жизни — и словом, и делом. Да и стоит ли предлагать заведомого проходимца, если ему предстоит заведомое отвержение со стороны другого «партнера»? Не лестно ли самолюбию и честолюбию — предложить таких кандидатов, достоинство которых будет признано единогласно? Правосознание и чувство собственного достоинства каждой из сторон получает особое побуждение и поощрение выдвинуть *действительно лучших людей*, против которых другая сторона решительно ничего возразить не могла бы: *возникает волевое состязание о достоинстве, поиск объективно лучших людей, борьба за безукоризненных кандидатов*. Политический «семафор» передвигает «стрелку» с количества на качество, ибо каждая сторона знает, что «негодное» будет отведено. Важным оказывается не партийность кандидата, а его *годность, полезность, справедливость, честность, ум, опыт...*

В одном случае такое сотрудничество правительства и народа получит значение *взаимного совета и подсказа* («вот кого надо!»); в другом — смысл *исправления* («нет, это ошибка!»); в третьем — смысл *прямого отвержения* («куда нам эдаких?!»); в четвертом — прямой *солидаризации* («вот и мы таких ищем!»); во всех случаях — смысл *взаимной проверки и взаимного содействия в держании единого и общего государственного хребта*.

Надо предвидеть, что такой порядок может иметь успех только при двух основных условиях: во-первых, при наличности в стране *национально мыслящей и непартийной диктатуры*, не впадающей ни в правый, ни в левый тоталитаризм, но дорожающей свободным отбором лучших людей в стране, во-вторых, при *государственном отрезвлении народа*. Тоталитаризм погубит корпоративное начало государственности и — или подавит, или исказит народное мнение; государственно *не* отрезвившийся народ будет бессмысленно ломиться в распадение и анархию и пойдет за теми демагогами, которые погубили Россию в 1917 г. Тогда наша система выборов может дать самые отвратительные и губительные последствия: тоталитарная диктатура будет назначать и утверждать одних крайних правых, а народ будет выбирать и подтверждать одних крайних левых. Качество будет за-

быто. Крайние партии восторжествуют, и выборы превратятся в гнусное зрелище партийных драк и всеобщего развала.

То, что необходимо России после революции — это государственно-трезвая и мудрая диктатура и государственно отрезвевший народ, нашедший свою старую историческую установку: «дело государственное вести честно и грозно»; оставить «криводушие» и «малодушие», «воровской обычай» и «смуту» и понять, что тот, кто «Русь несет розно», — губит сам себя.

Есть такой уровень правосознания, при котором не поможет никакая система выборов: деморализованная чернь вообще неспособна к выборам (т. е. к выделению лучших), она неизбежно выделит худших, и притом за частный прибыток (тот или иной вид коррупции). И подобно этому: если диктатура окажется в руках авантюристов-демагогов, то они «отберут» себе свиту и партию, столь же низменную по уровню правосознания, сколь низки они сами. *Нет и не может быть* такой системы выборов, которая спасла бы государство от негодяев, если негодяйский политический уровень преобладает в стране.

Зато возможны и реальны такие избирательные системы, которые дали бы ход и успех *худшим* элементам страны, несмотря на то что общий уровень правосознания гораздо выше этой политической черни. Демагогия и коррупция могут погубить страну при помощи демагогической и коррумптной системы выборов. И главная послереволюционная опасность России состоит в том, что ей извне (или, Боже избави, изнутри!) будет навязана именно такая гибельная система, при которой худшим элементам развязаны руки, а лучшие люди лишены возможности сказать свое свободное слово и не могут быть выдвинуты вперед и наверх.

Дело здесь совсем не в том, чтобы выделить «грамотных»: грамота сама по себе ничего не обеспечивает. Среди русских простых людей, особенно среди крестьян, всегда бывало немало государственно-здоровых и даже мудрых людей, не умеющих ни читать, ни писать: а «грамотеи» нередко сразу выходят в плуты и прохвосты. Здесь дело в выделении государственно настроенных, а не партийных и не продажных людей. Чернь совсем не есть «чернь» труда и мозолистых рук или чернь малого образования, *но чернь воли, сердца и порока.*

Невозможно и губительно переносить к нам из Западной Европы идею противогосударственного «спорта в политике», идею частно заинтересованной толкотни вокруг государственного дела, идею классовой борьбы, всегда чреватой гражданскою войною. Невозможно превращать Россию в смертную драку бес-

численных пауков в огромной банке, как этого хотят господа закулисные расчленители! Гибельно предоставлять партиям право на заговоры и на подготовку переворотов или распродавать с молотка русскую государственную власть ценою обманных обещаний («кто больше?!» — как было на выборах в Учредительное собрание 1917 г.). Все это было бы делом политической слепоты и государственного предательства...

Нет, России нужно совсем иное: *организованная ставка на качество*. Политическая чернь, политическая слепота и противогосударственная партийность погубят нашу Родину. Нам нужно подлинное выделение государственно-здоровых элементов страны, к какому бы племени, к какой бы народности они ни принадлежали.

209—211. О «МИРНОМ РЯДОМЖИТЕЛЬСТВЕ»

I

(Опыт политического диагноза и прогноза)

Формула найдена, выговорена и провозглашена... Остается только «уверовать» в нее и осуществлять ее. И вот уже с разных сторон заявляют о себе ее отвлеченные сторонники вроде англичан Черчилля и Идена²⁰, а также ее непосредственные осуществители вроде индуса Неру, усвоившего себе от Ганди «непротивленческий национализм», а от Чжоу Энляя²¹ — ненависть к европейцам. Формула эта не новая: она выдвигалась советскими коммунистами каждый раз, как только истощалась их военная или хозяйственная мощь, — после первой войны с Польшей (неудача!), после коллективизации, сокрушившей русское сельское хозяйство, после войны с Финляндией (неудача!), после завоевания Китая (удача!) и т. д. Если припомнить всю военно-дипломатическую историю советского государства (1917—1954 гг.), то сразу станет ясным, что «мирное рядомжителство» единого тоталитарно-дипломатического блока с «буржуазно-свободным» *множеством* государств есть лозунг *лукавый, обманный и затрепанный*. В переводе на честный язык он означает: «военное распространение для меня сейчас, пока что, неосуществимо; многое не готово, многого не хватает, мне необходимо *время*, чтобы все выправить и подготовить; мне необходимо ввоз из других стран»; или еще (как теперь после Второй мировой войны): «мне необходимо создать кадр вышколенных политических агентов, достаточно ловких и многочисленных для оккупации новых стран; и мне еще необходимо длительно пополнять *мужской резерв* российского народонаселения, столь

жестоко растраченный во Второй мировой войне...» Словом, каждый раз, как коммунистически изнасилованный организм России изнемогает и оказывается неспособным к военному нападению, так выдвигается эта лукавая формула. Причем лукавое «блюдение» этой формулы отнюдь не мешает советским коммунистам пускать в ход силы государств-сателлитов (напр<имер>, Китая, Северной Кореи, Вьетнама) или силы коммунистических партий в «мирно-рядом-жительствоющих» странах (напр<имер>, в Греции, Италии, Гватемале и т. д.).

Такова советская дипломатическая практика за 37 лет. И казалось бы, европейские и американские дипломаты, среди которых есть настоящие «старожилы», призванные «запоминать» и учиться (хотя бы Уинстон Черчилль...), должны были бы знать, что означает этот затрепанный трюк. «К крестьянину вползла змея, И говорит — сосед, начнем жить дружно!» А доверчивый крестьянин уже готов...

Впрочем, за последние годы военное соотношение сил перемешалось и обновилось благодаря атомно-бомбному оружию: «мирное рядомжительство» должно осуществляться при все возрастающем запасе атомных бомб у каждого из «мирных рядомжителей»...

Чтобы понять современное стратегическое положение дел, необходимо отступить на целый ряд лет назад. Вспомним времена Рузвельта и Трумэна²². Рузвельт, как установлено литературой, вышедшей после его смерти в Америке, отличался тем, что не любил сложных ситуаций и совершенно не умел и не хотел вчувствоваться в них и разбираться в них аналитически: он выслушивал кое-каких, подобранных для этого из-за кулисы, советников и затем принимал решение единым «ахом» (см. книгу Гунтера: «Наши задачи», № 131); это решение считалось последним словом всеамериканской «мудрости»... Но так как «кулиса», помогавшая ему «информацией», «освещением» и тому подобными способами, *втайне сочувствовала русской революции и больше всего боялась бурного и радикального переворота в России*, то у Рузвельта сложилось весьма благоприятное понимание большевизма; ему предносилось что-то вроде его возлюбленного «new deal»²³, какие-то «социальные обновления» в сторону «демократической справедливости», и большевики стали казаться ему дерзающими, но вполне доброкачественными «мечтателями». Насколько в этом деле был повинен его менингит и насколько здесь влияла закулисная стряпня, об этом вряд ли будет раскрыта когда-нибудь полная правда. Факт только тот, что трижды «излюбленный» калека успел по-

дыскать себе соответствующего заместителя, а заместитель этот (мистер Трумэн, специалист по галстукам и подтяжкам) успел подобрать себе такого статс-секретаря (Эчесона) и таких *советников*, которые все вместе тянули к *советчикам* и ныне в самой Америке чуть ли не публично обвиняются в предательстве интересов США. Самый главный «подвиг» их состоял не в сдаче Китая коммунистам и не в увольнении гениального полководца Макартура²⁴, а в *широком раскрытии дверей административного аппарата США для «салонных» коммунистов и прямых советских агентов*. В это модное тогда течение «идеализирующего доверия» была вовлечена и Англия. Отсюда эти непоправимые последствия. 1. Гостеприимная сдача коммунистам всей Восточной Европы во время войны. 2. Соглашения Ялты, Тегерана и Потсдама. 3. Полная неспособность к удержанию атомно-бомбных секретов. 4. Выдача русских белых воинов и беженцев («ди-пи») большевикам. 5. Предательство в отношении оклеветанного и дезавуированного, некоронованного китайского монарха Чан-Кай-Шека²⁵. 6. Развязание корейской войны со всеми ее последствиями. 7. Поощрение индо-китайской войны со всеми ее осложнениями и последствиями. 8. Утрата европейскими державами всякого колониального престижа (голландская Ост-Индия, французская Азия, английская Индия, Персия, Израиль, арабские государства Азии, Тунис и Марокко, национальное движение на Кипре, сдача Суэца англичанами, брожение на Мальте, в португальской Индии, в Судане, в Кении и даже в южной Африке)... И чем дальше, чем глубже все эти последствия, тем развязнее звучит фальшиво-аффектированный голос советского государства, доселе, по неисчерпаемой глупости западных дипломатов, смешиваемого с Россией: «Сосед, начнем жить дружно!»...

Эта совместная «дружная» жизнь, по мысли коммунистов, должна бы сложиться так: полная лояльность западных, свободных держав, новая система советско-европейской безопасности, закрепленная торжественным советски-продувным словом и последовательная, до наглости доведенная нелояльность коммунистов. Все, чего коммунистам не хватает, Запад должен ввозить, частью в кредит, частью на наличные: таковы прежде всего «калибры» машины утонченной структуры, предметы оптики и корабельного строительства; однако не следует удивляться, если окажется, что советская страна готова закупать за границей и шерсть, и искусственные ткани, и мясо, и рафинированный бензин, и даже зерно, — и еще все то, что всегда имелось в России в изобилии, а ныне стало дефективным товаром.

Все эти претензии, надежды и расчеты могут быть выражены так: «мирное рядомительство будет состоять в том, что буржуазные государства помогут мне подготовиться как следует к новой агрессивной войне...» «так, как они доселе помогали мне поставками, инструкторами, а в последнюю минуту даже военным союзом» (германская политика эпохи Штрэземана, Курциуса, Брюнинга и Риббентропа²⁶).

Однако наряду с этим такое мирное рядомительство будет состоять еще в упорном и коварном ведении так называемой «холодной войны». Она состоит прежде всего в *наводнении свободных стран коммунистической агентурой*: эти агенты разведывают, пропагандируют, подкупают, крадут секретные документы, похищают нужных им или, наоборот, вредных им людей, производят обманные жесты и демонстрации (диверсии), организуют склады тайно ввезенного или украденного оружия, следят за противниками и ведут им списки, организуют ячейки сочувственников и распускают через них «полезные» лживые слухи, передают из центра распоряжения и деньги, организуют рабочих, соблазняют детей, невежественную молодежь и женщин, усиливают брожение в колониях, пробираются в буржуазную печать, связываются с «салонными» коммунистами и дают им шпионские и разлагательные задания, сеют клевету, изолируют сильных, берут на буксир слабых, разыгрывают в свою пользу гомосексуальных (всегда склонных к «перемене образа мыслей»), шантажируют преступных, заряжают своими планами порочных, нанимают беспринципных «ученых» и всегда стоят в тайном контакте с деятелями мировой закулисы.

Все это вместе взятое равносильно *систематической подготовке мирового вооруженного восстания*, так, как это детально обрисовано по подлинным коммунистическим первоисточникам в книге: *Normann Alfred. Bolschewistische Weltmachtpolitik*. Bern: Cotthelf-Verlag, 1935²⁷. С появления этой книги прошло почти двадцать лет, но за эти двадцать лет основной план коммунистов ничуть не изменился, хотя и появились новые, еще более утонченно-порочные и бесцеремонные приемы. В Европе всю совокупность этих приемов, защищаемых и прикрываемых советской дипломатией, называют «холодной войной», тогда как на самом деле здесь следовало бы говорить о предательском нападении или о *криминальной подготовке всемирного восстания*.

При этом невольно спрашиваешь себя: видят ли это господа западные премьеры, дипломаты и возглавители политической полиции, и если видят, то разумеют ли они, к чему ведет это «мирное рядомительство»? Тридцать лет тому назад они

явно не понимали ничего. Потом началось медленное обучение, причем обучали их не наши эмигрантские разъяснения, которые они обычно ни в грош не ставили, а мероприятия самих коммунистов — всеобщие забастовки, вооруженные восстания, революционные брожения, гражданские войны с явным финансированием, участием и руководством коммунистов, случаи коммунистической пропаганды в западных армиях и флотах, организация так называемого «единого фронта», введение кулачных драк в парламенты и т. д. Это были фактические данные, неоспоримые, публично зарегистрированные события; оставалось воспринять их, продумать, осмыслить и сделать логические выводы политического характера.

Но здесь обнаруживалось что-то загадочное и труднообъяснимое: у призванных и государственно-уполномоченных деятелей Европы и Америки обнаруживалось то, что в психологии называется «явлением выпадения», какие-то очень важные душевные функции (*осмысления и волевого решения*) *просто не составлялись*. Министры видели, воспринимали, читали поданные им точные и честные доклады и вели себя так, как если бы все это были *шутки и игры*; незначительные эпизоды; любопытные, но «нормальные» проявления народной жизни и «свободы». Все это не принималось всерьез; а если встречало серьезное отношение, то это было *сочувствие и содействие коммунистам*. Так, немецкий рейхсвер не переставал мечтать о сближении с коммунистами, сделал им множество тайных одолжений и нисколько не возмущился, когда Риббентроп завершил эту мечту военным союзом. Так, швейцарское общественное мнение было отнюдь не на стороне генерала Франко во время туземной гражданской войны, но сочувствовало своим добровольцам, спешившим на помощь «освободительному» коммунизму. Так, Франция и Англия долгое время старались дезавуировать и опозорить испанского освободителя генерала Франко. А европейская печать всех направлений и оттенков доселе старается рассказать как можно больше «высокого и прекрасного» о достижениях своих «мирных рядомжителей».

Впечатление у нас всегда одно и то же: *смотрят; видят; и не видят*. *Нельзя* было не понять; и что же, поняли? *Нет, не поняли*. Надо решить и начать действовать; и что же — приняли самое *нелепое*, самое *слепое*, самое *непростительное* решение. Впечатление такое, как если бы кто-нибудь надел им розовые очки; или уверил их в светлых намерениях коммунистов; или вынул им «из головы» всю главную думающую силу; или погасил в их душе все основные критерии добра и зла; или же,

имея власть, запретил им думать и решать. Видел, думал и решил король Югославии Александр Караджоржич²⁸; его убили. Видел, думал и решил русский финляндец Маннергейм²⁹; ему не дали своевременно власти. Созерцал, разумел и действовал архиепископ всея Латвии Иоанн Поммер; его убили и даже не позволили расследовать это злодеяние. Видел, думал и поступал умный швейцарец бундесрат Мотта³⁰; но полномочия его были невелики. Видел, думал и порывался действовать во время Первой мировой войны Уинстон Черчилль; но с тех пор его окружение сумело его перекроить по-своему, и ныне он договаривает свои последние речи наподобие Ллойд-Джорджа. Увидел, уразумел и стойко держится спаситель Испании каудильо Франко; но полномочия его ограничены его страной, а злобная клевета мировой закулисы годами делала все, чтобы лишить его авторитета и влияния в мире. Видит, понимает и желает действовать замечательный человек и полководец Макартур; но его сумели «задвинуть» руками двусмысленного Трумэна.

А остальные... Боятся. Боятся остаться в меньшинстве на выборах; боятся не угодить закулисе. И потому говорят вредное и двусмысленное — или молчат. И вся «мудрость» их состоит в том, чтобы *повысить экспорт* своей страны и поскорее начать торговать с Советами...

II

Страны свободного Запада хотят сразу двух вещей: во-первых, они хотят не подчиниться мировой диктатуре коммунистов; во-вторых, они хотят как можно скорее добиться активного баланса во внешней торговле, т. е. преобладания вывоза над ввозом, а вместе с тем и повышения своего производства, своей валюты и хозяйственного уровня народной жизни. Установим, что доселе в том и другом сразу ни одна страна еще не преуспела. Из больших государств хозяйственно процветают пока только Соединенные Штаты и Германия; но Соединенные Штаты вынуждены вести все обостряющуюся борьбу с коммунистической *инфильтрацией*, а Германия утратила свою восточную половину в порядке коммунистической *оккупации* и не сумела доселе оборониться надлежащим образом от всепроникновения советской агентуры (измена английского ставленника Джона!).

А «вывозить» свои продукты в страны советского блока хотели бы *все*, за исключением разве карликовых государств: Андорры, Сан-Марино, Монако и Люксембурга, с которых нечего и взять.

Соединенным Штатам (дважды победившему государству) вывоз дается, конечно, легче всех: они вывозят помимо обычных предметов потребления — *оружие и кредитную валюту*, насыщая тем и другим все некоммунистические страны. Далее, поучителен необычайный хозяйственный подъем в Германии (дважды побежденном государстве): несмотря на огромные разрушения, военные «конфискации» (напр<имер>, трест I. G. Farben) и очень большие потери ранеными, убитыми и заморенными в плену, несмотря на чрезвычайную остроту жилищного вопроса (последствия бомбардировок!) и обеднение всего населения, несмотря на потерю всей восточной половины страны, с ее сельским хозяйством и промышленностью (Силезия! Саксония! Бранденбург!), несмотря на волны уплотняющих западную Германию беженцев с востока (число их уже перевалило за 10 миллионов), — западная Германия, которая только одна и заслуживает своего имени, переживает *настоящее возрождение* в делах производства и вывоза. Еще в 1948 г. она вывозила в месяц на 200 миллионов марок, а в 1953 г. она вывозила уже на *полтора миллиарда марок в месяц*; поэтому ее валюта так поднялась и окрепла, что превзошла швейцарскую и шведскую (не воевавших государств). За это же время число мотоциклеток возросло с 328 тысяч до почти двух миллионов, а число пассажирских автомобилей — с 218 тысяч до одного миллиона ста двух тысяч. Главными предметами вывоза являются ископаемые (уголь), предметы кораблестроительства и машиностроения, тонкой механики и оптики.

Итак, вывозить хотят *все* страны; ни одна не может и не хочет примириться с временным пассивным балансом и с временным снижением уровня жизни ради того, чтобы не помогать коммунистам в их завоевании мира. Каждая говорит себе — «если я примирюсь с этим, то другие страны будут поставлять и богатеть; чего же ради?» И каждая спрашивает: если не в Советию, то куда же вывозить? Большие рынки захвачены Соединенными Штатами (так ли это?!), колонии отпадают (но разве это означает невозможность вывоза?!). Словом, все предпочитают двигаться по линии *наименьшего сопротивления и зазывающей пропаганды*; все не доверяют друг другу и не желают дальнорозкого предвидения... А может быть, и не способны к нему? К тому же советское золото, как и всякое золото, по древнеримскому выражению, «не пахнет», а при товарообмене советское правительство имеет достаточно расчетливой сообразительности, чтобы вывозить приличное сырье...

И вот слагается поучительная в своем трагизме картина: мирное рядомжителство состоит в том, что *противники добросовестно стараются помочь друг другу в подготовке к третьей мировой, атомной войне*. Причем можно быть уверенным, что западные державы исполняют свои обязательства добросовестно и не следуют совету прежнего германского министра торговли фон Раумера, который говаривал в тридцатых годах: «Надо посылать им *бракованный* товар, они все равно не разберутся в его качестве; эдак мы и вывозить будем и не усилим их ни в чем...» Но эти времена уже прошли, и теперь бракованные и дефективные машины, наверное, не будут приняты советскими инженерами.

Что же остается западному миру? Поднимать уровень своего хозяйства, искать социального и колониального замирения, смыкать военные ряды, вооружаться, не выбалтывая ежеминутно своих военных секретов, крепить линию внешней обороны и *проводить радикальную, неумолимую чистку в чиновничестве и в армии*. Во всех этих заданиях без исключения западные державы будут наталкиваться на советские препятствия и интриги. Нет тех ухищрений, тех клевет и угроз, тех внутренних и дипломатических диверсий, которые не были бы пущены в ход советами для того, чтобы помешать разрешению этих заданий. Соблазнить выгодой; прижать к стене неудачной войною; сорвать социальный мир забастовкой; предложить и затянуть целый десяток мирных конференций; обещать призрачную уступку за реальный разлад; выкрасть все военные секреты и нанять к себе на службу их знатоков и изобретателей; а главное — *прорвать линию западной обороны, сорвав через своих агентов чистку чиновничества и армий*, — все это делается непрерывно полным ходом в самых недрах западного мира, деятели которого то и дело видят себя беспомощными, одураченными, обманутыми в своих самых секретно-интимных учреждениях и доверенных чиновниках; видят и не знают, что начать...

Легко сказать: поднимайте уровень вашего хозяйства! Для этого нужно трудолюбие народа (которое нашлось у немцев и у итальянцев), согласие народа пройти сквозь неизбежный период полуголода, думать о производстве, а не о классовой ненависти (что итальянцам не удастся) и не ссылаться на «выигранную войну», которую народ, может быть, «выиграл» только силами своих союзников; для этого необходим тот крепкий жизненный и волевой заряд, который утомленная Англия находит лишь с трудом, а переутомленная Франция не нашла и доселе.

Не допустить социального замирения — на это марксисты первые мастера: классовое недоверие будет раздуто до размеров кровожадной ненависти, а эта ненависть получит в руки контрабандное оружие. Два миллиона сто тридцать тысяч коммунистов недавно обновили в Италии свои партийные билеты на 1954 г. (за год + 30 000), итальянских комсомольцев насчитывается 423 тысячи, да новых баб удалось привлечь в партию 53 000. А количество конфискованного у коммунистов оружия производит прямо жуткое впечатление, а сколько еще остается припрятанным и сколько ввозится вновь через Адриатическое море, не то из Албании, не то от Титоброза? ³¹

Что делается коммунистами в деле колониальных восстаний и отпадений, нет возможности подробно описать. План их ясен: *лишить Европу ее колоний* и соответственно *колониального сырья* и торговли и вызвать тем *мировой хозяйственный кризис*. Для этого им надо было наложить руку на Китай (это удалось при попусении Трумэна и Эчесона); а потом на японцев, майлаичев, индусов, арабов и негров. Над этим они работают; это потребует еще немало усилий; и двух миллиардов долларов, ныне затрачиваемых ими в год на коммунистическую пропаганду, им не хватит. Особенно трудно им будет с японцами и арабами и гораздо легче — с индусами, над коими витает непротивленческая тень Ганди и от лица коих Неру уже совещался с Чжоу Энлаем, а ныне уже пытается провоцировать португальцев. Всех податливых азиатских и африканских туземцев ждет единая, одинаковая участь (указанная нами в № 169 «Н<аших> з<адач>», «Борьба за колонии»); они «освободятся» от «европейских империалистов», но, лишенные армий и военной промышленности, попадут в коммунистическое рабство, которое будут сами по слепости и глупости обозначать как «русский империализм»...

Казалось бы, самое ясное и радикальное средство обороны должно было бы состоять в образовании единого американско-го-западноевропейского военного фронта. Но как создать его, когда Франция с ужасом думает о новом вооружении Германии, а военный союз европейских стран *без Германии* неизбежно урежет мощь этого союза и, вероятно, поведет к тайным соглашениям западной Германии с Советией? Две первые мировые войны поселили во французах сущую панику и даже угрожающие громы Даллеса не очень помогают в этом деле. Да и кто бы смог дать гарантию того, что через десять лет Германия не вернется к своей мечте о захвате и о планомерном обезлюдении русских территорий на востоке?.. В начале августа 1954 г. и в

Англии появились статьи («Daily Express» и «News Chronicle»), тревожно предрекающие агрессивность новой Германии и решительно не доверяющих немецким неонационалистам. Тот же текущий август увидел вождей английской социал-демократии — правого Эттли³² и левого Бевана — в Москве, дружелюбно закусывающими и перешептывающимися с Маленковым, Молотовым, Хрущевым и Вышинским³³: лавры Риббентропа, по-видимому, внушают им зависть, а страх перед Германией, жажда активного баланса и партийный подкоп под медлительного Черчилля пробуждает их предприимчивость...

О ежеминутном выбалтывании своих военных секретов надо сказать следующее. Здесь имеются совсем особые трудности. Их две: во-первых, *демократический строй*, процветающий на Западе; во-вторых, *обилие всюду проникающих советских агентов*.

Демократический строй по самому естеству своему есть строй *дискуссии*; он сам признает это и особенно дорожит этим неотъемлемым правом — публично обсуждать все государственные и общественные дела. Это «необходимо» ему и в порядке предварительного рассмотрения, и в порядке целесообразного осуществления, и в порядке последующего контроля. Можно ли решать, не обсудив? Можно ли осуществлять, не осветив в прениях самый порядок осуществления? Можно ли проводить контроль без гласного обмена мнений? Демократия к этому неспособна. Для этого каждая газета окружает себя информаторами, а известно, что каждая сенсационная информация дает «обол»...³⁴ Естественно, что информация и дискуссия в *военных* вопросах кажутся особенно существенными. Но понятно также, насколько это облегчает дело иностранных разведчиков. Где строится аэропланый или атомный завод; где открывается атомная лаборатория; какой сверхзвуковой быстроты достигают «наши» ракеты; где проходят линии радарной обороны — все имеют право все знать, обо всем рассуждать — устно и печатно. Внимательное чтение местных газет становится лучшим подспорьем для шпиона. И там, где тоталитарный строй все скрывает, изолирует, замалчивает и зажимает рты террором, в демократиях царит вольная словесность, тщательное разнохищение, печатная сенсация, конкуренция новостей. Военное дело требует молчания, тайны, конспирации. Государство, которое к этому неспособно, все время совещается, решает и строит *в присутствии своих смертных врагов*.

Можно ли помочь этому и как? Строжайшей личной дисциплиной. А если ее нет в народе и в прессе? Тогда придется выбалтывать все до конца и терять на этом позицию за позицией.

III

Но есть еще одно затруднение в этой борьбе «буржуазного» Запада с коммунистическим Востоком, затруднение, которое превращает все так называемое «мирное соседство» не то в иллюзию, не то в надругательство Востока над Западом. Это есть *проникновение коммунистов во все некоммунистические страны, и особенно в их чиновничество и в их армии при полной неспособности демократических стран к политической чистке*. На этом вся борьба Запада может сорваться.

Начнем с того, что коммунизм выработал *особые формы неувеличиваемости*: таковы «криптокоммунизм», «салонный коммунизм» и «левая социал-демократия».

Криптокоммунизм (скрытый, тайный) есть сотрудник и раб коммунистического центра: он только не берет партийного билета и не выступает публично; он помалкивает, где нужно, и шепчет, где приказано. А доказательств, обличающих его, — нет. Нередко он служит прямо разъездным агентом: перед гражданской войной в Греции он «ныряет» в Грецию; перед гражданской войной в Испании — у него «спешные дела» в Мадриде; завтра он в Милане или в Лондоне; через неделю он подвизается «паломником ко святым местам». А живет — прибедняется, одевается скудно, выпрашивает у родных и знакомых.

«Салонный коммунист» — печатается и разводит «идеологию», особенно на «экуменических» и закулисных съездах. Он проповедует «без-пяти-минут-коммунизм»; изображает большевиков как «социальных мечтателей»; поносит историческую Россию; клеветает на «белых» и противленцев; «закапывает ров»; уговаривает эмигрантов ехать в Россию и, главное, научает иностранцев считать русскую историю только с 1917 г... В этом духе подвизался за последние годы своей жизни г. Бердяев.

«Левый социал-демократ», наподобие англичанина Бевана, был бы совсем коммунистом, если бы только согласился называть себя так. Но он избегает этой непопулярной клички. Он не коммунист, а «сам с усами», со *своей* программой и с *особой* партией. Он, конечно, водится с коммунистами, а при случае слетает к ним, и погостит у них, и погуляет с очаровательным Маленковым в саду британского посольства. Но он не коммунист, а «лэбэрист»: не угодно ли его обличить и дезавуировать!..

Но если попытаться вывести на свежую воду и этих «неувеличиваемых» и других, более уловимых, то закулиса начинает самую отчаянную оборону «свободы», «демократии» и отдельных обличаемых индивидуумов. Провозглашается, что свободны *все*

мнения без исключения: не только консервативные, но и революционные и анархистские; не только патриотические, но и предательские; не только легально-лояльные, но и шпионские, и «гангстерские», и контрабандистские, и всякие. Какая же это демократия, которая смеет допрашивать граждан об их воззрениях или обуславливать государственную и военную службу известным уровнем и направлением политических убеждений?!. И если чью-нибудь коммунистическую или шпионскую свободу ограничивают, то надо оборонять этого «гонимого» всеми силами. Вспомним всемирные демонстрации в пользу двух проходимцев — Сакко и Ванцетти³⁵ — в 1927 г. Вспомним такое же «мировое» движение за шпионов Розенбергов³⁶ в 1953 г. — и особенно безобразную надгробную речь их защитника. Этим обеспечивается *свобода коммунистической инфильтрации*.

Но это еще поверхностная видимость обороны и сопротивления. Главная борьба со всякой антикоммунистической чисткой ведется незримо, за кулисами, в кулуарах, клубах, салонах и министерствах. Вдруг образуется единый фронт за «свободу, демократию и гуманность», к которому примыкают не только «криптокоммунисты» и «салонные коммунисты», но и такие *с виду* «почтенные» деятели, которые никогда открытыми коммунистами не были; но они принадлежат к той партии, которая за последние 20 лет оказала коммунистам наибольшие поощрения или даже прямые услуги. И горе тому, кто попытается взять на себя от лица государства задачу радикальной чистки! Именно таково положение сенатора Маккарти³⁷ в Соединенных Штатах.

Установим как бесспорный факт, что сколько-нибудь последовательная «чистка» проведена в Европе только в Португалии, Испании, Греции и Турции, причем Испания и Греция обязаны этим длительной гражданской войне и в будущем не должны считать себя застрахованными от криптокоммунизма. В Германии этот процесс был начат и самым нелепым, зловредным образом сорван национал-социалистами. Ныне позорная история с перебежчиком Джоном вновь поставит эту проблему в Западной Германии. Ни во Франции, ни в Англии о такой чистке нет речи: здесь инфильтрация совершается почти беспрепятственно, благоприютствуемая «демократическими» свободами, коммунистической наивностью англичан и самоуверенным «неопасением» французов. Не подлежит никакому сомнению, что торгово-дипломатические визиты Эттли и Бевана (в Советии, в красном Китае) сделают такую чистку в Англии совсем неосуществимой. И только давление Соединенных Штатов заставило на днях (14 августа 1954 г.) англичан изъять блюдение атомных секре-

тов из ведения министерства снабжения, наивно взлелеявшего предателей Клауса Фукса и Бруно Понтекорво³⁸, и передать его особому отделу контрразведки. Но это совсем не означает начало чистки; напротив. Из других государств чистка имела бы особенное значение для Бельгии, Дании и Норвегии. Что же касается перезараженной через Титоброза Югославии и радикально мыслящей Италии, то здесь о чистке трудно и заговаривать.

Но доведение чистки до конца имело бы кардинальное для дальнейшего хода событий значение именно в *Соединенных Штатах*. И вот почему.

В планы советских коммунистов отнюдь не входит разрушение Европы, но ее *оккупация* со всеми ее техническими и промышленными возможностями, и затем — тоталитарное порабощение ее населения. Советский Союз несет Европе не войну, а *революцию*. Иное дело Соединенные Штаты, этот хозяйственный и политический колосс, который видит в Европе свою «передовую позицию» и стоит на страже ее политической свободы. Это главный, самый сильный и непримиримый враг Советии. Против него показуется война, а не революционная смена правительства, которая не была бы вовсе осуществима. Само собой разумеется, что эта война не была бы совсем невозможна, если бы Соединенные Штаты сумели сохранить в тайне свои атомные секреты и свое атомное вооружение. Но они не сумели сделать это: секреты их были похищены, и международный сброд технических специалистов (особенно немцев и англичан), называемых «атомными учеными», разрабатывает на юге России военное использование этих секретов.

Итак, самое выгодное для Советии — это разнести Соединенные Штаты и занять Европу. Но для этого необходимо подготовить победу над Америкой *изнутри*. Так как коммунистам до сих пор не удавалось инфильтрировать Америку, пробираясь в ее самые замкнутые и охраняемые производства и вербуя себе тайных «друзей» на высоких постах, так теперь им предстоит задача *разложить персональный состав атомных заводов и воздушных опорных пунктов*. Коммунисты не могут рисковать военной неудачей в грядущих столкновениях, ибо эта неудача означала бы не «отступление», и не «контрибуцию», и не территориальные уступки, а *ликвидацию всего коммунистического движения во всем мире* — от России и Китая до европейских сателлитов и Южной Америки включительно. Они сами отлично знают это и вот уже 7 лет работают над заострением этой мировой противоположности. Поэтому они начнут войну только тогда, когда будут считать себя *победителями наверняка*.

Победить же наверняка они могут только тогда, если в один непрекрасный день *советские атомные бомбовозы поднимутся и полетят, а американские и английские атомные бомбовозы и ракеты НЕ поднимутся и НЕ полетят*. А это означает, что основная задача их сводится к *внесению персонального разложения в мораль и дисциплину военных летчиков и атомных рабочих Америки и Англии*. Вот почему американцы должны вспомнить обо всех случаях успешной «работы» коммунистов в Америке, и особенно в западных армиях и флотах. Так, в 1927 г. американцы были встревожены, открыв у своих негров коммунистическое движение. В сентябре 1931 г. англичане были вынуждены считаться с брожением в своем флоте. В феврале 1933 г. голландцы имели дело с матросским бунтом на своих кораблях (Ява). В августе 1933 г. такой же бунт обнаружился в шведском флоте. В апреле 1934 г. была раскрыта коммунистическая пропаганда во флоте Соединенных Штатов; в июне того же года — в английской армии; в сентябре того же года — в шведской армии и ряд саботажных поджогов на кораблях; в октябре того же года раскрыт коммунистический заговор во флоте Соединенных Штатов. С тех пор подобные вести шли отовсюду длинной гирляндой. И поэтому, когда мы теперь читаем о коммунистическом шпионаже, раскрываемом Гувером и Маккарти в Америке, о забастовке *3500 рабочих на американских атомных заводах* (12 августа 1954 г.) и о забастовке летчиков в Соединенных Штатах, то мы видим в этом не изолированные случайности, а скудно улавливаемые полицией данные о *планомерной, давнишней и неумоимо проводимой системе действий*.

Вот смысл «мирного рядомжителства»: тянуть время до тех пор, пока воздушный флот Соединенных Штатов не утратит по персональным причинам своей боеспособности и пока победа не будет этим обеспечена коммунистам. Поэтому надо придавать особую важность доведению генеральной чистки в Соединенных Штатах до конца. Надо признать, что новый закон против коммунизма, только что (август 1954 г.) принятый в Соединенных Штатах, затруднит открытую циркуляцию коммунистов и ограничит их легальные права и возможности, но отнюдь не помешает инфильтрации криптокоммунистов и нисколько не разрешит проблему очищения всех ведомств и организаций от той агентуры, которая уже просочилась повсеместно за последние десять-двадцать лет...

Нам трудно судить издали о работе сенатора Маккарти. Дело, за которое он взялся по поручению сената, *требует* от-

ромной выдержки, осторожности, такта и *совсем не терпит* ни угроз, ни рекламы, ни преувеличений. Возможно, что политический темперамент вовлек его в неосторожные высказывания и мероприятия. Но тот поток ненависти, озлобленной клеветы и личной пачкотни, которым встретила мировая закулиса его чистку и который разлился по всей «демократической» прессе Европы, — обличает сам себя и отнюдь не заслуживает нашего доверия. Эту манеру отвечать на верное обличение злобной клеветой мы знаем давно, и тот, кто раз испытал ее на себе, узнает ее всегда при первом появлении.

Однако дело чистки совсем не связано с *одним* лицом и *одним* именем. Не справляющийся — если он действительно не справляется со своим делом, — может и должен быть заменен более способным и искусным, а таковых Америка имеет в изобилии. Но надо помнить, что клеветники Маккарти хотят вообще погасить всякую политическую чистку в стране, опасаясь за «своих» и спасая их от разоблачения. Еще на днях (10 августа 1954 г.) почтенный старец Герберт Гувер, бывший президент Соединенных Штатов, произнес в день своего восьмидесятилетия речь, в которой утверждал, что «демократическая партия за 20 лет своего правления играла в руку Советам». На следующий же день доблестный американский генерал Клэрк³⁹, сподвижник Макартура, командовавший в Корее всеми силами НАТО, показал в докладе сенатской комиссии, что его настойчивое предложение послать бомбовозы за реку Ялу в Манчжурию встретило своевременно в Вашингтоне категорический запрет и что у него было «чувство, что начальники генеральных штабов поддерживают его план», но что «государственный департамент Америки или кто-нибудь еще высший дает отрицательный знак». Он добавил: «Я чувствовал, что при важных решениях откуда-то оказывается влияние...» Само собою разумеется, что со стороны демократов, криптокоммунистов и тому подобных элементов будет сделано все, чтобы не удалось установить, кто именно и почему сдал Китай и северную Корею коммунистам и не те же ли самые деятели провели Ялтинское, Тегеранское и Потсдамское соглашения?..

При этом мы можем быть убеждены, что провал политической чистки в Соединенных Штатах чреват самыми грозными последствиями.

И. А. ИЛЬИН

О демонизме и сатанизме

Я никогда не забуду этого впечатления. Сильно затянувшийся и утомительный съезд криминалистов, прибывших со всех сторон света, шел к концу. Мы сидели после ужина у нашего председателя, который своим спокойным тактом, умными глазами и мудро-седой головой привлекал всеобщее сочувствие. Непринужденные разговоры скрещивались и перебивали друг друга. И вдруг, как это бывает иногда, образовалась короткая пауза, в которую ворвались чьи-то слова, сказанные тоном искренней убежденности: «Но среди них попадаются люди, *действительно одержимые сатанинским началом*». И тотчас же все заинтересовались и обратились туда, откуда прозвучали эти слова: тема была жгучая, ответственная и трудная, и всем хотелось услышать о ней еще и еще, и никому не хотелось высказываться о сомнительном и непроверенном...

Слова эти были произнесены немолодым человеком с тонкими и несколько утомленными чертами лица, с сильной проседью в волосах и большими голубыми глазами, пристальный и спокойный взгляд которых тотчас же вызвал у всех полное доверие. И вот посыпались вопросы: что такое «сатанинское начало»? Как распознать «сатанинского» человека? И позволительно ли вообще в наш просвещенный век говорить о «демонизме» и «сатанизме»? Ученый улей взволновался и приготовился не то критически слушать, не то критиковать, не выслушавши... Интерес становился все острее, пришлось нашему председателю вмешаться и просить коллегу поделиться с нами своими наблюдениями и мыслями в непринужденной форме. И вот он рассказал нам следующее.

«Я психиатр по профессии, родом из России и работаю давно с дефективными обитателями тюрем. Я изучил их в Англии, в Испании и в Германии. Я беседую с ними так, как если бы я не

принадлежал к тюремному начальству, а приходил к ним как вольный гость и светский духовник. Я много наблюдал и немало пережил в этих беседах, и мне не раз удавалось заглянуть в ожесточенные и действительно темные души. Среди этих людей есть множество несчастных, страдающих, внутренне раздвоенных душ, полушизофреников, которым иногда удается помочь. Но есть и цельные натуры, без всякого раздвоения, которые просто наслаждаются злом и лишь постольку “несчастливы” и “страдают”, поскольку им мешают злодействовать. Это, так сказать, *“тотальные преступники”*, которых мы беспомощно наблюдаем и с которыми мы решительно не знаем, что начать. Их-то я и имею в виду, когда говорю о сатанинском начале в человеческой душе; и должен добавить, что в нашу историческую эпоху этот тип людей приобрел особенное, роковое значение потому, что эти люди *заболели политическим честолюбием и властолюбием и повсюду ломаются к власти...*

Я не хочу касаться богословских проблем и буду говорить только о том, чему меня научил жизненный опыт. Я знаю, что мы живем в веке “просвещения” и что люди этого века не признают существования личного дьявола. Это человекообразное существо, известное нам по плохим картинкам, с копытами, рогами и хвостом исчезло для нас. По слову Гете, от дьявола мы освободились, но злое начало осталось. И когда дьявол исчез из протестантских исповеданий, то им занялись с особенным вниманием *искусство и философия*. Нам остался как бы его “плащ”, и вот XIX век начал рядиться в этот плащ. Людям захотелось узнать о дьяволе побольше, как можно больше, захотелось поглядеть на него, вообразить себе его вид, узнать его мысли и желания. Стали художественно его изображать, и это не удавалось или удавалось плохо. Возник только ряд *демонических* образов. Люди не знали, что *сатана не имеет художественного образа и он не поддается оформлению, ибо он есть отрицание закона, формы и искусства. Люди не знали, что человеческое воображение бессильно изобразить его.*

И вот XIX век создал *демонию*. Возник демонизм сомнения, отрицания, разочарования, горечи, эгоизма, гордыни, презрения и даже скуки. И все это дышало Дерзновением и вызовом; почти все это доводилось до кощунства. Герои лорда Байрона¹ имели явно демоническую природу. Мефистофель у Гете, так же как у Франца Листа², — не более, чем демон. Демоническое начало появляется в “Разбойниках” Шиллера, в “Петере Шлемиле” у Шамиссо, там и сям у Э. Т. А. Гофмана³. А нигилист Макс Штирнер прямо говорит языком самодовольного демона...

Весь германо-романский романтизм постоянно был занят демонизмом и люциферианством, и больше всех Виктор Гюго, а за ним, — Жерар де Нерваль, Нодье, Теофиль Готье, Альфред де Виньи, Барбе Д'Оревилю, Беранже, Бодлер, Верлен, Рембо, Гюисманс, Бальзак, Мериме, Мишле, а в музыке Лист, Гуно, Мейербер, Берлиоз...⁴ Одни боятся и со страху фантазируют, другие выдумывают, чтобы напугать. Связывают сатану с ведьмами, с шабашем, со смертью, со всемогуществом, с ночью. Изображают его как “умницу”, как “светоносного просветителя”, как “забавника”, как “волокиту”, как “добряка”, как “революционера”, как подлежащего искуплению, как “двигателя прогресса”, как существо, требующее сочувствия и сострадания, как “вестника свободы и разума”, как благородного “протестанта”... Перебирают все возможные облики и комбинации, чтобы убедить себя в его “безвредности”, “невинности”, силе и *привлекательности*... не понимая, куда это все ведет и чем это закончится... И не замечают, что все это становится проповедью человеческого самообожествления и оправданием, т. е. разнужданием, *человеческой порочности*.

К этой прозяавшей пропасти подошел Фридрих Ницше со своим большим писательским талантом и с большой, извращенной душой. Он пленился демонически-дьявольской бездною и возвеличил ее. Его последние произведения — “Воля к власти”, “Антихрист” и “Се Человек” — содержат прямую и откровенную *проповедь зла* и выговаривают *сатанинские формулы*.

Всю совокупность религиозных предметов — Бога, душу, добродетель, потусторонний мир, истину, вечную жизнь и соответствующие им запреты и осуждения — Ницше обозначает как “грудю лжи, рожденной из дурных инстинктов натурами больными и в глубочайшем смысле вредными”. “Христианское понятие Бога” есть для него “одно из растленнейших понятий, созданных на земле”. Все Христианство есть в его глазах лишь “грубая басня о чудотворце и спасителе”, а христиане — это “партия забракованных ничтожеств и идиотов”.

То, что он превозносит, — это “цинизм”, *бесстыдство*, это есть “высшее, что может быть достигнуто на земле”. Он прямо взывает к зверю в человеке, к “верховному животному”, которое надо во что бы то ни стало разнуждать. Он требует “дикого человека”, “злого человека”, “с веселым брюхом!”... Его пленяет все “жестокое, неприкрыто звериное”, преступное. “Величие есть только там, где имеется великое преступление”. “В каждом из нас утверждается варвар и дикий зверь”... Все, что создает в жизни братство людей, — идеи “вины, наказания, спра-

ведливости, честности, свободы, любви” и т. д. — должно быть вообще “изъято из существования”. “Вперед же!” — восклицает он, — все “богохульники, противники морали, всевозможные беспочвенники, артисты, евреи, игроки, все отвергнутые слои общества!”...

И нет для него большей радости, как видеть “уничтожение лучших людей и следить за тем, как они шаг за шагом идут к гибели”... “Я знаю мой жребий, — пишет он, — однажды с моим именем будет сопряжено воспоминание о чем-то чудовищном, о кризисе, какого никогда еще не было на земле, о глубочайшем совестном конфликте, о приговоре, вызванном против всего, во что дотоле верили, чего требовали, что свято чтили. Я не человек, я — динамит!”...

Так оправдание зла нашло свои *сущие дьявольские*, теоретические формулы, и оставалось только ждать их осуществления. А мы читали все это — и не понимали, не видели, куда это ведет. *Искусство* возвеличило демонизм; *нашелся* философ, который выговорил затаенную идею сатаны: *губить лучших людей и наслаждаться зрелищем их гибели*. Религия “просвещения” разуберилась в дьяволе; искусство стало брататься с ним, воспевать его; жизнь отозвалась на все это явлениями *сущего сатанизма*. Ницше нашел своих читателей и почитателей даже в среде пасторов, объявивших его “великим освободителем”; другие приняли его доктрину, отвергли различие добра и зла, сочетали ее с доктриной Карла Маркса и принялись за осуществление этой страшной идеи 36 лет тому назад⁵.

Мои наблюдения привели меня к выводу, что “демонический человек” совсем не есть самое страшное в жизни. Надо различать между “демонизмом” и “сатанизмом”. *Демонизм* есть дело человеческое; *сатанизм* есть дело духовной бездны. *Демонический* человек предается соблазну; одержимый любопытством, он играет в добро и зло, смешивая их и меняя их наименования; в худшем случае он предается своим дурным страстям и может еще одуматься, раскаяться и обратиться. Но человек, в которого, по слову Евангелия, “вошел сатана”, одержим чуждой, потусторонней, внечеловеческой силой и становится сам человеко-образным дьяволом. *Демонизм* есть преходящее духовное помрачение; его формула — “жизнь без Бога”, протест против Божественного, “независимость человеческого произволения”... *Сатанизм* есть полный и окончательный мрак духа; его формула — “низвержение Бога”, “попрание всего священного”, “угашение всех божественных лучей”, “унижение и погубление праведников”. В *демоническом* человеке бунтует неукро-

щенный инстинкт, не облагороженный замолкшим сердцем и поддерживаемый холодным рассудком. Человек, одержимый *сатанинским* началом, действует подобно чужому орудию; он как бы служит злу, зависти, злобе, ненависти, мести и в то же время *наслаждается своим отвратительным служением*.

Можно было бы сказать, что демонический человек заигрывает с сатаной; играя, он “облекается в него”, вчувствуется в него, рисует его чертами, он тяготеет к сатане: испытывая, наслаждаясь, предчувствуя ужас и изображая его, он вступает с ним (по народному поверию) в договоры и, сам не замечая того, становится его удобным “жилищем”... Сатанинский человек утрачивает себя и становится земным инструментом дьявольской воли. Кто не видал таких людей или, видя, не узнал их, тот не знает подлинного, первоначально-исконного и завершенного зла и не имеет верного представления о сатанинской стихии.

Наши поколения поставлены перед ужасными, таинственными проявлениями этой стихии и доселе не решаются выговорить свой опыт в метких и точных словах и не знают, что начать. Здесь мы встречаем нечто чудовищное, что нельзя изобразить в осязательных, строгих формах и о чем легче говорить в символических намеках. Можно было бы описать эту стихию как “черный огонь” или определить ее как вековую, неутолимую зависть, как неисцелимую ненависть, как дерзающую свирепость, как агрессивную, воинственную пошлость, как вызывающе бесстыдную ложь, как абсолютное властолюбие, как презрение к любви и к добру, как попрание духовной свободы, как жажду всеобщего унижения, как радость от унижения и погубления лучших людей, как *антихристианство*. Человек, поддавшийся этой стихии, теряет духовность и влечение к ней, в нем гаснут любовь, доброта, честь и совесть; он предается сознательной порочности, противоестественным влечениям и жажде разрушения; он кончает вызывающим кощунством и человекоумучительством. Но и этого мало: он полон ненавистью к людям духа, любви и совести и не успокаивается до тех пор, пока не поставит их на колени, пока не поставит их в положение предателей и не сделает их своими покорными рабами — хотя бы по внешности.

Вот этот черный смерч идет сейчас над миром. Игра в демонизм идет к концу; *началось трагическое осуществление сатанизма*. Подготавливавшееся в искусстве вошло в души и стало реализоваться в жизни. Целые народы поработены людьми сатанинского права и дьявольской политики. И всюду — лучшие

гибнут, а худшие всплывают на поверхность, распоряжаются и губят. Но смысл этого процесса, его глубину и духовную значительность улавливают все еще немногие. Большинство или не верит событиям, развертывающимся уже в течение 36 лет, или соблазняется призывами и лозунгами дьяволоподобных людей, или же *втайне сочувствует и незаметно помогает совершающемуся*. И доселе мы находим в литературе — то в журналах, то в книгах — сочувствие, выражаемое демонизму и сатанизму. Вот появилась книга “Апология зла” (т. е. оправдание порока), вот статьи “Побеседуем о дьяволе”, вот еще статья “В защиту сатаны”... А вот реформаторский богослов-профессор доказывает в популярной газете, что имя “Мефистофель” искажено, что его надо читать: “Мегистофель”, что означает “самый полезный” и т. д., и т. д.

Эта стихия проявляется в людях однородно: слабеет и исчезает духовность, начинается разложение, разнуздание, разрушение; всюду обнаруживается осознавшая себя порочность, половая извращенность, предательство среди чиновников, ученых и духовенства, упоенное человекомучительство и необузданное властолюбие — то слева, то справа.

Личное переживание этой сатанинской стихии вызывает в здоровой душе ужас и отвращение, которые могут перейти в настоящее телесное заболевание: симпатическая нервная система, имеющая свои нити и концы во всем организме, заболевает спазмами, которые ведут сначала к нервной “дурноте”, потом к функциональной дисритмии во всем организме (сердце! желудок! мозг! кровообращение!) и могут закончиться душевным заболеванием, самоубийством или прямой смертью.

Мы все должны научиться узнавать таких людей по наружности, не дожидаясь их деяний. Их можно узнать по острым, злобным, фальшиво шныряющим глазам, по ненавистной, презрительной, кощунственной улыбке, по резкому, больному голосу, по напыщенным, хвастливым, угрожающим словам и по лукавым, предательским делам. Русские люди давно уже имели возможность изучить их: они обязаны знать, кто и откуда; и все-таки они то и дело ошибаются, верят провокаторам, возвеличивают бесстыдников, торопятся прицепить свой челн к корме “большого”, хотя бы и проклятого корабля. А люди западных стран доселе не разумеют этого явления, не хотят понять его и берутся за ум слишком поздно.

Вот людей такого извращения, такого строя я не раз встречал в тюрьмах разных стран и всегда с ужасом думал о том, *что они будут делать, когда захватят политическую власть*.

О них-то я и сказал, что они одержимы сатанинским началом...»

Весь этот импровизированный доклад, изложенный в тоне спокойного, но поистине трагического созерцания, был неожиданным, и мы все чувствовали себя потрясенными. Все молчали. У всех было чувство свалившегося бремени, опасности, жути, тем более что сам докладчик внушал полное доверие к себе. Но через несколько минут все вдруг и сразу заговорили и, конечно, разошлись в своих мнениях. Но отвергать сообщенные данные никто и не думал.

IV

КРИТИКА И ПОЛЕМИКА

С. ВАРШАВСКИЙ

«О противлении злу»

(От нашего пражского корреспондента)

Галлиполийское землячество и русское студенческое национальное объединение ознаменовали седьмую годовщину со дня смерти Л. Г. Корнилова устройством публичного собрания, на котором, кроме русских, присутствовали и представители чешской общественности. Председатель собрания П. Б. Струве дал краткую характеристику покойного вождя Добровольческой армии и предложил почтить его память вставанием, что и было исполнено. Затем слово было предоставлено временно гостящему в Праге проф. И. А. Ильину, выступление которого произвело очень большое впечатление.

Л. Г. Корнилов является ярким носителем того духа, той идеологии, которую проповедует оратор, и потому он связал свое выступление с его именем.

С большой смелостью, вооруженный тщательным изучением избранной темы, оратор обрушивается на «нелепое и злостное» учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу и хочет «перевернуть эту страницу в истории русской интеллигенции». Его задача — доказать, что Толстой извратил и ложно истолковал учение Христа, поставив сентиментальность, жалостливость, размягчение души на место действенной христианской любви, требующей борьбы со злом.

Оратор сознает и объемлет всю трудность стоящей перед ним задачи, но бросается в бой со всею страстностью убежденного человека и со всею верою в победный исход. Нет, конечно, никакой возможности в газетном отчете воспроизвести эту большую, захватывающую речь, но с основными положениями молодого философа мы попытаемся ознакомить читателя.

Нам кажется, что это нужно сделать, ибо его речь явилась своего рода событием в наших интеллигентских кругах и найдет, вероятно, немало откликов.

Всем своим темпераментом, всеми силами своей ищущей и негодующей души оратор ополчается против «жизненного дезертирства», против «моральной слякоти» наших дней и берет-ся доказать как христианин, и притом как православный, верующий христианин, что любовь христианская не исключает меча.

Надо только правильно определить природу любви, надо понять, что такое борьба со злом в христианском смысле слова.

Борьба со злом, ведомая злым существом, во имя зла не есть борьба. «Гад съедает другую гадину», по слову Достоевского, и сам потом находит свою гибель, но это не борьба в христианском значении слова. Только сопротивление злу, проистекающее из одухотворенной любви, есть истинная борьба и она не только не возбраняется христианством, но составляет долг христианина.

Две величайших заповеди положил Христос: любовь к Богу и любовь к ближнему. Что есть любовь к ближнему? Это любовь к божественному началу в ближнем, признание в нем сына Божия; только человек, нашедший сам в себе и утвердивший сына Божия, может постигнуть его и в другом, и люди суть братья лишь постольку, поскольку они — сыны Божии. Любовь к ближнему вытекает из любви к Богу, вторая заповедь — продолжение и развитие первой.

Под этим углом зрения, во имя искания божественного совершается новое измерение людей и понятий: любовь — это связь духа с духом.

В ближнем ценна его душа, искра Божия в нем, луч божественного...

Все обычные воззрения меняются при таком подходе к человеку и его жизни.

Обычное воззрение считает сытость лучше голода, здоровье выше болезни, власть выше подчинения, жизнь выше смерти, а истинно христианское воззрение может предпочесть голод сытости, болезнь — здоровью, подчинение — властвованию, смерть — жизни.

Обычное воззрение считает множество людей выше одного человека, а христианство противопоставляет одного многим, отрицает равенство, равноценность людей, ибо люди, подобно звездам, различествуют в славе своей.

Искание Божеского в человеке приводит к неприятию дьявольского: дьяволу можно желать преображения, но любовное приятие дьявола невозможно.

Христос заповедал прощать врагов, но он говорил о личных врагах человека, а не учил нас любви к врагам Божьего дела и содействию растлителям малых сил.

Для этих растлителей, для врагов Божьего дела у Христа было и огненное слово, и изгоняющий бич, и грядущие вечные муки.

Христос учил прощать несчетно «брату, согрешившему против меня», но акт личного прощения нельзя смешивать с прощением соблазнительей, для которых жернов на шею — еще не самый худший исход.

Надо прощать *свою* обиду, быть кротким в отношении личного врага, но кто дал человеку право прощать обиду, нанесенную другому, подставлять не свою, а чужую щеку? Бездейственно созерцать злодеяние, совершаемое над ближним, не значит быть кротким, а равносильно соучастию в злодеянии. Божьи слуги нуждаются в мече для отвращения творимого перед ними зла. Их суждение может стать тяжким и безрадостным, и в борьбе с безвольным сентиментализмом они должны решаться на безжалостную суровость к отдельному человеку, на возмездие, на казнь.

Зло обладает четырьмя свойствами: оно едино, агрессивно, лукаво и многообразно. Думать, что зло можно уменьшить, договорившись с ним, — наивно, рассчитывать, что его можно истощить беспрепятственностью, — преступно. Зло слишком удобопревратно, и только решительный волевой отрыв от него — во спасение и меч — решающее орудие.

Оратор обрушивается на тех, кто, не приемля зла, ограничивается тем, что отвертывается от него. Умыв руки, такие люди начинают отыскивать оправдание для своего поведения: бесплодность борьбы, необходимость сохранить себя для семьи и т. д. Отсюда один шаг до оправдания самого зла. Для характеристики этих нравственных дезертиров оратор воскрешает старое русское слово — «хороняка». Заканчивает он призывом к активности, к волевой любви во спасение родины и выражает пожелание, чтобы русские люди пребыли верными творческому духу тех правителей, вождей и воинов русских, кои с умом и славою носили меч свой.

Как мы уже отметили, речь произвела очень большое впечатление.

<?>

«О сопротивлении злу»

В воскресенье 24 мая Союз офицеров б<ывших> Российских армий и флота, Русский национальный студенческий союз и Внепартийное национальное объединение русских в Германии устроили заседание, посвященное памяти национального русского героя — Лавра Георгиевича Корнилова. Речь на тему «О сопротивлении злу» произнес проф. И. А. Ильин, указавший, что творческое напряжение героя, утверждающее национальный символ, является исходным путем для всех тех, кто ищет этот утраченный символ. Еще не поставлен — из камня и дерева — памятник Лавру Георгиевичу Корнилову, но духовный образ его неотступно стоит перед нами, и, несомненно, он будет поставлен когда-нибудь рядом с Мининым и Пожарским. Идея православного меча, священная и великая идея, была движущей силой Корнилова. Среди причин, которые привели нас к национальной катастрофе, главная — это неверное строение нашей души, выражающееся в сентиментальной размягченности. В этом искажении нашей души не последнюю роль сыграла толстовская идея о непротивлении злу, идея, которой присуща соблазнительная видимость единственного правильного толкования слова Христова. И докладчик надеется, что эта толстовская страничка русской нигилистической морали будет скоро вырвана, а на ее место поставлена старая русская идея православного меча.

Сопротивление злу истекает из одухотворенной любви, любовь без духа не реальная ценность и не реализующая сила. Эта любовь вступает в единение только с живым добром. Одухотворенная любовь определяется ее религиозным освящением. Она перестраивает все мировоззрение — изменяет отношение к Богу и к родине, религии и семье. В глазах одухотворенной любви множество людей как таковое не может заменить качеств одного человека. Она знает, что есть люди, которым лучше бы умереть или не родиться, чем злодействовать. Истинная

любовь не знает сентиментальной гуманности. Начало духа ограничивает любовь, указывает предел ее слепому развитию. Не любит вовсе тот, кто утверждает, что любит все. Духовная зрелость и духовная воля полагают ту грань, где кончается ложная гуманность. Перед нами должен быть всегда образ Архангела Михаила, образ хранителя Георгия¹.

Христианин, желающий соблюдать учение, не призван вовсе к тому, чтобы показывать умиленную любовь к нераскаявшемуся злодею. Проблема бытия злодея не есть только проблема пострадавшего. Обиженный может и должен простить личную обиду. Но в душе у него не должно быть сентиментальных иллюзий, будто, простив злодея, он уничтожил зло. «Не противься злу» — надо понимать в смысле кроткого перенесения личных обид. Нельзя этот благой призыв понимать как непротивление злу вообще. Св. Феодосий Печерский учил: живите в мире со своими врагами, а не врагами Божьими. Духовная любовь имеет силу остановиться на стойком «нет». Единственная ее функция — благожелательство. Земной любви свойственно беспредметное умиление, из которого и проистекает эта слащавая мораль. Наоборот, духовная любовь знает, что между основными заповедями Христа может возникнуть лишь внешний конфликт именно тогда, когда любовь к Богу требует беспощадного и жесткого отношения к людям. Не слабость, не падение, не заблуждение, не грешность караются, ибо карающий по-прежнему желает караемому преобразования и очищения; карается зло, его самоутверждение. Есть злодеи, по отношению к которым должна быть подавлена последняя вспышка жалости. Так духовная любовь, поставившая себе задачу искоренение зла как такового, приходит к необходимости института смертной казни. Оставаясь в родном лоне благожелательства, духовная любовь видит различные стадии отношения к злодею: неодобрение, несочувствие, осуждение, обличение, противодействие и как последняя стадия — смерть.

Путь отрицательной любви безрадостен. Вступивший на этот путь подвергнется осуждению сентиментальных и безвольных, тех, кто во имя либерализма только ждет того момента, чтобы призвать Пугачева и Разина и, открыв тюрьмы, показать нам, что могут сделать соединенные силы революции и уголовщины.

В понятии этого безрадостного пути и кроется понимание идеи православного русского меча.

И этим мечом был препоясан Лавр Георгиевич Корнилов.

Н. П. В.

О сопротивлении злу

(на докладе И. А. Ильина)

Трудно поверить, чтобы доклад И. А. Ильина «О сопротивлении злу» произвел «громадное впечатление в Берлине и Праге», как о том вещала предшествовавшая докладу настойчивая реклама. Наполнившая приятный и уютный зал на сквере Рапп публика проводила докладчика без большого энтузиазма.

И. А. Ильин посвятил свой доклад памяти «русского национального героя ген<ерала> Л. Г. Корнилова», но говорил «не о жизнеописании его», а «труднее и священнее — о том, что носил он в своем сердце и к чему звал», иначе говоря, об «идее православного меча, утраченной русским сознанием, но сохранившейся в русском сердце и ведущей белых героев».

Если оставить в стороне талантливую, хотя и многословную форму изложения, основная, неоднократно повторяемая мысль докладчика сводится к следующим положениям:

«Служение Богу требует иногда безжалостности к человеку, а жалость к человеку является иногда предательством Божьего дела». «Из любви к Богу нужно сдержать любовь к человеку». «Человек, угасивший в себе образ Божий, нуждается не в благожелательстве, а в гнев...»

Существует «слепое религиозное воззрение», *неправильно* убежденное в том, что «все люди равны и все имеют право на жизнь, что человек выше вещи», и существует *правильное* «одухотворенное» воззрение, проникнутое «духовной любовью» и полагающее, что «есть вещи, которые выше человека» (так, «Христос выгнал людей из вещественного храма»), и есть люди, которым лучше умереть.

На этой концепции, которую докладчик называет «христианской, особенно же православной», строится затем вся теория

«о сопротивлении злу». «Теория» направлена своим острием против «неверного и зловредного учения Льва Толстого, развратившего последние русские гражданские поколения», и, по существу, сводится к бесспорному в своей примитивности утверждению о том, что «бессмысленно отстаивать для злодея свободу беспрепятственного злодеяния».

«Духовная любовь, оставаясь благожелательной к просветлению всякого человека, меняет свое отношение к человеку по мере зла, в нем содержащегося». На этом пути «духовная любовь проходит ряд логических состояний» — от «неодобрения» до «тюрьмы» и «казни».

Евангельский завет о прощении обид? Да, личных обид, но — восклицает докладчик — «кто дал мне право прощать злодею поругание святыни?». Есть вещи, которые выше человека...

«Любовь кончается там, где начинается зло». Правда, Новый Завет был дан тогда, когда «угроза и кара совершили свое дело обуздания ветхозаветного человека», но, по мнению докладчика, «по-прежнему необходим меч рассечения добра и зла». Нельзя быть благожелательным ко злу, оставаться нейтральным перед лицом зла. «Духовная любовь должна быть активна», «из любви уговаривая и казня», И. А. Ильин полагает, что именно к этому сводится учение Христа и что именно так учила и должна учить «христианская, особенно же православная», Церковь.

Не будь упоминания имени Христа и ссылок на святые и церковные авторитеты, что можно было бы возразить против этих странных, как сама земля, бесспорных житейских трюизмов, талантливо переложенных в своеобразной и художественной форме?

Тезисы И. А. Ильина при различной и меняющейся мотивировке пребывают неизменными на протяжении всех веков существования человечества, и уж, во всяком случае, задолго до христианской эры.

Если только об этом печальном законе человеческой истории хотел рассказать докладчик, то не к чему было облекать доклад в столь торжественную и многовещающую форму; зачем понадобилось совершать над этим законом обряд крещения, налагать на него христианскую санкцию и унижать смысл Христова откровения — неизвестно.

<?>

Доклад проф. Ильина

Лекцию профессора Ильина «*О непротивлении злу*» слушала с напряженным вниманием переполненная большая зала. Кого тут не было... И обычная публика приходских собраний, и бывшие военные, и преподаватели всякой «общественности», и дамы, и молодежь.

Привлекало и имя автора, и тема. Многих и многих, ищущих ответа на все вопросы жизни — а в том числе и политики — только в Евангелии, волнует и смущает смысл заветов Христа о всепрощении и мире в применении к вопросу о борьбе со злом, временами как будто требующий забвения заповеди любви... особенно если эта заповедь толкуется по-толстовски: и противиться злу не надо, и даже судить злодея нельзя, не говоря уже о каре вредного всему святому в жизни человека — отнятием у него самого жизни... Христианская любовь и прощение — с одной стороны, борьба и возмездие — с другой. Мир — и меч!

Два часа длилась лекция.

А содержание? Трудно сказать, насколько удалась автору его задача: разбить — как он решительно заявил — вредное и ошибочное толкование христианской любви, внедренное не одному уже поколению русской интеллигенции Толстым.

Несомненно, однако, что приведенные лектором доводы заставляют задуматься над этим вопросом серьезно всякого, впавшего в соблазн подмены идеи деятельного добра и любви к ближнему, как она требуется христианством, сентиментальным и дряблым чувством терпеливого и добродушного преклонения пред силою зла во имя будто бы христианского прощения, неосуждения и непротивления злу. Такое пассивное, хотя бы и любовное, отношение человека к окружающему не только не

есть христианская любовь, а, напротив, пособничество злодею, служение не Христу, а диаволу.

Любовь к ближнему, завещанная Христом, есть только та, которая вытекает из любви к Богу, — требуемой первой и самой великой, по Евангелию, заповедью. Любить в ближнем следует не его человеческую сторону, а только отражение в нем Божьего образа, и потому христианская любовь свойственна только человеку, сумевшему достичь уже любви к Богу, а при этом невозможна уж любовь ни к чему дурному и злему в личности ближнего...

Отсюда — христианская любовь «любит» только добро в людях, и для злодеев в сердце христианина ей места нет.

К людям, одержимым злою силою, творящим зло, попирающим святыню — веру, родину, благо ближнего, — у христианина должно сохраняться только благое желание: обращение злодея на путь добра, а дальше — уже отказ от общения с ним, осуждение, кара... даже казнь. Не мир, а меч. Тот меч, который благословляла всегда Церковь для борьбы со злом мира, меч справедливого закона, меч православной власти, меч, которым всегда, везде, все века боролись «лучшие» в человечестве против «злых» за веру и родину, благо и культуру, начиная от царя до рядового воина. Такая деятельная любовь несовместима с чувством непротивления злу.

А христианское прощение обид? Оно совершенно необходимо. Оно-то и есть неперемненное условие христианской борьбы со злом, оно только и дает борцу оправдание в извлечении меча... Личного чувства мести за свою личную обиду в этой борьбе быть не должно. Своим врагам свою полученную от них обиду христианин обязан прощать безгранично, беспредельно. Свое отдать, хотя последнее, хотя бы и врагу, христианская любовь повелевает с тою же самою непримиримою строгостью, с какою запрещается равнодушно смотреть на зло, творящееся на глазах христианина: поругание веры, разрушение основ общественной жизни, соблазн «малых сих».

Для «злодеев», способных на это, и кроткий лик Христа пылал гневом, и у него находился бич, и он сулил им и «жернов на шею», и вечный огонь мук.

Д. ПАСМАНИК

Черно-белое

Один мой приятель, берлинский художник, лет двадцать тому назад показывал мне свои рисунки, сделанные все из черных линейных орнаментов на фоне белой бумаги. Тогда это была новость. Мой приятель ожидал от меня выражения одобрения, восторга, признания. А я не мог скрыть своей правды: все его рисунки были мне не по душе. В них была сухая схематичность, от которой веяло надуманностью, нежизненностью, т. е. фальшью. Жизнь сложнее, красочнее, разнообразнее. С тех пор я нажил себе врага: художники ведь очень обидчивые люди. Но потеря приятеля не помешала тому, что я с тех пор не перевариваю ничего черно-белого, где бы оно ни проявлялось: в рисунке, в писаном слове, в мысли, в жизни. Черно-белое до сих пор остается для меня огромной ложью, отвратным искани-ем жизненной красоты.

На днях мне опять пришлось столкнуться с черно-белым в области русской эмигрантской мысли.

5 июня проф. И. А. Ильин прочел в Париже доклад на тему: «О сопротивлении злу». Новая газета П. Б. Струве «Возрождение», публикуя сообщение о предстоящем докладе, сообщала: «В Праге речь И. А. Ильина произвела на слушателей как русских, так и чехов, огромное впечатление и явилась целым событием в русской пражской жизни. После этого она с большим успехом была повторена в Берлине». Следовательно, предстояло приобщиться к «целому событию» в русской пражской жизни. Я не помню: может быть, ваш пражский корреспондент уже сообщал вам об этом «событии», но все же я считаю не лишним вернуться к нему, ибо если эта речь — событие, то очень печальное, с которым надо бороться.

Содержание речи, продолжавшейся добрых два часа, сводится, в сущности, к следующему.

Есть любовь сентиментальная, чувственная и есть любовь одухотворенная, освященная христианской божественностью. Настоящая любовь — только последняя. Эта любовь вовсе не обозначает всепрощение, как обыкновенно думает весь христианский мир. Евангелие повелевает прощать врагам, но только личные обиды. Но если оскорбляют святыни Божественные, дух человеческий, отечество, прощения быть не может. Евангелие повелевает, если тебя ударят в одну щеку, подставить вторую, но Христос изгоняет из храма мытарей и всех кощунствующих. Более этого: Евангелие грозит даже мечом тем, которые оскорбляют божественные установления, вы уже сами понимаете, каковы выводы из этих положений: во имя духовной любви можно и должно уничтожать (лектор употребил термин «казнить») врагов Божьих, врагов отечества, растлителей малолетних. Лектор не постеснялся иронизировать над теми, которые во имя какой-то сентиментальности отказываются *доносить* на врагов добра и святости... Я слушал, и на душе у меня все более и более сгущалось чувство беспредельной тоски, все углублялось ощущение патологического; временами казалось, что там, на трибуне, бредит сумасшедший. Но нет, четко и звучно формулировалась линейная черно-белая мысль. И мне стало вдруг очень ясно: большевистский яд отравил лучших. Ильин проповедовал мораль чекистов, только навыворот.

И где смысл всей этой проповеди? Выходило так, будто мы в состоянии расправиться с эмиссарами Сатаны, растлившими Россию, но по мягкодушию и под влиянием ложно понятой христианской любви мы стесняемся снять головы всем этим Зиновьевым, Рыковым, Калининым, Каменевым, Фрунзе, Дзержинским¹ и т. п. Как будто, когда велась фактическая борьба с большевиками при Корнилове, Колчаке, Деникине, Врангеле, люди справлялись с Евангелием, надо ли уничтожать врагов России или нет. Как будто в зале между слушателями был бы хоть один, который сомневался бы, как поступить с большевиками, если материальная сила была бы на его стороне.

Все содержание доклада Ильина было, таким образом, беспредметное, бесцельное, ибо в реальной жизни нет вовсе той проблемы, которую выдвинул докладчик. К сожалению, между его слушателями присутствовали и такие, которые, *если могли бы*, расправились бы основательно не только с большевиками, но вообще со всякими инакомыслящими, вроде покойного В. Д. Набокова² или поныне здравствующего П. Н. Милюкова. На днях лишь морской офицер, *по поручению целой организации*, оскорбил действием генерала русской армии только за то, что послед-

ний думает иначе, чем кирилловцы³. Да нет, вся русская жизнь по эту и по ту сторону рубежа слишком насыщена ненавистью и враждой, чтобы надо было проповедовать мщение *на основании Евангелия*.

Но знаете, что меня больше всего опечалило? То, что Ильин вовсе не верующий христианин, он вовсе не Торквемада⁴, он лишь подражатель Победоносцева⁵. Христианство для него является средством, орудием государственной целесообразности.

И это самое опасное, ибо такая политика разлагает всякое искреннее религиозное верование, она может оправдать некоторые, на первый взгляд непонятные нам поступки Патриарха Тихона⁶. В одном я убежден: глубоко верующий христианин не мог бы повторить мысли докладчика. В крайнем случае он вышел бы из всех затруднений, опираясь на подлинное Евангельское постановление: Кесарево Кесарю, Божье Богу.

Так оно и есть: на земле существует особый порядок, который вытекает из идеи государственной целесообразности и национального благополучия. Во имя этих принципов мы обязаны напрячь все наши силы, чтобы освободить Россию от ее нынешних управителей. Не во имя мщения, а под давлением идеи государственности мы должны очистить Россию от большевиков и от большевизма. И больше ничего. А будущую жизнь возрожденной России мы должны строить на принципе любви, правды и справедливости. Благодаря большевикам люди стали злыми, черствыми, ненавистниками. И долго придется работать, чтобы в человеке уничтожить зверя. Поэтому сохраните Евангелие во всей его чистоте, не обезображенной линейными⁷ комментариями Ильина.

И еще раз повторяю: если его доклад был «событием», то очень печальным событием, против которого я протестую, ибо имею на это некоторое право.

На докладе г. Ильина председательствовал А. В. Карташев, председатель Национального комитета⁸, а в газетах сообщалось, что последний является одним из организаторов доклада. Против этого факта я протестую изо всех сил. И вот почему. Позвольте мне нескромность: первый, который выступил в печати (в газ<ете> «Общее дело») с призывом о созыве общерусского Национального съезда, был автор этих строк. Затем в продолжение нескольких месяцев В. Л. Бурцев и я много работали, пока наша идея не осуществилась. Цели Национального союза выражены очень ясно в программе, выработанной покойным В. Д. Набоковым и принятой первым съездом. Эта программа не имеет ничего общего с идеями Ильина. Одним из горячих

защитников (а отчасти и автором) означенной программы был А. В. Карташев. *Noblesse-oblige!*⁹ Эта программа абсолютно за-прещает Национальному комитету прикрывать своим авторите-том мрачные идеи г. Ильина.

Или Национальный комитет бесславно закончит свое суще-ствование!

Черно-белое никогда не было и никогда не будет нацио-нальными цветами России. Я предпочитаю красно-бело-голубое знамя, знамя Петра Великого и Пушкина.

М. КОЛЬЦОВ

Омоложенное Евангелие

Говорят, теперь антирелигиозную пропаганду надо вести осторожно. Спорить не буду, потому что не спец.

Но сказано о пропаганде антирелигиозной. Насчет религиозной — ничего не сказано.

Поэтому — подальше от греха — займусь пропагандой религиозной.

Хочу в двух словах рассказать о ценнейшем богословско-этическом докладе, весьма разъясняющем суть новейшей религиозной морали.

Читал доклад верующий русский христианин, профессор Ильин. Читал в переполненной аудитории Берлина, Праги и Парижа. Как о том вещала широкая реклама, доклад «произвел громадное впечатление» в первых двух городах. В третьем городе, судя по отзывам, доклад вызвал меньший восторг. Но не в восторге дело.

Ильин говорил очень много, растекался широким потоком, журчал маленькими ручейками, понижал голос до херувимского шепота и повышал до архангельского рыка. Вспоминая праведных и блаженных в лоне Христовом, кадил «русскому национальному герою» генералу Корнилову, веял над залом благоуханными воскрылиями мыслей «об идее православного меча, утраченной русским сознанием, но сохранившейся в русском сердце и ведущей белых героев...» А, по существу, высказал совсем ясную и простую мысль.

— *Служение Богу*, — сказал Ильин, — *требует безжалостности к человеку*. А жалость к человеку является иногда предательством Божьего дела!

— *Из любви к Богу*, — говорил еще Ильин, — *нужно сдерживать любовь к человеку*.

— Человек, угасивший в себе образ Божий, — поднял указующий перст Ильин, — нуждается не в благожелательстве, а в гневе!

Спасибо христианнейшему философу Ильину. Что у умного на уме, то у Ильина на языке. Не поблагодарят Ильина священники! Но мы — даже похлопать готовы за откровенность.

До сих пор официальная церковная мораль, покрывая и защищая капитализм, реакцию, империалистические войны, все же находила нужным держаться хотя бы внешне рассуждений о непротивлении злу.

«Аще ударит тебя в одну ланиту, подставишь ему другую». Это добродетельное евангельское намерение должно было служить укором в первую очередь для безбожников-революционеров, для коммунистов, для сторонников беспощадной классовой борьбы.

Пусть полковой священник помогал солдатам умерщвлять врага. Но тут же, в походной церкви, он пел «на земле мир и в человецех благоволение», говорил проповеди о любви и снисхождении к врагу. Привет религиозному реформатору Ильину! С его приходом непротивленские штучки в Церкви упраздняются.

По Ильину, существует «слепое религиозное воззрение», *неправильно* убежденное в том, что «все люди равны и все имеют право на жизнь», и существует *правильное* «одухотворенное» воззрение, проникнутое «духовной любовью» и полагающее, что «*есть люди, которым лучше умереть*».

Отсюда и новая христианская теория: *о сопротивлении злу*. Ильин жестоко критикует евангельский завет о прощении обид:

— Да, личных обид! Но кто дал мне право прощать злодею поругание святыни? Любовь кончается там, где начинается зло!

Так навинчивает и накручивает богобоязненный философ Ильин христианнейшую эмигрантскую паству. И паства лакомо слушает, словно до пирожков добралась. Вот это мораль! Вот это — христианство-модерн! Вот это — что надо!

...У популярного религиозного философа Ильина есть, кроме духовных, еще и светские обязанности. Во Христе он проповедует «непорочное убийство». В миру — сотрудничает с недавно упомянутым Петром Струве в новой газете «Возрождение». И поучает:

— Мы не левые, мы не правые! Мы русские патриоты!

Чего хотят патриоты из «Возрождения» — мы знаем. Императора и городского хотят они. Духовная и светская идеология, как видите, очень удобно увязана у профессора Ильина!

Бедные, затырканные, замшелые наши попики, живо- и мертво-церковники! Они все еще суетятся, шебаршат, что-то

еще комбинируют про христианскую любовь, всепрощение и общий мир на земле. А их коллеги за границей — уже изготовили новейшей марки патентованное православие, с оправданием еврейских погромов, гражданской войны и белого террора. Что значит за границей побывал. Сразу забили российских, заскорузлых, толстопятых!

И. ДЕМИДОВ

Творимая легенда

Не в первый и, конечно, не в последний раз производится попытка не только оправдать меч с христианской точки зрения, но даже его канонизировать — *крест превратить в меч* и вложить его в руки человечества как оружие, завещанное Христом для борьбы со злом. В исторической обстановке эта теория всегда принимала свою историческую окраску. Есть теория о «святом христианском мече», при помощи которого велись «священные войны» против язычников и иноверных. Вместе с тем священные войны включали в свою орбиту «еретиков» и даже дали им «преимущество преследования» перед язычниками и иноверцами, и четвертый крестовый поход закончился взятием Константинополя и разграблением «*крестоносцами*» храма св. Софии. Так на исторической арене появляется уже не общехристианский, а католический меч-крест. Затем внутри самой католической Церкви начинается борьба за власть между папой и католическими императорами. Папа от имени креста проклинает своих врагов-императоров, а от имени «воинствующей церкви» ведет «священные войны» для покорения себе уже не язычников, иноверцев и еретиков, а народов, исповедующих католическую религию. Эта вековая эпоха борьбы между Церковью и государством низвела на нет все успехи, достигнутые крестоносцами, так как для христианских пап и христианских императоров их взаимная борьба за власть стала «священнее» борьбы с «неверными» за освобождение гроба Господня. Мы сами только что пережили страшную эпоху невиданного в истории самоистребления человечества, когда почти все христианские народы (по мере возможностей привлекая на свою сторону и иноверных) в течение трех с половиною лет уничтожали друг друга. И по-прежнему человечество в одной руке держало крест и Евангелие, а в другой — уже не сравнительно безобидный

меч крестоносца, а 42-сантиметровые орудия, разрывные пули, удушливые газы — всю науку, всю технику двухтысячелетней «христианской» эры, а церковь благословляла мировое убийство, возводила его в подвиг, в святое дело, и порою служители алтаря с крестом в руках шли впереди меча, призывая к убийству и взывая к Богу о даровании победы. Война — подвиг, война — святое дело, ибо *меч есть оружие Христа*. Так творилась и творится легенда о мече-кресте.

Среди различных национальных легенд о «священных мечах» есть и наша, русская, о «священном русском православном мече». И. А. Ильин поставил перед собою цель ее обновить и еще раз подтвердить, «ибо», говорит он, *«победим мы тогда, когда наш меч станет как любовь и молитва, а молитва наша и любовь наша станет мечом»*.

«В поисках этого умудрения, — пишет автор статьи “Идея Корнилова” (“Возрождение” от 17.VI. № 15), — предпринял я написать исследование о сопротивлении злу силою, с тем чтобы попытаться найти верный исход и разрешение вопроса, перевернуть раз <и> навсегда эту “толстовскую” страницу русской нигилистической морали и восстановить древнее русское *православное учение* о мече во всей его силе и славе... Ныне исследование мое закончено и на днях выйдет в свет отдельною книгою, которую я посвящаю “русской Белой армии и ее вождям”...»

Мы не знаем, что скажет нам «исследование о сопротивлении злу силою», но уже и статья достаточно ясно определяет основной контур еще одной попытки канонизировать меч в его национально-государственной обстановке. Нового пока мало. Прежде всего, как и в остальных случаях, приводится образ Христа, изгоняющего торгующих из храма. «В обращении к злодеям христианин должен проявлять отрицающий лик любви... — пишет автор статьи. — Ему достаточно вспомнить тот великий исторический момент, когда божественная любовь, в облики гнева и бича, изгнала из храма *кощунственно-пошлую толпу*; и вслед за тем ему надлежит понять, что все пророки, государи, судьи, воспитатели и воины должны иметь перед своими духовными очами образ этого праведного гнева и не сомневаться в правоте своего дела».

Здесь интересно отметить малозаметную на первый взгляд подробность: вместо евангельских «торговцев и менял» у Ильина, с одной стороны, появляется вообще «пошло-кощунственная толпа» (ведь были же в храме и молящиеся?), а с другой — дается ясное толкование, кто имеет право на бич и меч: «все пророки, государи, судьи, воспитатели и воины». Оно так и по-

добавляет новоявленному, тактическому последователю большевиков, тоже открыто признающему, что «организованное классовое меньшинство» должно и имеет право диктовать над «пошло-кощунственной толпой». «Элита», «дворянство», «аристократия», пророк, государь, судья, воспитатель, воин — жизнь и власть над жизнью принадлежит им, и только им. Они должны *твердо знать* «древнее русское православное учение о мече во всей его силе и славе», а «пошлая толпа» обязана *уметь владеть мечом и повиноваться «элите»*.

В таком толковании И. А. Ильин видит образ евангельского Христа и находит, что этого для борьбы со злом «достаточно».

Подменив «торговцев и менял» вообще толпой (здесь, конечно, подразумевается демократия), а от Христа взяв только Его гнев и бич, автор разбираемой статьи в дальнейшем чувствует себя на совершенно твердой почве. Он, не стесняясь, говорит то о «противлении *злу*» (чему учит и Христос), то о «противлении *злему*» (чему Христос *не учит*) и, таким образом, подводит читателя к своему выводу о мече, ставшем «любовью и молитвой», и о любви и молитве, ставших «мечом».

Смешивая «злое начало» со «злым человеком» и произвольно то отнимая, то прибавляя и к тому и к другому идею «насилия», И. А. Ильин строит мост сначала от идеи свободной Церкви к идее принудительного государства, а затем, уже внутри государства, к идее принудительного господства меньшинства над большинством. Цементом при постройке этого оригинального моста служит идея «отрицательного лика любви», изобретенного новым «пророком». Все это требуется для «освящения» лика монархии и посрамления идеи демократии. Требуется — «мы, Божией милостью...».

Можно понять «грешный мир», вооруженный до зубов и не имеющий сил избавиться от насилия и меча. Это — его духовная слабость, его несовершенство, его «грех», если говорить языком религии. Но совершенно нельзя понять столь упорно творимую легенду о «священном мече» в его христианско-церковном, христианско-национальном или христианско-государственном смысле. Идея *насилия* — не христианская идея, а сила меча — не христианская сила. Война — международная или гражданская — не святое дело, по учению Православной Церкви, а грех. Воин после войны и убийства — не герой с точки зрения Церкви, а грешник. Он должен по окончании войны пройти через покаяние. Воин, если хочет, может пойти в монахи (каяться), но никогда не может стать священником, ибо не может приносить «бескровную жертву», не может служить «ме-

чу духовному» — слову Христа. В этом и заключается «новый завет» о любви, и всякое другое толкование есть клевета на этот новый завет. Мы отлично понимаем, что как столько раз в прошлом, так и теперь для очень многих «*новый завет*» и его видимая форма — Церковь — нужны как орудие борьбы с тем, что они — эти многие — *для себя* считают «злом»; мы знаем, что в том или ином случае это «зло» есть действительное зло, а не воображаемое, но ни соображения о выгодности получит Церковь в союзницы, ни признание в указанном явлении зла не в состоянии «перевернуть *раз навсегда* эту “толстовскую” страницу русской нигилистической морали», ибо эта «мораль» не толстовская, а завещанная миру Христом две тысячи лет назад, и не по силам И. А. Ильину перевернуть ее при помощи не только уже появившейся статьи, но и обещанной книги. Ложь остается ложью.

П. СТРУВЕ

Дневник политика <№> 7

Стоило И. А. Ильину поставить и в определенном христианском смысле разрешить проблему противления злу силою, чтобы вызвать возражения и даже обвинения в том, что он «новоявленный тактический последователь большевиков».

Так, *буквально* так, написано в «Последних новостях» в статье И. П. Демидова «Творимая легенда».

Это было бы смешно, если бы не было весьма грустно, ибо означает явное и объективное недомыслие. В самом деле, тут что-то просто недодумано, более того — недочувствовано. Большевики тем сильны и ужасны, что у них не только одна «тактика», как часто бывает у П. Н. Милюкова и его последователей, а целое мировоззрение (я это пытался выяснить и подчеркнуть в предисловии к «Черной книге»¹). Мы понимаем — и говорили об этом, — что христианство можно понимать в смысле непротивленства и абсолютной отрешенности от государственности. Так понимал его Лев Толстой, но он имел последовательность и мужество не признавать никакого церковного (и в том числе православного) ни учения, ни предания. Вместо того чтобы рассказывать о грехах крестоносцев вещи, известные из Иловайского², пусть И. П. Демидов объяснит себе и нам, какой — с его точки зрения — меч благословлял Преподобный Сергей Радонежский и каким мечом сражались иноки Пересвет и Ослябя?³ Я беру самые понятные русскому сердцу примеры.

Это не ради полемики обращаемый к И. П. Демидову, а основной и роковой вопрос, без решения которого не могут себе найти покоя многие православные души.

Эти души не могут выносить «двойной бухгалтерии», совмещающей религиозное горение с безразличным отношением к родине и государственности. Но г. Демидов не способен ни в точной форме поставить, ни до конца продумать этого вопроса,

ибо в момент роковой исторической схватки христианского мира с сатанинской силой он в идеях И. А. Ильина видит прежде всего «освящение лика монархии» и от этого как «республиканец» и «демократ» приходит в священный ужас. Тут обнаруживается — в который раз! — что у церковно-религиозного *аполитизма* есть какое-то странное и роковое касание к *определенным политическим настроениям и построениям*. Здесь скрыты большие идейные трудности и огромные опасности как церковные, так и политические. К ним, вероятно, нам придется еще не раз возвращаться.

И. ДЕМИДОВ

Путь ученичества

Причисляю себя к православным душам, ищущим, но не «покою», а ответа — пусть он будет полон тревоги и страдания. Знаю, что на этом пути «скрыты большие идейные трудности и огромные опасности как церковные, так и политические». Рад, что П. Б. Струве обещал «не раз возвращаться» к ним, и с полной готовностью принимаю указанное мне место ученика, не могущего «ни в точной форме поставить, ни до конца продумать вопрос... без решения которого не могут найти себе покоя многие православные души». Думаю, что для дела будет хорошо, если я продолжу свою ученическую попытку и буду стучаться в двери «объективного», т. е. общеобязательного, «домыслия».

У меня есть только одна просьба к тем, кто уже «додумал» и «дочувствовал»: необходимо понять, что не надо сбивать учеников пристрастным (а следовательно, и неверным) толкованием их мысли. В своей статье «Творимая легенда» я осмелился сказать про И. А. Ильина *буквально так*: «Оно так и подобает новоявленному тактическому последователю большевиков, *тоже открыто признающему, что организованное классовое меньшинство должно и имеет право диктовать над пошло-кощунственной толпой*».

П. Б. Струве привел первую половину фразы и отбросил все, напечатанное курсивом здесь, а затем пишет, как бы возражая мне: «Большевики тем сильны и ужасны, что у них не только одна тактика, как часто бывает у П. Н. Милюкова и его последователей, а целое мировоззрение». Но ведь я говорил только о тактике, и даже точно определил, в каком смысле. Пусть П. Б. Струве докажет, что упомянутое тактическое основание не провозглашено большевиками в качестве общественного «*ultima ratio*»¹ или что И. А. Ильин не принимает к руководству

этой тактики, и тогда я должен буду признать, что мое сравнение «было бы смешно, если бы не было грустно».

Теперь о «вещах, известных из Иловайского».

«Вместо того чтобы рассказать о грехах крестоносцев, — пишет П. Б. Струве, — ...пусть И. П. Демидов объяснит себе и нам, какой — с его точки зрения — меч благословлял Преподобный Сергей Радонежский и каким мечом сражались иноки Пересвет и Ослябя?»

Надо и здесь условиться: или и крестоносцы и Преподобный Сергей — только лишь «вещи, известные из Иловайского», или же и первые и второй говорят нам о мече, *который был благословлен Церковью*. Нельзя одно отбросить, а другое принять. Нельзя нелогично требовать — «вместо того, чтобы рассказывать *об одном*, ответьте на *другое*», потому что здесь не одно и другое, а одно и то же. Если Сергей Радонежский — нужный для доказательства пример, то должны быть допущены и крестоносцы. Если крестоносцев упоминать не стоит, то пусть в стороне останется и Преподобный Сергей.

Я Преподобного Сергия принимаю всей душой и в своих дальнейших ученических работах постараюсь дать посильный ответ. Но не сейчас, ибо в данное время я принужден вернуться к И. А. Ильину, и не только к статье «Идея Корнилова», но и к докладу «О сопротивлении злу», т^ак^к статья есть лишь часть «из речи, произнесенной в Праге, Берлине и Париже».

Дело в том, что в своей речи-докладе И. А. Ильин говорил не только о мече воина, но и о мече палача. По крайней мере, я так понял его слова: «Духовная любовь, оставаясь благожелательной к просветлению всякого человека, меняет свое отношение к человеку по мере зла, в нем содержащегося. На этом пути духовная любовь проходит ряд логических состояний от неодобрения до тюрьмы и казни». И вот, прежде чем «додумывать» о мече воина, мне хочется «додумать» о мече палача.

«Есть люди, которым лучше умереть», — говорит оратор — здесь мысль о евангельском жернове. Лучше для кого? Для них самих, чтобы меньше грехов легло на их душу. Одно — сказать «есть люди, *которым лучше умереть*», другое — оправдать с христианской точки зрения казнь, т. е. признать с точки зрения Христа, что есть люди, *которых надо умертвить*, а *право на их умерщвление* присвоить себе. Здесь непреходимая пропасть между «двумя логическими состояниями духовной любви». Скачок через эту пропасть приводит И. А. Ильина, по моему, не к христианскому, а к антихристианскому выводу. Смертная казнь существует — это факт, но И. А. Ильину этого

мало: ее, как и войну, надо освятить и благословить. Чтобы достигнуть этого, И. А. Ильин говорит страшные для Церкви слова и, собственно, отказывается от Нового Завета — *«любовь кончается там, где начинается зло»*, т. е., стало быть, он утверждает, что зло побеждает любовь, ибо стоит злу *только начаться*, чтобы любовь пришла к *своему концу*.

Что же встает на место «кончившейся любви»? Святая ненависть, неумолимая справедливость, а за ней костры «святой инквизиции», гильотина — или просто палач, усердно затягивающий петлю?

Все это есть «ряд логических состояний», которые должны быть освящены и благословлены церковно?

Ответ на этот вопрос должен быть дан до крестоносцев и до Сергия Радонежского, ибо если здесь будет сказано: «освящаем и благословляем», то этим будет сказано все — дальше учиться нечему, ибо протянуть нить от креста к мечу палача я не могу; признать, что христианская Церковь имеет право благословить смертную казнь, отказываюсь; «додумывать» и «дочувствовать» в этом направлении я не в состоянии.

Быть может, П. Б. Струве и здесь найдет, что «тут обнаруживается — во второй раз! — что у церковно-религиозного аполитизма есть какое-то странное и роковое касание к определенным политическим настроениям и построениям» и что все-таки никто, как И. А. Ильин, *ставит и в определенном христианском смысле* разрешает проблему «сопротивления злу силою».

Смею и здесь «недомысленно» спросить, что такое казнь — сила или насилие? Этот небольшой вопрос важен на случай дальнейших уроков.

И. А. ИЛЬИН

Отрицателям меча

I

Спор есть предметное состязание об истине: серьезное, ответственное, добросовестное. И если в споре этого нравственного уровня нет, то спорить не стоит: ибо тогда самый вопрос будет искажен и опошлен и решение его будет отодвинуто и затруднено.

Вот почему я не сразу мог заставить себя отозваться на статьи г. Демидова*, написанные по поводу моей публичной лекции «О сопротивлении злу силою» и моей статьи «Идея Корнилова». И если я отзываюсь теперь, то не ради г. Демидова, а ради тех, кто по совести ищет правду.

По прочтении статей г. Демидова мне стало просто *стыдно* за него, ибо он не только сам сочинил ту точку зрения, которую он излагает как мою, но и все самые острые цитаты, приписываемые мне, он *целиком выдумал*... И произошло это, прежде всего потому, что он совершенно пренебрег источниками осведомления: лекцию мою не слышал, статью просмотрел кое-как, а подождать два дня до выхода моей книги «О сопротивлении злу силою» (она вышла 27 июня) не хотел. А жажда ниспровергнуть мою «ложь» была слишком сильна. И вот результаты.

Ни в статье моей, ни в лекции (ни в книге) нет ни слова об «организованном классовом меньшинстве», об «элите», о «священности» или тем более о «святости» или «оправданности» меча, о том, что всего этого для борьбы со злом «достаточно», о «двух логических состояниях любви» (?!), о кострах «святой инквизиции». Все эти выражения, неизвестно откуда им взя-

* «Последние новости» от 25 июня и от 2 июля.

тые, он, однако, приводит в кавычках и приписывает мне с удивительной безответственностью...

Но дело не только в мнимых и ложных цитатах. Самые идеи, скрытые в них и во всем его изложении, в большей части своей сочинены им лично и затем приписаны мне. Эти идеи, нередко прямо противоположны тому, что я утверждаю. И потому первое, что я сделал по прочтении его статей — я дал поручение книжному складу выслать г. Демидову по адресу его газеты мою книгу, дабы он мог на этот раз собственноручно прочесть ее и устыдиться того, что он написал.

Все мое исследование доказывает, что меч не «свят» и не «праведен»; что Крест не меч и что меч не есть оружие Христа; что понуждения и меча абсолютно недостаточно для борьбы со злом; что зло и злой человек совсем не одно и то же и т. д. А между тем все это и многое другое г. Демидов приписывает мне. Я совсем не касаюсь в моем исследовании ни вопроса о «большинстве» и «меньшинстве», ни вопроса о «демократии», ни вопроса о «Монархии Божиею Милостью»; но зато я подробно выясняю различие, во-первых, между «принуждением», «понуждением» и «насилием» и, во-вторых, между «неправедностью» и «грехом». И вот все, что г. Демидов уловил, да и то только по внешней видимости, это то, что я считаю государственность и меч приемлемыми для православного христианина. Остальное — его собственные вымыслы.

Всего замечательнее его злая выходка, которую он с каким-то вызывающим самодовольством повторяет и воспроизводит в своей второй статье:

«Оно так и подобает новоявленному, тактическому последователю большевиков, *тоже открыто признающему* (курсив мой. — И. И.), что “организованное классовое меньшинство” должно и имеет право диктаторствовать над “пошло-кощунственной толпой”».

И повторив эту легкомысленную и злую выходку, он требует от П. Б. Струве доказательств, что я, Ильин, «не принимаю к руководству этой тактики».

Доказывать здесь нечего: в действительности я никогда не признавал и нигде не утверждал, что «организованное классовое меньшинство должно и имеет право диктаторствовать над пошло-кощунственной толпой». Классовое правление считаю вредным и губительным для всякой страны, нарушающим самые основные аксиомы правосознания; и много раз, публично, в России при большевиках, доказывал это с кафедры. Классовую диктатуру я отрицаю тем более. В трудные эпохи национально-

го развала и опасности *личная* диктатура сверхклассового, национального воленавращения может быть, однако, необходимой и спасительной. Так я думал и говорил и до большевиков, имея перед глазами исторические образы Кесаря Августа, Кромвеля¹, Наполеона.

Но ведь г. Демидов приписывает мне сочувствие не способу правления большевиков, а их тактике... При этом он обязан знать, что тактика их есть бессовестная демагогия, разжигание дурных страстей, ложь, подкуп, угашение духовности, поругание святынь, террор и грабеж. Какую же инсинуацию произносит он, называя меня «тактическим последователем большевиков»?!

Но в этом он только остается верен духу своей газеты и ее редактора.

П. Б. Струве с присущей ему умственной зоркостью и терпимостью отметил, что философически г. Демидов не способен «ни в точной форме поставить, ни до конца продумать» весь этот вопрос. И он был вполне прав. Но я должен от себя и для себя договорить следующее.

Было время, когда русская радикальная пресса, вопреки требованиям серьезности, ответственности и добросовестности, считала допустимым заменять честные идейные возражения в споре со своими противниками опорочением их доброго имени, бранью, инсинуацией, клеветой. Считалось достаточным сказать «мракобес», «зубр», «черносотенец», «палач», «погромщик» — и дело было сделано. Этот прием и этот стиль господствует и ныне в газетах третьего Интернационала; но от этого тона недалеко и русская радикально-эмигрантская пресса. Этот вульгарный тон, этот дурной прием опорочения стоит ниже того нравственного уровня, на котором стоит вести идейный спор. И если г. Демидов и его единомышленники будут и впредь сводить всякое не разделяемое ими и непонятое им воззрение к «клевете» и «лжи» (статья от 25 июня), или объяснять какими-либо задними соображениями, корыстными расчетами* и классовыми вожделениями, или же подтверждать свое изложение выдуманными цитатами, — то спор с ними будет сводиться к простому разоблачению их приемов, круг людей, желающих обращать на них серьезное внимание, будет все суживаться, а честная струя общественного мнения скоро найдет для них, а может быть, и нашла уже, нарицательное имя.

* Ср. в той же статье: «для себя считают злом», «соображения о выгоде» и т. д.

* * *

А теперь к тем, кто по совести ищет правду. Да, я утверждаю, что государственность, и меч, и сопротивление злодеям силою приемлемы для православного христианина. И когда я говорю о «православном мече», то я разумею меч, *православно обоснованный* (совсем не «оправданный», и не «освященный», и не «святой»).

Было бы невежественно, глупо и претенциозно, если бы я стал приписывать себе изобретение этого обоснования. Оно уже целиком заключено в Апостольских Посланиях, и пусть всякий прочтет написанное. Я же с моими философскими воззрениями следую за церковной традицией.

Апостол Петр пишет (1. 2: 13—16):

«Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству для Бога: царю ли как верховной власти, правителям ли как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии».

Апостол Павел пишет (Рим. 13: 3—5):

«Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести».

Итак, идея о том, что *государственный властитель* носит меч именно в качестве *Божьего слуги* для наказания преступников и злодеев и для *заграждения уст безумных людей*, есть идея Апостольская, древнехристианская и православная; и «православный» человек, желающий ее отвергнуть и не желающий здесь ничего ни «додумать», ни «дочувствовать», должен пересмотреть вопрос о своей принадлежности к православию. А до тех пор, пока он этого не сделает, ему надлежит осторожнее судить об «антихристианской» природе идей, высказанных первыми Апостолами.

В приведенных мудрых словах Апостольских все выговорено определительно и недвусмысленно: и задача правителя, и цель, для коей он носит меч, и критерий истинного правления, и допустимость казни, и мера применимости меча. Пусть только

ищущий ум беспристрастно и глубоко вдумается и вчувствуется в каждое слово. И сколько бы сентиментальное воображение ни ужасалось при слове «палач» и ни взывало к непротивлению, смертная казнь для злодея здесь *допущена как необходимость*.

Что же, значит, она «оправдана» и «освящена»? Значит, она «священна» и «свята»? И значит, кроме «меча» и «палача», ничего не нужно?

Нет, не значит!

Допустить как необходимость не значит «оправдать». И казнь здесь не оправдана, и не освящена, и не свята, и не священна. А только *допущена*, т. е. не воспрещена и не отвергнута, и не проклята, а *прямо предудказана* в меру ее необходимости и применительно к злодеям. И надо *все* сделать, чтобы меч и палач были не нужны; и после этого, если они все-таки будут необходимы, надо *принять их*.

По мнению сентиментального непротивленца, эти указания и выводы имеют «антихристианскую» природу: здесь конец христианству и «дальше учиться нечему»...

На самом деле все обстоит как раз обратно: человек, отрицающий государственность и меч и считающий, что христианская любовь есть синоним беспредметного, сентиментального всему сочувствия, должен поистине сесть на ученическую скамью и учиться всему заново.

И, пересматривая свои несостоятельные и вредные предрассудки по вопросу о смертной казни, пусть он, между прочим, прочтет со вниманием, что написано об этом предмете русским православным мыслителем, с душою нежною и детски чистою, — Василием Андреевичем Жуковским. В своем глубоком и полном искреннего религиозного чувства очерке «О смертной казни» * поэт ставит вопрос о том, как надлежит поставить самую процедуру казни для того, чтобы она не развращала людей, а воспитывала их в христианском духе взаимной любви, покаяния и совместной молитвы...

Но прежде всего ищущему правду непротивленцу необходимо понять, что все обывательские подходы, понятия, смешения, слова здесь абсолютно недопустимы. Эта проблема глубока и трудна, она требует не только новых понятий, но обновления всего духовного опыта — долгой, углубленной, подготовительной работы и обостренного чувства ответственности. И конечно, познаний.

* Имеется даже в одномтомном Собрании сочинений.

Позволительно ли, например, утверждать, что «воин после войны и убийства — не герой с точки зрения Церкви, а грешник»? (статья г. Д<емидова> от 25 июня).

В тринадцатом каноническом правиле св. Василия Великого читаем:

«Убиение на брани Отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия...»

В каноническом послании св. Афанасия Великого к Аммуну-монаху мы читаем:

«Не позволительно убивать: но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно. Тако великих почестей сподобляются доблестные в брани и воздвигаются им столпы, возвышающие превосходные их деяния. Таким образом, одно и то же, смотря по времени и в некоторых обстоятельствах, не позволительно, а в других обстоятельствах и благовременно, допускается и позволяется».

Но сентиментальный обыватель и здесь, вероятно, откажется «додумывать»... Что же, спросит он, этим «освящены» и «оправданы» войны?

Вопрос не будет разрешен, пока мысль и чувство не додумают и не научатся различать «неправедность» и «грех»...

Позволительно ли в связи с этим утверждать, что «война», «по учению православной Церкви», есть «грех»?

В православном Требнике в «*Чине благословения воинских оружий*» читаем: «Сия носити ко укреплению и заступлению Церкви Твоя святыя, сирых же и вдовиц, и на земли сущего святого достояния Твоего желающего, силу и крепость подаждь...»

Там же в «Чине освящения знамен» в молитве о воинах: «Научи их и вразуми, спаси, защити, сохрани, очисти и радости духовные исполни...»

А в «Молебном пении противу супостатов»?

А в «Чине благословения водного судна ратного, на сопротивные отпускаемого»?

Что же, «православный» непротивленец и здесь не захочет «додумывать»?

Или он скажет, упорствуя, что Церковь благословляет на «грех» и, моля о победе, молит о преуспейании во «грехах»? Но это до него уже говорил Л. Толстой, и говорил он это *не* от православия...

Прежде чем судить об этом вопросе, непротивленцу следует ознакомиться с малым Катехизисом митрополита Филарета²,

написанным особо «для военного сословия»; и с сочинениями митрополита Антония, написанными для военных: и с Катехизисом того же автора, недавно вышедшем в свет. И при всем том я сознательно не упоминаю о всей святоотеческой литературе вопроса, на коей основываются наши Святители, — об Иоанне Златоустом, об Амвросии Медиоланском³ и о многих других...

Не христианство ли воспитало в нас здоровые и глубокие основы правосознания и государственности? Что же, оно воспитало их, отвергая понуждение и пресечение и проповедуя непротивленчество? Кто же из русских православных великих Святителей, строивших Русь, учил непротивленчеству? Феодосий Печерский? Или епископы, советовавшие Владимиру Святому казнить разбойников (С. Соловьев. История России. Т. I. Гл. 7)? Или Сергей Радонежский? Или Петр, Алексий, Иона и Филипп? или Гермоген? Или Филарет и Никон?⁴ Или Серафим Саровский? Или старцы наших дней?

Умно ли ссылаться на грабежи крестоносцев? Разве употребление оружия во зло делает невозможным употребление его во благо? И что может всему этому противопоставить сентиментальный аполитист и толстовствующий непротивленец?

Свое личное «не приемлю»? Но не скромнее ли признать, что это личное «не приемлю» имеет не общее и не публичное значение, а представляет разве лишь автобиографический интерес?

Знаю, что не в газетной полемике разрешать великие вопросы религиозного, нравственного и государственного сознания. Здесь необходимо уравновешенное, полное чувства ответственности за каждое произнесенное слово религиозно-философское исследование. И к нему я отсылаю тех, кто действительно ищет правду.

Но пусть никто не подходит к этим вопросам так, как делает это г. Демидов.

3. ГИППИУС

«Православный» Струве

Я не считаю особенно продуктивной полемику посредством напоминания П. Б. Струве, что в таком-то году он держался таких-то политических взглядов, а теперь высказывает противоположные. Поворот Струве начался давно, и об изменениях своих политических позиций Струве всегда открыто заявлял. Но о перемене взглядов своих на религию, в частности на Церковь и Православие, мы таких открытых его заявлений не слышали. Поэтому мы вправе напомнить о совсем недавней его позиции в данной области, чтобы сравнить ее с той, которую он ныне занял в своей газете «Возрождение».

Существа вопроса, поднятого в связи с докладом Ильина, — вопроса о «религиозном насилии», о «кресте и мече», — я намеренно не касаюсь. По существу, я буду говорить лишь тогда, когда приду к полному убеждению, что мой собеседник тоже берет вопрос по существу, хочет решать его безотносительно, вне зависимости от своих решений в другой области. И я ограничиваюсь пока изложением тех взглядов Струве на православие, религиозную политику и т. п., которые он много раз высказывал и от которых ни разу не отрекался.

В течение нескольких лет, перед самой войной, между П. Б. Струве и группой участников С.-Петербургского религиозно-философского общества велся оживленный спор, мало-помалу перешедший в борьбу. Группа отстаивала связь религии с общественностью (и непременно с ее освободительной линией), крайне отрицательно смотрела на подчинение Церкви автократическому государственному строю, одной из причин этого подчинения считая внутреннюю неподвижность Церкви. П. Б. Струве держался взглядов определенно противоположных. Он, во-первых, отрицал в принципе связь христианства, даже какой бы то ни было религии, с общественностью:

религия — «приват захе»¹. Во-вторых, что касается Церкви, он не придавал важности ее связи с автократией: на православную, «седовласую», по его выражению, Церковь он смотрел просто как на некую добрую необходимость «для народа», — хотя бы в моральном отношении.

Эти взгляды, с большой четкостью высказываемые Струве на собраниях и печатно, привели его к действительному столкновению с группой противников по поводу исключения Розанова из Р<елигиозно-философского> общества. Это было во время дела Бейлиса². Струве признавал, что поведение Розанова — непозволительно с общественной, политической, даже моральной точки зрения. Но *религиозное* общество не может будто бы его за это исключать, так как, по Струве, религия не имеет к этому никакого касанья. Розанова все-таки исключили. Тогда Струве — очень последовательно — вышел из Совета о<бществ>а.

Спор, или борьба, однако, продолжались. Я не могу восстановить сейчас всей линии. Да это и не нужно. Помню, что всякую работу религиозно-общественную Струве называл «демагогией». Именно это было темой моего «открытого письма П. Б. Струве», напечатанного в последней перед войной книжке «Русской мысли» вместе с его ответом. (Приемы полемики в то время были такие, что мы могли спорить рядом.)

Итак — все ясно. Взгляды Струве определены были им самим, с присущей ему четкостью. Что же случилось? Как объяснить, что он стал ныне во главе газеты не просто политической, но православно-политической? Что он грудью защищает «истинное христианство» Ильина с «православным мечом» и крайне подозрительно и насмешливо относится к религиозному «аполитизму»?

Только два объяснения возможны. Не изменился ли Струве коренным образом? Может быть, религия для него уже не «приват захе», «седовласая» Православная Церковь не полезный институт для народных масс, а христианская политика не демагогия? Но если Струве «обрел истину» для себя, то как могло случиться, что об этом — уже не повороте, а перевороте — он умолчал? Вспомним, что именно *религиозный* переворот даже в человеке, менее прямом и открытом, чем Струве, никогда не происходит тайно. Он по природе, по существу таков, что кладет явный отпечаток на дела человека, он требует доказательства. Еще в политике, на худой конец, можно втихомолку сжечь то, чему поклонялся, и обратно; а Струве даже это делал всегда открыто. Как не покался бы он в прошлых «грехах», если б пережил своего рода путь в Дамаск?³

Нет, мы вынуждены отказаться от первого предположения. И вот как приходится объяснить неожиданное «православие» Струве: он коренных своих взглядов ни на христианство, ни на Православную Церковь *не изменил*. Он изменил только свою политику. Эта новая политика (новая для него, сама же по себе — наиболее «седовласая» из политик) требует своих аксессуаров, а главное — известных, испытанных *подпорок*. Одна из таких подпорок — Православие. Что удивительного, кстати, что многие верующие, не мирясь с этой ролью Церкви, пытаются утвердить ее хотя бы аполитизм? Но для Струве иерархия ценностей начинается с политики. Общий же рисунок его религиозных взглядов таков, что никак не может воспрепятствовать использованию Православия; а приспособить эти взгляды внешним образом к данной политике совсем нетрудно. У многих сегодняшних политических единомышленников Струве подобная же иерархия ценностей и подобные же религиозные взгляды: приспособление происходит успешно и даже искренно. В искренности Струве я нисколько не сомневаюсь. Почему, в самом деле, при том взгляде на Церковь, о котором говорилось, не использовать ему для защиты политики Ильина, Шульгина, Ольденбурга⁴ и т. д. то Сергия Радонежского, то Серафима Саровского, от которого при случае можно перескочить к Константину Великому? Не все ли равно, кого потревожить, лишь бы «забились белые сердца» (по выражению Ильина) и годилось бы имя <для> поддержки «седовласой» политики?..

Об этой политике — политике Возрождения — я не буду сейчас говорить. Установим только одно: как ее ни звать — национальной, самобытной, консервативно-либеральной, либерально-консервативной, — все это словесные узоры. Самое точное, строго точное ее название — *реставрация*, восстановление. А самое краткое и несомненное, что можно в данный час истории сказать о политике реставрационной, это что она — гиблое дело.

В. ДАВАТЦ

Соппротивление злу

I

Есть книги, о которых трудно писать.

Не потому, что трактуемый предмет сложен и неясен или оценка спорна и условна. Но потому, что за всей трактовкой и оценкой стоит живой дух и горячая душа. Потому что мало прочесть ее и формально понять, «но, поняв, надо прочувствовать, а прочувствовав, как бы примерить к себе и в этой субъективной убедительности найти подкрепление к ее объективной доказательности».

К таким книгам относится только что вышедшая работа проф. И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой».

Проблема сопротивления злу в наш век столь же отвлеченна, сколь и практически-конкретна, ибо, как говорит автор, «беспочвенно и бесплодно решать вопрос о зле, не имея в опыте подлинного зла». Но в наше время как раз «злу удалось освободить себя от всяких раздвоенностей и внешних препон, открыть свое лицо, расправить свои крылья, выговорить свои цели, собрать свои силы, осознать свои пути и средства». И потому «столь подлинное зло впервые дано человеческому духу и такой откровенностью».

В этом выявлении «подлинного зла вы все явились соучастниками, зрителями и ратоборцами». Но — скажу от себя — выявление «подлинного зла», может быть, заставило упорнее и глубже обратиться к поискам «подлинного добра». И это обращение заставляет нас, в эти годы обожествления материи и человеческих выгод, глубже и трагичнее поставить вопрос об оправдании наших собственных путей, о приобщении их к духу правды и озарении их светом добра.

Вот почему книга И. А. Ильина выходит из рамок философского трактата. Она отвечает чисто практической потребности найти какую-то опору против агрессивного движения злого начала; с какой-то новой точки зрения посмотреть на свое прошлое и в особом аспекте духовного преображения найти свой путь в будущем.

* * *

Прежде всего автор с присущей ему яркостью и точностью мысли разоблачает то учение о «непротивлении злу», которое с легкой руки Л. Н. Толстого воспринималось многими как верное толкование Евангелия. По существу, толстовское «непротивление злу» есть вовсе не «приятие зла» и не подчинение злу; там, где живо хотя бы неодобрение или отвращение ко злу, там есть уже сопротивление злу. Толстовское «непротивление» означает на самом деле противление и борьбу, «однако лишь некоторыми излюбленными средствами». И толстовское учение есть учение «не столько о зле, сколько о том, как именно не следует его преодолевать».

Л. Н. Толстой не видит «связанности людей во зле и добре»; он исходит в своих рассуждениях от неверного духовного опыта, «наивно отправляясь от собственных душевных состояний». Чужая душа не есть для него объект для воздействия; там царит «воля Божия». И если человек испытывает обязанность, то это обязанность личная и субъективная — «не делать зла».

Создается моральное дезертирство перед напором мирового зла, затуманенное проблемой «морального совершенства человека». Действенная любовь заменяется у него чувством жалостливого сострадания, на основе которого рассудок тклет свою теоретическую моральную доктрину. «Любовь» Толстого дает прежде всего самой душе чувство величайшего наслаждения своей праведностью, и все сводится к своеобразному моральному наслажденчеству («гедонизму»).

Правда, моральная душа должна любить так, чтобы быть всегда способной на личную жертву. Но эта личная жертва приносится опять для того, чтобы увеличить наслаждение собственной души, но не для того, чтобы уменьшать содержащееся в мире зло. Потому что всякая жертва должна, по Л. Н. Толстому, идти стезею праведности, и если обстоятельства вынудили бы принести в жертву собственную праведность, то такая жертва, конечно, не увеличит благостности морального гедониста, а потому отвергается. Драматический элемент мира заменяется

слащавой и сентиментальной идеологией. Нет места трагическому. «Добродетель наслаждается своей “любовью”, а порок беспрепятственно поливает свою волю в мире».

Соппротивление злу, раз только оно вышло из пределов личной души и личного понуждения, уже трактуется Л. Н. Толстым как греховное «насилие». Я не могу спасти ребенка, попавшего в руки злодеев, если только мне придется употребить внешнюю силу. Согласно учению Толстого, я могу только, оставаясь праведным, предложить себя вместо этого ребенка и тем показать силу моей «любви», но моя гибель будет «моральна» только тогда, когда я погибну во имя этой сентиментальной любви, но будет греховна, если я погибну в борьбе с насильниками.

* * *

Несколько глав, уделенных И. А. Ильиным учению Л. Н. Толстого, чрезвычайно необходимы как для развития мысли автора, так и сами по себе, вне трактуемого предмета.

Только в чтении этих увлекательных страниц чувствуешь, как толстовское учение глубоко захватило нас, русских, и даже тех, кто не склонен был к толстовскому нигилизму.

Отбросив всю сложность мировой проблемы, гр. Толстой начертал простую и удобную схему; и, создав ее, выдал это учение не за свое, но за учение Христа, очищенное от вековых наслоений. Апеллируя к простым и добрым человеческим чувствам, <таким> как «доброта», «жалость», он скрыл трагический лик истинной, одухотворенной Любви. И поскольку практические выводы из его учения как отрицание форм человеческой общественной жизни были многим чужды, настолько основания его учения в скрытом виде воспринимались в широком масштабе.

Но, кроме общего значения этих страниц, они нужны И. А. Ильину для дальнейшего развития своей книги. Только тот, кто почувствует себя совершенно свободным от толстовской «любви», может следовать за И. А. Ильиным к истокам настоящей Любви. Только тот, кто почувствует всю фальшь сентиментальной философии, может подняться до проблемы борьбы со злом. Только тот, кто освободится от понятия о толстовском «насилии», сможет взять на себя поставленную автором трагическую проблему меча. «Насилие», «любовь», «всепрощение» оказываются после этого духовного освобождения от Л. Н. Толстого гораздо более полными и сложными.

Поскольку для Л. Н. Толстого дело «совершенствования» есть чисто субъективный акт, изолированный от человеческого общества, постольку для него «всепрощение» есть не только индивидуальное право, но и обязанность праведного человека.

Для И. А. Ильина жизнь человека есть его активная борьба со злом, борьба, в которой участвуют, вольно или невольно, все люди, связанные целью добра и зла. И понятно, проблема «всепрощения» не может трактоваться им с точки зрения изолированного человеческого индивидуума.

«Обиженный может и должен простить свою обиду и погасить в сердце свою обиженность, — говорит И. А. Ильин, — но именно его личным сердцем и его личным ущербом ограничивается компетентность его прощения; дальнейшее же превышает его права и призвание. Вряд ли надо доказывать, что человек не имеет ни возможности, ни права прощать обиду, нанесенную другому, или злодейство, попирающее божеские и человеческие законы... В составе каждой неправды, каждого насилия, каждого преступления, кроме личной стороны “обиды” и “ущерба”, есть еще сверхличная сторона, ведущая преступника на суд общества, закона и Бога... Кто дал мне право “прощать” от себя злодеям, творящим поругание святыни, или злодейское соблазнение малолетних, или гибель Родины?»

Христос, призывающий врагов любить врагов, никогда «не призывал любить врагов Божиих... Напротив, для таких людей, и даже для несравненно менее виновных, Он имел и огненное слово обличения». Потому что не личную праведность, не сентиментальное наслаждение собственной жалостливостью проповедовал Христос, но активную борьбу с разливающимся злом.

II

Итак, борьба со злом есть удел человека, живущего по слову Божию. Но в телесном мире эта борьба со злом может потребовать применения физической силы для локализации, пресечения, подавления злых проявлений.

Есть ли это «насилие», есть ли это новая порция зла, которую вкладывает борющийся человек в общее содержание мира? Можно ли осудить запрещение ребенку ехать в бурную погоду на лодке, если для этого пришлось бы запереть его? Есть ли

«насилие», если свяжут человека, в порыве безумного гнева покушающегося на убийство? Нет. «Физическое заставление было бы проявлением зла, если бы оно, по самому существу своему, было противодуховно и противолюбовно». Конечно, это есть последнее средство, которым можно подействовать, и натуры примитивные и грубые могут злоупотребить им. Но, говорит автор, «не наивно ли думать, что бездарный и неумелый хирург компрометирует хирургию? Без крайности не следует ампутировать; значит ли это, что ампутация сама по себе есть зло и что ампутирующий делает свое дело из мести, зависти, властолюбия и злости?»

* * *

Физическое понуждение есть, по И. А. Ильину, крайняя мера, применимая тогда, когда «внутреннее самоуправление изменяет человеку и нет душевно-духовных средств для того, чтобы удержать и остановить его противодуховные деяния». Физическое воздействие допустимо тогда, когда оно необходимо; а необходимо тогда, когда «душевно-духовное воздействие недостаточно, недействительно и неосуществимо».

Уже из этого мы видим, что меч, борющийся со злом, И. А. Ильин считает мерой несовершенной, требующей глубокой осторожности и ограниченности применения. И потому вопрос о праведности или неправедности меча имеет для И. А. Ильина первостепенное значение.

Со свойственной ему определенностью автор категорически протестует против попыток представить дело меча как Божие дело. Исходя из положения, что светская власть учреждена Богом, Мартин Лютер утверждает, что «война есть дело любви», ибо меч «защищает благочестивых... и тем самым предотвращает гораздо большие бедствия». Рука, действующая таким мечом, «не есть уже более человеческая рука, но Божия рука, и это не человек, а Бог вешает, колесует, обезглавливает, убивает и воюет». Иезуиты не доходили до идентификации Божественной и человеческой руки, но допускали — позволение Божие на дурные дела, ибо, по мысли иезуита Бузенбаума, «Бог — Господин всяческой жизни». Иезуит Алагона развивает эту мысль еще отчетливее: «По повелению Божию можно: убивать невинного, украсть, развратничать, ибо Он есть Господин жизни и смерти, и всего, и потому должно исполнять Его повеление».

Против всех этих попыток вовлечь Бога в несовершенные земные дела И. А. Ильин выставляет свое положение, что «меч»

никогда не может быть ни орудием Божиим, ни Его попусти-тельством; такое объяснение вытекает из иудейских традиций Ветхого Завета, когда воспринимается абсолютная Его власть, но забывается Его совершенство. При истинно христианском и евангельском воззрении человек должен помнить, что «не имеет права слагать с себя бремя ответственности и перелгать его на Божество». Он должен помнить, что «эти средства борьбы суть не божественные, а человеческие; они необходимы именно вследствие несовершенства человеческой природы». Человек и обращается к этим средствам потому, что «он сам не Бог», но ограниченный и преданный «слуга Божий». И потому средства эти не «позволены» (иезуиты), не «освящены» (М. Лютер), но «обязательны во всей их несправедливости».

* * *

Итак, путь меча — несправедливый путь, но необходимый вследствие отсутствия праведного исхода. Правитель и воин не должны забывать этого, но сознательно, не перекладывая ни на кого, осуществить подвиг отказа от личной праведности, требующий прежде всего героической души. Ибо уклониться от своей судьбы нельзя — и есть только два исхода: или недостойно отвернуться от борьбы в своем малодушии, или достойно и осмысленно принять ее. «Так слагается один из трагических парадоксов человеческой земной жизни: именно лучшие люди призваны к тому, чтобы вести борьбу со злодеями... и притом вести эту борьбу не лучшими средствами...» Ибо «если бы у всех людей страх перед грехом оказался сильнее любви к добру, то жизнь на земле была бы совсем невозможна».

Но правитель и воин должны сохранять чуткую совесть, чтобы путь несправедливости не превратился в путь греха. В известных, строго определенных случаях человек власти и меча должен уметь совершать поступки, явно расходящиеся с его собственным идеалом святости и совершенства: он должен иметь в себе силу отстранить свое внутреннее «несогласие», удерживать свой личный «протест», победить в себе возможное «отвращение» и совершить необходимое; и не только из дисциплины и по приказу, ибо он сам может всегда оказаться в положении инициатора и приказывающего; он должен быть способен к этому из религиозного чувства по духовному убеждению: принять на себя ответственность и решение приказа, арестовать, приговорить, расстрелять... Но вне действия он должен освещать себя «лучом Божиим», чтобы все благороднейшие силы челове-

ского духа приходили в нем в движение: отношение к Богу, известный суд, воля к безусловной правоте. Необходимо очищение души не для того, чтобы раскаяться и осудить свои поступки, но для того, чтобы приобрести новую духовную силу для новых подвигов борьбы со злом.

* * *

Проблема, поставленная И. А. Ильиным, и ее разрешение найдут, несомненно, живой отклик в душе многих «борцов со злом», рассеянных ныне на чужбине.

Во время галлиполийского сидения, и особенно непосредственно за ним, в Болгарии, совершенно независимо друг от друга очень многие приходили к мысли о необходимости создать полудуховный орден (ген<ералу> А. П. Кутепову известны такие попытки, и он может это всегда подтвердить). Настроение это ярко вылилось в одной статье, написанной в 1922 г. во втором номере издававшегося в Софии журнала «Корниловец». Статья была написана рядовым корниловским офицером¹. С особой убедительностью простоты говорилось там о той идее, «которая нас, галлиполийцев, давно уже мучает». «Жить так, как жили до сих пор, нельзя. Надо что-то изменить и в армии, и в обществе, и в самом себе. Нужно возвращение к исканию Правды. Может быть, меч духовный важнее нам, чем меч вещественный», — говорит автор и предлагает учредить Орден воинов-рыцарей.

Не видна ли в этом та потребность «очищения», которую формулировал И. А. Ильин? Не раскаяние руководило корниловцем, написавшим эту статью, но потребность очиститься от зла, приставшего к боровшимся с ним, как комья грязи. В старые формы светской организации явилась потребность влить новое духовное содержание или, по крайней мере, обновить его. Поэтому для пишущего эти строки совершенно понятен тезис И. А. Ильина:

«И вот, если объединить все государственное начало понуждения и пресечения в образе воина, а начало религиозного очищения, молитвы и праведности в образе монаха, то решение проблемы выразится в усмотрении их взаимной необходимости друг для друга».

Вот почему получает особый смысл и то посвящение, которое предпослал автор своей книге:

«Мыслью и любовью обращаюсь к вам, белые воины, носители православного меча, добровольцы русского государственного

тягла! В вас живет православная рыцарская традиция; вы жизнью и смертью утвердились в древнем и правом духе служения; вы соблюли знамена русского Христолюбивого Воинства. Вам посвящаю я эти страницы и вашим Вождям. Да будет ваш меч молитвою и молитва ваша да будет мечом!».

Н. ВАКАР

По поводу «меча»

На статьи И. П. Демидова в «Последних новостях» проповедник нового христианства И. А. Ильин весьма не христиански выбранился.

«Возрождение» опубликовало фельетон, в котором г. Ильин, курьезно поделив статью на две части (мелким шрифтом — по адресу недостойного Демидова, крупным шрифтом — вообще к благоговеющим народам¹), рассказывает, что г. Демидов поступил с ним, г. Ильиным, недобросовестно, все «сочинил», опустился в споре ниже того «нравственного уровня», на котором стоит спорить, совершил «легкомысленную и злую выходку».

Так теория о «сопротивлении злу» устами самого автора приобретает наконец формы практического осуществления.

Речь, однако, не об этом. Г-н Демидов, если найдет нужным, сам на это ответит.

* * *

Понимая борьбу со злом только как *сопротивление*, г. Ильин выдвигает и защищает мысль о «православно обоснованном мече». Что это значит, не совсем понятно, потому что г. Ильин тут же оговаривается, что «православное обоснование» отнюдь не надо принимать за «оправдание» или за «освящение». Сам нанеся, таким образом, ущерб своему основному утверждению, г. Ильин тотчас же подпирает его костылем, занятым в Катехизисе митр<ополита> Филарета: казнь «православно обосновывается», говорит он, тем обстоятельством, что христианское сознание «допускает ее как необходимость» в тех случаях, когда исчерпаны все иные меры «сопротивления злу».

Первоначальное утверждение и обещанное «обоснование» меча и казни за ненахождением достойных аргументов поневоле сводится г. Ильиным всего только к *допущению* их христианским сознанием, что, очевидно, не одно и то же.

Если дело только в этом, то, собственно говоря, не из-за чего ломать копий: христианское сознание последних семнадцати веков шло ведь еще дальше и не только «допускало», но и само устами Церкви вооружало мечом не только в случаях «необходимости», но даже в случаях церковно-политической (напр<имер>, инквизиция XIII—XV веков) или административн<ой> (напр<имер>, папа Александр VI²) *целесообразности*. Причем папа Павел IV³ инквизицию (сжегшую с 1481 по 1809 г. — И. А. Ильин согласится: без крайней «необходимости» — 31 912 человек) называл «благодатным внушением Св. Духа».

Г-н Ильин, может быть, негодуяще скажет: это к деду не относится, потому что это *католики*.

Что же, оставим католиков в стороне. В Своде законов Российской империи, т. I, г. Ильин читал или может прочесть, что еще не так давно (всего десять лет назад) главою *православной* Церкви был *опоясанный мечом* самодержец, «осуществлявший управление Церковью через посредство Св. Синода и пр.»... Обоснование для «православного меча» несколько более твердое и внушительное, чем речи, статьи и даже книги г. Ильина.

Возможно, впрочем, что г. Ильин не хочет или не решается идти так далеко; однако для такого предположения нет, к сожалению, больших оснований. Недаром автор «новой теории» ищет свои аргументы преимущественно в церковно-исторической практике Откровения и избегает искать их в самом Откровении.

* * *

Дело, однако, не просто в «сопротивлении злу».

Г-н Ильин ведь проповедует не правило личного поведения христианина, а некую общую максиму и возлагает задачу ее осуществления на *государственную власть*, которой-де отдельный христианин должен передоверить лично им ведомую борьбу со злом.

Здесь под «мечом» г. Ильина шевелится иная проблема, более существенная и важная.

Проблема эта тоже не нова и уже имела ряд разрешений на протяжении христианской истории, в частности и по преимуществу такие же, какие теперь снова предлагает г. Ильин. По существу, ее можно выразить так:

— Как служить миру сему, Мамоне⁴, сохраняя спокойную совесть для ответа Господу Богу?

Этого вопроса не существовало для первого христианства, так как оно не ставило перед христианином проблем вне внутреннего мира человека; поэтому, с другой стороны, оно и не требовало от христианина *ухода от внешнего мира*. Кесарево воздавалось кесарю, а Божие — Богу.

С возникновением «христианского государства» рядом с проблемой духовного *воскресения* человека впервые стала проблема внешнего *устроения* человека: устроения мира, а тем самым и службы миру. И как только Церковь этим занялась, тотчас же христианин ощутил непонятную до тех пор потребность... уйти от мира. Не случайно монашество возникло только в IV веке. Христианин *бежал* от внешне навязанного ему «христианского общества», от Мамоны, прошедшего через обряд крещения...

Г-н Ильин хочет повторить этот опыт, снова желает «Божье» передоверить «кесарю» и по рецепту баптистов вновь окрестить вошедшего в сознательный возраст «Мамону»⁵. Желает же он этого потому, что в «государственном властителе» видит «Божьего слугу для наказания преступников и злодеев и для заграждения уст безумных людей». В доказательство ссылается на ап. Павла:

«Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее. Ибо начальник есть Божий слуга тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Римл. 13: 3—5).

Г-н Ильин, может быть, не учел, что эти слова были сказаны по поводу не какой-либо иной, но *логической* (и враждебной христианст<ву>) власти. Ссылаться на них *в том смысле, какой им приписывает г. Ильин*, можно в наше время совсем не в защиту и в оправдание того, что хочет защищать г. Ильин, а как раз наоборот. Например, для защиты и оправдания... большевистской власти, тоже вроде как бы «языческой» и к христианству враждебной, тем более для оправдания и защиты прочей современной власти, *равнодушной* к христианской Церкви...

Выделив в словах ап. Павла одно и придав выделенному формально-нормативный смысл, г. Ильин пренебрег другим: цитируя 13-ю главу Послания к Римлянам, он пренебрег предшествующей ей, двенадцатой, где по общему с 13-й главой поводу написано:

«И не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, *чтобы вам познавать*, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная (12: 2).

...но думайте скромно, *по мере веры*, какую каждому Бог уделил (12: 3)... Благословляйте *гонителей* ваших, благословляйте, а не проклинаяте (12: 14).

...Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (12: 18).

А приведенная самим г. Ильиным цитата кончается так:

«...надобно повиноваться не только из страха наказания, но и *по совести*»⁶ (13: 5).

Это, как и многое, что можно извлечь из Св. Евангелия и Апостольских Посланий, определяет смысл цитаты о «Божьем слуге» существенно иначе, чем того хочется г. Ильину.

Первое христианство оставляло за сыном Церкви полную свободу по совести (в меру своего христианского разумения, или, по слову св. Иоанна Лествичника, «в меру возраста во Христе») самостоятельно определять свое личное отношение к внешнему миру (государству, обществу, власти). Советы же, как поступать в таких случаях, не воздвигались в общеобязательную норму.

Правда, признавалось, что «сей мир» пребывает во зле, и христианину вменялось в долг бороться со злом. Эта борьба, однако, отнюдь не была похожа на «сопротивление» и по самой своей приводе никак не могла быть передоверена «государственной» власти. Тот же ап. Павел пишет:

«Итак, если враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья. Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (12: 20—21).

Это уже не сопротивление злу (Ветхий Завет), а преодоление и претворение зла и преобразование злодея (Новый Завет).

Конечно: «Могий вместити, да вместит...» Но от неспособности «вмещения» г. Ильину не следует пытаться возводить человеческую немощь во Христову заповедь.

* * *

Всякая власть при известных условиях признавалась за благо. Она тогда благо, когда борется с тем же злом, с каким борется христианин. Но власть борется со злом *иначе*, чем борется христианин, причем часто и зло понимает иначе, чем христианин. При этом, по-видимому, прежде понималось так: если за-

дачей «кесаря» было сопротивление злу, то «Божьим делом» было преодоление и преобразование зла. Когда же, несмотря на это, «государственный властитель» отождествляет *свою* борьбу с делом Христовым, христианин бежал от него в монастырь, в секты, в пустыню... бежал от лжи и лицемерия Христовым именем.

* * *

Именно государственная власть — всякая: христианская и нехристианская — боролась и борется со злом посредством *сопротивления злу* в меру своего разума о зле (и именно по формуле г. Ильина: от «неодобрения» до «тюрьмы» и «смертной казни»).

В христианстве, особенно же в православии, — и это ничуть не толстовство, как пытается изобразить г. Ильин, — вместо проблемы «сопротивления злу» с первых веков по наши дни, пусть исторически затуманенная и помутненная, но по-прежнему живая и истинная, стоит иная проблема — проблема *преодоления зла*. Точнее и правильнее — не только преодоления, но *преобразования и претворения зла*.

Это совсем не то, что «сопротивление» и «православно обоснованный меч».

Г-н Ильин, однако, настаивает: кесаря произвести в «Божьи слуги», окрестить и оправославить; на дела его наложить христианскую санкцию; оставив все по-старому (ибо что же г. Ильин сказал нового?), прибить на фронтоне вывеску: «Православно обоснованный меч!».

Неужели — не «философически», а попросту «почестному», положа руку на сердце, — он действительно думает, что в результате; явится большее, чем неискusная и лицемерная *симуляция* христианского общества?

Л. ДОБРОНРАВОВ

Единый путь

Оправдание меча и убийства

I

Полемика о «православном мече» между проф. И. Ильиным и г. Демидовым из «Последн<их> нов<остей>» интересна потому, что касается вопросов очень больных для христианского сознания всех времен, а нашего в особенности, так как в атмосфере христианского возрождения, замечаемого всюду, современный христианин, притом христианин православный, сызнова мучительно решает для себя вопросы о христианстве и государственности, о насилии, о допустимости убийства.

Проф. И. Ильин, обращаясь к тем, кто «по совести ищет правду», заявляет, что «государственность, и меч, и сопротивление злодеям силою приемлемы для православного христианина».

Все это он «православно обосновывает», ссылаясь на то, что, по странному выражению проф. И. Ильина, «изобретение этого обоснования целиком заключено в Апостольских Посланиях».

Ссылка проф. И. Ильина прямо на Апостольские Послания, минуя Евангелие, очень характерна не только для данного случая, но и для всего православно-утилитарного мировоззрения г. Ильина.

Нам кажется, что для установления христианского взгляда на государственность следует обратиться к первоисточнику христианского учения, к Евангелию, сохранившему точные слова об этом предмете самого Иисуса Христа.

Когда фарисеи задали Христу провокационный вопрос о том, платить ли подать Кесарю (т. е. подчиняться ли тогдашней римской власти), думая обвинить Христа в антигосударствен-

ной проповеди, Христос ответил: «Воздайте Кесарево Кесарю, а Божие — Богу».

Был ли это уклончивый ответ? Нет, это прямой ответ, и иначе не мог ответить Тот, Кто сказал: «Царство Мое не от мира сего».

Этим ответом проведена непреходимая черта между царством Кесаря и Царством Божиим, Царством Христовым; определена граница между царством, покоящимся на насилии, угнетении и несправедливости, и царством любви, прощения и свободы.

И с тех пор вся история человечества представляет собою борьбу между царством Кесаря и Божиим, борьбу, конечную цель которой христианские мыслители видели в торжестве на земле Царства Божия и весь смысл исторического процесса полагали в этом конечном торжестве (Влад. Соловьев).

Совокупность целей и идейного содержания, образующих царство Кесаря, и совокупность целей и идейного содержания царства Божия не только различны, неслиянны, но взаимно друг друга исключают, что обусловлено самой их природой.

II

Однако апостол Павел уже писал в Послании к Римлянам: «Всяка душа властям предержащим да повинуется. Нет власти не от Бога...». И дальше: «Всякий противящийся власти, Божию повелению противится...»

Тут не только подчинение христианина царству Кесаря. Тут большее: признание его равносущным царству Божию, тут начало скрытой капитуляции христианства пред царством «мира сего». И этот трагический компромисс между Церковью и государственностью отбросил свою мрачную тень в долготу истории, и следы его мы видим на всех исторических путях.

Эти слова апостола повторит в более резкой форме Боссюз: «Престол короля есть престол Божий».

Эти слова вызовут византийское искажение христианской идеи.

Эти слова апостола станут могущественным орудием в руках Кесарей всех времен и всех народов *в борьбе их с царством Божиим*.

Так и случилось.

Область практического применения этих слов, санкционированных авторитетом апостола, все расширялась и расширялась в соответствии с государственными и историческими нуждами,

и наконец в России один из крупных иерархов заявил на миссионерском съезде в 1913 г., что «становой пристав — от Бога».

III

Великая трагедия христианства заключается в том, что наследники Христовы сделали уступку жизни, смягчили категоричность непреложной Христовой истины, запечатленной крестной жертвой на Голгофе, приспособили ее к житейским условиям. Из этого компромисса выросло так называемое историческое христианство, появились различные образы исторических христиан, в зависимости от историко-бытовых условий времени. И тщетно стали бы мы искать черты евангельские в кёльнском, например, архиепископе, служившем обедню в сапогах со шпорами и с кинжалом у пояса, не потому что ожидалось нашествие неприятелей, а потому, что его высокопреосвященство очень спешил на охоту.

В своей статье «Отрицателям меча» проф. И. Ильин игнорирует Евангелие, которое является для нас единственным первоисточником Христовой истины и единственно правильным и точным критерием для суждений о христианской природе общественных и государственных явлений.

Проф. И. Ильин предпочитает со своими «философскими воззрениями следовать за церковной традицией», т. е. ссылаться на нечто производное, возникшее «по нужде», на некий практический бытовой «узус»¹.

Проф. И. Ильин категорически признает государственность «приемлемой для православного христианина». Так как г. Ильин не ограничивает понятий государственности, то, несомненно, он совпадает с апостолом, признающим *всякую* государственность.

Но даже апостол, смягчая жестокость своей формулы, пояснил, что начальник — «Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое». Это, конечно, теоретическое представление о *христианском* начальнике, стоящем на страже некой нравственной истины, а никак не актуальная характеристика того языческого правителя, который был приравнен к исполнителю воли Божией.

Вот, например, советская власть. Как с ней быть? Проф. И. Ильин, несомненно, согласится с нами, что христианская истина есть не только предмет для тех или иных философских соображений, что совершенно несущественно для истины, а импе-

ратив для практической деятельности каждого, именующего себя христианином.

Есть ли, по проф. И. Ильину, и советская власть «от Бога»? Ведь «от Бога» была объявлена языческая власть, возглавлявшая гонение на христианскую веру. И сопротивление этой власти есть ли сопротивление воле Божией? Судя по общему *тону* рассуждений г. Ильина, он признает законной только ту государственность, которую можно «обосновать православно». Но тут он произвольно ограничивает апостола Павла, признавшего Божеской власть языческую, которую ни с какой стороны «православно» не обоснуешь. (Между прочим, любопытно, что живая Церковь, искажая учение Христа, «обосновывает» советскую власть точно так же, как проф. И. Ильин обосновывает приятие государства, теми же цитатами.)

За кем следовать в данном случае? За апостолом или за его Учителем, который, будучи искушаем диаволом в пустыне, отверг земную власть над царствами как власть диавольскую?

Так говорит Евангелие.

Проф. И. Ильин этого вопроса не касается. По его мнению, «в мудрых словах апостольских все выговорено определительно и недвусмысленно: и задачи правителя, и цель, для коей он носит меч, и критерий истинного правления, и допустимость казни, и мера применимости меча...». Опять — это идеал христианского правителя, а никак не образ той языческой власти, существо и формы которой противоречили этим словам и которую тем не менее категорически повелено было признавать исходящей от Бога.

На словах апостола никак нельзя обосновать «приемлемости» государственности для христианина. Приемлемость власти есть признание ее неизбежности. Оно есть в словах Христа: «Воздадите Кесарево»... но к христианству это не имеет отношения. Сам Христос отделил Царство Свое от царства Кесаря, которое есть зло, зло не умозрительное, но реальное, и задача христианина заключается в изменении этого зла, в превращении его в добро, в насыщении его духом христианской истины и в подчинении ей, а не наоборот, и отнюдь не в признании его благословенным.

IV

Не надо упускать из виду того, что языческая государственная власть, признанная апостолом безусловно, передаваясь по наследственности в формах своих, внутренне не христианизир-

ровалась, оставаясь языческой. Об этом мы можем судить не только по истории государственных учреждений Рима и Византии, но и по рецепции римского права, в основах которого лежали «*bona fides*» и «*aequitas*»², не замененные новым христианским фундаментом. Так называемое христианское законодательство является совокупностью норм, возникших вследствие компромисса между языческой реальностью и христианской теорией.

История христианства и есть история компромиссов, возникших вследствие тесного сближения Церкви и государства. В данном случае очень любопытна практика католической Церкви. Во время французских королей Церковь учила, что только королевская власть угодна Богу и есть единственно законная власть. Но во Франции произошла революция и была установлена республика. Церковь стала учить, что форма республики есть законная форма правления, угодная Богу, но *одновременно* в королевской Баварии исповедовала законность только королевской власти. В каком из двух случаев католическая Церковь следует христианской истине?

Православная русская Церковь, создавшая несравнимые по красоте и величию христианские образы, украшенная праведными и мудрыми иерархами, триста лет призывала народ служить помазаннику Божию, и всякое нарушение против него считала столь тяжким и важным грехом, что нарушала для него даже тайну исповеди. Беспрекословное подчинение самодержцу и любовь к нему Церковь считала *необходимым* для спасения души. В архиве Святейшего Синода хранится (хранилось) предложение Петербургского протопопа, иерея Лисицына, который в 40-х годах прошлого столетия писал Синоду о необходимости изменить великое славословие так: «Слава в вышних Богу, а на земле мир его императорскому величеству благочестивейшему государю императору Николаю Павловичу всея России...».

Связь Церкви православной с государством была столь тесна, что, например, в делах раскольников трудно было разобраться, где кончается компетенция Синода и начинается Министерство внутренних дел, и наоборот, ибо арестовывали и сажали в тюрьмы за веру по «представлению церковного начальства», а легализация церковных общин принадлежала государству. Государственность полонила Церковь.

Но вот случилась революция — восстание против поставленных от Бога властей, с православной точки зрения бунт против помазанника Божия.

Что же Церковь? Отвергла новую незаконную власть? Увы, нет. На другой же день она молилась за «Временное правительство», причем местами его величали даже «благочестивым». Абсурд!

И до этого абсурда российская Церковь дошла только потому, что «православно обосновывала» государственность, подобно проф. И. Ильину.

Царство Кесарево не то же самое, что Царство Божие. В каком-то историческом плане, в каком-то грядущем отдалении оно может переродиться, но, перерождаясь, утратит свои типические черты, которые в настоящее время слишком заостренно неподвижны.

V

Желая обосновать «православно» государственный утилитаризм, проф. И. Ильин цитирует апостола Петра, толкуя его при этом весьма своеобразно.

«Итак, будьте покорны всякому начальству для Бога, — говорит апостол, — царю ли как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро, ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей...»

Здесь две мысли: о целях власти и о целях христианского поведения, «чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей». Чем? Апостол ясно говорит — «добром».

А проф. И. Ильин толкует совершенно неожиданно и весьма своеобразно. Он говорит — и еще курсивом, — что *государственный властитель* носит меч... и для «заграждения уст безумных людей». Столь распространительное толкование искажает слова апостола. Почему проф. И. Ильин и в данном случае поднимает меч за апостола, совершенно непонятно. (Впрочем, англичане отрубили голову Иакову I³, ссылаясь на библейский стих о том, что нечестивые да погибнут, а потому воля Божия, чтоб король был убит.)

Вообще, с толкованием «церковной традиции», на которую безоговорочно ссылается проф. И. Ильин, у него не все обстоит благополучно. Так, напр<имер>, проф. И. Ильин в подтверждение того, что убийство на войне в качестве общей нормы не есть грех, цитирует каноническое правило Василия Великого:

«Убиение на брани Отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия».

Проф. И. Ильин эти ясные слова тоже понимает по-своему, т. е. так, как ему для его целей надо. Он думает, что Василий Великий не считает грехом убийство на войне... А между тем Василий Великий говорит определенно: «извиняя поборников целомудрия и благочестия», иными словами, «целомудрие и благочестие» являются, говоря современным языком, «смягчающими вину обстоятельствами» и упоминание о них только подчеркивает, а не устраняет самый факт вины.

В поисках «церковной традиции» проф. И. Ильин прибегает даже... к православному требнику, не имеющему догматического значения и представляющему собой собрание церковных обрядов и способов совершения таинств, и даже к малому катехизису Филарета, «написанному особо для военного сословия», как будто бы для военного сословия обязательны одни христианские истины, а для гражданского сословия — другие, подобно тому как есть портные для г.г. военных и для г.г. штатских.

VI

В прямой связи с «христианским» обоснованием государственного насилия проф. И. Ильин подходит к «обоснованию» высшей степени насилия — к смертной казни.

Проф. И. Ильин знает, что христианская истина абсолютна. И тем не менее он говорит: «Казнь... не оправдана, и не освящена, и не свята, и не священна. А только *допущена*, т. е. не воспрещена, и не отвергнута, и не проклята, а *прямо предудказана* в меру ее необходимости и применительно к злодеям».

Неправда! Христос сказал: «Не убий»! Бог запретил это. И это категорическое повеление Божие было путеводным лучом в самые свирепые времена истории: а все-таки вечная, высшая истина — «не убий»!

Для христианского сознания всегда будет трогателен образ св. Николая Чудотворца⁴, остановившего смертную казнь, которая, по проф. И. Ильину, — «не оправдана, и не освящена, и не свята, и не священна. А только допущена, т. е. не воспрещена, и не отвергнута, и не проклята, а *прямо предудказана*...»

А православный святитель, храня в сердце своем «не убий!», остановил меч палача.

Кто же устанавливает эту «меру необходимости», кто определяет наличие «злодейства»? Власть. Существует ли такая абсолютная «мера необходимости», ради которой *должно* нарушить абсолютную истину?

Отвечу словами Афанасия Великого⁵, на которого ссылается проф. И. Ильин: «Одно и то же, смотря по времени и в некоторых обстоятельствах, не позволительно, а в других обстоятельствах и благовременно, допускается и позволено».

История уголовно-политических учений от Платона до наших дней показывает, как текуче, изменчиво и непостоянно и содержание самого преступления, и точки зрения на него светской власти, которая сегодня не считает преступным деянием то, что вчера считала тягчайшим преступлением, как условно и зыбко то, что проф. И. Ильин считает «мерой необходимости».

В вопросе о смертной казни, которую проф. И. Ильин отстаивает с набожной кровожадностью, он призывает к себе на помощь... поэта Жуковского⁶, предлагая «прочесть со вниманием, что написано об этом предмете русским православным мыслителем, с душою нежною и чистою — Василием Андреевичем Жуковским. В своем глубоком и полном внутреннего религиозного чувства очерке “О смертной казни” поэт ставит вопрос о том, как надлежит поставить самую процедуру казни для того, чтобы она не развращала людей, а воспитывала их в христианском духе взаимной любви, покаяния и совместной молитвы...»

Конечно, это замечательно трогательно: престарелый поэт, «душа нежная и детски чистая», покоясь на шитых подушечках во дворце, умиленно думает о том, как бы понежнее «поставить самую процедуру казни для того, чтобы она... воспитывала... в христианском духе взаимной любви» (убиваемого к убивающим и наоборот?)...

Елейное, сюсюкающее, чисто карамазовское сладострастие.

Я предпочитаю сослаться на другого «православного мыслителя», который *знал, что такое* смертная казнь, который сам стоял в смертном саване на эшафоте в ожидании казни и который много лет спустя с содроганием называл ее «ужасом» и «мукой, превосходящей силы человеческие».

Свидетельству Достоевского можно верить; за ним *личный опыт*. Жуковский же со своей «душою нежною» и с елейно-прииторным рассуждением просто отвратителен. Тут в душе рекомендованного «православного мыслителя» есть какая-то морщинка, в которой кроется сатанинская улыбочка.

Тот же Достоевский рассказал, как к осужденному на смертную казнь Ришару явились местные ханжи, уговаривая его «умереть во Господе». «Брат наш Ришар, умри во Господе!»⁷

Не правда ли, умирительно? Совершенно во вкусе проф. И. Ильина и Василия Андреевича Жуковского, с «душою нежной и детски чистою»!

VII

Проф. И. Ильин признает, что «эта проблема глубока и трудна; она требует не только новых понятий, но обновления всего духовного опыта, долгой, углубленной подготовительной работы...».

Несомненно, для того, что проповедует проф. И. Ильин, необходим специальный душевный закал и, чего не говорит он, сознание необычайной мировой ответственности, ибо отвергнуть абсолютную Христову истину и тем самым зачеркнуть христианство, подменив Божественное *долженствование* практической *неизбежностью*, дело страшное по своим последствиям.

Еще одна ужасная подробность, о которой умалчивает проф. И. Ильин. К осужденному на смертную казнь, на высшую муку на земле — *знание часа своей смерти*, — пред которым дрогнул и «смутился духом» даже Богочеловек, прося: «Господи, да минет меня чаша сия», — к осужденному на эту муку власть посылает духовника для «последнего напутствия», для того чтобы отпустить ему и тот грех, за который он приговорен к смертной казни.

Здесь нет Христа!

Лишает жизни царство Кесаря. В Царстве Божием есть только «не убий!». В царстве Кесаря — земная *неизбежность*. В Царстве Христовом — светлое *долженствование*.

«Мир весь во зле лежит». И царство Кесаря есть зло, с которым необходимо бороться для его преображения в добро, но не следует оправдывать зло и сводить христианскую истину с Евангельских высот до уровня вспомогательного утилитарно-государственного средства. Никакие религиозно-философские исследования не смогут исказить точных и ясных слов Христа, сказанных в долготу веков, и которые «не прейдут».

Е. КУСКОВА

Религия мести

I

Что было самым отвратительным в большевизме, это культ мести. Маленьких детей считали преступниками за то, что они смели родиться от помещика, чиновника, дворянина. Что они — люди белой кости. С другой стороны, людям черной кости внушалось: вот твой классовый враг... Бей всячески... В такие психопатические времена, как наше, внушение даром не проходит. Оно — не пустой звук. Оно — заражает, воспитывает, оно — сила. Вот почему так быстро разливается зараза классовой ненависти, мести — без пощады и без «слюньювой человечности». Гуманизм — не в моде.

Однако было бы вопиющей несправедливостью решительно все валить на большевизм. Вот, дескать, черти против святых... Ужас положения в том, что все стали до известной степени чертями. Одни захлебываются от сладострастного удовольствия при священном имени Муссолини, при словах «сильная, твердая власть», другие повторяют бессмысленные слова о «святой мести», совершенно забывая, в какой горючей для всякой ненависти атмосфере мы живем. И лишь слабый голос какой-нибудь организации вроде «Лиги защиты прав человека и гражданина» напомнит иногда об иных принципах и иных заветах. В Праге Педагогическим бюро издана книга «Дети эмиграции» — анкета о пережитом, собранная среди более чем 2000 эмигрантских детей. Здесь не место входить в обсуждение, насколько целесообразно с педагогической точки зрения вызывать в детской памяти чудовищные образы и эпизоды русской революции. Этот вопрос заслуживает особого обсуждения особенно потому, что не все правдиво и не все «из пережитого» в этой книге детских показаний. Много есть от взрослых, от слышанного, от мнений, большею частью чужих, а не от соображений самого ребенка.

Опасность подобного рода эксперимента поняли сами педагоги. Они снабдили книгу своими статьями, в которых поднимают вопрос о *мести* за пережитое. Они говорят о желательности прощения, о нежелательности мести... Разбудив в детях демона злобы, они пытаются убрать его обратно педагогическими наставлениями...

Вот на это-то деяние педагогов и набрасывается буквально с пеной у рта г. Арцыбашев¹ в № 194 газеты «За свободу»². «Категорически отрицаю, — пишет он, — мертвую мораль всепрощения, может быть, и очень прекрасную в идеале, но в действительной жизни выгодную только для мерзавцев и преступников всякого рода... Нет, русские дети, не забывайте никогда, что сделали с вашей родиной, с вашими отцами, братьями, сестрами и матерями, с вами самими. *Если мы окажемся способными это забыть и простить, то, значит, мы были достойны того, что с нами сделали...* Но и умирая, мы сохраним и унесем в могилу то последнее, что у нас осталось: “Мой третий клад — святую месть”». То, что г. Арцыбашев преподносит детям и публике в публицистике, проф. Ильин облекает в форму философии религии. Он всюду читает доклады о допустимости поправления зла с точки зрения православия. И тоже — «святая месть»... Месть, святая месть становится понятием модным, завлекательным, заполняющим пустоту души.

Как к этой проповеди относиться? Совершенно определенно: она отвратительна с моральной стороны; она опасна — с практической.

Разберем сначала моральную сторону этой проповеди. В России никогда не имела успеха теория непротивления злу Толстого. Именно Россия явила миру образы борцов революционного типа. Желябов, Перовская³, сотни других борцов отдавали жизнь за *отпор злу*. Но террор народовольцев был прежде всего *орудием борьбы со злом*, он был действенной силой, направленной прямо против врага. Правда, часто это квалифицировалось не как орудие борьбы, а как орудие мести: казнь за казнь. Но главное значение террора было в борьбе со злом, в прямой с ним схватке, в *отпоре злу*, а не в мести.

Как бы ни относиться к террору с точки зрения его политической целесообразности, как орудия борьбы, моральная высота его носителей не оспаривается даже его ярыми противниками: это был подлинный героизм и самопожертвование во имя *отпора*, во имя *прямой борьбы, на месте совершения зла*.

Вот этого качества нет в писаниях г. Арцыбашева и г. Ильина. Оба они жили в России в самые страшные периоды больше-

вистского террора, когда мысль работала лишь в одном направлении: *как этому дать отпор?* Как остановить? Как спасти? Как уменьшить жертвы? Вот в это время не было слышно голосов ни г. Арцыбашева, ни г. Ильина. Там, на месте зла, они ни сами не ввязывались в борьбу, ни других не звали к «святой мести». Запомнилась также недавняя статья г. Арцыбашева об отъезде в Россию покойного Бориса Викторовича Савинкова. Он, говорит, ехал на совершение акта... Отчасти и потому, что я, Арцыбашев, писал ему об этом. Помню, с каким отвращением прочла я тогда это место... Я, Арцыбашев, пишу ему, Савинкову, чтобы он, Савинков, совершил акт мести или борьбы, все равно... Не стесняется также г. Арцыбашев обзывать всю эмиграцию воблой, слякотью и пр. Ну отчего бы ему в *бытность свою там, в России*, не показать доблестного примера? Здесь он ссылается на пример Фанни Каплан и Канегиссера⁴. Всегда убедительнее свой пример, а не чужой, убедительнее сказать — я убил, я убью, чем повторять в каждой почти статье «*пусть он убьет*», «он убил»... Теперь она взывает к детям: мстите, не забывайте, ненавидьте. А я?.. Ну, а я буду писать об этом, сидя в Варшаве... Ибо пять лет прожил в самом пекле зла, не догадавшись совершить ни одного акта «святой мести». Тогда бы лучше... А не теперь, *post factum*...

«Если мы, — пишет г. Арцыбашев, — окажемся способными это забыть, простить, то, значит, мы были достойны того, что с нами сделали». Не так построена фраза. Да, мы достойны того, что с нами сделали, ибо *не смогли дать отпора там, на месте зла*. Не кто-то что-то сделал с нами, а мы сами не нашли или *не могли найти средств* для парализования зла в момент его разлития и атаки. Даже лучшие люди белого движения гораздо меньше думали о способах отпора, чем о карах и мести за совершенное. Воблой русские люди оказались не здесь, в эмиграции, когда из-под ног их уже уплыла почва, арена для борьбы со злом, а там, на месте, где это зло начиналось, где оно разливалось, как при ветре лесной пожар. Там не хватило сил, там и проиграли сражение. А теперь, сидя здесь, в относительной безопасности, учат малых детей святой мести... Поздно и...

II

Призыв к мести находит достойных слушателей, найдет он и исполнителей — на другой день после победы... мстителей. Какого рода эта святая месть? самого различного, в зависимости

от темперамента. Вот широко распространяется брошюра какого-то А. Д-на «Евреи в России»⁵. Брошюра имеет три главы, написанные куда более страстно, чем советы г. Арцыбашева Савинкову «убить их». Глава первая — исторические справки. Глава вторая — преступление евреев. Глава третья — возмездие. Первые главы обычны для такого рода произведений: большевизм — это дело исключительно еврейства. Дается соответствующая порция «истории». Факты приводят к общему выводу: «Евреи достигли своих стремлений — от царской России ничего не осталось. Евреи празднуют свою победу, овладев шестой частью земного шара и упиваясь кровью 140-миллионного населения России. В этом отношении мировое еврейство превзошло свою секту хасидов».

Однако, несмотря на «победу евреев», придет время, когда победит какое-то «законное русское правительство». Это русское и законное правительство прежде всего должно будет заняться актами «святой мести», возмездия. «Русский народ по природе своей добр и в своем историческом существовании много претерпел. *Но простить евреев — значило бы показать рабское понимание событий и своей силы*; простить евреев — значило бы выказать преступное национальное малодушие. Ибо, чтобы простить, *надо забыть все то, что ими содеяно*, надо предоставить евреям захваченное ими положение командующих. Но разве можно забыть, когда... будут постоянно вспоминаться, чудиться и мерещиться предсмертные стоны, хрипы и крики замученных в чека и расстрелянных родителей, детей, родных и друзей?»

«Всех евреев, — продолжает автор, — надо разделить на четыре категории. Первая — самая влиятельная. Для них, евреев первой категории, *не может и не должно быть нигде, никогда, никакой пощады*» (курсив автора). К ним примыкает вторая категория — еврейская молодежь, этот главный пособник революции. «На совести их лежит истребление бесчисленных жертв христианского населения. Поэтому и эта категория евреев не заслуживает помилования». А так как при приходе законного русского правительства евреи разбегутся с чужими паспортами, то «всему заграничному обществу и властям» надо быть осторожными и, не полагаясь на паспорт, *посматривать на носы и уши предъявителей*. Третья и четвертая категории — менее виновные. Это — пожилые евреи и т. д., и т. д. Так вот, эти «менее виновные» и «составят козлище отпущения за все прегрешения их собратьев и всего еврейства против России: на них обрушится весь гнев народный». Ну а затем, когда чувство мес-

ти будет насыщено, законное русское правительство должно будет «восстановить существовавшее до войны и революции положение вещей со всеми бывшими тогда для евреев ограничениями». Кроме того, следует «признать всех евреев в России иностранцами, лишенными поэтому всех прав политических и ограниченных в правах гражданства».

III

Человеку, стоящему на точке зрения арцыбашевской святой мести, нельзя запретить плести весь этот кровавый бред, нельзя запретить искать виновных там, где он их видит совершенно своему пониманию: этот человек, быть может, был самым отъявленным трусом в тот момент, когда нужно было не мстить, а дать *отпор* осуществляемому насилию. Но при «законном русском правительстве» он расправит свои трусливые члены и будет яростно отдаваться «чувству святой мести». Особенно если за спиной его будет стоять «подходящее правительство». Люди, не способные к отпору прямому и опасному, так часто бывают невероятно злы в мести за каким-нибудь прикрытием...

Педагогический съезд в Праге в июле этого года вынес резолюцию, обращенную к России. В ней он протестует против «системы, сознательно прививающей детям чувство классовой ненависти и вовлекающей детей в борьбу с верой и Церковью». Нужная резолюция. Но к ней надо было бы прибавить вторую: против людей, призывающих в наше зверское время к «святой мести» против *никому не известного* виновника. Ибо нет такого человека, который с персональной точностью указал бы виновных за *преступления революции*. Призывать же к мести какому-то неизвестному коллективу — значит идти по дороге произвола и нередко попадать в кроваво-злобные объятия автора вышеуказанной брошюры. Люди, не сумевшие дать отпор своевременно, не должны призывать к мести. Они должны осознать происшедшее и закалить себя не для советов Савинковым, а для собственной активной борьбы.

3. ГИППИУС

Черта непереступимая

(Из современных разговоров)

Пессимист. — Как вы пережили ваше недавнее разочарование?

Оптимист. — Я разочаровался? В чем?

П. — Да в новой газете Струве, конечно. Помните ваши надежды на соби́рание эмиграции к «центру», на образование даже двух центров, правого и левого? Разве вы не думали, когда появилась эта газета, что она образует правый центр? С какой быстротой должны были разрушиться ваши надежды!

О. — Но вы ошибаетесь, я их не имел с самого начала. Между прочим, потому, что уже знал, — воспользуюсь выражением самого П. Б. Струве — о его «личной негодности» для центра. Несколько лет тому назад П. Б. при мне, со свойственным ему тяжелым блеском, доказывал: нет ни одного наиправейшего левого, который не был бы связан — крючочек за петельку — с большевиками и с их идеей. В одну цепь. Ну, а кто так думает, тот сам уже соединен — тем же методом крючочков и петелек — с Марковым 2-м и... его идеей¹. При чем здесь центры?

П. — Хорошо, центры оставим. Во всяком случае, что касается вот этой, последней, марковской, идеи... «Возрождение» ее нигде не называет.

О. — Называть ее вообще сейчас не принято. Тактика для «Возрождения» сугубо обязательная. Но если в газете изо дня в день даются все аксессуары определенной идеи, — до мелочей! — если проводятся неуклонно именно ее линии так, чтобы и сомнений быть не могло, — важна ли для нас ее неназванность?

П. — И вы утверждаете, что «Возрождение» — газета не просто правая, но реставрационная?

О. — Скажем еще прямее: стоящая за восстановление русского *самодержавия*. Излишне добавлять: «во всей его полноте» — ведь оттенков не имеется. Или речь идет о самодержавии в полноте», или вовсе не о самодержавии.

П. — Я боюсь, что вы слишком резко упрощаете идею возрожденцев. Даже если допустить, что вы правы, они, благодаря обходной тактике «неназыванья», от такой упрощенности легко могут увернуться. А кроме того, насчет Струве: имей он действительно идею, о которой вы говорите, разве он так бы и не сказал, с обычной своей прямоотой: вот, мол, в чем единственное спасение?

О. — Вы забываете: Струве — книжный, кабинетный человек. Он знает идею, а чуть дело доходит до ее воплощения, до действий, до тактики — он доверяется другим. Тактика сегодняшняя — зазывать в лагерь с именем «неначертываемым»; и Струве старается не начерчивать... поскольку может. Что же до моих «упрощений», то, согласитесь, если упрощение только «уточнение» и если это можно доказать, — кроме добра, ничего из этого не будет. А доказать нетрудно.

П. — Пожалуй. Да, приемы «Возрождения», вы говорите, и вообще очень грубы.

О. — Не на нас же с вами они рассчитаны. Не мы нужны. Кто нужен — тот не разберется в невежественной статье Шульгина (Ежов еще примитивнее). А на всякий случай Шульгина в передовой смягчат, выдав его за «enfant terrible»², а его апломб за «блеск». Однако тотчас усиливают тон Ильиным (которого не смягчают). Ведутся хлопоты по выдвиганию вперед православия, причем «полнейший консерватизм Церкви» уже безбоязненно устанавливается как необходимость и Карташевым, и передовиком.

П. — Кстати, об Ильине. Последняя статья³ даже меня поразила. Во-первых, самый тон полемики...

О. — Ну, это у всех «благочестивых», словно из «Потока-Богатыря» А. К. Толстого: «...И когда бы не этот мой девичий стыд... я б тебя, прощальгу, нахала, и не так бы еще обругала».

П. — Во-вторых — поучения от Писаний Апостольских, с явным расчетом, что никто «текстов» не знает...

О. — Тоже обычный прием спора, безрезультатного даже между начетчиками.

П. — Но здесь прием до смешного грубый. Какие начетчики? Ребенок может обличить Ильина: выписки о «начальнике», «не напрасно носящем меч», он начал с 3-го стиха Послания к Рим. А 1-й почему опущен? В нем (та же 13-я глава)

сказано: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены». Ильину придется, таким образом, объявить, вопреки рассудку, что в России сейчас не *существует* большевистской власти, или признать, что он, «противящийся» этой власти, «противится Божию установлению» (стих 2-й, тоже опущенный). Вот как опасны тексты! Но подождите, это не все: рекомендуется, наконец, самая отвратительная, самая кощунственная из всех статей о смертной казни — Жуковского: проект — казнить при звоне колоколов, при церковном пении, при благоговейно безмолвствующем народе, чтобы зрелище казни «воспитывало его в христианском духе взаимной любви и совместной молитвы» (по Ильину). Дальше идти некуда!

О. — Вы забыли, что, завершая разгром противника, благочестивый автор отсылает его, между прочим, к сочинениям и «катехизису»... Антония Волынского⁴. Так вот где «правда»! Эта черточка отлично дополняет картину. Конечно, все это переливается в демагогию чистейшей воды. Демагогия — смешение, подмена одного понятия другим. И христианство открыто подменяется «православием», принимаемым как второй член уваровской триады⁵. Так же, далее, либерализм подменяется консерватизмом, патриотизм умышленно смешивается с национализмом. Вы свобододобивый, верующий патриот? Да, да, говорят вам, это и нужно, ибо вы, в сущности, консервативный, православный националист. А у православного националиста — какое у него может быть «во имя», какая единая русская мечта? Конечно, только «беспрограммное» (зачем программы, когда действует благодать?), веками освященное имя теократической, самодержавной Руси.

П. — Вы подчеркиваете теократичность самодержавия?

О. — В этом его суть. Это и отделяет его от всех других форм государственности, не исключая монархических. До такой степени, что самодержавие вряд ли даже может быть названо государственной формой. Покоясь на абсолюте, на Божьем установлении, оно по существу неподвижно. С религиозной, с христианской точки зрения, самодержавие есть величайшая ложь, а с православной, благодаря тому что православная Церковь не признает наместничества, должно было бы признаваться и кощунством. Церковь, отвергнувшая папизм, не может религиозно не отвергать царизма как еще худшую лжетеократию.

П. — Мы видели, однако, и видим как раз обратное...

О. — Т^о е^{сть} мы видели самодержцев, возглавлявших Церковь, мы видим, что и теперь идейные самодержавцы берут

своим главным орудием Церковь... «Возрождение» — газета самодержавная и... нарочито православная. Я говорю: нарочито, ибо в этом забирании в руки православия, в делании из него служебного орудия — такое непонимающее неуважение к Церкви, что ни о какой действительной религии и не приходится говорить. Пользоваться Церковью как средством (пусть необходимым) для восстановления абсолютизма, да еще пользоваться благодаря ее внешней, привычной слабости, могут или невежды — в лучшем случае! — или чистые политики, чистые позитивисты, не верующие до неуважения и непонимания чужой веры. Струве, как мы знаем, принадлежит к последним. Но он, приняв идею самодержавия, не мог не принять его теократического устоя. Отсюда и «православие» «Возрождения».

П. — Знаете, до этих устоев и «глубин» самодержавия обыкновенно не добираются.

О. — К сожалению. Ведь находятся наивные люди, которые еще спрашивают, может или не может самодержавие «эволюционировать»? Это почти то же, что сомнение: а не может ли эволюционировать большевизм? Между самодержавием и большевизмом тут полная аналогия: оба, покоясь на абсолюте, — неподвижны. Оба или есть — или их совсем нет.

П. — Уж не считаете ли вы, что и теократичны они оба?

О. — Конечно, считаю. Ведь содержание абсолюта, на котором они одинаково покоятся, не играет в данном случае роли. Знаете, почему в левых кругах порою неотчетливо понимают большевизм? Потому что не понимают по-настоящему самодержавия.

П. — А самодержавцы понимают?

О. — Да, хотя зато ничего другого не понимают. Ведь они Россию мыслят только в углу, своем или противоположном, и никогда — в свободном пространстве между углами. Самодержавие победимо лишь революционным путем, — и посмотрите, как они ненавидят революцию, всякую, даже самое слово «революция». Неабсолютист, не признающий «углов», тем самым уже признает «революцию (добольшевистскую)». Отсюда только и можно говорить о «центрах».

П. — Нет, знаете, если так — пожалуй, и вовсе о них не стоит говорить, о «правом», по крайней мере. Видали ли вы — даже не политика с правым уклоном, но «никакого» обывателя, антибольшевика, который не посылал бы «революции проклятья, и Октябрю, и Февралю»? Он вам и самодержавие отвергнет сто раз, и монархизм; он, пожалуй, и демократию «примет», попробуйте заикнуться насчет революции...

О. — Эти непосредственные чувства плохо разобравшихся людей логики не уничтожают. Дело времени. Но сознаюсь, до центров нам далеко. Работа Струве и иже с ним, разделив эмиграцию, как никогда, дискредитировала самые идеи центра.

П. — Положим, и до Струве в мысли о двух центрах многие видели какой-то сто первый призыв к «единому фронту»... во имя свержения большевиков.

О. — И резонно против него возражали. Еще бы! Какой «единый фронт»! И как будто можно кого-нибудь свергнуть «во имя» свержения! Как будто есть отрицательное «во имя»! Уверяю вас, причина этих недоразумений — опять в недостаточном понимании самодержавия, его обособленного положения.

П. — Еще недавно вас это непонимание мало беспокоило.

О. — Пока яма была открыта и туда звали Марковы, Суворины, Антонии и Кириллы⁶, особенно беспокоиться было не о чем. Теперь другое. Теперь Струве прикрывает яму хворостом и сухими листьями: правительством с царскими полномочиями, — но под видом «сильной, в случае нужды, власти»; Романовым, — но называя его «Вождем»; тем же Антонием — но под именем православия и даже христианства... Не бороться с этим теперь было бы безбожно.

П. — И борьбу они сумеют использовать для своей выгоды. Мы, мол, хотим спасти Россию, а вот эмигранты-революционеры предпочитают большевиков, только бы не мы ее спасли! Назовете их самодержавцами — отрекутся, ведь имя «не начертано»! Только объявят, что вы запугиваете «призраком царизма»...

О. — Это легко предвидеть. Но ведь дело не в том, что они будут говорить, не в них самих и, уж конечно, не в «призраках царизма». Я, по крайней мере, не очень боюсь, что этот призрак готов облечься плотью и кровью. Дело в обмане, и думать надо о честном среднем слое эмиграции, о «малых сих», для которых фанфары и замаскированные призывы возрожденцев-абсолютистов приобретают силу соблазна. Таких «малых сих» много... Одной бывшей военной молодежи сколько!

П. — На нее-то и направлены главные усилия. Все ведь около «армии» вертится. Зовут к «сплачиванью армии вокруг Вождя...»

О. — Видите! Для нас с вами преступная бессмыслица такого призыва очевидна, ибо совершись завтра чудом сплоченье, — сплотившимся нечего было бы далее делать. Но зовущие, хотя никаких обещаний дальнейших не «начертывают», дают широкий простор надеждам: сплотиться — не для сплачивания же?

Не для стояния же на месте вокруг Вождя? Здесь соблазн умолчаний. И соблазн немалый.

П. — Конечно, поскольку это призыв для реальной борьбы, к поспешному приведению «армии в боевую готовность», — вы правы: обман. Но я заметил, что Струве старается кое-где его замазать, умерить интервенционные рвения своих сообщников: до этого, мол, еще далеко... А что касается вообще забот о русской армии, тут еще нет худого.

О. — О русской армии? Да разве кто-нибудь в кругах «Возрождения» думает о *русской* армии? Там думают и говорят о *белой* армии, которую хотят реставрировать, и даже в более ответственном духе. Корнилов им теперь в «Вожди» бы, пожалуй, не подошел... Но, подождите, послушайте: вам известно отношение к белой армии и мое, и многих из нас, в ней когда-то работавших. Я не хочу судить ее ошибок. Я храню благоговейную память о том высоком, что там было, и знаю: если б *в свое время* не существовало этой борьбы, мы, пожалуй, не смели бы смотреть в глаза чужим и своим, как теперь смотрим. Но белая армия — *прошлое*. Она невоскресима. Большевиков, если их победит армия, то не белая, не зеленая, не желтая, не красная, а только *русская* армия.

П. — Многие ли это поймут?

О. — Реставраторы — никогда, но соблазняемые ими — поймут. У кого в душе жива Россия, кто органически связан с ней, тот и сейчас чутьем это понимает. Для самодержавцев Россия — то, что в России умерло. Естественно, что они хотят восстановить, возродить эту ихнюю Россию и себя в ней. Не о них забота. Забота о тех, кого они могут обмануть призывами на святую борьбу под несвятым знаменем. Соблазняемые должны увидеть, что такое это знамя, которое соблазнитель даже не осмеливаются открыто развернуть. Они говорят, что на нем Божье имя написано, — но Божье ли? С ним нет победы, а если б и была на мгновение, то для горшнего возврата родины в те же красные тиски, в тот же угол, в котором она задыхается сегодня. Борьба с реставраторами — в раскрытии обмана. Я знаю, борьба внутренняя здесь — всегда на радость врагам России. Но Струве и его сообщники сделали ее неизбежной.

П. — И нелегкой, если иметь в виду их тактику, обходные пути, умалчивания. Кроме того, в их руках православная Церковь, орудие серьезное, особенно с вашей точки зрения: вы подчеркиваете «теократизм» самодержавия как сторону важную, хотя и наиболее религиозно уязвимую. Насколько я вас понял, — вы отрицаете возможность поддержки самодержавия

христианством. Но отыщет ли церковь в себе силу быть не *белой*, а просто христианской церковью? И, наконец, если именно религиозный соблазн абсолютизма так велик, много ли найдется борющихся с ним в той же плоскости?

О. — Не беспокойтесь, борьба нужна во всех плоскостях. Все понимания, все голоса нужны. Внутренняя религиозная ложь самодержавия окрашивает и другие его стороны в такой наглядно-ложный цвет, что и политическая, и всяческая его несостоятельность становится весьма легко доказуемой. Обходная тактика «Возрождения» тут даже полезна: слишком выпукло бессмысленными делаются некоторые положения, когда их выдвигают самостоятельно, умалчивая о первой предпосылке, безымянно. Нет, «Возрождение» и его компания — лишь тяжелый эпизод в жизни эмиграции. Тяжелый, поучительный, обязывающий; но ведь я верю в разум и добрую волю интеллигенции здешней: она с ним справится.

П. — Посмотрим. Меня, по правде сказать, утешает и то, что возрожденцы взяли слишком высокий тон, повели работу слишком ускоренным темпом: надолго их и самих, пожалуй, не хватит. Вы не думаете?

Л. ДОБРОНРАВОВ

«Возрождение»

Газета «Возрождение» ошибается: свою статью о проф. И. Ильине я писал не для полемики, по той простой причине, что И. Ильин говорит вещи не новые, давно известные, сказанные задолго до него, и сказанные и сердечнее, и основательнее, профессорами нравственного богословия. Для того чтобы убедиться в этом, г. Ильин пусть перелистает томы «Странника», «Христианского чтения» или «Богословского вестника». Кстати, г. Ильину следовало бы подумать о факте необычайной важности, который остался вне поля его зрения, а именно — преемственность языческих государственных установлений и законодательства в христианском государстве.

Я отметил лишь *фактические* неточности, допущенные проф. И. Ильиным, произвольное толкование им текстов и поразительное для профессора легкомыслие в вопросе о смертной казни, как ссылку его на... елейные рассуждения поэта Жуковского.

Полемизировать тут, собственно, и не о чем. Остается только удивляться. Замечание обозревателя «Возрождения» (кстати сказать, путающего первохристианскую церковь с церковью Константина, что неудобно даже для газетного обозревателя) о моем уклоне в протестантизм — старый, тоже давно известный прием. К нему всегда прибегали в тех случаях, когда резко ставился вопрос о некоторых расхождениях православия с Евангелием.

Вот и все, что можно сказать «Возрождению» в поучение.

В. ЧЕРНОВ

Мир, меч и мир

Перелистывая страницы книжечки г. И. Ильина «О сопротивлении злу силою», я живо вспомнил свои полууношеские, полудетские годы. Тогда, на рубеже восьмидесятых и девятидесятых годов прошлого века, взбудораженные проповедью Льва Толстого, мы днями и ночами спорили, можно ли и должно ли противиться злу силою, существует ли с моральной точки зрения разница между силою и насилием и т. д., и т. д. Нас тянуло в революцию, и притягательною силою революции был окружавший ее ореол романтизма и рыцарства; но рыцарство означало воинственность, силу карающую, сокрушительную и грозную. Лев Толстой стоял поперек дороги этой тяге к революционной воинственности, и мы должны были перед лицом собственной совести с полною убедительностью, вполне и окончательно опровергнуть его доводы. Мы в большинстве своем уже не были христианами, мы колебались где-то между атеизмом и пантеизмом, но старая вера еще не сдавалась, еще брала временами реванш над всеразъедающей критикой и порою пробуждалась в нашем сознании сладкими слезами молитвенного умиления и религиозного экстаза. И если даже Христос из Бога, из Богочеловека все более делался для нас Божественным Человеком, то все же каждое его слово еще долго имело для нас совершенно особый, ни с чем не сравнимый вес; и если как будто против нас говорило требование его к Петру вложить меч в ножны и его заповедь не противиться злему, и ударившему тебя в ланиту подставлять другую, то не тот же ли самый Христос сказал, что не мир он принес на землю, но меч; и не он ли ударами свистящего бича разогнал из храма торговцев и в пароксизме правого гнева опрокинул их столы и разбросал по земле деньги?

Отзвуком этих полудетских лет звучат у нас и ссылки г. Ильина на те же Евангельские тексты, и доказательства его, что в

основе толстовства лежит «наивно-идиллический взгляд на человеческое существо», не желающий знать о «черных безднах истории и души»; что, неверно межуя добро со злом, толстовство объявляет образцами добродетели «натуры безвольные, робкие, ипохондрические, патриотически мертвенные, противогражданственные»; что, одним словом, толстовство есть «учение, узаконяющее слабость, возвеличивающее эгоцентризм, потакающее безволию, снимающее с души общественные и гражданские обязанности, и даже — что гораздо больше — вообще трагическое бремя мироздания...».

Все это мы когда-то говорили с жаром неофитов, глядя на Толстого и толстовство с высот своего гимназического радикализма. С тех пор много воды утекло. Мы успели кое во что вдуматься и вчувствоваться глубже и полнее. Мы научились справедливее понимать и ценить Толстого и его учение, не закрывая глаз на его слабые стороны, но отдавая должное сильным.

Характеризуя самое основное в учении Толстого, мы определили последнее как «моральный максимализм». И слабостью его считали приблизительно то же, что было слабостью и максимализма социально-политического. Это — стремление *перепрыгнуть* через конкретную действительность «прямо к цели», к конечной цели, или идеалу; это неумение или нежелание понять, что — хотим мы того или не хотим, — а между современностью и идеалом лежит целая историческая переходная полоса со своими специфическими проблемами, которые в политике называются вопросами «тактики переходного периода», в социальном мире — вопросами осуществления «минимальной программы» и строительства переходных форм, а в морали — «проклятыми вопросами» о рамках «позволенного» человеческой совести в борьбе со злом и носителями «злого», бесчеловечного, зоологического начала в человеческой жизни.

«Максималисты» в политике и экономике наивно или высокомерно, по фанатизму или по «симплицизму»¹ мышления, провозглашали лозунг: «Все или ничего», отвергая все и всякие компромиссы и сделки с жизнью или полагая, будто их отвергают.

Действие равно противодействию. Противники максимализма в социалистическом лагере нередко впадали в прямо противоположную крайность, превращая свою программу-максимум, или конечную цель, в простое праздничное украшение, в громкую и пустую фразу, в программу-минимум видя единственную реальную практическую программу и таким образом превращаясь в простых социальных реформаторов.

Incidit in Scyllam, qui vult vitare Charybdim².

Но мы искали *третьего* пути, равно чуждого обоим.

Это было нелегко в политике и экономике. Это было еще труднее в морали.

* * *

«Мы не понимаем, — писали мы более двадцати лет тому назад, — той неземной нравственности, нравственности “не от мира сего”, которая блюдет лишь самодовлеющую и абсолютную чистоту *индивида*, не считаясь со страданиями или счастьем *человечества* как основой решения. Не человек для субботы, а суббота для человека. Наша нравственность не витает где-то на недостижимой заоблачной высоте над грешной землей. Нет, наша нравственность — земная, она есть учение о том, как в нашей нынешней жизни идти к завоеванию лучшего будущего для всего человечества, через школу суровой борьбы и труда, по усеянными терниями тропинкам, по скалистым крутизнам и лесным чащам, где нас подстерегают и дикие звери, и ядовитые гады. Это — боевой клич, а не сентиментальные и прекраснотушные воздыхания о том, как бы совсем обойтись без “насилий над личностью” — хотя бы личностью насильников; это — учение о трудном и суровом нравственном долге, а не об утонченном нравственном эпикурействе, от которого никому ни тепло, ни холодно — кроме разве насильников и угнетателей, которым спокойно и тепло, да кроме насилуемых и угнетаемых, которым очень, очень холодно... Нам не нужна этой нравственности, которая светит, да не греет и своим холодным светом только ярче освещает пропасть между жизнью и идеалом, вместо того чтобы построить мост от жизни к идеалу из материалов той же грешной земли...»

И как странно читать нам перепевы этих наших давнишних мыслей в книге И. Ильина, представителя вовсе не принципов *релятивизма*, но его прямой противоположности — поклонения религиозному Абсолюту, догматизма и абсолютизма в мышлении! Как странно слышать нам от него, что вдумчивому человеку, способному углубленно понять, что такое истинное нравственное совершенство, «и в голову не придет требовать для своей мнимой святости абсолютно праведных жизненных исходов»! Что «это было бы столь же реально, умно и существенно, как человеку, провалившемуся по пояс в болото, рассуждать о том, как бы ему вернуться домой, не допустив на своей одежде ни одного влажного пятнышка»! Что даже «человек

едва ли имеет основание ставить перед собою практические вопросы абсолютного измерения и задачу немедленной абсолютной чистоты», ибо бывают жизненные конфликты, когда именно лучших людей долг заставляет «как бы отодвигать на второй план заботу об их личной праведности». Что думать и чувствовать иначе — значит вдаваться в «моральный эгоцентризм», стать узким «моралистом», то есть «существом, завернувшимся в себя», которому «важнее и ценнее воздержаться самому от какого-нибудь дурного поступка, чем внести целую живительную струю в общественную жизнь». Что такой человек «становится пленником, рабом собственной добродетели, и если он при этом отменяет все остальные духовные измерения и возводящие пути, то жизнь его приобретает оттенок самоопустошающего педантизма». Что его моральность — какая-то «последняя и ничему высшему не служащая самоценность», подобная сокровищам Скупого Рыцаря, самодовлеющий абсолют, при котором ее носитель, «любящий субъект, оказывается несравненно важнее любимого объекта», а потому и его любовь может быть «практически мертвенною»; ибо, «если жизнь ставит его перед необходимостью выбора между “спасением любимого” и “спасением своей личной праведности”, он, не обинуясь, спасает свою праведность и предаёт любимый предмет; его жертва заключается не на алтаре любимого предмета, а на алтаре собственного морального совершенства...»

Более двадцати лет тому назад мы писали:

«Наши понятия о нравственности, по-видимому, совершенно расходятся с их понятиями. В стране рабства, в стране молчания, в стране, где миллионы людей осуждены правящей кликой на полуголодное, животное прозябание, превращены в рабочий скот, обезличены, повергнуты в ужас духовного невежества, грубейших суеверий и моральной смерти; в стране, где к бедствиям голода духовного присоединяются страдания физических голодовок, где гуляют голодный тиф, цинга, всякого рода эпидемии и косят несметное множество жизней, — жизней и дряхлых стариков, и полных сил юношей, мужчин, женщин, и неповинных ни в чем малюток; в стране, где правящая клика поистине купается в слезах и крови своих несчастных жертв, отвечая злобствующей жестокостью и наглými издевательствами на малейшие проблески протеста, — в этой стране, согласно нашей нравственности, мы не только имеем нравственное право, — нет, более того, мы нравственно *обязаны* положить на одну чашку весов все это море человеческого страдания, а на другую — покой, безопасность, самую жизнь его виновников.

Для нашего нравственного спокойствия было бы легче, чтобы этой роковой дилеммы не было; мы были бы избавлены от многих тяжелых “размышлений, тоски и думы роковой”, от мучительной внутренней борьбы, от необходимости одерживать самую тяжелую из всех побед — победу над самим собой. Но нельзя же нам из подобных соображений утонченного нравственного эгоизма уклониться от неизбежного выбора, когда это значило бы — обречь себя на роль попустителей, и следовательно, безмолвных, пассивных нравственных соучастников творящихся вокруг нас преступлений. На эту позорную роль мы не хотим, не можем себя обречь».

В те времена, когда писались эти строки, люди воззрений г. Ильина на такую точку зрения не становились; они с ужасом видели в ней преступную гордыню, греховное своеволие и даже едва ли не революционный иезуитизм; они звали к терпению и смирению. Так дело шло, пока абсолютная, деспотическая власть была в «правых» руках, в руках самодержавия, его слуг и его союзников. Но когда социальная пирамида вдруг перевернулась кверху дном, когда те, что были наверху, оказались внизу, а бывшие внизу оказались наверху, — о, тогда богомудрые апологеты старого вдруг поняли все то, что столько раз говорили мы; о, тогда у них у самих явился вдруг тон боевой, активистский, прямо революционный. Деспотизм *слева* и красный террор разом открыли их души всему тому, для чего они были наглухо заперты во времена деспотизма справа и белого террора... Революционные трибуналы, чека и массовые расправы и погромы сделали их проповедниками борьбы, правого гнева и карающего меча — не в пример военно-полевым судам, охранке и хотя бы еврейским погромам времен Плеве...³

Столетия самодержавного гнета и расправ не научили их тому, чему научили сразу восемь лет большевистской диктатуры. Зато научили основательно. Возьмите то, что писали мы, и сравните, насколько категоричнее и жестоковейнее выражается хотя бы тот же Ильин:

«Насилующие злодеи, сговорившись и организовавшись, могут нанести неисчислимый вред духовной жизни не только отдельных людей, но и целых народов, и всего человечества... Они ставят людей в тягостные, унижительные, невыносимые условия жизни; подкупают выгодой, почетом, властью; стараются подорвать в душе чувство собственного достоинства; приучают к злу простой повторностью, бесстыдным примером, незаметным заражением, внушением, расшатыванием воли; и стремятся покрыть все это явной удачливостью, безнаказаннос-

тью, гамом упоенного торжества... Озлобленное насилие и убийство сгущают отвратительную атмосферу этого злодейского шествия...

Если я вижу подлинное злодейство или поток подлинных злодейств и нет возможности остановить его душевно-духовным воздействием, то следует ли мне умыть руки, отойти и предоставить злодею свободу кощунствовать и духовно губить, или я должен вмешаться и пресечь злодейство физическим сопротивлением, идя сознательно на опасность, страдания, смерть и, может быть, даже на умаление и искажение моей личной праведности?

Если сопротивление злу силою и мечом в самом деле необходимо, то человеку принадлежит не *право*, а обязанность вступить на этот путь... ибо без этого на свете скоро остались бы одни злодеи и их запуганные рабы...

Тело злодея есть его орудие, его орган; он в нем присутствует, он в него влит и через него изливает себя в мир. Его тело есть территория его злобы, и эта духовно опустошенная территория отнюдь не экстерриториальна для чужого духа. Благоговейный трепет перед телом злодея, не трепещущего перед лицом Божиим, противоестествен: это моральный предрассудок, духовное малодушие, безволие, сентиментальное суеверие. Этот трепет, сковывающий каким-то психозом здоровый и верный порыв духа, ведет человека под флагом непротивления злу насилием к духовному дезертирству, предательству, пособничеству и самораствлению».

Заповедь *борьбы* становится высшею из заповедей — выше заповеди личной праведности. Ибо контрреволюционер хотя и «контр», но все-таки в своем роде — шиворот-навыворот — тоже «революционер»...

* * *

Г-н Ильин, вероятно, и не подозревает, до какой степени во всем этом он просто «твердит зады» революции. Он говорит со всем пылом новатора, он как будто искренно воображает, что пролагает новые пути. А многое множество «малых сих», которые в эмиграции составляют русский Кобленц⁴, которые пошли в Белое движение по аффекту, по стадности, а иногда — просто по мобилизации и теперь задним числом должны подвести под свое прошлое всесторонний идеологический фундамент, чтобы не пасть духом, не загнить, не «сменить» благоразумно «вехи», не побрести в большевистскую Каноссу⁵, то бишь в

чеку при полпредстве? Они ведь, наверно, найдут в книге Ильина целое религиозно-философское откровение. Ведь для них-то его книга и написана. Он и сам это понимает, говоря на первой страничке предисловия: «Мыслью и любовью обращаюсь к вам, белые воины, носители православного меча, добровольцы русского государственного тягла, к вам, в которых живет православная рыцарская традиция, — вам посвящаю эти страницы и вашим Вождям». Он и сам считает себя втайне, по-видимому, философским Колумбом: он думает, что разрешает «глубокий религиозно-метафизический вопрос» и тем исполняет «религиозное, научное и патриотическое призвание» особой, национальной «русской философии». Он вещает не просто от себя, а от имени «философии», он решает проблему «философически»...

Авторская особенность его при этом состоит в особого рода «элоквенции»⁶ проповеднического жанра и стиля. Ему свойственно не только словесное изобилие, но словесное изобилие приподнятое, риторически-ходульное, с той специфической монотонной приподнятостью, какая свойственна именно проповедникам. Он чаще «вещает», чем просто *говорит*; это Аркадий Кирсанов, заразившийся, согласно духу времени (и места), рясофорностью⁷; Аркадий Кирсанов, которому земной и скептический Базаров⁸, не вытерпев, говаривал: «Друг мой Аркадий, пожалуйста, не говори красиво!». Г-н Ильин тоже говорит красиво, слишком красиво, забывая, что *красивость* часто прикрывает отсутствие истинной внутренней красоты. В его речах то «мертвая душа пронзается лучом божественного откровения», то он «вызывает в себе потрясающую, таинственную встречу личной страстной глубины с Божьим лучом», то «таинственный огонь прожигает известную неисправимость его души до самого дна» и он «как бы присутствует в самом себе при обращении своего личного сатаны»; то у него «настоящее одоление зла совершается через глубинное преображение духовной слепоты в духовную зрячесть, а замыкающейся, отрицающей вражды — в благодатность приемлющей любви»; то у него «направленность духовного ока на совершенство святит силу внутреннего самоуправления и придает внешнему поступку человека значение духовного события», а «чем огненнее и прозорливее дух, тем легче и плодотворнее передается его огонь в душу другого, не горящего»; то он «получает и уносит в себе дьявольские ожоги зла» и, «не отвернувшись, погружает свой взор в зрак сатаны», созерцая всю глубину «торжества кощунственной противодуховности и озлобленной противолюбовности» я и т. д., и т. д. Словом, от Аркадия Кирсанова мы чем дальше,

тем больше подходим к тому самому «Удушьеву, Алексей Степановичу», который

Когда о честности высокой говорит,
Каким-то демоном смущаем, —
Глаза в огне, — лицо горит —
Он плачет — и мы все рыдаем!

С тою только разницей, что у «нас» — вернее, у вас, читатели и почитатели творений г. Ильина, слезы текут из обыкновенного человеческого глаза, у него же, конечно, из «зрака».

Такова форма писаний г. Ильина. Что же касается до их содержания, то «философичность» этого содержания я разрешу себе, впредь до доказательства им противного, взять под сомнение. Может быть, я и ошибаюсь, но, по крайней мере, *эта* книжка г. Ильина доказывает мне, что он просто *никакой* философ. Ибо... но лучше всяких моих доводов могут служить просто образцы наиболее «основополагающих» и «глубинных» его религиозно-метафизических умозрений.

«Добро есть одухотворенная или, иначе, религиозно-определенная (от слова “предмет”) любовь; зло — противодуховная вражда. Добро есть любящая сила духа; зло — слепая сила ненависти. Добро по самой природе своей религиозно, ибо оно состоит в зрячей и целостной преданности Божественному. Зло по самому естеству своему противорелигиозно, ибо оно состоит в слепой, разлагающей отвращенности от Божественного... Такова сущность добра и зла; и может быть, христианскому сознанию достаточно вспомнить о наибольшей Евангельской заповеди (полнота любви к совершенному Отцу), для того чтобы в нем угасли последние сомнения».

Это, конечно, никакая философия. Это просто догматика. Здесь нечего критически обдумывать: здесь надо просто заучивать, затверживать. А «угасить последнее сомнение» о том, это ли нужно заучить или что-нибудь другое, тоже очень просто: справиться в маленькой книжечке, страница такая-то, стих такой-то. И «сущность добра и зла» постигнуты до конца, исчерпывающе и непоколебимо.

Или вот еще:

«То, что следует любить в ближнем, как самого себя, есть не просто животный, земной состав человеческий, со всем его животным самочувствием, со всеми его земными потребностями и удовольствиями, со всем его претендующим самодовольством; но это есть Луч Божий в чужой душе, частица Божественного огня, духовная личность, сын Божий. Подлинное братство лю-

дей открывается только через Бога; люди суть братья лишь постольку, поскольку они дети Божии...»

Ильин недаром пережил 1917 г.; тогда поддерживали Временное правительство «постольку, поскольку»; он универсализировал эту формулу и всякого ближнего своего, всякого живого конкретного человека согласен считать братом своим лишь «постольку, поскольку». А именно, поскольку сквозь «земной состав» — презренный и любви недостойный — просвечивает потусторонне начало «Луча Божия»; никак не менее и не более. И если перед вами несчастный, грязный, загнанный, спустившийся ниже всякого образа и подобия человеческого мужичонко, который и вспышку-то «Луча Божьего» ощущает в себе, осмеливаясь — да и то в пьяненьком виде — «плакать и кричать»:

Хоть бы раз Иван Мосеич
Кто меня назвал! —

то я, право, не знаю, как удостоит здесь дозировать свое «постольку — постольку» г. Ильин. Я не знаю, не будет ли надежнее, по крайней мере с точки зрения этого замухрышки Ваньки, во сне лишь видящего себя в образе Ивана Мосеича, — чтобы его любили менее «божественно», но более *человечно*; не те, кто сознает себя сосудом «Луча Божия», и не потому, что благоволят сквозь свой моральный микроскоп и в нем рассмотреть какой-то не то отблеск этого луча, не то когда-то зажженную им и не совсем потухшую искру под пеплом, и не в меру величины этой полупотухшей «искры», — а те, кто просто помнит, что *они сами — люди*, и что *ничто человеческое им не чуждо*, и что они сами, при менее счастливом обороте жизненных судеб, могли бы спуститься до таких же низин человеческой загнанности и потерянности. Это будет, может быть, менее великолепная, менее духовно-аристократическая, менее «религиозно-определенная» любовь; но не будет ли это зато менее *мертвенная*, менее казенно взвешенная и смиренная, более живая — и более *приемлемая* любовь? Ибо ведь даже и предложением своей любви и сочувствия, если оно чересчур отзывается схождением с высот, бессознательно обидным снисхождением, можно человеку нанести моральную пощечину...

Одним словом, позволительно усомниться во внутренней ценности дидактических упражнений г. Ильина на тему о том, как и что «следует любить в ближнем». Позволительно вообще усомниться, чтобы правильно и целесообразно было зажать в тиски расписанья, сколько кому чего следует, — непосред-

ственное чувство, заставляющее видеть в человеке человека. Кому что «следует» есть формула *справедливости*, а это гораздо более сложное понятие, гораздо более опосредствованная идея, чем простая, элементарная, неразложимая способность сочувственно вибрировать своим сознанием — сознанию ближнего, «ставить себя на его место» и условно жить его жизнью, его радостями и печальми.

Так говорит наша *земная* мораль, мораль простой человечности. Но что можем мы с нею против «религиозно опредмеченной» морали г. Ильина? В лучшем случае, он высокомерно пожмет плечами, ибо хотя г. Ильин афиширует порою свое религиозное смирение и даже самоунижение, но ведь это унижение паче гордости и будет нас третировать с высоты своего величия хотя бы так, как он третировал даже такого великана морализирующей мысли, как Лев Толстой:

«Идея о том, что религиозным измерением проникается, освящается и углубляется вся духовная культура и что постольку житейски-обывательский рассудок с его “трезвостью” и прозаичностью теряет свою компетентность, остается ему чуждою; ибо он не видит того, что *всякое* духовное состояние человека (а не только моральное) ставит его перед лицом Божием, дает ему живой, самоценный опыт *тайны* и скрытого в тайне *откровения*».

Что делать: не видим. Может быть, потому, что нам дан простой «глаз», а не выпященный «зрак». Наша компетентность в деле тайн и откровений г. Ильиным отведена заранее. Приемлем и нимало вопреки глаголом. Но посмотрим, какова его компетентность в наших, земных, делах и каково его «видение» в вопросах нашей, «земной, слишком земной», нравственности?

* * *

Мы видели, как и почему приjala «заповедь борьбы» революция. Ставя своей целью «очеловечение человечества», революционное миросозерцание ни на минуту не забывало, что «зверь в человеке» жив и силен до сих пор, что зоологическая борьба за существование в человечестве не прекратилась, а лишь частично смягчилась и видоизменилась, приняв групповые формы: что в лице хотя бы зоологического национализма ставя über Alles⁹ свою Родину, она претендует на «возведение ее в ранг высшей святости для человека». В нашем миросозерцании человек — не падший ангел, сохранивший в душе смутное воспоминание о своей первородной абсолютной чистоте и безгре-

ховности и силящийся к ней вернуться, но постепенно вставшее с четырех конечностей на две и высоко поднявшее свою голову животное, «очеловечение» которого есть слитный органический процесс, в котором от совершенно «зверского» прошлого отделяться приходится «полузверскими» способами. Наш релятивизм в морали понятен, ибо он — обратная сторона нашего эволюционизма. Наш идеал человечности, идеал гуманности — это тот провидимый нами сквозь туман грядущего пункт дальнейшей нашей восходящей эволюции, та твердая точка, на которую мы как бы духовно забрасываем якорь, чтобы при его помощи туда «подтянуться». В том идеальном будущем мы провидим расцвет новой, более высокой, гуманной и чистой морали; и поскольку мы в лице организации единомышленников, «взыскующих града», успеваем создавать как бы живой эмбрион грядущего, мы внутри его пытаемся создавать как бы предвкушение морали грядущего; однако те правила, которыми мы руководимся, работая над расчищенном пути грядущему, увы, далеко не идентичны с правилами, по которым будет жить само это грядущее. По отношению к последнему они составляют некий «моральный минимум»...

И вполне в тон нам попадает Ильин, когда говорит, что чем глубже всматривается и вдумывается человек в самого себя и в стоящую перед ним моральную проблему, тем ему яснее, что любой субъект морального действия подобен человеку, который «сам стоит в болоте; но нога его уперлась в твердое место, и вот он уже помогает другим, засасываемым трясинаю, выйти на твердое место...». Что «есть определенные жизненные положения, при которых заведомо надо искать не праведности и не святости, а *наименьшего* зла и *наименьшей* неправедности»; что надо «идти в борьбе со злом не от максимума нравственного совершенства», а «отыскивая возможный минимум греха»; ибо «в этих случаях практический максимум всегда будет проявлением наивности и лицемерия», и чем строже человек продумает этот вопрос, «тем более чуждой становится ему точка зрения морального максимализма»... Мало того, он заявляет, что «наивность всеуравнивающей, отвлеченной морали давно уже осознана в философии», забывая, что этого, во всяком случае, нельзя сказать про христианскую, а тем более — православно-церковную философию. А ведь г. Ильин проричает возрождение в нас «религиозной и государственной мудрости восточного Православия, и особенно русского Православия», которому автор бьет челом и большой буквой.

Через моральный минимум — к моральному максимуму. Этою формулой *релятивизм* социалистической этики отграничивал свою духовную сущность и от этического *нигилизма*, и от абсолютного этического субъективизма — от провозглашения господства в области этики полного личного усмотрения, для которого нет преград — «все позволено».

Как раз те борцы революции, которые «дерзали» на самое крайнее, морально-бесповоротное и непоправимое, что только можно себе представить — на *отнятие чужой жизни*, — террористы представляют собою лучшую иллюстрацию этого.

В террористе боевой героизм достигает своего максимума. Народная пословица говорит, что «на людях и смерть красна»: могучее стадное чувство — великая психическая опора; в противоположность этому *одиночество* террориста требует чрезвычайной внутренней силы, сосредоточенности, силы личной убежденности и энтузиазма. Террориста не несет течение людской массы; он — изолированный пловец против течения.

И чрезвычайно характерно, что именно террористы русские болезненнее всех переживали как моральную трагедию, как коллизию почти неразрешимую навязанное им историей присвоение себе права на кровь, права на жизнь другого человека.

В построения своего общественного идеала социалист не знает высшей ценности, чем полный и гармонический расцвет индивидуума. *Человек* — вот ось его мирозерцания. «Святейшее из званий — Человек».

Раз поднявшись в идеале, в моральном максимуме до водружения престола человеку — венцу создания, тяжело, невыносимо тяжело сознательно спуститься в моральном минимуме до поднятия руки на человека.

Минимум, чрез который надо идти к максимуму, как бы отрицает его, а значит, и отрицается им. Коллизия кажется неразрешимой. Она выливается в яркой, безысходной формуле: «нельзя — и надо», как повторял когда-то в величайшем напряжении своей чуткой, беспокойной совести Иван Платонович Каляев¹⁰.

Умевший мужественно взглянуть правде прямо в глаза, вдохновитель многих поколений борцов русской революции Н. К. Михайловский¹¹ писал: сентиментально-прекраснодушные взгляды на жизнь надо оставить; зло существует, и против него нужно бороться суровыми, даже террористическими средствами; обрекая себя на пользование ими, борец тем самым должен *морально деградироваться*.

Революция есть разновидность войны. Война есть систематическая практика приемов, которые в мирных, нормальных условиях жизни являются преступлениями.

Самое человекоубийство в войне не всегда принимает «благородно», «рыцарски» окрашенный вид скрещения двух шпаг. Война есть искусство «в решительный момент в нужном месте обладать превосходством сил», то есть вдвоем нападать на одного. Военная подготовка требует создания под покровом тайны преимущества в вооружении, — то есть стремится поставить врага в положение беззащитного и беспощадно бить его, пользуясь этой беззащитностью. Война с ее засадами, мнимыми атаками для отвлечения внимания противника и военными хитростями полна обманов, лжи, нападений из-за угла, ударов в спину. Война и военный шпионаж, покупка людских совестей, фабрикация предателей и т. п. прелести — нерасторжимы. Словом, от начала до конца война есть бесконечное количество притворства, лжи, обмана, подлости, насилия. И это если даже совершенно отвлечься от всех так называемых «эксцессов войны», которые, однако, суть лишь логическое развитие общего *духа войны*. Ибо там, где искусство истребить максимум человеческих жизней и превратить в развалины максимум воздвигнутых людским гением сооружений есть высшая добродетель, разумеется *a force de forger on devient forgeron*¹²; там, где человек «колет, рубит, режет», где мир, в котором и которым он живет, есть «бой барабанный, крики, скрежет, гром пушек, топот, ржанье, стон, — и смерть, и ад со всех сторон», там происходят такие роковые приспособления психики человеческой к этим «внешним условиям», о которых красноречиво говорит нам всякая послевоенная статистика человеческих преступлений и человеческой жестокости.

Но революция есть разновидность войны. Может быть, взрывы ее короче, стихийнее, спонтаннее; зато ее «инкубационный» период, период подполья, тайных обществ, конспирации — систематического замыканья в узком мирке со спертым воздухом, постоянного притворства перед внешним миром, доводимого до актерства, до раздвоения личности, — имеет свои роковые моральные опасности. И потому честны и мужественны слова, что лучшие люди, подвижники и герои по натуре обрекают в революции себя сознательно на *нравственную деградацию*.

О, конечно, в революции бывают и внутренне чужие ей люди — любители сильных ощущений, авантюристы, которые плавают как рыба в воде именно во всем том, что ложится, как моральное проклятие, как тяжкий иску, на «революционеров

духа»; бывает в революции и своя, снизу нахлынувшая «пониговая вольница» *ушкунников* массового движения — забубенных головушек, которым море по колена, своя жизнь — копейка, а потому и чужая не дороже. Они не мучаются никакими вопросами; для них на войне — как на войне; не мудрствуя лукаво, они приемлют революцию, как и войну, во всем ее объеме, как пьяница — рюмку водки, одним глотком, только удовлетворенно побрякивая от силы порции. Но это — люди, действия которых *моральной* цены не имеют (хотя утилитарная цена их может быть немалой). Они, в сущности, живут и действуют *вне* нравственной области; они не поднимаются на высшую ступень *нравственности*, удовлетворяясь предшествующей, низшей ступенью — *нравов*.

Егор Сазонов¹³ спрашивал Каляева, что он будет чувствовать, когда акт его завершится полным успехом? Тот восторженно ответил: «Гордость и радость!» Оказалось, однако, что к этим чувствам примешалось нечто другое, горькое и темное. От него бессознательно бежал Каляев, когда с опасностью для себя и для своих друзей опустил вооруженную бомбою руку при виде сидевших в карете рядом с великим князем Сергеем «Ходынским»¹⁴ его жены и детей. Бежал, но не убежал. От этого чувства бессознательно пробовали бежать многие другие террористы, которых в героическом «акте» привлекало то, что они беззаветно отдадут свою жизнь, — причем как-то на втором плане, как будто не самым главным и не самым нужным, стояло то, что они возьмут чужую жизнь. От того же темного чувства бежали многие террористы, отвергая с каким-то отвращением мысль о побеге после акта: одни бежали бессознательно, другие — сознательно, в своем аресте и казни видя высшее примирение со своею совестью, искупление добровольно взятого на себя *греха* человекоубийства. Я говорю — «греха», ибо это слово употреблял убийца Плеве Егор Сазонов в письмах с каторги, бывшей для многих хуже смерти. Он не раскаивался в совершенном, но его чуткая совесть не позволяла ему ни на минуту закрыть глаза на то, что в его *подвиге* была своя жестокая и черная сторона. И самый акт его стал светлым подвигом именно потому, что не из моральной толстокожести, не из бесчувственности к этой темной, кровавой стороне — а тем более не из влечения к ней — взял он его на себя, а несмотря на величайшее к ней отвращение и ужас; и мерой величины этого незабываемого, на всю жизнь врезавшегося ужаса измеряется законно в наших глазах *величие* этого подвига...

Что же вместо этого — одновременно вполне человеческого и человеческого — решения моральной коллизии может предложить нам религиозная метафизика г. Ильина?

Прежде всего он пытается ослабить самое значение, самую силу моральной коллизии того рода, от которой так страдали Каляевы и Сазоновы. И он подбирается к этому вполне софистически. И вот он выставляет сначала положение: «Ничто внешнее само по себе не может быть ни добром, ни злом; оно может быть лишь проявлением внутреннего добра или зла». А если это верно, то нельзя назвать злом и внешнее физическое воздействие как таковое. За примерами ходить недалеко: «Так, имеет смысл сказать, что “свирепая мстительность есть зло”, но не имеет смысла сказать, что “кровавый разрез есть зло”». Точно так же имеет смысл сказать, что «ненависть, приведшая к отравлению, есть зло»; но бессмысленно говорить, что «введение яда в чужой организм есть зло». Эти и подобные «аналитические соображения» дают право г. Ильину твердо выговорить: «физическое понуждение человека человеком не есть зло».

Что и говорить! Особенно если вспомнить, что «кровавый разрез» может быть сделан хирургом для спасения оперируемого и что в известных случаях — и в известных дозах — некоторые яды производят лекарственное действие. Все сводится к мотиву, к цели. Значит... значит, мотив и сообщает нравственную ценность действию, которое само по себе безразлично, иначе говоря — цель освящает средства?

Но «православным иезуитом» г. Ильин быть не хочет. И, когда речь идет о «ложных решениях проблемы», он вспоминает, что нравственная праведность как цели, так и средства определяется в *особом* сопоставлении *каждого* из них *отдельно* с полнотою добра, то есть с идеею нравственного совершенства как единым верховным «критерием». Это не ново, но правильно. Правильно и то, что «сопоставление с целью может обнаружить лишь жизненную целесообразность средства, но никак не его нравственную верность». Ильин прав, что «нравственное достоинство цели не может само собою перенестись на средство, как и наоборот — нравственно достойное средство может служить и отвратительной цели»; что освящение средств целью есть «малодушное и соблазнительное рассуждение». Однако же он сам в него только что впадал, только переименовав средство во «внешнее действие», а цель — в его добрый или злой мотив или «внутренний источник».

А софистичность рассуждения его обнаруживается без труда: она кроется в игре разными значениями понятий «зло» и «добро». Конечно, кровавый разрез есть «зло» (хотя бы и не нравственное) для того, кто ему подвергается: он связан с болезненными ощущениями и с повреждением известных тканей. Другое дело, что, быть может, к нему приходится прибегнуть, чтобы избежать еще худшего зла: еще большего разрушения организма внутренним недугом. Мотив, конечно, определяет собой субъективную ценность поступка: между Торквемадой, сжигавшим еретиков ради их же добра, ради спасения их душ ценою утраты грешных тел, и сумасшедшим садистом, сжигающим людей ради болезненного удовольствия, в моральном отношении разница, несомненно, имеется. Но ведь этим субъективным моментом мотивации поступок не исчерпан; он может иметь еще ту или другую *объективную* нравственную ценность. Так, сжигание еретиков наводило панику, убивало в людях смелость, плодило дрожащих шкурников, приучало к лицемерию — с одной стороны, с другой же — плодило доносчиков, палачей, вымогателей и охотников бессердечно и жестоко сводить с беззащитными еретиками личные счета. *Мотивы* действия, ставящие ему *цель*, и реальные последствия далеко не всегда сходятся; и нравственная цель, имевшаяся в виду деспотически-властным поступком, может оказаться не достигнутой, в то время как деспотический характер образа действий свои тяжкие моральные последствия иметь будет независимо от того, хотел или не хотел этого действующий. «Физическое понуждение человека человеком не есть зло» — таково положение, которое хотелось бы доказать г. Ильину. Но не сам ли он сказал, что «нравственная праведность» всякого действия определяется «в особом сопоставлении его» непосредственно «с полнотою добра», с понятием человека о «нравственном совершенстве». Невысок же должен быть у г. Ильина его идеал «полноты добра» и «нравственного совершенства», если этим идеалом не исключается и «физическое понуждение»... до «кровавых разрезов» включительно!

Г-н Ильин, конечно, знает, что воспитательное значение его излюбленного «физического понуждения» и современной педагогией, и Великой Учительницей — Историей изрядно компрометировано. И в его защиту он принимается доказывать, что «нет такого средства, которым люди не могли бы злоупотребить по легкомыслию и необузданности, и все эти злоупотребления нисколько не опорочивают данных средств как таковых», до излишества щедро рассыпая примеры, как будто для

доказательства столь простой истины и совсем не нужные. Центром иллюстраций, конечно, является опять вопрос о «кровавых разрезах».

«Не наивно ли думать, — патетически восклицает г. Ильин, — что бездарный и неумелый хирург, вообразивший к тому <же>, что оперирование есть панацея, компрометирует хирургию? Без крайности не следует ампутировать; значит ли это, что ампутация сама по себе есть зло и что ампутирующий делает свое дело из мести, зависти, властолюбия и злости?»

Так как хирургов в собственном смысле этого слова во властолюбии и злобной мстительности никто не обвинял, то надо полагать, что слова «хирург» и «ампутация» здесь должны быть понимаемы духовно. Когда-то Столыпин, деятельность которого сообщила удавной петле образное наименование «столыпинского галстука», в Государственной думе, отвечая на нападки, не менее патетически воскликнул: неужели, господа, вы не можете отличить от крови на руках палача кровь на руках спасающего страну хирурга? Такими же «хирургами» и на тех же основаниях считают себя и Дзержинский со своими «ассистентами» — Лацисом и Петерсом¹⁵. И эту хирургию г. Ильин всегда ценит; его идеал правителя — человек, «свободный от попускающей сентиментальности и беспочвенной жалостливости», но умеющий действовать спокойно, уравновешенно и беззлобно, «из любви понуждая и пресекая где нужно, из любви уговаривая и из любви казня». Даже прах поэта В. А. Жуковского потревожил в его могиле г. Ильин, раскопав у него «мудрый и глубоко христианский» опыт «о смертной казни». Ведь отрицание смертной казни для него — это не более как «противоестественный благоговейный трепет перед телом злодея». А он знает не только злодеев просто, ему известна и порода «абсолютного злодея», — и почему же нет, почему наряду с носителями «Луча Божия», не быть таким же полным и воплощенным носителям «луча сатанинского»? Одного только жаль: почему это г. Ильин кстати уже не дал нам «мудрого и глубоко христианского» рассуждения на тему о том, каким должен быть его идеальный христианский палач. Ибо казнь требует и палача, если палаческих обязанностей не предполагается возлагать по очереди на всех христиан, не исключая и самого г. Ильина.

Продолжая тот же основной замысел, г. Ильин пробует подойти к цели еще и с другой стороны. Что такое тело человека? — глубокомысленно ставит он вопрос и не менее глубокомысленно отвечает: «Оно есть не что иное, как внешняя явь его

внутреннего существа или, что то же, овеществленное бытие его личности». Значит, оно «не выше его души и не священнее его духа». А так как людям, «укрытым порознь за своими индивидуальными телами, не дано сообщаться друг с другом иначе, как через посредство их тел», то философически отсюда следует вот что: «Если неизбежно и допустимо, чтобы человек человеку телесно выражал сочувствие, одобрение и приятие, то столь же неизбежно и допустимо, чтобы люди *телесно* передавали друг другу не сочувствие, неодобрение и неприятие, т. е. и духовное осуждение, и праведный гнев, и волевое противодействие». Поистине перл христианнейшей логики! Отныне пощечину можно будет называть «телесной передачей неодобрения», а убийство — «телесной передачей неприятия». Или мы понимаем г. Ильина чересчур грубо и упрощенно? По-видимому, нет; ибо дальше он с торжеством продолжает: «И вот, *физическое воздействие* на другого человека против его согласия и в знак решительного волевого сопротивления его духовно неодобряемому внешнему поведению» (*Что говорит! И говорит, как пишет!*) «может оказываться единственным духовно точным и духовно искренним словом общения между людьми...».

Физическое воздействие как самое духовно точное и духовно искреннее «слово» общения! Еще бы не «искреннее»! Ветхозаветный законодатель произнес свою заповедь «око за око, зуб за зуб», как известно, не со зла, а наоборот: было столько охотников за один свой выбитый зуб сокрушить другому всю челюсть, а за глаз — оторвать голову, что потребовалось обуздать эту чрезмерную физическую искренность общения своеобразным «постольку — поскольку». «Духовная точность» от этого не пострадала. И посмотрите, как все это хорошо выходит: «Это воздействие, душевно напрягая и потрясая обе стороны и формулируя их расхождение и борьбу *на языке физической силы*, отнюдь не становится враждебным ни верно понятой духовности человека, ни верно понятой любви». Трудно поверить, но эта божественная галиматья действительно выведена черным по белому на 53-й странице книги г. Ильина. Впрочем, как же «язык физической силы» может противоречить «верно понятой любви», когда в схеме г. Ильина любвеобильный палач, исполняющий смертный приговор любвеобильного судьи, вооруженного для этого любвеобильным законодателем и благословляемый на свои подвиги любвеобильным монахом, является истинным увенчанием всего глубокомысленного религиозно-метафизического здания?

Все предшествовавшее давало бы художественно законченную и целостную фигуру «православного иезуита». Мы говорим: «давало бы», ибо, в сущности, с этой позиции в конце концов г. Ильин благоразумно отступает. Он действует «с запросом». Мы до сих пор видели только первую линию его идейных укреплений. Биться до конца за эту линию он не станет: он лишь задержит и ослабит на ней напор противника, чтобы отступить на вторую линию укреплений, чтобы с боем отойти на заранее заготовленные позиции.

Здесь мы подходим к самой интересной и поучительной — по историческим справкам — части его книги.

Г-н Ильин готов отказаться от «абсолютного оправдания» меча, физического воздействия, насилия, войны, казни и т. д., с христианской точки зрения. Он перебирает сначала наиболее грубо-наивные попытки такого оправдания.

Такова попытка Мартина Лютера, который поставил себе теологический вопрос о том, могут ли воины на том свете быть среди праведных. И конечно, у него выходило, что могут, ибо «меч их защищает благочестивых, женщин и детей, дома и дворы, добро и честь и тем самым поддерживает и охраняет мир», а потому дело меча есть «дело любви»; оно «*Köstlich und göttlich*»¹⁶; что же касается того, что с делом меча нераздельны грабежи и убийства, *Würgen und Rauben*¹⁷, то они — кара Господня и в них воин — орудие Провидения. И всякую «слабую, придурковатую и сомневающуюся совесть» он успокаивал поистине чудовищными по грубой фанатической простоте речами: «Ибо рука, которая этим мечом движет и разит, есть уже отныне не рука человека, но десница Господня; это уже не человек, а Господь вешает, колесует, рубит головы, умерщвляет, воюет; все это — Его деяние и Его приговоры...».

На этой стадии развития — заметим от себя — стоит чекист, говорящий: я здесь ни при чем, не я тебя караю — то падает на твою голову карающая длань Революции.

Дальнейшая стадия — теологические рассуждения отцов иезуитов. Герман Бузенбаум ставит вопрос: позволительно ли кому-либо убивать? Ответ гласит: «С прямым намерением и сознательно никогда не позволительно, кроме тех случаев, когда на то есть соизволение Господа, владыки всего живота». Петр Алагона еще решительнее: «По велению Божию позволительно убивать невинного, красть, распутствовать, ибо он есть Владыка живота и смерти и повеление его исполнять обязательно».

В основе этого, казалось бы, еще более чудовищного положения лежит, однако, изуверски бесстрашно доведенная до логического конца мысль, что наши жалкие, земные, немощные понятия о добре и зле — ничто перед Высшим Господним Разумом, что пути его неисповедимы, а мы о них так же бессильны судить, как неспособна глина судить о делах горшечника. Надо быть орудием Господней десницы, а такому орудью — все позволено.

На этой стадии развития, заметим мимоходом, стоит тот идеолог красного террора, который писал: «Чека — это часовой Революции. У нас новая мораль, наша гуманность абсолютна, ибо в основе ее славные идеалы разрушения всякого насилия и гнета. *Нам все позволено*, ибо мы первые в мире подняли меч не ради закрепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства».

Нередко, однако, религиозной мысли приходилось не выдерживать и дрогнуть в этом пункте. В «Правилах св. апостолов» «извержению из священного чина» подлежат «епископ, или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющиеся», хотя мотивируется это политикански, разделением властей — Кесарево Кесареви, Божие Богови. В канонических посланиях Василия Великого встречается глубоко интересное место. «Убийение на брани Отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но, может быть, добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие нечистые руки, три года удержались токмо от приобщения Св. Тайн...».

Для Лютера это — образец «слабой, придурковатой и колеблющейся совести». То же, по-видимому, и для Афанасия Великого, рассуждающего откровенно оппортунистически и благонамеренно: «Ибо и в других случаях жизни обретаем различие, бывающее по некоторым обстоятельствам (sic), например: непозволительно убивать; но убивать врагов на брани и законно, и похвалы достойно. Тако великих почестей сподобляются доблестные во брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния».

Конечно, если уж кто даже с разрешения начальства попал на монумент, так этим самым вопрос о добре и зле разрешен компетентно и окончательно. И в православной Церкви «твердокаменный» Афанасий Великий, разумеется, восторжествовал над «мягким» Василием Великим, как ни старается представить дело в обратном свете г. Ильин, старающийся отблеск мысли Василия Великого вычитать в «чине освящения знамен»,

где молят Господа идущих под знаменем не только «спасти и защитить», но и «очистить и радости духовные исполнить»...

Но православная Церковь, как кажется, даже и не ставила вопроса о допущении к причастию палачей, шпионов и т. п. Тоже, разумеется, «по некоторым обстоятельствам»...

Но Ильин верует: «как обновившаяся икона (!) являет царственные лики древнего письма, утраченные и забытые нами, но незримо присутствовавшие и не покидавшие нас», так чудесно обновится новым видением и волением древняя мудрость православия. И вот он предлагает последнее и окончательное решение моральной коллизии в проблеме борьбы со злом.

Колеблющийся проблеск новой мысли в послании Василия Великого позволяет наконец г. Ильину обрести это решение. В чем же оно состоит?

«Если нравственное совершенство состоит в наличии полной любви ко всему земному и сущему, то духовно зрящий борец со злом допускает в себе самом нравственно несовершенное, урезанное, ущербное состояние и утверждает на нем свою деятельность. Он утверждает себя в неспособности светить, подобно солнцу, одинаково на злых и добрых... Как бы ни была предметно обоснована, и справедлива, и, в меру свою, верна и ответственна его отрицательная любовь, она остается сознательно допущенным, действительно изживаемым нравственным несовершенством.

Отрицательная любовь не только безрадостна и мучительна для человека; все движения внешней борьбы неизбежно, хотя и незаметно, вызывают в душе в виде отзвука или реакции — весь тот ряд враждебных или даже озлобленных порывов и чувств, которые необходимо бывает гасить и обезвреживать впоследствии, и притом именно потому, что в момент борьбы они бывают целесообразны... Душа становится суровее, жестче и легко впадает в каменеющее ожесточение. Незаметно она утрачивает светлую легкость, певучую нежность, эмоциональную гибкость и удоборастворимость. Она вырабатывает в себе отрицательно-подозрительный подход к людям. Фиксирование внимания на черной природе зла ведет к тому, что более слабая душа незаметно заряжается, а более сильная — каменеет и черствеет.

Активная, героическая борьба со злом отнюдь не является прямою и непосредственною дорогою к личной святости; напротив, это путь наитруднейший.

Принимая его, человек осуществляет исход несправедливый, несовершенный, не святой, но наименее несправедливый из всех

возможных. Ибо жизненная мудрость состоит не в мнительном праведничанье, а в том, чтобы в меру необходимости мужественно вступить в несправедность, идя *через нее*, но не к ней, вступая в нее, чтобы уйти от нее...

Это означает также, что нравственно несовершенное деяние может и не быть грехом, ибо грех есть всегда отпадение в сторону субъективного предпочтенного зла, тогда как несправедность может состояться не в виде отпадения и не в силу того, что зло оказалось более сильным или более привлекательным.

Мужество и честность требуют здесь открытого приятия духовного компромисса — не в личном интересе, а в интересах Предмета; бескорыстного приятия своей личной несправедности в борьбе со злодеем.

Компромисс меченосца состоит в том, что он сознательно и добровольно приемлет волею нравственно несправедный исход как духовно необходимый; и если всякое отступление от нравственного несовершенства есть несправедность, то он берет на себя несправедность; и если всякое сознательное, добровольное допущение несправедности волею создает вину, то он приемлет и *вину* своего решения. Если ему до того было доступно величайшее счастье — жить, приближаясь к требованиям совести, то теперь он отказывает себе в этом счастье, как невозможном...».

Если мы вспомним, как решали для себя эти вопросы подвижники и герои подпольной террористической борьбы против самодержавия, мы увидим здесь перепевы их задушевнейших мотивов. В лучшем, что есть в книге Ильина, он — мы это снова видим — лишь повторяет зады революции... посильно пытаясь соответственно их «освоить» согласно потребностям контрреволюции!

* * *

Что касается самого этого «освоения», то секрет его чрезвычайно прост.

Субъект социалистической морали — революционер, своим «мечом» *защищающий, обороняющий* права человека и гражданина от произвола монополистов власти и права народа, трудящихся классов, на устроение собственною волею своей участи — от деспотической опеки самозванных вершителей его судеб. И при этом принципиально ему все равно, приходят ли эти самозванные диктаторы, опекуны и деспоты справа или слева.

Контрреволюция, как и квазиреволюционная диктатура, борясь друг с другом, остаются на общей им почве — замысла рас-

поряжаться судьбами народа «по своему крайнему разумению». Глубокий внутренний лозунг происходящей между ними междоусобицы — «ôte toi, que je m'y mette»¹⁸. Одни ссылаются при этом на помазание религиозное или историческое, другие — на помазание собственной революционной бунтарской воли. Но те и другие верят в свое призвание — быть правителями; и если в их сознании померкли другие сломанные, историей, расслоения, то тем фиксированнее у них пропасть между управляющими и управляемыми.

Социалистическая мораль разрешала насилие как оборонительное средство; это был клин лишь для вышибания первоначального, засевшего крепко клина. Оно принципиально отбрасывалось по исполнении этого назначения, чтобы уступить место высвобожденному взаимодействию идей и организации сложения равноправных индивидуальных и групповых воль путем лояльного взаимоубеждения в равнодействующую — общенародную волю. Ибо для социалиста существуют не только голые формы, но и глубочайшие *моральные основы демократии*.

Для коммуниста и монархиста или фашиста, для православного иезуита и для красного иезуита дореволюционное, оборонительное насилие — сравнительно неважный эпизод. Центр проблемы о праве на «физическое понуждение» для них в организованном государственном понуждении, которое дается захватом в свои руки государственного руля, во имя интересов народа, но хотя бы и против его воли. Для Ильина тут сейчас же выступает у апостола Петра право и обязанность правителя «заграждать уста невежеству безумных людей». Не хуже «заграждать уста» умеют и сподвижники Ленина. Они лишь по-разному определяют, кто «безумный», и неудивительно: каждый считает себя призванным это делать, руководясь лишь собственным «крайним разумением»!

Кто отрицает за ними право по выбору «заграждать уста» или право на «физическое понуждение» большинства, тот подпадает под «высшую меру» «физического воздействия» то одного, то другого из этих двух враждующих близнецов. Они хладнокровно идут вплоть до «кровавых разрезов», провозглашая себя — в один голос — «хирургами» общества.

И одинаково забывают — как те, так и другие, — что, в противоположность современной этике, они оперируют «больные» нации, не спрашивая их согласия, предварительно захватив своих пациентов более или менее врасплох и прикрутив им руки к лопаткам.

Им лучше всего вообще предпринимать моральную апологию насилия, «физического принуждения» и вообще морально развязать себе руки. Это легче всего делается или при помощи морального нигилизма, при котором мне «все позволено», или при помощи морального догматизма, когда я — орудие Высшей воли, пути которой не нам судить.

Первым путем идут смело до конца коммунисты. Второй путь уже не по силам идеологу нашего православного фашизма г-ну Ильину. И он, подобно грешнику, ходит на две стези.

Начав «запросом» о реабилитации насилия, он кончил отходом на вторые позиции развенчанием насилия. Но, приняв это развенчание в чутко-совестливой формулировке беспощадных к себе *подвижников* освободительного движения, он подвел контрабандой под нее и совершенно другого рода «физическое принуждение» — не оборонительное и освободительное, а наступательное и захватническое.

А затем и это фальшивое «умаление» нравственного веса диктаторского насилия свел на нет своим заключительным аккордом:

«Человек власти и меча, действуя с сознанием духовной необходимости, не должен во время действия обессиливать себя рефлексией на идеальное или предаваться преждевременным угрызениям: кто идет по канату и начинает несвоевременно оглядываться, тот падает и расшибается...».

Перед тем объяснялось, что «из религиозного чувства и по духовному убеждению» этот «человек власти и меча» должен уметь, не смущаясь, «разогнать толпу», «арестовать, приговорить, расстрелять».

Если в лучших местах своей книжки г. Ильин твердил зады русской революции, то в худших местах ее он твердит зады русского большевизма, перепевая идеологов чрезвычайки.

И еще одно слово. Своих будущих «людей меча и власти» г. Ильин уподобил картинно акробатам, балансирующим на высоко висящем канате. И фашизму, и большевизму акробатическое искусство, конечно, потребуется. Но ведь чем выше вскарабкиваются, тем катастрофичнее «падения». А упасть, и упасть очень больно, можно, даже и не успев еще вскарабкаться. И это, кажется, на роду написано новейшему нашему православному и монархистствующему белому фашизму.

А. К.

И. А. Ильин. О сопротивлении злу силой

Интересной книге талантливому философу не повезло. Отдельные главы из прочитанных проф. Ильиным во всех столицах русской эмиграции и появившиеся затем в печати (в газете «Возрождение») вызвали в свое время шумную и озлобленную полемику, исчерпавшую, по-видимому, интерес к затронутой им теме. Впрочем, полемику вызывали, по-видимому, не сами тезисы и положения автора, а то политическое, конкретное их истолкование и применение, в котором отчасти, конечно, повинен и сам автор, отчасти же — и едва ли не в большей мере — его политические единомышленники и противники.

А между тем поставленный проф. Ильиным вопрос о «сопротивлении злу», об активной борьбе со злом является кардинальной проблемой как этики, так и философии права, а пожалуй, и философии религии, и конечно, ответ на него в равной мере обязателен как для монархиста, так и для демократа. Вдобавок и связь между определенным решением, даваемым Ильиным, и его политическими воззрениями является, по моему мнению, вполне случайной.

Я не знаю, согласится ли со мной в данном случае проф. Ильин, но это не важно. Ибо если он и не согласится, то это будет только лишним доказательством того, что политическая и философская позиции проф. Ильина не связаны между собою неразрывной цепью логических умозаключений и что абсолютные принципы допускают всевозможные конкретные применения.

Но оставим применения — им же несть числа — и вернемся к единственно нас интересующему философскому вопросу: можно или нет активно бороться со злом, можно или нет в этой

борьбе причинять другому страдание, даже смерть? И если можно, а может быть, и должно, то как совместить подобный долг с христианской заповедью любви? И не следует ли, наоборот, отвергнуть как недопустимый, как греховный подобного рода «долг» и вместе с Толстым признать единственно законной с христианской точки зрения позицию последовательного непротивленчества.

Конечно, практически вопрос решен. Конечно, практически, пожалуй, и не нужно было вновь подвергать уничтожающей критике толстовское непротивленчество, давно уже не играющее почти никакой роли в русской духовной жизни, давно уже вдобавок подвергнутое уничтожающей критике Вл. Соловьевым.

Но это практически! А в теории и до сих пор еще господствуют грубо-прагматические и глубоко лицемерные учения о наказании-устрашении, наказании-исправлении и наказании-искуплении. Да и на практике толстовство как таковое, конечно, мертво, но разве не выразителями родственных толстовству настроений являются современные пацифисты и *conscions objecters*?¹

И как на самом деле совместить признание абсолютной ценности человеческой личности с необходимостью уничтожения — по крайней мере, в ее земном явлении — этой самой личности? Не помогает и лицемерная ссылка на евангельский текст: «Блажен да кто душу (жизнь, как обычно толкуют) положит за други своя». Ведь в том-то и дело, что *не свою* душу, а *чужую* приходится класть для други «своя».

Чрезвычайно ценной является в книге Ильина глубокая, действительно уничтожающая критика индивидуалистического эгоизма-нейтрализма (этой последней основы всякого непротивленчества), заботящегося только о *своем личном* спасении, пытающегося отвергнуть основанную на общечеловеческой солидарности ответственность каждого за все совершающееся, хотя бы и не им совершенное. И во всей своей трагической безысходности выявляется Ильиным страшная дилемма: или *греховное попустительство* творящемуся злу — или, *тоже греховная*, активная борьба с ним. И как бы мы ни относились к авторитетности — признаваемой проф. Ильиным — фактически данных, по его мнению, Архангелом Михаилом, Ослябей и Пересветом, Христолюбивым Воинством и Добровольческой армией решений, — нельзя не отметить оригинальность и силу даваемого самим Ильиным на основе необычно тонкого, глубокого анализа двойственного характера акта любви (любви положи-

тельной, утверждающей; и отрицательной, испепеляющей) решения — толкования приведенного нами Евангельского текста: *греховный* сам по себе акт может быть в то же время *долгом*, не теряя при этом характера греха и не переставая из-за греховности быть долгом.

Митрополит АНТОНИЙ

О книге И. Ильина

(«О сопротивлении злу силой»)

Эту весьма глубокомысленную и интересную книгу я читал с месяц тому назад и сделал тогда же немало отметок на ее полях; однако не мог раньше взяться за перо, чтобы написать просимую рецензию, будучи подавлен множеством неотложных дел. Кроме этой книги, еще четыре автора ожидают моего отзыва.

Предмет, трактуемый почтенным философом И. А. Ильиным, мне близок: еще в 80-х годах я читал в Петрограде публичные лекции о противлении злу против Л. Н. Толстого, а затем издал книжку «О войне с христианской точки зрения»¹, которая, впрочем, подверглась бойкоту со стороны баптистов и др<угих> темных сил, пропагандировавших «непротивление» как раз в 1914 г.

Самое печальное в этой пропаганде было то совершенно нерелигиозное и неискреннее отношение к предмету, которое у нас весьма успешно практикуется во всех вопросах, соприкасающихся с христианским учением, ибо на стороне пропагандистов было и недавнее нерасположение общества к религии вообще, а к православной в особенности, и еще более — непроходимое невежество в учений Св. Библии: публика наша даже не представляет себе объема этой книги и воображает, будто Библией именуется только Ветхий Завет. — А Новый? — «Ну, это другое дело: Новый Завет — это все равно что Евангелие». — А деяния, послания и апокалипсис? — «Ах, в самом деле, я и забыл (чаще — забыла)».

Подобное же отношение к Св. Писанию проявили и мизерные, нанятые критики книги г. Ильина по поводу его ссылки

на слова Апостола Павла: «Всяка душа властем предержащим да повинуется». Они требовали ссылки на «первоисточник Откровения» — слова Христовы — и злорадно предупреждали, что соответствующих слов найти невозможно, ибо Христос сказал: «Не убий».

Полуграмотные друзья мои! Это сказал не сам Христос, а Моисей, т. е. Бог устами Моисея, а раньше и Сам вслух <для> всего народа (Исх. 20); Христос же Спаситель говорил богатому юноше: «Аще хочеши внити в живот, соблюди заповеди»; и на вопрос: «какие?» перечислил 5-ю и 6-ю, 7-ю и 8-ю и 9-ю (Мф. 19: 16—25, и Мк. 10: 18—22). Но вам, конечно, неизвестно, что Господь Бог, дав 10 заповедей, тут же предъявляет кару за их нарушение. Кто злословит отца или мать, того должно предать смерти и т. д. Такое же наказание в той же книге Исход и затем во Второзаконии Господь назначает хульникам, прелюбодеям, наконец всякому хозяину, который держит заведомо бодливого вола, — если вол забодает мужчину или женщину.

«Но ведь Христос (скверная привычка говорить Христос вместо Иисус Христос, или Христос Спаситель: по одному этому признаку можно познать человека нерелигиозного), Христос не говорил ничего подобного!» — кричит вам в ответ полуграмотный критик. Нет, говорил! Откройте Мф. 15: 3—6 и читайте Его слова:

«Зачем вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет (ср.: Исх. 20: 12; 21: 16). А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почитать отца своего или мать свою. Таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим». Видите, Спаситель не только привел заповедь, но и присоединил к ней слова «Божий», не имеющиеся в десятословии, и признал сие повеление о смертной казни для злословящих отца или мать заповедью Божиею, Самим Богом изреченною.

«Так значит — смертная казнь? пытка, инквизиция?» — кричат непротивленческие борзописцы. Ответим так: «Что следует для нас, христиан, из этих слов, мы скажем в свое время, а вы извольте заткнуть свой глупый рот, когда желаете говорить, будто Иисус Христос не подтверждал слов Ветхого Завета о наказаниях и войне. К сожалению, этого изречения Господня не привел и И. А. Ильин в своей книге.

Но главная ценность последней не в изъяснении закона Божия, а в том, что он ясно и определенно указал на ложь и лице-

мерие непротивленцев, могущих продолжать свое существование только благодаря наличности армии и полиции во всяком культурном народе, а следовательно, ответственных за те карательные законы, которые действуют в их стране. Не все граждане палачи, не все сражаются на войне, но без армии и палачей они бы не могли жить в безопасности, и следовательно, если война и казнь грех, то это грех всех. Вот эту истину И. А. Ильин выясняет со всею ясностью: если не казнить нераскаянных злодеев, то они будут казнить мирных граждан; все это знают все непротивленцы, пережившие революцию последних лет.

Эту совершенно ясную мысль автор подкрепляет философскими и психологическими основаниями, справедливо доказывая, что человек не есть индивидуальный только субъект, но связан в добре и зле со всеми: «Ни добро, ни зло не имеют в жизни людей чисто личного или частного характера. Всякий добрый, независимо даже от своих внешних поступков, добр не только про себя, но и для других; всякий злой, даже если он злится только про себя, зол, вреден и ядовит для всего человечества» (с. 147). Вот почему в живом общении людей каждый несет в себе всех и, восходя, тянет всех за собою, и падая, роняет за собою всех (с. 148). Мысли эти, конечно, давно высказаны еще ап. Павлом и отцами Церкви и в последнее время Достоевским, но Л. Н. Толстой совершенно бездоказательно отверг их и заявил уверенно, но неосновательно, что он не обязан защищать жертв злодея силой потому, что отвечает за свою собственную деятельность.

Наш автор не видит в насильственном пресечении злодеяний человеческих панацею <от> всех зол: «отрицательная задача понуждения, пресечения, — говорит он, — отрезать пути к злодейству, оставляя открытым путь единения. Это далеко еще не создание рая, но это есть исключение ада» и т. д. (с. 166).

Уклоняться от такого долга гражданина и христианина и из опасения согрешить гневом или обидеть злодея «было бы столь же реально, умно и состоятельно... как человеку, провалившемуся по пояс в болото, рассуждать о том, как бы ему вернуться домой, не допустив в своей одежде ни одного влажного пятнышка» (с. 172.)... Ибо есть определенные жизненные положения, при которых заведомо следует искать не праведности и не святости, а наименьшего зла и наименьшей несправедности (с. 174), ибо, прибавим от себя, зло уже есть нечто данное в тех случаях, когда борьба против него возможна только чрез приложение физической силы. Далее автор приводит изречение Евангелия

(на самом деле послания ап. Иоанна): «Ненавидящий брата своего человекоубийца есть, хотя бы он физически не убил никого» (с. 176).

Убийство — грех (скажем от себя) как выражение богопротивной злобы и ненависти или как произвол, воспрещенный Богом. Но убийство на войне может не содержать в себе ни того ни другого элемента и потому Церковь в каноническом послании св. Афанасия Великого к Аммуну-монаху не признает участие на войне грехом. Послание это автор приводит на с. 180 в примечании, но, к сожалению, не подчеркивает его общецерковного значения как безапелляционного общецерковного учения, ибо послание сие есть каноническое, утвержденное VI и VII Вселенскими Соборами². Впрочем, он сам от себя справедливо поясняет в начале своей книги, что два совершенно одинаковых с виду поступка могут оказаться имеющими совершенно различную, может быть прямо противоположную, нравственную и религиозную ценность: два пожертвования, две подписи под одним документом, два поступления в полк, две смерти в бою. Казалось бы, что христианское сознание не должно бы нуждаться в таких, почти аксиоматических, разъяснениях (с. 19).

Впрочем, признавая их аксиоматическими, автор растягивает их на 220 страниц, внося сюда совершенно неуместно, но сообразно современной моде таблицы наподобие генеалогических или математических.

Впрочем, это дефект относительный, а вот уже безусловное достоинство его книги, что он сближает в известных положениях людей минимум неизбежного зла с положительным добром и резко осуждает уклонение лицемеров вроде Л. Н. Толстого от раскрытия обязанности члена человеческого общества защищать учреждение, коим охраняется не только его благополучие, но и самая возможность существования на земле.

Действительно, прав автор, заявляя, что «вся история человечества состоит в том, что в разные эпохи и в разных обществах лучшие люди гибли, насилуемые худшими, причем это продолжалось до тех пор, пока лучшие не решались дать худшим планомерный и организованный отпор» (с. 161). И если «не всякий способен взяться за меч и бороться им и остаться в этой борьбе на нравственной высоте», то ясно, что «для этого нужны не худшие люди, а лучшие люди, сочетающие в себе благородство и силу; ибо слабые не вынесут этого бремени, а злые изменят самому призванию меча» (с. 208). Не так по мора-

ли Толстого, ибо только «для лицемера и слепца равноправны и Георгий Победоносец, и заколотый им дракон» (с. 112).

Лучший моралист из наших старших современников, епископ Феофан Затворник († 1894 г.) на запрос одной своей корреспондентки, благословит ли он отдать сына в военную школу, согласно его желанию, или (кажется) в инженеры, согласно желанию его матери, отвечал: пусть будет воином, это благородная и достойная служба вере и отечеству. Этот епископ, доктор богословия, бывший раньше ректором столичной академии и написавший целую гору учено-богословских сочинений, а себя стеснивший в безусловное одиночество в провинциальном монастыре, уже не может быть укоряем в оппортунизме даже такими ретивыми прокурорами, как оппоненты И. А. Ильина.

Итак, мы приветствуем мысли и книгу последнего: он глубоко и всесторонне понимает христианское учение о степенях совершенства и смотрит правде в глаза без замалчивания.

Можно разве немного пожалеть о том, что он мало выяснил свой вопрос с точки зрения распределения обязанностей между членами человеческого общества. Правда, он говорит, что «счастливы в сравнении с государственными деятелями монахи, ученые, художники и созерцатели... но они должны понимать, что их руки чисты для чистого дела только потому, что у других нашлись чистые руки для нечистого дела. Они должны помнить, что если б у всех людей страх перед грехом оказался сильнее любви к добру (и к ближним), то жизнь на земле была бы невозможна» (с. 209).

Светлая и сильная мысль! Не указан только церковно-общественный принцип, по которому совершается разделение жизненного труда между носителями различных служений.

Затем, не указаны границы приложения активной принудительной силы в борьбе со злом, например, царю-завоевателю, карательному отряду, государственному сыщику и, наконец, инквизитору, если б такие оказались снова на земле (и, конечно, окажутся). А границы эти указать необходимо: ведь и ныне не существует, например в Европе, государства, в коем не практиковались бы пытки при допросе и террор при бунте.

Впрочем, это вопрос настолько сложный, что трактовать его в той же книжке, которая пытается установить только самое общее согласование между добродетелью и общественным порядком, между Царством Божиим или Церковью как свободным союзом и государством как союзом принудительным, совершенно невозможно: автору достаточно было бы указать только наличность такой нравственной нужды.

Не могу удержаться от одного только легкого упрека автору: он, как человек более талантливый, чем большинство современных писателей, мог бы воздержаться от несчастной современной привычки кроить новые слова: духовно-душевный, мироотвергающая религия, духовное видение (?), любовное приятие заставляемой души и т. п.

3. ГИППИУС

Предостережение

Говорят, одержимость — болезнь древности. Я думаю — она вечная и лишь в иные времена усиливается и распространяется.

Наше время для нее благоприятно. Участились случаи, тяжелые и легкие, и всегда разнообразные, всегда в зависимости от индивидуальности.

Одержимость не нападает сразу; она развивается постепенно; и в течение некоторого периода можно еще слушать человека и принимать его за прежнего, не догадываясь о том, что с ним случилось.

Это период — опасный для недогадливых. Нужно стараться помочь им поскорее раскрыть глаза. И я обращаюсь к тем из слушателей и читателей проф. И. А. Ильина, которые не потеряли способность рассуждать: попробуйте отнеситесь внимательнее к последним его книгам и к фельетонам на страницах «Возрождения». Вы увидите, может быть, нечто новое.

Вот хотя бы недавняя статья «Дух преступления»¹. Относительно содержания ее спорить не будем — не спорят с авторами таких статей, мы только со спокойствием рассмотрим, что она из себя представляет.

Вглядитесь: разве ее написал философ Ильин? Разве какой-нибудь философ — да что философ! просто человек с размышлением — позволил бы себе так обращаться со словами и понятиями?

У Ильина нет определений; он действует странным и упрощенным способом — посредством *знаков равенства*. Берет одно слово, берет другое, какое ему соизволится, ставит между ними знак равенства, и конец: считайте, что это синонимы. Отсюда уже идут выводы, настолько же лишённые смысла, насколько

неосмысленно и произвольно было наложение одного слова на другое.

Чтобы пояснить этот способ, вот примерное упражнение с словом «война».

Война = Крестовые походы. Крестовые походы = подвиг. Таким образом: *война = подвиг*; это синонимы. Каждый раз, когда произносится слово «война», понимайте: «подвиг».

Или так (с равным правом): война = германская война. Германская война = коварство. Значит: война = коварство; это синонимы. Каждый раз, когда произносится слово «война», понимайте: «коварство».

Одинаковый произвол — и одинаковое бессмыслие.

Именно этим способом, конечно невозможным для человека, считающегося с условиями разумного мышления, оперирует Ильин: революция = большевизм. Большевики = преступники. Таким образом: *революция = преступление*; это синонимы. Каждый раз, когда пишется «революция», читайте: «преступление».

Начертав свой первый знак равенства (революция = большевизм), Ильин делает ради второго (большевики = преступники) что-то вроде диверсии в сторону большевиков, крайне торопливо и ненужно, ибо новых доказательств их преступности не приводит; да и никаких, пожалуй, не приводит, ограничиваясь главным образом бранью, «обзываньем» их каторжниками, уголовщиной и т. д., что также новости для нас не имеет. Но это понятно. Ильин очень спешит и подчеркивает: «Революция в том, что *революционеры всех ограбили*». Через несколько строк, опять курсивом: «*И все это есть революция*» (читай: преступление).

Все ясно, дальше оставалось бы доказывать, разве что преступление — преступно, а это доказательств не требует. К тому же Ильин опять торопится. Преступление установлено; надо, значит, найти всех преступников, всех прикосновенных к преступлению, посадить их на скамью подсудимых и озаботиться о достойном наказании. Впрочем, что касается наказания, то оно известно: Ильин уже объявлял о нем. Это «в строгой последовательности — *пресечение, безжалостность, казнь*».

Для раскаявшихся и малосознательных сообщников будет допущено, вероятно, снисхождение: эти «рабы биты будут меньше».

Розыск злодеев и преступников не долг, не труден: уголовной бандой грабителей и убийц с их сообщниками оказывается вся русская интеллигенция. Да и действительно: ведь «*револю-*

ция — *большевизм — преступление*» не три слова, а одно; значит, бывшие, настоящие и будущие, активные и неактивные революционеры — большевики; они же — преступники или, в крайнем случае, сообщники. А так как я не знаю, найдется ли хоть один русский интеллигент, который мог бы представить достаточные для Ильина доказательства, что он и помышлением никогда революции (преступления) не касался, то ясно: на скамье подсудимых *вся* русская интеллигенция. Так есть, так и быть должно; и бывший философ Ильин так это и объявляет.

Судебный процесс он ведет стремительно, впрочем, находит время для попутного глумленья над обвиняемыми. Это вообще характерная черта для теперешнего состояния философа — осыпать бранью, попросту обзывать своих «преступников» всяческими словами: ах вы такие-сякие, уголовщина, каторжники, воры злодейские! Что, молчите, небось! Страшно?

И едва лишь почудится ему, что кто-то собрался открыть рот, — последний окрик:

— Довольно! Я — знаю, что говорю! А вы — слушать и молчать!

Конечно, молчать; не спорить же с человеком в пене? Говорить надо не с ним, но о нем, о его состоянии, о его писаниях.

Да какие уж это писания? Это буйство, а не писания. Одержимому свойственно буйствовать (даже тихий, и тот без своего — тихого — буйства не обходится). Однако буйствовать на улице или хотя бы в переулке «Возрождения» до сих пор не позволялось. Как раз Струве — если память мне не изменяет — всегда, во всех своих положениях, был против буйства. И то, что уличное буйство Ильина им ныне поощряется, — будит во мне горестное подозрение: да уж не коснулась ли и его та же зараза? Сам-то Струве — уж вполне ли Струве?..

Люди, имеющие отношение к религии, должны скорее других догадываться о несчастьи, постигшем Ильина. Ведь он, изрыгая свои беспорядочные проклятия и угрозы, еще претендует и на «христианство», еще пытается и на него опереться, мешая с бранными какие-то «христианские» слова. Для человека мало-мальски религиозного это уж совсем должно быть нестерпимо; и должно сразу открыть ему глаза. От лиц, высокоавторитетных в этой области, мне пришлось слышать два кратких определения последней «деятельности» Ильина: «военно-полевое богословие» и — еще выразительнее и прямее — «палачество».

Да, всем, имеющим и не имеющим отношение к религии, революционерам и антиреволюционерам, левым и правым —

всем, сохранившим человеческое соображение и человеческие чувства — должны мы неустанно твердить: будьте внимательны, это в ваших же собственных интересах. Попробуйте следить не за тем, *что* говорит Ильин, а *как* он говорит; и вы тотчас увидите, что это не философ пишет книги, не публицист фельетоны: это буйствует одержимый.

И. А. ИЛЬИН

Письмо в редакцию <газеты «Возрождение»>

Глубокоуважаемый Петр Бернгардович!¹

В № 1800 газеты «Последние новости» я прочел заметку госпожи Гиппиус, характеризующую мои статьи в «Возрождении» как «буйство одержимого». Заметка эта написана в обычном для левой печати дурном тоне, в тоне мелкой инсинуации, и отличается разве лишь своею злобностью и претенциозностью. Я не буду засорять «Возрождения» полемикой с такими заметками, своевременно я предостерегал господ левых, что если они хотят серьезного отношения к своим статьям, то они должны оставить вульгарный тон и честно стараться понять чужую мысль. Всякие переходы в сферу произвольного домысла, сердцеведения, личных характеристик — *неприличны* и заставят меня проходить мимо их писаний так, как проходят мимо неприличия.

Я бы и совсем обошел молчанием выходки госпожи Гиппиус, но по поводу распространяемой ею неправды я считаю правильным обратиться *к нашим* читателям и восстановить правду о моих воззрениях.

Устно и печатно говорил не раз и повторяю: русская революция есть процесс стихийный и болезненный; нам надо не искать виновников, а исследовать причины: кризис слишком глубок, слишком идеен, слишком всеобщ для того, чтобы какие-то добольшевистские отдельные личности могли быть объявлены виновниками.

Носиться с мстительными чувствами и жаждать мести — слепо, ядовито, безбожно, бесплодно. Мечтать о реставрации бывшего — неумно, безнадежно, негосударственно. Как выразился один из сотрудников «Возрождения», надо «смотреть вперед и созидать новое». Россия была духовно больна: ею овла-

дел дух революции, дух преступления. Наказание за это уже было, оно уже состоялось; и *такого* наказания и придумать никто не мог. В Россию надо идти с духом *братства*, с духом *амнистии*: всем болевшим, всем увлеченным, всем совращенным, всем павшим... С нелицемерным, государственно осуществляемым погашением вины.

Но идти надо прежде всего с тем, чтобы освободить ее от злодеев и злодейского ига. Это освобождение требует борьбы. Эта борьба требует силы и меча. Уговаривать здесь глупо до подлости. Бездействовать здесь нечестно до предательства. Всякий уговаривающий или бездействующий должен осмыслить свое поведение как явное потакание злодейству.

Во всем этом ничего не изменится, если кто-нибудь начнет отпугивать других словом «палач» или повторять плоские шутки о «военно-полевом богословии». Те, кто религиозно и активно любит свою Родину, отнесутся с пренебрежением и к страшным словам, и к плоским шуткам, и к газетной пачкотне дурного тона.

В час величайшего крушения и унижения Родины патриоту *естественно быть одержимым* любовью к ней и *буйно* относиться к ее врагам; и *противоестественно* занимать двусмысленную позицию и повторять холодные и злые, пустые и бесплодные слова...

Мне отрадно думать, дорогой Петр Бернгардович, что в этом воззрении моем я не одинок и что на страницах «Возрождения» я могу говорить об этом от лица нашего *мы*. Философ я или еще кто-нибудь — об этом будут судить наши внуки; пройдет время, нас не станет, и все обнаружится и поймется — кто по совести искал правду и кто, боясь этой правды, инсинуировал. Но и в понимании Христианства я не одинок, и духовная поддержка таких иерархов, как митрополит Антоний, архиепископ Анастасий Иерусалимский и епископ Тихон Берлинский, дает мне уверенность в том, что я не изобрел никакой новой ереси.

<?>

«Праведник»

Г-н Ильин отозвался на статью З. Н. Гиппиус письмом в редакцию «Возрождения».

Письмо извилистое, беспокойное и косящее во все стороны.

Профессор, упорно показывающий, что революция — преступление, смешивающий революционеров, а заодно с ними всю интеллигенцию с карманщиками и убийцами, пишет теперь:

«Русская революция есть процесс стихийный и болезненный, нам надо не искать виновников, а исследовать причины, кризис слишком глубок, слишком идеен».

Профессор не жаждет мести. Он не «мечтает о реставрации» (а о чем?). Он хочет идти в Россию «с духом братства, с духом амнистии». Прекрасно. Но ведь мы читаем в книжке проф. Ильина объяснение:

«Имеет смысл сказать, что свирепая мстительность есть зло, но не имеет смысла сказать, что кровавый разрез есть зло...»

Мы знаем также, что для него отрицание смертной казни есть:

«благоговейный противоестественный трепет пред телом злодея».

Столыпин тоже уверял, что смертная казнь не месть, а кровавый хирургический разрез. Ленин держался приблизительно того же мнения.

Но оставим иезуитские софизмы «философа» и вспомним, что пишет «публицист» в статьях, вызвавших возмущенную отповедь З. Н. Гиппиус.

«Болтали о государстве и государыне: не было ли измены? нужен ли вообще Царь? и не лучше ли республика? И уже одним этим предreshали вопрос, ибо, перестав верить Царю, не имели уже оснований поверить кому бы то ни было».

Или:

«Потеряв Царя, потеряли и царя в своей голове, вторгшись с бесчестьем во дворец и на форум, не могли уже устоять от соблазна *последнего и всяческого бесчестья*. Какое же государство возможно на бесчестьи? Бесстыдно-обезьянье? Болтали об Учредительном собрании, как если бы толпа празднословящих дезертиров и погромщиков, никому не доверяющая и ничего не уважающая, — *чернь без чести*, — могла бы “учредить” какой-то новый правопорядок... Какой же? Хамовластье? (см. «Молчание и болтовня» ¹⁾».

Автор этих и подобных пошлостей находит возможным обвинять г-жу Гиппиус в «дурном тоне», «злобности» и «инсинуациях».

Но лучше всего последний аргумент г. Ильина.

«В понимании христианства я не одинок, и духовная поддержка таких иерархов, как Митрополит Антоний, Архиепископ Анастасий Иерусалимский и Епископ Тихон Берлинский, дает мне уверенность в том, что я не изобрел никакой новой ереси».

Если так, то зачем же вилать и зачем вести фальшивые речи о братстве, амнистии и т. д.

Ведь индульгенция дана?

Н. БЕРДЯЕВ

Кошмар злого добра

(О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою»)

Услышав, что некоторые злословят ближних, я запретил им; делатели же сего зла в извинение отвечали, что они делают это из любви и попечения о злословимом. Но я сказал им: оставьте такую любовь... Если ты истинно любишь ближнего, как говоришь, то не осмеивай его, а молись о нем втайне; ибо сей образ любви приятен Богу. Станешь остерегаться осуждать согрешающих, если всегда будешь помнить, что Иуда был в соборе учеников Христовых, а разбойник в числе убийц; но в одно мгновение произошло с ним чудное перерождение.

*Преподобного отца нашего Иоанна,
игумена Синайской горы, Лествица*

Мне редко приходилось читать столь кошмарную и мучительную книгу, как книга И. Ильина «О сопротивлении злу силою». Книга эта способна внушить настоящее отвращение к «добру», она создает атмосферу духовного удушья, ввергает в застенки моральной инквизиции. Удушение добром было и у Л. Толстого, обратным подобием которого является И. Ильин. И Л. Толстой мог внушить отвращение к добру. «Джентльмен с ретроградской и насмешливой физиономией»¹ должен неизбежно явиться из подполья Достоевского, чтобы опрокинуть inferнальный² нормативизм и морализм И. Ильина и прекратить удушение, во имя добра совершаемое. Никакая жизнь не может цвести в этом царстве удушающего, инквизиторского добра. Такого рода демоническое добро всегда есть моральное извращение. Напрасно И. Ильин думает, что он достиг той духовности, отрешенности и очищенности от страстей, которые

дают право говорить от лица абсолютного добра. Добро И. Ильина очень относительное, отяжелевшее, искаженное страстями нашей эпохи, приспособленное для целей военно-походных. И. Ильин перестал быть философом, написавшим в более мирные времена прекрасную книгу о Гегеле. Он ныне отдал дар свой для духовных и моральных наставлений организациям контрразведки, охранным отделениям, департаменту полиции, главному тюремному управлению, военно-полевым судам. Может быть, такие наставления в свое время и в своем месте нужны, но они принижают достоинство философа. «Чека» во имя Божье более отвратительно, чем «чека» во имя дьявола. Во имя дьявола все дозволено, во имя Божье не все. Это причина того, что дьявол всегда имеет в нашем мире больший успех. Пусть казнь как трагический и жертвенный акт, совершаемый в жизни, имеет свое оправдание, но не может иметь оправдания патетическое философствование о казни, не может быть оправдана любовь к такого рода занятию. Духовный и нравственный сыск, разработанный в целую систему со всеми приемами утонченного феноменологического метода, подозрительность и одержимость злом, которому нужно ежеминутно сопротивляться силой, свидетельствуют о духовно нездоровом состоянии, о религиозно не просветленном отношении к жизни. И особенно тяжелое производит впечатление, когда пишут о таких страшных вещах, как убийства, мечи, казни и пр. в стиле риторическом, с ложной возвышенностью и ходульностью. Книга И. Ильина громко свидетельствует о том, что автор не выдержал духовного испытания нашей страшной эпохи, что он потерпел в ней нравственное поражение. Книга эта есть болезненное порождение нашего времени. И. Ильин заразился ядом большевизма, который обладает способностью действовать в самых разнообразных, по видимости противоположных формах, он принял внутрь себя кровавый кошмар, не нашел в себе духовной силы ему противиться. Яд большевизма действует или в форме приспособления к большевикам, или в форме заражения его духом во имя целей противоположных, заражения насильничеством и злобностью.

В сущности, большевики вполне могут принять книгу И. Ильина, которая построена формально и мало раскрывает содержание добра. Большевики сознают себя носителями абсолютного добра и во имя его сопротивляются силой тому, что почитают злом. Именно им свойственно резкое разделение мира и человечества на два воинствующих лагеря, из которых один знает абсолютную истину и действует во имя абсолютного доб-

ра, другой же есть предмет воздействия силой, как находящийся во тьме и зле. Эта непомерная духовная гордыня большевиков свойственна и И. Ильину. Он не просветлен тем христианским сознанием, что весь род человеческий поражен первородным грехом и потому не может распадаться на расу добрых, специально призванных бороться со злом силой, и расу злых — объект воздействия добрых.

Сам И. Ильин как будто бы не замечает своего исступленного отвлеченного морализма и в некоторых местах даже критикует такого рода морализм. Но это — недоразумение. Он не менее моралист, чем Л. Толстой. Потому-то он так и занят Толстым, что он подсознательно ощущает его в себе. Мы увидим, что он во многом повторяет основные ошибки Толстого. Книга И. Ильина в значительной своей части представляет критику Толстого и толстовства. И. Ильин говорит много несомненно верного о Толстом, но совершенно не нового и давно уже сказанного Вл. Соловьевым и др. В частности, автор этих строк много критиковал Толстого и пользовался аргументами, которые сейчас воспроизводит и И. Ильин. Но толстовство не играет никакой роли в наши дни, оно не владеет душами современных людей и не направляет их жизни. Весь характер нашей эпохи вполне антитолстовский, и мало кто сомневается сегодня в оправданности сопротивления злу силой и даже насилием. Мы живем в одну из самых кровавых эпох всемирной истории, в эпоху, объятую кровавым кошмаром, когда всякий уверен в своем праве убивать своих идейных и политических противников и никто не рефлектирует над оправданностью действия мечом. Кровавая война, кровавая революция, кровавая мечта о контрреволюции приучили к крови и убийству. Убийство человека не представляется страшным. Сейчас трудно людей заставить вспомнить не только о заповедях новозаветных, но и о заповедях ветхозаветных. И пафос И. Ильина непонятен по своей несвоевременности. Непонятно, против кого восстал И. Ильин, если не считать кучки толстовцев, потерявших всякое значение, да и никогда его не имевших. И. Ильин как будто бы прежде всего борется против русской революционной интеллигенции. Но она ведь всегда признавала в значительной своей части сопротивление злу силой, террором, убийством, вооруженными восстаниями и всегда думала, что этими средствами она утверждает абсолютное добро и истребляет абсолютное зло. Только благодаря такому моральному сознанию русской революционной интеллигенции и стал возможен большевизм. «Чека» у нас морально давно подготавливалась. Уже у Белинско-

го в последний его период можно найти оправдание «чекизма». В длинном пути, уготовлявшем большевизм, непротивленства у нас не было никакого. Можно ли сопротивляться силой меча злу самого большевизма? В этом также мало кто сомневается, как раньше мало кто сомневался в возможности сопротивления силой меча самодержавию. Правые все время бредят военными действиями против большевизма и даже готовы принять меч картонный за меч победный. Левые также не сомневаются в принципиальной допустимости сопротивляться силой большевизму. Споры идут лишь о целесообразности тех или иных методов борьбы. Если кто-нибудь, напр<имер>, отрицает Белое движение, которое для И. Ильина имеет абсолютное значение, то не потому, что не допускает действия силой и мечом, а потому, что не верит в реальность Белого движения и целесообразность его и в разжигании страстей этого движения видит опасность укрепления большевизма. Но, может быть, небольшая группа религиозных мыслителей, призывающих прежде всего к духовному возрождению России и русского народа, отрицает в принципе сопротивление злу силой? И этого нет. Я, напри<м>, никогда не был толстовцем и непротивленцем и не только не сомневаюсь в принципиальной допустимости действовать силой и мечом, при соблюдении целесообразности и духовной гигиены, но и много писал в защиту этого тезиса, хотя в Белое движение не верю по разнообразным соображениям³. И. Ильин, по-видимому, ломится в открытую дверь и производит буйство без всякой надобности. Но целью его является не только элементарное оправдание принципиальной допустимости меча и сопротивления силою, не повторение общих мест по этому поводу, а взвинчивание и укрепление той духовно-моральной атмосферы, которая нужна для немедленных походов, для контрразведки, для военно-полевых казней. Это есть разнуздание известного рода инстинктов, которыми и так одержимы русские люди в эмиграции, путем их духовного, философского, морального оправдания и возвычивания. И так все жаждут казней, но нужно эту жажду сделать возвышенной, духовной, исполненной любви и движимой долгом исполнить абсолютное добро. Вот это — задача более сомнительная, чем задача доказать принципиальную допустимость меча и сопротивления силой. Но И. Ильин не замечает совершенной отвлеченности и формальности своего исследования. Его могут спросить, оправдывается ли, с его точки зрения, тираноубийство и цареубийство, которое оправдывал св. Фома Аквинат, оправдывается ли революционное восстание как сопротивление силой власти,

ставшей орудием зла и разлагающейся? Отвлеченно-формальный характер исследования И. Ильина не дает никаких оснований отрицать право на насильственную революцию, если она вызвана злом старого строя жизни. Между тем как книга И. Ильина хочет бороться против духа революции, в этом ее пафос. Или И. Ильин думает, что всякая власть, всякий государственный строй, установившийся и сложившийся, есть носитель абсолютного добра? Или думает, что носителем абсолютного добра является только монархия? Но это последнее утверждение, которое и есть, по-видимому, его утверждение, ниоткуда не вытекает. Нет никакой очевидности в том, что добро И. Ильина есть подлинное и абсолютное добро, призванное силой бороться со злом. Я почти не встречал людей, особенно среди людей религиозных, у которых такого рода очевидность возникла бы при чтении его книги. Согласно его построению, ему остается только силой принудить нас к признанию его добра. Мышление И. Ильина глубоко антиисторично, он не видит исторического процесса, не проникает в его смысл. Динамика истории не дана его сознанию. Он не понимает исторического кризиса нашей эпохи, не предчувствует зарождения новой мировой эпохи. Он пишет моралистическую книгу так, как ее можно было бы написать во все эпохи, хотя пассивно она заражена кровавым ядом современности. Эта книга абсолютно статическая по своей конструкции, но она — характерное порождение современности с ее болезнями.

Наиболее неприятно и тягостно в книге И. Ильина — злоупотребление христианством, православием, Евангелием. Оправдание смертной казни евангельскими текстами производит впечатление кощунства. В миросозерцании И. Ильина нет ничего не только православного, но и вообще христианского. Православие явно взято напрокат для целей не религиозных, как это часто делается в наши дни. Цитаты из Священного Писания, из учителей Церкви и из правил св. апостолов и св. Соборов приклеены механически и не доказывают наличности у И. Ильина органического православного мировоззрения. Православие И. Ильина шито белыми нитками, и легко может быть обнаружен за этим внешним православием выученик немецкого идеализма, фихтеанец и гегелианец крайнего правого крыла. Интересно отметить, что и правые, и левые гегелианцы обыкновенно склонны к оправданию насилия и к отрицанию человека. Маркс ведь вышел из левого гегелианства. Неудачное употребление и злоупотребление евангельскими текстами обнаруживается уже в эпиграфе книги «О сопротивлении злу силою».

И. Ильин, по-видимому, более всего запомнил в Евангелии текст об изгнании торговцев из храма. Приводя этот евангельский текст, И. Ильин, конечно, под торговцами в храме, которых нужно изгнать бичом, имеет в виду большевиков и вообще революционеров. Но именно к большевикам никак не может быть отнесено это место. Большевики не торгуют в храме и не находятся в храме, так что их и изгонять оттуда нет надобности и нет возможности. Большевики извне разрушают храм. Это совсем иная ситуация. Торговцами же в храме действительно часто являются люди правого лагеря, нынешние единомышленники И. Ильина, преобразующие Церковь в средство для осуществления своих нерелигиозных целей. И многих из них действительно следовало бы изгнать из храма бичом. Вся настроенность книги И. Ильина нехристианская и антихристианская. Она проникнута чувством фарисейской самоправедности. На это фарисейство обречен всякий, почитающий себя носителем абсолютного добра и от лица этого абсолютного добра осуждающий и карающий других. У таких носителей абсолютного добра легко создается ложная поза героизма и непримиримой воинственности. Но христианская вера учит нас, чтобы мы непримиримо относились главным образом к собственному греху и собственным страстям, учит максимализму в отношении к себе, а не к другим. Ильин же, не отрицая, конечно, в принципе борьбы с собственными грехами, все же прежде всего и более всего предлагает нам заняться непримиримой и кровавой борьбой с чужими грехами. Он хочет укрепить самомнение и гордыню у мнящих себя носителями добра и духа. Слишком видно, как И. Ильин старается в своей книге понятие очевидности, которое он кладет в основание своего философствования, развивая дальше идеализм Фихте и Гегеля, сблизить и отождествить с христианским понятием благодати. Вот эта фихте-гегелианская, философски-идеалистическая очевидность и является у него источником самомнения и гордыни. Для него стало очевидным, что он — носитель абсолютного добра и духа, — вот он и пошел сажать в тюрьмы и казнить от лица этой очевидности. Но христианская вера предлагает нам быть более осторожными с такого рода очевидностью и потому менее осуждать ближнего.

Совершенно нехристианскими и антихристианскими являются взгляды И. Ильина на государство, на человека и на свободу. Взгляды эти порождены ложной философией идеалистического монизма. И. Ильину совершенно чуждо христианское разграничение двух порядков бытия и двух миров, мира духовного и мира природного, мира иного и «мира сего»; порядка

благодати и порядка природы, царства Божьего и царства кесаря. Для него «мир сей», природный мир, есть только арена осуществления абсолютного духа. Таков дух Фихте, дух Гегеля. Отсюда вытекает и в корне не христианский взгляд на государство. И. Ильин, в сущности, смешивает государство с Церковью и приписывает государству цели, которые могут быть осуществлены лишь Церковью. Для него государство имеет абсолютное значение, является воплощением на земле абсолютного духа. В этом он верный ученик Гегеля. Гегель не верил в Церковь и подменял ее государством. Государство брало у него на себя все функции Церкви. Таков был результат крайних форм протестантизма. И не случайно в современной Германии крайнее правое, монархически-националистическое течение связано с лютеранством, в котором религиозная энергия в значительной степени заменилась энергией национально-государственной. Взгляд И. Ильина, как и взгляд Гегеля, на государство есть языческая реакция, возврат к языческой абсолютизации и языческому обоготворению государства. Одним из величайших деланий, совершенных христианством в истории, было ограничение абсолютности государства, преодоление империалистической метафизики, противопоставление бесконечной природы человеческого духа абсолютным притязаниям земного государства, земного царства. Душа человеческая стоит больше, чем все царства мира. В Евангелии сам Христос устанавливает принципиальное различие Царства Божьего и царства кесаря и отводит царству кесаря подчиненную и ограниченную сферу. К этим мотивам в христианстве И. Ильин особенно глух. Христианская вера скорее дуалистична, чем монистична, в своем понимании отношений между Царством Божиим и царством кесаря, между Церковью и государством. Государство есть подчиненное, ограниченное и служебное средство в деле осуществления Царства Божьего. Государство не есть носитель абсолютного добра, абсолютного духа, и оно может стать враждебным абсолютному добру, абсолютному духу. Против зла земного града восставали древние пророки, бл. Августин. Истина, ограничивающая абсолютность государства, запечатлена кровью христианских мучеников. Вся же книга И. Ильина исполнена веры в то, что государство как носитель абсолютного добра и духа должно бороться со злом и может победить зло. Это есть не христианский, а гегелианско-монистический взгляд. Государство должно и может ограничивать проявление зла в мире, пресекать известного рода обнаружения злой воли. Но государство по природе своей совершенно бессильно побеждать зло и

такого рода задачи не имеет. Государство не есть носитель абсолютного духа и абсолютного добра, оно относительно по своей природе. Бороться с внутренним источником зла и побеждать его может лишь Церковь, и лишь Церковь имеет это призвание. Но в книге И. Ильина государство и Церковь совершенно смешиваются и отождествляются. Непонятно даже, зачем нужна Церковь, если государство как носитель абсолютного духа и добра призвано к выполнению церковной функции борьбы со злом. Государство по природе своей не может не прибегать к силе и принуждению для ограничения и пресечения проявлений злой воли. Но эти методы и средства совершенно не могут быть перенесены на порядок Церкви, которая и борется реально со злом. И. Ильин предъявляет государству те же требования, что и Л. Толстой, с которым его роднит монистическое миросозерцание. Л. Толстой совершенно отвергает государство на том основании, что государство не может побеждать зло. Ильин же обоготворяет государство на том основании, что оно может побеждать зло. И тот и другой не хотят признать относительного и подчиненного значения государства, совсем не связанного с победой над злом. В смешении государства с Церковью, в абсолютизации относительного — основная ошибка И. Ильина. Поэтому он выделяет привилегированную группу, выражающую государственную власть, которая представляется ему носителем абсолютного добра и духа, и от лица абсолютного добра и духа призванную истреблять зло в мире. Человеческое общество, бесспорно, не может существовать без государственной власти, которая будет силой ограничивать и пресекать проявления злой воли. Но этой неизбежной в греховном мире функции не следует придавать церковного значения. Полицейский — полезная и нужная в своем месте фигура, но ее не следует слишком тесно связывать с абсолютным духом. Кесарю нужно воздавать кесарево, а не Божье. Весь же пафос И. Ильина в том, что он кесарю воздает Божье. С точки зрения христианской веры существуют лишь два начала, которые могут победить зло в его корне, это — начало свободы и начало благодати. Спасение от зла есть дело взаимодействия свободы и благодати. Принуждение же и насилие может ограничивать проявление зла, но не может бороться с ним. Как и все инквизиторы, И. Ильин верит в принудительное и насильственное спасение и освобождение человека. Он придает принуждению, идущему от государства, благодатный характер, — оно превращается в непосредственное проявление любви и духа, как бы действие самого Бога через людей. Все реакционные и революционные инквизи-

торы, начиная с Торквемады и до Робеспьера и Дзержинского, почитали себя носителями абсолютного добра, а нередко и любви. Они убивали всегда во имя добра и любви. Это — самые опасные люди. Дух этих людей гениально изобличил Достоевский. И. Ильин хочет дать ныне философское обоснование этому опасному духовному типу. Но ложь заключается в самом предположении, что добро *во что бы то ни стало*, хотя бы величайшими насилиями и кровопролитиями, должно быть утверждено в мире. В действительности и христианская вера, и всякая здоровая этика должна признать не только свободу добра, но и некоторую свободу зла. Свобода зла должна быть внешне ограничена в своих проявлениях, со свободой зла борется духовно благодатная сила Христова, но эту свободу зла нужно признать во имя свободы добра *. Отрицание свободы зла делает добро принудительным. Абсолютный кошмар коммунизма в том и заключается, что он хочет принудительной организации добра, хочет принудить к добродетели и не допускает никакой свободы зла. Но Бог допустил свободу зла, и этим определился весь мировой процесс. Бог мог бы мгновенно прекратить зло в мире, но Он дорожит свободой добра, Он положил в этом смысл мира. Люди мало задумываются над этой бесконечной терпимостью Божьей к злу и злым. Эта терпимость есть лишь обратная сторона Божьей любви к свободе. Но в качестве идеалистического мониста И. Ильин последовательно отрицает свободу человека, свободу человеческого духа. Он также отрицает свободу, как отрицали ее Фихте и Гегель, для которых существовала свобода абсолютного духа, свобода Божества, но не существовала свобода человека. Этот тип мирозерцания, совсем нехристианский, склонен отождествлять свободу с добром, с истиной. Поэтому принуждение к добру представляется истинным торжеством свободы. И. Ильин понимает свободу исключительно нормативно — свобода для него есть принудительная организация добра в мире через государство. Этим отрицается онтологический смысл свободы, которая не только в конце, но и в начале. Есть не только свобода, полученная от добра, но и свобода в принятии и осуществлении добра. Греховному природному человеку всегда было трудно вместить небесную истину о свободе. И христианский мир вечно соблазнялся о свободе и срывался на путь принудительного осуществления добра. Но в христианстве

* На признании свободы зла построена вся философия права и нравственная философия В. Чичерина, которого, по-видимому, очень почитает И. Ильин.

открывается истина о свободе совсем иная, чем та, которая раскрывается Фихте и Гегелю, а затем и И. Ильину. В чем же религиозно-метафизические корни отрицания свободы человеческого духа у И. Ильина?

Религиозно-метафизические корни всех заблуждений И. Ильина скрыты в его монизме, или, если перевести на язык ересей первых веков христианства, в его монофизитстве и монофелитстве⁴. Фихте и Гегель, которые являются учителями И. Ильина, представляют в своей философии модернизированную форму монофизитской ереси. Монофизитством я называю тут не только христологическую ересь в узком смысле слова, т. е. учение, отрицающее две природы в Христе, но и всякую тенденцию к отрицанию самостоятельности человеческой природы в ее отличии от природы Божественной, к отрицанию свободы человека не только в отношении к миру и другим людям, но и в отношении к Богу. Монофизитство есть непонимание и отрицание тайны *Богочеловечества*, центральной тайны христианства, тайны соединения двух природ в одной личности при сохранении самостоятельности двух природ. Германский идеализм в наиболее характерных своих выражениях не принимает тайны Богочеловечества, тайны двух природ, он склоняется к монизму, к отрицанию самостоятельности человеческой природы. Этот идеализм считает человеческую природу и человеческую свободу лишь проявлением Божественной природы и Божественной свободы. Все построение И. Ильина есть монофизитское отрицание *человека*. Нет ни единого звука у И. Ильина, который обнаруживал бы, что ему ведома тайна Богочеловечества и что из нее выводит он свою мораль, свои жизненные оценки. Пафос И. Ильина есть пафос отвлеченного добра, отвлеченной идеи, отвлеченного духа, в которых окончательно исчезает конкретная человеческая душа, живое человеческое лицо. Но христианство не есть идеализм, христианство есть реализм. Христианство верит в метафизическую реальность существ, конкретных личностей. Христианство метафизически насквозь персоналистично. Антихристианство И. Ильина прежде всего в том, что он верит исключительно в отвлеченное добро и отвлеченный дух. Никакого отвлеченного добра христианство не знает и никогда ему человека не подчиняет. В основании христианской религии стоит существо, а не добро. Единственное добро есть сам Христос, Его Личность. «Я есмь путь, истина и жизнь». Суббота для человека, а не человек для Субботы⁵. Человек выше Субботы. Существо выше отвлеченного добра и закона. В этом — своеобразие христианской морали, абсолют-

ное отличие ее от морали Канта, Фихте, Л. Толстого, И. Ильина и всех моралистов мира. Для христианства имеет абсолютное значение человеческая душа, человеческая личность, ее неповторимая индивидуальная судьба, а не только отвлеченное добро в человеке, не только абсолютный дух в человеке. Для И. Ильина сам человек не имеет никакого значения, имеет значение лишь совершенство в человеке, лишь добро в нем. Это метафизическое отрицание человека порождает у И. Ильина совершенно нехристианское учение о любви. Любовь для него не есть любовь к конкретному существу, к живому человеку, к личности с неповторимым именем, а любовь к добру, к совершенству, к отвлеченному духовному началу в человеке. Поэтому ему очень легко признать проявлением любви какое угодно истязание живого конкретного человека, поэтому во имя осуществления добра он признает допустимыми средства, совершающие насилие над человеком и истребляющие его. Той же морали держались у нас революционеры, которые никогда не могли любить «ближнего» и готовы были истребить его во имя социализма, блага человечества, справедливости и пр. В сущности, И. Ильин хотел бы, чтобы человек перестал существовать и осталось одно чистое совершенство и добро, один абсолютный дух. И. Ильин не любит человека и отрицает любовь к человеку. Под любовью к человеку он понимает принудительное осуществление в человеке совершенства и добра. Не знаю, любит ли он и Бога, боюсь, что он любит не Бога, который есть Существо, Личность, а любит лишь отвлеченное совершенство, добро, отвлеченный дух. Все построение И. Ильина обнаруживает неспособность любить личность. Но любовь всегда есть утверждение лика любимого, утверждение его в Боге и в вечности, утверждение его, несмотря на нечистоту, греховность, замутненность этого лика. *Нужно любить не только Бога в человеке, но и человека в Боге.* Всеобъемлющая любовь должна была бы увидеть в Боге и лик самого последнего из людей, самого падшего, самого грешного. Это и есть христианская любовь, к которой мы так мало способны. Полюбите нас черненькими, а беленькими всякий полюбит. Легче всего любить отвлеченное совершенство и добро. Это ничего не стоит, не требует никакого подвига. Любовь к ближнему, к которой призывал Христос, не есть любовь к отвлеченному совершенству и добру, но к единичному человеку с индивидуально неповторимым именем. И. Ильин не хочет любить «ближнего», он любит самого «дальнего», любит абсолютное добро, носителем которого почитает себя. Он исповедует законническую, фарисейскую, буржуазную

мораль и во имя ее хочет истязать людей. Отрицание человека, нелюбовь к человеку есть его великий грех, измена христианству, религии Богочеловечества. Он не обнаруживает понимания благодати в христианстве, он весь в законе. Он не понимает различия между злом и грехом, не знает, что зло есть последствие греха. Поэтому он повсюду видит злодеев, в то время как христианин прежде всего должен повсюду видеть грешников, и прежде всего в себе самом. Христианство не знает статических типов злодеев и добродетельных. Разбойник на кресте мгновенно обратился ко Христу. Добродетельный же может низко пасть. Самый замечательный из русских старцев, с которым я много беседовал за несколько дней до моего принудительного выезда из России, говорил мне, что он придает главное, центральное значение для спасения России покаянию коммунистов и красноармейцев, обращению их ко Христу. И многие из них приходили к нему и каялись в своих грехах, по целым ночам простаивали, ожидая своей очереди. Вот это для И. Ильина, должно быть, совершенно чуждо. Религиозная победа над злом является для него не покаянием и обращением грешника, а принуждением его к добру и казнью его. Церковь бесконечно дорожит индивидуальной человеческой душой и ее вечной судьбой. Ильин же отрицает бытийственность человека, человек для него есть орудие добра, вечно для него добро, а не человек. Он не преодолел нормативизма немецкой идеалистической философии. Он дорожит не человеком, а государственной, правовой, моральной нормой. Это и значит, что он не вместил тайны Богочеловечества, ибо она неместима для рационалистического сознания. И напрасно И. Ильин прикрывает свое фихтеанство-гегелианство ссылками на тексты Священного Писания и отцов Церкви. Ссылки на тексты Священного Писания ничего еще не доказывают, их любил делать даже г. Стеклов⁶ в передовицах «Известий».

Безблагодатное законничество И. Ильина сказывается в том, что он не столько хочет творить добро, сколько истреблять зло. По этому узнается законник. Книга его — самая безблагодатная из книг, в ней нет ни одного благодатного Божьего Луча. Тонкие различия, которые он устанавливает между насилием и понуждением, есть казуистика и софистика законника. Отвратительнее всего в книге И. Ильина его патетический гимн смертной казни. Оправдание меча не есть еще оправдание смертной казни. И. Ильин не брезгует даже тем, чтобы сослаться на Евангелие в оправдание смертной казни. «Христос предвидел и указал такие злодеяния («соблазнение малых»), которые, по Его суж-

дению, делают смертную казнь лучшим исходом для злодея» (с. 132). Тут И. Ильин ссылается на следующее место из Евангелия: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской» (Мф. 18: 6). Евангелие говорит сильным, образно-символическим языком. Слишком ясно, что Иисус Христос говорит тут: соблазнение малых сих есть такой великий грех, что для такого человека лучше было бы не родиться, лучше было бы ему умереть до совершения этого греха. Тут образно определяется размер греха. Только большое воображение может увидеть в этом месте призыв к смертной казни. Христос сам был казнен смертью теми, для которых «очевидна» была соблазнительность его проповеди, но Он не призывал казнить. Чудовищно предположить, что Сын Божий, Спаситель и Искупитель мира, занимался вопросами уголовной юстиции и вырабатывал систему наказаний. Это и есть неспособность разграничить Царство Божье и царство кесаря, которая повсюду чувствуется у И. Ильина. И. Ильину мало, чтобы смертная казнь совершалась, ему непременно нужно, чтобы она была признана актом любви. Вот центральное место его книги: «*Отрицающая любовь* постепенно как бы преобразуется в *отрицательную любовь* и находит свое завершение в земном устранении отрицаемого злодея... Духовная любовь проходит через целый ряд классических состояний, духовно необходимых, предметно обоснованных и религиозно верных. Эти состояния выражают собою постепенное отъединение и удаление того, кто любит, от того, кто утрачивает право на полноту любви; они начинаются с возможно полной любви к человеку и кончаются молитвою за казненного злодея. Таково в постепенной нарастающей последовательности: неодобрение, несочувствие, огорчение, выговор, осуждение, отказ в содействии, протест, обличение, требование, настойчивость, психическое понуждение, причинение психических страданий, строгость, суровость, негодование, гнев, разрыв в общении, бойкот, физическое понуждение, отвращение, неуважение, невозможность войти в положение, пресечение, безжалостность, казнь» (с. 139—140). Мне редко приходилось читать строки более отвратительные. Палач, совершающий казнь, находится в лучшем духовном и моральном состоянии, чем философ, упоенный описаниями этих «классических состояний» любви, ведущих к казни. И. Ильин изменяет лучшим традициям не только русской национально-религиозной мысли, но и русской государственности. От А. С. Хомякова до Вл. Соловьева лучшие наши

мыслители отрицали смертную казнь и ее отрицало русское уголовное законодательство. Этим мы могли гордиться перед народами Запада, которые по инстинкту и по принципу более склонны к смертной казни. В своем послании к сербам Хомяков писал: «Не казните преступника смертью. Он уже не может защищаться, а мужественному народу стыдно убивать беззащитного, христианину же грешно лишать человека возможности покаяться. Издавна у нас на земле Русской смертная казнь была отменена, и теперь она нам всем противна и в общем ходе уголовного суда не допускается. Такое милосердие есть слава Православного племени Славянского. От Татар до ученых Немцев появилась у нас жестокость в наказаниях, но скоро исчезнут и последние следы ее» (Соч. Хомякова. т. 1. С. 402). Признавали смертную казнь в форме террора именно ненавистные И. Ильину русские революционеры, для которых она была способом истребления зла и насаждения добра. Смертная казнь стала основой русской юстиции после воцарения коммунистов. Неизбежность убийства на войне, которой никто не отрицает, не есть смертная казнь.

И кто может взять на себя решимость казнить от лица абсолютного добра и духа? Суд Божий неизвестен людям, и суд этот может оказаться очень непохожим на наш. И. Ильин думает, что он может вместо меня и вместо всякого другого человека совершить автономный для него акт утверждения добра силой и истребления зла силой. Вот как описывает И. Ильин свое высокое самосознание, представляющее ему автономию и отрицающее ее у других: «Когда нравственно благородная душа ищет в своей любви религиозно верного, волевого ответа на буйный напор извне идущего зла, то люди робкие, неискренние, безразличные, безрелигиозные, настроенные нигилистически и релятивистически, безвольные, сентиментальные, мира не приемлющие, зла не видящие могут только мешать этому исканию, путая, искажая и уводя его на ложные пути» (с. 110). И еще сильнее: «Настоящее достижение человека начинается тогда, когда страсть его прилепляется к божественному предмету, или иначе, когда луч Совершенного пронизывает душу человека до самого дна его страстного чувствилища. Тогда человеческая страсть начинает из глубины сиять пронизавшими ее божественными лучами и сам человек становится частицей божественного огня» (с. 123). Все несчастье в том, что И. Ильин слишком сознает себя «частицей божественного огня». Это есть обнаружение неслыханной духовной гордыни. И. Ильин, конечно, ответит нам, что он говорит и действует не от себя, а от

«живого органа общей священной цели, органа добра, органа святости; и потому совершает все свое служение от ее лица и от ее имени» (с. 154). Но духовная гордыня и заключается в этом сознании, что ты действуешь от лица самого абсолютного добра. Смиренней было бы, если бы И. Ильин действовал от своего человеческого лица. Где же орган абсолютного добра, если не в Церкви? Но Церковь не занимается карательными экспедициями и не практикует смертной казни, не обладая даже для этого соответствующими орудиями. Для И. Ильина, очевидно, органом добра является государственная власть. Но ныне он принужден конструировать государственную власть на основании собственной автономии за отсутствием какой-либо русской государственной власти, кроме советской. Ссылки на инквизицию для положительных или для отрицательных целей стали банальны. Но следует все-таки помнить, что инквизиция была продуктом варварской юстиции своего времени, разделяла приемы своей жестокой эпохи, веру в пытку и пр. И в инквизиции виновна не католическая Церковь в ее существовании, а человечество того времени, ошибки его нравственного сознания, его нравы, его общий уровень. И. Ильин хочет восстановить инквизиционную юстицию в очень поздний час истории, час кровавый в своей непосредственной борьбе, но не приемлющий уже прежних форм морально-правового сознания. Казнь в нашу эпоху может быть лишь непосредственным проявлением борьбы стихийных сил, а не формой юстиции. Это есть вопрос печального факта, а не права и оправдания.

И. Ильин — не русский мыслитель, чуждый лучшим традициям нашей национальной мысли, чуждой человек, иностранец, немец. Фихте духовно непереволим на русский язык. И. Ильин — националист в нормативном смысле, но он не национален в онтологическом смысле слова. Национализм его вполне интернационалистический. Книга И. Ильина свидетельствует о том, что он принадлежит отмирающей эпохе «новой истории» с ее политизмом, с ее культом государства, с ее национализмом, с ее отвлеченной философией и отвлеченной моралью, с ее оторванностью от живого Бога. Он не имеет будущего, он живет в абстрактной, внежизненной мысли и абстрактном, внежизненном морализме. Он не способен к отрешенности, не может мыслить спокойно, легко теряет равновесие. И. Ильин обречен быть философом и моралистом тех слоев русского общества, которые отодвинуты в прошлое и принуждены злобствовать, если в них не совершится духовного переворота и возрождения, к которому призваны все люди без исключения. В книге И. Иль-

ина не чувствуется рыцарского духа, меч его не есть меч крестоносца. Крест ему нужен лишь для оправдания меча. И. Ильин сам соблазняет «малых сих», он может отвратить от христианства тех, которые готовы были к нему прийти. И если бы я склонен был толковать Евангельские тексты так, как толкует сам И. Ильин, то в принципе жизнь его была бы подвергнута опасности. Вопрос совсем не в том, оправдан ли меч и действие силой, а в том, *что* есть добро и *что* зло в эпоху мирового кризиса, эпоху конца старого мира, «новой истории» и рождения новых миров. Спор с И. Ильиным совсем не формальный — это есть спор о самом содержании добра, об осуществлении в жизни Христовой правды. Любовь к человеку, милосердие и есть само добро, неведомое отвлеченному идеализму И. Ильина. Человек есть Божья идея. Божий замысел, и отрицание человека есть богопротивление.

И. А. ИЛЬИН

Кошмар Н. А. Бердяева

Необходимая оборона

На днях мне довелось впервые прочесть статью г. Бердяева в ном<ере> 4 журнала «Путь», статью, направленную против моей книги «О сопротивлении злу силою».

Эта статья в некоторых отношениях поучительна, и я обязан высказать о ней несколько слов.

К сожалению, я не вижу возможности обратиться с этими словами к самому г. Бердяеву. Этому мешает *тон* его статьи. Идейный спор есть серьезное и ответственное состязание об истине, а не система личных нападков, посягающих на разоблачение чужой души.

Бывает полемическое раздражение; возможен идейный гнев. Но правила литературной пристойности остаются обязательными всегда.

Статья г. Бердяева написана тоном патологического аффекта, он сам так публично и характеризует свое собственное состояние как переживание «кошмара», «удушья», «застенка», «отвращения» и т. д.

И вот, переживая «кошмар», он и держит себя так, как бывает с людьми в кошмаре: задыхаясь от бессильного отчаяния, он теряет всякое чувство меры и справедливости, забывает правило о необходимости духовного *трезвения* и уже не только отвергает приписываемые мне *идеи*, но ищет религиозно поразить, умственно разоблачить и нравственно скомпрометировать мою личность. И потому «обличает» меня в неправославности, в «фарисействе», в «ходульности», в «неслыханной гордыне», в «зараженности большевизмом», в «чекизме», в реакционной

злобе и т. д., и т. д. и даже намекает на то, что с известной точки зрения меня следовало бы убить...

Я не только не могу отвечать ему в *таком* тоне, но на такие болезненные выходки вообще не вижу возможности отвечать. Или г. Бердяев и его единомышленники найдут в себе достаточно духовной уравновешенности для того, чтобы уважать своего противника и чтить идейность спора, или же придется впредь совершенно игнорировать их полемические выступления так, как игнорируют пасквилы и памфлеты.

Еще одно, чтобы покончить с личным вопросом. Я никогда не был близок с г. Бердяевым.

20 лет я следил за его публицистической деятельностью, и 20 лет я отходил в сторону; до такой степени я всегда считал то, что он делает, философически неосновательным и религиозно соблазнительным. В редких беседах с ним я никогда не высказывался; ни личными настроениями, ни идейными замыслами никогда с ним не делился; на понимание с его стороны никогда не рассчитывал и при публичном обмене мнениями всегда отмечал, что г. Бердяев ни мою, ни чью бы то ни было чужую мысль вообще *не слышит*.

Если же принять еще во внимание, что о «своих» воззрениях (т. е. о том, что я считаю по существу истиной) я доселе печатал *очень мало*, выдерживая себя в суровой школе сосредоточения и воздержания, то станет понятным, что г. Бердяев ни меня, ни моего мирозерцания совсем не знает и вынужден говорить о том и о другом на основании собственных глухих и недоброжелательных догадок и по кривым сведениям из вторых рук.

Вот почему все его заявления о том, что я «монист» и в силу одного этого не православный, что я «фихтеанец» и «гегелианец» (! как будто это одно и то же...); что я «монофизит и монофелит» (! замечательное совмещение...); что я «моралист», крайний протестант и т. д. — являются плодом его фантазии и на самом деле *ничему не соответствуют* ни в прошлом, ни в настоящем.

Тут спорить не о чем, надо только установить, что автор судит о том, о чем «понятия его ему не позволяют»¹ и что поэтому его суждения неосновательны и безответственны. И только.

Итак, пока г. Бердяев пребывает в своем кошмаре, я спорить с ним не могу и не буду. И со всеми моими дальнейшими утверждениями и доказательствами я обращаюсь не к нему, а к читателю, признающему справедливость и ищущему объективной правды; и прежде всего к читателю-единомышленнику и другу.

* * *

Сущность дела в том, что г. Бердяеву при просмотривании моей книги приснился кошмар. Ему пригрезилась система идей, которую он пережил с тяжелым отвращением, и эта система идей принадлежала в его галлюцинации некоему «И. Ильину». Об этом он и счел нужным довести до всеобщего сведения.

* * *

Прочтя внимательно его статью, я попытался выделить эту систему идей из контекста личных выходов и должен был признать, что она действительно заслуживает отвержения. Эта система идей мне давно и хорошо знакома, еще со студенческой скамьи.

И должен сказать, что я *никогда* не разделял ее, а с годами считал и считаю ее все более и более опасной. В истории философии и политических учений эта система идей не раз появлялась в различных формах и видах у Платона, и в средние века, и у Гоббса, и у Руссо², и у Гегеля, и у коммунистов, и у реакционеров; то в идеалистическом, то в материалистическом, то в мистическом обосновании.

В моих университетских курсах я не раз пытался дать подробный анализ этого хода мысли, указывая на его соблазнительность и опасность и добиваясь ясности по этому вопросу от студентов на экзамене.

И вот, ныне кошмар г. Бердяева приписывает это заблуждение мне самому...

Согласно этой системе идей, государство имеет абсолютную власть над человеческой личностью и ее духом — потому ли, что оно есть воплощение Идеи Добра на земле (Платон), или потому, что оно осуществляет неопишающуюся «общую волю» (Руссо), или потому, что этого требует «мирное сожительство» людей (Гоббс), или потому, что оно есть проявление «абсолютного Духа» (Гегель), или же потому, что это необходимо для «пролетариата», «равенства» и социализма (марксисты) и т. д.

Во всех этих постановках и обоснованиях упускается из виду то главное условие, в силу которого *духовное начало в человеке требует для своего осуществления на земле именно личного, свободного, добровольного, невынужденного и невынудимого обращения души к предмету и Богу.*

Молитва, подвиг, образ искусства, научное познание — не могут состояться без этого и вне этого; и никакое государствен-

ное повеление или запрещение не может заменить или создать *свободного* приятия человеком даруемого ему содержания. В последнем счете духовное обращение человека или совершается изнутри из его свободы, в глубине его самобытного духовного естества, или не совершается вовсе.

Это — мое исконное, основное убеждение, в котором я никогда не колебался, которое давным-давно привело меня к отрицанию инквизиции и к осуждению всяческих попыток государственно преследовать за убеждения как таковые и наказывать за мнения как таковые.

Это убеждение мое лежит и в основе всей моей обсуждаемой книги; и выговорено оно в ней многократно и со всей возможной отчетливостью (с. 13, 20, 21, 22, 23, 28, 40, 45, 46, 49, 50, 55, 112, 114, 115, 116, 156, 162, 166, 167, 169, 187).

Если *отрицать* государственное дело — нелепо, зловредно и фальшиво, то *переоценивать* государственное дело — недопустимо, опасно и губительно. Дело государства является, по моему убеждению, в полном смысле слова второочередным, предварительно-отрицательным, *не* абсолютным, *не* праведным; и все же необходимым, ответственным и могущественным делом. Исследованию этой *необходимости и пределов* этой мощи и посвящена моя книга.

Ввиду всего этого, когда г. Бердяев приписывает мне «языческую абсолютизацию и языческое обоготворение государства», или воззрение, будто «государство может принуждать к добру и победить зло», или когда он уверяет, будто я верю «в принудительное и насильственное спасение и освобождение человека», или будто я понимаю свободу как «принудительную организацию добра в мире через государство», или будто я хочу «восстановить инквизиционную юстицию» и т. д., — то он просто галлюцинирует насчет моей книги и моих воззрений; и затем, как и полагается в кошмаре, впадает в ярость от собственной своей галлюцинации.

Раз что это установлено — падает весь смысл его статьи. Ибо все остальное содержание ее или добывается им аналитически из этой основной его выдумки, или же развивает ее на все лады. При этом фантазия громоздится на фантазию (именно как в кошмаре)... Одно безответственное и ложное утверждение несет-ся вслед другому... И в итоге грустная картина *идеологической инсинуации* возникает и растет на наших глазах.

Вот живые примеры.

Я утверждаю, что религиозно-церковный дух «не осуждает, но осмысливает и освящает путь Кесаря» (с. 162); что истинное

соотношение Церкви и государства найдено в духе древнего, русского Православия: оно состоит в обоюдной независимости их организаций, при духовном руководстве и содействии Церкви и лояльном невмешательстве ее в дела земные (с. 220).

Что приписывает мне г. Бердяев?

Что я «совершенно смешиваю и отождествляю» Церковь и государство...

Вся книга моя и, особенно, ее основные, последние главы доказывают, что человекоубийство *ни при каких условиях* не будет праведным делом; что государственная необходимость его есть *трагедия* и ведет к духовному *компромиссу*, который возлагает на правителя и на воина обязанность *покаянного самоочищения* (напр<имер>, с. 215).

Что видится г. Бердяеву в его кошмаре?

Будто я с «упоеанием» оправдываю смертную казнь и не постигаю благодатной силы таинства покаяния.

Я *не* исследую в моей книге путей внутреннего, религиозного и нравственного (т. е. *главного и священного*) процесса перерождения человеческой души. Я сознательно ограничиваю свою проблему исследованием *социальных* путей взаимовоспитания, ибо мое внимание сосредоточено на необходимости и на пределах государственного воздействия.

Как излагает это г. Бердяев?

Он (т. е. «И. Ильин») «не столько хочет творить добро, сколько истреблять зло».

Я доказываю, что государство обязано избегать всяких способов воздействия на преступника, которые его «ожесточают», «озлобляют», вредят его телесному, душевному или духовному здоровью (с. 114, 115).

Что делает из этого г. Бердяев?

Ему («И. Ильину») «очень легко признать проявлением любви какое угодно истязание» (sic!) «живого конкретного человека»...

Я считаю в моей книге, что вопрос о сопротивлении злу силой теряет всякий интерес, если его ставить от лица преступных и злонамеренных людей: проблема нравственной и религиозной правоты не висит в душе злодея, он сам уже разрешил себе все. Вопрос надо ставить от лица человека, искренно желающего добра, т. е. от лица *благородного* человека, сознающего свою собственную грешность (с. 173, 174) и тем не менее идущего на борьбу с насильником. Как искажается это в кошмаре г. Бердяева?

Он выдает эту формулу за мое *личное самовосхваление*...

Я описываю в моей книге возможную полноту христианской духовной любви, необходимой для постижения и осуществления заповедей Христа.

Что же оказывается у г. Бердяева?

Оказывается, что это я расхваливаю *свою особу* и тем «обнаруживаю неслыханную духовную гордыню»...

Я посвящаю мое исследование русской Белой армии и ее вождям. Что же? Г-н Бердяев объявляет, что я отдал свои силы «для духовных и моральных наставлений организациям контрразведки, охранным отделениям, департаменту полиции, главному тюремному управлению, военно-полевым судам»; что я проповедую «чеку во имя Божье»...

Г-н Бердяев уверяет, что мои воззрения «кошмары».

Ясно, что это не мои воззрения, а *созданный им самим кошмар*. Это ему самому пригрезился «кошмар злого добра»; а он реагирует на него как на объективную действительность. И с какою злобою... Последние странички его статьи, где он объявляет меня «иностранцем», «немцем», человеком без будущего, соблазнителем «малых сих» и т. д. производят такое впечатление, как если бы человек торопился наговорить как можно больше неприятностей и дерзостей...

Я совершенно не считаю себя вправе рассматривать здесь вопрос о том, как могла психологически возникнуть такая статья. Г-н Бердяев сам указывает на то, что он был во власти «кошмара». Однако философически это ничего не оправдывает.

Если бы г. Бердяев действительно прочитал мою книгу, то он *не мог бы* написать то, что он написал.

Но что же можно сказать о критике, который решается писать *такое и таким тоном* о книге, которую он *не* прочитал надлежащим образом?

И вот, здесь обнаруживается нечто весьма поучительное. Предметом его статьи была моя книга, т. е. система выраженных в ней воззрений.

Что сделал он с нею?

Он заменил ее своей выдумкой, химерой; выдал эту химеру за мое произведение и с этим выступил публично.

Я жив еще; и вот я могу публично же доказать ложность его утверждений и опровергнуть эту выдумку ссылками на записанное и высказанное.

Совсем иначе обстоит дело, когда предметом является не чья-нибудь книга и не чье-нибудь воззрение, а таинственно и сложно переживаемый *духовный* предмет, напр<имер> истина,

добродетель, любовь, брак, свобода, право, равенство... Исследование этих предметов чрезвычайно трудно, сложно и утонченно. Споры и доказательства на эти темы требуют огромного чувства ответственности, правдолюбия, беспристрастия, суровой выдержки; словом — бережно наращенного *духовного опыта и умственного аскеза*. Вне этого тут ничего не познаешь и не докажешь. Останутся одни произвольные выдумки, безответственные утверждения и соблазнительные парадоксы.

Я всегда воспринимал публицистику г. Бердяева как состоящую именно из этих остатков. Со всеми предметами философскими и религиозными, о которых он трактует, он делает более или менее то, что сделал с моим исследованием: он заменяет их своею выдумкою, химерою и затем распинаят эту химеру в безответственных утверждениях и соблазнительных парадоксах.

Спорить здесь бесполезно, доказывать невозможно. Нет беды, если кто-нибудь поверит г. Бердяеву в вопросе о «моем» воззрении и начнет судить обо мне, исходя из его ненависти. Но есть беда, когда кто-нибудь думает, что великие и таинственные предметы Духа таковы, за какие их выдает г. Бердяев.

Эти Предметы молча терпят все сообщаемые о них фантазии, а доверчивые читатели начинают думать о них несоответственное и неподобающее...

Для публицистической деятельности г. Бердяева выступление его против моей книги в том виде, как он его совершил, характерно и показательно.

Существенно не то, что он в данном случае предал свою химеру *поношению*, в других случаях он превозносил и восхвалял свои химеры.

Существенно то, что то, что он создает, суть его *субъективные химеры*; и тревожно, и опасно то, что ныне он провозглашает эти химеры якобы от лица Православия...

И мудро будет поступать тот, кто будет читать и слушать его с крайней осторожностью.

Ю. АЙХЕНВАЛЬД

«Злое добро»

В только что вышедшей четвертой книге журнала «Путь», посвященной «русской религиозной мысли», обращает на себя внимание статья Н. А. Бердяева «Кошмар злого добра». Она касается работы проф. И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою». Мало сказать «касается»: она обрушивается на нее гневно и патетически, она называет ее «кошмарной, мучительной, отвратительной».

И такое отношение к ней понятно. И. А. Ильин хочет оправдать и благословить смертную казнь и всякое другое насилие над злым человеком. Чем оправдать? Любовью. Чем благословить? Христианством. Вот это сочетание несочетаемого и вызывает справедливое возмущение Н. А. Бердяева. Можно не быть противником смертной казни, можно и должно стоять за насильственное укрощение зла; но чего нельзя, так это — примирять казнь с любовью и видеть в палаче пособника Христа. Ведь вот большевики гораздо последовательнее, гораздо логичнее профессора Ильина: *они осуществили небывалое в истории, грандиозное пиршество казни, но вместе с этим, в связи с этим они и отложились от Христа, от Бога, от всякой религии вообще.*

Воистину планетарным палачом был Феликс Дзержинский, и кровавыми буквами нестираемо записал он свое имя на страницы веков; но зато не думал он выдавать себя за любвеобильного христианина.

Так естественно, что именно в России правительство издает журнал «Безбожник», — единственное правительство в мире, которое в самую основу миросозерцания кладет безбожие: где же в самом деле и быть рассаднику безбожия, как не в той стране, которая принципиально и практически разрешила себе потоками лить человеческую кровь, не разбирая даже правых и виноватых, попросту «в порядке красного террора»? Здесь пол-

ное совпадение между теорией и практикой; здесь все ясно, красно, кроваво; здесь убедительно, как убедительно убийство, и просто, как проста стена, у которой расстреливают. Большевики среди других своих жертв убили множество русских священников — как митрополитов и епископов, так и обыкновенных деревенских «батюшек» с седенькими бородками и в поношенных рясах; и кто же скажет, что это было со стороны большевиков неожиданно и непонятно? Кто не согласится, что со служителями Христа им действительно не по дороге?

Вот такую стройностью не может похвалиться Ильин. Он идет на компромиссы. Он и Христа не хочет терять, и палача от его обязанностей не освобождает. И все силы своего философского таланта, всю изощренность своей диалектики тратит он на то, чтобы ореолом любви осенить виселицу, плаху и пулю. Такую любовь он, правда, называет «отрицающей», или «отрицательной»; но утешит ли эта поправка казнимого — вот в чем позволительно сомневаться.

И так понимаешь Н. А. Бердяева, когда он испытывает глубокое моральное оскорбление от той лестницы, которую с изящной архитектурностью строит проф. Ильин, чтобы со ступеньки на ступеньку сойти по ней от высот христианского благоволения к человеку до казни над человеком, от Голгофы и до эшафота. Именно указывает наш архитектор, что есть «классические состояния» любви, неуклонно ведущие к казни. Эти состояния, эти степени, эти буквы одной и той же азбуки, от альфы Христа и до омеги палача, в чертеже Ильина характеризуются так: «неодобрение, несочувствие, огорчение, выговор, осуждение, отказ в содействии, протест, обличение, требование, настойчивость, психическое понуждение, причинение психического страдания, строгость, суровость, негодование, гнев, разрыв в общении, бойкот, физическое понуждение, отвращение, неуважение, невозможность войти в положение, пресечение, безжалостность, казнь...» Ужасен — не правда ли? — этот бухгалтерский подсчет, это тщательное и точное перечисление стадий убывающей и убывающей любви. И совершенно ясно, что ангел истинной любви, что христианский гений-хранитель давно уже должен был отлететь от того человека, который может с такой холодной членораздельностью в разлинованные рубрики, в строгую схему укладывать живое чувство, пафос христианства, непосредственную любовь.

Она выветрилась у профессора-логика, она испарилась от сухих дуновений его бессердечного ума. Любовь и логика — разве они совпадают между собой? Любовь менее всего логична...

Логичный, но не любящий И. А. Ильин, в сущности, как это утверждает и Н. А. Бердяев, ломится в открытую дверь, когда спорит с Толстым и проповедует о необходимости сопротивления злу силой. Кто же в этом сомневается? Своевременно ли в наши жестокие дни опровергать Толстого — теперь, когда весь мир превратился в какое-то огромное антитолстовское общество? Неоригинален проф. Ильин, и не против течения плывет он, а, наоборот, именно по течению, по кровавому течению нашей эпохи. Но если он победоносен в опровержении непротивления, т. е. в области бесспорной, то им зато не решена его главная задача — оправдать «православный меч» и возвести караящее государство на вершину христианского идеала.

По-прежнему и после его книги *христианство остается само по себе, а государство — само по себе*. Никому еще не удалось, да удаться и не может, в одну высшую гармонию сочетать Кесаря и Галилеянина. Однажды навсегда дано признать, что христианство и государство не покрываются друг другом и что государство не может и не хочет быть идеальным воплощением христианского добра. Вы помните, что у Ибсена¹ государственных чиновники как в мундирах, так и в ризах, убеждали Бранда, священника безусловного, чтобы он не превращал в богослужбное воскресенье всех трудовых дней недели, чтобы он не ожидал «Господа к себе с каждой лодкой». Сами они Господа не ждали, и если бы к ним, христианам, пришел Христос, они встретили бы его с недоумением и враждою — они, эти измельчавшие разновидности Великого Инквизитора. Ибо государству религия нужна только в меру, добро ему нужно не полное, и христианство, понятое всерьез, государству не по росту. Воплощенная срединность, оно опровергает все, что ниже, и все, что выше его; оно казнит и праведника, и Сократа, и злодея. Так знаменательно, что около распятого Христа были распяты разбойники.

Есть добро и есть зло. *Каждое из них отдельно*. Поэтому и вызывает такой протест книга Ильина, в которой делается попытка добро со злом внутренне соединить, казнь пронизать любовью, палача осветить и освятить Христом. Есть добро и есть зло. Но нет злого добра.

П. СТРУВЕ

Дневник политика <№> 82

О брошюре И. А. Ильина и о нем самом

Я хочу обратить внимание наших читателей на превосходную, сильно и метко написанную брошюру И. А. Ильина «Родина и мы», изданную в Белграде Главным правлением Общества галлиполийцев¹. Я не буду излагать эту брошюру — в ней всего печатный лист, ровно 16 страниц, и ее нужно самому прочесть сплошь и внимательно. И, по возможности, прочесть *вслух* себе и другим.

И вот почему.

И. А. Ильин есть интересное и крупное явление в истории русской образованности. Формально — юрист, он по существу философ, т. е. мыслитель, а по форме — изумительный оратор, или ритор в хорошем античном смысле этого слова.

Когда он пишет, он говорит.

А когда он говорит, то захватывает ум, очаровывает слух, входит в душу с какой-то особой силой, присущей живому и твердому, мерному и кованому человеческому слову.

Это не просто «красноречие». Тут не все приятно, не все даже красиво в общем смысле слова, но все сильно и резко. Эта речь — точно ведомый сильной рукой острый резец, который, хочет или не хочет слушатель (ибо Ильин прежде всего оратор, а не писатель!), как-то чертит на вашей душе и в ней что-то вырезывает, как гравер режет на дереве.

Ильин оратор-резчик, т. е. настоящий художник живого, врезающегося в душу слова. Такого, как он, русская культура еще не производила, и он в ее историю войдет со своим лицом, особым и неподражаемым, со своим оригинальным дарованием, сильным и резким, во всех смыслах.

Брошюра «Родина и мы» есть слово о патриотическом призвании Зарубежья, сжатое, точно отлитое из какого-то словес-

ного металла. Это «поучение», обращенное к близким по духу «младшим», разъясняющее и ободряющее, ведущее и зовущее.

Разъясняющее, почему и как мы обязаны быть твердыми в нашей «белой» идее и в нашей «белой» борьбе.

В этом «почему» заключена великая ободряющая сила.

В этом «как» содержится твердое, прочувствованное и продуманное руководство.

И все вместе — это зов. Зов патриотический, «белый», звучащий не только твердо, но и властно, а потому невольно чарующий и покоряющий.

Те же черты своеобразного и единственного в истории русской образованности «ораторского» дарования Ильина ярко сказались не только в его брошюре «Родина и мы», но и в его замечательной книге «Сопrotивление злу силой». Основные мысли своей книги Ильин сам излагал на страницах «Возрождения». Однако, ввиду того что эта блестящая, но трудная книга на сложную и жестоко-трудную нравственно-политическую тему навееяла на автора в нашей печати нелепые и недостойные нападки, мы к этой книге и к ее теме вернемся на страницах «Возрождения».

3. ГИППИУС

Меч и крест

...Ученики Его Иаков и Иоанн сказали: Господи! хочешь ли, мы скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал?

Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа;

Ибо Сын Человеческий пришел не губить души человеческие, а спасать.

Лк. 9: 54, 55, 56

Можно ли сейчас писать философически-отвлеченно о силе — насилии, убийстве, казни? И. А. Ильин думает, что можно, и пишет. Но нелегко следовать за ним в беспросветные дебри рассуждений. Если у каждого пальцы бурые и липнут, чьей-нибудь кровью замараны — своей или чужой, — как рассуждать о крови «вообще», о том, когда и чью лучше проливать?

Быть может, это лишь ощущение, и вопрос о силе — насилии, об убийстве, поднять все-таки нужно. Я только против внешней, чисто рассудительной манеры Ильина. От нее, от ее тона и даже от постоянных повторений: «Христос, Христос, молитва. Бог» — веет чем-то мертвенно-злым...

Какой Христос? Какая молитва? Какой Бог? Не Ягве ли, никакого Сына не знающий, одинокий Бог кровей?

Или — кто?

* * *

Вот первое впечатление от «христианской» книги «Сопrotивление злу силой». Насколько оно основательно — увидим далее.

Я, впрочем, не ставлю себе задачей последовательно разбирать книгу Ильина. Я просто хочу высказать о ней или около нее то, что хочу, относительно вопросов, над которыми пришлось мне думать в продолжение долгих лет.

Попутно выяснятся и наши согласия и расхождения с православным защитником «силы». Даже не защитником: мы вправе, пожалуй, назвать его *проповедником* силы — насилия...

* * *

Я начинаю с вопроса главного и, выделив его из всего прочего, ставлю так прямо, как он обыкновенно и ставится: «Можно или нельзя убить?»

Вряд ли нужно отговариваться, что вопрос этот существует — *как вопрос* — лишь там, где начинается духовный, идейный порядок. Или даже «религиозный» (в самом широком и общем понимании слова). Человек, абсолютно этому порядку чуждый, — хотя есть ли такой человек? — просто ничего не поймет.

Один убийца мне говорил: «Убить или всегда можно, или никогда нельзя».

Он был прав. По крайней мере в том, что с человечески-религиозной точки зрения — а тем паче, сузив, с христианской — убить никогда нельзя.

Другой, идя на убийство, молился на золотой крест в бледном утреннем небе — о чем? Об удаче? Нет, он был христианин; он молился, чтоб наступило время, когда никто никого убивать не будет. И здесь то же: убивать *нельзя*.

В углу, над лампадою, Око сияющее
Глядит, грозя.
Ужель там одно, никогда не прощающее,
Одно — нельзя?
Нельзя! Ведь душа, неисцельно потерянная,
Умрет в крови...

* * *

Первая смерть на земле была человекоубийство, даже братоубийство¹. Таково начало древнего завета. А начало завета нового — убийство Богочеловека.

Каковы начала, таковы и продолжения. «Нельзя», оставаясь незыблемо во всей силе, со всей силой — и даже сверх силы, — непрерывно преступается.

Каиново племя, вопреки данной Богом заповеди, довело себя до того, что Господь, скрыв свой лик Элоима, благостного Бога-Зиждителя, повернулся к нему ликом Ягве, Бога крови и мщенья.

Но и потомки фарисеев, сделавшись христианами, века жгли, пытали, колесовали — убивали христиан же, все время помня, все время зная, что «нельзя», — как и ветхозаветные братья их это знали.

И всегда все искали что-то понять в этом грехе, искали если не оправдания, то чего-то вроде оправдания... Что находили? Что находят?

* * *

Только одно, что и можно найти. Около этого одного блуждает и автор книги о насилии.

С длинными отступлениями, оговорками, при помощи отвлеченнейших теоретических построений хочет он подойти к оправданию насилия, убийства (и... казни!). Между тем единственная формула, если не оправдывающая убийство в меру желаний Ильина, то оправдывающая его возможность, выражается всего тремя словами: «*нельзя и надо*».

Нельзя — но *еще* надо. Никогда нельзя, но *иногда* еще надо. Это не упрощение (хотя напрасно упрощений боится Ильин). Это сводка к сути. Ведь стоит развернуть маленькое слово «надо» (иногда — когда?), и мы сразу попадаем в целое море сложностей.

* * *

«Нельзя» пояснений не требует. Оно просто. Нельзя и нельзя. Но почему, хотя нельзя — надо?

Если, согласно со многими мыслителями, смотреть на мир как на *становящийся*, восходящий к совершенству в процессе борьбы со злом (таков и взгляд Вл. Соловьева), то *принятие* мира (космоса, истории — жизни) в его текучем несовершенстве означает и принятие волевого участия в борьбе.

Путь непротивления злу (отстранения от борьбы), таким образом, с самого начала отвергается. Но на пути борьбы как сказать: вот здесь я борьбу кончаю? С этого момента я злу и злему покоряюсь, из борьбы (из жизни) ухожу? В душе человеческой *могут* столкнуться два «нельзя»: нельзя уйти из борьбы, составить мир злу — и нельзя убить человека. Тогда я преступаю то

«нельзя», где могу погибнуть я сам, в грехе, но не мир, то есть я отдаю в жертву себя — миру.

Этот трагический выбор человек делает один на один с собой, по мере — всегда несовершенного, конечно, — но *своего* разума. Каждая жизнь человеческая может быть пересечена моментом, когда человек решает, что *надо* убить, хотя *нельзя*.

И убивает *.

* * *

Такова общая схема. Насколько я понимаю Ильина, он хочет что-то вроде нее положить в основу гораздо больше, чем оправданий, — своих «понуждений» к мечу.

Кстати, не этот ли волевой оттенок (оправдание — понуждение) заставляет его избегать прямых слов? Почему, упорно подчеркивая свое «христианство», он уклоняется от слова «грех», называет убийство «негреховной несправедливостью» (выражение какое-то даже «неправославное»)? А насилия в борьбе со злом вовсе будто бы не существует, есть «действие силой».

К этой странной терминологии мы вернемся, а пока есть вопрос поважнее, Ильин на нем не задерживается, точно обходит стороной. Но его не обойти, особенно если доказывать необходимость-неизбежность убийства в борьбе со злом. (Мы бы сказали — «возможность».)

Это вопрос — о зле.

* * *

Что такое зло? Где оно? Чем оно определяется? Как его увидеть, настоящее?

* Как ни многообразно убийство среди сложностей реальной жизни, каждому (за исключением животных, сумасшедших и нечаянных) непременно предшествует «нельзя и надо» — хотя бы в виде мгновенной молнии, хотя бы полусознательно или даже совсем бессознательно. Однако от этой единой общей точки есть линия *вверх* и линия *вниз*. Убийством по линии вниз должно называть всякое убийство *для себя*, т. е. для приобретения чего-нибудь *себе*, и уж все равно, каких благ: почести, власти или денег. И тут действует «нельзя и надо», хотя и может совершенно измельчиться: «нельзя» — как внешнее запрещение, страх наказания, «надо» — как «мне хочется» чего-нибудь, мне выгодно.

В этих заметках я намеренно касаюсь убийства, только лежащего *по линии вверх*. Во-первых, я думаю, что как раз тут завязывается главный узел вопроса; а кроме того, и сам Ильин, о книге которого я говорю, помещает вопрос именно в эту область.

Ильин полагает, что критерий — христианство и что один христианин непременно увидит зло в том же и там же, где другой.

Формально это, конечно, правда. Но... тут есть очень важное «но».

Христианство — удивительная вещь. Оно не поддается обращению с ним, как с древним законом, который прост и ясен, укладывается в общеобязательные правила на все случаи. Христианство, не нарушив закона древнего, облекло его новым *духом* и тем совершенно преобразило. В сверхзаконности этой переплавились все понятия, и ею, в ней, решаются ныне наши «да» и «нет».

Люди «нового духа» будут видеть, конечно, и зло в одном и том же — в меру близости своей этому духу. Но близок ему не всякий, «говорящий Христу: Господи! Господи!», и далек не всякий, кто даже имени Христа не знает.

Не имея этого внутреннего, одного, критерия, люди «иногo духа» очень часто разнятся между собою в оценке добра и зла. Где один искренно видит зло, там другой так же искренно его может не видеть. А когда случайно люди старого и нового духа и совпадут во взгляде на зло (это бывает), их совместная с ним борьба, рядом, все равно невозможна. Ибо в зависимости от старого или нового духа, борьба с самого начала принимает то или другое течение, тот или другой образ. Даже внешне сходственные действия будут глубоко разными и к разным приведут результатам.

Поэтому меня интересуют в книге Ильина не теоретические положения и не высокие ее слова, а самое важное: ее дух.

Какого она духа?

* * *

Ничто так не помогает исследованию, как конкретный пример.

У Ильина нет ни имени, ни лиц, о борьбе со злом он говорит «вообще» — у него нет конкретностей. Или есть, но они где-то скрыты за плотным забором из отвлеченно-теоретических далей.

Вот, впрочем, одно подлинное имя подлинного человека. Тут можно кое-что взять в виде примера, и даже поучительного.

На многих страницах Ильин занимается борьбой... с Л. Толстым. О, конечно, с «непротивленством» Толстого. Но если быть внимательным и логичным, можно проследить, как борьба со злом «непротивленства» переходит (и конкретно перешла

бы в конкретную, при других обстоятельствах) в борьбу с самим Толстым. Ведь, по Ильину, «зло только в человеке». Идти против зла — значит идти против человека.

Ведется эта борьба именно так, как должен ее вести любящий «духовно-отрицательной» любовью. Для него Ильиным установлены с самой резкой точностью и в строгой, постепенно нарастающей последовательности 25 общеобязательных правил.

1. Неодобрение.
2. Несочувствие.
3. Огорчение.
4. Выговор.
5. Осуждение.
6. Отказ в содействии.
7. Протест.
8. Обличение.
9. Требование.
10. Настойчивость.
11. Психическое понуждение.
12. Причинение психических страданий.
13. Строгость.
14. Суровость.
15. Негодование.
16. Гнев.
17. Разрыв в общении.
18. Бойкот.
19. Физическое понуждение.
20. Отвращение.
21. Неуважение.
22. Невозможность войти в положение.

И наконец, три последних звена, заключающих эту неразрывную цепь, три меры, которые *необходимо* применяются (если не подействовали предыдущие или если нет времени для предыдущих); их логически Ильин *обязан* был бы применить к Толстому.

23. Пресечение.
24. Безжалостность.
25. *Казнь*.

Есть, положим, еще одно правило для «духовно-любящего»: казнь, молиться за казнимого. Но молитву пока оставим. Нам важно установить, что, живи Толстой не при Николае II, а при Ильине, просьба «накинуть мыльную веревку на его старую шею» не осталась бы втуне.

* * *

Скажут: этот пример — гротеск. Почему? Ильин вряд ли захочет признать свои теории заведомо отвлеченными, а не захочет — как же уклониться от признания, что да, казнь Толстого является последовательно-обязательной?

Ведь «ни прощение, ни снисхождение, ни измена теории недопустимы». Если зло, подлежащее уничтожению, оказывается неотделимо от человека — уничтожается человек. А так как, по всем вероятностям, Толстого не вразумили бы никакие предварительные меры, даже «причинение психических страданий», то вывод для «отрицательно-любящего» ясен: пусть повисит старичок, а мы помолимся.

* * *

Это хороший пример, разносторонне поучительный, хотя и «гротеск». Мы его дополним, подчеркнув: все *слова* Ильина о христианстве, его словесные обоснования христианства верны и правильны (хотя так общеизвестны, что удивляешься, зачем понадобилось их произносить тоном «откровения»).

Слова же Толстого о христианстве, все или почти все, особенно в вопросе о непротивлении, и неверны, и неправильны. Ничего нет легче, нежели «вскрыть» противоречивость Толстого и «зло» его непротивленства. Эту легкую задачу Ильин, попутно, выполнил с успехом.

А теперь я спрошу: из них двух, чьи слова, чья воля ближе к *духу* христианства? Не Толстого ли все-таки, которого и «христианином»-то назвать, пожалуй, еще нельзя? За его беспомощными, противоречивыми, спутанными словами стоит если и не лик Христа, то страдание Христово — наверное... А чей голос слышен в «правилах» Ильина до последнего — окончательно? От кого идут эти приказы, эти предписания «любви», которую любящий в самом лучшем случае ощущает как *ревность*, а любимый — всегда как *ненависть*?

Воля такой «любви», ее дух не напоминают ли опять дух ревнивого Бога кровей, Ягве, Сына не знавшего?

Ильин оговаривается: ненависти не должно быть. Не с ненавистью, а с любовью (высшей) надо применять «пресечение, безжалостность, казнь».

Положительно, голое слово — «звук пустой». Чем чаще повторяет Ильин слово «любовь», тем упорнее воспринимается ее звук в значении «ненависти». Не об этой ли Ненависти — с

большой буквы — говорится в одной старой, довольно противной песне? Пять ее строчек мне вдруг пришли на память:

Нет, нет, любовь не даст спасенья,
И нет спасения в любви!
Ты, Ненависть, сомкни плотнее звенья,
Ты, Ненависть, туманы разорви!
Мы взяли в руки Меч: пока они не сгнили...

Дальше не помню. Пока, значит, не сгнили руки, не выпускай меча, люби рубя, руби любя... или ненавидя, что безразлично. Дух от звука не изменится. А дух этой песни и дух обязательных правил и понуждений к мечу Ильина — один и тот же дух.

* * *

Понуждение...

Есть еще одна черта в ильинских писаниях, характерная и, на мой взгляд, немаловажная.

Но сначала устраним бесполезные обходы и оговорки, возвратимся к словам прямым и точным: насилие есть насилие, убийство — убийство, и доказать, что с христианской точки зрения оно не «грех», а какая-то «негреховная неправедность», — нельзя, сколько ни старайся. У Ильина и прямой, понятной формулы «нельзя и надо» — нет: вместо «надо» он говорит «приходится». Как будто смягчает, но какое уж смягчение, когда это негреховное действие совершать «приходится» — обязательно!

Не в рекомендации обязательности, впрочем, дело. Не в деталях, а в главном: с новым духом несовместима, для него нестерпима всякая рекомендация *убийства*. Все рассуждения, старания убедить другого в необходимости убивать, всякая проповедь смертоубийства, *понууждение* к нему есть действие недопустимое и в той плоскости, куда помещает Ильин, называется *греховным*.

Человек, знающий о «нельзя» (нельзя убить) может решиться на преступление этой черты только сам; в себе, за себя решает сам — один, как сам — один умирает. Сам берет и грех, и ответ; сам, вольно, кладет душу свою, не «сохраняет». И за что, во имя чего, когда *надо* положить душу, тоже решает сам — один.

Как сметь толкнуть другого на преступление и на жертву? Как *сказать* другому: иди на свою душевную гибель, ты обя-

зан, иного пути нет? Как посылать на убийство, предписывать его, понуждать к нему?

То, что говорил людям Толстой, — пусть и не верно, и не реально, пусть даже вредно: но это *можно* говорить другим. А есть слова, на которые никто не имеет ни божеского, ни человеческого права.

...Пусть сердце угрюмое, всеми оставленное
Со мной молчит.

Я знаю, какое сомнение расплавленное
В тебе горит.

Законы Господние дерзко пытающему
Один ответ:

Черту заповедную преступающему
Возврата нет.

.

Нельзя! Ведь душа неисцельно потерянная,
Умрет в крови.

И — надо! Твердит глубина неизмеренная
Твоей любви.

.

В измене обету, никем не развязанному,
Предел скорбей.

И все-таки сделай по слову *не сказанному*
Иди...

Вот это, навсегда «не сказанное», последнее слово «убей» с легкомысленной авторитетностью Ильин и твердит на все лады «всем, всем, всем».

Как деревянным молотком стучит: пресечение — безжалостность — казнь, безжалостность — понуждение — казнь — казнь — казнь... ты обязан — должен — бери меч — иди — иди...

Но не поймет, почему говорить этого *нельзя* (и уж без всякого *надо*), написавший книгу о насилии. Чтобы понять, нужно быть «иного духа», того, в котором *по-новому* открылись для нас вечные ценности.

Вот две неведомые Ильину: первая — Человек (Личность) и вторая — Свобода.

* * *

Возвратимся ко «злу» и борьбе с ним.

Ильин утверждает обязанность каждого бороться со злом по правилам, им начертанным, вплоть до казни.

Представим себе второго Ильина: он совершенно так же утверждает ту же обязанность и те же правила.

Но внутреннего критерия для распознавания зла у них одинаково нет: оба — «не того духа». Поэтому взгляд на зло у них может не только не совпасть, а даже противопоставиться: первый Ильин будет видеть зло во втором, второй — в первом.

Тогда борьба со злом делается для них борьбой друг с другом.

Подобные во всем, в воле и духе, исповедуя безжалостно те же неотступимые законы, они находятся в *равенстве противостояния*.

Во что выльется борьба этих двух со злом, т. е. друг с другом? Кто кого победит?

Или, уточнив и сузив вопрос: кто кого казнит? Первый второго? Второй первого?

Это в каждый данный момент будет решаться преобладанием голой физической силы. Сегодня физическая сила на стороне первого или первых — казнят они; завтра этой силы окажется больше у вторых — казнены будут первые.

А так как физические силы при духовно-идейном равенстве противостояния — дело случайное, то никакого результата, кроме перемежающегося успеха — ряда казней то одних, то других, — подобная борьба иметь не может.

* * *

Круг, из которого нельзя вырваться. Дурная бесконечность. Ну, а если ошибаются не оба? Если один из противников действительно носит в себе зло и другой попал верно?

Никто не изменится и в этом случае. Меняет действительность, сводит ее с мертвой точки, разрывает круг только *новый дух*. Соприкасаясь с материей, лишь он дает времени движение (превращает «durée» в «temps»², по Бергсону³).

Борьба даже с действительным злом, но вне духа нового, бессмысленна, ибо круговращательное взаимоистребление не только не наносит злу ущерба — оно его умножает.

Если же действия, по духу и смыслу одинаковые, сопровождаются не одинаковыми, а разными словами, — это ли важно?

Так мало значат слова, что легче легкого, например, переделывать книгу Ильина «от лица» его противника, любого, только принимающего, конечно, его общую теорию и частные «правила».

* * *

Мы и сами порою не подозреваем, какие глубокие произошли в нас перемены. Не в сознании — так в крови; но мы их в себе уже носим.

Разве по-старому звучит теперь «нельзя» (нельзя убить), хотя и было оно в древнем законе? И разве не исполнилось нового трагизма внутреннее повеление «надо», надо преступить, положить душу?

Опять вспоминается мне убийца, что молится на золотой крест в белом утреннем небе. Он знал, что

Тайна есть великая, запретная:
Солнцу кровь не велено показывать...

Знал и молился не об «удаче» — об этом нельзя молиться, — но чтобы скорее наступило время, когда никому не надо будет поднимать на плечи тот тяжелый крест, который поднял он... ради свободы других.

Ильин произносит много банальных справедливостей о христианстве. Знаю, что он непременно казнил бы *этого* христианина, с молитвой. Но знаю также, что ему никакие ильинские молитвы не нужны.

* * *

Меняемся не только мы, <но и> наше внутреннее отношение к жизни, наш дух: он по мере своего роста изменяет и внешние формы жизни, изменяет реальность. Но в ней перемены происходят так медленно, так неуследимо, с таким кажущимся запозданием, что мы то и дело впадаем в ошибки: вдруг, упреждая и насилуя время (течение истории во времени), мы начинаем разрушать еще не вполне изжитую в реальности форму. Гораздо хуже другая ошибка: насилие над временем *в обратную сторону* (Вейнингер⁴ называл это, то есть утверждение действительно отошедших в прошлое форм как живых и настоящих, безнравственностью). Такая ошибка предполагает слепоту и к внутреннему процессу, слепоту, которой как раз страдает Ильин.

Что касается Толстого — он просто не считался вовсе с процессом истории, а только с процессом своей логики. Взяв «убийство» в понятии его последней сущности (нельзя), ее и утвердил

на все времена, логически спустив нить до отрицания борьбы (даже — с мухами! *).

* * *

Убийство входит во многие формы жизненной борьбы *как возможность*.

Как *непременность* — оно уже выпадает из понятия «борьба», становится самоцелью и может быть названо максимумом убийства.

Очень характерно, что Ильин не делает различия между убийством — возможностью (в борьбе) и убийством — непременностью (обнаженный максимум). Внутренне разного отношения к ним он не имеет.

Мы увидим это, если остановимся здесь на некоторых конкретных формах борьбы и жизни, и прежде всего на вопросе, близко нашей темы касающемся и остро волнующем современное сознание, — на вопросе *о войне*.

Ильин и Толстой оба рассматривают войну с «христианской» — как они говорят — точки зрения. И оба приходят к совершенно противоположным выводам.

* * *

Коллективное убийство! — говорит Толстой. То, чего «нельзя» никогда: ни прежде, ни теперь, ни потом. Ибо сказано: любите врагов ваших, не противьтесь злему и т. д.

Ильин, чтобы обосновать свои обратные утверждения, приводит другие тексты. Ведь для него христианство — тоже «закон», немного туманными линиями очерченный, правда. Нажать, крепче определить эти линии Ильин и стремится, когда подыскивает нужные тексты.

Перелицовка понятий и слов при этом неизбежна. Оттого у Ильина в широком круге «борьбы со злом» насилие оказывается уж не насилием, грех называется не грехом; а для «врагов» пришлось ему изобрести особую любовь — «отрицательную», которая узаконяет убийство во всех видах, и даже с молитвой. Впрочем, молитва необязательна, так как сам разящий «меч» назван «молитвой»...

* В его дневнике: «Я победил мух!» Т. е. победил свое желание бороться с мухами, отгонять их, когда они ему мешали работать.

Спор между Ильиным и Толстым бесплоден, безвыходен. Попробуем призвать на помощь третьего современного христианина, но уже действительного, причастие которого к христианству и вообще к «новому духу» никем не оспаривается (случай крайне редкий). Приводимые ниже слова из одной его небольшой статьи есть прямой ответ и Толстому, и, главное, Ильину. Тут же мы найдем кое-что разрешающее и наши сомнения по вопросу о войне.

* * *

Это — статья-письмо Влад. Соловьева об исторических судьбах Испании⁵.

Основной взгляд Вл. Соловьева на историю как на всечеловеческий путь *восхождения во времени* известен*.

Но путь этот не легок и не прям: он с заворотами, с петлями, с провалами. В статье о судьбах Испании Соловьев указывает на ее срыв в «тройную измену христианству», в «адское дело палачества» — инквизицию, после долгого периода *«христиански-праведной»* борьбы, которую она вела с оружием в руках.

«Как? — прерывает себя Соловьев. — Военные подвиги были подвигами христианскими? А слова Христа — кто подымет меч и т. д.? А слова о любви к врагам, о непротивлении злему? Эти слова известны всем, но, по-видимому, не все помнят правило для понимания этих и всяких других евангельских слов, правило, данное, однако, тем же Христом: “Слова Мои суть дух и жизнь”. А из этого правила ясно, что повторять букву того или другого текста еще не значит выражать его истинный смысл. Если же проникнуться этим смыслом, то понятна станет и следующая истина, которая, казалось бы, ясна, как Божий день... Вот она: можно допускать употребление человеком оружия, несколько при этом не изменяя духу Христову, а, напротив, одушевляясь им, — и точно так же можно на словах и на деле безусловно отрицать всякое вооруженное действие и в самом этом отрицании бессознательно и даже сознательно изменять

* Единственный, кстати, взгляд, который объясняет нашу неумирающую *волю* к «борьбе со злом». Без воли к борьбе и воли в борьбе — вообще нет борьбы. Но воля в борьбе — не что иное, как вера в победу, притом окончательную. Первичное, природное, ощущение «зла» — это чего-то мешающего жизни, портящего жизнь, задерживающего ее движение (по линии вверх?). Но так же природно ощущаем мы и возможность полной над ним победы, находим ту волю-веру, без которой невозможен был бы сам факт борьбы.

духу Христову и отчуждаться от него. Люди, верные этому духу, руководятся в своих действиях не каким-нибудь внешним, хотя бы по букве и евангельским, предписанием, а внутреннею оценкою, по совести, данного жизненного положения».

Это — отповедь (и какая ясная!) тем, кто не новый *дух*, а закон видит в христианстве и с беспомощным упорством пытается заключить его в «правила» на все случаи жизни. А вот что Соловьев говорит дальше — о насилии, войне, убийстве и различии его форм.

«Как бы мне яснее обозначить и определить тот узкий, но единственно надежный мост, которым должно идти человечество между двумя безднами, — мост к истинному и могучему добру между бездною мертвого и мертвящего “непротивления злу”, с одной стороны, и бездною злого и также мертвящего насилия, с другой? Где проходит черта, которая отделяет принуждение, как подвиг самопожертвования за других, от насилия, как неправды и злодейства? *Есть* же эта черта...»

Вопрос, вплотную подходящий к темам ильинской книги. Где же, в чем же эта черта?

Она будет нам показана, и с большой резкостью.

* * *

«Прежде чем давать ей логические определения, — говорит Соловьев, — обратимся к совести». К обыкновенной *совести* человека — «независимо от религиозных* убеждений», — и спросим: чувствует ли он действительное «нравственное негодование» к подвижнику, «когда он благословляет и одобряет воинов, идущих освобождать отеческую землю от рабства?» Сможет ли «*совесть*» назвать и благословляющего, и этих воинов «злодеями»?

Нет; «совесть» этого не сможет. А между тем — говорит далее Соловьев — убийство и человек, совершающий его «как уполномоченный от общества», вызывают в нас уж не «нравственное негодование, а прямо нравственное *отвращение*, смешанную с ужасом гадливость».

Соловьев иллюстрирует яркими примерами «эту странную, но несомненную противоположность в нашем отношении к двум *убийцам*». Откуда она?

А вот откуда: «Воин и палач, производя одинаковые факты, совершают различные, до противоположности, *дела*».

* Везде курсив подлинника.

Следует объяснение, удивительное по своей точности. Если бы мы так непростительно, так непонятно не забыли Соловьева, мне не нужно было бы приводить всех этих цитат и давно были бы разрешены очень многие из наших сомнений; Ильин же постыдился бы, конечно, выступать перед нами со своими новыми «христианскими правилами»...

Но простые, точные, нужные определения Соловьева забыты; я о них напоминаю:

«Отнятие человеческой жизни (убийство) вообще не входит непременно в намерение воина, не есть его настоящее дело, и, конечно, мы уважаем военную доблесть не за совершаемые на войне убийства...». «Их может и вовсе не оказаться, а доблесть и уважение к ней останутся те же...». «Цель войны — безопасность. Если этой цели можно достигнуть без грубого насилия, — тем лучше. Неприятеля, положившего оружие, не убивают. Напротив, самое назначение палача именно в том, чтобы отнимать жизнь — казнить, — иначе дело его не исполнено. Палач убивает обезоруженного *. Здесь прямая цель — убийство».

И единственная, прибавим. В казнь убийство не входит в виде менее или более вероятной возможности, как оно входит в войну и в другие сложные формы борьбы. Благословение на войну не есть благословение на *убийство*. Но благословение на казнь, понуждение к ней есть именно понуждение к убийству, голому убийству — максимум — в его самоцельности.

Соловьев продолжает параллель, углубляя понятия: «Воин не отрицает никаких человеческих прав неприятеля. Война предполагает *деятельную* силу с обеих сторон, они равноправны (борьба), и человеческое достоинство не оскорблено ни в ком. В казни, напротив, палачу предоставляется никому не принадлежащее право распоряжаться чужой личностью как бездушным предметом. Итак, все дело в том, что отношение воина к неприятелю, при всех своих аномалиях, бедствиях войны, остается все-таки на почве естественных, нравственных, человеческих отношений, тогда как отношение палача к жертве *по существу* безнравственно, бесчеловечно и противоестественно... Вот ясная и непреложная грань между дозволенным и недозволенным. Этой черты не сотрут никакие софизмы».

* С одной точки зрения, «кремлевцы», если бы даже дело убийства Николая II с семьей было их единственным делом подобного рода, должны быть названы именно «палачами», просто в смысле точного их определения.

Этой черты Ильин и не стирает: он попросту ее *не видит*. Спокойно подыскивает тексты — «буквы закона», — перевертывает понятия, отнимая у них собственные имена, или произвольным сочетанием слов уничтожает ценность («отрицательная любовь») — все для оправдания убийства до его максимума включительно. Он с какой-то, если можно так выразиться, естественной противоестественностью равняет «честное насилие воина» с «бесчестным насилием палача», даже не заметив «противоположности их дел».

В неразрывной цепи «строго последовательных» правил казнь — лишь одно из звеньев. Она, конечно, не более греховная несправедливость для Ильина, чем действие военное. А уж по сравнению с тем убийцей, который шел «душу положить» за чужую свободу, палач, пожалуй, и совсем праведник.

Приверженный «закону», Ильин просмотрел, однако, «закон правды, корень всех человеческих прав и отношений», который Вл. Соловьев от «нового» духа определяет так: «Уважай в своем и во всяком другом лице человеческое достоинство и ни из какого человеческого существа никогда не делай страдательного орудия внешней ему цели».

Но можно ли уважать что-либо в «лице» человеческом, ничего не зная об этом «лице», о человеке — личности? Можно ли увидеть черту, отделяющую *еще* живое от *уже* мертвого, не услышать даже, что «нельзя», «не убий» — по-иному звучат теперь, по-новому, не так, как звучали для древних?

* * *

Да, не так.

Углубив наше отношение ко многому, — между прочим, к убийству, — мы уже и к войне относимся не совсем по-прежнему. Последняя европейская война это особенно подчеркнула.

«Самая ужасная» война... Объективно самая ужасная — или *для нас* была она такой? Пожалуй, среди не только древних, но даже позднейших европейских войн многие окажутся «ужаснее», если рассматривать их вне исторической линии. Но какая возбуждала столько сомнений, столько новых ощущений и мыслей? Когда говорилось с нашей неотвязчивой страстностью о «целях» войны? А настойчивость, с которой искали ее «виновника», первого «поднявшего меч»? И все страны, не выключая и Германии, с равным негодованием отвергали эту «виновность», все заявляли, что для них «цель войны — безопасность»...

Средневековый Вл. Соловьев, конечно, не стал бы и писать, объяснять, что главное в войне — цель, что цель — не убийство и что война, с ее громадными возможностями убийства («нельзя»), все-таки может быть подвигом («надо»). Не пришло бы в голову тогдашнему Соловьеву отвечать на то, о чем никто не спрашивал. Это зналось — в меру своего времени — так, как было нужно. Нам, в меру нашего времени, нужно знать иначе — яснее, определеннее.

Узор современного отношения к войне сложен. В него ввиваются новые нити. И кажется, определения Соловьева дают самую точную меру того, что мы о войне можем думать и как должны к ней, реальной, относиться в соответствии с «мерой возраста» нашего духа.

Ильину все-таки приходится считаться с современностью: ведь, понуждая к бою и казни, он ищет доводы в их пользу, ищет их «оправдать». Ему самому эти оправдания не нужны. Совершенно так же, как были бы не нужны, если б веков 30 тому назад он звал на войну с моавитянами⁶ или делал приготовления к всенародному перепиливанию пленных филистимлян⁷ тупыми пилами.

Справедливость требует прибавить, что Ильин, в те времена перенесенный, имеет полное право обойтись без оправданий.

Кто-то сказал: «Нет ничего таинственнее законов истории». Да, и потому нет ничего труднее, как «узнавать лицо своих времен».

* * *

А теперь пора поговорить начистоту.

Пора заглянуть в книгу Ильина подальше, за тот забор, который он выстроил из философических палей. Не так уж плотен и непроницаем этот забор.

Искушенный читатель им не обманется. Меня, например, не изумило даже внезапное появление — к концу книги — Царя. Откуда бы, казалось, взяться обыкновеннейшему царю в отвлеченно-философском трактате? Да еще с полной естественностью, как будто конкретный царь там пребывал с самого начала.

Он и пребывал. Ибо книга «О сопротивлении злу» — книга *политическая*. Психо-религиозно-философские рассуждения служат лишь прикрытием определенной политической идеи, даже тактики и практики, с определенными, в определенную сторону направленными политическими целями.

На что же понадобились прикрытия?

Может быть, и это своего рода тактический прием. Русский человек любит пофилософствовать. Склонность «русских мальчиков» к отвлеченным рассуждениям под трактирную «Лючию» давно подмечена Достоевским. И кушанье, поданное под философским соусом, легче и незаметнее проглатывается.

Не хотелось бы употреблять слово «пропаганда», но другого нет и приходится сказать: нарочито выдержанная в подполье пропаганда иной раз действеннее открытой.

Какой-нибудь «русский мальчик» и царя на предпоследней странице проглотит без удивления, если к концу книги он уже незаметно стал чувствовать себя «царским слугой». Не всякого ведь раздражат и тяжелый, дубовый язык (точно не по-русски, точно перевод с иностранного!), и условно торжественная лирика Ильина, и дешевость его философской постройке; а уж наверно радуют — неприхотливых — привычно знакомые православные банальности и привычно высокие слова о доблести, силе, мече... Если совесть все-таки взволнована — ее успокоят заверения, что никакое убийство, никакое палачество не грех, а только разве невинная, негреховная несправедливость...

Впрочем, есть в книге Ильина нечто — и довольно страшное, — перед чем может остановиться всякий человек, мало-мальски внимательный.

* * *

Это страшное — смешанность. Ильин не соединяет, но все *вмешивает* друг в друга.

Религия у него впутана, ввязана в политику. Именно ввязана, а не связана с ней. Коренную, глубокую *связь* между религией и политикой трудно отрицать после Вл. Соловьева; но приуроченье религии (и философии) к известным политическим построениям, прикрыванье очень определенной политики «божественностью» — не связь, а использование религии для политики.

Отсюда и все другие спутыванья-смешивания: справедливое вмешано в недопустимое, человечность — в бесчеловечие, нужное и верное — в вопиющее, слова о Христовом духе — в дух маленькой, острой злобности, молитва — в палачество.

И смесь составлена так, что справедливое и человеческое из нее уже невыделимо и не только не побеждает вопиющего и трусливо-мстительного, но само в них разлагается. Призыв к «борьбе со злом» делается гримасой, слова о молитве под виселицей звучат, как богохульство, а торжественное требование

чистоты и высоты любви... от палача похоже на кощунственную, плоскую насмешку.

Тут Ильина покидает и последний дух — дух древнего Ягве, чья «непрестанная ревность пылает, как огонь»; ибо, хотя «чаша в руке Его, и вино кипит в ней, полное смешения»... — оно полно не такого — иного — «смешения».

Но перейдем к полной конкретности: к политической стороне данной книги.

* * *

Под общими рассуждениями о «борьбе со злом» в книге разумеется борьба с «революционизмом», еще уже — с «коммунизмом» и еще уже — с русскими большевиками (главными, по мнению Ильина, «революционерами»).

Сузимся и мы и посмотрим, что может выйти из конкретной борьбы «ильинцев» (носителей политической идеи Ильина) с коммунистами.

Центральная политическая идея Ильина — *власть одного над всеми* (автократия).

Центральная политическая идея коммунистов — *власть всех над одним* (охлократия*).

Обе идеи, если угодно, «религиозные», в том широком смысле, в каком всякая идея, по существу, религиозна.

Обе идеи равно и одинаково противны духу новому, для него неприемлемы уже потому, что ни та ни другая не знают главных, в нем открывшихся ценностей: Человека, Личности и Свободы.

Обе идеи, таким образом, находятся в *равенстве противостояния*.

Выше мы уже говорили, что может дать идейное равенство противостояния. Когда оно выливается в реальное столкновение между носителями подобных идей — результат этого столкновения тот же: дурная бесконечность в реальном образе.

На тот же вопрос: кто кого казнит? снова тот же ответ: будут казнить те и другие поочередно, смотря по тому, на чьей стороне в данный момент окажется преобладание физических сил.

Действительность (или жизнь) ни на линию не сдвинется при этом с мертвой точки. В самом деле, казнят ли сегодня

* Беру это слово в прямом, настоящем значении, а не в историческом. Коллектив, где уничтожается личность (единый), действительно может быть назван «чернью».

одни, с ругательством, а завтра другие, с молитвой, — что меняет повторяющаяся перемена ролей?

Физическая же сила, ее преобладание — случайность. Физической силой можно, конечно, одолеть, схватить, взять: это дело физики. Но сохранение, закрепление взятого, в подлинном смысле «завоевание» — это уже дело духа. Потому и решает лишь он настоящую *победу*, которая вовсе не есть мгновенное и случайное «одоление».

* * *

Резюмируем.

Общее утверждение Ильина, что «*сопротивляться злу нужно*», совпадает с правдой.

Частное его утверждение, что «*коммунизм есть зло*», совпало с правдой.

Но это случайные, формальные и — необыкновенно короткие совпадения. Едва мы удлиним: «сопротивляться злу нужно...», прибавив: «силой, насилием», — как совпадение исчезнет. И вовсе не потому, что силы и насилия в борьбе со злом не может быть; напротив, оно там очень может быть; да только понуждающее к нему «нужно...» сказано быть не может.

А что иное, как не случайность, второе верное ильинское утверждение: «коммунизм есть зло»? Не имея необходимого духовного критерия, чтобы различать и определять зло как зло, Ильин не имеет возможности вскрыть и подлинное зло коммунизма. Да и попыток подойти к его природе и существу он не делает: он «злом» его попросту *называет*.

Очень характерно: человека со «злой» волей нужно казнить; почему нужно — это в подробности доказывается; но почему «зла» воля данного человека, почему то, чего он хочет, — «зло», тут объяснений нет. На «зле» Ильин не останавливается. Зло — значит зло.

В иных случаях прибавляет к тому, что уже назвал злом, несколько эпитетов, долженствующих усилить злое впечатление; а то еще прибегает к такому приему: ставит свое зло в аналогию с каким-нибудь злом заведомым или всеми за таковое признаваемым (почему они аналогичны, тоже, конечно, не поясняется). Например, зло «революции» Ильин доказывает посредством нескольких знаков равенства: революция = всеобщее разрушение, революция = смерть и т. п. Смерть и разрушение — зло, значит — революция зло. Вот и все.

Прием простой, но для кого он? Единочувственникам Ильина и это не нужно, а кто хочет размышлять, того ускоренные способы подготовки борьбы с ильинским злом все равно не удовлетворят.

О подлинной же борьбе с подлинным злом, какая может быть речь без твердого, ясного распознавания зла, без понимания того зла, с каким сейчас хочешь бороться? Ведь самая форма борьбы, ее орудия, средства избираются в соответствии с природой и данной реальной формой этого зла. Даже болезнь нельзя победить, борясь с ней вслепую и не выбирая именно для нее годных средств.

Это слишком очевидно, и жаль, что, говоря о книге Ильина, мне приходится повторять такие общие места.

* * *

А самое очевидное — роковая безысходность борьбы ильинцев с коммунистами.

Противники — обратно подобные во всем: в духе в центральных своих идеях, — религиозной и политической («один над всеми» = «все над одним») — и уже не обратно, а прямо подобные в выборе орудий и средств для «победы». Это как если бы две руки, одному и тому же телу принадлежащие, вступили друг с другом в смертный бой.

Не всякую борьбу со злом коммунизма можно назвать борьбой со злом. Если она ведется с политической и религиозной позиции Ильина и единственные плоды ее — дела, которые Соловьев непереступимой чертой отрезал от человеческой совести, то для «духа нового» такая борьба есть сама — *злое дело*.

* * *

Я пишу это не ради обвинения в чем-нибудь автора книги о силе—насилии. Винават ли человек, сам не знающий, какого он духа?

Вопрос в том, насколько Ильин уже замкнулся в самоуверенности. А если не вполне? Если временами и сам он подозревает неладное в своем христианстве? Тогда ему можно было бы дать немало добрых советов.

Вл. Соловьев для Ильина, в его теперешнем состоянии, бесполезен. Нет, ему надо начинать издалека — вот хотя бы с маленькой, недавно вышедшей книжки П. Иванова «Смирение во Христе»⁸.

Трудно представить себе что-нибудь более далекое книге Ильина. Ни барабанных призывов к мечу-молитве, ни высоко-торжественных лирических отступлений — ничего этого нет в немудрящих, действительно смиренных сентенциях Иванова. А главное, есть в них начаток духа, противоположного ильинскому.

Не скрою: это — приготовительный класс. Не всем Петр Иванов нужен, не всем даже полезен. Но Ильину, который добрался до последних словесных высот христианства и не ощутил первого веяния его духа, что осталось, как не сойти с голых вершин, не совлечься своей праздной мудрости, не начать с самого начала — со смирения во Христе?

Долог, тяжел, извилист путь от Петра Иванова до Владимира Соловьева, даже до понимания трагического узла «нельзя — и надо». Можно и совсем не дойти, так и утонуть в «смиренности». Но, во-первых, лучше утонуть в ней, чем засохнуть в гордыне Ильина, а во-вторых, все-таки если есть путь — есть и надежда дойти.

Вступи Ильин на этот путь, «отвергни себя» — была бы и для него, хоть малая, надежда достичь иных «видений»: уразуметь, какого «духа» был убийца, молившийся на кресте в небе; понять, во имя чего положил он душу и что значит «положить душу — жизнь»; и увидеть, наконец, в собственной совести черту, отделяющую насилие «честное» от «бесчестного».

Была бы надежда постигнуть внутренне, в безмолвии, что меч может стать подвижническим крестом, но никогда не бывает меч — молитвой.

«Сим победиши» — сказано о кресте.

Оправдана ли вера эта?

Кто подымает меч, зная — памятью или хотя бы сердцем, — что на кресте умер Человек, открывший нам Свободу, только для того она оправдана.

В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

По поводу книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой»

Странное чувство пробуждает в душе читателя эта книга. Написанная очень патетически и напряженно, она часто раздражает читателя обилием риторики и склонностью к превыс-прененным фразам, — а вместе с тем от нее веет подлинностью и глубиной, в ней есть особая, суровая, честность. Тема книги кажется искусственной и надуманной, — ибо неужели в наши дни сила нуждается в оправдании? — а вместе с тем книга чрезвычайно современна, насыщена тем, чем живет и волнуется наше время. Посвященная формально разбору учения Л. Н. Толстого о «непротивлении», она, по существу, ставит совершенно другой вопрос, вопрос высочайшей важности для нас, для нашей эпохи — о религиозной культуре, об освящении исторической стихии. В книге много казуистики, много досадного и упрямого рационализма, стремления логически выпрямить и оформить различные моменты в нашей активности, от нее веет очень ограниченным и устарелым *просвещенством*, — а в то же время она есть создание романтического духа и вся пронизана иррациональными движениями. Тональность книги — религиозная, тема ее (не внешняя, а внутренняя) чисто христианская тема, а между тем религиозная интуиция автора, насколько она выступает в данной книге, не подымается выше ветхозаветного мироощущения, — словно Ильин знает в Боге только Судию, только начало праведности, беспощадной и сурово логичной, и не знает бездны Его милосердия и силы Его любви. Какой-то глубокой *неустроенностью* веет от книги, несмотря на всю ее логическую строгость и ее формальную законченность: в ней много как раз того, чего не хочет допустить рационализм автора, и чем больше последовательности в мыслях его,

тем резче выступает вся глубина иррациональных движений, вся стихийность этого порыва, который стоит позади книги. Есть что-то суетное и неверное, когда автор педантически доказывает себе то, что он и без того знает, чем он живет до всяких рассуждений, но, вероятно, здесь сказывается неизжитая сила тех построений, которые коренятся в зависимости Ильина от Гегеля и в силу которых философия для него стоит выше религии. Еще недавно (в сборнике «Религиозный смысл философии») Ильин писал: «Философия больше жизни — она есть завершение жизни»¹. Совершенно в духе Гегеля он писал в том же сборнике: «Философия с самого начала приняла в себя тот предмет, в аффективно-иррациональном переживании которого пребывала религия»². То, что дано непосредственно в религиозных движениях души, еще нуждается в философском оправдании... Работа мысли нужна Ильину, таким образом, не для того, чтобы постигнуть логос своих иррациональных движений и тем поднять на высшую ступень религиозное же мироотношение, — а для того, чтобы представить в стройной рациональной системе то, что дано «непосредственно». Навыки мысли осуждают Ильина на дурную схоластику, тогда как подлинное содержание книги глядит совсем в другую сторону.

Вот отчего книга Ильина оставляет странное впечатление — и так же как его мысль больше мешает, чем помогает ему самому, так и для читателя необходимо преодолевать те затруднения, которые отделяют его от подлинного смысла книги. Если хотеть внешне критиковать книгу Ильина, то она дает для этого много оснований, но она стоит того, чтобы подойти к ней иначе — обратиться к самому существу той темы, которой она посвящена. Я и хочу высказать несколько своих соображений по основному вопросу, с которым связана книга, — по вопросу о религиозном понимании культуры, о разыскании в культуре освящающих ее сил.

Я не буду излагать книгу Ильина — тем более что о ней шла уже речь на страницах «Соврем<енных> записок»³, однако нам необходимо вкратце обрисовать основные идеи Ильина, чтобы помочь тому читателю, который не имел в руках книги.

Формально трактат Ильина посвящен критике учения Л. Н. Толстого о «непротивлении», по существу же основной вопрос книги связан с темой о религиозной допустимости сопротивления силой, о религиозном смысле и ценности этого сопротивления. Отвергая учение Толстого как сентиментализм и даже нигилизм, Ильин в качестве основной своей идеи выдвигает то положение, что честное и трезвое отношение к действи-

тельности требует активной борьбы со злом, — иначе пришлось бы сознаться в том, что мы остаемся равнодушны к жизни мира. Религиозная позиция не может не быть *приемлющей мир*: «Настоящая религия, — пишет Ильин, — *приемлет бремя мира* как бремя Божие в мире». Это основное утверждение Ильина, определяющее всю его религиозную установку, разворачивается затем в необходимость религиозного оправдания «справедливости» — неизбежной в путях мира в борьбе со злом. Эта борьба со злом, по Ильину, реальна только тогда, когда она не боится «неправедных» путей. Так религиозное приятие мира переходит у него в «сознательное и убежденное приятие неправедности». «Жизненная мудрость, — пишет Ильин в одном месте, — состоит не в мнительном праведничании, а в том, чтобы в меру необходимости мужественно вступать в неправедность, идя через нее, но не к ней, вступая в нее, чтобы уйти из нее». Книга Ильина посвящена в значительной своей части оправданию «меча» — она не просто констатирует естественную неизбежность «меча», но хочет показать его моральную правду — правду неправедности! — хочет связать с проблемой меча всю «мудрость» христианства. Особенно любит Ильин формулу о «православном мече», словно в этом сочетании открывается для него какой-то особенно важный смысл. Он охотно признается в отраве, которая заключена в этих идеях, но видит здесь трагический удел человека. Именно лучшие люди призваны к тому, чтобы вести борьбу со злодеями — вступать с ними в неизбежное взаимодействие, понуждать их злую волю, пресекать их злую деятельность, и притом вести эту борьбу не лучшими средствами, среди которых меч всегда будет еще наиболее прямым и благородным. Чтобы привести эти мысли хотя бы во внешнее согласие с началами христианства, Ильин развивает очень странное учение о незрячести и беспомощности любви самой по себе, требуя неперемennого сочетания любви и «одухотворенности», — только «начало духа указывает любви ее предмет», говорит он: любовь без помощи духовных сил в нас слепа. Так как понятие «духовность» достаточно неопределенно, то оно и становится у Ильина весьма существенным в его преодолении христианского учения о любви — вся книга как раз и посвящена ограничению этого учения через рациональное раскрытие неизбежности «неправедной» борьбы со злом. Так происходит «одухотворение» любви. Нечего удивляться, что у Ильина появляется учение о границах любви. Ильин уверен, что он способствует возрождению «религиозной и государственной мудрости восточного Православия, и особенно — русского Православия».

Здесь с особенной силой проявляется тенденция найти в «белой идее», философию которой и пытается построить Ильин, внутреннюю ее связь с «мудростью Православия»: в «носителях православного меча», в белых воинах, Ильин чувствует оживление «православной рыцарской традиции». Это возрождение «древней мудрости» связано с крахом всего того, <на> чем строилась идеология прежней русской интеллигенции... В этой точке книга Ильина прикасается к самой существенной и ответственной теме нашего времени — к вопросу об основах нового мировоззрения, которое должно быть построено в итоге всего пережитого нами.

Центральным пунктом в религиозно-философском построении Ильина является, как мы видим, вопрос об отношении религиозного сознания к миру. Приятие мира, живая и творческая обращенность к нему определяют его основную позицию — и в этом пункте Ильин примыкает ко всей русской религиозной мысли, которая — за исключением Л. Н. Толстого — всегда была проникнута принципиальным мироутверждением. Должно признать, что самая проблема о христианском отношении к миру, к культуре, ко всему натуральному бытию дана русской религиозной мысли Православием, которое действует в русских умах, даже чуждых ему (в своем сознании). Но «приятие мира», хотя и заключает в себе определенное направление христианской мысли, само по себе все же многосмысленно и потому не выражает, без других принципов, полноты христианской истины. В книге Ильина как раз отражается характерная ошибка в толковании этого центрального для христианской философии культуры пункта. Мы хотели бы в дальнейшем сосредоточиться именно на этом вопросе, так как усматриваем именно здесь ключ к пониманию той концепции, которую развивает в своей книге Ильин.

В истории христианского мира вопрос об отношении к натуральному бытию, к истории, к культуре имел решающее значение. Так, в католицизме довольно рано начинают пробиваться нотки гностицизма⁴ с его презрением к плоти; веяние акосмизма все глубже входит в духовную атмосферу католичества, проникая даже в теократический замысел, в общем выражающий как раз «приятие мира» в католичестве. Отзвуки акосмизма оказались сильны и в протестантизме, который хотя и освободился от презрения к натуральному бытию, но не смог раскрыть *религиозного* начала в нем. Поэтому протестантизм *рядом* с собой имеет глубокий и последовательный натурализм, но сам он не имеет отношения ни к историческому, ни даже к

индивидуальному действованию. Секуляризация сфер культуры была лишь завершением того отделения религии от жизни, которое выразил протестантизм. Лишь на почве Православия не было и тени акосмизма, но было всегда живое ощущение религиозной ценности мира и яркое переживание идеала «обожения» (теозиса) как пути к преобразению мира. Этот принципиальный космизм Православия определил и отношение его к историческому процессу, к власти, к войне, — и на этом пути лежали всегда чрезвычайные соблазны, определявшиеся как раз внутренней невозможностью отвернуться от мира (даже уходя в монастырь). В XIX веке русская философская мысль, опираясь на эти внутренние особенности Православия, с чрезвычайной силой и настойчивостью поставила вопрос об «освящении» жизни — о раскрытии религиозной ценности культуры и об «оцерковлении» ее. На фоне того распада культуры на ряд независимых и обособленных сфер, который мы видим на Западе, эти тенденции русской религиозно-философской мысли приобретают особую значительность. Наша русская тема и есть преодоление этой внутренней разорванности современной культуры, т. е. *построение религиозной культуры*. Религия не должна вытеснять или упразднять какие-либо стороны жизни, но должна поднимать и преобразать их — через свободное их движение к вечной правде. Но вместе с тем религия не должна и просто оправдывать или узаконивать то, что существует — она призвана к тому, чтобы преобразать действительность в направлении к идеалу. Ни внешнее прилаживание жизни к требованиям религии, ни внешнее прилаживание религии к действительности не могут дать ничего. Религиозная культура означает свободное движение к освящающей силе религии, но она означает и преобразование натурального бытия, просветление его темной глубины — это и есть идея *освящения* жизни, ее внутреннего преобразования.

Но если религиозная тема современности дана именно христианством, его учением о Боговоплощении, о Богочеловечестве, то возможно ли подойти к разработке этой темы, минуя самое содержание христианства? Не у одного Ильина, но и у других русских мыслителей мы встречаем любопытный парадокс: проблемы, по самому существу восходящие к христианству, к его принципиальному существу, *иногда разрешаются в тонах ветхозаветных*. Неусвоение всего таинственного смысла учения Христа о любви становится особенно понятным в эпохи, подобные нашим, — когда зло торжествует особенно нагло и дерзко, когда добро остается закрытым, придавленным: в такие эпохи

особенно легко поддаться жажде «наказания» и мести, жажде воздать «око за око и зуб за зуб». Из глубины души подымается страстная потребность утверждать в Боге начало праведности и справедливости — душа как бы находит для себя утешение в том, что всякое зло будет наказано. Есть и другие корни того, почему ветхозаветные настроения овладевают христианской душой — *идея законничества*, столь связанная внутренне с Ветхим Заветом, имеет и положительные корни в современной душе. Как ни звучит парадоксально, но я склонен утверждать, что просвещение, с его отвержением всего иррационального, с его утверждением силы нашего разума и верой в его устрояющую силу, с его утопией регулировать историю личности через логику и через рационализацию всего инстинктивного и стихийного, — просвещение и само было связано с расстройством целостности в духовной жизни и в то же время создавало и создает донныне ущербное восприятие христианства. Я не буду сейчас развивать эту трудную и сложную тему, мне достаточно отметить это своеобразное противоречие, в котором так часто обретается современность. Темы, по существу поставленные христианством *и только в нем находящие надлежащий смысл*, разрабатываются нередко с помощью дохристианских идей и концепций: одно из самых глубоких и существенных недоразумений на этом пути заключается в том, что можно назвать *христианским натурализмом*. Это очень сложное явление, выросшее на лоне глубокого христианского настроения, но все же дающее прорасти в нем настоящему язычеству, простодушному преклонению перед фактом. Ввиду важности этого явления для правильного обсуждения вопросов, поднимаемых Ильиным в его книге, я хотел бы несколько остановиться здесь.

Мы могли бы определить христианский натурализм как признание бытия, внешне связанного с Церковью, *уже освященным и преображенным*; это и есть забвение иноприродности мира, нечувствие неправды его, глубоко в нем лежащей. Как и всякий натурализм, христианский натурализм покоится на наивности или на потускнении духовного зрения — на восторженном восприятии добра и света и совершенном нечувствии тьмы и греха в жизни индивидуальной и исторической. *Трагизм участия в мире становится в этом случае чисто словесным*, ибо благодатное ощущение Бога в мире устраняет отрицание коренной неправды в мире, ведет к <тому, что утверждается признание свяственным всего>⁵ природного — особенно смущающее русскую религиозную мысль с ее космизмом, — и создает своеобразный христианский натурализм в его двух основных

формах. Одна обнаруживает склонность к пантеизму, в силу чего проблема зла приобретает второстепенный, а потом и мнимый характер, как бы тонет в восприятии Бога в мире. Другое направление (оно было очень ярко выражено в почвенничестве, у Розанова) склонно принимать натуральное уже несущим в себе святыню. Отрицание коренной неправды в мире ведет к признанию священным всего натурального, в частности, борьба со злом, государственная и культурная деятельность оправданы уже в самом истоке своем. Это «романтическое» увлечение государством, культурой понижает ощущение коренной двусмысленности мира. Между тем всякое участие в жизни мира, *даже под руководством Церкви*, не устраняет его коренной неправды, как творение «церковной культуры» не устраняет ее глубокой двусмысленности (церковная культура не есть Церковь), ибо одно сочетание натурального и Божественного не дает еще *той* их связности, какая раскрыта в Богочеловечестве. В путях церковной культуры благословение и молитвы Церкви *присоединяются* к натуральным движениям, — иногда их преобразуя (в меру направленности сердца нашего к этому и в меру нашей духовной зрелости), а иногда проходя для нас безрезультатно. Даже причастие Св. Тайн хотя и дает реальное сопребывание со Христом («Ядый Мою плоть и пий Мойю кровь, во Мне пребывает и Аз в нем»⁶), но *само по себе* не преобразует нас. Лишь в Церкви и через Церковь сочетание Божественного и человеческого из простой рядоположности возвышается до таинственной «нераздельности и неслиянности».

Христианский натурализм стирает грань между Богом и миром. Любовь к своей родине, к ее истории или быту, раскрывая благостное и ценное в них, понижает ощущение тьмы, неправды в них, — и из этого рождается и христианский национализм, и христианские утопии в вопросах социальных и государственных. В любви к миру, к родине может и даже должна быть своя романтика, но она должна быть умудрена трезвым сознанием, что за всем светлым и благостным стоит его «подполье» — то самое, о котором говорил Алеша Карамазов, когда, упоминая о карамазовской жажде жизни, усомнился, «носятся ли Дух Божий в верху этой силы, земляной и неистойой, необделанной»⁷. Слова Спасителя: «Се посылаю вас, как агнцев среди волков»⁸, — *есть общее напутствие всем христианам, пребывающим в миру*. И это совсем не означает ни вражды к миру, ни гнушения им; наоборот, чем глубже любим мы мир, тем яснее должно раскрываться для нас непросветленное и хаотическое в нем.

Это ведет к известной двойственности, к чувству принадлежности нашей к двум мирам — к миру натуральному и к миру благодатному, а утеря этого сознания означает либо *акосмизм*, выпадение мира в его стихии, в его натуральных силах, либо как раз *христианский натурализм*, т. е. признание данного, временного, ограниченного за освященное и преображенное, за вечное и универсальное. Тут-то и находит для себя точку опоры ветхозаветная интуиция, в которой близость к Богу была дана как безусловная и непререкаемая привилегия одного лишь народа, как основа мессианского сознания. Христианство совсем иначе мыслит отношение и каждого из нас, и отдельных народов к Богу; философия истории, если ее мыслить в духе христианства, не отвергает природного мира, но и не связывает безусловно какой-либо точки его с Богом, ибо связь мира и Бога, истории и Церкви всегда покоится на начале свободы. Данность этой связи ни на одну йоту не означает чего-то вечного — она может порваться, переместиться, и это сознание освобождает нас от соблазна национализма, от ложной романтики культуры и государственности.

Христианин всегда живет в двух мирах. Мы принадлежим прежде всего к натуральному миру, силами которого держимся и питаемся, связью с которым определяемся в своей индивидуальности и конкретности. Но мы принадлежим и к миру благодатному — хотя бы только частью души, только отдельными ее порывами и движениями. Оба этих мира влекут нас к себе; живую их встречу в нас, не возможность ни отмены одного из них, ни просто внешнего сочетания, а необходимость их внутреннего органического срастания мы глубоко чувствуем — и отсюда рождается вся трагика нашей жизни. Разорвать эти два мира в себе, отдать часть души только одному, сохранив для другого полюса другие ее сферы, мы не можем, это ведет к такой спиритуализации христианства, при помощи которой оно превращается в невыразимый, невоплотимый, а потому и безжизненный, постепенно высыхающий поток духовной жизни. Внутренняя «секуляризация» нашей подлинной жизни от религиозного мира так же двусмысленна и гибельна, как и внешняя секуляризация сфер культуры от религии. Сущность и судьбы протестантизма очень хорошо свидетельствуют об этом; протестантизм переходит постепенно в религиозный трансцендентизм, в глубокое и трагическое сознание отдаленности Бога, — и в религиозных натурах это означает глубочайший акосмизм, в натурах же, привязанных к миру, ведет к религиозному опустошению, к атеизму. Но если невозможно отрывать здешнее от

потустороннего, мир от Бога, если мы стремимся жизнь понять в Боге и творчески ее преобразовать, приближать ее к Нему, то этот путь, отвечающий самому существу христианства, его основному делу (Боговоплощению и Воскресению Спасителя), путь Церкви как Богочеловеческого процесса в истории, как «неба на земле» содержит в себе новую трудность, в различном отношении к которой определилось различие католичества и Православия.

Как может осуществиться сочетание правды здешней и нездешней, мира и Бога (через Церковь)? *Может ли Церковь пользоваться силами мира для своих целей?* Если да, то это есть испытанный католицизмом путь теократии, историческая сущность которой заключалась в использовании сил мира (власти) для своих религиозных целей. Незачем сейчас заниматься критикой средневековой теократии, это делалось столько раз, что яснее ясного должна быть та мысль, что влияние Церкви на жизнь не может идти таким путем. Дело не в тех исторических неудачах, которыми сопровождалась теократия и которые закончились ее крахом, бунтом против нее и глубоким разрывом жизни с Церковью; дело — в несоответствии теократии самому существу христианства, его основной идее, его замыслу. Если бы вообще спасение должно было быть внешним, миновав свободу, миновав внутренний мир человека, то *Спасителю не нужно было бы приходить на землю*. Страдания и смерть Спасителя определяют спасение, но не насильственное, не внешне данное, а требующее свободного внутреннего движения нашего к нему — вплоть до несения каждым своего креста. Только потому, что такое свободное движение к Богу возможно, что перед нами открыт путь теозиса (обожения), Спаситель и принял плоть; иначе зачем это нужно было бы? Поэтому никакого внешнего, принудительного насаждения правды Божией быть не может и не нужно; вся суть в том, чтобы сердце грешника возлюбило Бога и пошло к Нему. Весь путь Церкви через историю есть *путь в сердцах наших* и не иначе; всякое внешнее движение Церкви есть ложь и неправда, есть отступление от духа Христова, — теократия есть грубочайшая ошибка, хотя бы она и была продиктована искренним и горячим стремлением к осуществлению Царства Божьего. Православие, по существу, — не говорим, конечно, об отдельных и случайных фактах в его истории — не искало власти; но это означало не равнодушие его к историческому процессу, а мудрое преодоление теократического соблазна. Свое отношение к миру Православие выражало через молитвы и благословение, через работу над совестью и

сердцами людей. *Этим* путем Православие влияло на жизнь, влияло на власть, — и конечно, этот путь его был *крестным* путем, мучительным и трагическим, от которого не раз падал дух и слабели силы у церковных людей; влияние Православия на жизнь было могучим и глубоким, но оно оставалось всегда внутренним. Отсюда проистекало видимое историческое бессилие Православия, которое как раз и заключает в себе тайну его исторического влияния, его вечной правды. Путь через сердца всегда невидимый, всегда закрытый, — *но он единственно только и есть христианский путь*. Только этим путем, вообще, христианство победило мир, овладев его сердцем, только этим путем оно и может действовать и ныне, и дальше.

Конечно, в нашей неустранимой принадлежности к двум мирам, нераздельности и в то же время неслиянности этих двух сил в нас таится столько скорби и муки! Путь Православия есть дух исторических обид и частого отступления перед буйством злых сил, но это и есть *творческий* путь. Все, что вообще можно сделать в мире, идет лишь через наше сердце. Все внешние реформы и потрясения всегда останутся внешними, а потому и преходящими. Не проходит, а растет, не умирает, а вечно зеленеет лишь то, что внутренне стало дорого и нужно человеку, что стало путем его свободных, изнутри определенных движений...

Что следует отсюда для всей правовой и государственной жизни — для мира и войны, для национальной и личной жизни? То, что от мира, живет по своим законам, знает свои ступени восхождения и искупления; мир становится, может стать Церковью, но этот таинственный рост Церкви в мире ведом одному только Господу. А пока мир, даже проникаясь началами христианства, сохраняет свою природу и до своего последнего просветления в Царстве Божием останется миром. Поскольку он проникается началами христианства, поскольку он освящается благословением Церкви и устремляется к ней, *постольку в истории создается церковная культура*, которая обнимает все процессы частичного преображения мира и его сил на путях его освящения Церковью. Церковь несет миру, остающемуся самим собой, свою любовь и молитву, свое благословение и освящение, но это все не уничтожает мира, а лишь создает в бытии известное движение к Церкви. Как человек, пребывая в Церкви, сохраняет свободу и может ею злоупотребить, чем являет реальность непобежденного в нем зла, так и мир, даже свободно пришедший к Церкви, творящий «церковную культуру», остается во многом непросветленным, впадает в тьму и

грех. Так, в мире христианском существует государство, которое укрощает зло мира мирскими же средствами, — но оно же может возлюбить Церковь, всегда просить ее молитвы и искать ее помощи. И Церковь идет миру на помощь в его мирских делах — она молится и благословляет, дает свою любовь и свою освящающую силу, но ни Церковь не становится от этого мирской, ни мир не становится Церковью. Церковь ценит государство и чтит его как натуральную форму самооздоровления и самосовершенствования мира, но она хорошо знает границы его правды и неисчезающее начало неправды в нем. Но именно потому и молится Церковь о власти, неся ей свою помощь, движимая любовью и заботой о том, чтобы власть была проводником добра. Это отношение может казаться выражением сервиллизма⁹; в Православии очень редко проступали теократические замыслы, но зато иногда и в самом деле отношение Православия к власти отзывалось в церковных людях психологией сервиллизма и угодничества. Но эти малые грехи церковных людей вырастали на почве свободы от великого соблазна теократии, от претензии на власть. Церковь готова помочь власти во всяком ее добром деле, она всегда придет, если призовут ее, с молитвой и любовью, но это не ослабляет ее силы зрения и не дает права говорить о принципиальном сервиллизме. Плохую услугу оказывают Церкви те, кто ее постоянную готовность принести миру, государству свои дары — любви и молитвы — толкует так, что Церковь оправдывает несправедность в жизни мира: это есть или непонимание духа Православия, или — что еще хуже — нарочитое использование сокровенной и трудной его мудрости для преходящих житейских, исторических целей.

Особенно сложно, а порой как будто бы и соблазнительно — для тех, кто не хочет изнутри понять это — отношение Церкви к войне. В войне полнее всего выступает стихия саморазрушения бытия, напряженнее всего прорываются силы зла, и в то же время войны, эта «варварская форма прогресса», нередко являются переломами в жизни народов, знаменующими их действительный расцвет. Натуральная двойственность войны, это сочетание высочайшей неправды с бесспорной правдой ставят перед Церковью особенно трудную проблему. Конечно, по существу, христианство относится совершенно отрицательно к войне, призывая любить врагов наших. Поэтому на известной стадии духовной жизни прямо невозможно взять оружие в руки. Преп. Сергей мог благословить идущих на войну, но сам не мог бы уже взять оружие в руки... Вот отчего христианство не может осудить тех, для кого участие в войне стало внутренне

невозможно. Однако христианство сурово осуждает то уклонение от участия в войне, в основе которого лежат двуличность и трусость. Нельзя, живя в мире, принимать его блага и уклоняться от его тягот. Война есть великое несчастье, страшная болезнь, и кто не хочет нести ее тяжести, тот и не может брать от государства ничего в нормальное время. Поэтому христианство, будучи величайшим противником войны, *благословляет идущих на войну*. Что значит этот факт, соблазнительный для одних, слишком воспеваемый другими? Пока мы не отдали себе отчета в нем, мы не поймем до конца отношения христианства к миру.

Христианство отрицает всеми силами войну, зовет к любви, и никакими софизмами нельзя доказать противного. Война *всегда* есть зло, есть скорбь и горе, она есть неправда. *Но и весь мир, лежащий во зле, есть неправда и зло*, — и христианство, пришедшее для того, чтобы победить это зло, *не зовет нас от мира*, не вырывает нас из него. Как это понять? Но вспомним, что путь христианства есть путь покаяния и просветления души через вхождение в Церковь; путь христианина есть несение, а не отбрасывание своего креста. Когда возникло монашество, оно было удалением не от войны, а вообще от грехов мира и его соблазнов: для монаха его путь есть путь борьбы со злом в самом себе. Для тех же, кто остается в миру, кто берет его крест, крест плоти и страстей, чтобы быть распятым на нем, христианство несет свою помощь. Кто в миру — и на войне, и вне ее, — тот пребывает в цепких объятиях мира, тот в тисках его, и христианство шлет свой луч благословения и освящения, чтобы изнутри, любовью помочь на пути преображения мира сего. Пребывая в миру, любя его и живя им, христианин постоянно ощущает его иноприродность и нуждается в помощи Церкви — и для того, чтобы не захлебнуться в миру, чтобы сохранить в себе непрерывной и постоянной связь с Церковью, и для того, чтобы насаждать в мире, полном неправды, начала правды. И эти усилия не остаются тщетными — в христианском мире за его историю есть много свидетельств одухотворения и преображения натуральных движений и отношений силами христианства.

Благословение на войну есть лишь частный случай благословения Церковью нашего пребывания в миру и несения его бремени. Как участие в жизни мира означает не только «приятие» мира, но и борьбу с ним во имя торжества добра в нем, так и участие в войне есть некое «приятие» ее, но в то же время и борьба с ней — с силами зла, буйствующими в войне, с непро-

светленной стихией мира, ищущей уничтожения и гибели. И как пребывание в миру — по сознанию Церкви — есть взятие на себя креста мира, есть трагический путь, *так и участие христианина в войне есть крестный путь*. Никакого «оправдания» войны благословение Церкви не включает и не может включать в себе — и оттого кощунственно и недопустимо звучат слова о «православном мече», но глубокий смысл имеет церковное слово о «христоролюбивом воинстве». Это не разная акцентуация одной и той же идеи, это как раз две разные идеи. Мы коснемся этого еще раз несколько дальше.

Церковь не просто принимает мир, как он есть, но принимает его, чтобы спасти и преобразовать, и самое приятие мира определяется не влечением к нему и не в силу его естественной ценности, но по любви к миру в нераскрывшейся его идеальной стороне, в силу заботы о его трагедии, требующей спасительного участия Церкви. Вот почему приятие мира для Церкви никоим образом не понижает остроты восприятия его неправды. Космизм не должен переходить в натурализм, обращенность к миру не должна обратиться в плен миру...

Христианский натурализм нередко является продуктом глубокого религиозного подъема, в силу которого открывается великая ценность, а нередко и святость жизни. Религиозно просветленный взор видит то ценное в мире, что обычно остается незамеченным — и это особенно характерно для эпох, когда торжествует зло, в годы великих потрясений и трагедий. Религиозная ценность родины, государства, культуры, открывшись нашему взору, невольно заставляет забыть о коренной двусмысленности всего натурального бытия; сердце, воспламененное любовью к родине, например, не хочет знать ничего о естественной неправде, в ней живущей. В родине есть безусловная святость — это мы глубоко чувствуем все, это чувствуют все народы о своей родине, но и эта любовь требует своего просветления во Христе, требует отчетливого разделения вечного и преходящего, подлинного и наносного, доброго и злого. Иначе говоря, любовь к родине не есть последняя инстанция в решении вопросов жизни, она должна быть подчинена высшему началу духовной жизни — религиозному. Должно поэтому всячески беречься впасть в христианский натурализм, в признание родины, государства, культуры уже освященным бытием, в какое-то саморастворение в нем без религиозной проверки...

Возвращаясь к вопросу о благословении Церкви на участие в войне, мы должны сказать, что это благословение Церкви не покрывает все, не снимает с нас ответственности на Страшном

Суде. Для Церкви идея «христолюбивого воинства», конечно, не риторика, а очень глубокая идея о том, что хочет видеть Церковь в воинстве, какой духовный строй она хотела бы в нем найти. Идею христолюбивого воинства пронесла Церковь через века — хотя и позволительно спросить, что было в ней реально-го? Быть может, реальность «христолюбивого воинства» всегда была ничтожна, иначе говоря — подлинное воинство, быть может, лишь частично и редко подымалось до того, чем хотела видеть его Церковь, но сама идея светила и звала к себе. В воинстве, которое было и всегда будет как неизбежная сторона в натуральном устроении жизни, Церковь разыскивает точку опоры для себя, а именно любовь к Христу, разыскивает не для того, чтобы вырвать воина из воинства, не для того, чтобы ослабить в нем его активность, а для того, чтобы в страшные и трагические часы напомнить сердцу человека о высшей правде, принесенной Христом. Я не могу здесь касаться вопроса о войне во всем объеме, но хотел бы подчеркнуть, что ошибаются те, кто думает, что в отношении Церкви к войне есть какая-то недоговоренность, какой-то компромисс и уступка государству. Это все не так. Церковь не замалчивает, а, наоборот, уясняет и заостряет в сознании коренную двусмысленность в мире, в истории — в том числе и в войне; она идет туда, где царит эта двусмысленность, чтобы усилить добро, чтобы извлечь его из трагедии. Отрицание войны, запрещение участия в ней (а одно неблагословение на участие в ней означало бы для христианина запрещение) означало бы уход из мира. В трезвом сознании этого и заключается мудрость Церкви, со скорбью следящей всегда за тем, как властвует мир над нами, но не оставляющей нас никогда без своей помощи.

Но все это так бесконечно далеко от идеи «православного меча», от всего этого притягивания Церкви и ее правды к самому применению силы! Ильин, с присущей ему навязчивой идеей — рационализировать до конца все в нашей активности, — не хочет ограничиться тем, что Церковь благословляет на участие в войне. Он понимает хорошо, что рост христианских сил ведет к невозможности пользоваться физическим насилием (см., напр<имер>, с. 220—221)¹⁰, но ему хочется непременно «оправдать» «временное отступление от праведности». Есть что-то отвратительное, отдающее средневековой инквизицией в тех частях книги Ильина, где он стремится доказать, что несправедливость иногда *тоже обязательна* (с. 190). Церковь со скорбью и любовью отпускает на войну своих членов, но она никогда не может признать убийства заслугой или придать ему вид мо-

рально обязательного поступка. Это есть извращение христианства, недопустимое втягивание его в самые недра неправды. Церковь молится и благословляет воина, как бы закрывая от скорби свои глаза; если же стремиться втянуть ее так глубоко в стихию несправедливой жизни, то это есть уже не путь конкретного христианства, а путь соблазна и искушения.

Подмен глубокой и прекрасной идеи «христолубивого воинства» кощунственной идеей «православного меча» связан с целым рядом других aberrаций в религиозном сознании Ильина, как это выступает в его книге. Я останавлиюсь очень кратко лишь на его поправках к Евангельскому учению о любви — они так характерны и в то же время так неверны, что на них как-то особенно ясно выступает опасная путаница, в которой пребывают иные умы.

Есть ли что-либо недоговоренное, неясное в учении о любви в Новом Завете? Если и есть, то только в том смысле, что нам трудно вместить, а тем более понять всю безмерность и высшую правду любви. Никогда не было на человеческом языке сказано ничего прекраснее того гимна любви, который сложил ап. Павел (1 Кор. 13); чем больше вживаться и вдумываться в то, что здесь сказано, тем более ясно, что любовь Христова «превосходит разумение» (Ефес. 3: 19). Можно и должно говорить о «зрении любви», которое превосходит ясновидение духа; именно об этом зрении любви и говорит ап. Павел в упомянутом гимне любви. Эта любовь уже не есть естественное состояние души — это есть благодатное озарение сердца, пребывающего в Церкви. Оттого что мы не целиком живем в Церкви, а любовь Христова, согревающая иногда наши сердца, оказывается в жизни нашей бессильной, наше одновременное пребывание в двух мирах изнутри ограничивает в нас силы любви, а между тем это есть великая, творческая, огненная сила, которой, несмотря на все свое бунтарство, покорился когда-то наш мир.

Во внутренней жизни человека, по учению аскетов, постоянно нужна чрезвычайная «трезвость ума», чтобы быть свободным от соблазнов, подделок («прелести»), но эта трезвенность ума означает вовсе не вмешательство ума в самые озарения нашего сердца, а характеризует внутреннюю духовную установку, боязнь всякой восторженности. Не от ума идут озарения, по свидетельству всех опытных руководителей духовной жизни, а от сердца, — но движения сердца *не устраняют ясного сознания*, внутреннего спокойствия и сосредоточенности внимания. Самые же озарения сердца, вдохновение христианской любви в нас несут душе такой свет и такую силу, что всякие поправки

нашего «малого разума» могут только затемнить перед нами эти откровения.

Ильин впадает в роковой соблазн, когда вносит в учение Евангелия о любви свои поправки и утверждает, что любовь сама по себе беспомощна, слепа и даже беспредметна. Последнее звучит для христианского уха особенно дико, когда мы знаем, что мы, по известной формуле Мальбранша¹¹, даже вещи любим в Боге. Поправок требуют наши мирские привязанности, ибо в них действительно есть много натуральной ограниченности, но христианская любовь, любовь во Христе есть главная сила и христианского разума, и христианской жизни. Мы живем и движемся во Христе лишь в меру нашей любви ко Христу и во Христе. Есть в аскетической литературе дивный образ, созданный Аввой Дорофеем¹², о том, что, приближаясь к Богу (как бы по радиусам — к центру), мы становимся ближе друг к другу; любовь делает прозрачным мир и людей — она есть творческая сила в самом познавательном подходе нашем к миру.

Христианство было и остается системой *мистической этики*, чем, впрочем, вовсе не исключается и разумное начало в ней. Но христианская этика мистична в силу того, что в основу всей нашей активности, всего мироотношения она ставит Богообщение, сопребывание с Богом — оттого и конец этического пути характеризуется в христианстве как «теозис» (обожение). Но христианство не антирационально; будучи религией Логоса, оно поднимает силы разума до высочайшей степени, связывая разум со всей духовной жизнью, высшее цветение которой оно видит в любви. Зрение любви есть высшая точка Богосозерцания и мировосприятия, а в то же время и высшая точка в моральном сознании.

Есть, однако, очень трудный и порой даже соблазнительный путь любви христианской — когда мы, движимые любовью к родине, к отдельному человеку, идем на грех, чтобы помочь родиться добру. Это движение любви никогда не может быть рационализировано — книга Ильина есть лучшее доказательство этого, — но мы всегда ощущаем торжество любви на этом пути как проявление ее высшей правды. Участие в войне, заполняющее душу невыносимой мукой и болью, может держаться как раз только на подвиге любви — когда люди идут на грех, как бы разлучаются со Христом, как на это, в великой скорби о своем народе, готов был ап. Павел (Рим. 9: 13), чтобы помочь родине, близким. Для христианского сердца невозможно иначе принять участие в войне, но это есть вдохновение любви, жерт-

венный подвиг, а не рационально строимый принцип. Замечать это движение любви философией «сопротивления злу силой» — это значит ничего не понять во всей таинственной жизни и правде любви в нас, это значит уйти от христианства.

Книга Ильина включает в себе именно уход от христианства, отказ от него. Я не хочу судить Ильина, дело идет совсем не об этом, но необходима в этих основных, предельных вопросах чрезвычайная ясность. Если христианство приемлет мир, приемлет культуру, государство, если ценит оно натуральное движение к добру и правде и своим благословением и молитвами укрепляет силы натурального добра, то оно никогда не может быть понято как оправдание мира в его неправде. Участие в жизни мира всегда останется для христианина крестом; бремя мира становится легко и иго его становится благом — но лишь через силу любви, дающей возможность в порыве самопожертвования принять тяжесть неправды. Но всегда и во всем сохраняет христианский взор непобедимое сознание вечной правды, несоизмеримой с действительностью — и это сознание охраняет его от натурализма: христианство космично, но не натуралистично. Вот почему приятие правды мира сего в такой форме, как это делает Ильин, не случайно заканчивается кощунственной идеей «православного меча»: тот самый грех, который сказался во внесении поправок к Евангельскому учению о любви, привел к тому, что высочайшее проявление любви, как мы его видим в подвиге «христоролюбивого воина», оказалось соблазном и дало повод к отказу от христианского взгляда на участие наше в жизни мира.

Было бы, однако, ошибкой думать, что единственным источником духовной аберрации, сказавшейся в книге Ильина, является ее «просвещенство», внесение узкого и обедняющего рационализма в тайну нашего пребывания в мире как христиан. Да, конечно, если бы Ильин с достаточной силой развил приятие мира, космические идеи Православия, показал бы невозможность уклониться от участия в исторической жизни, в государственной деятельности, подчеркнул бы всю высоту подвига любви в тех, кто, неся образ Христа в душе, будучи подлинно «христоролюбивым воином», берет вольно грех участия в войне, — его книга не только заключала бы в себе «религиозную мудрость Православия», но достаточно обрисовала бы и «государственную мудрость» его. Православие никогда не смешивало натурального и благодатного, фактического и идеального, всегда ощущало духовное ущербление в погружении в мир, но движимое любовью к миру и заботой о нем, оно шло в мир, обра-

щало свои молитвы и благословение к нему и тем и проявляло свою огромную зиждительную силу, обнаруживало свою «государственную мудрость». Но Ильину этого мало — и не ему одному. С новой силой в различных кругах русской интеллигенции, возвращающейся к Церкви, встает соблазн христианского натурализма, стремление смешать временное с вечным, натуральное с благодатным, национальное со вселенским. В чем причина этого? Если мы поймем это, многое станет ясно во внутренней диалектике духовного роста русской интеллигенции. В русской душе в настоящее время с особой силой пробуждается чувство Церкви, сознание ее правды, вдохновленный замысел пересоздания всей культуры в духе Церкви. Но надо помнить, что не менее сильно, а часто еще глубже и пламеннее, расцветает в нас ныне любовь к родине, страстная жажда отдать себя целиком для ее исцеления: этот национальный эрос, эта безграничная любовь к родине заполняют душу, томят ее еще сильнее и влиятельнее, чем религиозное возрождение души. «Белая идея», хотя и искаженная во многом впоследствии, в существе своем была первоначально связана именно с этой действительностью — ибо, с одной стороны, в ней уже зазвучал религиозный императив отдать себя для борьбы со злом, для жертвенного исповедничества, для перестройки всей жизни на началах подлинной правды, в духе христианства. Этот религиозный мотив был очень силен в белом движении, определяя его действенный энтузиазм, его духовную значительность: для огромного числа участников белого движения оно было священным. Отвергать или умалять это было бы близоруко или постыдно. Но рядом с этим были и иные мотивы в белом движении, тоже глубокие и ценные, но уже всецело идущие от эпохи, от наших дней: чувство национальной скорби и обиды, героическая воля к оздоровлению русской жизни, мужественная борьба с насильниками. Как раз в этой плоскости и стало возможно последующее искажение «белой идеи»... Скорбь о родине внутренне близка религиозной стихии души, но она есть совершенно натуральное движение, не просветленное и часто не желающее быть просветленным со стороны религии. И вот часто за последнее время приходится встречаться с таким сплетением двух разнородных движений, при котором фактически главная роль принадлежит горячему национальному чувству, а религиозные силы души утилизируются в целях, выдвигаемых национальным чувством. Происходит перестановка в иерархии ценностей, и на этой почве повторяется то, что не раз уже было в истории — вместо того чтобы искать в религиозной сфере освя-

щающую и просветляющую силу, национальное чувство становится *primum movens*¹³, неизбежно, конечно, приводя или к искажению религиозного сознания, или к обеднению религиозной жизни.

«Белая идея», конечно, глубже и значительнее «белого движения». Перед лицом того безудержного буйства, тех ужасов, которые заполнили русскую жизнь, в русской душе выросла глубокая религиозная потребность смелого и открытого исповедничества — и отсюда выросло и окрепло и новое мироотношение и жажда служить тому, что священо, что связано с Абсолютным, Вечным. Так вновь в «белой идее» зазвенел давний мотив русских религиозных исканий — замысел религиозной культуры, идея освящения жизни. «Белая идея» как религиозный императив для тех, кто пережил «русский опыт», была единственным исходом как путь жертвенного, религиозного служения добру. Но в таком случае должен быть признан *примат религиозного начала*, в свете которого должно быть все пересмотрено и просветлено. Ильин и те, кто разделяет его позицию, его духовную установку, как раз не хотят примата религиозного начала — они его боятся, ибо чувствуют, что должна еще произойти перестановка в иерархии ценностей. Не отсюда ли поправки Ильина к учению Евангелия о любви? Не отсюда ли попытка придать священный смысл тому, что признается религиозным сознанием неправдой?

Я не хочу отрицать всю глубокую трагичность сложившегося положения. Перед лицом открытого, торжествующего зла, попирающего нагло и беспрепятственно все ценности, все святое и доброе, в душе закипает глубочайшая ненависть, встает чувство глубокой безусловной непримиримости ко злу — *и есть что-то священное в этом самом движении души*, есть такая правда в этой непримиримости, которая живо и непосредственно ощущается вне всяких инстанций. Но священное в этой непримиримости, святое в гневе и ненависти, еще должно пройти через очищение и молитву, еще должно услышать тихий зов Церкви к любви. Острое непримиренчество и правда Христовой любви с трудом могут ужиться одно с другим — и в последней не только смягчается непримиренческая установка, но даже по-новому раскрывается и сама святыня гнева против зла. Вот это предчувствие возможного «расслабления» святого гнева и заставляет тех, кто чувствует, что в непримиримости к реальному и торжествующему злу есть не только правда и нечто святое, *но что на этом вообще держится весь возможный процесс оздоровления нашей родины*, — сознание всего этого заставляет

уклониться от примата религиозного сознания или приспособить (как это делает Ильин) самые идеи христианства к оправданию и освящению их порыва к борьбе со злом.

И еще здесь есть одно. Если книга Ильина написана на тему о борьбе со злом, то, по существу, она могла бы принять примат религиозной точки зрения при *общей* постановке вопроса, но она не может одного принять — примиренчества по отношению к большевизму. Даже одна *принципиальная* допустимость этого («любите врагов наших»...) волнует и мучит тех, в душе кого порыв к борьбе с большевиками встает как самое глубокое и праведное, как подлинная и несравнимая святыня, — ибо в ней они поднимаются до высокой жертвенности, идут часто на мученичество. Здесь мы касаемся самого заветного, самого существенного пункта в психологии белого движения, — не поняв которого, мы не отдадим себе отчета во всей трагической сложности положения.

Да, согласимся с этим настроением *безусловной* непримиримости, поклонимся ему и скажем, что в нем дана подлинная святыня, от которой многое святится ныне в русской душе. Непримиренчество по отношению к тем, кто цинично и дерзко отверг всякую мораль и всякую святыню, и именно в наши постыдные дни всеобщего оппортунизма и самого отвратительного заигрывания с носителями зла, — есть подвиг и правда, есть то, чем одним уже святится наша душа. Но должно ли это — глубокое и высокоценное наше настроение бояться примата религиозной правды, должно ли оно требовать той идеологии, которую ставит Ильин или другие вслед за ним? Та святыня, которая зажигается в нашей душе в непримиренчестве, не только не тонет в общей правде христианства, *но сама есть проявление в нас этой правды его!* Непримиренчество есть выражение того, что мы веруем в Добро, в начало любви и потому никогда и ни за что не примиримся с тем попранием всего святого, которое входит в программу насильников. Однако это непримиренчество *все же не есть высшая и последняя правда* — оно должно быть восполнено сознанием того, что подлинная победа над злом дана только любви. Свержение власти насильников необходимо для того, чтобы устранить самый источник зла — и Церковь часто благословляет тех, кто идет на это; но из этого вовсе не следует *никаких* идеологических перемещений в общих основах христианства. Война против тех, кто разрушает, планомерно и систематически уничтожает все святое и безусловное, имеет совершенно бесспорный священный характер, но от этого нельзя никоим образом прийти к идее «православного

меча», нет просто надобности в этой идее. Ее и не было в белом движении (эту формулу теперь лишь придумал Ильин), хотя глубоко и остро было чувство религиозной ответственности. Религиозное сознание подымало до жертвенности решимость восстать против зла, и то, что для этого нужно было прибегнуть к мечу, встать на путь гражданской войны, — это было уже не от религии, а от истории, это было не раскрытием религиозного долга, а трагическим его осложнением. Был меч, была гражданская война, благословленная Церковью, но не было «православного меча»...

Столь же мало уместна, столь же глубоко чужда православному духу та казуистическая работа, которую проделывает Ильин в своей книге, стараясь доказать, что логика борьбы со злом ведет к употреблению насилия. Пусть так — но при чем же тут христианство и «мудрость Православия»? Это есть логика «натурального» бытия, жестокой и темной нашей действительности, хотя, впрочем, и здесь не все так рационально и рационализуемо, как это думает Ильин. Но не будем спорить сейчас об этом и согласимся даже, что он решительно прав в своей диалектически изощренной казуистике. Однако из этого вовсе не следует, что «логичное» само по себе и религиозно оправдано. То, что логично, натурально, что даже может быть названо «разумным», то еще не освящено и не оправдано религиозно, а наоборот — как раз нуждается в религиозном осмыслении.

И странно подумать, что, увлекаясь защитой противления злу, Ильин забыл, «какого мы духа», забыл, к чему призывал нас Христос. О, конечно, учение Христа о любви не может быть подменено сентиментальной жалостливостью, жаждой устранить все страдания и т. п. Здесь прав Ильин, хотя в словах его — после всего, что превосходно и исчерпывающе писал об этом Влад. Соловьев, — нет ничего нового. Но Ильин забыл и просмотрел у Толстого, которого он так настойчиво критикует, то, что нельзя не ценить у него, что есть у самого Ильина. Нечувствие этой стороны у Толстого делает Ильина особенно далеким от того, что есть ценного вообще в истории русской интеллигенции, — от глубокой религиозной жажды принять учение Христа как путь жизни, а не как отдаленный идеал. Христианство в итоге разнообразных исторических условий для многих стало просто утопией, системой идеальных, но мало приложимых к жизни идеалов, которые, правда, светят нам в жизни, но не могут быть признаны за основы в построении культуры. Толстой страстно боролся с этим превращением христианства в

утопизм, в некоторую декоративную, безжизненную систему — и в этом огромная, забытая и малооцененная заслуга Толстого в положительной истории русского религиозного возрождения. Толстой много думал в религиозной области, и, в частности, его учение о непротивлении злу было всегда очень слабо и невлиятельно, если же оно импонировало и привлекало, то как раз той драгоценной своей чертой, которую мы отметили выше. Максимум и радикализм Толстого вполне отвечают духу Христова учения, поскольку заповеди Христовы есть путь жизни, а не некие утопические, идеальные задачи. О жизни, построенной на началах христианства, думал Толстой — и здесь он вместе со всей русской мыслью, думаю, даже вместе с мыслью всего христианского мира шел к тому, что ныне для всех нас есть основная идея: надо жизнь строить в духе Христовом, надо в жизнь переносить принципы Его учения. Толстой, конечно, упрощал для себя проблему: борясь с превращением государства в утопию, защищая жизненность учения Христова, Толстой, видя всю двусмысленность исторического натурального бытия, *гнушался им*. Он отверг семью и государство, суд и войну, науку и искусство, чтобы остаться свободным от того дурного, что в них заключено, и оттого проблема зла вся была для него связана с уклонением от мира. Здесь Толстой оказался чужд историческому христианству, чужд остался и русской религиозной мысли с ее глубоким космизмом. Но когда мы читаем у Ильина его рассуждения, то такое принятие мира и его логики не только малопереносимо, но часто прямо отвратительно. Пребывание в мире и естественно, и христиански разумно, но это пребывание в мире не должно быть превращаемо в оправдание его неправды. И снова, снова возникает у читателя вопрос — для чего написал свою книгу Ильин? Какие мотивы определили собой сосредоточение его на этой теме?

Дело идет не о «чтении в сердцах» — дело идет об уяснении идеологических путей, по которым идет наше поколение. «Белая идея» часто искажается, еще чаще эксплуатируется — и это только исторически обесценивает и обессиливает ее. Этого не понимают преданные, но часто близорукие и даже слепые ее защитники, не замечают того, что белая идея шире, глубже и значительнее белого движения, что ее смысл не исчерпывается тем, что было сделано во имя ее.

Мне кажется сейчас, что в русской интеллигенции происходит ряд очень сложных духовных сдвигов, но в силу недостаточной подготовленности к этому духовному перелому в духовном самосознании интеллигенции часто происходят весьма опасные

и даже роковые смещения. То, что глубоко врезалось в сердца и написано в нас огненными письменами, смешивается с тем, что не только далеко от духовных наших движений, но просто есть следствие бытового потрясения, житейских невзгод, что диктуется скорбью о прошлом, мстительным желанием «покарать» и т. п. Глубокое и мелкое, светлое и темное, Христово и натуральное — все это одновременно подымается из глубины нашего сердца и потому требует еще внутреннего духовного расчленения, требует духовной ясности, чтобы дать ценный плод.

В книге Ильина так ясно чувствуется эта нерасчлененность глубокого и темного. Если отбросить чрезвычайно мешающую патетичность речи, то нельзя не сознаться, что в книге много подлинного, религиозного. Только религиозное в ней — дохристианское: одной лишь жертвенной верности, только мужества и подвига требует Ильин во имя Господа, еще не дойдя до того, что правда о любви шире, полнее и продуктивнее, чем правда о долге. Любовь опасна и жутка для него; он постоянно ограничивает ее «духовностью», и, поскольку дело идет о «трезвенности ума» и мудрости, он, конечно, прав, но поскольку дело идет о такой рациональной казуистике, образцы которой он сам дал в своей книге, он глубоко не прав. Любовь не есть только жалость, это есть духовное зрение и духовная отдача себя тому, что мы любим; *любовь есть сила*. Правда, одной этой силой не может быть устроен мир — это христианство всегда сознавало, воспринимая мир во всей его фактической неправде. Но любовь остается все же силой *для Церкви — единственной силой*. Для нас, пребывающих в мире, неизбежно использование и сил самого мира, но, оставаясь христианами, мы должны нести начало освящения в это творение жизни силами мира. Таков религиозный императив эпохи, выражающий и скорбные итоги «секуляризации» мира от Церкви, и духовное одичание мира, предоставленного самому себе. Но все это глубокое и плодотворное движение, требующее пересмотра всей системы культуры, вовсе не стоит в противоречии с глубочайшими устремлениями русской интеллигенции. То, чего искала русская мысль в разных ее течениях, — и у Герцена, и у Михайловского и др. наших позитивистов, а тем более у религиозных мыслителей — была идея целостной, т. е. религиозной, а следовательно освященной культуры. Освящение мира, т. е. приятие его и насаждение в нем начал правды, соединение правды факта с правдой идеала — это и есть страница из того мироприемлющего, космического понимания христианства, которое в такой полно-

те и ясности заключает в себе Православие. Защитники «белой идеи» нередко воображают себя единственными носителями того здорового начала, которое нужно русской жизни, не зная того, что они входят в состав огромного религиозного потока, который давно уже существует в русской жизни. Отделять себя или выделять из связи с другими — неверно и бесплодно. Приблизилась пора великого религиозного синтеза, который не должен отбрасывать русскую интеллигенцию, ее прошлое, ее искания и даже заблуждения — и не потому, что этот синтез найдет в себе силу прощения и забвения, а потому, что он *должен вобрать в себя правду, какая была в интеллигенции. Замутненность религиозного сознания русской интеллигенции не должна закрывать глаза на религиозные ее силы и устремления, на религиозный смысл ее исканий. Надо смело сказать и то, что пора преодолеть психологический отход от тех идей, какими жила русская интеллигенция — от идей свободы и народолюбства, демократии и либерализма.* Эти идеи заключают в себе хотя и неполную, но великую правду, которая должна быть раскрыта в грядущем религиозном синтезе. Предстоит отчасти вернуться, а отчасти предстоит еще строить религиозное мировоззрение, без которого невозможно построение религиозной культуры. Но на этом пути надо особенно бережно относиться к тому, чтобы не впасть ни в акосмизм — в гнушение миром, ни в натурализм — в смешение натурального и благодатного, национального и вселенского. Православие должно войти освящающей и преображающей силой в систему культуры, но да хранит вас Господь от всего того, что искажает подлинную мудрость Православия и подменяет его в понятном, но роковом ослеплении, правдой мира сего.

Ф. СТЕПУН

Об общественно-политических путях «Пути»

<фрагмент>

<...> Скоро уже год, как в Париже под редакцией Н. А. Бердяева выходит журнал «Путь», «орган русской религиозной мысли». В эмигрантской прессе о нем писали сравнительно мало и как-то недостаточно существенно и внимательно; а между тем существенность «Пути» заслуживает самого внимательного к себе отношения.

«Путь» — дело не новое: оно началось еще в Москве в 1911—1912 гг., началось не в форме журнала, но в форме одноименного издательства, сумевшего за сравнительно короткое время своего существования сделать очень много по распространению и пропаганде русской религиозной мысли XIX века. Были переизданы произведения Одоевского, Киреевского¹, Чаадаева, выпущены книги Булгакова, Бердяева, кн. Е. Трубецкого, Эрн и др.; сборники, посвященные памяти Толстого и Соловьева; монографии о Хомякове, Сковороде, Козлове² и т. д., и т. д.

Круг, духовно близкий издательству «Путь», никогда не был большим, но всегда был кругом внутренне сплоченным и духовно ревностным. Его основным ядром были столичные члены Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева³ и их провинциальные друзья, широкие круги либеральной и социалистической интеллигенции относились к ним весьма пренебрежительно, иногда снисходительно. Читая в те поры много публичных лекций (между прочим, о Владимире Соловьеве) по Поволжью, в Смоленске, в Воронеже, Николаеве, Казани и др. городах, я постоянно наталкивался на эту беспредметную, но острую распрю. Особенно четко дело обстояло, помнится, в Нижнем Новгороде, где соловьевцы во главе с писателем Волжским-Глинкой⁴ представлялись местным социал-демократам,

горьковцам и народникам, свято хранившим заветы Владимира Короленко⁵, какими-то злостно-темными реакционерами, причем еще и не вполне нормальными, в доказательство чего всегда ссылались на «пророчицу» А. Н. Шмидт⁶.

Сейчас времена во всех смыслах круто изменились, но отношение между русской религиозно-философской мыслью и так называемой «левой» общественностью, к сожалению, все еще далеко не то, которого во имя сущностного взаимоотношения идей постоянно и неустанно требовал Владимир Соловьев. И сейчас в этих вопросах царит какой-то глухой провинциализм: еще недавно я слышал от одного очень крупного и чуткого общественного деятеля левой формации, что статья З. Н. Гиппиус («Современные записки», 28), направленная против книги И. А. Ильина о «Сопротивлении злу силой», в сущности, явление совершенно того же порядка, что и сама эта книга: «тоже религия, значит, тоже реакция». Нельзя отрицать, что мнение это, в корне неверное, имеет все же свои глубокие исторические корни в том синодально-реакционном цезарепапизме, который господствовал в России последнее двухсотлетие и который несет, конечно, величайшую долю ответственности за возвращение свободолюбивой Россией типа революционера-безбожника.

Революция давно уже слила оба отрицательных типа предреволюционной России — тип пресмыкающегося церковнослужителя и наглого свободолюбца — в едином образе чекиста-живоцерковника. Этому страшному синтезу революционной лжи должен быть противопоставлен живой синтез пореволюционной правды: синтез веры и свободы. «Путь» этого синтеза еще не дает, но он совершает для этого синтеза большую подготовительную работу.

Н. А. Бердяеву, редактору и наиболее активному сотруднику «Пути», не в пример Вл. Соловьеву, глубоко чужда идея синтеза. Дух его философствования гораздо ближе духу Гераклита, чем духу Гегеля. Мышление Бердяева антитетично, но не синтетично; ему органически претит всякое диалектическое облагополучивание трагической сущности мира. В этом враждебном всякой диалектике динамизме бердяевской мысли кроется ключ к пониманию его писаний.

Ряд бердяевских книг — сложная система «сдвигов». В каждом периоде своего творчества Бердяев иначе повернут к миру. Эти повороты не произвольны и не субъективны; в той или иной степени они всегда зависят от вращения того духовного мира, в котором вращается Н. А. Бердяев. Причем вращение

бердяевской мысли никогда не попутно, а всегда встречно возвращению окружающего его мира. Дарование Бердяева скорее полемично, чем декларативно. Он гораздо сильнее там, где отталкивается от лжи, чем там, где влечется к истине. С этим свойством Бердяева связана его большая чуткость к лжеуклонам жизни. В дни революции Бердяев жил исключительно отталкиванием от революции. Падение революционной стихии до уровня большевистского коммунизма отразилось в его книгах ненавистью не только ко всей русской интеллигенции в целом, но и ко всей гуманистической эпохе новой истории. Сейчас настроение Бердяева изменилось. Все напечатанное им в четырех номерах «Пути» исполнено радикально иных настроений, чем «Философия неравенства»⁷. Пафос бердяевских писаний сейчас не в борьбе с революционной интеллигенцией, а в борьбе с монархической реакцией. Большевистское гонение на Церковь волнует Бердяева сейчас гораздо меньше, чем правомонархические попытки «приспособления церкви» к интересам и нуждам реставрации. С большой зоркостью борется он против всех идеологических и практических попыток восстановления до-революционного отношения Церкви и государства. Русский зарубежный монархизм представляется ему самым опасным для судеб православия общественно-политическим течением. Его «ужасает» нечувствительность монархических кругов «к историческому часу, к движению истории». Легитимная монархическая идея не имеет, по его мнению, в данный момент почвы в русском народе, и всякие попытки ее навязывания «пахнут насилием и кровью»... «претят христианским чувствам». Отповедь, данная Н. А. Бердяевым из глубины этих чувств И. А. Ильину (по поводу его увлечения «православным мечом»), превосходна и по своей личной страстности, и по своей объективной встревоженности, и по своей предметной существенности. Во всей — не новой, но с новой силою подчеркнутой историко-философской позиции Бердяева очень сильно звучит сейчас окончательный разрыв с «условно-символическим христианским государством» и убедительный, горячий призыв к созиданию «реального христианского общества». Для него прежде всего важно «пробуждение творческой активности самого христианского народа», и вопрос о «православных рабочих союзах» ему кажется «важнее вопроса о монархии и республике». Мы горячо приветствуем этот уклон к народному и творческому пониманию христианства, так как считаем вопрос о возможности народного христианского творчества основным вопросом современной культуры. В этом смысле нам представляется заслуживающей

особого внимания очень интересная статья Бердяева о двух путях христианства⁸. Не отрицая ни смирения, ни аскетики, ни монашества, Бердяев страстно борется в ней против снижения этих высших путей христианской жизни до ходячих штампов «смиранных мыслей», «профессионалов религии» и до апологетики бесхитростной — бабьей, веры. Много дороже этих форм смирения представляются ему, например, искания и тревога религиозных мыслителей и христианских поэтов. <...>

И. А. ИЛЬИН

О сопротивлении злу

(Открытое письмо В. Х. Даватцу)

Вы хотите, дорогой друг, чтобы я высказался по поводу новой формы «непротивленчества», сложившейся в русской зарубежной публицистике. Исполняю Ваше желание с тяжелым чувством безнадежности. Не потому, чтобы я не надеялся убедить в чем-нибудь Вас: ведь я знаю о нашем единомыслии; да и не мне убеждать Вас в правоте того воззрения, которому Вы умели служить и словом, и делом, и жизнью. Безнадежное чувство мое объясняется тем, что здесь явно никто из разномыслящих никого не убедит. Они не убедят нас не только потому, что у них нет аргументов; но и потому, что они открыто заменили аргументацию идеологическими инсинуациями и личным поношением. А мы не убедим их потому, что они не хотят ни видеть предмет, ни слушать и слышать наши доводы и обоснования.

Вспомните прошлогоднее выступление г. Демидова в «Последних новостях» и сравните его с недавними статьями г. Бердяева и г. Айхенвальда. Ведь это не случайное совпадение тона и способа «аргументации»; и ведь их статьи не последние в этом роде... Это принятый у них прием борьбы. Они совсем не ищут реальной встречи с идеей противника; им совсем не существенно верно понять то, против чего они возражают. У них задача другая: изобразить в отвратительном виде не нравящееся им и затем скомпрометировать идеи, а по возможности, и личность противника. Им надо перекричать, заглушить, испачкать то, что они отвергают; и для этого они не останавливаются перед явною неправдою и личным опорочением. Трудно было бы признать, что этот способ борьбы достоин христианских мыслителей или просто честных исследователей, но мелкая уличная

пресса всегда пользовалась этим вульгарным приемом, и посмотрите, как на этой почве уже крепнет «духовное» единение между непротивленцами и парижской левой печатью.

Недаром пишет мне один высокоавторитетный и мудрый друг, стоящий в стороне от всяких интриг и от всякой общественной борьбы: «Наши интеллигенты неохотно отказываются от своих предубеждений и тех, кто не хочет кланяться с ними старым кумирам, готовы преследовать с фанатизмом... достойным “черни”».

Ввиду этого спор с этими господами невозможен и безнадежен. Спора и нет. Мы утверждаем нечто делом и словом, любовью и жизнью. А они — лгут о нас и пытаются нас измарать. И замечательно, что вся их сорганизованная, коллективная инсинуация, слагающаяся в целое ополчение непротивленцев, совершается якобы во имя христианской любви, которая якобы только им одним и понятна, только им одним и доступна; которую они простирают и на большевиков, и на злодеев, и на всякую человеческую душу, за исключением одного только изувера «протестанта», «бессердечного» «фарисея», «гордеца», «немца», «моралиста» и «инквизитора». По отношению же к нему все дозволено — ложь, клевета, поношение и даже намеки на то, что, с известной точки зрения, его следовало бы убить. И этот изувер — я. Но Вы знаете, что я не одинок. У меня есть друзья и единомышленники, которые *делали* то, что я пытаюсь обосновать, и которые чувствуют и думают то, что я высказал. И они, конечно, относят эту ненависть и эту инсинуацию и к самим себе. Вот почему я имею право говорить и буду говорить «мы» и «они».

Посмотрите статью г. Бердяева. Ведь она насыщена такою личною злобою, что надо быть совсем наивным и недумаящим человеком для того, чтобы раз прочтя эту его статью (к кому бы и к чему бы она ни относилась!), продолжать видеть в нем христианского писателя и учителя христианской любви. Можно понять всякий идейный гнев, можно извинить любое полемическое увлечение. Но подобное излияние отстоявшейся личной ненависти производит прямо болезненное впечатление. И что было бы, если бы я стал отвечать в таком же непристойном тоне г. Бердяеву или г. Айхенвальду, злобно вторгаясь к ним в душу, характеризуя их чувства и настроения отвратительными словами, унижительными сравнениями, оскорбительными кличками и т. д.

Храни нас Бог от такой благородной полемики... Мы лучше будем молчать или уже говорить по существу.

Гораздо поучительнее бросить луч света на высказываемые ими воззрения.

Прежде всего они пытаются отрицать свое непротивленчество. Вот, напр<имер>, г. Бердяев прямо заявляет, что он никогда не был непротивленцем, что «человеческое общество, бесспорно, не может существовать без государственной власти, которая будет силой ограничивать и пресекать проявления злой воли» и т. д. Вот и г. Айхенвальд спешит вслед за ним подтвердить, что в необходимости сопротивления злу силою никто и не сомневается. А г. Бердяев даже наивно недоумевает, против кого это я с моею книгою «восстал»: толстовцев у нас нигде не видно, а «в длинном пути, уготовлявшем большевизм, непротивленства у нас не было никакого» (оцените, пожалуйста, эту выходку!). Словом, я «ломлюсь в открытые двери», «буйствую без всякой надобности» и совсем «неоригинален».

Оставим в стороне это плоское мерило «оригинальности» и «неоригинальности», это мерило простительно гимназистам старшего класса и понятно у людей из подполья (Достоевский). Искать надо верного, а не нового; истина для нас желанна и обязательна даже тогда, когда она кажется банальною, а оригинальность парадоксов и вывертов была непростительна и до революции. Оставим также в стороне вопрос о «буйстве»; ибо моя книга не буйство, а серьезное и ответственное исследование.

Поставим вопрос ясно и недвусмысленно. Перед нами «православный христианин», который «приемлет» государство и его пресекающую функцию. Но что значит — «приемлет»? Считается как с неотвратимым злом и бедствием, вроде чумы, или считает целесообразным, важным, ценным и, главное, *негреховным*? Приемлет с отвращением как регистрируемый и осуждаемый противохристианский факт, или приемлет *волею и чувством*? Приемлет в качестве православного христианина или *вопреки* своему православию и христианству?

Все это отнюдь не формальные и не полемические придирки. Ибо тут-то у них и начинаются их скользкие уклоны, тут-то и начинаются у них те щели, в которых прячется воззрение новейшего непротивленца, не желающего ничего почувствовать и додумать и малодушно укрывающегося от глубокой и сложной проблемы.

Дело в том, что если кто-нибудь принимает государство как *последователь и ученик Христа*, а не вопреки своему христианству, то он *обязан осмыслить государственное дело любовью*

прочувствовать его и продумать согласно учению Христа и затем честно, твердо и недвусмысленно отвергнуть или принять. Так, как честно и мужественно сделал это Лев Толстой «да» — так да, «нет» — так нет. Так, как это сделали в свое время Тертуллиан, Афинагор¹ и другие. Если человек, движимый христианской любовью может и должен быть государственным политическим деятелем, тогда надо прямо и недвусмысленно показать это. Если же это невозможно, тогда необходимо признать государственное дело *противохристианским*, доказать это и так жить. Тогда надо всех правителей, политиков и государственно служащих *извергнуть из Церкви*, а всем православным христианам *воспретить от лица Церкви* всякое государственное строительство (Тертуллиан!). Понятно, что это значило бы осудить и отвергнуть те пути, по которым вот уже две тысячи лет идет и ведет людей православное христианство. Понятно также, что только осмысление государственного дела христианскою любовью может открыть настоящие пути, ведущие к углублению и очищению и человеческого правосознания, и государственного строительства, к облагорожению и развитию одних государственных функций и к сокращению и, может быть, ликвидации других. Только тогда и функция пресечения найдет свою главную цель и свой последний корень и что еще важнее — свою *меру* (меру своей допустимости и меру своей недопустимости!). И только тогда, если я принимаю государство моею *христианскою волею*, оно станет для меня не скверным и не стыдным фактом, который я с отвращением регистрирую, а *системою моих личных поступков, которые я сам считаю согласными с учением Христа*.

Тогда и только тогда я перестану быть «христианским» непротивленцем.

Если же этого нет, то все заявления о «приятии» становятся двусмысленностью, разновидностью прикровенного непротивленства, которое особенно вредно именно потому, что оно систематически и незаметно *отравляет в тылу колодцы христианского правосознания*.

* * *

И вот именно таково это новейшее непротивленство.

У половинчатых непротивленцев не хватает религиозной цельности, гражданского мужества и воли для того, чтобы вступить на этот путь. Их идея, связанная с мироотвергающими и противогосударственными тенденциями первых христиан-

ских еретиков, прячется за двусмысленными формулами и невыговариваемыми оговорками (*reservatio mentalis*²). Втайне считая государственное дело противохристианским, они боятся выговорить это, а неосторожные формулы, роняемые ими, да общая ярость их полемики выдают их с головою. Молчаливо отвертываясь от всей традиции христианской православной Церкви, они не хотят дать государственному делу религиозно христианского осмысления, ободрения и укрепления и отвечают поношениями тому, кто ищет именно этого. Зато они систематически выдвигают именно противогосударственную традицию в христианстве и выдают именно ее за единственно православную. Но попробуйте поставить вопрос ребром, и формулы о «признании» и «приятии» государственности мигом будут опять произнесены и опубликованы. Они «принимают» так, чтобы не принять, «допускают» с тем, чтобы осудить, «признают» как бы для того, чтобы скомпрометировать, обессилить и погубить «признанное». Я бы сказал, что их воззрениям более всего соответствовала бы беззубая, мнимогуманная, безвольная и предательская «государственность» Временного правительства. Кто из нас не помнит этого позора?

Вот почему то «признание» государственности, которое они выговаривают, есть нечто религиозно и жизненно *двусмысленное*. Оно именно таково, каково оно было у умершего ныне князя Львова³, сумевшего взять власть в России и затем непротивленчески предать Россию ее врагам и врагам христианства. Посмотрите как зорко и мудро обличает покойный П. И. Новгородцев непротивленческую вину Временного правительства (посмертная статья в том же номере «Пути»). И как легкомысленно и безответственно (и в то же время как поучительно!) звучит после этого фраза г. Бердяева о том, что «в длинном пути, уготовлявшем большевизм, непротивленства у нас не было никакого»...

В действительности — Вы знаете это — было как раз обратное. Большевики завладели Россией именно потому, что русская интеллигенция была сплошь заражена сентиментально-анархическим неприятием государственности. И та «государственность», которую принимали левые партии, была изнутри насквозь пропитана, искажена и отравлена стихией П. Кропоткина и Л. Толстого. Эта непротивленческая установка по отношению к бунтующей массе («революционный народ») насаждалась и крепла весь XIX век, пробираясь все выше и выше и парализуя государственную волю в России. Отречение двух законных государей, — а с ними вместе царствующей династии —

завершило этот процесс; и власть перешла в руки левых непротивленцев, которых г. Бердяев, с обычным для него взглядом поверху, пытается изобразить «противленцами», смешивая противогосударственное, дезорганизующее бунтовщичество с сопротивлением злу силою. И вот то, что делают ныне г. Бердяев и его единомышленники, сводится к попытке дать христианско-православную санкцию этому религиозному, умственному и волевому пороку русской интеллигенции...

Моя книга не только «восстает» (т. е. полемизирует), но и утверждает. Поскольку же она «восстает», то именно против этой традиции, которая продолжает жить и ныне в воззрениях новейших непротивленцев. Эта традиционная интеллигентская установка, делающая себе идола из сентиментальной гуманности, однажды уже предала Россию на поток и разграбление, однажды уже предала русскую Православную Церковь на поругание дьяволам. И именно она-то и сближает господ непротивленцев с господами из бывшего Временного правительства... И именно такое «приятие» государства, которое втайне считает его противохристианским делом насилия, будет и впредь чревато предательством Церкви и Родины.

Ибо в критический и роковой момент, когда борьба за Церковь и Родину потребует войны или казни, скрытое отвержение государства, потихоньку насаждавшееся в душах и оставлявшее свой яд в колодцах христианского правосознания, непременно выйдет из своего молчаливого подполья и наложит запрет на «насилие». Так уже было один раз; так будет и впредь. Ибо всегда найдутся люди, которые достаточно «приемлют» государство, чтобы пролезть наверх; но у которых это приятие именно настолько неискренно и малодушно, чтобы предать то государственное дело, за которое они берутся.

Если патриотически необходимая война и государственно необходимая казнь постыдны и запретны для христианина, то в трудную и трагическую минуту он всегда отвергнет их. И будет в этом прав. Ибо христианина может подвигнуть к борьбе только любовь. И потому он, имея в душе для борьбы только одни «противохристианские» мотивы, всегда предпочтет предоставить злодею свободу и пассивно ожидать его покаяния и обращения, отвергая наступательную и пресекающую борьбу.

Понятно также, что человек, из глубины своего христианского сознания осудивший государственное дело, выйдет из него сам и будет проповедовать этот выход и другим. Все христианское уйдет в Церковь; все противохристианское сосредоточится в государстве. Отвлеченно говоря, я понимаю, что можно

хотеть именно этого. Но занимающий эту позицию «христианского» мироотвержения, во-первых, обязан ее открыто выговорить и обосновать, во-вторых, он обязан иметь мужество уйти в ересь и не выдавать своего лжеучения за православное.

Вы, дорогой друг, читали мою книгу и знаете, что я отнюдь не смешиваю Церковь и государство и отнюдь не превращаю ни государство в церковь, ни Церковь в государство. Вымыслы г. Бердяева мы можем спокойно оставить на его совести. Но я считаю христиански верным и необходимым, *оставаясь христианином, принять государство* и осмыслить его единым христианским лучом, лучом *любви*. Эта любовь, любовь в государстве — иная, чем церковная; но тоже любовь, и притом христианская любовь. Это есть любовь, вынужденная выйти из своей совершенной полноты (плеромы). Она не заменяет той, к которой зовет Церковь, и отнюдь не ограничивает ее; напротив, она сама есть ее видоизменение и потому остается у той в научении и в очищении. Но она не перестает быть любовью. Государственная *власть* не подчиняется церковной; и церковная власть не подчиняется в своих пределах государственной. Но государственные и политические *деятели* остаются членами Церкви и связуются с плеротическою любовью в том, что они делают. Именно это понимание выговорено в моей книге (см., особенно, главу 22); и я утверждаю, что это есть понимание христианское, православное и русское, свободное от всякого «цезарепапизма» и «папоцезаризма».

И вот эта-то концепция государства и приводит в величайшее «негодование» господ непротивленцев. Их премудрость иная: «Есть добро и есть зло. Каждое из них отдельно», христианство остается само по себе, а государство само по себе» (г. Айхенвальд); г. Бердяев искуснее скрывает свое воззрение: он предпочитает обойти центральный вопрос о *государстве и любви* и яростно полемизирует с собственной выдумкою, которую он приписывает мне. Однако и он категорически отвергает то положительное, воспитательное задание государства, на котором настаивает апостол Павел. И вслед за тем насаждает дух непротивленчества.

В самом деле, продумаем до конца выдвигаемую им формулу: «душа человеческая стоит больше, чем все царства мира», в которой он связывает вопрос о «покаянии коммунистов» и обращении их ко Христу. Он сам, конечно, избегает делать из нее практические оценки и выводы; но именно поэтому мы дочувствуем и додумаем все до конца.

Подумайте только: «больше, чем в-с-е ц-а-р-с-т-в-а м-и-р-а...» Все... А в наши дни борьба идет всего-навсего только из-за одной России... Но ведь коммунист Зиновьев — разве не человеческая душа? А коммунист Уншлихт? А коммунист Бела Кун? А как мы можем доказать, что они не покаются и не обратятся? Что же драгоценнее — умилившийся душою Зиновьев или какое-то одно «русское царство»? А что, если Уншлихт возьмет и уйдет в монастырь? А вдруг Сталин лет через 30 перед смертью обратится? Думала ли об этом Белая армия? Думали ли об этом ее вожди? Как же они смели идти на коммунистов с мечом? Ведь, убивая коммунистов в гражданской войне, они лишали их возможности покаяться и обратиться!! Как же они могли, будучи христианами, поступить так?! «Кто же может взять на себя решимость казнить от лица абсолютного добра и духа»? — спрашивает их ныне г. Бердяев. Ведь это же «неслыханная духовная гордыня»! Пока не исключена возможность покаяния и обращения, до тех пор... что же, спросим мы, до тех пор их художества свободны и неприкосновенны? Ведь «отрицание свободы зла делает добро принудительным» (г. Бердяев)! А кто же тогда может *доказать* — и как? и чем? и о ком? — что покаяние и обращение абсолютно недоступны этому человеку...

Итак?..

Не вздумайте возражать ему, что коммунисты ведут борьбу с верою и Церковью, что они под видом «живоцерковцев» уже пробрались в самую сердцевину церковной организации, вызвали церковный раскол и сеют величайшую религиозную смуту... С ними *нельзя* поступать так, как поступил Спаситель с торговцами в храме! Но почему? А потому что г. Бердяев находит, что «большевики не торгуют в храме и не находятся в храме» — они «извне разрушают храм. Это совсем иная ситуация...» (с. 107).

Что же, надо все предоставить и все позволить?

И еще не вздумайте возражать ему, что коммунисты губили и губят Россию, растлевают русских детей, умучивают лучших сынов России... Что такое все царства мира, когда с течением времени может обратиться человеческая душа Менжинского!..⁵

И не вздумайте приводить ему в возражение, что коммунисты сами не дожидались и не ждут религиозного просветления многих миллионов убитых ими русских людей! — еще Тертуллиан спрашивал христиан в порыве непротивленчества: «А кто вам сказал, что вы непременно должны жить?!» Разве христианин от мира сего? Разве не надлежит ему постоянно по-

мнить два основных правила: «презирай мир» и «помни о смерти»?!

Но Тертуллиан додумывал до конца и прямо выговаривал:

«Нет ничего, что было бы нам (христианам) столь чуждо, как государственное дело (*res publica*)»; он прямо запрещал христианам всякое государственное служение. Не ждите этой открытой прямооты от современных непротивленцев. Они даже «много критиковали Толстого»; и если издеваются ныне над «картонным мечом» Белой армии и если порицают нас с Вами за «разжигание» ее «страстей» и «взвинчивание» «духовно-моральной атмосферы», то это совсем не от непротивленчества, а исключительно по соображениям гигиены и целесообразности...

Не правда ли, поучительно? А главное — цельно, прямо, мужественно и искренно?..

И это — есть Православие и православная традиция? Но что же тогда г. Бердяев и его единомышленники обязаны сказать о высоко чтимом нами владыке Вениамине⁶ (ныне Епископ Парижский), который по собственной инициативе в роковую минуту Белой борьбы за Крым в 1920 г., с крестом в руке рядом с главнокомандующим вел в атаку на коммунистов офицерские роты? Мы считаем этот акт глубоко православным, украшением русской церковной истории! А они?!.

Но они, конечно, обойдут этот вопрос молчанием...

* * *

Теперь уместно спросить, чем я могу подтвердить православность моего подхода к государству и смертной казни? Есть ли в Священном Писании Нового Завета ясное и определительное разрешение этого вопроса и где именно?

Начну с того, что в моей книге «О сопротивлении злу силою» я поставил перед собой проблему философскую, а не богословскую. Я вынашивал мою книгу более двадцати лет, и, понимая всю ответственность вопроса и всю сложность темы, я в течение долгих лет воздерживался от писания и проверял себя всеми доступными мне средствами и способами; и, конечно, прежде всего — Священным Писанием. И вот, во мне сложилось убеждение, что трактовать этот вопрос как богословский надлежит не светским людям, а духовным; и притом потому, что в Евангелии и в других книгах Нового Завета есть немало таких мест, которые имеют отношение к исследуемому вопросу, но для ответственного толкования которых необходим авторитет, связанный с саном. В противоположность г. Бердяеву и его группе

считаю себя в православии не учителем, а учеником; и именно поэтому я совсем воздержался от привлечения и истолкования этих мест в моей книге; инкриминируемые же мне толкования предварительно надлежащим образом проверил у авторитетных лиц, дабы избежать личного произвола и кривотолка.

По вульгарному выражению г. Бердяева, все это означает, что «мое» православие «взято напрокат» и «шито белыми нитками»...

Более всего господа непротивленцы возмущаются тем, что я мыслю государственное дело, а вместе с тем и меч, и казнь (поскольку они необходимы) как *служение* Богу, и притом Богу любви, Христу Сыну Божию. Вся та масса резкостей и дерзостей, которую они мне уже наговорили и еще наговорят, вызвана именно этим моим воззрением. Именно за это воззрение я уже получил и «морально извращенного», и «инквизитора», и «неслыханного гордеца», и «немца», и «чекиста», и все остальные художества.

Что же именно по этому вопросу говорит Священное Писание Нового Завета?

Откроем Послание апостола Павла к Римлянам и прочтем главу тринадцатую.

«1. Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. 2. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. 3. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от нее. 4. Ибо *начальник* есть Божий слуга тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. 5. И потому надобно повиноваться не только из *страха* наказания, но и по совести. 6. Для сего вы и подати платите: ибо они Божии служители, сим самым постоянно занятые. 7. И так отдавайте всякому должное: кому подать — подать; кому оброк — оброк; кому страх — страх; кому честь — честь. 8. Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон. 9. Ибо заповеди “не прелюбодействуй”, “не убивай”, “не кради”, “не лжесвидетельствуй”, “не пожелай *чужого*” и все другие заключаются в сем слове: “люби ближнего твоего, как самого себя” (Левит, 19: 18). 10. Любовь не делает ближнему зла, итак, любовь есть исполнение закона».

Посмотрите, как здесь все ясно и определенно, как глубоки эти вдохновенные, гранитные формулы. Государственное дело

есть *служение Богу*, государственные правители суть *Божии слуги*, по-гречески (цитирую текст Синайского списка) — «диаконос» и «литургос». Этим служением Богу они *заняты постоянно, и именно в качестве Божиих слуг они носят меч*, карая этим мечом того, кто делает злое; и в качестве Божиих слуг собирают подати. И именно потому, что они *Божии слуги*, христианин, оставаясь христианином, может и должен повиноваться им не из страха только перед мечом, но и по своей *христианской совести*. Государство есть *установление Божие*; призвание его в том, чтобы удерживать людей от злых дел угрозой меча и чтобы одобрять и поддерживать делающих доброе.

Может ли быть сомнение в том, что, говоря о Боге, Апостол Павел понимает Сына Божия Иисуса Христа? Какому же добру служит правитель, если не делу любви? Именно так; и Апостол Павел договаривает все это до конца, показывая, что государственные законы могут и должны выражать то самое, к чему зовет Христова заповедь о любви и что подсказывает христианину его совесть. Таково *призвание* власти; но вместе с тем это и *критерий* ее, по которому мы узнаем ее Богоустановленность и обязательность ее для нашей совести.

Теперь откроем Первое Послание апостола Петра и прочтем вторую главу с тринадцатого стиха.

«13. Итак, будьте покорны всякому человеческому началству, для Господа: царю ли как верховной власти, 14. правителям ли как от него посылаемым для наказания преступников и поощрения делающих добро. 15. Ибо такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей; 16. как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии. 17. Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите».

Посмотрите, та же самая идея, но иная, новая, глубина. Государственные правители, заграждая уста невежеству безумцев, наказывая преступников и поощряя добродетельных, *исполняют волю Божию*; они — его рабы (по-гречески «дулос»), но в служении их им дано свободное разумение, однако не для злоупотребления этим разумением. Вот почему повиноваться им надо *для Господа*, по-гречески — «диа тон Кюрион»; по-латыни (Амиатинский Кодекс) — «propter Deum».

Не ясно ли, что государственные правители мыслятся апостолом Петром как исполнители воли Сына Божия Иисуса Христа?

И не то же ли самое мы находим в Послании апостола Павла к Титу (гл. 3, стих 1 и сл.)?

Теперь спросим себя, могли ли апостолы любви благословить государственное дело как служение Христу, и государственных правителей как слуг Христа, и подданных на совестное повиновение этим слугам Сына Божия, если они, апостолы, не мыслили себе все это как дело любви? Что же, они благословляли правителей на ненависть и злобу? Не выговорил ли апостол Петр прямо, что Христос хочет, чтобы мы не только делали добро, но и заграждали уста невежеству безумцев и наказывали преступников? Не выговорил ли апостол Павел прямо, что *вся* деятельность правителей, включая карающий меч, должна быть осмыслена как верное служение Христу Спасителю? Что же, это служение мыслилось апостолами как проистекающее из противолюбовного озлобления?

И еще спросим себя: если апостолы Петр и Павел именно так поняли и истолковали Христа в канонических Посланиях, то имеем ли мы право не принимать это истолкование как православное? И имеем ли мы основание искать в самом Евангелии и находить в нем слова и деяния, близкие по своему смыслу к этому истолкованию? И не обязаны ли мы сами держаться этого истолкования как истинного?

Или эти «места» Посланий устарели для нашего гуманного века? Но тогда надо высказать это открыто и начать пересмотр всех книг Нового Завета с точки зрения «гуманности»! Или нам необходимо для принятия этих сторон апостольского учения получить разрешение от г. Бердяева и его единомышленников? Но кто же они, наши поносители и злословники, что присваивают себе ключи к истине православия и думают замалчивать или даже налагать прещение на ясный смысл апостольских Посланий? Вот они поносят меня за воззрение, которое есть, по существу, апостольское воззрение; кого же поносят они? А ведь я прямо указываю в моей книге на эти апостольские разъяснения и определения (с. 162, 192, 207). Вот они хотят противопоставлять Кесарево дело — Божию, а апостолы благословили Кесаря и его слуг как верных слуг Божиих... Что же, слова Спасителя о «кесаревом» и «Божием», и изгнание из Храма, и многое другое в Евангелии, сокровенно указующее на *трагедию* мира в его борьбе со злом, — что же, г. Бердяев разумеет все это лучше апостолов?

Когда в прошлом году против моего понимания так резко и неосновательно выступил г. Демидов, я указал печатно на источник моего воззрения. Что сделали господа непротивленцы?

Обошли молчанием указанное и поспешили приписать мне вновь свои собственные выдумки... Так, наверное, будет и впредь, или же они скажут, что у апостолов это все «образная символика», а что у меня — «больное воображение».

Замечательно, однако, что христианская православная Церковь в течение всей своей истории понимала слова апостолов прямо и непосредственно, не обращаясь ни к каким «образным» перетолковываниям. Неужели надо для доказательства исчислить всю историю? Неужели вспоминать все от Константина Равноапостольского⁷ и ранее? Неужели приводить страницы из святоотеческой литературы? Прочтите же хотя бы толкование Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея (том 1), особенно то место, где он говорит о *любви, повергающей злодеев в темноту...*

Но вот возьмем одну только русскую историю.

В княжение Владимира Святого умножились разбои, и вот епископы сказали великому князю: «Разбойники умножились; зачем не казнишь их?» Владимир отвечал: «Боюсь греха». Епископы возразили на это: «Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милование; тебе должно казнить разбойника, только разобрав дело». Владимир Святой послушался (С. Соловьев. История России. Т. I. Гл. 7).

Что же, русские православные епископы того времени, явно ссылавшиеся на Послание к Римлянам, и Владимир Святой, принявший их совет, были «озлобленными инквизиторами», которых «давно покинул ангел истинной любви?..».

А дошедшее до нас наставление св. Феодосия Печерского: «Живите мирно не только с друзьями, но и с врагами; однако только со своими врагами, а не с врагами Божиими» (Костомаров. Русская история, т. I)? Но что же делать с врагами Божиими? Очевидно, следует заграждать уста их безумству, как учил Апостол Петр...

Спросим теперь, как же мог преп. Сергей Радонежский вдохновлять и вдохновить Дмитрия Донского к кровавому побою с татарами? Почему же он не считал необходимым ожидать всеобщего татарского покаяния и обращения? Или татарская душа не «человеческая душа»? Или преп. Сергей не умел дорожить (подобно г. Бердяеву) «индивидуальной человеческой душой и ее вечной судьбой»? А ведь он послал еще двух своих иноков убивать татар... Что же, это все было отпадение от христианства и от православия? И монахи Троице-Сергиевой лавры, воевавшие в смутное время с воровскими шайками — тоже от-

падали от православия или творили «противохристианское» дело вослед за преп. Сергием?

Пусть только господа непротивленцы договорят все. Здесь нельзя, непозволительно двоиться и умалчивать.

А великие московские митрополиты, всея Руси чудотворцы, собиравшие и строившие Русь вместе с московскими князьями, — что же, они считали государственное начало органом добра, вослед за апостолами, или органом зла в союзе с непротивленцами?

А когда св. Патриарх Гермоген подымал своими грамотами Россию на поляков и воров, то это был с его стороны акт христианский и православный или нет? Что же, он «смешивал Церковь и государство»? Что же, он не считал поляков и воров за «человеческие души»? Что же, он не верил в силу покаяния? Или он не знал, что обрекает тысячи «индивидуальных человеческих душ» на смерть для того, чтобы спасти *одно* земное царство — Россию?

А когда митрополит Ростовский Кирилл⁸ вместе с князем Пожарским строил и вел ополчение на Москву, то это было с его стороны делом любви, и притом именно христианской любви, или делом ненависти и злобы? А отшельник Иринарх, призывавший князя Пожарского идти на Москву без боязни, — ведь он вместе с митрополитом Кириллом «разжигал страсти этого движения» и «взвинчивал морально-духовную атмосферу!?».

А правление Филарета Романова? А суровость Никона? А наши полковые священники, ходившие без меча, но с крестом в атаку со своим полком, благословляя на смертный бой за родину? Что же, они извращали христианство и взвинчивали страсти?

* * *

Что же могут выдвинуть господа двусмысленные непротивленцы против этой православной традиции?

Отвечаю: традицию русской сентиментальной интеллигенции XIX в. до г. Бердяева и г. Айхенвальда включительно.

И когда г. Бердяев отрешает меня как «чужого человека, иностранца, немца» от этой фальшивой интеллигентской традиции, то я отрешился от нее сам, и уже давно. Ибо я следую традиции древне-православной, русско-национальной; а для нее иностранец не я, а господа сверхчуждые непротивленцы...

Подумайте только, что было бы с Россией, если бы царь Алексей Михайлович (Тишайший!)⁹ стал бы ожидать покаяния Степана Разина и его шаек и ограничился бы молитвой о них? Что было бы, если бы Петр Великий со стрельцами и Екатерина Великая с пугачевскими шайками (которые Пушкин совершенно объективно и эпически именует «сволочью», т. е. сбродом людским) не «взяли на себя» «решимость казнить» злодеев от лица православной России? Ведь они оказались бы *предателями* своей страны... А когда они это делали, то Православная Церковь их осудила за это или нет? И если бы она их осудила, то в согласии с апостольским учением или вопреки ему?

Я знаю, дорогой друг, что они скажут; полемические приемы их мне уже известны. Они скажут, что я, изнемогая от злобы, мечтаю залить всю Россию кровью; что я воспеваю известные эксцессы Петра; что я презираю русский простой народ до такой степени, что поношу его бранными словами («сволочь»...) и т. д.

Русская пословица говорит: «Людам губа не заперта». Пусть говорят. А другая пословица утешает: «На всякого враля по семи ахалычиков»... Отметим только заранее: *идейную полемику превращает в личную инсинуацию тот, кто считает свою позицию в споре безнадежно потерянной.*

Но они могут еще сказать, что «теперь об этом говорить несвоевременно»... (это уже сказано обоими).

Посмотрите, как это поучительно. Во-первых, мое воззрение противоречит христианству. А, во-вторых, если оно не противоречит христианству, то теперь несвоевременно об этом говорить. А если даже и своевременно, то, в-третьих, это «принижает достоинство философа»...

Достоинство философа состоит в том, чтобы, во-первых, в исследовании быть честным с самим собою; во-вторых, искать предметной правды с чувством ответственности перед лицом Божиим; в-третьих, говорить, что думаешь, и делать, что говоришь. И именно поэтому господа непротивленцы должны прежде всего подумать о своем собственном духовном достоинстве...

Но, помимо этого, в беде и в страдании своевременно, как никогда, вскрывать ложные пути и ложные предрассудки, приведшие уже раз к гибели. А если г. Бердяев решается утверждать, что я говорю о смертной казни с «упоеанием» или что я уже «пошел сажать в тюрьмы и казнить», то нам остается только пожелать, чтобы однажды, в минуту отрезвления, он устыдился бы этой лжи и этой инсинуации.

* * *

Тонкий и мудрый французский историк Гастон Буасье¹⁰, говоря о Катоне Старшем¹¹, пишет: «Из всех крайностей самая опасная есть, быть может, крайность в добре; по крайней мере, от нее всего труднее исправиться, так как виновный тут рукоплещет сам себе и никто не осмеливается укорять его».

Именно таково было и остается настроение русской сентиментально-непротивленческой интеллигенции. Это есть мечтание о некоей нравственно-совершенной жизни, мечтание, не считающееся с наличною трагедиею мира или же считающееся с нею как с фактом, а не как с волевым заданием. Это мечтание беспочвенное и обманчивое, возвращающее в душе слепоту, малодушие и религиозное дезертирство. Подумайте только: русская интеллигенция девятнадцатого века гуманнее апостола Павла и преподобного Сергия, милосерднее апостола Петра и любвеобильнее Патриарха Гермогена... И традиция наших великих святых, ныне мною выдвинутая, оказывается традициею «злого добра»...

Именно об этой малодушной гуманности, именно об этой педантической морали, именно об этой крайности в «добре» я и писал в моей книге, что она умеет вести себя всю жизнь с обычной черствостью и грешить всю жизнь в свою пользу и потом выражает священный ужас, как только трагическая борьба со злом ставит ее перед необходимостью совершить *неправедность во имя любви*. Тут непротивленчество начинает просто изнемогать от прилива гуманных чувств и от жалости; и вся аргументация подлинного толстовства выступает мало-помалу вперед. Мало того, если кто вздумает назвать все это настроение и течение надлежащим именем (в совершенно *не* личной форме), тогда извлекается из-под спуда самая неудержимая личная злоба и изнемогший от любви «христианин» начинает «аргументировать» самой вопиющей клеветою...

Теперь Вы понимаете, почему они так озлобились на мою книгу: они сами узнали себя в моей совершенно не личной и никого из них не касавшейся философской полемике. *Inde irae et studium...*¹²

* * *

Вот, собственно, и все то, что я имел бы высказать Вам по поводу всего этого «ополчения» непротивленцев.

Они встревожены тем, что русская зарубежная православная молодежь мыслит не с ними, а с нами; что их интеллигентские вывихи не воспринимаются подрастающим поколением. Они решили бороться с этим и прививать молодежи свою беспочвенную сентиментальность во что бы то ни стало, не оставиваясь и перед личными инсинуациями. И вот моя книга делается стратегическим объектом их похода, а я обречен на то, чтобы регистрировать один эксцесс их «христианской любви» (ко мне) за другим.

Эти эксцессы доходят до меня не все, некоторые доходят поздно, а иных я и совсем не читаю, хорошо зная духовный вес их авторов. Отвечать на все эти выходки нет ни сил, ни времени, и я думаю, что все, чего они добьются, это то, что мою книгу прочтет большее число колеблющихся.

Но к ним-то, к моим возможным читателям, мое последнее слово.

Всякий из них, кто будет судить о моих воззрениях по статьям г. Бердяева и его единомышленников, должен отдать себе отчет в том, что статьи эти грубо извращают мои философские воззрения и мои личные настроения, что суд *обязан* выслушивать обе стороны, что я вложил в мою книгу прежде всего *жажду правды* и писал ее, отдавая себе отчет в принимаемой на себя *ответственности*; что тема моя *очень* трудна, что уже неверная постановка вопроса может закрыть доступ к его верному разрешению, которое не может не быть и сложным, и тонким, что поэтому моя книга требует медленного, вдумчивого и, главное, беспристрастного и непредубежденного чтения, требует тем более, чем раздраженнее пишут о ней непротивленцы.

И еще одно. Пусть знают и помнят мои читатели, что мое исследование *никак и ничем* не предрешает и не предназначает никаких «политических лозунгов» и никаких «тактических путей». Мы совсем не ищем гражданской войны во что бы то ни стало, но в случае необходимости мы признаем ее христиански обязательной для нас. Мы совсем не мечтаем ни о мести, ни о казнях, ни о крови, но мы считаем малодушным и негодным того правителя, который не сможет «взять на себя решимость казнить», когда это будет необходимо, *религиозно* малодушным и *государственно* негодным. Наконец, мы совсем не единомыслим с теми, кто «отодвинут в прошлое и принужден злобствовать», и *они не единомыслят с нами*.

Мы — белые, а не черные. И именно нами была впервые и уже давно выдвинута идея об *амнистии для раскаявшихся* и о

братании с опомнившимся и возлюбившим Россию красноармейцем.

И потому все, чего я хочу, — это чтобы мою книгу читали беспристрастно и предметно. Не верьте лжи, читайте и думайте сами, не смотрите из чужих рук. Но, не прочтя и не продумав моей книги, не судите о «воззрениях Ильина» и не повторяйте безответственных и злобных слов о «злом добре»!..

А остальное доделают *правда и время...*

Не правда ли, дорогой друг?

А. БИЛИМОВИЧ

Критикам И. А. Ильина

Трудно указать современную русскую книгу, которая вызвала бы столь ожесточенные нападки, как книга проф. И. А. Ильина «О сопротивлении злу силой» *. В нападках этих проявлено очень много злобы по адресу автора и защищаемой им идеи. И что любопытно. Вся эта злоба изливается во имя христианства. От этого во всех этих нападках чувствуется глубокая фальшь. Я имею в виду выступление против Ильина «Пути» в лице Н. А. Бердяева, заметку Ф. А. Степуна «Об общественно-политических путях» в последней книжке «Современ<ных> записок», где Степун восхищается «превосходной отповедью», данной Ильину Бердяевым «из глубины христианских чувств», наконец, «отповедь» Ильину со стороны проф. В. В. Зеньковского в той же книжке «Современных записок».

Все эти «превосходные отповеди», если бы они оказали влияние, достигли бы только одного. Это, захватив людей ссылкой на христианство, размягчило бы руку народа, собирающего силы для свержения впившегося в него жестокого врага.

Получается наводящее на грустные размышления положение. Большевики обманули русских простых людей, пообещав им свободу, равенство и братство. На эту ложь они поймали народ, оседлали его и сейчас сосут его труд и льют его кровь для того, чтобы быть у власти. Но туман рассеивается. Массы уже видят обман, и крепнет «народный гнев». И вот в это время каждый призыв к борьбе находит здесь, в эмиграции, целую группу религиозных писателей, вероучителей и светских «пророков», прилагающих все усилия к тому, чтобы ссылками на

* Помещая статью почтенного А. Д. Билимовича, редакция имеет в виду вернуться к предмету спора, явно возбудившего большой интерес в зарубежье. — *Ред.*

христианскую любовь отвести от большевиков заносимый над ними меч истории. Когда же Ильин выступил с книгой, доказывающей христианскую правду и праведность этой борьбы, светские «пророки» потеряли всякое самообладание.

Куда девалась их христианская любовь и незлобивость, на которые они так усиленно ссылаются? Почему эти люди считали в свое время моральной и христианской, например, «Думу народного гнева», а призыв Ильина к священной борьбе считают кощунством? Почему требующие сейчас христианской любви сотрудники «Современных записок» не вспоминали об этой любви, когда их товарищи по журналу, если не по партии, признавали возможным бросать бомбы в выходящих из церкви губернаторов, разрывая при этом ни в чем не повинных молящихся. Вот эти две мерки у рассматриваемых писателей уничтожают всякое доверие к их писаниям и ссылкам на христианство.

Однако такие писания — мы уверены — не поколеблют веру русских людей в правоту и праведность активной борьбы с большевизмом. И когда представится возможность подлинной борьбы оружием, верующих русских воинов не обманут заявления о «соблазне национализма», о «ложной романтике государственности», о том, будто «путь Православия есть путь... отступления перед буйством злых сил» и будто «острое непримирительство и правда Христовой любви с трудом могут сжиться одно с другим». Не остановит их и то заявление, которое нельзя не назвать дерзким в устах мирянина запугиванием, а именно будто «благословение Церкви на участие в войне... не снимает ответственности на Страшном Суде». Лучше будет думать о своих ответах. А воинам, готовым за народ свой и за веру отцов живот свой положить, предоставим самим дать Богу ответ. Неизвестно, кому легче будет предстать перед Судьей праведным и кто будет ближе сердцу Судии: такой воин или профессор, в жизненных удобствах читающий этому воину христианские морали.

Напрасно также критики противопоставляют понятия «христоролюбивое воинство» и «православный меч», признавая первое и отвергая второе. Тождественность этих понятий многократно засвидетельствована в русской истории. Разве не яркое свидетельство этому было, когда наиболее чтимый русский святой не только благословил русского князя и его воинство на бой с поработителями, но и послал князю двух молодых сильных иноков, послал их на бой, т. е. убивать врагов. Разве не запечатлена эта тождественность теми многочисленными и как

раз морально наиболее высокими представителями православного духовенства, которые в качестве военных священников не только молились за воинов, не только причащали больных и умирающих, не только хоронили умерших, но с поднятым крестом шли вперед и вели людей в бой, то есть не только умирать, но и убивать «за Русь святую и за веру православную». Это ли не слияние, кровью этих служителей Церкви и кровью воинов запечатленное слияние «христолюбивого воинства» и «православного меча»?

Так строилась и создавалась Русь. И что бы ни писали мнящие себя новыми пророками православия — так будет она и возрождена. Какое-то воинство, которому в конце концов тошно станет быть интернациональным «красным» и которое неудержимо потянет вновь стать русским «христолюбивым воинством», — это вновь нашедшее себя воинство с мечом, осиянным православным крестом, подымет борьбу за освобождение своей православной Руси.

И все слабые и жалкие должны с величайшим почтением преклониться перед такой борьбой, как перед подлинно христианской. Ибо именно о ней сказано Христом; «Никто же больше себя любви имать, да кто душу свою положит за други своя»¹. Все мы должны посильно помогать делу этой борьбы. Ибо она трудна, враг хитер и жесток, а силы наших борцов разрознены и большевистским шпионажем постоянно выслеживаются.

Книга профессора Ильина «О сопротивлении злу силой» есть идейная помощь делу этой борьбы. А потому тяжкий грех берет на свою душу тот, кто при столь тяжелых условиях морально расслабляет собирающиеся силы, доказывая им, будто борьба противна христианству, которое-де допускает лишь путь «отступления перед буйством злых сил».

Э. КЕЙХЕЛЬ

Мыслитель воли

К лекциям проф. Ильина в Риге

«Девятнадцатый век был веком победы русского общества над русской государственностью, неслыханной, оглушительной... Русская литература и поэзия во всех направлениях и до глубины разъела русскую государственность... Перед лирой Пушкина померк, побледнел, просто умер Бенкендорф... Все это хорошо. Для нас хорошо “музыканящих”. Но как управлять?»¹

В этих полушутливых словах один из самых прозорливых русских мыслителей В. Розанов вскрыл (еще до войны) одну из главных причин разразившейся над Россией катастрофы: роковой разлад между дальнозоркими представителями мысли и близорукими представителями воли народа. Первые мечтали о прекрасном будущем, которое сразу, внезапно должно осуществиться, снизойти на землю, вторые жили больше прошлым, а настоящее, с его «малыми делами» и его «постепенными улучшениями жизни», прозевали и те и другие.

Одно из главных условий оздоровления русского народа — примирение между «музыканящими» и «управляющими». Судя по многим признакам, в русском зарубежье уже начался такой процесс пересмотра прежних ценностей. Одним из ярких выразителей этого течения является профессор Ив. Ал. Ильин, провозгласивший в своем журнале «Русский колокол» лозунг волевой идеи: «Русское дело есть сразу дело религиозное, национальное и государственное; и тот, кто упускает хотя бы одну из этих сторон, тот упускает все сразу»².

Не менее гибельную роль, чем «война» общества с государством, сыграл в судьбе России вековой разлад между интеллигенцией и народом — между умом и телом русского народа. Их соединение И. Ильин правильно считал необходимой предпосылкой оздоровления. «Сущность русской революции состоит в

том, что русская интеллигенция выдала свой народ на духовное рабство, а народ выдал свою интеллигенцию на поругание и растерзание. И конец революции придет тогда, когда русская интеллигенция и русский народ возродят в себе верную глубинную религиозно-национальную инстинкта и воссоединятся»³.

Лишь пережитые и выстраданные мысли ценны и плодотворны, обладают способностью «заражать» собой: начав свое учение поприще как философ-теоретик (главный «след» его — очень основательный труд «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека»), И. Ильин после революции сначала в России, а затем, после изгнания из нее (в 1922 г.), в Германии под влиянием грозных событий последних лет становится пылким публицистом-бойцом, с подкупающей страстностью печатно и устно (публичными докладами) борющимся против большевизма и за будущее обновление русского народа*.

Переживший ужасы большевистского зла, И. Ильин старается постигнуть идею зла и обосновать борьбу со злом в своей книге «О сопротивлении злу силой», причем он приходит к очень резкому выводу: «Физическое пресечение и понуждение могут быть прямой религиозной и патриотической обязанностью человека, и тогда он не вправе от них уклониться. Исполнение этой обязанности ведет его в качестве участника в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада».

Эпиграфом к книге служит евангельский текст об изгнании Христом торговцев из храма: разгневанный бичующий Христос, по-видимому, наиболее близок сердцу автора. Это одностороннее, сгущенно-грозное понимание христианства представляет собой, конечно, такой же сектантский уклон, как и распространенное «розовое» и многие другие уклоны: но кто может по праву утверждать, что он видит само ослепительно яркое солнце христианства, а не только один из его аспектов?

Тон делает не только музыку, но и философию и публицистику: тон всех писаний, и в особенности речей, И. А. Ильина, неизменно бодрый и бодрящий, зовущий не только на бой со злом, но и на строительство новой, лучшей жизни. Источник этого тона — неподдельная любовь к родному народу и глубокая религиозная вера в жизнь.

* В недавно вышедшем на немецком языке под редакцией И. Ильина сборника «Welt vor den Abgrund»⁴ он поместил 5 статей о большевизме.

Ф. С<ТОГОВ>

О сопротивлении злу силой

Четвертая лекция проф. И. А. Ильина

Эта лекция была особенно насыщена внутренней страстью, горячей убежденностью, пронизана трепетом нервов, призывно звучала. Она закончилась овациями переполненного зала. Но и по остроте своей темы лекция была наиболее боевой.

Из трех потоков — религии, искусства и философии — последняя в России неизменно питалась западными соками, пройдя чрез гегельянство, шеллингизм, материализм, кантианство, контизм¹, и русские философы раскапывали источники и архивы Европы, чтобы отрыть и предъявить миру забытого или еще неизвестного мыслителя Германии, Франции, Италии. То, что считалось в России самостоятельной философией, являлось не более чем простыми публицистическими упражнениями. Так прошло, между прочим, субъективное течение в социологии — субъективная философия и даже субъективная религия (очевидный намек на Михайловского). Неверные ответы принимались за истину. Властвовали и покоряли парадоксы. Чем крайней была проповедь, тем больший успех ее сопровождал. Этим объясняется популярность идей Бакунина и Кропоткина — их отрицание государственного порядка, анархические идеи, точно так же как и известность Розанова с его теорией родства религиозных порывов и полового возбуждения.

Особенно резко и страстно лектор нападал на Толстого, на его сентиментальное умиление, отвлеченную рассудочность, отвержение от мира, непротивление злу. Это обожествление пассивности как нельзя лучше совпало с коренными чертами русского национального характера. Меж тем русский человек для строительства России *нуждается прежде всего в воле — везде: в жизни, в практике, в идеях, в быту, в суде.*

Аполитичность и непротивленчество — путь гибели, ведущий к упадку и предательству родины. Это забывают, этого не понимают, и в Париже сейчас возникла даже теория, считающая государство изобретением дьявола. Ее защитники должны быть признаны врагами высшей религиозности. Они или не ведают, что творят, или слишком хорошо знают, что делают. Возникает и углубляется идеологическая гангрена. Эти теоретики знают только одну постановку вопроса — дилемматическую: или-или, либо-либо. Они ставят вопрос лживо и неверно, а на нелепый вопрос бывает только нелепый ответ.

Самый важный вопрос: смеет ли человек не сопротивляться злу силой, оправдываясь соображениями политики, идеологии, партии или религиозности? Но следует прежде всего разобраться в понятиях зла и добра. Побеждать зло — значит растворять его. Когда налицо злая человеческая воля, направленная против духа и его свободы, *сопротивление необходимо и свято*, и оно становится не только нашим правом, но и нашей обязанностью. Для Толстого же зло — только недуг, случайное падение, зла нет — есть только слабость и страдание. Но «центральное чувствовалище души» определяет личное бытие и небытие, разрешает вопрос: стоит ли жить при победе зла? Ответ должен быть точен и смел. Нельзя оставаться безразличным. Необходимо волевое отношение к мировому процессу, а оно требует и волевого действия. Здоровый дух неизбежно содействует одному и противостоит другому. В конце концов, надо понять, что проблема о сопротивлении злу в своих логических путях разрешается физическим воздействием на злодея, и это единственное средство остановить зло и неправду. У каждого только два исхода: либо потакать бездействию, не мешать, стать в сторону, либо пойти на физическое пресечение без сентиментального попустительства. Буйствующих не уговаривают. Кто верит в иное, тот таит в себе «приглушь воззрений». История не идиллия и не водевиль, а трагедия, требующая зоркости и дел. Криводушие и празднословие никогда не успокоят ни русскую, ни общечеловеческую совесть и честь. Смешно думать, что преображение злодея может прийти через сияние чужой святости.

Да, конечно, путь меча — тоже не святой путь. Но нет такого закона, чтобы идущий через несправедность шел непременно к греху и бездне. Жизненная мудрость и жизненный путь не прокладываются и не создаются мнимым праведничеством. Пусть путь меча не свят и даже несправедлив, но где другой? Надо воспитать в себе одно убеждение: *Божье дело и сама истина могут обрести свое торжество не только в путях праведных.*

В конце концов, даже соблюдение личной святости и праведности является лишь уклонением от дела, эгоизмом, и трагедия в том, что святых исходов нет. Нужно открытое приятие духовного компромисса, и этого слова не надо бояться. Речь идет не о компромиссе эгоистическом или корыстном, а о другом, полном жертвенности, о компромиссе меченосца, решающегося взять на себя всю ответственность и всю вину.

А это — героизм, возложение на себя бремени мира, это — путь судьбы, другого выхода нет: или изживать зло пассивно, или приять меч и судьбу во имя Божие, не страшась раскаяния, не возвеличивая своего подвига, не боясь, что потом придется нести бремя терзаний совести хотя бы всю жизнь. Приятие меча есть приятие смерти, но в любви страх смерти погибает. В этом — «достоинство Божьего слуги», где личное становится общим, смертное — бессмертным.

Трагический парадокс земного героизма: лучшие люди вступают в борьбу со злом, вынужденные вести ее не лучшими и не чистейшими средствами. Конечно, счастливы монахи, художники, ученые, созерцатели, свершающие чистыми руками чистое дело, но свершать его они могут только потому, что другие обречены идти с чистыми руками на нечистые дела.

В заключительной части лекции проф. Ильин говорил о России, о ее поругании, падении ее культуры, осквернении алтарей — обращался главным образом к молодому поколению, еще не расточившему ни своей воли, ни своих порывов, готовому верить в могущество грозной любви и борьбы. Вся лекция прошла в страстно построенных парадоксах. По умению вычерчивать внешне логическую линию проф. Ильин является исключительно гибким теоретиком. Этому спорнейшему проповеднику удалось наружно привести в логическую связь даже христианство и насилие — задача, посильная только одаренному оратору, строителю труднейших схем.

КОММЕНТАРИИ

I

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

Е. К. Герцык

Воспоминания
<фрагмент>

Впервые отдельным изданием: Париж, 1973. С. 148—150. Повторно: М., 1996. С. 176—178. Печатается по последнему изданию.

Герцык Елена Казимировна (1878—1944) — переводчица, хорошо знавшая многих деятелей Серебряного века и оставившая о них воспоминания.

¹ Наталия Николаевна Вокач (1882—1963).

² Имеется в виду 3-й съезд РСДРП (май 1905 г., Лондон), проведенный большевистским крылом партии и не признанный меньшевиками.

³ *Новгородцев Павел Иванович* (1866—1924) — российский правовед, философ, социолог, глава школы «возрожденного естественного права» в России. Профессор Московского университета (1904—1906 гг.), ректор Высшего коммерческого института (1906—1918 гг.). Член партии кадетов (с 1905 г.) и ее ЦК (1917 г.). С 1920 г. — в эмиграции, с 1921 г. — в Праге, где основал и возглавлял русский юридический факультет при Пражском университете.

⁴ *Гуссерль (Husserl) Эдмунд* (1859—1938) — немецкий философ, основатель феноменологии. Стремился превратить философию в «строгую науку» посредством феноменологического метода («Логические исследования», т. 1—2). В дальнейшем обратился к идее «жизненного мира» как к изначальному социально-культурному опыту, сближаясь с философией жизни. Оказал влияние на экзистенциализм, философскую антропологию.

⁵ *Волошин* (наст. фам. Кириенко-Волошин) *Максимилиан Александрович* (1877—1932) — русский поэт, художественный критик. В поэзии заключены сыновнее чувство природы как космического целого и трагическое переживание исторических судеб России.

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — русский поэт. Представитель и теоретик символизма. Поэзия ориентирована на культурно-философскую проблематику античности и средневековья. С 1924 г. жил в Италии.

⁶ См. воспоминания А. Белого в наст. изд.

⁷ *Фрейд (Фройд) (Freud) Зигмунд* (1856—1939) — австрийский врач-психиатр и психолог, основатель психоанализа. С 1938 г. жил в Великобритании. Развил теорию психосексуального развития индивида, в формировании характера и его патологии главную роль отводил переживаниям раннего детства. От разработанного совместно с Й. Брейером «катартического» метода (отреагирование с помощью гипноза забытых психических травм) перешел к методу свободных ассоциаций как основе психоаналитической терапии. Принципы психоанализа распространил на различные области человеческой культуры — мифологию, фольклор, художественное творчество, религию и т. д.

⁸ *Ильина Екатерина Юльевна* (урожд. Каролина Луиза Швейкерт).

⁹ *Толстой Алексей Константинович* (1817—1875) — граф, русский писатель и поэт, член-корреспондент Петербургской АН (1873 г.). Автор баллад, сатирических стихов, исторического романа «Князь Серебряный» (опубликован в 1863 г.), драматической трилогии: «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иоаннович» (1868) и «Царь Борис» (1870). Создатель проникновенной лирики с ярко выраженным музыкальным началом, психологических новелл в стихах.

¹⁰ *Нестеров Михаил Васильевич* (1862—1942) — российский живописец, заслуженный деятель искусств России (1942 г.). Создал поэтичные религиозные образы, связанные с этическими исканиями 1880—1910-х годов («Видение отроку Варфоломею», 1889—1890; «На Руси», 1916); писал глубокие, острохарактерные портреты деятелей отечественной культуры.

¹¹ *Немецкая душа (нем.)*.

¹² *Метнер Николай Карлович* (1879/1880—1951) — российский композитор и пианист. С 1921 г. жил за рубежом (с 1936 г. — в Великобритании). Создатель жанра фортепьянной сказки. В концертном репертуаре преобладала классическая музыка.

¹³ *Любовь Яковлевна Гуревич* (1866—1940) — двоюродная сестра Ильина, с которой он состоял в активной переписке (см. раздел «Письма» в наст. изд.).

¹⁴ *Коген (Cohen) Герман* (1842—1918) — немецкий философ, основоположник марбургской школы неокантианства. Стремясь преодолеть кантовский дуализм, отказался от понимания «вещи в себе» как внешнего источника ощущений («опыта») и соответственно от противопоставления априорных созерцательных и рассудочных форм. Выдвинул теорию «этического социализма».

А. Белый

Между двух революций <фрагмент>

Впервые: М., 1934. Переиздано: М., 1992. С. 279—280. Печатается по последнему изданию.

Белый Андрей (псевд., наст. имя и фам. Борис Николаевич Бугаев; 1880—1934) — русский писатель, критик, мемуарист. Один из ведущих деятелей символизма. Для ранней поэзии характерны мистические мотивы, гротескное восприятие действительности («симфонии»), формальное экспериментаторство (сборник «Золото в лазури», 1904). В романе «Петербург» (1913—1914; переработанное издание вышло в 1922 г.) — символизированное и сатирическое изображение российской государственности.

¹ *Хвостов Вениамин Михайлович* (1868—1920) — философ, юрист, профессор римского права Московского университета.

² *Лопатин Лев Михайлович* (1855—1920) — российский философ и психолог. Редактор журнала «Вопросы философии и психологии», председатель Московского психологического общества (с 1899 г.). Истолковывал учение о монадах Г. Лейбница и Р. Г. Лотце в духе персонализма, обосновывал свободу воли.

³ *Риккерт (Rickert) Генрих* (1863—1936) — немецкий философ, один из основателей баденской школы неокантианства. Понимал философию как учение о ценностях. Противопоставлял метод естествознания, направленный на общее (закон), методу исторических наук, выясняющему единичные, неповторимые явления и события.

Наторп (Natorp) Пауль (1854—1924) — немецкий философ, один из главных представителей марбургской школы неокантианства. Разрабатывал основные идеи Г. Когена; видел задачу неокантианства в создании философии культуры на основе трансцендентального метода.

⁴ *Горгулов П.* — русский эмигрант, смертельно раненный в 1932 г. президента Франции Поля Думера.

⁵ Имеется в виду герой романа Ф. М. Достоевского «Бесы».

⁶ По поводу рассказанной далее истории см. раздел «История одного скандала» в наст. изд.

⁷ *Булгаков Сергей Николаевич* (1871—1944) — русский философ, экономист, теолог. С 1923 г. в эмиграции, жил в Париже. От легального марксизма, который Булгаков пытался соединить с неокантианством, перешел к религиозной философии, затем к православному богословию.

Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — российский историк литературы и общественной мысли. Был близок к неославянофилам. Участник сборника «Вехи». Изданы его труды о П. Я. Чаадаеве, о «грибодовской Москве», о западниках и славянофилах, об А. С. Пушкине и И. С. Тургеневе.

⁸ *Трубецкой Евгений Николаевич* (1863—1920) — князь, российский религиозный философ, правовед. Брат С. Н. Трубецкого. Стремился согласовать учение Вл. С. Соловьева о «всеединстве» с ортодоксальной христианской доктриной. Написал труды о Соловьеве, по теории познания, о смысле жизни.

Н. Н. Алексеев

В бурные годы
<фрагмент>

Впервые: Новый журнал. 1958. № 54. С. 158—163. Печатается по первому изданию.

Алексеев Николай Николаевич (1879—1964) — русский философ, правовед, один из идеологов евразийства. Попытался применить феноменологический метод в философии права. Ученик П. И. Новгородцева, преподавал в Московском университете (1912—1917 гг.), в Праге и Берлине (1922—1931 гг.), затем в Сорбонне, Белграде (с 1940 г.). С 1950 г. проживал в Женеве.

¹ *Вышеславцев Борис Петрович* (1877—1954) — религиозный философ, профессор Московского университета (1917—1922 гг.). Выслан из СССР в 1922 г., жил в Париже. Автор трудов по этике, истории русской философии и др.

² *Зензинов Владимир Михайлович* (1880—1953) — главный помощник А. Керенского в газете «Дни», член редакционной коллегии «Современных записок».

³ *Савальский Василий Александрович* — юрист, философ; доцент юридического факультета Московского университета, позже профессор Варшавского университета.

⁴ *Гартман (Хартман) (Hartmann) Николай* (1882—1950) — немецкий философ, основоположник так называемой критической онтологии. Развил объективно-идеалистическое учение о сложной структуре бытия. Разрабатывал теорию неизменных этических ценностей.

⁵ *Татаркевич (Tatarkiewicz) Владислав* (1886—1981) — польский философ. Профессор Варшавского университета (с 1915 г.), президент Польской АН (с 1947 г.). Автор трудов по истории философии и эстетики.

⁶ *Сеземан Василий Эмильевич* (1884—1963) — русский философ. С 1921 г. получил финский паспорт (его отец был финн, а мать — русская) и уехал в Гельсингфорс (Хельсинки).

⁷ 1-я Государственная дума просуществовала с 27 апреля по 8 июля 1906 г. Была распущена царским манифестом от 9 июля, ибо ее деятельность в условиях активизации революционных выступлений была сочтена опасной. Ее 169 депутатов (кадеты, трудовики и социал-демократы) попытались апеллировать к народу ради созыва новой Думы, они переехали в Выборг и 10 июля 1906 г. приняли так называемое Выборгское воззвание («Народу от народных представителей»), в котором призывали граждан России не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию» пока не будет созвана Дума. Из них 167 были приговорены к трем месяцам тюрьмы, что означало лишение их избирательных прав при следующих выборах в Думу. Подробнее см.: *Винавер М. М.* История Выборгского воззвания. Пг., 1917.

⁸ ИМКА-Пресс (YMCA-Press) — издательство русской книги, основано в 1921 г. в Праге, существовало в Берлине (1923 г.), Париже (1925—1940, с 1944 г.). Среди изданий — работы русских философов, произведения

М. А. Булгакова, А. П. Платонова, М. И. Цветаевой, А. И. Солженицына, мемуары Н. Я. Мандельштам, Л. К. Чуковской, репринтные издания.

⁹ *Религиозно-философская академия* — объединение русских ученых, философов и богословов, высланных из Советской России; была организована по инициативе Н. Бердяева в 1922 г. в Берлине, а в 1924 г. перенесена в Париж.

¹⁰ Имеется в виду Русский Православный богословский институт — учебное заведение, основанное в 1925 г. и располагавшееся в Сергиевом подворье в Париже, его преподавателями в разное время были многие видные деятели эмиграции.

¹¹ Статья называлась «Понятия права и силы: Опыт методологического анализа» (1910).

¹² *Антикоминтерн* — организация, созданная немецким правительством для противостояния коммунистической угрозе.

¹³ *Воровский Вацлав Вацлавович* (1871—1923) — российский политический деятель, публицист. Один из первых литературных критиков-марксистов. С ноября 1917 г. — посол в Скандинавских странах, с 1921 г. — полпред в Италии. Убит белогвардейцем в Лозанне.

¹⁴ Брошюра Ильина называлась «Из русской старины. Бунт Стеньки Разина»; она вышла в 1906 г. в издательстве «Труд и воля» под псевдонимом Н. Иванов.

¹⁵ *Русский общевоинский союз (РОВС)* — организация, объединившая кадры Белой армии; РОВС был создан 1 сентября 1924 г. П. Врангелем.

¹⁶ *Кальвинизм* — направление протестантизма, основано Ж. Кальвином. Из Женевы распространился на Францию (гугеноты), Нидерланды, Шотландию и Англию (пуритане). Под влиянием кальвинизма проходили нидерландские (XVI в.) и английские (XVII в.) революции. Для кальвинизма особенно характерны: признание только Священного Писания, исключительное значение доктрины предопределения (исходящая от Божьей воли предустановленность жизни человека, его спасения или осуждения; успех в профессиональной деятельности служит подтверждением его избранности), отрицание необходимости помощи духовенства в спасении людей, упрощение церковной обрядности (во время богослужения не звучит протяжная духовная музыка, не возжигаются свечи, в церквях отсутствуют настенные изображения). Современные приверженцы кальвинизма — кальвинисты, реформаты, пресвитериане, конгрегационалисты.

Г. А. Леман-Абрикосов

Воспоминания (1900-е — 1920-е годы)

<фрагмент>

Впервые: *Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы* (1903—1938). М., 1999. С. 589—592 (фрагмент опубликован Ю. Т. Лисицей по рукописи, хранящейся в Российской государственной библиотеке). Публикуется по последнему изданию.

Леман-Абрикосов Георгий Адольфович (1887—1968) — издатель книги Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (М., 1918).

¹ *Флоренский Павел Александрович* (1882—1937) — российский ученый, религиозный философ, богослов. В сочинении «Столп и Утверждение Истины. Опыт православной теодицеи» разрабатывал учение о Софии (Премудрости Божией) как основе осмысленности и целостности мироздания. В работах 20-х гг. стремился к построению «конкретной метафизики» (исследования в области лингвистики и семиотики, искусствознания, философии культа и иконы, математики, экспериментальной и теоретической физики и др.). Репрессирован; реабилитирован посмертно.

² Имеется в виду *Савонарола (Savonarola) Джироламо* (1452—1498) — настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции. Выступал против тирании Медичи, обличал папство, призывал Церковь к аскетизму, осуждал гуманистическую культуру (организовывал сожжение произведений искусства). После изгнания Медичи из Флоренции в 1494 г. способствовал установлению республиканского строя. В 1497 г. отлучен от Церкви, по приговору приората казнен.

³ Безусловно, имеются в виду революционные события, начиная с февраля 1917 г.

⁴ *Степун Федор Августович* (1884—1965) — русский философ, писатель, литературный критик. В 1922 г. выслан из Советской России; жил в Германии.

⁵ В протоколе обыска, составленного 3 ноября 1918 г. при повторном аресте Ильина по делу о создании Добровольческой армии (см. в наст. разделе ниже) сказано об изъятии в числе других бумаг «Лекции о патриотизме» (см.: *Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы* (1903—1938). М., 1999. С. 411).

И. А. Ильин

<Дневник> 1905, осень

Впервые: *Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы* (1903—1938). М., 1999. С. 16—20 (публикация Ю. Т. Лисицы по рукописи, хранящейся в отделе редких рукописей Библиотеки МГУ). Печатается по последнему изданию.

¹ *Таля* — так Ильин называл свою невесту, а с августа 1906 г. жено — Наталию Николаевну Вокач (1882—1963).

² Маму И. А. Ильина в семье ласково называли Линой (сокращение от ее немецкого имени Каролина), но в этой рукописи четко написано «Лена» (*примеч. Ю. Т. Лисицы*).

³ М. А. — Мария Андреевна Муромцева (1856—?), мать Наталии Николаевны Вокач.

⁴ Возможно, имеется в виду брат И. А. Ильина — Александр.

⁵ *Шунне (Schuppe) Вильгельм* (1836—1913) — немецкий философ-идеалист, представитель имманентной философии; отождествлял бытие с сознанием.

⁶ *Петражицкий Лев Иосифович* (1867—1931) — русский юрист. Один из основателей психологической школы права. Профессор Петербургского, а после эмиграции в 1918 г. — Варшавского университета.

⁷ *Кистяковский Богдан Александрович* (1869—1920) — философ и социолог; автор многочисленных работ по вопросам развития общества, социологии, правоведению и т. д. (они были объединены в книгу «Социальные науки и право»). Участник сборников «Проблемы идеализма» и «Вехи».

⁸ а. — возможно, «агностическое» или «атеистическое».

⁹ *Каутский (Kautsky) Карл* (1854—1938) — один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и 2-го Интернационала, центрист. В 1883—1917 гг. — редактор теоретического журнала германской социал-демократии «Нойе цайт». С 1881 г. проживал в Лондоне, где в 1885—1890 гг. тесно сотрудничал с Ф. Энгельсом. С 1905 г. начал выступления против радикальных марксистов (Р. Люксембург и др.). С наступлением 1-й мировой войны занял пацифистскую позицию. Октябрьскую революцию в России встретил враждебно.

¹⁰ *Уманский Владимир* — работник книгоиздательства «Труд и воля», с которым именно в то время начал сотрудничать Ильин.

¹¹ Имеется в виду книга Эльцбихера «Анархизм», перевод которой был позже выполнен И. А. Ильиным и Н. Н. Вокач.

¹² *Ефимов Дмитрий Панфилович* — хозяин книгоиздательства «Труд и воля».

¹³ Манифест 17 октября 1905 г. («Об усовершенствовании государственного порядка»), подписанный императором Николаем II, провозгласил гражданские свободы и создание законодательной Думы.

¹⁴ *Люба* — Любовь Яковлевна Гуревич (1866—1940), двоюродная сестра Ильина, с которой он состоял в активной переписке (см. соответствующий раздел наст. изд.).

¹⁵ *Мензбир Михаил Александрович* (1855—1935) — профессор Московского университета, зоолог.

¹⁶ Имеется в виду *Зинаида Сергеевна Соколова* (урожденная Алексеева; 1865—1950) — заслуженная артистка РСФСР.

¹⁷ Брат И. А. Ильина.

¹⁸ *Муромцева Мария Сергеевна* — двоюродная сестра Наталии Николаевны Вокач (Ильиной) по материнской линии.

И. А. Ильин

Встречи и беседы

Впервые: *Ильин И. А.* Собр. соч. Письма. Мемуары (1939—1954). М., 1999. С. 320—383. Печатается по последнему изданию. Записки мемуарного характера хранятся в архиве И. А. Ильина, находящегося в библиотеке Мичиганского университета (США). Публикуемый здесь текст в оригинале предваряется кратким обозначением тем воспоминаний, которые предполагал записать Ильин; всего список тем содержит 193 наименования, и далеко не все они были реализованы. Номер в скобках перед каждым фрагментом в публикуемом тексте указывает на соответствующую тему в этом списке.

¹ *Струве Петр Бернгардович* (1870—1944) — российский политический деятель, философ, экономист, историк, публицист, академик РАН (с 1917 г., в 1928 исключен). В 1890-х годах — теоретик «легального марксизма», вел полемику с народниками, автор Манифеста РСДРП (1898). С начала 1900-х годов — лидер российского либерализма, редактор журнала «Освобождение», один из руководителей «Союза освобождения». С 1905 г. — член партии кадетов и ее ЦК. Депутат 2-й Государственной думы. С 1907 г. — фактический руководитель журнала «Русская мысль», участник сборника «Вехи» (1909), инициатор сборника «Из глубины» (1918). После октября 1917 г. вел борьбу с большевиками, один из идеологов Белого движения, член «Особого совещания» при генерале А. И. Деникине, министр в правительстве генерала П. Н. Врангеля, организатор эвакуации его армии из Крыма. С 1920 г. — в эмиграции, редактор журнала «Русская мысль» (Прага), газеты «Возрождение» (Париж) и др., преподавал в Пражском и Белградском университетах.

² *Муравьев Николай Константинович* (1870—1936) — видный московский адвокат; выступал защитником по политическим делам. С 8 марта 1917 г. — председатель Чрезвычайной следственной комиссии при министре юстиции по расследованию противозаконных действий министров и других высокопоставленных лиц, включая царскую семью.

³ *Миллюков Павел Николаевич* (1859—1943) — российский политический деятель, историк, публицист, теоретик и лидер партии кадетов. В 1917 г. — министр иностранных дел Временного правительства 1-го состава (до 2 (15) мая). После Октябрьской революции — эмигрант. Автор трудов по истории России XVIII—XIX веков, Февральской и Октябрьской революций.

⁴ *Кокошкин Федор Федорович* (1871—1918) — российский юрист, публицист, лидер партии кадетов. Депутат 1-й Государственной думы. В 1917 г. — государственный контролер Временного правительства.

⁵ *Шингарев Андрей Иванович* (1869—1918) — земский деятель, врач, публицист, один из лидеров партии кадетов.

⁶ *Иеллинек Георг* (1851—1911) — немецкий ученый-юрист, представитель формально-юридической школы.

⁷ «Это талантливейший государствовед, каких я когда-либо видел» (нем.).

⁸ *Айхенвальд Юлий Исаевич* (1872—1928) — российский критик и публицист, представитель так называемой импрессионистической критики. В работах о русской и западноевропейской литературе («Пушкин», 1908; «Этюды о западных писателях», 1910; «Поэты и поэтессы», 1922) им используется метод интуитивного «понимания». В книге-эссе «Силуэты русских писателей» (1906) содержится пересмотр литературных репутаций (М. Горького, В. Я. Брюсова и др.). В послереволюционной публицистике расценивал большевистский переворот как трагически закономерный финал истории Российской империи. Выслан за границу (1922 г.). Отношение Ильина к Айхенвальду выразительно характеризует его письмо к И. С. Шмелеву, датированное концом декабря 1928 г. (см. в наст. изд.).

⁹ *Ясинский Всеволод Иванович* (1884—1933) — русский ученый, после высылки из России, с 1922 г. — директор Русского научного института в Берлине.

¹⁰ Имеется в виду приход митрополита Евлогия, который не принадлежал ни к Русской Зарубежной Церкви, ни к Московской патриархии, хотя и был назначен патриархом Тихоном главой Русской Православной Церкви западноевропейских стран.

¹¹ *Кистяковский Игорь Александрович* (1868—1920) — юрист, член партии кадетов.

¹² *Скоропадский Павел Петрович* (1873—1945) — один из организаторов борьбы против большевиков на Украине, генерал-лейтенант. Гетман Украинской державы (1918 г.).

¹³ *Адамов А. К.* — адвокат, брат известного адвоката, Адамова Михаила Константиновича (1855—1937).

¹⁴ *Кривошеин Александр Васильевич* (1857—1921) — государственный деятель, министр земледелия в Российской империи. В 1920 г. — глава Правительства Юга России.

¹⁵ *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853—1926) — российский военный деятель, генерал от кавалерии (с 1912 г.). В 1-ю мировую войну — командующий 8-й армией в Галицийской битве, с 1916 г. — главком Юго-Западного фронта, провел успешное наступление (так называемый Брусиловский прорыв). В мае—июле 1917 г. — Верховный главнокомандующий. С 1920 г. — в Красной армии, в 1923—1924 гг. — инспектор кавалерии.

¹⁶ *Зайончковский Андрей Медардович* (1862—1926) — русский генерал от инфантерии. С 1919 г. — в Красной армии. Военный историк.

¹⁷ *Оловянишников Иван Иванович* — директор торгово-промышленного товарищества «П. И. Оловянишникова С-ва».

¹⁸ *Тальберг Николай Дмитриевич* (1886—1967) — юрист, публицист, постоянный автор печатного органа монархистов «Двуглавый орел».

¹⁹ *Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич* (1866—1945) — один из лидеров черносотенного «Союза русского народа», председатель Совета объединенного дворянства, возглавлявший фракцию крайне правых в 3-й и 4-й Государственных думах. В эмиграции — председатель Высшего монархического совета.

²⁰ Это мой друг (нем.).

²¹ *Д'Эрбиньи Мишель* (1880—1957) — француз по происхождению, иезуит, ректор Восточного института (Pontificio Istituto di Studi Orientali) и советник конгрегации Восточных церквей в Риме. Осенью 1925 г. был отправлен папой Пием XI в Москву. По возвращении в Рим опубликовал свои впечатления о религиозной жизни в русской столице. В 1926 г. по поручению папы снова дважды побывал в Советской России.

²² *Брюнинг Генрих* (1885—1970) — германский рейхсканцлер в 1930—1932 гг., представитель католической партии «Центра».

²³ Прелат Яков Шютц (нем.).

²⁴ Федеральное церковное ведомство (нем.).

²⁵ Что вы мне дадите за то, чтобы я вас не предал (нем.).

²⁶ Так я тебе и поверил (нем.).

²⁷ *Таубе Михаил Александрович* (1869—1961) — барон, бывший царский сенатор, специалист по международному праву, профессор, публицист, монархист. В 1941 г. германское правительство назначило его спе-

циальным экспертом «по русским делам». В эмиграции сотрудничал с Академией международного права в Гааге. В 1930-е годы стал поклонником Н. Рериха, содействовал организации его музея в Нью-Йорке. Автор книги «Видения и думы» (Таллинн, 1937) (*Примеч. А. Е. Климова*).

²⁸ *Яковенко Борис Валентинович* (1884—1949) — русский философ, с 1905 г. проживал за границей.

Гессен Сергей Иосифович (1887—1950) — философ, теоретик педагогики. С 1920 г. — в эмиграции.

²⁹ П. И. Новгородцев ходатайствовал за своих учеников, чтобы их оставили при Московском университете для приготовления к профессорскому званию.

³⁰ Те профессора Московского университета, которые соглашались с «циркуляром» министра просвещения Л. А. Кассо (см. ниже).

³¹ *Гидулянов Павел Васильевич* (1894—1937) — директор Лазаревского института восточных языков, профессор церковного права.

³² Прожиточный минимум (*лат.*).

³³ *Габричевский Георгий Норбертович* (1860—1907) — русский микробиолог.

³⁴ *Котляревский Сергей Андреевич* (1873—1939) — историк и публицист, профессор Московского университета, член ЦК партии кадетов, участник сборника «Из глубины».

³⁵ *Кассо Лев Аристидович* (1865—1914) — юрист, министр народного просвещения с осени 1910 до конца 1914 г. В январе 1911 г. совместно с премьер-министром Столыпиным издал циркуляр, ограничивающий демократические тенденции в российских университетах и высших учебных заведениях (предписывалось принять меры по более жесткому контролю за учащимися). Ответом на циркуляр Кассо был протест некоторых студенческих и профессорских кругов. Часть профессуры Московского университета во главе с ректором А. А. Мануйловым подали в отставку.

³⁶ *Герье Владимир Иванович* (1837—1919) — русский историк и общественный деятель.

³⁷ *Виноградов Николай Дмитриевич* (1868—1936) — историк философии, профессор, директор Высших женских курсов.

Кубицкий Александр (по другим сведениям — Алексей) *Владимирович* (1880 — после 1934?) — философ-неокантианец, специалист по древнегреческой и идеалистической философии, филолог-классик, литератор, переводчик, до отставки 3 февраля 1911 г. — приват-доцент Московского университета.

Шпет Густав Густавович (1879—1937) — российский философ, последователь феноменологии Э. Гуссерля. Вице-президент (1923—1929 гг.) Государственной академии художественных наук. Автор трудов по герменевтике (истолкованию), философии языка, эстетике, истории русской философии и др. Переводчик «Феноменологии духа» Гегеля (изд. 1959). Был репрессирован; реабилитирован посмертно.

³⁸ *Каблуков Николай Алексеевич* (1849—1919) — русский экономист, статистик, общественный деятель.

³⁹ *Митюков Андрей Калининвич* — профессор Московского университета (1917).

⁴⁰ *Потебня Александр Афанасьевич* (1835—1891) — украинский и русский филолог-славист, член-корреспондент Петербургской АН (с 1875 г.). Разрабатывал вопросы теории словесности (язык и мышление, природа поэзии, поэтика жанра, учение о «внутренней форме» слова), фольклора, этнографии, общего языкознания, фонетики, грамматики и семасиологии славянских языков.

⁴¹ Теща (фр.).

⁴² *Любавский Матвей Кузьмич* (1860—1936) — историк, преемник Ключевского на кафедре русской истории Московского университета.

⁴³ *Озеров Иван Христианович* (1869—1942) — экономист, профессор финансового права Московского университета.

⁴⁴ *Маклаков Василий Алексеевич* (1869—1957) — один из лидеров кадетов, адвокат (брат Н. А. Маклакова, министра внутренних дел Российской империи в 1912—1915 гг., сторонника неограниченной монархии). Депутат 2—4-й Государственной думы. В 1917 г. — посол во Франции. После Октябрьской революции проживал в эмиграции. Автор трудов по истории русской общественной мысли и либерального движения.

⁴⁵ На самом деле при посредничестве М. М. Ковалевского 8 мая 1905 г. в парижской ложе Массонский Авангард (Союз Великого Востока Франции) состоялось посвящение В. А. Маклакова (см.: Русский архив V. М., 1994. С. 426—427. На с. 428 воспроизведен диплом 1906 г. члена масонской ложи В. А. Маклакова) (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁴⁶ *Ковалевский Максим Максимович* (1851—1916) — русский историк, юрист, социолог, лидер русских масонов, в 1901 г. создатель и директор масонской Высшей школы общественных наук в Париже, член масонской ложи Космос (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁴⁷ *Гирс Михаил Николаевич* (1855—?) — сын известного русского дипломата Николая Карловича Гирса (1820—1895), камергер, посол России в Италии, председатель Сопровождающих бывших русских послов.

⁴⁸ Ответственный пост, место (нем.).

⁴⁹ *Боткин Сергей Дмитриевич* — камергер, в 1914 г. первый секретарь русского посольства в Берлине.

⁵⁰ По делу, по существу (лат.).

⁵¹ От себя (лат.).

⁵² Еще раньше, в статье «Трагическое положение», В. А. Маклаков в прозрачной форме писал о Николае II как о «безумном шофере» (Русские ведомости. 27 сентября 1915 г.). Ср.: *Булгаков С. Н.* На пиру богов // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 306.

⁵³ *Распутин* (наст. фамилия Новых) *Григорий Ефимович* (1864 или 1865, по другим данным — 1872—1916) — крестьянин Тобольской губернии, получивший известность «пророчествами» и «исцелениями». Оказывая помощь больному гемофилией наследнику престола, приобрел неограниченное доверие императрицы Александры Федоровны и императора Николая II. Был убит заговорщиками, считавшими влияние Распутина губительным для монархии.

⁵⁴ *Юсупов Феликс Феликсович* (1887—1967) — князь, граф Сумароков-Эльстон, муж княгини Ирины Александровны, дочери великого князя Александра Михайловича. Принимал участие в убийстве Распутина, за

что был выслан в декабре 1916 г. в Курскую губернию, в свое имение «Ракитное», где проживал под надзором до Февральской революции. О своем участии в убийстве Распутина Ф. Юсупов рассказал в книге «Конец Распутина» (М., 1990; первое издание — Париж, 1927).

⁵⁵ *Маклаков В. А.* «Первая Государственная дума. Воспоминания современника»; «Вторая Государственная дума. Воспоминания современника»; «Третья Государственная дума. Воспоминания современника».

⁵⁶ *Гукасов Абрам Осипович* (1872—1969) — нефтепромышленник, меценат, владелец и издатель газеты «Возрождение».

⁵⁷ *Богомолов Александр Ефремович* — советский посол во Франции. Об упомянутом эпизоде см.: Эмигранты у Богомолова (запись речей) // Новый журнал. 1970. С. 100.

⁵⁸ *Тернавцев Валентин Александрович* (1866—1940) — русский религиозный философ, писатель.

⁵⁹ *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — российский государственный деятель, ученый-правовед. Преподавал законоведение и право наследникам престола (будущим императорам Александру III и Николаю II). В 1880—1905 гг. — обер-прокурор Синода. Играл значительную роль в определении правительственной политики в области просвещения, в национальном вопросе и т. д. Один из инициаторов политики контрреформ.

⁶⁰ *Белоруссов-Белевский* (наст. фам. Белевский) *Алексей Станиславович* (1859—1919) — публицист, журналист-народник, сотрудник «Русских ведомостей»; редактор екатеринбургской газеты «Отечественные ведомости», поддержавшей адмирала Колчака.

⁶¹ *Чернов Виктор Михайлович* (1873—1952) — один из основателей партии эсеров, ее теоретик. В революционном движении с конца 80-х годов. В 1917 г. — министр земледелия Временного правительства. 5 (18) января 1918 г. избран председателем Учредительного собрания. С 1920 г. — в эмиграции. Во время 2-й мировой войны — участник движения Сопротивления во Франции.

⁶² *Бакунин Михаил Александрович* (1814—1976) — русский революционер, теоретик анархизма.

⁶³ *Нечаев Сергей Геннадьевич* (1847—1882) — русский революционер, организатор тайного общества «Народная расправа», автор «Катехизиса революционера».

⁶⁴ После факта, после свершившегося (лат.).

⁶⁵ *Литвинов* (наст. фам. Баллах) *Максим Максимович* (1876—1951) — большевик, с 1930 по 1939 г. — нарком иностранных дел СССР.

⁶⁶ *Сталин* (наст. фам. Джугашвили, партийная кличка Куба) *Иосиф Виссарионович* (1879—1953) — большевик, с 1922 г. — Генеральный секретарь ЦК КПСС.

⁶⁷ *Кошко Аркадий Францевич* (1867—1928) — генерал, «самый главный сыщик России», закончил военное училище и, прослужив недолго в Симбирске, ушел в отставку. Поступил рядовым инспектором в сыскную полицию и, в силу своих необыкновенных способностей на этом поприще, вскоре возглавил Московскую сыскную полицию. В 1913 г. в Швейцарии на Международном съезде криминалистов генерал Кошко был признан

«лучшим криминалистом в мире». Он был назначен заведующим уголовным розыском Российской империи. Революция 1917 г. прервала его блестящую деятельность, более того, Временное правительство выпустило на свободу огромное количество опасных уголовников, посаженных им в свое время. Кошко эмигрировал. В Париже, где он обосновался, написал интереснейшие воспоминания «Среди убийц и грабителей» (см. современное издание: М., 1997) (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁶⁸ *Васильев Николай Александрович* (1880—1940) — русский логик, профессор Казанского университета (с 1918 г.).

⁶⁹ То есть в силу высших, сверхэмпирических, недоступных нашему разумению причин.

⁷⁰ См.: *Степун Ф. А.* Записки прапорщика-артиллериста. М., 1918.

⁷¹ *Савинков Борис Викторович* (1879—1925) — активный эсер, руководитель многих террористических актов, товарищ военного министра во Временном правительстве. Руководил антисоветскими заговорами и мятежами. Во время проводимой ГПУ операции «Трест» был арестован при переходе границы. Покончил с собой, бросившись в лестничный пролет в советской тюрьме.

⁷² Немецкий Красный Крест (*нем.*).

⁷³ Общество по изучению Восточной Европы (*нем.*).

⁷⁴ *Лютер Артур* (1876—1956) — переводчик, библиотекарь.

⁷⁵ *Гессен Иосиф Владимирович* (1865—1943) — журналист, член ЦК партии кадетов, депутат Государственной думы.

⁷⁶ *Степун Ф. А.* Письма из Германии // Современные записки. Берлин, 1932. Т. 49.

⁷⁷ Первые главы его воспоминаний были напечатаны в «Современных записках» в 1939 г. (№ 69). Полностью они впервые опубликованы на немецком языке в Мюнхене в 1947—1950 гг. под названием «Veigangenes und Unveiganliches» (Bd. 1—3) и в 1956 г. в Нью-Йорке в Издательстве им. Чехова на русском языке под названием «Бывшее и несбывшееся» (2 т.).

⁷⁸ *Ассасин* — убийца (*фр.*).

⁷⁹ Эта фраза является подтверждением того, что Ильин состоял в организации «Добровольческая армия» (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁸⁰ *Ллойд-Джордж Дэвид* (1863—1945) — британский премьер-министр в 1916—1922 гг.

⁸¹ *Пуришкевич Владимир Митрофанович* (1870—1920) — один из лидеров «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела», депутат 2-й, 3-й и 4-й Государственной думы, принадлежал к ее правому крылу.

⁸² *Пасманик Даниил Самойлович* (наст. имя Даниель Бен-Самуэли) (1869—1930) — журналист, врач, писатель-мемуарист, кадет, участник еврейского националистического движения.

⁸³ О какой статье идет речь, неясно.

⁸⁴ *Зеньковский Василий Васильевич* (1881—1962) — русский философ, богослов и религиозный деятель, историк русской философской мысли, педагог и литературовед; с 1919 г. — в эмиграции.

⁸⁵ В 1920 г. Ильин проходил по так называемому делу «Тактический центр». В августе—сентябре 1919 г. в ходе следствия по делу «Национального центра» (его руководители, члены ЦК партии кадетов Н. Н. Щепкин, А. Д. Алферов, Н. А. Огородников и другие — всего 67 человек — были зверски расстреляны большевиками) были получены сведения о том, что в Москве функционирует политическое объединение — «Тактический центр», которое направляет деятельность различных антисоветских организаций. В феврале—марте 1920 г. ВЧК арестовала ряд лиц по обвинению в причастности к «Тактическому центру». Следствие установило, что в «Тактический центр» входили «Национальный центр», «Союз возрождения России» и «Совет общественных деятелей». В последнем и состоял Ильин. Подробно об этом см. в книге «Просим освободить из тюремного заключения» (М., 1998. С. 152—160) (Примеч. Ю. Т. Лисицы).

⁸⁶ Гольдовская (урожденная Хин) Рашель Мироновна (1863—1928) — писательница, мемуаристка.

⁸⁷ Фельдштейн Михаил Соломонович (1884—1939) — юрист, проходил по делу «Тактического центра». Переписывался с М. Цветаевой.

⁸⁸ Радек (наст. фам. Собельсон) Карл Бернгардович (1889—1939) — деятель международного социал-демократического движения (Польша, Германия), после 1917 г. переехал в Россию, входил в ЦК РКП(б) и в Исполком Коминтерна.

⁸⁹ Агранов (наст. фам. Сорензон) Яков Саулович (1893—1938) — особоуполномоченный ВЧК.

⁹⁰ Бунге Андрей Иванович (?—1943) — сотрудник газеты «Новое слово», автор журнала Ильина «Русский колокол».

⁹¹ Бем Дмитрий Александрович — преподаватель ряда московских гимназий.

⁹² Коробкин Федор Семенович (1885—?) — преподаватель математики ряда московских гимназий. Работал в 1-й гимназии, где учились в разное время И. А. Ильин и И. С. Шмелев. Жил в одном доме с Ильиным.

⁹³ Мрочек-Дроздовский Петр Николаевич — заслуженный профессор МГУ, староста церкви св. Татианы при МГУ.

⁹⁴ Числов Петр Иванович — приват-доцент МГУ.

⁹⁵ Мануйлов Александр Аполлонович (1861—1929) — экономист, член ЦК партии кадетов, ректор Московского университета, министр просвещения Временного правительства.

⁹⁶ См. примеч. 1 к фрагменту воспоминаний А. Белого «Между двух революций».

⁹⁷ Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1843—1911) — историк права, архивист, известный археолог.

⁹⁸ Савальский Василий Александрович — философ-неокантианец, доцент юридического факультета Московского университета.

⁹⁹ Известен Нерсесов Александр Нерсесович (1877 — после 1931) — правовед, директор фундаментальной библиотеки МГУ. Возможно, Ильин ошибся в инициале имени или М. Н. Нерсесов мог быть братом Александра Нерсесовича (Примеч. Ю. Т. Лисицы).

¹⁰⁰ Крамарж Карел Петрович (1860—1937) — первый премьер-министр Чехословакии (1918—1919 гг.), лидер национально-демократиче-

ской партии. Как и его жена, *Надежда Николаевна* (урожд. Хлудова, по первому мужу — *Абрикосова*; ?—1936), был в дружеских отношениях с Ильиным.

¹⁰¹ «Разверзание бездны» (нем.).

¹⁰² Евангелическое издательство (нем.).

¹⁰³ Гаутинг под Мюнхеном (нем.).

¹⁰⁴ *Дурново Софья Петровна* (1865—?) — придворная дама.

¹⁰⁵ Великий князь *Кирилл Владимирович Романов* (1876—1938) — внук российского императора Александра II, объявивший себя в эмиграции в 1922 г. Блжестителем Престола, а в 1924 г. — императором Кириллом. Ильин резко осуждал этот акт, вызвавший раскол в рядах монархистов.

¹⁰⁶ *Волконский Сергей Михайлович* (1860—1937) — князь, театральный деятель, критик, беллетрист, теоретик актерской техники и ритмической гимнастики. С 1921 г. — в эмиграции.

¹⁰⁷ Небольшой трактир (нем.).

¹⁰⁸ *Кеппен Борис Густавович* — барон, член Высшего Монархического Совета, в 1925 г. финансировал издание знаменитой книги И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою».

¹⁰⁹ Обращенным.

¹¹⁰ *Волконский Петр Михайлович* (1861—?) — камер-юнкер, уездный предводитель дворянства.

¹¹¹ *Эскобар-а-Мендоза Антонио* (1589—1669) — известный испанский иезуит, первым высказавший и развивший в своих сочинениях мысль о том, что чистота намерений оправдывает антиморальные и антизаконные действия.

¹¹² Отец (ит.).

¹¹³ *Абрикосов Владимир Владимирович* — из московской купеческой семьи, вместе с женой стал католиком в 1904 г. Завербовал несколько адептов, среди которых были жена Н. А. Бердяева, Д. В. Кузьмин-Караваев, а также православный священник Сергей Михайлович Соловьев, племянник Вл. С. Соловьева. Рукоположен в священники в 1917 г. В 1922 г. был выслан из Москвы на Запад, где не общался с русскими католическими кругами. Двоюродный брат Г. А. Лемана-Абрикосова. Жена его, Анна Ивановна Абрикосова (она же его двоюродная сестра), монахиня-доминиканка, осталась в России, где в 1936 г. погибла в лагере. (Примеч. Ю. Т. Лисицы).

¹¹⁴ Отец Владимир Абрикосов. Генеральный прокурор церкви русских эмигрантов (ит.).

¹¹⁵ Разрешение (лат.).

¹¹⁶ Далее в рукописи следует пустая страница.

¹¹⁷ *Боголепов Михаил Иванович* (1879—1945) — советский экономист, первый ректор Института народного хозяйства в Петрограде.

¹¹⁸ *Джунковский Владимир Федорович* (1865—1938) — генерал-майор, с ноября 1905 г. — московский губернатор, с 1913 г. — товарищ министра внутренних дел и командир Особого корпуса жандармов. В 1918 г. был арестован ЧК как руководитель «антисоветской» Туркестанской органи-

зации, которой на самом деле руководил не он, а его однофамилец генерал Е. Джунковский. Был расстрелян в 1938 г. после очередного ареста.

¹¹⁹ *Александр III* (1845—1894) — император с 1881 г. Второй сын Александра II. В первой половине 1880-х годов осуществил отмену подушной подати, понизил выкупные платежи. Со второй половины 1880-х годов провел ряд контрреформ, значительно искаживших результаты преобразований, осуществленных его отцом в 1860—1870-х годах. Усилил роль полиции, местной и центральной администрации, установил жесткий надзор за органами земского и городского самоуправления, стеснил права университетов, усилил цензуру.

¹²⁰ *Драгомиров Михаил Иванович* (1830—1905) — русский военный теоретик, генерал от инфантерии.

¹²¹ *Столыпин Петр Аркадьевич* (1862—1911) — министр внутренних дел и председатель Совета министров Российской империи (с 1906 г.). В 1903—1906 гг. — саратовский губернатор, где руководил подавлением крестьянских волнений в ходе революции 1905—1907 гг. В 1907—1911 гг. определял правительственную политику. В 1906 г. провозгласил курс социально-политических реформ. Начал проведение аграрной реформы. Под руководством Столыпина был разработан ряд крупных законопроектов, в том числе по реформированию местного самоуправления, введению всеобщего начального образования, о веротерпимости. Инициатор создания военно-полевых судов. В 1907 г. добился роспуска 2-й Государственной думы и провел новый избирательный закон, существенно усиливший позиции в Думе представителей правых партий. Был смертельно ранен эсером Д. Г. Богровым.

¹²² *И. Л. <Ильин И. А.> Ушедшим победителям // Русские ведомости. 1917. № 249. 14/27 ноября. С. 2. Статья включена в наст. изд.*

¹²³ *Корелина Надежда Петровна* — секретарь председателя Московского психологического общества Л. М. Лопатина.

¹²⁴ *Нилус* — церковный писатель, автор книги «Великое в малом» (Сергиев Посад, 1905), в которой были опубликованы так называемые «Протоколы сионских мудрецов». Нилус утверждал, что изданные им документы являются подлинными протоколами тайного заседания всемирного еврейского правительства, на котором были разработаны планы захвата власти над миром. «Протоколы сионских мудрецов» — фальшивка, сфабрикованная тайной полицией с целью разжечь антисемитские погромные настроения в России.

¹²⁵ *Качалов* (наст. фам. Шверубович) *Василий Иванович* (1875—1948) — актер МХАТа.

¹²⁶ *Немирович-Данченко* Владимир Иванович (1858—1943) — известный режиссер, основатель, вместе с К. С. Станиславским, МХАТа.

¹²⁷ *Андреев Леонид Николаевич* (1871—1919) — русский писатель. Ранние рассказы носили демократический и реалистический характер. Сочувствуя революционерам, изображал революцию как стихийный бунт; кризис религиозного сознания — в повести «Жизнь Василия Фивейского» (1904); безумие и ужас войны — в рассказе «Красный смех» (1905).

¹²⁸ *Артем* (наст. фам. Артемьев) *Александр Родионович* (1842—1914) — русский актер. С 1898 г. в МХАТе.

¹²⁹ *Грибунин Владимир Федорович* — актер МХАТа.

¹³⁰ *Поливанов Михаил Павлович* — юрист и философ, исследователь творчества Г. Когена.

¹³¹ См.: Вопросы философии и психологии. 1914. Кн. 125 (5). С. 797—826.

¹³² *Чертков Владимир Григорьевич* (1854—1936) — общественный деятель, после смерти Л. Н. Толстого фактически возглавлял толстовское движение.

¹³³ *Жуковский Дмитрий Евгеньевич* (1883—1968) — писатель, философ и помещик. Тратил свои значительные средства на издание философских журналов и книг.

¹³⁴ В воспоминаниях С. Н. Булгакова действительно содержится рассказ о его увлечении идеей «Белого Царя» (см.: *Булгаков С. Н.* Автобиографическое // Булгаков С. Н. Тихие думы. М., 1996. С. 322, 332, 337—340). О Распутине он отзывался отрицательно, однако одна его фраза подтверждает справедливость воспоминания Ильина: «*Про себя я Государя за Распутина готов был еще больше любить и теперь вменяю ему в актив, что при нем возможен был Распутин, но не такой, какой он был в действительности, но как постулат народного святого и пророка при Царе. Царь взывал пророка, говорил я себе не раз, и его ли вина, если вместо пророка он встретил хлыста*» (Там же. С. 339).

¹³⁵ См.: *Булгаков С. Н.* Софийность твари (космоидея) // Вопросы философии и психологии. 1916. Кн. 132/133.

¹³⁶ См.: *Булгаков С. Н.* Свет невечерний. М., 1917.

¹³⁷ *Северцов Алексей Николаевич* (1866—1936) — биолог, с 1911 г. — профессор естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, с 1920 г. — действительный член РАН.

¹³⁸ *Зандер Лев Александрович* (1893—1964) — ученик и последователь С. Н. Булгакова, исследователь его творчества.

¹³⁹ Имеется в виду статья С. Н. Булгакова «Иуда Искарот — Апостол-Предатель» (Путь. 1931. № 26—27).

¹⁴⁰ *Сытин Иван Дмитриевич* (1851—1934) — издатель-просветитель. Помимо книг выпускал учебники, научно-популярные и религиозно-философские дешевые брошюры «Религиозно-общественной библиотеки».

¹⁴¹ Здесь пропуск в тексте, по-видимому, Ильин собирался внести имя папы (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹⁴² *Серафим (Лядэ)* (?—1950) — митрополит Берлинский. По происхождению немец, принадлежал к Русской Зарубежной Церкви. Однако в 1946 г. митрополит Анастасий вынудил его выйти из архиерейского Синода. Митрополит Серафим скончался от травм, нанесенных ему двумя неизвестными лицами при невыясненных обстоятельствах (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹⁴³ Сельский домик; небольшая дача (*фр.* — chalet).

¹⁴⁴ Общий обеденный стол в пансионах, курортных столовых и ресторанах (*фр.* — table d'hôte).

¹⁴⁵ *Виндельбанд Вильгельм* (1848—1915) — немецкий философ, глава баденской школы неокантианства.

¹⁴⁶ Диссертация Степуна была посвящена историософии Соловьева.

¹⁴⁷ Тогда я могу себе представить, что он мне туда написал (*нем.*).

¹⁴⁸ *Каблуков Иван Алексеевич* (1857—1942) — русский физик и химик, почетный член АН СССР.

¹⁴⁹ *Гопкинс Джон* (1795—1873) — американский миллионер и инвестор, основатель знаменитых Университета Джона Гопкинса и Больницы Джона Гопкинса.

¹⁵⁰ *Якушкин Николай Вячеславович* — педагог, преподавал в 20-х годах в Государственной академии художественных наук, где в это же время Ильин читал лекции «Введение в эстетику» (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹⁵¹ Имеется в виду библейская история. Самсон обладал необыкновенной физической силой, таившейся в его длинных волосах. Его возлюбленная, филистимлянка Далила, остригла у спящего Самсона волосы и позвала филистимлянских воинов, которые ослепили его и заковали в цепи. В плену волосы у Самсона отросли; почувствовав былую силу, он разрушил храм, под развалинами которого погибли филистимляне и Самсон.

¹⁵² *Суперинтендент* (*лат.* *superintendens, superintendentis* — верховный надзиратель) у протестантов — духовное лицо, стоящее во главе церковного округа.

¹⁵³ *Власов Андрей Андреевич* (1901—1946) — генерал-лейтенант (с 1942 г.). С 1920 г. — в Красной армии. В Великую Отечественную войну командовал корпусом и армией, был заместителем командующего Волховским фронтом, командующим 2-й Ударной армией (Волховский фронт), оказавшейся весной 1942 г. в окружении. Попал в плен, возглавил «Комитет освобождения народов России» (КОНР) и «Русскую освободительную армию» (РОА), составленную из военнопленных (офицеры и солдаты РОА назывались «власовцами»). В мае 1945 г. его захватили советские части. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР был повешен.

¹⁵⁴ *Митрополит Сергей* (в миру — Страгородский Иван Николаевич; 1867—1944) — Патриарх Московский и всея Руси с 1943 г. С 1917 г. — митрополит, с 1925 г. — заместитель и с 1937 г. — Местоблюститель Патриаршего Престола; одновременно с 1934 г. — митрополит Московский и Коломенский. В Великую Отечественную войну руководил деятельностью Церкви по сбору средств в Фонд обороны.

¹⁵⁵ Авторы книги: проф. Н. Арсеньев, д-р Л. Аксенов, А. Бунге, А. Демидов, д-р В. Гефдинг, М. Критский, проф. Н. Кульман, д-р А. Мелких, Б. Никольский, С. Ольденбург, проф. Н. Тимашев.

¹⁵⁶ *Лодыженский Юрий Ильич* (1888—1978) — врач, в 20-е и 30-е годы был главой Международного комитета «Pro Deo» («Во имя Бога») в Женеве, организации для помощи беженцам из коммунистических стран, руководителем Российского Красного Креста в Женеве, членом бюро Лиги Обера (Лиги борьбы с III Интернационалом). Брат А. И. Лодыженского. После войны эмигрировал в Бразилию. Его большой архив (11 ящиков) хранится в Колумбийском университете (США) (*Примеч. А. Е. Климова*).

¹⁵⁷ Обербургомистр Хакен (*нем.*).

¹⁵⁸ *Розенберг Владимир Александрович* (1860—1931) — публицист, историк русской печати, в 1912 г. — редактор «Русских ведомостей». Умер в Праге.

¹⁵⁹ *Кутепов Александр Павлович* (1882—1930) — генерал от инфантерии (с 1920 г.). Командир корпуса в деникинской армии, корпуса и 1-й армии во врангелевской армии. Эмигрировал в Болгарию, затем во Францию. С 1928 г. — председатель антисоветского Русского общевойскаского союза. Был вывезен агентами ОГПУ из Парижа; умер в пути к Новороссийску.

¹⁶⁰ *Атараксия* (греч. атараξία — невозмутимость, спокойствие) — полное спокойствие духа, к которому, по учению стоиков, должен стремиться мудрец.

¹⁶¹ *Челпанов Георгий Иванович* (1862—1936) — русский психолог, философ и логик.

¹⁶² *Чичерин Борис Николаевич* (1828—1904) — российский юрист, историк, философ. В 1861—1868 гг. — профессор Московского университета. Основоположник «государственной школы» в российской историографии. Представитель либерального течения российской философско-юридической мысли. Сторонник конституционной монархии.

Чичерин Алексей Николаевич (? — после 1970) — философ, мемуарист; внук Б. Н. Чичерина. См. отрывки из его воспоминаний: *Чичерин А. О «последних русских философах» и о трудах одного из них* // Московский журнал. 1992. № 2. С. 28—36.

¹⁶³ *Экхарт (Eckhart) Иоганн (Майстер Экхарт)* (ок. 1260—1327) — представитель немецкой средневековой мистики, приближавшийся к пантеизму; доминиканец, проповедовал на немецком языке. В учении об Абсолюте выделял бесосновное божественное ничто («бездну») как основу Бога и всего бытия. В 1329 г. папской буллой многие тезисы Экхарта были объявлены еретическими.

¹⁶⁴ *Сабуров Андрей Александрович* (?—1958) — из древнего рода, восходящего к Годуновым, племянник Н. К. Метнера (его мать — Софья Карловна Метнер, отец — А. А. Сабуров, либеральный юрист и деятель народного образования), самый преданный ученик И. А. Ильина, посещал философский семинар философа в частном доме Е. А. Балиной, где Иван Александрович его проводил (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹⁶⁵ *Ольдекоп Роман Владимирович* (1902—?) — участвовал в Кружке христианской молодежи (1921—1922 гг.), с 1930 по 1935 г. был в заключении в Архангельских лагерях, потом работал главным бухгалтером, позже стал священником. Вся жизнь продолжал заниматься философией и богословием. Об этих трудах см.: *Чичерин А. О «последних русских философах» и о трудах одного из них* // Московский журнал. 1992. № 2. С. 28—36 (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹⁶⁶ На самом деле «Владимирович».

¹⁶⁷ *Франк Семен Людвигович* (1877—1950) — российский религиозный философ. В 1922 г. был выслан за границу. От «легального марксизма» перешел к религиозной философии, разрабатывал учение о всеединстве в традиции апофатической теологии и христианского платонизма. Выступал против социализма как крайней степени общественного рационализма.

¹⁶⁸ *Рязанов* (наст. фам. Гольдендах) *Давид Борисович* (1870—1938) — революционер, «межрайонец», перешедший к большевикам. В 1921—1931 гг. — директор Института марксизма-ленинизма.

¹⁶⁹ *Аксельрод Любовь Исааковна* (1868—1946) — философ и литературовед, марксистка, с 1903 г. примкнула к меньшевикам, в начале 1917 г. — член их ЦК.

¹⁷⁰ *Михеев Михаил Григорьевич* (1861—1938) — генерал-лейтенант Генштаба, участник войны 1914—1918 гг., инвалид; с 1918 г. — в Донской армии, эвакуировался из Крыма вместе с Врангелем. С 1922 г. — в Праге. Председатель Союза русских инвалидов в Чехословакии.

¹⁷¹ *Виппер Роберт Юрьевич* (1859—1954) — российский историк, академик АН СССР (с 1943 г.). Автор трудов по истории от античности до современности, учебников по истории для средней и высшей школы.

¹⁷² *Веселовский Степан Борисович* (1876—1952) — российский историк, академик АН СССР (с 1946 г.). Автор трудов по социально-экономической истории России XIV—XVII веков, источниковедению, вспомогательным историческим дисциплинам.

¹⁷³ *Федор Иванович* (1557—1598) — последний русский царь из дома Калитичей, сын Ивана IV Васильевича Грозного и Анастасии Захарьиной-Юрьевой. Оставляя престол Федору, Иван Грозный поручил сына и государство заботам ближних бояр — И. Ф. Мстиславского, Н. Р. Захарьина-Юрьева, И. П. Шуйского и Б. Ф. Годунова. Первые два были людьми уже преклонных лет, и основная борьба разгорелась между Шуйским и Годуновым. Последнему удалось одержать верх, и уже через год после вступления Федора на престол фактическим правителем страны стал всемогущий боярин, на сестре его, Ирине Годуновой, был женат русский царь. В народном сознании Федор Иванович оставил по себе добрую память как боголюбивый и милостивый государь.

¹⁷⁴ *Богословский Михаил Михайлович* (1867—1929) — российский историк, с 1898 г. — приват-доцент Московского университета, а с 1910 г. — профессор; академик РАН (с 1921 г.). Автор трудов и публикатор документов по истории абсолютизма, местного управления в XVII—XVIII веках, дворянства, материалов для биографии Петра I (т. 1—5).

¹⁷⁵ *Савин Александр Николаевич* (1873—1923) — историк, работал в Московском университете, а также в Институте красной профессуры.

¹⁷⁶ *Виппер Борис Робертович* (1888—1967) — российский историк искусства, музейный деятель, член-корреспондент АН СССР (1962). Сын Р. Ю. Виппера. Его труды содержат анализ и обобщение проблем теории и истории искусства.

¹⁷⁷ Берлинская ежедневная газета (*нем.*).

¹⁷⁸ Очерки (*англ.*).

¹⁷⁹ *Karl von Brebisius* — один из немецких псевдонимов И. А. Ильина.

¹⁸⁰ *СС* (*нем.* SS, *сокр.* от Schutzstaffeln — охранные отряды) — организация германских фашистов, одна из главных опор фашистского режима. В 1925 г. обособилась в штурмовых отрядах (СА) как «личная охрана фюрера», с 1934 г. — самостоятельная организация. С 1929 г. СС возглавлялась Г. Гиммлером. В ее составе находились части «Мертвая голова» (для охраны концлагерей и расправы над узниками), войска СС, служба безопасности СД (главный орган разведки и контрразведки). СС была главным проводником массового террора в Германии и на оккупированных территориях. Международный военный трибунал в Нюрнберге осудил ее как преступную организацию.

¹⁸¹ СА (нем. SA, сокр. от Sturmabteilung — штурмовые отряды) — военизированная террористическая организация национал-социалистической трудовой партии Германии. Была создана в 1921 г. в Мюнхене. После ликвидации отрядами СС 30 июля 1934 г. руководителей СА (Рем, Эрнст, Гейнес и др.), конкурировавших с Гитлером в борьбе за власть, СА потеряла свое значение. Во время войны формирования СА несли полицейскую службу на оккупированных территориях.

Документы ВЧК—ГПУ—НКВД

из следственных дел, по которым проходил И. А. Ильин

Впервые: *Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903—1938)*. М., 1999. С. 373—438 (публикация Ю. Т. Лисицы по материалам дел, хранящихся в архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации). Воспроизводится по последнему изданию, с использованием комментариев Ю. Т. Лисицы.

¹ *Бари Владимир Александрович* (1888—?) — американский гражданин, вместе со своим старшим братом возглавлял компанию, которая имела отделения и в США, и в России. Был арестован 14 апреля 1918 г. на квартире своей матери, Зинаиды Яковлевны Бари, в Москве. На допросах подтвердил, что он давал деньги офицерам из Добровольческой армии. По поводу Ильина он сказал следующее: «Приват-доцента Ильина я лично знаю, но какое отношение он имеет к организации графини Ланской, мне не известно. Знаю только, Ильин стоял во главе тех, которые желали продолжения войны с Германией, т. е. принадлежал к союзнической организации» (допрос от 14 апреля). В бумагах, найденных у Бари, оказались, помимо прочего, две телеграммы от генерала Корнилова с текстом воззвания к русскому народу и список будущего правительства России во главе с министром-председателем Родзянко. После нескольких допросов Бари был отпущен под поручительство американского консульства и затем скрылся; публикуемый ниже приговор по его делу был объявлен заочно.

Халафов Константин Моисеевич (1878—?) — бывший офицер, арестован 15 апреля 1918 г. На следствии признался только в том, что получил от Владимира Бари 2000 руб. для «ликвидации комитета по организации Добровольческой армии». Заявил, что ему не известно о том, принадлежал ли приват-доцент И. А. Ильин к организации графини Ланской.

Кривошеин Василий Васильевич (1893—?) — штабс-капитан, участник войны с Германией, бывший студент Московского университета, в описываемый период восстанавливался для продолжения обучения в университете, жених американской гражданки Е. А. Бари (сестры В. А. Бари, проходившего по тому же делу). Был арестован ВЧК 14 апреля 1918 г., на допросе показал: «Приват-доцента Ильина знал по университету, присутствовал иногда на его лекциях».

² *Громов Дмитрий Антонович* (1896—?) — поручик, с августа по 24 ноября 1917 г. — командир роты 7-го Финляндского полка. Согласно материалам дела, во время отпуска 25—26 октября Громов встретился в

Москве со знакомыми офицерами, предложившими ему вступить в ряды Добровольческой армии, формирование которой вели А. Н. Ланская (она же Оболенская и фон Розен), К. М. Халафов, В. В. Кривошеин, В. А. Бари, С. Е. Свешникова. Целью организации были «защита Учредительного собрания и оказание отпора советским войскам». Громов получил от Ланской 2000 руб. для передачи их в нижегородскую организацию; был арестован 21 февраля 1918 г. в Нижнем Новгороде и переправлен в Москву. На допросах Громов показал, что Ланская снабжала деньгами и подложными документами офицеров, готовых вступить в Добровольческую армию и ехать на Дон к генералам Каледину и Корнилову. Сама Ланская, по словам Громова, получала деньги от инженера Бари. Далее Громов дал показания и против Ильина: «Когда я спросил Ланскую адрес петроградской организации, то она, Ланская, направила меня к Ивану Алесандровичу Ильину (Крестовоздвиженский пер., дом № 1, кв. 36), куда я и направился, но его, Ильина, не застал дома. Потому думаю, что он, Ильин, должен знать петроградские организации и иметь связь с ними». Громов ошибся в адресе Ильина, основываясь на этом, Ильин утверждал на допросах, что Громов оговорил его. Позже и сам Громов отказался от своих показаний по поводу Ильина.

³ *Алексеев Михаил Васильевич* (1857—1918) — российский генерал от инфантерии (с 1914 г.). В 1-ю мировую войну — начальник штаба Юго-Западного фронта, командующий Северо-Западным фронтом, с 1915 г. — начальник штаба Ставки, в марте—мае 1917 г. — Верховный главнокомандующий, назначенный Временным правительством. 2/15 декабря 1917 г. создал в Новочеркасске «Алексеевскую организацию», которая стала основой Добровольческой армии, начавшей вооруженную борьбу против большевиков.

⁴ *Каледин Алексей Максимович* (1861—1918) — российский генерал от кавалерии (с 1916 г.). С 1917 г. — атаман Донского казачьего войска. В октябре (ноябре) 1917 г. — январе (феврале) 1918 г. возглавлял выступление против Советской власти; застрелился.

Корнилов Лавер Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии (с 1917 г.). В июле—августе 1917 г. — Верховный главнокомандующий. В конце августа (сентября) поднял мятеж (мятеж Корнилова). Один из организаторов белогвардейской Добровольческой армии (ноябрь—декабрь 1917 г.). Убит в бою под Екатеринодаром.

⁵ *Ланская* (урожд. Оболенская) *Александра Николаевна* — родственница князя Николая Викторовича Гагарина, в особняке которого на Новинском бульваре (д. 36) собирались противники большевистского режима.

⁶ *Эльснер Евгений Феликсович* (1867—1930) — генерал-лейтенант Генштаба, участник войны с Германией, в августе 1917 г. поддержал Корнилова. В декабре 1917 г. бежал из Быхова на Дон и стал одним из основателей Добровольческой армии.

⁷ *Георгиевский Союз* — союз кавалеров ордена Георгиевский Крест (учрежден в 1807 г. для награждения солдат и унтер-офицеров, упразднен 10 (23) ноября 1917 г.).

⁸ Эта запись, сделанная рукой И. А. Ильина, подтверждает получение им от В. А. Бари 8000 руб.

⁹ *Свешникова София Евгеньевна* — курсистка Коммерческого института.

¹⁰ Эту версию получения денег от В. А. Бари подтверждает рассказ издателя книги Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» Г. А. Леман-Абрикосова; см. фрагмент его воспоминаний в наст. изд. С другой стороны, в одном из писем к генералу Врангелю (написанных уже в эмиграции) Ильин фактически признается, что с 1917 г. был связан с Добровольческой армией; в таком случае версия получения денег на издание книги была придумана для прикрытия истинных целей сотрудничества Бари и Ильина (см. письмо Ильина к Врангелю от 5 апреля 1923 г. в наст. изд.).

¹¹ См. примеч. 35 к воспоминаниям Ильина «Встречи и беседы».

¹² Встреча А. И. Яковлева с В. И. Лениным состоялась, о чем он позже рассказал Ильину. Ильин собирался написать об этом в своих воспоминаниях «Встречи и беседы» (в списке тем, предполагаемых к разработке под № 40 значится: «Рассказ А. И. Яковлева о его беседе с Лениным обо мне»), однако этот замысел остался нереализованным. Тот факт, что Ленин хорошо знал Ильина и именно это спасло последнего от расстрела, подтверждает фрагмент № 38 в воспоминаниях Ильина (см. выше в наст. изд.).

¹³ *Яковлев Алексей Иванович* (1878—1951) — историк, член-корреспондент АН СССР с 1929 г. Сын известного чувашского просветителя Яковлева Ивана Яковлевича — друга семьи Ульяновых, который первым сообщил молодому Владимиру Ильичу Ульянову о смерти его отца, хлопотал (но без успеха) об освобождении от смертной казни его брата — Александра Ульянова. Этим и объясняется, что А. И. Яковлев был «на короткой ноге» с главою советского государства (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹⁴ Вероятно, имеются в виду либо 1-е, либо 2-е Московское совещание общественных деятелей (август и октябрь 1917 г.), на которых Ильин выступал как докладчик.

¹⁵ На самом деле Громов утверждал, что адрес Ильина ему дала Ланская; эта деталь имеет принципиальное значение, поскольку Ланская проходила по делу в качестве одного из руководителей контрреволюционной организации и вряд ли могла указать Громову случайного человека.

¹⁶ Здесь и далее в этом тексте фамилия В. А. Бари воспроизводится с ошибкой.

¹⁷ Во время заседания по делу Ильина 28 декабря по его просьбе выступил защитник, который обратил внимание суда на то, что свидетель Громов отказался от своих показаний и стал утверждать (как можно понять, это произошло на одном из предшествующих заседаний), что он не помнит, видел ли он Ильина у Ланской и посылала ли она его к Ильину. Кроме того, защитник зачитал удостоверения от четырех высших учебных заведений г. Москвы (Московский университет, Высшие женские курсы, Коммерческий университет и Университет Шанявского) о том, что Ильин вел в них активную преподавательскую деятельность, что должно было свидетельствовать о его благонадежности. Сам Ильин еще раз объяснил смысл записки, фигурирующей в деле, согласно которой он получил 8000 руб. от В. А. Бари, а также пояснил, что с Ланской его связывал чисто практический интерес — желание иметь дешевые продукты. После совещания суд вынес публикуемый здесь оправдательный приговор.

¹⁸ Имеется в виду «контрреволюция».

¹⁹ *Сменовеховство* — общественно-политическое течение в среде русской интеллигенции (главным образом эмигрантской) в 20-х годах. Возникло с введением новой экономической политики. Идеологи сменовеховства (Н. В. Устрялов и др.) надеялись на возврат к капитализму, перерождение Советской власти, призывали интеллигенцию к объединению с новой буржуазией и сотрудничеству с Советской властью. Печатный орган — журнал «Смена вех» (Париж, 1921—1922).

²⁰ Имеется в виду процесс над 34 членами ЦК партии социалистов-революционеров, который проходил в середине 1922 г., в результате процесса партия была признана контрреволюционной и запрещена.

²¹ Согласно опубликованным документам (см.: *Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903—1938)*. С. 424—438), помимо арестов 1918 г., проведенных в связи с организацией «Добровольческой армии», ордер на арест Ильина был выписан также 28 августа 1919 г. в связи с делом ЦК кадетов (дело о контрреволюционной организации «Национальный центр»); Ильин был предупрежден об аресте и успел скрыться. В следующий раз он был арестован 24 февраля 1920 г. (26 февраля освобожден), на этот раз по делу так называемого «Тактического центра» (см. примеч. 85 к воспоминаниям Ильина «Встречи и беседы»). Наконец, последний арест, закончившийся высылкой, был произведен 16 августа 1922 г.

²² Дата указана неверно, на самом деле арест был произведен 16 августа 1922 г.

²² В этом пункте сказано, что на ГПУ возлагается «выполнение специальных поручений Президиума Комиссаров по охране революционного порядка» (см.: Положение о ГПУ и его органах. М., 1922. С. 1). Это и стало основанием для акции по высылке ученых, философов и литераторов из Советской России.

Документ из немецкого архива и «Клятвенное заявление» И. А. Ильина

Впервые: *Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903—1938)*. М., 1999. С. 373—438 (публикация Ю. Т. Лисицы на основе материалов архива Института современной истории в Мюнхене и Архива И. А. Ильина в Мичигане). Перевод с немецкого языка З. Г. Антипенко. Воспроизводится по последнему изданию.

¹ Документ хранится в Архиве Института современной истории в Мюнхене.

² В документе ошибка.

³ Никаких достоверных свидетельств в пользу этого утверждения нет.

⁴ *Шабельский-Борк П. Н. (1896—1952)* — деятель правого крыла русской эмиграции. Вместе с С. В. Таборицким 28 марта 1922 г. совершил покушение на П. Н. Милюкова, однако убит был лидер правых кадетов В. Д. Набоков. Оба были осуждены на 12 лет, но в 1927 г. помилованы решением прусского Министерства юстиции.

⁵ *Бидо* — кто скрывается под этим именем, неизвестно, но, возможно, это тот же человек, что и автор провокационной брошюры, скрывавшийся под псевдонимом «Соборянин»; см. ниже примеч. 8.

⁶ Ильин в 1919 г. проходил по делу организации «Национальный центр». «Союз защиты родины и свободы» был создан Борисом Викторовичем Савинковым в феврале—марте 1918 г. и активно действовал в 1918 г. в разных городах России. Ильин к этой организации никакого отношения не имел.

⁷ *Зиновьев* (наст. фам. Радомысльский) *Григорий Евсеевич* (1883—1936) — политический деятель. Участник революции 1905—1907 гг., в октябре 1917 г. выступал против вооруженного восстания. С декабря 1917 г. — председатель Петроградского совета. В 1919—1926 гг. — председатель Исполкома Коминтерна. С 1928 г. — ректор Казанского университета, с 1931 г. — в Наркомпросе РСФСР. В 1934 г. был арестован и осужден на 10 лет по сфальсифицированному делу «Московского центра»; в 1936 г. приговорен к смертной казни по делу «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» и расстрелян.

⁸ Далее текст донесения воспроизводит содержание брошюры «Лжеучители. Документы и мысли о высылке ученых из Советской России в 1922 г.», вышедшей в 1934 г. и подписанной псевдонимом «Соборянин». В брошюре утверждается, что высылка ученых, философов и литераторов из Советской России — это спланированная акция, предпринятая ради разложения русской эмиграции. В брошюре всего 16 страниц, и 8 из них посвящены И. А. Ильину; этот факт, а также подозрение в том, что он сам является автором этой брошюры, заставили Ильина написать документ, опровергающий эту фальшивку, он публикуется ниже.

⁹ *Осоргин* (наст. фам. Ильин) *Михаил Андреевич* (1878—1942) — русский писатель. В 1906—1916 гг. — в эмиграции. В 1922 г. был выслан из России.

¹⁰ Вероятно, имеется в виду Религиозно-философская академия, созданная в 1922 г. по инициативе Н. Бердяева.

¹¹ Инициалы указаны неправильно, на самом деле — С. Л. Франк (в брошюре «Лжеучители» та же ошибка).

¹² *Карсавин Лев Платонович* (1882—1952) — российский религиозный философ и историк-медиевист. Брат известной балерины Т. П. Карсавиной. В 1922 г. был выслан за границу; профессор университетов в Каунасе (с 1928 г.) и Вильнюсе (1940—1946 гг.). Автор трудов по средневековой Италии, философии истории, философии личности. Был репрессирован; реабилитирован посмертно. Инициалы Карсавина в публикуемом тексте указаны неверно (в брошюре «Лжеучители» та же ошибка).

¹³ «*Младороссы*» — молодежная монархическая эмигрантская организация, признававшая большевистскую диктатуру полезной для движения России к восстановлению монархии. В 1923 г. в Мюнхене был создан «Союз молодой России», в 1925 г. он был переименован в «Союз младороссов». По некоторым данным, его глава, А. Л. Казем-Бек, был связан с ГПУ.

Легитимисты — группа монархистов, считавших, что вопрос о престолонаследии автоматически предreshен в силу закона о наследии и

не может определяться субъективными предпочтениями по отношению к тем или иным претендентам.

¹⁴ Любопытно отметить в связи с этим сообщением, что профессор В. И. Ясинский, как и И. А. Ильин, фигурировал в деле 1933 г. «Контрреволюционной националистической фашистской организации “Партия Возрождения России”», сфабрикованном НКВД еще в 1929—1931 гг. По этому же делу проходили П. А. Флоренский, бывший директор Лазаревского института восточных языков, профессор церковного права П. В. Гидулянов (1874—1937) и академики С. А. Чаплыгин и Н. Н. Лузин. Гидулянов «дал показания», что «организация осуществляла контакты через математика Н. Н. Лузина с профессорами В. И. Ясинским и И. А. Ильиным в Берлине, а также с Адольфом Гитлером, с которым Лузин якобы встретился в 1933 г. в одной гостинице».

¹⁵ Документ на немецком языке, напечатан на пишущей машинке, находится в архиве И. А. Ильина в Мичигане. Рукой Ильина сделана надпись: «Никуда никогда не было подано. Только показано личным друзьям. И. А. Ильин».

¹⁶ «Президиум ВЦИК, получив, по словам советской печати, материалы об антисоветской деятельности выехавших за границу профессора Ильина и литератора Мельгунова, постановил лишить их прав гражданства и конфисковать все их личное имущество» (Репрессии против Ильина и Мельгунова // Руль. Берлин, 1923. № 815. 5 авг. С. 3).

¹⁷ Имеется в виду брошюра «Лжеучители» (см. примеч. 8).

¹⁸ Имеется в виду так называемый «нансеновский паспорт» — временное удостоверение личности, введенное для апатридов и беженцев Лигой Наций по инициативе Ф. Нансена. «Нансеновские паспорта» выдавались в 20-х годах на основании специальных Женевских соглашений 1922 г.

¹⁹ Далее имя написано повторно рукой Ильина.

И. А. Ильин

Что нам делать?

Впервые: День Русского Ребенка. Сан-Франциско, 1949. Вып. XVI. С. 41—45 (в виде письма на имя редактора сборника Николая Викторовича Борзова). Переиздано в качестве приложения в собрании периодических бюллетеней Русского общевойсского союза: *Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг.* Париж, 1956. В настоящем издании воспроизводится по: *Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 361—367.*

¹ *Забелин Иван Егорович* (1820—1908/1909) — российский историк, археолог, член-корреспондент (с 1884 г.), почетный член (с 1907 г.) Петербургской АН. Председатель Общества истории и древностей российских (1879—1888 гг.); фактический руководитель Исторического музея в Москве.

² *Хомяков Алексей Степанович* (1804—1860) — русский религиозный философ, писатель, поэт, публицист, один из основоположников славянофильства. Ориентация на восточную патристику (учение о «соборности» и

др.) сочеталась у Хомякова с элементами философского романтизма. Выступал с либеральных позиций за отмену крепостного права, смертной казни, за введение свободы слова, печати и т. д.

А. фон Лампе

Иван Александрович Ильин
<некролог>

Впервые в приложении к книге: *Ильин И. А.* Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг. Париж, 1956. В настоящем издании воспроизводится по: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 2. С. 367—371.

Лампе Алексей Александрович фон (1885—1967) — генерал-майор Генштаба, в Добровольческой армии с конца 1918 г. В 1920 г. выполнял поручения П. Врангеля в Константинополе. С 1923 г. — в Берлине, возглавлял 2-е отделение РОВСа. Друг Ильина.

¹ Это означает, что Ильин в 1918 г. действительно участвовал в организации «Добровольческая армия» и имел контакты с В. А. Бари не только в связи с проблемой издания своего научного труда.

² «*Наши задачи*» — периодические бюллетени Русского общевойскового союза, которые в течение 1948—1954 гг. рассылались узкому кругу лиц, состоящих в РОВСе. Автором всех выпусков был Ильин, однако публиковались они без подписи, в связи с тем что швейцарские власти запрещали эмигрантам какую-либо политическую активность. После смерти Ильина все выпуски были собраны в двухтомник: *Ильин И. А.* Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг. Париж, 1956.

³ См. примеч. 156 к воспоминаниям Ильина «Встречи и беседы».

⁴ Некролог А. фон Лампе был опубликован вместе со статьей Ильина «Что делать?» в приложении к двухтомному сборнику «Наши задачи».

Н. Рыбинский

Духовный меч
(Памяти И. А. Ильина)

Впервые в нью-йоркской газете «Новое русское слово» от 6 января 1955 г. В настоящем издании воспроизводится по: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 2. С. 372—375.

Рыбинский Николай Захарович (1887—?) — окончил юридический факультет Киевского университета, прапорщик инженерных войск. С 1919 г. — в Добровольческой армии, с которой эвакуировался за границу. Писатель, публицист.

¹ *Кизеветтер Александр Александрович* (1866—1933) — историк, профессор Московского университета, член ЦК партии кадетов, депутат 2-й Государственной думы, в 1922 г. был выслан из Советской России, умер в Праге.

Лапшин Иван Иванович (1870—1952) — русский философ, ученик и последователь Александра И. Введенского. Приват-доцент (с 1897 г.) и профессор (с 1913 г.) Петербургского университета, в 1922 г. был выслан из России. Жил в Праге, где был профессором Русского юридического факультета.

² Имеется в виду Галлиполийский полуостров в северной части Турции, между проливом Дарданеллы и Саросским заливом Эгейского моря. Там с конца 1920 г. были расквартированы войска Белой армии генерала Врангеля после эвакуации из Крыма (около 150 тыс. человек). С лета 1921 г. начался вывоз людей в другие страны, главным образом в Сербию и Болгарию. В декабре Галлиполи покинула последняя партия русских военных.

³ Имеется в виду эмигрантский «Общероссийский монархический съезд» в баварском городе Рейхенгале в мае 1921 г.

⁴ Имеется в виду *Железняков Анатолий Григорьевич* (1895—1919) — матрос, анархист, примкнувший к большевикам, был начальником караула в Таврическом дворце. 5 января 1918 г., в первый день заседания Учредительного собрания, за отказ признать декреты Советской власти предложил народным избранникам покинуть помещение.

⁵ Имеется в виду *Даватц Владимир Христианович* (1883—1944) — математик, приват-доцент Харьковского университета, известный публицист, офицер Белой армии, редактор многих газет: харьковской «Новой России», крымских «Юг России» и «Таврический голос», в эмиграции — белградской «Новое время», парижской «Россия и славянство», давнишний друг И. А. Ильина. Во время Второй мировой войны служил в Русском корпусе в Югославии, погиб в бою в ноябре 1944 г. (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁶ *Рахманинов Сергей Васильевич* (1873—1943) — русский композитор, пианист, дирижер. В 1904—1906 гг. — дирижер Большого театра. С декабря 1917 г. жил за рубежом (с 1918 г. — в США). Крупнейший представитель мирового пианистического искусства.

⁷ Вероятно, имеется в виду *Иоанн (Поммер)* (1876—1934) — архиепископ Рижский и Латвийский.

И. Горянинов

В защиту памяти профессора И. А. Ильина

Впервые в нью-йоркской газете «Россия», № 5599 от 29 апреля 1955 г. В настоящем издании воспроизводится по: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2. Кн. 2. С. 403—407.

¹ *Билимович Александр Дмитриевич* (1875—1963) — профессор Киевского университета, математик. Выехал из России в 1920 г. В 1922—1924 гг. — профессор Люблянского университета, в 1944—1947 гг. — профессор университета УНРРА (специализированной организации ООН по помощи и размещению перемещенных лиц) в Мюнхене. С 1948 г. жил в США.

² *Щукин Сергей Сергеевич* (1891—1977) — священник. В эмиграции проживал в Торонто; в 1954 г. опубликовал несколько рецензий на книгу Ильина «Аксиомы религиозного опыта».

³ Имеется в виду Народно-трудовой союз российских солидаристов — известная эмигрантская организация.

⁴ *Герцен Александр Иванович* (1812—1870) — российский революционер, писатель, философ. Окончил Московский университет (1833 г.), где вместе с Н. П. Огаревым возглавлял революционный кружок. В 1834 г. арестован, 6 лет провел в ссылке. С 1847 г. — в эмиграции. После поражения европейских революций 1848—1849 гг. разочаровался в революционных возможностях Запада и разработал теорию «русского социализма», став одним из основоположников народничества. В 1853 г. основал в Лондоне Вольную русскую типографию. В газете «Колокол» обличал российское самодержавие, вел революционную пропаганду, требовал освобождения крестьян с землей. В 1861 г. встал на сторону революционной демократии, содействовал созданию «Земли и воли», выступал в поддержку Польского восстания 1863—1864 гг. Автобиографическое сочинение «Былое и думы» (1852—1868) — один из шедевров мемуарной литературы.

⁵ *Маяковский Владимир Владимирович* (1893—1930) — русский поэт. В дореволюционном творчестве преобладает форсированная до крика исповедь поэта, воспринимающего действительность как апокалипсис. После 1917 г. занимался сотворением социалистического мифа о миропорядке, и его творчество пронизывает трагически нарастающее ощущение порочности этого мифа. Реформатор поэтического языка, оказал большое влияние на поэзию XX века. Покончил жизнь самоубийством.

⁶ Имеется в виду поэма А. Блока «Двенадцать».

II ПИСЬМА

И. А. Ильин

Письма к Л. Я. Гуревич

Впервые собрание писем И. А. Ильина к Л. Я. Гуревич (42 письма, хранящихся в Российском государственном архиве литературы и искусства) опубликовано Ю. Т. Лисицей в книге: *Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы* (1903—1938). М., 1999. С. 23—93. Избранные письма из этого собрания воспроизводятся по последнему изданию.

¹ *Полянки* — имение отца И. А. Ильина в Рязанской губернии.

² В будущем становлении (*нем.*).

³ Будущее (*нем.*).

⁴ *Штирнер (Stirner) Макс* (псевд.; наст. имя и фам. Каспар Шмидт, Schmidt; 1806—1856) — немецкий философ-младогегельянец. В основном

сочинении — «Единственный и его достояние» (1845) — проводил идеи последовательного эгоцентризма: единственная реальность — «Я», индивид. Ильин посвятил Штирнеру большую статью — «Идея личности в учении Штирнера (опыт по истории индивидуализма)» (1911), в которой попытался выявить положительные стороны в философии немецкого мыслителя.

⁵ *Таля* — жена Ильина, Наталия Николаевна Вокач (1882—1963).

⁶ *Крюковка* — имение тетки Ильина, матери Л. Я. Гуревич, Любови Ивановны Гуревич, находилось в Тульской губернии.

⁷ *Люль* — дочь Л. Я. Гуревич Елена.

⁸ *Котик* — Екатерина Яковлевна Гуревич (1873—1942) (в замужестве Андроникашвили), дочь Л. И. Гуревич, сестра Л. Я. Гуревич, мать Ираклия Андроникова, известного советского литературоведа.

⁹ Это и следующие два письма написаны во время заграничной командировки Ильина (1910—1912 гг., Германия, Франция, Италия).

¹⁰ *Пуантировать* (от фр. pointer) — делать ударение, выделять (что-либо).

¹¹ *Станиславский* (наст. фам. Алексеев) *Константин Сергеевич* (1863—1938) — российский режиссер, актер, педагог, теоретик театра, почетный академик АН СССР (с 1925 г.; почетный академик РАН с 1917 г.), народный артист СССР (с 1936 г.). Деятельность Станиславского оказала значительное влияние на русский и мировой театр XX века. Он разработал методологию актерского творчества, технику органичного перевоплощения в образ («система Станиславского»). Играл во многих спектаклях театра. Работал и в области музыкального театра. С 1918 г. возглавлял Оперную студию Большого театра (впоследствии Оперный театр имени Станиславского).

¹² *Эфемериды* (в астрономии) — координаты небесных светил и другие переменные астрономические величины, вычисленные для ряда последовательных моментов времени и сведенные в таблицы. В данном контексте важно, что эфемериды непредсказуемы из общих законов и должны вычисляться эмпирически.

¹³ *Счастливчик*, *баловень судьбы* (нем.).

¹⁴ *Рейнгард Макс* — немецкий театральный режиссер-новатор.

¹⁵ *Вайсберг Юлия Лазаревна* (1879—1942) — композитор. По первому мужу — Крейцер. Ее вторым мужем был Андрей Николаевич Римский-Корсаков, сын композитора, музыковед.

¹⁶ *Андроникашвили Луарсаб Николаевич* (1872—1939) — известный адвокат, муж Екатерины Яковлевны Гуревич, отец Ираклия Андроникова.

¹⁷ *Конstellляция* (от лат. constellation — положение звезд) — взаимное расположение небесных светил.

¹⁸ Сложившееся положение вещей (англ.).

¹⁹ Приписка сверху: «наивно».

²⁰ *Выропаевка* — имение М. А. Муромцевой, матери Наталии Николаевны, жены И. А. Ильина.

²¹ См. примеч. 35 к воспоминаниям Ильина «Встречи и беседы».

²² *Ноумен* (от *греч.* νοῦμενον) — умопостигаемое в противоположность феномену, т. е. постигаемому чувствами; термин впервые был употреблен Платоном.

²³ *Леонидов Леонид Миронович* (1873—1941) — русский актер, с 1903 г. — во МХАТе, играл, в частности, Дмитрия Карамазова в «Братьях Карамазовых» по Достоевскому.

²⁴ Имеется в виду большая работа Ильина — «Кризис идеи субъекта в наукоучении Фихте Старшего. Опыт систематического анализа» (Вопросы философии и психологии. 1912. Кн. 111—112).

²⁵ Архив по систематической философии (*нем.*).

²⁶ Статья «Die Begrift von Recht und Kraft» («Понятия права и силы») вышла в Берлине в 1912 г. в издании: «Sonderabdruck aus dem Archiv für systematische Philosophie herausgegeben von Ludwig Stein». На русском языке работа появилась в 1910 г.

²⁷ Как нечто данное обнаруженное (*нем.*).

²⁸ Созерцание (*нем.*).

²⁹ *Маркс Адольф Федорович* (1838—1904) — российский издатель (Петербург, с 1869 г.); выпускал журнал «Нива» (1870—1918 гг.), в приложении — собрания сочинений русских и иностранных писателей, иллюстрировал издания, географические атласы и т. д.

³⁰ Имеются в виду решения по ограничению демократических прав учебных заведений, проведенные министром С. А. Кассо и согласованные с премьер-министром Столыпиным; см. примеч. 35 к воспоминаниям Ильина «Встречи и беседы».

³¹ *Проскрипции* (от *лат.* proscriptio, букв. — письменное обнародование) — в Древнем Риме списки лиц, объявленных вне закона (при Сулле — 82—79 гг. до н. э.; при 2-м триумvirате — 43 г. до н. э.). Использовались в политической борьбе, для сведения личных счетов, а также как средство обогащения (имущество проскрибированного подвергалось конфискации).

³² *Трубецкой Сергей Николаевич* (1862—1905) — князь, российский религиозный философ, публицист, общественный деятель. Брат Е. Н. Трубецкого. Профессор и в 1905 г. — первый выборный ректор Московского университета. Последователь В. С. Соловьева, в своей системе так называемого «конкретного идеализма» претендовал на преодоление «односторонностей» рационализма, эмпиризма и мистицизма. Автор трудов по истории древнегреческой философии.

³³ «Ушедшие» и «оставшиеся» — имеются в виду те преподаватели Московского университета, кто последовал за его ректором А. А. Мануйловым и подал в отставку в ответ на мероприятия министра С. А. Кассо, и те, кто остался работать в университете.

³⁴ Имеется в виду статья «Идея личности в учении Штирнера (опыт по истории индивидуализма)» (Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. 106).

³⁵ Хорошо выполненная работа (*нем.*).

³⁶ С необычайной быстротой (*лат.*).

³⁷ *Брюсов Валерий Яковлевич* (1873—1924) — русский поэт. Основоположник русского символизма. После Октябрьской революции вел обще-

ственно-педагогическую деятельность. Возглавлял отдел поэзии в журнале «Русская мысль».

³⁸ *Лужский (Калужский) Василий Васильевич* (1869—1931) — артист МХАТа, режиссер, педагог.

³⁹ *Качалов* (наст. фам. Шверубович) *Василий Иванович* (1875—1984) — российский актер, народный артист СССР (с 1936 г.). С 1900 г. — в МХАТе. Актер высокой интеллектуальной культуры, огромного обаяния, Качалов был исполнителем ряда ролей в пьесах А. П. Чехова. Создал выдающиеся образы в произведениях У. Шекспира (Гамлет — «Гамлет»), А. С. Грибоедова (Чацкий — «Горе от ума»), Ф. М. Достоевского (Иван Карамазов — «Братья Карамазовы»), Л. Н. Толстого (От автора — «Воскресение»), Вс. Иванова (Вершинин — «Бронепоезд 14-69»). Получил Государственную премию СССР (1943 г.).

⁴⁰ *Крэг (Крейг) (Craig) Генри Эдуард Гордон* (1872—1966) — английский режиссер, художник, теоретик театра. На сцене с 1889 г. Ставил спектакли в Берлине, Флоренции, Москве («Гамлет» У. Шекспира, 1911 г., с К. С. Станиславским и Л. А. Сулержицким). Изобрел систему ширм, которая легко трансформировала пространство сцены. Утверждал идею режиссерского театра, концепцию «сверхмарионетки», предполагающую творчество «актера-поэта» в строгих пределах режиссерского замысла.

⁴¹ Имеются в виду «Записки» А. О. Смирновой о Пушкине.

⁴² *Станкевич Николай Владимирович* (1813—1840) — российский общественный деятель, философ, поэт. Главную силу исторического прогресса видел в просвещении, основной задачей русской интеллигенции считал пропаганду идей гуманизма. В 1831 г. организовал литературно-философский кружок. С 1837 г. — за границей. Его брат, *Станкевич Александр Владимирович* (1821—1912), — известный просветитель и критик.

⁴³ См. примеч. 15.

⁴⁴ Как угодно, по желанию, на выбор (лат.).

⁴⁵ *Сулержицкий Леопольд Антонович* (1872—1916) — российский общественный и театральный деятель, режиссер. Был близок с Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, М. Горьким. Помощник К. С. Станиславского по преподаванию и популяризации его системы, сопостановщик ряда спектаклей во МХАТе. Один из организаторов и руководителей 1-й Студии МХАТа (1912; открыта в 1913 г.).

⁴⁶ В письме описывается срочное возвращение Ильиных в Россию после внезапного начала Первой мировой войны.

⁴⁷ Вероятно, сын редактора-издателя «Вестника Европы», Стасюлевича Михаила Матвеевича (1826—1911).

⁴⁸ Имеется в виду диссертация И. А. Ильина о философии Гегеля.

⁴⁹ *Гидулянов Павел Васильевич* (1874—1937) — профессор церковного права; см. также примеч. 14 к публикации «Документы из немецких архивов».

⁵⁰ См. изложение этого эпизода во фрагменте № 22 воспоминаний Ильина «Встречи и беседы».

⁵¹ Виссарион Гуревич уехал за границу, и Любовь Ивановна долго не знала о судьбе сына.

⁵² *Шаховской Дмитрий Иванович* (1861—1939) — князь, земский деятель, публицист, один из лидеров кадетов.

⁵³ *Жуковский Дмитрий Евгеньевич* (1883—1968) — издатель, переводчик философской литературы, философ и помещик. Свои довольно большие средства он тратил на издание двух журналов: «Вопросы жизни» и «Освобождение». Был женат на родственнице Наталии Николаевны Ильиной — поэтессе Аделаиде Казимировне Герцк.

⁵⁴ *Родзянко Михаил Владимирович* (1859—1924) — один из лидеров октябристов, крупный помещик. В 1911—1917 гг. — председатель 3-й и 4-й Государственной думы, в 1917 г. — Временного комитета Государственной думы. Автор воспоминаний: «Крушение империи» (1929).

⁵⁵ *Земский союз* — всероссийская организация, созданная в июле 1914 г. для помощи правительству в организации снабжения русской армии.

⁵⁶ *Рачинский Григорий Алексеевич* (1859—1939) — литератор, переводчик, философ, председатель Религиозно-философского общества в Москве.

⁵⁷ Обо всех делах, обо всех обстоятельствах (*лат.*).

⁵⁸ *Ледницкий Александр Робертович* (1866—1934) — юрист, член Совета присяжных поверенных.

⁵⁹ *Эрн Владимир Францевич* (1882—1917) — русский религиозный философ; в духе идей восточной патристики и философских идей Вл. С. Соловьева развил учение о Логосе как творческом начале бытия.

Давыдов (Давидов) Иосиф Александрович (1866—1942) — экономист, философ-эмпириомонист.

⁶⁰ *Егоров Дмитрий Николаевич* (1878—1931) — историк, преподаватель всеобщей истории и истории искусств в гимназии Шелапутина, на Высших женских курсах, в Университете Шаняевского, в Московском коммерческом институте. С 1928 г. — член-корреспондент АН СССР. В 1930 г. был арестован и сослан в Ташкент.

⁶¹ *Дело Бейлиса* — судебный процесс (Киев, сентябрь—октябрь 1913 г.) над евреем М. Бейлисом (приказчиком кирпичного завода) по ложному обвинению в ритуальном убийстве русского мальчика, организованный царским правительством и черносотенцами. Вызвал протест передовой общественности в России и за рубежом; суд присяжных оправдал Бейлиса.

⁶² Лекция Эрна «От Канта к Круппу» была опубликована в журнале «Русская мысль» (1914. № 12).

⁶³ Возможно, Луарсаб (Андроникашвили).

⁶⁴ *Гриша* — Григорий Яковлевич Гуревич.

⁶⁵ Возможно, жена Григория Гуревича.

⁶⁶ Имеется в виду коллективная работа «Основы законовещения. Общее учение о праве и государстве и основные понятия русского государственного, гражданского и уголовного права: (Общедоступные очерки И. А. Ильина, В. М. Устинова, И. Б. Новицкого, М. Н. Гернет)», изданная в Москве в 1915 г., Ильину в этой работе принадлежит раздел «Общее учение о праве и государстве».

⁶⁷ Открытыми глазами (*лат.*).

⁶⁸ Об этом Ильин говорил в своей лекции «Философия как духовное делание», позже изданной в составе книги «Религиозный смысл философии. Три речи. 1914—1923» (Париж, 1925).

⁶⁹ Пусть ненавидят, лишь бы боялись (*лат.*).

⁷⁰ *Скрябин Александр Николаевич* (1871/72—1915) — российский композитор, пианист. В творчестве Скрябина воплощены идеи экстатической устремленности к неведомым «космическим» сферам, идея преобразующей силы искусства. Яркий новатор музыкальных выразительных средств, главным образом гармонии; развивал идею светомузыки, впервые в музыкальной практике ввел в симфоническую поэму «Прометей» партию света. Профессор Московской консерватории (1898—1904 гг.).

⁷¹ *Мултанское дело* — процесс 1892—1896 гг. над группой крестьян-удмуртов с. Старый Мултан Вятской губ. по обвинению в убийстве с ритуальной целью. Было возбуждено полицией. В защиту выступили В. Г. Короленко и А. Ф. Кони. Обвиняемые были оправданы.

⁷² *Лукративность* (от *лат. lucrativus*) — приносящее пользу, дающее прибыль, доход.

⁷³ *Религиозно-философское общество* (*Религиозно-философские собрания*) — философское движение, инициатором которого стал Д. Мережковский и его жена З. Гиппиус; движение ставило своей целью обновление религиозной жизни и выработку новых форм соединения религии и культуры. Активное участие в выработке принципов «нового религиозного сознания» принимали Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, Вяч. Иванов и др.; Религиозно-философские собрания в Петербурге проходили в 1901—1903 гг.; в 1907 г. были возобновлены как заседания Религиозно-философского общества и продолжались до 1917 г.

⁷⁴ Только значительно позже, уже в эмиграции, Ильин напишет и прочтет лекцию «Драма Пушкина “Моцарт и Сальери”».

⁷⁵ Работа Н. Н. Вокач «Боттичелли» впервые была опубликована в журнале «Русская мысль» (1915. Кн. II).

⁷⁶ *Аридовы веки* (от *лат. iridus* — сухой, иссохший, жесткий) — жестокие, неблагоприятные времена.

⁷⁷ Имеются в виду брошюры из серии «Задачи момента», выходившие под общим заголовком «Брошюры для народа». Всего Ильин издал пять брошюр (подробнее см. ниже, в разделе «О времени и о себе»).

⁷⁸ *Готье Юрий Владимирович* (1873—1943) — историк, профессор Московского университета, директор библиотеки Румянцевского музея.

⁷⁹ *Железнов Владимир Яковлевич* (1869—1933) — русский экономист буржуазно-демократического направления.

⁸⁰ Неточная цитата из поэмы А. С. Пушкина «Полтава».

⁸¹ Анна Яковлевна Гуревич действительно была большевичкой. Конец ее жизни трагичен: вместе с сестрой Екатериной она умерла от голода в 1942 г. в блокадном Ленинграде (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

История одного скандала

Впервые: Ступени: Философский журнал. 1997. № 10 (публикация И. И. Евлампиева). Печатается по последнему изданию.

¹ Отдел рукописей РГБ, фонд 167 (Э. К. Метнер), картон 14, ед. хр. 16. Документ представляет собой рукописный оригинал открытого письма (приложена также машинописная копия с правкой рукой Ильина).

² *Метнер Эмилий Карлович* (псевдоним Вольфинг) (1872 — 1936) — философ, основатель издательства «Мусaget», редактор журнала «Труды и дни», автор ряда работ по эстетике.

³ *Штейнер (Steiner) Рудольф* (1861—1925) — немецкий философ-мистик, основатель антропософии. Начав как последователь натурфилософии Гете, Штейнер в 1900-х годах возглавлял немецкую секцию Теософского общества, в 1913 г. создал Антропософское общество. По проекту Штейнера в Дорнахе было построено здание Гетеанума — «свободного университета науки о духе».

⁴ Отдел рукописей РГБ, фонд 167 (Э. К. Метнер), картон 14, ед. хр. 16.

⁵ *Метнер Карл Петрович* (1846—1921) — отец Э. К. и Н. К. Метнеров, крупный предприниматель; *Метнер* (урожд. Братенши) *Анна Михайловна* (1877—1965) — жена композитора и пианиста Н. К. Метнера, скрипачка.

⁶ В это время Э. К. Метнер находился в Цюрихе.

⁷ Отдел рукописей РГБ, фонд 171 (М. К. Морозова), картон 12, ед. хр. 6. Документ представляет собой машинописную копию открытого письма с подписью автографом.

⁸ Отдел рукописей РГБ, фонд 167 (Э. К. Метнер), картон 14, ед. хр. 65. Данный архивный документ представляет собой машинописную копию открытого письма Ильина, посланную В. К. Тарасовой (урожд. Метнер) своему дяде Э. К. Метнеру в Швейцарию. Копия содержит приписку: «Посылаю тебе это письмо Ильина к Трубецкому. Третьего дня послано тебе мое письмо. Скоро напишу еще. Пока целую тебя. Вера. Москва. 3.V.17». Курсивом выделены слова, подчеркнутые в документе карандашом и чернилами.

⁹ Отдел рукописей РГБ. Фонд 167 (Э. К. Метнер), картон 125, ед. хр. 7. *Эллис* (псевд.; наст. имя и фам. Лев Львович Кобылинский; 1879—1947) — поэт, переводчик, критик.

¹⁰ Отдел рукописей РГБ, фонд 25, картон 22, ед. хр. 3.

¹¹ А. Белый поступил так, как советовали его друзья, и никак не ответил Ильину; это воспрепятствовало дальнейшему разрастанию скандала.

¹¹ *Шестов Лев* (псевд.; наст. имя и фам. Лев Исаакович Шварцман; 1866—1938) — философ и писатель. В своей философии, насыщенной парадоксами и афоризмами, Шестов восставал против диктата разума (общезначимых истин) и гнета общеобязательных нравственных норм над суверенной личностью. Традиционной философии он противопоставил «философию трагедии» (в центре которой — абсурдность человеческого существования), а философскому умозрению — откровение, которое даруется всемогущим Богом. Шестов предвосхитил основные идеи экзистенциализма.

И. А. Ильин

Письма к П. Б. Струве

Наиболее полное собрание писем И. А. Ильина к П. Б. Струве и другим сотрудникам газеты «Возрождение» (письма хранятся в Государственном архиве Российской Федерации, Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, штат Калифорния, США) и в частном архиве семьи Струве) опубликовано в книге: *Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903—1938)*. М., 1999. С. 115—209. Публикуемые ниже письма воспроизводятся по последнему изданию.

¹ О многих вещах (*лат.*).

² Жизненный путь, жизнеописание (название документа, подаваемого кандидатом на занятие какого-либо места; *лат.*).

³ При теперешнем положении (*лат.*).

⁴ Если положение изменится (*лат.*).

⁵ Религиозно-философская академия была создана Н. А. Бердяевым в Берлине в 1922 г., после того как он переехал в 1924 г. в Париж, туда же переместилась и Академия.

⁶ Имеется в виду ИМКА (YMCA — Young Men's Christian Association) — религиозная организация, основанная в 1844 г. в Лондоне Джорджем Вильямсом (с 1851 г. — в Бостоне, США). ИМКА ставила своей целью помощь в общении христианских организаций.

⁷ Русский научный институт в Берлине был открыт 17 февраля 1923 г. Его директором стал проф. Всеволод Иванович Ясинский (1884—1933). Институт объединил высланных в 1922 г. из Советской России деятелей культуры. В его организационный комитет входили: Ю. И. Айхенвальд, Н. А. Бердяев, Б. Д. Бруцкус, Е. Л. Зубашев, И. А. Ильин, А. Ю. Каминка, Л. П. Карсавин, А. А. Кизеветтер, Н. О. Лосский, В. Н. Одинцов, С. Н. Прокопович, В. В. Стратонов, А. И. Угримов, А. А. Чупрунов, С. Л. Франк.

⁸ Имеется в виду голландское отделение YMCA.

⁹ В Праге еще до высылки 1922 г. проживала обширная русская колония, и существовал Русский научный институт.

¹⁰ При случае (*нем.*).

¹¹ Коммунистический путч (*нем.*).

¹² Пусть желающие делают иначе (*лат.*).

¹³ По своему желанию (*лат.*).

¹⁴ Не имеющий себе равных (*нем.*).

¹⁵ *Прокопович Сергей Николаевич* (1871—1955) — русский экономист, социал-демократ, министр Временного правительства, один из создателей в 1921 г. Всероссийского комитета помощи голодающим.

Мякотин Венедикт Александрович (1867—1937) — русский историк.

¹⁶ Порт-пароль (*фр. porte-parole*) — глашатай, рупор.

¹⁷ Не так ли? (*нем.*).

¹⁸ Предложение (*нем.*).

¹⁹ В начале сентября 1921 г., после того как вместе с остатками армии Врангеля П. Б. Струве бежал из России и попал в Константинополь, он решил возобновить за рубежом выпуск журнала «Русская мысль», редактором-издателем которого он был с 1910 по 1918 г. В 1927 г. вышел один номер (в Париже).

²⁰ В это время П. И. Новгородцев жил в Праге; «оставитель» — в том смысле, что Новгородцев ходатайствовал за своих учеников, чтобы их оставили при университете для приготовления к профессорскому званию.

²¹ Ильин болел катаром верхушек легких.

²² Поживем — увидим (нем.).

²³ Видимо, Ильин воспроизводит здесь какие-то слухи; на самом деле С. Н. Булгаков был выслан в Константинополь только 17 (30) декабря 1922 г., т. е. после того, как было написано публикуемое письмо Ильина.

²⁴ *Лосский Николай Онуфриевич* (1870—1965) — российский философ, один из крупнейших представителей интуитивизма и персонализма в России. В 1922 г. был выслан за границу, до 1945 г. жил в Праге, в 1947—1950 гг. — в Нью-Йорке. Основные труды — по психологии, логике, проблемам интуиции, свободы воли и др.

²⁵ И многие другие (нем.).

²⁶ *Трубецкой Григорий Николаевич* (1873—1931) — дипломат, церковный деятель и публицист.

²⁷ Имеется в виду попытка возобновить выпуск российско-немецкого журнала «Логос», который издавался в 1910—1914 гг.

²⁸ *Струве Нина Александровна* (урожд. Герд; 1867—1943) — жена П. Б. Струве.

²⁹ *Ольденбург Сергей Сергеевич* (1888—1940) — журналист, историк автор двухтомной монографии «Царствование императора Николая II».

³⁰ *Теневрозно* (от фр. *tenebreuse*) — темно, сумрачно.

³¹ *Чебышев Николай Николаевич* (1865—1937) — сенатор, был близок к генералу Врангелю, сотрудник газеты «Возрождение», автор двухтомных воспоминаний «Близкая даль».

³² *Грюндерство* (от нем. *Grunder* — основатель) — массовое лихорадочное учредительство акционерных обществ, банков и страховых компаний. Сопровождается широкой эмиссией ценных бумаг, биржевыми спекуляциями, созданием дутых предприятий.

³³ *Шульгин Василий Витальевич* (1878—1976) — российский политический деятель, монархист. Один из лидеров правого крыла 2—4-й Государственных думы, член Временного комитета Государственной думы; принимал вместе с А. И. Гучковым отречение от престола императора Николая II. После Октябрьской революции участвовал в создании белой Добровольческой армии; эмигрировал. В 1944 г. был арестован в Югославии, вывезен в СССР и до 1956 г. находился в заключении за антисоветскую деятельность. В 1960-х годах призвал эмиграцию отказаться от враждебного отношения к СССР.

³⁴ *Савицкий Петр Николаевич* (1895—1968) — русский экономист, географ, социолог. Ученик П. Б. Струве и В. И. Вернадского, один из основателей и лидеров евразийского движения. Окончил Политехнический институт в Петрограде (1917 г.). Участвовал в Белом движении, эмигри-

ровал в Болгарию, один из авторов сборника «Исход к Востоку» (София, 1921), положившего начало евразийству, в 1922—1945 гг. жил и преподавал в Праге. В 1945—1954 гг. был в заключении в мордовских концлагерях, с 1956 г. — в Праге.

³⁵ *Совет послов* — объединение дипломатов Временного правительства, оказавшихся в эмиграции. Считая себя преемником законной российской власти, Совет послов не признавал этого права за генералом Врангелем.

³⁶ Имеется в виду работа «Проблема современного правосознания» (Берлин, 1923).

³⁷ *Керенский Александр Федорович* (1881—1970) — российский политический деятель. Адвокат. Лидер фракции трудовиков в 4-й Государственной думе. С марта 1917 г. — эсер; во Временном правительстве: министр юстиции (март—май), военный и морской министр (май—сентябрь), с 8 (21) июля — министр-председатель, с 30 августа (12 сентября) — верховный главнокомандующий. После Октябрьской революции — организатор (вместе с генералом П. Н. Красновым) антибольшевистского выступления 26—31 октября (8—13 ноября). С 1918 г. — во Франции, с 1940 г. — в США. Один из организаторов «Лиги борьбы за народную свободу».

³⁸ *Уан паунд* (англ. one pound) — один фунт стерлингов.

³⁹ Речь идет о полемике вокруг книги Ильина «О сопротивлении злу силою» (1925). Представители левого крыла русской эмиграции обрушились с резкой критикой на эту книгу (см. раздел «Критика и полемика» в наст. изд.), газета «Возрождение» оказалась почти единственным органом эмиграции, поддержавшим Ильина. Однако в заметке без подписи, под названием «Среди газет и журналов» (Возрождение. 1925. № 70. 11 августа), редколлегия отказалась от дальнейшей полемики.

⁴⁰ *Минюзюзная* (от нем. Minuzios) — детальный, педантичный.

⁴¹ *Тихон Берлинский* (Ляшенко; 1875—1945) — епископ Русской Православной Церкви за границей. В 1938 г. был насильно отправлен в сербский монастырь. Скончался 11 февраля 1945 г. в Потсдаме от отравления (возможно, был отравлен).

⁴² *Антоний* (в миру — Алексей Павлович) *Храповицкий* (1864—1936) — русский церковный деятель, богослов, митрополит. С 1921 г. — в эмиграции, где стал главой Карловацкого Синода в Белграде, одной из юрисдикций Русской Православной Церкви в Европе, занявшей особенно непримиримую позицию по отношению к Советскому Союзу.

⁴³ *Демидов Игорь Платонович* (1873—1946) — член ЦК партии кадетов; в эмиграции редактор парижской газеты «Последние новости», возглавлявшейся П. Н. Милюковым. На страницах этой газеты были опубликованы две статьи Демидова, содержащие критику идей книги Ильина «О сопротивлении злу силою».

Вакар Николай Петрович (1894—1970) — член ЦК партии кадетов, заместитель П. Н. Милюкова в газете «Последние новости». Опубликовал две статьи против Ильина.

Добронравов (псевдоним — Фонич) *Леонид Михайлович* (1887—1926) — русский прозаик, драматург, публицист. Опубликовал в газете «Родная земля» две статьи против Ильина.

⁴⁴ *Карташев Антон Владимирович* (1875—1960) — историк Церкви, профессор Духовной академии, один из руководителей Религиозно-философского общества в С.-Петербурге. В эмиграции с 1919 г., был профессором сначала Парижского богословского института, а затем Религиозно-духовной академии. Автор капитального труда «Очерки по истории Русской Церкви» (т. 1—2; Париж, 1959). Положительный отзыв «И. А. Ильин. О сопротивлении злу силой» за подписью «А. К.» он опубликовал в парижской газете «Звено» (1925. № 141. 12 октября).

⁴⁵ *Спекторский Евгений Васильевич* (1875—1951) — философ, юрист, публицист, принадлежал к правому крылу русской эмиграции.

⁴⁶ *Алексинский Григорий Алексеевич* (1879—1965) — участник российского социал-демократического движения, примыкал к большевикам, депутат II Государственной думы. В эмиграции с 1918 г. Главный редактор еженедельной общественно-политической и литературной газеты «Родная земля», выходившей в Париже с 1925 по 1928 г.

⁴⁷ *Виноградов Павел Гаврилович* (1854—1925) — русский историк, профессор Московского университета, академик РАН. В 1902—1908 гг. и с 1911 г. жил в Великобритании. Профессор Оксфордского университета.

⁴⁸ *Филиппов Александр Иванович* — один из трех (наряду с Г. А. Алексинским и Е. А. Ефимовским) главных редакторов парижского органа правого крыла эмиграции «Русская газета» (издавалась в 1923—1925 гг.).

⁴⁹ Деян. 10: 11—13.

⁵⁰ *Зайцев Кирилл Иосифович* (1887—1975) — главный помощник П. Б. Струве в редакции газеты «Возрождение». После смерти жены принял монашество; умер как архимандрит Константин в Св.-Троицком монастыре в Джорданвилле (США).

⁵¹ Статья «Черносотенство» не была принята к печати и была возвращена автору редакцией «Возрождения». Впервые была опубликована в марте 1926 г. в рижской газете «Слово».

⁵² Имеются в виду сторонники великого князя Кирилла Владимировича, объявившего себя в 1924 г. императором и вызвавшего тем самым раскол в рядах монархистов.

⁵³ *Снесарев Николай Васильевич* — секретарь довоенной газеты «Новое время». Автор брошюры «Провокация монархизма», которой он обратил на себя внимание великого князя Кирилла Владимировича. Позже разошелся с ним и написал против его претензий на престол книгу «Кирилл первый. Император кобургский» (1925).

⁵⁴ *Мятлев Владимир Петрович* — писатель, поэт.

⁵⁵ См. примеч. 21 и 113 к воспоминаниям Ильина «Встречи и беседы».

⁵⁶ Имеется в виду *Николай Николаевич Романов* (1856—1929) — великий князь, внук Николая I. В начале Первой мировой войны он был назначен Верховным главнокомандующим; 23 августа 1915 г., после ряда поражений Русской армии, царь снял Николая Николаевича с поста и перевел на Кавказский фронт, приняв верховное командование на себя. После 1917 г. Н. Н. Романов проживал в эмиграции. С декабря 1924 г. принял на себя верховное командование русскими военными организациями, объединившимися в Русский общевоинский союз, председателем

которого стал генерал Врангель. Был назван «вождем эмиграции» на Российском Зарубежном съезде в 1926 г. Не признал провозглашения в 1924 г. великим князем Кириллом Владимировичем себя Императором Всероссийским. Противостояние двух великих князей определило раскол монархического крыла русской эмиграции.

⁵⁷ Имеется в виду работа по подготовке Российского Зарубежного съезда, призванного объединить все силы русской эмиграции в борьбе против большевизма в России.

⁵⁸ *Шебеко Николай Николаевич* (1863—1953) — бывший член Государственного Совета и российский посол в Вене, секретарь Организационного комитета по созыву Российского Зарубежного съезда.

⁵⁹ Вероятно, имеется в виду список статей, которые Ильин мог бы предложить «Возрождению»; Струве должен был отметить, какие статьи газета могла бы опубликовать.

⁶⁰ Имеется в виду золотой запас Российской империи, переданный адмиралом Колчаком японскому правительству в счет поставок оружия Белой армии. Япония золото взяла, но оружия так и не поставила. Это золото Российской империи хранится в Японии по сей день.

⁶¹ *Гефдинг Владимир Федорович* (литературный псевдоним — Василий Федоров; 1887—1959) — ученик П. Б. Струве по Политехническому институту, экономист, в эмиграции — сотрудник всех изданий Струве. Автор ильинского журнала «Русский колокол». Жил в Берлине до 1945 г., когда был арестован. В 1948 г. бежал из тюрьмы в Потсдаме и перебрался в США (*Примеч. Н. А. Струве*).

⁶² Речь идет о «Союзе молодой России», созданном П. Б. Струве. Струве внял совету Ильина. Написанное им воззвание гласило: «Пора русским патриотам соединиться не в партию, а в дружный союз (*Примеч. Н. А. Струве*).

⁶³ Дробление на части (*лат.*).

⁶⁴ Цельность, тотальность (*нем.*).

⁶⁵ *Крупенский Павел Николаевич* (1863—193?) — депутат II, III и IV Государственной думы от фракции националистов, затем — от Центра, один из организаторов монархического съезда в Рейхенгалле в 1921 г., идеолог правой русской эмиграции.

⁶⁶ *Hans Trüb* — Ханс Трюб — швейцарский издатель, друг И. А. Ильина.

⁶⁷ *Фингировать* (от *нем. fingern*) — касаться пальцами, трогать.

⁶⁸ Да будет тебе земля пухом (*лат.*).

⁶⁹ Вероятно, имеется в виду обращение с призывом к объединению всех сил эмиграции в связи с предстоящим Российским Зарубежным съездом.

⁷⁰ Высший монархический совет был создан на монархическом съезде, проходившем в мае—июне 1921 г. в баварском городке Рейхенгалле. Председателем ВМС был избран Н. Е. Марков. Главнокомандующий — генерал Врангель.

⁷¹ Без серебра, т. е. бескорыстная (*ит.*).

⁷² По преимуществу (*греч.*).

⁷³ *Лейкоцитоз* — увеличение числа лейкоцитов в единице объема крови, приводит к кратковременной активизации всех обменных процессов в организме.

⁷⁴ *Концилии* (нем. Konzil) — церковные Соборы.

⁷⁵ Видимо, здесь термины «архиереи» и «приходы» употребляются в переносном смысле, имеются в виду партии и их вожди.

⁷⁶ См. примеч. 63.

⁷⁷ Имеется в виду В. Ф. Гефдинг.

⁷⁸ Трое составляют коллегию! (лат.).

⁷⁹ Эти статьи все-таки были опубликованы в «Возрождении».

⁸⁰ Несмотря на это заявление, Ильин продолжил присылать свои заметки о фашизме; всего в течение осени 1925 — весны 1926 г. в «Возрождении» было опубликовано 8 его заметок, подписанных псевдонимом «Ивер».

⁸¹ *Яблоновский Сергей Викторович* (1870—1953) — журналист.

⁸² *Тэффи* (псевд. Надежды Александровны Бучинской (урожд. Лохвицкой); 1872—1952) — писательница, автор юмористических стихов, рассказов, фельетонов, миниатюр.

⁸³ *Ренников* (Селитренников) *Андрей Митрофанович* (1882—1957) — ученый, писатель-романист, редактор газет «Наш край» (Батум), «Заря России» (Ростов). В эмиграции — редактор белградской газеты «Новое время», сотрудник «Возрождения».

⁸⁴ Утро вечера мудреней (фр.).

⁸⁵ Ущербные эмоции (нем.).

⁸⁶ Имеются в виду *Петражицкий Лев Иосифович* (1867—1931), российский юрист, и его психологическая теория права.

⁸⁷ Плохой характер (фр.).

⁸⁸ Имеется в виду генерал Врангель. 1 сентября 1924 г. он выступил одним из организаторов Русского общевоинского союза, при этом верховное командование Союзом ради консолидации сил отдал великому князю Николаю Николаевичу, оставаясь Главнокомандующим и Председателем РОВС.

⁸⁹ В сентябре 1927 г. П. Н. Врангель переехал с семьей из Сремски Карловцы на Балканах в Брюссель.

⁹⁰ Речь идет о статье Ильина «Смотреть вперед и созидать новое», она вышла не под собственным именем автора, а под псевдонимом «Помещик».

⁹¹ Имеется в виду воззвание П. Б. Струве, призывающее вступить в «Союз молодой России».

⁹² Приказ № 82, изданный генералом Врангелем сразу же после образования РОВСа, запрещал военным вступать в политические организации; о нем шла речь в предыдущем письме.

⁹³ Имеется в виду великий князь Николай Николаевич.

⁹⁴ См. примеч. 5 к статье Н. Рыбинского, посвященной Ильину.

⁹⁵ Имеется в виду книга: *Даватц В.* Годы. Очерки пятилетней войны. Белград, 1926 (Примеч. Ю. Т. Лисицы).

⁹⁶ Свершившийся факт (фр.).

⁹⁷ При данном положении дел (*лат.*).

⁹⁸ Ильин имеет в виду барона Бориса Густавовича фон Кеппена.

⁹⁹ Имеется в виду великий князь Кирилл Владимирович.

¹⁰⁰ Черт меня поberi (*фр.*).

¹⁰¹ *В. Федоров* — псевдоним В. Ф. Гефдинга.

¹⁰² Имеется в виду восьмая статья Ильина из цикла «Письма о фашизме», подписанная псевдонимом «Ивер».

¹⁰³ Шутливая подпись И. А. Ильина.

¹⁰⁴ Имеется в виду статья, в которой Ильин ответил на критический выпад З. Гиппиус против его книги «О сопротивлении злу силою» (см. раздел «Критика и полемика» в наст. изд.).

¹⁰⁵ *Соколов-Кречетов Сергей Алексеевич* (1879—1936) — поэт, публицист, бывший владелец московского издательства «Гриф», директор берлинского издательства «Медный всадник», один из основателей «Братства Русской Правды» — эмигрантской организации, попавшей под надзор ГПУ.

Арсеньев Николай Сергеевич (1888—1977) — богослов, историк, писатель, приват-доцент Московского университета. В 1920 г. эмигрировал в Западную Европу, с 1948 г. — в США.

«*Экономист*» — В. Ф. Гефдинг.

Остальные из упомянутых лиц комментаторам писем неизвестны.

¹⁰⁶ В тексте письма этой информации нет.

¹⁰⁷ «*Рулъ*» — берлинская ежедневная газета, основанная И. В. Гессеном, И. А. Каминкой и В. Д. Набоковым и издававшаяся в 1920—1931 гг.

¹⁰⁸ Имеется в виду статья «Чекист во имя Божье», содержащая краткий пересказ статьи Бердяева против Ильина; кто скрывался под псевдонимом «Церковник», неизвестно.

¹⁰⁹ Имеется в виду статья «Кошмар злого добра» (см. в наст. изд.).

¹¹⁰ *Гиппиусиха* — Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — русская писательница, критик, жена Д. С. Мережковского. Опубликовала 4 статьи с критикой идей книги Ильина «О сопротивлении злу силою» (см. в наст. изд.).

Католическая жена — Лидия Юдифовна Бердяева (урожд. Трушева, по первому мужу — Рапп; 1874—1945), переводчица, поэтесса, жена Н. А. Бердяева; она была католичкой.

¹¹¹ Имеется в виду заметка Струве «Дневник политика. 82. О брошюре И. А. Ильина и о нем самом» (см. в наст. изд.).

¹¹² *Анастасий Иерусалимский* (в миру — Александр Александрович Грибановский; 1873—1965) — митрополит Русской Зарубежной Церкви, возглавлял ее с 1936 г.

¹¹³ Статья Ю. И. Айхенвальда, направленная против книги Ильина, называлась «Злое добро» (см. в наст. изд.), т. е. повторяла название статьи Бердяева («Кошмар злого добра»).

¹¹⁴ Имеется в виду статья Ильина «О сопротивлении злу: Открытое письмо В. Х. Даватцу», в которой он ответил всем критикам своей книги (статья вышла в газете «Новое время» в середине ноября; см. в наст. изд.).

¹¹⁵ Вероятно, речь идет о возможном уходе Струве из редакции «Возрождения» и победе крайне правых сил в борьбе за контроль над газетой.

¹¹⁶ *Котя* — сын П. Б. Струве Константин Петрович (1903—1948), в те годы студент Богословского института, затем монах (архимандрит) в Прикарпатской Руси (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹¹⁷ Вероятно, имеется в виду статья П. Б. Струве о Столыпине.

¹¹⁸ Имеется в виду статья Ильина «Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона» (см. в наст. изд.).

¹¹⁹ *Индо (лат.)* — отсюда.

¹²⁰ Имеется в виду статья В. В. Зеньковского «По поводу книги И. А. Ильина “О сопротивлении злу силою”» (см. в наст. изд.).

¹²¹ Навалилась вся пишущая тройка! Караул!! (*идиш*).

¹²² Имеется в виду книга: *Новиков В. М. Фашизм. Очерки по итальянскому фашизму. С приложением текста закона 3 апреля 1926 года о фашистских синдикатах. Париж: Возрождение, 1926.*

¹²³ Имеется в виду статья «О рыцарстве», посвященная генералу Врангелю.

¹²⁴ *Деникин Антон Иванович (1872—1947)* — российский военный деятель, генерал-лейтенант (с 1916 г.). В 1-ю мировую войну командовал стрелковой бригадой и дивизией, армейским корпусом; с апреля 1918 г. — командующий, с октября — главнокомандующий Добровольческой армией, с января 1919 г. — главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России» (Добровольческая армия, Донская и Кавказская казачьи армии, Туркестанская армия, Черноморский флот); одновременно с января 1920 г. — «Верховный правитель Российского государства». 22 марта 1920 г. передал командование генералу Врангелю. С апреля 1920 г. — в эмиграции. Работы по истории Русско-японской войны; воспоминания: «Очерки русской смуты» (т. 1—5, 1921—1923), «Путь русского офицера» (1953). Ильин упоминает 5-й том «Очерков русской смуты», имеющий подзаголовок «Вооруженные силы Юга России» (Берлин, 1926).

¹²⁵ *Романовский Иван Павлович (1877—1920)* — генерал-лейтенант (с 1919 г.). В июне—сентябре 1917 г. — 1-й генерал-квартирмейстер при верховном главнокомандовании. За поддержку действий Л. Г. Корнилова в конце августа 1917 г. был арестован Временным правительством, но бежал на Дон. Участвовал в формировании Добровольческой армии; с февраля 1918 г. начальник ее штаба. С января 1919 до апреля 1920 г. — начальник штаба «Вооруженных сил Юга России». После их разгрома уехал в Стамбул, где был убит в здании русского посольства в Константинополе поручиком М. А. Харузиным.

¹²⁶ Генерал Монкевиц осенью 1926 г. исчез при невыясненных обстоятельствах. Семья генерала поддерживала версию самоубийства, но, поскольку тело не было найдено, возникло подозрение, что Монкевиц сотрудничал с ГПУ и бежал в Советскую Россию.

¹²⁷ Генерал Кутепов в 20-е годы пытался создать в Париже единую организацию для подпольной контрреволюционной работы в России, как выяснилось позже, ГПУ с самого начала контролировало эту деятельность и внедрило в создаваемую организацию своих агентов. Сам Кутепов 26 января 1930 г. был похищен агентами советской разведки и скончался от сердечного приступа на корабле по пути в Новороссийск.

¹²⁸ *Неандер Борис Н.* (? — после 1954) — председатель Объединения русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), выступал на Российском зарубежном съезде от имени группы национальной молодежи.

¹²⁹ *Федоров Михаил Михайлович* (1855—1948) — министр торговли царского правительства, правый кадет, член оргкомитета Российского зарубежного съезда.

¹³⁰ То есть к крайне правым.

¹³¹ Имеются в виду два объемистых текста, излагающих программу и конкретные планы по изданию журнала «Русский колокол». Ильин начал издавать журнал в Берлине с осени 1927 г.; журнал просуществовал до 1930 г. (всего вышло 9 номеров).

¹³² Ильин приехал в Париж 1 июля 1927 г.

¹³³ В соответствии с будущими обстоятельствами (*лат.*).

¹³⁴ Иван Давидович Гримм, Николай Александрович Цуриков, Владимир Федорович Гефдинг.

¹³⁵ Возобновленная «Русская мысль» начала выходить, но появился только один номер.

¹³⁶ Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Тучи».

¹³⁷ «Братство русской правды» — боевая антибольшевистская организация, основанная в 1921 г. герцогом Г. Н. Лейхтенбергским, публицистом С. А. Соколовым-Кречетовым и генералом П. Н. Красновым. Действовала подпольно, состояла из автономных боевых групп, которые вели партизанскую борьбу на территории Советской России. Руководители (Великий круг) этой организации обратились к Ильину с просьбой быть независимым арбитром, в связи с тем что в эмигрантской печати появились статьи, в которых говорилось о проникновении большевистской агентуры в их ряды.

В Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, штат Калифорния, США) сохранился ответ П. Б. Струве И. А. Ильину:

«И. А. Ильину 2.XII.1927

Черновик

Дорогой Иван Александрович!

Я без всяких колебаний могу дать Вам категорический совет — отказаться от предлагаемого Вам “арбитража”. Разъяснение таких сложных и деликатных вопросов перед общественным мнением невозможно в порядке “дружеского расследования” — оно не будет авторитетно и в то же время умалит Ваш авторитет. Недаром в таких случаях применяется третейский суд, все равно какой, единоличный или коллективный (с суперарбитром), суд, предполагающий какое-то “состязание”.

Спешу Вам это написать и отправить письмо. О другом напишу в другой раз.

Душевно Вам преданный

П. Струве» (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹³⁸ *Николай Николаевич Львов* — давнишний друг и единомышленник Струве, разошедшийся с ним в вопросе о коллективном уходе из «Воз-

рождения». Выступил против Струве в печати. Впоследствии раскаивался в своем поведении (*Примеч. Н. П. Полторацкого*).

¹³⁹ Ревиндикация — возвращение.

¹⁴⁰ «Без гнева и пристрастия», без предвзятого мнения (*лат.*, слова древнеримского историка Тацита).

¹⁴¹ См.: *Старый политик <И. А. Ильин>*. Как хранить тайну (Правила и советы) // Русский колокол. 1927. № 1. С. 70—80.

Из переписки И. А. Ильина с П. Н. Врангелем

Переписка И. А. Ильина и П. Н. Врангеля хранится в Архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, штат Калифорния, США), впервые она была опубликована и подробно откомментирована В. Г. Бортневским в книге: Русское прошлое. СПб., 1996. С. 209—289. Повторно: *Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы (1903—1938)*. М., 1999. С. 210—258. Настоящая подборка писем воспроизводится по последнему изданию.

¹ Впервые генерал П. Н. Врангель услышал имя И. А. Ильина из письма А. И. Гучкова, отправленного ему 13 февраля 1923 г. и посвященного судьбе «учащейся молодежи» Русской армии, возможности устройства 300 человек в открывающийся в Берлине Русский научный институт. Гучков советовал Врангелю отправить ряд писем как лицам, от которых зависело финансирование этого проекта, так и ученым — организаторам Института, в частности В. И. Ясинскому, Ф. В. Шлиппе, Г. Г. Баху и И. А. Ильину. На него <Ильина>, писал А. И. Гучков, особенно большая надежда, это он явится Lebenswecker-ом <жизненным будильником> в той несколько инертной среде, которую представляет наша профессура, он уже и теперь, в первичных стадиях дела, оказал ему большие услуги. По отношению к нему возьмите особенно теплые ноты (*Примеч. В. Г. Бортневского*).

² Эти слова дают основание предполагать, что обвинения, выдвинутые против Ильина по делу В. А. Бари, имели под собой основания и что полученные им 30 ноября 1917 г. от Бари 8000 руб. действительно предназначались для Добровольческой армии, созданной генералом М. В. Алексеевым.

³ Книга «О сущности правосознания» была издана только после смерти Ильина, в 1956 г.; книга о монархии осталась незавершенной.

⁴ Брошюра И. А. Ильина «Проблема современного правосознания» (Берлин, 1923).

⁵ Такие же фотоальбомы были отправлены 45 лицам, причем 31, в том числе и И. А. Ильину, — от имени Главнокомандующего. Среди них: вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Николай Николаевич, генералы: А. П. Кутепов, П. Н. Шатилов, Е. К. Миллер, И. А. Хольмсен, Ф. Ф. Абрамов, Е. К. Климович, П. Н. Краснов, А. С. Лукомский, П. С. Махров, Я. Д. Юзефович, А. А. фон Лампе, адмирал М. А. Кедров, а также общественные деятели: В. Н. Коковцев, А. Ф. Трепов, Н. Е. Марков, Н. В. Савич, П. Б. Струве, А. И. Гучков, Н. Н. Шебеко, В. И. Гурко, И. П. Алексинский, А. В. Карташев, Ю. И. Лодыженский,

С. Н. Третьяков, А. В. Тыркова-Вильямс. Тот факт, что И. А. Ильин, лишь год назад прибывший из России и не занимавший никакого официального положения в эмигрантских политических организациях, оказался в столь высоком окружении, свидетельствует о том, что уже осенью 1923 г. он пользовался исключительным уважением и вниманием Врангеля (*Примеч. В. Г. Бортневского*).

⁶ Некоторые слова и фразы, которые П. Н. Врангель подчеркивал карандашом, в настоящей публикации выделены курсивом. Данная записка вместе с личным письмом А. А. фон Лампе была отправлена П. Н. Врангелю «31 октября 1923 г., № 260/Л. г. Берлин, в собственные руки» и получена «27-XI-23, Вх. № 568». Приводим письмо А. А. фон Лампе полностью:

Ваше Высокопревосходительство
Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

При сем представляю на Ваше усмотрение записку, составленную профессором И. А. Ильиным. Автор записки известен Вам по его письмам к Вам, по его донесениям (о Научном институте) и, наверное, по рассказам Н. Н. Чебышева.

Я лично выше всего ставлю в Ильине его «белизну», сохраненную им в чистом виде во время пятилетнего сидения в Совдепии. Кроме того, с моей точки зрения, он выдающийся человек по его индивидуальности, энергии и даже осведомленности. К материалам, приведенным в его записке, стоит внимательно присмотреться.

Н. Н. Чебышев, с которым мы одновременно познакомились в Берлине с высланным из России Ильиным, насколько я знаю, ставит его несколько ниже, чем я; допускаю возможность, что правильная оценка его лежит посередине между взглядами Н. Н. Чебышева и моими.

Прилагаемую записку он передал мне с просьбой передать Вам, если я признаю это желательным.

Ознакомившись с содержанием записки, я не мог не обратить внимания на то, что она подтверждает многое из того, что говорил Ильин, но что я почерпал и из других источников. Так, вопрос о причинной связи действий французов в Руре и немцев в Совдепии всегда проводился Н. Н. Чебышевым, вопрос о настроениях в Советской России обрисован И. А. Ильиным совершенно тождественно с докладом недавно вырвавшегося оттуда полковника Вруна, характеристика марковских монархических кругов в Берлине и деятельность русских масонов (с которыми мне случайно пришлось соприкоснуться в последнее время) описаны совершенно так, как это кажется мне лично, кроме разве утверждения о работе масонов против династии, чего я не знаю. Таким образом, естественной явилась моя мысль, что и в остальных положениях своей записки И. А. Ильин также делает совершенно правильно свои выводы, как и в тех, которые для меня подтверждены моими источниками.

Поэтому я решил, лично переписав записку, представить ее Вам, доложив об причинах такого моего решения настоящим письмом.

Я несколько расхожусь с автором записки в оценке им деятельности кругов генерала Людендорфа в Берлине. Я боюсь, что его вывод о том, что торжество генерала приведет к подготовке переворота в Советской России, не совсем правилен. В русском вопросе Людендорф, по-видимому,

совершенно в руках руководителя «Ауфбау» Шейбнера-Рихтера, который на весь русский народ смотрит через украинскую призму. В период его пребывания в Будапеште в 1921 г., при свидании с П. Г. Архангельским в моем присутствии, он, по-видимому, убедился в том, что мы ни в коем случае не собираемся возрождать Россию через Украину, все равно какую, Василия вышиванного или «гетмана» Бискупского, чем и объясняется не только то, что Шейбнер-Рихтер, вот уже полтора года будучи со мною лично знаком, всячески сторонится меня, но и то, что с русскими он сошелся только в лице генерала Бискупского, которому решительно все равно, с кем и куда идти, лишь бы ему было хорошо, так и то, что все попытки мои так или иначе связаться с генералом Людендорфом всемерно пресекаются его окружением, думаю, что именно в лице Шейбнер-Рихтера, Бискупского и их единомышленников.

Эта задача для них облегчается, конечно, и нахождением генерала в Мюнхене, где русская колония неблагоприятна к армии «по кирил<л>изму».

В остальном записка И. А. Ильина звучит для меня убедительно и думаю, что заинтересует и Вас.

Свою записку И. А. Ильин кончает предположением, что подготовкой переворота в России не сможет заняться ни один из русских заграничных Центров, и видит эту возможность в немецких или французских кругах.

Относительно первых я отметил выше, что касается вторых, в грядущую деятельность которых больше верит, по-видимому, и сам И. А. Ильин, я не могу ничего сказать, так как далеко стою от этого дела.

Однако мне казалось бы, что таким центром в эмиграции может и должна явиться Русская армия, по собственному признанию автора записки (п. 13), свободная духом от недостатков русской эмиграции.

Прошу Вас принять уверения в абсолютном моем уважении и безграничной преданности.

Покорно Ваш А. фон Лампе.

Приложение: Записка на 11 листах (напечатана в 4 экземплярах: 1-й приложен, 2-й для автора ее, 3-й у полковника фон Лампе и 4-й запасной) (Примеч. В. Г. Бортневского).

⁷ *Слащов Яков Александрович* (1885—1929) — генерал-лейтенант, служил в Добровольческой армии, после неудачных боев его корпуса в июле 1920 г. под Каховкой подал рапорт об отставке, которая генералом Врангелем была принята. После эвакуации в Турцию выступил в печати против Главнокомандующего и его штаба. По приговору суда чести был уволен от службы без права ношения мундира. В январе 1921 г. выпустил книгу «Требую суда общества и гласности. Оборона и сдача Крыма» и вел тайные переговоры с советскими властями, закончившиеся его возвращением в Советскую Россию 21 ноября 1921 г., где он стал преподавать в военном заведении. 11 января 1929 г. был убит в помещении школы, якобы из личной мести, но скорее всего Слащова уничтожила волна репрессий, обрушившаяся на офицеров Белой армии в 1929—1930 гг. (Примеч. Ю. Т. Лисицы).

Троцкий (наст. фам. Бронштейн) *Лев Давидович* (1879—1940) — российский политический деятель. Принадлежал к наиболее радикальному

крылу в Российской социал-демократической рабочей партии. В 1917 г. — председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания. В 1917—1918 гг. — нарком по иностранным делам; в 1918—1925 гг. — нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета республики; один из создателей Красной армии, лично руководил ее действиями на многих фронтах Гражданской войны, широко использовал репрессии. В 1927 г. исключен из партии, выслан в Алма-Ату, в 1929 г. — за границу. Инициатор создания 4-го Интернационала (1938 г.). Был убит в Мексике агентом НКВД испанцем Р. Меркадером.

Каменев (наст. фам. Розенфельд) *Лев Борисович* (1883—1936) — политический деятель, революционер; в октябре 1917 г. выступал против вооруженного восстания. В ноябре 1917 г. — председатель ВЦИК. В 1918—1926 гг. — председатель Моссовета. В 1925—1927 гг. — участник «новой» (ленинградской) оппозиции. С 1933 г. — директор издательства «Academia», в 1934 г. — директор Института мировой литературы АН СССР. В 1935 г. был осужден по делу «Московского центра» на 15 лет, затем, по «Кремлевскому делу», на 10 лет; в 1936 г. был расстрелян; реабилитирован посмертно.

Буденный Семен Михайлович (1883—1973) — в Гражданскую войну — командующий 1-й Конной армией (1919—1923). В 1939—1941 гг. — заместитель наркома обороны СССР. Маршал Советского Союза (с 1935 г.). В Великую Отечественную войну (в 1941—1942 гг.) — главнокомандующий войсками Юго-Западного и Северо-Кавказского направлений, командующий Резервным и Северо-Кавказским фронтами. Один из организаторов массовых репрессий среди военных в 30—40-х годах.

⁸ *Тухачевский Михаил Николаевич* (1893—1937) — дворянин, поручик лейб-гвардии Семеновского полка, участник Первой мировой войны. С апреля 1918 г. — в Красной армии, вступил в партию большевиков, подавлял восстания в Кронштадте (март 1921 г.) и Тамбове (апрель—май 1921 г.). Маршал Советского Союза. Был репрессирован и казнен.

⁹ *Бурцев Владимир Львович* (1862—1942) — русский публицист, в 80-х годах XIX в. народоволец, антимонархист. Издавал за рубежом антиправительственные журналы. С 1906 г., находясь в Париже, разоблачил известных провокаторов Евно Азефа и Малиновского. После Февральской революции 1917 г. приехал в Петроград, где издавал газету «Общее дело». После Октябрьского переворота подвергся преследованиям со стороны большевиков и вынужден был перебраться к белым на юг России, а затем эмигрировать в Париж. И в России, и за границей вел активную антикоммунистическую пропаганду, занимался антисоветской деятельностью.

¹⁰ *Наполеон I Бонапарт* (1769—1821) — французский император в 1804—1814 гг. и в марте—июне 1815 г.

Талейран (Талейран-Перигор) (Talleyrand-Perigord) Шарль Морис (1754—1838) — французский дипломат, министр иностранных дел в 1797—1799 гг. (при Директории), в 1799—1807 гг. (в период Консульства и Империи Наполеона I), в 1814—1815 гг. (при Людовике XVIII). Один из самых выдающихся дипломатов, мастер тонкой дипломатической интриги.

Баррас (Barras) Поль (1755—1829) — один из организаторов термидорианского переворота 1794 г. (Франция). В 1792 г. избран в Конвент, примкнул к якобинцам; позднее входил в Директорию, содействовал приходу к власти Наполеона Бонапарта.

¹¹ *Комиссаров Михаил Степанович* (1870—1933) — жандармский генерал-майор. В 1917 г. был арестован и сидел в тюрьме. Освобожден якобы по настоянию большевиков. В 1920 г. выехал в Германию. В эмиграции вел большую работу по внедрению агентов ГПУ в окружение великого князя Кирилла Владимировича.

¹² *Басов* — один из матросов-анархистов, зверски убивших 6 января 1918 г. видных кадетских деятелей Кокошкина и Шингарева.

¹³ *Людendorff (Ludendorff) Эрх* (1865—1937) — немецкий генерал (с 1916 г.), один из идеологов германского милитаризма. В 1-ю мировую войну, являясь помощником генерала П. Гинденбурга, фактически руководил в 1914—1916 гг. военными действиями на Восточном фронте, а в 1916—1918 гг. — всеми вооруженными силами Германии. Участник Капповского путча 1920 г. и руководитель (вместе с Гитлером) фашистского путча 1923 г. в Мюнхене. В 1924—1928 гг. — депутат германского рейхстага от Национал-социалистической партии. Автор концепции «тотальной войны».

¹⁴ *Унилихт Иосиф Станиславович* (1879—1938) — политический деятель. В 1919 г. — нарком по военным делам Литовско-Белорусской ССР. С 1921 г. — заместитель председателя ВЧК ГПУ. С 1923 г. — член Реввоенсовета России, в 1925—1930 гг. — заместитель председателя Реввоенсовета СССР и заместитель наркомвоенмора. В 1933—1935 гг. — начальник Главного управления Гражданского воздушного флота. Был репрессирован; реабилитирован посмертно.

¹⁵ *Союз русского народа* — организация черносотенцев в России. Создана в ноябре 1905 г. с центром в Санкт-Петербурге, имела свыше 500 отделов в ряде городов. Руководители: А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков. Монархическая и шовинистическая программа содержала одновременно требования улучшить положение трудящихся, избавиться от засилия бюрократии. В 1908 г. из него выделился «Союз Михаила Архангела». В 1910—1912 гг. распался на две самостоятельные организации: «Союз русского народа» и «Всероссийский дубровинский союз русского народа».

¹⁶ *Луначарский Анатолий Васильевич* (1875—1933) — российский политический деятель, писатель, академик АН СССР (с 1930 г.). Участник Октябрьской революции в Петрограде. С 1917 г. — нарком просвещения. С 1929 г. — председатель Ученого комитета при ЦИК СССР. В 1933 г. — полпред в Испании.

¹⁷ Имеется в виду происходивший в середине 1922 г. процесс над 34 членами ЦК партии социалистов-революционеров, который «вскрыл контрреволюционную сущность партии».

¹⁸ *Бухарин Николай Иванович* (1888—1938) — известный политический деятель, большевик, теоретик, кандидат в члены Политбюро, редактор газеты «Правда».

Покровский Михаил Николаевич (1868—1932) — российский историк, политический деятель, академик АН СССР (с 1929 г.). Участник Ок-

тябрьской революции (Москва). С 1918 г. — заместитель наркома просвещения. Руководитель Коммунистической академии, Института красной профессуры. Автор «Русской истории с древнейших времен» (т. 1—5, 1910—1913), «Русской истории в самом сжатом очерке» (ч. 1—2, 1920) и др.

¹⁹ *Фуше (Fouche) Жозеф* (1759—1820) — министр полиции Франции в 1799—1802, 1804—1810 и 1815 гг. Создал разветвленную систему политического сыска, разведки и шпионажа. Беспринципный карьерист, служил республике, Наполеону I, Бурбонам.

²⁰ *Людовик XVIII* (1755—1824) — французский король из династии Бурбонов, правил в 1814—1815 и 1815—1824 гг. В период Великой французской революции — один из руководителей французской контрреволюционной эмиграции. Занял престол после падения Наполеона I.

²¹ Павел Николаевич Милуков, проживая на чужбине, находился на крайне левом крыле партии кадетов, придерживался тезиса приноравливания эмиграции к «эволюции советской системы», блокировался по многим вопросам с эсерами и народными социалистами. Попытки П. Н. Милукова опереться на представителей эмигрантских торгово-промышленных кругов особого успеха не имели. В ноябре 1923 г. секретной информацией генерала П. Н. Шатилова П. Н. Врангелю сообщалось, что несколько левых членов Лондонского торгово-промышленного комитета во главе с М. В. Брайкевичем подняли вопрос о необходимости совместной с большевиками работы по экономическому возрождению России, что, как они считали, только ускорит неминуемую мирную эволюцию советского строя и переход власти к «правым». «Я имею определенные данные, — подчеркивал П. Н. Шатилов, — указывающие, что с такими прогнозами большевики обращались и к некоторым другим лицам эмиграции. По-видимому, большевики хотят поймать на эту удочку новый тип сменовеховцев, не желающих рвать с эмиграцией и при их посредстве приобрести известное доверие в среде иностранных и финансовых кругов для упрочения международного положения и для получения так им нужных кредитов» (*Примеч. В. Г. Бортневского*).

²² *Богданов* (наст. фам. Малиновский) *Александр Александрович* (1873—1928) — политический деятель, врач, философ, экономист. Член Российской социал-демократической рабочей партии в 1896—1909 гг., большевик. С 1918 г. — идеолог Пролеткульта. Выдвинул идею создания науки об общих принципах организации — тектологии, предвосхитил некоторые положения кибернетики. С 1926 г. — организатор и директор Института переливания крови; погиб, производя на себе опыт.

²³ *Ганецкий* (наст. фам. Фюрстенберг) *Яков Станиславович* (1879—1937) — известный интернационалист, деятель польского и русского революционного движения, банкир, принимавший участие в организации возвращения Ленина в Россию в апреле 1917 г., посредник между немцами и большевиками в обеспечении последних деньгами из Германии на нужды революции.

²⁴ *Чичерин Георгий Васильевич* (1872—1936) — политический деятель. В 1918—1930 гг. — нарком иностранных дел РСФСР, СССР. Подписал Брестский мир; руководитель делегаций на Генуэзской (1922 г.), Лозаннской (1922—1923 гг.) конференциях.

²⁵ *Вирт (Wirth) Карл Йозеф* (1879—1956) — германский рейхсканцлер в 1921—1922 гг. В 1930—1931 гг. — министр внутренних дел. После 2-й мировой войны выступал за установление дружественных отношений с СССР. В 1922 г. подписал (вместе с В. Ратенау) советско-германский Рапалльский договор о восстановлении дипломатических отношений, о взаимном отказе от претензий, о торгово-экономических связях, что позволяло Германии смягчить жесткие условия Версальского договора, а СССР — получить признание еще одного европейского государства.

²⁶ *Мальцан Адольф фон* (1877—1927) — барон, возглавлял Восточный отдел Министерства иностранных дел Германии, был приверженцем Рапалльского договора и сближения с Советской Россией.

²⁷ *Форд (Ford) Генри* (1863—1947) — американский промышленник, один из основателей автомобильной промышленности США. В 1892—1893 гг. создал первый автомобиль с 4-тактным двигателем (марка «Форд»), в 1903 г. основал автомобильную компанию «Форд мотор», ставшую одной из крупнейших в мире. На своих заводах широко внедрил систему поточно-массового производства

²⁸ «Ара» (сокращение от American Relief Administration — Американская администрация помощи) — организация, созданная в 1919 г. для оказания помощи пострадавшему от Первой мировой войны населению европейских стран. Возглавлялась Г. Гувером.

²⁹ *Гувер Герберт Кларк* (1874—1964) — 31-й президент США (1929—1933) от республиканской партии. В 1919—1923 гг. — руководитель АРА, в 1921—1928 гг. — министр торговли.

³⁰ См. примеч. 124 к воспоминаниям Ильина «Встречи и беседы».

³¹ *Лизис* — здесь: постепенная стабилизация ситуации.

³² Что это за организация, неизвестно.

³³ В тот период времени Ильин весьма положительно оценивал опыт противостояния коммунистам, который осуществил в Италии Б. Муссолини, и надеялся на русский фашизм как на силу, которая может спасти Россию от большевизма.

³⁴ *Красин Леонид Борисович* (1870—1926) — политический деятель. Инженер. В 1903—1907 гг. — член ЦК РСДРП. В 1918 г. — член, Президент ВСНХ, нарком торговли и промышленности. В 1919 г. — нарком путей сообщения, член РВСР. С 1920 г. — нарком внешней торговли, одновременно полпред и торгпред в Великобритании (в 1924 г. — во Франции).

³⁵ *Винавер Максим Моисеевич* (1863—1926) — юрист, один из основателей партии кадетов, ведущий деятель еврейских организаций, депутат 1-й Государственной думы, в эмиграции с 1919 г., стоял у истоков создания так называемого Временного комитета для защиты русских интересов за границей, сотрудник милюковской газеты «Последние новости».

³⁶ *Ассасин (фр.)* — убийца.

³⁷ *Сименс (Siemens) Эрнст Вернер* (1816—1892) — немецкий электротехник и промышленник, иностранный член-корреспондент Петербургской АН (с 1882 г.). Основатель и главный владелец электротехнических концернов «Сименс и Гальске», «Сименс и Шуккерт» и др. Создал электромашинный генератор с самовозбуждением (1867 г.) и др.

³⁸ Бикерман Иосиф Менашеевич (1860—1942) — журналист, публицист.

Ландау Григорий Адольфович (1877—1941) — журналист, до революции активно печатался в различных журналах, в 1920 г. бежал с семьей в Финляндию, за границей работал в газете «Руль».

Мандель В. С. — журналист и публицист, автор работы «Консервативные и разрушительные элементы в еврействе», напечатанной в сборнике «Россия и евреи» (Берлин, 1924).

³⁹ Д. С. Пасманик был одним из членов созданного в 1921 г. в Париже правополиберального Русского национального комитета, в котором неоднократно выступал в защиту монархического строя в освобожденной от большевиков России. Так, на заседании 25 мая 1923 г. он заявил: «Теперь в России речи нет о каком-нибудь либерализме. Нужна диктатура. Пора прекратить игру в жмурки. Говоря о возглавлении великого князя Николая Николаевича, мы, конечно, говорим о монархическом образе правления». В конце 1923 г. Д. С. Пасманик, И. М. Бикерман и ряд других общественных деятелей создали Отечественное объединение русских евреев за границей. В начале 1924 г. это Объединение выпустило в берлинском издательстве «Основа» сборник «Россия и евреи», в который вошли статьи Д. С. Пасманика, И. М. Бикермана, Г. А. Ландау, В. С. Манделя, И. О. Левина и Д. О. Линского. Авторы безоговорочно поддерживали активную борьбу против большевиков за возрождение России. Как утверждал в своей статье Д. С. Пасманик, «в самой России — еврейство сильно правее и готово примириться даже с режимом Николая II, лишь бы освободиться от Ленина и Троцкого. Еще и еще раз подчеркиваю: антитеза широких еврейских масс гласит не “большевизм — монархия”, а “большевизм — погромы”, не 1923—1917, а 1923—1919» (С. 227). В 1992 г. все статьи этого примечательного сборника были перепечатаны саратовским журналом «Волга» (№ 3—6) (Примеч. В. Г. Бортневского).

⁴⁰ Пуанкаре Раймон (1860—1934) — президент Франции в 1913—1920 гг., премьер-министр в 1912, 1922—1924, 1926—1929 гг.

⁴¹ Имеется в виду доклад Ильина «Государственный смысл Белой армии», произнесенный им в Берлине 19 ноября 1923 г. на вечере, посвященном шестилетней годовщине основания Добровольческой армии.

⁴² Русские в Галлиполи: Сб. статей, посвященных пребыванию 1-го армейского корпуса Русской армии в Галлиполи. Белград, 1923.

⁴³ Имеется в виду Манифест от 31 августа 1924 г., в котором великий князь Кирилл Владимирович объявил себя «Императором Всероссийским».

⁴⁴ «Общественное мнение — сила невидимая, таинственная, перед которой ничто не может устоять; нет ничего более переменчивого, более туманного и более мощного, но и при всей своей капризности общественное мнение оказывается правым, разумным и справедливым гораздо чаще, чем принято думать» (Примеч. В. Г. Бортневского).

⁴⁵ «Вот как получилось, что при реставрации, которую столь плохо провели в жизнь, дело дошло до того, что цареубийцы приобрели популярность, то есть именно те люди, которых еще совсем незадолго до этого большая часть нации отвергла» (Примеч. В. Г. Бортневского).

⁴⁶ Имеется в виду выступление генерала Корнилова в августе 1917 г.

⁴⁷ *Филоненко Максимилиан Максимилианович* (1886—1950) — штабс-капитан, член партии эсеров, комиссар в армии Корнилова, с 1919 г. — в эмиграции.

⁴⁸ *Философов Дмитрий Владимирович* (1872—1940) — критик и публицист. Близкий друг Д. Мережковского и З. Гиппиус, вместе с которыми он стал основателем движения «новое религиозное сознание». Был со-редактором Мережковского в журнале «Новый путь», позже стал его соавтором по книге «Царство Антихриста» (1921). В эмиграции — редактор варшавской газеты «За свободу!», основанной Б. В. Савинковым.

⁴⁹ Врангель находился в Берлине с 11 по 17 декабря 1924 г.

⁵⁰ Имеется в виду статья Ильина «О нашем политическом лике».

⁵¹ *Котляревский Николай Михайлович* (1890—1966) — личный секретарь генерала П. Н. Врангеля.

⁵² Имеется в виду великий князь Кирилл Владимирович.

⁵³ Далее в этом письме под «великим князем» подразумевается великий князь Николай Николаевич.

⁵⁴ Имеются в виду два враждебных лагеря — Германия и ее союзники, с одной стороны, и Антанта, — с другой.

⁵⁵ *Шлезингер Г.* — банкир, бывший глава Московского купеческого банка.

⁵⁶ Восточная Европа (*нем.*).

⁵⁷ Речь идет о провокациях в Берлине против председателя II отдела РОВС, генерала А. А. фон Лампе, и С. Д. Боткина, возглавлявшего Организацию по защите интересов русских беженцев в Германии. Провокации были делом рук большевистских агентов и использовались местными властями. Клеветнические статьи депутата рейхстага Кенкеля о том, что русское военное представительство ведет якобы шпионаж в пользу Франции, были опубликованы в Мариенверде и Галле. Причем, как писал Врангелю фон Лампе 25 июня 1925 г., «к этому делу примазываются и “кириллисты”... из числа большевистских агентов, окружающих Кенкеля, есть и официально причисляющие себя к “верноподданным”. Такое смешение понятий, по местной обстановке, да думаю, что и по той, которая царит у Вас, вполне понятно!» (*Примеч. В. Г. Бортневского*).

⁵⁸ См.: *Ильин И. А.* Нечестивые споры // *Возрождение*. 1925. № 128. 8 октября. Вероятно, начальное название статьи было «Нечестные споры».

⁵⁹ См.: *Установленный порядок* // *Дни*. 1925. № 823. 10 октября.

⁶⁰ *С. Х. С.* — Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия).

⁶¹ Идея создания «ордена» принадлежит офицеру Добровольческой армии А. Дисскому, опубликовавшему с помощью В. Х. Даватца статью «Утопическая идея и ее реальное осуществление» в ежемесячном военно-эмигрантском журнале «Корниловец» (Тулово (Болгария). 1922. № 2) (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁶² Имеется в виду статья «Большевики о вооруженной борьбе с ними», подписанная инициалом С. (*Возрождение*. 1925. № 192. 11 декабря), которая посвящена пятилетней годовщине занятия Крыма советскими войсками.

⁶³ *Терсит* — древнегреческий воин, участвовавший в Троянской войне, который выступил на собрании войска против алчности Агамемнона, т. е. показал себя мелочным человеком, не ценящим доблести своего вождя.

⁶⁴ Имеется в виду подготовка Российского Зарубежного съезда.

⁶⁵ Речь идет о статье Ильина «О нашем политическом лике: (Отрывок из частного письма)», опубликованной во 2-м номере журнала «Вестник главного правления Общества галлиполийцев» (издавался в Белграде в 1923—1926 гг.).

⁶⁶ Имеются в виду книги: *Даватц В. Х., Львов Н. Н.* Русская армия на чужбине. Белград, 1923; *Даватц В. Х.* Годы: очерки пятилетней борьбы. Белград, 1924.

⁶⁷ Имеется в виду генерал-майор А. А. фон Лампе, возглавлявший II отдел РОВСа. Согласно распоряжению П. Н. Врангеля, членам РОВСа запрещалось участвовать в политических партиях, поэтому на Российском зарубежном съезде они могли присутствовать только как частные лица.

⁶⁸ Один из псевдонимов Ильина.

⁶⁹ *Шатилов Петр Николаевич* (1881—1962) — генерал от кавалерии; генеральское звание было присвоено за успешную эвакуацию Добровольческой армии из Крыма в ноябре 1920 г. С 1924 по 1934 г. — начальник 1-го отдела РОВСа во Франции.

⁷⁰ *Палеолог Сергей Николаевич* (1877—1933) — потомственный дворянин Херсонской губернии, юрист, служил в Министерстве внутренних дел, был в правительстве генерала А. И. Деникина на Юге России. С 1920 г. в Югославии — первый председатель беженской колонии, принимал участие в качестве почетного члена на Карловацком Соборе, сотрудничал в «Новом времени», автор имевшей успех книги «Около Власти. Очерки пережитого» (Белград, б/г <1930>) (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁷¹ Речь идет о поступающей из Советского Союза информации об арестах и судебных процессах над «белогвардейскими террористами» и о нежелании редакции «Возрождения» и «России» ставить вопрос о причине провала боевой работы, которая возглавлялась генералом А. П. Кутеповым по поручению великого князя Николая Николаевича. 8 октября 1927 г. вышел в свет № 41 (126) парижского журнала «Иллюстрированная Россия», значительную часть его составил разоблачительный материал В. Л. Бурцева, в подготовке которого принимали негласное участие И. А. Ильин и А. И. Гучков. От Бурцева сразу же отмежевалась редакция «Борьбы за Россию», в которой он состоял, заявив, что не несет никакой ответственности за данную публикацию. П. Б. Струве отмечал в своей газете «Россия», что «отрицательные легенды могут быть так же вредны, как и положительные», выступал против «легковерного приятия легкомысленных разоблачений». «Необходимо строго учитывать ошибки. Не следует, однако, падать духом», — рассуждал Н. Н. Чебышев в «Возрождении». «Наши активисты не понимают того, что дело не в том, кто и для чего конспирирует», — резонно подчеркивалось в передовой статье «Последних новостей» (Россия. 1927. 15 октября; Возрождение. 1927. 20 октября; Последние новости. 1927. 20 октября) (*Примеч. В. Г. Бортневского*).

⁷² Псевдоним Ильина.

⁷³ *Кривошеин Александр Васильевич* (1857—1921) — российский государственный деятель, в 1906—1908 гг. — товарищ министра финансов,

управляющий Дворянским и Крестьянским банками. С 1906 г. — член Государственного Совета, в 1908—1915 гг. — главноуправляющий землеустройством и земледелием. Руководил проведением столыпинской реформы. В 1920 г. — глава «Правительства Юга России», затем — в эмиграции.

⁷⁴ Эта загадочная фраза касается секретных переговоров с представителями финансовых и политических кругов Германии о поддержке генерала Врангеля, которые по его поручению вели А. А. фон Лампе и И. А. Ильин. В архивной коллекции П. Н. Врангеля сохранилась данная им инструкция по ведению этих переговоров, датированная 15 февраля. В ней обосновывалась необходимость переориентации русской ставки в Германии с «красной» на «белую», оказания материальной и политической поддержки законспирированному Зарубежному русскому центру (при полном, однако, исключении содействия иностранной разведке со стороны этого центра)» (*Примеч. В. Г. Бортневского*).

⁷⁵ В начале марта 1928 г. А. А. фон Лампе посетил генерала Врангеля в Брюсселе вместе с важным посредником в переговорах, проходящим в переписке как «Феттер». Генерал Врангель и его доверенные лица предполагали заинтересовать собеседника имевшейся якобы реальной возможностью получения ими помощи из Англии и сыграть тем самым на обострившемся в то время англо-германском соперничестве за влияние на русские антибольшевистские круги. Идентичная оценка результатов брюссельских переговоров была дана генералом Врангелем в его письме к П. Н. Шатилову от 5 марта 1928 г. (*Примеч. В. Г. Бортневского*).

⁷⁶ Свои «Записки» генерал П. Н. Врангель закончил 30 декабря 1923 г. и долго искал издателя, но выгодного для дела не нашел. Решено было напечатать их в 5-м томе «Белого дела». Врангель тщательно редактировал «Записки», многое смягчил, за бортом осталось около 160 страниц, которые, по его завещанию, были сожжены. См. подробно об этом статью: *Карпенко Сергей*. Судьба «Записок» генерала Врангеля // Новый журнал. Нью-Йорк, 1997. № 207. С. 211—232 (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁷⁷ См.: *Дрейер В. Н., фон*. Крестный путь во имя Родины. Берлин, 1921.

⁷⁸ См.: *Раковский Г. Н.* Конец белых: от Днепра до Босфора. Прага, 1921.

⁷⁹ См.: *Валентинов А. А.* Крымская эпопея / Под ред. И. В. Гессена // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 5. С. 5—100.

⁸⁰ См.: *Оболонский В. А.* Крым при Врангеле / Под ред. С. П. Мельгунова // На чужой стороне: Историко-литературный сборник. Берлин, 1925. № 9. С. 5—56.

⁸¹ Автограф хранится в коллекции Н. М. Котляревского в частном архиве Апраксиных (Бельгия). Впервые письмо опубликовано П. Г. Паламарчуком в книге «Крестный путь Русской армии генерала Врангеля» (Рыбинск, 1996. С. 15).

⁸² Автограф находится в Архиве И. А. Ильина. На письме пометки Ильина: «Черновик Ольге Мих<айловне> Врангель после смерти ее мужа».

⁸³ Следующий кусок текста в письме вычеркнут: «и на тех, кто вчера еще был безразличны, и на тех, которые двусмыслием и нашептами прибавили ему, вижу, что».

⁸⁴ Вычеркнуто: «мнимые величины».

⁸⁵ Вычеркнуто: «унижает и».

⁸⁶ Далее вычеркнута целая строка: «Наталия Николаевна и я — трепетно ждали известий каждый день».

Из переписки И. А. Ильина и И. С. Шмелева

Коллекция писем И. А. Ильина к И. С. Шмелеву и И. С. Шмелева к И. А. Ильину, хранящаяся в Архиве И. А. Ильина в библиотеке Мичиганского университета (США), впервые опубликована в трех томах продолжающегося Собрания сочинений И. А. Ильина (публикация Ю. Т. Лисицы): *Ильин И. А. Собр. соч. Переписка двух Иванов. Т. 1 (1927—1934); Т. 2 (1935—1946); Т. 3 (1947—1950).* М., 2000. Предлагаемая подборка писем воспроизводится по последнему изданию.

¹ Имеется в виду эпопея И. С. Шмелева «Солнце мертвых», опубликованная в альманахе «Окно» (Париж, 1923).

² Высота мира (лат.).

³ «Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю» (слова Ивана Карамазова; *Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. II. Кн. V. Гл. IV.*).

⁴ *Ильин И. А. О путях России // Перезвоны. 1927. № 32. С. 1010—1013. «Перезвоны» — литературно-художественный журнал, издававшийся в Риге в 1925—1929 гг.*

⁵ Что это за публикация Шмелева, неясно.

⁶ Безвозвратно, без отдачи (фр.).

⁷ Речь идет о планах издания журнала «Русский колокол».

⁸ Имеется в виду книга Шмелева «Степное чудо. Сказки» (Париж, 1927).

⁹ См.: *Шмелев И. С. Жестокая утрата. Светлой памяти Юлия Исаевича Айхенвальда // Возрождение. 1928. № 1300. 23 декабря.*

¹⁰ Имеется в виду статья Бердяева «Кошмар злого добра» (см. в наст. изд.).

¹¹ Имеется в виду Русский научный институт в Берлине.

¹² *Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939)* — русский поэт. С 1922 г. — в эмиграции. В стихах, сочетающих традицию русской классической поэзии с мироощущением человека XX в., — трагический конфликт свободной человеческой души и враждебного ей мира, стремление преодолеть разорванность сознания в гармонии творчества. С 1927 по 1939 г. возглавлял литературный отдел газеты «Возрождение».

¹³ Книга Айхенвальда «Пушкин» была издана в 1908 г.

¹⁴ Это и следующее письмо — выразительный пример шутливых посланий, которыми обменивались Ильин и Шмелев.

¹⁵ *Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942)* — русский поэт-символист. В стихах — культ «Я», игра мимолетностей, противопоставление «железному веку» первозданно целостного «солнечного» начала; музыкальность. В 1920 г. эмигрировал.

¹⁶ Плохой народ (*греч.*).

¹⁷ Имеется в виду жена И. С. Шмелева.

¹⁸ См.: Ильин И. А. Искусство Шмелева // Возрождение. 1933. № 2978. 28 июля.

¹⁹ Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — российский историк, академик (с 1900 г.), почетный академик (с 1908 г.) Петербургской АН. Автор трудов: «Курс русской истории» (ч. 1—5, 1904—1922), «Боярская дума Древней Руси» (1882), по истории крепостного права, сословий, финансов, историографии.

²⁰ Афон (Айон-Орос, святая гора) — восточная оконечность полуострова Халкидики на северо-востоке Греции, центр православного монашества. Включает 20 монастырей.

²¹ Cum grano salis (*лат.*) — букв. «с крупицей соли»; с умом, с легкой иронией.

²² Лк. 2: 14.

²³ Wahlfahrt nach Brot (*нем.*) — паломничество за хлебом.

²⁴ Dichter und Schriftsteller (*нем.*) — поэтов и прозаиков.

²⁵ Книга «Богомолье» была впервые издана в Белграде в 1935 г., «Лето Господне» — также в Белграде, в 1933 г.

²⁶ Из одноактной драмы А. С. Пушкина «Моцарт и Сальери».

²⁷ На полях напротив этого абзаца стоит знак «?!».

²⁸ Всякого хотят лишить разума (*лат.*).

²⁹ См.: Ильин И. А. Как я встречался с Чеховым // Возрождение. 1934. № 3343. 29 июля.

³⁰ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941) — русский писатель, религиозный философ. Работа Мережковского «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы» (1893) — эстетическая декларация русского декадентства. В романах и пьесах, написанных на историческом материале, осмысление мировой истории как вечного борения «религии духа» и «религии плоти». С 1920 г. — в эмиграции.

Ремизов Алексей Михайлович (1877—1957) — русский писатель. В 1921 г. эмигрировал.

³¹ В гестапо Ильина спрашивали в числе другого и об его отношении к отделению Украины от России.

³² Ильину было предложено вести антисемитскую пропаганду в Русском научном институте в Берлине. Он отказался и именно за это был уволен.

³³ Имеется в виду брошюра «Лжеучители. Документы и мысли о высылке ученых из Советской России в 1922 г.» (Берлин, <1934>), автор которой скрыл свое имя под псевдонимом «Соборянин».

³⁴ См. фрагмент № 22 из воспоминаний Ильина «Встречи и беседы», а также примеч. 35 к этим воспоминаниям.

³⁵ Оппоненты Ильина на защите его магистерской диссертации в 1918 г. — проф. П. И. Новгородцев и проф. Е. Н. Трубецкой — оба были кадетами.

³⁶ Имеется в виду главный герой романа Шмелева «Человек из ресторана».

³⁷ Ответ на сомнения Шмелева по поводу некоторых суждений Ильина о его творчестве, содержащихся в присланных Шмелеву фрагментах книги (позже книга получит название «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин—Ремизов—Шмелев» и будет издана только в 1959 г.).

³⁸ Мифологические воплощения злых, дьявольских сил в образах змеи и ящерицы.

³⁹ Имеется в виду история пророка Даниила (он был брошен по навету завистников в львиный ров, откуда его спас Господь; Дан. 6: 16) и апостола Петра (иудейский первосвященник и саддукеи заключили его и других апостолов в тюрьму, но ангел освободил их; Деян. 5: 17—20).

⁴⁰ *Львов Лоллий Иванович* (1888—1967) — поэт, журналист, критик, постоянный сотрудник всех изданий П. Б. Струве в эмиграции.

⁴¹ *Иоанн Златоуст* (между 344 и 354—407) — один из главных отцов Церкви, византийский церковный деятель, епископ Константинополя (с 398 г.), представитель греческого церковного красноречия. С именем Иоанна Златоуста связана наиболее распространенная литургия. В Византии и на Руси был идеалом проповедника и неустрашимого обличителя (в том числе для Аввакума); канонизирован Русской Православной Церковью.

⁴² Начиная с этого места, текст письма отмечен синим карандашом.

⁴³ *Розенберг (Rosenberg) Альфред* (1893—1946) — главный редактор (с 1923 г.) печатного органа национал-социалистской партии «Фелькишер беобахтер», один из идеологов фашизма. С 1933 г. — руководитель внешнеполитического отдела партии, с 1941 г. — министр оккупированных восточных территорий. Как один из главных немецко-фашистских военных преступников казнен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге.

⁴⁴ В г. Сремски Карловац прошло несколько Соборов Русской Зарубежной Церкви. Самые известные из них — Соборы 1921 и 1924 гг., на которых великий князь Кирилл Владимирович был признан законным императором в изгнании.

⁴⁵ Рахманинов заплатил швейцарским властям денежный залог в 4000 швейцарских франков, что позволило Ильину въехать в страну и тем самым уйти от преследований гестапо в Германии.

⁴⁶ «Наступление на Восточную церковь» (нем.).

⁴⁷ Здесь кончается выделенный синим карандашом текст.

⁴⁸ Отсюда и до конца текст вновь выделен синим карандашом на полях.

⁴⁹ Рассказ Шмелева «Трапезондский коньяк».

⁵⁰ Имеется в виду Деникин.

⁵¹ Денежный залог.

⁵² Из Канона в честь Пресвятой Богородицы.

⁵³ *Дмитрий* — великомученик, миротворец, родом из Солуны, пострадал в царствование Максимиана, в 304 г. Память празднуется 26 октября.

⁵⁴ *Бакшеев Василий Николаевич* (1862—1958) — русский живописец, автор жанровых картин.

Антон Сергей Николаевич (1884—1956) — русский художник и архитектор.

Климов Евгений Евгеньевич (1901—1990) — художник и историк русского искусства, друг Ильина.

⁵⁵ Обуза (*фр., разг.*).

⁵⁶ Пс. 50.

⁵⁷ Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон».

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Имеются в виду книги, которые были написаны первоначально на немецком языке; первая из них была переведена на русский самим автором и получила название «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний», вторая осталась только в немецком варианте, в русском переводе она издана в собрании сочинений Ильина под названием «Взгляд в даль. Книга размышлений и упований».

⁶⁰ *Тарле Евгений Викторович* (1874—1955) — российский историк, академик АН СССР (с 1927 г.). В 1930—1934 гг. был репрессирован. Лауреат Государственной премии СССР (1942, 1943 и 1946 гг.).

Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962) — российский историк, академик АН СССР (с 1930 г.). Автор трудов по истории социалистических и коммунистических идей домарковского периода. Получил Ленинскую премию (1961 г.).

⁶¹ *Алексий I* (в миру — Сергей Владимирович Симанский; 1877—1970) — патриарх Московский и всея Руси с 1945 г. В 1943—1945 гг. — митрополит Ленинградский и Новгородский. Возглавил миротворческое движение Русской Православной Церкви.

⁶² Зная причины (*фр.*).

⁶³ *Пританей* — в Древней Греции здание для заседания совета старейшин (пританов). Обед в Пританее был особой почестью.

⁶⁴ Имеются в виду Антон Владимирович Карташев и Антон Иванович Деникин.

⁶⁵ Шарлотта Максимилиановна Барейсс, жена богатого американца Конрада Барейсса, была поклонницей творчества Шмелева и помогала ему материально.

⁶⁶ «Галльская война» (*лат.*) — название известного сочинения Цезаря.

⁶⁷ Главная часть этой книги Ильина посвящена анализу творчества Шмелева.

⁶⁸ *Бунин Иван Алексеевич* (1870—1953) — русский писатель, почетный академик Петербургской АН (с 1909 г.). В 1920 г. эмигрировал. Умер в Париже.

⁶⁹ Герой романа Шмелева «Пути небесные».

⁷⁰ *Ренан (Renan) Жозеф Эрнест* (1823—1892) — французский писатель. В «Истории происхождения христианства» (кн. 1—8, 1863—1883) изображал Иисуса Христа исторически существовавшим проповедником. Критикуя Библию, пытался рационализировать все сверхъестественное. Труды по востоковедению, философские драмы.

⁷¹ *Salto vitale (ит.)* — парафраз к выражению «salto mortale» (*букв.* «смертельный переворот»).

⁷² Ильин имеет в виду свое первое письмо к Шмелеву от 19.01.1927.

⁷³ «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда...» — из поэмы А. С. Пушкина «Цыганы».

⁷⁴ Книга И. А. Бунина.

⁷⁵ «Недотроги» (фр.).

⁷⁶ В последние годы жизни Бунин пошел на сближение с Советской Россией и даже думал о возвращении на родину.

⁷⁷ *Лесков Николай Семенович* (1831—1895) — русский писатель. Критикуя современные социальные отношения, живописуя традиционный бытовой уклад и оправдывая укорененность христианской веры в России, воссоздает реальность в парадоксальном преломлении (трагическом, идиллическом или анекдотическом) ее разнородных начал. Разнородная жанровость и образность (документальность, автобиографизм, миф и гротеск) воплощаются в разнообразные формы сказа с красочным обилием идиолектов.

⁷⁸ *Фён и зона* — ветры.

⁷⁹ Имеется в виду Нина Ивановна Ильина — жена Василия Сергеевича Ильина, двоюродного брата И. А. Ильина. Проживала в Праге и была духовной дочерью о. Сергия (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁸⁰ См. примеч. 139 к воспоминаниям Ильина «Встречи и беседы».

⁸¹ *Розанов Василий Васильевич* (1856—1919) — русский писатель, публицист и философ. Его бессюжетная, эссеистско-дневниковая проза представляет собой нерасчлененный сплав бытового и философского, политического и интимного, трагического и «пошлого». Религиозно-экзистенциальное умонастроение сочетается с критикой христианского аскетизма, апофеозом семьи и пола, в стихии которого Розанов видел первооснову жизни; культ национальных истоков. Автор литературно-критических работ о Н. В. Гоголе, Ф. М. Достоевском, М. Ю. Лермонтове.

⁸² *Зеелер Владимир Феофилович* (1874—1954) — юрист, политический деятель, генеральный секретарь Союза русских писателей в Париже, издатель газеты «Русская мысль».

⁸³ Возглас священника на утрне, после которого поется Великое Слословие.

⁸⁴ *Зайцев Борис Константинович* (1881—1972) — русский писатель. Его рассказы и повести, отмеченные импрессионистичностью, пронизаны чувством мистического единения человеческого и природного миров. С 1922 г. — в эмиграции.

⁸⁵ *Нольде Борис Эммануилович* (1876—1948) — юрист; с 1919 г. — в эмиграции.

⁸⁶ Помочь кому-нибудь (фр.).

⁸⁷ *Сикорский Игорь Иванович* (1889—1972) — российский и американский авиаконструктор и промышленник. Родился в России, с 1908 г. строил самолеты, в том числе первые в мире 4-моторные самолеты «Русский витязь» и «Илья Муромец». В 1919 г. эмигрировал в США (в 1923 г. основал фирму), где под его руководством были созданы пассажирские и военные самолеты и вертолеты.

⁸⁸ *Эрупция* — взрывной процесс.

⁸⁹ *Маковский Сергей Константинович* (1877—1962) — русский художественный критик, поэт, издатель. В искусствоведческих работах отри-

цал мертвенность академизма и ультрановаторские течения авангардизма. В 1909—1917 гг. — редактор журнала «Аполлон». С 1920 г. — в эмиграции (Прага, Париж).

⁹⁰ Конфедерация французских рабочих-христиан (*фр.*).

⁹¹ Присоединенный (*фр.*).

⁹² Письменное обязательство о приеме въезжающего в страну (*англ.*).

⁹³ *Виталий (Максименко)* (1873—1960) — архиепископ Детройтский Русской Зарубежной Церкви, основатель Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

⁹⁴ *Серафим* (в миру — Леонид Георгиевич Иванов) — настоятель монастыря преп. Иова Почаевского на Пряшевской — Прикарпатской Руси, издатель газеты «Православная Русь». После войны монастырь и издательство переехали в Джорданвилль (США).

⁹⁵ См.: *Шмелев И. С.* Памяти непреклонного // Русская мысль. 1947. № 18. 16 августа.

⁹⁶ Имеются в виду мемуары А. И. Деникина.

⁹⁷ *De mortuis aut bene, aut nihil* (*лат.*) — о мертвых — либо хорошее, либо — ничего.

⁹⁸ Имеется в виду статья Шмелева «800 лет Москвы».

⁹⁹ «*Рубеж*» — журнал выходивший в Харбине с 1927 по 1945 г.

¹⁰⁰ *Пикфорд (Pickford) Мэри* (1893—1979) — американская киноактриса. Мировую известность получили фильмы, в которых Пикфорд варьировала сентиментальный образ скромной, добродетельной девушки-подростка.

¹⁰¹ Национальный парк в Калифорнии.

¹⁰² В России.

¹⁰³ Бесплатно (*лат.*).

¹⁰⁴ *Депримирующая* (от *фр.* *deprimant*) — подавляющая.

¹⁰⁵ От *лат.* *anticipatio* — предвосхищение.

¹⁰⁶ *Минеи Четыи* (от *греч.* *menaios* — месячный, *слав.* — чтения) — сборники, содержащие жития святых, изложенные в порядке празднования их памяти по православному церковному календарю, а также тексты церковных служб годового круга. Наибольшим распространением пользовались «Великие Минеи Четыи» митрополита Макария и Минеи Четыи Димитрия Ростовского.

¹⁰⁷ Псевдоним В. И. Иванова.

¹⁰⁸ Ильин был поборником старой орфографии и его раздражало название журнала, написанное через «е» вместо «ять» (*Примеч. А. Е. Климова*).

¹⁰⁹ О каком журнале идет речь, неясно.

¹¹⁰ *Левицкий Дмитрий Александрович* (1907—?) — деятель Народно-трудового союза, член Конгресса освобождения народов России.

¹¹¹ Имеются в виду США.

¹¹² В письме от 28.01.1948 Шмелев писал Ильину: «Вы — в моих путях — даны-посланы про-мы-сли-тельно. Знаете, Ваши пи-сьма — великое богатство (нет, Вы не знаете!) — какое чудесное наследство... — и для скольких же!... что за россыпи!...» и т. д.

¹¹³ Imponderable (фр.) — неуловимый.

¹¹⁴ Суппозиторий (лат. suppositorius — подставной) — мед. «свечка», форма лекарства для введения в прямую кишку.

¹¹⁵ В предыдущем письме Ильину Шмелев жаловался на то, что у него возникли трудности с получением американской визы.

¹¹⁶ См.: Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями // Собр. соч.: В 7 т. М., 1967. Т. 6. С. 211.

¹¹⁷ Куэ Эмиль (1857—1926) — французский фармацевт, предложивший метод психотерапии, заключающийся в частом повторении формулы: «С каждым днем мое душевное и телесное здоровье становится все лучше и лучше во всех отношениях».

¹¹⁸ Главный герой романа Шмелева «Пути небесные».

¹¹⁹ Лафатер Иоганн Каспар (1741—1801) — швейцарский писатель и философ, с 1768 г. до кончины — пастор в Цюрихе.

¹²⁰ В предыдущем письме Шмелев писал Ильину о череде неприятностей, преследующих его, и об охватившем его в связи с этим отчаянии.

¹²¹ См. примеч. 65.

¹²² Бенеш (Beneš) Эдуард (1884—1948) — государственный деятель Чехословакии. В 1918—1935 гг. — министр иностранных дел, в 1935—1938 гг. — президент, во время 2-й мировой войны — президент в эмиграции (с 1940 г.), в 1946—1948 гг. — президент Чехословакии.

¹²³ Готвальд (Gottwald) Клемент (1896—1953) — генеральный секретарь ЦК КП Чехословакии (КПЧ) в 1929—1945 гг., председатель КПЧ с 1945 г.; президент Чехословакии с 1948 г. В 1938—1945 гг. — в СССР, возглавлял заграничный руководящий центр КПЧ. В 1946—1948 гг. — председатель правительства Чехословакии.

¹²⁴ (Формальный) повод к войне (лат.).

¹²⁵ Имеется в виду Лоллий Иванович Львов.

¹²⁶ Мельгунов Сергей Петрович (1879/1880—1956) — российский историк, публицист буржуазно-либерального направления. Редактор журнала «Голос минувшего». Автор трудов по истории Церкви, русской общественной мысли и революционного движения, а также русского студенчества. После 1917 г. — в эмиграции.

¹²⁷ Эфиальт — предатель, показавший Ксерксу тайный проход к Фермопилам, из-за чего погиб отряд греков, возглавлявшийся Леонидом Спартакским.

¹²⁸ Splendide (фр., англ.) — великолепный, замечательный, первоклассный.

¹²⁹ Имеется в виду статья Ильина о «Богомолье» Шмелева для газеты «Возрождение»; она так и не была опубликована.

¹³⁰ Куприн Александр Иванович (1870—1938) — русский писатель. В 1919—1937 гг. — в эмиграции, в 1937 г. вернулся на родину.

¹³¹ Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — русский писатель, член-корреспондент Петербургской АН (с 1856 г.). В автобиографической книге «Семейная хроника» (1856) и «Детские годы Багрова-внука» (1858) нарисована панорама «усадебной» жизни конца XVIII в., описаны формирование детской души, проникновенная поэзия природы.

¹³² *Салтыков (Салтыков-Щедрин) Михаил Евграфович* (наст. фам. Салтыков; псевд. Н. Щедрин; 1826—1889) — русский писатель-сатирик, публицист. В 1868—1884 гг. — редактор журнала «Отечественные записки» (до 1878 г. совместно с Н. А. Некрасовым). Творчество Салтыкова, сочетая публицистичность и художественность, воссоздало гротескно-сатирический образ мира русской бюрократии как порождения самодержавно-крепостнического строя. В книге очерков «За рубежом» (1880—1881) Салтыков высмеивал как политическое устройство и общественные нравы Европы, так и историческую отсталость России, стремясь осмыслить ее судьбу.

¹³³ *Горький Максим* (псевд.; наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868—1936) — русский писатель, публицист. В публицистической книге «Несвоевременные мысли» (отдельное издание 1918) резко критиковал взятый В. И. Лениным курс на революцию, утверждал ее преждевременность, разрушительные последствия. За границей и после возвращения в Россию оказывал большое влияние на формирование идейно-эстетических принципов советской литературы.

¹³⁴ *Шельтинг Александр фон* (1894—1963) — социолог. Родился в Одессе. Работал в США, профессор Колумбийского университета. В 1948—1950 гг. — сотрудник ЮНЕСКО, с 1954 г. — профессор социологии в Цюрихе. Автор книги «Россия и Европа в русском историческом мышлении» (1948).

И. А. Ильин

Письма к различным лицам

Впервые достаточно полное собрание писем Ильина к различным корреспондентам опубликовано в двухтомнике: *Ильин И. А. Собр. соч. Дневник. Письма. Документы* (1903—1938). М., 1999. С. 99—112, 314—370; *Ильин И. А. Собр. соч. Письма. Мемуары* (1939—1954). М., 1999. С. 7—244. Настоящая подборка писем воспроизводится по последнему изданию.

¹ *Гуревич* (урожд. Ильина) *Любовь Ивановна* — родная тетка И. А. Ильина.

³ *Ильин Александр Иванович* (1851—1921) — присяжный поверенный, крестник императора Александра II, землевладелец в Рязанской губернии, толстовец. При Советской власти работал начальником канцелярии Московского университета. Умер 20 ноября 1921 г. от кровоизлияния в мозг на 71-м году жизни. Похоронен на Введенском кладбище.

³ Эту книгу, которая в конце концов получила название «Аксиомы религиозного опыта», Ильин писал всю оставшуюся жизнь.

⁴ *Готье Юрий Владимирович* (1873—1943) — историк, профессор Московского университета, директор библиотеки Румянцевского музея.

⁵ *Полянский Николай Николаевич* (1878—1961) — юрист, специалист по уголовному праву, профессор Московского, а в 1919—1920 гг. — Ярославского университета.

⁶ *Гернет Михаил Николаевич* (1874—1953) — юрист, профессор уголовного права Московского университета.

⁷ Здесь: потребляет свой первый завтрак.

⁸ *Грушка Аполлон Аполлонович* (1869—1929) — филолог, профессор классической филологии Московского университета, декан историко-филологического факультета.

⁹ Рукопись легко читаемая, приятная и изящная (лат.).

¹⁰ Богоподобный (греч.).

¹¹ Буря-и-натиск-и-ругательное-письмо (нем.).

¹² (Внезапные) мысли, идеи, фантазии (нем.).

¹³ Прожиточный минимум (нем.).

¹⁴ «*Живая церковь*» — организация обновленцев Русской Православной Церкви (1922 — после 1945 г.), ставившая своей целью пересмотр и изменение всех сторон церковной жизни. На первом месте у «живоцерковников» была политическая переориентация Православной Церкви, ее приспособление к Советской власти.

¹⁵ От чисто негативного отношения к Церкви руководители большевиков в начале 20-х годов перешли к более тонкой тактике: расстановке своих людей на главные позиции в церковной иерархии и подчинение Церкви и ее политики Советской власти. Одним из первых мероприятий на этом пути была организация Поместного Собора для осуждения патриарха Тихона за контрреволюционную деятельность и отстранение его от сана. «Обновленческий» Всероссийский Церковный Собор, лишивший Тихона сана, состоялся в начале мая 1923 г.

¹⁶ *Тихон* (в миру — Василий Иванович Белавин; 1865—1925) — патриарх Московский и всея Руси (с 1917 г.). Был избран Поместным Собором Русской Православной Церкви. В годы Гражданской войны призывал к прекращению кровопролития. Выступил против декретов об отделении Церкви от государства и об изъятии церковных ценностей. В 1922 г. по обвинению в антисоветской деятельности был арестован. В 1925 г. призвал духовенство и верующих к лояльному отношению к Советской власти; выпущен из тюрьмы и находился под домашним арестом. Канонизирован Русской Православной Церковью.

¹⁷ *Шершеневич Вадим Габриэлевич* (1893—1942) — поэт-модернист, теоретик-стиховед, переводчик, автор инсценировок и либретто, один из основателей и лидеров имажинистов.

¹⁸ *Перверзная* (от нем. pervers) — извращенная.

¹⁹ *Петр Молчальник* (Петр Галатийский; 339—429) — святой, проводивший жизнь в строгом посте (ничего, кроме хлеба, не вкушал и, кроме воды, не пил, да и то в малом количестве — через два или три дня) и непрестанной молитве. Считалось, что он имел власть над бесами.

²⁰ *Шелер Макс* (1874—1928) — немецкий философ, один из основоположников философской антропологии, аксиологии, социологии познания.

²¹ *Бэкон Фрэнсис* (1561—1626) — английский философ, родоначальник английского материализма. Лорд-канцлер при короле Якове I. В трактате «Новый органон» (1620) провозгласил целью науки увеличение власти человека над природой, предложил реформу научного метода — очищение разума от заблуждений, обращение к опыту и обработка его посред-

ством индукции, основа которой — эксперимент. Автор утопии «Новая Атлантида».

²² Где звонкий стук наковальни, марево ядовитых паров и кровохарканье (нем.).

²³ *Фафнир* (др.-исл. *Fafnir*) — в скандинавской мифологии и эпосе дракон, стерегущий клад; сын Хрейдмара и брат кузнеца Регина, воспитателя героя Сигурда. Фафнир завладел чудесным кладом (золотом Андвари), убив отца. Сам был убит Сигурдом.

²⁴ Боже, помоги мне! Аминь (нем.).

²⁵ Имеется в виду Религиозно-философская академия, которая была создана Н. А. Бердяевым в Берлине одновременно с созданием Русского научного института.

²⁶ Имеется в виду В. И. Ясинский, директор Русского научного института в Берлине.

²⁷ *Рапп Евгения Юдифовна* (урожд. Трушева; 1875—1960) — художник, скульптор, сестра Лидии Юдифовны Бердяевой, жены философа.

²⁸ *Кульман Николай Карлович* (1871—1940) — историк литературы, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета по кафедре русского языка и словесности. В эмиграции жил в Париже.

²⁹ *Пьянов Федор Тимофеевич* — секретарь Русского студенческого христианского движения, вместе с матерью Марией (Кузьминой-Караваевой, урожденной Пиленко) основал журнал «Православное дело».

³⁰ *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии. Три речи. 1914—1923. Париж: YMCA-Press, <1925>.

³¹ Эта речь в сборник не вошла.

³² Эта речь впервые была прочитана 27 января 1923 г. на открытом заседании Русской религиозно-философской академии при YMCA, где председательствовал Н. А. Бердяев.

³³ Машинопись. На бланке журнала «Русский колокол». Без подписи. На письме приписка рукою Ильина: «Кадетам в Сербию (по их просьбе о напутствии)».

³⁴ Имеется в виду генерал Петр Николаевич Врангель.

³⁵ В конце письма рукою Ильина сделана приписка: «Фамилии не прислали. И никогда никто из них не обращался ко мне».

³⁶ *Ильина* (урожд. Швейкерт Каролина Луиза) *Екатерина Юльевна* — мать И. А. Ильина.

³⁷ Юлиус Швейкерт фон Штадион, прусский подданный (нем.).

³⁸ Пруссия, провинция Саксонии (нем.).

³⁹ *Швейкерт Юлиус фон Штадион* (1805—1876) — дед Ильина родился в Виттенберге на Эльбе (по другим сведениям — в Саксонии, в г. Гримме) в семье врача; медицинское образование получил в Лейпцигском университете, где в 1831 г. защитил докторскую диссертацию по гомеопатии. В 1832 г. переселился в Россию в имение князя Куракина (Надеждино) в качестве врача. Прожив здесь 10 лет, в 1842 г. в Московском университете держал экзамен на лекаря, после чего был назначен врачом Московского воспитательного дома. В 1853 г. в Московском университете защитил

диссертацию на тему «Pneumonia infantum» и был удостоен звания доктора медицины, получил дополнительную должность врача при гимназии, впоследствии стал врачом императорского Вдовьего дома Московского опекунского совета. В течение всей своей медицинской деятельности был горячим поборником и распространителем гомеопатического метода лечения (Примеч. Ю. Т. Лисицы).

⁴⁰ По материнской линии «иностранец немецкого происхождения» (нем.).

⁴¹ Светлой внешности, белокурый (нем.).

⁴² Почетный (нем.).

⁴³ См. примеч. 100 к воспоминаниям Ильина «Встречи и беседы».

⁴⁴ Этим человеком был Н. Громов. В Колумбийском архиве имеется отзыв на журнал «Русский колокол»: «Отзыв Н. Громова, прибывшего год тому назад из России» (Примеч. Ю. Т. Лисицы).

⁴⁵ Основательно потерянные (фр.).

⁴⁶ *Лимитрофы* (от фр. *limitrophe*) — пограничный, смежный, здесь: пограничные государства.

⁴⁷ На письме имеется пометка Рахманинова: «Отв. 12/26/28 отдано 800 марок».

⁴⁸ «Борьба за Россию» — журнал, издававшийся в Париже с 1926 по 1931 г. Выпущено 240 номеров. Редакторы — С. П. Мельгунов, затем — М. М. Федоров.

⁴⁹ На это письмо И. А. Ильин получил следующий ответ:

«Sergei Rachmaninoff.

505 West End Ave.

New York City.

26 декабря 1928.

Дорогой Иван Александрович.

Очень сожалею, что не встретил Вас в Германии, по которой Вы разъезжали не хуже заправского артиста.

Письмо Ваше получил. Грустно сказать Вам, что <от> той помощи, которую Вы, видимо, от меня ожидаете, я должен отказаться, — очень уж много у меня, и все больше делается, платежей на чисто житейские нужды.

Все же, чтобы подтвердить мое уважение к Вашей деятельности, я решаю послать Вам на нужды Вашего журнала 800 марок. Это все, что я могу сделать.

С приветом и пожеланиями в Новом Году.

С. Рахманинов».

Копия этого письма хранится в указанном архиве Библиотеки Конгресса США; автограф И. А. Ильин переслал С. А. Сатиной, биографу композитора, вероятно, по ее просьбе. В этом же архиве имеются две копии писем С. Рахманинова к Ильину, оригиналы которых философ переслал С. А. Сатиной (от 11 июля 1925 г. и от 13 мая 1927 г.), в первом из которых Рахманинов сердечно благодарит Ильина за присланную книгу «О сопротивлении злу силою», а во втором сообщает о своем приезде в Париж (Примеч. Ю. Т. Лисицы).

⁵⁰ *Сатин Владимир Александрович* (1881—1945) — помещик, двоюродный брат С. В. Рахманинова и родной брат жены композитора, Наталии Александровны.

⁵¹ *Рахманинова* (урожд. Сатина) *Наталия Александровна* (1877—1951) — жена С. В. Рахманинова, пианистка; приходилась ему двоюродной сестрой. Сестра Н. А. Рахманиновой София Сатина была известнейшим в России ученым-ботаником; в эмиграции написала книгу «Записки о С. В. Рахманинове».

⁵² *Клавираусцуги* (от нем. Klavierauszug) — клавиш.

⁵³ *Саул* — первый царь израильско-иудейского государства (конец XI в. до н. э.) Правитель, поставленный на царство по воле Бога, но ставший Ему «не угодным».

⁵⁴ Имеется в виду Николай Карлович Метнер.

⁵⁵ *Иоанн (Поммер; 1876—1934)* — архиепископ Рижский и Латвийский. Был убит на своей даче агентами НКВД.

⁵⁶ *Зиле Роман Мартынович* — ученик И. А. Ильина, председатель Рижского академического общества. После смерти Ильина перевез его архив в США.

⁵⁷ См. примеч. 8 к публикации «Документ из немецкого архива».

⁵⁸ «Мир перед пропастью» (нем.).

⁵⁹ «Против безбожия» (нем.).

⁶⁰ «Яд» (нем.).

⁶¹ *Бор<ис> Ор<ечкин>*. Проф. И. А. Ильин о черносотенстве и антисемитизме, о социалистах и сильной власти, о большевиках и отношении будущей России к балтийским государствам // Сегодня вечером. 1931. № 48. 2 марта.

⁶² Имеется в виду удаление Ильина из Русского научного института за отказ проводить антисемитскую пропаганду.

⁶³ См.: *Ильин И. А.* Национал-социализм. 1. Новый дух // Возрождение. 1933. № 2906. 17 мая.

⁶⁴ Брошюра подписана псевдонимом «Соборянин», кто ее автор, неизвестно.

⁶⁵ Иов. 2: 9.

⁶⁶ В августе 1918 г. Ильин скрывался на станции Воскресенск в имении Балена.

⁶⁷ Из стихотворения А. К. Толстого «Господь меня готовит к бою» (1857).

⁶⁸ Иоанн (Шаховской), в то время еще игумен, послал И. А. Ильину вырезку своей статьи «Пути Бого-человеческие» с припиской: «Вашу мысль защищал против мысли митр. Елевферия, и мысль митр. Елевферия защищал против Вашей мысли» (Примеч. Ю. Т. Лисицы).

⁶⁹ Речь идет о статьях Ильина «О богоустановленности советской власти» (Возрождение. № 3972 от 18 апреля; № 3977 от 23 апреля; № 3979 от 25 апреля 1936 г.).

⁷⁰ *Елевферий* (Богоявленский; 1870—1940) — митрополит Литовский и Виленский, управляющий русскими западноевропейскими приходами, выдвинул учение о богоустановленности Советской власти и считал, что

божественное полновластие Христа над Вселенною является источником всякой власти на земле, и в частности государственно-политической. Этим он всячески оправдывал лояльность митрополита Сергия к боготорческой Советской власти. Ильин в своих статьях решительно выступил против этой позиции митрополита Елевферия (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁷¹ Взгляды митрополита Елевферия изложены в двух его книгах: «Неделя в Патриархии. Впечатления и наблюдения от поездки в Москву» (Париж: Православное издательство, 1933) и «Мой ответ митрополиту Антонию» (Конво, 1935). Полемика на тему «Богоустановленности власти» возникла после полемики о книге Ильина «О сопротивлении злу силою» — самой обширной и острой. В 1938 г. в газете «Бодрость» появилась краткая статейка В. Монвита: «И. А. Ильин и Тертуллиан». В ней автор обвиняет Ильина во впадении его в манихейскую ересь, «держущуюся двучалия в вопросе о мироправлении — Божеского и дьявольского». В этом же году митрополит Елевферий выпустил свой большой труд: «Соборность Церкви. Божие и кесарево» (Париж, 1938. 350 с.), в котором последняя глава «По поводу статьи И. А. Ильина “О богоустановленности советской власти”» занимает 71 страницу. Ранее в журнале «Путь» (Париж, 1935. № 46) Д. Ишевский опубликовал свою беседу с митр. Елевферием «“Божие” и “Кесарево”» (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁷² *Августин Блаженный (Augustinus Sanctus) Аврелий (354—430)* — христианский теолог и церковный деятель, главный представитель западной патристики. Епископ г. Гиппон (Северная Африка); родоначальник христианской философии истории (сочинение «О граде Божием»); «земному граду» — государству — противопоставлял мистически понимаемый «Божий град» — Церковь. Развил учение о благодати и предопределении, отстаивал его против Пелагия. Христианский неоплатонизм Августина господствовал в западноевропейской философии и католической теологии вплоть до XIII в.

Климент Тит Флавий (? — до 215) — пресвитер Александрийской церкви, знаменитый учитель и писатель конца II и начала III в.

Сальвиан (390 — по одним источникам 484, по другим 492) — знаменитейший из христианских проповедников в Галии, священник в Марселе, автор сборника проповедей (в оригинале не сохранились), приобретших форму рассуждений, из которых на первом месте 8 книг «Об управлении Божиим и провидении».

Фома Аквинский (Thoma Aquinas; 1225 или 1226—1274) — философ и теолог, систематизатор схоластики на базе христианского аристотелизма. Учение Фомы (томизм) стало частью официальной доктрины католической Церкви; в XIX в. оно было возрождено в форме неометизма, провозглашенного в 1879 г. в энциклике папы Льва XIII единственной истинной философией.

Ансельм (Anselm) Кентерберийский (1033—1109) — теолог и философ, представитель ранней схоластики августиновского направления, церковный деятель, вел борьбу за независимость Церкви против королей Англии. Развил так называемое онтологическое доказательство бытия Бога, выводя его из самого понятия Бога. Видел в вере предпосылку рационального знания: «верую, чтобы понимать».

Абеляр (Abelard, Abailard) Пьер (1079—1142) — французский философ, теолог и поэт. В споре о природе универсалий развил учение, назван-

ное позже концептуализмом. Рационалистическая направленность идей Абельяра («понимаю, чтобы верить») вызвала протест ортодоксальных церковных кругов: учение Абельяра было осуждено Соборами 1121 и 1140 гг. Трагическая история любви Абельяра к Элоизе описана в его автобиографии «Истории моих бедствий».

Боссюэ (Bossuet) Жак Бенинь (1627—1704) — французский писатель. Епископ. Рассматривал историю как осуществление воли Провидения, отстаивал идею божественного происхождения абсолютной власти монарха. Идеолог галликанства.

Цвингли Ульрих (1484—1531) — деятель швейцарской Реформации, протестантский теолог.

⁷³ *Ильин И. А.* Путь Православия // Возрождение. 1934. № 3377. 1 сентября.

⁷⁴ *Волконский Александр Михайлович* (1866—1934) — русский офицер, полковник Генерального штаба, публицист, писал под псевдонимом «Волгин»; автор книг: «Вооруженные силы Италии» (1908), «Имя Руси в домонгольскую пору» (1929), «В чем главная опасность?» (1929), «Малоросс и украинец» (1929). В конце жизни стал униатским священником. Речь идет о его статье «О пути православия (ответ проф. И. А. Ильину)» (Возрождение. № 3436. 1934. 30 октября).

⁷⁵ Помощь русским братьям (нем.).

⁷⁶ Имеются в виду слова: «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более того, кто может и душу и тело погубить в геенне».

⁷⁷ К большей славе Божией (лат.).

⁷⁸ Отметка об обратной поездке (нем.).

⁷⁹ Финансовый счет Академическо-философского издательства (нем.).

⁸⁰ Швейцарский банковский союз в Цюрихе (нем.).

⁸¹ Иммиграционная полиция (нем.).

⁸² Цюрихская кантональная полиция (нем.).

⁸³ Прощение, заявление (нем.).

⁸⁴ Разрешение на жительство (нем.).

⁸⁵ Иностранная полиция города Цюриха (нем.).

⁸⁶ В своем деле незаменимый (нем.).

⁸⁷ Директор учреждения для эпилептиков пастор Гроб (нем.).

⁸⁸ *Бюлер* — швейцарский чиновник, знакомый Н. К. Метнера, к которому тот обратился за помощью Ильину.

⁸⁹ Малоблагоприятный (фр.).

⁹⁰ *Кауция* (от фр. caution) — ручательство, порука, обеспечение, залог.

⁹¹ Это слегка лишнее (фр.).

⁹² Директор Рудольф Гроб (нем.).

⁹³ Возможно, речь идет о Д. Мотте, президенте Швейцарской конфедерации.

⁹⁴ По-видимому, речь идет о Романе Мартыновиче Зиле.

⁹⁵ Муниципалитет (нем.).

⁹⁶ *Ц.* — возможно, Цолликон.

⁹⁷ *Татьяна Сергеевна* — дочь С. В. Рахманинова.

⁹⁸ Книга Н. К. Метнера «Муза и Мода» была издана на средства С. В. Рахманинова в издательстве «Таир» (сокращение происходит от имен Татьяна и Ирина — дочерей С. В. Рахманинова) в 1935 г. Перевод Ильина этой книги на немецкий язык никогда не издавался, хранится в Архиве И. А. Ильина в Мичигане (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

⁹⁹ *Grand Orient (фр.)* — Великий Восток. Так называлась главная масонская ложа.

¹⁰⁰ *Рощин Николай Яковлевич* (наст. фам. Федоров; 1896—1956) — прозаик, журналист. Служил в армии Деникина, в 1919 г. был ранен и эвакуирован в Югославию. Писал также под псевдонимом Р. Днепров.

¹⁰¹ *Толстой Алексей Николаевич* (1882/1883—1945) — русский и советский писатель. В 1923 г. вернулся в СССР из эмиграции.

¹⁰² *Скоблин Николай Васильевич* (1894 — после 1937?) — генерал-майор, в Добровольческой армии с момента ее образования, служил под началом Корнилова, Врангеля. В эмиграции работал в РОВСе. В 1930 г. был завербован ГПУ. В 1937 г. участвовал в похищении председателя РОВСа генерала Е. К. Миллера. Был разоблачен и бежал в Испанию, где след его затерялся (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹⁰³ *Ступницкий Арсений Федорович* (1893—1951) — журналист, сотрудник милюковской газеты «Последние новости», после войны — редактировал газету «Русские новости».

¹⁰⁴ Под редакцией П. Б. Струве в дореволюционной России выходил журнал «Русская мысль».

¹⁰⁵ Имеется в виду *Оксфордское движение*, возникшее в XIX в. в Оксфордском университете в стремлении обновить «католичество», мысль и практику внутри Церкви в Англии в пик протестантских тенденциям Англиканской церкви. Лидерами движения были священник, а позже кардинал Джон Генри Ньюмен (1801—1890), священник Ричард Хуррелл Фроуд (1803—1836), священник и поэт Джон Кебле (1792—1866) и священник и профессор Оксфордского университета Эдвард Пусей (1800—1882). Идеи движения были опубликованы в 90 трактатах в газете «Таймс» Ньюманом в 1833—1841 гг. В них излагалась доктрина подлинной неразделенной католической Церкви, которую стала играть она в Англии. В 1845 г. Ньюмен присоединился к Римской католической церкви.

¹⁰⁶ «*Зуппе*» (нем. Suppe) — суп, похлебка.

¹⁰⁷ *Скаутизм* (от англ. scout — разведчик) — система внешкольного воспитания молодых граждан с 7 лет до 21 года путем познания природы, ремесла и игры; основан в начале XX в. в Великобритании полковником Р. Баден-Поуэллом (Baden-Powell; 1857—1941). Организации делятся на бойскаутские (мальчики) и герлскаутские (девочки). В России скаутские отряды создавались с 1909 г. В 1914 г. было основано общество «Русский скаут». После 1917 г. скаутские организации были запрещены. С начала 90-х годов скаутизм возрождается в Российской Федерации. Всемирная организация скаутского движения (World Organization of the Scout Movement) была основана в 1920 г.

¹⁰⁸ «*Соколы*» (международное движение «Соколов» — Социалистический интернационал воспитания, International Falcon Movement-Socialist

Educational International) — объединение детских и юношеских организаций социал-демократической ориентации. Ведет свою историю с 20-х годов XX в., в 1947 г. был основан Международный секретариат «Соколов».

¹⁰⁹ Имеется в виду Young Men Christian Association (YMCA) — ассоциация молодых христиан, как они сами себя определяют: «несектантское, неполитическое, нецерковное христианское движение, ставящее своей целью развить высокий стандарт христианского характера путем групповой активности и гражданского воспитания». Была создана в Лондоне в 1844 г., когда 12 молодых людей, возглавляемых Джорджем Уильямсом, организовали клуб для «улучшения духовного состояния молодых людей разных профессий» (по преимуществу — торговых). Подобные клубы стали распространяться по всей Великобритании, затем появились в Австралии в 1850 г. и в Северной Америке в 1851 г., где достигли своего наивысшего развития.

¹¹⁰ *Армия Спасения* — интернациональная христианская религиозная и благотворительная организация, построенная по военному принципу. Действует более чем в 80 странах, распространяет Евангелие на 112 языках в 16 000 евангельских центрах, имеет более 3000 институтов социального быта, школ, больниц и агенств. Международная штаб-квартира организации находится в Лондоне. Армия Спасения создана евангелистом Уильямом Бутом в Лондоне в 1865 г., вскоре она стала интернациональной.

¹¹¹ *Ротари-клубы* — клубы гражданской службы, были основаны в США в 1905 г. Паулом П. Харрисом для «воспитания идеала службы как основы предпринимательства и поощрения высоких этических стандартов в бизнесе и профессиональной деятельности и способствования чувству товарищества между бизнесменами и профессионалами». Свое название Ротари-клубы получили из-за сменяемости (ротации) должностных лиц, то есть руководства. Международная Ассоциация Ротари-клубов была утверждена в 1922 г. В настоящее время в нее входят 150 стран.

¹¹² *Оксфорды* — участники Оксфордского движения.

¹¹³ *Экуменическое движение* (от греч. οἰκουμένη — ойкумена, обитаемая земля, вселенная) — движение христианских (первоначально протестантских) Церквей за объединение всех христианских Церквей. Руководящий орган — Всемирный совет церквей (с 1948 г.).

¹¹⁴ *Бонанфанство* (от фр. bon enfant — добродушный малый) — предраснодушные.

¹¹⁵ В Швейцарии.

¹¹⁶ *Ad hoc* (лат.) — букв. «к этому»; для данного случая, для этой цели, кстати.

¹¹⁷ Имеется в виду Ш. М. Барейсс.

¹¹⁸ *Борзов Николай Викторович* (1871—1955) — русский педагог, историк, преподаватель русской истории, литературы и языка. С 1897 г. — преподаватель Томской Мариинской женской гимназии. В 1904 г. был назначен Инспектором Томского коммерческого Училища Августейшего Имени Наследника Цесаревича Алексея Николаевича. С 20 ноября 1905 г. — бессменный директор (до 1925 г.) образцовых Харбинских коммерческих училищ Августейшего Имени Наследника Цесаревича Алексея

Николаевича и Начальник учебного отдела КВЖД. В 1925 г., после увольнения большевиками, переехал из Харбина в Беркли (США). В 1929 г. вернулся в Харбин. Директор Харбинского 1-го Реального училища (1929—1931). С 1931 г. — Председатель Общества покровительства и просвещения русских детей в Сан-Франциско. Товарищ Председателя Отдела помощи детям русской эмиграции. Организатор «Дня русского ребенка» и редактор одноименного журнала, издававшегося в Сан-Франциско.

¹¹⁹ *Ульманис Карлис* (1877—1942) — латышский политический деятель. Лидер «Латышского крестьянского союза». В 1918—1934 гг. неоднократно возглавлял правительство Латвийской республики. В 1934 г. произвел государственный переворот, установил личную диктатуру. В 1936—1940 гг. премьер, затем президент Латвии. Был репрессирован, умер в тюрьме г. Красноводск в Туркмении.

¹²⁰ *Собинов Леонид Витальевич* (1872—1934) — российский певец (лирический тенор), народный артист Республики (с 1923 г.). В 1897—1933 гг. — в Большом театре. Крупнейший представитель русской классической вокальной школы. Один из лучших исполнителей партий Ленского («Евгений Онегин» П. И. Чайковского) и Лоэнгрина («Лоэнгрин» Р. Вагнера).

¹²¹ Речь идет об автобиографической статье Ильина «Что нам делать?» (см. в наст. изд.).

¹²² *Кулаев Иван Васильевич* (1858—1942) — купец второй гильдии, владелец Солганского золотого прииска в ачинской тайге, подрядчик при строительстве Забайкальской железной дороги. К 1913 г. был обладателем огромного состояния. Эмигрировал в США в 1920 г. В 30-е годы основал «Фонд И. В. Кулаева», на средства которого, в частности, издавался журнал «День русского ребенка».

¹²³ Сказка Ильина «Праведный народ. Древнее сказание» была впервые опубликована в газете «Русский инвалид» (Париж, 1937. № 103). Второе издание: День русского ребенка. Сан-Франциско, 1951. Вып. XVIII. Третье появилось после смерти Ильина в «Новом журнале» (Нью-Йорк, 1977. Кн. 129). Все издания были с купюрами. Полностью эта работа напечатана по рукописи Ильина в Собрании сочинений (Т. 6. Кн. 2) (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹²⁴ «Перемещенными лицами».

¹²⁵ *Цуриков Николай Александрович* (1886—1957) — юрист, участник Белого движения; в 1920 г. эвакуировался в Константинополь, с 1923 г. — в Чехословакии, сотрудничал в правоцентристских изданиях эмиграции.

¹²⁶ *Габричевский Георгий Георгиевич* — художник, сын Г. Н. Габричевского, известного микробиолога. С 1910 по 1920 г. его старший брат Александр посещал философский кружок И. А. Ильина, а Ильин был хорошим знакомым семейства Габричевских. В 1918 г. Георгий Габричевский эмигрировал в Германию, где сохранил тесные отношения с Ильиным.

¹²⁷ *Офросимов* (литературный псевдоним Росимов) *Георгий* (Юрий) *Викторович* (1894—1967) — театральный критик, поэт, детский писатель. С 1920 г. — в эмиграции. Жил в Берлине, с 1933 г. в Белграде, умер в Палермо.

¹²⁸ Имеется в виду письмо Романа Гуля, воспроизводимое ниже в наст. изд.

¹²⁹ *Меллер-Закомельский Александр Владимирович* — барон, принадлежал к крайне правому крылу русской эмиграции, поначалу примыкал к евразийцам, но позже отошел от движения. Создатель различных русских национальных движений в Германии. Редактор газеты «Голос РОНДа» (Берлин, 1933). Автор книги «Евангелист ненависти: Жизнь Карла Маркса» (Берлин, 1938).

¹³⁰ *Доротея (Дорис) Генриховна* — жена Г. В. Офросимова.

¹³¹ Имеется в виду Роман Гуль и его письмо к Ильину.

¹³² Точнее: «Заголимся и обнажимся». См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 52 (рассказ «Бобок» из «Дневника писателя» за 1873 г.).

¹³³ О Романе Гуле.

¹³⁴ То есть Гуля.

¹³⁵ Имеется в виду Р. Гуль.

¹³⁶ Подразумевается С. П. Мельгунов.

¹³⁷ Имеется в виду известная поговорка, приписываемая Аристотелю: «Платон мне друг, но истина дороже».

¹³⁸ *Муссолини (Mussolini) Бенито* (1883—1945) — фашистский диктатор Италии в 1922—1943 гг. Политическую карьеру начал в социалистической партии, из которой был исключен в 1914 г. В 1919 г. основал фашистскую партию. Осуществив «поход на Рим» (28 октября 1922 г.), Муссолини захватил власть в стране и 1 ноября 1922 г. возглавил правительство Италии. Являясь одновременно руководителем (дуче) фашистской партии, он обладал диктаторскими полномочиями. Правительство Муссолини ввело в стране режим фашистского террора, проводило агрессивную внешнюю политику (оккупация Эфиопии в 1936 г., Албании — в 1939 г. и т. д.), совместно с фашистской Германией развязало 2-ю мировую войну. В 1945 г. был захвачен итальянскими партизанами и расстрелян.

¹³⁹ «Масонство — это грязная мораль» (*ит.*).

¹⁴⁰ *Ключников Юрий Вениаминович* (1886—1938) — политический деятель, специалист в области международного права. В 1919 г. уехал за границу. Участник сборника «Смена вех» (Прага, 1921). В 1923 г. вернулся в СССР. В 1937 г. был арестован, а в 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР за «шпионско-террористическую деятельность» к расстрелу.

Устрялов Николай Васильевич (1890—1937) — правовед, философ, политический деятель. В 1920 г. эмигрировал в Харбин. Идеолог «национал-большевизма» («сменовеховства»). В 1935 г. вернулся в СССР, в 1937 г. был арестован и приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР за «шпионско-террористическую деятельность» к расстрелу.

¹⁴¹ *Федотовщина* — имеется в виду Георгий Петрович Федотов (1886—1951) — русский историк, культуролог, публицист.

¹⁴² Выделение из носа (*ит.*).

¹⁴³ *Ильин Иван Иванович* (1799—1865) — инженер-строитель, полковник, кавалер ордена Св. Владимира 4-й степени. Вместе со своей женой Любовью Ивановной похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

¹⁴⁴ *Левитан Исаак Ильич* (1860—1900) — российский живописец-передвижник. Создатель «пейзажа настроения», которому присущи богатство поэтических ассоциаций, мажорность или скорбная одухотворенность образа. Его пленерная, тонко нюансированная живопись раскрывает тончайшие состояния природы.

Сезанн (Cezanne) Поль (1839—1906) — французский живописец, представитель постимпрессионизма. В натюрмортах, пейзажах, портретах стремился выявить с помощью градаций чистого цвета, устойчивых композиционных построений неизменные качества предметного мира, его пластическое богатство, логику структуры, величие природы и органическое единство ее форм.

Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927) — российский живописец-передвижник. Театральный художник, организатор народного театра.

Моне (Monet) Клод (1840—1926) — французский живописец, представитель импрессионизма.

¹⁴⁵ *Боровиковский Владимир Лукич* (1757—1825) — российский живописец. Портретам Боровиковского присущи черты сентиментализма, сочетание декоративной тонкости и изящества ритмов с верной передачей характера.

¹⁴⁶ *Коровин Константин Алексеевич* (1861—1939) — российский живописец. Тонкий мастер пленерной живописи. Под влиянием импрессионизма выработал свободную декоративную манеру. Создатель красочных зрелищных театральных декораций. С 1923 г. — за границей.

¹⁴⁷ *Дурылин Сергей Николаевич* (1877—1954) — литературовед и театровед, друг Нестерова.

¹⁴⁸ На самом деле И. С. Шмелев скончался 24 июня.

¹⁴⁹ Имеется в виду русский православный монастырь Покрова Пресвятой Богородицы в Бюсси-ан-От, неподалеку от Парижа.

¹⁵⁰ *Кутырина Юлия Александровна* — племянница жены И. С. Шмелева Ольги Александровны.

¹⁵¹ *Волошина Мария Тарасовна* — жена профессора-физика Ф. Е. Волошина, заботившаяся о Шмелеве во время его приезда в Швейцарию (1948—1949 гг.).

¹⁵² *Серов* — врач, постоянно лечивший И. С. Шмелева в Париже.

¹⁵³ *Бредиус* (урожд. Субботина) *Ольга Александровна* — русская эмигрантка, проживала в Голландии, почитательница творчества Шмелева.

¹⁵⁴ *Новгород-Северский Иван Иванович* (1893—1969) — поэт, прозаик.

¹⁵⁵ *Фишер Екатерина Сергеевна* — почитательница Шмелева, оказывавшая ему материальную поддержку.

¹⁵⁶ Видимо, Н. В. Борзов просил Ильина написать некролог или статью, посвященную Шмелеву, для журнала «День русского ребенка».

¹⁵⁷ От «плерома» («плэрома»), букв. греч. полнота, наполненность, завершенность, — важнейшее понятие античного гностицизма, выражающее полноту и совершенство истинной, божественной реальности, в противоположность несовершенству земного мира (в аналогичном смысле использовалось и в христианской литературе).

¹⁵⁸ *Головин Николай Николаевич* (1875—1944) — генерал, профессор военного дела, бывший академик Генерального Штаба в Санкт-Петербур-

ге, руководитель «Высших военных курсов» в Париже и Белграде, автор двух капитальных трудов: «Военные усилия России в мировой войне» и «Российская контрреволюция в 1917—1918 гг.»

¹⁵⁹ *Спекторский Евгений Васильевич* (1875—1951) — юрист, специалист по истории философии права, с 1920 г. — в эмиграции, профессор Белградского университета, председатель Общества русских ученых в Югославии, в 1922 г. — председатель Второго съезда русских академических организаций в Праге, с 1924 г. — профессор русского юридического факультета в Праге.

¹⁶⁰ *Тимошенко Степан Прокофьевич* (1878—1972) — ученый в области прикладной механики. С 1919 г. — в эмиграции, сначала в Загребе, а с 1922 г. в США.

¹⁶¹ *Салазар (Salazar) Антониу ди Оливейра* (1889—1970) — португальский ученый-экономист, министр финансов в 1928 г. при правительстве генерала Антонио Фрагозо, глава правительства Португалии в 1932—1968 гг., основатель (1930 г.) фашистской партии Национальный союз; установил фашистский режим, став фактическим диктатором.

¹⁶² *Кусевицкий Сергей Александрович* (1874—1951) — дирижер и контрабасист. Выступал с сольными концертами как контрабасист. Основал в Москве симфонический оркестр (1908 г.) и Российское музыкальное издательство (1909 г.). С 1920 г. жил за рубежом. Организовал в Париже «Симфонические концерты Кусевицкого» (1921—1928 гг.). Возглавлял Бостонский симфонический оркестр (1924—1949 гг.).

¹⁶³ «В середину дела», в самую суть дела (*лат.*).

¹⁶⁴ *Аутистический* — свой собственный.

¹⁶⁵ *Кульман Густав Густавович* (1895?—1961) — публицист, активный автор бердяевского журнала «Путь», один из руководителей YMCA, работал в отделе помощи русским беженцам в Европе, помог в деле основания Русского богословского института при Св.-Сергиевском подворье в Париже. В 1929 г. принял православную веру. Позже работал в Лиге Наций, помогая беженцам.

¹⁶⁶ «Но сатана — очень полезная сила» (*нем.*).

¹⁶⁷ Председатель (*букв.* — мастер стула) (*нем.*).

¹⁶⁸ *Давидов Алексей Августович* — композитор, принадлежал к берлинской ложе «Три Глобуса», в 1923 г. стал 1-м заместителем достопочтенного мастера парижской ложи «Астрея» (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹⁶⁹ «Символизм» (*фр.*).

¹⁷⁰ «Беседы с дьяволом» (*фр.*).

¹⁷¹ «Акация» (*фр.*).

¹⁷² «Защитительная речь для сатаны» (*фр.*).

¹⁷³ Имеется в виду экуменическое движение.

¹⁷⁴ Имеется в виду статья: *Булгаков С. Иуда Искарот Апостол-Предатель* // Путь. 1931. № 26—27.

¹⁷⁵ *Лаури Дональд Иванович* (1889—1974) — американец, один из руководителей YMCA. Участвовал в планах создания Св.-Сергиевского подворья и издательства YMCA-Press и помогал делу в последующие годы (*Примеч. А. Е. Климова*).

¹⁷⁶ *Леонтий (Барташевич; 1914—1956)* — епископ Женевский с 1950 г.

¹⁷⁷ *Конфуций (Кун-Цзы; ок. 551—479 до н. э.)* — древнекитайский мыслитель, основатель конфуцианства. Главные свои взгляды изложил в книге «Лунь юй» («Беседы и суждения»).

¹⁷⁸ *Кьеркегор (Киркегор) (Kierkegaard) Серен (1813—1855)* — датский теолог, философ, писатель. Противопоставил «объективизму» диалектики Г. Гегеля субъективную («экзистенциальную») диалектику личности, проходящей, по Кьеркегору, три стадии на пути к Богу: эстетическую, этическую и религиозную. Полемизируя с официальной теологией, защищал тезис о реальности христианства лишь для избранных, которые смогут осуществить свою экзистенциальную свободу. Оказал влияние на экзистенциализм и диалектическую теологию.

Ясперс (Jaspers) Карл (1883—1969) — немецкий философ, представитель религиозного экзистенциализма, психиатр. Основную задачу философии усматривал в раскрытии «шифров бытия» — различных выражений трансценденции (непостижимого абсолютного предела бытия и мышления). Соотнесенность экзистенции с трансценденцией прозревается человеком в так называемых пограничных ситуациях (страдание, борьба, смерть).

¹⁷⁹ *Кирилл Иерусалимский (ок. 315—386)* — христианский церковный деятель и писатель, епископ с 315 г.; отец Церкви. Автор 24 огласительных поучений.

Феофан Затворник (в миру — Георгий Васильевич Говоров; 1815—1894) — российский епископ; богослов, публицист-проповедник. С 1872 г. жил в затворе. Канонизирован в 1988 г.

¹⁸⁰ *Василий Великий (ок. 330—379)* — христианский мыслитель и церковный деятель, отец Церкви.

Григорий Назианзин (Григорий Богослов) (ок. 330 — ок. 390) — греческий поэт и прозаик, церковный деятель и мыслитель, представитель патристики; епископ г. Назианза (Малая Азия). Переносил в теологию методы платоновской диалектики.

¹⁸¹ *Тератология (греч. téras — чудовище и λόγος — учение)* — наука, изучающая врожденные уродства отдельных органов и целых организмов.

¹⁸² *Аскольдов (наст. фам. Алексеев) Сергей Алексеевич (1871—1945)* — русский религиозный философ, сын А. А. Козлова. Участвовал в сборниках «Проблемы идеализма» (1902), «Из глубины» (1918). В начале 1920-х годов организовал в Ленинграде тайное религиозно-философское общество — Братство преподобного Серафима Саровского, все члены которого в 1928 г. были арестованы; сам Аскольдов после Соловецких лагерей находился в ссылке в Новгороде. Во время немецкой оккупации выехал в Германию, умер в Потсдаме.

¹⁸³ *Шаховской Дмитрий Алексеевич (1902—1989)* — князь, архиепископ Иоанн Сан-Франциский, поэт, писатель, критик, философ и богослов.

¹⁸⁴ За одно имя (лат.).

¹⁸⁵ Илииниана (принадлежащее Ильину) — не подлежит чтению (лат.).

¹⁸⁶ Владимир Павлович Рябушинский смог невероятными усилиями воли и любви своей опубликовать труд Ивана Александровича Ильина

«Аксиомы религиозного опыта». Вот отрывок из письма Софьи Михайловны Лукомской к И. М. Андриевскому от 14 июля 1953 г.: «Эта книга своего рода происшествие в духовной жизни Зарубежной Руси. Книги Ильина не находят издателя на русском языке. Их печатают только немцы. И появление этой книги — чудо. Слепнувший В. П. Рябушинский последнее свое зрение пустил на то, чтобы познакомиться с рукописью Ильина, и, познакомившись, решил, что напечатать надо. Как он довел это дело до конца, одному Богу известно. За этот год (прошел год с первого его письма о том, что он предпринял это печатание) он ослеп окончательно. Его последние письма глубоко волнительны: он пишет их ощупью... Так вот, этот старик, бродя по Парижу со своей белой палкой слепца, довел это дело до конца, и теперь заботится о том, чтобы достойно поместить это выведенное им в свет произведение» (см.: *Андреев И. А., проф.* Памяти профессора Ивана Александровича Ильина. (Критико-биобиблиографический очерк, вместо некролога) // Православная Русь. Нью-Йорк, 1955. № 23. С. 4) (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

¹⁸⁷ *Беневоленция* (от лат. *benevolentia*) — доброжелательство, благосклонность, благоволение, милость.

¹⁸⁸ Смирительная рубашка (*нем.*).

¹⁸⁹ Что начертано, то начертано (*греч.*).

¹⁹⁰ Имеется в виду *Никейский символ веры* — догматическая формула, принятая на Никейском Соборе 325 г. и подтвержденная на Константинопольском (Цареградском) Соборе 381 г., утверждающая единсущность Бога Отца и Бога Сына (Христа). Символ веры был принят в результате ожесточенной борьбы с арианами, еретиками.

¹⁹¹ *Макарий Великий*, или *Египетский* (ок. 300 — ок. 390) — христианский монах-отшельник, отец Церкви; монашествовал в отдаленной пустыне Египта; оставил сочинения нравственно-аскетического и правоучительного характера.

¹⁹² Взять это или оставить (*фр.*).

¹⁹³ Письмо без даты, но так как в нем речь идет о рассылке книги «Аксиомы религиозного опыта», уже вышедшей из печати, — это 1953 г.

¹⁹⁴ *Горный Сергей* (псевд.; наст. имя и фам. Александр-Марк Авдеевич Оцуп; 1882—1949) — поэт, прозаик. В 1919 г. служил у Деникина. С 1922 г. жил в Берлине.

¹⁹⁵ *Мистагог* (*греч.* μυσταγωγός) — входящий в таинства, посвящающий в мистерии, у древних греков — жрец, совершавший обряды в мистериях.

¹⁹⁶ И всякие другие; и пр., и пр.; поголовно все (*лат.*).

¹⁹⁷ Вероятно, имеется в виду одна из протестантских сект.

¹⁹⁸ *Григорий Палама* (1296—1359) — византийский теолог и церковный деятель, систематизатор исихазма. Развил идеи о различии сущности Бога (запредельной и недоступной) и его энергий (самовыявлений), пронизывающих мир и сообщаемых человеку. Учение Григория Паламы в 1351 г. было признано официальной доктриной византийской Церкви.

Иоанн Дамаскин (ок. 675 — ок. 749) — византийский богослов, философ и поэт, завершитель и систематизатор греческой патристики; ведущий идейный противник иконоборчества; автор философско-теологического компендиума «Источник знания».

¹⁹⁹ Поверните (*лат.*). Ильин написал нижеследующую приписку на полях вдоль письма.

²⁰⁰ *Альфонс XIII* (1886—1941) — король Испании в 1902—1931 гг. Был низложен в начале Испанской революции 1931—1939 гг.

²⁰¹ Наша профессия (*фр.*).

²⁰² *Александр II* (1818—1881) — российский император с 1855 г. Старший сын Николая I. Осуществил отмену крепостного права и провел затем ряд реформ (земская, судебная, военная и т. п.). После Польского восстания 1863—1864 гг. перешел к реакционному внутривластному курсу. С конца 70-х годов усилились репрессии против революционеров. На жизнь Александра II был совершен ряд покушений (1866, 1867, 1879, 1880 гг.); был убит народолюбцами.

Р. Гуль

Письмо к И. А. Ильину

Впервые: *Ильин И. А. Собр. соч. Письма. Мемуары* (1939—1954). М., 1999. С. 423—426. Публикуется по последнему изданию.

¹ *Солоневич Иван Лукьянович* (1891—1953) — общественный деятель, публицист, прозаик.

² Я с женщинами в дискуссию не вступаю (*фр.*).

³ *Кускова* (урожд. Есипова, по первому мужу Ювеналиева) *Екатерина Дмитриевна* (1869—1958) — российская политическая деятельница. В конце 1880-х — начале 1890-х годов народница, затем марксистка. Позже порвала с социал-демократами. После Октябрьской революции стояла в оппозиции к большевикам; была одним из руководителей Помгола (Комиссии помощи голодающим при ВЦИК). В 1921 г. была выслана на Север, в 1922 г. — за границу.

⁴ *Черчилль (Churchill) Уинстон Леонард Спенсер* (1874—1965) — премьер-министр Великобритании в 1940—1945, 1951—1955 гг. До 1904 г. — консерватор, затем либерал, с начала 20-х годов — снова консерватор, один из лидеров Консервативной партии. Черчилль выступал одним из инициаторов создания антигитлеровской коалиции с США и СССР и одновременно стремился ограничить влияние СССР в послевоенной Европе. В августе 1946 г. в речи «Пробудись, Европа!», произнесенной в Цюрихе, призвал к единству европейских стран-победителей и побежденных. В программной речи в Фултоне (США, 5.03.1946) Черчилль предупредил об угрозе тирании и тоталитаризма, исходящей из СССР, который создал «железный занавес» (от Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике) и призвал к укреплению ООН, созданию особых отношений между Великобританией, США и другими странами с целью предотвращения новой войны и сохранения свободы и демократии.

⁵ См.: «...я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев...» (*Ильин И. А. Национал-социализм // Возрождение. 1933. № 2906*).

⁶ *Краснов Петр Николаевич* (1869—1947) — генерал-лейтенант (с 1917 г.). В августе—сентябре 1917 г. — командир 3-го конного корпуса. В

октябре 1917 г. вместе с А. Ф. Керенским возглавил антисоветские вооруженные выступления. В 1918 — начале 1919 г. — атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией. С 1920 г. — в эмиграции. Во время Великой Отечественной войны сотрудничал с гитлеровцами. По приговору советского суда был казнен.

⁷ *Кравченко Виктор Алексеевич* (1905—1966) — советский инженер. Родился в Екатеринославле (Днепропетровск) в семье революционера. Работал в Донбассе. Член ВКП(б) с 1929 г. Во время Великой Отечественной войны — армейский капитан, затем — сотрудник советской торговой миссии в Вашингтоне. В 1943 г. попросил политическое убежище в США. В апреле 1946 г. выступил с осуждением политики Сталина. Написал разоблачительные книги «Я выбрал свободу» (издана в Англии в 1947 г., она стала бестселлером) и «Процесс Виктора Кравченко» (Париж, 1949). Жил в США. Погиб при невыясненных обстоятельствах: был найден в своей квартире мертвым, с пулевыми ранениями (официальная версия — самоубийство).

⁸ О реакции Ильина на письмо Р. Гуля см. выше, в его письмах к Г. В. Офросимову.

III

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

И. А. Ильин

Партийная программа и максимализм

Впервые брошюра «Партийная программа и максимализм» вышла в Москве в 1917 г. в издательстве «1917-й год» (Библиотека народной свободы. Серия «Задачи момента». № 1). Повторно была выпущена в Одессе в том же году.

В брошюре приводился список предполагаемых выпусков серии «Задачи момента».

№ 1. «Партийная программа и максимализм».

№ 2. «О сроке созыва Учредительного собрания».

№ 3. «Почему социал-демократы, большевики говорят: “долой войну”».

№ 4. «Одна власть и две власти».

№ 5. «Демагогия и провокация».

№ 6. «По праву и захвату».

Из них Ильин успел издать пять первых выпусков, причем № 3 имел название: «Почему “не надо продолжать войну”», а № 4 — «Порядок или беспорядок?». Все выпуски переизданы в собрании сочинений Ильина: *Ильин И. А. Собр. соч. Т. 9—10. С. 72—132. Работа воспроизводится по последнему изданию.*

¹ См. примеч. 7 к фрагменту воспоминаний Н. Н. Алексева «В бурные годы».

И. А. Ильин

Куда идет революционная демократия?

Впервые опубликовано под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России», в № 242 от 8 (21) октября 1917 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 9—10. С. 175—178. Печатается по последнему изданию.

¹ Имеется в виду тогдашний председатель Временного правительства А. Ф. Керенский.

² *Абсентеизм* (лат.) — уклонение избирателей от участия в выборах.

И. А. Ильин

Отказ г. Керенского

Впервые опубликовано под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России», в № 245 от 12 (25) октября 1917 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 9—10. С. 178—182. Печатается по последнему изданию.

¹ Имеется в виду подавление антиправительственных выступлений в Петрограде, ознаменовавшее конец двоевластия. К началу июля 1917 г. недовольство в народе политикой Временного правительства достигло критической точки. 3 (16) июля солдаты 1-го пулеметного полка обратились к рабочим и военным Петрограда с призывом к вооруженной демонстрации против правительства. Начались стихийные выступления на заводах и в воинских частях. На следующий день состоялась мирная 500-тысячная демонстрация под лозунгами «Долой Временное правительство», «Вся власть Советам». Большевики поддержали и возглавили шествие. Власти направили против демонстрантов войска и применили оружие: в результате несколько сот человек были убиты и ранены. Вскоре с фронта прибыли верные правительству части, начались преследования большевиков, было объявлено об аресте Ленина, а принимавшие участие в демонстрации воинские подразделения расформировали.

Все распоряжения по подавлению выступлений исходили от Керенского, который занимал тогда пост военного и морского министра, а с 8 (21) июля возглавил правительство.

² Видя нарастание хаоса в государстве и угрозу прихода к власти левых, Л. Г. Корнилов предложил правительству в августе 1917 г. программу вывода страны из кризиса, однако никакой реакции не последовало. Тогда он потребовал подчинить себе войска столичного гарнизона, находившиеся под началом правительства, расширить компетенцию военных трибуналов и восстановить в тылу смертную казнь. Керенский отклонил все эти требования.

25 августа (3 сентября) Корнилов двинул на Петроград верные ему части, предложив премьеру прибыть к нему в Ставку и распустить правительство как недееспособное. Керенский, почувствовав угрозу своей власти, объявил его мятежником и изменником и сместил с поста главнокомандующего.

С помощью верных правительству войск столичного гарнизона и при поддержке Петросовета, организовавшего блокаду железных дорог, линий связи и формирование отрядов Красной гвардии, мятеж через несколько дней был подавлен.

Самого Корнилова арестовали и посадили в тюрьму в г. Быхове. Вскоре ему удалось бежать на Дон, где он возглавил Добровольческую армию белых. 31 марта 1918 г. был убит в результате прямого попадания снаряда в помещение штаба армии.

И. А. Ильин

Чего ждать?

Впервые опубликовано под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России», в № 253 от 21 октября (4 ноября) 1917 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 9—10. С. 183—187. Печатается по последнему изданию.

И. А. Ильин

Кошмар

Впервые опубликовано под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России», в № 259 от 10 (23) ноября 1917 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 9—10. С. 187—189. Печатается по последнему изданию.

И. А. Ильин

Кто они?

Впервые опубликовано под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России», в № 266 от 19 ноября (1 декабря) 1917 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 9—10. С. 189—192. Печатается по последнему изданию.

¹ Вероятно, имеются в виду какие-то известные персонажи революционных событий 1917 г.

² *Дубровин Александр Иванович* (1855—1918) — основатель и председатель совета «Союза русского народа», после Октябрьской революции расстрелян. «Союз русского народа» — организация черносотенцев в России. Создана в ноябре 1905 г. с центром в Санкт-Петербурге, имела свыше 500 отделов в ряде городов. Руководители: А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич, Н. Е. Марков. Монархическая и шовинистическая программа содержала одновременно требования улучшить положение трудящихся, избавиться от засилия бюрократии. В 1908 г. из него выделился «Союз Михаила Архангела». В 1910—1912 гг. распался на две самостоятельные организации: «Союз русского народа» и «Всероссийский дубровинский союз русского народа».

Климович Евгений Константинович (1871—1930) — генерал-лейтенант, сенатор. С 1898 г. — на службе в отдельном корпусе жандармов. Во время революционных событий 1905 г. был начальником охранных отделений ряда городов, позже став московским градоначальником. С 15 сентября 1916 г. был уволен со своей должности, а в 1917 г. арестован. После ареста бежал на юг в Добровольческую армию.

³ Имеется в виду императрица, жена Николая II.

И. А. Ильин

Молитва перед решением.
Из записок убитого друга

Впервые: День русского ребенка (Сан-Франциско). 1940. Вып. VII. Май. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 9—10. С. 194—197. Печатается по последнему изданию.

И. А. Ильин

Ушедшим победителям

Статья впервые была опубликована в московской газете «Русские ведомости», в № 249 от 14 (27) ноября 1917 г., и посвящена памяти юнкеров, погибших в Москве в ходе боев с большевиками 27 октября (9 ноября) — 2 (15) ноября 1917 г. Она была подписана инициалами «И. Л.». Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 9—10. С. 192—194. Печатается по последнему изданию.

И. А. Ильин

Корень зла

Статья впервые была опубликована под псевдонимом «Юстус» в газете «Утро России», в № 276 от 2 (15) декабря 1917 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. Т. 9—10. С. 197—201. Печатается по последнему изданию.

И. А. Ильин

<Рец. на кн.:> *Карсавин Л.* Диалоги. «Обелиск».
Берлин, 1923. С. 112

Впервые: Русская мысль. Прага; Париж, 1923. Кн. 3—5. С. 406—408. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. Лекции. Выступления. Рецензии (1906—1954). М., 2001. С. 126—129. Печатается по последнему изданию.

¹ *Франциск Ассизский* (лат. Franciscus Assisiensis; 1181 или 1182—1226) — итальянский проповедник, основатель ордена францисканцев,

автор религиозных поэтических произведений. С 1207 г. подчинил свою жизнь служению духовному наследию Иисуса Христа, став проповедником. Вскоре у него появились последователи в Италии и почти во всех европейских странах, которые организовались во францисканские братства. В 1228 г. был канонизирован.

Блаженная Анджела (?—1309) — святая, известная своими мистическими видениями, описанными в книге «Видения блаженной Анджелы».

² *Людовик XV* (1710—1774) — французский король с 1715 г., из династии Бурбонов.

³ *Букв.:* чревом гнать воздух (испортить воздух) (*лат.*).

⁴ *Людовик XIV* (1638—1715) — французский король с 1643 г., из династии Бурбонов. Его правление — апогей французского абсолютизма (легенда приписывает Людовику XIV изречение: «Государство — это я»).

⁵ *Зеньчуг* — жемчуг.

⁶ Имеются в виду герои романа Ф. Достоевского «Бесы».

И. А. Ильин

Родина и мы

Впервые отдельной брошюрой: Белград: Общество галлиполийцев, 1926. Переиздано: *Ильин. И. А. Собр. соч.:* В 10 т. Т. 9—10. С. 255—275. Печатается по последнему изданию.

¹ Видимо, подразумевается «и т. д., и т. п.».

² *Феодосий Печерский* (ок. 1036—1074) — древнерусский писатель, игумен Киево-Печерского монастыря с 1062 г.; первым ввел на Руси монастырский (Студитский) устав. Влиятельный политический деятель. Автор поучений и посланий.

Мономах Владимир Всеволодович (1053—1125) — князь Киевский с 1113 до 1125 г. Его княжение было временем политического и экономического усиления Руси. Он сумел прекратить княжеские междоусобицы и объединить под своей властью до ³/₄ территории Русского государства.

Оптина Пустынь (Введенская) — мужской монастырь, находится в 2 км от г. Козельск. Основан в XIV в. Оптою (Макарием). Скит около монастыря (основан в 1821 г.) посещали Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Был закрыт после Октябрьской революции. В 1987 г. возвращен Русской Православной Церкви.

³ Имеются в виду лагеря белых на Галлиполийском полуострове в Турции.

⁴ Имеются в виду националистические и фашистские движения, которые, по мнению Ильина, способны наиболее эффективно противостоять большевистской и коммунистической угрозе.

⁵ Явный намек на ту критику, которой была подвергнута книга Ильина «О сопротивлении злу силою» (см. раздел «Критика и полемика» в наст. изд.).

И. А. Ильин

Черносотенство

Впервые появилась в газете «Слово» под названием «Черносотенство — проклятие и гибель России» (Рига, 1926. № 88. 1 марта; № 89. 2 марта; № 90. 3 марта). На вырезке из газеты, хранящейся в Архиве И. А. Ильина в Мичигане, есть его пометка: «Мое заглавие было просто “Черносотенство”». Повторно (под авторским названием): *Ильин И. А.* Собр. соч. Лекции. Выступления. Рецензии (1906—1954). М., 2001. С. 288—293. Печатается по последнему изданию.

¹ *Муцухито* (1852—1912) — император Японии, период правления которого известен под названием «мэйдзи», когда Япония из отсталой феодальной страны превратилась в одну из передовых держав.

² *Бисмарк (Bismarck) Отто фон Шенхаузен (Schonhausen)* (1815—1898) — князь, государственный деятель Германии, 1-й рейхсканцлер Германской империи в 1871—1890 гг. Осуществил объединение Германии на прусско-милитаристской основе. Один из главных организаторов Тройственного союза 1882 г., направленного против Франции и России; при этом считал, что война с Россией была бы крайне опасной для Германии.

³ См. примеч. 53 к письмам Ильина к П. Струве.

⁴ Имеется в виду Комиссаров Михаил Степанович (см. примеч. 11 к переписке Ильина с генералом Врангелем).

И. А. Ильин

Самобытность или оригинальничание?

Впервые: Русская мысль. Париж, 1927. Кн. I. С. 24—30. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. Лекции. Выступления. Рецензии (1906—1954). М., 2001. С. 303—309. Печатается по последнему изданию.

¹ *Евразийство* — идейно-политическое и философское течение в русской эмиграции 20—30-х годов. Началом движения стал выход сборника «Исход к Востоку» (София, 1921) молодых философов и публицистов Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Флоровского и П. П. Сувчинского. Историко-философская и геополитическая доктрина евразийства, следуя идеям поздних славянофилов (Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов, К. Н. Леонтьев), во всем противопоставляла исторические судьбы, задачи и интересы России и Запада и трактовала Россию как «Евразию», особый срединный материк между Азией и Европой и особый тип культуры. На 1-м этапе движения евразийцы осуществили ряд плодотворных историко-культурных разработок; однако затем евразийство все более приобретало политическую окраску, наследуя «сменовеховству» в признании закономерности русской революции и оправдании большевизма. Эта тенденция, усиленно проводившаяся левым крылом евразийства (Сувчинский, Л. П. Карсавин, П. С. Арапов, Т. П. Святополк-Мирский и др.) и сочетавшаяся с проникновением в движение агентуры Государственного Полити-

ческого Управления (Н. Н. Ланговой, С. Я. Эфрон и др.), вызвала протест другой части евразийцев и после ряда расколов на грани 20—30-х годов деятельность евразийцев пошла на убыль.

² *Кипренский Орест Адамович* (1782—1836) — российский живописец и рисовальщик. Представитель романтизма. Содержание портретов Кипренского — духовность, сложная внутренняя жизнь человека, творческая индивидуальность.

³ *Павлов Иван Петрович* (1849—1936) — российский физиолог, академик АН СССР (с 1925 г.; академик Петербургской АН с 1907 г., академик РАН с 1917 г.). Автор классических трудов по физиологии кровообращения и пищеварения (Нобелевская премия, 1904 г.). С помощью разработанного им метода условных рефлексов установил, что в основе психической деятельности лежат физиологические процессы, происходящие в коре головного мозга.

⁴ *Улус* — родо-племенное объединение с определенной территорией, подвластное хану или вождю у народов Центральной и Средней Азии, Сибири.

И. А. Ильин

Национал-социализм

Впервые: Возрождение. Париж, 1933. № 2906. 17 мая. С. 2—3. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. Лекции. Выступления. Рецензии (1906—1954). М., 2001. С. 316—326. Печатается по последнему изданию.

¹ *Зеверинг Карл* (1875—1952) — немецкий политический деятель, лидер социал-демократов во время Веймарской республики, министр Пруссии в 1920—1926 и 1930—1932 гг.

² *Версальский мирный договор 1919 г.* — договор, завершивший 1-ю мировую войну. Был подписан в Версале 28 июня державами-победительницами — США, Британской империей, Францией, Италией, Японией, Бельгией и др., с одной стороны, и побежденной Германией — с другой.

³ 30 января 1933 г. Гитлер по распоряжению Гинденбурга занял пост рейхсканцлера Германии. Он пришел к власти как глава коалиционного правительства, так как его партия даже с немногочисленными союзниками не имела большинства в рейхстаге (в 1928 г. фашисты получили 12 мест, но уже в 1932 г. по числу мандатов фашистская партия имеет больше мест, чем любая другая партия). Это обстоятельство, однако, ничего не означало, поскольку кабинет Гитлера был «президентским кабинетом», а Гитлер — «президентским канцлером». Вместе с тем результаты выборов 1932 г. придали определенный ореол легитимности его канцлерству. Вначале, когда открытое сопротивление фашизму не было окончательно подавлено (еще в феврале 1933 г. во многих местах Германии проходили антифашистские демонстрации), Гитлер прибегал к «чрезвычайным мерам» на основе чрезвычайных президентских полномочий и в рамках формально действующей Веймарской конституции. Первый репрессивный декрет «О защите немецкого народа», подписанный президентом Гинденбургом,

был принят на основе ст. 48 Веймарской конституции и мотивировался защитой «общественного спокойствия». Однако затем для оправдания чрезвычайных мер Гитлер (в том же 1933 г.) организовал провокационный поджог рейхстага, в котором были обвинены коммунисты. Вслед за провокацией последовали два новых чрезвычайных постановления: «Против измены германскому народу и против изменнических действий» и «О защите народа и государства», — принятых, как было объявлено, с целью подавления «вредных для государства коммунистических насильственных действий». Правительству предоставлялось право брать на себя полномочия любой земли, издавать указы, связанные с нарушением тайны переписки, телефонных разговоров, неприкосновенности собственности, прав профсоюзов. Окончательную форму фашистская диктатура приобрела в 1934 г. после смерти Гинденбурга, когда Гитлер объединил свои полномочия рейхсканцлера с полномочиями президента, объявив себя «фюрером германского народа».

И. А. Ильин

Искусство (1930—1933)

<фрагменты>

Впервые рукописные заметки Ильина по проблемам искусства были опубликованы Ю. Т. Лисицей в книге: *Ильин И. А. Собр. соч. Письма. Мемуары (1939—1954)*. М., 1999. С. 272—319. Избранные фрагменты публикуются по последнему изданию.

¹ Глупый малый важничает
Упрямая девица вертится
От моей мелодии... (*нем.*).

² Вместо «малый» и «девица» — «белый» (*нем.*).

³ Schuhplattler (*нем.*) — немецкий народный танец.

⁴ Перванный половой акт, извержение спермы (*лат.*).

⁵ *Неомальтузианство* — теория, основанная на учении Мальтуса, согласно которому количество рождающихся людей значительно превышает количество продуктов на земле и возможность прокормить всех.

⁶ Свет сухой (*греч.*).

⁷ *Гален* (ок. 130 — ок. 200) — древнеримский врач. В классическом труде «О частях человеческого тела» дал первое анатомо-физиологическое описание целостного организма.

⁸ Жалко всякое животное после половой связи (*лат.*).

⁹ *Кузмин Михаил Алексеевич* (1875—1936) — русский писатель, композитор, музыкальный критик. Примыкал к символизму, затем к акмеизму.

¹⁰ *Сомов Константин Андреевич* (1869—1939) — российский живописец и график. Член «Мира искусства».

¹¹ Песнь соловья. Симфоническая поэма для оркестра (*фр.*).

¹² *Вальтер* (наст. фам. Шлезингер) *Бруно* (1876—1962) — немецкий дирижер.

¹³ *Андерсен Ханс Кристиан* (1805—1875) — датский писатель. Мировую славу принесли ему сказки, в которых сочетаются романтика и реализм, фантазия и юмор, сатирическое начало с иронией.

¹⁴ «В сторону», про себя (реплика актера или участника разговора вполголоса) (*ит.*).

¹⁵ *Шаляпин Федор Иванович* (1873—1938) — российский певец (бас), народный артист Республики (с 1918 г.). Большинство партий впервые исполнил на сцене Московской частной русской оперы (1896—1899 гг.), пел в Большом и Мариинском театрах. Представитель русского реалистического исполнительского искусства.

¹⁶ «Штиль на море» (*нем.*).

¹⁷ Дремлют воды. Недвижимый
Словно скован кругозор,
И с тревогой корабельщик
Смотрит в сумрачный простор.
Иль не стало ветра в мире?
Мертвенная тишина.
Ни одна в бескрайней шири
Не шелохнется волна.

1795 (пер. Н. Вольпина).

¹⁸ Страшный, ужасный, необычный (*нем.*). Вольпин в своем переводе употребил слово «мертвенная».

И. А. Ильин

«Подвиг лжи» г. Бердяева

Впервые опубликовано в нью-йоркской газете «Россия» за 11 марта 1947 г. Статья была подписана псевдонимом «Старый политик» и предварялась редакционным вступлением: «Мы просили нашего парижского сотрудника собрать достоверные сведения о г. Бердяеве, которые могли бы объяснить его просоветскую агитацию и осветить политическую роль этого явно запутавшегося писателя. Ответ нашего сотрудника мы приводим в дальнейшем без изменений». Переиздано: *Ильин И. А. Собр. соч. Лекции. Выступления. Рецензии* (1906—1954). М., 2001. С. 152—156. Печатается по последнему изданию.

¹ *Кривошеин Игорь Александрович* (1899—?) — сын министра земледелия Российской империи Кривошеина Александра Васильевича, эмигрант. Состоял в ложах «Астрей», «Лотос». В 1948 г., движимый патристическими чувствами, приехал в СССР, где был осужден. После лагерей и ссылки по ходатайству своего сына, жившего в Париже, снова вернулся во Францию (*Примеч. Ю. Т. Лисицы*).

² В 1922 г., перед высылкой из России, Бердяева допрашивал Ф. Дзержинский.

И. А. Ильин

Наши задачи

<фрагменты>

Небольшие публицистические статьи Ильина выходили в 1948—1954 гг. без указания имени автора в качестве бюллетеней Русского общевойсского союза и рассылались узкому кругу единомышленников. После смерти Ильина они были собраны в двухтомник: *Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948—1954 гг.* Париж, 1956. Последнее переиздание: *Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т.* М., 1993. Т. 2. Кн. 1—2. Настоящая подборка статей публикуется по последнему изданию.

¹ 10 мая 1923 г. в Лозанне (Швейцария) белогвардеец Конради застрелил В. В. Воровского — советского посла в Италии, генерального секретаря советской делегации на Генуэзской (1922 г.) и Лозаннской (1922—1923 гг.) международных конференциях. Швейцарский суд оправдал Конради и тем самым осудил большевистский режим в России.

7 июня 1927 г. в Варшаве белогвардеец Коверда застрелил П. Л. Волкова — советского посла в Польше, причастного к расстрелу царской семьи в Екатеринбурге в июле 1918 г. Суд признал Коверду виновным и приговорил к каторжным работам.

² *Николаевский Борис Николаевич* (1887—1966) — меньшевик, с 1920 г. член ЦК меньшевистской партии. В 1922 г. был выслан из Советской России.

³ *Данилевский Николай Яковлевич* (1822—1885) — русский публицист и социолог, идеолог панславизма; в книге «Россия и Европа» (1869) выдвинул теорию обособленных «культурно-исторических типов» (цивилизаций), развивающихся подобно биологическим организмам; «славянский» тип считал наиболее перспективным.

⁴ *Пушкин А. С.* Заметки по русской истории XVIII века // Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. VIII. С. 92—93.

⁵ *Серафим Саровский* (в миру — Прохор Мошнин; 1754, по др. данным: 1759—1833) — один из наиболее почитаемых в Русской Православной Церкви святых. Приняв в юношеском возрасте постриг, провел жизнь в Саровской пустыни (Тамбовская губ., ныне Нижегородская обл.); отличался подвигами благочестия, даром прорицания.

⁶ *Салтыков Петр Семенович* (1698—1772/1773) — российский генерал-фельдмаршал (с 1759 г.), граф (с 1733 г.). В Семилетней войне, командуя русской армией в 1759—1760 гг., одержал победы при Пальциге и Кунерсдорфе. В 1764—1771 гг. — генерал-губернатор Москвы.

⁷ *Александр I* (1777—1825) — российский император с 1801 г. Старший сын Павла I. В начале правления провел умеренно-либеральные реформы, разработанные Негласным комитетом и М. М. Сперанским. Во внешней политике лавировал между Великобританией и Францией. В 1805—1807 гг. участвовал в антифранцузских коалициях. В 1807—1812 гг. временно сблизился с Францией. После Отечественной войны 1812 г. возглавил в 1813—1814 гг. антифранцузскую коалицию европей-

ских держав. Был одним из руководителей Венского конгресса 1814—1815 гг. и организаторов Священного союза.

⁸ *Семилетняя война 1756—1763* — между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией (в унии с Ганновером) и Португалией — с другой. Вызвана обострением англо-французской борьбы за колонии и столкновением политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России. Победы прусской армии Фридриха II в 1757 г. у Росбаха и Лейтена были сведены на нет победой русско-австрийских войск в Кунерсдорфском сражении (1759 г.). В 1761 г. Пруссия была на грани катастрофы, но новый русский царь Петр III заключил с ней в 1762 г. союз (Екатерина II расторгла его, но войны не возобновила). По Губертусбургскому миру 1763 г. с Австрией и Саксонией Пруссия закрепила за собой Силезию. По Парижскому мирному договору 1763 г. перешли к Великобритании от Франции Канада, Восточная Луизиана, большая часть французских владений в Индии. Главный итог Семилетней войны — победа Великобритании над Францией в борьбе за колониальное и торговое первенство.

⁹ Политика Николая I в рамках Священного союза спасла австрийскую династию Габсбургов в 1849 г. В это время вся Австрия была охвачена огнем общеевропейской революции, выразившейся там в национально-освободительной борьбе подчиненных империи народов. Особенно тяжелое для австрийского двора положение сложилось тогда в Венгрии и Трансильвании. Венгры — народ, прославившийся своими воинскими доблестями еще со времен средневековья, — сумели освободиться от власти Габсбургов, провозгласить свое государство и создать революционную армию, успешно отражавшую все карательные акции австрийских войск. Тогда недавно вступивший на престол в Вене император Франц-Иосиф (тот самый, который в 1914 г. поведет свою страну в войну против России) обратился в Петербург с отчаянной мольбой о помощи. 23 апреля 1849 г. Россия направила свои войска подавлять борьбу народа, победа которого сыграла бы ей на руку — исторические связи венгров с Россией прослеживаются еще с Галицко-Волынской Руси XIII в. Три российских армейских корпуса (120 000 пехоты и сабель при 450 орудиях) обрушились на Венгрию только потому, что там была «революция против законного монарха». Кампания продолжалась всего два месяца. Зажатая между русскими и австрийскими войсками, Венгрия пала.

¹⁰ В 1875 г. Бисмарк пытался вызвать военный конфликт с Францией. Он считал, что Франция слишком быстро восстанавливает свои силы после предыдущей войны. Опасаясь, что она может сблизиться с Россией, германское правительство спешило поскорее еще раз сокрушить своего западного соседа, пока он полностью не окреп и не имеет сильных союзников. Послушная Бисмарку печать начала серию публикаций, направленных против Франции, обвиняя ее в «колоссальных вооружениях» и в подготовке к нападению на Германию. Такой аргументацией германские руководители обосновывали необходимость превентивной войны против Франции. Для осуществления задуманной акции германское правительство считало необходимым заручиться благожелательным отношением России или, во всяком случае, ее нейтралитетом. Но русское правитель-

ство не поддержало германских планов. Твердая позиция России заставила Бисмарка отступить и спасла Францию.

¹¹ В правление императора Александра III произошло заметное сближение России и Франции и был заключен русско-французский союз (1891—1893). В официальной литературе Александр III именовался Миротворцем.

¹² *Гаагские конвенции* — международные конвенции о законах и обычаях войны, принятые на 1-й (3 конвенции) и 2-й (13 конвенций) мирных конференциях в Гааге в 1899 и 1907 гг. Гаагские конвенции содержат положения о мирном разрешении международных споров, нейтралитете, о защите мирных жителей, режиме военнопленных, участии раненых и больных и т. д.

¹³ *Mania grandiosa (um.)* — мания величия.

¹⁴ *Франко Баамонде (Franco Bahamonde) Франсиско* (1892—1975) — глава испанского государства (каудильо) в 1939—1975 гг. и вождь Испанской фаланги в 1937—1975 гг. В 1936 г. возглавил мятеж против Испанской республики.

¹⁵ Герой романа Ф. Достоевского «Бесы».

¹⁶ *Плеханов Георгий Валентинович* (1856—1918) — первый в России пропагандист и теоретик марксизма, один из основателей РСДРП, впоследствии лидер меньшевиков.

Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959) — один из лидеров меньшевизма. Депутат 2-й Государственной думы. В 1917 г. — министр Временного правительства, с 1918 г. — меньшевистского правительства Грузии. С 1921 г. — в эмиграции.

Фондаминский (Бунаков-Фондаминский) Илья Исидорович (1881—1942) — общественный деятель, публицист, член ЦК партии эсеров, отдал партии полученное от отца миллионное наследство. За свою деятельность дважды был приговорен к смертной казни: при царском режиме и при Советской власти. Эмигрант, один из организаторов журнала «Новый град». В эмиграции изменил свои взгляды, обратившись к религии. Незадолго до кончины окрестился. В годы войны вместе с матерью Марией был казнен нацистами.

¹⁷ *Морозов Савва Тимофеевич* (1862—1905) — российский предприниматель, меценат. Из рода текстильных предпринимателей Морозовых. По образованию химик, меценат Московского Художественного театра, сочувствовал и помогал революционерам. По рекомендации врачей-невропатологов уехал за границу. Покончил жизнь самоубийством.

¹⁸ Имеется в виду распоряжение Временного правительства, возглавлявшегося Керенским, об отмене наказания за неподчинения солдат офицерам.

¹⁹ *Лаваль (Laval) Пьер* (1883—1945) — премьер-министр Франции в 1931—1932 и 1935—1936 гг.; в 1934—1935 гг. — министр иностранных дел. Сторонник «умиротворения» фашистских агрессоров. В 1942—1944 гг. — глава коллаборационистского правительства «Виши». Был казнен как изменник.

²⁰ *Иден Антони, лорд Эйвон* (1897—1977) — английский дипломат и государственный деятель. В 1935—1938, 1940—1945, 1951—1955 гг. —

министр иностранных дел, в 1939—1940 гг. — министр по делам колоний, в 1955—1957 гг. — премьер-министр Великобритании.

²¹ *Неру Джавахарлал* (1889—1964) — премьер-министр и министр иностранных дел Республики Индии с 1947 г. Сподвижник М. К. Ганди в борьбе за национальное освобождение, один из лидеров Индийского национального конгресса. В колониальной Индии (до 1947 г.) преследовался, провел в тюрьмах свыше 10 лет. Вошел в историю как «строитель новой Индии». Под руководством Неру правительство Индии провело крупные меры по ликвидации отсталости страны. В области внешней политики оно придерживалось курса «позитивного нейтралитета». Неру выступал за всемерное развитие дружбы с Россией.

Ганди Мохандас Карамчанд (1869—1948) — один из лидеров индийского национально-освободительного движения, его идеолог. По образованию юрист. В 1893—1914 гг. жил в Южной Африке. В 1915 г. вернулся в Индию и вскоре возглавил партию Индийский национальный конгресс. В качестве главного средства антиколониальной борьбы избрал тактику ненасильственных действий и гражданского неповиновения. После завоевания Индией независимости (1947) и раздела ее на два государства (Индийский союз и Пакистан) выступил против начавшихся индо-мусульманских погромов и был убит членом индусской шовинистической организации. Ганди состоял в переписке с Л. Н. Толстым и, как и последний, проповедовал принципы ненасилия, ненанесения вреда окружающим, нравственного самоусовершенствования, патриархальности.

Чжоу Эньлай (1898—1976) — китайский государственный и политический деятель, с 1949 г. — премьер Госсовета КНР, в 1949—1958 гг. — одновременно министр иностранных дел. В отношениях с западными странами активно проводил политику китайского партийно-государственного руководства, рассматривающего Запад как врага номер один.

²² *Рузвельт (Roosevelt) Теодор* (1858—1919) — 26-й президент США (1901—1909 гг.), от Республиканской партии. Проводил экспансионистскую политику в Латинской Америке (политика «большой дубинки», оккупация Кубы в 1906—1909 гг., захват зоны Панамского канала и пр.). В период Русско-японской войны 1904—1905 гг. правительство Рузвельта поддерживало Японию. Лауреат Нобелевской премии мира (1906 г.) за усилия в заключении Портсмутского договора.

Трумэн (Truman) Гарри (1884—1972) — 33-й президент США (1945—1953 гг.), от Демократической партии; вице-президент с января — апрель 1945 г. Отдал приказ об атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки. Один из инициаторов создания НАТО (National Atlantic Treaty Organization, NATO).

²³ «Новый курс» (англ.) — название новой экономической политики Рузвельта.

²⁴ *Макартур (MacArthur) Дуглас* (1880—1964) — американский генерал армии (с 1944 г.). Во 2-ю мировую войну — командующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке (1941—1942 гг.) и верховный командующий союзными войсками в юго-западной части Тихого океана (1942—1951 гг.), одновременно с 1945 г. — командующий оккупационными войсками в Японии. В 1950—1951 гг. руководил операциями американских и южнокорейских вооруженных сил в войне в Корее.

²⁵ Имеется в виду *Чан Кайши* (Цзян Цзешу) (1887—1975) — глава (с 1927 г.) гоминьдановской администрации на о. Тайвань по 1949 г. Маршал.

²⁶ *Штресеман* (*Stresemann*) *Густав* (1878—1929) — германский рейхсканцлер (август—ноябрь 1923 г.) и министр иностранных дел (с августа 1923 г.), один из основателей (1918 г.) и лидер Немецкой народной партии. В борьбе за отмену антигерманских статей Версальского договора использовал политику сближения с СССР. В 1925 г. подписал советско-германский торговый договор, в 1926 г. — договор с СССР о нейтралитете, в 1929 г. — конвенцию о согласительной процедуре при решении спорных вопросов.

Курицус Юлиус (1877—1948) — немецкий государственный деятель. Активно поддерживал внешнюю политику Штресемана. В 1929—1931 гг. занимал пост министра иностранных дел Германии.

Брюнинг Генрих (1885—1970) — германский рейхсканцлер в 1930—1932 гг. При нем в 1931 г. были продлены советско-германский договор о нейтралитете от 1926 г. и советско-германская конвенция о согласительной процедуре от 1929 г.

Риббентроп Иоахим (1893—1946) — в 1938—1945 гг. — министр иностранных дел Германии. В августе 1939 г. подписал советско-германский договор о ненападении, получивший название «пакт Молотова—Риббентропа».

²⁷ Один из псевдонимов Ильина. Книга, изданная на немецком языке, называлась «Большевистская мировая политика».

²⁸ *Александр I Карагеоргиевич* (1888—1934) — с 1921 г. король Югославии (до 1929 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев). Рассматривал СССР как потенциально опасную для Югославии державу и во внешней политике ориентировался на Францию. Был убит в Марселе вместе с французским министром иностранных дел Барту хорватскими усташами.

²⁹ *Маннергейм Карл Густав* (1867—1951) — барон, финский фельдмаршал. В 1889—1917 гг. служил в русской армии. В марте 1918 г. командовал войсками, подавившими при поддержке Германии революцию в Финляндии. Главнокомандующий финской армией в войнах против СССР в 1939—1940 и 1941—1944 гг. В августе 1944 — марте 1946 гг. — президент Финляндии. Сторонник жесткой линии в отношениях с СССР. Вышел в отставку под давлением демократических сил.

³⁰ *Мотта* (*Motta*) *Джузеппе* (1871—1940) — президент Швейцарской конфедерации в 1915, 1920, 1927, 1932, 1937 гг., лидер Католической консервативной партии. С 1920 г. — глава Политического департамента (министр иностранных дел), возглавлял швейцарские делегации в Лиге Наций.

³¹ Имеется в виду Тито (Броз Тито) (*Broz Tito*) Иосип (1892—1980), президент Югославии с 1953 г.

³² *Эттли* (*Attlee*) *Клемент Ричард* (1883—1967) — премьер-министр Великобритании в 1945—1951 гг., лидер лейбористской партии в 1935—1955 гг.

³³ *Маленков Георгий Максимилианович* (1902—1988) — политический деятель. В 1946—1953 и 1955—1957 гг. — заместитель председателя, в 1953—1955 гг. — председатель Совета Министров СССР, одновременно в 1955—1957 гг. — министр электростанций СССР. Входил в ближайшее

политическое окружение И. В. Сталина; один из наиболее активных организаторов массовых репрессий в 1930-х — начале 1950-х годов.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890—1986) — политический деятель. В 1930—1941 гг. — председатель СНК СССР и СТО СССР (до 1937 г.). С 1941 г. — заместитель председателя, в 1942—1957 гг. — 1-й заместитель председателя СНК (Совета Министров) СССР, одновременно в 1941—1945 гг. — заместитель председателя ГКО. В 1939—1949 и 1953—1956 гг. — нарком, министр иностранных дел СССР. Входил в ближайшее политическое окружение И. В. Сталина; один из наиболее активных организаторов массовых репрессий 1930-х — начала 1950-х годов. Выступил против критики культа личности И. В. Сталина в середине 50-х годов.

Хрущев Никита Сергеевич (1894—1971) — государственный и политический деятель. С 1949 г. — секретарь ЦК и 1-й секретарь Московского комитета ВКП(б). С 1953 г. — 1-й секретарь ЦК КПСС.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883—1954) — заместитель прокурора и прокурор СССР в 1933—1939 гг., академик АН СССР (с 1939 г.). В 1939—1944 гг. — заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР. В 1940—1953 гг. — на руководящих постах в МИД СССР (в 1949—1953 гг. — министр). Выдвинутые в работах Вышинского положения были направлены на обоснование грубых нарушений законности, массовых репрессий, в частности путем придания значения ведущего доказательства признанию обвиняемого. Был государственным обвинителем на фальсифицированных политических процессах 30-х годов.

³⁴ *Обол* — мелкая монета в Древней Греции, а также средневековых Византии, Франции, Голландии, Италии, Испании, Португалии.

³⁵ *Сакко Никола* (1891—1927) и *Ванцетти Бартоломео* (1888—1927) — американцы итальянского происхождения, активисты рабочего движения. Были арестованы по обвинению в убийстве. В 1927 г. суд вынес решение об их виновности (хотя прямые улики отсутствовали) и приговорил обоих к смертной казни. Судебный процесс вызвал широкую волну протестов мировой общественности, истолковавшей его как наступление на рабочее движение США.

³⁶ Американским физикам-ядерщикам, супругам Этели и Юлиусу Розенберг, было предъявлено обвинение в передаче атомных секретов Советскому Союзу. Суд признал их виновными и в 1953 г. приговорил к смертной казни на электрическом стуле.

³⁷ *Маккарти (McCarthy) Джозеф Реймонд* (1908—1957) — председатель сенатской комиссии конгресса США по вопросам деятельности правительственных учреждений и ее постоянной подкомиссии по расследованию (с 1953 г.). Развернул кампанию преследования прогрессивных деятелей и организаций.

³⁸ *Фукс Клаус (Эмиль Юлиус)* (р. 1911) — британский физик германского происхождения. Был арестован и осужден в 1950 г. за передачу английских и американских атомных секретов Советскому Союзу. Член Коммунистической партии Германии. После 1959 г. жил и работал в ГДР, а позже и в СССР.

Понтекеро Бруно Максимович (р. 1913) — советский физик-ядерщик, академик АН СССР. Родился в Италии, с 1939 г. — член Итальян-

ской коммунистической партии. С 1940 г. работал в США, Канаде, Великобритании. С 1950 г. — в СССР.

³⁹ *Кларк Марк Уэйн* (1896—1984) — американский генерал. В годы второй мировой войны командовал 5-й армией в Северной Африке и Италии, 15-й групповой армией в Италии. Во время корейской войны в 1952—1953 гг. командовал войсками ООН в Корее.

И. А. Ильин

О демонизме и сатанизме

Впервые статья появилась на немецком языке в качестве главы в книге «Blick in die Ferne. Ein Buch der Einsichten und der Hoffnungen» (Zürich, 1945) («Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований»). Позже Ильин подготовил русский вариант этой главы, предполагая включить его в книгу «О возрождении и обновлении России»; однако этот замысел остался неосуществленным. Первая публикация русского варианта состоялась уже после смерти Ильина в журнале «День русского ребенка» (Сан-Франциско, 1955. Вып. XXII). Вторая публикация была осуществлена известным исследователем творчества Ильина Н. П. Полторацким (Русское возрождение. Нью-Йорк, 1979. № 7—8). В настоящем издании работа воспроизводится по книге: *Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1996. Т. 6. Кн. II. С. 274—281.*

¹ *Байрон (Byron) Джордж Ноэл Гордон* (1788—1824) — английский поэт-романтик; член палаты лордов. Создал тип «байронического», рефлексизирующего героя: разочарованный мятежный индивидуалист, одинокий, не понятый людьми страдалец, бросающий вызов всему миропорядку и Богу (сила богоборческих настроений определила пафос «Манфреда» и «Кайна»), трагически переживающий разлад с миром и собственную раздвоенность.

² *Лист (Liszt) Ференц (Франц)* (1811—1886) — венгерский композитор, пианист, дирижер. Создатель нового направления в пианизме. Композитор-романтик, Лист стремился раскрыть в своих произведениях внутреннюю связь музыки с поэзией (многие сочинения Листа имеют литературно-сюжетную основу).

³ *Шиллер (Schiller) Иоганн Фридрих* (1759—1805) — немецкий поэт, драматург и теоретик искусства Просвещения; наряду с Г. Э. Лессингом и И. В. Гете основоположник немецкой классической литературы.

Шамиссо (Chamisso) Адельберт фон (1781—1838) — немецкий писатель и ученый-естествоиспытатель. Сочетал романтические и реалистические тенденции. В повести-сказке «История Петера Шлемиля» (1814) о человеке, продавшем свою тень дьяволу, власть золота сталкивается с силой человеческого достоинства.

Гофман Эрнст Теодор Амадей (1776—1822) — немецкий писатель-романтик, композитор, художник. Тонкую философскую иронию и причудливую фантазию, доходящую до мистического гротеска (роман «Эликсир дьявола», 1815—1816), сочетал с критическим восприятием реальности, сатирой на немецкое мещанство и феодальный абсолютизм.

⁴ *Гюго (Hugo) Виктор Мари* (1802—1885) — французский писатель-романтик.

Нерваль (Nerval) Жерар де (1808—1855) — французский писатель. Темы романтического двоемирия, демонстративной антибуржуазности сменяются в поздней лирике Нерваля крайними формами ухода от реальности: в мир поэтических потусторонних видений и галлюцинаций, причудливых мифологических ассоциаций. Страдал тяжким душевным расстройством; по широко распространенной версии, покончил с собой.

Нодье (Nodier) Шарль (1780—1844) — французский писатель-романтик. В романе «Жан Сбогар» (1818) «благородный разбойник» противопоставлен обществу.

Готье (Gautier) Теофиль (1811—1872) — французский писатель и критик, один из вдохновителей «Парнаса». Обосновал теорию «искусства для искусства». Проповедовал романтизм со следами байронического демонизма.

Виньи (Vigny) Альфред Виктор де (1797—1863) — французский писатель-романтик. В поэмах «Элоа» (1824), «Моисей» (1826), «Потоп» (1826) воспевают идеальную любовь, показывает страдания разочарованного героя; для них характерны богоборческие мотивы. В психологической драме «Чаттертон» (1835), поэме «Смерть волка» (1843) описано трагическое одиночество избранных душ в мире непонимающей их «пошлой толпы».

Барбе Д'Оревильи (Barbey d'Aureville) Жюль Амеде (1808—1889) — французский писатель, поздний романтик. Критиковал общество с позиций нравственно-религиозного (католического) максимализма. Сборник рассказов «Дьявольские лики» (1874), роман «История без названия» (1882) и др. окрашены в тона пессимистического фатализма (господство и ненаказуемость зла в современном обществе).

Беранже (Beranger) Пьер Жан (1780—1857) — французский поэт. Завоевал известность сатирой на наполеоновский режим («Король Ивето», 1813). Поднял фольклорный куплет на высоту профессионального искусства. Песни Беранже, проникнутые революционным духом, юмором, оптимизмом, плебейской прямоотой, приобрели широкую популярность.

Бодлер (Baudelaire) Шарль (1821—1867) — французский поэт. Участник Революции 1848 г. Предшественник французского символизма. В сборнике «Цветы зла» (1857) анархическое бунтарство, тоска по гармонии сочетаются с признанием неодолимости зла, эстетизацией пороков большого города.

Верлен (Verlaine) Поль (1844—1896) — французский поэт-символист. Ввел в лирическую поэзию сложный мир чувств и переживаний, придал стиху тонкую музыкальность.

Рембо (Rimbaud) Артюр (1854—1891) — французский поэт. Один из ранних представителей символизма. В книгах стихов и прозы «Сквозь ад» (1873), «Озарения» (издана в 1886) — «разорванность» мысли, нарочитая алогичность и антисимволистская, заостренно-прозаическая конкретность образов в сочетании с демонстративной антибуржуазностью и пророческим пафосом.

Гюисманс Шарль Мари Жорж (1848—1907) — французский писатель. Натуралистические тенденции повести «Марта...» (1876), романа «Сестры Ватар» (1879) перерастают в романах «Наоборот» (1884) и «Там, внизу» (1891) в декадентство. Характерна мистическая интерпретация реальности в романах «В пути» (1895), «Собор» (1898).

Бальзак (Balzac) Оноре де (1799—1850) — французский писатель. Эпопея «Человеческая комедия» из 90 романов и рассказов связана общим замыслом и многими персонажами. Эпопея Бальзака — грандиозная по широте охвата реалистическая картина французского общества.

Мериме (Merimée) Проспер (1803—1870) — французский писатель. Мастер новеллы. В остросюжетной, стилистически отточенной романтической прозе — сильные и цельные характеры, характерен интерес к народной жизни.

Мишле (Michelet) Жюль (1798—1874) — французский историк романтического направления. Главные сочинения: «История Франции» (до 1789), «История Французской революции».

Гуно (Gounod) Шарль (1818—1893) — французский композитор. Один из создателей и виднейший представитель французской лирической оперы.

Мейербер (Meyerbeer) Джакомо (псевд.; наст. имя и фам. Якоб Либман Бер; Beer; 1791—1864) — композитор. Жил в Германии, Италии, Франции, писал для театров этих стран. Создал жанр большой героико-романтической оперы.

Берлиоз (Berlioz) Гектор (1803—1869) — французский композитор, дирижер. Член Института Франции (с 1856 г.). Создатель романтической программной симфонии. Новатор в области музыкальной формы, гармонии, инструментовки. Стремился к театрализации симфонического жанра, к монументальности вокально-инструментального стиля, к гротесковому заострению образов.

⁵ Весьма вероятно, что здесь Ильин имеет в виду Октябрьскую революцию 1917 г.; в этом случае можно сделать вывод, что публикуемый текст был завершен в 1953 г., в последний год жизни философа.

IV

КРИТИКА И ПОЛЕМИКА

С. Варшавский

«О противлении злу»

(От нашего пражского корреспондента)

Статья напечатана в варшавской газете «За свободу!», № 114 от 1 мая 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 289—292. Печатается по последнему изданию.

Автор статьи — журналист Варшавский Сергей Иванович.

<?>

«О сопротивлении злу»

Статья не подписана; напечатана в газете «Руль», № 1361 от 27 мая 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 292—294. Печатается по последнему изданию.

¹ *Михаил Архангел, Архистратиг* — в иудаизме и христианстве один из семи архангелов, вождь небесного воинства в его борьбе с темными силами ада (Дан. 10: 13; Иуд. 9; Откр. 12: 7).

Георгий Победоносец — христианский святой, великомученик. Согласно христианскому преданию, уроженец Каппадокии (на территории современной Турции). Был замучен в 303 г. во время гонений на христиан при римском императоре Диоклетиане; день памяти отмечается 23 апреля (6 мая). Покровитель земледелия и скотоводства. На иконах, гербах и других предметах изображается в виде конного воина, поражающего копьем дракона («Чудо Георгия о змие»). Георгий Победоносец — герой многочисленных сказаний, песен, легенд у христиан (у русских под именем Егория или Юрия) и мусульманских народов.

Н. П. В.

О сопротивлении злу
(на докладе И. А. Ильина)

Статья напечатана в парижской газете «Последние новости», № 1571 от 9 июня 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 295—296. Печатается по последнему изданию.

Н. П. В. — инициалы *Вакара Николая Петровича* (1894—1970), члена ЦК партии кадетов, заместителя П. Н. Милюкова по газете «Последние новости». Вместе с И. П. Демидовым входил в руководство подрывной антисоветской организации «Центр действия», созданной в ноябре 1920 г. в Париже. В апреле 1922 г. перешел польско-советскую границу и пробрался в Киев, где развернул деятельность по подготовке новой, «национальной революции», приступив к созданию сети подпольных вооруженных ячеек. Летом 1923 г. парижский «Центр действия» распался, а киевская организация была раскрыта органами ГПУ и ликвидирована. Вакар надолго обосновался во Франции. Впоследствии эмигрировал в США, где и умер.

<?>

Доклад проф. Ильина

Статья не подписана; напечатана в парижской газете «Русское время», № 1 от 10 июня 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 296—298. Печатается по последнему изданию.

Д. Пасманик

Черно-белое

Статья опубликована в варшавской газете «За свободу!», № 153 от 13 июня 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 298—301. Печатается по последнему изданию.

Пасманик Даниил Самойлович (Даниель Бен-Самуэли) (1869—1930) — журналист, врач, писатель-мемуарист, член Союза русских литераторов и журналистов в Париже, кадет, член Парижского комитета партии. После партийного раскола на «правых» и «левых» в июле 1921 г. не вошел в «демократическую группу» П. И. Милюкова. В дореволюционные годы — участник еврейского национального движения, специалист по еврейскому вопросу. Определял себя так: «Я — русский и еврейский патриот». Имеет печатные труды: «Критика “теории” Бунда» (Одесса, 1906), «Страдающий Израиль: Психология еврейства в расселении» (Вильно, 1910), «Одиннадцатый сионистский съезд» (СПб., 1911), «Судьба еврейского народа: Проблема еврейской общественности» (М., 1917), «Русская революция и еврейство: Большевики и иудаизм» (Берлин, 1923).

¹ *Рыков Алексей Иванович* (1881—1938) — российский политический деятель. В 1924—1930 гг. — председатель СНК СССР, одновременно в 1924—1929 гг. — председатель СНК РСФСР. В 1926—1930 гг. — председатель СТО. В конце 20-х годов выступил против свертывания нэпа, резкого форсирования коллективизации и индустриализации, что было объявлено «правым уклоном». В 1931—1936 гг. — нарком связи. Был репрессирован; реабилитирован посмертно.

Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — российский политический деятель. С 1919 г. — председатель ВЦИК, с 1922 г. — председатель ЦИК СССР, с 1938 г. — председатель Президиума ВС СССР. Входил в ближайшее политическое окружение И. В. Сталина; санкционировал массовые репрессии 1930—1940-х годов.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885—1925) — политический и военный деятель. В Гражданскую войну — командующий армией, Южной группой войск Восточного фронта, Восточным, Туркестанским фронтами. В 1924—1925 гг. — заместитель председателя и председатель РВС СССР, заместитель наркома и нарком по военным и морским делам, одновременно начальник Штаба РККА и начальник военной академии. Под руководством Фрунзе в 1924—1925 гг. была проведена военная реформа.

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877—1926) — российский политический деятель. Один из руководителей революции 1905—1907 гг. (Варшава). В Октябрьскую революцию — член партийного Военно-революционного центра и Петроградского Военно-революционного комитета (ВРК). С 1917 г. — председатель Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (с 1922 г. — ГПУ, ОГПУ) и нарком внутренних дел РСФСР в 1919—1923 гг., одновременно с 1921 г. — нарком путей сообщения, с 1924 г. — председатель ВСНХ СССР; с 1921 г. — председатель Комиссии по улучшению жизни детей при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете.

² *Набоков Владимир Дмитриевич* (1869—1922) — юрист, публицист, один из лидеров партии кадетов, отец известного писателя Владимира Набокова. Депутат 1-й Государственной думы, управляющий делами в

первом составе Временного правительства (февраль—март 1917 г.). Белоэмигрант. Трагически погиб, прикрыв своим телом П. Н. Милокова, на которого было совершено покушение.

³ Имеются в виду монархисты, сторонники двоюродного брата Николая II — Кирилла Владимировича, который в августе 1924 г. провозгласил себя Императором Всероссийским.

⁴ *Торквемада (Torquemada) Томас* (ок. 1420—1498) — с 80-х годов глава испанской инквизиции (великий инквизитор). Инициатор изгнания евреев из Испании (1492 г.).

⁵ *Победоносцев Константин Петрович* (1827—1907) — российский государственный деятель, ученый-правовед. Преподавал законоведение и право наследникам престола (будущим императорам Александру III и Николаю II). В 1880—1905 гг. — обер-прокурор Синода. Играл значительную роль в определении правительственной политики в области просвещения, в национальном вопросе и т. д. Один из инициаторов политики контрреформ.

⁶ После революции в октябре 1917 г. Патриарх Тихон несколько раз в своих посланиях обличал кровавые преступления большевиков. Однако весной 1918 г. он ответил отказом на просьбу кн. Г. Н. Трубецкого видному деятелю Добровольческой армии генерала А. И. Деникина дать тайное благословение. Позже (уже находясь под арестом) он официально отмежевался от занявшей антибольшевистские позиции Русской Зарубежной Церкви и призвал верующих к сотрудничеству с новой властью.

⁷ *Линейный* (от лат. linearis — линейный) — здесь: прямолинейный.

⁸ В июне 1921 г. в Париже часть кадетов и их единомышленники (во главе с П. Б. Струве, В. Д. Набоковым и др.) создали общественно-политическую организацию на внепартийной основе — «Русское национальное объединение». Для руководства ее деятельностью избрали «Национальный комитет», председателем которого стал А. В. Карташев. Объединение стояло на позициях вооруженной борьбы с Советской властью, в качестве главной задачи выдвинуло скорейшее свержение большевистского режима в России.

⁹ Положение обязывает (фр.).

М. Кольцов

Омоложенное Евангелие

Статья опубликована в «Правде», № 137 от 19 июня 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 301—303. Печатается по последнему изданию.

Кольцов (Фридлянд) Михаил Ефимович (1898—1942) — известный советский фельетонист, член большевистской партии с 1918 г., участник Февральской и Октябрьской революций. Корреспондент газеты «Правда» в Испании во время Гражданской войны 1936—1939 гг. Одновременно с журналистскими обязанностями выполнял задания НКВД, был связан с руководителями этого ведомства Г. Г. Ягодой и Н. И. Ежовым. Впоследствии был отозван из Испании. Точные обстоятельства его смерти неизвестны.

И. Демидов

Творимая легенда

Статья опубликована в парижской газете «Последние новости», № 1585 от 25 июня 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 303—306. Печатается по последнему изданию.

П. Струве

Дневник политика <№> 7

Статья без названия. Опубликовано в рубрике «Дневник политика № 7» в газете «Возрождение», № 24 от 25 июня 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 306—307. Печатается по последнему изданию.

¹ «Черная книга» («Штурм небес») — сборник документальных материалов о борьбе Советской власти против религии, любых исповеданий и Церквей. Составил ее А. А. Валентинов, вводящую статью написал П. Б. Струве. Книга вышла в издательстве «Русского национального студенческого объединения» в Париже в 1925 г. Перед этим (в 1924 г.) она была издана на английском и немецком языках.

² *Иловайский Дмитрий Иванович* (1832—1920) — русский историк, публицист. Написал «Историю России» в пяти томах и учебники по русской и всеобщей истории.

³ *Пересвет Александр* (?—1380) — герой Куликовской битвы, монах Троице-Сергиева монастыря. Его поединок с татарским богатырем Темирмурзой, в котором оба погибли, стал началом сражения.

Ослябя Родион (? — после 1398) — герой Куликовской битвы, монах Троице-Сергиева монастыря. В 1398 г. ездил с московским посольством в Византию.

И. Демидов

Путь ученичества

Статья опубликована в газете «Последние новости», № 1591 от 2 июля 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 307—310. Печатается по последнему изданию.

¹ Последний, решительный довод (*лат.*).

И. А. Ильин

Отрицателям меча

Впервые: Возрождение. 1925. № 57. 29 июля. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 228—234. Печатается по последнему изданию.

¹ *Август (Augustus)* (до 27 г. до н. э. Октавиан; 63 г. до н. э. — 14 г. н. э.) — римский император с 27 г. до н. э. Внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании. Победой в 31 г. до н. э. при Акции над римским полководцем Марком Антонием и египетской царицей Клеопатрой завершил гражданские войны (43—31 гг. до н. э.), начавшиеся после смерти Цезаря; сосредоточил в своих руках власть, сохранив, однако, традиционные республиканские учреждения; этот режим получил название принципата.

Кромвель (Cromwell) Оливер (1599—1658) — деятель Английской революции XVII в., руководитель индепендентов. В 1640 г. был избран в Долгий парламент. Один из главных организаторов парламентской армии, одержавшей победы над королевской армией в 1-й (1642—1646 гг.) и 2-й (1648 г.) гражданских войнах. Опираясь на армию, изгнал из парламента пресвитериан (1648 г.), содействовал казни короля и провозглашению республики (1649 г.), власть в которой была сосредоточена в руках сторонников Кромвеля. С 1650 г. — лорд-генерал (главнокомандующий всеми вооруженными силами). Подавил движения левеллеров и диггеров, освободительные движения в Ирландии и Шотландии. В 1653 г. установил режим единоличной военной диктатуры — протекторат.

² *Филарет* (в миру — Василий Михайлович Дроздов; 1782—1867) — церковный деятель. С 1826 г. — Московский митрополит. Участник составления Манифеста 1861 г. об отмене крепостного права.

³ *Амвросий Медиоланский (Ambrosius Mediolanensis)*; ок. 340—397) — епископ Милана с 374 г., проповедник, богослов, отец Церкви.

⁴ *Никон* (Никита Минов; 1605—1681) — русский Патриарх с 1652 г. Провел церковные реформы, вызвавшие раскол. Вмешательство Никона во внутреннюю и внешнюю политику государства под тезисом «священство выше царства» вызвало его разрыв с царем. В 1658 г. оставил патриаршество. Собор 1666—1667 гг. снял с него сан Патриарха. Был сослан на Север.

3. Гиппиус

«Православный» Струве

Статья опубликована в газете «Последние новости», № 1594 от 5 июля 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 310—312. Печатается по последнему изданию.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — русская писательница, критик, жена Д. С. Мережковского.

¹ *Приват захе* (нем. *privat Sache*) — личное дело.

² В. Розанов поддержал обвинение в деле Бейлиса (см. примеч. 61 к письмам Ильина к Л. Я. Гуревич), выступив в печати с рядом статей по этому поводу, что вызвало возмущение его коллег по Религиозно-философскому обществу. Чтобы избежать исключения, Розанов 15 февраля 1914 г. сам подал заявление о выходе из общества.

³ Имеется в виду обращение Савла, который стал из гонителя христиан первопрестольным апостолом Павлом.

⁴ *Ольденбург Сергей Сергеевич* (1888—1940) — русский историк, журналист. Сын академика Сергея Федоровича Ольденбурга (1863—1934) — известного востоковеда. В отличие от отца, проявившего лояльность к Советской власти, сын вступил в ряды Белой армии и боролся против большевиков. Впоследствии эмигрировал в Турцию, а затем перебрался в Париж. Работал в редакции газеты П. Б. Струве «Возрождение», разделяя политические взгляды монархической, правой группы ее сотрудников. Во время поездки отца во Францию, встретив его в Париже, Сергей Сергеевич отказался от общения с ним.

В. Даватц

Соппротивление злу

Статья напечатана в двух номерах белградской газеты «Новое время»: № 1263 от 17 июля 1925 г. и № 1264 от 18 июля 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 312—319. Печатается по последнему изданию.

Даватц Владимир Христианович — см. примеч. 5 к статье Н. Рыбинского «Духовный меч».

¹ Имеется в виду статья А. Дисского «Утопическая идея и ее осуществление», напечатанная в ежемесячном военно-эмигрантском журнале «Корниловец» (1922. № 2), который издавался в полевом лагере русских военных в районе болгарской станции Тулово.

Н. Вакар

По поводу «меча»

Статья напечатана в газете «Последние новости», № 1623 от 9 августа 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 319—324. Печатается по последнему изданию.

¹ Имеется в виду статья И. А. Ильина «Отрицателям меча», состоящая из двух частей и опубликованная в газете «Возрождение», № 57 от 29 июля 1925 г. Действительно, первая часть ее набрана более мелким шрифтом, чем вторая.

² *Александр VI* (1431—1503) — Римский Папа с 1492 г. В 1493 г. издал буллы о разделе сфер влияния в Западном полушарии между Испанией и Португалией. Поддерживал завоевательные планы своего сына Чезаре Борджиа. Политических противников устранял с помощью яда и кинжала. В 1497 г. отлучил от Церкви Савонаролу, способствовал его казни.

³ *Павел IV (Paulus)* (в миру — Джампьетро Карафа, Giampietro Carafa; 1476—1559) — Папа Римский с 1555 г. Монах театинского ордена (с 1524 г.), архиепископ Неаполя и кардинал (с 1536 г.). До избрания возглавлял верховный инквизиционный трибунал в Риме. В 1559 г. с целью борьбы с Реформацией и ересями издал «Индекс запрещенных книг».

⁴ *Мамона, мамон* — у древних сирийцев, а затем и в христианстве божество, олицетворявшее богатство, земные блага. В апокрифах демонический персонаж Мамона — один из представителей «силы бесовской», противостоящей Богу и ангелам. Этот образ, по-видимому, возник вследствие народного переосмысления евангельского образа мамоны.

⁵ Приверженцы баптизма (от *греч.* baptizo — окунаю, крещу водой), разновидности протестантизма, упростили культовую и церковную организацию. Не признавая таинств, рассматривают крещение и причащение как церковные обряды, не имеющие мистического смысла. Крещение совершают над взрослыми.

⁶ Курсив в приведенных цитатах принадлежит автору статьи.

Л. Добронравов

Единый путь

Оправдание меча и убийства

Статья напечатана в парижской газете «Родная земля», № 26 от 10 августа 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 324—332. Печатается по последнему изданию.

Добронравов (псевд. — Фониц) Леонид Михайлович (1887—1926) — русский прозаик, драматург, публицист. Сын священника, в 1907 г. окончил Петербургскую духовную семинарию, затем учился на юрфаке Тартуского и Петербургского университетов. Его первый роман «Новая бурса», вышедший в 1913 г., имел большой успех. Впоследствии издал сборник рассказов «Горький цвет», написал ряд пьес. Неизданным остался его грандиозный роман о жизни монахов — «Черноризец». Был знаком с Ф. И. Шаляпиным, А. М. Ремизовым, В. В. Розановым, Ф. К. Сологубом, Л. Н. Андреевым. Февральскую революцию принял с энтузиазмом, занялся публицистикой, выступил против большевиков. Во время Гражданской войны уехал в Кишинев, до 1924 г. жил в Румынии, затем переехал в Париж, где заведовал литературным отделом в газете «Родная земля». Умер от скоротечной чахотки.

¹ *Узус* (лат. *usus*) — обычай, нрав, правило.

² *Bona fides* (лат.) — здесь: чистосердечие, добросовестность; *aequitas* (лат.) — равенство перед законом.

³ Ошибка Добронравова: *Иаков I* (1566—1625) — сын королевы Шотландии Марии Стюарт, король Англии с 1603 г. и Шотландии с 1567 г. (под именем Иакова VI) — умер своей смертью. Англичане (Кромвель и сторонники парламента, противостоявшего королю в ходе Английской революции) казнили не Иакова I, а его второго сына, следующего английского короля *Карла I* (1600—1649), короля с 1625 г.

⁴ *Николай* (IV в.) — архиепископ Мирликийский (г. Мир в Ликии, Малая Азия), христианский святой-чудотворец, широко почитаемый в Восточной и Западной Церкви. В 1087 г. мощи его были перевезены итальянскими купцами в г. Бари (на юге Италии).

⁵ *Афанасий (Великий) Александрийский* (ок. 295—373) — церковный деятель и богослов, представитель патристики, епископ г. Александрия; в борьбе с арианством разработал мистическое учение о «единосущии» Бога Отца и Бога Сына, ставшее догматом на 1-м (325 г.) и 2-м (381 г.) Вселенских Соборах; защищал независимость Церкви от императорской власти.

⁶ *Жуковский Василий Андреевич* (1783—1852) — русский поэт, почетный член (с 1827 г.), академик (с 1841 г.) Петербургской АН. Начав как сентименталист, стал одним из создателей русского романтизма.

⁷ Эту историю рассказывает Иван Карамазов, герой романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. Л., 1976. Т. 14. С. 218—219).

Е. Кускова

Религия мести

Впервые статья была напечатана в газете «Последние новости», № 1624 от 11 августа 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 332—337. Печатается по последнему изданию.

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869—1958) — русский публицист, идеолог «экономизма», умеренного течения в российской социал-демократии в конце XIX — начале XX в. Деятель «Союза освобождения» (1904—1905 гг.) — нелегального политического объединения либеральных земцев и российской интеллигенции. Активно сотрудничала в газете левых кадетов «Товарищ». После Октябрьского переворота 1917 г. не скрывала своей антибольшевистской позиции. В 1921 г. работала в «Помголе» — Центральной комиссии помощи голодающим при ВЦИК. За свой антибольшевизм в 1922 г. была выслана за границу, где принимала активное участие в общественно-политической жизни эмиграции.

¹ *Арцыбашев Михаил Петрович* (1878—1927) — русский писатель. Выразил ницшеанские настроения в романе «Санин» (1907), получившем репутацию произведения, проповедующего примитивный гедонизм и аморальность. В 1923 г. эмигрировал. После эмиграции принял польское гражданство, поселился в Варшаве. Сотрудничал в белоэмигрантской газете «За свободу!», выступая с крайне антисоветских позиций и одновременно признавая банкротство эмиграции.

² См.: *Арцыбашев М.* Записки писателя. LXI. Наш третий клад // За свободу! (Варшава). 1925. № 194. 25 июня.

³ *Желябов Андрей Иванович* (1851—1881) — революционный народник. Из семьи крепостных крестьян. С 1873 г. — член кружка «чайковцев» в Одессе. Участник Липецкого и Воронежского съездов, один из создателей и руководителей «Народной воли», ее военных, рабочих и студенческих организаций, член Исполкома, редактор «Рабочей газеты». Организатор покушения на Александра II. На процессе «первомартовцев» произнес программную речь. Был повешен 3 апреля 1881 г. в Санкт-Петербурге.

Перовская Софья Львовна (1853—1881) — революционная народница. Член кружка «чайковцев», участница «хождения в народ», член «Земли и воли», организатор и участница покушений на Александра II. Была повешена в Петербурге 3 апреля 1881 г.

⁴ *Каплан Фанни Х.* (криптоним Ф. Е.) — террористка, совершившая 30 августа 1918 г. покушение на В. И. Ленина.

Канегиссер Леонид Самуилович (ок. 1896—1918) — эсер-террорист, убивший 30 августа 1918 г. М. С. Урицкого, председателя Петроградской ЧК. Был расстрелян. В ответ на убийство Урицкого чекисты уничтожили в Петрограде 900 заложников.

⁵ Эта анонимная брошюра объемом в 70 страниц, без указания места издания, вышла в 1924 г. Предположительно она могла быть издана в Белграде или в Нови Саде.

3. Гиппиус

Черта непереступимая
(Из современных разговоров)

Статья напечатана в газете «Последние новости», № 1626 от 13 августа 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 337—343. Печатается по последнему изданию.

¹ Имеется в виду главная идея крайне правых — восстановление монархии в России.

² Ужасный ребенок, несносное дитя (*фр.*).

³ Имеется в виду статья И. А. Ильина «Отрицателям меча».

⁴ Имеется в виду книга «Опыт христианского православного Катехизиса» митрополита Антония (Храповицкого).

⁵ Подразумевается известный тезис: «Православие, самодержавие, народность», выдвинутый в качестве основы внутригосударственной идеологии министром просвещения в правительстве Николая I, академиком Сергеем Семеновичем Уваровым (1786—1855).

⁶ Речь идет о следующих лицах: монархисте Николае Евгеньевиче Маркове, Борисе Алексеевиче Суворине (в 1917 г. — один из издателей черносотенной и промонархической газеты «Новое время»), митрополите Антонии (Храповицком), великом князе Кирилле Владимировиче (претендент на российский престол).

Л. Добронравов

«Возрождение»

Реплика напечатана в газете «Родная земля», № 27 от 17 августа 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 343—344. Печатается по последнему изданию.

В. Чернов

Мир, меч и мир

Статья напечатана в пражском журнале «Воля России», № 7—8 за 1925 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 344—366. Печатается по последнему изданию.

Чернов Виктор Михайлович — см. примеч. 61 к воспоминаниям Ильина «Встречи и беседы».

¹ *Симплицизм* (от лат. simplex — простой) — здесь: простота; примитивизм, поверхностность.

² Кто хочет избежать Харибды, попадает к Сцилле (лат.). Сцилла (Скилла) и Харибда — в греческой мифологии два чудовища, обитавших на противоположных утесах в узком Мессинском проливе между Апеннинским полуостровом и о. Сицилия. Сцилла, имевшая шесть собачьих голов на шести шеях, в каждой пасти — зубы в три ряда, и двенадцать ног, подстерегала мореходов в пещере на крутой скале. Харибда трижды в день поглощала и изрыгала воды пролива, образуя страшные водовороты, в которых исчезали корабли. Даже морской бог Посейдон был не в силах спасти от гибели людей, оказавшихся между двумя чудовищами. Однако Одиссею все же удалось благополучно миновать это место.

³ *Плеве Вячеслав Константинович* (1846—1904) — российский государственный деятель. С 1902 г. — министр внутренних дел и шеф отдельного корпуса жандармов. Проводил политику разложения революционного движения изнутри, подавления стачек и крестьянских восстаний. Один из активных сторонников Русско-японской войны 1904—1905 гг. Был убит эсером Е. С. Сазоновым.

⁴ В период революции 1789—1794 гг. во Франции немецкий город Кобленц был центром французской феодально-монархической эмиграции.

⁵ *Каносса* — замок маркграфини Матильды в Северной Италии, где в январе 1077 г. проигравший борьбу за инвеституру, отлученный от Церкви и низложенный император «Священной Римской империи» Генрих IV униженно вымаливал прощение у своего противника — папы римского Григория VII. В переносном значении «идти в Каноссу» — согласиться на унижительную капитуляцию.

⁶ *Элоквенция* (лат. eloquentia) — красноречие.

⁷ *Рясофорность* — право на ношение рясы с клобуком, но без пострижения.

⁸ Имеются в виду герои романа И. А. Тургенева «Отцы и дети».

⁹ Превыше всего (нем.).

¹⁰ *Каляев Иван Платонович* (1877—1905) — русский революционер-террорист, эсер, член боевой организации партии. В 1904 г. участвовал в покушении на министра внутренних дел В. К. Плеве, в 1905 г. убил московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича. Был казнен по приговору суда.

¹¹ *Михайловский Николай Константинович* (1842—1904) — народник, социолог и публицист. В 70-х годах был близок к террористической

организации «Народная воля», затем перешел на позиции либерального народничества, в 90-х годах выступил против марксизма.

¹² Дело делу учит (*фр.*; *букв.*: посредствомковки учится кузнец).

¹³ Сазонов (Сезонов) Егор Сергеевич (1879—1910) — русский революционер, эсер, с 1903 г. — член боевой организации партии. 15 июля 1904 г. убил В. К. Плеве. Был приговорен к вечной каторге. Покончил с собой в Горном Зерентуе, протестуя против телесных наказаний политкаторжан.

¹⁴ На великого князя Сергея Александровича (генерал-губернатора Москвы) было принято возлагать ответственность за трагедию на Ходынском поле, где 18 мая 1886 г. власти в честь коронации Николая II организовали угощение и раздачу подарков для простого люда. Тогда в возникшей давке погибло 1386 человек и около 1300 получили увечья.

¹⁵ Лацис Мартын Иванович (псевд.; наст. имя и фам. Ян Фридрихович Судрабс; 1888—1938) — советский чекист. В 1918—1921 гг. — член коллегии ВЧК, одновременно в 1919 г. — председатель Украинской ЧК.

Петерс Яков Христофорович (1886—1938) — советский чекист. В 1917 г. — член коллегии ВЧК, в 1918 г. — зам. председателя ВЧК, председатель Ревтрибунала. С 1920 по 1922 г. — представитель ВЧК в Туркестане. С 1922 г. — член коллегии ГПУ—ОГПУ. Руководитель расстрелов на Дону, в Петербурге, Киеве, Кронштадте, организовывал расправы с крестьянами на Тамбовщине.

¹⁶ Драгоценный и божественный (*нем.*).

¹⁷ Душегубство и грабеж (*нем.*).

¹⁸ Уходи, чтобы я мог занять твое место (*фр.*).

А. К.

И. А. Ильин. О сопротивлении злу силой

Рецензия напечатана в парижской газете «Звено», № 141 от 12 октября 1925 г. в рубрике «Отзывы о книгах». Повторно: Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 367—368. Печатается по последнему изданию.

Инициалы А. К. принадлежат бывшему министру исповеданий Временного правительства, профессору Православного богословского института в Париже Карташеву Антону Владимировичу.

¹ Отказывающиеся нести военную службу по религиозным (или философским) мотивам (*лат.*).

Митрополит Антоний

О книге И. Ильина («О сопротивлении злу силой»)

Рецензия напечатана в двух номерах белградской газеты «Новое время»: № 1356 от 4 ноября и № 1357 от 5 ноября 1925 г. Повторно: Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 368—373. Печатается по последнему изданию.

¹ Имеется в виду работа «Христианская вера и война» (1915).

² VI Вселенский Собор проходил в Константинополе в 680—681 гг., через 10 лет (в 690—691 гг.) состоялось его продолжение (поскольку большая часть заседаний проходила в большой «купольной» зале труллы внутри царского дворца, этот Собор называют «Трулльским»).

VII Вселенский Собор состоялся в Никее в 787 г. (последнее заседание Собора прошло в Константинополе в присутствии византийского императора) и был посвящен оценке иконоборчества. Итогом Собора стало восстановление иконопочитания и признание иконоборчества ересью.

3. Гиппиус

Предостережение

Материал опубликован в парижской газете «Последние новости», № 1800 от 25 февраля 1926 г. Повторно: Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 373—376. Печатается по последнему изданию.

¹ Статья И. А. Ильина «Дух преступления» была напечатана в газете «Возрождение», № 248 от 5 февраля 1926 г.

И. А. Ильин

Письмо в редакцию <газеты «Возрождение»>

Впервые: Возрождение. 1926. № 277. 6 марта. Повторно: Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 234—236. Печатается по последнему изданию.

¹ Имеется в виду П. Б. Струве.

<?>

«Праведник»

Напечатано без подписи в газете «Дни», № 949 от 9 марта 1926 г. Повторно: Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 377—378. Печатается по последнему изданию.

¹ Имеется в виду статья И. А. Ильина «Молчание и болтовня», опубликованная в «Возрождении», № 262 от 19 февраля 1926 г.

Н. Бердяев

Кошмар злого добра

(О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою»)

Статья опубликована в парижском журнале «Путь», № 4 за июнь—июль 1926 г. Повторно: Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 378—392. Печатается по последнему изданию.

¹ Слова «человека из подполья» — главного героя повести Ф. М. Достоевского в «Записках из подполья» (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 5. С. 113).

² *Инфернальный* (лат. infernails) — происходящий из ада; здесь: дьявольский, сатанинский.

³ Бердяев, вероятно, имеет в виду конкретный эпизод, описанный в воспоминаниях С. Л. Франка и в «Самопознании» самого Бердяева: «В эти же дни <конец 1922 г.> П. Б. <Струве> устроил на квартире Н. А. Бердяева совещание между приехавшими из России лицами и его единомышленниками по Белому движению. <...> Фактически разговор пошел все же по руслу оценки Белого движения. И. А. Ильин — один из немногих, прибывших из России безусловным приверженцем Белого движения, — произнес, по своему обыкновению, красивую патетическую речь; он восхвалял моральную красоту Белого движения, как борьбу за право «умирать за родину» (имея в виду — борьбу против поражения большевизма в немецко-русской войне). П. Б. сразу загорелся от этих слов; он признал себя «потрясенным ими», и этим признанием и указанием на моральную правоту защищаемого им дела исчерпывалось то, что он имел нам сказать. А. С. Изгоев и я снова развили наши соображения о более глубоких причинах обнаружившейся неудачи Белого движения. Разговор принял драматический характер с бурного вмешательства в него Н. А. Бердяева, который со страстным возбуждением и в очень резкой форме начал упрекать сторонников Белого движения в «безбожии» и «материализме» — именно в том, что они возлагают все свои надежды на внешнее, насильственное ниспровержение большевизма, не учитывая его духовных источников и не понимая, что он может быть преодолен только медленным внутренним процессом религиозного покаяния и духовного возрождения русского народа» (см.: *Франк С. Л.* Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 131—132). То же самое в книге «Самопознание»: «Со Струве я разошелся радикально. <...> Встреча у меня на квартире с белой эмиграцией кончилась разгромом. Я был в ярости и так кричал, что хозяйка квартиры заметила, что вызовет полицию. Я относился совершенно отрицательно к свержению большевизма путем интервенции. В Белое движение я не верил и не имел к нему симпатий. Это движение представлялось мне безвозвратно ушедшим в прошлое, лишенным всякого значения и даже вредным. Я уповал лишь на внутреннее преодоление большевизма. Русский народ сам освободит себя. Я был убежден, что мы вступаем в совершенно новую историческую эпоху. Тип «белого» эмигранта вызывал во мне скорее отталкивание. В нем была каменная нераскаянность, отсутствие сознания своей вины и, наоборот, гордое сознание своего пребывания в правде. Я почувствовал, что эмиграция правого уклона терпеть не может свободы и ненавидит большевиков не за то, что они истребили свободу. Свобода мысли в эмигрантской среде признавалась не более, чем в большевистской России» (*Бердяев Н.* Собр. соч.: В 3 т. Париж, 1989. Т. 1. С. 287—288).

⁴ *Монофизитство* (V в.) — ересь, родоначальником которой был архимандрит Евтихия, учивший, что во Христе преобладает одна сущность — божественная, а человеческая ею полностью поглощена. На Соборе в Эфе-

се в 449 г. (на который, однако, не было приглашено большинство епископов) монофизиты провозгласили свое учение «официальным». IV Вселенский Собор в Халкидоне в 451 г. назвал этот Собор «разбойничьим» и отменил все его решения. Однако, на следующем — V Вселенском Соборе в Константинополе в 553 г. — были сделаны уступки монофизитам в некоторых вопросах. В VI и VII веках они явились причиной многих смут.

Монофелитство (VI—VII вв.) — учение, возникшее как реакция на монофизитство. Монофелиты утверждали, что — хотя Христос и обладал двумя сущностями — божественной и человеческой, он обладал лишь одной волей — божественной, которая полностью поглотила человеческую. Это учение поддерживал Сергий — Патриарх Константинопольский (610—638 гг.) и император Ираклий, который в 638 г. его официально одобрил. На VI Вселенском Соборе в Константинополе (680—681 гг.) монофелитство было осуждено.

⁵ Ин. 14: 6; Мк. 2: 27.

⁶ **Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович** (1873—1941) — революционер, советский государственный деятель, историк марксизма, публицист. С 1917 г. — редактор «Известий» и других периодических изданий.

И. А. Ильин

Кошмар Н. А. Бердяева
Необходимая оборона

Впервые: Возрождение. 1926. № 514. 29 октября. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 236—243. Печатается по последнему изданию.

¹ Парафраз высказывания Козьмы Пруткова: «Рассуждай токмо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют» (Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1976. С. 115, 55).

² **Гоббс (Hobbes) Томас** (1588—1679) — английский философ. Геометрия и механика для Гоббса — идеальные образцы научного мышления. Природа — совокупность протяженных тел, различающихся величиной, фигурой, положением и движением (перемещением). Государство, которое Гоббс уподобляет мифическому библейскому чудовищу Левиафану, — результат договора между людьми, положившего конец естественному состоянию «войны всех против всех».

Руссо (Rousseau) Жан Жак (1712—1778) — французский писатель и философ. Представитель сентиментализма. С позиций деизма осуждал официальную Церковь и религиозную нетерпимость. В сочинениях «Рассуждение о начале и основаниях неравенства...» (1755), «Об общественном договоре» (1762) и других. Руссо выступал против социального неравенства, деспотизма королевской власти. Он идеализировал естественное состояние всеобщего равенства и свободы людей, разрушенное введением частной собственности. Государство, по Руссо, может возникнуть только в результате договора свободных людей («общественный договор»).

Ю. Айхенвальд

«Злое добро»

Заметка опубликована в рижской газете «Сегодня», № 196 от 3 сентября 1926 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 395—397. Печатается по последнему изданию.

¹ *Ибсен (Ibsen) Генрик* (1828—1906) — норвежский драматург. Один из создателей национального норвежского театра.

П. Струве

Дневник политика <№> 82

О брошюре И. А. Ильина и о нем самом

Опубликовано в газете «Возрождение», № 478 от 23 сентября 1926 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 401—402. Печатается по последнему изданию.

¹ Брошюра была издана в 1926 г.

З. Гиппиус

Меч и крест

Статья опубликована в парижском журнале «Современные записки», кн. XXVII за 1926 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч. в 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 403—423. Печатается по последнему изданию.

¹ Имеется в виду убийство Каином Авеля.

² «Протяженность» во «время» (*фр.*).

³ *Бергсон (Bergson) Анри* (1859—1941) — французский философ, представитель интуитивизма и философии жизни. Подлинная и первоначальная реальность, по Бергсону, — жизнь как метафизически-космический процесс, «жизненный порыв», творческая эволюция; структура ее — длительность, постигаемая только посредством интуиции, противоположной интеллекту; различные аспекты длительности — материя, сознание, память, дух («Творческая эволюция», русский перевод 1914).

⁴ *Вейнинггер Отто* (1880—1903) — немецкий психолог, автор получившей широкую известность книги «Пол и характер. Принципиальное исследование», которая выдержала десятки изданий в Германии и, по крайней мере, три — в России. Книга пользовалась популярностью в среде русской интеллигенции. Сам Вейнинггер, не сумев справиться с внутренним душевным конфликтом, вызванным творческой неудовлетворенностью, покончил жизнь самоубийством.

⁵ Имеются в виду три письма Вл. Соловьева под общим названием «Немезида. По поводу испано-американской войны».

⁶ *Моавитяне* — потомки Моава, грубые идолопоклонники, поклонявшиеся Хамосу и Ваал-Фегору. Они пригласили Балаама, чтобы проклясть Израиля, часто вели против него и военные действия, за что над ними был произнесен суровый приговор (Вт. 23: 3).

⁷ *Филистимляне* (от др.-евр. пелиштим) — народ, населявший с XII в. до н. э. юго-восточное побережье Средиземного моря, из числа «народов моря». Войны филистимлян с иудеями отражены в ряде древневосточных сказаний. В VIII в. до н. э. были покорены Ассирией. От филистимлян происходит название Палестина.

⁸ Книга вышла в Париже в 1925 г. *Иванов Петр Константинович* (1876—1956) — русский журналист и публицист. Родился в Черкассах. В 1901 г. окончил Московский университет, занимался журналистикой. В эмиграции писал на богословские темы. Принимал участие в работе Религиозно-философской академии в Париже. Кроме упомянутой книги «Смирение во Христе», написал и опубликовал еще одну работу — «Тайна Святых» (Париж, 1949).

В. Зеньковский

По поводу книги И. А Ильина
«О сопротивлении злу силой»

Статья впервые опубликована в парижском журнале «Современные записки», кн. XXIX за 1926 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 423—446. Печатается по последнему изданию.

¹ *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. С. 38.

² Там же. С. 52—53.

³ Имеется в виду статья З. Н. Гиппиус «Меч и крест».

⁴ *Гностицизм* (от греч. *gnostikos* — знающий) — религиозное дуалистическое учение поздней античности (I—V вв.), воспринявшее некоторые моменты христианского вероучения (так называемый иудеохристианский гностицизм), популярной греческой философии и восточных религий. Гностицизм строго эзотеричен; притязал на «истинное» знание о Боге и конечных тайнах мироздания. С гностицизмом связано возникновение манихейства (III в.). Оказал влияние на средневековые ереси и неортодоксальную мистику Нового времени.

⁵ В оригинале пропуск в тексте. Вставка сделана Ю. Т. Лисицей — составителем и редактором собрания сочинений Ильина.

⁶ Ин. 6: 56.

⁷ См.: *Достоевский Ф. М.* Собр. соч.: В 30 т. Л. 1976. Т. 14. С. 201.

⁸ Мтф. 10: 16; Лк. 10: 3.

⁹ *Сервиллизм* (от лат. *servilis* — рабский) — раболепство, рабская угодливость.

¹⁰ Ссылки даны на первое издание книги «О сопротивлении злу силою» (Берлин, 1925).

¹¹ *Мальбранш Никола́* (1638—1715) — французский философ, один из главных представителей окказионализма (от *лат.* *occasio* — случай), утверждающего принципиальную невозможность взаимодействия души и тела без прямого вмешательства Бога в каждом отдельном случае. В противоположность пантеизму Спинозы Мальбранш утверждал, что мир существует в Боге.

¹² *Авва Дорофей* (? — ок. 620) — монах обители Серида на Ближнем Востоке. Оставил после себя подвижнические наставления.

¹³ Первое движущее, перводвигатель (*лат.*).

Ф. Степун

Об общественно-политических путях «Пути»
<фрагмент>

Впервые опубликовано в парижском журнале «Современные записки», кн. XXIX за 1926 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 446—449. Печатается по последнему изданию.

Степун Федор Августович — см. примеч. 4 к фрагменту воспоминаний Г. А. Леман-Абрикосова.

¹ *Одоевский Владимир Федорович* (1803 или 1804—1869) — князь, русский писатель, музыкальный критик, один из зачинателей русского классического музыковедения. Председатель «Общества любомудрия». Автор сборника новелл и философских бесед «Русские ночи» (1844).

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — российский религиозный философ, литературный критик и публицист, один из основоположников славянофильства. В отходе от религиозных начал и утрате духовной цельности видел источник кризиса «европейского просвещения» и господства отвлеченного мышления в немецкой идеалистической философии. Задачей самобытной русской философии считал переработку европейской образованности в духе учений восточной патристики.

² *Сковорода Григорий Саввич* (1722—1794) — украинский философ, поэт, музыкант, педагог. С 70-х годов вел жизнь странствующего нищего-философа; сочинения Сковороды распространялись в рукописях. Продолжал традиции демократической украинской культуры. В его философских диалогах и трактатах библейская проблематика переплетается с идеями платонизма и стоицизма. В издательстве «Путь» была опубликована монография В. Ф. Эрн «Сковорода» (М., 1912).

Козлов Алексей Александрович (1831—1901) — российский философ. Один из первых представителей персонализма в России, развивал концепцию панпсихизма. Издатель первых в России философских журналов «Философский трехмесячник» (1885—1887 гг.) и «Свое слово» (1888—1898). В издательстве «Путь» была опубликована книга С. А. Аскольдова «Алексей Александрович Козлов» (М., 1912).

³ «Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева» было основано в конце 1905 г. в Москве. Первоначально в него входили С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, Е. Н. Трубецкой, В. П. Свенцицкий, П. А. Флоренский,

позднее собрания общества стали посещать В. И. Иванов и Н. А. Бердяев. Общество просуществовало до 1917 г.

⁴ Глинка А. С. (Волжский) (1878—1940) — литературный критик, писатель.

⁵ Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) — русский писатель и публицист, почетный академик Петербургской АН (1900—1902 гг.), почетный академик Российской АН (с 1918 г.). В 1879 г. был арестован по подозрению в связях с революционными деятелями; в 1881—1884 гг. — в ссылке в Якутии. Критиковал революционный террор после 1917 г. в письмах к А. В. Луначарскому (1922). Редактор журнала «Русское богатство» (1895—1918 гг.).

⁶ Шмидт Анна Николаевна (1851—1905) — журналистка из Нижнего Новгорода, полагавшая, что она является земным воплощением Божественной Софии, являвшейся Вл. Соловьеву, а сам Вл. Соловьев — одним из земных воплощений Иисуса Христа. Шмидт претендовала на то, чтобы выразить в своем богословско-мистическом трактате «Третий Завет» новое религиозное откровение.

⁷ Книгу «Философия неравенства» Н. А. Бердяев написал в 1918 г., однако вышла она в 1923 г. в Берлине.

⁸ Имеется в виду статья Н. А. Бердяева «Спасение и творчество: (Два понимания христианства)», опубликованная в журнале «Путь» (1926. № 2. С. 26—46).

И. А. Ильин

О сопротивлении злу (Открытое письмо В. Х. Даватцу)

Впервые опубликовано в 1926 г. в белградской газете «Новое время» (№ 1663 от 12 ноября, № 1664 от 13 ноября и № 1665 от 14 ноября). Повторно: Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 243—261. Печатается по последнему изданию.

¹ Тертуллиан (Tertullianus) Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — после 200) — христианский теолог и писатель. Подчеркивая пропасть между библейским откровением и греческой философией, Тертуллиан утверждал веру именно в силу ее несоизмеримости с разумом.

Афинагор (П в.) — христианский апологет, автор «Прошения» в защиту христианства, обращенного к императору Марку Аврелию, и книги «О воскресении мертвых».

² Задняя мысль (неискренность) (лат.).

³ Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — князь, крупный помещик. Депутат 1-й Государственной думы. Председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей «Земгора». В марте—июле 1917 г. — глава Временного правительства. После Октябрьской революции — в эмиграции; в 1918—1920 гг. — глава Русского политического совещания в Париже.

⁴ Кун (Kun) Бела (1886—1938) — один из организаторов (1918 г.) и руководителей КП Венгрии, нарком иностранных дел и нарком военных

дел Венгерской советской республики 1919 г. В 1916 г. попал в Россию как военнопленный, тогда же вступил в РСДРП(б). После падения Венгерской советской республики — снова в России. Был репрессирован; реабилитирован посмертно.

⁵ *Менжинский Вячеслав Рудольфович* (1874—1934) — политический деятель. Юрист. С 1918 г. — нарком финансов РСФСР. В 1919 г. — нарком РКИ УССР. С 1919 г. — член Президиума ВЧК, с 1926 г. — председатель ОГПУ.

⁶ *Вениамин* (в миру — Иван Афанасьевич Федчиков; 1880—1961) — иерарх Русской Православной Церкви. С 1919 г. — епископ Севастопольский. Участник Белого движения. После эвакуации войск Врангеля из Крыма жил в Турции, затем — в Сербии и наконец — во Франции. Преподавал в парижском Православном богословском институте. В 1930 г. вернулся под юрисдикцию Московской Патриархии. С 1933 г. — архиепископ Православной Церкви в Америке. Во время Великой Отечественной войны оказывал помощь Красной армии. В 1947 г. вернулся в Россию.

⁷ Имеется в виду Константин I Великий (285—337) — римский император, впервые придавший христианству статус государственной религии.

⁸ *Кирилл Ростовский* — один из трех митрополитов (кроме него — митрополит Ефрем Казанский и митрополит Иона Сарский), возглавивших Московский Собор 1613 г. Избран на царство Михаила Федоровича Романова (давшего начало династии Романовых), Собор тем самым восстановил порядок в Московском царстве.

⁹ *Алексей Михайлович* (1629—1676) — русский царь с 1645 г. Сын царя Михаила Федоровича. В правление Алексея Михайловича усилилась центральная власть и оформилось крепостное право (Соборное уложение 1649 г.); была воссоединена с Русским государством Украина (1654 г.), возвращены Смоленск, Северская земля и др.; подавлены восстания в Москве, Новгороде, Пскове (1648, 1650, 1662 гг.) и Крестьянская война 1670—1671 гг.; произошел раскол Русской Церкви.

¹⁰ *Буассье (Boissier) Гастон* (1823—1908) — французский историк античности, иностранный член-корреспондент Петербургской АН (с 1894 г.).

¹¹ *Катон (Cato) Старший* (234—149 до н. э.) — римский писатель. Консул в 195 г. Непримируемый враг Карфагена, поборник староримских нравов.

¹² Отсюда — гнев и пристрастие (лат.).

А. Билимович

Критикам И. А. Ильина

Опубликовано в газете «Возрождение», № 534 от 18 ноября 1926 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 449—451. Печатается по последнему изданию.

Билимович Александр Дмитриевич — см. примеч. 1 к статье И. Горинова «В защиту памяти профессора И. А. Ильина».

Э. Кейхель

Мыслитель воли

К лекциям проф. Ильина в Риге

Материал опубликован в газете «Сегодня», № 61 от 2 марта 1931 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 455—456. Печатается по последнему изданию.

Кейхель Эрнст Карлович — русский эмигрант, публицист. Окончил инженерный факультет в Петербурге. До 1939 г. жил в Риге, затем выехал в Германию. Печатался в эмигрантских газетах, перевел на немецкий произведения Владимира Соловьева.

¹ Слова В. Розанова воспроизведены с небольшими искажениями; см.: *Розанов В. В.* Наша русская анархия // *Розанов В. В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Лит. очерки. О писательстве и писателях. М., 1996. С. 560.

² См.: *Ильин И. А.* О русской интеллигенции // *Русский колокол*. 1927. № 2. С. 9—10.

³ Там же. С. 10—11.

⁴ «Мир перед пропастью» (нем.).

Ф. С<тогов>

О сопротивлении злу силой

Четвертая лекция проф. И. А. Ильина

Напечатано в газете «Сегодня», № 70 от 11 марта 1931 г. Повторно: *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1995. Т. 5. С. 457—459. Печатается по последнему изданию.

Ф. Стогов — псевдоним известного журналиста, сотрудника газеты «Сегодня» Пильского Петра Моисеевича (1881—1941), написавшего 14 отзывов на лекции И. А. Ильина в Риге в 1931, 1934, 1935 и 1937 гг.

¹ Имеются в виду взгляды *Конта (Comte) Огюста* (1798—1857) — французского философа, одного из основоположников позитивизма и социологии. Позитивизм рассматривал как среднюю линию между эмпиризмом и мистицизмом; наука, по Конту, познает не сущности, а только явления. Он выдвинул теорию трех стадий интеллектуальной эволюции человечества (теологической, метафизической и позитивной, или научной), определяющих развитие общества. Разработал классификацию наук (по степени уменьшения их абстрактности). Основные сочинения: «Курс позитивной философии» (т. 1—6, 1830—1842), «Система позитивной политики» (т. 1—4, 1851—1854).